

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LII.

1896 Г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й
1896

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. ПИСЬМА ПРОТОИЕРЕЯ АРСЕНІЯ ЛЕБЕДИНЦЕВА, б. БЛАГОЧИННОГО ЦЕРКВЕЙ ЮЖНОГО БЕРЕГА КРЫМА, КЪ ПРЕОСВЯЩЕННОМУ ИННОКЕНТИЮ, АРХІЕПІСКОПУ ХЕРСОНСКОМУ И ТАБРИЧЕСКОМУ, СЪ ДОНЕСЕНІЯМИ О ХОДѢ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ И СОСТОЯНІИ ЦЕРКВЕЙ И ДУХОВЕНСТВА ВО ВРЕМЯ 11-ТИ МѢСЯЧНОЙ ОСАДЫ СЕВАСТОПОЛЯ. (<i>Продолжение слѣдуетъ</i>).	1—9
II. ИЗЪ ЛЬВОВА ВЪ КОЛОМЫЮ. (Изъ путевыхъ записокъ фр. Рѣфора).	10—31
III. ИЗЪ БЫТА СТУДЕНТОВЪ СТАРОЙ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. Д. Вишневскаго. (<i>Окончаніе слѣдуетъ</i>).	32—57
IV. АВТОБІОГРАФІЯ СВЯЩЕННИКА АНОЛЛОНІЯ СЕНДУЛЬСКАГО. Льва Мацѣевича.	58—77
V. СТРАНСТВУЮЩІЙ АРХІЕРЕЙ (1777—1778 гг.). Протоіерей П. Орловскаго.	78—100
VI. ВОСПОМИНАНІЯ О ФІРМЪ БРАТЬЕВЪ ЯХНЕНКО І СИМІРЕНКО. (Носвітається іам'яти Оеофана Гавриловича Лебединцева). Н. Клебановскаго. (<i>Продолжение слѣдуетъ</i>).	101—114
VII. ЛУБЕНЩИНА И КНІЯЗЬ ВІННІЕВЕЦЬКІЕ. (Матвію Терентьевичу Симонову). Ал. Лазаревскаго. (<i>Продолжение слѣдуетъ</i>).	115—127

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ. а) Новѣрья, обычн. обряды, сукнѣрья и примѣты, пріуроченные къ «Різдвиемъ Святамъ». Ів. Бѣньковскаго. б) Рождественская вирши. Сообщ. В. Науменко. в) Къ исторіи Литовскаго Статута, какъ дѣйствующаго законодательства въ Малороссії. Сообщ. графъ Г. А. Милорадовичъ. г) Черты изъ быта духовенства XVIII в. І. Каманина. д) Стихотвореніе І. Н. Гулака-Артемовскаго. е) Мелкія извѣстія.	1—29
II. БІБЛІОГРАФІЯ. а) Бѣлорусское Полѣсье. Сборникъ этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ М. Довнаромъ-Запольскимъ. Вып. I. Иѣсни пинчуковъ. Съ приложеніемъ карты сѣверной части уѣзда и статьи о говорѣ. А. Крымскаго. б) Евр. Лицкій: Рецензія на «Бѣлорусское Полѣсье» М. Довнаръ-Запольского («Етнографич. Обозрѣніе» кн. XXVI, стр. 153—160). А. Крымскаго. в) Христофоръ (Сулика), первый епископъ Слободско-Украинскій и Харьковскій. Прот. Н. А. Лашенко. А. Л. г) Галицкая митрополія. Церковно-историческое изслѣдованіе Н. Д. Тихомирова. д) Метохісъ Русской (Московской) лѣтописи. Приготовлено къ изданію дѣйств. членъ Орловск. учеп. архив. коміссіи А. Н. Лебедевъ по рукописи, ему принадлежащей. Е. К. КАТАЛОГЪ КНИЖНОГО СКЛАДА «КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ» (<i>въ концѣ книги</i>).	30—50
ОБЪЯВЛЕНІЯ. 1) о журналахъ 1896 2) о конкурсѣ, назначаемомъ редакціей «Кіевской Старинѣ» 3) Объ изданіи «Кіевской Старинѣ» въ 1896 году.	1—5
III. ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Дневникъ генерального подскарбія Якова Марковича. Часть третья. (209—224). 2) Любецкій Архивъ. (129—144).	1—54

Объявленіе о конкурсе, назначаемомъ редакціей „Кіевской Старинѣ“.

Ввиду отсутствія у нась систематически разработаннаго курса исторіи Южной Руси, который удовлетворяльбы потребностямъ и интересамъ науки и жизни, редакція журнала „Кіевской Старинѣ“ рѣшаетъ объявить конкурсъ для представленія ей въ теченіе двухъ лѣтъ (по 1-е января 1898 года) обработаннаго курса **Исторіи Малороссіи**, объемомъ приблизительно около 25 листовъ печати. Программа предполагаемаго курса будетъ напечатана въ слѣдующемъ номерѣ.

По истеченіи двухлѣтняго срока, за лучшее изъ представленныхъ и одобренныхъ сочиненій на указанную тему редакція журнала выдастъ въ видѣ преміи одну тысячу рублей сер., съ тѣмъ, что право на первое изданіе будетъ принадлежать ей и что это первое изданіе будетъ разослано подписчикамъ журнала, какъ бесплатное приложение.

Дозволено цензурою Кіевъ 2 января 1896 года.

Письма протоіерея Арсенія Лебединцева, б. благочинного церкви южнаго-берега Крыма, къ преосвященному Иннокентію, архієпископу Херсонскому и Тавріческому, съ донесеніями о ходѣ военныхъ дѣйствій и состояніи церкви и духовенства во время 11-ти мѣсячной осады Севастополя.

Преосвященный Иннокентій, знаменитый іерархъ русской церкви, ознакомился съ Крымомъ еще въ бытность ректоромъ кіевской духовной академіи, посѣтивъ эту превѣтную окраину русской имперіи осенью 1835 года для поправленія своего здравья, ослабленного учеными трудами, и даже восходилъ на Чатырдагъ вмѣстѣ съ б. ректоромъ кіевского университета М. А. Максимовичемъ. Въ восторгѣ отъ величія природы, открывшагося съ высоты этой горы, онъ невольно воскликнулъ: Боже, какъ чудны дѣла твои! Вступивъ потомъ въ 1848 г. въ управление соединенными тогда херсонскою и тавріческою епархіями, преосвященный Иннокентій почти ежегодно посѣщалъ Крымъ, путешествуя по горамъ и верхомъ, и проявлялъ особенную ревность о возстановлениі древнихъ христіанскихъ святынь, разрушенныхъ въ теченіе 6-ти вѣковаго здѣсь владычества мусульманъ, которые до него оставались въ совершенномъ забвѣніи по присоединеніи Крыма къ Россіи въ 1787 году. Съ тою же цѣллю поднятія здѣсь православія, этотъ высоко-просвѣщенный Архипастырь старался возвысить мѣстное духовенство назначеніемъ въ среду его воспитанниковъ духовныхъ академій на священническія мѣста въ Симферополѣ, Севастополѣ и Ялтѣ, разсчитывая имѣть въ нихъ полезныхъ со-трудниковъ для приведенія въ исполненіе своихъ предположеній относительно поднятія христіанского знамени въ этой омусуль-

манившейся странѣ. Ближайшими органами своими въ этомъ дѣлѣ онъ избралъ б. настоятеля церкви при нашемъ русскомъ посольствѣ въ Аепахъ, архимандрита Поликарпа¹⁾), впослѣдствіи епископа орловскаго, назначивъ его настоятелемъ Бакч-сарайскаго скита, и автора помѣщаемыхъ здѣсь писемъ, магистра кiev. дух. академіи, бывшаго преподавателемъ одесской д. семинарии и священникомъ каѳедральнаго собора, назначивъ его настоятелемъ Севастопольской Петропавловской церкви и благочиннымъ церквей южнаго берега Крыма. При непосредственномъ участіи этихъ лицъ и было положено преосвященнымъ Иннокентіемъ, еще до войны 1853—1856 года, начало возстановленію древнихъ иноческихъ обителей въ Бакчесарайскомъ ущеліи горъ, въ Инкерманѣ, Херсонесѣ и на Чатырдагѣ учрежденіемъ здѣсь, на первый разъ, киновій и скитовъ. Заручившись обѣщаніемъ содѣйствія со стороны жителей Симферополя, Севастополя, Алушты и другихъ, а также сочувствіемъ главноначальствовавшаго на Кавказѣ и въ Новороссійскомъ краѣ, князя М. С. Воронцова, преосвященный Иннокентій уже думалъ создать въ Крыму Русскій Аeonъ; но возникшая въ это время война съ соединенными силами Англіи, Франціи, Сардиніи и Турціи пріостановила широкіе планы этого мудраго Архицестыря. Съ открытиемъ военныхъ дѣйствій онъ является вдохновителемъ мужества въ сердца русской арміи, благословляя христолюбивое воинство и ободряя его на борьбу съ защитниками мусульманства²⁾). А будучи столь горячимъ патріотомъ, естественно, и вдали отъ

¹⁾ Изъ воспитанниковъ 2-го курса кіевск. дух. академіи; съ 1853 по 1858 г. былъ викариемъ епископомъ въ Одессѣ, а съ 1858 по 1861 г. епископомъ епархиальными въ г. Орѣ, где и скончался въ 1861 г.

²⁾ Еще при закладкѣ въ Севастополѣ храма во имя Св. Владимира, 15 июля 1854 г., въ виду первыхъ появившихся на морѣ судовъ англо-французского флота, преосвященный Иннокентій въ прекрасной рѣчи своей говорилъ: Не унывай, богоспасаемый градъ Севастополь, отъ множества и злобы враговъ, тебя обышедшіхъ, помнитуя, что ты преемникъ и наследникъ це Ахтіара мусульманскаго, а православнаго Херсонеса гавраческаго. Что дано и положено смыше, того не можетъ замѣнить никто и ничто.⁴⁾ Узнавъ потому въ Симферополѣ о послѣдовавшей 4—5 сентября высадкѣ венгрітельскаго флота, преосвященный Иннокентій поспѣшилъ къ Басти-саю, чтобы молитвою свою и словомъ своимъ ободрить наше воинство, унывшее духомъ послѣ неудачнаго сраженія на Альѣ, во главѣ Меньшикова, отступившій

Севастополя онъ желалъ имѣть вѣрныя, хотя частныя, свѣдѣнія о ходѣ Севастопольской осады и успѣхахъ нашего оружія, сообщеніе же ему такихъ свѣдѣній возложилъ на того жеprotoиера, который былъ доселѣ усерднымъ исполнителемъ его распоряженій относительно благоустройства церквей Крыма, а теперь оставался въ Севастополѣ единственнымъ представителемъ епархиального управления и духовникомъ Кресто-Воздвиженской Общины сестеръ милосердія, учрежденной въ то время Ея Императ.-Высочествомъ, вел. княгинею Еленой Павловной на собственный счетъ. Послѣдствіемъ этого порученія и были помѣщаемы здѣсь письма, которыхъ покойнымъ редакторомъ и основателемъ „Кievskoy Stariны“ Ф. Г. Лебединцевымъ списаны съ подлинниковъ, хранящихся нынѣ въ Императорской публичной библіотекѣ, вмѣстѣ съ прочими бумагами преосвященнаго Иннокентія, приобрѣтеными отъ С.-Петерб. книгопродавца М. О. Вольфа, а Вольфомъ отъ г. Палаузова, которому достались онъ отъ наследниковъ преосвященнаго послѣ его смерти, послѣдовавшей въ Одессѣ въ 1857 году.

Письмамъ изъ времени Севастопольской осады предпосылаемъ 5 писемъ того же о. protoиера къ преосвященному Иннокентію, касающихся вовстановленія древнихъ Крымскихъ святынь.

Петропавловская церковь, которой настоятелемъ состояль авторъ писемъ, находится въ центрѣ города, надъ южной бухтой, на возвышенности, съ которой видна вся главная часть города до графской пристани и открывается видъ на рейдъ и Малаховъ курганъ, а также на сѣверную сторону Севастополя съ Константинопольскою батареей и Братскою могилою.

При ней онъ и оставался, все время осады, какъ офицеръ на своей батареѣ, не смотря на постоянную и ежедневную опасность отъ пролетавшихъ бомбъ и ракетъ, молясь въ ней о побѣдѣ на супостаты, доколѣ бомбы въ августѣ 1855 г. не

тогда отъ Севастополя, отклонилъ это посѣщеніе Архипастыра, который, возвратясь въ Симферополь, сказалъ въ общее назиданіе слово о дѣвахъ, прославивъ прибытіе жениха.

разрушили кровлю и своды храма, а также бывшій при немъ церковный домъ. Тогда только прекратилось богослуженіе въ этомъ храмѣ.

И. Л.

П і сь м о 1-е.

1853 г.

Ваше Высокопреосвященство, милостивѣйшій Архипастырь и отецъ!

Для удобнѣйшаго и безошибочнаго плана на часовню надъ колодцемъ въ Инкерманѣ, смиреннѣйше прошу, снабдите насъ подробнѣйшимъ, вашимъ наказомъ: какой она должна быть вмѣстительности, предполагается ли въ ней быть престолу, въ какомъ стилѣ и примѣрно на какую сумму?

Сосѣдъ-трактирщикъ, находя и свою пользу въ томъ, взялся расчистить и исправить Инкерманскій ключъ. Шагахъ въ 20-ти выше колодца оказался прекрасно выштукаатуренный бассейнъ, полный воды, которая изъ него уже течетъ въ колодецъ, что подъ деревомъ. Я полагалъ бы быть часовнѣ надъ тѣмъ бассейномъ, а колодецъ останется для общаго употребленія. Не ходить же всякому съ ведромъ въ часовню.

О военныхъ церквяхъ, о которыхъ, какъ благоволили вы дать знать мнѣ, идетъ не малое у васъ разсужденіе ¹⁾), мнѣніе мое таково: во всемъ, кроме письменной отчетности по военному вѣдомству, необходимо подчинить ихъ надзору епархиальнаго начальства, которое бы могло наблюдать за военными священниками во всемъ и вездѣ; во всякомъ городѣ, гдѣ ихъ довольно, долженъ бы быть отъ епархиального начальства инспекторъ надъ ними подобно тому, какъ въ военномъ вѣдомствѣ комманданту подчиненъ всякий военный человѣкъ во время даже временнаго пребыванія его въ томъ городѣ. Можетъ быть,

¹⁾ Разсужденіе это было по поводу доходившихъ до преосвященнаго Иоакима слуховъ о неблаговидномъ поведеніи нѣкоторыхъ священниковъ военнаго вѣдомства, не состоявшихъ тогда подъ надзоромъ иѣстнаго епарх. начальства.

я сказалъ много: но такъ думаю, зналъ военныхъ священниковъ по опыту. Простите, милостивый архипастырь, мнѣ, если разсуждаю нездраво.

26 января 1853 г.

Письмо 2-е.

По благословенію Вашему церкви Инкерманская и Херсонская 24 и 28 февр. освящены о. архим. Поликарпомъ¹⁾), о чёмъ, равно и о цѣнности церквей, онъ доносить вашему высоко-преосвященству подробными рапортами.—И долгомъ считаю, по вашему порученію, теперь отвѣтать о Красильниковыхъ²⁾ ибо недавно получилъ я отвѣтъ ихъ изъ Одессы. Они согласны оправить и другую церковь въ Инкерманъ. А доселѣ ихъ издержки по Инкерману были не менѣе 2900 р. сер. Подробного счету изъ Одессы не могли они прислать. Къ Пасхѣ будутъ сами въ Севастополь, а обѣ исправленіи церкви уже сдѣлано распоряженіе. Кроме того, и о. Василію³⁾ они содѣйствовали не мало. Званіе попечителей принимаютъ съ удовольствіемъ, и, судя по ихъ благонамѣренности и степенности, лучшихъ попечителей въ подобномъ дѣлѣ въ нашемъ Крыму и не найдется. Поэтому весьма стоитъ поблагодарить ихъ за труды по Инкерману, сколько за труды, столько и въ примѣръ другимъ, которые такъ неохотно вызываются на св. дѣло. Старшій Красильниковъ—1-й гильдіи купецъ и потомственный гражданинъ; потому 2000-е пожертвованіе въ мнѣшіи св. Синода, можетъ быть, будетъ не важно. А менѣшій братъ Алексѣй Максимовичъ—2-й гильдіи новороссійскій купецъ; потому ему награда св. Синода, напр. золотая медаль, была бы достойнѣе и лестнѣе. А братья эти единодушны такъ, что оба будутъ считать себѣ награжденными.

¹⁾ Архимандрит Поликарп (Радевичъ), настоятель возстановленной Бахчисарайской обители.

²⁾ Купцы Красильниковы имѣли прекрасный домъ въ Севастополѣ, здесь они и жили до крымской войны, производя большия торговыхъ операций.

³⁾ Основатель 1-го скита въ Херсонесѣ до войны.

Письменное согласіе на званіе попечителій я испрошу у вихъ по прибыті ихъ изъ Одессы: теперь не прислали; можетъ быть, затруднились намъ написать; да и не были они оба въ Одессѣ, одинъ былъ въ Николаевѣ.

Планъ на часовню Инкерманскую надѣюсь выслать съ слѣдующей почтой.

2-е марта 1853 г.

Письмо 3-е.

...Не узнаетъ ли Н чего отъ тамошнихъ грековъ. Что онъ сообщитъ, не умѣлю передать въ комитетъ и довести до свѣдѣнія вашего высокопреосвященства. Въ архивахъ греческихъ такихъ церквей ничего нѣтъ, даже въ Балаклавѣ. Въ адмиралтейскомъ соборѣ тоже нѣтъ.

Вчера г. Аркасъ¹⁾ объявилъ, что въ Херсонесѣ открыты слѣды новой церкви, которой длина $13\frac{1}{2}$ саженей, а ширина $6\frac{1}{2}$ саж. Лейтенантъ Шемякинъ, нашедши нѣсколько кусочковъ мозаики, началъ рыть и нашелъ часть стѣны хорошей работы, мраморъ, оставы костей въ порядкѣ, какъ лежали умершіе. Обо всемъ этомъ съ прошедшей почтой Аркасъ подробно написалъ Г. Мурзакевичу²⁾, который, вѣроятно, сообщить вашему высокопреосвященству. А что узнаю самъ, буду писать.

Архивъ свой послалъ съ іеродіакономъ Іеремією. Ваше высокопреосвященство требовали отъ меня репорта, чтобы вы требовать архивъ. Репортъ я подалъ, и не получая требованія, не посыпалъ.

Градской глава севастопольскій, купецъ Красильниковъ, который, надѣюсь, пособить въ возобновленіи церкви Инкерманской, доселъ не возвратился изъ Николаева, а теперь въ Одессѣ. Потому обѣ Инкерманъ я не имѣю чего объявить больше того, что писалъ.

¹⁾ Генераль-маіоръ морской счужбы Захарій Аркасъ, составившій „Історію Ираклійского полуострова, съ картами и планами, помѣщенную въ Запискахъ Одесского общества исторіи и древностей. Т. II и вышедшей отдельно въ 1879 г.“

²⁾ Мурзакевичъ — предсѣдатель одесского общества исторіи и древностей бывшій профессоръ Одес. Ришельевскаго лицѣя.

Преосвященный митрополитъ Агаѳангелъ здоровъ по старческому; бываетъ иногда въ церкви, собирается въ Іерусалимъ. Рѣдко можно воспользоваться минутой, чтобы не застать у него аудитора Попова, который, говорятъ, своимъ письмоводствомъ разстраиваетъ и владыку и братію монастырскую. Но владыка совершенно ему преданъ¹⁾).

О ризницахъ писалъ я о. Поликарпу. Если пришлютъ, то съ отходящимъ пароходомъ она будетъ отправлена.

3 марта 1853 г.

П и съ м о 4-е.

Смиренинѣйше представляю при семъ планъ часовни надъ колодцемъ въ Инкерманѣ. Мы старались, чтобы часовня была хороша и недорога. Найдете ли оную приличною мѣсту? Изъ всѣхъ изданныхъ чертежей для часовенъ и небольшихъ церквей этотъ показался намъ приличнѣйшимъ. Это—выборъ нашъ общій—Аркаса, Рулемъ примѣрно полагаетъ эту часовню въ 1000 руб. сер. Но какъ камень подъ рукой, то его изъ каменоломней нѣсколькихъ хозяевъ, по частямъ, можно собрать и даромъ. Извѣсть также подъ рукой, и такимъ же образомъ можетъ быть пріобрѣтена. Вода и на дворѣ, и въ рѣчкѣ. Развѣ только пріобрѣсти для этой работы осла съ телѣжкой. Чтобы разъ два привезти песку изъ Бельбека, не откажутъ въ казенномъ ботѣ. Потребуются только деньги на мастеровыхъ, на лѣсъ и на нѣкоторый заборъ изъ лавокъ, наприм.—гвоздей и проч. Потому легко можетъ обойтись Инкерманская часовня въ 500 руб., или даже въ 300 руб. сер. Долгомъ счелъ прописать всѣ сіи подробности Вашему Высокопреосвященству, можетъ быть, необходимыя для соображенія.

Въ новоосвященныхъ церквяхъ херсонесской и инкерманской не безъ богомольцевъ всегда, а въ воскресные дни бываетъ ихъ

¹⁾ Рѣчь идетъ о греческомъ митрополитѣ Агаѳангелѣ, пріютившемся въ Россіи послѣ греческаго возстанія и оставшемся настоятелемъ Балаклавскаго монастыря, но проживавшемъ больше въ Севастополѣ.

и довольно, особенно въ Херсонесѣ. Радуется о. Василій ¹⁾), не скорбитъ и о. Арсеній инкерманскій, болѣе расположенный къ уединенію и безмолвію.

Все у насъ благополучно. Въ семъ годѣ зими у насъ не было вовсе, снѣгу и не видѣли. Деревья начали развиваться въ генварѣ, и теперь настоящая весна. Къ тому же частые дожди. Но флотъ нашъ, уже вооружившійся, кажется, чувствуетъ какуюто особую зиму. Корниловъ на пароходѣ „Бессарабія“ возвратилась изъ Константинополя и, простоявъ, по спускѣ карантинаго флага, на рейдѣ не болѣе 5 часовъ, вчера ушла въ Константинополь къ князю Меньшикову.

Преосвящ. митрополитъ ²⁾ здравствуетъ. Первую недѣлю поста пробылъ въ монастырѣ.

17-е Марта 1853 г. г. Севастополь.

Письмо 5-е.

11. Часовня въ Херсонесѣ уже поставлена на холмѣ, который насыпанъ при расчисткѣ развалинъ храма и находится въ той же оградѣ, которую обнесены остатки храма. Остается выкрасить часовню: крыша будетъ зеленая, а стѣны—блѣлые. Крестъ на ней поставленъ. Что-то промедлилъ мастеръ съ рамой для образа; она теперь золотится и сдѣлана съ рѣзьбой. Пётръ Марковичъ въ своей экономіи нашелъ и стекло, которое стоитъ 10 р. сер. Къ 1-му іюля будетъ все устроено. Домикъ будетъ построенъ развѣ къ 15-му іюля. Карантинный инспекторъ привилъ работы на стѣнѣ, которую еще нужно вести на нѣсколько саженей отъ берега и упереть къ обрыву такъ, чтобы Киновія не имѣла на своей землѣ пристани. Можно и отъ моря въ стѣнѣ поставить ворота или калитку, но берегъ долженъ быть открытъ для кардона въ случаѣ болѣзни. При часовнѣ пока построенъ домикъ, будетъ ночевать сторожъ. Благословите Ваше Вы—ство 15-го іюля, въ день памяти Св. Владимира, отслужить тамъ мо-

¹⁾ Прибывшій съ Аеона іеромонахъ Василій Юданъ, бывшій офицеръ донскаго войска. При содѣйствіи окрестныхъ жителей онъ устроилъ въ Херсонесѣ небольшой храмъ во имя св. Ольги, въ память умершей своей дочери, и три келіи.

²⁾ Агаангель—80 лѣтній старецъ.

лебенъ¹⁾). Полагаю, что посѣтителей теперь будетъ тамъ довольно. А Петръ Марковичъ—говорить—уже объявилъ о томъ своимъ офицерамъ. Бумага Ваша обѣ официальной передачѣ Херсонеса и Инкермана въ епархіальное вѣдомство передана въ Портовую Контору, въ которой предсѣдательствуетъ Петръ Марковичъ. Контора должна отвести требуемую землю и приготовить на то планы. Предписаніе на то князя Меньшикова давно имѣется здѣсь. Въ садикѣ, который находится при Инкерманской скалѣ и будетъ отведенъ для Киновіи, есть домикъ, въ которомъ живетъ теперь семейный матросъ. По отводѣ земли, домикъ будетъ пріютомъ готовымъ для инока, назначеніемъ котораго немножко повремените. Не нужна ли будетъ для киновіи земля на горѣ выше укрѣпленія? И сколько всей потребно? Касательно сего покорнѣйше прошу подробнѣйшаго наставленія, если меня назначите пріемщикомъ²⁾). Красильниковъ представить Вамъ приготовленные чертежи Инкерманской церкви, какъ она есть, и какъ могутъ быть возстановлены ея остатки. При обозрѣніи сей церкви синодальнымъ архитекторомъ, онъ былъ самъ и обѣ этомъ съ нимъ разговаривалъ. Если благословите, Красильниковъ въ августѣ приступить къ работѣ. Отъ поѣздки въ Одессу задержали его на нѣсколько дней.

28 июня 1857 года. г. Севастополь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Первую молитву на развалинахъ Херсонеса св. князю Владиміру отслужилъ самъ преосвященный Иннокентій въ 1852 г. среди фундаментовъ церкви, которая, по его предположенію, могла быть мѣстомъ крещенія Св. Владимира и въ которой оказалась могила покойника, выложенная толстыми плитами сѣраго камня (вѣроятно могила храмоздателя). Послѣ Севастопольской войны и возобновленія киновіи кто то объявилъ эту могилу купѣлю Св. Владимира, и этому было многіе повѣрили, при отсутствіи всякой вѣроятности, хотя известно изъ лѣтописи, что Св. Владимиръ, уѣзжая изъ Херсонеса, взялъ съ собою въ Киевъ двѣ мѣдныхъ купѣли, изъ которыхъ одна, вѣроятно, послужала его крещенію.

²⁾ Херсонесъ изъ военно-морского вѣдомства принималъ и его стѣны, при пособіи морскихъ чиновъ, оправилъ авторъ сихъ писемъ.

ИЗЪ ЛЬВОВА ВЪ КОЛОМЬЮ.

(изъ путевыхъ записокъ фр. Рѣгоря).

Въ извѣстномъ чешскомъ иллюстрированномъ двухнедѣльнику „Světozor“, за 1894 г., отличающемся прекрасными рисунками, находимъ въ путевыхъ запискахъ г. Фр. Рѣгоря довольно любопытныя данные о Галицкой Руси. Названный авторъ—чехъ, хороший знающій описываемую имъ страну; онъ душою съ нею сжился, полюбилъ ее и, изучивъ довольно основательно, много-кратно выступалъ предъ читающимъ міромъ со статьями о современномъ состояніи и историческихъ судьбахъ излюбленного имъ галицкорусского народа. Читателямъ „Кievской Старинѣ“, думаемъ, будетъ любопытно прочесть нѣкоторыя страницы изъ путевыхъ записокъ г. Рѣгоря, тѣмъ болѣе что многое, о чёмъ онъ говоритъ, такъ будетъ знакомо имъ, такъ напоминаетъ современность и нашей Южной Руси, до такой степени сходно съ нашей дѣйствительностью, что иногда кажется списаннымъ прямо съ нея... Таково, напримѣръ, все то, что говорится у нашего путешественника о евреяхъ и ихъ ужасающей эксплоатаціи бѣдного и темного сельскаго люда въ Галицкой Руси, и многое изъ того, что касается обычаевъ, повѣрій, одежды, формъ труда, степени достатка этого люда и т. д. Прелестные и характерные рисунки, которыми путешественникъ обильно украсилъ свои статьи, особенно наглядно убѣждаютъ читателя въ вышесказанномъ. Дѣлаемъ извлеченіе, а не поный переводъ

ихъ, собственно, въ интересѣ нашихъ читателей, для которыхъ были бы утомительны мелкія подробности чисто личнаго свойства, а ими преизобильно уснащено изложеніе чешскаго подлинника, и тѣ чисто субъективныя данныя, съ опущеніемъ которыхъ читатели наши, конечно, ничего не потеряютъ. Зато нѣсколько дѣнныхъ страницъ сохранено нами почти въ объемѣ подлинника; таковы, напримѣръ, хотя бы любопытныя и важныя свѣдѣнія, сообщаемыя любознательнымъ путешественникомъ о типахъ сельскаго хозяйства Галиціи и вообще о той степени, на которой находится эта важнѣйшая страсть народнаго труда въ странѣ.

Сначала путешественникъ описываетъ свой путь изъ Львова до Рогатина, куда онъ отправился главнымъ образомъ ради изученія покроевъ мѣстной исконной русской одежды, на сколько она сохранилась доселѣ. Вотъ въ окнахъ желѣзнодорожнаго поѣзда¹⁾ промелькнули одни за другими знакомыя ему мѣста: Сиховъ, Кротошинъ, Жиравка, Волковская дубина, Давидовъ, Старое село. Давидовскіе пастухи поразили путешественника грубостью своего поведенія и неразвитостью: пробѣгавшій поѣздъ для нихъ все еще несомнѣнно продолжалъ казаться дѣломъ нездѣшней силы; не съ хорошей стороны представляло давидовцевъ и множество троочекъ, ведущихъ отъ каждой хаты къ корчмѣ въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ къ церкви... Изъ особенностей быта Старосельчанъ путешественникъ отмѣчаетъ ручныя зерновыя мельницы „жорны“, продаваемыя двумя тремя мастерами; эти жорны, бывшия прежде въ большомъ ходу, теперь лишь изрѣдка, въ крайности употребляются хозяйствами: работа на нихъ и тяжела, и нечиста, и груба...

¹⁾ Въ поѣздѣ путешественникъ обратилъ вниманіе на четырехъязычные надставленія въ предписанія желѣзнодорожныхъ властей (на нѣмецкомъ яз., польскомъ, румынскомъ и малорусскомъ); но въ другомъ мѣстѣ авторъ зло подсиживается надъ польской администрацией русской Галичини, далеко не вездѣ удостоивающей мѣстное русское населеніе русскихъ надписей и предостережений, а чаще приглашающей его пользоваться нѣмецкими и польскими надписями даже въ такихъ случаяхъ, где дѣло можетъ дойти даже до опасности для жизни. А между тѣмъ желѣзныя дороги русской Галиціи выстроены вѣдь руками мѣстнаго населенія, которое заслуживало бы лучшаго къ нему отношенія!

За Старымъ Селомъ послѣдовали Хлѣбовица — Бобрка, большое село, считающее до 4000 жителей вмѣстѣ съ чешскими поселенцами, явившимися здѣсь съ 1870 года. Путешественникъ къ слову отмѣчаетъ взаимодѣйствіе малорусскаго и чешскаго населенія, выразившееся между прочимъ въ томъ, что чешки, неожиданно для себя и своихъ присныхъ, вскорѣ усвоили себѣ чоботы и кожухи мѣстнаго населенія, цвѣточки въ волосахъ, въ качествѣ головнаго убора, кислый борщъ и глубокія „стежки“ въ садахъ, а ихъ мужья и братья перемѣнили у своихъ лошадей шлеи на хомуты, возлюбили мѣстную горблю и стали садить вдоль плетней вербы; русскій „праконсерватизмъ“, по выраженію нашего автора, оказалъ при этомъ взаимодѣйствіи полную побѣду надъ чешской неустойчивостью, слѣдя своему старинному присловью „най буде, якъ бувало“.

Въ Ходоровѣ путешественникъ оставилъ желѣзную дорогу и отправился съ „жидовскимъ“ возницею въ мѣстечко, чтобы оттуда пойхать на лошадяхъ въ Рогатинъ. Пользуясь слу-чаемъ, онъ знакомитъ читателя съ той крайне негигіеничной обстановкою, въ которой живутъ въ галицко-русскихъ мѣстечкахъ и селахъ евреи; отвратительныя жилища ихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напримѣръ въ мѣстечкѣ Выбрановкѣ, поражали своими ужасными задворками желѣзнодорожныхъ путешественниковъ и смущали даже ѿхавшаго вмѣстѣ съ ними еврея. Обрисовывается онъ также и столь знакомые жителямъ нашего юго-западнаго края нравы еврейскихъ извозчиковъ, столь удивительные для гражданъ тѣхъ европейскихъ государствъ, которыя волею Божіею освобождены отъ такого чужеяднаго нароста, какимъ представились нашему путешественнику евреи въ Галиціи. Основаніе Ходорова теряется въ мракѣ 15-го столѣтія. Уже Шапроцкій упоминаетъ о Димитріи изъ Ходорова (герба Корчакъ), занимавшемъ въ 1436 году должность ловчаго во Львовѣ. Въ 1694 г. родъ Ходоровскихъ вымеръ въ лицѣ послѣдняго изъ нихъ Александра, и въ настоящее время Ходоровъ и его округъ принадлежитъ польскому вельможѣ Ланцкоронскому. Впрочемъ, по замѣчанію автора, помѣщицы усадьбы теперь во всей Галиціи принадлежитъ въ большинствѣ польской

шляхтѣ, католическимъ монастырямъ и въ очень значительномъ количествѣ также евреямъ; русское помѣщичье дворянство отсутствуетъ, какъ и вообще крупное русское землевладѣніе...

Еврейскія постройки въ Ходоровѣ поразили путешественника необыкновенной беспорядочностью и отсутствиемъ всячаго плана въ своемъ расположениіи, и въ этомъ сказалась одна изъ отличительныхъ чертъ галицкаго еврейства, вездѣ проявляющаго, по выражению автора, „семитскій архизпорядокъ“; только происходящіе нерѣдко пожары нѣсколько исправляютъ архитектурную безтолковость еврейской части Ходорова... Для пожаровъ, впрочемъ, не одни гдѣ ни попало тѣснящіеся еврейскіе дома представляютъ богатую жертву: и соломой крытыя мазанки червоноруссовъ ежегодно платятъ имъ обильную дань, заставляющую автора скорбѣть объ отдаленности того времени, когда, наконецъ, и галицкія деревни вступать въ „кирпичную эру“ и будутъ болѣе безопасны отъ всепожирающаго пламени краснаго пѣтуха.

На окраинѣ Ходорова возница—еврей, онъ же и владѣльцъ подводы, посадилъ вмѣсто себя работника и при этомъ, вопреки условію, наградилъ нашего путешественника неожиданною спутницею въ видѣ хромой еврейки, долженствовавшей прѣхать до самыхъ Княгиничей.

Рогатинъ издали произвелъ на автора самое пріятное впечатлѣніе красивой и веселою толпою небольшихъ домовъ, прѣльнувшихъ со всѣхъ сторонъ къ высокой башнѣ католической церкви. Чрезъ мостъ надъ р. Гнилой Липою путникъ вѣхалъ въ это мѣстечко, родину извѣстной въ галицкихъ сказаніяхъ Роксоланы, галицкой поповны, увлеченной татарами въ одномъ изъ ихъ набѣговъ и попавшей въ концѣ концовъ въ гаремъ султана Солимана (16 в.), который, будучи восхищенъ ея красою, возвысилъ ее до званія своей законной жены. Роксолана сумѣла добиться большаго вліянія на дѣла турецкаго двора и нѣкоторое время даже управляла имъ. Она умерла въ 1558 г., оставивши наслѣдникомъ сына своего Селима.

Въ Рогатинѣ нашъ путникъ побывалъ у знакомаго портного Нерока, посѣщеніе мастерской котораго и было главной

цѣлію его поѣздки въ это мѣстечко. Съ Нерокомъ онъ познакомился на ярмаркѣ въ Наварії, куда портной явился съ цѣлымъ возомъ всевозможныхъ модныхъ „опоньчовъ“ (название верхней одежды—жупановъ еманчи).

Пріобрѣвъ у Нерока наварійскій „опонь“, путешественникъ заказалъ ему также „сардакъ“ и опонь Хлѣбовицкаго покроя и далъ ему обѣщаніе посѣтить его мастерскую въ Рогатинѣ и тамъ ближе ознакомиться съ пріемами и особенностями простонароднаго портняжества въ Галиціи. Сидя за стаканомъ кофе въ семействѣ портнаго, онъ имѣлъ дѣйствительно прямую возможность близко присмотрѣться ко всему, что дѣжалось въ мастерской, и изучить дѣло настолько, насколько это возможно и необходимо для народаоиспіателя.

Нерокъ шетъ кафтаны на цѣлый Рогатинскій округъ по вкусу, привычкамъ и потребностямъ Перемышлянъ, Бережанъ, Жидачова, Княгиничей, Сtryя, Калуша и Львова. Шокрой ихъ во всѣхъ этихъ мѣстахъ мало разнствуетъ одинъ отъ другаго: отличія можно наблюдать главнѣйше въ цвѣтѣ сукна, украшеніяхъ около кармановъ и на концахъ рукавовъ, но особенно въ окраскѣ широко отворченыхъ воротниковъ и въ пришитомъ на спинѣ башлыкѣ (срв. малорусскій *кобенякъ*). Сукно—обыкновенно грубое домашнаго издѣлія, разныхъ цвѣтовъ; но для щеголей Нерокъ держитъ и болѣе тонкое темносинее сукно, вышиваемое изъ чешской Праги. Галицкая Русь чрезвычайно богата всяческими разновидностями кафтановъ, такъ что любой этнографъ воочію можетъ убѣдиться, до какой степени любопытны различія въ одеждѣ, иногда, впрочемъ, мелкія и замѣтныя лишь опытному глазу, а иной разъ и довольно рѣзкія, но всегда характеризующія чуть ли не каждое галицкорусское село, чуть ли не каждую деревню. По особенностямъ кроя и украшеній убора червоноруссы легко узнаютъ другъ друга, кто изъ какой мѣстности, и эти же особенности иногда служать и дѣйствительную службу, напримѣръ, при поимкѣ бѣглыхъ рабочихъ, бѣжавшихъ отъ пана, или же воровъ, конокрадовъ и т. п.

Такъ какъ сукно плохо сохраняется въ музеяхъ по причинѣ моли, то авторъ въ этотъ разъ и не запасся подлинными

часто превосходными образцами галицкихъ кафтановъ, но зато съ помощью Нерока купилъ дешево у евреевъ двѣ тканыхъ сельскихъ шапки и нѣсколько мѣстныхъ дѣтскихъ игрушекъ. Вечеръ онъ провелъ въ семействѣ мѣстнаго русскаго священника, гдѣ сначала бесѣдовалъ съ его женой и нѣсколькими знакомыми, бывшими въ домѣ, а затѣмъ, поестественному галицкому обычаяу, долженъ быть засѣсть за зеленый столъ и играть въ карты (преферансъ). По словамъ автора, „галицкое образованное общество немыслимо безъ картъ и шляхтичъ или священникъ, полякъ или русскій, ежели сойдутся по случаю именинъ и даже по болѣе маловажному обстоятельству, немедленно же усаживаются за карты, услаждая игру чаемъ и дымомъ папироſъ—явленіе столъ диковинное для западно-европейскаго образованнаго человѣка. Иногда гости привозятъ даже свои карты, на случай недостачи таковыхъ у хозяина, и, чуть съ воза, сейчасъ же садятся за дѣло и играютъ въ карты почти буквально до самаго отъѣзда. Попадья, жена хозяина, прямо заявила нашему путнику, что карты—сущее спасеніе въ ихъ жизни, что безъ нихъ она и весь ихъ кругъ просто не знали бы, какъ коротать время. По ея словамъ, общество священниковъ, шляхтичей и т. п. просто не можетъ найти подходящаго предмета для бесѣды. Иногда пытаются поднимать политическіе и общественные вопросы, но бесѣда тянется вяло, ведется неохотно, и лишь изрѣдка поспорятъ, а то и поругаются изъ-за такихъ вопросовъ, какъ: былъ ли Шевченко безбожникъ или ведеть или не ведеть въ адѣ фонетическое правописаніе, нужно ли считать о. Наумовича измѣнникомъ или нѣть, болтливъ или нѣть червоноруссъ и т. д. „А чѣмъ поднимать такие и имъ подобные споры и раздоры, недостойные священниковъ, пусть лучше играютъ въ карты“—заключила свою рѣчь ловкая попадья, любительница карточной игры.

За ужиномъ оказались неизбѣжные въ русской Галичинѣ *пироми* (столъ чуждые чешскому желудку, замѣчаетъ авторъ)—кушанье болѣе удобоваримое и вкусное лишь тогда, когда оно приготовлено изъ болѣе нѣжной муки, притомъ „на панской повар-

нѣ^с. Барыни были всѣ въ національныхъ уборахъ, съ обильными вышивками на сорочкахъ и передникахъ—дѣломъ собственныхъ ихъ рукъ. Вообще авторъ нашелъ, что по части домашнихъ рукодѣлій и разныхъ изящныхъ работъ галицкорусскія женщины куда какъ превосходятъ, наприм., чешскихъ. Были осмотрѣны имъ и обѣ рогатинскія церкви: новая (каменная) и старая (деревянная). Изъ хранящейся на погостѣ ветхой церковной утвари, съ разрѣшеніемъ настоятеля онъ выбралъ для себя два алтарныхъ подсвѣчника, прекрасный образчикъ рѣзбы и токарного искусства начала настоющаго столѣтія.

Русское радушіе и привѣтливость рогатинцевъ оставили въ нашемъ путнику неизгладимое впечатлѣніе, и онъ съ любовью вспоминаетъ о томъ сердечномъ „прощаніи“, съ какимъ разставались съ нимъ его мимолетные знакомцы. „Прочитавъ чрезъ годъ во временнѣкѣ „Дѣло“, говорить онъ, о восемьмиокончномъ крестѣ, найденномъ на дворѣ рогатинскаго приходскаго дома въ расколотомъ деревѣ, я опять полетѣлъ въ свой мысляхъ къ этому низенькому священническому обиталищу, гдѣ провелъ нѣсколько дорогихъ для меня часовъ“.

Отправившись изъ Рогатина въ Коломыю, путникъ не забылъ отмѣтить въ своей памятной книжкѣ того убогаго вида, какой представляла изъ себя большая проѣзжая дорога: ни одного деревца не найдетъ на ней усталый пѣшеходъ, чтобы воспользоваться его тѣнью въ палящій зной, и таковы, по словамъ автора, въ томъ краѣ всѣ „государственные дороги“. До-зрѣвшее просо, сопровождавшее его по обѣимъ сторонамъ дороги, отличалось одной любопытной особенностью: для защиты его отъ потравы множества мелкихъ птицъ, по всему полю тамъ и сямъ трепались на вѣтру привязанные къ веревкамъ, протянутымъ между пальками, гусиные перья, и птицы дѣйствительно были на почтительномъ разстояніи отъ этихъ бѣлыхъ страшилищъ. Далѣе путникъ останавливается свое вниманіе на огромномъ лугѣ, протянувшемся влѣво отъ дороги и орошаемомъ водами уже упоминавшейся Гилой Липы. Этотъ огромный лугъ, очевидно,—господскій, о чемъ можно судить по бѣ-

ромнымъ стогамъ сѣна, уподобляющимся разбросанной деревнѣ. Вслѣдствіе большихъ требованій на сѣно со стороны военнаго вѣдомства, луговодство оказывается въ Галиціи дѣломъ очень выгоднымъ, и крестьяне очень охотно снимаютъ не только луга на условіяхъ, иногда повидимому, мало даже выгодныхъ, но даже обочины дорогъ; обыкновенно они соглашаются работать на чужомъ лугу за пятую часть первой травы и за третью второй (оставы). Толкуя о сельскомъ хозяйствѣ Галиціи, авторъ сообщаетъ, что въ отношеніи полеводства и вообще сельской культуры Галиція можетъ быть раздѣлена на 16 полосъ. Въ первой полосѣ, по рѣкѣ Сану (Посанье)—хозяйство плодоперемѣнное; преобладаютъ посѣвы пшеницы, за ней ржи, за рожью картофель, затѣмъ ячмень и наконецъ овесъ. Разводятъ немного хмеля и льна. Вторая полоса—это Саноцкое Подолье (долина рѣки Сана) съ семипольнымъ хозяйствомъ, гдѣ пшеницу смыкаютъ всяческія кормовые травы; сѣютъ и рапсъ. Въ третьей полосѣ—Саноцкомъ и Самборскомъ Прикарпатьи—культура поlevал поставлена очень wysoko, и употребляются разныя удобренія, начиная навозомъ и оканчивая такими искусственными туками, какъ костяная мука и измельченный гипсъ. Здѣсь въ большомъ ходу разныя земледѣльческія орудія и машины; хозяйство въ большинствѣ случаевъ плодоперемѣнное, шестипольное: смыкаются въ равной мѣрѣ пшеница, рожь, ячмень, овесъ, картофель. Участки земли, неудобоудобляемые туками, засѣваются въ большинствѣ случаевъ осомъ, затѣмъ 2—3 года служатъ для выпаса скота, послѣ чего засѣваются снова осомъ. Сѣютъ также немного рапса и хмеля; сѣменной трилистникъ (клеверъ) имѣется въ каждомъ хозяйствѣ. Въ этой мѣстности преобладаютъ, впрочемъ, крупныя хозяйства. Въ четвертой полосѣ—горная часть Саноцкого и Самборскаго края и пригорья Карпатовъ—плодоперемѣнное хозяйство видимъ только на ровныхъ участкахъ, вблизи помѣщичьихъ дворовъ, усадебъ помѣщиковъ; способъ же хозяйствичанья въ мѣстностяхъ отдаленіи и горныхъ обусловливается составомъ населяющихъ ихъ жителей, по-видимому, очень мелкихъ землевладѣльцевъ, которые одинъ скатъ горы, напримѣръ, въ этомъ году, часъ-
1 отд.

вають чѣмъ нибудь, а на другомъ пасутъ скотъ, на слѣдующій же годъ поступаютъ наоборотъ. Къ такому веденію хозяйства должны вообще приспособляться и землевладѣльцы покрупнѣе: на поле, удобное для удобренія, пускаются овцы на пашу или же загоняются на немъ въ особые загороженные загоны; удобренный такимъ способомъ участокъ орется подъ жито, а на слѣдующій годъ подъ овесъ, такъ называемый „косачъ“, на третій годъ подъ обыкновенный овесъ, а послѣ этого остается подъ паромъ. Такимъ образомъ, овесъ оказывается главнымъ предметомъ добывающей промышленности въ этихъ мѣстахъ, такъ какъ рожь сбывается только на удобренной почвѣ. Пятая полоса (съверъ Галиції въ окрестностяхъ Белза и Сокола) отличается преобладаніемъ пшеницы и картофеля; сбютъ также много ржи и ячменя, а также клеверъ на сѣмена. Настойчивый спросъ на рѣпакъ побуждаетъ сбывать и его. Здѣсь очень часто встрѣчается трехпольное хозяйство. Далѣе на востокъ къ границамъ Волыни, въ шестой полосѣ, встрѣчаемъ плодоперемѣнное хозяйство съ семилѣтнимъ или даже десятилѣтнимъ періодомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ находимъ и столько исключений, что въ общемъ типъ здѣшняго полеводства можно назвать произвольнымъ. Впрочемъ, вообще можно установить, что, ежели въ большихъ имѣніяхъ въ общемъ господствуетъ плодоперемѣнное хозяйство, то въ мелкихъ хозяйствахъ все еще придерживаются трехпольного полеводства, а иногда и прямо таки хищническаго. Въ имѣніяхъ, владѣющихъ винокурнями, преобладаютъ посѣвы пшеницы и картофеля, а затѣмъ уже кормовыхъ травъ, ячменя и ржи. Изъ промышленныхъ растеній отмѣтимъ хмель, обработка котораго облегчается сравнительной легкостью добыванія тычинъ. Седьмую полосу составляютъ песчаныя почвы надъ Бугомъ и Стырю, гдѣ господствуетъ пятисмѣтное полеводство, причемъ охотнѣе всего сбываютъ картофель, жито, гречку, овесъ; въ лѣсныхъ мѣстностяхъ разводятъ и хмель, требующій, какъ известно, множества подпорныхъ шестовъ. Восьмую полосу занимаютъ высокія мѣстности съверной части галицкой водной сѣти; наибольшія пространства полей обыкновенно заняты пшеницею и рожью, а затѣмъ уже картофелемъ, гречею,

овсомъ; равномѣрно въ ходу клеверный и другія травы сѣмена, также кормовый клеверъ, но злаки, конечно, преобладаютъ. Хмелеводство очень скромно, такъ какъ свѣдѣнія объ уходѣ за хмелемъ мало распространены. Кое гдѣ сѣютъ и ленъ, но неохотно, такъ какъ онъ чрезмѣрно обезсиливаетъ здѣшнія нивы. Девятою полосою можно обозначить низкія нивы и мокрыя мѣстности подъ Чешановымъ и Яворовымъ, гдѣ преимущественно въ ходу трехпольное хозяйство, особенно гдѣ недостаточно луговъ. Наиболѣе здѣсь въ ходу рожь и овесъ, затѣмъ уже картофель, разводимый преимущественно ради винокуренъ, гдѣ же нѣтъ этихъ послѣднихъ, сѣется, вмѣсто него, гречиха. Вслѣдствіе истощенности здѣшнихъ почвъ, сѣменной клеверъ мало распространенъ. Десятую полосу составляютъ тучныя почвы подъ Перемышлемъ, Самборомъ и Львовомъ, гдѣ преобладаютъ восьмилѣтнія смѣшны, иногда усиливаемыя помошью навознаго удобренія. Наиболѣе въ ходу пшеница, затѣмъ уже рожь, овесъ, картофель, иногда травы и кормовая рѣпа. Наименѣе встрѣчаемъ хмеля и рѣпака; еще болѣе воздерживаются съ посѣвами льна и промышленныхъ растеній, требующихъ значительного перевозочнаго доставки. Совершенно произвольный характеръ встрѣчаемъ въ одиннадцатой полосѣ, обнимашей глинистые почвы львовскаго, жолковскаго и золочевскаго округовъ; тутъ плодосмѣнное полеводство наблюдается только въ большихъ имѣніяхъ, притомъ давно уже находящихся въ рукахъ одного владѣльца. На болѣе плодородныхъ участкахъ недурно родить пшеница, на худшихъ—рожь. На удобренныхъ поляхъ озими смѣняются картофелемъ и ячменемъ, а на истощенныхъ—яровыми: овсомъ и гречкою. Сѣменной трилистникъ, рѣпакъ и хмель здѣсь очень любимы, такъ какъ имѣютъ хорошій сбытъ; затѣмъ ленъ очень мало распространенъ. Двенадцатая полоса—побережье Днѣстра—, вслѣдствіе разливовъ этой рѣки, не особенно благопріятствуетъ луговодству и скотоводству. Здѣсь много болотъ. На здѣшнихъ убогихъ нивахъ начище видишь рожь и овесъ; лишь изрѣдка встрѣчается картофель, еще рѣже такъ называемая пшеничка (кукуруза), разведеніе которой началось лишь недавно. Пр-

мышленные растения занимаютъ въ здѣшнемъ хозяйствѣ также очень скромное мѣсто. Въ тринадцатой полосѣ, на такъ называемомъ Ополи, т. е. плодородныхъ пространствахъ Бережанскаго и сосѣднихъ округовъ, многочисленныя винокурни дѣлаютъ возможнымъ примѣненіе къ полеводству разумно постановленного плодосмѣнного хозяйства обыкновенно съ семилѣтнимъ періодомъ; впрочемъ, на мелкихъ угодьяхъ наблюдаются и другіе разнообразные способы земледѣльческаго хозяйства. Посѣвы происходятъ обыкновенно въ слѣдующемъ порядкѣ: пшеница, картофель, ячмень, рожь, овесъ. Съ каждымъ годомъ увеличиваются посѣвы кормовыхъ травъ, но хмелеводство мало распространено вслѣдствіе отсутствія въ населеніи свѣдѣній объ уходѣ за хмелемъ. Въ четырнадцатой полосѣ — сѣверное и южное Подоліе — преобладаетъ хозяйство трехпольное и четырехпольное. Съють наиболѣе пшеницу. Имѣнія, владѣющія винокурнями, ввели у себя плодосмѣнное хозяйство въ слѣдующемъ порядкѣ: пшеница, обыкновенно на удобренныхъ навозомъ нивахъ, затѣмъ картофель, потомъ яровые злаки; на четвертый годъ поле остается подъ паромъ, а иногда подъ кормовыми травами. Хозяйства съ семилѣтними и болѣе продолжительными періодами встрѣчаются рѣдко. Евреи ведутъ въ своихъ и чужихъ имѣніяхъ чисто хищническое хозяйство, и преемники получаютъ отъ нихъ эти имѣнія въ самомъ убогомъ видѣ. Сѣменной клеверъ, анисъ и рѣпакъ разводятся въ умѣренныхъ количествахъ. Въ южной части Подоліи разводятъ табакъ, но не особенно охотно; причиной этого явленія служить, во первыхъ, недостатокъ въ рабочихъ силахъ, во вторыхъ, низкая одѣнка, даваемая здѣшнему табаку въ государственныхъ складахъ, вслѣдствіе чего даже при хорошемъ урожаѣ прибыль получается у хозяина цебольшая, а при среднемъ урожаѣ табаководство и прямо таки является убыточнымъ; вотъ почему очень многія имѣнія перестали уже разводить табакъ. Въ пятнадцатой полосѣ, на Покутти, преобладаетъ свободное хозяйство. На болѣе плодородныхъ нивахъ хорошо родится пшеница и кукуруза, на менѣе плодородныхъ и неудобоудобляемыхъ — рожь и овесъ. Разведеніе клевера заняло почетное мѣсто только

въ послѣдніе годы; ленъ съется только на вымерзшихъ озимыхъ; разводить въ небольшомъ количествѣ также рапсъ и анись. Съ табакомъ здѣсь происходитъ то же, что и на Подолии. Наконецъ, шестнадцатая полоса состоитъ главнѣйше изъ лѣсовъ, обильно растущихъ въ юго-восточныхъ Карпатахъ; вотъ почему главное богатство здѣшнихъ имѣній составляетъ лѣсы, полеводство же ведется преимущественно по трехпольной системѣ. Съются овесъ и рожь въ небольшомъ количествѣ, лишь для собственнаго употребленія владѣльцевъ и ихъ служащихъ.

Далѣе путешественникъ обращаетъ вниманіе читателя на то общее впечатлѣніе, какое оставляютъ по себѣ галицкія села описываемой имъ мѣстности. По его словамъ, внѣшность этихъ сель такова, что можетъ свидѣтельствовать только о крайнемъ убожествѣ жителей. И дѣйствительность не опровергаетъ этого: убожество галицкихъ селянъ нерѣдко поразительно, и крайняя нужда начинаетъ уже изгонять ихъ изъ родныхъ сель и гнать куда нибудь въ Америку или другіе далекіе края. Иначе и быть не можетъ! Вѣдь у сельскаго населенія русской Галиціи почти совершенно не имѣется лѣсовъ, и въ то время какъ средняя величина любого имѣнія,—а имѣнія эти почти исключительно находятся въ рукахъ польской шляхты или евреевъ—примѣрно тысяча десятинъ, обычное сельское хозяйство галицкаго мужика едва насчитываетъ приблизительно четыре—пять десятинъ. И въ такомъ положеніи находится три четверти населенія Галицкой Руси, страны по преимуществу земледѣльческой. Промышленность и ремесла почти не развиты въ сельскомъ населеніи; только полотно еще течется кустарнымъ образомъ во многихъ мѣстахъ, а равно изготавливается тамъ же и незатѣливая сельская одежда; но тамъ, гдѣ уменьшается количество земли въ селахъ, гдѣ населеніе бѣднѣеть и приходитъ въ упадокъ и должно много времени употреблять на чужую работу, уже обыкновенно не остается времени—да и обстоятельства вовсе не благопріятствуютъ этому—на изготавленіе своей одежды и другіе кустарные промыслы; народный вкусъ и промыселъ, не находя себѣ примѣненія, падаетъ, наконецъ и вовсе исчезаетъ, и въ народѣ получаю рас пространеніе безвкусныя

и плохія дешевыя издѣлія иностранной, заводской и фабричной промышленности.

Нѣсколько устойчивѣе положеніе домашней промышленности у горнаго населенія Галиціи, гдѣ нивъ мало, мало бываетъ и стороннихъ заработка; но тамъ опять угнетаютъ населеніе „еврейскія пьявицы“, доводящія многихъ бѣдняковъ чуть не до голодной смерти! Довольно сказать, что безвыходная нужда иногда гонитъ это бѣдное населеніе поголовно ниществовать...

Далѣе авторъ приводить слѣдующій любопытный разсчетъ того количества денегъ, какое приходится въ среднемъ на каждую галицкорусскую сельскую семью, и того приблизительного расходованія ихъ, какое имѣеть мѣсто въ дѣйствительности. Сравненіе этого разсчета съ данными, представляемыми нашей русекою дѣйствительностію, могло бы привести ко многимъ поучительнымъ выводамъ.

Все сельское производство Галиціи, (разумѣя все, что снимается съ полей, луговъ и садовъ), представляетъ ежегодную цѣнность въ 350000000 „золотыхъ“, т. е. гульденовъ. Прибавивъ еще 50 миллионовъ, получимъ примѣрный доходъ съ каждой десятинѣ въ 40 „золотыхъ“, каковой доходъ можетъ получаться, впрочемъ, только съ господскихъ земель, а не съ крестьянскихъ... Считая на каждое крестьянское хозяйство около 5 десятинъ, получимъ цѣнность всего сбора съ полей, луговъ и садовъ такого хозяйства почти въ 200 „золотыхъ“. Отбросивъ четвертую часть на поддержку инвентаря, получимъ только 150 золот. на подати общественные, уѣздныя, школьныя и т. п. выдачи; нужно еще купить соли, керосину, иногда табаку. Допустимъ, что всѣ эти денежные расходы опредѣляются только цифрою 30 золот.; тогда собственно на прожитье средней четырехдушной семьи остается всего 120 золот., изъ коихъ до 90 з. въ годъ нужно отнести собственно на питаніе и лишь 30 з.—на одежду. Не нужно при этомъ забывать, что, вслѣдствіе свободной дѣлности, какой подвергаются крестьянскія земли въ Галиціи при наслѣдованіяхъ и пр., тамъ теперь почти половина всего сельскаго населенія обладаетъ полевыми участ-

ками гораздо менѣе принятой нами средней величины сельскаго хозяйства (5 десятинъ), хотя зато собственники другой половины обладаютъ нѣсколько большими участками. Эта первая половина сельскихъ обывателей Галиціи не могла бы даже существовать, живя только съ дохода изъ своихъ участковъ т. е. ежели бы не имѣла стороннихъ заработка въ помѣщицьихъ имѣніяхъ, и эти заработки, при почти полномъ отсутствіи въ странѣ заводской и фабричной промышленности, являются единственной поддержкой бѣднаго сельскаго люда, доставляя ему 13—40 крейцеровъ (10—30 коп.) ежедневнаго вознагражденія. Для пущей обездоленности бѣднаго галицкаго люда немалую службу служать и тѣ роковыя, тѣсно связанныя съ его бытомъ, явленія, имя которымъ—корчмы.

Обыкновенно въ каждой галицкой деревнѣ есть корчма, а въ ней сидитъ еврей, подобно пауку, стерегущій злосчастныхъ селянъ. По свидѣтельству автора, семитская стихія въ Галиціи вообще ужасна: при нищетѣ здѣшнихъ крестьянъ иногда рѣчь можетъ идти о сдираніи съ нихъ не просто сорочки, но прямо таки кожи. Возьмемъ, къ примѣру, слѣдующій случай, разоблаченный судомъ. Нѣкая Сара Дурманова предоставила одному сельскому супружеству съ половины („сполка“) телку, обоюдно оцѣненную въ 3 „золотыхъ“. Согласно уговору, еврейка брала за телку, когда она превратилась въ корову, слѣдующую лихву: 1) по одному теленку изъ каждой пары телятъ, произведенныхъ этой коровой, 2) корову и телку, произшедшихъ отъ оставшагося у крестьянъ теленка 3) уплатила за другую корову отъ этой телки лишь половину стоимости. По смерти супруговъ Дурманова отъ ихъ сына вынудила опять теленка, происходившаго по прямой линіи отъ первой злосчастной коровы, отданной съ половины. Когда дѣло о такой благочестивой лихвѣ дошло до суда, еврейка прямо указала на договоръ обѣ отдачѣ коровы „съ половиной“, въ силу котораго она будто бы получила право на „половину“ отъ каждого нисходящаго теленка до тѣхъ поръ, пока первая корова—родоначальница (т. е. отданная съ половиной) стоитъ въ хлѣвѣ; въ случаѣ же продажи этой первой коровы, она, еврейка, должна получить деньгами первоначальную

ея стоимость т. е. 3 золот. и кромъ того изъ остальныхъ денегъ, вырученныхъ за корову, за вычетомъ трехъ золот., еще „половину“, чѣмъ и долженъ быть закончиться знаменитый договоръ „съ половины“. И взглядъ этой еврейки на подобные договоры раздѣляютъ всѣ галицкіе евреи, съ которыми волей-неволей должны соглашаться галицкорусскіе крестьяне, хотя эти послѣдніе и хорошо понимаютъ, что евреи приводятъ ихъ къ обнищанію. Такое то наслѣдство получилъ отъ своихъ дѣдовъ бѣдный червонорусъ, выразившій свое горе въ цѣломъ рядѣ скорбныхъ пѣсенъ въ родѣ слѣдующей:

Ой на сели не весело: арендарь богатый!
Черезъ тебя, арендарю, хожу не женатый¹⁾.

Авторъ, по нашему мнѣнію, очень удачно взялъ именіо эту пѣсню для освѣщенія своей мысли. Дѣйствительно, подобныя пѣсни являются невольнымъ художественнымъ удовлетвореніемъ бѣдняку, чувствующему себя очень нехорошо въ тискахъ желѣзной дѣйствительности, къ которой приспособиться ему не дала возможности ни мало баловавшая его нянѣка—исторія, ни злая мачеха—современность!

Селеніе *Насташинъ* любопытно тѣмъ, что представляетъ изъ себя чрезвычайно длинную улицу, вдоль которой вытянулись два ряда крестьянскихъ построекъ; избы расположены лицемъ къ улицѣ, а различныя надворныя постройки и сады ютятся сзади ихъ, ближе къ гумнамъ, исключая нѣсколькихъ случаевъ, когда такія постройки и сады находятся по линіи улицы между избами, разрѣжая ихъ ряды и являясь благопріятнымъ обстоятельствомъ на случай пожара... Есть нѣсколько дворовъ, гдѣ хаты, во избѣженіе уличной пыли, помѣщены въ глубинѣ ихъ; въ такомъ случаѣ по линіи улицы вытянулись заднія стѣны надворныхъ построекъ. Въ общемъ и здѣсь, какъ повсемѣстно по галицкимъ селамъ, наблюдаешь полную,ничѣмъ не связанныю свободу и беспорядочность въ размѣщеніи построекъ, и всякия попытки упорядочить это дѣло создаютъ большія затрудненія...

¹⁾ Въ соответствующей женской пѣснѣ дѣвушка горюетъ, что по случаю нахожденія въ селѣ раздѣтой „арендарки“ тамъ невесело, и она, дѣвушка, черезъ это не можетъ выйти замужъ! Тонъ подобныхъ пѣсень скорбенъ до боли.

Происхождение современного Настасина связывают съ именемъ Настасии, боярской дочери, которую полюбилъ знаменитый на Руси галицкій князь Ярославъ Осмомыслъ, предпочтя ее нелюбимой женѣ своей Ольгѣ, что занесено и въ наши лѣтописи. Отецъ княжеской возлюбленной, бояринъ Чарговъ, злоупотребилъ своимъ положенiemъ въ собственныхъ интересахъ, чѣмъ и возбудилъ противъ себя остальныхъ бояръ, нашедшихъ спору въ ревнивой женѣ князя Ольгѣ. Въ отеутствіе Осмомысла родные Настасии были злодѣйски умерщвлены, а сама она погибла въ огнѣ¹⁾). Злосчастная судьба этой женщины является ужаснымъ свидѣтелемъ боярского своеволія и гордости въ Галицкой Руси, бывшихъ между прочимъ одною изъ причинъ ея дальнѣйшей политической слабости въ столкновеніяхъ съ татарами, поляками и проч., слабости, приведшой къ полному подчиненію Польши.

Кое-гдѣ вдали, у полевой дороги, виднѣется крестъ, уже заранѣе опредѣляющій ея направленіе; зимою, особенно во время метели, эти „божьи“, вѣхи служатъ иногда немалую службу сбившимся съ дороги путникамъ. Народъ очень любить эти придорожные кресты и украшаетъ ихъ вѣнками и зелеными вѣтвями во время полеваго крестнаго хода, совершаемаго для испрошенія Божьяго благословенія на урожай. Вѣнки эти остаются иногда на крестахъ втеченіе цѣлаго года до новаго крестнаго хода, когда дѣвушки замѣняютъ ихъ, упраждая крестный ходъ другими, сплетенными изъ молодыхъ стеблей новаго жита; мѣстами кресты, кромѣ этого, обвиваются еще длинными зелеными цѣпями изъ листьевъ, травы, цветовъ и т. п.²⁾.

Бурштынъ своими празднично разряженными евреями напомнилъ автору о субботѣ. Они важно прогуливаются по улицѣ съ „молитвами“ подъ руками и чернобѣлымъ плащемъ сзади; одѣты они въ пышные черные, до пятъ, кафтаны и ватную шапку съ лисьимъ околышемъ. Толпами запружаютъ они всѣ

¹⁾ Статья г. Рѣгора о Настасіѣ и ея участіи помѣщена въ издаваніи „Ruch“ 1888 года.

²⁾ У насъ въ Югозападномъ краѣ крестьяне, кромѣ вѣнковъ, навѣшиваютъ иногда на кресты хусточки или платочки, ленты и т. д.

проходы и проезды, такъ что свободно пробраться сквозь нихъ могутъ развѣ только военные люди, менѣе другихъ стѣсняющіеся съ евреями.

Для галицкаго городка или мѣстечка суббота является днемъ полнѣйшаго торгового затишья, служащаго нагляднымъ свидѣтельствомъ того, до какой степени она, эта торговля, находится въ еврейскихъ рукахъ, и какъ христіане зависимы въ этомъ отношеніи отъ евреевъ. Въ противоположность крестьянамъ евреи совсѣмъ не знаютъ обычая здороваться съ встрѣчными вообще и съ проѣзжими въ частности. По этому поводу ходитъ въ Галиціи слѣдующій забавный разскazъ. Їхалъ какъ то польскій шляхтичъ изъ Бурштына и встрѣтилъ еврея, отправлявшагося тогда на ярмарку, не поздравствовавшагося съ нимъ и не снявшаго шапки. Бросивъ на еврея грозный взглядъ, онъ крикнулъ: „Ты откуда, жидъ?“—Изъ Бурштына—былъ отвѣтъ. „А шапка?“—снова крикнулъ строгій панъ.—Ну, шапка?—отвѣтилъ еврей не смигнувъ: шапка тоже изъ Бурштына. Такъ еврей и обогналъ панскую подводу безъ всякаго привѣтствія.—Подѣзжая къ желѣзнодорожной станції „Бурштынъ—Демьянъ“, путникъ съ нѣкоторой єдкостью осмыкаетъ способъ єзды по Галиціи: слабосиліе тамошнихъ лошадей, крайнюю медленность єзды и частыя остановки, то затѣмъ, чтобы поправить что либо въ упряжи, то чтобы улучшить положеніе сѣдока, которому приходится иногда черезчуръ уже погружаться въ яму, образовавшуюся въ его соломенномъ сѣдалищѣ. Указывая на городокъ Большовецъ съ родовымъ замкомъ Кречуновичей, онъ припоминаетъ себѣ невеселую исторію разоренія трехъ чешскихъ семействъ, не выдержавшихъ аренды имѣнія *Раковы*, принадлежащаго этимъ же Кречуновичамъ; это имѣніе въ концѣ концовъ не миновало таки еврейскаго хозяйстванья, хотя покойный его владѣлецъ Корнелій Кречуновичъ жестоко боролся противъ галицкаго еврейства и нерѣдко сильно и убѣдительно говорилъ противъ нихъ въ земскомъ сеймѣ.

Вотъ промелькнули Подшумляны, Липицы нижнія, Гарбутовъ, Желиборы. Вотъ и Галичъ надъ Днѣстровъ, колыбель первыхъ князей Галиціи—Ростиславичей и Романовичей. Здѣсь уцѣ-

лѣли развалины крѣпости отъ временъ 17 вѣка, господствовавшей надъ городомъ, но съ старорусскимъ прошлымъ Галича не имѣвшей ничего общаго. Изъ Галича власть князей распространилась на всю Червонную Русь съ городами Переяславлемъ, Звенигородомъ, Теребовлемъ, средоточіями соизменныхъ удѣльныхъ княжествъ. Впервые объединилась Галицкая Русь при сынѣ Володаря Ростиславича Владимиրкѣ, съ 1141 г. сдѣлавшемъ Галичъ столицею своей земли, разширенной имъ до самыхъ устій Днѣстра и Дуная. Владимирикъ первый изъ князей ослабилъ значеніе народныхъ вѣчъ и оперся на значеніе усиленнаго имъ боярства. По смерти его знаменитаго сына Ярослава Осмомысла распрыми сыновей этого послѣднаго воспользовался волынскій князь Романъ и при помощи поляковъ взялъ Галичъ. Въ это время, какъ известно, значеніе Кіева очень упало и, такъ сказать, раздѣлилось между Владиміромъ Залѣскімъ—для Сѣверной Руси, и Галичемъ—для Южной. Но сила Галича вскорѣ подорвана была внутренней язвою—боярствомъ, одному изъ представителей котораго удалось даже на нѣкоторое время занять престолъ. Внутреннія распри привлекли къ Галичу вниманіе поляковъ и мадьяръ, которымъ удалось посадить на престолъ малолѣтняго венгерскаго королевича Коломана, вмѣсто котораго управлялъ страною одинъ изъ венгерскихъ вельможъ. Вслѣдствіе просьбы галицкихъ бояръ новгородскій князь Мстиславъ Удалой явился въ Галицію, разбилъ подъ Галичемъ соединенное польско-венгерское войско и въ 1219 г. самъ сдѣлался княземъ Галиціи. При первомъ нашествіи татаръ въ Галичъ явился половецкій ханъ Котянъ, предложившій русскимъ князьямъ соединиться съ половцами и идти на татаръ. Мстиславъ Удалой умеръ въ 1228 году, и престолъ его занялъ венгерскій королевичъ Андрей. Тогда явился сынъ Романа Даніиль и безъ боя взялъ Галичъ; но жилъ онъ не въ немъ, а въ новооснованномъ имъ на Волыни городѣ Холмѣ¹⁾; когда же этотъ городъ сго-

¹⁾ Фр. Рѣгоръ пишетъ: Холмъ, какъ въ другомъ мѣстѣ: Пржемышль, что очевидно противорѣчитъ народному русскому выговору этихъ названій. Въ отношеніи собственныхъ именъ вашъ авторъ вообще очень непослѣдователенъ и держится то польскихъ, то русскихъ обликіовъ.

рѣль, столицею Галиції сдѣлался съ 1258 г. городъ Львовъ. Во время втораго нашествія монголовъ Галичъ былъ взятъ ими въ 1240 г.; скоро послѣ того, именно лѣтъ черезъ 10, послы татарскіе явились къ Даніилу и со словами „отдай Галичъ“ потребовали отъ него формального подчиненія Батыю, къ которому Даніилъ и принужденъ былъ отправиться въ Орду на поклонъ. Въ концѣ концовъ Галиція принуждена была подчиниться польскому королю Казиміру Великому и принадлежала польской коронѣ съ 1340 г. по 1772 г., когда была присоединена къ Австріи. Впрочемъ, свое старое устройство и учрежденія Галиція удѣрживала до 1432 г. Когда русскій митрополитъ изъ Киева переселился во Владимиръ Заліцкій, а затѣмъ въ Москву, въ Галиціи основана была самостоятельная православная метрополія въ 1371 г., но съ 1414 г. въ Галичѣ жили уже только намѣстники киевскаго митрополита. Епископская кафедра была учреждена въ Галичѣ еще съ 1152 г. По присоединеніи Галиціи къ польскому королевству начинается въ ней усиленіе католиковъ, которые въ скорости переходятъ въ наступленіе противъ православныхъ, будучи поддержаны въ этомъ дѣлѣ правительствомъ, учредившимъ уже въ 1377 г. въ Галичѣ католическое архіепископство, причемъ православные митрополиты были изъ него изгнаны. Въ 1539 году была возобновлена въ Галичѣ православная епіскопія; одинъ изъ ея представителей епіскопъ Лопатка Осталовскій перебрался въ Львовъ и сталъ именоваться епіскопомъ львовскимъ и галицкимъ.

Положеніе древняго Галича не совпадало съ настоящимъ: первый стоялъ нѣсколько далѣе, въ междурѣчи Ломницы и Луквы, на наивысшей точкѣ возвышенности, именуемой теперь Эзога. При такомъ положеніи Галичъ былъ прекрасно защищенъ самой природою, такъ какъ рѣки Ломница и Днѣстръ прикрывали его съ запада и съвера, но были сильны и искусственные укрѣпленія, помогавшія городу выдерживать продолжительныя осады. Княжій деревянный замокъ стоялъ близъ церкви Св. Спаса; въ соборной церкви Успенія похоронены князья Ярославъ Осмомыслъ и Романъ Мстиславецъ, павшій въ 1205 г. у Завихоста. Изъ прочихъ древнихъ храмовъ Га-

лича болѣе другихъ извѣстенъ храмъ Св. Михаила, гдѣ князь Даніиль любилъ молиться предъ походами и сраженіями.

Раскопками старого Галича занимается извѣстный ученый Исидоръ Шараневичъ, пролившій своими находками много свѣта на древнюю галицко-русскую исторію.

Новый Галичъ занялъ котловину Днѣстра и ничѣмъ особыеннымъ теперь не замѣчательнъ, ежели не упоминать о томъ, что въ немъ имѣется значительное число такъ называемыхъ кардимовъ.

У Езуполя рѣка Быстрица впадаетъ въ Днѣстръ. Между прочимъ ее пересѣкаютъ почти параллельно два желѣзнодорожныхъ моста: одинъ—казенной подкарпатской дороги, другой—львовско-черновецкой, также взятой теперь въ казну. За этими мостами обѣ дороги сходятся на станціи Хриплинѣ, но затѣмъ на слѣдующей уже станціи Станиславовъ снова расходятся. Къ слову сказать, на Хриплинской станціи можно видѣть, насколько болѣе признанія равноправности и уваженія къ русской народности обнаружила казенная желѣзная дорога сравнительно съ частною львовско-черновецкою: зданіе казеннаго вокзала украшено не только польскою надписью, но и русскою, а сосѣднее зданіе вокзала бывшей частной дороги—только польскою!

Езуполь, какъ, впрочемъ, и многіе другіе города и села, попалъ и въ народную поэзію. Въ одной пѣснѣ говорится, что именно въ Езуполѣ сидѣло три козаченки въ неволѣ:

Одинъ сидѣть за дивочку,
Грае соби въ сопилочку.
Другій сидѣть тай за волы
Тай въ таженъкои неволи.
Третій сидѣть за вдовочку,
Склонывъ на стіль головочку.

Суды рѣшили дѣло такъ: сидѣвшій изъ-за воловъ быль казненъ, другой долженъ быль уплатить вдовѣ, третій долженъ быль жениться на дѣвушкѣ¹).

¹, Сходная пѣсня съ украинскою „Ой у поли тай у Барышполи тамъ сидѣло три козаченки у неволи“. См. извѣстный сборникъ Лисенка.

Другая подобная пѣсня говоритъ о заключенномъ въ Езуполь въ неволю козакѣ, выкупъ котораго можетъ состояться лишь цѣною сорока коровъ съ приплодомъ. Отецъ и мать отка-
зались выкупить его такою цѣною; тогда онъ послалъ письмо
къ милой, и она уже согласилась (на выкупъ его?)

На Станиславовской станціи пашъ путешественникъ встрѣ-
тилъ отрядъ гуцульскихъ новобранцевъ. По его словамъ, они
испуганно осматривались кругомъ и невѣрнымъ шагомъшли за
начальникомъ; своимъ поведеніемъ они напоминали пе орловъ
и соколовъ, какими являются они въ своихъ родныхъ горахъ,
а скорѣе голубицъ. Нѣтъ ничего и удивительнаго въ этомъ:
большинство изъ нихъ впервые въ своей жизни спустились съ
родныхъ горъ въ невѣдомыя имъ долины...

Изъ Станиславовскихъ пѣсень авторъ припоминаетъ слѣ-
дующія двѣ. Одна начинается такъ:

Ой повхавъ мій мыленкій
Та до Станислава;
Прывезе ми подарувокъ,
Буде его слава.

Въ другой пѣснѣ, повидимому, военной, девушка пригла-
шается въ городъ Станиславовъ послушать военной музыки и
вмѣстѣ навѣстить своего милаго:

Коло ильна яворына
Яворъ розвивався,
Въ Станислави бандя града,
Любко, выбирайся.

На пастушкахъ въ станиловскихъ предгорьяхъ авторъ
видѣть новость въ уборѣ—нѣчто въ родѣ полотнянаго плаща,
которымъ онѣ во время дождя прикрываютъ голову въ видѣ
двухъ рожковъ и въ то же время закутываютъ въ него и ту-
ловище; видомъ своимъ плащъ этотъ напоминаетъ гуцульскую
„гуглу“. Кромѣ того, авторъ обратилъ вниманіе на безрукавые
кафтаны на мужчинахъ, спускающихся съ горъ на желѣзнодо-
рожныя работы въ долины; многіе изъ этихъ мужчинъ, судя по
штанамъ изъ краснаго сукна,—гуцулы.

Кукурузные поля убѣждаютъ путешественника, что онъ
находится на такъ называемомъ Покутїи. Иногда среди куку-

рузы виднѣются тыквы, а на межахъ—чтобы и съ нихъ была какая либо выгода—находимъ иногда капусту! Вотъ поѣздъ проѣхалъ вдоль сельскаго кладбища, окруженнаго насыпью и усыпаннаго низенькими деревянными крестами. Какъ жалокъ видѣ этихъ крестовъ, изъ коихъ многіе повалились, а другіе находятся въ состояніи, близкомъ къ паденію!

Начиная съ Отыни, наблюдатель замѣчаетъ разницу въ характерѣ сельскаго зодчества: вмѣсто мазанокъ онъ видитъ въ большинствѣ рубленыя избы. Станція Отыни припоминаетъ автору одну изъ народныхъ пьяницкихъ „пѣсенъ, гдѣ встрѣчаются горькія сѣтованія на злую корчму, сгубившую немало народныхъ силъ и богатства. „Сколько труда пропилъ я въ тебѣ, корчма, говорить пѣсня: пропивъ овецъ, пропилъ Тысменицу (городокъ близъ Отыни), и есть еще надежда, что пропью и самыя Отыни!“

ИЗЪ БЫТА СТУДЕНТОВЪ СТАРОЙ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ.

І.

Приближался къ концу 1734 годъ...

Въ Кіевѣ праздновался второй день Рождества Христова. Въ подольскихъ церквяхъ давно отошла литургія, и подоляне, радостно настроенные торжественнымъ богослуженіемъ, уже возвратились изъ храмовъ—кто къ себѣ домой, а кто къ другу съ праздничнымъ привѣтомъ.

Вслѣдствіе-ли сильного мороза, стоявшаго въ Кіевѣ въ этотъ день, или по случаю праздника, на улицахъ Подола не замѣтно было обычнаго движенія, и всюду царила почти полная тишина. Только изрѣдка, то тамъ, то сямъ, ее нарушалъ дружный и громкій говоръ на мигъ появлявшихся на улицахъ небольшихъ группъ людей, которые обходили по порядку, одинъ за другимъ, дома подольскихъ обывателей. Какъ только подобная группа входила въ какой-либо домъ, оттуда на улицу неслась, легкою гармоническою волною пріятная мелодія церковныхъ рождественскихъ пѣснопѣній: „Рождество твоє, Христе Боже нашъ.. „Дѣва днесъ“... „Христосъ рождается“... и др. Мелодія вскорѣ замирала, а затѣмъ чрезъ нѣсколько минутъ раздавалась снова и съ большею силою... Группа весело выходила на улицу и отправлялась въ слѣдующій домъ... И здѣсь повторялось то же самое... Предъ инымъ маленькимъ домикомъ отъ группы отдѣлялось нѣсколько человѣкъ и медленно расхаживало по улицѣ, нетерпѣливо поджидая, повидимому, возвращенія зашедшіхъ въ этотъ домикъ своихъ спутниковъ...

Киевляне хорошо знали смыслъ такого явленія. Это—приходскіе священники съ своими причетниками ходили съ крестомъ по домамъ прихожанъ „славить Христа“. Съ ними же, группами по нѣсколько человѣкъ, расхаживали и бѣдняки студенты кіевской академіи, которые ютились по приходскимъ школамъ, существовавшимъ тогда почти при всѣхъ церквяхъ Подола.

Какими веселыми выглядѣли въ этотъ день студенты, одѣтые въ своеобразные длинные цвѣтные кунтуши! Какой яркій румянецъ игралъ на ихъ лицахъ! Какою радостью искрились ихъ глаза! Какъ чисто и свободно звучали ихъ молодые голоса!.. И еще бы!.. Сколько времени они ожидали этого дня! Сколько разъ въ нерѣдкія голодныя минуты они, быть можетъ, просили Бога, чтобы скорѣе пришелъ этотъ радостный для нихъ денекъ! И вотъ, наконецъ, они дождались его!.. Сегодня они сыты, какъ рѣдко, и увѣрены, что, пославивши Христа съ причтомъ по всему приходу, они освободятся и еще на многіе дни отъ того голода, который часто такъ мучительно изнуряетъ ихъ молодые организмы...

Киевскіе домохозяева знали бѣдныхъ студентовъ и ихъ горькую нужду, а потому въ нынѣшній день радушно ихъ принимали, хлѣбосольно угощали и еще снабжали, кто чѣмъ могъ: иной бросалъ имъ въ мѣшокъ хлѣбъ, другой—сало, третій сажалъ туда какую-либо живность, а кое-кто награждалъ ихъ и деньгами. Студенты—„крохоборцы“ все принимали съ благодарнымъ поклономъ..., и мѣшкі ихъ становились все полнѣе и полнѣе, по мѣрѣ большаго посѣщенія ими домовъ.

Былъ уже третій часъ по полудни... Группа студентовъ изъ 5 человѣкъ—ритора Стефана Бочинскаго, синтаксистовъ Василія Ходуновскаго и Ивана Гіеровскаго, грамматика Алексія Шпаковскаго и инфимиста Андрея Обоянскаго, жившихъ въ школѣ при подольской Васильевской церкви, еще въ полдень отправившаяся „подъ проекціею“ дьяка этой церкви Ивана Яблонскаго „по обыкновенію“ на приходъ „славить Христа“, торопиласъ, повидимому, обходить оставшіеся ей дома, чтобы къ вечернѣ поспѣть въ церковь... Ихъ пылавшія лица говорили, что уже они сегодня „мало подпили“...

Вотъ христославы всею толпою вошли въ домъ зажиточнаго кожемяки Филиппа Шумскаго. Здѣсь—много гостей, большею частью товарищѣ хозяина по профессії, и идетъ веселая пирушка...

„Повѣншовавши праздникомъ“ присутствующихъ, Яблонскій и студенты замѣтили между ними весь причтъ Вознесенскаго („подгородца Кудрявца“) прихода: священника о. Симеона, дьяка Стефана Андреева и другихъ причетниковъ. Предполагая, что священникъ Кудрявскій запрѣтель сюда, „упреждалъ“ мѣстнаго приходскаго попа (что въ то время водилось), Яблонскій съ раздраженiemъ закричалъ на него, какъ на врага своей поживы:

„Вонъ, попе, зъ нашей парофії! Еще нашъ священникъ не ходиль и мы, а ты попережаешь! Вонъ со свинями!“

Гости Шумскаго съ изумленiemъ посматриваютъ другъ на друга, какъ бы спрашивая: что изъ этого выйдетъ?

О. Симеонъ береть крестъ и спокойно подносить его Яблонскому со словами:

„Дяче! мы здесь по прошенію пришли... Нѣ тебѣ крестъ! поцѣлуй!“

— „Я свой крестъ маю! не видаль тебе съ крестомъ!“... грубо отрѣзываєтъ ему на это Яблонскій и бросается къ дьяку Стефану, помахивая на него „пястю (кулакомъ)“.

— „Велю вбить тебе, скурвій сыне! для чого ты въ чужій приходъ ходишъ съ крестомъ?“, гремить онъ на Стефана.

Студенты, разумѣется, были на сторонѣ资料 ofего „протектора“ и, раздѣляя его злобное настроеніе, тоже подскочили къ Стефану.

„Хто ты такій? чи дякъ?“ спрашивалъ у него бывшій „въ блакиному (голубому) кунтушѣ“ риторъ Бочинскій.

- „Нѣть, не дякъ!“
- „Може поддячій?“
- „Нѣть, не поддячій!“
- „Пономарь?“
- „Нѣть!“
- „Хиба нищій?“
- „Нѣть!“

— „Хиба химера?“

— „Я собѣ господарь и дякъ архіерейскій!“..

Началась самая крупная брань между христославами...

Видя „завзятость и свирѣчество“ обоихъ ссорившихся сторонъ, уже вотъ-вотъ готовыхъ вступить въ драку, хозяинъ обратился къ Яблонскому:

„Пане Иване! неслушность чинишъ!.. Не годится у дому моемъ людей безчестити... Се по моему прошенію попъ пришолъ въ домъ мой... Что кривды тебѣ въ семъ? Не жаловать тебѣ моего капшука!.. Твой доходъ при тебѣ будетъ, а сварки въ дому моемъ не починай, бо у мене есть богато дубины!“ И съ этими словами онъ выпроводилъ Яблонского и студентовъ въ другую хату, здѣсь „частовалъ“ (угостили) ихъ и отдалъ „надлежащое“ какъ дьяку, такъ и студентамъ „на бурсу“.

„Подиковавши“ такимъ образомъ, студенты съ Яблонскимъ отправились отъ Филиппа Шумского „славить Христа дальше“.

Раздраженный Яблонский по пути все твердилъ: „велю попа Симеона съ хаты выволокти, а Стефана дяка... бити“.

„Не уйдутъ оны нашихъ рукъ!“ вторили ему на это студенты...

За домомъ Шумского слѣдовали „маліе мазки“, въ которыхъ всей группѣ было бы „тѣсно ходить“, да притомъ тутъ жилъ бѣдный, „убогій людъ“, отъ которого студентамъ „пожитку жаднаго“ нельзя было ожидать. („Намъ тамъ ничего не даютъ; дяку у въ найменшой хатцѣ дадутъ, а намъ нѣтъ“, разсуджалъ грамматикъ Шпаковскій). Поэтому Бочинскій, Ходуновскій и Обоянскій остались на улицѣ, а Гіеровскій и Шпаковскій съ Яблонскимъ пошли „славить Христа“ и по этимъ хаткамъ.

Между тѣмъ купецъ Феодоръ Скрида, бывшій у Шумского, пригласилъ его къ себѣ „на учть“ со всѣми его гостями, въ томъ числѣ и со священникомъ Симеономъ и его причтомъ. Они всею толпою и направились въ домъ Скриды... На дорогѣ встрѣчаютъ студентовъ, отставшихъ отъ Яблонского...

Какъ бы обрадовавшись этому, дяканъ Стефанъ сталъ выкрикивать по ихъ адресу разные „прикрѣ слова“, съ угрозою: „постойте, постойте, скурвіи сыны! дамъ я вамъ химеру!“

Студенты „отказывали тіе же саміе слова“, а затѣмъ сжали кулаки и къ нему...

„Вонъ! не чиньте драки, бо зазвавши парубковъ будемо бить васъ!“ закричалъ на студентовъ Феодоръ Скрида, и одного изъ нихъ—Ходуновскаго „попхнулъ“ отъ Стефана и давай его „трущать кулаками“... А дьякъ Стефанъ „въ своимъ молодикомъ“ принялъся въ это время колотить Обоянскаго... Ходуновскій кое-какъ отдѣлался отъ Скриды и бросился защищать Обоянскаго. Но Стефанъ сразу же отразилъ его, ударивъ ему „въ перси лѣскою штихомъ“... Подбѣжалъ риторъ Бочинскій вырвалъ кое-какъ изъ рукъ Стефана „лѣску“... Но Стефанъ поймалъ его „за чубъ“, а „молодикъ“ Стефана сталъ угощать его „палицею“... Бочинскій былъ дюжій молодецъ, быстро отнялъ у „молодика“ „палицу“ и ею же началъ бить его самого... Тутъ Феодоръ Скрида и Филиппъ Шумскій вдвоемъ вцѣпились ему „въ чубъ“ и „почали кулаками бить“...

Ходуновскій кричаль-кричаль: „за что нась такъ забиваєте“, да счелъ лучшимъ убраться по-добру по-здравому...

Обоянскій же, пользуясь общей суматохой, нашелъ гдѣ-то „кій“, подскочилъ къ Стефану и такъ хватилъ его кіемъ по головѣ, что „до костей пробилъ“ ее (какъ выражался производившій по этому дѣлу дозваніе подольскій протопопъ Стефанъ Лубенскій). Дьякъ безъ чувствъ упалъ на землю... Обоянскій подскочилъ къ Феодору Скридѣ и его угостилъ тѣмъ же кіемъ...

Филиппъ Шумскій, видя, что студенты оказываются совершенными побѣдителями, кликнулъ своихъ слугъ: „Паробки! до дружча!“...

Въ этотъ моментъ на улицу вышелъ изъ „малой мазки“ Яблонскій съ двумя сопровождавшими его студентами Шпаковскимъ и Гіеровскимъ. Понявъ, въ чемъ дѣло, Яблонскій закричалъ студентамъ:

„Бытье добре! бытє до смерты!... Я въ томъ буду отвѣтчикъ!... Я васъ деньгами осыплю!“...

— „Эй, дяка, дяка!“ послышалось на это съ разныхъ сторонъ.. Показались слуги Шумскаго „съ полѣннячамъ“—и Яб-

лонскій, Бочинскій и Шпаковскій безъ оглядки пустились убѣгать „на гору“...

Шумскій и Скрида съ толпою вооруженныхъ дублемъ слугъ кинулись за ними въ погоню. Но видя, что погоня напрасна, Скрида пустилъ въ слѣдъ убѣгавшимъ „фляшевою зъ горѣлкой“, а Шумскій—„вилами“.

Оставшійся на улицѣ синтаксистъ Гіеровскій подошелъ къ лежавшему на землѣ дьяку Стефану и принялъся обвязывать ему разбитую голову.

— „Чи и ты студентъ?“ набросился на него о. Симеонъ.

И лишь только Гіеровскій робко промолвилъ: „такъ!“, о. Симеонъ хватилъ его „по щодѣ“.

— „Сей не виновать!“ закрычала о. Симеону изъ воротъ своего дома жена Федора Скриды.

— „Когда не виноватъ ты, заговорилъ нѣсколько успокоенный этими словами о. Симеонъ Гіеровскому, дай кунтушъ на свѣдоцтво!“

— „Кунтуша не берѣте, молилъ бѣдный студентъ, мене самого провадте чи до отца префекта, чи до отца профессора!“

— „У насъ голова есть“—прозвучалъ ему на это о. Симеонъ и потащилъ его въ домъ Скриды, долго „ругалъ“ здѣсь его и всѣхъ студентовъ и забралъ у него кунтушъ¹⁾.

До изнеможенія утомленные и сильно разъяренные неудачною погонею, Шумскій и Скрида въ злобномъ молчаніи идутъ домой...

„Панове, будте ласкови... чи не знайшоль кто рубля?“ вдругъ обратился къ нимъ вернувшійся Шпаковскій.

Онъ „втѣкающи... згубиль рубля денегъ, которого выходили по людехъ“ сегодня всею компаніею христославы, и, опечаленный такою потерю²⁾, какъ будто забылъ про злобу тѣхъ, къ кому обращался...

¹⁾ Гіеровскій потомъ жаловался на него за это консисторія, и дѣло было уложено примиреніемъ.

²⁾ Рубль этого, къ счастью, былъ найденъ Гіеровскимъ.

Шумський и Скрида не слушали даже, что онъ говорилъ, а схватили его и „прицерши... въ тину (забору), везми били кулаками“, такъ что послѣ онъ „хоровалъ двѣ недѣлѣ“...

Вотъ какъ трагически закончилось мирное само по себѣ хожденіе студентовъ по приходу „зъ славенными“!...

На другой день 27 декабря дьякъ Стефанъ подалъ жалобу кіево-подольскому протопопу на своихъ обидчиковъ. По разборѣ дѣла, дьякъ Яблонскій былъ посаженъ „на цѣпь“... Инфімистъ Андрей Обоянскій, предчувствуя, что и ему предстоитъ наказаніе за пробитіе головы Стефану, бѣжалъ наканунѣ Богоявленія изъ Кіева въ Межигорье. (На дорогѣ его встрѣтилъ кіевский житель Иванъ Бѣлявскій, а въ Межигорѣ его видѣлъ Павель Евстратьевъ, которымъ онъ самъ разсказывалъ вполнѣ откровенно о причинахъ своего бѣгства изъ Кіева).

Яблонскій, ведовольный судомъ протопопа, 7-го февраля 1735 года апеллировалъ митрополиту, прося его поручить разслѣдовавшему дѣло префекту академіи, потому что „побой (Стефана)стался зъ напрасного нападенія (его) на студентовъ“. Митрополитъ Рафаиль Зaborовскій, дѣйствительно, передалъ дѣло префекту Іерониму Миткевичу, который (вмѣстѣ съ учителями академіи—сintаксическимъ—іером. Митрофаномъ Довгалевскимъ, грамматическимъ—іером. Сильвестромъ Ляцкоронскимъ и аналогоческимъ—іеродіакономъ Веніаминомъ Григоровичемъ) произвелъ обстоятельное дознаніе по нему и представилъ таковое на судъ консисторії.

21-го апрѣля консисторія, выслушавъ все дѣло, постановила, между прочимъ: дьяка Яблонского „вибить барбарами горазда канатомъ... и къ тому наказанію призвать всѣхъ дачковъ... священниковъ и тѣхъ студентовъ, которіи зъ дакомъ Василіевскимъ при... побои были, дабы протягіи видячи тое, менышой, до якой принадлежать, власти суду не презирали, а вышой утруждать напрасно не отважалися“.

Мітр. Зaborовскій 1-го мая утвердилъ этотъ приговоръ, добавивъ къ нему: „когда явится утекшій студентъ Андрей Обоянскій въ Кіевъ, то и ему учинить такое наказаніе якъ и

дяку Василіевскому за пробытте голови нимъ Андреемъ Обоянскимъ дяку Кудрявскому".

Но возвратился-ли Обоянский въ академію—не извѣстно.

II.

Теплая весна 1741 года.

Снѣгъ на кіевскихъ горахъ таетъ съ удивительною быстрою и шумными широкими потоками воды катится на низкій Подолъ, превращая его въ болото.

Небольшой низенький сѣрый деревянный домикъ, по южную сторону великой Братской церкви, кругомъ въ непролазной грязи... Въ этомъ, уже обеташемъ, домишкѣ, извѣстномъ у кіевлянъ подъ именемъ бурсы, обитаютъ бѣднѣйшіе студенты кіевской академіи. Ихъ тамъ юится 174 человѣка. Теперь весною жить имъ въ бурсѣ тяжело: тутъ тѣсно, сырьо и душно.

Бурсаки въ глубокомъ уныніи...

27-го апрѣля къ нимъ, по свой обязанности („для осмотру и всякихъ добронравныхъ увѣщаній“), зашелъ префектъ академіи іеромонахъ Михаилъ Козачинскій, и они общимъ голосомъ стали ему жаловаться на крайнюю неудовлетворительность своего помѣщенія. Козачинскій самъ хорошо понималъ это и, опасаясь, „дабы въ толикомъ множествѣ людей (какое тогда жило въ бурсѣ) не вкинулась какая хороба, понеже время теплое приходитъ“, предложилъ желающимъ бурсакамъ перейти на жительство въ приходскія школы¹⁾), съ условіемъ, чтобы, живя тамъ, они, мирно и честно въ всемъ поступали“.

¹⁾ Въ XVIII в. приходскія школы существовали почти при всѣхъ подольскихъ церквяхъ. Наставители церквей охотно принимали студентовъ на житье въ этихъ школахъ, потому что видѣли въ нихъ людей, нужныхъ какъ для церкви, гдѣ студенты исполняли должности чтецовъ, пѣвцовъ и даже пономарей, такъ и для школы, гдѣ они помогали дѣламъ и поддѣлывали въ обученіи мѣщанскихъ дѣтей, особенно въ обученіи латыни („и заправленіи Алвара“, какъ тогда говорили, т. е. въ ознакомленіи съ латинской грамматикой іезуита Эмануила Алвара: *Institutiones linguae latinae*). Жива въ приходскіхъ школахъ (изъ нихъ исторические акты упоминаются Добро-Николаевскую, Покровскую, Борисо-Глѣбскую, Духовскую, Набережно-Никольскую, Ильинскую, Спасскую, Воскресенскую, Рождественскую, Царе-Кон-

Не теряя времени, изъ бурсы начали перебираться одинъ за другимъ бѣдные студенты—кто въ Царе-Константиновскую, кто во Введенскую и другія школы. (Въ ближайшихъ къ академіи школахъ они не нашли себѣ пріюта, потому что тамъ и безъ нихъ было уже „помногу студентовъ“)...

О такомъ переселеніи бурсаковъ прослышалъ настоятель Притиско-Никольской церкви священникъ Яковъ Жураковскій и обратился въ бурсу съ приглашеніемъ на жительство въ свою школу троихъ студентовъ пітики да одного фариста („для заправлення по силѣ указовъ сына (своего) въ малолѣтствѣ находящагося латинского языка... такожъ и прочіихъ мѣщанскихъ дѣтей, которыхъ будетъ съ тридцать для заправленія жъ латинского языка да ктому же и для того, чтобы было въ церквѣ на крилосахъ кому спѣватъ“).. Въ бурсѣ сейчасъ же нашлись охотники. То были піты—Андрей Воронѣцкій, Леонтій Юзефовичъ, Михаиль Федоровичъ и аналогистъ (или фаристъ) Алексѣй Тулинскій. 6-го мая они, съ благословеніемъ префекта, уже и отправились на новое мѣсто жительства.

Священникъ Жураковскій, какъ и слѣдовало ожидать, принялъ студентовъ съ распостертыми обѣятіями и сейчасъ же указалъ имъ для помѣщенія особую „коморку“ въ школѣ. Но другой священникъ Притиской церкви о. Романъ Антоновъ, „невѣдомо по какому своему недоброхотству къ академіи“, ни подъ какимъ условіемъ не хотѣлъ видѣть студентовъ жильцами своей школы. И лишь студенты (отъ Жураковскаго) явились къ нему за благословеніемъ на это жительство, онъ сразу наотрѣзъ отказалъ имъ въ своемъ разрѣшениі, опираясь, какъ на „привилегіи“, на грамоту митр. Варлаама Ясинскаго, которая будто бы запрещаетъ студентамъ жить въ Притиской

станиновскую, Васильевскую, Введенскую и Притиско-Никольскую), студенты, кроме крова, имѣли и кое-какія средства къ пропитанію. Мѣщане за ихъ занятія съ дѣтьми давали имъ и хлѣбъ, и дрова, и деньги; священники же отъ себя удѣляли имъ часть своихъ доходовъ... Дѣти, материальные интересы которыхъ сильно страдали отъ участія студентовъ въ доходахъ школы, относились къ нимъ почти всегда недружелюбно и нерѣдко подымали противъ нихъ цѣлую войну, вооружая противъ нихъ и прихожанъ, и ктиторовъ, и даже священниковъ. Впрочемъ, бывали и священники, которые почему-то относились иногда къ студентамъ не лучше дѣяковъ.

школѣ... Впрочемъ, желая замаскировать свое личное нерасположеніе къ студентамъ, онъ рекомендовалъ имъ обратиться за позволеніемъ жить въ школѣ къ церковнымъ ктиторамъ, такъ какъ и архипастырскій указъ (отъ 13-го іюня 1734 г.) повелѣлъ пресвитерамъ „во всѣхъ къ церквѣ касающихся порядкахъ“ имѣть согласіе съ ними—ктиторами.

Студенты недоумѣваютъ, какъ имъ быть...

Жураковскій, не придавая серьезнаго значенія словамъ о. Романа и надѣясь, что дѣло какъ-нибудь уладится, чтобы успокоить студентовъ, самъ повелѣлъ ихъ въ школу, приказалъ дьяку, чтобы онъ съ ними обходился „мирно и честно“, и имъ пообѣщалъ со временемъ еще „и болшъ коморокъ опредѣлить“ для помѣщенія.

Ободренные такимъ вниманіемъ Жураковскаго, студенты рѣшили поселиться въ школѣ, „вещь свои въ (отведенной имъ) коморки поклали, іменно—текъ (кожанныхъ сумокъ) двѣ, една зъ разными паперами, а другая зъ поетикою, експликаціи школи аналогіи, оправленіе въ шкурку папѣры“ и пр., замкнули коморку своимъ замкомъ и отправились въ Братскій монастырь на вечерню.

Возвращаются изъ церкви... и что же? Коморка ихъ оказывается запертою еще и другимъ замкомъ.

„Кто заперъ?“ спрашиваются они дьяка.

„Попъ Романъ“, отвѣчаетъ онъ имъ...

Никакъ не ожидавшіе этого, студенты направляются къ своему прокровителю Жураковскому... Но не успѣли они еще подойти къ его дому, какъ уже были остановлены церковными ктиторами—бурмистромъ Ященко и райцею Равичемъ,—стоявшими „на цвінтарѣ“ съ о. Романомъ¹⁾.

„Мосдѣ панове, обратились къ нимъ ктиторы, напрасно насилиемъ хотите въ нашей школѣ жить, для того, что у насъ

¹⁾ Ктиторы были уже настроены о. Романомъ на его ладъ. Они дважды посыпали за о. Жураковскимъ, чтобы убѣдить его отказать студентамъ въ пріютѣ въ школѣ, но о. Жураковскій къ нимъ не пошелъ, говоря; „Для того я къ імъ не пойду, что... будетъ между нами скора о студентахъ“... Кстати, въ это время у него были и гости.

грамматы отъ преосвященнаго Ясинскаго о нежитіи въ школѣ студентамъ імѣется. И уже тому есть и зъ сорокъ годъ, какъ у насъ въ школѣ студенты не живутъ и вамъ совѣтуемъ не трудити себѣ; да и сверхъ же того будемъ и отъ сего преосвященнаго подтверждителной грамматы о нежитіи въ нашей школѣ студентамъ просить“.

Послѣ такихъ словъ обиженные студенты не пошли уже и къ Жураковскому, а отправились прямо въ бурсу, простившись съ своимъ желаніемъ жить въ Притиской школѣ...

Ничего не знаяшій о разговорѣ студентовъ съ ктиторами, о. Жураковскій, при встрѣчѣ на другой день съ аналогистомъ Тулинскимъ, спросилъ у него, почему онъ съ товарицами не переходитъ жить въ школу. Тулинскій въ отвѣтъ на это передалъ ему вчерашнюю рѣчь ктиторовъ...

Жураковскій, понявъ теперь, что о. Романъ, желая настоять на своемъ, успѣлъ уже склонить на свою сторону ктиторовъ, пословѣтовалъ студентамъ обратиться къ префекту съ жалобою какъ на о. Романа, такъ и на ктиторовъ. (Въ своей бесѣдѣ со студентами о. Жураковскій далъ имъ понять, что запрещеніе жить въ школѣ идетъ не столько отъ ктиторовъ, сколько отъ о. Романа).

Козачинскій, послѣ жалобы ему студентовъ, послалъ къ о. Роману бурсацкаго сеніора выразить ему свое неудовольствіе по поводу случившагося, но о. Романъ уклончиво отвѣтилъ: „Я имъ студентамъ не запрещаю въ школѣ жить, были бы ктиторы похотѣли“...

Понимая политику о. Романа, скрывающагося за ктиторовъ, префектъ Козачинскій 13-го мая подалъ на него митр. Рафаилу Заборовскому „покорнѣйшее доношеніе“, прося владыку потребовать отъ о. Романа „привилей“ (грамоту митр. Ясинскаго), которымъ онъ „отъ давнихъ лѣтъ, да и теперь наипаче... хватаетъ“, и приказать ему съ ктиторами, „дабы какъ въ протчихъ школахъ на Подолѣ, такъ свободно бы было и въ Притиской Николаевской... студентамъ жить, которые пожелаютъ“¹⁾). За

¹⁾ Въ Притиской школѣ свободами были „зимняя одна и лѣтніяя чѣтыре коморки“.

то же, что о. Романъ вмѣсто того, чтобы „ему самому, какъ освященной персонѣ, къ наученію доброхотствовать, и защищать, еще и мирскихъ людей къ недоброхотству подбиваетъ“ и „студенскіе вещы заарештовать и не видаеть, но за своимъ замкомъ держитъ, чимъ уронъ имъ во учениі дѣлаетъ“, — Козачинскій просилъ у архипастыря „милостивой резолюції“.

На другой же день о. Романъ, по распоряженію митрополита, былъ допрошенъ обо всемъ и ему было приказано представить грамоту Варлаама Ясинскаго, которою запрещается студентамъ жить въ Притиской школѣ.

Находя болѣе выгоднымъ дѣйствовать именемъ ктиторовъ, о. Романъ 19 мая явился въ митрополичью канцелярію и объяснялъ, что про означенную грамату онъ спрашивалъ у ктиторовъ, на что одинъ изъ нихъ — Михаилъ Ященко далъ такой отвѣтъ. Въ 1699 году патріархъ Адріанъ послѣ доношенія ему войта кіевскаго Димитрія Погоцкаго прислали въ кіевскій магистратъ грамоту, которая „въ книги майстратовіе кіевскіе вписаны“. Въ грамотѣ этой патріархъ, между прочимъ, писалъ, что имъ послана другая грамота митрополиту кіевскому Варлааму Ясинскому, которая „по вичетѣ“ должна быть отдана митрополитомъ въ магистратъ „для содерянія“. Но митрополитъ въ магистратъ ее не отдавалъ, и что было писано въ ней, онъ — ктиторъ точно не знаетъ; но думаетъ, что ею запрещалось студентамъ жить въ Притиской школѣ, такъ какъ митрополитъ, „получивши оную грамоту, заразъ велѣль студентовъ изъ школы Притиско-Никольской изослатъ“. Въ той же грамотѣ, которая прислана патріархомъ въ магистратъ „ничего о студентахъ не упомянуто“.

26-го мая по указу митрополита были наведены справки въ магистратѣ. Здѣсь была отыскана грамота патр. Адріана 1699 года на имя кіевскаго войта Феодора Биковича такого содержанія: „Въ чесомъ нашей мѣрности доношеніе ваше въ церковныхъ дѣлахъ бистъ, о томъ наша грамота о Святѣмъ Дусѣ Сину и сослужителю нашему мѣрности къ Преосвященному Варлааму митрополиту Киевскому и Галицкому и малия Россіи извѣстителная послася особно, съ прочетомъ юже списавъ под-

линную отдасть вамъ въ судейское, гражданское и урадническое ваше соблюденіе". Но митр. Ясинскій,— говорили въ магистратѣ,— ни подлинной, ни копіи грамоты патріарха, адресованной на его имя въ магистратъ, не представилъ. Съ 1699 же года по сіе время, по магистратскимъ „сказкамъ“, студенты не живутъ въ Соборно-Успенской и Притиско-Никельской школахъ...

Резолюціі со стороны митрополита почему-то не было...

Расчтывая, что она будетъ все-таки въ пользу студентовъ, свящ. Жураковскій, переговоривши съ префектомъ академіи Михаиломъ Козачинскимъ, началъ принимать студентовъ на жительство въ Притиску школу. Такъ, въ первыхъ числахъ іюня онъ принялъ сюда инфимиста Михаила Люткевича и въ срединѣ августа ритора Ивана Святковскаго, піту Феодора Краснокуцкаго и аналогиста Василія Богдановича.

Самолюбіе о. Романа не могло примириться съ этимъ. Онъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, выжить студентовъ изъ школы... Но дѣйствовать открыто противъ студентовъ онъ самъ удержался, а направилъ противъ нихъ ктиторовъ, дьяка и поддячаго своей церкви. Они-то, при его поддержкѣ и даже, можетъ быть, по его плану, открыли свои нападенія на несчастныхъ студентовъ. (Сначала, впрочемъ, они шли къ цѣли мирнымъ путемъ: неоднократно просили префекта академіи запретить студентамъ жить въ школѣ; но, когда эти просьбы оказались напрасными, они прямо враждебно начали относиться къ студентамъ, стараясь такимъ образомъ довести ихъ до того, чтобы они сами волей-неволей ушли изъ школы)...

Прежде всего дьякъ и поддякъ не стали давать студентамъ ничего изъ того, что отпускалось мѣщанами на школу (древа, деньги и пр.), а все забирали себѣ, говоря студентамъ: „буди ваша студенская ересь укоренится въ нашей школѣ, то въ тое время вамъ даватимется денги и прочтое, а нынѣ покамѣсь мы будемъ въ школѣ жить, то потолъ (дотолѣ) не будете ничего братъ“... А чтобы сдѣлать еще болѣе непріятно для студентовъ ихъ горемычную жизнь въ школѣ, дьякъ и поддячій частенько въ пьяномъ видѣ и съ пьяною компаніею являлись въ школу, устраивали здѣсь музыку, подымали крики, смѣялись

надъ студентами и безъ всякаго уважительнаго повода брали и ихъ самою отборною („матерно“) бранью. Какъ ни досадно все это было для студентовъ, они все таки не оставляли своего крова...

Не достигая такимъ путемъ желанной цѣли, враги студентовъ сообразили, что для того, чтобы выжить ихъ изъ школы, самое лучшее найти законную придирку къ нимъ.

И что же? Дѣлкъ Коцѣнскій внушилъ школьнікамъ-мѣщанскимъ дѣтямъ сказать, что инфімистъ Люткевичъ уворовалъ у поддячаго Василія Люстрицкаго деньги „съ капшукомъ“...

Поднялась буря...

Люстрицкій прибѣжалъ въ школу и набросился на Люткевича съ бранью, какъ на вора. Люткевичъ, не подозрѣвая, откуда на него идетъ такое обвиненіе, жалуется на Люстрицкаго — и кому же? — Коцѣнскому! Коцѣнскій, обрадовавшись слuchaю, въ свою очередь ругаетъ ни въ чемъ невиннаго Люткевича!.. Къ счастью, на шумъ этой браніи подоспѣлъ въ школу риторъ Святковскій... и буря утихла, такъ какъ обнаружилась ложь, вызвавшая всю сцену. Въ чемъ дѣло? обратился онъ къ расходившемуся Коцѣнскому. Коцѣнскій въ отвѣтъ на это велитъ школьніку Григорію разсказать о воровствѣ Люткевичемъ денегъ у поддячаго.

Къ удивленію, школьнікъ клянется, что онъ про это ничего не знаетъ!...

„Видишь что неправда твоя! Напрасно тое, что будто Люткевичъ поворовалъ деньги, говоришь!“... съ справедливымъ укоромъ сказалъ Святковскій обезоруженному дѣяку...

Раздраженный неудачей своей уловки, Коцѣнскій ужъ безъ повода ругалъ студентовъ, выкрикивая: „Вы вѣдаете этое, что я здесь начальникъ!“...

— „Есть начальникъ и надъ тобою — настоятель Притиско-Никольскій Яковъ Жураковскій!“ — спокойно замѣчалъ ему Святковскій.

Въ бессильной злобѣ Коцѣнскій за это началъ подносить ему „дуль подъ носъ“, приговаривая: „Вы студенты знайте, что вы подъ мою командою состоите!“...

Такимъ образомъ, первая попытка Коцѣнскаго придраться къ студентамъ не удалась... Онъ дѣлаетъ другую. Бывшую въ школѣ жалкую мебель („посудъ“) забираетъ въ свой домъ и въ одинъ вечеръ посылаетъ троихъ школьніковъ ночевать въ школѣ на столахъ, чтобы такимъ образомъ лишить студентовъ послѣдняго ложа. Самъ же, предполагая, что студенты съ дракой станутъ прогонять расположившихся на noctлегъ школьніковъ, засѣль въ соседней коморкѣ... Позднимъ вечеромъ въ школу пришелъ Люткевичъ и, видя, что его ложе (столъ!) занято, принимается будить спавшаго хлопца. Хлопецъ подымаетъ страшный крикъ!... Только этого и ожидавшій Коцѣнскій выскакиваетъ изъ своей засады и съ матерною бранью и со сжатыми кулаками бросается на Люткевича... Затѣмъ со школьніками идетъ къ ктитору Булавинцу жаловаться на студентовъ за ихъ разбой. Булавинецъ оставилъ школьніковъ ночевать у себя, а утромъ привелъ ихъ въ школу и началъ дѣлать выговоръ студентамъ: „не добрѣ дѣлаете! Мы знатимъ какъ зъ вами поступить!“...

Студенты, видя, что ихъ положеніе въ школѣ съ каждымъ днемъ становится все хуже и хуже, 10-го ноября написали префекту академіи Михаилу Козачинскому „доношеніе“, въ которомъ изложили всѣ продѣлки надъ ними со стороны дѣка и поддячаго, поддерживаемыхъ ктиторами и отцемъ Романомъ.

Это любопытное (и, вѣроятно, единственное въ своемъ родѣ) доношеніе студентовъ по пунктамъ разсказываетъ почти все то, о чёмъ нами уже пересказано; поэтому, не приводя его въ полномъ видѣ, отмѣтимъ только нѣкоторыя болѣе характерныя мѣста.

„Високопревелебнѣйшому Господину Отцу Михаилу Козачинскому Префекту Академіи Кіевской

Доношеніе.

Которіи пакости дѣлаются намъ отъ дѣка притиского въ школѣ и его подкоманднихъ, о томъ слѣдуетъ пункта.

Дѣкъ Хведоръ многажди музыки завѣвши кажеть играть и хлопцамъ спѣвать, и кричать на поруганіе намъ зачимъ спокою не имѣмъ до науки.

Многократне заводится съ пьяницами, и пяни съ многими укоризнами и безчестіемъ ругаетъ, руками показуя: онъ-онъ студенти смотрѣте.

Поддлачій пришолъ пяний и сталъ сварится, и з сокирою поривался, сказуючи: я вамъ здѣлаю! ви плюшки—не студенти; и многажди пяни приходятъ оба з дякомъ и ругательными словами укараютъ, крики дѣлаютъ, и протчая неприличная, которыхъ встидно сказать.

Въ пятокъ помпіалній Димитріевої субботи по панихидѣ отецъ Романъ на своей седмици дѣлилъ булки и ситу дяковѣ и прочіимъ въ церквѣ, тогда и нашъ хлопецъ пришолъ и сталъ таможди (надѣючись что и на студентовъ дастъ, такъ якъ отецъ Іаковъ на своей седмици далъ). Егда же повидѣль послѣ всѣхъ нашего хлоцца, онъ отецъ Романъ сказалъ: а ти зачимъ? сей же поклонився сказуя по обичаю своему: дайте добродѣю и студентамъ з ласки своей, а онъ отецъ Романъ крикнувъ зъ гнѣвомъ на всю церковь: нехай трасцѣ зидятъ студенти, на панихидѣ не були, а когда хлопецъ сказалъ: добродѣю не застали не рано війшли зъ школы, тогда сказалъ на пономара такъ: дай имъ трохи.

О семъ доносимъ 1741 года Ноября 10 дня.

Вашего Високопревелебія всепокорнѣйшіи слуги убогіи студенти.

Іоаннъ Святковскій слигнатель школи реторики.

Феодоръ Краснокутскій школи поетики.

Михаилъ Люткевичъ ученикъ школи Інфѣмі.

Василій Григориевъ Богдановичъ школи аналогії“.

Между тѣмъ въ этотъ же самый день, 10-го ноября, враги студентовъ нашли и еще поводъ придраться къ нимъ.

Хлопцы, жившие при школѣ, „мимо... вѣдома студентовъ и, конечно, не безъ вліянія враговъ послѣднихъ, отправившись ночью на добычу („ночной добы пошедши“), утащили у ктитора Игната Цехмистра „хвортку“.

Ктиторъ (безъ сомнѣнія, заранѣе хорошо зналъ, куда дѣвалась его „хвортка“), на другой день явился на поиски въ школу и, взявши здѣсь изъ дровъ, на которыхъ уже была порублена его „хвортка“, одну палку, пошелъ съ нею, какъ съ

вещественнымъ доказательствомъ, къ префекту академіи винить студентовъ въ воровствѣ.

Префектъ, зная враждебное настроение ктиторовъ противъ студентовъ, не принялъ на вѣру такого тяжелаго обвиненія ими студентовъ, а счѣль необходимымъ обстоятельно разобрать дѣло. Само собою понятно, обнаружилось, что студенты вовсе не причастны воровству, произведеному школьнми хлопцами... Казалось, на этомъ бы и дѣлу конецъ! Но нѣть! Префектъ приказалъ Святковскому „хлопцамъ за ихъ воровство дать по пятидесять плягъ“ въ присутствіи ктитора Игната... Ктиторы, разумѣется, не этого искали, а потому не только не позволили Святковскому наказывать хлопцевъ, но и еще, чтобы снова какъ-нибудь прицѣпиться къ студентамъ, предупредили хлопцевъ о предстоящемъ имъ наказаніи, убѣдивши одного изъ нихъ убѣжать, а другого отречься отъ вины... Съ послѣднимъ Святковскій пошелъ къ префекту для объясненія. Сюда же явился и ктитор Булавинецъ, чтобы, какъ говорилъ онъ префекту, взять этого хлопца для слѣдствія надъ нимъ за его воровство въ Губернской канцеляріи. (На самомъ же дѣлѣ ктиторамъ онъ нуженъ былъ, какъ орудіе противъ студентовъ). Префектъ, ничего не подозрѣвая, отпустилъ хлопца, съ ктиторомъ.

По дорогѣ отъ префектка отпущеный бѣжалъ...

„Мы и давно желали такой причины, за которую могли бѣ вассъ выгнать изъ школы!“ самодовольно восклицали студентамъ ктиторы, увѣренные, что послѣ такого факта, которымъ можно ясно доказать вредъ житья студентовъ въ школѣ (изъ за нихъ вынуждены бѣжать школьніе хлопцы), они наконецъ-то добьются, что Притиская школа перестанетъ быть для нихъ пріютомъ...

Но увы!.. надежда ктиторовъ была слишкомъ преждевременною: въ тотъ же самый день бѣжившій хлопецъ, по распоряженію Козачинскаго, былъ пойманъ и приведенъ въ школу... Казалось, это обезоружило ктиторовъ въ ихъ планахъ... Нѣть!.. Ктиторы еще не остановились.

Они отправили за пойманнмъ сына ктитора Игната и, когда онъ явился (въ домъ Игната), уговорили его, чтобы онъ

„на всѣхъ студентовъ жіючихъ въ школѣ Притиско-Никольской воровство показывалъ“. Хлопецъ, дѣйствительно, согласился сказать, что онъ вмѣстѣ съ Люткевичемъ утащилъ рубаху у какого-то человѣка...

Между тѣмъ, узнавши о поимкѣ бѣглеца, Козачинскій послалъ къ свящ. Жураковскому двухъ философовъ изъ бурсы, прося его взять пойманнаго „до резолюціи на свои руки“. Жураковскій снарядилъ за нимъ къ Игнату Люткевича и Богдановича.

„Се той, что рубаху зворовалъ!“ закричалъ Игнатъ на Люткевича, и лишь только этотъ показался въ его домѣ, онъ схватилъ его и посадилъ у себя дома „подъ карауломъ“. Богдановича же вмѣстѣ съ своимъ сыномъ направилъ за Святковскимъ, чтобы спросить у него, „праведно-ль“ Люткевичъ требуетъ выдать хлопца.

Явился Святковскій.

Какъ бы предчувствуя что-то недоброе, онъ пришелъ не одинъ, а съ Богдановичемъ и еще со студентомъ Яковомъ Дубовикомъ.

„По чиєму вы приказу студента содержите въ себе подъ карауломъ?“ началъ онъ.

(У Игната сидѣлъ ужеувѣдомленный имъ Булавинецъ—кторъ „съ сѣпаками ратушними бывшими зъ обухамы“).

— „Вы всѣ воры!“ закричали ему ктиторы, а пьяные „сѣпаки... зъ обухамы“ уже „стали прискакивать“ къ нему.

— „Развѣ ты мене зазвалъ на тое, чтобъ зъ своимъ сыномъ мене убить?“ завопилъ перепуганный Святковскій.

„Видачи, что онъ Святковскій не самъ, но зъ двомя студенти пришелъ“, Игнатъ удержался отъ драки и лишь съ бранью прогналъ студентовъ изъ дома. („Сѣпаки... піяни зъ обухами выпроводили браня-жъ ихъ на (самую) улицу“).

Остался одинъ Люткевичъ „подъ карауломъ“. Это была уже жертва для самыхъ безжалостныхъ издѣвателствъ. Стасио и вообразить, сколько мучительныхъ страданій онъ вынесъ здѣсь!.. Ему, напр., „сѣпаки ратушніи“ завязали назадъ руки и, забывъ всякое состраданіе, били „колѣнками въ плечи“,

сколько имъ хотѣлось! Даже приказаніе райцы Балабухи¹⁾ „Люткевичу до разсмотренія ничего не чинить“ не освободило невинной жертвы отъ звѣрства безжалостныхъ палачей. Оно лишь на малое время, на нѣсколько часовъ остановило ихъ расправу... Пришла ночь и снова настали мученія для Люткевича... „Сѣпаки“ связали его и въ такомъ положеніи, съ „нешаднымъ“ боемъ таскали по улицамъ... Наконецъ, притащивши въ домъ Булавинца, заперли его „звязаннаго“ здѣсь „въ комору“... Только на другой день, когда заблаговѣстили къ утруни, онъ былъ выпущенъ Булавинцемъ на время въ церковь (и то—подъ наблюденіемъ, „дабы куда... незѣжалъ“), а потомъ, послѣ богослуженія, отправленъ въ „ратушу“²⁾.

Послѣ такой варварской продѣлки, какъ бы въ оправданіе себя, враги студентовъ спокойно говорили: „Ми ничего не хочемъ, только дабы въ нашей школѣ студенти не жили“!.. Такъ говорилъ дьякъ Святковскому, такъ говорили и ктиторы префекту академіи, увѣдомляя его о томъ, что Люткевичъ посаженъ ими въ „ратушу“. Очевидно, они (враги) уже готовы были торжествовать достиженіе своей цѣли...

Но горько обиженные студенты не могли простить вспіющей несправедливости: они обратились къ префекту академіи съ жалобою на своихъ гонителей, изложивъ ему всѣ испытанныя отъ нихъ невзгоды.

Префектъ 16-го ноября „занесль тяжбу въ магистратъ“ на ктиторовъ и подалъ „покорнейшое доношеніе“ митр. Рафаилу Зaborовскому, прося его „учинить рѣшеніе, дабы виредь етакихъ отъ дяки³⁾ дерзновеній не происходило“.

Дѣло такимъ образомъ приняло серьезный оборотъ.

Началось слѣдствіе. 17-го ноября въ капеллярии митрополита былъ снятъ допросъ со студентовъ, жившихъ въ При-

¹⁾ Балабуху събѣ этомъ просилъ Козачинскій чрезъ учителя піятики (Сильвестра Добринса).

²⁾ Отсюда онъ немедленно былъ отпущенъ въ академію.

³⁾ Къ своему доношенію префектъ присоединилъ и выше приведенное доношеніе студентовъ.

тиской школѣ, съ дьяка Федора Коцѣнскаго, и поддячаго Василия Люстрицкаго¹⁾.

Враги студентовъ не дремлють... Они спѣшатъ теперь сбить студентовъ съ ихъ послѣднихъ позицій.

Дьякъ 18-го числа разогналъ изъ школы всѣхъ мѣщанскихъ дѣтей подъ тѣмъ предлогомъ, что имъ здѣсь „за студентами жить не можно“, а ктиторы, ухватившись за этотъ предлогъ, какъ за фактъ (требовавшій „горшое гоненіе“ на студентовъ со стороны мѣщанъ), „пѣлую почти парохію Притискую двинули къ подпису, и подали отъ себе въ магистратъ кіевской доношеніе въ той силѣ, даби въ Притиской школѣ студенти не жили“. Это они мотивировали такими „резонами“: 1) „въ школѣ отдавна студенти не живутъ; 2) въ школѣ церковныхъ служителей якото дячковъ, паламаровъ за побоемъ студентовъ удержать немощно; 3) дѣтямъ славенскаго письма за студентами учиться не можно и 4) внасть вѣчного не пропадало покамистъ студенти въ школѣ не жили“.

Кіевскій войтъ Павель Войничъ 20 ноября увѣдомилъ чрезъ магистратскаго инспектора Григорія Бѣлявскаго префекта академіи о такомъ доношеніи ктиторовъ. Префектъ сей-часъ же на это доношеніе „занесль протестъ въ магистратъ“ и затѣмъ 23-го ноября отнесся въ духовную консисторію съ пунктуальнымъ опроверженіемъ всѣхъ ктиторскихъ „резоловъ“, какъ созданныхъ „по злобѣ и страти зъ завязтости“.

Въ Притиской школѣ, писалъ Козачинскій въ консисторію, издавна жили студенты. И самъ о. Романъ всого лѣтъ шесть тому назадъ, „когда ходилъ на реторику“, жилъ тамъ. За это на него никто не писалъ доношеній и никто не подымалъ гоненій; и жилъ онъ, пока хотѣлъ.

¹⁾ Дьякъ и поддячій, будучи неосмотрительно щедрыми въ своихъ показанияхъ на студентовъ, дали противорѣчивые отвѣты.

Къ сожалѣнію изъ этихъ отвѣтовъ видно, что и студенты были не безъ грѣха. Они иногда позволяли себѣ въ школѣ быть мѣщанскихъ дѣтей за то, что послѣдніе во время занятій студентовъ „въ голосъ“ читали, а иногда ночью посыпать школьніхъ хлопцевъ за водкою.

Никакихъ побоевъ и ссоръ студенты въ школѣ не производять. Правда, 16 сентября сего 1741 г. съ позволенія и вѣдома свящ. Жураковскаго студенты одному „пяницѣ паламару за досаду свою дали двадесять илягъ канчукомъ“. Но, когда ктиторы пожаловались мнѣ на это, „я двохъ риторовъ и двохъ инфѣмѣстъ—чирихъ человѣкъ за одного паламара—велѣлъ нещадно при ихъ самихъ ктиторахъ у двѣ барбары бить“. Другихъ подобныхъ случаевъ со стороны студентовъ не было. Между тѣмъ дѣякъ „многажды“ ругалъ студентовъ, „фѣги“ имъ показывалъ, „въ щоку бить поривался“, „хлопца своего... принуждалъ даби о воровствѣ лжесвидѣтельствовалъ“; поддячій „зъ сокѣрою до студентовъ кидался и какъ хотѣлъ ругалъ“... и студенты все терпѣливо переносили, зная, что „имъ поблажки нѣтъ“!. Даже и то пропало, что „вакацѣями“ дѣякъ поколотилъ студента—„поету“, а поддячій—ритора („сына нынѣшняго пана лавника Ядрила“),—и все потому, что „не знать у кого сатисфакцїи искать“: вездѣ „мѣшаются ктиторы, оставляя священниковъ въ пренебреженіи.

Несправедливо и то, что „дѣтамъ славенскаго письма за студентами учиться не можно“ въ школѣ. Вѣдь всѣмъ известно, что въ Добро-Никольской, Покровской, Глѣбо-Бориской, Духовской, Набережно-Никольской, Ильинской, Воскресенской, Рождественской, Царе-Константиновской, Васильевской и Введенской школахъ живутъ студенты, и тѣмъ не менѣе въ этихъ же школахъ „славенскаго письма дѣти учатся безпрепятственно“. Да и въ Притиской школѣ до сихъ поръ учились дѣти, несмотря на то, что тутъ жили студенты. Вотъ, когда „сталася акцїя“, дѣтей уже въ школѣ не оказалось, потому что дѣякъ ихъ „разпустилъ на ценю“. Не даромъ же о. Яковъ, не увидѣвшіи 18-го ноября въ школѣ дѣтей и спросивши у школьнаго „молодика“: „для чего не имѣется дѣтей въ школѣ?“, самъ отвѣтилъ: „да!.. я вѣдаю, чтобы то было, что на студентовъ говорить“!

Наконецъ, нѣтъ никакихъ основаній у ктиторовъ и къ обвиненію студентовъ въ воровствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, раньше моего доношенія на ктиторовъ за ихъ расправу съ Люткеви-

чемъ, они не заявляли о своей пропажѣ ни мнѣ, ни магистрату, „да и теперь же именно на студентовъ не показуютъ, но то-чю подукривательствомъ во обществѣ, что пропало, пишутъ“. Очевидно, что такое обвиненіе создано ими съ цѣлью „оправдатися“ за свои козни противъ студентовъ. Для этого они „первѣе нѣякимися привилегіями фастали, а теперь не будучи въ состояніи показать ихъ, уже „пеною и привязкою напрасною хотятъ оправдатися“... Напримѣръ, они говорятъ, что студенты уворовали рубашку „у писаря конверсарійскаго“ и „фортуку“ у ктитора... На самомъ же дѣлѣ, это совершили не студенты, а „школляръ“. И странно: самъ писарь, выбросившій на дворъ негодную старую рубаху „не инстигуетъ“ за пропажу, а ктиторы хлопочутъ!.. „Что (имъ) за дѣло напрасно судъ утруждать и народъ смущать цѣлую парохію?“ Обвиняютъ студентовъ еще въ похищеніи у поддачаго „хутра“ (тулупа)... Но опять таки безъ улики: въ то время, когда случилась указанная пропажа, въ школѣ жилъ лишь одинъ студентъ и какъ разъ съ самимъ поддячимъ безвыходно стоялъ на богослуженіи въ церкви. Мало того, и у студента тогда же, одновременно, утащили кафтанъ изъ школы.

Въ заключеніе Козачинскій просилъ консисторію всему дѣлу „конецъ удѣлать“.

25-го ноября консисторія, заслушавъ все дѣло о Притисской школѣ, постановила: іерею Роману Антонову за его согласіе съ ктиторами изгнать студентовъ изъ Притиской школы, за его хвастовство какою-то непоказанною грамотою, за арестъ имъ студенческихъ вещей (съ 6 го по 13-е мая), словомъ „за его нераченіе и недоброхотство къ учащимся“—„быть на цепѣ въ катедральномъ Киево-Софійскомъ монастырѣ, чрезъ цѣлую седмицу сѣять муку въ пекарнѣ“; дьяку Федору Коцѣнскому за его ложное показаніе, будто бы его биль Яковъ Дубовикъ, и за то, что „вакаціями“ онъ самъ побилъ „поэту“, и поддячemu Василію Люстрицкому за побой ритора Ядрила, и за всѣ совмѣстныя съ дьякомъ дѣйствія противъ студентовъ—„учинить наказаніе плетми на цвентарѣ передъ школою Притискою, дабы таковыхъ предерзостей на учащихся и учителей не происхо-

дило“. О возмездії же ктиторамъ—Игнату Цехмистру и Феодору Булавинцу за то, что они „напрасно“ мучили Люткевича и „студентовъ живущихъ въ школѣ ворами и інними досадными словами безвинно и ненадлежно поносили“, было поручено префекту „въ магістратѣ требовать“, куда изъ консисторіи была отправлена объ этомъ „промеморія“. Наконецъ студентамъ, живущимъ въ Притиской школѣ, было опредѣлено, „жить и впредь въ оной же школѣ безпрепятственно¹⁾ и честное обходительное имѣть зъ дякомъ и прочими школьниками пребываніе, подъ опасенiemъ наказанія; аще же бы въ чёмъ студенти виновны явились, сатисфакціи въ академіи кіевской у кого надлежитъ. Оніє жъ въ Притиской школѣ живущіе студенты до церкви въ тіі времена коихъ оны отъ трудовъ школьніхъ волни будуть и на крилось ходили бъ за что зъ собираемыхъ на школу доходовъ по усмотренію тамошнихъ священниковъ взимали бъ надлежащую часть съ прочими ради препитанія и спайднія въ нужднихъ“.

Священникъ Романъ Антоновъ отбылъ свое наказаніе, равнымъ образомъ и дьякъ съ поддячимъ были безъ всякого, пощадѣнія и поблажки наказаны плетми предъ Притискою школою, въ присутствіи студентовъ, „опредѣленныхъ отъ превелѣбнѣйшаго отца префекта академіи“.

Наложиль-ли магістратъ какое-либо наказаніе ктиторамъ, не знаемъ... Впрочемъ, это не столь интересно, какъ самая исторія гоненія студентогъ, показывающая, какія иногда невзгоды должны были переживать студенты, искавшиі себѣ приюта въ церковно-приходскихъ школахъ, изъ-за одного каприза нерасположенныхъ къ нимъ лицъ!..

Въ 1750 году академическое начальство, чтобы положить конецъ непрігляднымъ столкновеніямъ между студентами, жившими по приходскимъ школамъ, и причтомъ, въ ближайшемъ

¹⁾ Бъ виду того, что въ обрѣтающейся при Академіи бурсѣ за скудость мяста (тамъ въ ноябрѣ, по доказаду Козачинскаго, „блізъ 200“ человѣкъ было, да „и вновь многіи въ академію прибывають“...) всѣмъ мяститись невозможно“.

вѣдѣніи котораго были эти школы, выдало особую письменную инструкцію¹), опредѣлявшую права и обязанности студентовъ, ютившихся по школамъ, и ихъ отношенія къ церковному причту.

Но и послѣ инструкціи, надѣ положеніемъ студентовъ въ приходскихъ школахъ продолжалъ во всей силѣ дарить произволъ священниковъ, дьяковъ, поддячихъ и ктиторовъ церквей, при которыхъ были школы.

Въ 1754 году, напр., студенты были даже изгнаны изъ Васильевской школы *по одному только капризу* священника Васильевской церкви Павла Лобко²).

Дѣло было такъ.

1-го іюня о. Павелъ, получивши какой-то указъ, явился съ нимъ въ школу, чтобы здѣсь отдать его „ради перекопіевання“ своему дьяку.

Дьяка въ школѣ не оказалось.

„Гдѣ дякъ? Куда пошелъ?“ обратился о. Лобко къ занимавшимся въ школѣ студентамъ.

— „Не вѣдаемъ!“ отвѣчали они.

О. Павелъ былъ, вѣроятно, не въ духѣ и посыпалъ бранью на студентовъ... Затѣмъ, подалъ синтаксисту Михаилу Стакорскому указъ, приказывая немедленно „перекопіевать“ его.

„Я не вѣдаю, якъ его писать“, сталъ отговариваться Стакорский.

Но о. Павелъ, ничего не принимая въ резонъ, ударилъ его „въ щоку“...

Обиженный Стакорский сейчасъ же бросился съ жалобою къ своему сеніору-философу Стефану Григоровичу, жившему въ другой избѣ той же школы.

О. Павелъ за нимъ... и вытолкнулъ его „въ шію“ изъ сеніорской избы, крича: „Якъ ти сукинъ и каналскій синъ, такъ и тотъ, кто тебе заступаетъ, каналія!“...

¹) Инструкц. эту см. Акты Киево-брат. училищ., монастыря и академій, собран. В. И. Аскоченскимъ, т. 1-й, № 34.

²) Онъ вообще почему-то нанялъ сильную непріязнь и къ студентамъ, и къ профессорамъ академіи..

— „Не изволте, мосцѣ отче, хлопцовъ бить и бранить, понеже якъ великихъ школъ ученики, такъ и малихъ, вамъ не подкомандны! А отъ отца префекта мнѣ приказъ: хлопцовъ въ дворъ на ваше партикулярное дѣло, по вашему насилию (развѣ съ прошеніемъ), не давать и не посыпать!“... началъ „склонно“ (вѣжливо) говорить о. Павлу Григоровичу.

— „А ти, каналие, на чиємъ ґрунтѣ живешъ?“... закричалъ ему на это о. Лобко... „Якій мнѣ съ васъ прибитокъ?“... и въ раздраженіи снялъ съ головы шляпу, ударилъ ею трижды „по лицу“ Григоровича, наконецъ, совсѣмъ вытолкнулъ его изъ коморки и выбросилъ оттуда вонъ всѣ его вещи, съ бѣшенствомъ говоря:

„Чтобъ ваше имя студенское не слылося здѣсь! Вонъ всѣ съ школы! А якъ не війдешь заразъ, то плетей или кіевъ скушаешь!“...

Нечего дѣлать! Студенты должны были оставить свой кровъ...

О. Павель, въ пылу гнѣва, даже „коморки на горѣ, давно еще студенскими трудами и стараніемъ (только жъ за его отца Лобко позволеніемъ) подѣланніи, выбросивъ студенскіе веци, поразоралъ и поразрубовалъ, да и комена мурованого трубу разбиль, и окна въ школѣ оконницами позабивалъ“...

Лишившись, такимъ образомъ, ни за что-ни про что, своего убогаго пристанища, девять бѣдныхъ студентовъ (философы Степанъ Григоровичъ, и Семеонъ Заставскій, риторъ Игнатъ Товарницкій, ціиты Георгій Судакянскій и Георгій Василькевичъ, синтаксисты Петръ Заставскій и Кассіанъ Ягельскій и інфілисты Кирилль Орловскій и Тихонъ Свидерскій) обратились 4-го іюня съ письменною жалобою на о. Лобко къ префекту Давиду Нащинскому.

Нащинскій въ тотъ же день адресовался въ консисторію, прося „снять сатисфакцію“ съ о. Лобко за изгнаніе студентовъ, при чемъ замѣчалъ, что о. Павель „и прежде сего доволно смятенія и утѣсненія бѣднимъ студентамъ здѣжалъ, и впредь дѣлать не перестанетъ, ежели ему то свободно оставится“.

Консисторія препроводила 15-го іюня о. Павлу копію студенческой жалобы на него, требуя отъ него оправданія, но онъ

22-го числа на такое требование отвѣтилъ: „когда бы отецъ префектъ на мене подалъ доношение, то би я противъ оного отвѣтствовать могъ, а противъ доношения сихъ студентовъ, которыхъ я почти воспиталь и пелешки ихъ было очищаю, отвѣтствовать не хочу“... Послѣ этого, 6-го іюля, консисторія опредѣлила: „крестовую грамоту отъ Лобка отнять¹⁾, студентамъ же по прежнему въ Василіевской школѣ жить, и поступать имъ за силу академійской инструкції, а ему Лобку надъ студентами никакой команди не імѣть; буди же бы они студенти противъ оной академійской інструкції въ чёмъ поступили, то ему Лобку доносить на нихъ прежде учителю, въ которого вѣдомствѣ кто состояти іметъ, потомъ префекту; а ежели бы онъ Лобко имъ студентамъ впредъ какіе обиды и разоренія началъ приключать, то имъ самимъ студентамъ его Лобка за вѣдомомъ префектовскимъ взять подъ караулъ представить того жъ времени въ Духовную Консисторію“.

Выслушавъ такое опредѣленіе, о. Павель не давалъ благословенія изгнаннымъ имъ студентамъ на новый ихъ „входъ“ въ школу, говоря: „пусть студенти, що хотятъ дѣлаютъ: входить въ школу жить или не входятъ; не въ моей то волѣ, церковная земля, церковное и строеніе, ктиторы о томъ лучше знаютъ!“

Но студенты, и безъ его благословенія, заняли свой прежній пріютъ, отнятый у нихъ на время просто по капризу о. Павла...

Д. Вишневскій

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Грамота ему была возвращена 16-го ноября, послѣ неоднократныхъ просьбъ обѣ этомъ предъ митрополитомъ и даже предъ импер. Елизаветой Петровной.

Любопытно, почему Лобко въ своемъ прошеніи митрополиту 3 августа, между прочимъ, писалъ, что „студенти зъ школи вишли по усиловному и страшательному подъ ваказаніемъ новелѣнію префекта академіи кіевскія Давида Нащинскаго, ико онъ префектъ напредъ того имѣя на меня посагательство, то все на меня велѣль написать прицепкою единою, а не правилиніемъ дѣйствіемъ“, отказавшись своевременно дать оправданіе на жалобу студентовъ.

Автобіографія священника Аполлонія Сендульськаго.

Въ октябрской книжкѣ *Киевской Старины* за 1882 г. помѣщень составленный г. Ал. Тарнавскимъ некрологъ священника Волынской Епархіи о. Аполлонія Сендульськаго, скончавшагося 7 января 1882 г.

„О. Аполлоній Сендульскій,—такъ начинается некрологъ,—былъ въ высшей степени выдающааяся личность. Въ немъ счастливо соединились прекрасный чѣловѣкъ, образцовый священникъ-пастырь, незаурядный дѣятель-администраторъ и выдающійся мѣстный ученый-историкъ.“—Переходя къ характеристику литературныхъ трудовъ о. Аполлонія, посвященныхъ мѣстной исторіи, г. Тарнавскій говоритъ: „Начавъ съ исторіи села Сивокѣ (остроожск. уѣзда)—своего прихода—перваго печатнаго труда, появившагося на страницахъ мѣстныхъ „Волынскихъ Епарх. Вѣдомостей“ въ 1868 г., о. Аполлоній перешелъ къ изслѣдованіюсосѣднихъ мѣстностей—селъ, мѣстечекъ, городовъ и монастырей—и неустанно работалъ до послѣднихъ дней своей жизни.“—Приведши затѣмъ перечень историческихъ статей о. Аполлонія, коихъ оказывается около 40,—г. Тарнавскій говоритъ: „Но литературная дѣятельность о. Аполлонія Сендульского не ограничивалась перечисленными трудами. Онъ вель „Лѣтопись“ своего прихода; въ нее онъ вносилъ все замѣчательное, какъ то: особенные события и случаи, наблюденія надъ жизнью крестьянъ, статистическая свѣдѣнія о приходѣ и метеорологическая наблюденія. Послѣ отца Аполлонія осталась написанная имъ же самимъ „Автобіографія“ и множество рукописнаго матеріала, между прочимъ двѣ приготовленныя къ печати

статьи: „Мѣстечко Лабунъ“ и „Мѣстечко Степанъ“, и многочисленная библиотека, состоящая преимущественно изъ книгъ исторического содержанія.“

Вотъ эту-то вышеупомянутую „Автобіографію“ о. Аполлонія Сендульского мы и сообщаемъ теперь на страницахъ *Кievskoi Stariны*. Она, кромѣ характеристики личности самого о. Аполлонія, представляетъ также интересный матеріалъ для исторіи волынской духовной семинаріи, въ которой о. Аполлоній учился въ 40-хъ и началъ 50-хъ гг. А это—и кстати; ибо волынская д. семинарія собирается справлять въ 1896 г. свой столѣтній юбилей...

Въ „Автобіографії“ мы сдѣлали по мѣстамъ подстрочнымъ примѣчанія. Покойный о. Аполлоній повидимому самъ собирался ее напечатать, и такъ какъ многія личности, о коихъ онъ упоминаетъ и дѣлаетъ подчасъ рѣзкіе отзывы, были въ то время (въ 1867 г.) еще въ живыхъ, то онъ имена этихъ личностей обозначаетъ только начальными буквами. Тоже самое сдѣлалъ онъ и съ названіями мѣстностей. На сколько позволяли наши свѣдѣнія, мы раскрыли большую часть этихъ именъ.

Подлинная рукопись „автобіографії“—(черновая—съ поправками и помарками) передана намъ сыномъ о. Аполлонія, кандидатомъ кіевской духовной академіи *Клавдіємъ Аполлоновичемъ Сендульскимъ*, который состоитъ теперь священникомъ въ г. Одессѣ при Петропавловской церкви. Приносимъ за это многоуважаемому о. Клавдію искреннюю благодарность.

Левъ Мацѣевичъ.

А в т о б і о г р а ф і я .

Родина моя село *Садки*, кременецкаго уѣзда. Родился я въ 1830 г. 17 октября отъ родителей священика *Дорофея* и жены его *Anastasii*; актъ рожденія и крещенія моего записанъ въ метрическихъ книгахъ при Садковской Богословской церкви. Чрезъ полгода послѣ моего рожденія умеръ мой отецъ, и я остался сиротою. Не сознавалъ я тогда бѣдственнаго своего положенія и не замѣчалъ даже, что вокругъ меня дѣлается; я

былъ тогда въ родѣ автомата: кричалъ, смеялся, плакалъ и больше ничего; но когда я началъ подростать, то замѣтилъ, что внешняя обстановка нашей жизни слишкомъ была незавидная; случалось, что семья наша нуждалась въ кускѣ насущнаго хлѣба; мать убивалась, какъ могла, горевала и трудилась, едва ли не болѣе простой поселянки; ни дня, ни ночи не имѣла покоя, всю черную работу сама исправляла и такимъ образомъ кормила всю свою семью, состоявшую, кромѣ самой матери, изъ двухъ дочерей и меня, самаго меньшаго. Я, разумѣется, какъ меньшой („мизинокъ“), пользовался особенною любовью у матери; всѣ сласти, все лучшее было моимъ достояніемъ; я росъ, какъ обыкновенно растутъ въ деревнѣ всѣ крестьянскія дѣти; росъ безъ радости, но и безъ горя; въ этомъ беспечномъ и безцвѣтномъ существованіи или, правильнѣе сказать, прозябаніи по цѣлымъ днямъ шалилъ, рѣзвился, игралъ съ мальчиками и въ тоже время ругалъ, бранился и даже колотилъ своихъ товарищѣй, если который изъ нихъ оказывался въ чемъ-нибудь неисправнымъ, или же въ чемъ-нибудь мнѣ противорѣчилъ. Говорятъ, что въ человѣкѣ съ малыхъ лѣтъ проявляются уже наклонности къ тому призванію, которое ожидаетъ его послѣ, на поприщѣ жизни. Между дѣтскими моими играми уже замѣтно было нѣчто такое, что можетъ оправдывать настоящее мое призваніе. Такъ, я, собирая къ себѣ мальчиковъ, крича во всю глотку, устраялъ погребальную церемонію, а для сего давалъ товарищамъ въ руки предлинныя хворостины въ родѣ хоругвей, а самъ изъ арбуза дѣлалъ кадилью, шелъ предъ ними впереди и пѣлъ, но что пѣлъ, теперь не помню. Такъ текло беззаботно мое дѣтство. Но вотъ показались и тучки на моемъ горизонте. Едва минуло мнѣ пять лѣтъ, уже дали мнѣ въ руки книгу и начали учить. Неохотно сидѣлъ я за книгою,—сильно она мнѣ не нравилась. При томъ я никакъ не могъ понять и усвоить себѣ премудрость азбуки, а букварь вѣдь не коврижка, сразу не раскусишь. Не учился, а мучился я цѣлый годъ, пока узналъ я начертаніе и произношеніе кириллицы; но какъ пришло до складовъ, то они просто показались мнѣ чѣмъ-то непостижимымъ; еще прошло полгода, пока я затвердилъ ихъ. Наконецъ нужно было и

читать урокъ толково или по верхамъ. Я плакалъ, сердился, проклиная всю книжную премудрость, но вечего было дѣлать. У меня было нѣсколько учителей и все дѣячки, которые дѣйствовали по своему; и какъ, разумѣется, это было еще въ первой половинѣ 19-го столѣтія и они, по своимъ понятіямъ, не могли предугадывать уничтоженія и прекращенія бывшей тогда въ ходу системы розогъ,—то, послѣ всѣхъ принятыхъ противъ меня мѣръ, приступили къ розгамъ и стали меня сѣчь. Этотъ крутой поворотъ дѣла сильно подействовалъ на меня, и я, во избѣженіе дальнѣйшихъ жестокостей, принялся за книги и въ непродолжительное время прошелъ букварь, часословъ и псалтырь. „Вотъ я уже грамотный, думалъ я, могу читать въ церкви и даже разбирать гражданскую печать; чего же больше нужно для меня, несчастнаго сироты, вѣдь этой премудрости довольно съ мена.“ Такъ думалъ и мой учитель дѣячокъ, который уговаривалъ мою мать, чтобы она оставила меня при немъ, для того, чтобы, пріучивъ меня причетническимъ предметамъ, сдѣлать дѣячкомъ; но мать на это не согласилась и настояла на томъ, что взяла меня домой. Послѣ того еще около двухъ лѣтъ я таскался по дѣяческимъ профессіямъ и наконецъ поступилъ въ З.¹⁾ приходское училище. Хотя я былъ уже довольно приготовленъ и могъ бы поступить во 2-й классъ, но такъ какъ не было ходатайства за меня, то я принятъ былъ послѣ экзамена въ 1-й классъ. Здѣсь былъ наставникомъ И. В. Кач...и. Его грубая и упрямая натура не обѣщала мнѣ ничего доброго. Но онъ какъ-то не обратилъ на меня своего вниманія, и цѣлый годъ я не испытывалъ его жестокости, потому-ли, что я занимался по возможності уроками, или что я былъ бѣденъ и не составлялъ для него лакомаго куска. Но какъ онъ обходился съ другими,—страшно вспоминать. Особенно онъ любилъ призывать учениковъ къ себѣ и расправлялся съ ними собственноручно. Но нужно замѣтить, что жестокость соединялась въ немъ съ какою—то неопределенною добротою сердца. Онъ билъ плетью, но въ тоже время подпавшихъ его

¹⁾) Загаецкое. С. Загаицы—пременецкаго уѣзда, въ 42 в. къ юго-вост. отъ Кременца. Тамъ—мужской заштатный монастырь и при немъ—училище. Монастырь известенъ подъ именемъ Загаецкаго Іоанна Милостиваго. Основ. ок. 1636 г.

жестокости поилъ чаемъ, награждалъ разными сластями и даже давалъ деньги. Чрезъ годъ онъ выбылъ, а поступилъ И. М. Мос—ий. Это былъ отчасти добрый человѣкъ, и объясненія его по краткой священной исторіи памятны мнѣ и до сего дня; въ числѣ первыхъ учениковъ я перешелъ во 2-й классъ. Тутъ былъ наставникомъ смотритель училища и казначай Загаецкаго монастыря іеромонахъ *Сергій*. Онъ обходился съ учениками, какъ отецъ съ дѣтьми; онъ первый заставлялъ пасть думать и разсуждать, предлагая ученикамъ различные вопросы, сообразные съ ихъ понятіями, объясняя просто, и такимъ образомъ развивалъ наши понятія. Если бы въ теченіе училищной жизни встрѣтилось намъ побольше такихъ наставниковъ, то изъ насъ вышло бы что-нибудь путное; но это былъ первый и послѣдній наставникъ въ этомъ родѣ. Много объясненій его я записывалъ и долго сохранялъ въ памяти. Кромѣ того, онъ имѣлъ обыкновеніе давать лучшимъ ученикамъ книги для чтенія, и я, будучи въ числѣ лучшихъ по успѣхамъ, постоянно бралъ у него книги различнаго содержанія; много въ то время я читалъ, хотя и не понималъ всего; тогда же прочиталъ я всѣ Четьи-Минеи, Прологъ, Патерикъ печерскій и друг. Многое изъ прочитаннаго я усвоилъ, а многое и осталось безъ вниманія. Послѣ двухлѣтняго курса во 2-мъ классѣ, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, я поступилъ въ Кр.¹⁾ уѣздное училище, въ концѣ разрядныхъ списковъ. И вотъ я очутился въ уѣздномъ городѣ К.²⁾. Тутъ сперва опишу я материальную сторону моего быта на новомъ мѣстопребываніи, а потомъ скажу и обѣ училищной обстановкѣ. Городъ не то, что село. На сейль во что ни одѣнешься, никто не обратить на тебя вниманія, развѣ товарищъ—отцовскій сынъ, баловень счастья, и погода посмѣется, подтрунитъ надъ твою одѣждою и тѣмъ конецъ;—но въ городѣ другое дѣло. Послѣ каникулярнаго времени явился я съ обновой въ г. К.; на мнѣ была неопределеннаго фасона одѣжда изъ пестрядины—простого холста, окрашеннаю краскою.

¹⁾ Кременецкое.

²⁾ Кременецъ.

Бурсы при училищѣ тогда не было, а казенокоштные ученики помѣщались въ Базильянскомъ корпусѣ, отстоящемъ отъ училища почти на версту. Въ этой неопределеннаго фасона одежь я щеголялъ въ классъ чрезъ главную улицу. Евреи часто оточали¹⁾ меня, ощупывали мою одежду и съ саркастическимъ смѣхомъ или отходили отъ меня, или спрашивали съ злой ironией: „почему то сукно“. Я, разумѣется отплачивалъ имъ доброю монетою.—На квартирѣ намъ было хорошо; давали кушать по-рядочно и вдоволь, но нечистота была страшная и невообразимая. Послѣ сентябрьской трети сформировалась уже бурса при училищѣ, и всѣ казенокоштные ученики перешли туда. Тутъ начинается уже крайняя бѣда. Экономомъ былъ смотритель училища, который кормилъ насть, какъ ему заблагоразсудилось. Правда, ничтожная сумма (16 р.) тогда отпускалась на бурсака, но нужно же было изъ этой крохи хоть что-нибудь удѣлить себѣ, и онъ удѣлялъ, а лабы не отягощать напихъ маленькихъ желудковъ и тѣмъ не забивать способностей, онъ выдавалъ намъ по толикой малой порціи, что многіе начали хворать и упадать въ сплахъ; кромѣ того, каша, или правильнѣе кулишъ, давалась намъ всегда синяя, отчего скоро открылась горячка у бурсаковъ, и многіе поплатились жизнью за эту кашицу. Но никто и не пикнулъ противъ этого! Мы молчали и терпѣли. Такова была и моя бурсацкая жизнь. И я тремя седмицами отдѣлался отъ бѣлой горячки, отъ которой и волоса не осталось на головѣ. Такой кормъ продолжался чрезъ 3-й и 4-й классы уѣздныхъ училищъ. И не смотря на то, что въ желудкѣ, какъ въ пустомъ, постоянно бурчало, въ классѣ находили мы пытку не лучше этой. Наставникомъ члatinского языка въ 3-мъ классѣ былъ В. С—ій, человѣк крутаго и энергического характера; будучи строгъ и взыскатель за познаніе уроковъ, онъ расправлялся съ мальчиками тирански — всегда па скамейкѣ, что тогда мы называли „тянуты на кобылу“ какъ обыкновенно здѣсь называютъ эшафотъ. Кромѣ этого безчеловѣчного наказанія, или сѣченія розгами на скамейкѣ, всѣ незнающіе уроковъ должны были стоять на колѣняхъ. Бла-

¹⁾ Т. е. окружали.

годаря обстоятельствамъ, я никогда не подвергался эшафоту. Но сердце замирало, когда происходила расправа съ другими. Какъ теперь помню его слова: „а-ты каналья, не хочешь учиться, взять его на скамейку“¹. Бѣдный грѣшникъ кричалъ, вопилъ, молилъ, но не было ему пощады. Тотчасъ подходили къ нему четыре экзекутора, брали его за голову, руки и ноги и безцеремонно растягивали его на эшафотѣ; между тѣмъ главный экзекуторъ безпощадно стегалъ его. Крикъ этихъ присужденныхъ къ таковому наказанію далеко слышенъ былъ въ городѣ. Тогда, разумѣется, никто изъ настѣ, и особенно успѣвавшихъ, не задавался вопросомъ: что заставляло настѣ учиться; но теперь можно дать на это положительный отвѣтъ, что мы учились не изъ любви къ наукамъ, не по охотѣ, которую отнялъ у настѣ этотъ терроризмъ, а единствено изъ страха, чтобы избѣжать страшныхъ пытокъ. Про себя я долженъ то самое сказать. Хотя я занимался по возможности предметомъ этого наставника, такъ что скоро обратилъ на себя его вниманіе,—однако шелъ въ классъ постоянно съ какимъ-то смущеніемъ и болезнью. Предъ экзаменомъ въ первой трети онъ поставилъ меня въ 1-мъ разрядѣ и въ генварьской трети назначилъ меня *авдиторомъ*, что особенно польстило моему самолюбію. Наставникомъ греческаго языка былъ О. Ол—ій, человѣкъ мягкаго характера и черезчуръ уже доброго сердца; онъ не любилъ розогъ и даже долгое время не заводилъ по своему предмету *нотатокъ*¹). Нужно замѣтить, что онъ былъ первого академического курса и уволенъ по болѣзни. Тотъ также воспроизвелъ меня въ авдиторы, и моя бурсацкая жизнь съ этой поры значительно улучшилась; имѣя подъ своимъ присмотромъ до 10 учениковъ, и то большою частью своекоштныхъ, я уже не голодалъ. Утромъ приносили мнѣ булки, а послѣ обѣда мясное и даже рыбное. За эти посулы я долженъ былъ волею-неволею кривить душой и незнающихъ уроковъ записывать знающими. Въ сохранившихся у меня до сихъ поръ нотаткахъ постоянно значатся отмѣтки: *scit*, хотя

¹⁾ *Нотатками* назывались листы, въ коихъ авдиторы отмѣчали вѣрненіиъ имъ учениковъ знающими или не знающими уроцъ. Л. М.

правду сказать, мои клиенты были чрезвычайно ленивый народъ. Если который-нибудь изъ нихъ уже самъ приходилъ ко мнѣ съ видомъ чрезвычайно униженнымъ и покорнымъ и, поклонившись своеобразно, объявлялъ мнѣ, что онъ рѣшительно не знаетъ урока, то и тогда отмѣталъ его я только *errandum* (sic)¹), но такихъ отмѣтокъ очень мало, потому что не всякий сознается въ своемъ незнаніи. Въ числѣ первыхъ учениковъ я перешелъ въ высшее отдѣленіе уѣздныхъ училищъ. Здѣсь, кромѣ обязанности аудитора, на меня возложена была еще должность старшаго квартиры. Эти двѣ обязанности чрезвычайно трудны къ добросовѣстному ихъ исполненію. Здѣсь по истинѣ нужно быть хитрымъ яко змій и цѣлымъ яко голубь. Ибо если станешь дѣйствовать такъ, какъ предписываетъ дѣло и требуетъ того справедливость, то наживешь себѣ враговъ соквартирантовъ, если же на все будешь смотрѣть сквозь пальцы и пропускать разныя продѣлки учениковъ мимо ушей, то попадешь въ немилость начальниковъ. Что тутъ дѣлать? Я держался средины,—не былъ слишкомъ взыскателенъ, но не давалъ никому и поблажки, а посему я былъ на хорошемъ счету у начальства и пользовался любовью и уваженіемъ своихъ подчиненныхъ. Смотритель училища *P. B—ii²*) былъ вмѣстѣ и наставникомъ латинскаго языка. Это одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которые рѣдко являются и являются какъ бы для того, чтобы дать почувствовать другимъ, что они не напрасно занимаются такія мѣста. Грозный, суровый и вспыльчивый, впрочемъ моментально, онъ не любилъ прощать за малѣйшія уклоненія отъ его могучей воли, которая для всѣхъ была закономъ. Его не только боялись ученики, но даже и наставники. Величественная его осанка, грозный видъ и густой басъ въ его разговорной рѣчи заставляли каждого ученика трепетать, а при гнѣвѣ его и при словѣ: „что-о-о!“, каждый какъ бы исчезалъ предъ нимъ, словно былинка предъ ураганомъ. Онъ никогда почти не смылся. Помнится, что одинъ только разъ въ теченіе цѣлаго курса засмѣялся въ классѣ, и мы не знали,

¹) Насали обыкновенно *err.* т. е. *erravit*—ошибался. Л. М.

²) *Павелъ Максимовичъ Винницкій.*

какой счастливой звѣздѣ приписать это необыкновенное явленіе. Впрочемъ, онъ не былъ жестокъ; правда, бывали минуты, когда онъ безъ милосердія и безъ пощады сѣкъ розгами руками солдатъ-служителей, но это очень рѣдко случалось. Помню, что и я однажды попался было подъ его гнѣвъ за неправильную записку въ нотаткѣ одного вѣренного мнѣ ученика. Ученикъ этотъ былъ достаточнаго отда, но къ несчастью тупъ и лѣнивъ до чрезвычайности. Онъ оставался на повторительномъ курсѣ въ этомъ классѣ. А какъ всегда оказывается уваженіе такимъ ученикамъ, то и я, хотя онъ былъ въ моей нотаткѣ, уважалъ его и не смѣлъ спрашивать его о знаніи уроковъ. Кромѣ того, онъ часто подносилъ мнѣ въ подарокъ то живетъ, то платочекъ и т. п. Искушеніе было сверхъ силъ моихъ; онъ богатъ, а я бѣденъ, онъ можетъ быть избыточествовалъ, а я нуждался и нуждался въ самомъ необходимомъ. Ибо тогда казенномокштные ученики, кромѣ стола и квартиры, больше ничѣмъ не пользовались отъ казны, вѣроятно, какъ мнѣ кажется, по милости эконома. И вотъ я не могъ устоять противъ такого искушенія и предлагаемое бралъ. За это онъ даже значился въ моей нотаткѣ: *scit*. Но какъ говорится: не всегда коту масляница, а придется для него и постъ,—такъ и для меня. У насъ проходили латинскую фразеологію, которой лекціи были по вторникамъ. Въ одинъ изъ несчастныхъ этихъ дней П. В—ій приходитъ въ классъ и первымъ спрашиваетъ его: „Н-то, скажи урокъ“. Екнуло сердце, но думаю себѣ: „съ начала вѣроятно приготовился, а потому и отвѣтъ будетъ удачнымъ“. Но каково было мое удивленіе, когда я замѣтилъ, что онъ и читать по латыни не умѣетъ. Ну, попался я въ ловушку, но нечего было дѣлать. На силу какъ то онъ прочиталъ одну фразу, переводъ же былъ хороши, но какъ пришло до разбора словъ, онъ решительно не зналъ толку въ немъ. Провозившись съ нимъ болѣе четверти часа, спрашивается: „кто его слушалъ?“ Я поднялся съ мѣста. „Какъ онъ записанъ знающимъ? Да онъ ничего не смыслитъ. Ступай къ порогу“. Онъ всегда выражался лаконически, говорить много онъ не любилъ. Этотъ лаконизмъ потрясъ все мое существо. Просить у него милости и пощады было бы напрасно.

Я покорился необходимости.—Инспекторомъ и вмѣстѣ наставникомъ греческаго языка былъ М. Л—кій, человѣкъ холерического темперамента, высокаго роста и имѣвшій претензіи казаться строгимъ и грознымъ, на самомъ дѣлѣ онъ былъ добрый человѣкъ, не любилъ часто употреблять розогъ и вель себя, какъ слѣдуетъ наставнику. По выбытіи его въ Епархіальное вѣдомство, на мѣсто его поступиль къ намъ *I. Кар—ий*; это былъ грозный бичъ, карающій всѣхъ и за все, даже за такія мелочи, на которыхъ иной бы и не посмотрѣлъ. Приходилъ онъ въ классъ всегда съ какимъ-то азартомъ и непонятнымъ настроениемъ духа, ясно выражавшимся въ его одутловатомъ и красномъ лицѣ, въ его нервной походкѣ и въ помутившихся глазахъ. Чтобы придраться къ кому нибудь, онъ обыкновенно бросалъ свой взглядъ на учениковъ, какъ котъ, ища добычи, и лишь замѣчалъ кого смѣющимся, тотчасъ подходилъ, гнѣвно спрашивалъ его: „чemu смѣешься—ступай подъ розгу“, и начиналась экзекуція, строгая, безпримѣрная и безпощадная; по 60 и болѣе розогъ отсчитывалъ онъ ученикамъ ни за что, ни про что. Мы не могли тогда понять его жестокости; но послѣ объяснилось. Онъ любилъ выпить себѣ породично и, когда въ пьяномъ видѣ являлся въ классъ, то ему казалось, что съ него всѣ смѣются, а потому онъ особенно не любилъ смѣющихся и производилъ съ ними страшную расправу. Но не смотря на его жестокость, я пользовался у него большою милостью и никогда не подвергался его наказаніямъ.

По окончаніи экзаменовъ въ концѣ курса, я переведенъ былъ въ первомъ разрядѣ въ Семинарію. Такъ прошла моя училищная жизнь. Много въ это время натерпѣлся я голода и холода, много испыталъ непріятностей и отъ наставниковъ, которые обходились тогда съ учениками, какъ съ безсловесными животными, и отъ своихъ сотоварищѣй, особенно отъ тѣхъ, предъ которыми я былъ не что иное, какъ пигмей предъ великанами; тѣ иногда безцеремонно поступали съ сотоварищами, меньшими по возрасту, драли за волосы и били куда попало кулаками. Кроме этихъ голіаѳовъ, случалось еще терпѣть отъ другихъ товарищѣй, такъ называемыхъ *насмѣшиниковъ*, которые своею

изобрѣтательностью, въ прозвищахъ и своими колкостями доводили иногда до слезъ. При семъ нельзя не замѣтить, что въ наше время каждый ученикъ кромѣ собственного своего прозванія имѣлъ непремѣнно еще и школьнное; и часто вместо собственного прозванія окликали учениковъ и школьными, и человѣкъ по неволѣ свыкался съ этими прозвищами, съ каковыми многіе переходятъ въ Семинарію и даже оканчиваютъ курсъ семинарскаго образованія.

Итакъ, я семинаристъ. Все проайденное было забыто, о будущемъ не думалъ, а настоящее представлялось въ очаровательномъ видѣ. Въ корпусѣ, гдѣ помѣщались казенные воспитанники, было чисто, опрятно, пища давалась гораздо лучше и въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ училищѣ. Кромѣ того, здѣсь было свободнѣе и вольнѣе; ботаническій садъ былъ открытъ для учениковъ, куда собирались учиться и гулять. Въ классѣ уже не было того террора, не слышно было криковъ и ругательствъ, а потому появилась у насъ охота къ ученью и какая-то любознательность. Шелъ каждый въ классъ непринужденно, безъ всякаго страха и опасенія, зная, что тутъ нѣтъ болѣе стеганій. По словесности у насъ былъ наставникомъ *H. A—чъ*¹⁾ человѣкъ добродушный, характера спокойнаго и хорошо знавшій свой предметъ и умѣвшій передать его другимъ. Его обращеніе съ учениками было очень вѣжливо; онъ говорилъ всегда: вы. Послѣ грубаго и звѣрскаго обращенія училищныхъ наставниковъ съ учениками это было для насъ черезчуръ пріятно и даже лъстило нашему семинарскому самолюбію. Послѣ объясненій, дававшихъ понятіе о риторикѣ и занявшихъ времени болѣе двухъ мѣсяцевъ, наконецъ приступили мы къ упражненію въ сочиненіи періодовъ различныхъ формъ и наименованій. Сначала показалось довольно трудно состряпать какой-нибудь періодъ

¹⁾ Николай Григорьевичъ Александрѣвичъ,магистръ Московск. Дух. Академіи выпускъ 1844 г.—Въ послѣдствіи онъ перешелъ на службу въ вѣдомство Министерства Нар. Пр., былъ учителемъ Нѣжинской гимназіи и, наконецъ, директоромъ 3-ї Киевской гимназіи. Въ настоящее время живетъ въ отставкѣ въ Одессѣ—съ 1882 г.—Мы показывали почтенному Николаю Григорьевичу утѣхъ отзымы о немъ его ученика... Лучшей награды не можетъ быть для учителя, какъ подобные, чрезъ много, много лѣтъ, отзывы учениковъ!... Л. М.

уступительный или условный, или сравнительный и пр., но послѣ трудность эта прошла, и человѣкъ, незамѣтно съякался съ различного рода сочиненіями и писалъ отчасти удачно.—Гражданскія Исторія сильно мнѣ понравилась и очень заинтересовала. Учебникомъ въ семинаріи былъ тогда еще Шрекъ, но онъ только считался, а на самомъ дѣлѣ мы учили исторію по запискамъ хорошаго изложенія и удовлетворявшую нашей любознательности. Преподавателемъ оной былъ священникъ *I. Кр—скій*¹⁾ изъ возсоединенныхъ униатовъ и ходившій даже съ начала въ классъ въ римской сутанкѣ униатскаго крова съ бритой бородой и имѣвшій волосы подстриженные въ кружокъ. При первомъ приходѣ его въ классъ, мы, не ожидавши подобнаго явленія, подумали, что это ксензъ, и подняли его на смѣхъ; онъ сконфузился и скоро, правда, отростилъ волосы и бороду и одѣлся въ рясу.

При этомъ нельзѧ пройти молчаніемъ слѣдующаго обстоятельства. Въ 1-мъ классѣ Риторики былъ наставникъ *Ѳ. Ко...кій*²⁾; человѣкъ неспокойнаго характера, взыскательный до мелочей и зараженный обскурантизмомъ; онъ вздумалъ завесть въ Риторикѣ нотатки и сдѣлалъ предложеніе въ Семинарское Правленіе, которое и хватилось за эту благую мысль. Цѣлую сентябрьскую третью была возня изъ-за нотатокъ, многіе даже и пострадали, но ученики отстояли свои права, видно понимая лучше прогрессъ, чѣмъ тогдашніе семинарскіе наставники и начальники, которые предположили возвратиться къ временамъ своего воспитанія въ семинаріи. На слѣдующій курсъ, говорятъ, опять была попытка завесть нотатки, но и это не удалось.—Кромѣ этого щекотливаго обстоятельства, все время въ Риторикѣ прошло благополучно, тихо, спокойно; иногда только помощникъ инспектора *И. С....нѣ*³⁾, личность, не слишкомъ пре-

¹⁾ *Іаковъ Ивановичъ Крашеновскій*, воспитаникъ С.-Петербург. Дух. Академіи вып. 1837 г.

²⁾ *Ѳедоръ Ермолаевичъ Козелецкій*.

³⁾ *Іванъ Семен. Славинъ*, воспитан. Московск. Д. Академіи—вып. 1844 г., родомъ изъ волынск. г., внѣль фамилію *Бубаловичъ* въ академіи перенѣніль ее ца *Славинъ*

зентабельная и притомъ несдержанного характера, любиль прикрикнуть и, отворивши классъ до прихода наставника, спрашивать: „цензоръ, кто шумить, кто рычить?“ и какъ въ Риторикѣ было съ полтораста человѣкъ, то, разумѣется, нельзя было положительно и отвѣтить на заданныя темы—помощника инспектора, который для поддержанія своего авторитета грозилъ цензору и голоднымъ столомъ во время обѣда казеннокоштныхъ учениковъ въ семинаріи, и колѣнностояніемъ. Всѣ эти угрозы я испытывалъ самъ на себѣ, такъ какъ я былъ въ Риторикѣ класснымъ цензоромъ или журналистомъ; впрочемъ, эти угрозы никогда не приводились въ исполненіе. По окончаніи курса въ Риторикѣ я въ числѣ первыхъ учениковъ перешелъ въ среднее отдѣленіе семинаріи, или, какъ обыкновенно называются, въ *Философію*. „Гм—Философія; обѣ чемъ же,—я думалъ,—будетъ она трактовать? Название высокопарное—Философія.... Какой же ея предметъ, какое содержаніе?“ Походивши нѣсколько времени въ классъ, я узналъ изъ объясненій наставника, что будемъ проходить сперва логику, а потомъ психологію и то, разумѣется, въ сокращенномъ видѣ, такъ какъ эту науку предполагалось пройти въ теченіе одного года, а на другой годъ назначалась патристика. Что же такое есть логика? Логика есть наука, излагающая правила мышленія или лучше и проще сказать—научаетъ мыслить. Значитъ, я подумалъ себѣ, кто не училъ логики, тотъ не умѣеть мыслить, думать и разсуждать. Какъ же это нашъ простолюдинъ мыслить, когда онъ не училъ логики, какъ же мыслить большая половина рода человѣческаго, не зная даже о томъ, существуетъ ли на свѣтѣ Логика? На эти вопросы я рѣшительно не могъ отвѣтить себѣ. Наставникомъ логики былъ у насъ протоіерей Д. К....ий¹⁾, человѣкъ, глубоко постигшій правила и законы мышленія. Онъ ихъ зналъ, какъ пять своихъ пальцевъ, но по сокращенному времени не могъ ихъ обстоятельно преподать. Вся его логика состояла почти изъ примѣчаній, которыхъ не обязательно было учить, а только замѣтить, но такъ, чтобы отъ слова до слова вызубрить ихъ. Дальнѣйшія

¹⁾ Давіїлъ Григорьевичъ Клюковскій.

объясненія этого наставника дѣйствительно показали, что логика учить мыслить. Тутъ мы узнали законы мышленія и какъ онъ называются, категоріи, которыхъ считалось до 10, идеи, силлогизмы, софизмы и пр. и пр. и пр. А объясненія этого наставника сразу показались намъ просто непостижими. То и дѣло, что слышалось въ классѣ: субъективный, объективный, идеальный, реальный, сенсибильный, трансцендентальный. Думаю, что за чушь такая; откуда набралось въ русскомъ языкѣ такихъ терминовъ, вѣроятно это китайщина; а нужно замѣтить, что какъ я, такъ и прочие мои товарищи, не очень сильны были въ латинскомъ языкѣ. По окончаніи курса логики я захотѣлъ себя испытать, на сколько она научила меня мыслить, и оказалось, что она очень незначительное вліяніе имѣла на мою естественную логику, исключая, можетъ быть, того, что я освоился съ вѣкоторыми философскими терминами, дабы при случаѣ щегольнуть ими, хотя и не кстати, предъ личностями, никакъ не почерпнувшими философской мудрости. Психологію я изучалъ съ охотою и прилежаніемъ, такъ какъ она болѣе давала пищи нашей любознательности, чѣмъ сухой и отвлеченный предметъ логики. Прочія науки также были изучаемы мною аккуратно, кроме физики, которую въ наше время никто не занимался, а также естественной исторіи, которая стояла всегда у насъ на заднемъ планѣ. Но почему мы не занимались этими двумя науками, положительно нельзя отвѣтить на это. Правда, что записки по естественной исторіи у насъ были очень рѣдки—кажется одинъ только экземпляръ на цѣлый классъ, а переписывать было почти невозможно, такъ какъ у насъ всѣ предметы, кроме библейской исторіи были въ запискахъ; не имѣя же записокъ, не было и охоты заниматься естественной исторіей. Весь философскій классъ прошелъ безъ всякихъ приключеній, какъ для меня, такъ и вообще для цѣлаго класса. Ничего необыкновенного не случилось. Нужно замѣтить, что тогда всѣ наставники всѣхъ классовъ семинаріи требовали буквального заучиванія лекцій, что чрезвычайно вредно вліяло на нашъ ходъ образованія. Привыкши къ буквѣ, мы придерживались книгъ или записокъ съ математическою точностью и за предѣлы оной не смѣли высту-

пить, зная, что за это будуть пенять нась; отъ того наши по-
нятія нисколько не развивались, а разсудокъ былъ въ совер-
шенномъ застоѣ и бездѣйствіи. Мы не учились, а мучились.—
Но вотъ я и въ богословскомъ классѣ. Слѣдовало бы еще упо-
мануть объ одномъ обстоятельствѣ при переходѣ моемъ изъ фи-
лософіи въ богословію, но не хочется приподнимать завѣсы бы-
лого времени и выставлять личности, въ родѣ А. П. Д—го, не
въ очень для него свѣтломъ видѣ. Будучи хитрымъ и лука-
вымъ, онъ былъ придиличивъ до невозможности и мстителенъ;
это—искатель приключений; не проходило дня, чтобы онъ не
имѣлъ съ кѣмъ-нибудь изъ учениковъ семинаріи столкновенія,
то и дѣло, что постоянныя расправы, которыя переходили въ
далѣйшую инстанцію, т. е. повергались на благоусмотрѣніе
инспектора семинаріи, а иногда восходили посредствомъ доклад-
ныхъ записокъ и въ правленіе семинаріи. Замѣчанія, выговоры,
разныхъ родовъ наказанія слѣдовали вслѣдствіе его ябедническихъ
представленій. Вообще нужно сказать, что эта личность
была довольно мрачная для семинаріи. Онъ оставилъ на долго
память о себѣ. Но Богъ съ нимъ. То было врема, а нынѣ другое.
Правда, пріятно вспоминать о добрыхъ наставникахъ и началь-
никахъ, они печатлѣются глубоко въ сердцѣ и никогда не из-
гладятся изъ памяти признателныхъ и благодарныхъ питом-
цевъ. Но одна мысль о звѣронравномъ и придиличивомъ началь-
нике производитъ непріятное впечатлѣніе въ человѣкѣ и со-
трясаетъ весь организмъ, какъ бы отъ электрическаго тока.
Богословскій классъ остался надолго памятнымъ для меня по
многимъ причинамъ. Но раскрывать оныя считаю лишнимъ и
даже бесполезнымъ, потому что это не составить интереса для
читателя; скажу только, что хотя здѣсь человѣкъ почувствовалъ
больше вольности и пользовался сводобою неограниченnoю, но
мало пріобрѣлъ пользы для ума. По причинѣ требованія букваль-
наго изученія лекцій особенно наставниками по богослов-
скимъ предметамъ, этотъ классъ былъ для насъ чрезвычайно
тяжелымъ и очень скучнымъ; кромѣ того, этотъ наставникъ и
не умѣлъ даже обстоятельно преподать намъ того, что нужно
было. Тогда все пять частей богословіи: догматической, прав-

ственnoй, гомилетической, пастырской и полемической принадлежали одному наставнику, которымъ былъ въ наше время про-протоіерей В. Р—овъ, а въ монашествѣ іер. Е.¹⁾; онъ не владѣлъ даромъ слова, объяснялъ лекціи очень вяло и такъ неудовлетворительно, что мы рѣшильно изъ его объясненій не извлекли для себя пользы. Притомъ не умѣлъ распоряжаться и лекціями. Такъ одно догматическое богословіе шло часто чрезъ сентябрьскую и генварьскую трети и то недалѣкѣ какъ до „благодати“, а въ майской нужно было окончить, повторить, а также пройти пастырское, гомилетическое и обличительное богословіе, что, разумѣется, очень было обременительно для учениковъ, а особенно когда отвѣтчики требовалось буквально отъ слова до слова, почему самъ наставникъ слѣдилъ пальцемъ по книгѣ или запискѣ и въ случаѣ опущенія „и“ замѣчалъ; „что ты дѣлаешь опущенія, вѣдь это не твоей головы люди написали это“—и за это ставилъ отмѣтку 2 и даже 3²⁾. Жутко было намъ,—но что же дѣлать; нужно было нести это ярмо. Этотъ наставникъ былъ вмѣстѣ и инспекторомъ семинаріи. Имѣя слабость слушать доносы на учениковъ, онъ часто преслѣдовалъ и невинныхъ. Но правду сказать, онъ хотя былъ строгъ и вспыльчивъ, но существеннаго зла онъ мало сдѣлалъ ученикамъ; онъ не любилъ трубоукоровъ и даже запискою очень часто представлялъ таковыхъ, когда ему случалось поймать, въ семинарское правленіе. Помнится, что семинарское правленіе однажды докладывало преосвященному, вслѣдствіе представлений инспектора, объ одномъ ученикѣ богословіи, который якобы такъ пристрастился къ трубкѣ, что два и три раза въ день курилъ. Также, нужно замѣтить, что этотъ инспекторъ не подвергалъ жестокимъ наказаніямъ учениковъ и былъ очень справедливъ. Часто возникали у него споры съ ректоромъ семинаріи касательно пищи и одѣжды казен-нокощихъ воспитанниковъ, которыхъ иногда безсовѣстно обижали. Эти споры, хотя, казалось, были тайною для учениковъ,

¹⁾ Василій Рязановъ, въ монаш. іеромонахъ Ефремъ—впосл. епископъ кур-скій, и затѣмъ пермскій. Сконч. на походѣ въ 1893 г.

²⁾ Цифры 3 была въ старину найхудшей отмѣткой, а наилучшей была 1.—Л. М.

но она не могла укрыться отъ нихъ, а потому каждый изъ насъ болѣе или менѣе зналъ объ этихъ размолвкахъ между семинарскимъ начальствомъ и въ душѣ радовался тому, ибо зналъ, что отъ этого могутъ произойти для насъ—бурсаковъ улучшія, какъ по гастроэномической части, такъ и по другимъ.—Всѣ предметы въ богословскомъ классѣ изучались мною аккуратно, кромѣ медицины и сельского хозяйства. Медицину преподавалъ у насъ докторъ семинарской больницы О. К—вскій¹⁾ полякъ, не умѣвшій даже правильно объясняться по русски: руководствомъ же была книжка, изданная профессоромъ медицины Хотовицкимъ, очень краткая и мало полезная, потому что изъ ней никогда нельзя было научиться леченію даже самыхъ обыкновенныхъ болѣзней. Докторъ К—кій былъ замѣчательная личность, о которой нельзя пройти молчаніемъ. Будучи высокаго роста, немного сгорбленный, онъ имѣлъ вакую-то особенную своеобразную походку, закидывая ногу за ногу, какъ бы думалъ падать. Онъ страдалъ чахоткою, часто кашлялъ и говорилъ какимъ-то плачевнымъ голосомъ. Не говоря объ его объясненіяхъ, которыхъ не имѣли не только логики, но и грамматики, замѣчу только о томъ, какъ онъ спрашивалъ лекціи учениковъ. Онъ не задавалъ вопроса, а только говорилъ: ну какъ тамъ—„поелику“, „не смотря на то“, или „хотя“, „ибо“, т. е. напоминаль какъ начинается параграфъ; подобные вопросы возбуждали смѣхъ, и мы, пока не свыклись, смѣялись вдоволь. Конечно, нельзя было требовать отъ него того, чего требовалось отъ другихъ наставниковъ. Если же случалось, что онъ замѣчалъ кого-нибудь въ классѣ или смѣющимся, или производящимъ шумъ, и разумѣется неоднократно, то онъ при составленіи списковъ, которые всегда писались ему кѣмъ-нибудь изъ учениковъ семинаріи, велѣль всегда ставить его на виду: вотъ здѣсь, т. е. первымъ ученикомъ, говорилъ онъ составителю списковъ, поставь его, чтобы тотчасъ увидѣли его и исключили. Предъ окончаніемъ курса экзаменъ производилъ въ Богословскомъ классѣ Высокопреосвященный

¹⁾ Осипъ Корженевскій.

А—ній¹⁾) архієпископъ волинскій, на которомъ я удостоился отвѣтчать два раза изъ доктринального богословія и церковной археологіи и выпущенъ въ епархиальное вѣдомство съ аттестатомъ 1-го разряда. Съ окончаніемъ курса я очутился вольнымъ, какъ птичка, выпущенная изъ клѣтки послѣ долговременного ея заключенія. Все пройденное училищное время мерещилось, какъ во снѣ, и представлялось какъ бы какой мечтой. Такъ въ счастіи скоро забываются перенесенные человѣкомъ бѣдствія, и только смутное иногда воспоминаніе наївѣаетъ тоску. При досугѣ иногда повѣрялъ я свои знанія, но онѣ казались верхушками, сорванными какъ бы мимоходомъ изъ пройденныхъ предметовъ, а главнаго, существеннаго, что заставляли такъ зубрить, чѣмъ набивали нашу память—ничего не осталось, все вылетѣло изъ головы. Нужно было опять приняться за книги. Но тогда было не до книгъ. Нужно было избрать родъ жизни, пріискать себѣ невѣсту и приходить, и вотъ въ этомъ занятіи прошелъ цѣлый круглый годъ. Наконецъ милостью начальства я получилъ приходъ, а по благословенію Божію нашелъ и невѣсту, съ которой бракосочетался 5-го сентября 1854 года, каковой актъ записанъ при Николаевской церкви въ селѣ Сумовцахъ, острожскаго уѣзда. 29 сентября того же года рукоположенъ во священника Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, бывшимъ архієпископомъ варшавскимъ и новогеоргіевскимъ, управлявшимъ волинской епархией, а 17 октября вступилъ въ пастырскую должность приходского священника с. С.²⁾.

Трудно мнѣ было свыкнуться съ тою мыслью, что я нахожусь уже не на школьнѣ скамейкѣ и не предъ лицемъ взыскательного наставника, а состою самъ руководителемъ, наставникомъ и пастыремъ словесной паствы. Нужно было серьезно подумать объ этой высокой и вмѣстѣ важной обязанности и о томъ страшномъ отчетѣ, который потребуется отъ меня за нерадивое и небрежное исполненіе о прохожденіи этой обизан-

¹⁾ Арсеній, виославітв. митрополитъ кіевскій.

²⁾ Села Сивокъ, острож. у., гдѣ авторъ и былъ священникомъ до конца жизни.

ности. Паству свою я засталъ въ очень незавидномъ положеніи; нравственно-религіозная жизнь моихъ пасомыхъ представляла довольно мрачную картину. И такъ нужно было освѣтить этотъ мракъ, навѣянный на нихъ вѣковымъ рабствомъ и тлетворнымъ дыханіемъ запада, въ то время, когда сей край совращенъ былъ въ унію, которая продолжалась почти столѣтіе и которая всѣ хорошия задатки религіозно-нравственные растлила и подавила на долго.

Я, помня слова Апостола: „настой благовременнѣй—безвременнѣй, запрети, обличи, умоли“, принялъ за дѣло энергически и, призвавъ на помощь всѣ силы ума, воли и сердца, съ Божіимъ благословеніемъ рѣшился объяснить своимъ прихожанамъ все ихъ жалкое положеніе, въ какомъ они находятся касательно главнѣйшихъ и важнѣйшихъ христіанскихъ обязанностей и касательно спасенія своей души, которое они всегда ставили на задній планъ. Такъ какъ почти всѣ не умѣли правильно сотоврить на себѣ крестнаго знаменія, а очень многіе чрезвычайно коверкали и уродовали слова общепотребительныхъ молитвъ, или дѣлали ненужныя и лишнія прибавленія, затемнявшія смыслъ и даже проявлявшія ересь, то я прежде всего и обратилъ на это свое вниманіе. Разумѣется, всѣ эти прибавки и коверканья были плодомъ невѣжества, а не злонамѣренности, но ихъ все таки нужно было уничтожить. Долго я имъ объяснялъ и толковалъ о тѣхъ неправильностяхъ и лишнихъ прибавленіяхъ, которые оказывались въ ихъ молитвахъ; сперва многіе обижались, когда я замѣчалъ имъ, что они не умѣютъ креститься и молиться, другіе какъ-то недовѣрчиво и съ негодованіемъ встрѣчали мои наставленія, но я не ослабѣвалъ, не падалъ духомъ, а продолжалъ начатое. Правда, горькое и безотрадное положеніе моихъ прихожанъ въ ихъ обыденной жизни во время крѣпостного права было сильнымъ препятствиемъ на пути моей пастырской дѣятельности. Они, указывая на свою злосчастную долю, которая дѣйствительно могла расположить ихъ къ равнодушію, холодности и къ безсознательности къ религіознымъ предметамъ, прямо отговаривались невозможностью и неимѣніемъ времени исполнять въ точности всѣ христіанскія обязанности, и

что среди такихъ невзгодъ жизни они забыли даже и молиться Богу. И ихъ утѣшалъ надеждою на Бога, что рано или поздно кончится ихъ страдальчество и что ихъ ожидаетъ новое счастье, зара которого уже занялась, а между тѣмъ настаивалъ, чтобы они безъ всякихъ сомнѣній и подозрѣній принимали мои наставлениія и, познавъ свои грубыя ошибки, довѣрялись мнѣ и осуществляли на дѣлѣ то, что я имъ говорилъ и чemu училъ. Для успѣшнѣйшаго достижения своей цѣли я въ 1656 г. завелъ школу для мальчиковъ, куда собравъ молодыхъ парней отъ 18 до 30 л., училъ ихъ грамотѣ и излагалъ имъ важнѣйшія и необходимѣйшія истины нашей христіанской религії въ дѣлѣ нашого вѣчнаго спасенія. Но вѣковѣчные враги нашего простого народа всегда стараются ставить преграду нашимъ благимъ желаніямъ и замѣреніямъ. Помѣщица села С., узнавъ о моихъ благотворныхъ дѣйствіяхъ для прихожанъ, ужаснулась и велѣла тотчась разогнать и мальчиковъ и взрослыхъ парней изъ школы, присовокупивъ, что, если всѣ будуть грамотны, то некому будетъ пасти у нея свиней. Такъ какъ въ это время вліяніе этого элемента было сильно и могущественно и оно по своему произволу и капризамъ даже ворочало правосл. приходами и перемѣняло священниковъ, лишало ихъ приходовъ по наговорамъ и ябедническимъ доносамъ предъ Епархиальнымъ начальствомъ, то я, избѣгалъ непріязненныхъ столкновеній, могущихъ воспослѣдовать вслѣдствіе моего сопротивленія, покорился необходимости. Не смотря на то, я много облегчалъ участъ моихъ прихожанъ тѣмъ особенно, что я настаивалъ, чтобы въ точности соблюдаemy были инвентарные правила, чтобы больше положенного не гонять на барщину и не требовать отъ нихъ лишнихъ работъ. Этимъ отчасти я заслужилъ у нихъ любовь и довѣріе, и они съ большимъ вниманіемъ и усердіемъ принимали къ сердцу мои наставлениія...

5 декабря 1867 г.

СТРАНСТВУЮЩІЙ АРХІЕРЕЙ (1777—1778 ГГ.).

Послѣдніе годы восьмого десятилѣтія XVIII вѣка, были самыми неблагопріятными для православія въ предѣлахъ Подоліи и Брацлавщины. По проискамъ фанатического униатскаго митрополита Леона Шептицкаго, благочестивые священники одинъ за другимъ были изгнаны изъ своихъ приходовъ, а церкви ихъ, не смотря на самое сильное противодѣйствіе прихожанъ, были отняты и переданы униатскому духовенству. Въ добавокъ къ тому, по настоятельному ходатайству Леона Шептицкаго, Пасполитая Рѣчъ значительно усилила пограничные кордоны, съ цѣллю прервать сношенія православныхъ украинцевъ съ заграничными Переяславскими архіереями, которые, послѣ уничтоженія въ Польшѣ православной іерархіи, управляли православными украинскими монастырями и церквами. Пограничная польская стража по преимуществу стала слѣдить за благочестивыми священниками, которые по религіознымъ нуждамъ своимъ отправлялись къ Переяславскому архіерею, и за тѣми изъ украинцевъ, которые въ Переяславѣ намѣрены были принять хиротонію въ санъ священства. Тѣмъ и другимъ, когда они попадались въ руки польскихъ жолнѣровъ, не было никакой пощады,—у нихъ не только отнимали деньги и одежду, но и предавали ихъ самой тяжкой карѣ за переходъ границы. Лишенные возможности сноситься со своимъ законнымъ владыкой, жители Украины, особенно же болѣе отдаленной Подоліи, были вынуждены обращаться съ своими духовными нуждами къ молдавскимъ архіереямъ и отъ нихъ получать себѣ священниковъ. Такимъ положеніемъ

дѣлъ воспользовался иѣкто Евсевій, назвавшій себя митрополитомъ Призремскимъ и самовольно осѣвшійся въ Подоліи на правахъ епархіального архіерея. Попалъ онъ сюда по такому случаю: встрѣтился онъ въ Молдавіи съ генералъ-фельдмаршаломъ, графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцевымъ Задунайскимъ, который тогда командовалъ русскою арміею, находившеюся въ предѣлахъ Турціи, назвалъ себя Призремскимъ митрополитомъ, спасающимъ посредствомъ бѣгства свою жизнь отъ смертной казни, къ которой Оттоманская Порта приговорила его за черногорское возмущеніе, и былъ на иѣкоторое время оставленъ при арміи въ качествѣ проводника, хорошо знакомаго съ придунайскими мѣстностями. Но при арміи Евсевію не захотѣлось оставаться до выхода ея изъ придунайскихъ княжествъ, и онъ, съ разрѣшеніемъ Румянцева, около половины 1777 года отправился въ предѣлы нынѣшней подольской губерніи и до 28 мая 1778 г. проживалъ сперва въ Могилевѣ на Днѣстрѣ, а потомъ въ Немировѣ. Здѣсь онъ, какъ признанный въ архіерейскомъ санѣ русскимъ фельдмаршаломъ, началъ безпрепятственно священнодѣйствовать. Какъ только обѣ этомъ стало известно на Подоліи и въ Брацлавщинѣ, къ нему стали являться одинъ за другимъ всѣ желавшіе пріобрѣсти священническій санъ, но боявшіеся за пріобрѣтеніемъ его отправляться въ Переяславъ. Евсевій никому не отказывалъ въ священствѣ, конечно, получивши предварительно плату за совершение хиротонії. Появленіе въ Подоліи православнаго архіерея было крайне не по душѣ уніатской іерархіи, ибо оно разстраивало всѣ ея планы относительно полнаго истребленія здѣсь православія; но оно вмѣстѣ съ тѣмъ смущало и высшую русскую іерархію. Вслѣдствіе секретнаго предписанія Петербургской коллегіи иностранныхъ дѣлъ, основанного на ходатайствѣ Святѣйшаго Синода, видимо обезпокоеннаго появлениемъ среди православнаго населенія Подоліи сомнительнаго архіерея, Фельдмаршалъ Румянцовъ отдалъ приказъ генералъ-маіору Ржевскому переселить Евсевія сперва изъ Могилева въ Немировъ, а потомъ изъ Немирова въ Кіевъ. О переселеніи его въ Кіевъ дано было знать кіевскому оберъ-коменданту Елчанинову съ предписаніемъ испросить у кіевскаго мит-

рополита для имѣющаго прибыть греческаго архіерея приличный пріютъ и содержаніе въ одномъ изъ кіевскихъ монастырей.

Въ архивѣ кіевской духовной консисторіи между дѣлами 1778 года подъ № 13 на 53 листахъ хранится о митрополитѣ Евсевіи дѣло, такъ озаглавленное: о пріїздѣ съ заграницы митрополита Приазовскаго Евсевія, о временномъ его здѣсь прожитіи и неизвѣстности выѣзда его съ города¹⁾). Извлекаю суть изъ этого дѣла.

Кіевскій оберъ-комендантъ Елчаниновъ 18 мая 1778 года прислалъ кіевскому митрополиту Гавріилу Кременецкому слѣдующее письмо:

Его сіательство высокоповелительный господинъ генералъ-фельдмаршалъ и многихъ орденовъ кавалеръ, графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ Задунайскій повелѣть мнѣ изволилъ, испросить у Вашего Преосвященства для ожидаемаго сюда вскорѣ, пріїхавшаго изъ Яссъ архіерея, къ пребыванію до времени здѣсь въ Кіевѣ мѣста и приличнаго содержанія по праву гостепріимства. И какъ о пропускѣ его сюда отъ меня дано уже приказаніе, то онъ безъ сомнѣнія вскорѣ и прибыть имѣеть; для того, извѣщая о семъ вашему Преосвященству, покорно прошу, вслѣдствіе прописаннаго Его Сіательства господина Генералъ-Фельдмаршала повелѣнія, назначить ему къ пребыванію мѣсто, и меня о томъ увѣдомить...“

Отвѣчая Елчанинову, Преосвященный Гавріилъ отъ 19 мая того же года такъ писалъ: „по пребыванію вашего превосходительства.... обѣ отведеніи къ пребыванію до времени здѣсь въ Кіевѣ мѣста и приличномъ содержаніи на правахъ гостепріимства для имѣющаго вскорѣ прибыть сюда изъ Яссъ архіерея исполненіе учинить отъ меня приказано, за отбытіемъ изъ Кіева архимандрита Пустынно-Николаевскаго монастыря, намѣстнику онаго Іеромонаху Варсонофію...“

¹⁾ Нѣкоторыя свѣдѣнія о личности Евсевія сообщаются въ книгѣ М. О. Ко-ловича „Історія возсоединенія западно-руssкихъ уніатовъ старыхъ временъ“, а также въ сочиненіи протоієрея Андрея Іоаннова—„Полное историческое изѣстіе о раскольникахъ.“

Ожидаемый архієрей прибылъ въ Кіевъ 29 мая, назваль себя Евсевіемъ, митрополитомъ Призремскимъ, и былъ помѣщенъ въ Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ, который на свои средства и продовольствовалъ его въ теченіе 436 дней. Такъ какъ Евсевій не представилъ своихъ архієрейскихъ документовъ, то кіевскій митрополитъ, чрезъ три дня послѣ его прїїзда, поручилъ собрать о немъ свѣдѣнія присутствующему кіевской консисторіи, протоіерею Притиско-Николаевской церкви Іакову Бѣлявскому. Собравши требуемыя своимъ архіпастиремъ свѣдѣнія, протоіерей Бѣлявскій представилъ ему 2 іюня слѣдующее доношеніе:

„Выѣхавшій изъ - за границы и, по резолюціи Вашего Высокопреосвященства, въ Кіево - Пустынно - Николаевскомъ монастырѣ пребывающей преосвященный Евсевій, митрополитъ Призремскій, просиль меня доложить Вашему Высокопреосвященству въ слѣдующемъ: что онъ рожденъ въ Константинопольѣ отъ знатнѣйшей и первой по тому городу фамиліи, обучался Еллинскому ученію и на собственномъ своемъ иждивенії Евгениемъ іеродіакономъ, что нынѣ преосвященный Словенскій, філософіи три года, содержа оного въ домѣ своемъ, а три въ его же преосвященнаго вообще съ прочими въ публичномъ преподаванії грамматики и другихъ наукъ, въ которомъ преподаванії участвовалъ іеродіаконъ Іаковъ. Когда же оказалась праздная епархія Ипскійская, гдѣ до того испрежде патріархи были, то Константинопольскій патріархъ Самуилъ и весь освященный соборъ его, безъ всякого чіего либо прошенія и его преосвященства желанія, призвавъ къ себѣ, уговаривали его преосвященнаго склониться волѣ ихъ, чтобы быть ему въ той епархіи митрополитомъ. Убѣгая же онъ, преосвященный, такого высокаго сана и имѣвши тогда отъ роду только 22 года, а ктому будучи еще и мірскимъ, отказывался тѣми и другими резонами; но какъ все то не подѣйствовало ко избѣжанію того, то просилъ дачи ему на размышеніе нѣсколько времени, что получа и никому не объявивши своего намѣренія, чрезъ одинъ день выѣхалъ изъ Константинооля къ патріарху Антіохійскому, коему и донесъ о семъ происшествіи, и что онъ отѣхалъ безъ объяв-

ленія своего святѣйшему патріарху и освященному собору, въ котораго и пожилъ чрезъ восемь дній только, куда нарочно прїѣхавши отъ реченнаго святѣйшаго патріарха Константино-польскаго за нимъ преосвященнымъ Евсевіемъ съ многимъ прошніемъ возвращенія и явки къ Его Святѣйшеству сильно просили; то, по увѣщанію упомянутаго патріарха Антіохійскаго, съ тѣми нарочными обратно возвратился; за явкою же и преданіемъ себе волѣ онаго святѣйшаго патріарха Константино-польскаго и всего освященнаго собора посвященъ митрополитомъ Призремскимъ. Которая епархія какъ до его преосвященства прибытія имѣла долгъ девятьдесѧть девять тысячъ рублей, то онъ неусыпно старался заплатить оный; для чего больше жилъ въ Константинополь и другихъ мѣстахъ, нежели въ оной своей епархіи; напослѣдовъ вѣзилъ и въ Черногорію, гдѣ отъ преосвященнаго митрополита Саввы и отъ христолюбцевъ принять честно и снабдѣнъ по силѣ и возможности ихъ подаяніемъ. Собравъ же онъ преосвященный отъ доброхотныхъ дателей и отъ родственниковъ и знаемыхъ своихъ подаяніе, а притомъ и свое собственное имѣніе употребя, заплатилъ оный своей епархіи долгъ, однакъ несовсѣмъ, а осталось еще одиннадцать тысячъ: для совершенной же уплаты того долга онъ преосвященный прибылъ паки въ Константинополь и за явкою своею у святѣйшаго патріарха Константинопольскаго извѣстился отъ Его Святѣйшества, что при Портѣ Оттоманской услышано бытіе его преосвященства въ Черногоріи. А какъ же тогда въ оной послѣдовало съ турками замѣшательство, то де и полагаютъ вину на его преосвященство, яко бы то учинено его преосвященствомъ, по каковымъ де обстоятельствамъ и быть въ Константинополь и въ епархіи своей невозможнно, и совѣтовалъ Его святѣйшество ему преосвященному куда либо отлучиться до времени для спасенія своей жизни; чего для, получа онъ преосвященный отъ Его святѣйшества грамматы открытыхъ съ дозволеніемъ священнослуженія и рекомендациою всѣмъ преосвященнымъ принять его преосвященнаго Евсевія честно и страннолюбно, отѣхалъ въ городъ Триестъ, гдѣ и жилъ до 1777 года, а въ томъ годѣ прибылъ въ Яссы, гдѣ преосвящен-

ному Гавріилу митрополиту Ясскому тѣ его святѣйшества граммоты о себѣ представилъ, по которымъ какъ принять, такъ и священослуженіе отправлялъ. Когда же, по убієнію Господаря Гики, прибылъ на его мѣсто другой Господарь и дѣлалъ притѣсненія дому онаго Гики, который въ родствѣ его преосвященству состоитъ, то его преосвященство, великаго четвертка святой четыредесятницы имѣя священослуженіе въ церкви святой Параскевы, говорилъ въ оной поученіе довольноное, въ небытности его Господаря въ той церкви, касающеющееся до дома умершаго Гики. Нѣкоторыхъ же явныхъ враговъ дому онаго Гики, желавшихъ тогда отъ его Божественныхъ тайны получить, не удостоилъ, за что хотя отъ онаго Господаря и отъ другихъ тѣхъ не удостоенныхъ и не имѣль онъ преосвященный опасности, однакъ во время приближенія турецкаго войска имъ не довѣрился. И для того съ совѣта преосвященнаго Гавріила, митрополита Ясскаго, выѣхалъ изъ Яссы и жилъ въ Могилевѣ Подольскомъ, кой состоитъ на границѣ турецкой;—оттуда же, по требованію господина генерала Ржевскаго, прїѣхалъ въ Немировъ, въ коихъ мѣстахъ и священикъ действовалъ; а отоль присланъ въ Кіевъ и, по приказанію его высокого-графскаго Сиятельства господина генерала Фельдмаршала и разныхъ орденовъ кавалера Петра Александровича Румянцова Задунайскаго, допрашиванъ уже его превосходительствомъ господиномъ Генераль Порутчикомъ Кіевскимъ оберъ-комендантромъ и кавалеромъ Яковомъ Васильевичемъ Елчаниновымъ¹⁾ и ожидаетъ нынѣ резолюціи.—О чёмъ Вашему Высокопреосвященству въ покорности моей и представляю.

Кіевскій митрополитъ Гавріилъ, 4 іюня 1778 г. рапортую Святѣйшему Синоду о прибытіи въ Кіевъ греческаго архіерея, заключилъ рапортъ свой такъ: „каковъ же онъ (Евсевій) есть, святѣйший Правительствующій Синодъ усмотритъ изъ приложеній здѣсь копіи доношенія, поданного мнѣ отъ присутствующаго въ духовной консисторіи Кіево-Приднѣпровско-Никольского прото-

¹⁾ Какія показанія о себѣ далъ Евсевій Елчанинову—не известно, такъ какъ въ кіевскомъ комендантскомъ управлѣніи не сохранилось дѣло объ этомъ архіереѣ. Не отослано ли оно въ 1779 г. въ тайную канцелярію?

попа Іакова Бѣлявскаго, греческій языкъ довольно свѣдущаго; если же онъ преосвященный захочеть когда имѣть здѣсь священнослуженіе, то о дозволеніи ему онаго Святѣшаго Синода прошу“.

По заслушаніи сего репорта, Святѣшій Синодъ 27 августа 1778 года прислалъ кіевскому митрополиту такой приказъ: „какъ изъ требованія кіевскаго господина оберъ-коменданта значится, что оному митрополиту въ Кіевѣ пребываніе назначено на время, то потому и о дозволеніи ему священнослуженія представить Святѣшему Синоду тогда, когда о пребываніи его въ россійской имперіи навсегда опредѣленіе послѣдуетъ; при чмъ въ то время имѣющіяся у того митрополита свидѣтельствующія его архіерейство грамматы прислать въ оригиналѣ въ разсмотрѣнію въ Святѣшемъ Синодѣ“.

Евсевій былъ недоволенъ гостепріимствомъ Пустынно-Николаевскаго монастыря и о недовольствѣ своемъ сообщилъ оберъ-коменданту Елчанинову. Послѣдній, по поводу сего сообщенія, 24 іюля 1778 года написалъ кіевскому митрополиту слѣдующее письмо: „Для живущаго нынѣ въ Николаевскомъ монастырѣ преосвященнаго, Далмацкаго архіерея Евсевія я, на основаніи повелѣнія его сіательства... графа Румянцева Задунайскаго, просилъ ваше преосвященство о дачѣ приличнаго содержанія по праву гостепріимства. Но нынѣ, противъ чаинія моего, извѣстился я постороннимъ образомъ и отъ приставленнаго къ нему здѣшняго одного толмача, что дается ему изъ общей трапезы одна брацкая порція безъ малѣйшаго какого либо различія, что не согласно ни его сану, ниже повелѣнію его сіательства, господина генералъ-фельдмаршала, въ которомъ точно сказано о приличномъ содержанії: а всему тому, какъ видно, причиною теперешняго въ томъ монастырѣ, въ отсутствіи отца архимандрита, начальника грубость и малое свѣденіе, какъ должно съ иностранными и такого высокаго сана лицами обходиться и содержать, и этому жъ и въ дачѣ лошадей ему отказано, и онъ, имѣя комѣ нѣкоторую надобность, принужденъ былъ прійти пѣшій. Отличный его санъ, долгъ гостепріимства и наконецъ самое чловѣчество обязуетъ меня трудить Ваше преосвященство мою

просьбою, чтобы изволили, кому слѣдуетъ, приказать найкрайчайше дать ему приличное содержаніе, дабы онъ не имѣлъ причины жаловаться, и тѣмъ облегченъ былъ въ нынѣшней своей участіи странствованія,—въ чемъ несомнѣнно на милость вашего преосвященства и къ иностраннымъ любовь полагаясь, съ моимъ отличнѣйшимъ почитаніемъ оставаться честь имѣю“.

Вслѣдствіе сего письма митрополитъ Гавріилъ отдалъ намѣстнику Пустынно-Николаевскаго монастыря строгій приказъ сколько возможно лучше продовольствовать преосвященнаго Евсевія и для поѣздокъ его назначить особый приличный монастырскій экипажъ съ лошадьми и кучеромъ и кромѣ того напять для него повара и комнатнаго служителя. Послѣ отдачи сего приказа Евсевій уже не жаловался на скучность своего содержанія въ Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ, тѣмъ болѣе что это содержаніе было слишкомъ роскошнымъ и изобильнымъ, какъ увидимъ ниже.

8 декабря 1778 года Евсевій заявилъ митрополиту Гавріилу, что онъ съ разрѣшенія оберъ-коменданта Елчанинова намѣренъ, по своей надобности, отправиться въ Нѣжинскій Благовѣщенскій (греческій) монастырь. По поводу сего заявленія изъ канцеляріи кіевскаго митрополита предписано намѣстнику прописаннаго монастыря, чтобы онъ „для имѣющаго прибыть туда митрополита Евсевія приготовилъ приличныя келіи и, по праву гостепріимства, отпускалъ ему приличное продовольствіе, но чтобы нѣжинское духовенство не дѣлало ему архіерейской церемоніальной встрѣчи съ колоколами“. Состолась ли поѣзда Евсевія въ Нѣжинъ—изъ дѣла не видно.

2 августа 1779 года Евсевію, по просьбѣ его, было назначено помѣщеніе въ Екатерининскомъ греческомъ монастырѣ, гдѣ пріютился одновременно прибывшій съ нимъ въ Кіевъ Феофілъ, назвавшійся игуменомъ сербской націи. Но настоятель сего монастыря игуменъ Григорій (грекъ) не пожелалъ пріютить своего единоплеменника и очень неодобрительно отозвался объ немъ въ своемъ прошениі, 4 числа того же августа поданномъ кіевскому митрополиту. Считаю необходимымъ для дѣла цѣликомъ списать это прошеніе.

„Вашего Высокопреосвященства архиастырское повелѣніе (я) получилъ, чтобъ въ монастырѣ святаго Екатерины покой умершаго архимандрита Иоанна Ястрембскаго очистить для жительства въ оныхъ преосвященному Евсевію, которое повелѣніе я свято и всеусердно желалъ бы исполнить. Но какъ онаго преосвященнаго нравъ и неспокойность всѣмъ извѣстны, онъ же монастырь мало почти кого изъ служащихъ людей по убожеству своему имѣеть, а когда онъ преосвященный будетъ жить, то и тѣхъ удержать никакъ возможно, да и я самъ принужденъ буду, оставя монастырь во избѣжаніе неминуемыхъ отъ его слѣдуемыхъ неспокойствъ удалиться; сверхъ же того, яко посреди града сей монастырь состоитъ и всегда люди имѣютъ въ проѣздѣ разнаго званія препочиваніе и раздохъ (отдыхъ), отъ чего и монастырь пропитаніе имѣеть, чрезъ него жъ архіеря не токмо уже никто не будетъ приставать, но и убѣгать, а тѣмъ и церковь и монастырь нужнаго къ содержанію своему лишатся, да и соблазнъ неминуемо послѣдуетъ; для того вашему высокопреосвященству въ благоусмотрѣніе архиастырское донося, слезно прошу защитить отъ опредѣленія его преосвященства въ сей монастырь и милостиво уволить“.

Принималъ во вниманіе резоны, указанные въ семъ прошении, митрополитъ Гавріїлъ назначилъ Евсевію жительство въ Киево-Кирилловскомъ монастырѣ, куда онъ переселился 12 августа. Спустя семь дней послѣ своего переселенія Евсевій и киевскому митрополиту и киевскому оберъ-коменданту подаль новыя доношенія о недовольствѣ своимъ содержаніемъ. Въ доношеніи, поданномъ киевскому митрополиту, онъ писалъ такъ: „къ пропитанію моему изъ Пустынно-Николаевскаго монастыря доставляется на недѣлю водки пять квартъ, также вышневки по пять квартъ, да на каждый день по 25 копѣекъ денегъ, за которые надобно купить и рыбы, и яицъ, и масла, и перцу, соли, вина, оливъ, цыбули, да меду, пива и квасу, а за эти деньги пропитать меня не можно и я претерпѣваю чрезъ то несносную нужду. Кромѣ же того нынѣ имѣется въ Киевѣ ярмонокъ, въ которомъ необходимо надлежитъ мнѣ покупить къ зимнему времени одѣяніе и обувь, что и малѣйше не имѣю въ себѣ ку-

пить за что. Для того вашего высокопреосвященства покорно прошу, по нынѣшнему моему бѣдному житію, пожаловать и къ пропитанію и снабдѣнію приказать, кому надлежитъ, деньгами, и харчами до послѣдующей обо мнѣ впередъ резолюціи безнужно мене довольствовать не оставить“. На доношенні Евсевія митрополитъ Гавріилъ написалъ такую резолюцію: „1779 г. августа 20 дня. Для показанныхъ здѣсь нуждъ на счетъ Заднѣпрскихъ монастырей выдать изъ имѣющейся въ вѣдомствѣ консисторскому суммы нынѣ пятьдесятъ рублей; и на сей текущій мѣсяцъ и впередъ помѣсячно жь выдавать на всякий день по 25 копѣекъ въ добавокъ даемымъ отъ Кіево-Никольского пустынного монастыря деньгамъ и прочемъ“.

Неоднократныя жалобы Евсевія на недостаточность своего продовольствія и содержанія побудили кіевскаго митрополита 2 августа 1779 года предписать, чрезъ каѳедрального писаря іеромонаха Іеронима, Пустынно-Николаевскому монастырю доставить въ кіевскую духовную консисторію „вѣрную и самую обстоятельную вѣдомость: 1, сколько и какихъ именно на преосвященнаго Евсевія издержано питейныхъ, сѣстныхъ и другихъ непокупныхъ припасовъ, на каждый день, или понедѣльно, или помѣсячно и на какую сумму; 2, сколько валичными деньгами и на что давано ему; 3, сколько и на какую сумму издержано дровъ на келію и поварню его и наемъ прислуги собственно для него и 4, на какую примѣрно сумму обошлись монастырю поездки преосвященнаго на монастырскихъ лошадяхъ и каляскѣ?“ Затребованная вѣдомость при реестрахъ, составленныхъ Пустынно-Николаевскаго монастыря казначеемъ іеромонахомъ Давидомъ, ключникомъ іеромонахомъ Иринеемъ и палатнымъ іеродіакономъ Семеономъ, была представлена въ Консисторію 1 сентября 1779 года. Въ этихъ реестрахъ большою частью помѣсячно прописаны расходы монастырскіе. Но я для краткости списываю изъ нихъ общій итогъ, по каждому предмету отдельно. Въ теченіи 436 дней 1) изъ монастырскихъ погребовъ и кладовыхъ выдано преосвященному Евсевію съ 30 мая 1778 года по 31 августа 1779 года водки 48 вѣдеръ, сочку (наливокъ) 35 вѣдеръ и 3 гарнца, меду 27 вѣдеръ и 6 гарнцевъ, пива 2180 квартъ,

яицъ 720, масла 5 пуд. 28 фунтовъ; сыра 4 вѣдра и 3 гарнца; олѣи 80 квартъ; соли 5 пуд. 27 фунтовъ; пшеничной муки 20 четвертей 9 гарнцевъ; свѣчей 720 штукъ; грибовъ 800 штукъ; сала 2 пуд. 7 фунтовъ; крупъ гречаныхъ 15 четвертей 8 гарнцевъ; фасоли 15 гарнцевъ; пшена 15 четвертей 7 гарнцевъ; маку 3 гарнца; муки ржаной 16 четвертей 9 гарнцевъ—всего на сумму 321 рубль 53 копѣйки. 2) Изъ монастырской кассы выдано ему же разновременно 264 рубля на покупку волосского вина 22 вѣдеръ, икры, раковъ, баранины, сахара, чаю, маслинъ, оливъ, курей 183, утокъ 59, гусей 5. 3) Израсходовано на содержаніе и наемъ особыхъ кучера, повара и лакея 180 рублей; 4) на отопленіе келій и кухни преосвященнаго выдано 40 коподъ на сумму 40 рублей и 5) содержаніе цуга (четверки) лошадей съ упряжью и коляскою обошлось монастырю примѣрно 386 рублей.—А всего тысяча сто девяносто одинъ рубль пятьдесятъ три копѣекъ.

Итоги расходовъ по каждому предмету свѣрялъ кіевскій городскій канцеляристъ Артемій Левитовичъ и призналъ ихъ вполнѣ вѣрными и нисколько не преувеличенными.

10 октября 1779 года кіевскій оберъ-комендантъ писалъ кіевскому митрополиту письмо, что Евсевій желаетъ переселиться изъ Кіево-Кирилловскаго монастыря въ Кіево-Петропавловскій, „въ которомъ ему удобнѣе будетъ пользоваться у врачей, по приключившейся ему болѣзни“. Переселиться ему въ Петропавловскій монастырь не пришлось, такъ какъ игуменскія келіи, предназначавшіяся для него кіевскимъ митрополитомъ, потребовали продолжительной ремонтировки. Нельзя при этомъ не замѣтить, что Евсевію никакой болѣзни не приключилось; онъ желалъ только на короткое время переселиться въ Петропавловскій монастырь, чтобы находиться вблизи Екатерининскаго монастыря, въ которомъ временно проживалъ другъ и пріятель его нѣкто Феофилъ, называвшійся игуменомъ сербской нації. Подъ надзоромъ сего Феофила въ Екатерининскомъ монастырѣ ¹⁾

¹⁾ Въ это время при этомъ монастырѣ находился постоянный дворъ, какъ видно изъ прописанного наимен прошенія игумена сего монастыря.

находился экипажъ Евсевія, и Феофілъ приготовилъ все, что нужно было, къ тайному выѣзду ихъ обоихъ изъ Києва. Конечно, къ этому времени Евсевій незамѣтно, по частямъ перевезъ къ Феофілу всѣ сколько-нибудь цѣнныя вещи изъ своего довольно скучного имущества. Чтобы скрыть отъ братіи Кирилловскаго монастыря свой тайный выѣздъ изъ Києва, Евсевій счель нужнымъ бросить въ монастырѣ слѣдующія свои вещи: пару матрацовъ набитыхъ соломою, пару ветхихъ одѣялъ, одну простыню, пару подушекъ, три войлокъ, чернильницу, два гребешка, старый перочинный ножикъ, двѣ пары старыхъ чашекъ, два графинчика, три столовыхъ ножа съ двумя вилками, мѣдный чайникъ, шесть цинковыхъ тарѣлокъ, подсвѣчникъ и двѣ книжки на греческомъ языкѣ: псалтырь и воскресную седничную службу.

Изъ Києво-Кирилловскаго монастыря Евсевій неизвѣстно куда выѣхалъ 14 октября въ восемь часовъ вечера и болѣе не возвращался въ монастырь, о чемъ архимандритъ Кириллъ словесно далъ знать оберъ-коменданту Елчанинову, а митрополиту Гавріилу подаль два репорта, одинъ 16, а другой 18 октября. Когда тайный выѣздъ Евсевія не подлежалъ уже никакому сомнѣнію, преосвященный Гавріиль 4 ноября 1779 года отправилъ въ Святѣйшій Синодъ слѣдующій репортъ: „Прошлаго 1778 года іюля отъ 4 дня Святѣйшему Правительствующему Синоду о прибывшемъ въ Київъ преосвященному Евсевіи, митрополитѣ Призремскомъ, что ему преосвященному, по требованію господина генералъ-порутчика, киевскаго оберъ-коменданта Елчанинова, въ сходство даннаго ему отъ его сіятельства графа Петра Александровича Румянцева Задунайскаго повелѣнія, дозволено имѣть до времени пребываніе въ Києво-Пустынно-Николаевскомъ монастырѣ съ приличнымъ отъ онога монастыря содержаніемъ, представлено отъ меня доношеніемъ, при которомъ Святѣйшему Синоду, къ свѣдѣнію онаго, приложена копія доношенія, поданнаго мнѣ отъ протоіерея Іакова Бѣлявскаго, греческій языкъ довольно знающаго. А сего года августа мѣсяца, по требованію помянутаго оберъ-коменданта и по желанію онаго преосвященнаго, дозволено ему отъ меня жить въ Києво-Кирилловскомъ монастырѣ; октября жъ 12 дня господинъ оберъ-ко-

мендантъ Елчаниновъ на разсмотрѣніе мое письменно сообщилъ, что де онъ преосвященный, по случаю приключившейся ему болѣзни, дабы удобнѣе могъ пользоваться, просилъ о перевѣдѣи его изъ Кирилловскаго въ Петропавловскій или Греческій монастырь; и потому, какъ греческаго Екатерининскаго монастыря игуменъ еще августа 4 дня сего года поданнымъ мнѣ доношеніемъ просилъ, по прописаннымъ въ ономъ резонамъ, не опредѣлять его преосвященнаго туда на жительство, а какъ въ Петропавловскомъ монастырѣ приличныхъ келій къ пребыванію оному преосвященному нѣтъ, для того посланъ въ игумену того же Петропавловскаго монастыря указъ, чтобы онъ приказалъ игуменскія келіи очистить и исправить для пребыванія оному преосвященному впредь до разсмотрѣнія. А октября 16 дня настоятель Киево-Кирилловскаго монастыря архимандритъ Кирилль подалъ мнѣ рапортъ, такъ и господину оберъ-коменданту словесно чрезъ нарочного, что означенный преосвященный Евсевій 14 того октября по полудни въ осьмомъ часу невѣдомо куда изъ монастыря отлучился было, далъ знать, однако де на другой день отъ господина оберъ-коменданта Ельчанинова ему архимандриту извѣщено, что онъ преосвященный Евсевій въ Кіевѣ уже явился и находился въ пещерскомъ форштатѣ; 18 же октября реченный архимандритъ и паки рапортовалъ мнѣ, что де служитель онаго преосвященнаго, пришедши съ пещерскаго форштата 16 дня въ Кирилловскій монастырь, ожидалъ его тамо, когда же преосвященный тотъ въ монастырѣ уже не явился, то де на другой день т. е. 17 дня пошелъ онъ служитель обратно туда на форштатъ, гдѣ онъ его и оставилъ, потомъ де уже не засталъ онаго преосвященнаго, и куда оттуда отлучился не извѣстно, такожъ и о экипажѣ его преосвященнаго, въ греческомъ монастырѣ у игумена вѣкоего сербской націи Щефіла оставленномъ, объявилъ, что ни екипажа, ни игумена онаго въ томъ монастырѣ не оказалось, почему де заключаетъ онъ, служитель, что онъ преосвященный Евсевій съ игуменомъ тѣмъ съ Кіева уѣхали. При рапортѣ своемъ онъ архимандритъ приложилъ учиненную имъ архимандритомъ опись вещей онаго преосвященнаго въ келіи, въ которой онъ пребывалъ, оставшихся.

О семъ проиществіі того жъ числа отъ меня реченному господину оберъ-коменданту письменно дано знать, но отъ онаго комѣ о поминаемомъ преосвященномъ ничего уже не было представляемо, и гдѣ находится—минѣ неизвѣстно; о чёмъ всемъ Святѣшшему Правительствующему Синоду благопочтенно репортую”.

Этимъ репортомъ заканчивается хранящееся въ архивѣ кievской консисторіи дѣло о Евсевіи подъ № 13, за 1778 годъ.

Свѣдѣнія о Евсевіи, заключающіяся въ этомъ дѣлѣ, мы имѣемъ возможность пополнить тѣми немногими свѣдѣніями, которая сообщилъ отъ 30 ноября 1780 года переяславскому епископу Иларіону о. намѣстникъ немировской протопопіи Василій Саржицкій и которая собралъ М. О. Кояловичъ въ сино-дальномъ архивѣ и помѣстилъ въ книгѣ—„Історія возсоединенія западно-руссихъ уніатовъ старыхъ временъ“. С.-Петербургъ 1873 года.

Евсевію было около тридцати лѣтъ, когда онъ тайно бѣжалъ изъ Киева. Куда именно направилъ онъ путь свой—неизвѣстно; но тогдашняя граница польская была отъ Киева въ 30 верстахъ, и онъ скоро очутился въ предѣловъ Россіи. Въ концѣ зими 1780 года Евсевій былъ уже въ Варшавѣ, гдѣ видѣлся съ польскимъ королемъ Станиславомъ Понятовскимъ и, послѣ свиданія съ нимъ, лѣтомъ того же года пріѣхалъ въ г. Могилевъ на р. Днѣстрѣ съ какою-то королевскою грамотою, дозволявшо ему архіерействовать надъ православными въ Подоліи и Брацлавщинѣ. Король могъ дозволить ему это дѣло съ тою цѣлью, чтобы православные подданные Посполитой Рѣчи, находившіеся въ этихъ мѣстахъ, перестали зависѣть отъ переяславскаго епископа Иларіона, русскаго подданнаго. Впрочемъ многокоролевье или безкоролевье въ Польшѣ было уже такъ ощущительно, что грамота королевская оказалась ненадежною, положеніе же православныхъ въ томъ краѣ весьма способствовало Евсевію привлечь къ себѣ симпатіи ихъ. Послѣ усмиренія Колівщины и Гайдамацкаго бунта въ Чигиринщинѣ, Черкащинѣ, Смѣлянщинѣ и Уманщинѣ уніаты взяли значительный перевѣсь на козацкой и польской Украинѣ и всюду слишкомъ гвалтовно преслѣдовали православныхъ, не смотря на частное покровитель-

ство, оказываемое послѣднимъ со стороны крупныхъ польскихъ помѣщиковъ, которые давали поселянамъ разныя льготы, въ томъ числѣ и свободу вѣроисповѣданія, въ видахъ привлеченія ихъ къ скорѣйшему заселенію пустырей Подолія и Брацлавщины.

Евсевій пріобрѣлъ въ Могилевѣ домъ, служилъ въ греческой церкви и рукополагалъ ставленниковъ; но тѣснімый уніатскимъ оффіциаломъ Любинскимъ, онъ въ октабрѣ переселился въ г. Немировъ, гдѣ было ве мало грековъ, сербовъ и волоховъ, которыми покровительствовалъ графъ Викентій Потоцкій, въ видахъ развитія торговли и промышленности. Здѣсь то Евсевій задумалъ учредить свою Консисторію и разослалъ православнымъ священникамъ приказъ явиться къ нему и представить обстоятельные репорты объ обидахъ, наносимыхъ православнымъ отъ помѣщиковъ, поссессоровъ и уніатскихъ поповъ. Когда же явились священники, то объявилъ имъ, что „онъ митрополитъ, отъ его величества короля польскаго имѣть у себя грамоту о бытіи ему тамо и защищеніи православныхъ отъ уніатовъ“.

Протопопія Немировская состояла изъ семи православныхъ приходовъ. Евсевій объѣзжалъ эти приходы и въ нихъ служилъ съ двумя священниками и своимъ архідіакономъ грекомъ. Кроме Немировской protопопії онъ литургисалъ и рукополагалъ ставленниковъ и въ protопопії Брацлавской. Немировскій владѣлецъ, графъ Викентій Потоцкій, покровительствовалъ Евсевію, приглашалъ его къ себѣ на обѣдъ и, по просьбѣ Немировскихъ греческихъ торговцевъ, дозволилъ ему устроить въ Немировѣ, въ частномъ домѣ, православную церковь. 21 ноября Евсевій торжественно служилъ въ ней съ собравшимся духовенствомъ, „а, по литургії Чечелыницкій protопопъ Лука Романовскій говорилъ наизусть проповѣдь, въ которой приписывалъ похвалы митрополиту за подвиги, къ защищенію благочестія принятые, а владѣльцу дѣдичному за позволеніе воздвигнуть въ добрахъ его православную церковь. По проповѣди отправляли соборомъ государственное молебствие и имѣли какъ служащіе, такъ и прочие, случившіеся тамо благочестивые священники, открытый въ квартирѣ онаго митрополита вмѣстѣ съ нимъ столъ.“ Такъ доносили о. Василій Саржицкій, намѣстникъ protопопії Неми-

ровской, Переяславскому епископу Иларіону. Саржицкій имѣлъ приходъ въ с. Войтовцахъ, вблизи Немирова, и пользовался особымъ довѣріемъ Евсевія.

Но это было едва ли не послѣднее торжественное служеніе Евсевія. Уніатскій офіціалъ Любинскій не разъ и прежде являлся къ Евсевію и допытывался, по какому праву онъ вторгается въ уніатскую паству, жаловался и графу Потоцкому, но безуспѣшно. Евсевій то давалъ уклончивые отвѣты, то прямо заявлялъ, что не хочетъ никого знать, кроме короля и святѣшаго синода; Потоцкій уклонялся отъ участія въ разбирательствѣ жалобы Любинскаго, а жители Немирова внушали Любинскому опасеніе за его жизнь. Тогда онъ рѣшился дѣйствовать собственными средствами и, оставивши Немировъ въ покой, заняться въ окрестностяхъ его. Онъ схватилъ одного священника, рукоположеннаго Евсевіемъ, и въ самый день торжества православныхъ въ Немировѣ „съ шестьюдесятью уніатскими попами и дьячками побѣжалъ въ с. Войтовцы,“ приходъ намѣстника протопопія Немировской, „отбилъ приходскую его православную церковь, изъ собственного его намѣстника дому жену, дѣтей и домашнихъ разогналъ и все имѣніе заарестовалъ.“ Вѣсть объ этомъ дошла до Саржинскаго въ Немировѣ уже послѣ обѣда. Саржинскій жаловался Евсевію, а Евсевій, сказавъ: „поѣдемъ туда всѣ и будемъ бить за то уніатовъ,“ велѣлъ ему ѿхать впередъ, а самъ вслѣдъ выѣхалъ въ своей каретѣ, имѣя при себѣ около десяти немировскихъ грековъ, вооруженныхъ саблями и пистолями. „Но какъ только вѣїхалъ онъ, намѣстникъ, въ свой дворъ, то вдругъ повозку и его самого окруживъ зъ дручьямъ уніаты, хотѣли бить, однако едва по усилиной просьбѣ самъ безъ повозки выпущенъ съ двора, и о таковомъ глатовномъ нападеніи собравшимся около двора на позорище тамошнимъ обивателямъ протестовался, съ прошеніемъ защищенія. Между тѣмъ и митрополитъ началъ приближаться къ церкви своимъ побѣздомъ, котораго увидѣвъ народъ бросился на колокольню звонить, а уніаты вслѣдъ устремились за онымъ, начали всѣхъ звонящихъ людей безъ уаги бить, отъ чего и народъ принужденъ былъ защищаться. Митрополитъ же, смотря на то съ двора

его намѣстника, велѣль народу защищаясь бить уніатовъ за глаffовніи нападенія на ихъ православныя церкви. Потомъ митрополитъ возвратился въ Немировъ съ намѣреніемъ выѣздить другаго дня въ Варшаву для взнесенія о таковыхъ уніатскихъ на православныхъ посагательствахъ его величеству польскому королю жалобы. Такъ доносиль преосвященному переяславскому Иларіону о. Саржинскій. А въ жалобѣ, занесенной Любинскимъ своему начальству, говорится, что когда онъ для уснокованія мятеjнаго противъ унії настроенія народнаго отлучился въ Войтовцы, то узнавъ о томъ Евсевій, „ночью на 4 декабря (по новому стилю) устремилъ съ своими новообразившимися, вооруженными фузеями и турецкими ножами, на домъ офиціала, велѣль въ колокола звонить и, держа въ одной рукаѣ карабинъ, другою благословлялъ и собравшемуся народу кричалъ: вы, вѣрующіе въ Іисуса Христа, бейте сихъ погибельныхъ уніатовъ. Вдругъ бѣшеная толпа бросилась на офиціала, на него причетъ и слугъ. Нѣкоторые отвели сего прелата въ сторону и били его нещадно. Его вопль, его униженное прощеніе утолили наконецъ ихъ лютость и спасли ему жизнь...“ По свидѣтельству Любинскаго, послѣ этого событія, народъ еще болѣе сталъ бросать унію и устремляться къ Евсевію и благочестію.

Весьма скоро узналъ о прописанномъ событіи кіевскій властелинъ, жившій въ Каневѣ, Стемпковскій и приказалъ схватить Евсевія. Но Евсевій, послѣ Войтовецкаго побоища, немедленно выѣхалъ изъ Немирова въ Могилевъ на Днѣстрѣ, а отсюда въ Варшаву, по словамъ Саржицкаго жаловаться на Любинскаго. Изъ Варшавы ему не суждено было возвратиться на Подолію.

Въ Варшавѣ тогда еще не было православнаго храма, и греческіе негоціанты, жившіе въ Варшавѣ, съ своими церковными нуждами обращались то въ г. Калишъ, гдѣ въ 1440 году венгерскими выходцами была устроена домовая православная церковь, то въ Яблоченскій св. Онуфріевскій монастырь, находившійся недалеко отъ Брестъ-Литовска, при сліяніі р. Буга съ р. Наревомъ. Евсевій проживалъ у своихъ единовѣрцевъ грековъ. Вліяніе богатыхъ торговцевъ, можетъ быть, и поддер-

жало бы домогательство Евсевія утвердиться на самовольно устроенной имъ архіерейской кафедрѣ въ Немировѣ, но встрѣтились довольно вѣскія препятствія, которыхъ не ожидалъ этотъ странствовавшій греческій митрополитъ. Переяславскій епископъ Иларіонъ, по полученіи выше прописаннаго рапорта отъ Саржицкаго, вошелъ въ святѣйшій синодъ съ жалобою на незаконное вмѣшательство Евсевія въ дѣла Переяславской епархіи, въ составъ которой тогда входили всѣ православныя церкви на козацкой украинѣ, Подоліи и въ Брацлавщинѣ. Почти вслѣдъ за жалобою преосвященаго Иларіона и Славенскій и Херсонскій архіепископъ Никифоръ Феотоки прислалъ въ Святѣйшій Синодъ доношеніе Елисаветградскагоprotoіерея Димитрія Смолодовича, въ которомъ писалось такъ: „слухомъ мнѣ известно учинилось, что нѣjakой волоскій архіерей, кой называетъ себя роднымъ братомъ волоскаго жъ господаря, казненнаго турками, проживая нынѣ въ польскомъ мѣстечкѣ Могилевѣ, состоящемъ надъ рѣкою Днѣстромъ, нѣсколько человекъ произвелъ во священство. Раскольники стародубскихъ слободъ, прослыхавъ о таковомъ его дѣйствіи, просили его о поставленіи имъ епископа и, будучи онъ разными образы улаканъ отъ раскольниковъ, обѣщался просьбу ихъ исполнить, а раскольники таковыми его обнадеживаніемъ будучи обрадованы, прошедшаго февраля среднихъ чиселъ 1781 года повезли къ нему для посвященія во епископа іеромонаха Іосифа изъ діаконовскаго раскольническаго скита, чemu очевидніи у насъ суть свидѣтели. Но поелику онный архіерей въ мартѣ первыхъ чиселъ изъ Могилева отъѣхалъ въ Варшаву къ польскому Королю съ жалобою на духовную уніатскую власть, то раскольники, не заставъ его въ Могилевѣ, дожидаются съ кандидатомъ своимъ въ селѣ Борскомъ его пребытія“ (Кояловичъ. Исторія возсоединенія уніатовъ, стр. 178).

Вслѣдствіе переписки Святѣйшаго Синода съ иностранною коллегіею, русскій посолъ въ Варшавѣ получилъ предписаніе домогаться высылки Евсевія изъ Польши, и домогательство послало рѣшающее вліяніе на исходъ дѣла. Отъ 5 апрѣля 1781 года довѣренное лице уніатскаго митрополита Іассона Смогоржев-

скаго, Левинській, писалъ ему изъ Варшавы, между прочимъ, слѣдующее: „относительно Евсевія уже и здѣшній русскій посолъ получилъ изъ Петербурга приказъ, который я самъ читалъ, чтобы выгнать его изъ Украины, а это по жалобѣ въ Синодѣ Переяславскаго епископа, что помянутый Евсевій вторгается въ его права и незаконно присваиваетъ себѣ юрисдикцію надъ украинскими дизунитами.“ Какъ видно изъ этого письма, повелѣніе русскому послу о высылкѣ Евсевія изъ польскихъ предѣловъ состоялось еще до получения Святѣйшимъ Синодомъ донесенія отъ архіепископа Славенскаго Іоанна, Переяславскаго епископа.

Послѣднюю вѣсть о Евсевіѣ подалъ тотъ же Левинській въ донесеніи митрополиту Смогоржевскому отъ 1 мая того же 1781 года: „о Евсевіѣ имѣю здѣсь достовѣрное извѣстіе, что проѣзжалъ по австрійской границѣ и что видѣли его въ Сочавѣ. Что Переяславскій епископъ обжаловалъ его въ Синодѣ, это не подлежитъ сомнѣнію; есть на то документъ въ королевскомъ кабинетѣ, который я читалъ.“¹⁾ Очевидно, удаленіе Евсевія крайне радовало униатскую іерархію, давно точившую на него зубы.

Въ происпанныхъ свѣдѣніяхъ о походженіяхъ Евсевія въ Кіевѣ и Подольской губерніи заключаются весьма вѣсکія даннія, на основаніи которыхъ нельзѧ не признать его сомнительнымъ архіереемъ. Даннія эти слѣдующія.

1, Евсевій въ своемъ показаніи, представленномъ протоіереемъ Бѣлявскимъ кіевскому митрополиту Гавріилу, не поименовалъ своихъ родителей и не назвалъ той знатнѣйшей и первой въ Константинополѣ фамилії, къ которой они принадлежали. Слѣдуетъ предполагать, что это онъ дѣлалъ умышленно, съ тою цѣллю, чтобы затруднить справки о немъ, если бы таковыя вздумалъ навести въ Константинополѣ игуменъ кіевскаго греческаго Екатерининскаго монастыря чрезъ своихъ знакомыхъ, жившихъ въ Константинополѣ.

¹⁾ Донесенія Левинськаго Смогоржевскому писаны на польскомъ языке.

2. Въ томъ же показаніи Евсевій сообщилъ, что, когда патріархъ Константинопольский Самуилъ предложилъ ему каѳедру Призремскаго митрополита, онъ, представляя свой 22-хъ лѣтній возрастъ и другіе разные резоны, отказывался отъ архіерейства. Когда же резоны его не были приняты во вниманіе, онъ бѣжалъ изъ Константиноополя въ Антіохію, но вслѣдствіе усиленной просьбы нарочито посланныхъ къ нему отъ патріарха возвратился въ Константинополь и противъ желанія своего принялъ хиртонію архіерейскую. Показаніе это отзывается чистѣшею комбинаціею, заимствованною изъ біографій тѣхъ греческихъ святителей, которые по смиренію своему и сознанію немощей своихъ дѣйствительно уклонялись отъ епископства. Что же касается 22-хъ лѣтняго возраста, на которомъ Евсевій принялъ архіерейство, то возрастъ этотъ даетъ намъ полное право сомнѣваться въ дѣйствительности совершенія надъ нимъ архіерейской хиротонії. По каноническимъ правиламъ рукополагаются въ діаконы лица, имѣющія отъ рода 25 лѣтъ, а въ пресвитеры и епископы лица тридцатилѣтняго возраста. А потому патріархъ Константинопольский, какъ верховный блюститель церковныхъ каноновъ, не имѣлъ права нарушить ихъ ради Евсевія, хотя бы онъ даже очень высоко стоялъ по своей нравственности и тѣмъ познаніямъ, которыя пріобрѣлъ отъ своихъ наставниковъ, іеродіаконовъ Евгения и Іакова.

3. Врученная Евсевію епархія, по его показанію, имѣла долгъ девяносто девять тысячъ рублей. Избраніе и посвященіе его въ санъ митрополита на каѳедру епархіи съ такимъ большимъ долгомъ всякому должно показаться болѣе, чѣмъ сомнительнымъ. 22-хъ лѣтній архіерей, по малоопытности своей, могъ скорѣе увеличить, чѣмъ уплатить долгъ въ девяносто девять тысячъ. Къ сему нельзя не присовокупить и того, что Евсевій даже въ зрѣломъ возрастѣ, когда ему было около 35 лѣтъ, проживая въ Києвѣ 436 дней, не отличался бережливостію, а любилъ на чужой счетъ и кругомъ ъздить, и питаться сытными, обильными яствами, и выпивать значительное количество разнаго рода хмѣльныхъ напитковъ. Когда пришлось намъ перечитывать представленные Пустынно-Николаевскимъ монастыремъ въ кіев-

скую консисторию реестры расходовъ на Евсевія, мы только удивлялись, какъ одинъ человѣкъ въ теченіе 436 дней могъ выпить 48 ведеръ водки, 35 вѣдеръ и 3 гарнца сочку (наливоекъ), 27 вѣдеръ и 6 гарнцевъ меду, 2180 квартъ пива и кромѣ того не малое количество волосского вина. Слишкомъ неумѣреннымъ употребленіемъ хмѣльныхъ напитковъ не заглушалъ ли самозванный архіерей свою совѣсть, которая въ немъ просыпалась, когда онъ жилъ среди иноковъ, наблюдавшихъ строгую умѣренность въ пищѣ и питьѣ?

4. Съ страстію къ хмѣльнымъ напиткамъ Евсевій соединялъ очень буйный характеръ и разныя скандальныя похожденія, какъ въ Киевѣ, такъ и въ подольской губерніи. Кіево-греческаго Екатерининскаго монастыря игуменъ Григорій въ прошеніи, поданномъ 4 августа 1779 года Кіевскому митрополиту Гавріилу, такъ писалъ о Евсевіѣ: „Ваше архипастырское повелѣніе помѣстить преосвященнаго Евсевія въ монастырѣ Св. Екатерины я свято и усердно желалъ бы исполнить. Но какъ онаго преосвященнаго нравъ и неснокойство всѣмъ извѣстны... и когда онъ преосвященный будетъ жить въ монастырѣ, то въ ономъ ни кого нельзя будетъ удержать, да и я самъ приужденъ буду, оставя монастырь, во избѣжаніе неминуемыхъ отъ него скандаловъ удалиться; сверхъ же того, яко посреди града сей монастырь состоить и всегда люди имѣютъ препочинаніе и роздыхъ въ немъ, отъ чего и монастырь пропитаніе имѣть, чрезъ негожъ архіерея не токмо уже никто не будетъ приставать, но и убѣгать ради его скандаловъ... да и соблазнъ неминуемо послѣдуетъ... Для того слезно прошу защитить монастырь отъ помѣщенія въ немъ его преосвященства...“ Такъ писалъ игуменъ Григорій въ официальной бумагѣ и писалъ потому, что ему вполнѣ извѣстны были весьма неодобрительныя качества его единоплеменника, титуловавшаго себя митрополитомъ, и можетъ быть уже были получены имъ изъ Константинополя справки, что Евсевій архіерей сомнительный. Нельзя не предполагать, что Евсевію извѣстно было содержаніе прописаннаго прошенія. Почему же онъ не протестовалъ противъ подателя его? Думаемъ, изъ болзни, что игуменъ Григорій разобла-

чить его самозванство. Опасаясь такого разоблачения, Евсевий скръзь за лучшее въ половинѣ октября 1779 года бѣжать изъ Киева въ Польшу, гдѣ онъ до 22 мая 1778 г. свободно и зитургисалъ, какъ архіерей, и рукополагалъ ставленниковъ.

5. Евсевій прожилъ въ Києвѣ 436 дній, но здѣсь онъ ни однажды не только самъ не священодѣйствовалъ, но даже не допускался къ соучастію въ священнослуженіи съ Кіевскимъ митрополитомъ Гавріломъ. Когда Евсевій у Кіевскаго коменданта Елчанинова испросилъ разрѣшеніе съѣздить въ Нѣжинъ для посвѣщенія своихъ единоплеменниковъ, проживавшихъ тамъ, то Кіевскій Владыка предписалъ Нѣжинскому намѣстнику не только не допускать его къ священнослуженію, но даже не дѣлать ему церемоніальной архіерейской встрѣчи съ колоколами. Такое предписаніе состоялось не потому ли, что Кіевскій владыка сомнѣвался въ дѣйствительности архіерейства Евсевія? А сомнѣваться онъ имѣлъ основаніе съ одной стороны потому, что Евсевій не такъ себя велъ въ Києвѣ, какъ подобало архіерею, а съ другой вслѣдствіе непредставленія ему Евсевіемъ своей архіерейской грамоты и тѣхъ открытыхъ патріаршихъ грамотъ, которыми яко бы разрѣшалось ему вездѣ священнослуженіе.

Къ прописанному считаемъ необходимымъ присовокупить и слѣдующія данныя: а) Евсевій странствовалъ по Черногоріи въ концѣ 1774 г. Въ журналѣ „Магазинъ Сербско-Далматинскій“ за 1872 г. напечатана грамота, выданная Евсевіемъ 12 генваря 1775 г. о производствѣ имъ въ санъprotoіерея сербскаго священника Иліи Поповича. Такого производства Черногорскій митрополитъ Савва Петровичъ не призналъ дѣйствительнымъ и предписалъ Иліи Поповичу свою protoіерейскую грамоту выслать ему въ Станевичскій монастырь, такъ какъ „она выдана Евсевіемъ не архіереемъ.“ Значить, черногорскій митрополитъ не только сомнѣвался въ архіерействѣ Евсевія, но положительно не признавалъ его архіереемъ. б) Уніатскій митрополитъ Леонъ Шептицкій въ отвѣтѣ своемъ на предъявленный ему въ Варшавѣ 10 декабря 1778 года меморіалъ благочестивыхъ украинскихъ депутатовъ Стоцкаго и Зельнкевича, между

прочимъ, писалъ такъ: „нѣкіи благочестивые попы скажутъ о себѣ, яко бы хиротонисаны волоскими архіереями, но объ нихъ носится достовѣрный слухъ, что они суть мнімые и хиротонія ихъ фальшивая.“ Предполагать слѣдуетъ, что Леонъ Шептицкій подъ волоскими архіереями главнымъ образомъ подразумѣвалъ Евсевія, который до выѣзда своего въ Кіевъ, въ ковцѣ мая 1776 года, преподавалъ священство въ Немировѣ и Могилевѣ всякому, кто только обращался къ нему за хиротонією.

Наконецъ самозванство Евсевія въ 1794 году признано было и Св. Синодомъ, предъ возсоединенiemъ українскихъ уніатовъ съ православною церковью. 30 іюня сего года преосвященный Викторъ Садковскій, выдавая одобренную Св. Синодомъ инструкцію игуменамъ и протоіерейямъ, на которыхъ возложенъ былъ трудаъ возсоединенія Українскихъ уніатовъ, въ 10 § ея такъ написалъ: „въ случаѣ недостатка и необходимой надобности въ священникахъ, для снабженія оними новоприсоединенныхъ прихожанъ и церквей, назначать до дальнаго времени и священниковъ, рукоположенныхъ волоскими православными архіереями, кроме извѣстнаго сумнительного митрополита Евсевія, буде, при разсмотрѣніи о священствѣ ихъ документовъ и другихъ письменныхъ видовъ, въ запрещеніи священнослуженія и подобныхъ тому важныхъ сумнійихъ не окажутся...“

г. Кіевъ.

Протоіерей П. Орловскій.

Воспоминанія о фирмѣ братьевъ Яхненко и Симиренко¹⁾.

(посвящается памяти Феофана Гавриловича Лебединцева).²⁾

Всякій честный труженикъ, какою бы полезною отраслью дѣятельности ни занимался, пріобрѣтая извѣстность въ районѣ своихъ дѣйствій, безспорно заслуживаетъ памяти потомства. Всякое воспоминаніе о немъ всегда своевременно, тѣмъ болѣе, что время уничтожаетъ массу памятниковъ старины, а смерть

¹⁾ Матеріаломъ для настоящей статьи служили 1) разсказы Маріи Васильевны Яхненко, жены Кондрата Михайловича Яхненко, сына ихъ, присяжного поѣзренаго Василия Кондратьевича Яхненко, и Василия Федоровича Симиренка; 2) часть замѣтокъ, составленныхъ Алексѣемъ Ивановичемъ Храпалемъ, зятемъ Федора Симиренка и свидѣтелемъ-очевидцемъ первыхъ моментовъ возникновенія шаровой торговой дѣятельности фирмы. Замѣтки эти составлены были въ теченіе зимы 1885—1886 годовъ, какъ значится въ нихъ, и въ подлиннике хранятся у дочери Храпала Е. Шваченко. Самъ А. И. Храпаль умеръ 27 марта 1886 года; 3) разсказы директоровъ — распорядителей Кальниковскаго и Собскаго товариществъ о дѣятельности Фридриха Енги, замѣтки о юбилейномъ торжествѣ Кальниковскаго товарищества 2 сентября 1883 года, хранящіяся у Викентія Людиковича Чарновскаго, члена правленія товарищества, и 4) личныя наблюденія.

²⁾ Покойный Феофанъ Гавриловичъ Лебединцевъ, первый редакторъ и основатель журнала „Кievskaya Starina“, будучи уроженцемъ с. Зеленої Дубровы звенигородского уѣзда и живя вблизи Мліева, зналъ Кондрата Михайловича Яхненка и всю ихъ семью и очень интересовался составленіемъ статьи о дѣятельности этой фирмы, а также просилъ Василия Кондратьевича Яхненко дать ему матеріалъ или самому составить такую статью; но составленіе статьи какъ-то откладывалось, Феофанъ Гавриловичъ скоро заболѣлъ, умеръ, и его намѣреніе не осуществлялось. Въ память глубокагоуваженія къ Феофану Гавриловичу, какъ своему бывшему наставнику, я исполнилъ его желаніе и потому рѣшился посвятить его памяти эту статью.

очевидцевъ возникновенія извѣстнаго предпріятія и первоначальныхъ толчковъ къ возбужденію дѣятельности тѣхъ или иныхъ лицъ, служитъ невознарадимою потерею для возстановленія картины прошлаго.

Въ западной Европѣ о всѣхъ выдающихся лицахъ на полѣ государственной, ученой и промышленной дѣятельности написаны цѣлые томы, всѣхъ интересуетъ знаніе тѣхъ причинъ и условій, которыя побудили извѣстное лицо взяться за промышленное и коммерческое дѣло, дать ему правильное направление, развить его дѣятельность и поставить на надлежащую высоту. У насъ государственнымъ и ученымъ дѣятелямъ воздаютъ должное, но о коммерческихъ дѣятеляхъ, особенно не изъ родовитыхъ фамилій, жившихъ гдѣ либо вдали отъ центрловъ управлениія, въ глухи, какъ то скоро забываютъ, и память о нихъ сохраняется долго только въ устахъ жителей той мѣстности, гдѣ они жили, устроили какое либо промышленное дѣло, корили массу народа. А между тѣмъ любопытно знать, какимъ образомъ коммерческій человѣкъ, обладая незначительнымъ капиталомъ, при счастливо сложившихся обстоятельствахъ, энергической разумной дѣятельности и предпріимчивости, успѣль въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ составить миллионы, оживить свой край, свою страну, дать средства къ жизни мѣстному бѣдному люду, поднять благостояніе своего района, устроить фабрики и заводы, открыть склады разныхъ своихъ произведеній въ большихъ городахъ своего отечества. Каждаго интересуетъ знать, сколько благотворительныхъ учрежденій, школъ открылъ такой миллионеръ, сколько кормить бѣднаго люда. Прочитавъ біографіи такихъ извѣстныхъ европейскихъ миллионеровъ, какъ Ротшильдъ и др., мы видимъ, что всѣмъ имъ приходилось въ началѣ испытывать много огорченій и рѣзкихъ потрясеній. Многимъ такимъ дѣятелямъ приходилось не разъ менять свои операции, измѣнять свою дѣятельность, пока не попадали на такое производство, которое въ данное время требовалось жизнью, выдвигало на сцену самыхъ дѣятелей, приносило пользу не только ему, но и мѣстности и государству. Кромѣ имѣнія таланта, въ промышленной дѣятельности важно понять, какой родъ производства въ данной мѣстности

будетъ имѣть сбытъ, какая будущность ожидаетъ извѣстное производство,—въ такихъ случаяхъ важно прозрѣвать, предугадывать будущность извѣстнаго дѣла, его необходимость, понять, что извѣстное дѣло, извѣстный промыселъ дасть доходъ, важно понимать, какъ привить извѣстную промышленность къ мѣстности, чтобы она давала доходъ владѣльцу и увеличивала благостояніе народа. Часто случаи наталкивали коммерсантовъ на извѣстное выгодное занятіе, производство, и благодаря энергіи и умѣнію вести дѣло, ловкие производители наживали состояніе.

Въ юго-западномъ краѣ свеклосахарное производство начало возникать въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ. Первымъ пionеромъ у насъ былъ на этомъ поприщѣ промышленной дѣятельности помѣщикъ м. Смѣлой, графъ Алексѣй Бобринскій, памятникъ коему красуется въ Кieвѣ по Бульварной улицѣ. Важно, чтобы лица, близко знавшія дѣятельность графа Бобринскаго, какъ великаго благодѣтеля нашего края, составили воспоминанія о неусыпныхъ его трудахъ по введенію и установкѣ у насъ свеклосахарного производства. По примѣру графа Бобринскаго стали заниматься свеклосахарною промышленностью помѣщики наши: графы Потоцкій, Шуваловъ, Браницкій, и среди нихъ извѣстенъ былъ въ 1840-хъ годахъ потомственный почетный гражданинъ Кондратъ Михайловичъ Яхненко. Всѣмъ памятна фирма „рафинадный сахаръ братьевъ Яхненко и Симиренко“; въ каждой лавкѣ на видномъ мѣстѣ красовались конусообразныя головы сахара этой извѣстной фирмы, каждый большой городъ Россіи, какъ напр. Москва, Харьковъ, Нижній Новгородъ, Кieвъ, Кременчугъ, Елисаветградъ, Одесса, имѣли у себя громадные склады сахара въ собственныхъ домахъ этой фирмы; дѣятельность ея извѣстна была и заграницей; цвѣла она, какъ рѣдкій цвѣтокъ, питала она тысячи народа; потеря кредита и первый недостатокъ въ деньгахъ при общемъ безденежью, а затѣмъ смерть главнаго дѣятеля фирмы Кондрата Михайловича Яхненка, и другихъ членовъ фирмы прекратили ея существованіе. Живя ~~и~~ дѣлства въ раionѣ дѣятельности этой фирмы, я не могу забыть тѣхъ чувствъ, которыя испытывалъ каждый мой товарищъ дѣлства, посетивъ городокъ Яхненка возлѣ села Млїева.

Мнѣ лично во время самого цвѣта фирмы въ 1850 годахъ не пришлось быть въ томъ городкѣ, но рассказы товарищей живы и теперь въ моей памяти. Помню я, что каждый изъ нихъ, побывавъ въ тѣ годы въ городѣ Киевѣ, не выносилъ тѣхъ впечатлѣній, какія испытывалъ при вѣзѣ въ тотъ городокъ. Кромѣ величественного семи-этажного зданія песочного и рафинаднаго завода для выдѣлки сахара, на 260 десятинахъ арендной земли у князя Воронцова устроено было до 150 домовъ для служащихъ, каждый съ особою усадьбою, огородомъ и садомъ, и каждый живущій въ такомъ домикѣ чувствовалъ себя совершенно свободнымъ, не зналъ сосѣдей и свободное отъ службы время посвящалъ занятію въ садикѣ, цвѣтникѣ. Каждый рядъ домовъ составлялъ особый кварталикъ подъ названіемъ „Семеновка“, „Платоновка“ и проч. Въ городкѣ были магазины, гдѣ всѣ предметы необходимости и роскоши продавались по цѣнамъ съ первыхъ рукъ въ интересѣ дешевизны и выгоды служащихъ безъ пользы для фирмы, чтобы только служащіе въ заводѣ и живущіе въ городкѣ имѣли всѣ предметы дешевые и свѣжіе. При заводѣ была прекрасная больница, вмѣщавшая въ себѣ болѣе 100 кроватей, школа изъ 6-ти классовъ подъ директорствомъ г. Гелембіовскаго, въ которой преподавателями были такія лица, какъ гг. Патлаевскій, Васильевъ—впослѣдствії профессора университетовъ; почти всѣ преподаватели были лица съ университетскимъ образованіемъ. Въ городкѣ красовалось громадное зданіе „Главная контора“, въ которой, кромѣ завѣдыванія дѣлами фирмы, за отсутствіемъ въ то время банковъ въ краѣ, принимались деньги въ заемъ на узаконенные проценты и выдавались изъ конторы тратты. Въ городкѣ былъ свой театръ, паровая мельница, машинно-строительный заводъ, на постройку и покупку машинъ коего затрачено было около полу-милліона. Въ заводѣ и вездѣ въ городкѣ было газовое освѣщеніе, каковымъ благомъ пользовались въ тѣ годы два или три города въ Россіи. При заводѣ и городкѣ сначала была временная церковь во имя Св. Стефана, а въ 1858 году выстроено было прекрасное зданіе церкви. Вообще городокъ Яхненка на всѣкаго посѣтителя производилъ сильное впечатлѣніе; даже из-

вѣстный малороссійскій поэтъ Тарасъ Григорьевичъ Шевченко, посѣтивъ Кондрата Михайловича Яхненка въ его городкѣ и осмотрѣвъ школу, всѣ зданія и заводъ, обнялъ Кондрата Михайловича, разрыдался, какъ ребенокъ и сказалъ: „батьку, батьку Кондрате, что ты тутъ наробыть“!—и пожелалъ отъ души владѣльцу всякихъ благъ и здоровья¹⁾). Кромѣ главнаго зданія конторы, въ которой было служащихъ болѣе 40 человѣкъ, при заводахъ, лавкахъ были особыя конторы съ массою служащихъ, не говоря уже о разныхъ приказчикахъ въ магазинахъ, комиссіонерахъ и проч. Не удивительно, что этотъ городокъ приводилъ въ изумленіе дѣтскія натуры, и каждый ученикъ, посѣтивъ этотъ городокъ, не могъ забыть его и старался впечатлѣніями дѣлиться съ товарищами. Для насъ вообще важно то, что этотъ городокъ со всѣми заводами, домами, магазинами, школою и проч. устроенъ былъ братьями Яхненко и Симиренко, не получившими спеціального образованія, а людьми неграмотными или малограмотными, вышедшими изъ простого крестьянского сословія и въ полномъ смыслѣ нашими „самородками“. Ясно, что вспомнить о такихъ дѣятеляхъ лежитъ на обязанности каждого, кому дороги интересы родины.

Я не берусь вполнѣ очергить жизнь и дѣятельность фирмы „братьевъ Яхненко и Симиренко“ и главнаго представителя ея Кондрата Михайловича Яхненка,—для такой работы нужны усиія многихъ лицъ; я желалъ бы только поставить на очередь вопросъ о фирмѣ братьевъ Яхненко и Симиренко и по тѣмъ даннымъ, которыя имѣются въ моемъ распоряженіи, указать, какъ фирма братьевъ Яхненко и Симиренко начала свою дѣятельность, чѣмъ занимались они прежде, при какихъ условіяхъ и средствахъ приступили къ сахарному производству, какъ шли дѣла, какимъ пользовались значеніемъ въ краѣ, что собственно подорвало дѣятельность фирмы и почему необходимость заставила ликвидировать всѣ дѣла и прекратить дѣятельность. Я

¹⁾ Тарасъ Григорьевичъ Шевченко, посѣщая свою родину с. Кириловку звенигородскаго уѣзда, отстоящую въ 15 верстахъ отъ Млєва, вавѣщаъ и Кондрата Михайловича Яхненка. Извѣстно, что на средсгва Платона Федоровича Симиренко былъ взданъ „Кобзарь“ Шевченка въ 1860 году.

надѣюсь, что лица, близкія въ фирмѣ братьевъ Яхненко и Симиренко, служившія въ этой фирмѣ, восполнить тѣ недостающія свѣдѣнія, которыя не войдутъ въ мои замѣтки, и тѣмъ дадутъ возможность будущему историку нашего сахарного производства увидѣть, насколько полезна была дѣятельность фирмы въ юго-западномъ краѣ.

Я сначала вкратцѣ разскажу обѣ образѣ жизни и занятіяхъ главныхъ дѣятелей фирмы до устройства ими сахарныхъ заводовъ, а затѣмъ коснусь тѣхъ условій, при которыхъ фирма приступила къ производству сахара и устройству машино-строительного завода,

Главный представитель фирмы братьевъ Яхненко и Симиренко, Кондратъ Михайловичъ Яхненко, родился въ 1783 году въ м. Смѣлой, а умеръ въ ночь съ 13 на 14 февраля 1868 г.,— слѣдовательно, жилъ около 85 лѣтъ и жилъ съ пользою для себя, людей и государства. Отецъ Кондрата Михайловича былъ крѣпостной крестьянинъ графа Самойлова, но вѣроятно былъ не изъ заурядныхъ крестьянъ, такъ какъ, желая заниматься свободно торговлею и какою либо промышленною дѣятельностью, постарался выкупить изъ крѣпостного состоянія всю свою семью, состоящую изъ трехъ сыновей, Степана, Кондрата и Терентія, и двухъ дочерей, Анастасіи, вышедшей впослѣдствіи замужъ за Федора Симиренка, и Евдокіи, вышедшей замужъ за священника Ободовскаго, бывшаго послѣ протоіереемъ въ г. Чигиринѣ. До выкупа Михаилъ Яхненко занимался выдѣлкою кожъ и шитьемъ сапогъ; но желая быть свободнымъ и чувствуя себя способнымъ приносить пользу въ болѣе обширной дѣятельности, чѣмъ крѣпостной человѣкъ, израсходовалъ на выкупъ все свое состояніе, даже монисто жены, и остался безъ всякихъ средствъ.

Вообще, какъ ни казалось пріятнымъ выйти изъ крѣпостного состоянія, но желавшему этого крѣпостному крестьянину приходилось испытывать массу непредвидѣнныхъ препятствій, какъ со стороны самого помѣщика, такъ и со стороны процедуры выкупа и полученія надлежащихъ документовъ; вездѣ нужно было платить, что въ старыя времена простому человѣку, хотя и зажиточному, не всегда было подъ силу. Этими причинами

можно объяснить, что отецъ Федора Симиренка, будучи уроженцемъ м. Городища и крѣпостнымъ князя Воронцова, былъ въ состояніи выкупить на волю изъ всей семьи одного только сына Федора, женившагося впослѣдствіи на Анастасіи Яхненковой; этотъ Федоръ Симиренко, переселившись въ Смѣлу, сталъ вмѣстѣ съ братьями Яхненко заниматься арендованіемъ мельницъ-крупчатокъ, и трудъ этотъ былъ раздѣленъ такимъ образомъ: Федоръ Симиренко и Степанъ Яхненко, какъ грамотные люди, занимались веденіемъ счетовъ съ записью прихода и расхода и кассою, а Кондратъ Михайловичъ и Терентій Михайловичъ, какъ неграмотные, занимались скуплею пшеницы, продажею муки и прочими хозяйственными дѣлами, требующими личнаго надзора и наблюденія.

По преданію, сохранившемуся въ семействѣ Яхненковъ, Михаилъ Яхненко по выкупѣ себя и своей семьи изъ крѣпостного состоянія, не зналъ, что дѣлать, главное—не было денегъ ни копѣйки, т. к. онъ все истратилъ на выкупъ, а потому, не имѣя средствъ, не могъ заниматься никакими коммерческими дѣлами. Но на выручку явился одинъ добрый знакомый коробейникъ, который, состоя въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ семействомъ Яхненка, зная рѣдкую коммерческую его предпріимчивость и тяжелое положеніе, занялъ ему 600 руб. ассигнаціями, и вотъ на эти деньги Михаилъ Яхненко началъ заниматься коммерческими дѣлами и между прочимъ взялъ въ аренду дѣвъ мельницы крупчатки въ м. Смѣлой у графа Самойлова.

По смерти Михаила Яхненко, жена его сама завѣдывала дѣлами, и вся семья работала совмѣстно. Приказанія матери исполнялись всѣми членами семьи безпрекословно. Вообще въ семье Яхненковъ и Симиренковъ установлено было изстари, что старшій въ родѣ былъ главнымъ распорядителемъ общаго труда и проч. дѣлъ фирмы.

Послѣ смерти матери дѣлами фирмы завѣдывалъ Степанъ Михайловичъ Яхненко, старшій изъ братьевъ.

На первомъ планѣ въ семье, еще и при старицѣ Михаилѣ Яхненко, были поставлены религіозныя требованія, религіозныя обязанности: звонъ колокола заставлялъ всѣхъ бросать ра-

боты и идти въ церковь молиться. Молитвою начинали они работу, молитвою оканчивали. Праздники и воскресные дни проводились въ посвѣщеніи храма Божія, чтеніи священныхъ книгъ, посвѣщеніи монастырей, помощи бѣднымъ и пожертвованіяхъ на богоугодныя дѣла; работы не было нигдѣ. Это считалось непремѣннымъ долгомъ каждого члена семьи и служащихъ.

Между членами семьи были отношенія чисто братскія, дружественные: менѣшіе братья старшихъ называли „вы“, а старшіе менѣшихъ „ты“. Такія же отношенія существовали и между сестрами; женщины знали свое женское дѣло, не старались вникать въ дѣла фирмы, какъ-нибудь разстраивать отношенія между мужьями, а, напротивъ, еще связывали ихъ неразрывною нитью, обладали, какъ и женщины, здравымъ природнымъ умомъ, спокойствиемъ отсутствиемъ видовъ на первенство и были образованные жены.

На первомъ планѣ между членами семьи была поставлена полная покорность и послушаніе младшихъ старшимъ; при разговорахъ чисто-семейныхъ, домашнихъ, въ своемъ семейномъ кругѣ, Терентій Михайловичъ, обращаясь съ вопросомъ къ брату, Степану Михайловичу, всегда говорилъ: „якъ думаете, Степанъ Михайловичъ?“ Степанъ Михайловичъ отвѣчалъ Терентію Михайловичу: „я думаю, щобъ ты поехавъ туды-то“, и менѣшій братъ безъ всякихъ возраженій исполнялъ волю старшаго.

Такіе выработанные принципы семейного круга перенесены были на отношенія къ прикащикамъ и служащимъ, благодаря чему тутъ вырабатывались рѣдкой честности прикащики. По отзыву Василія Федоровича Симиренка, знавшаго еще въ дѣтствѣ старыхъ прикащиковъ, теперь немыслимо то довѣріе и та честность прикащиковъ, которая существовала въ старину въ домѣ и дѣлахъ фирмы. Въ домѣ фирмы въ известномъ мѣстѣ стоялъ громадный сундукъ; прикащикъ почтенныхъ лѣтъ носилъ ежедневный заработка въ сундукъ, высыпалъ рубли, червонцы, не считая бралъ, сколько ему нужно было, заявивъ только, на что нужны деньги; особаго контроля и проверки не было, но, если иногда и проверялись деньги, то всегда оказывалась исправность, точность и аккуратность.

Прикащики на дѣла фирмы смотрѣли, какъ на свое личное дѣло, всѣ были, какъ свои родные, какъ одна семья. При такихъ отношеніяхъ членовъ семьи другъ въ другу и къ служащимъ и при полной покорности младшихъ старшимъ, дѣла фирмы шли прекрасно.

Помѣщикъ м. Самойловъ, сойдясь на коммерческой почвѣ съ семействомъ Яхненка, очень полюбилъ эту семью, особенно же Кондрата Михайловича, и, несмотря на его простое происхождение, цѣнилъ въ немъ умъ, предпримчивость, приглашалъ его къ себѣ въ домъ на вечера и любилъ съ нимъ проводить время. Обладая прекраснымъ здоровьемъ въ молодые годы, Кондратъ Михайловичъ любилъ потешиться и выпить въ компаніи съ добрыми людьми. Графъ Самойловъ, хотя былъ и важный чиновникъ, но не брезгалъ дружбою съ честными простыми людьми и, будучи по натурѣ простымъ, добрымъ человѣкомъ, всегда въ свободное время приглашалъ къ себѣ Кондрата Михайловича и проводилъ съ нимъ время по товарищески. Но главное, что сблизило ихъ и вселило между обоими ими сердечный дружескій отношенія,—это любовь оба ихъ къ билліардной игрѣ; оба были замѣчательными игроками на билліардѣ.

Графъ Самойловъ обладалъ рѣдкимъ здоровьемъ и былъ по своему времени силачъ: поднималъ, наприм., билліардъ; схвативши быка за рога, ставилъ его на колѣни, ломалъ подкову. Часто графъ Самойловъ и Кондратъ Михайловичъ вступали въ ратоборство, и послѣдній не могъ побороть первого, хотя въ лѣтахъ ихъ была громадная разница; впослѣдствіи же, когда графъ постарѣлъ, Кондратъ Михайловичъ боролъ его.

Хотя графъ Самойловъ и былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ семьями Яхненка и Симиренка, но это не давало имъ повода зазнаваться; понимали они вполнѣ свое положеніе, зависимость отъ графа и тотъ долгъ, который обязываетъ ихъ быть особенно почтительными къ графу; знали они, что частью своего благосостоянія обязаны были ему, и потому цѣнили его и почитали. Графъ, замѣтивши въ семье Яхненковъ много прекрасныхъ чертъ и пониманіе дѣла, дѣловитость, расторопность,

давалъ имъ свои порученія, и они аккуратно исполняли ихъ. Вообще въ семье Яхненко и Симиренко была та прекрасная черта, что умѣли они каждому честному человѣку понравиться, располагать къ себѣ.

Симпатично также въ ихъ семье было то что всѣ члены любили трудиться совокупными силами и на общую пользу, не теряли напрасно времени, имѣли охоту браться за всякое честное дѣло, которое могло дать доходъ.

Работая возлѣ мельницъ, каждый изъ братьевъ велъ себя по просту, не важничалъ, бесѣдовалъ со всякимъ встрѣчнымъ, разспрашивалъ о дѣлахъ, вообще имѣлъ нравъ словоохотливаго малоросса, любящаго вести „балачку“ какъ говорятъ у насъ. Эту симпатичную черту и отсутствіе заносчивости, самонадѣянности можно и теперь замѣтить въ наслѣдникахъ Яхненко и Симиренко, и по этимъ чертамъ многіе изъ нихъ глубоко уважаются.

Кондрата Михайловича постоянно видѣли расхаживавшимъ безъ шапки по плотинѣ и наблюдающимъ то за правильнымъ содержаніемъ плотины, то за колесами, то ведущимъ какія-нибудь сдѣлки съ торговцами; плотина та и теперь называется „Яхновою“. Однажды Кондратъ Михайловичъ, расхаживая по плотинѣ безъ шапки и дѣлая разныя распоряженія, замѣтилъ, что ёдетъ графъ Самойловъ; Кондратъ Михайловичъ отдалъ ему честь, графъ остановился и сталъ съ нимъ говорить о разныхъ дѣлахъ и между прочимъ предложилъ ёхать вмѣстѣ съ нимъ въ Одессу. Кондратъ Михайловичъ, не стѣсняясь тѣмъ, что былъ безъ шапки сѣль въ карету и уѣхалъ съ графомъ въ Одессу, не сказавъ ничего своей семьѣ. Иногда между графомъ и Кондратомъ Михайловичемъ происходили прекурьезныя сцены. Однажды, проводя вмѣстѣ время, графъ Самойловъ и Яхненко пошли въ пари, кто кого въ состояніи перепить; условлено было, что разбудить опьянѣвшаго и заснувшаго—значить выиграть пари. Выпили 16 бутылокъ шампанскаго, и графъ Самойловъ сдался, легъ спать. Кондратъ Михайловичъ не заснулъ, но пошелъ домой, а изъ дома опять пришелъ къ графу и сталъ его будить и тягать за ноги. Графъ, не отрезвившійся еще и сонный,

пришелъ въ страшное раздраженіе, хотѣлъ бить Яхненка; Яхненко началъ уходить и, видя, что нельзя уже уйти, т. к. по дорогѣ была рѣка Тясминъ, побѣжалъ въ рѣку по горло; графъ побѣжалъ за нимъ въ воду, но, замѣтивши тяжелое положеніе Кондрата Михайловича и нѣсколько опомнившись, остановился въ рѣкѣ и сказалъ по-товарищески: „возвратись, голубчикъ, Кондратъ Михайловичъ, назадъ, а то утонешь; драться не будемъ“. Послѣ смерти графа Самойлова м. Смѣлая перешла къ его родственникамъ графамъ Бобринскимъ. Семья Яхненко и Симиренко съ графами Бобринскими была въ такихъ же пріятельскихъ, дружественныхъ отношеніяхъ, успѣла понравиться графу Александру Бобринскому, и онъ явно высказывалъ имъ свою благосклонность, производилъ у нихъ закупки нужныхъ ему предметовъ и, какъ самъ дѣловой человѣкъ, искренно любилъ семью Яхненко и Симиренко.

Пріятельскія отношенія помѣщиковъ м. Смѣлой къ дому Яхненковъ, а главное—энергическая дѣятельность всѣхъ членовъ дома и фирмы имѣли послѣдствіемъ то, что ежегодно расширялась торговля крупчатою мукой и увеличивалось благосостояніе ихъ дома. Благодаря честному отношенію къ дѣлу, опытности, дѣловитости, братья Яхненко и Симиренко въ 1820-хъ годахъ успѣли составить капиталъ въ тысячу 6—7 руб. ассигнаціями и по тогдашнему времени считались не только зажиточными людьми, но и капиталистами. Главное, что возвышало ихъ благосостояніе—это кредитъ, а затѣмъ и личный трудъ каждого члена семьи. Вѣздили они на ярмарки, въ г. Ромны и др. города, что сближало ихъ съ торговымъ людомъ, богатымъ купечествомъ и давало имъ практическое развитіе, опытность и дѣловую снаровку.

Имѣя капиталъ, при развивавшейся торговой дѣятельности, братья Яхненко и Симиренко стали уже дѣлать значительныя пожертвованія и оказывать помощь бѣднымъ. Въ памятный голодный 1830 г. торговый этотъ домъ сталъ заниматься дѣлами благотворительности и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ кормилъ около 10,000 бѣдныхъ крестьянъ; всѣ неимущіе и голодающіе

изъ разныхъ мѣстъ приходили на Яхнову плотину, и имъ выдавалась изъ мельницъ даромъ мука для пропитанія.

Кромѣ занятія мельницами, домъ Яхненко и Симиренко продолжалъ заниматься давнимъ своимъ промысломъ „кожевенною промышленностью“, торговалъ на мѣстныхъ ярмаркахъ тулузами кожевеннымъ товаромъ, не лѣнилисьѣздить на извѣстную въ то время Роменскую ярмарку, привозили оттуда разныя издѣлія и торговали ими довольно выгодно. Занимались еще скupлей скота и цѣльные гурты гоняли въ большиѳ города, Варшаву, Одессу. Дѣла по торговлѣ на столько стали расширяться и торговля стала пріобрѣтать такое значеніе, что одинъ изъ братьевъ дома Яхненко, Степанъ Михайловичъ, сталъ жить въ г. Одессѣ и заниматься наблюденіемъ за продажею муки, скота и проч.

Сообразно развитію торговыхъ оборотовъ, сталъ распространяться далеко слухъ о предпримчивости и дѣловитости братьевъ Яхненко и Симиренко. Слава о нихъ какъ капиталистахъ и честныхъ людяхъ, начала распространяться уже далеко и за предѣлы кіевской губерніи. Нѣкто Михаиль Петровичъ Лашинъ изъ г. Ельца, спеціалистъ по устройству мельницъ крупчатокъ и по производству елецкой высокаго достоинства крупчатой муки, узнавъ, что въ м. Смѣлой имѣются прекрасныя мельницы и завѣдуютъ ими капиталисты братья Яхненко и Симиренко, явился къ нимъ изъ г. Ельца, предложилъ взять въ аренду мельницы въ уманскомъ уѣздѣ, объяснивъ, что онъ капитала не имѣть, а между тѣмъ съ пользою можетъ служить при мельницахъ и знаетъ способы въ выборѣ лучшей пшеницы и выработкѣ прекраснаго качества муки. Братья Яхненко и Симиренко согласились войти въ сдѣлку съ Лашиномъ; договоръ между компаніонами состоялся на такихъ условіяхъ: капиталъ и кредитъ братьевъ Яхненко и Симиренко, знаніе и трудъ Лашина, барыши пополамъ. Въ виду такого договора, мельница въ г. Умани взята была на десять лѣтъ за весьма дешевую цѣну. Михаиль Петровичъ Лашинъ дѣйствительно оказался знатокомъ дѣла, сталъ вырабатывать прекрасную муку, поставилъ дѣло правильно, по-коммерчески, т. е. постепенно развивалась дѣятельность по мельницѣ и по сбыту муки. Благо-

дара широкому кредиту, которымъ братья Яхненко и Симиренко пользовались у мѣстныхъ помѣщиковъ, и трудности сбыта пшеницы заграницу, по отсутствію надежныхъ путей сообщенія, братья Яхненко и Симиренко въ осеннее время закупали запасы пшеницы для операциі на весь годъ, а по мѣрѣ переработки пшеницы въ муку, немедленно ее сбывали заграницу и у себя. Единственнымъ конкурентомъ по сбыту пшеницы на мельницахъ братьевъ Яхненко и Симиренко была елецкая мука, но она не могла конкурировать, такъ какъ привозъ елецкой муки въ мѣста сбыта муки изъ мельницъ уманскихъ и смѣлийскихъ оплачивался очень дорого, а по доброкачественности различія между ними не было. Для продажи муки въ разныхъ городахъ открыты были склады, и въ г. Одессѣ сталъ уже заниматься продажею муки Терентій Яхненко, въ г. Николаевѣ занимался продажею и сбытомъ муки зять Степана Яхненка—Шевченко, въ Севастополѣ завѣдывалъ этимъ надежный прикащикъ.

Операциі по продажѣ муки шли весьма успѣшно, барыші получались необыкновенно блестящіе. Особенно успѣху этого дѣла способствовала неодинаковая цѣна на пшеницу и постоянная почти перемѣны въ цѣнѣ. Нерѣдко случалось, что четверть пшеницы въ уманскомъ и смежныхъ уѣздахъ покупалась осенью по 10 руб. ассигнаціями и дешевле, а весною въ г. Одессѣ, вслѣдствіе усиленного требованія изъ заграницы, продавалась по 30 и 35 р. а иногда цѣна доходила до 40 руб. ассигнаціями. Естественно, что при такихъ барышахъ благосостояніе братьевъ Яхненко и Симиренко съ одной стороны и Лашина съ другой, росло, какъ на дрожжахъ, компаніоны обладали уже не единицами тысячъ, а сотнями въ наличномъ капиталѣ, при чёмъ и кредитъ былъ самый широкій и развивался сообразно увеличенію капитала. По истеченіи десятилѣтнаго аренднаго содерянія уманскихъ мельницъ, братья Яхненко и Симиренко раздѣлились со своимъ компаніономъ Лашинимъ по пятьсотъ тысячъ рублей ассигнаціями чистаго дохода—суммою по тогдашнему времени громадной. Раздѣлясь деньгами, разошлись компаніоны дружелюбно, какъ и сходились, и разошлись единствено потому, что могли уже каждый самостоятельно вести какую либо свою из-

любленную коммерцію. Лашинъ продолжалъ арендовать уманскія мельницы; а затѣмъ переселился въ Одессу и занимался хлѣбною торговлею. Въ началѣ 1880 годовъ въ г. Одессѣ въ мѣстной газетѣ было сообщеніе, что скончался столѣтній старикъ, одесский гражданинъ и милліонеръ Михаилъ Петровичъ Лашинъ.

П. Клебановскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛУБЕНЩИНА И КНЯЗЬЯ ВИШНЕВЕЦКИЕ.

(Матвѣю Терентьевичу Симонову).

Лубенщиною мы называемъ здѣсь все Посулье, начиная отъ впаденія Сулы въ Днѣпръ и оканчивая м. Константиновомъ, за которымъ Сула входитъ уже въ предѣлы Слободской Украины. Сюда же мы причисляемъ и берега притоковъ Сулы, имѣющихся у послѣдней только справа—Оржицы, Слѣпорода, Удая (до Пирятина), Лохвицы и Ромна. Все это Посулье, составившее во время гетманщины Лубенскій полкъ, въ первой половинѣ XVI в. представляло собою почти совершенную пустыню. Такъ мы видимъ, что при дѣлежѣ между братьями Богданомъ и Григориемъ Глинскими, въ к. XV в., „Глинска, Бѣльска, Ворскла и иныхъ сѣверныхъ вотчинъ,” Богдану Глинскому досталась „Сѣверъ-Сульская (вотчина) и рѣка Сула съ верху до устья¹⁾.“ Такое общее указаніе всего Посулья говоритъ, что если тутъ и были поселенія, то настолько незначительны, что ихъ названіями еще нельзя было опредѣлять. Доставшееся Богдану Глинскому Посулье продолжало оставаться пустыннымъ, такъ какъ ни самъ Богданъ Глинскій, ни сынъ его, повидимому, ничѣмъ своего хозяйственія въ Посули не обнаружили. Остается Посулье и въ нач. второй полов. XVI в. пустыней, на ко-

¹⁾ Дворцов. Разряды II, 900. О князьяхъ Глинскихъ наиболѣе обстоятельный свѣдѣнія находятся у Бопецкаго, Roczet Rodow, 63—67, откуда видно, что Григорій въ к. XV в. (1496—1501) былъ намѣстникомъ Овруцкимъ, а Богданъ тогда же (1495)—намѣстникомъ Путивльскимъ.

торой жители г. Канева промышляютъ добычей звѣря, рыбы и меду. Право каневскихъ жителей на пользованіе въ Посульи промыслами было настолько давнее, что находитъ поддержку даже у короля. Уже въ семидесятыхъ годахъ XVI в. короли польскіе писали (въ 1571—1578 г.) къ Михаилу Вишневецкому, старостѣ черкасскому и каневскому, чтобы онъ „оберегалъ и боронилъ“ Посулье и Попселье, такъ какъ это все пространство земель составляетъ „уходы“ и „угодья“ каневскихъ мѣщанъ: „чтобы рубежи каневскіе, которые есть по самой Путивль, Михаилъ Вишневецкій оберегалъ и боронилъ и мѣщанамъ каневскимъ въ земляхъ, въ водахъ и угодахъ ихъ, по самой Путивль, перешкоды поносить не отъ кого не допущалъ“¹). Но такое неопределѣленное право каневскихъ мѣщанъ на Посулье долго продолжаться не могло, такъ какъ королевскія распоряженія были неопределѣленны, а Посульскіе промыслы были выгодны. Выгода ихъ и привлекла къ к. XVI в. вниманіе нѣкоего Байбузы, повидимому, претендовавшаго на наслѣдство Глинскихъ, по-свойству съ ними²). О немъ писалъ въ 1578 г. Степанъ Баторій, къ тому же Вишневецкому, „чтобы мѣщанъ каневскихъ отъ Байбузы, который въ земли ихъ каневскія и въ рѣку Сулу и Удай вступается и отнимаетъ на себя, боронилъ и въ обиду не давалъ“³). Но это королевское распоряженіе скоро загѣмъ было и отмѣнено, такъ какъ черезъ нѣсколько лѣтъ тотъ же король утвердилъ Посулье за тѣмъ же Байбузою. Но Байбуза—или мало дорожилъ королевскимъ пожалованіемъ или встрѣтилъ здѣсь соперника въ старшемъ сына Михаила Вишневецкаго, Александра, такъ какъ вслѣдъ за тѣмъ онъ самъ уступаетъ Посулье Александру Вишневецкому, съвѣшему въ это время на старостѣ Каневско-Черкасскомъ. Въ 1590 г. Варшавскій сеймъ утвердилъ за Александромъ Вишневецкимъ право на *пустынное* Посулье (на *pustynia rzeki Sale*,

¹) Дворцов. Разряды, II, 102.

²) Сестра кн. Юрия Глинского Аграфена была замужемъ за какимъ то Байбузомъ, а дочь отъ этого брака была замужемъ за Михаиломъ Грибувовымъ. Дворц. Рар., II, 900.

³) Тамъ же, стр. 903.

за Czerkassy leżacey, z iey przyległosciami), которое было „дано королемъ Степаномъ Михайлу Грибуновичу Байбузѣ, а послѣднимъ переуступлено Александру Вишневецкому, старостѣ черкасскому“¹⁾). На этомъ же сеймѣ, при утвержденіи части Киевскаго Поросья за „тримя особами“, послѣднимъ была отдана и частица Посулья, а именно: Городинъ и Слѣпородъ²⁾). Имена этихъ „трехъ особъ“ въ постановленіи сейма не названы, но ниже мы увидимъ, что въ числѣ ихъ былъ извѣстный Станиславъ Жолкѣвскій, воевавшій противъ Наливайка. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ самомъ ковцѣ XVI в. Посульская пустыня утверждена была за Александромъ Вишневецкимъ, причемъ незначительный участокъ ея былъ выдѣленъ и отданъ другимъ.

Получивъ Посулье въ видѣ *пустыни*, Вишневецкіе колонизовали эту пустыню и образовали ту Лубенщину, которая къ половинѣ XVII в. явилась уже въ видѣ ряда городковъ, мѣстечекъ, сель, хуторовъ...

Исторія возникновенія Лубенщины и дальнѣйшаго ея устроенія тѣсно связана съ Вишневецкими, которые были ея властителями до освобожденія лѣвобережной Малороссіи отъ поляковъ.

Вишневецкіе стали извѣстны съ к. XV в., а съ половины XVI в. стали въ южной Руси и знаменитыми, благодаря Дмитрію Ивановичу Вишневецкому, внukу Михайла Васильевича, который первый сталъ писаться Вишневецкимъ³⁾). Дмитрій Вишневецкій прославился своими походженіями: захвативъ Каневъ ок. 1554 г., Вишневецкій отсюда сносился съ тогдашнимъ Зaporожьемъ, нападалъ на татаръ, а затѣмъ, будучи вѣроятно недоволенъ поляками, перешелъ на службу въ турецкому султану („z tem wszystkiem kozactwem a chłopstwem które około siebie bawił“⁴⁾), пробылъ у послѣдняго около года, вернулся на Ук-

¹⁾) Volum. legg., изд. 1859 г., II, 317.

²⁾) Т. ж., II, 317.—„Także Horoszą u Słeporod, nad rzeką Nieuśziu (?) nazwaną, przy granicy Moskiewskiej.“

³⁾) Poczet Rodów, 368.

⁴⁾) Изъ письма, напечатанного въ книжкѣ Лаховича—Listy Zygma. Augusta do M. Radziwiłła Czarnego, стр. 58.

раину, но тутъ не зажился и отправился на службу къ Ивану Грозному, въ Москву, откуда ходилъ съ Адашевымъ на Крымъ; затѣмъ, въ 1562 г. Дмитрія Вишневецкаго видимъ снова въ Польшѣ, при чёмъ съ Ласкимъ онъ воевалъ противъ волоховъ. Въ этомъ походѣ онъ былъ плѣненъ и отправленъ въ Цареградъ, къ турецкому султану Солиману, у которого передъ тѣмъ служилъ. Солиманъ не простилъ Вишневецкому его бѣгства изъ Турціи въ 1554 г. и велѣлъ его повѣсить. Мученическая смерть Дмитрія Вишневецкаго воспѣта въ народной пѣснѣ, придавшей сему искателю приключений имя Байды ¹).—Послѣ Дмитрія Вишневецкаго наиболѣе извѣстнымъ изъ Вишневецкихъ въ XVI в. былъ его родичъ (двоюродный братъ?) Михаилъ Александровичъ, котораго въ 1560 г. видимъ по староствѣ Каневско-Черкасскому. Старостою здѣсь онъ пробылъ около двадцати лѣтъ и за это время конечно близко познакомился съ экономическими богатствами Каневскихъ „уходовъ“ по Сулѣ. Слѣдуетъ думать, что сидя въ Каневѣ, Вишневецкій могъ и самъ наложить руку на эти „уходы“, но малолюдство кіевской Украины не дало ему возможности возвратиться въ Посульской пустынѣ, требовавшей для ея эксплуатации—людей, т. е. населенія. Въ 1581 г. Михаилъ Вишневецкій былъ уже кіевскимъ каштеляномъ, а преемникомъ его въ Каневѣ явился сначала одинъ изъ Ходкевичей, который не позже 1584 г. былъ замѣненъ старшимъ сыномъ Михайла В—го Александромъ ²). Сѣвъ на Каневско-Черкасское старство, Александръ В—ій, какъ видно, сразу поставилъ себѣ цѣлью—подчинить Посулье личному своему обладанію. Юридическимъ его обладателемъ В—ій сталъ, какъ мы видѣли, въ 1590 г., но фактическимъ обладателемъ Посулья онъ былъ уже раньше. Для того, чтобы утвердиться въ новыхъ своихъ владѣніяхъ, Виш-

¹) Обстоятельства свѣдѣнія о похожденіяхъ Дмитрія Вишневецкаго собраныпольскимъ историкомъ Н. Малиновскимъ (р. 1799—1865 г.), въ его критической статьѣ о книжѣ Лаховича—Listy Zygma Augusta do M. Radziwiłła Czarnego,—печатанной въ польской газетѣ Tygodnik Petersb., 1843 г., № 19, стр. 114—116. См. также Историч. Пѣсни Малор. народа, I, 153—159.

²) Свѣдѣнія Бонецкаго о времени старства Александра Вишневецкаго подснованы свѣдѣніями Рудиковскаго въ его статьѣ „Каневъ“ въ Słownikѣ Geogr. III, 812.

невецкому нужно было призвать сюда население, причемъ для защиты послѣдняго отъ татарскихъ набѣговъ, нужно было строить "городки." — Если мы взглянемъ на карту теченія Сулы, то увидимъ, что правый берегъ ея изрѣзанъ во многихъ мѣстахъ глубокими ярами, и особенно—берега притоковъ: Оржицы, Слѣпопорода, Булатца и наконецъ Удая. Современное описаніе Лубенского уѣзда говоритъ что „течение Сулы, Удая и Слѣпопорода представляетъ гористую возвышенность, прорѣзанную крутыми ярами. Наиболѣе крутыя балки, прорѣзывающія эту возвышенность направляются къ рѣкамъ Сулѣ и Удаю, составляя какъ бы притоки этихъ рѣкъ“¹⁾). При помощи этихъ яровъ многія мѣстности праваго берега Сулы представляютъ собою такія защищенные мѣста, что здѣсь искали и находили слѣды жилищъ доисторического человѣка, который умѣлъ выбирать защитныя мѣста. Тутъ же, на правомъ берегу Сулы, и первоначальная лѣтопись указываетъ на существование городковъ, между которыми Лукомль и Лубны называются уже въ XII в. Но кромѣ горъ, защищенныхъ рѣками и рѣчками, здѣсь были и среди степей защищенные мѣста—тѣми же рѣками и рѣчками; такъ Удай, разливаясь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на нѣсколько рукавовъ, представлялъ среди послѣднихъ укромныя мѣста, до которыхъ трудно было добираться степному врагу древней поднѣпровской Руси.

Такимъ образомъ мы видимъ, что Посулье представляло много удобныхъ по защитности мѣсть для того населенія, которое долженъ былъ новый владѣлецъ призывать туда для пользованія естественными богатствами пустынныхъ своихъ владѣній. Первый, повидимому, городокъ Александръ В—ій построилъ на мѣстѣ древнерусского городка *Лубно* и назвалъ его въ свое имя — *Александровомъ*. Лѣтописный *Лубно*, повидимому, не терялся въ народной памяти: такъ при описаніи заднѣпровскихъ уходовъ Канева въ 1552 г., называется уходъ

¹⁾ Сборникъ по хозяйств. статистикѣ Полтавск. губ., т. IV-й, Лубенск. уѣздъ. (Полтава, 1885), стр. 1.

Гостиновскій, а въ немъ— „земля Лубни“¹⁾. Вотъ на этой землѣ, на непелищѣ древнорусского городка, и возникъ новый городокъ въ к. XVI в.—“Лубны заложены въ 1589 г. Александромъ Вишневецкимъ,” говоритъ Морачевскій, не указывая впрочемъ источника²⁾. Онъ же, Александръ В—ій, вѣроятно, построилъ и другой городокъ при рч. Слыгородѣ, тоже названный Александромъ, теперь—село Александровка. Хотя и не сохранилось извѣстій—какъ устраивалъ Александръ В—ій свои Посульскія владѣнія, но мы можемъ съ полной вѣроятностью заключить, что устройство нѣсколькихъ городковъ должно было привлечь сюда населеніе съ праваго берега Днѣпра, при чёмъ населеніе это искало удобныхъ по рѣкамъ и рѣчкамъ мѣсть сначала для ловли бобровъ, заведенія пасѣкъ, устройства по рѣкамъ рыболовныхъ „евовъ“, а потомъ и для постройки водяныхъ мельницъ, чтобы заняться излюбленнымъ въ старой Малороссіи мукомольнымъ промысломъ. Возникавшіе около водяныхъ мельницъ хутора, очень скоро разрастались въ села подъ защитою городковъ, обеспечивавшихъ дальнѣйшій ростъ колонизаціи. Александръ В—ій не могъ однажды успѣть устроить достаточное количество городковъ, потому что не позже 1600 г. онъ уже умеръ, оставивъ одного сына Юрия, который, какъ кажется, отцовскаго начинанія не продолжалъ, можетъ быть, по молодости. Посульскимъ наслѣдствомъ Александра В—го завладѣлъ младшій его братъ Михайло, который и продолжалъ колонизацію Посулья; повидимому, при немъ устроенъ былъ городокъ среди Удайскихъ рукавовъ, на мѣстѣ древняго Пирятина, такъ какъ городокъ этотъ въ нач. XVII в. носилъ название Михайлова³⁾. Получивъ

¹⁾ Архивъ Ю.—З. Россіи, ч. 7., т. 1, стр. 102.

²⁾ Dzieje Rzeczy Pospol. Polskiej, V, изд. 2-е, стр. 285. Пуласкій (Szkoice i poszuki. histor., Krakow, 1887) относитъ поселеніе Лубень (Александрова) къ 1591 г. (стр. 40), но также безъ указанія источника.

³⁾ Бонецкій, 376. Пуласкій вирочемъ говоритъ, что „Михайлова надъ Удайемъ“, т. е. древній Пирятинъ, поселенъ въ 1592 г., но источника этого свѣдѣнія не указывается. „Земля Пирятинская“ какъ воспоминаніе лѣтописнаго Пирятина, называется въ перечѣ Каневскихъ уходовъ въ 1562 г. Архивъ Ю.—З. Россіи, ч. VII. т. 1, стр. 102.

Овруцкое старство, нераньше 1608 г.,¹⁾ Михаилъ В—ій продолжалъ заботиться о дальнѣйшемъ устройствѣ Просульскихъ своихъ владѣній, какъ это указываетъ напр. актъ 1609 г., въ которомъ записана жалоба Михайла В—аго на Януша Острожскаго за нападеніе на Лубенщину. В—ій жаловался на Острожскаго, что тотъ насмѣль на его Лубенскія маєтности военный отрядъ почти въ три тысячи человѣкъ (болѣе полтрети тысячи), подъ предводительствомъ „слугъ“ своихъ, сидѣвшихъ въ сосѣдникъ съ Лубенчиною городкахъ Переяславщины, (принадлежавшей въ это время Острожскимъ), при чемъ старшимъ надъ этимъ отрядомъ былъ Переяславскій подстароста Щастный Шлешинскій. Вооруженный „дѣлами, ручницами, луками и иною апаратою военною,“ отрядъ Шлешинскаго напалъ „на маєтность властную и дѣдизную его, В—аго, на мѣсто Лубны, или Александровъ, и села до него належачія, яко и на другую маєтность, которая недавно передъ тѣмъ пожалована отъ короля Вишневецкимъ, тамъ же на Украинѣ, на пустыню, лежащую надъ рѣками Псломъ и Ворскломъ...“ И тотъ отрядъ „полками разными идучи черезъ помененные маєтности Лубенскіе, оные яко непріятель пустошечи, нищечи, стаціе беручи, маєтности и рѣчи рухомые такъ подданныхъ, якъ и самого князя Михайла В—аго властные забираючи, грабечи,“ направился, говоритъ жалоба, на тѣ новыя, пожалованыя Вишневецкимъ маєтности, лежащія по р. р. Пслу и Ворсклу^{2).} Изъ этого акта мы видимъ, что въ 1609 г. Лубны окружены были такими уже селами, которыхъ можно было и грабить военному отряду, посланному Острожскимъ въ зарождавшуюся тогда Полтавщину, для „выбитія“ оттуда Вишневецкихъ. У насъ нѣть свѣдѣній, которыхъ указывали бы на посѣщеніе когда либо Лубенщины самимъ Михаиломъ В—іемъ; можно думать, что ему неважчымъ было ее и посѣщать, такъ какъ хозяйство и дальнѣйшее заселеніе Лубенщины вели разные его урядники, жившіе по здѣшнимъ городкамъ. На продолжавшееся при Михаилѣ В—іемъ заселеніе Просулья указываютъ жалобы на

¹⁾ Такъ говорить Бонецкій, но Руликовскій (Słown. geogr., VII, 776) говоритъ, что Мих. В—ій получалъ Овруцкое старство только въ 1614 г.

²⁾ Кіевск. центр. арх., книга гродск. Жатомирск. 1609 г., № 11, л. 374 об.

В—го сосѣднихъ владѣльцевъ; такъ, въ 1607 г., жена кн. Григорія Довмонтіа жаловалась на Михаила В—аго, что онъ принимаетъ въ Лубны и Жовнинъ бѣжавшихъ ея подданныхъ¹⁾). Такія же жалобы поданы были на В—ихъ и отъ другихъ сосѣдей за приемъ бѣжавшихъ ихъ крестьянъ въ Лукомль, въ Михайловъ (Пирятинъ), въ Сенчу²⁾). Умеръ Михаилъ В—ій въ 1616 г., оставивъ вдову, известную Раину Могилянку, (дочь молдавскаго воеводы Іереміи Могилы) и двухъ малолѣтнихъ дѣтей, сына Іеремію (род. 1612) и дочь Анну. Опекуномъ этихъ дѣтей сначала былъ ихъ дядя Юрій В—ій, хлопотавшій о судебнай передачѣ „заднѣпрскихъ маєтностей“ вдовѣ умершаго брата Михаила, какъ это видно изъ постановленія Люблинскаго трибунала 20 іюня 1618 г.—По этому постановленію вдовѣ Михайла В—аго переданы были: „замокъ и място Лубны, зо всѣми футорами, яко тежъ и иншіе замки и мяста,“ при чемъ перечислены слѣдующіе „замки и мяста съ футорами:“ Прилука, Лукомль, Буромль, Жовнинъ, Снятинъ, Переяловочна, Александровка, Многая, Сенча и Хороль и кромѣ того—„мястечко Замосте³⁾), alias Гусчинцы и мястечко новоосажженное Краснобереже“.

Къ этому добавлялось, что перечисленные замки поступаютъ къ вдовѣ Михайла В—аго „со всѣми тѣхъ мястѣ и футоровъ подданныхъ пожитками и повинностями.“ Но въ указанномъ выше постановленіи Люблинскаго трибунала перечислены не всѣ городки, уже существовавшіе въ это время по берегамъ Сулы. Въ жалобѣ Раины В—ой на Юрія Михайловича В—аго, (предшествовавшей постановленію трибунала 20 іюня 1618 г.), за отнятіе маєтностей, называются еще и слѣдующіе городки: Ситовичи (?), Лохвица, Стар. и Нов. Руменское (Роменъ?)⁴⁾. Быть можетъ, та часть Посулья, гдѣ находились перечисленные городки, отдана была Юрію В—ому, который имѣлъ на Посулье одинаковое съ братомъ Михайломъ право...

¹⁾ Zrdla Dziejowe, XXI, 108.

²⁾ Тамъ же, XXI, 120, 172, 174, 185.

³⁾ Какое поселеніе разумѣлось подъ Замостемъ, мы не знаемъ, а подъ Краснобережемъ значился и, б. теперешній Красн. Колядинъ, который въ спискѣ имѣній В—аго называлъ Krasne, а въ послѣдствіи Колядиномъ сталъ зваться отъ сидѣвшаго въ немъ урядника-польска Коляды.

⁴⁾ Zrdla Dziejowe, XXI, 315.

Для объявленія о переходѣ, по трибунальскому постановленію, наслѣдства Михаила В—аго къ вдовѣ его, собраны были въ Лубны со всѣхъ мѣстъ, мѣстечекъ и футоровъ—войты, мѣщане, подданные и болре, при чемъ объявление это произвели нарочно прибывшіе для этого въ Лубны: кн. Семенъ Лыко, п. Андрей Ростохацкій и два п. п. Марковича. Первый изъ нихъ тогда же былъ поставленъ „урядникомъ на Лубняхъ, а другіе слуги вышеречоные по иныхъ мѣстахъ ставши урядниками, ведлугъ розсказу панеи своеи, подданными тими всѣми владать и робить розсказовать почали“¹⁾. Такъ доносили возные обѣ исполненіи трибунальского постановленія¹⁾.

Изъ приведенныхъ свѣдѣній видно, что за тридцать лѣтъ (1589—1618) колонизаціонной своей дѣятельности въ „ваднѣпскихъ мастьностяхъ“ В—іе сдѣлали очень много: они заселили берега Сулы, начиная отъ ея устья и кончая Ромномъ, и берега Удая—отъ его устья до г. Прилуки. Конечно густаго населенія здѣсь еще не было, но было уже болѣе десятка городковъ, подъ защитою которыхъ ютились „футора,“ разроставшіеся затѣмъ, съ увеличеніемъ „подданническаго“ населенія, въ села... Никакихъ подробностей обѣ этой колонизаціи, къ сожалѣнію; мы не имѣемъ. Не обнаружилось до сихъ поръ ни одного „осаднаго листа,“ который давалъ бы возможность познакомиться съ экономическою стороною колонизаціи. Другой вопросъ, не менѣе любопытный,—откуда находило населеніе въ южную лѣво-бережную Малороссію, а слѣдовательно и въ Лубенщину, разрѣшается также съ помощью однихъ догадокъ, хотя, повидимому, и вѣроятныхъ.

Прежде всего, первые насельники степной Малороссіи (такъ называемыхъ „полей“) не могли приходить сюда съ сѣвера, разумѣя здѣсь Черниговщину и Стародубщину, потому что до Деулинскаго перемирія, т. е. до захвата лѣсной Малороссіи поляками, населеніе послѣдней было до того рѣдкое²⁾, что ему рѣши-

¹⁾ Киевск. Центр. Арх., книга гродск. Житомирская, 1618 г., №, 13 л. л. 1046 и 1047.

²⁾ См. наши замѣтки по этому вопросу въ Запискѣ Черниг. Стат. Комит., II, 150 и слѣд. Никакихъ новыхъ данныхъ въ обнародованномъ съ того времени историческомъ матеріалѣ, для измѣненія тогдашнаго заключенія мы не встрѣтили.

тельно не было причинъ оставлять насиженныя мѣста, притомъ изобилійныя лѣсомъ и водою, чтобы пускаться въ голыя, малозащищенные „поля.“ Никакого гнета „панского начала“ въ к. XVI в. здѣсь не могло быть, потому что и „пановъ“ то здѣсь было очень мало. Знаемъ мы, что были здѣсь обширныя земельныя владѣнія Борозднѣ, Рубцовъ и нѣкоторыхъ менѣе богатыхъ бояръ (Козловыхъ, Дунаевыхъ¹⁾); но населеніе въ этихъ владѣніяхъ было слишкомъ недостаточно для эксплуатациіи природныхъ богатствъ тамошнихъ угодій, чтобы владѣльцы послѣднихъ могли чѣмъ либо тѣснить это населеніе и тѣмъ заставлять его двигаться въ „поля,“ въ „степь,“ гдѣ жизнь представляла постоянныя опасности отъ татарскихъ нападеній...

Не могло двигаться изъ Сѣверщины населеніе на югъ и послѣ Деулинскаго церемонія, потому что нахлынувшіе сюда поляки сами нуждались въ крестьянскомъ населеніи и усердно перезывали его сюда, какъ то показываетъ напр. колонизація юго-восточной окраины Сѣверщины Пѣсочинскимъ²⁾). Врядъ ли могло двигаться на югъ и населеніе Волыни, лѣсной просторъ которой служилъ самъ по себѣ достаточною защитою отъ насилий „панского начала;“ впрочемъ, еслибы волыннамъ и была нужда бросать родныя мѣста, то едва ли житель лѣсовъ пошелъ бы въ степи, экономическая обстановка которыхъ такъ рѣзко отличалась отъ обстановки полѣсья. Волыннамъ открыть былъ путь въ ту же Черниговскую и Стародубскую Сѣверщину, гдѣ природа была такая же лѣсная и земельного простору было много, покрайней мѣрѣ до полов. XVII в. Сохранились указанія, что уходили съ родныхъ мѣстъ жители сосѣдней съ Волынью Холмщины и уходили на востокъ, лѣвобережную Малороссію, но осаживались они здѣсь не доходя до „степи,“ въ мѣстности лѣсной, схожей съ ихъ родиною³⁾...

¹⁾ Опис. Стар. Малороссія, II, 317.

²⁾ Опис. Ст. Малор., II, 3. Такжѣ, Hist. Рашѣцкі, Сѣвіцкаго, I, 393. Было движеніе Сѣверского населенія на югъ, но только въ болѣе позднее время (1661 г.) и притомъ временное, возникшее отъ причины частной. См. Самовидца лѣтоп., изд. Бодицк., 19.

³⁾ Опис. Стар. Малор., II, 149.

Вѣроятнѣе всего, что колонизація степной Малороссіи, „полей“, производилась населеніемъ жившимъ въ однотипныхъ мѣстахъ. Тотъ же степной просторъ, какимъ характеризуется южная Малороссія, видимъ мы и въ такъ называемой Киевской Украинѣ, т. е. въ теперешней южной части Киевской губерніи; но отсюда колонизація въ нач. XVII в. идти не могла потому что эта Украина въ это время была тоже почти пустынью¹⁾. Двигалось населеніе на лѣвый берегъ Днѣпра повидимому изъ Подолія, причемъ гнали его отсюда почти постоянные татарскія нападенія и слѣдовавшія за ними разоренія²⁾. Куда же должно было двигаться населеніе разоренныхъ мѣстъ:— на западъ, на сѣверъ, на востокъ?—Слѣдуетъ думать, что оно могло двигаться только на земли свободныя, где прежде всего могло выбирать мѣста для поселенія на большомъ просторѣ и затѣмъ заручаться значительными льготами... Конечно всѣ эти выгоды могла представить только лѣвобережная Малороссія, но ни какъ не Галицкая Русь и не Волынь. Первая изъ нихъ также какъ и Подолія, подвергалась постояннымъ разореніямъ и тѣмъ не привлекала, а отвлекала отъ себя населеніе, а волынские лѣса не могли привлекать привыкшаго къ степному простору подолянина. Въ подтвержденіе того, что Подолія была колонизационнымъ источникомъ для лѣвобережной Малороссіи можно указать на название нѣкоторыхъ поселеній заслѣдней, повидимому, перенесенныхъ сюда изъ Подолія; такъ мы находимъ въ Подоліи: Біевцы, Демковку, Дорогинку, Жабинцы, Зиньковъ, Ивангородъ, Княжную Луку, Комаровку, Коржовцы, Кузьминъ, Лозовую, Люлинцы, Маковъ, Махновку, Мачуху, Рогинцы, Руслановку, Сокиринцы, Сосновку, Сребрину, Тростянецъ, Улановъ, Хмельникъ, Хомутинцы, Ярмолинцы... Всѣ эти названія находимъ мы и у поселеній лѣвобережной (и притомъ южной) Малороссіи, при чемъ быть можетъ нѣкоторые изъ нихъ явились тутъ и независимо отъ подольскихъ поселеній, но есть же между ними несомнѣнно и подольская, напр. глуховское м—ко Ула-

¹⁾ См. напр. статью Руликовскаго объ Умані въ *Słown. Geogr.*, III, 209.

²⁾ О татарскихъ нападеніяхъ на восточную Подолію см. у Руликовскаго—„Przed kilkuset laty“ (*Braclawszyna*) въ сборнике Трусынчича—*Kwiaty i Owoce*, (Кіевъ. 1870 г.), стр. 284 и слѣд.

новъ, названію котораго не откуда было здѣсь взяться, какъ только изъ Подолья¹⁾). Можеть возникнуть вопросъ—какимъ образомъ Подолье могло выдѣлять изъ себя такую значительную массу населенія въ то время, когда оно само въ это время колонизовалось?²⁾. Для объясненія этого явленія слѣдовало бы найти источникъ, откуда пребывало населеніе въ Подолье, тогда вѣроятно и можно было бы увидѣть, что митрополія Подольскихъ колонистовъ настолько выдѣляла изъ себя (по тѣмъ или другимъ причинамъ) населенія, что въ Подольи являлся уже избытокъ колонистовъ, которые должны были поэтому двигаться далѣе... Въ подтвержденіе возможности такого явленія мы можемъ указать на то переселенческое движение, которое такъ рѣзко проявилось въ полов. XVII в. въ лѣвобережной Малороссіи и повело къ колонизаціи слободской Украины³⁾.—Откуда приходили переселенцы, осѣдавшіе въ Подольи и затѣмъ двигавшіеся далѣе на востокъ—вопросъ этотъ еще не подвергался изслѣдованію⁴⁾. Вѣроятнѣе всего, что митрополіей этой колонизаціи была Галицкая Русь, такъ какъ болѣе не откуда было взяться тому люду, который дополнивъ старое населеніе Подолья, заселилъ потомъ кievскую и южную лѣвобережную Украину, при чемъ у колонистовъ и до сихъ поръ сохранились тѣ самыя пѣсни, которая поетъ и митрополія, разумѣя подъ послѣднею Галицкую Русь...⁵⁾.

¹⁾ См. Опис. Стар. Малор., II, 481.

²⁾ Новѣйший изслѣдователь исторіи юго-восточнаго Подолья говоритъ, что разгаръ колонизаціонной дѣятельности въ Барщинѣ падаетъ на вторую половину XVI и самое начало XVII в... Конецъ XVI и перв. четверть XVII в. характеризуется основаніемъ многихъ маstечекъ въ Барщинѣ и ее порубежьяхъ... Арх. Ю. З. Россія, ч. VIII, т. I, стр. 113.

³⁾ См. Очерки изъ исторіи колонизац. и быта стопн. окраини Моск. госуд., Д. И. Багалѣя, I, 378 и слѣд.

⁴⁾ Въ книгѣ г. Грушевскаго о Барскомъ старостѣ, вопросъ о томъ—откуда приходили колонисты послѣднаго,—остался не тронутымъ.

⁵⁾ По недостатку историческаго матеріала изслѣдованіе вопроса о происхождении колонистовъ южной лѣвобережной Малороссіи можетъ быть произведено съ помощью этнографического матеріала. Тутъ слѣдуетъ произвести сравнительное изученіе пѣсней и разныхъ житейскихъ обрядовъ съ пѣснями и такими же обрядами жителей преимущественно Полтавской губерніи. Матеріала для такого сравненія относительно Прикарпатской Руси собрано уже достаточно. Не говоря о Сборнике пѣсень Головацкаго, достаточно указать на изданіе Краковской академіи—*Zbiory wiadomości do antropolog. krajow.*

И теперь еще между жителями южной лѣвобережной Малороссіи очень часто встречаемъ прозвища *Коломійцевъ* и *Коломиченковъ*, несомнѣнно происходящихъ отъ давнихъ сюда выходцевъ, черезъ Подолію изъ Галицкой Коломіи¹⁾.

А. Лазаренскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Вопросъ о томъ—откуда колонизовалась лѣвобережная Украина въ послѣднее время затронутъ М. Ф. Владимірскимъ Будановимъ, въ предисловіи къ II-му тому 7-й части Архива Ю. З. Россіи, при чёмъ авторъ рассматривая вопросъ о колонизаціи вообще Ю. З. Россіи отъ втор. полов. XV в. до 1569 г., относительно лѣвобережной Украины (южной) приходитъ къ такимъ заключеніямъ: „Здѣсь вовсе нѣтъ поселеній, а только „уходы“... Вся эта мѣстность однако наполнена „городищами“ и „селищами“, которые свидѣтельствовали о прежней заселенности края... Не вполнѣ изчезнувшее населеніе этой страны есть сїверская Русь, сохранившая свое древнее название у тогдашнего покойнаго рѣки той пустыни именуются „севирскими“, уходы—„сиверскими“. (стр. 45—46)... Обширная владѣнія Глинскихъ на Ворсклѣ, Сулы и Удаю, хотя въ иллюстраціяхъ и рисуются преимущественно пустынными, но въ 70-хъ и 90-хъ гг. XVI в. населеніе въ этихъ вотчинахъ было и именно не пришлое... Оно именуется въ актахъ севрюками (которые въ 1570 г. подъ именемъ севрюковъ Байбузинъ Ворскольскихъ освобождаются отъ городовыхъ податей), (Стр. 134).—Колонизація южной Руси направляется отъ сївера къ югу, именно переселенцы, заселявшіе постепенно южную Русь, шли изъ Бѣлоруссіи, т. н. Литвы, т. е. сѣв. зап. части той же Бѣлоруссіи, Полѣсья и изъ Московскаго государства,—но ни откуда больше. (Стр. 172).—Кievskое населеніе не все половино было сносимо бурями татарскихъ опустошеній. Сїверщина учѣлла не только на Ворсклѣ, Сулы и Удаю, но значительно распространилось и на правомъ берегу Днѣпра... „(Стр. 138). Полагаемъ, что эти выводы за времya, ограниченное Люблинской ученію, не могутъ имѣть особенного значенія по отношенію къ южной лѣвобережной Украинѣ, колонизація которой въ это времya только что начиналась. Полагаемъ также, что севрюки, жившіе въ это времya въ защищныхъ мѣстахъ къ сїверу отъ р. Сейма, приходили въ южную лѣвобережную Украину лишь для промысловъ, какъ приходили сюда и жители кіевскаго Полѣсья. Никакихъ данныхъ для заключенія, чтобы севрюки въ это времya, т. е. въ XVI в., были осѣдаными жителями побережій Сулы, Удая и Ворсклы—нѣтъ. Относительно „Ворскольскихъ Байбузинъ въ севрюковъ“, замѣтимъ, что по актамъ даже нач. XVII в.—имѣнія населеній Байбузы по Ворсклѣ именуются—незаселенномъ пустынною Ворскло. См. Кіевск. Губ. Вѣд. 1870 г., № 67. (Извлечеціе изъ книгъ Кіевск. Центр. Арх.) Иного маѣнія о колонизаціи лѣвобережной Украины другой ученый—г. Милюковъ, рѣшающій этотъ вопросъ на основаніи данныхъ языка. См. „Міръ Божій“ 1895 г., № 4, стр. 52—54.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ.

Повѣрья, обычай, обряды, суевѣрья и примѣты, пріуроченные къ „Риздвянымъ Святамъ“. Ни къ какому другому празднику, послѣ «Велыкодня», столько не пріурочено народныхъ повѣрій, обычаевъ, обрядовъ, суевѣрій и примѣтъ, какъ въ «Ризду» или еще иначе «Риздвеннымъ святамъ». — И дѣйствительно, такія важныя, серьезныя и большія приготовленія, какія дѣлаются къ Рождеству, у нашего народа бываютъ только дважды въ годъ:—къ Велыкодню и въ Ризду.

Цѣль настоящаго очерка, избѣгая повтореній описаннаго мною въ ст. «Рождественскія святыи на Волыни» («Кievsk. Star.», янв. 1889 г. стр. 236—242), сгруппировать всѣ народные обычай, обряды, повѣрья, суевѣрья и примѣты, относящіеся и пріуроченные къ празднику Р. Х. и записанные почти всѣ въ староконстантинов. уѣздѣ, волын. губернії.

Пришло «Введенье» (21 ноября), которое «празнѣкивъ наведе». — Пришелъ, дѣйствительно, цѣлый рядъ чтимыхъ простымъ народомъ праздниковъ: Катерины, Андрея, Варвары, Саввы, Миколы, Ганны.

Изъ нихъ «Варвара ночи увиrtle, а дна прыточыть».

Савва дорогу постеле.

«Якъ на Миколы иней—буде овесъ».

«На Ганны иней— буде всякий хлѣбъ».

«Незабаромъ, недалечко и вутя или иначе «вилія».

«На вилію» предъ наступленіемъ вечера хозяинъ или старшій въ семье приноситъ въ хату сноіь разнаго рода хлѣба, а подъ мышкой охапку сѣна. Поздоровавшись съ присутствующими въ хатѣ словами: «будьте здоровы зъ Риздвомъ», хозяинъ сѣно вмѣсть въ переднемъ углу, подъ образами— «на покути», а на него ставить сноіь;

хозяйка сейчас же кладеть на съю «кнышь» в «грудочку соли»; затѣмъ вынимаетъ изъ печи два горшка, одинъ съ узваромъ, другой съ кутью, и оба ставить на съю, возлѣ свона. При этомъ всѣ присутствующіе въ хатѣ садятся,— «щобъ куры добре на яйцахъ сидилы».

Вечеромъ— «на вплію», «по заходи сонца», вси семья крестьянина, умывшись, одѣвшись попраздничному и помолившись Богу,— садится за столъ «вечераты». Предъ началомъ «вечеры» продѣлывается еще слѣдующее: хозяинъ садится за столъ, кладеть предъ собою одинъ или нѣсколько «кнышей» или пироговъ и пригинается за ними, какъ бы прачется, и спрашивается присутствующихъ: «а чы бачыте вы мене?» Хотя присутствующіе отлично видятъ согнувшагося хозяина, но тѣмъ не менѣе отвѣчаютъ: «ни, небачымо».

Тогда хозяинъ встаетъ изъ-за стола и говорить къ семье: «дай же, Боже, щобъ вы и назарикъ не бачылы мене изъ хлиба».

Впрочемъ, этотъ обычай начинаетъ уже выходить изъ употребленія и теперь на Волыни практикуется не вездѣ.

«Вечера» у крестьянъ продолжается очень долго— часа два-три, потому что на нее обыкновенно приготавляется много блюдъ: рыба вареная, жареная, холодецъ, борщъ, каша, вареники съ капустою, фасолею, горохомъ, «родзынками» (изюмомъ), «локшина» (лашша) и т. п.; но начинается ужинъ всегда съ кути, которую ёдятъ съ медовою «сытою», сахарныхъ сиропомъ или, наконецъ, съ маковымъ молокомъ. Вся семья отъ малы до велика обязательно должна попробовать кути, а также всѣ во время ужина пьютъ водку. Во время кути, хозяинъ беретъ въ ложку ее и бросаетъ въ потолокъ, приговаривая: «морозе, морозе! иди кути іѣты». Значеніе этого обычая— «щобъ ичолы добре роилися». При этомъ считается хорошимъ признакомъ, доброй примѣтой, если зерна кути прилипнутъ «до стели» (къ потолку); чѣмъ больше пристанетъ къ потолку зерентъ, тѣмъ лучше.

Кутя къ ковельскомъ, напр., уѣздѣ варится изъ цѣльныхъ, обтолоченныхъ ячменныхъ зеренъ, въ староконст. и заславскомъ изъ такихъ же пшеничныхъ, на Подоліи тоже изъ пшеничныхъ (каменец. уѣздѣ).

У крестьянъ есть обычай, что на вилію послѣ ужина, (въ пыныхъ мѣстахъ на второй день святъ) мать ребенка посыпаетъ «вечеру» «шовитухъ», принимавшей этого ребенка, и «кумамъ». Вечера, обыкновенно состоять изъ одного или двухъ кнышей или булокъ, нѣсколькоихъ пироговъ и жареной рыбы. Если виновникъ этой «вечеры» —

ребенокъ—уже подростокъ, то онъ самъ несетъ «вечеру» и «до бабы», и «до крестныхъ тата и мамы». Припесшій «вечеру» говорить: «прощать батько и маты (или дядько и дядына) на вечеру и я такъ же прошу». Бабка или кумовья, принявъ «вечеру», благодарятъ и въ опорожненную миску насыпаютъ крупъ, пшена, ищенич. муки или зернов. хлѣба, а «похрестынку» или «похрестыни» посылаютъ пріпасенные заранѣе гостинцы: конфеты, орѣхи, пряники. Богатые крестьяне для подобной «вечеры» покупаютъ въ городѣ: булки, пряники, яблоки и пр. Этотъ обычай широко распространенъ и практикуется на Волыни,—въ сосѣдней Подолії онъ меньше распространенъ.

Народная примѣта: если «на вилію» ночь «зирная»—къ хорошему приплоду скота и урожаю ягодъ; а если на самое «Різдво» мяатель—къ хорошему роенію ищель.

Если кто на вилію во время «вечеры» (ужина) чихнетъ, то «той щасливый», и присутствующая семья должна ему что-либо подарить.

Если во время ужина на вилію, когда посмотрѣть изъ-за окна—кого либо не видно, а на его мѣстѣ какъ бы туманный столбъ, то тотъ, «другой виліи вже недочыкає»,—умретъ.

На ночь на вилію, (т. е. подъ первый день Р. Х.) ставить на столъ миску или макитру съ кутьей и въ нее кладутъ всѣ ложки, потому что души всѣхъ умершихъ родныхъ ночью придутъ кутью ъсть.

Равно въ эту ночь, какъ и подъ «Велыкдень», не тушить огней,—почитается грѣхомъ; многіе всю ночь не спать. На счетъ сна подъ Свѣтлое Воскр. и Р. Х. у крестьянъ есть изречениe—«хто въ таку нічь спить, той спасиня (иные говорятъ: царство небесне) проспить.

Во всѣ три дня «Різдвиныхъ святъ» обѣдъ начинается всегда кутьей.

Колядоватъ ходятъ не вездѣ въ одно время: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на первый день праздниковъ вечеромъ, а въ нѣкорыхъ вечеромъ втораго дnia. При этомъ вездѣ принято, что мальчики ходятъ особо, а взрослые особо. На Волыни въ обычай, что колядовать ходить даже женатые почтенные «господари»—старики, на Подолії же (каменец. уѣздъ, пограничн. полоса) женатые колядовать не ходить, а только парни, холостые.

Какъ на Волыни, такъ и на Подолії многіе священники не разрѣшаютъ своимъ прихожанамъ ходить колядовать на томъ основаніи, что крестьяне своими грѣхонными безмысленными, безтолковыми,

искаженными колядками только грѣшать, а не славить Бога и оскорблять Его. При этомъ некоторые священники не позволяютъ безусловно и категорически, другое же условно, т. е. если колядники возьмутъ въ церкви звонокъ и половину своего сбора отдадутъ батюшку «на церковь», — то можно колядовать, въ противномъ же случаѣ нельзя.

Послѣднее распоряженіе и взглядъ можно часто встрѣтить въ въ староконстант. уѣздѣ (въ окрестностяхъ города).

Къ утру очень часто колядники валяются, безъ ногъ и безъ голоса, перепившіе и осиніше, такъ какъ всякий не поетъ, а горланить, кричать, сколько можетъ, и сколько глотка выдержитъ.

Очень часто колядники водятъ съ собою «возу» одинъ изъ колядниковъ: перерождается возой (обычай, употреб. въ староконст. уѣздѣ) или просто—бабой или какимъ либо шутомъ (на Подолії).

Учиться колядовать обыкновенно начинаютъ недѣли за двѣ до «святы», собираясь по вечерамъ въ одну хату и устраивая тѣкимъ образомъ репетиціи. Парни учатся колядовать, ходи къ дѣвушкамъ на «досвітки».

Вечера отъ «вилі» и до Нового года называются и считаются «святыми», по этому по вечерамъ ничего нельзя дѣлать, и люди «святкуютъ». Здороваешь въ эти вечера, обыкновенно говорять:— «будьте здоровы. Съ святымъ вечеромъ» или кратко: «съ святымъ вечеромъ».

Цідѣль Новый годъ на Волыни мальчики ходятъ подъ окна щедровать. Щедрость только дѣти. «Щедровальникамъ» (т. е. дѣтямъ) даютъ широги или нарочно для этого испеченные маленькие кнышки, которые, тоже зовутся «щедровальными», или деньги.

На Подолії щедровать ходятъ на «голодну кутю», т. е. подъ Крещеніе.

Канунъ Нового года, или 31 декабря, на Волыни еще зовется «богатымъ вечеромъ», а на Подолії днемъ Маланки или просто «Маланкою», такъ какъ въ этотъ день празднуется Меланы Римлянки.

На Подолії, крестьяне 31 декабря, здороваешь, говоря: «будьте здоровы зъ Маланкою» или кратко «зъ Маланкою». Вечеромъ подъ Новый годъ парни ходятъ подъ окнами домовъ, гдѣ есть дѣвушки, съ музыкой и пѣснями: прида подъ окно, парни подъ аккомпанементъ музыки поютъ пѣсню, въ которой восхваляютъ, воспѣваютъ дѣвушку. По окончаніи пѣнія дѣвушка приглашаетъ парней въ хату и угоститъ.

щаетъ ихъ водкой, закуской. Въ хатѣ парни поютъ, танцуютъ, веселятся. Когда парни уходятъ, девушка даетъ имъ еще деньги. Это хожденіе парней съ музыкой и пѣснями (обыкновенно продолжающееся всю ночь) называется по мѣстному — «ходыты зъ Маланкою».

Есть одинъ замѣчательный способъ гаданія наканунѣ Новаго года и угадыванія погоды на весь наступающій годъ: берется луковица, разрѣзается пополамъ и берется изъ нея 12 чашечекъ, которыхъ ставить въ рядъ. Каждой чашечкѣ дается название одного изъ 12 мѣс. года, по порядку: январь, февраль, мартъ и т. д. Затѣмъ въ каждую луковичную чашечку кладется «грудочка» соли, и такъ оставляютъ чашечки на всю ночь подъ Новый годъ. На другой день смотрять, въ какой чашечкѣ, подъ какимъ названіемъ мѣсяца, соль растаяла — тотъ мѣсяцъ будетъ «мокрый», а гдѣ соль не растаяла, — тотъ мѣсяцъ будетъ «сухой».

О Новомъ Годѣ у крестьянъ есть много повѣрій. Такъ говорятъ, что въ ночь подъ Новый Годъ, какъ и подъ Вѣлыкдень, видѣмы, злые духи не шатаются и не дѣлаютъ пакости людямъ, и вообще въ эту ночь вся «нечисть» безсильна.

Есть также повѣрье, что въ ночь подъ новый годъ, ровно въ полночь, горать все деньги, находящіяся въ землѣ. Горать они синимъ пламенемъ. Кто увидитъ такое пламя, тотъ долженъ снять съ себя что-нибудь и бросить на то мѣсто; если напр., бросить шапку, то, чтобы выкопать деньги, придется копать въ ростъ того человѣка; бросить поясъ — и копать нужно по поясъ; бросить сапогъ — копать нужно въ колѣно. Нашедшій горящія деньги долженъ добывать и копать ихъ самъ и не звать никого на помощь до тѣхъ поръ, пока кладъ не будетъ въ рукахъ, иначе кладъ ни за что не дастся взять въ руки.

По поводу такого повѣрья мнѣ пришлось слышать слѣдующій разсказъ: то бувъ соби иденъ дуже бидныи человикъ, а дуже винъ хотивъ розбогатити. Чувъ винъ видѣ старыхъ людей, что то пидъ новый рицъ въ пивничѣ горать гроши и, дочыкавши нового рику и пивиочи, ставъ дывытыса, чы не забачить де, якъ будуть горити гроши. На его щасте, а разомъ и на нещасте, винъ скоро и не далечко видѣ себѣ побачывъ сыній вогонь; не ловго думавши человикъ той скорише прыбигъ до того вогню, скынувъ зноги постиль и кынувъ на огонь а самъ побигъ додому за заступомъ. Принисъ заступа и не всицъ килька разъ конануты, якъ заступъ бренкнувъ о якесь зализо; скоро человикъ той выкопавъ эѣ земли прывезлико

зализного сундука; вчынися, чоловикъ за вико, щобъ видчыныты той сундукъ, алежъ скильки не крахтивъ, не мопувався—не видчынаеца—тай годи.

— «Пиду,—думае соби чоловикъ—поклычу жинку на помичъ, теперъ вже можна: гроши вже, таъ якъ и въ рукахъ,

Отъ вдвохъ зъ жинкою, якъ вчынися, скоро видчинилы сундука и тылько що чоловикъ зъ жинкою нахынися, щобъ подывитись, що въ тимъ сундуку е, якъ зализне вико хлопъ!—тай зачинилось, и обонімъ головы таъ, якъ сокирою видтило, и головы тії остались въ сундуци, а сундукъ пишовъ глибоко въ землю, ажъ загуло, загуркотало за нымъ, а на тимъ мисци, де бувъ сундукъ, зосталась страшне глибока, що ни дна, ни конца еи не видно, яма».
(Дер. Григоровка, староконст. у. отъ кр. Семена Атласіова).

Еще есть повѣрья, что подъ новый годъ, тоже ровно въ полночь, скотина получаетъ даръ слова и говорить. По поводу этого повѣрья въ той же дерев. Григоровкѣ, и отъ того же крест. Семена Атласіова слышалъ слѣдующій разказъ:

«Бувъ соби иденъ чоловикъ. Чувъ винъ тее, що скотына пидъ новий рикъ въ пивночъ говорыть, тай захотивъ спрактыкуваты, чы то правда тее, и на самый новий рикъ въ пивничъ пишовъ послухаты, що то будуть говорыты его кони. Тыльки що пришовъ и насторожнися, ажъ чуе, кони его и говорить.

— Наайдайся, братъ, получше,—каже иденъ до другого—бо завтра не скоро будешъ исти.

— Черезъ що такъ?—пытаєця другой.

— Бо завтра повеземъ нашего господара на цвынтаръ ховаты—каже перший кинъ. Якъ сказали, повезли его на другой день на цвынтаръ ховаты».

Также нашъ народъ говорить и вѣрить, что для того, чтобы узнать, что чловѣка ожидаетъ въ наступающемъ году,—нужно въ ночь подъ новый годъ въ полночь пойти на церковную паперть и послушать: если напр. изъ церкви послышится іѣніе «Исаіе ликуй», то послушивающій въ наступающемъ году оженится, если же послышится изъ церкви «со святыми упокой»—подслушивающій умретъ.

«То бувъ дуже цікавый чоловикъ—разск. крест. с. Плесны, заслав. у. Федоръ Ярошукъ,—который хотивъ знаты, що его чикае въ новимъ році, и, дочиковавши нового року, винъ въ пивничъ пишовъ пидъ церкву слухаты. Алежъ тылько що прыйшовъ винъ пидъ церковни двери и приложивъ ухо, якъ заразъ затрусывсь увесъ, якъ

той лыстъ. Прышовъ до дому и заразъ вмеръ: въ церкви спывалы «со святыми упокой», которые спивалы на другой день надъ тимъ цикавымъ чоловицомъ».

По народному повѣрю,—какъ кто проведетъ новый годъ, такъ проведеть и весь тотъ годъ; если на новый годъ весель, счастливъ, то и весь годъ будетъ весель и счастливъ, и наоборотъ; въ силу этого повѣрю, «злодій» подъ новый годъ «пробуетъ счастья» и неизменно старается украсть,—чтобы весь годъ была удача. Въ силу того же повѣрю каждый старается на новый годъ не плакать, не ругаться, а веселиться и быть довольнымъ, чтобы весь годъ быть такимъ.

По народной примѣтѣ, если ночь подъ новый годъ «зирная», будетъ урожай ягодъ. По той же примѣтѣ, если на самый новый годъ (на Рождество также) на деревьяхъ иней, будетъ урожай хлѣба.

На самый новый годъ, какъ дѣти, такъ равно, даже и взрослые, ходять по домамъ и посыпаютъ «или засѣваютъ» смѣсью разнаго рода хлѣбовъ, приговаривая «на щастие, на здоровье на новый рикъ! Роды, Боже, жито, ишеныцю, всяку пашныцю, а ленъ щобъ такой вырисъ»; при этомъ горсть хлѣба бросаютъ подъ потолокъ, позывая, какой долженъ выrostи ленъ. Если засѣваютъ молодымъ, то прибавляютъ еще въ шутку «роды, Боже, жито-ишеныцю, а вамъ дите копыцю».

«Посыпальниковъ» или «засѣвальниковъ» одѣлаютъ пирогами или деньгами.

Хлѣбныя зерна, которыми посыпальники засѣяли полъ, хозяйки подметаютъ, собираютъ и хранятъ, какъ средство въ разныхъ служащихъ крестьянской жизни.

Вторая «кутя или вилія, у крестьянъ, какъ на Волыни, такъ и на Подолії» зовется еще «голодною кутею», вѣроятно, по сравненію съ первой кутей, и потому, что ко второй кутѣ обыкновенно всѣ заиасы праздничные бывають съѣдены и выпиты, и на вторую кутю остаются только небольшие скучные остатки; «кутю» эту нашъ народъ, вѣроятно, еще потому называлъ «голодною», что въ этотъ день (т. е. 5 января) обыкновенно всѣ постятъ, т. е. голодаютъ. Вечеромъ предъ началомъ ужина всѣ, перекрестясь, пьютъ прежде всего «священу» воду, а затѣмъ ужинъ, какъ и на первую вилію начинается «кутей».

Въ староконстантиновск. уѣздѣ наканунѣ Крещенія—на «голодну кутю» соблюдается слѣдующій похвальный обычай: хозяинъ

или старший членъ семьи береть въ кружку немного свяченой воды, дѣлаетъ изъ колосьевъ жита «кроцло» и, взявъ кусокъ свяченаго мѣла, освященнаго на Спаса, въ сопровождениі кого либо другого, несущаго кружку съ свяченой водой въ одной руцѣ, а булку хлѣба и «грудку соли» подъ мышкой другой руки,—обходить всю свою усадьбу, всѣ жилыя и нежилыя постройки, все окроплять свяченой водой, а на всѣхъ дверахъ свяченымъ мѣломъ пишеть кресты. На крещеніе изъ каждого дома обязательно кто либо идетъ на Іорданъ, чтобы набрать и принести свяченой Іорданской воды. Въ этотъ день всѣ не ѿдитъ, иока не насыщаются Іорданской воды. Во многихъ селахъ какъ Волыни, такъ особенно Подолія, въ обычай, что всѣ имѣющіе въ селѣ ружья приходятъ съ ними на Іорданъ и послѣ погруженія креста въ воду, выстроившись въ рядъ трижды по командѣ стрѣляютъ. Нѣкоторые пожилые и благочестивые люди послѣ освященія воды на Іорданѣ трижды погружаются въ рѣку, продѣливая это изъ года въ годъ; впрочемъ, надо сказать, что подобныхъ храбрецовъ немного.

Іорданскую водою промываютъ глаза, мочатъ лобъ или голову лица, страдающей глазами или головой, съ полной вѣрой, что отъ этого болѣзнь пройдетъ.

Немного іорданской воды отливъ въ бутылочку и закупоривъ, всякая семья сохраняетъ и бережеть подъ образами, какъ святыню и какъ средство въ разныхъ случаяхъ жизни, для излѣченія разныхъ болѣзней: лихорадки, «врокинъ», прыстри ту, рожи, и т. п. для окропленія гробовъ покойниковъ и во многихъ друг. случаяхъ. Относительно крещенія у крестьянъ есть тоже повѣрье; говорятъ, что подъ крещеніе ровно въ полночь вода превращается въ кровь, но только людямъ благочестивой и праведной жизни удается видѣть это превращеніе.

На другой день послѣ крещенія сношъ и сѣно, поставленные «на покутн» на первую вилію (24 декабря), убираются; сношъ вымолячивается, и вымолоченные изъ него хлѣбныя зерна сохраняются и берегутся для употребленія въ разныхъ случаяхъ крестьянской жизни; зернамъ этими обсыпается гробъ съ покойникомъ предъ выносомъ его изъ хаты на кладбище; или же въ томъ же случаѣ иногда обсыпается снаружи и весь домъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Волыни въ подобномъ же случаѣ, т. е. когда въ хатѣ есть покойникъ, то предъ выносомъ его изъ хаты на кладбище тѣми же зернами обкуриваются гробъ и внутренность хаты. Тѣми же зернами обсыпаютъ и обкуриваютъ

снаружи домъ и въ томъ случаѣ, когда «мерецъ ходытъ» — чтобы не вошелъ, не подступилъ къ дому. Такимъ образомъ значение этихъ хлѣбныхъ зеренъ, по вѣрованію народа, то, что они не даютъ возможности, не допускаютъ «мерцамъ ходыты».

Сѣно, на которомъ стояла кутя, тоже сохраняютъ, и потомъ понемножку кладутъ въ гнѣзда — «кубло», когда подсыпаютъ домашнюю птицу: курь, гусей и пр., чтобы хорошо птица сидѣла и высиживала. Этимъ же сѣномъ закрываютъ телать, ягнятъ, какъ первымъ кормомъ послѣ отеленія; дѣлаютъ дѣтамъ изъ этого сѣна куль, накуриваются имъ отъ лихорадки, рожи и проч. Крещеніе обыкновенно празднуется простымъ народомъ три дня. Крещеніемъ заканчиваются «Риздвыни свята».

Иа. Вѣньковскій.

Рождественская вирша. Нѣсколько разъ мы имѣли уже случай помѣщать на страницахъ нашего журнала тѣ малорусскія піесы, которые обыкновенно называются *виршами*, при чёмъ указывали и то, какъ надо понимать и объяснять этотъ родъ поэтическаго творчества въ старой Малороссіи (см., напр., наши замѣтки въ 1888 г. № 1—3, стр. 271—282; въ 1891 г., № 12, стр. 77; въ 1892 г., № 4, стр. 116—119). Болѣе обстоятельное изслѣдованіе этого вопроса можно найти въ трудѣ П. И. Житецкаго «Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ», печатавшемся первоначально въ нашемъ-же журналѣ (въ 1892 году).—Здѣсь, между прочимъ, говоря во 2-ой главѣ такъ называвшихся *молодыкахъ*, *пыворизахъ*, вообще о странствующихъ школьникахъ, авторъ рисуетъ такую картинку ихъ житія. «Извѣстно, что въ старину и высшая школа въ краѣ, академія кіевская, не обеспечена была отъ нуждъ и голоданія... Приходилось добывать средства къ жизни испрошениемъ подаянія. Цѣлыми толпами ходили по улицамъ города *миркачи*, получившіе это название отъ первого слова пѣсни, въ которой выражались благожеланія домохозлевамъ за милостыню. Въ праздникъ Рождества и Воскресенія Христова они являлись въ домъ обывателей съ поздравительными виршами и праздничными кантами». Къ такимъ именно виршамъ и должна быть причислена найденная нами въ старомъ бумажномъ хламѣ, случайно пріобрѣтенномъ въ полтавской губерніи. Къ сожалѣнію, никакой даты въ рукописи нѣтъ, и только водяные

знаки на бумагѣ указываютъ 1829-й годъ. Писано очень неразборчиво и безъ соблюденія системы въ правописаніи.

Хочу вѣсъ, панове, чого-сь испытати:
 Що теперъ за праздникъ, чи ви можете знати?
 Чи се той праздникъ, що Христосъ родився,
 Отъ чистой Діви Марії волзтився?
 Кажется вѣсъ, бо почали йисти ковбаси и сало,
 Чого у насъ у школи зроду не бувало.
 Мени сей ночи во сні прыверзлося,
 Що съ небесъ у школу сало прыpledося;
 Ковбаси скобло, якъ вьюни, вертатся,—
 Тік-то потравы и для насъ годатся.
 Коли мене счастіє одарыло,
 Що стонть край сала сивухи барыло.
 Впавши я въ сунини, ставъ дали соваться,
 Не знаю, до чого напередъ хвататься,
 Чи до сала, чи до барыла.
 Уже мене до того мати вродила:
 До ковбаст—нестимашъ (?), до сала — не сквальмъ,
 Вкусъ хмільной сивухи мени непріятливъ.
 Но нужда и законъ мильє: якъ доведеться,
 На оstri зубы и ковбаса трется,
 А и сало не вдавить, въ горли не застряне.

 Горизки, хочь скільки, мій нежить (?) не прыймає,
 Але, кажу, нужда и законъ мильє:
 Байдужо! гарко и безъ неи,—
 Внесите лишь бо трохи сіек.
 Зъ великої радости отъ спа возбудывай,
 Пильченко по школи всюди дивився;
 Ажъ нема ковбасъ, ни кусочекъ сала,
 О бидна головочкої надежда пропала.
 Заплакавъ я гарко и вдаривъ въ груди.
 Прыйшло мни на память пійти межи людн.
 Ви, честныи люде, мене порятуйте,
 Ковбасу и сало мени наготовьте.
 Отъ щедрои руки, що пригодилось,
 Хоть те пороса, що въ синихъ щепились (?)
 Колы-жъ на сало не спроможність ваша,
 Такъ дайте у кошыхъ хоті кусокъ мъаса;
 Хоть воно прымерзлось, то можно роздрати,
 Бо далеби, якъ не дасте, то не пиду зъ хати.
 А ви щобъ здоровы того году дождали,
 По чотирь кабани на сало годували.
 А за сю вистъ

Дайте ковбасъ шисты!
Тое вамъ повидало;
И съ праздникомъ поздоровало.

Сообщ. В. Науменко.

Къ исторіи Литовскаго Статута, какъ дѣйствующаго законодательства въ Малороссіи. «Предводители дворянства полтавской губерніи въ истекшемъ сентябрѣ мѣсяцѣ ¹⁾), будучи въ губернскомъ городѣ Полтавѣ имѣли общее совѣщаніе касательно примѣненія россійскихъ узаконеній къ Литовскому Статуту и положили, чтобы по сему предмету въ каждомъ уѣздѣ составить мнѣніе изъ почетнѣйшихъ и свѣдущихъ въ законоположеніяхъ гг. дворянъ, въ слѣдствіе чего въ пирятинскомъ уѣздѣ нижеподписавшіеся полагаютъ, что россійскія узаконенія почти всѣ достаточно соотвѣтствуютъ охраненію и обеспеченію собственности и правъ каждого въ сравненіи съ Литовскимъ Статутомъ, по коему, при решеніяхъ въ судебныхъ мѣстахъ, встрѣчается затруднительная разность въ подводѣ статей и служитъ только помѣшательствомъ и поводомъ для спорящихъ къ умноженію производства дѣлъ по двумъ употребительнымъ узаконеніямъ литовскаго съ россійскимъ, одно и тоже постановляющихъ, и во избѣженіе изъясненныхъ затрудненій не обходимо считаемъ пользоваться и въ полтавской губерніи силою и дѣйствіями однихъ россійскихъ гражданскихъ узаконеній, тѣмъ болѣе, что по высочайшему указу, данному правительствующему Сенату въ 25 день іюня, сего 1840 года, россійскіе законы распространены уже на губерніи кіевскую и западную и что намъ, какъ съ россіянами единоплеменнымъ, всего свойственнѣе руководствоваться одними и тѣми же законами, ибо всякому русскому Статутъ Литовскій напоминаетъ прежнее лишь унижение, а вмѣстѣ и прискорбное нѣкогда сего края отторженіе отъ Россіи, притомъ многіе изъ насъ, благословляя царствованіе императрицы Екатерины Великой, подтвердить могутъ и опытами были удостовѣрены, что законы россійскіе, коими въ Малороссіи тогда судились, безъ употребленія Статута, доставляли гораздо кратчайшій путь къ достижению исканной справедливости, а посему: если благодѣтельное правительство наше находитъ нужнымъ ввести и въ полтавской губерніи одинъ

¹⁾ Годъ не обозначенъ, но, вѣроятно, замѣтка составлена вслѣдъ за изданіемъ закона отъ 25 іюня 1840 г.

лишь узаконенія россійскія, то мы, какъ вѣрноподданные, признаемъ весьма полезнымъ, съ сохраненіемъ только права распоряженіемъ имѣніями, согласно Литовскаго Статута, раздѣла 7-го Артикула 1.

На подлинномъ подpisались:

Предводитель дворянства генералъ маіоръ Дмитрій Селецкій. Судья уѣзднаго суда Александръ Щербакъ. Уѣзднаго суда засѣдатель Яковъ Шебедевъ. Уѣзднаго суда засѣдатель Василій Васильковскій. Уѣзднаго суда засѣдатель Евграфъ Бѣлоусовичъ. Земскій исправникъ пирятинскаго уѣзда и кавалеръ Акимъ Александрovichъ. Непремѣнныи засѣдатель Николай Огроновичъ. Помѣщикъ коллежскій ассесоръ Василій Марковичъ. Помѣщикъ маіоръ Андрузскій. Помѣщикъ капитанъ Иванъ Щоголевъ. Помѣщикъ титулярный совѣтникъ Василій Богдановичъ. Помѣщикъ коллежскій ассесоръ Степанъ Огроновичъ. Помѣщикъ титулярный совѣтникъ Николай Гриневичъ. Помѣщикъ флота капитанъ 2-го ранга и кавалеръ Елисей Гамалля. Помѣщикъ штабъ ротмистръ князь Дмитрій Жеваховъ. Помѣщикъ поручикъ Василій Томара. Помѣщикъ поручикъ Семенъ Иваненко. Помѣщикъ поручикъ Александръ Карлицкій. Завѣрилъ генераль маіоръ Селецкій.

Инѣкіе по сему предмету предводителя дворянства Селецкаго. Малороссія при самомъ вступленіи въ подданство Россіи оставлена съ законами, которые даны ей польскими королями; законы сіи составляли два отдѣльныхъ уложенія: магдебургское право для купцовъ и мѣщанъ и литовскій статутъ для дворянъ и разночинцевъ. 1824-го года замѣчено, что магдебургское право начало терять свое дѣйствіе въ судахъ малороссійскихъ; правительство, въ угодженіе своему народу, изъявило желаніе возстановить дѣйствіе магдебургскаго права, но генеральный судъ, высшее судебнное мѣсто въ Малороссіи, просилъ прекратить на всегда дѣйствіе его, основываясь на томъ, что это право съ давнаго уже времени потеряло свою силу, даже забыто и неизвѣстно въ судахъ Малороссійскихъ. Уваживъ просьбу генерального суда, правительство уничтожило дѣйствіе права магдебургскаго. Между тѣмъ Литовскій Статутъ сохранялъ свою силу, и только въ настоящее время участъ его, подобно участіи магдебургскаго права, подверглась сомнѣнію и должна решиться. По сему случаю я имѣю честь представить свое мнѣніе и полагаю, что дѣйствіе Литовскаго Статута въ Малороссійскихъ губерніяхъ полезно

на всегда уничтожить. Сообразивъ обстоятельства, къ этому дѣлу относящіяся, я достигъ до слѣдующихъ результатовъ: 1) дѣйствіе Литовскаго Статута въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ совершенно безразлично для блага Малороссіи; 2) а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже вредно; 3) напротивъ прекращеніе дѣйствія его можетъ прінести важную пользу во многихъ отношеніяхъ; 4) наконецъ, мнѣніе правительства о Литовскомъ Статутѣ невыгодно, и можно ожидать ежегодно, что оно само уничтожить дѣйствія его.

1) Извѣстно, что до того времени, пока жизнь малороссійскаго народа имѣла свой особенный характеръ и выражалась своеобразно, полезны и необходимы были для него особенные законы: но нынѣ, когда въ этой жизни изгладились особенные черты, когда она мало по малу сливаются съ жизнью великороссійскаго народа, особенные законы совершенно излишни. Единство и тожество законовъ есть необходимое слѣдствіе единства и тожества самой жизни. Отъ этого единства національности великороссіянъ и малороссіянъ произошло то, что артикулы Литовскаго Статута, относящіеся къ законамъ уголовнымъ, къ законамъ о финансахъ, о благоустройствѣ и государственныхъ учрежденіяхъ, почти всѣ давно уже потеряли свою силу, и только изъ всей системы законодательства нѣкоторыя части законовъ гражданскихъ Литовскаго Статута имѣютъ свое дѣйствіе, но и этотъ остатокъ дѣйствующихъ постановленій не только не находится въ рѣзкой противоположности съ общими россійскими гражданскими законами, но даже въ нѣкоторыхъ пунктахъ представляеть маловажное различие. По сему лишить силы и дѣйствія этихъ постановленій было бы дѣло совершенно безразличное для дворянства малороссійскихъ губерній. Привилегіи, которыми дворянство пользовалось и пользуется по высочайшей монаршѣ милости, если содержатся въ Литовскомъ Статутѣ, то однѣ изъ нихъ уже уничтожены, а другія оставлены и подтверждены высочайшими указами, слѣдовательно продолжить дѣйствіе Литовскаго Статута для дворянства въ этомъ отношеніи бесполезно. Но все это, какъ безразличное, ничто не значитъ въ сравненіи съ тѣми невыгодами и вредомъ, какія можно замѣтить въ дѣйствіи Статута и которыхъ касаются какъ правительства, такъ и подданныхъ.

2) Литовскій Статутъ получилъ свое начало въ концѣ среднихъ вѣковъ и потому содѣржть въ себѣ законы устарѣвшіе, неприличные настоящему состоянію промышленности, степени образованія и вообще духу времени. Отъ этого происходитъ, что судебнаго мѣста

малороссійскихъ губерній часто бывають не въ состоянії примѣнить извѣстнаго закона къ настоящему быту и съ одной стороны обращаются для разрѣшенія своихъ недоумѣній въ высшія присутственныя мѣста и тѣмъ затрудняютъ и излишне умножаютъ сумму дѣлъ, съ другой стороны замедляютъ ходъ дѣлъ, что, какъ извѣстно, имѣеть чрезвычайныя невыгоды для обѣихъ тѣжущихъ сторонъ. Если-же и прилагаютъ извѣстный законъ къ дѣйствительности, то это приложено бываетъ насильственно и потому вредно. Почти всѣ государства Западной Европы могутъ служить въ этомъ отношеніи примѣромъ: однѣ изъ нихъ перенесли, а другія еще переносятъ то зло, какое проходитъ отъ дѣйствія устарѣвшихъ законовъ. Въ особенности правила и обряды судопроизводства въ Литовскомъ Статутѣ такого свойства, что растягиваютъ ходъ дѣлъ на долгое время, отъ того рождается и образуется пристрастіе къ тѣжбамъ. Самая важная невыгода отъ дѣйствія Литовскаго Статута содержится въ неопределѣленности круга его дѣйствія. До сего времени остается малоизвѣстнымъ, какія его статьи исключительно должны имѣть свое дѣйствіе и отъ этой неопределѣленности происходитъ, что а) суды часто употребляютъ произволъ и одно и тоже дѣло могутъ решать по Литовскому Статуту и по Своду Общихъ Законовъ; б) отъ этого являются аппеляціи тѣжущихъ лицъ; с) ходъ дѣлъ замедляется какъ въ низшихъ, такъ и въ высшихъ судебныхъ мѣстахъ. Суды и чиновники, особенно изъ великороссіянъ, или почитая его совершенно неудобнымъ къ дѣйстію и привыкнувъ къ общимъ законамъ, оставляютъ Статутъ безъ употребленія, отъ чего также проходитъ вышеозначенные невыгоды.

3) Независимо отъ сего, прекращеніе дѣйствія Литовскаго Статута можетъ доставить положительную пользу. При всеобщемъ однообразіи постановленій познаніе законодательства облегчится въ области теоріи и практики, а труды законодательной власти сократятся, и отъ того дѣйствіе ея будетъ свободнѣе и проще. Тоже однообразіе производить то, что характеры націй, разделенныхъ нѣкогда внѣшними обстоятельствами, совершенно сроднятся съ собою, а единство духа двухъ націй одного Государства безъ сомнѣнія имѣть важное вліяніе на благоденствіе и величіе его.

4) Наконецъ, желаніе самаго правительства совершенно согласно съ изложенными мною мнѣніемъ, и это желаніе безъ сомнѣнія основывается на побужденіяхъ уважительныхъ, потому что правительство можетъ удобнѣе наблюдать и сознавать нужды своихъ

подданныхъ. Съ давнаго времени въ различныхъ своихъ постановленіяхъ правительство замѣчало, что право, дѣйствующее въ Малороссіи, не достаточно, и желало исправить и даже вновь сочинить законы для Малороссіи. А). Въ государствование Елизаветы Петровны 1761-го года, августа 31-го въ сенатскомъ указѣ замѣчено: что Литовскій Статутъ недостаточенъ, и по причинѣ перемѣнъ времени надлежитъ сочинить новые законы, а потому въ томъ же указѣ повелѣвается малороссійскому гетману опредѣлить особливыхъ людей для разсмотрѣнія Статута. Въ слѣдствіе сего составлена была комиссія, но труды ея, даже продолжительные, не имѣли успѣха по различнымъ причинамъ. В). Въ Высочайшѣ утвержденномъ мнѣніи государственного совѣта 1826 года октября 9 сказано, что государственный совѣтъ, уваживъ во первыхъ недостатокъ польскихъ законовъ обѣ опекахъ, а во вторыхъ пользу отъ введенія однообразнаго по всему государству постановленія, положилъ: во всемъ, что касается должности опекъ въ губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ и малороссійскихъ, руководствоваться тѣми же постановленіями, которыхъ уже изданы и впредь издаваться будутъ для великороссійскихъ губерній. С). Недостатокъ и неудобство въ приложеніи къ дѣламъ постановленій Литовскаго Статута замѣчается въ высочайшѣ утвержденномъ мнѣніи государственного совѣта 1826 года іюля 11-го. D). Впрочемъ всего яснѣе видно это мнѣніе правительства въ указѣ настоящаго года, по которому дѣйствіе Литовскаго Статута вѣрѣно прекратить на всегда въ губерніяхъ отъ Польши возвращенныхъ, и въ кіевской. Подобный указъ безъ сомнѣнія со временемъ будетъ изданъ и для малороссійскихъ губерній. Потому что судьба мѣстныхъ и особыхъ законовъ всегда бываетъ одинакова: они мало по малу теряютъ свою силу и наконецъ совершенно исчезаютъ, особенно въ то время, когда народъ, который ими управляется, оставляетъ свою національность. Даже въ Грузіи, гдѣ законодательство основано на началахъ азіатскихъ, совершенно отличныхъ отъ началъ общаго россійского законодательства, сіе послѣднее постепенно получаетъ тамъ свою силу. Объяснивъ свое мнѣніе, я заключаю, что пора дво-риству малороссійскихъ губерній исключить изъ круга политическаго дѣйствія прежнее свое законодательство, которое оно приняло за два вѣка предъ симъ, отъ націи чуждой и уже потерявшей свою самостоятельность, — націи, которая сама со временемъ покорится дѣйствіямъ общаго законодательства. Пора принять ему законодательство, дѣйствующее въ великороссійскихъ губерніяхъ, тѣмъ бо-

лѣе, что великороссіяне и малороссіяне соединяются издавна однѣми и тѣми же общественными узами,—одною православною религіею, самодержавіемъ и однообразнымъ воспитаніемъ, и только остается одна черта, повидимому, отдѣляющая ихъ—это Литовскій Статутъ, котораго дѣйствіе посему надлежить уничтожить на всегда и повергнуть о семъ всеподданійшее прошеніе на высочайшее разрѣшеніе.

Предводитель дворянства генералъ маіоръ Селецкій.

Сообщилъ графъ Г. А. Милорадовичъ.

Черты изъ быта духовенства XVIII в. Если для характеристики общественной или сословной нравственности статистика даетъ лишь нѣмое указаніе на количество фактовъ извѣстнаго порядка, то письменные памятники и судебные акты или административныя распоряженія показываютъ, въ какихъ формахъ проявляются эти факты. Для полнаго качественного опредѣленія степени нравственности западно-руssкаго чернаго духовенства и служить предлагаемый ниже документъ, найденный мной въ связкѣ ставленныхъ грамотъ, хранящихся въ библиотекѣ Кіево-Печерской Лавры.

Кіево-Печерскія Лавры приписаного заграничнаго Свято-Преображенскаго Датловицкаго монастыря игумену пречестному іеромонаху Іоакиму.

Отправленные отъ вашей пречестности въ лавру подданные Иванъ Контеvичъ, Григорій Шижевскій и при нихъ іеродіаконъ Елисѣй съ пріоредѣленіемъ отъ Сорокошицкаго управлениія іеромонаха Зинона нарочнымъ присмотрѣцомъ, въ Лавру прибыли и посланные отъ васъ сюда разные письма, изъ которыхъ Елисѣемъ многіе содраны, представлены въ ящики сложенные и какъ изъ реестра, между тѣми содранными письмами сыскавшагося, оказались, что и антическіе старые посланы, но оныхъ въ томъ ящики не явилось, то оные подданные и Елисѣй были о вышеписанномъ спрошваны, почему и оказалось, что Елисѣй, по прибытіи въ село лаврское Сорокошичи, бывшіе въ ящики письма подралъ и по разнымъ мѣстамъ разбросалъ съ такимъ умышленіемъ, чтобъ въ лаврѣ

о представляемыхъ отъ васъ его худыхъ поступкахъ не было извѣстно; а изъ антиминсовъ два отважился употребить себѣ на обувь и по-тоиталь, третимъ же шю обовязывалъ, не вѣдай якобы что антиминсы, а признавая негодными платками, о какихъ худыхъ и бого-противныхъ его поступкахъ производится дѣло нынѣ, а онъ самъ со-держится въ жѣлѣзахъ подъ крѣпкимъ (карауломъ) присмотромъ. А яко по прописанному реестру значится въ отправкѣ въ лавру не мало исковъ, но съ оныхъ много не явилось, а иѣкоторыхъ куски хотя и сложены здѣсь и скопиеваны, еднакъ всей той, какова огъ васъ была послана, экспедиціи въ лавру необходимо потребно под-линной за вашимъ подписомъ (реестръ), а при томъ небыло-ль въ лавру по дѣламъ монастырскимъ и сверхъ значащихся по реестру представленій; для того опредѣлено послать къ вамъ при ордерѣ изъ онаго реестру (выписку) съ отмѣткою, что явилось, а чего нѣть, кою и въ якомъ тѣ репорты, доношенія и при нихъ сообщенія разнія, конъ подраны и конихъ во вся не явилось, въ такомъ обстоятельствѣ какъ прежде отправлены были изъ черныхъ отиусковъ написать и, подписавъ своей рукой, немедленно въ лавру прислать; изъ монашествующихъ же впредь никого безъ дозволенія лавры изъ Дятловицкаго монастыря сюда отнюдь не присылать, опасаясь за то истизанія и отвѣта; а если кто изъ нихъ будетъ имѣть непорадоч-ные поступки и оказыватиметь вамъ сопротивленія, таковыхъ какъ велокорныхъ въ силу даннаго вамъ патента, не докладаясь въ лавру, смотря по винѣ штрафовать. Буди жъ изъ чіихъ поступковъ окажется дѣло, которое требоватиметь рѣшенія лаврскаго или по какимъ либо важнымъ причинамъ, держать тамо кого изъ братіи далѣе отнюдь не слѣдоватиметь, въ такомъ случаѣ представлять въ Лавру обстоятельно и ожидать резолюціи. Поелику же вышеписанные антиминсы оказа-лись совсѣмъ замарапіе и потоптаніе, такъ что какихъ оніе церквей, въ какихъ годахъ и отъ конихъ архиереевъ данные и усмотрѣть почти не можно; сверхъ же того, хотя на одномъ изъ оныхъ и видно, что были запити въ немъ и мощы святые, но оные вами-ль вынуты, или жъ съ тѣми мощами и посланъ антиминсъ, знать не по чему; на другихъ же двохъ о мощахъ никакихъ знаковъ не видно; для того вамъ во всѣхъ ли антиминсахъ были святые мощи или въ одномъ оныхъ и при отправкѣ въ лавру вынуты-ль вами или съ оными от-правлены и нѣть ли записки при монастырѣ обстоятельной отъ ка-кихъ архиереевъ и прямо ли въ Дятловицкій монастырь или онаго

въ села и въ якіе церкви къ священнослуженію и въ какихъ годахъ выданы были, выправясь обстоятельно реепортовать въ возможной скорости чрезъ нарочного, дабы въ рѣшениі толь важнаго дѣла остановки не происходило и вашей пречестности объ ономъ вѣдать и исполнить по сему.

Архимандріть Зосима зъ великія Кіево-Печерскія Лавры.

1770 г. генваря 26 дні.

И. Каманинъ.

Стихотвореніе П. П. Гулака - Артемовскаго. Однимъ изъ родственниковъ П. П. Гулака-Артемовскаго любезно предоставлены въ наше распоряженіе нѣкоторыя изъ не напечатанныхъ еще произведеній покойнаго поэта, а именно: 4 псалма въ переложеніи на малорусскую рѣчь и 1 стихотвореніе по поводу послѣдняго экзамена въ Полтавскомъ Институтѣ 6 февр. 1854 г., на малорусскомъ же языкѣ. Стихотвореніе по поводу институтскаго экзамена, сообщено намъ не въ подлиннике. Псалмы датированы 1857 г. Харьковъ, а стихотвореніе—6 февраля 1854 г., когда онъ по какому-то поводу їздилъ изъ Харькова производить экзаменъ въ Полтавскомъ Институтѣ. За сообщеніе этихъ материаловъ считаемъ долгомъ принести глубочайшую признательность А. Гулаку-Артемовскому.

Въ заключеніе послѣдняго экзамена въ Полтавскомъ институтѣ 6 февраля 1854 г.

У Полтавы—въ славнѣмъ мистѣ,
Будинки блізуть:
Въ тыхъ будинкахъ дивчатъ зъ двинти,
Мовъ макъ червоніютъ.

Богтузица жъ ти дивчата
Та не зъ парубками;
На ослицяхъ—пташената—
Сидять за книжками.

Зъ стамбулками въ пальчикахъ,
Стыхъ свій у часловци
Промовляють... ну! до ката!
Ажъ трищть въ головци!

Хто жъ имъ стихъ оцей трудненький,
Такъ завдавъ раневъко?
Извъ Харькова дахъ старенъкий,
Петро Гулаченко.

Чо гожъ взялисъ ти девчатка
За той стихъ въ часловца?
Щобъ погладыла паньматка
Ихъ, бачъ, по головци!

Хто жъ ихъ маты? Хто родына
Объ ихъ печалыцца?
Ихъ родына — Украина,
А маты — Царыца!

Грае квочка на сматтачу,
Курчатокъ склыкае:
Клыче й ненъка сыроточку,
Въ свитлыцахъ прыймае.

Пестрѣ іи й догладае,
За нею слидкуе,
Пысьму и розуму навчае,
Зодига й годуе.

Чкурунувъ поштарь до царыци
Зтъ депортомъ-то смыи,
Объ тимъ—вже стихъ свій въ тій книжца
Паниочки довчилы¹).

¹⁾ Очевидно, что-то испорчено въ этихъ двухъ стихахъ.

Ну!.. чухрай же й ты, Гулаче,
У Харьків що—мога,
Бо тамъ зъ дитинъ жицка плаче
Жде тебе—небога!

6 февраля 1854 г. Полтава.

Мелкія ізвѣстія.

Археологическая экскурсія. Какъ сообщаетъ газета «Жизнь и Искусство», секретаремъ херсонскаго губернскаго статистическаго комитета и хранителемъ музея при этомъ комитете В. И. Гопкевичемъ по порученію археологической комиссіи, въ промежутокъ времени между половиною августа и концемъ октября, были предприняты археологическая экскурсія, направленная вверхъ по правому берегу Днѣпра и затѣмъ по тому же берегу до Станислава, отъ Станислава вверхъ по лѣвому берегу Буга до с. Кисляковки, причемъ г. Гопкевичемъ осмотрѣнъ и описанъ рядъ древнихъ городищъ, встрѣчающихся по этимъ берегамъ. Общий характеръ этихъ городищъ, по сообщенію названной газеты, можетъ быть представленъ въ такихъ чертакахъ: каждое изъ нихъ расположено на крутомъ обрывистомъ берегу рѣки, представляющемъ естественную защиту отъ нападений, а съ остальныхъ сторонъ—окружено валами, нерѣдко хорошо сохранившимися; каждое городище переполнено остатками строительныхъ материаловъ и черепками большихъ кувшиновъ и мелкой посуды. Такихъ городищъ на указанномъ протяженіи найдено около пятнадцати. Изъ нихъ болѣе интереснымъ представляется такъ называемое Пропастное городище, расположенное надъ глубокой балкой такого же имени вблизи Бузюкова монастыря. Кроме осмотра древнихъ городищъ, произведены были раскопки кургановъ. Всѣхъ кургановъ было вскрыто пять: два въ имѣніи Н. И. Блажкова, на берегу Днѣпра, и три вблизи с. Архангельского, Александровской волости. Изъ ввхъ въ четырехъ курганахъ найдены только останки покойниковъ безъ всякихъ вещей; вскрытие же пятаго кургана, расположенного по сѣдству съ извѣстной Бузинянской могилой, дало болѣе интересные результаты. Онъ заключалъ въ себѣ обширный склепъ, обставленный дубовыми плахами. Покойникъ лежалъ на каменныхъ плитахъ съ протянутыми вдоль туловища руками. На одной изъ ручныхъ костей найденъ браслетъ изъ чистаго золота; близъ шеи собрано 4 золотыхъ спиральки и янтарные бусы; у головы—30 костяныхъ стрѣль, ле-

жавшихъ повидимому въ колчанѣ, отъ которого не осталось слѣдовъ; у самого черепа найдены кусочки темновкрасной краски, а у бедра—желѣзный ножъ; дно склепа выбѣлено известью. Судя по характеру погребенія и найденнымъ вещамъ, г. Гошкевичъ относитъ открытую могилу къ скиескому періоду. За Бизюковымъ монастыремъ видны развалины какого-то древняго поселенія, не изслѣдованныя археологами. Оттуда г. Гошкевичемъ привезено въ херсонскій музей массивное мраморное изваяніе, на двухъ сторонахъ которого высѣчены кресты, а между ними-кипарисы и букетъ ирисовъ.

Къ вопросу объ уничтоженіи Ярославова вала. Статья г. Т. Кибальчича «Уничтоженіе древняго Ярославова вала въ Киевѣ», содержаніе которой было изложено въ октябрьской книжкѣ «Кievskoy Stariны», кромѣ замѣтки В. И. Щербины, помѣщенной въ ноябрьской книжкѣ нашего журнала, выгѣла еще и другія статьи. Въ виду возбужденной названною статьею среди нѣкоторыхъ ученыхъ обществъ тревоги, почетный членъ историческаго общества Нестора лѣтописца В. Б. Антоновичъ, производя разслѣдованіе мѣстности, отведенной подъ устраиваемый въ Киевѣ винный складъ, въ засѣданіи общества 15 октября прочелъ рефератъ, заключавшій въ себѣ разборъ статьи г. Кибальчича и напечатанный потомъ въ газетѣ «Kievskoe Slovo» (въ №№ 2798, 2806 и 2807). Подробно разсмотрѣвъ положенія Кибальчича, какъ историческія, такъ и археологическія, и доказавъ ошибочность этихъ положеній, В. Б. Антоновичъ не нашелъ возможнымъ признать, чтобы валъ, уничтоженный въ усадьбѣ, приобрѣтенной министерствомъ финансовъ для устройства винного склада, былъ частью того древняго вала, который былъ устроенъ Ярославомъ и для опредѣленія положенія котораго въ настоящее время не имѣется никакихъ данныхъ, кромѣ свѣдѣній о мѣстѣ нахожденія трехъ кievскихъ воротъ (Золотыхъ, сохранившихся донынѣ, Жидовскихъ, названныхъ впослѣдствіи Львовскими и находившихся на нынѣшней Львовской Площади,—и Лядскихъ, лежавшихъ при началѣ вынѣшней Софійской улицы), которая являются единственными данными, указывающими на географію древняго вала. Основываясь на планѣ Берлинскаго, В. Б. Антоновичъ высказалъ предположеніе что это вовсе не Ярославовъ валъ, а одинъ изъ ретраншементовъ Миниха, расширявшаго укрѣпленія стараго Кіева во время турецкой войны, въ 1736 году.—Въ дополненіе къ высказанному г. Антоновичемъ и по поводу новой статьи Кибальчича, В. З. Завитневичъ помѣстилъ въ «Kievskomъ Slove» (№ 2826) статью, въ ко-

торой находить, что вопросъ о времени происхожденія вала, упомянутаго въ усадьбѣ министерства финансовъ, можетъ быть категорически разрѣшены на основаніи помѣченаго 1745 годомъ плана, хранящагося въ музей кіевской духовной академіи, причемъ также, какъ и В. Б. Антоновичъ, приходить къ заключенію, что упомянутый валъ представляетъ собою одинъ изъ миниковскихъ ретраншементовъ и что мысль о томъ, чтобы этотъ рентраншементъ покрывалъ собою древній Ярославовъ валъ, такъ-же невозможна, какъ невозможно смышеніе вала Вобановской системы съ окопами древнерусскими. Какъ В. Б. Антоновичу, такъ и В. З. Завитневичу г. Кибальчичъ возражаетъ въ двухъ помѣщенныхъ въ газетѣ «Жизнь и Искусство» статьяхъ (одна въ № 308, 310, 315, 317, 322, 324, 329 и 331 и другая въ № 339), въ которыхъ старается опровергнуть положенія г. г. Антоновича и Завитневича и доказать вѣрность своихъ положеній.—Сообщая свѣдѣнія объ этихъ статьяхъ въ дополненіе къ помѣщенному въ октябрьской книжкѣ извѣстію о содержаніи первой статьи Кибальчича, мы не можемъ входить въ разсмотрѣніе доводовъ названныхъ авторовъ, такъ какъ разрѣшеніе возбуждаемаго ими вопроса требуетъ изложенія специальныхъ свѣдѣній, далеко превышающаго предѣлы «мелкихъ извѣстій», помѣщенныхъ въ настоящемъ отдѣлѣ, отъ которого, мы надѣемся, и наши читатели не станутъ требовать изслѣдованій по тѣмъ или другимъ специальнымъ вопросамъ, ибо все должно быть на своемъ мѣстѣ.

Еще одинъ изъ кіевскихъ валовъ. Какъ сообщаетъ газета «Кіевское Слово» (№ 2810), при производящейся въ настоящее время планировкѣ усадьбы Фабриціуса, выходящей на крещатицкую площадь, была снята часть горы, занимавшей правый уголъ двора, причемъ открылось обнаженіе, заключающее въ себѣ слѣды культурной жизни, на основаніи чего можно заключить, что эти возвышенности были никогда насыпаны искусственно. Вся гора, состоящая изъ сплошного лѣса, представляется раздѣленной пополамъ болѣе темнымъ слоемъ засыпанной когда-то почвы. Верхняя часть горы, менѣе однородная, и плотная чѣмъ нижняя, имѣть высоты около 5-ти саженей. Кроме продольныхъ полосъ, свидѣтельствующихъ, что эти части были никогда сооружены искусственно, она показываетъ еще нѣсколько вертикальныхъ, слегка наклонныхъ линій, обозначающихъ, какъ виослѣствіи было обнаружено, слѣды деревянныхъ стѣнъ, сложенныхъ изъ бревенъ на подобіе сруба. Двѣ изъ такихъ полосъ, пересекающихъ всю верхнюю часть горы, начиная отъ уровня древней почвы, тянут-

ся совершенно параллельно и даютъ поводъ предполагать, что нѣкогда онъ ограничивали собою землиную стѣну. Недавно изъ горы вывалилась нѣкоторая часть ея, причемъ на стѣнахъ оставшейся горы явственно обнаружился отпечатокъ угла бревенчатаго, совершенно истлѣвшаго сруба. При вывозкѣ обвалившейся земли были найдены желѣзный продолговатый наконечникъ какого-то колющаго орудія (небольшого копья или метательного дротика) и обрывокъ бронзовой широкой цѣпочки, очень оригинальной по формѣ. На горѣ, именуемой въ настоящее время, когда часть двора снята, 7 саженей высоты, находится еще второй валъ высотою въ нѣсколько саженей, насыпанный, очевидно, значительно позже нижней его части. Въ разное время, при вывозкѣ земли въ усадьбѣ Фабрициуса, было найдено не мало человѣческихъ скелетовъ, принадлежащихъ, судя по найденнымъ при нихъ предметамъ, концу XVII столѣтія. По мнѣнію людей свѣдущихъ, нижнюю часть искусственной возвышенности, съ заключающимися въ ней слѣдами древнихъ срубловъ, надо отнести къ XVII вѣку: это—остатокъ одного изъ воеводскихъ валовъ, раздѣявшихъ старый Кіевъ на нѣсколько частей; насыпанный же на немъ болѣе узкій валъ представляетъ вѣроятно укрѣпленіе, сооруженное Минихомъ, который воспользовался существовавшимъ возвышениемъ, чтобы лучше защищать эту часть города.

Подземные ходы въ Умани. Газетѣ «Жизнь и Искусство» (№ 344) сообщаютъ, что недавно, возлѣ существующей въ Умани «Европейской гостиницы», произошелъ обвалъ, и когда его раскопали на 4 квадратныхъ аршина, то обнаружилось четыре развѣтвленія подземнаго хода. Главная вѣтвь идетъ къ бывшему дворцу Потоцкаго, вторая—къ бывшему концертному залу, который въ прошломъ году передѣланъ въ православную церковь, третья—направляется черезъ проулокъ между домами Фишмана и Могиловича къ старому кладбищу, гдѣ въ 1825 г. былъ построенъ костелъ, а четвертая идетъ къ соседнему съ церковью одноэтажному домику. По словамъ одного изъ служащихъ въ названной гостинице, спускавшагося внизъ съ запасомъ свѣчей и спичекъ и ходившаго въ подземельѣ около 40 минутъ, стѣны и крыша подземнаго хода совершенно ровны и гладкія, точно цементированныя; въ одномъ мѣстѣ хода оказалась дверь. Раньше, года два тому назадъ, во второй части города рабочіе при постройкѣ открыли подземный ходъ, по которому ходили версты двѣ, по направленію къ Грекову лѣсу, а въ зданіи окружного суда, гдѣ раньше была базиліанская коллегія, имѣется начало тоннеля, идущаго

по направлению Царицына сада. Сообщая это изслѣдованіе, кореспондентъ газеты прибавляетъ, что извѣстіе всѣхъ этихъ подземныхъ ходовъ могло бы дать много интереснаго археологического матеріала.

Императоръ Александръ III о народномъ костюмѣ. Въ «Русскомъ Словѣ» г. Липранди разсказываетъ интересный случай изъ пребыванія Государя Императора Александра III на Волыни. Пере-даемъ словами автора: «29 августа 1890 г.», сообщаетъ г. Липранди, «обѣзжая мѣста расположенія маневрировавшихъ войскъ, Государь остановился въ селѣ Жерновѣ, дубенского уѣзда. Съ высокой горы здѣсь Государь смотрѣлъ на маневры; по обыкновенію народъ окружалъ его, внеряя взоры въ свѣтлыя очи и благоговѣйно любуясь его царственно величавой фигурой. Государь нѣжно озиралъ толпу, ласково и любовно отвѣчая на ея восторженныя привѣтствія. Вдругъ взоръ Государя остановился, лицо Государя принало серьезное выраженіе, онъ протянулъ руку и сдѣлалъ знакъ стоявшему въ толпѣ крестьянину, котораго ранѣе никто не замѣчалъ. Толпа, мигомъ раздвинулась и предъ свѣтлыя очи Государя предсталъ мужикъ въ «спиножакѣ» и брюкахъ на выпускѣ; на груди его красовалась медаль старшины.

— «Это что такое?», спросилъ его строго Государь, указывая на «спиножакъ».

— «Чемерка», Ваше Величество, отвѣчалъ оторопѣвшій старшина.

— «А ты кто?», спрашиваетъ Государь, пронизываю его своимъ строгимъ и вмѣстѣ добрымъ взглядомъ.

— Мужикъ, старшина...

— «Вотъ то-то», замѣтилъ Государь, — «Зачѣмъ же ты твої народный костюмъ мѣняешь на выдуманный, чужой, зная, что твои сермяга кровью предковъ оплачена для твоего украшенія? Да она и теплѣе, и въ работамъ твоимъ удобнѣе. Не смѣй мѣнять...»

Испуганный старшина стоять ни живъ, ни мертвъ, опустивъ голову и не смѣя даже взглянуть въ очи Государя.

— «А это что?», спрашиваетъ опять его Государь, указывая на выпущенные брюки.

— «Шароварки», отвѣчаетъ еле слышно поблѣдѣвшій старшина.

— «Опять замѣна», сказалъ Государь, — «зачѣмъ мѣнять? Оно и убыточно».

Пристыдивъ такимъ образомъ старшину и приказавъ ему быть вѣрнымъ доброй старинѣ и не тратиться на бесполезные выдумки, Государь отпустилъ его. Оторопѣвшій старшина упалъ въ ноги и,

заплакавъ, въ одинъ мигъ исчезъ, словно провалился сквозь землю. Выѣстѣ съ нимъ исчезло и нѣсколько другихъ пиджачниковъ, про-мѣнившихъ свой прадѣдовскій костюмъ на костюмъ заполонившихъ Волынь нѣмецкихъ колонистовъ.

Разсказавъ этотъ случай, г. Липранди прибавляетъ, что съ тѣхъ поръ въ той мѣстности, о которой идетъ рѣчь, онъ ни разу не встрѣчалъ крестьянъ въ нѣмецкомъ костюмѣ.

Академикъ В. В. Радловъ о томъ же предметѣ. Сотрудникъ «Петербургской газеты» сообщаетъ, что академикъ В. В. Радловъ, въ бесѣдѣ съ нимъ, высказывалъ сожалѣнія по поводу того, какъ быстро, за какія-нибудь 30—40 лѣтъ, уничтожаются характерныя особенности въ народномъ костюмѣ разныхъ мѣстностей Малороссіи: «въ прошломъ году», рассказывалъ В. В. Радловъ, «тудаѣзилъ изъ Петербурга одинъ изъ любителей этнографіи и, представьте, нашелъ всего двухъ стариковъ, которые брили себѣ головы по старинному. Найти малоросса или малороссіянку въ строго національномъ костюмѣ ему вовсе не удалось. Для того, чтобы фотографировать двухъ характерныхъ стариковъ, ему пришлось одѣвать ихъ въ привезенные съ собою костюмы. Точно такая-же неудача постигла его и съ малороссійскими вышивками: оригинальные образцы старинныхъ вышивокъ онъ разыскивалъ исключительно въ тряпье ча фабрикахъ бумаги; всѣ же остальные вышивки, которыхъ ему предлагали въ деревняхъ, оказывались сработанными по образцамъ и рисункамъ московскихъ фабрикъ. Конечно, для этнографа онъ никакой цѣны не имѣютъ».

Къ біографії Н. И. Костомарова. Въ «Полтавскихъ Губ. Вѣдомостяхъ» (1895 г. № 73) пасынокъ Н. И. Костомарова, подписьавшійся инициалами А. К.¹), помѣстилъ свои воспоминанія, въ которыхъ даетъ слѣдующія свѣдѣнія о пребываніи почившаго историка въ с. Дѣдовцахъ, прилукского уѣзда: «Николай Ивановичъ прїѣзжалъ къ намъ въ первые дни мая, прїѣзжалъ съ моей матерью²) и покойницей сестрой Соней³), въ сопровожденіи неизмѣнной горничной Ульяны, выросшей въ нашемъ домѣ и потомъ попавшей изъ Дѣдовецъ въ Петербургъ. За день-два передъ прїѣздомъ я получалъ телев-

¹) Въ печати не разъ упоминался о томъ, что дѣтамъ супруги Н. И. Костомарова отъ первого ея брака принадлежитъ фамилія — Кисель.

²) А. Л. Костомарова.

³) С. М. Кисель, въ замужествѣ — Котельникова.

грамму изъ Москвы или Курска, съ обозначеніемъ дня, а иногда и приблизительно часа пріѣзда, чтобы и обѣдъ былъ приготовленъ, и комнаты провѣтрены, такъ какъ Н. И. не любилъ жары и духоты.

Съ пріѣздомъ нашихъ петербуржцевъ (Н. И. чъ, моя матъ, сестра и Ульяна), живъ ихъ въ Дѣдовцахъ, за рѣдкими отклоненіями, протекала чрезвычайно регулярно, по точно опредѣленной программѣ. Въ шесть часовъ утра, или немного раньше, почившій историкъ просыпался и начиналъ кашлять, часто и варочно, чтобъ дать знать старому Федору (то же лѣтъ сорокъ живеть у насть во дворѣ, но въ Петербургѣ ве былъ), что онъ проснулся. По разнымъ такимъ звакамъ Федоръ вносилъ ему вычищенные сапоги, помогалъ ему одѣваться и затѣмъ выносилъ ему въ экипажъ простыню, провожая его съ крыльца до подножки экипажа, который увозилъ его на Кустовцы (предмѣстье Пріплукъ) купаться. Съ купанья онъ возвращался съ версту пѣшкомъ, чтобы согрѣться послѣ купанья въ холодной утренней водѣ, потомъ садился въ экипажъ и къ восьми часамъ прѣѣжалъ къ утреннему чаю. Въ праздники и воскресенія Н. И. прїѣжалъ къ завтраку (12 час.), такъ какъ послѣ купанья молился въ кустовской церкви, священникъ которой всегда подносила ему просфору.

Отъ чая до завтрака Н. И. съ моей матерью уходили въ его кабинетъ (онъ же и его спальня). Тамъ они садились за длиннымъ письменнымъ столомъ, за которымъ я теперь пишу эти строки, одинъ противъ другого; матушка мой писала подъ его диктовку какую либо историческую монографію, а онъ сидѣлъ, разложивъ передъ собой записи, вымѣтки изъ архивовъ, и диктовалъ. Послѣ завтрака являлась неизмѣнная наша сосѣдка Марія Петровна Савченко и читала, Николаю Ивановичу книги на французскомъ языкѣ. Къ обѣду Н. И. выходилъ изъ гостиной, гдѣ они читали (иногда моя матушка, иногда и покойница сестра) ровно въ четыре часа. Къ обѣду подавалась селедка или балыкъ; обѣдъ обыкновенно состоялъ изъ трехъ блюдъ, послѣ обѣда—чай. Черезъ часъ послѣ чая Николай Ивановичъ (а если былъ, то и Данило Лукичъ Мордовцевъ), мама и сестра проходили нашимъ садомъ черезъ калитку въ садъсосѣда Савченко, а оттуда Н. И. съ Маріей Петровной чаще всего—на высокую Бакумову гору за селомъ.

Когда они проходили селомъ, дѣвочки и мальчики сбѣгались къ нимъ, сопровождали ихъ на Бакумову гору, и тамъ, пока «старый панъ съ барыней покурятъ и побалакаютъ», они пѣли имъ пѣсни, играли въ разныя игры. Къ десяти часамъ вечера всѣ воз-

возвращались домой къ вечернему чаю; Марія Петровна приходила всегда, а нокойный ея супругъ взрѣдка. Послѣ чаю Николай Ивановичъ съ Марией Петровной уходили гулять по саду, гдѣ всегда оживленно разговаривали, матушка же моя, послѣ бывшаго у нея воспаленія легкихъ, боялась гулять въ прохладныя лѣтнія ночи. Иногда всѣ обитатели нашего дома выходили и разсаживались на крыльца, разговаривая о томъ о другомъ. Въ полночь всѣ расходились спать, Николай Ивановичъ уходилъ въ садъ молиться, потомъ Федоръ раздѣвалъ его, вытирая по совѣту доктора Кошлакова мокрымъ полотенцемъ, и въ домѣ тушались огни.

Такъ продолжалось изо дня въ день. Дожди и холодъ не служили препятствиемъ къ купанью Николаю Ивановичу; послѣ такихъ купаній онъ кашлялъ, но винилъ не купанье, къ которому, какъ онъ говорилъ, хорошо пріучаетъ Нева. Пріѣзды Василія Петровича Горленко, или кого другого, измѣняли программу жизни Николая Ивановича въ Дѣдовцахъ, но въ общемъ она рѣдко измѣнялась до первыхъ чиселъ сентября, когда я провожалъ всѣхъ нашихъ петербуржцевъ на далекій сѣверъ. Оставались мы съ женою вдвоемъ и ждали ихъ опять съ весной слѣдующаго года».

Сравнивая прошлое съ настоящимъ, авторъ прибавляетъ: «бывшая крестьянскія дѣти, которымъ особенно любили сопровождать почившаго историка на Бакумову гору, о которой въ то время писалъ Д. Л. Мордовцевъ, уже выросли, вныи изъ бывшихъ дѣвочекъ уже вышли замужъ: нынѣшнія наши крестьянскія дѣти не знаютъ его. Старый поваръ Федоръ, служившій лѣтомъ въ Дѣдовцахъ одновременно и лакеемъ почившему историку, значительно, конечно, постарѣлъ, также и священникъ нашъ, обвѣнчавшій 9 мая 1875 года Николая Ивановича съ мою матерью. Сосѣдъ нашъ А. П. Савченко уже два года какъ умеръ, а жена его Марія Петровна, замѣнившая почившему историку мою мать чтенiemъ французскихъ историческихъ сочиненій, постарѣла и осунулась. Только рядъ вѣковыхъ тополей въ нашемъ саду, груша, подъ которой молился въ лѣтнія тихія ночи почившій историкъ, дѣдовская и кустовская церкви, которымъ онъ съ любовью и охотой посѣщалъ—это все осталось безъ перемѣнъ, а мы, люди, всѣ перемѣнились...».

Зашита диссертациіи. 10 декабря, въ залѣ торжественныхъ засѣданій университета св. Владимира, П. А. Ивацовъ публично защищалъ диссертацио на степень магистра русской исторіи. Изъ прочитанныхъ деканомъ историко-филологического факультета Т. Д. Фло-

ринскимъ краткихъ біографическихъ свѣдѣній о диссертантѣ видно, что послѣдній родился въ херсонской губерніи, первоначальное образование получилъ въ кіевской шестиклассной прогимназіи и затѣмъ завершилъ свое среднее образование въ новгородъ-съверской гимназіи. Поступивъ потомъ на медицинскій факультетъ университета св. Владимира, Ивановъ черезъ два года перешелъ на историко филологический факультетъ, по которому и окончилъ курсъ въ 1880 г. со степенью кандидата. Съ 1887 года началась его педагогическая дѣятельность въ качествѣ учителя исторіи и географіи сначала въ Николаевской, а затѣмъ въ одесской Маріинской женской гимназіи. Въ теченіе этого времени Ивановъ работалъ въ нѣкоторыхъ архивахъ и напечаталъ нѣсколько сочиненій исторического содержанія, а въ февралѣ 1893 г. выдержалъ въ университетѣ св. Владимира магистерскій экзаменъ. Представленная имъ диссертация носить название «Историческая судьбы Волынской земли съ древнѣйшихъ временъ до XIV вѣка» и распадается на три части. Въ первой части рассматривается исторія заселенія Волыни, начиная съ самыхъ древнѣйшихъ временъ; во второй части описывается вицѣальная исторія Волынской земли; послѣдняя, самая существенная часть посвящена обзору внутренней исторіи Волыни. Официальными оппонентами были профессора В. Б. Антоновичъ и И. В. Голубовскій, которые, сдѣлавъ нѣкоторые возраженія частнаго характера, признали трудъ заслуживающимъ вниманія. Послѣ публичной защиты диссертациіи Ивановъ былъ призванъ историко-филологическимъ факультетомъ постійнымъ званіемъ магистра русской исторіи.

Новыя оперы на сюжеты изъ повѣстей Н. В. Гоголя. Въ майской книгѣ «Кіевской Старинѣ» мы сообщали о постановкѣ въ Туринѣ оперы итальянского композитора А. Берутти на сюжетъ изъ повѣсти Н. В. Гоголя «Тарасъ Бульба», а въ настоящее время Рикорди издана партитура этой оперы. Между тѣмъ въ Петербургѣ, на сценѣ Маріинскаго театра, готовилась къ постановкѣ (и теперь, можетъ быть уже поставлена) новая опера Римскаго-Корсакова на сюжетъ изъ другой повѣсти Н. В. Гоголя—«Ночь наканунѣ Рождества». Это будетъ уже четвертая опера на сюжеты изъ названной повѣсти (три принадлежатъ П. И. Чайковскому и Н. Ф. Соловьеву) и Н. В. Лисенку.

«Власть тьмы» на малорусскомъ языке. «Одесскія Новости» сообщаютъ что поставленную недавно въ Кіевѣ пьесу «Власть тьмы» г-жа Л. Д. Левитоя перевела на малорусскій языкъ и что на по-

сланное ею гр. Л. Н. Толстому письмо съ просьбой о разрѣшениі напечатать и поставить на сцену этотъ переводъ, получился на дніхъ изъ Ясной Поляны отвѣтъ, въ которомъ гр. Л. Н. Толстой благодаритъ за переводъ его пьесы и съ удовольствіемъ соглашается на популяризациѣ ея на малорусскомъ языкѣ. Не находя сдѣланнаго г-жею Левитонъ выборъ Пьесы для перевода удачнымъ, отмѣчаемъ это извѣстіе, какъ представляющее интересъ свѣдѣніями о томъ, какъ «великій писатель земли русской» относится къ переводамъ его произведеній на малорусскій языкъ.

Новое археологическое издание. По сообщенію той же газеты въ засѣданіи Одесского общества исторіи и древностей недавно разрѣшено вопросъ о новомъ изданіи подъ названіемъ «Музей Императорскаго Одесского общества исторіи и древностей». Изданіе это будетъ выходить въ неопределенные сроки, отдѣльными выпусками, въ которыхъ, кромѣ текста, будутъ помѣщаться изображенія предметовъ, какъ находящихся въ музей общества, такъ и другихъ имѣющихъ значеніе для археологии вообще. Первый выпускъ будетъ посвященъ терракотѣ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Бѣлорусское Полѣсье. Сборникъ этнографическихъ матеріаловъ, собранныхъ М. Довнаромъ-Запольскимъ Вып. I. Пѣсни пинчуковъ. Съ приложениемъ карты съверной части уѣзда и статьи о говорѣ. Кіевъ 1895 (изъ „Унів. Изв.“), стр. XXVIII+203.

Заглавіе книги—довольно странно.

На стр. XXVII авторъ говоритъ: «Пинскій говоръ относится къ группѣ говоровъ сосѣднихъ губерній (т. е. Волынской и Гродненской). Группу этихъ говоровъ можно назвать полѣсской. Ея малорусская основа не подлежитъ сомнѣнію... Слѣдуетъ еще прибавить уже высказанный мною (на многихъ страницахъ раньше) выводъ о границахъ говора съ бѣлорусскими: на съверѣ и съверо-востокѣ онъ отдѣляется отъ бѣлорусскихъ болотами и прекращается круто; на востокѣ, на Горыни, переходъ менѣе замѣтенъ, но за Горынью уже господствуетъ бѣлорусское нарѣчіе не'безъ вліянія однако пинского».

Сирашивается послѣ этого: почему же книга названа «Бѣлорусское Полѣсье»?

Странное заглавіе не мѣшаетъ, конечно, быть труду г. Довнара-Запольского въ высшей степени цѣннымъ вкладомъ въ этнографію. Пинскій уѣздъ до сихъ поръ былъ областью, чрезвычайно мало изслѣдованной какъ въ этнографическомъ, такъ еще болѣе въ филологическомъ отношеніи: теперь, послѣ изслѣдований г. Довнара, занятаго преимущественно *пограничными* мѣстностями Пинщины и уяснившаго границы ея съ Бѣлоруссіей, она ужъ не можетъ счи-таться *terra incognita*. Чтобы понять значеніе книги г. Довнара-Запольского, достаточно привести заглавія отдельныхъ рубрикъ:

1) Введеніе (стр. I—VII),—въ немъ авторъ не только излагаетъ тѣ принципы, по которымъ произведены изслѣдованія и редактированія сборникъ, но разсыпаетъ также немало интересныхъ этнографическихъ сообщеній (каково, напр., народное дѣление *есъхъ* пѣсень по временамъ года). 2) Говоръ Пличуковъ (стр. VIII—XXVIII)—статья, очень цѣнная по даннымъ. 3) Пѣсни обрядовыя (стр. 1—52), съ приложеніемъ описанія свадьбы въ пинскомъ уѣзда (135—141), и 4) пѣсни необрядовыя (озаглавлены: «Пѣсни лирическія», — стр. 52—135). Записи, понятно, сдѣланы фонетически и часто пропѣрены вторично. Желаніе дополнить скучныя свѣдѣнія о границахъ полѣсскихъ говоровъ побудило г. Довнара-Запольскаго помѣстить въ приложеніи двѣ записи не изъ собственной инициативы: одну — изъ мозырскаго уѣзда, другую — изъ Гродненскаго (стр. 141—157). Ко всему этому материалу сдѣланы необходимыя и важныя слѣдующія добавленія: а) примѣчанія къ пѣснямъ (стр. 157—184), б) словарь (185—194), в) указатель (195—203). Въ примѣчаніяхъ отмѣчаются многочисленные варианты къ каждой пѣснѣ, напечатанные въ различныхъ сборникахъ малорусскихъ, бѣлорусскихъ, великорусскихъ, польскихъ, литовскихъ и др., и указываются существующія этнографические изслѣдованія и замѣтки по поводу каждой пѣсенной темы, на языкахъ русскихъ и иностраннѣхъ; г. Довпаръ-Запольскій отличается огромной этнографической начитанностью, прекрасно знакомъ съ самыми мелкими сборниками и статьями въ современныхъ изданіяхъ, и этотъ отдельъ его труда послужитъ большими подспорьемъ для послѣдующихъ нашихъ этнографовъ. Съ большой похвалой надо отозваться и объ указателѣ, цѣль котораго, по словамъ автора (стр. 194),—намѣтить материалъ, какой представляютъ пинскія пѣсни для изученія приемовъ народнаго творчества; такимъ образомъ здѣсь отмѣчены общія пѣсни, образы, эпитеты и пр., а также и вѣковото-рые наиболѣе интересныя культурно-бытовыя темы пѣсень. Иные статьи указателя—это цѣлые изслѣдованія; такова напр., статья «Запѣви».

Понятно, что книга г. Довнара-Запольскаго заслуживаетъ наибольшихъ похвалъ и признательности этнографовъ и діалектологовъ. Мѣсяцъ тому назадъ Московское Император. Общество Любят. Естеств., Антроп. и Этногр. присудило ей премію имѣни вел. кн. Сергія Александровича. Но нельзя скрыть, что въ трудѣ почтенного этнографа есть вѣкоторые очень непріятные и нежелательные промахи. Авторъ—практическій знатокъ діалектовъ, но вовсе не филологъ и не грам-

матистъ, и это обстоятельство невыгодно отразилось въ обработкѣ матеріала. Говорагъ, что съ практической точки зреяіа очень хорошо и полезно — быть мало знакому съ грамматикой. Даіъ, напримѣръ, гордился своимъ незнаніемъ и боялся, что изученіе грамматики въ концѣ концевъ повредило бы его естественному чутью языка. Но если все это и такъ, то оно хорошо только до тѣхъ поръ, пока этнографъ занять ссыбираніемъ сырого матеріала: а какъ скоро онъ желаетъ дать ему подобающую обработку, то тутъ ужъ не обойтись безъ филологіи. Г. Довнаръ-Запольскій излагаетъ свои (очень цѣнныя) сообщенія въ такой формѣ, которая иногда и очень часто вызываетъ улыбку. Напр. будущее время «вечератиму» (неопр. пакл.+вспомог. глаголь) образовано, но его мнѣнію, съ помощью «суффикса М» (стр. XXIII) «Очицами» (тв. пад. множ. ч.) онъ понимаетъ какъ *двойствен.* число (стр. XXII). Мѣстоименіе «ты» (изъ *тъ+и*) якобы происходить изъ «тотъ» (*тъ+тъ*, удвоенная форма). Исторического взгляда на происхожденіе формъ и звуковъ у г. Довнара-Запольского совсѣмъ нѣть, и очень часто онъ архаизмы производить изъ фактовъ современныхъ, новѣйшихъ: напр., «заутра» изъ «савтра», «сватымъ» (гал. «сватим», дат. множ., церк.-слав. *сватомъ*) — изъ «сватамъ» и т. д., или наоборотъ — видѣть архаизмы тамъ, где ихъ нѣть. Приводя пинское произношеніе: *уге*, скогы, кага (=уже, скажи и —?каже или коза?), онъ говорить, что здѣсь звукъ *ζ* остался безъ смагченія (стр. XXVI); замѣчаніе это не понятно, потому что здѣсь вѣдь слышится звукъ *г*, а не *З*; если же авторъ хотѣлъ сказать, что современное, «*уге*» есть архаизмъ сравнительно съ «*уже*», то это мнѣніе не вѣрно, такъ-какъ противорѣчить показаніямъ исторіи языка. Произношеніе «*уге*» (равно какъ слободское «*каэ*» вм. «*каже*» или галицкое «*хлоэ*» вм. «*хлопче*») обусловлено небрежностью или желаніемъ сдѣлать облегченіе для языка; въ кіевской губерніи тѣхъ, кто произноситъ «*каэ*», «*невге*» и т. п., народъ называетъ «*гутгывыми*», или «*хняками*», т. е. гнусящими. Звукъ *ы* въ «*уломаты*» г. Довнаръ-Запольскій объясняетъ изъ «*а*» въ «*уломаты*», — т. е. видѣть здѣсь явленіе фонетическое; а оно — морфологическое! мы имѣемъ двѣло съ двуми глаголами разныхъ классовъ (четвертаго и пятаго). О капитальномъ фактѣ исторіи русскаго языка: о паденіи глухихъ гласныхъ и слѣдствіяхъ этого паденія — авторъ разбираемаго труда на имѣеть повидимому и малѣйшихъ свѣдѣній, а потому при объясненіи различныхъ фонетическихъ измѣненій звуковъ *о* и *е* онъ все время блуждаетъ только

вокругъ да около; напр., появленіе дифтонга *уо* въ «жуонка», «туом» и др. онъ сваливаетъ на удареніе, хотя признается, что въѣкоторыхъ ударяемыхъ слогахъ (напр., «худоба») звукъ *о* не переходить въ двугласный. Тѣхъ современныхъ звуковъ *о* и *е*, которые произошли изъ *ъ* и *ъ*, онъ не умѣетъ распознать отъ звуковъ *о* и *е* основныхъ, и т. д., и т. д. Достаточно и этихъ наудачу выхваченныхъ примѣровъ, чтобы понять, въ какой нежелательной формѣ изложены г. Довнаромъ Запольскимъ его интересныя и цѣнныя сообщенія.

Незнакомство съ исторіей языка вредно отразилось даже на выборѣ транскрипціи. Избравши, напр., букву *e* для обозначенія звука *мъякаю е* (какой слышится въ произношеніи великорусскомъ), г. Довнаръ-Запольскій для обозначенія «особаго *твърдаю* звука *е*» избралъ не букву *е*, какъ мы естественно ждали бы, но букву *е*, — а вѣдь она издавна означаетъ *е ѹотованное!* Правда, г. Довнаръ-Запольскій заранѣе оговорилъ это и предупредилъ читателя, какъ слѣдуетъ произносить его букву *е*, и все же съ непривычки очень трудно прочитать начертаніе *твърда* за *твърда*; — невольно читаешь: *тьельера*.

Отсутствіе филологического чутья и незнакомство съ филологической литературой вредно отразилось и на словарѣ. Въ иѣспѣ № 377 есть фраза: «У крыныци вода велищица», — г. Довнаръ-Запольскій ставить при послѣднемъ словѣ знакъ вопроса (стр. 62), ясно показывая этимъ, что даное слово для него необычно и не совсѣмъ понятно; и тѣмъ не менѣе (на стр. 185) онъ придумываетъ къ нему даже неопределеннное навлеченіе! Это неопр. и-ніе онъ пишетъ «велищытыса», причемъ послѣ *е* употребляется ужъ не букву *е* (т. е. твердоѣ *э*), но *е* (мягкое *э*). На самомъ же дѣлѣ *е* есть не что иное, какъ предлогъ-частица *ы*; пинское *велищыцица* равно украинскому *«вылыщиться»* или *«вылыскуется»* (сверкаетъ, блеститъ), а неопред. и-ніе будетъ *«вылыщатыся»* или *«вылыскуватыся»*; есть и простой глаголъ *«лыщаты»* (блистатъ, сверкать). Глаголъ *«лыщаты»*, конечно, очень хорошо знакомъ г. Довнару-Запольскому, и если бъ онъ имѣлъ какую-либо филологическую чуткость, то сразу угадалъ бы истинный смыслъ выраженія «вода велищица» (выраженія, замѣтимъ, вовсе нерѣдкаго, особенно въ двойномъ соединеніи: «лыщить» — «вылыщиться») и не написалъ бы въ «словарѣ» слѣдующей статейки: *«Велищытыса* (въ № 377: вода велищица) (какая непослѣдователь-

ность въ правописані! Бѣлорусы такъ говорятъ о водѣ, когда она стоитъ почти тихо, едва колеблется, тихо плещеть; припоминается, что припятскіе рыбаки употребляютъ этотъ глаголъ, говоря о рыбѣ, когда она слабо бьется на берегу, выброшенная съ тами». Сколько здѣсь наговорено ненужнаго, лишняго и въ концѣ концевъ все же неточнаго!—Возьмемъ еще другіе примѣры изъ словаря г. Довнара-Запольскаго. Автора затрудняетъ слово «боровинка». Онъ говоритъ: «Боровинка—бровое зелье, по Пискунову, но по Далю—порода мелкихъ, но хорошихъ яблокъ». Кто правъ, этого и Довнаръ-Запольскій рѣшить не берется. Существуютъ малорусскія слова на—«овина»: «садовына» и «городовына» (наряду съ «городына»), означающія все то, что растетъ въ саду, въ огородѣ. Существуютъ слова: «польовына», «лисовына»: все что произрастаетъ на полѣ, въ лѣсѣ,—отсюда иногда: самое пространство поля, лѣса. Существуетъ наконецъ слово «боровына», которое означаетъ: «все лѣсное, бровое» въ томъ числѣ «весь боръ въ совокупности», «пространство бора». Если г. Довнаръ-Запольскій раньше не слышалъ этого слова, то при малѣйшей филологической снаровкѣ легко догадался бы о его смыслѣ. Впрочемъ я думаю, что почтенный этнографъ даже слышалъ это слово и прежде, только забыть. Извѣстна малорусская свадебная пѣсня, напечатанная у Чубинскаго IV, 596: «Ой боромъ, боромъ, боровыною, а кто тамъ йиде вечерыною?» Эта пѣсня поется и у бѣлоруссовъ: она приводится въ одной изъ бѣлорусскихъ пьесокъ Дунина-Марцинкевича. Г. Довнаръ-Запольскій, самъ переиздавшій кое-что изъ Дунина-Марцинкевича, навѣрное читалъ эту пѣсню, и хотя слово «боровина» не попало въ бѣлорусской словарь Носовича, оно должно было бы вспомниться г. Довнару-Запольскому, такъ-какъ записанная имъ пѣсня № 270 очень напоминаетъ ту, которая у Дунина-Марцинкевича. Слово «жуковына», попадающееся въ пѣснѣ на стр. 151-й, въ словарь г. Довнара-Запольскаго не внесено, хотя туда внесены такія обычныя слова, какъ «барытыся», «блыха», «борониты», «брыйдкій» и др. Считать «жуковына» очень употребительнымъ словомъ, не требующимъ объясненія, авторъ не могъ, потому-что оно очень рѣдко, а въ бѣлорусскомъ словарѣ Носовича его нѣтъ: приходится думать что, г. Довнаръ-Запольскій, просто не зналъ этого слова. Оно—персидско-арабское и означаетъ «драгоценное украшеніе», но въ старинномъ русскомъ языке оно (сперва въ болѣе правильной формѣ «живовина», а потомъ въ рус-

сифицированной «жуковина», какъ будто отъ «жукъ») ¹⁾ обозначаетъ «черстень, въ который вдѣланы драгоценности»; въ такомъ значеніи слово сохраняется до сихъ поръ въ карпатскихъ горахъ, какъ видно, на Польши. Въ древне-русской литературѣ оно попадается часто.—*Додѣты* объяснено у г. Довн.-Запольского какъ «надѣсть». Это вѣрно. Но по малорусски есть и глаголъ «надѣсты» и (безъ предлога) «доисты»; не умѣя разбивать слова на составные части, г. Довн.-Запольский говоритъ, что «доила» — это есть прошедшее время къ «додѣты» наряду съ «додѣла» (стр. 186.)—На стр. 187 интересна одна строка: «Затѣты(й) (изъ «затнуты»)—tronутый; о деревѣ—надрубленный». Производя «тати» изъ «тьнути», авторъ, конечно, нарушаетъ учение о юсахъ, но нарушаетъ невольно и безсознательно, такъ-какъ (я сужу по переводу «tronутый») онъ и не догадывается о юсовомъ происхожденіи глагола «тьнути», а видѣть въ немъ видоизмѣненіе «тенуты» (tronуть). Переводъ «tronутый», разумѣется, не вѣренъ или не точенъ: и древнее, и нынѣшнее значеніе глагола «таты»—именно «рѣзать», «рубить»,—значеніе, которое г. Довнаръ-Запольскій примѣняетъ только по отношенію къ дереву.—Этимологія вообще хромаетъ въ его словарѣ: часто она ложна, а иногда и правильна, да слово подобрано не ближайшее. Напр. сказано: «Зотхнуты—вздохнуть, westchnenie вздохъ». Какъ будто нѣтъ ближайшаго слова *westchäf*! (Кажется вирочемъ, что Довнаръ-Запольский владѣеть польскимъ языкомъ не свободно, и потому нельзя его упрекать, что онъ не вспомнилъ *westchäf*: б. м. онъ его и не знаетъ). Да и въ чёмъ считать «зотхнуты» полонизмомъ? Древнія форма—*въздыхнити*; предлогъ *въ*, систематически переходить у малоруссовъ въ *ζ* (а у поляковъ *въ* не исчезаетъ зѣсь!), такъ что «зотхнуты» (вм. «здѣхнути»)—чистѣйшій малоруссазъ; въ тѣхъ малорусскихъ нарѣчіяхъ, гдѣ звучные не переходятъ въ отзвучные, до сихъ поръ говорится «зодхнуты» «зидхнуты».—Неполное знакомство съ польскимъ языкомъ и съ малорусскимъ ведеть не разъ къ неправильному исправленію словъ. На стр. 191 читаемъ: «Порада, порадонька—тотъ, съ кѣмъ можно посовѣтоваться; радость, счастье».—На стр. 190: «Напрыдыу—собств. на взглядъ», и даже Ж. иѣсни не показанъ! По малорусски «на пруды», «на прудыть», «на придыть»

¹⁾ Русифицированная форма „жуковина“ привела недавно одного изъ галицкихъ (очень почтенныхъ) филологовъ къ догадкѣ, что первые перстни дѣлались изъ жуковъ. („Записки Наук. Тов. им. Шевч.“, V библіогр., стр. 24).

(а въ полѣскомъ говорѣ вм. нашего «и» здѣсь «ы», какъ и въ «мы» вм. украинскаго «мій») значить «на удивленье» «на заглядѣнье», —то же, что «на прочудъ». Выраженіе это—обычное и не возбуждающее ни малѣшихъ сомнѣній. Въ «Пѣсняхъ пинчуковъ» оно встрѣчается въ № 354.—На стр. 193, «ородлыый» объясняется «дородный», какового значенія слово никогда не имѣеть.—На стр. 192: «Тканка—шерстистая матерія вообще». Почему «шерстистая»? Въ Галичинѣ тканкой называется даже особое головное женское украшеніе, состоящее изъ коралловъ или жемчужинъ. А вообще «тканка» значитъ «ткань». Подобныхъ неточностей у г. Довнаръ-Запольскаго много, и всеѣ ихъ приводить незачѣмъ.—Г. Довнаръ-Запольскій по-видимому искренно убѣжденъ, что за немногими исключеніями весь лексический репертуаръ пинчуковъ—белорусскій, а не малорусскій: множество обычныхъ малорусскихъ словъ объясняются у него по белорусскому словарю Носовича или по белорусскимъ сборникамъ пѣсенъ. Убѣжденіе это проистекаетъ не только отъ недостаточнаго практическаго знакомства съ малорусскимъ языкомъ (такого знакомства мы и не вправѣ требовать отъ специалиста-белорусса) но и отъ незнанія съ малорусскими словарями. Г. Довнаръ-Запольскій знаетъ изъ старыхъ малорусскихъ словарей только тотъ, который изданъ у Житецкаго, а словари Зизанія и Берынды ему незвестны: изъ новыхъ словарей онъ знаетъ только Закревскаго и Пискунова. Оба названныхъ словаря и кратки, и грѣшатъ крупными ошибками, особенно Пискуновскій, гдѣ, напр. «гнетъ» (скоро) переведено «другъ» (фраза: «гнѣть мылый прѣбуде»). Небольшой, но хороший словарчикъ Манжуры быль бы гораздо полезнѣе, а кроме того—неловко не звать о существованіи большого двухтомнаго (1117 стр.) словаря Желеховскаго!

И такъ со стороны филологической обработки трудъ г. Довнара-Запольскаго заслуживаетъ самыхъ большихъ упрековъ. Это почти единственная слабая его сторона. Говорю «почти», потому-что я способъ распределенія пѣсенъ также не заслуживаетъ особыхъ похвалъ. Пѣсни, по г. Довнару-Запольскому, распадаются на два разряда: А) обрядовыхъ и Б) лирическихъ. Какъ будто большинство пѣсенъ обрядовыхъ не такія же лирически! «Лирическія», не-обрядовые пѣсни подраздѣляются у г. Довнара-Запольскаго на девять категорій, причемъ въ основу дѣленія кладется не одинъ, а вѣсколько принциповъ: 1) весеннія, 2) лѣтнія, 3) дожинки, 4) осеннія, 5) зимнія, 6) Филипповскія, 7) женскія, 8) рекрутскія, чумацкія, козацкія

(въ сущности, это три особыхъ разряда) и 9) разныя. Послѣдняя рубрика («Разныя») особенно ярко свидѣтельствуетъ о несостоительности всей подобной классификаціи, противной самыи существеннымъ правиламъ логики. Пора наконецъ покончить съ рутиной! пора наконецъ примириться съ мыслю, что въ основу логического дѣленія можетъ лѣть *только одинъ* принципъ! А между тѣмъ наши этнографы (по крайней мѣрѣ великорусскіе) непремѣнно желаютъ сочетать въ одномъ дѣленіи хоть два принципа: напр. распределить пѣсни по содержанію и въ то же время не упустить изъ виду ихъ формы, или употребленія въ обрядѣ, въ результатѣ, понятно, получается хаосъ. Юго-Западный отдѣль Имп. Р. Геогр. Общества еще въ 1874 году ясно созналъ всю грубую нелогичность дѣленія пѣсень на обрядовыя и бытовыя и выработалъ свою особую программу, по которой однѣ пѣсни обрядовыя, напр., колядки, включены въ пѣсни культа, а другія, напр., свадебныя — въ семейныя. (Еще раньше, въ 1854-мъ году, проч. Метлинскій исключилъ свадебныя пѣсни изъ класса «пѣсень годовыхъ» и включилъ ихъ въ классъ «пѣсень житейскихъ»). По программѣ Юго-Зап. Отдѣла редактированы Лоначевскими Буковинскія пѣсни, собранные Купчакомъ (Записки Ю.-З. Отд., т. II), и надо признаться, что сборникъ Лоначевскаго стоитъ по своей обработкѣ безусловно выше всѣхъ другихъ этнографическихъ сборниковъ. Можно конечно, кое въ чёмъ не вполнѣ согласиться съ классификацией пѣсень Юго-Зап. Отдѣла (я, наприм. предпочелъ бы дѣлить лпрническіи пѣспи всего на три категоріи: 1) религіозно (иначе культо)-философско-этическія, 2) житейскія и 3) отрицательныя, т. е. скептическія, шутливыя, сатирическія, насенитныци и т. п.). но привычально нельзя не соглашаться съ Отдѣломъ. Всѣ возраженія и ссылки на то, что пѣсня важна не только содержаніемъ, но и ея народнымъ употребленіемъ, легко устраниются, если къ сборнику пѣсень, расположенныхъ по содержанію, будетъ приложенъ *указатель употребленія* пѣсень въ обрядѣ, или даже нѣсколько *указателей* сообразно возможнымъ нѣсколькимъ дѣленіямъ пѣсень по какому-либо тому или иному принципу. Но г. Довнарь-Запольскій предпочелъ не вводить новшество и держаться старинной, хотя и неправильной классификаціи.

А. Крымскій.

Евг. Ляцкій: Рецензія на „Бѣлорусское Полѣсье“ М. Довнаръ-Запольскаго („Этнографич. Обозрѣніе“ кн. XXVI, стр. 153—160).

Послѣ того, какъ моя рецензія на трудъ г. Довнаръ-Запольскаго была ужъ написана и отослана въ редакцію «Кіевской Старины», вышла въ свѣтъ XXVI книга «Этнографического обозрѣнія», содержащая въ себѣ рецензію г. Ляцкаго на тотъ же трудъ. Рецензія эта—очень дѣльная, дѣльная во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ филологического, или лучше сказать—діалектологического. Къ сожалѣнію, г. рецензентъ именно о послѣдней сторонѣ труда г. Довнара говоритъ съ чрезвычайнымъ апломбомъ, заявляя, напримѣръ, (вполнѣ основательно) что діалектологія данныхъ, собранныхъ авторомъ книги «Бѣлорусское Полѣсье», «представляютъ высокій научный интересъ». Положившись на мнѣнія г. Ляцкаго, компетентнаго въ «высокихъ научныхъ филологическихъ интересахъ», несвѣдущій читатель можетъ усвоить себѣ безусловно неправильныя мнѣнія о малорусскомъ языѣ вообще и не воспользуется нѣкоторыми данными пинского говора, какія указаны г. Довнаромъ-Запольскимъ и представляютъ дѣйствительно «высокій научный интересъ».

Одна изъ наиболѣе драгоценныхъ для филолога черты Пинского говора—окончаніе *oe* въ имен. падежѣ прилагательныхъ множ. ч., напр., «кыни (кони) всѣ уланьское». Г. Ляцкій говоритъ: «Позволяемъ себѣ выразить сомнѣніе, явственно ли слышалъ собиратель это *oe*. Рецензенту это окончаніе кажется страннымъ и немыслимымъ. Между тѣмъ въ старинныхъ малорусскихъ памятникахъ оно попадается довольно часто. Напр., въ грамотѣ 1499-го года, сохранившейся въ спискѣ 1736-го года, есть: «городое озера» (Антоновичъ и Козловскій: Грамоты великихъ князей литовскихъ. Кіевъ 1868, стр. 25). Въ наказѣ гетмана Димитрія Барабаша 1617-го г. («Кіевск. Старина 1883 май, 145) читаемъ: «цаши свое власное». Въ универсалѣ Мазепы 1691-го г. можно понимать не какъ род. пад. ед. ч., а какъ им. мн.: «свои козацкое службы», «свои тяглое по-винности» (Кіевск. Старина 1892 янв. 140). Въ интерлюдіяхъ Гаваттовича, составленныхъ на народномъ малорусскомъ языѣ и написанныхъ польскими буквами, окончаніе *oe* въ прилагательныхъ множ. ч.—очень часто. (Пользуюсь велатинской перепечаткой Драгоманова въ «Кіевской Старинѣ» 1883-го г., дек., сдѣланной съ печатнаго изданія 1619-го года, причемъ вм. «*o*» пишу «*u*», а вм. «*ui*» — «*uy*»): «Богъ хотилъ такое ричы на мене пустыты» (стр. 660),

«такое ричы наброилъ» (ib), «муры маєть золотое» (стр. 662), «суть (муры) червленое та свитное» (ib.), «суть тамъ и лыхое жонкы» (стр. 663) и др. Въ виду такихъ фактовъ, современное пинское окончаніе «ое» не должно возбуждать недоумѣній, а наоборотъ—должно быть привѣтствовано, какъ драгоценный фактъ, позволяющій безъ всякихъ сомнѣній объяснить появленіе звука *i* (буду писать *и*) въ имен. падежѣ множ. ч. прил. современного малорусского языка: «добри кони», «лыхи жинкы», «жовти чоботы», «червони черевыкы», «люби дивчата», «сыви голубы» и т. п. Нѣкогда существовало мнѣніе, будто это окончаніе *и* есть архаизмъ, т. е. будто оно восходитъ къ церковно-славянскому и старорусскому *и* въ досѣди, люби, чървени и т. п.: такое объясненіе страдаетъ вполнѣшей ненаучностью, потому что старорусское *и* звучитъ теперь у малороссовъ твердо (*ы*) а не легко (не *и*). Огоновскій (*Studien*, 135) выводитъ современное малорусское «добри» изъ винит. пад. множ. числа „*добрѣ*“ (что слѣдуетъ понимать какъ *добрѣ*, срв. *«Излѣдованія* Соболевскаго. Р. Ф. В. 1881, № 3, стр. 38); по мнѣнію Огоновскаго, изъ „*добрѣ*“ получилось «добрѣи», и окончаніе «ыи» стянулось въ «и». Въ этомъ объясненіи много непонятнаго. Не понятно, почему у малороссовъ только во множ. числѣ прилагательныхъ звуковой комплекс «ыи» долженъ былъ стянутться въ «и», а въ другихъ случаяхъ нѣтъ: ведь «помыси» не стянулось въ «шоми», «ши» не стянулось въ «ши», да и «мышишъ» (изъ параллельно живущаго «мыешь») не стянулось въ «мишъ», хотя всѣ эти фонемы скорѣе были бы понятны, чѣмъ «добри» изъ «добрѣи» (срв. *шыи* у Срезневскаго въ *«Свѣд. и Зам.»* т. III, стр. 164; *«уми*» въ его *«Древн. пам. russk. письма и яз.»* Изв. Ак. Н. X, 446 и 447; живое великорусское «мью», «мѣшъ» и т. д.— см. примѣч. въ *«Пермскомъ Сборн.»* 1859, кн. стр. 42). Непонятно также мнѣніе Огоновскаго, что «ыи» должно было стянутться именно въ «и», а не во что-нибудь иное: въ силу какого фонетического закона могло бы это произойти? Мы еще могли бы ждать, что «ыи» сократится въ «ый», мы еще могли бы ждать, что «ыи» стягнется въ «ы», но не имѣемъ никакихъ основаній думать, что изъ «ыи» моглобы получиться «и». Даѣще: если мы принятия теорію Огоновскаго, что малорусскія фонемы «добрѣи», «злыи», «молодыи», «билизи» и т. п. обращаются по законамъ малорусской фонетики въ «добри», «зли», «молоди», «били», то зато у насъ остались бы совсѣмъ безъ роду безъ племени другія формы

им. пад. мн. ч.: «добріji», «зліji», «молодіji», «біліji» и др.: или же пришлось бы предположить, что послѣднія формы—совсѣмъ—совсѣмъ новыя,—предположить въ противность показаніямъ исторіи языка!—Между тѣмъ современное пинское окончаніе *oe*, которое отмѣтилъ г. Довнаръ, поставленное въ связь съ указаніями памятниковъ, даетъ намъ ключъ къ решенію загадки: «*oe*» (собств. «*оъ*») перешло въ «*i*», а «*i*» дало ужъ и неченную форму на «*и*»: значитъ, было «*доброъ*» (а въ памятникахъ, смѣшивающихъ ѿ и е,—«*доброе*»), изъ него—добріji и добри; молодоѣ, молодіji—молоди; червоноѣ, червоніji и червони; злоѣ, зліji и зли; золотоѣ, золотіji и золоти, и т. д. Причина перехода звука «*o*» въ «*i*» здѣсь также, что въ родит. и творит. пад. ед. ч. женскаго рода: тіei (изъ тоei), тіeю (изъ тоeю), тіi (изъ тоi); срв. «*i*» изъ «*e*» въ фонемахъ: ціei, ціi, ціeю; всіei, всіi, всіeю. Самое качество звука «*i*» въ современномъ малорусскомъ окончаніи множеств. числа прилагательныхъ ясно говоритъ, что онъ возникъ изъ звука о, а не изъ другаго: «*i*» въ «*зліi*» (зліji) и «*зли*» звучить не такъ, какъ въ «*лито*» (изъ «*лѣто*») и въ «*лидъ*» (изъ «*ледъ*»), а такъ, какъ въ «*лій*» (лой) и «*лижко*» (ложко). Въ «*молодіi*», «*молоди*» звукъ «*i*»—такой, какъ въ «*дійка*» (дойка), «*дійти*» (дойти), а не такой, какъ въ «*дидъ*» (дѣдъ) или въ «*крадижъ*» (крадежъ). Звукъ «*i*» въ «*червоніi*», «*червони*» тождественъ съ «*i*» въ «*нисъ*» (носъ), «*гній*» (гной), «*ничъ*» (ночь), но не тождественъ съ тѣмъ «*i*», какое слышится въ «*нимый*» (нѣмый) и «*нисъ*» (несъ). Звукъ «*i*» въ «*босіi*», «*боси*» совпадаетъ съ «*i*» въ «*силь*» (соль), «*сиє*» (сокъ) но не совпадаетъ съ «*i*» въ «*систи*» (сѣсти) и «*сильський*» (сельский).—Однимъ словомъ, повторяю, полѣшское множ. число на *oe* не только не сомнительно, но, наоборотъ, относится именно къ тѣмъ фактамъ, которые представляютъ «высокий научный интересъ».

Другія сомнѣнія г. Ляцкаго касаются менѣе важныхъ чертъ, тѣмъ не менѣе нельзя ихъ оставить безъ отвѣта. Г. Ляцкій сомнѣвается, возможна ли группа «*чи*» изъ «*тч*», напр., «*оччынити*» изъ «*отчынити*»: по мнѣнію г. Ляцкаго, здѣсь вовсе нѣть никакой ассимиляції, а есть удвоеніе звука «*т*»: «*оттчынити*». Предлагаю какому-либо малороссу произнести послѣднее начертаніе! да я увѣренъ, что и г. Ляцкій не произнесетъ, развѣ что вставитъ бѣглое «*о*» между первымъ и вторымъ «*т*». Безусловно правъ г. Довнаръ: его «*оччынити*» записано вполнѣ правильно и слышится такъ же

только у пинчуковъ, но у всѣхъ малороссовъ. Кулишъ предлагалъ внести такие два «ч» даже въ литературное малорусское правописаніе.

Въ словѣ «бровами» вм. «бровями» г. Довнаръ-Запольскій видѣлъ отвердѣніе губнаго звука. Г. Ляцкій, не соглашаясь съ нимъ, предлагаетъ объясненіе ничуть не лучше: по его мнѣнію, тутъ виноватъ именительный падежъ множ. числа «брови», въ которомъ и оказалось «среднее», какъ въ словѣ «гиншай». Оба этнографа не догадываются, что именит. пад. единств. числа по-малорусски не «бровь», а «брова», и что въ словѣ «бровами» мы должны видѣть фактъ морфологической, а не фонетической.

Въ пѣснѣ поется: «Якъ запѣли, якъ зайдрали надъ усихъ музыкъ». Здѣсь предлогъ «надъ» употребленъ въ вин. пад., причемъ означаетъ «выше»; такое употребленіе предлога «надъ» въ малорусскомъ и другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ вполнѣ обычно и относится, конечно, къ разряду синтаксическихъ явлений. Г. Ляцкій, понимая «надъ» въ смыслѣ «лучше», думаетъ, что это относится къ явленіямъ «т. н. народной этимологіи: надъ—въ значеніи высшей степени». Если бъ рѣчь шла только о какой-нибудь формѣ превосходной степени вродѣ «надсильнѣйший», то, конечно, можно было бы говорить обѣ этимологіи; но какая жъ этимологія въ выраженіи «надъ усихъ музыкъ»?!

Г. Довнаръ записалъ въ пѣснѣ: «пойду упрычки темною нычки». *Genitivus temporis* употребляется у малороссовъ сплошь да рядомъ и особенно въ выраженіи; «темнои ночи», темноинички». Вѣроятно, зная это обстоятельство, г. Довнаръ-Запольскій не нашелъ ничего особеннаго страннаго въ род. падежѣ: «нычки» и отмѣтилъ только, какъ интересную непослѣдовательность, творительный падежъ прилагательного. Можно думать, что почтенный этнографъ плохо разслышалъ въ хоровомъ пѣніи окончаніе слова, и что на самомъ дѣлѣ пѣвицы пѣли не «темною», а «темно». А г. Ляцкій думаетъ, что «темною» это правильно, а «нычки» поставлено вм. «нычкою» ради риѳмы! Многое въ пѣснѣ допускается ради риѳмы, но то, что допускается, всегда обусловлено извѣстнымъ закономъ и всегда можетъ считаться правильнымъ. А мнѣніе г. Ляцкаго—чистѣйшая клевета на малорусскій языкъ.

Въ «поноче» (по-ночи) г. Довнаръ усматриваетъ имен. падежъ. Рецензентъ, поправляя его, говоритъ, что здѣсь падежъ дательный. И не дательный, а мѣстный.

Противъ остальныхъ (счетомъ семи) замѣчаній г. Ляцкаго о филологической сторонѣ труда г. Довнара спорить не приходится.

Какъ изъ труда г. Довнара-Запольского, такъ и изъ рецензії г. Ляцкаго (*другій* статьи котораго всегда читаются съ удовольствіемъ) можно сдѣлать одно печальное заключеніе: въ настоящее время считается позволительнымъ судить о малорусскомъ языѣ и даже о его исторіи, не изучивши малорусскаго языка. Заключеніе это не будетъ слишкомъ посвѣщено, потому что оправдывается рядомъ другихъ, аналогичныхъ фактъ. Достаточно вспомнить недавній трудъ акад. А. Шахматова (Варш. 1893): «Изслѣдованія въ области русской фонетики», въ которомъ исторія малорусскаго языка строится на основаніи словъ, неумѣло выкованныхъ въ галицкой кузницѣ, на основаніи великорусизмовъ (даже «тѣтушка» привлечена къ изслѣдованію, какъ фактъ малорусской фонетики, на основаніи полонизмовъ, на основаніи словъ церковныхъ, и т. д., и въ которомъ, къ довершенню всего, чисто малорусскія слова невольно, но безбожно искажаются¹⁾). Не мѣшаетъ также вспомнить того ученаго, который съ цѣлью сдѣлать древнихъ кіевлянъ виликоруссами, изобрѣлъ «малорусскія» слова: трѣтій, небѣсный, телѣсный, хождніе вѣльми, иѣ знаю, будѣть (=будеть) и т. д., и т. д.; на основаніи этихъ «малорусизмовъ», онъ позволилъ себѣ изучать «галицко-волынское» нарѣчіе по несомнѣннымъ новгородскимъ и бѣлорусскимъ памятникамъ.

А. Крымекъ.

Христофоръ (Сулима), первый епископъ Слободско-Украинскій и Харьковскій. Прот. Н. А. Лашенкова, Харьковъ 1895. 8° 286 стр. (отд. оттискъ изъ Харьковск. сборника 1893—95 г. г.)

Въ XVIII в. дѣти малороссійской козацкой старшины подъ вліяніемъ полученного въ кіевской академіи воспитанія, нерѣдко принимали монашество и, пользуясь покровительствомъ вліятельныхъ родичей, нерѣдко возвышались и до епископскихъ сановъ. Такъ мы видимъ достигшими этого сана Іосафа Горленка, внука гетмана Апостола, умершаго въ 1754 г. въ санѣ епископа Бѣлгородскаго,

¹⁾ Объ „Изслѣдованіяхъ“ Шахматова, въ немалорусской части очень почтенныхъ, разсчитываемъ поговорить въ „Кievской Старинѣ“ въ самое ближайшее время А. К.

Сильвестра Кулабку, внука того же гетмана, умершаго въ 1761 г. въ санѣ архієпископа петербургскаго и друг. Къ числу ихъ принадлежалъ и Христофоръ Сулима, синъ Переяславскаго полковника Семена Ивановича Сулимы, умершій въ санѣ харьковскаго епископа въ 1813 г.—По преданію, онъ служилъ сначала въ военной службѣ, а потомъ поступилъ въ киевскую академію и въ 1765 г. принялъ здѣсь въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ монашество; но затѣмъ по юрархической лѣстницѣ онъ поднимался туда. Лишь въ 1789 г. получилъ архимандричество и Гамалѣвскій монастырь въ управлѣніе, и то по особому старанію Безбородка, который, будучи самъ родомъ изъ Переяславскаго полка, хорошо зналъ отца Христофора.

Не смотря на то, что еп. Сулима учился въ академіи уже послѣ военной службы, онъ хорошо зналъ латинскій языкъ (какъ видно изъ его писемъ) и считался монахомъ ученымъ. При помощи этой ученоости Сулима получилъ въ 1794 г. ректуру черниговской семинаріи; затѣмъ въ 1798 г. былъ назначенъ епископомъ Феодосійскимъ, а въ слѣдующемъ—епископомъ слободско-украинскимъ. Этюю епархией онъ управлялъ болѣе двадцати лѣтъ. Обозрѣвая этотъ періодъ времени въ исторіи Харьковской епархіи, прот. Лащенковъ собралъ богатый материалъ для изученія исторіи мѣстнаго духовенства. Приводя интересныя свѣдѣнія (большею частью, впрочемъ, по источникамъ уже позѣстнымъ) изъ быта учениковъ тогдашняго Харьковскаго коллегіума (впослѣдствіи—семинаріи), авторъ разсказываетъ, какъ харьковскіе коллегіаты, при участіі своего епископа, помогли дѣйствительному открытию въ 1805 г. харьковскаго университета; дѣло въ томъ, что кандидатовъ для поступленія въ послѣднее изъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній оказалось мало, вслѣдствіе чего для образованія первого курса студентовъ взято было изъ харьковскаго коллегіума 20 «достаточно свѣдущихъ». Вообще еп. Христофоръ сочувствовалъ открытию университета и помогалъ ему, снабжая, напр., малолюдный медицинскій факультетъ тѣми же своими коллегіантами. Обозрѣвая затѣмъ дѣятельность еп. Сулимы по устроенію тогдашніхъ харьковскихъ монастырей и приходскихъ церквей и по надзору за сельскимъ духовенствомъ, почтенный авторъ приводить массу архивнаго материала (изъ мѣстной консисторіи), дающаго возможность близкаго знакомства съ тогдашнимъ состояніемъ сельскихъ церквей и церковнаго причта. Сельскія церкви харьковской епархіи (да и другихъ вѣроатио) въ это время—были зданія, большею частью расположенные въ маленькомъ вишневомъ садикѣ, рубленныя изъ бревенъ на под-

валинахъ, отчего не рѣдко были покосившіяся, потому что подвалины скоро сгнивали. Стѣны храмовъ, за рѣдкимъ исключеніемъ, ни снаружи, ни внутри не обшивались досками, тѣмъ болѣе не штукатурными, отчего въ нихъ оставались значительные щели... «Нелучше были храмы и городскіе, какъ видно изъ того, что «соборная Троицкая церковь въ г. Зміевѣ съ давнаго времени стояла безъ всякой починки, отъ чего пришла въ такую ветхость, что во время дождей отъ сильной течи народу негдѣ было стоять въ храмѣ»... Заботясь о поднятіи нравственнаго уровня въ сельскомъ духовенствѣ, преосв. Христофоръ старался не давать послѣднаго въ обиду помѣщиковъ и иногда оказывалъ въ ходатайствѣ послѣднихъ о замѣщеніи вакантныхъ приходовъ ихъ приближенныхъ въ ущербъ «ученымъ» кандидатамъ (стр. 158). Интересны свѣдѣнія въ книгѣ прот. Лашенкова о «способахъ содержанія духовенства» и о попыткѣ известнаго нововводителя Каразина замѣнить доходы за требы—платою опредѣленнаго жалованья духовенству, которое, будучи обязано къ исполненію всякой должности», должно быть «обществомъ отстранено отъ заботъ о добываніи себѣ насущнаго хлѣба».

Любопытны упоминанія автора о нѣкоторыхъ стародавніхъ бытовыхъ чертахъ прихожанъ харьковской епархіи, принесенныхъ ими сюда еще въ XVII в. при заселеніи этого края своими слободами. Приводимъ одинъ примѣръ. «Угощать въ храмовой праздникъ нищихъ (старцевъ) обѣдомъ было обычаемъ существовавшихъ въ Малороссіи церковныхъ братствъ, на обязанности которыхъ между прочимъ лежало содержаніе церкви и нищихъ. За время еп. Христофора еще оставались цѣлы при харьковской Христорождественской, Николаевской и Вознесенской церквяхъ братерскіе дома, гдѣ братчики въ прежнее время сонѣщались о своихъ дѣлахъ, и шпиталь (богадѣльня) при Троицкой церкви, гдѣ жили церковные нищіе. Это памятники такъ еще недавно передъ симъ живой, но въ описанное время почти уже угасшей дѣятельности церковныхъ братствъ, которыя были занесены сюда изъ за Днѣпра черкасами—предками Уваринцевъ. Впрочемъ, при нѣкоторыхъ весьма рѣдкихъ сельскихъ храмахъ и за время еп. Христофора еще держались братства, дѣятельность коихъ проявлялась почти исключительно въ храмовые праздники. Обыкновенно передъ этимъ праздникомъ церковный староста собиралъ отъ прихожанъ доброхотныя подаянія, готовилъ медъ и въ праздникъ ставилъ такъ называемый братскій столъ, къ которому приглашались священникъ, церковнослужители и прихожане. При этомъ для

всего села въ братскомъ дворѣ производилась продажа братского меда, и вырученныя деньги обращались въ пользу церкви, съ отдѣленіемъ нѣкоторой части для нищихъ.

Вообще книга прот. Лашенкова заключаетъ въ себѣ обстоятельный сводъ свѣдѣній о церквахъ и духовенствѣ «Слободской Украины» за первое десятилѣтіе настоящаго вѣка, причемъ значительное количество этихъ свѣдѣній извлечено изъ архива мѣстной консисторіи. Поэтому рассматриваемая монографія можетъ служить дополненіемъ къ извѣстной книгѣ г. Знаменскаго — «Приходское духовенство въ Россіи со времени реформы Петра». Страннымъ только кажется незнаніе автора этой монографіи съ общезвѣстными книгами, изъ которыхъ онъ бы увидѣлъ, что извѣстный подручникъ Екатерины II Безбородко былъ сынъ не «мелкаго украинскаго дворянинъ», а тѣмъ менѣе «крестьянина», а будущій первый министръ народнаго просвѣщенія Завадовскій не былъ «сынъ священника». И тотъ, и другой, какъ видно изъ обстоятельныхъ ихъ біографій¹⁾, были сыновья казацкихъ старшинъ, владѣвшихъ издавна довольно богатыми маєтностями и потому имѣвшихъ возможность дать своимъ сыновьямъ хорошее образованіе. Имѣются въ книгѣ прот. Лашенкова любопытныя свѣдѣнія и о самомъ еп. Сулими: будучи Гамаліевскимъ архимандритомъ, онъ владѣлъ въ тоже время и крѣпостными крестьянами, доставшимися ему вмѣстѣ съ землями по завѣщанію отъ бездѣтной сестры Пелагеи Разумовской; впрочемъ, въ свою очередь, онъ подарилъ эти имѣнія съ людьми другой сестрѣ въ 1813 г. Преданіе сохранило до послѣдняго времени память о еп. Христофорѣ, какъ о человѣкѣ, котораго «всѣ любили за доброту и доступность, равно для богатого и бѣднаго». Такъ свидѣтельствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ воспитанниковъ харьковскаго коллегіума, современникъ этого епископа.

А. Л.

Галицкая митрополія. Церковно-историческое изслѣдованіе Н. Д. Тихомирова. С.-Петербургъ. 1895. 8°. 189 стр. (Прилож. къ Русской Бесѣдѣ 1895 г.).

Приступая къ изложенію малоизслѣдованной «исторіи Галицкой митрополіи», авторъ жалуется на «скудость, спутанность и не рѣдко фальшивость того исторического материала», на основаніи ко-

¹⁾ Особенно странно незнаніе прот. Лашенкова съ такимъ солиднымъ трудомъ, какой представляетъ собою книга о Безбородкѣ-Григоровича.

тораго онъ написалъ свою работу, вслѣдствіе чего volens-noles онъ былъ вынужденъ добавлять историческія данныя своими собственными соображеніями и догадками»... Авторъ опасается, что «плоды такихъ соображеній и догадокъ могутъ оказаться весьма печальными, такъ какъ изъ подъ его пера можетъ выйти не исторія Галицкой митрополіи, а исторія его фантазіи о ней»... Послѣ ближайшаго ознакомленія съ книжкою г. Тихомірова, оказывается, что авторъ, быть можетъ, слишкомъ строгъ къ своему труду. Книжка состоитъ изъ шести главъ. 1. Галицко-Владимірское княжество. 2. Причины возникновенія Галицкой митрополіи и непостоянство временно-періодического ея существованія. 3. Мніые Галицкіе митрополиты XIII вѣка. 4. Рядъ попытокъ учрежденія особой Галицкой митрополіи, предпринятыхъ Галицкими князьями—Романовичами съ самыихъ первыхъ юдоевъ XIV в. и до преслѣченія ихъ династіи (1336 г.). 5. Попытки въ церковной обособленности Галиціи послѣ преслѣченія династіи ея природныхъ князей Романовичей, при иноземныхъ (литовско-польскихъ) владѣтеляхъ. 6. Дальнѣйшая церковная судьба Галиціи до окончательного отданія ея вмѣсть съ Литвой и Кіевомъ отъ московской митрополіи. Изъ этого перечня видно, что съ виѣшией стороны трудъ г. Тихомірова заключаетъ въ себѣ довольно полный пересказъ событий, касающихся галицкой митрополіи, при чемъ авторъ добросовѣтно воспользовался всѣмъ тѣмъ печатнымъ материаломъ, который даетъ русская и польская литература по сему предмету. Отдавая полную справедливость изслѣдованіямъ В. Б. Антоновича, устранившаго изъ научнаго обихода вымысль литовскихъ хроникъ, авторъ и самъ критически относится къ такимъ трудамъ какъ напр. Annales Ecclesiae Ruttenae, Гарасевича. Во всякомъ случаѣ книжка г. Тихомірова представляетъ въ себѣ добросовѣтный сводъ свѣдѣній по церковной исторіи той Галицкой Руси, изученіе судебъ которой значительно подвинулось впередъ, особенно послѣ изданной въ 1894 г. книга, г. Линниченка. «Черты изъ исторіи въ Юго западной (Галицкой) Руси XIV—XV в.»

Лѣтописецъ Русскій (Московская лѣтопись). Приготовилъ къ изданію дѣйств. членъ Орловск. учен. архив. комиссії А. Н. Лебедевъ по рукописи, ему принадлежащей. М. 1885.

Въ 3-й книжкѣ «Членій въ Московскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ» за 1895 г. и отдѣльнымъ изданіемъ появилась въ

свѣтъ рукопись изъ собранія А. Н. Лебедева, озаглавленная издателемъ “Лѣтописецъ рускій. Продолженіе повѣстей временныхъ лѣтъ.” Заглавіе этого, впрочемъ, въ самой рукописи нѣтъ, а взято оно г. Лебедевымъ съ изданія Львова. Рукопись эта содержитъ изложеніе событій одиннадцати лѣтъ царствованія Ioанна Грознаго (1553—1563). Издатель снабдилъ лѣтопись коротенькимъ предисловіемъ, а въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ привелъ варіанты изъ „Лѣтописца Рускаго“ пзд. Львовскимъ, и рукописи, изданной въ 1847—48 гг. Бодинскимъ за 5-ый томъ исторіи Татищева. Предисловіе г. Лебедева даетъ очень немногого свѣдѣній объ изданной имъ рукописи¹⁾. Большая часть изданной г. Л—мъ рукописи совпадаетъ почти вполнѣ съ изданными уже Никоновской (годы 1553—1558), V томомъ Львовской (1558—1560, гг.) и текстомъ, изданнымъ г. Прѣсняковымъ въ его брошюре „Царственная книга, ея составъ и происхожденіе. Нова часть рукописи, заключающая извѣстія о событіяхъ съ августа 1560 по февраль 1563 г.

Перейдемъ теперь къ обзору содержанія этой части изданія г. Лебедева. Опускаю мелкія извѣстія, укажу на разсказъ о дворцовыхъ событіяхъ послѣ смерти царицы Анастасіи. Здѣсь наиболѣе интересной является исторія сватовства Ioanna. На вступленіе во 2-й бракъ Ioannъ соглашается какъ бы подъ вліяніемъ просьбъ митрополита, духовенства и бояръ. Царь рѣшилъ послать въ Литву сватать сестру польского короля, а также смотрѣть дочерей у шведскаго короля и у черкасскихъ князей. Сватовство на сестрѣ Сигизмунда-Августа не было успѣшно. Правда, въ февралѣ 1561 г. приходили въ Москву польскіе послы, но предварительно они потребовали высылки на ру-бежъ бояръ для переговоровъ о спорныхъ городахъ, какими они счита-ли: Новгородъ, Псковъ, Торопецъ, Луки, Ржевъ, Дорогобужъ, Смоленскъ и всѣ сѣверскіе города. Только послы рѣшились вопроса о горо-дахъ, они считали возможнымъ приступить къ вопросу о сватов-ствѣ, при чемъ, по ихъ требованію, слѣдовало тогда же учинить договоръ о дѣтинахъ, „занеже тѣмъ дѣтены, которые отъ королевны будуть, и тѣмъ не на государства быти неизбѣжно, да и о вѣрѣ, чтобы королевна быти въ своей вѣрѣ и костель бы ей на сѣнехъ поста-вити.“ Конечно, царь не могъ согласиться на эти условия, и дѣло

¹⁾ Болѣе обстоятельный свѣдѣнія о рукописи г. Л—ва и ея отношенія къ другимъ рукописямъ находимъ въ рецензіи г. Прѣснякова, помѣщенной въ № 6 журнала М—ва Нар. Просвѣщенія за 1895 г.

разстроилось. При переговорахъ со шведскимъ королемъ о сватовствѣ и не упоминается. Удачнѣе оказалась посылка въ черкасскімъ князь-ямъ. Послы привели княжну Кучебей, которая была окрещена и вступила въ бракъ съ Іоанномъ.

Въ августѣ 1561 года прїѣхали въ Москву отъ Константино-польского патріарха Іоасафа егрипскій митроп. Іоасафъ и хорескій епископъ и привезли благословенную на царство грамоту и чинъ о царскомъ вѣнчаніи и поставлениіи. Послѣ перечни іерарховъ, подпи-савшихъ благословенную грамоту, въ лѣтописи приведено: „Послание учителю отъ божественныхъ писаній къ преосвященному Макарію митрополиту (кіевскому), обличая злославимую и пагубную и бого-мерскую люторскую ересь того же патр. Іоасафа“. Поводомъ къ написанію посланія патріархъ выставляетъ слѣдующее: „и есть въ ва-шихъ странахъ въ Малой Русії нѣкто отпадоша въ погибель, въ зло-служение люторско, въ злословимую и пагубную ересь, отчитаеми убыточно.; вредими не тоюко сами и невѣдущихъ губятъ и прелѣща-ютъ иныхъ; и понеже есми слышалъ сию немощную бурю, и смерть душевную вашихъ пожалѣхъ, и поболѣхъ, и слезы точихъ на землю, горюще и одержимъ скорбью и тугою великою“. Затѣмъ слѣдуетъ обличеніе лютеранъ: во 1-хъ, въ отрицаніи таинства причащенія, во 2-хъ, священства, въ 3 хъ, въ отрицаніи поста, въ 4-хъ почитанія св. иконъ и мощей. Въ заключеніе патріархъ предписываетъ „христіа-намъ, христоименитымъ людемъ, да не вкушъ съ лютеры будуть, но обѣгають ихъ всею силою отнюдь, и всемощне бѣгайте и бѣ-жите отъ нихъ, яко лютори злочестни суть и еретици, і вседушне бѣгайте отъ нихъ отнюдь всею сплою.“ Далѣе патріархъ предписы-ваетъ принимать кающихся, авшавшихъ въ ересь предаетъ прокля-тію, священниковъ же и архіереевъ предписываетъ извергать изъ сана. Интересно, что въ числѣ мотивовъ къ войнѣ съ Литвой и Польшей, Іоаннъ приводить и слѣдующій: онъ идетъ на Сигизмунда «за его многія неправды и неисправлениія, наипаче же горя сердцемъ о свя-тыхъ иконахъ и о святыхъ храмѣхъ священныхъ, иже безбожная Литва, поклонение святыхъ иконъ отвергше, святыхъ иконы пощечали и многія поруганія святымъ иконамъ учинили, и церкви разорили и пожгли, и крестьянскую вѣру и законъ оставилъше и исправше и Лю-торство восприиша, и не тоюко мирстіи люди, но и игумены, и черньци, и попы, и дьяконы греческого закона крестианскую вѣру оставилъше, а по своимъ похотемъ учинили себѣ и изобрали люторей и ихъ ирелесное учение приняли, а которые кристиане мало въ той

вѣру крестнанскую дрѣжали, ино и тѣ, страха ради тѣхъ безбожныхъ люторей, святыхъ иконъ не дрѣжahu, для ради поруганїя святыхъ иконамъ, яко же ни в Срапынскїй вѣрѣ в туркахъ, ни въ бусурманскїхъ языцѣхъ таково святыхъ иконамъ поруганіе не обрѣтается.“

Приготовленія къ Полоцкому походу, выступленіе въ походъ, описание похода и осады и взятія Полоцка изложены весьма подробно.

Я остановлюсь еще на нѣсколькихъ извѣстіяхъ, касающихся кн. Дмитрія Вишневецкаго. Въ ноябрѣ 1561 г. Вишневецкій прїѣхалъ въ Москву съ Днѣпра, гдѣ былъ государевою посылкою и воеваль крымскіе улусы, расположенные вблизи этой рѣки. Въ апрѣль слѣд. года Ioannъ послалъ Вишневецкаго съ каневскими черкасами на Днѣпръ и велѣлъ ему „недружбу дѣлати царю Крымскому и королю Литовскому“. Но уже 31 іюля прїѣхали къ Ioannу въ Можайскъ съ Днѣпра черкасскіе козаки и сообщили, что кн. Дмитрій Вишневецкій отѣхалъ въ Литву къ польскому королю съ своими людьми, 300-ми человѣкъ, а еще взяли съ собою въ Литву козацкаго Московскаго атамана Водопьяна съ его приборомъ и со 150 козаковъ. Было еще съ кн. Дмитріемъ черкасскихъ козаковъ 400 чел. и ихъ онъ очепь звалъ на Литву, но «они королю служити не похотѣли». «А прїѣжалъ по него на Днѣпръ ис Кіева братъ его князь Михайло Вишневецкій да и князь Дмитрій же Вишневецкій».

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о самомъ изданіі.

Издатель сличилъ свой текстъ съ V ч. лѣтописца Русскаго Львова и съ изданной Bodянскимъ V частью истории Татищева, но не сличилъ съ лѣтописью Никоновской. Далѣе, издатель говоритъ: «все, оказавшееся въ нашей рукописи позашнимъ противъ считавшихся печатныхъ изданій, набрано курсивомъ. Мы сличили нѣсколько страницъ изданія г. Лебедева съ Львовскимъ лѣтописцемъ, и насы нѣсколько удивила нѣкоторая неустойчивость издателя при сличеніяхъ. То, напр., онъ отмѣчаетъ курсивомъ опущенный у Львова союзъ (царь и государь) или отмѣчаетъ и приводитъ въ примѣчаніяхъ такія выраженія, которые отличаются только перестановкой словъ, какъ напр.: «ихъ ис пищалей всѣдѣ побивали» (Леб. 125) и «вездѣ ихъ побивали изъ пищалей» (Львов. V, 293), то вовсе не отмѣчаетъ такихъ крупныхъ сравнительно разночтеній, какъ напр. на стр. 126 «писалъ воевода князь Федоръ Ивановичъ Татевъ», а у Львова (V, 402) «писалъ государю съ Тулы воевода янызъ Феодоръ Ивановичъ Татевъ», или (стр. 125) «прежъ бо сего начала, какъ и юртъ Крымской сталъ» у Львова (V, 294) «прежъ бо сего отъ на-

чала»... или (стр. 124) «а иныхъ людей поймали съ собою въ вожи на морѣ» «у Львова (V 291) «а иныхъ людей поймали съ собою на морѣ въ вожи». Иногда выноски сдѣланы такъ неудачно, что если бы возстановить текстъ Львова по выноскамъ г. Лебедева, то получится иное, подчасъ лишнее смыслъ, чтеніе, напр. ст. 127 «Того жъ мѣсяца пришелъ съ Дону князь Дмитрій Ивановичъ Вишневецкій зъ Дону, а съ нимъ пришелъ и Черкасы и Чюрукъ Мырзу за Черкасскаго и бѣль чelомъ отовсѣхъ черкасъ». Тогда какъ у Львова (V, 297) читаемъ просто: «Того жъ мѣсяца пришелъ съ Дону князь Дмитрій Ивановичъ Вишневецкій, а съ нимъ пришелъ и Чюрукъ Мырза за Черкаской и бѣль чelomъ государю ото всѣхъ черкасъ».

Е. К.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

„КІЕВСКОЕ СЛОВО“

ЕЖЕДНЕВНАЯ

ЛІТЕРАТУРНО-ПОЛІТИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМІЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

будеть выходить въ 1896 году на прежнихъ основаніяхъ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

- 1) Передовыя статьи по вопросамъ политическимъ, хозяйственнымъ педагогическимъ, законодательнымъ, судебнымъ, земскимъ и т. п.
- 2) Телеграммы внутреннія и заграничныя.
- 3) Корреспонденція внутреннія и заграничныя.
- 4) Извѣстія изъ славянскихъ земель.
- 5) Новѣсти и разсказы.
- 6) Бесѣды по разнымъ вопросамъ дня (фельетонъ).
- 7) Обозрѣніе русскихъ журналовъ и газетъ.
- 8) Критика литературная, художественная и театральная.
- 9) Внутреннія хроника: законодательство и распоряженія Правительства. Мѣстная хроника г. Киева. Краткія извѣстія изъ разныхъ мѣстъ отечества, преимущественно изъ юго-западнаго края.
- 10) Справочный отдѣлъ: курсы, фонды, ипотечные и другія производствы бумаги и акціи. Товарный рынокъ. Желѣзныя дороги, пароходы лѣчебницы, театры и т. п. Судебная извѣстія.

Подписаніе цѣна на «Кіевское Слово» съ доставкой и пересылкой на годъ 10 р., на 6 м.—6 р., на 3 м.—4 р., на 1 м.—1 р. 50.; безъ доставки и пересылки—на годъ 8 р., на 6 м.—5 р., на 3 м.—3 р., на 1 м.—1 р. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подпиской

платы на слѣдующихъ условіяхъ: съ дост. и перес. при подписаніи 5 р. и черезъ 5 мѣсяцевъ вторые 5 р.; безъ доставки въ тѣ-же сроки по 4 р. Заграничные подписчики прилагають къ цѣнѣ безъ доставки по 60 к. за каждый мѣсяцъ. За перемѣну иногороднаго адреса—20 к.

Подписка и объявленія принимаются въ Киевѣ: 1) Въ главной конторѣ на Большой Владимірской д. Антоновича, № 35. 2) На Крещатикѣ, въ магазинахъ: С. В. Кульженко и Л. Идзиковскаго. Въ Москвѣ и Петербургѣ у Метцль и Ко.

Гг. иногороднихъ подписчиковъ просятъ обращаться непосредственно въ главную контору „Киевскаго Слова“, Большая Владимірская, домъ № 35.

Редакторъ *В. М. Бойдановъ*.

Издатель *С. В. Кульженко*.

3—2

1896 г. „НУВЕЛЛИСТЪ“ 57 г. изд.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПІАНО

и

МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА.

Съ 1-го января 1896 года, «Нувеллистъ» вступаетъ въ пятьдесятъ седьмой годъ своего существованія и будетъ выходить какъ и прежде, аккуратно первого числа каждого мѣсяца, тетрадями большаго плотнаго формата.

Въ «Нувеллисте» въ течсіе года будутъ помѣщены:

- 1) Салонныя пьесы русскихъ и иностраннѣй композиторовъ, въ двѣ и четыре руки.
- 2) Новые любимые танцы.
(валсы, польки, мазурки, кадризы),
- 3) Русскіе романсы.
- 4) Легкія пьески для дѣтей для фортепіано.
- 5) Легкія пьесы для скрипки съ фортепіано.
- 6) Дѣтскія пѣсенки.

Годовой экземпляръ «Нувеллиста» составить обширный томъ въ 400 страницъ—до 100 музыкальныхъ номеровъ.

Музыкально-театральная газета будет выходить въ продолженіи музыкального сезона и дать полный обзоръ всего привлѣчательнаго въ области музыки и театра.

Редакторъ-Издатель *Н. Бернардъ.*

ПРЕМІЯ

Каждый подписчикъ на «Нувеллисъ» получитъ бесплатно премію Полную оперу въ двѣ руки или другое музыкальное сочиненіе по выбору изъ 80-ти нумеровъ и два портрета выдающихся музыкальныхъ дѣятелей.

Подписная цѣна за годъ 5 руб.

Съ пересылкой или доставкой 6 руб.

За границу съ пересылкой 8 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ «Нувеллиста» при Музыкальномъ Магазинѣ М. Бернарда, Большой Морской, № 26.

Въ Москвѣ у П. И. Юргенсона, Неглинный, № 10.

3—2

1896. — ОТКРЫТА ПОДПИСКА. — 1896.

НА БОЛЬШОЙ СЕМЕЙНЫЙ И ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

**ЖИВОПИСНОЕ
ОБОЗРѢНИЕ**

Годъ издания 61-й. **ОБОЗРѢНИЕ** Годъ издания 61-й.

Въ наступающемъ 1896 году въ журналѣ «Живописное Обозрѣніе» и его ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеніяхъ, несмотря на громадные расходы, вводятся важная и существенная улучшения, дающія возможность нашимъ подписчикамъ имѣть

ДВА САМОСТОЯТЕЛЬНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗДАНІЯ

НЕ ВОЗВЫШАЯ ПРЕЖНЕЙ ПОДПИСНОЙ ЦѢНЫ:

52 иллюстрированныхъ нумера, гдѣ помѣщаются только новая литературная произведенія известныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Каждый номеръ состоять, въ общемъ, изъ 2 $\frac{1}{2}$ —3-хъ листовъ большого формата, отпечатанныхъ на роскошной бумагѣ, съ большими гравюрами лучшихъ художниковъ.

Въ виду предстоящаго въ 1896 году СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, а также открытии въ Нижнемъ-

Новгородъ «Всероссійской художественно-промышленной выставки», журналъ «Живописное Обозрѣніе» дасть цѣлый рядъ оригинальныхъ рисунковъ, относящихся къ этимъ событиямъ.

При нумерахъ журнала, между прочимъ, въ теченіе года будеть выдано:

- 1) 52 нумера—«Хроника событий за недѣлю» — 2) 12) нумеровъ «Парижскихъ новѣйшихъ модъ» съ рисунками.—3) 12 раскрашенныхъ модныхъ картинъ (новость).—4) 12 выкроекъ въ натуральную величину.—5) рисунки для вышивки бѣлья, платьевъ, костюмовъ, шерстью, спурками, шелкомъ, золотомъ и проч.—Рисунки для вышиванія (оригинальные) разныхъ изящныхъ предметовъ, полезныхъ въ хозяйствѣ.—7) 12 Новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ (романсы, танцы и проч.)—8) стенной календарь, отпечатанный цветными красками и золотомъ.

Вместо бесплатныхъ премій въ 1896 году будеть выдано:

ДВѢНАДЦАТЬ БОЛЬШИХЪ ТОМОВЪ

12 Въ составъ которыхъ входять новые исторические, этнографические и современные романы, повѣсти, рассказы и стихотворенія русскихъ и иностранныхъ писателей, а также научныя, сельско-хозяйственные статьи, смѣсь и проч.

Томы эти будуть выходить ежемѣсячно (между 1 и 10 числами), изящно отпечатанными, въ форматѣ большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, въ размѣрѣ отъ 20 до 25 листовъ. Каждый томъ будеть состоять изъ новыхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ писателей. Въ каждомъ томѣ, между прочимъ, обязательно будетъ помѣщено одинъ вполнѣ законченный романъ или повѣсть, изъ коихъ вѣкоторые будутъ иллюстрированы известными художниками и дополнены портретами писателей и выдающихся личностей

Не смотря на новыя весьма цѣнныя улучшения въ нашемъ изданіи, ставшія его, по богатству и разнообразію литературного и художественного материала, впѣ всякихъ сравненій съ существующими однородными изданіями.

Подписная годовая цѣна остается прежней:

На годъ съ доставкою въ Спб. и по Имперіи: 8 р.—Безъ доставки въ Спб. 7 р.—Въ Москвѣ 7 р. 75 к.

На полгода (съ доставкою)—4 р. 50 к.—На три мѣсяца -2 р. 50 к.—
За границу на годъ—16 р.

Разсрочка взносовъ на другіе сроки допускается по соглашению съ главной конторой.

Съ подпиской и требованіями просятъ обращаться въ Главную Контору журнала:

С.-Петербургъ, Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40.

Подробно иллюстрированное объявление высылается изъ конторы, по требованію, бесплатно.

3—2

годъ издания 84-й. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА.** годъ издания 84-й.

1812. Большая ежедневная политическая и литературная газета **1896.**
(безъ предварительной цензуры)

СЫНЬ ОТЕЧЕСТВА

Печатается ежедневно (въ 2-хъ підан.) въ количествѣ 48,500 экземпляровъ.

Первое изданіе выходитъ ежедневно листами большого формата

СЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНИЯМИ

Въ ежедневныхъ номерахъ газеты, кроме статей по современнымъ вопросамъ, сообщается о всѣхъ выдающихся событияхъ въ придворной, духовной и военной сферахъ, а также всѣ важные новости дня столичной,

внутренней и иностранной жизни, по свѣдѣніямъ специальныхъ корреспондентовъ газеты и телеграммъ, одновременно съ другими дорогими изданіями, а потому газета «Сынъ Отечества» въ первомъ (большомъ изданіи

ВПОЛНЪ ЗАМѢНЯТЬ ДОРОГОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ.

Кромъ ежедневныхъ номеровъ газеты, подовые подписчики получаютъ:

- 1) 52 номера воскресныхъ приложений, печатаемыхъ на веленевой глазированной бумагѣ, въ видѣ еженедѣльного иллюстрированного журнала, где помѣщаются: романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія и болѣе 300 художественныхъ рисунковъ.

Въ виду предстоящаго въ 1896 г. СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, въ газетѣ «Сынъ Отечества» будетъ помѣщенъ рядъ оригинальныхъ рисунковъ и описаний, относящихся къ этому событию.

ВСЕРОССІЙСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ВЫСТАВКА

также займетъ видное мѣсто въ газетѣ, какъ въ рисункахъ, такъ и описаніяхъ.

- 2) Двѣнадцать номеровъ «Моды и рукодѣлія», замѣняютъ «Модный журналъ»,
3) Стѣнной календарь (съ картой Россіи), разсыпается при первомъ номерѣ.

НОВОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ.

Всѣ годовые подписчики газеты «Сынъ Отечества», въ 1896 году, получать бесплатно и безъ всякой приплата за пересылку.

Избранныя литературныя произведенія любимаго русскаго писателя

А. МИХАЙЛОВА.

гдѣ, между прочимъ, будуть помѣщены: портретъ, біографія автора и два большихъ романа, произведшихъ при своемъ появлениіи громадную сенсацію въ литературномъ мірѣ, а именно:

I) „Жизнь Шупова“.—II) „Лѣсь рубятъ — щепки летятъ“.

Въ отдельной продажѣ стоимость этихъ изданій—пять рублей.

Подписная цѣна на первое изданіе (съ доставкою):

На годъ 8 р.—На полгода 4 р. 50 к.—На три мѣсяца 2 р. 50 к.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ ГАЗЕТЫ „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“.

Второе изданіе газеты «Сынъ Отечества» выходитъ ежедневно листами малаго формата. Въ номерахъ газеты помѣщаются всѣ выдающіяся новости, а также придворныя, административныя, военные и научныя извѣстія и телеграммы одновременно со всѣми другими дорогими изданіями.

На годъ 8 р. 50 к.

4

На годъ съ доставкою.

Кромѣ того на страницахъ второго изданія помѣщаются художественно выполненные портреты Высочайшихъ особъ, современныхъ русскихъ и иностраннѣхъ государственныхъ и общественныхъ деятелей сосредоточивающихся на себѣ, въ извѣстный моментъ, особое вниманіе общества.

Подписная цѣна на второе изданіе (съ доставкою и пересылкою по Россіи):

На годъ 4 руб. На полгода 2 руб. На три мѣсяца 1 руб.

Съ подпискою просятъ обращаться исключительно въ главную контору:

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. № 68—40.

Подробности объявленіе высылается изъ конторы по требованію бесплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ НА

ежемѣсячный литературно-научный и политический журналъ

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТИНИКЪ“.

(Годъ изданія XI).

Въ 1895 г. въ «Сѣв. Вѣстн.» было, между проч., напечатано: Хозяинъ и работникъ. Пов. гр. Л. Н. Толстого.—Избирательная реформа въ Бельгіи. В. Спасовича.—Съ убийцей. Пов. П. Боборыкина.—«Переписка Моиассана съ Башкирцевой».—Отверженный. Ром. Д. Мережковскаго.—«Николай Николаевичъ Ге», биограф. очеркъ. В. Стасова.—Женская жизнь. Пов. М. Крестовской.—О значеніи войны для современного общества. Проф. Л. Комаровскаго.—Холера. Разск. Кота-Мурлыки.—О синдикатахъ. Проф. А. Исаева.—Законные жены. Пов. О. Шапиръ.—Нѣть бѣдности въ Россіи. П. Кузнецова.—Не по правдѣ Пов. В. Дмитріевой.—Судь присяжныхъ; объединеніе суда и судебный языкъ. М. Стиваля.—Тургеневъ и Толстой. Проф. Д. Овсяннико-Куликовскаго.—Старый и новый ламаркізмъ. Проф. Н. Холодковскаго.—Исповѣдь. Анни Безантъ.—Обыватель. Рубль и блаженство. П. Кузнецова.—На родинѣ Христа. Б. Корженевскаго.—Разлука. Разск. Л. Гуревичъ.—Судьба и слава. Проф. А. Трачевскаго.—Рѣпинъ и Ге. А. Волынскаго.—Миссъ Май. Разск. З. Гиппіусъ.—По поводу выставки обѣ искусствъ. М. Антокольскаго.—Сельско-хозяйственный совѣтъ. М. Стиваля.—Гергардъ Гауптманъ. Проф. Л. Шепелевича.—Замѣтки перваго человѣка. Л. Чолонскаго.—Наши земельныя дѣла. П. Кузнецова.—Эволюціонная идея въ ея естественно-историческомъ развитіи. Проф. В. Шимкевича.—Переселенческое дѣло съ 80-хъ годовъ. Проф. А. Исаева.—Тяжелые сны. Ром. Ф. Сологуба.—Земскія дѣла. М. Петрова.—Наяда. разск. А. Чернаго.—Положеніе женщинъ въ соединенныхъ штатахъ.—Памяти Ядринцева. Проф. А. Исаева.—За гравиціей. Воспоминанія А. Верещагина.—По поводу модныхъ разговоровъ. П. Кузнецова.—Основныя начала судебныхъ уставовъ. В. Устинова.—*Quo vadis.* Истор. ром. Генриха Сенкевича.—Англійское вліяніе въ Россіи. П. Боборыкина.—Рабочіе на сибирской желѣзной дорогѣ. И. Арефьевъ.—Расколъ въ радикальной журналистикѣ шести десятыхъ годовъ и Д. И. Писаревъ. А. Волынскаго.—Религіозно-политическіе идеалы польского общества. М. Урсинна.—Пересмотръ городового положенія. П. Кузнецова.—Вопросъ объ эльсасѣ и лотарингіи Проф. Л. Комаровскаго.—Кистяковскій какъ криминалистъ. Проф. И. Фойницкаго.—Прозрѣла. Пов. П. Боборыкина.—Романистъ-моралистъ. Проф. Л. Шепелевича.—Записки А. О. Смирновой. (Смерть

Пушкина.—Лермонтовъ.—Листъ.—Глинка.—Живописець Ивановъ и пр.).—
Стихи: Н. Минского, К. Фофанова, Д. Мережковского, О. Чюминой и др.

Ежемѣсячные отдѣлы въ журнale:

- 1) Областной и земской отдѣль (статьи и замѣтки разныхъ лицъ по вопросамъ областной, земской и городской жизни). 2) Провинціальная печать. Л. Прозорова. 3) Внутреннее обозрѣніе. 4) Корреспонденція изъ заграницы. 5) Театръ. 6) Изъ жизни и литературы. 7) Критика и библіографія. 8) На западѣ. *** 9) Литературные замѣтки. А. Волынского.

Въ виду того, что романъ Г. Сенкевича «Quo vadis» продолжается печатаниемъ въ 1896 году, новые годовые подписчики за 1896 годъ получатъ первый томъ романа «Quo vadis», печатавшійся въ нашемъ журнале въ 1895 году съ мая по декабрь, въ видѣ безплатного приложения.

Цѣна:	Годъ:	Полгода.	Четверть:
Безъ доставки .	12 р. — к.	6 р. — к.	3 р. — к.
Съ доставкою .	12 » 50 >	6 » 50 »	3 » 50 »
Съ пересылкою .	13 » 50 >	7 » — »	3 » 50 »
За границей. .	15 » — »	8 » — »	4 » — »

Въ главн. конторѣ допускается разсрочка безъ повышенія годовой цѣны.

Для учащихъ и учащихся льготная условія.

Подписка принимается въ главн. конторѣ. Саб., Троицкая, 9; въ Московскомъ отдѣленіи при книжн. маг. К. Тихомирова, Кузнецкій Мостъ; въ Саб. въ кн. маг. Фену, въ Москвѣ, въ конт. Н. Печковской, во всѣхъ кн. маг. Карбасникова, «Нового Времени» и др.

Издатель *Л. Я. Гуревичъ.*

За редактора *Л. Я. Гуревичъ.*

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на новый ежемѣсячный научно-популярный и педагогический журналъ

„ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ И ГЕОГРАФІЯ“,

имѣющій выходить съ первого января 1896 года.

Журналъ ставитъ себѣ задачей посильнѣо удовлетворять научному интересу читателей въ области естествознанія и географіи, а также способствовать правильной постановкѣ и разработкѣ вопросовъ по преподаванію естествознанія и географіи. Въ журнале будуть помѣщаемы: научно-популярныя статьи по всѣмъ отраслямъ естествознанія и географіи, статьи по вопросамъ преподаванія естествознанія, теоретического и прикладного (садоводство, чесноководство и т. под.), и географіи, обзоръ русской и иностран-

ной литературы по естествознанию и географии, хроника, симеи, вопросы и ответы по предметам программы журнала, приложений, состоящих из научных и педагогических сочинений, относящихся к программе журнала. Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно, за исключениемъ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, книжками въ 5—6 печатныхъ листовъ.

Въ журналѣ изъявили согласие участвовать: проф. Д. Н. Аничинъ, И. Я. Акинфиевъ, П. А. Аникіевъ, А. П. Артари, В. Л. Беренштамъ, В. А. Богдановъ, Н. В. Богоявленскій, П. Вольногорскій, В. В. Григорьевъ, М. И. Голевинъ, М. И. Демковъ, Е. В. Жадовскій, В. П. Зыковъ, А. А. Ивановскій, проф. И. А. Каблуковъ, проф. Н. А. Кулакинъ, Г. А. Ко-жевниковъ, А. Н. Корчагинъ, С. П. Мечъ, В. М. Михайловскій, проф. А. М. Никольскій, О. М. Окновъ, проф. А. П. Павловъ, Н. В. Подвысоцкій, Н. И. Раевскій, А. Н. Рождественскій, Н. А. Рубакинъ, проф. В. В. Сапожниковъ, К. К. Сенть-Илеръ, Н. В. Слюнинъ, В. Д. Соколовъ, проф. К. А. Тимирязевъ, проф. А. А. Тихомировъ, П. Р. Фрейбергъ, проф. Н. А. Холодковскій, проф. В. М. Шимкевичъ, П. Ю. Шмидтъ и др.

Подписная цѣна на годъ безъ доставки 4 руб., съ доставкою и пересылкою 4 руб. 50 коп.; на полгода съ пересылкою и доставкою 2 руб. 50 коп. Подписка принимается для иногороднихъ подписчиковъ исключительно въ Главной конторѣ журнала (Москва, Большая Полянка, д. Учительского Института, кв. № 2); для городскихъ подписчиковъ — въ конторѣ Печковской (Петровскія ливіи).

Редакторъ-Издатель *Михаилъ Петровичъ Варавва*.

3—2

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

ЖУРНАЛЪ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ.

НОВОЕ СЛОВО

Выходитъ ежемѣсячно отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ.

Журналъ «Новое Слово», перейдя въ новые руки, будетъ выходить подъ новой редакціею и при новомъ составѣ сотрудниковъ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Я. В. Абрамовъ, В. В., П. В. Заседимскій, Н. Н. Златовратскій, Н. А. Каблуковъ, С. Н. Кривенко, Д. Н. Манинъ-Сибирякъ, Г. А. Мачтеть, Николай—онъ, Л. Е. Ободенскій, Н. А. Рубакинъ, А. М. Скабичевскій, К. М. Станюковичъ, В. А. Тимирязевъ, А. И. Чеховъ, Щепотьевы (Е. С. и С. А.) и др.

Примѣняясь къ течению нашей общественной жизни, новый годовой пе-
риодъ которой начинается съ осени, мы считаемъ цѣлесообразнымъ, по
примѣру многихъ западно-еврѣйскихъ журналовъ, начинать также съ этого
времени и журнальный годъ. Всѣдѣствіе этого годовой подписки на «Но-
вое Слово» принимается съ 1-го октября 1895 г. по 1-е октября 1896 г.

Подписная цѣна съ пересылкой на годъ	10 р. — к.
» » безъ пересылки на годъ	9 » — »
» » » на полгода	5 » — »
» » » на три мѣсяца	2 » 50 »

Годовые подписчики «Нового Слова» за 1895 г., получивъ въ счетъ
подписки три первыя книжки журнала (октябрь, ноябрь и декабрь), вно-
сятъ за 1896 г., къ 1-му января 7 р. 50 к.

Адресъ конторы редакціи: Спб. Спасская ул., (уг. Надеждинской),
д. 15, кв. 1.

Отдѣленіе конторы: Спб. Невскій пр., д. 54, „Библіотека
Черкасова“.

Городская подписка принимается, кроме конторы редакціи и ея
отдѣленія, въ книжныхъ магазинахъ «Нового Времени», Н. П. Карбасни-
кова, К. Риккера, Цинзерлинга (Мелье) и въ библіотекѣ Л. Т. Рубаки-
ной (Бол. Подъяческая, д. 24),

Получая неоднократно заявленія отъ провинціальныхъ читателей о
затрудненіи въ выборѣ и выпискѣ книгъ, контора редакціи беретъ на
себя составленіе списковъ, высылку каталоговъ и книгъ и съ удовольст-
віемъ будетъ отвѣтывать на всѣ запросы провинціального читателя.

Лица, выписывающія изданія О. Н. Поповой черезъ контору ре-
дакціи или ея отдѣленіе за пересылку не платятъ.

За редактора *А. Н. Попова.*

Издательница *О. Н. Попова.*

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКІЙ ВѢСТИНИКЪ“.

на 1896 годъ.

На будущій 1896 годъ издатели, Товарищество «Обществ. Шольза»,
по прежнему будутъ ставить себѣ задачей принимать постоянно всѣ мѣры
къ улучшенію журнала. Веденіе и направление журнала остается прежнее,
такъ какъ всѣ сотрудники наши, участвовавшіе въ минувшіе годы, будутъ
принимать дѣятельное участіе и впредь.

Изъ постоянныхъ сотрудниковъ С. С. Татищевъ обѣщаетъ намъ свой новый трудъ «Императоръ Павелъ и Первый Консулъ Бонапартъ» и др., которыми онъ въ настоящее время занятъ, и его «Политич. обозрѣніе» будетъ появляться по-прежнему ежемѣс. Д. В. Григоровичемъ обѣщано его новое произвед., К. П. Гайдичемъ—новая повѣсть; будетъ законченъ романъ Вс. С. Соловьевъ «Цвѣты бездны», пріостановившійся за болѣзни автора, причемъ новымъ подпisch. будутъ высланы оттиски первыхъ главъ романа. Вс. С. Соловьевъ также предоставилъ намъ записки своего покойнаго отца, извѣстнаго истор. С. М. Соловьевъ. Кроме того, появляются: новый ром. Дм. И. Стакѣева «Духа не угашайте»; разск. Н. И. Мердеръ «Изъ деревенск. впечатлѣній»; ром. К. Ф. Орловскаго «Медовый мѣсяцъ»; ром. Д. И. Пронскаго «Свѣтъ жизни»; повѣсть И. И. Данилова (автора повѣсти «Въ тихой пристани») «По новому пути»; разсказы (изъ таежн. воспомин.) Н. В. Латкина; «Шельма деревенск. хозяина» А. П. Мещерскаго; «Деревенск. очерки» Д. И. Тихѣева; разск. И. И. Чеха; «Въ сѣверо-запад. краѣ», очерки Н. И. Березина.

Въ 1896 г. будутъ также продолжаться «Шельма о литературѣ» П. А. Ачкасова.

Съ сентябр. книги 1895 г. возстановл. нами отдѣль «Современная лѣтопись», получившій такую извѣстн. при М. Н. Катковѣ, гдѣ будутъ помѣщаться постоянно письма, статьи и замѣтки по поводу текущихъ событий; причемъ мы обращаемся съ просьбою къ нашимъ читателамъ сообщать намъ свои замѣч. и краткія письма объ обстоятельствѣ современ. или обт. важн. историческ. документахъ, если у кого они сохранились.

Отъ С. Н. Катковой мы получили переп. покойн. М. Н. Каткова. Будутъ помѣщ. письма къ нему Ф. М. Достоевскаго, И. А. Гончарова, П. И. Мельникова, И. С. Тургенева и друг. Будутъ приняты всѣ мѣры къ своеестественному выходу книгъ журнала.

Въ «Русск. Вѣстн.» по-прежнему принимаютъ участіе всѣ бывшіе сотрудники.

Редакція и конт. жур. «Русскій Вѣстникъ» помѣщ. въ Товарищ. «Обществ. Польза» (СПБ., Подьяч., 39), куда и просить обращаться г.г. автор., имѣющ. надобн. до редактора, который примим. по вторник. отъ 12 до 2 час. и суббот. отъ 3 до 5 час. пополудни.

Годовое изданіе «Русскаго Вѣстника», состоящее изъ ежемѣсяч. книж. отъ 25 до 30 л. и выход. кажд. 1 числа, стоить въ Петерб. и Москвѣ безъ доставки и перес. 15 р. 50 к., съ доставк. 16 р., съ перес. во всѣ города Россіи 17 р. Допускается разср. взносовъ только чрезъ Главн. Контору журн. «Русскій Вѣстникъ», Б. Подьяч., д. 39, а именно: 1) При подпискѣ вносять девять р., а остальная сумма къ 1-му іюня. 2) Для служащ. за поручит. казнач. со взнос. по 1 р. 50 к. въ мѣс., впредь до уплаты всей подписк. суммы. 3) Для учащихся допуск. уступка

и разсрочка платежа: при подп. вносятъ 2 р., а затѣмъ, при полученіи кажд. книги уплачив. по 1 р., т. е. всего 14 р. безъ доставки и перес. За границу ириним. подписка въ государства, входящія въ составъ Всеобщ. Почтов. союза—18 р. Въ прочія мѣста загран. подп. ириним. съ пересыл. по существ. тарифу.

Подписка на «Русскій Вѣстникъ» ириним. въ Петерб. для городск.—въ Конторѣ журн. «Русскій Вѣстникъ» въ товарищ. «Обществ. Польза» (Б. Подъяч., 39); въ книжн. магаз. «Нов. Врем.» (Кузнецк. м., д. Третьякова) и у Н. Н. Печковской (Петровск. лині). И городск. и иногородн. просить покорн. адресоваться прямо въ конт. «Русскаго Вѣстника», Сиб. Товарищ. «Обществ. Польза» Больш. Подъяч., д. 39. Статьи, присланн. въ редакц. безъ условий, предоставл. въ полное распоряженіе ея относительно сокращ., помѣщ. и оплаты. Стихотв. и мелкія статьи, къ печати неудобныя, не возвращ. За свое врем. и аккуратную доставку журнала редакція приим. на себя полную отвѣтств. только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана непосредств. чрезъ Шетербургскую контору «Русскаго Вѣстника».

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХ. АКАДЕМІИ“

на 1896 годъ

(ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ)

Журналъ «Труды Кіевской дух. Академіи» выходить по прежде утвержденной программѣ—ежемѣсячно книгами отъ 10 до 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе 7 р., за границу—8 р. съ перес.

Въ журналѣ «Труды» помѣщаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовн. Академіи, по предметамъ общезанимательнымъ и по изложенію доступныхъ большинству читателей, а также переводы твореній блаж. Иеронима и блаж. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ, будуть служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ «Библиотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ».

Указомъ св. Синода отъ 3/20 февр. 1884 г., подписка какъ на «Труды», такъ и на «Библиотеку твореній св. отцевъ и учителей ц. западныхъ», рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, каѳедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

Труды Академіи за прежніе годы продаются по уменьшенному цѣнамъ, именно: за 1860—1878 по 5 р., за 1879—1883 г.г. по 6 р.; за

1885—1895 г.г. по прежней ценѣ, т. е. по 7 р. съ перес. За 1884 г. все экземпляры Трудовъ распроданы.

Въ редакціи Трудовъ продаются еще слѣдующія изданія и книги:

„Воскресное Чтеніе“ за слѣдующіе годы существованія его при Академіи: за 18³⁷/₄₈ г. (т. I), 18⁴¹/₄₂ (V), 18⁴⁷/₄₈ (XI), 18⁴⁸/₄₉ (XII), 18⁵¹/₅₂ (XV), 18⁵³/₅₄ (XVII), 18⁵⁴/₅₅ (XVIII), 18⁵⁵/₅₆ (XIX), 18⁵⁶/₅₇ (XX), 18⁵⁷/₅₈ (XXI), 18⁵⁹/₆₀ (XXIV), 18⁶¹/₆₂ (XXV), 18⁶²/₆₃ (XXVI), 18⁶⁴/₆₅ (XXVII), 18⁶⁵/₆₆ (XXVIII), 18⁶⁶/₆₇ (XXIX), 18⁶⁸/₆₉ (XXX), 18⁶⁹/₇₀ (XXXI), 18⁷⁰/₇₁ (XXXII), 18⁷⁰/₇₁ (XXXIII), за 1879, 1880, 1881, 1882 и 1883 г.г. Цѣна за каждый годъ по 4 руб. съ перес.

Книга для народныхъ школъ. Сборникъ статей изъ «Воскреснаго Чтенія». (Одобрена Учебнымъ Комитетомъ). 30 к. съ перес.

«Владимірскій Сборникъ въ память девятисотлѣтія крещенія Россіи» (Сказанія о посѣщении Русской страны св. апостоломъ Андреемъ И. И. Малышевскаго. Владимиръ, св., какъ политическій дѣятель. В. З. Завитневича. Древнія изображенія св. Владимира. Н. И. Петрова. Чествование памяти св. Владимира на югѣ Россіи и въ частности въ Кievѣ. Его-же. Слово, сказанное 10 июля 1888 г. В. Ф. Пѣвницкаго). Ц. 2 р. съ перес.

Празднованіе 900-лѣтія крещенія русскаго народа въ Kievѣ (съ рисунками, относящимися къ празднству). Ц. 2 р. 50 к., на лучшей бумагѣ—3 р. 50 к. съ перес.

Изъясненіе божественной литургіи. Арсенія, м. кiev. (450 стр.). 2 р.

Толкованіе на первые 26 псалмовъ. Его-же. (634, 8-0). 2 р.

Библіотека твореній св. отцевъ и учителей Церкви западныхъ: а) ср. Кирилана карѳаагенскаго, ч. 1—2, б) бл. Иеронима стридонскаго, ч. 1—12 и в) бл. Августина иппонійскаго, ч. 1—7.—Цѣна части 2 р. съ перес., кроме 9-й части твор. бл. Иеронима, которая стоитъ 1 р. 50 к. съ перес.

«Книга для пазидательного чтенія «Сборникъ статей изъ Воскреснаго Чтенія» за 1837—1868 г.г.). Изд. 4-е. Книга эта одобрена Особ. Отд. Ученаго Комитета Минист. Нар. Просв. для ученическихъ народныхъ библіотекъ и Училищ. Совѣтомъ при Св. Синодѣ—къ употребленію въ ц.-приход. школахъ въ качествѣ книги для виѣкласнаго чтенія. Ц. 1 р. съ перес. При требованіи 100 и болѣе экз. допускается уступка для Епарх. Училищ. Совѣтовъ 40%, а для книжныхъ магазиновъ—30%.

Опытъ православ. догматического богословія (съ историческими изложеніемъ догматовъ) Еп. Сильвестра. Т. 1-й, изд. 3-е, ц. 1. 70 к.; т. 2-й, изд. 3-е, ц. 3 р. 30; т. 3-й изд. 2-е, ц. 3 р.; т. 4-й, ц. 3 р. и т. 5-й, ц. 3 р. съ перес.

Празднованіе вскреснаго дня (его исторія и значеніе). Смирнова Д. 1893 г. Ц. 2 р. съ перес.

Буддизмъ и христіанство. Сравненіе легендарной исторіи и ученія Будды съ евангельской исторіей и ученіемъ нашего Господа И. Христа.

С. Келлога. Переводъ съ англ. доцента Академіи Ф. С. Орнатскаго. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. 1794 г. Ц. 1 р. 75 к. съ перес.

Священникъ. Приготовление къ священству и жизнь священника. В. Ф. Пѣвницкаго. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересыпкою.

Съ требованіями какъ относительно журнала «Труды», такъ и другихъ изданій и книгъ редакція просить обращаться непосредственно къ ней— въ Редакцію журнала «Труды Киевской дух. Академіи», въ Киевъ.

Редакторъ проф. В. Пѣвницкій.

3—2

БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ БЕЗЦЕНЗУРНАЯ ГАЗЕТА

4
за годъ
Р.

1
три жс
Р.

Второе издание „Биржевыхъ Въдомостей“

Безусловно независимый органъ печати со строго выдержаніемъ напра-
левіемъ. Свободная отъ всякихъ мѣстныхъ вліяній, эта газета является
наиболѣе полнымъ

выразителемъ нуждъ провинціи.

Главные отдѣлы газеты, а въ особенности: передовой, политич-
ескій, столичной и провинціальной общественной жизни, фельетона, тел-
еграммъ, корреспонденціи и пр.,—по своей полнотѣ и свѣжести совершен-
но отвѣчаютъ подобнымъ-же отдѣламъ другихъ большихъ столичныхъ га-
зетъ. Въ ней принимаетъ участіе цѣлый рядъ

Извѣстившихъ русскихъ писателей,
произведенія коихъ составляютъ главную притягательную силу ежемѣ-
сячныхъ (толстыхъ) журналовъ.

ЕЖЕДНЕВНО:

Руководящія статьи, посвященные политическому положенію дна, обще-
ственнымъ и экономическимъ вопросамъ. Знамя газеты—стоять крѣпко за
правду, законъ и достоинство Россіи, дѣйствуя примирительно во всѣхъ
вопросахъ, касающихся какъ отдѣльныхъ классовъ населенія, такъ и на-
родностей, входящихъ въ составъ Русской Имперіи. Всѣ телеграммы, но-
вости и отголоски Общественной жизни. Дневникъ. Столичная хроника,
изъ залы суда, театръ, музыка и изящныя искусства. О чёмъ говорять и
пишутъ. Отклики. Пріобрѣвшія заслуженную извѣстность ежедневная бе-
сѣды нашего даровитаго сотрудника г. Далина о вопросахъ и нуждахъ
провинціи, о дѣятельности нашего земскаго и городскаго самоуправленія

и о нуждахъ нашей помѣщичьей и крестьянской деревни. Масса собственныхъ корреспонденцій. Хроника провинціи. Сообщенія собственныхъ корреспондентовъ изъ главныхъ центръ политической жизни: Парижа, Берлина, Вѣны, Лондона, Рима, Константина пола и изъ славянскихъ земель. Политическая хроника. Заграницная жизнь. Фельетоны беллетристические; музыкальные и театральные наброски, литературные очерки, сельско-хозяйственные и научные бесѣды.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА.

на второе изданіе

„БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“

со всѣми приложеніями и

съ пересылкой въ Россіи:

на годъ . . . 4 руб.		на 3 мѣсяца 1 руб.
		> декабрь или
> полгода . 2 >		январь . 35 коп. \

Главная контора: С.-Петербургъ, Невскій, 28.

УКРАШЕНІЕ ВОСКРЕСНЫХЪ НОМЕРОВЪ

нашей газеты, состоящихъ каждый изъ 12 страницъ (изъ коихъ восемь печатаются по формѣ сженедѣльныхъ журналовъ и на бѣлой глазированной бумагѣ), составлять въ наступающемъ году специально написанныя для «Биржевыхъ Вѣдомостей» новѣйшія беллетристическія произведения слѣдующихъ современныхъ лучшихъ русскихъ художниковъ слова:

Вас. Ив. Немировичъ-Данченко

большой романъ въ 4 частяхъ «Вѣчные миражи» (изъ жизни русскихъ за границею).

Графа Е. Л. Саліаса

большой романъ въ 2 частяхъ «Изломанные люди» (изъ жизни московской родовой и денежной аристократіи).

Сергѣя Атавы

послѣднее предсмертное произведеніе «Козелъ»

12 ПОВѢСТЕЙ и РОМАНОВЪ

слѣдующихъ хорошо извѣстныхъ читающей публикѣ русскихъ писателей: И. И. Ясинского (Максима Бѣлинского), большой романъ «Въ одинъ не-настый день». И. Н. Потапенко, большой романъ «Старое и юное» и повѣсть «Простая случайность». К. С. Баранцевича, повѣсть «Дама изъ мезонина». А. А. Лугового, повѣсть «Павла Львовича перевели». Д. А. Линева, повѣсть «Расчетъ». А. В. Круглова, повѣсть «Донъ-Кихотъ»

И отд.

— 13 —

Н. И. Аксакова, историч. новѣсть «Макарь-Богатырь», Е. О. Дубровиной, большой романъ «Свое и чаносное» и повѣсть «Русалка». Слово Глаголь, «Искатели и правды». Н. А. Соловьевы, пов. «Душа проснулась» и рядъ др. произведеній беллетристического, литературнаго и научнаго содержанія, вошедшихъ въ воскресные номера 1895 года, высылаются желавшимъ, какъ особая

ПРЕМИЯ

за 1 рубль (включительно расходовъ по пересылкѣ всѣхъ воскресныхъ номеровъ 1895 г.) новымъ годовымъ и полугодовымъ подписчикамъ, выславшимъ подписаныя деньги не позже 20-го декабря.

3-2

ЕЖЕДНЕВНАЯ

БОЛЬШАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И КОММЕРЧЕСКАЯ

ГАЗЕТА

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1896 годъ.

Нашъ девизъ: служеніе интересамъ всей Россіи, безъ различія національностей и вѣроисповѣданій.

Въ теченіе двадцати-трехъ лѣтъ своего существованія подъ личнымъ и непосредственнымъ руководствомъ собственника газеты, «Одесскій Листокъ» успѣлъ приобрѣсти широкій кругъ читателей на всемъ обширномъ югѣ Россіи.

Направленіе газеты хорошо известно постояннымъ читателямъ ея.

Редакція «Одесского Листка» зорко слѣдить за всѣмъ, что можетъ интересовать читателя въ политической и общественной жизни какъ Россіи вообще и ея Юга въ особенности, такъ и далеко за ея предѣлами. Въ этомъ отношеніи по полнотѣ своего содержанія и по качеству сообщаемаго материала наша газета ни въ чемъ не уступаетъ выдающимся столичнымъ изданіямъ.

Лучшимъ доказательствомъ этого служить слѣдующій обширный списокъ лицъ, принимающихъ постоянное, фактическое (а не фиктивное) участіе въ ней; П. В. Безобразовъ (быв. профессоръ Императорскаго Московскаго университета), Н. И. Борисовъ, И. Е. Булгаковъ, М. И. Бри-

танъ, А. Я. Безчинскій, А. К. Германіусъ (Финъ), С. Т. Герцо-Виноградскій (Баронъ Иксъ), П. Т. Герцо-Виноградскій, М. П. Гольденбергъ, Надежда Гликсбергъ, П. Д. Гроссуль-Толстой, В. М. Дорошевичъ, К. А. Дешкинъ, И. Захаровъ, П. Кузьменко, С. Б. Лазаровичъ, В. Я. Лучинскій, Ольга Лурье, Ф. Мельниковъ, А. И. Никольскій, Л. Е. Оболенскій, А. С. Попандопуло, Д. П. Пиленко, Е. Л. Рекало, М. Ф. Ставриаки, А. А. Сантагано-Горчакова, Н. И. Тезяновъ, Д. В. Федоровъ, В. В. Чуйко, Я. Л. Чертокъ, А. А. Цѣновскій, И. Б. Шкловскій (Діонео), А. А. Ярошко и др.

«Одесскій Листокъ», кромѣ самой полной хроники общественной, городской, административной, военной, судебной, думской, земской, дает ежедневно массу телеграммъ отъ собственныхъ корреспондентовъ (въ теченіи цѣлаго года, а не только предъ подпиской) и отъ Российскаго Телеграфнаго Агентства.

Ежедневно и обязательно въ каждомъ номерѣ газеты печатается одинъ изъ фельетоновъ общественной жизни, литературно-критическихъ, сельско-хозяйственныхъ, по вопросамъ философии, научныхъ, музыкальныхъ, беллетристическихъ и др., а также фельетонные наброски «злобъ дня» Кишинева, Николаева, Херсона, Елисаветграда и прочихъ городовъ Юга и Крыма. Сообщая всѣ выдающіеся факты общественной и политической жизни Россіи, Европы, всего міра, мы ставимъ себѣ задачей — придавать имъ яркое, всегда беспристрастное и всегда правдивое освѣщеніе.

Во время предстоящихъ въ наступающемъ году торжествъ СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, въ «Одесскомъ Листкѣ» будутъ ежедневно помѣщаемы телеграммы и сообщенія изъ Москвы, относящіяся къ этому знаменательному событию.

Въ будущемъ-же году въ Нижнемъ-Новгородѣ открывается всероссійская выставка, подробнѣйшая свѣдѣнія о которой въ телеграммахъ и сообщеніяхъ будутъ ежедневно воспроизведимы въ нашей газетѣ.

На 1896 годъ въ портфель редакціи уже имѣются слѣдующіе разсказы извѣстнаго журналиста, пишущаго подъ псевдонимомъ «Дяди Власа»: 1) «Старая гвардія», 2) «Умирающая газета», 3) «Легенда о происхожденіи одесскитки», 4) «Кумиръ», 5) «Знаменитости», 6) «Передовая статья», 7) «Мужъ царицы (изъ закулисныхъ типовъ)», 8) «Мужья», 9) «Проданный выстрѣль», 10) «Гладіаторъ», а также разсказы и повѣсти многихъ др. авторовъ.

Кромѣ латературнаго и публицистического материала, въ газетѣ ежедневно печатаются коммерческія свѣдѣнія — какъ-то: цѣны на хлѣбъ, колоніальные товары, на скотъ, курсы на денежныя бумаги и на монету на русскихъ и заграничныхъ рынкахъ, и все прочее, что можетъ интересовать коммерсанта. Во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Юга редакція имѣеть постоянныхъ корреспондентовъ.

Такимъ образомъ, газета выполняетъ свое назначение—служить самому широкому кругу читателей, и наши постоянные читатели знаютъ, что мы никогда не останавливаемся передъ дальнѣйшими улучшеніями газеты какъ по ея содержанию, такъ и по виѣшнему ея виду.

Такъ, съ наступающаго 1896-го года обращено будетъ особяное вниманіе на улучшеніе виѣшняго вида газеты, съ каковою цѣлью, не смотря на крупную затрату, доходящую до двадцати тысячъ рублей, выписана новая Ротационная машина Маринони изъ Парижа (печатающая до 10 тысячъ экземп. въ часъ), нынѣшніе шрифты замѣнены будуть болѣе крупными и четкими, безъ ущерба для количества печатаемаго материала, и приняты вообще всѣ мѣры въ тому, что-бы изданіе наше даже и въ мѣсяцахъ шло въ встрѣчу желаніямъ публики.

Подписанная цѣна газеты съ правомъ бесплатнаго чтенія всѣхъ русскихъ и иностраннѣйшихъ газетъ, получаемыхъ въ кабинетѣ для чтенія. Въ городѣ съ доставкою на домъ: 10 руб. въ годъ, 6 руб. полгода, 3 руб. 50 коп. три мѣсяца, 1 руб. 20 коп. въ мѣсяцъ.

На города съ ежедневною высылкою по почтѣ: 12 руб. въ годъ, 7 руб. полгода, 3 руб. 80 коп. три мѣсяца, 1 руб. 30 коп. въ мѣсяцъ.

Контора редакцій «Одесскаго Листка»

въ Одессѣ, въ домѣ редактора-издателя «Одесскаго Листка» В. В. Навроцкаго, рядомъ съ Городскимъ театромъ.

Редакторъ-Издатель *В. В. Навроцкій.*

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

на еженедѣльный Литературный и Научно-Популярный Иллюстрированный Журналъ

„НОВОРОЮ И СУШЬ“

издаваемый въ Одессѣ по слѣдующей программѣ:

- 1) Хроника Столичной, мѣстной и провинціальной жизни; 2) Популярно-научныя статьи и замѣтки по всѣмъ отраслямъ знанія; 3) Романы, повѣсти, рассказы, путешествія и стихотворенія; 4) Обозрѣніе новостей литературы и искусства; 5) Письма, вѣсти и слухи отовсюду; 6) Статьи и извѣстія по морскому и желѣзодорожному дѣлу; 7) Фельетонъ; 8) Справочный отдѣлъ; 9) Отвѣты редакціи и 10) Объявленія.

Въ 1896 году помѣщены между прочимъ:

«О Гоголѣ» проф. А. И. Маркевича; «Пушкинъ на югѣ Россіи» В. Н. Ястребова; «Шевченко—другъ семьи» А. Каневскаго; «Костомаровъ» А. С—каго; «О Шафарикѣ» Е. В.; «Вольта»; По поводу юбилеевъ проф. А. И. Маркевича и проф. В. А. Антоновича А. С—каго; «О Грибоѣдовѣ», «О Грановскомъ» К. А. Шрама; «Воспоминанія Пастера», «О Пастерѣ» Г. С—ва; «О Котляревскомъ» «О Гулакѣ-Артемовскомъ» М. Комарова; «Малоруссія стихотвор. Кольцова» его-же и проч. Очерки Кореи, Абисініи, Придунайской Бесарабіи, «О Бѣлградѣ и его окрестностяхъ» А. П. Углича; «Какъ сдѣлать Россію профезжей»; «О предсказаніи погоды» П. И. Злотива; поѣздка на могилу Т. Г. Шевченко, С. Е. Письма: изъ Бессарабіи Радова; изъ аваньев. уѣзда Чикаленко; съ береговъ Темзы Бичъ-Богуславскаго, изъ Черноморія Стиверскаго, изъ Елисаветграда Ас—на, «Съ Далекаго Запада» Л. Богатаго; «О Сельско-хозяйственномъ кризисѣ въ Англіи» Бичъ-Богуславскаго; «Выжилъ», повѣсть П. Остаповскаго; «Изъ жизни сельскихъ школьниковъ» его-же; «Русскій Фра-Дьяволо» Николаева; «Дезертиръ» его-же, «Сирота Захарко» А. Крымскаго; «Танцевальный вечеръ» Олены Пчилки; «Золотая писанка» ея-же; Въ Одесскомъ Подземельѣ И. Вл—ко; «Кошка Помѣшала» Д. Романовой; «Изъ исторіи нашихъ степей» В. Я.

Текстъ иллюстрируется портретами и др. рисунками.—При журнальныхъ даны будуть 4 книжки приложений.

Въ будущемъ 1896 г. читатели журнала «По Морю и Сушѣ» получать 52 №№ журнала, въ объемѣ не меньшемъ, чѣмъ въ нынѣшнемъ году, и 4 книжки приложенийъ, выпускаемыхъ каждые 3 мѣсяца по одному.

Подписная цѣна на журналъ „По Морю и Сушѣ“ съ приложеніями (съ пересылкой и доставкой)

На годъ 4 руб.; на полгода 2 руб.; на 3 мѣсяца 1 руб.; на 1 мѣсяцъ 35 коп. почтовыми марками.

Для учителей народныхъ училищъ на годъ 3 руб., на полгода 1 руб. 50 коп. Приложениа разсылаются всѣмъ подписчикамъ, исключая подписавшихся на 1 мѣсяцъ. Подписавшіеся на журналъ до Нового года получать бесплатно всѣ №№, имѣющіе выйти до конца 1895 г.

Отдѣльные №№ продаются по 10 коп.

Подписка принимается въ Одессѣ, въ редакціи журнала «По Морю и Сушѣ» (Софіевская, д. № 18, кв. № 25) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Россіи, а въ г. Елисаветградѣ—въ отдѣленіи конторы журнала при «Молочной и Кофейной Гольдфельда и К°» (Дворцовая ул., д. Гольденберга).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

на

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

V-Й ГОДЪ
издания.

,ОБРАЗОВАНІЕ“

V-Й ГОДЪ
издания.

Задачи журнала: 1) содѣйствовать распространенію въ Россіи образованія (особенно народнаго), внимательно слѣдя за ходомъ народнаго просвѣщенія, освѣщающая общественное значеніе явлений въ этой области, указывая на нужды и недостатки нашей школы и намѣчая средства къ ея развитію; 2) утверждать въ обществѣ, и въ частности въ средѣ учителей правильные взгляды на воспитаніе и обученіе, знакомя съ наиболѣе интересными сторонами теоріи (психологии и исторіи педагогики) и практики нашего школьнаго и домашняго воспитанія, отмѣчая его темныя стороны, устарѣлые методы и неправильности постановки различныхъ учебныхъ предметовъ, выясняя ихъ образовательное значеніе и мѣсто въ системѣ общаго образованія; 3) помогать самообразованію и расширенію знаній путемъ ознакомленія въ общедоступно-изложенныхъ статьяхъ и цѣлыхъ сочиненіяхъ (преимущественно по общественнымъ, нравственнымъ и естественнымъ наукамъ) съ основными вопросами знанія въ различныхъ его областяхъ, съ новѣйшими течевіями въ литературѣ и наукѣ и 4) сообщая о всѣхъ достойныхъ вниманія фактахъ русской и заграничной жизни и литературы, выяснять общественное значеніе вопросовъ образованія и ихъ связь съ жизнью.

Въ журналъ входятъ слѣдующіе отдѣлы: 1) Центральное распоряженія. 2) Общепедагогическая статья. 3) Народное образованіе въ Россіи и за границей. 4) Новые педагогические движения на Западѣ. 5) Критика и библиографія (популярно-научная и общеобразовательная сочиненія, учебники, книги для дѣтей, народныя книги). 6) Научно-популярные статьи. 7) Хроника (Изъ жизни и литературы). 8) Развѣяния извѣстія и сообщенія. 9) Статистика образованія (въ Россіи и за границей). 10) Изъ области знаній. 11) Указатель новыхъ книгъ. 12) Приложения (научно-популярные и педагогические сочиненія).

Въ редакцію призываютъ дѣятельное участіе извѣстные педагоги: П. Ф. Каптеровъ, В. П. Острогорскій, Д. Д. Семеновъ и А. Н. Страннолюбскій.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (1-го числа) книжками около 10 печатныхъ листовъ. ●

Въ 1896 году въ приложеніи къ журналу будутъ даны два научно-популярныхъ сочиненія.

Цѣна за годъ съ приложеніемъ 5 руб. съ пересылкой.

Земства, выписывающія не менѣе десяти экземпляровъ, пользуются уступкой 10 проц. Народные учители могутъ подписываться съ разсрочкой (въ два срока: при подпискѣ 3 руб., 1-го мая 2 рубля).

Въ редакціи имѣется небольшое число экземпляровъ «Образованія» за предыдущіе годы. Цѣна 5 руб., съ пересылкой; для подписчиковъ на 1895 и 1896 г.—4 рубля.

Подписка принимается въ главной конторѣ журнала (Сиб., Басковъ пер., домъ 22).

За редактора-издателя *В. Сиповскій*.

3—2

1896 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

„ЮРИДИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ“

съ бесплатнымъ приложениемъ

«Сборника решений Уголовного и Гражданского Кассационныхъ Департаментовъ и Общаго Собрания Правительствующаго Сената» и
«Собрания узаконеній и распоряженій Правительства».

Выходитъ два раза въ недѣлю: по четвергамъ и воскресеньямъ

безъ предварительной цензуры

Годовая подписная цѣна съ доставкою и пересылкой СЕМЬ рублей.

Допускается разсрочка въ платежѣ: при подпискѣ—4 руб. и къ 1-му апрѣля—остальные—3 руб.

(Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій пр., д. № 59, кв. № 1).

Программа: Послѣднія извѣстія.—Передовыя статьи.—Законодательная хроника въ Россіи.—Обзоръ постановленій отечественнаго и иностраннаго законодательства.—Статьи и замѣтки по вопросамъ, возникающимъ въ судебнай и административной практикѣ.—Вѣсти и слухи.—Корреспонденціи изъ Россіи и заграницы.—Выдающіеся процессы и рѣчи.—Фельтонъ.—Движеніе по государственной службѣ (приказы министерствъ).—

Дѣйствія правительства (собранія узак. и распор. прав.).—Рѣшевія Правительств. Сената и циркуляры подлежащих министерствъ.—Списки дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ Департаментахъ и общихъ собраніяхъ Правительствующаго Сената.—Списки лицъ, состоящихъ подъ опекою, призначенныхъ несостоятельными, возстановленныхъ въ правоспособности, а также объявленія объ уничтоженныхъ довѣренностяхъ (Сенатскія объявленія).—Обзоръ юридическихъ журналовъ.—Новые книги и отзывы о нихъ (библиографія).—Объявленія.

Выѣстѣ съ этимъ, подписчики, внесшіе полную годовую плату за газету, могутъ обращаться въ контору редакціи «Юридической Газеты» за справками по дѣламъ, какъ судебнымъ, такъ и административнымъ, и за разрѣшеніемъ юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся ихъ имущественныхъ или личныхъ интересовъ. Порученія эти контора редакціи принимаетъ на себя при соблюденіи слѣдующихъ условій:

§ 1. Сообщеніе справокъ о резолюціяхъ Кассаціонныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Правительств. Сената производится въ «Юридической Газетѣ» въ отдѣлѣ «Почтоваго ящика» и притомъ не болѣе 3-хъ разъ въ теченіе года. Лица или учрежденія, желающія получать по дѣламъ Кассаціонныхъ Департаментовъ Сената справки по почтѣ, прилагаютъ два рубля за каждую справку по каждому отдельному дѣлу, а желающія получить ее по телеграфу, прилагаютъ кромѣ того и стоимость отвѣтной телеграммы. Наблюденіе за ходомъ дѣла, какъ составляющаго предметъ особаго порученія болѣе или менѣе продолжительнаго, производится на условіяхъ особаго соглашенія съ конторою редакціи.

§ 2. Всѣ другія справки и порученія по всѣмъ вообще правительственныймъ, административнымъ и судебнѣмъ (центральнѣмъ и мѣстнымъ), общественнымъ, сословнымъ и частнымъ учрежденіямъ производятся не иначе, какъ на условіяхъ предварительного соглашенія съ конторою редакціи.

§ 3. Разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ по дѣламъ, касающимся имущественныхъ и личныхъ интересовъ, сообщеніе совѣтовъ и т. п. производится письменно по почтѣ, на условіяхъ особаго предварительного соглашенія съ конторою редакціи.

§ 4. Лица и учрежденія, обращающіяся къ намъ за справками, обязаны сообщить: а) бандероль, за которую получаютъ «Юридическую Газету»; б) когда и комъ поданы прошеніе или жалоба; в) на рѣшеніе какого присутственнаго мѣста или должностнаго лица, и г) когда и какимъ присутственнымъ мѣстомъ или должностнымъ лицомъ прошеніе или жалоба отправлены въ Сенатъ или другое правительственное учрежденіе.

§ 5. Контора редакціи «Юридической Газеты» также принимаетъ на себя и указаніе повѣренныхъ для веденія дѣлъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

■■■

V-й
годъ
издания**МІРЪ БОЖІЙ**V-й
годъ
издания

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

для юношества и самообразованія.

Выходитъ ежемѣсячно книжами отъ 22—25 печ. листовъ.

Въ 1896 году журналъ будетъ издаваться по той же программѣ и при томъ же составѣ редакціи и сотрудниковъ, причемъ для напечатанія предполагается, между прочимъ, слѣдующее: По беллетристикѣ: «По новому пути» — романъ Д. Н. Мамина-Сибиряка; «Матросикъ» — рассказъ К. Станюковича; «Мишурись» — рассказъ И. Потапенко; «Въ водоворотѣ» — изъ исторіи великой французской революціи — Ю. Безродной; «У чугунной доски» — рассказъ Н. Гарина; «Изъ Сибирской жизни» — рассказъ В. Сѣрошевскаго; «Богомолье» — изъ народной жизни И. Савицкаго; «Подъ игомъ» — романъ И. Вазова, переводъ съ болгарскаго; романъ съ англійскаго, переводъ А. Анненской; «За Атлантическимъ океаномъ» — путевыя впечатленія изъ поѣздки по Америкѣ — Кживицкаго, переводъ съ польскаго. Научныя сочиненія и статьи: «Шекспиръ и Бѣлинскій» — проф. Н. Стороженако; «А. Ф. Писемскій» — Ив. Ивановъ; «Люди и факты новой европейской культуры» — Ив. Ивановъ; «Герой современной легенды» — Ив. Ивановъ; «В. Г. Короленко (основныя идеи его произведений)» — критическій этюдъ М. Плотникова; «Рѣскинъ и его ученье» — Д. Коропчевскаго; «Очерки по исторіи русской культуры» — часть II-ая, Н. Милюкова; «Свобода ли человѣческая личность» — прив.-доц. Г. Челпанова; «Цѣнность жизни» — прив.-доц. Г. Челпанова; «Экономическіе этюды» — прив.-доц. М. Туганъ-Барановскаго; «Моя воспоминанія» (1851—1862 г.) — И. Красноверова; «Изъ записокъ изслѣдователя» — Ф. Щербины; «Гарантіи правосудія» — очерки Гр. Джавашіева; «Сила тяжести и давленіе какъ условіе существованія животныхъ» — проф. А. Никольскаго; «Вольфгангъ Гёте» — Даудена, переводъ съ англійскаго А. Анненской; «Развитіе профессій» — очерки Спенсера, переводъ Т. Криль; «Исторія цивилизаціи» — Дюкудре, часть II-ая, средніе и новые вѣка, съ рисунками въ текстѣ, переводъ подъ редакціей и съ примѣченіями Д. Коропчевскаго; «Основныя идеи зоологии въ ихъ историческомъ развитіи отъ древнихъ временъ до Дарвина» — Эдмона Шеріа, съ многочисленными

рисунками и портретами въ текстѣ, переводъ проф. А. Никольского и К. Пятицаго; «Наши тайные друзья и враги», популярная лекція по бактериологии, Фарадея Франкланда и пр.

Постоянныя отдѣлы: Разныя разности: 1) На родинѣ, 2) За границей, 3) Критическія замѣтки, 4) Библіографія, 5) Новости иностранной литературы.

Подписная цѣна: съ доставкою и пересылкой 7 руб., безъ доставки 6 руб., за границу—10 руб. Подписка принимается въ С.-Петербургѣ: въ главной конторѣ редакціи—Лиговка, 25, кв. 5, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Разсрочка на слѣдующихъ условіяхъ: При подпискѣ 4 руб., остальные 3 руб. къ первому юля и черезъ казначеевъ.

Издательница *A. Давыдова.*

Редакторъ *B. Острогорскій.*

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

газета общественная, политическая и литературная.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО.

Программа газеты: I. Дѣйствіе правительства П. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внѣшней политики и общественной жизни. III. Обозрѣніе газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ „Южного Края“ и „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“. V. Послѣднія извѣстія (сообщеніе собственныхъ петербургскихъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ). VI. Мѣстная хроника. VI. Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка. IX. Отголоски (маленький фельетонъ). X. Вѣсти съ юга: корреспонденціи „Южного Края“ и извѣстія другихъ газетъ. XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи „Южного Края“ и извѣстія другихъ газетъ. XII. Внѣшняя извѣстія: заграничная жизнь послѣдняя почта. XIII. Фельетонъ: научный, литературный, художественный и общественной жизни. Беллетристика. XIV. Судебная хроника. XV. Критика и библіографія. XIV. Смѣсь. XVII. Биржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVIII. Почтовый ящикъ. XIX. Календарь. XX. Справочная свѣдѣнія: дѣла, назначенные къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. Свѣдѣнія о прибыва-

шихъ грузахъ на ст. Харьковъ и другія XXI. Стороннія сообщенія. ХХII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

Въ „Южномъ Край“ помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамилии, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политиковъ, имѣющихъ отношенія къ текущимъ событиямъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА УМЕНЬШЕНА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1895 Г.:

съ пересылкою иногороднимъ:

На 12 м.—11 р., 11 м.—10 р. 50 к., 10 м.—10 р., 9 м.—9 р. 20 к.,
8 м.—8 р. 50 к., 7 м.—7 р. 80 к., 6 м.—7 р., 5 м.—6 р., 4 м.—
5 р., 3 м.—4 р., 2 м.—3 р., 1 м.—1 р. 50 к.

съ доставкою въ Харьковѣ:

На 12 м.—10 р., 11 м.—9 р. 50 к., 10 м.—9 р., 9 м.—8 р. 25 к.,
8 м.—7 р. 50 к., 7 м.—6 р. 75 к., 6 м.—6 р., 5 м.—5 р. 25 к.,
4 м.—4 р. 50 к., 3 м.—3 р. 40 к., 2 м.—2 р. 40 к., 1 м.—1 р. 20 к.

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляр по соглашению съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ Харьковѣ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край“, на Николаевской площади, въ Городскомъ домѣ.

По поводу предстоящаго Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ въ «Южномъ Край» своевременно будетъ помѣщены цѣлый рядъ рисунковъ, относящихся къ этому событию; во время коронаціи ежедневно будутъ печататься телеграммы и сообщенія собственныхъ корреспондентовъ изъ Москвы.

Годовымъ подписчикамъ «Южного Края» на 1896 годъ будетъ выданъ

АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ,

относящихся къ торжеству Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Редакторъ-издатель А. А. Йозефовичъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

вд

„ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА“

въ 1896 году.

(26-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Отдѣлы журнала: 1, Оригинальные статьи. 2, хроника русского и иностранного законодательства, 3, хроника гражданского и уголовного суда, 4, Критика и библиографія, 5, замѣтки и извѣстія.

Въ журналѣ за 1895 г. были помѣщены слѣдующія статьи и замѣтки: Д. Никольского.—Первая и вторая международная конференція въ Гагѣ по вопросамъ частного международного права; Е. Васковскаго.—Недостатки устава гражданского судопроизводства; Б. Беренштейна.—Къ вопросу о чекахъ. А. Леонтьева.—Желательная организація народнаго суда; Старого Профессора. Замѣтательная эпоха въ исторіи русскихъ финансовыхъ (И. Х. Бунге и И. А. Вышнеградскій); А. Книрима.—О новомъ проектѣ устава о векселяхъ; И. Мѣщанинова.—О привлечениіи къ суду; В. Набокова.—Нищенство и бродяжество, какъ наказуемые проступки; профес. Євлогрица-Котляревскаго.—О врачебной тайнѣ съ этическо-юридической точки зрењія; С.—О неприкосновенности почтовой корреспонденціи по русскому законодательству; В. Утина.—О силѣ и значеніи межевыхъ актовъ; А. Тютремова.—Къ вопросу о примѣняемости тѣлесныхъ наказаній; И. Гофштеттера.—Пойдетъ ли Россія по пути капитализма; В. Розенблюма.—О наказуемости двоеженства у раскольниковъ; Л. З.—Новыя теченія въ наукѣ уголовнаго права; Д. Дрила.—Убийство и убийцы; А. Леонтьева.—Волостной судъ и обычное право; Левитскаго.—Объ истолкованіи судомъ содержанія духовныхъ завѣщаній; А. Лонгинова.—Значеніе историко-юридического элемента по отношенію къ законопроектамъ мин. юстиціи; проф. И. Суворова.—Центральная организація церкви, какъ юридическое лицо; А. Тимофеева.—Молодые преступники и организація, принудительного воспитанія; П. Шепилло.—По поводу учрежденія уѣздныхъ членовъ окружнаго суда; А. Левенстима.—Жалоба потерпѣвшаго лица; А. Башмакова.—Поземельное устройство прибалтийскихъ крестьянъ; А. Каминка.—О примѣненіи давности къ церковнымъ землямъ; И. Водовозова.—Экономические взгляды Мальтуса; Е. Максимова.—Земская дѣятельность въ области общественного призрѣнія; Я. Городнскаго.—Практика судебнo-административныхъ учрежденій; В.—Нѣсколько замѣчаній по: поводу проекта гражданского уложения; А. Соколова.—Основныя положе-

віа предварительного производства въ уголовномъ процессѣ; проф. И. Иваневскаго.— Коллекціальное начало въ министерской организації; А. Гольденвейзера.— Наші своды кассаціонныхъ рѣшеній; Путилова.— Замѣтка о временныхъ правилахъ о волостномъ судѣ; Е. Кривскаго.— Нѣсколько словъ по поводу вопроса вотаріальной практики; Л.— Американскія исправительныя тюрьмы; проф. Залѣсскаго.— Къ вопросу о цѣнности и происхожденіи прибыли на капиталъ; Н. Дингельштедта.— Законъ о водѣ для Крыма; В. Волжива.— Необходимо ли допрашивать врача-экспертовъ подъ присягою; Я. Городыскаго.— Проекты вотчинной системы; проф. Л. Ходскаго.— Памяти Н. Х. Буне; Н. Дружинина.— Наказаніе безъ суда; А. Леонтьева.— Кодификація обычнаго права; Е. Васьковскаго.— Къ вопросу о реформѣ адвокатуры; Н. Полетаева.— Наказъ Импер. Екатерины II-й; проф. Н. Суворова.— Епархія, какъ юридическое лицо; А. Дукмасова.— Къ вопросу о судѣ присяжныхъ и др. Кроме того, въ распоряженіи редакціи имѣется громадное количество рукописей, которыхъ будутъ напечатаны въ теченіе 1896 г. Затѣмъ въ журнальѣ были помѣщены хроники законодательства касающагося права государственаго, финансового (экономическое обозрѣніе), уголовнаго, гражданскаго и торговаго, а также хроники гражданскаго и уголовнаго суда.

Въ отдѣлѣ критики и бібліографії помѣщались рецензіи на вновь вышедшия книги и указатель юридической литературы (русской и иностранной).

Цѣна за годовое изданіе (10 книгъ въ годъ отъ 15 до 20 листовъ):

въ С.-Петербургѣ безъ доставки	8 руб. — в.
въ С.-Петербургѣ съ доставкою	8 , 50 ,
съ пересылкою	9 , — ,
за границу	12 , — ,

Подписчики, желающіе, сверхъ того получить рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ Сената, платить за журналъ и за рѣшенія съ доставкою пересылкою 13 руб. Отдѣльно рѣшенія (безъ журнала) 4 руб.

Допускается разсрочка: въ Январѣ 5 руб., съ касс. рѣш. 8 руб., и въ Юнаѣ остаточная сумма. Гг. члены С.-Петербург. юридического общества, учащіеся и кандидаты на судебнаго и военно-судебныя должности платить половину цѣны, т. е. 4 р. 50 к., а съ касс. рѣш. 8 р. 50 к.

Подписька принимается въ конторѣ журнала (С.-Петербург. Новоніацкіевская, 14. кв. 7), а равно въ книжныхъ магазинахъ Анисимова, Мартынова, „Нового Времени“ и др.

Редакція— С.-Петербург. Эртельевъ пер. 9, кв. 6 открыта по вторникамъ, отъ 2 ч. до 4 ч.

Контора— по вторникамъ и пятницамъ, отъ 7 до 9 ч.

Редакторъ проф. В. Н. Латкинъ.

„ЖИЗНЬ И ИСКУССТВО“.

Киевская ежедневная, литературная политическая и художественная газета

СЪ ПОЯСНИТЕЛЬНЫМИ КЪ ТЕКСТУ РИСУНКАМИ
будетъ издаваться въ 1896 году по прежней программѣ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	На 1 годъ.	на 6 м.	на 3 м.	на 1 м.	
	руб.	р.	к.	р.	к.
Съ пересылкой и доставкой.	8	5	—	3	—
Безъ доставки.	. . .	6	3	75	2
				75	—
				75	75

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ 4 руб., къ 1 мая—2 руб. и къ 1 июля—2 руб., а для служащихъ въ администр., судебн. обществ. и частн. учрежденіяхъ по 1 руб. въ первые восемь мѣсяцевъ. Подписка принимается въ Главной Конторѣ газеты: Киевъ, Прорѣзная ул. № 8 а.

Редакторъ-Издатель *M. E. Краинский.*

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ.

(Седьмой годъ изданія)

НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ ОБОЗРѢНИЕ.

Выходить въ Москвѣ безъ предварительной цензуры, 1-го числа каждого мѣсяца, книжками до 30 печатныхъ листовъ по той же программѣ и при участії тѣхъ же ближайшихъ сотрудниковъ, что и прежніе годы.

Постоянные отдѣлы журнала слѣдующіе: 1) Изящная словесность (Оригинальные и переводные романы, повѣсти, рассказы, очерки, стихотворенія и т. д.). 2) Наука (философія, исторія, естествознаніе, военные науки и проч.). 3) Искусство (обозрѣнія театральныя, музыкальныя, художественныя и др.). 4) Воспоминанія. 5) Путешествія. 6) Материалы для характеристики русскихъ писателей, художниковъ и общественныхъ дѣятелей. 7) Критика и библіографія (отзывы о сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ литературы, новости иностранной журналистики и обозрѣніе духовныхъ журналовъ). 8) Вопросы церковной жизни.

9) Современные вопросы. 10) Лѣтопись печати. 11) Внутреннее обозрѣніе. 13) Иностранный корреспонденціи. 14) Экономическая замѣтки. 15) Обласной отдѣлъ (письма и сообщенія изъ провинцій). 16) Объявленія.

Въ 1895 году въ „Русск. Обозр.“ было, между прочимъ, напечатано:

Д. В. Аверкіева: Переводъ трагедіи Шекспера Гамлетъ, Принцъ Датскій.
 А. Ф. Адамовича: Мысли обывателя. И. С. Аксакова: Письма къ О. А. Новиковѣ. А. А. Александрова: Стихотворенія. Б. Н. Алмазова: То-же. К. Альбинскаго: То-же. Проф. А. С. Архангельскаго: С. Т. Аксаковъ (Дѣтство и студенчество). К. Д. Бальмонта: Стихотворенія. С. П. Бартенева: Поѣздка на Востокъ. В. И. Бафталовскаго: Обзоръ мѣстного управления и суда. Гр. П. Д. Бутурлина: Стихотворенія. Е. А. Варжиневской: То-же. С. Высильева: Къ характеристикѣ Чацкаго. Его-же: Театральная хроника. Я. И. Вейнберга: Новая составная часть воздуха. Проф. Н. А. Висковатова: Задачи русской литературы. Ф. А. Витберга: Значеніе воображения въ жизни человѣка. Княгини М. В. Волконской: „Одинъ изъ малыхъ сихъ“. Идиллія. Кн. К. А. Вяземскаго: Путешествіе вокругъ Азіи верхомъ. В. М. Гаршина: Письма къ матери изъ Болгаріи (1877). Г. П. Георгіевскаго: Древне-русскія свадьбы. Его-же: Коронованіе русскихъ государей. В. А. Гиляровскаго: Стихотвореніе. Н. П. Гилярова-Платонова: Логика расколо (письма къ И. С. Аксакову). Гр. А. А. Голенищева-Кутузова: Стихотвореніе. К. Ф. Головина: Изъ исторіи русского романа. И. А. Гончарова: Намѣренія, задачи и идеи романа „Обрывъ“. Шарля Гуно: Воспоминанія артиста. Г. О.: Федоръ Павловичъ. Новгородскій разсказъ. Г. А. Де-Волланда: Въ странѣ восходящаго солнца. Чарльза Дикенса: Посмертный разсказъ. Н. Д'Эссаръ: Король теноровъ. Повѣсть. А. В. Елисѣева: Вдоль береговъ Трои. В. П. Желиховской: Въ житейскомъ омутѣ. Повѣсть. А. Л. Зиссермана: Деревенскія письма. Проф. Н. Ю. Зографа: Исторический обзоръ теорій наслѣдственности. В. Илларіонова: Иконописцы-сузdalцы. Проф. Н. Д. Кашкина: Воспоминаніе о П. И. Чайковскомъ. Его-же: Музыкальное обозрѣніе. А. А. Кирѣева: Споръ съ западниками настоящей минуты Н. Н. Колюпанова: Изъ прошлаго (посмертныя записки). А. А. Коринскаго: Стихотворенія С. Д. Крылова: Направленіе общественной и научно-литературной мысли въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія. Н. А. Кулиша: Українскіе казаки и паны въ двадцатилѣтіе передъ бунтомъ Богдана Хмельницкаго. К. С. Н.: Прогулка пѣшкомъ черезъ Симилонтъ. И. И. Лажечникова: Письма къ С. П. и К. П. Нобѣдоносцевымъ. К. Н. Леонтьева: Письма къ К. А. Губастову. Е. В. Ливотова: Георгій Конисский, архіепископъ Бѣлорусскій. Я. Литвинова: О поземельномъ устройствѣ нашихъ крестьянъ. Его-же: Земскіе начальники, ихъ судебная и административная дѣятельность. М. А. Лохвицкій: Стихотворенія. Проф. Н. А. Любимова: Значеніе Бекона Веруламскаго въ исторіи философіи природы. Акад. Л. Н. Майкова: Знакомство Пушкина съ семействомъ Ушаковыхъ. В. Н. Макъ-Гаханъ: Поступательное движение православія въ Соединеніи.

ныхъ Штатахъ. В. Л. Маркова: Мечты и жизнь. Романъ. Е. Л. Маркова: Домой по Волгѣ. С. А. Минутко: Еврейское землевладѣніе въ центрѣ Россіи. А. Н. Муравьевъ: Мои воспоминанія. Проф. Г. А. Муркося: Отрывокъ изъ путешествія Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII столѣтія. Гр. Г. И. Ностица: Стихотвореніе. И. Н.: Русскіе символисты и кое-что о символизмѣ вообще. С. Обуховскаго: Стихотвореніе. Э. Оржешко: Рассказы изъ польской жизни. Н. М. Павлова: Полемика Каткова съ Герценомъ. Эпизодъ изъ шестидесятыхъ годовъ. Его-же: Полемика по поводу этой статьи съ К. Н. Цвѣтковымъ. Н. Н. Павлова: Домой на праздникъ. Рассказъ. И. У. Палимпесостова: Изъ воспоминаній о Н. И. Костомаровѣ. В. А. Панаева: бумажная деньги—товаръ. Н. Ф. Плахово: Стихотворенія. Я. Н. Полонскаго: По поводу одного заграниц资料ного издания и новыхъ идей графа Л. Н. Толстого. Его-же: Стихотвореніе. Правы-ли мы? (письмо къ православнымъ отцамъ и матерямъ). Его-же: Къ вопросу о духовной литературѣ для народа. Его-же, Къ вопросу о „пересказахъ“ житія святыхъ. В. Птицына: По Лепѣ зимою. В. Ракитина: Стихотвореніе. Проф. С. А. Рачинскаго: Церковная школа. В. В. Розанова: О такъ-называемомъ „дѣйствія на разстоянії“. Его-же: Смѣна міровоззрѣній. Его-же: Что иногда значитъ „научно объяснить“ явленіе? Его-же: „Что выражаетъ собою красота природы? Ф. Э. Ромера: Стихотвореніе. Гр. А. Салтыкова: То-же. А. А. Сидорова: Послѣдніе дни жизни и дѣятельности В. В. Крестовскаго К. К. Случевскаго. Призракъ. Пoэти. А. А. Смирнова: Стихотвореніе. Протоіер. Е. К. Смирнова: Anglo-Русское Литературное Общество. Его-же: Лекція о Митрополитѣ Филаретѣ. А. К. Соболева: Стихотвореніе. М. Н. Соловьевъ: Письма изъ Италии. Spectator'a: Современные вопросы. А. В. Стерна: Послѣднее разочарованіе. Повѣсть. Н. Н. Суворова: Въ какихъ убѣжденіяхъ таится истина? Его же: Желательно ли возрожденіе романтизма? Его-же: Кое-что о „дореформенномъ идеализмѣ“. Его-же: Къ вопросу о церковно-приходскихъ школахъ грамоты. Талицкаго: Новый уставъ Государственного Банка. В. А. Теплова: Осѣчка. Повѣсть изъ константинопольской жизни. Л. А. Тихомирова: Лѣтопись печати. Графиня Е. Н. Толстой: Въ поискахъ за квартирой. Рассказъ. Кн. Э. Э. Ухтомскаго: Стихотвореніе. А. А. Фовъ. Риттера: Старые кадеты. Очерки. Свящ. И. И. Фуделя: Культурный идеаль К. Н. Леонтьева. Его-же: Одна изъ нашихъ слабостей (По поводу полемики Каткова съ Герценомъ). Его-же: Поучительная исторія (Къ школьному вопросу). М. А. Хитрово: Стихотвореніе. Проф. Д. В. Цвѣтаева: Россія и западная Европа въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. (По поводу минувшаго царствованія). Н. А. Чаева. Стихотворенія. Н. И. Черняева. О русскомъ самодержавіи. Акад. В. И. Шервуда: Опытъ изслѣдованія законовъ искусства. (Живопись, скульптура, архитектура и орнаментика). И. Шмелева: У мельницы. Рассказъ. Н. В. Ш.: Статьи о Н. И. Гиляровѣ-Платоновѣ, А. С. Хомяковѣ и Ю. Ф. Самарянѣ. Ив. Щеглова: Милліонъ терзаній. Романъ. Сти: Письма изъ

Рима. W.: Лѣтопись современной беллетристики. Z.: Изъ переписки И. С. Тургенева съ А. И. Герценомъ и мн. др.

Содержаніе книгъ 1896 г. будетъ отличаться обычнымъ богатствомъ, разнообразiemъ и полнотой. Приобрѣтѣ, между прочимъ, для напечатанія багатый запасъ писемъ Аксаковыхъ, Ю. Ф. Самарина, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевскаго, М. Н. Каткова, П. М. Леонтьева, К. Н. Леонтьева, А. Ф. Нисенскаго, А. И. Герцена, Н. Н. Огарева, М. Е. Салтыкова (Щедрина), и мн. др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА (въ предѣлахъ Имперіи) съ пересылкой и доставкой: на годъ—15 руб., на полгода—7 руб. 50 коп., на 3 мѣс.—3 руб. 75 коп., на 1 мѣс.—1 р. 25 коп. Съ пересылкой за границу—18 руб.

Для лицъ духовнаго званія, для гг. преподавателей высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для лицъ военнаго сословія и для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ подписьная цѣна: 1 годъ—12 руб., 6 мѣс.—6 руб., 3 мѣс.—3 руб., 1 мѣс.—1 руб.

Лица подпавшіяся на журналъ и газету *Русское Слово* имѣютъ право на скидку въ 1 руб. съ обычной подписной цѣны.

Правительственные и общественные учрежденія всѣхъ вѣдомствъ, полковыя библиотеки, военные собранія, а равно и лица, состоящія въ оныхъ на службѣ, могутъ получать журналъ въ кредитъ, заявивъ о семъ конторѣ журнала чрезъ свои канцеляріи.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ МОСКВѢ: въ конторѣ журнала и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: въ отдѣленіи конторы журнала—при книж. магаз. Фену и Ко, Невскій, д. Армянской церкви № 40, и въ библиотекѣ Семенникова, Васильевской Ост., 6 линія, д. № 25. Здѣсь же производится продажа отдѣльныхъ №№ журнала.

Подписка принимается и въ другихъ городахъ во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. Подписку съ разсрочкой платежа просить адресовать въ контору редакціи.

Магазинамъ уступка—50 к. съ экз.; доставившимъ же подписки на сумму болѣе 100 руб. уступка 10% съ экз. Книги журнала 1890—1891 гг. продаются въ конторѣ редакціи по 7 р. за годъ, 1892—1893 гг. по 5 руб. за годъ, 1894 г.—8 руб. Пересылка доплачивается на мѣстѣ по разсчету. Выписывающимъ всѣ пять лѣтъ—пересылка за счетъ редакціи.

Въ конторѣ редакціи и въ лучшихъ книжныхъ магазинахъ продаются „Систематический указатель содержанія Русскаго Обозрѣнія за первыя пять лѣтъ его существованія (1890—1894)“. Ц. 50 к.

Письма, телеграммы, рукописи и посылки адресуются такъ: Москва, редакція „Русскаго Обозрѣнія“ (уг. Тверской и М. Гибзандиковского пер., д. Спиридонова).

Редакторъ-Издатель *Анатолій Александровъ.*

2—2

О БЪ И З Д А Н И И.

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТИЙ

въ 1896 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностю Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этой цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданий университетскаго Совѣта.
2. Новые постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты, и библіографические указатели для учащихся.
6. Библіографические указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію учебной, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертаций, представляемыхъ для полученія учесныхъ степеней, соисканія наградъ, про *venia legendi* и т. п., а также и самыя диссертации.
12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собранияхъ.

13. Вступительные, пробные, публичные лекции и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Материалы и переводы научных сочинений.

Указанные статьи распределяются на двѣ части—1)—официальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неофициальную (статьи научного содержания), съ отдельно—*критико-библиографическими*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явлѣй ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники* заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются материалы, указатели библиотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюдений и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1896 году будутъ выходить въ концѣ каждого мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна 12 книжекъ *Извѣстій* безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ, а съ пересылкой семь рублей. Въ случаѣ выхода приложенийъ (большихъ сочинений), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики *Извѣстій*, при выпискѣ приложенийъ, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владимира платятъ за годовое изданіе *Университетскихъ Извѣстій* 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб., продажа отдельныхъ книжекъ не допускается.

Гр. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ комиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владимира.

Редакторъ *В. Иконниковъ*.

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1896 годъ.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный исторический журналъ «Русская Старина», вступая въ 1896 году въ двадцать седьмой годъ своего существования, остается въ будущемъ вѣреять своей первоначальной программѣ—разрабатывать русские исторические материалы и знакомить читателей съ историческими

дѣятелями Русской земли, оставившими свои слѣды на поприщахъ службы го-
сударственной, духовной и гражданской. Но независимо отъ строгой разработки
чисто исторического матеріала на стравицахъ «Русской Старины» читатели
всегда найдутъ, какъ находили и прежде, личные записки и мемуары частныхъ
лицъ, освѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ, эпохи, среди которой
дѣйствовали эти лица, и права современного имъ общества. Такого рода лич-
ные воспоминанія и мемуары лучше всего даютъ полную картину извѣстной
эпохи и представляютъ огромный интересъ для человѣка, интересующагося оте-
чественною исторіею. Для того же, чтобы читатели «Русской Старины» имѣли
возможность слѣдить за историческими статьями, разбросанными въ другихъ
историческихъ изданіяхъ, съ 1894 г. введенъ отдѣлъ, въ которомъ помѣщается
краткое содержаніе такого рода статей.

Въ 1896 году журналъ будетъ издаваться при благосклонномъ участії
тѣхъ же сотрудниковъ, которые и прежде своими почтенными трудами содѣй-
ствовали успѣху нашего изданія и въ числѣ которыхъ мы назовемъ: А. Ф. Быч-
кова, В. А. Бильбасова, Н. Богдановскаго, Воробьеву, Н. Ф. Дубровина, Жма-
кина, Л. Н. Майкова, В. Назарьева, М. Л. Песковскаго, В. В. Стасова, Н.
К. Шильдера, Н. Л. Шираева, В. И. Шенрока, Н. Л. Юдина и др.

Программа изданія остается прежняя.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты
выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждого мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Лица, не бывшія подписчиками въ 1894 и 1895 гг., если пожелають
получить двѣ части Записокъ В. А. Инсарскаго, которые были напечатаны въ
1894 и 1895 гг., приплачиваютъ 1 р.

Войсковыя части могутъ выписывать «Русскую Старину» чрезъ редакцію
«Досугъ и Дѣло».

РЕДАКЦІЕЙ ОТПЕЧАТАНЫ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

ЗАПИСКИ С. Н. ГЛИНКИ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА

Въ отдѣльной продажѣ цѣна 3 руб.

Для подписчиковъ «Русской Старины» на 1896 г., подписавшихся до
1 февраля, уступаются за 1 р. 50 к.

Иногородные подписчики адресуютъ свои требованія и высыпаютъ деньги
непосредственно въ главную контору, въ Петербургъ, Фонтанка, 145. Кромѣ

того, подписка принимается въ Москвѣ, Кіевѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Одессѣ и другихъ провинціальныхъ городахъ при главныхъ книжныхъ магазинахъ.

За своевременную и аккуратную доставку журнала редакція принимаетъ на себя полную отвѣтственность только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана непосредственно чрезъ Петербургскую контору «Русской Старины».

3—1

**О Т К Р Ы Т А П ОДПИСКА
на 1896 годъ
на самую большую и самую распространенную на Югѣ Россіи
ЕЖЕДНЕВНУЮ
(не менѣе 330 №№ въ годъ)
политическую, литературную, научную, общественную и коммерческую газету**

„Одесскія Новости“

Со дня перехода въ наши руки «Одесскихъ Новостей», мы стремились постоянно къ улучшению ихъ въ литературномъ и техническомъ отношеніяхъ, не смыслясь никакими встрѣчавшимися на нашемъ пути препятствіями и не останавливаясь ни предъ какими материальными затратами. Возраставшее съ каждымъ годомъ сочувствіе къ намъ читающей публики, выразившееся въ широкомъ и быстромъ распространеніи «Одесскихъ Новостей» и оказываемой ею намъ постоянно нравственной поддержкѣ, наглядно доказало, что труды наши не пропали даромъ.

Въ настоящее время мы имѣемъ возможность дѣлать новые затраты для улучшения вашего изданія и постараемся сохранить за «Одесскими Новостями» репутацію газеты, отзывающей на всѣ назрѣвающія потребности жизни и безукоризненной по своему на направленію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы будемъ стремиться и къ усовершенствованію газеты въ техническомъ отношеніи.

Откликаясь на всѣ злобы дня, помѣщаая на столбцахъ «Одесскихъ Новостей» обильный матеріалъ изъ текущей жизни—русской и иностранной—мы не ограничиваемся однимъ сухимъ перечнемъ голыхъ фактовъ, а стараемся, по возможности, давать имъ надлежащую оцѣнку и освѣщеніе.

Въ «Одесскихъ Новостяхъ» помѣщаются обзоры современной жизни какъ внутренней, такъ и заграничной, въ области политики литературы, искусства, науки и техники, а также фельетоны изъ общественной жизни, отечественной, мѣстной и заграничной, очерки, рассказы и т. п. На праз-

днікъ Рождества Христова видається підписчикамъ ілюстрований «Дѣтскій Нумеръ», содергашій разсказы, стихотворенія, аnekdotы и по-пулярно-научный очеркъ, предназначенный для дѣтскаго чтенія. Особен-ное вниманіе будетъ обращено нами на беллетристический отдѣлъ, для участія въ которомъ нами приглашены иѣкоторые извѣстные беллетристы, изъ коихъ мы назовемъ пока К. С. Баранцевича, В. С. Лихачева, Д. Л. Мордовцова, Вас. И. Немировича-Данченко и др. Нами обращено будетъ также вниманіе на отдѣлъ городского хозяйства и на областной отдѣлъ, который имѣть въ своемъ распоряженіи 68 отдѣлений въ различныхъ го-родахъ Юга и корреспондентовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣть отдѣленій. Создавая важное значеніе распространенія сельско-хозяйственныхъ зна-ній, мы рѣшили отводить больше мѣста сельско хозяйственному отдѣлу, въ которомъ намъ обѣщали свое сотрудничество специалисты по сельскому хозяйству Л. А. Золсторевъ и В. Н. Маракуевъ, которые будуть помѣ-щать отъ времени до времени въ нашей газетѣ сельско-хозяйственные письма и знакомить съ сельско-хозяйственной литературою. Вмѣстѣ съ тѣмъ, заведены нами болѣе прочныя сношенія съ заграницей, и въ глав-нѣйшихъ европейскихъ центрѣахъ имѣются корреспонденты. Но недоволь-ствуясь печатными словомъ, мы посредствомъ рисунковъ даемъ читателямъ возможность видѣть наглядно происшествія, события, выдающихся людей, замѣчательныя зданія и т. д. заграницей и у насъ, ставя впереди Одессу и помѣщая не только рисунки всего выдающагося, но и портреты мѣст-ныхъ дѣятелей въ области администраціи, суда, земства, городского управлениія, педагогіи, наукъ и т. п.

Составъ сотрудниковъ «Одесскихъ Новостей» неизмѣнно пополняется новыми силами; въ настоящее время въ нашей газетѣ принимаютъ постоян-ное участіе и обѣщали свое участіе и впредь слѣдующія лица:

Професоръ Г. Е. Афанасьевъ, Аккордъ (псевдонимъ), К. С. Ба-ранцевичъ, А. А. Борзенко, С. С. Гусевъ (Слово-Глаголь), Г.-Б.-Г., Ф. Л. Денисенко, Л. В. Добрянскій, П. И. Звѣздичъ, Л. А. Золтаревъ, профес. С. И. Иловайскій, Имя рекъ (псевд.). А. Е. Кауфманъ, професоръ А. И. Кирничниковъ, художникъ С. Я. Кишиневскій, М. И. Кулишеръ, Л. А. Куперникъ, В. С. Лапидусъ (Lapis), П. С. Лефи, В. С. Лихачевъ, В. Н. Маракуевъ, професоръ А. И. Маркевичъ, М. Г. Моргулицъ, Д. Л. Мордовцевъ, художн. В. В. Назке, Вас. И. Немировичъ-Данченко, художн. П. А. Налусъ, К. Н. Новосельскій, В. И. Ребиковъ, Д. Н. Ратгаузъ, проф. А. С. Трачевскій, М. Г. Тульчинскій, Улей (псевдон.), професоръ Ф. И. Усценскій, професоръ П. О. Федоровъ, професоръ Н. Е. Чижовъ, професоръ В. З. Яковлевъ, и др.

«Одесскимъ Новостямъ» разрѣшенно съ прошлаго года печатаніе рефератовъ о дѣлахъ, разбирающихся въ военно-окружныхъ судахъ.

Въ «Одесскихъ Новостяхъ» помѣщаются также свѣдѣнія о грузахъ съ наложными платежами, прибывающихъ на одесскія желѣзноводорожные станціи.

Подписная цѣна на «Одесскія Новости»

Въ Одессѣ:

Безъ доставки. Съ доставкой.

На 1 мѣсяцъ — р. 90 к. 1 р. — к.

» 3 » 2 » 50 » 2 » 75 »

» 6 » 4 » 50 » 5 » — »

На годъ 8 » — » 9 » — »

Съ пересылкой въ другие города:

На 1 мѣсяцъ 1 р. 10 к.

» 3 » 3 » — »

» 6 » 5 » 50 »

На годъ 10 » — »

Заграницу доплачивается къ подписной цѣнѣ 60 коп. въ мѣсяцъ. Для го-
довыхъ подписчиковъ допускается разсрочка во взносѣ подписной платы
для иностранныхъ: при подпискѣ 5 руб. и до начала второго полугодія
5 руб.; для городскихъ—при подпискѣ 5 руб. и до начала второго по-
лугодія 4 руб.

Подпись принимается: въ Одессѣ въ главной Конторѣ на углу Ришельев-
ской и Греческой, въ домѣ № 10/24.

Редакторъ-Издатель *А. П. Старковъ.*

3—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ.

IX-й **,СЪВЕРЬ“.** **IX-й**
годъ издания. годъ издания.

Еженедѣльный иллюстрированный литературно-художественный журналъ.

Съ 1896 года журналъ «Съверь» будетъ выходить въ увеличен-
номъ форматѣ на высокаго достоинства бумагѣ и въ изящной обложкѣ.

Въ художественномъ отношеніи цѣль редакціи—это приблизиться
по выполненію къ такимъ первокласснымъ европейскимъ журналамъ, какъ
«The Graphic», «Figaro Illustré» и «Moderne Kunst».

Имѣя посѣднее въ виду, редакція въ 1896 г. намѣрена сдѣлать
изъ «Съвера»

ПЕРВЫЙ ВЪ РОССИИ ЖУРНАЛЪ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КРАСКАМИ.

Приступая къ такому дорогому и роскошному изданію въ тоже время желая сдѣлать его общедоступнымъ, редакція, въ видѣ опыта, оставляетъ и на 1896 годъ ту-же подписную цѣль, а именно:

на годъ (безъ отдельной преміи):

со всѣми приложеніями безъ доставки въ С.-Петербургѣ 6 р.; безъ доставки въ Москвѣ — въ конторѣ Н. Н. Печковской 6 р. 50 к.; съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи 7 р. Съ пересылкою за-границу 11 р.

на годъ (съ отдельной преміей):

со всѣми приложеніями безъ доставки въ С.-Петербургѣ 7 р.; безъ доставки въ Москвѣ въ конторѣ Н. Н. Печковской 7 р. 50 к.; съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи 8 р.; съ пересылкою за-границу 12 р.

Разсрочка подписной платы допускается.

Въ 1896 г. журналъ „СѢВЕРЪ“ дастъ:

на страницахъ журнала слѣдующія, уже имѣющіяся въ портфель редакціи произведенія: «Умпраюшій Левъ», исторический романъ изъ временъ Кавказской войны, Вас. Ив. Немировичъ-Данченко; «Шохожденія Слезкина въ Парижѣ», романъ И. Я. Павловскаго (Яковлева); «За мольбертомъ и кистью», романъ изъ жизни художниковъ, Н. А. Александрова; «Старые часы», повѣсть К. К. Случевскаго; «Влюбленный въ жену», повѣсть А. В. Круглова; «Литераторъ Полѣсовщиковъ», психологическій этюдъ А. В. Амфитеатрова (Old Gentleman); «Шотерянный день», повѣсть И. И. Ясинскаго; повѣсть гр. Е. А. Салиаса. Кроме того въ журналѣ принимаютъ участіе: А. Н. Майковъ, А. П. Чеховъ, И. Н. Потапенко, П. Н. Гнѣдичъ, Н. Ко-четовъ, А. Кориавскій, О. Чумина, Л. Львова, М. Славинскій, профессоръ Н. Ф. Соловьевъ, К. Фофановъ и другіе извѣстные литераторы.

12 ЕЖЕМЪСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ,

то есть 12 томовъ, объемомъ около 200 печатныхъ листовъ въ годъ.

Для приложенийъ къ журналу «Сѣверъ» въ редакціи уже находятся: «Лазурный Край» — Вас. Ив. Немировича-Данченко, иллюстрированный художниками;

«Иерусалимъ» Шьера Лоти, съ иллюстраціями.

«Галилея» — того же автора

«За кулисами у художниковъ» очерки Н. А. Александрова, съ иллюстраціями художниковъ: К. Айвазовскаго, А. Бочарова, М. Зичи, И. Кел-

лера-Вильанди, Л. Лагорио, Лаверецкаго, В. Маковскаго, А. Мещерскаго, Ц. Сверчкова, М. Шишкова, И. Шредера и др.

„ПАРИЖСКИЯ МОДЫ, хоziяйство и домоводство“

ежемѣсячный иллюстрированный журналъ съ приложениемъ: 12 отдѣльныхъ выкроекъ, изъ которыхъ 6 вырѣзныхъ въ натуральную величину и 6 на отдѣльныхъ листахъ

12 БЕЗПЛАТНЫХЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРЕМІЙ, то-есть, по одной преміи въ мѣсяцъ.

Преміи эти будутъ воспроизведены красками новѣйшими усовершенствованными способами.

Кромѣ всего вышеозначенаго, въ 1896 г. подписчики журнала „Сѣверъ“ получать:

отдѣльную художественную премію—портретъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы

АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ,

исполненный феографическимъ способомъ, того же размѣра и художественного достоинства, какъ и портретъ Е. И. В. Государя Императора НИКОЛАЯ II (премія 1896 года).

За редактора *H. A. Александровъ*. Издатель *H. Ф. Мертцъ*
Главная Контора и Редакція журнала „Сѣверъ“ — СПб., Екатерининская ул., № 4.

3 - 1

ПОДЪ НОВОЙ РЕДАКЦІЕЮ

вышла третья, декабрьская, книжка научно-литературного и политического журнала

„НОВОЕ СЛОВО“.

Содержаніе: 1. Волчья сыть. Романъ въ трехъ частяхъ. Часть первая. (Глава I—VI). В. Немировича-Данченко. 2. Очерки современныхъ направлений. Экономический материализмъ на русской почвѣ). Н. Бельтовъ. Къ вопросу о развитіи монистического взгляда на исторію. (Окончаніе). В. В. З. Восточный Магазинъ (X—XV). (Окончаніе). Повѣсть П. Засядимскаго. 4. Бесси Кострель. (Окончаніе). Повѣсть мистрисъ Гумфри Уордъ. Пер. съ англійск. 5. Подъ праздникъ. А. Серафимовича. 6. Сердце

заговорило. Новелла. Л. Весткирх. Переводъ съ нѣмецкаго. О. Н. П. 7. Моя родная тетушка Сара. (Разсказъ изъ еврейскаго быта). Н. Пруженовскаго. 8. Паденіе Бирона. (По новымъ даннымъ изъ разныхъ архивовъ). А. Брикнера. 9. По поводу отчетовъ государственныхъ учреждений земельного кредита за 1894 годъ. Ив—ича. 10. Буковскій интеллигентный поселокъ. (Очеркъ изъ исторіи культурныхъ колоній). Н. Энгельгардта. 11. Гергардъ Гауптманъ. Е. Дегена. 12. Научная хроника. Агрономія. Источники азота. 13. Новые книги. 14. Въ области европейской мысли. Л. О. 15. Обзоръ заграничной жизни. I. Интересы два. II. Между журналами и газетами. 16. Обозрѣніе внутренней жизни. Высочайший манифестъ. Земство и города. Я. Абрамова. Школьный вопросъ на нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ Нижегородской губерніи. А. Штевенъ. Изъ юридической области. Д. Л. Письма изъ провинціи. Къ вопросу о церковно-приходскихъ школахъ. Н. Х. Письмо изъ Киева.—Изъ Тамбова. В. Чернова.—Изъ Саратова. Я. Бур—ка. Выборгъ. Вл. Беренштама.—По поводу внутреннихъ вопросовъ. С. К. Обо всемъ. Баранчука. 17. Обзоръ общедоступныхъ книгъ Комиссіи Спб. комитета грамотности. 18. Объявленія.

Въ журналь принимаютъ участіе: Я. В. Абрамовъ, В. В., П. В. Засодамскій, Н. Н. Златовратскій, Н. А. Каблуковъ, С. Н. Кривенко, Д. Н. Маманъ-Сибирякъ, Г. А. Мачтеть, Николай—онъ, Л. Е. Оболенскій, П. А. Рубакинъ, А. М. Скабичевскій, К. М. Станюковичъ, В. А. Тимирязевъ, А. П. Чеховъ, Щепотевъ (Е. С. и С. А) и др.

Годовая подписка на ежемѣсячный научно-литературный и политический журналъ (отъ 25—30 печ. лист.) «Новое Слово» принимается съ 1-го октября 1895 г. по 1-е октября 1896 г. Подписанная цѣна съ пересыпкой на годъ 10 р., безъ пересылки на годъ 9 р., на полгода 5 р., на три мѣсяца 2 р. 50 к. заграницу на годъ 12 р.

Адресъ конторы редакціи: Спб. Опасская ул., (уг. Надеждинской), д. 15, кв. 1.

Отдѣленіе конторы: Спб. Невскій пр., д. 54, «Библиотека Черкасова».

Городская подписка принимается, кроме конторы редакціи и ея отдѣленія, въ книжныхъ магазинахъ «Нового Времени» Н. П. Карбасникова, К. Риккера, Цензерленга (Мелье) и въ библиотекѣ Л. Т. Рубакиной (Бол. Подъяческая, д. 24).

Лица, выписывающія изданія Н. О. Поповой черезъ контору редакціи или ея отдѣленіе, за пересыпку не платятъ.

За редактора *А. Н. Попова.*

Издательница *О. Н. Попова.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1896 годъ

24-й годъ издания. на ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ журналы 24-й годъ издания.

„**Природа и Охота**“ и „**Охотничья Газета**“.

(24-й годъ издания).

Подписчики получать 12 книгъ «Природы и Охоты» (выходитъ ежемѣсячно) и 50 №№ «Охотничьей Газеты» (еженедѣльно). Оба журнала иллюстрируются рисунками русскихъ и иностранныхъ художниковъ, портретами охотниковъ, фотографіями собакъ, сценами изъ охотничьей жизни съ натуры, объяснительными-чертежами, виньетками и проч.

Въ журналахъ печатаются: Разсказы, повѣсти, очерки изъ охотничьей жизни.—Путешествія зоологовъ и охотниковъ.—Руководящія статьи, съ описаніемъ способовъ охоты псовой и ружейной, рыболовства и уженья, системъ и выбора ружей и ружейныхъ принадлежностей, сортовъ пороха, дроби и проч., породъ собакъ борзыхъ, гончихъ, легавыхъ, воспитанія ихъ, дресировки и на-таски, лѣченія.—Отчеты о садкахъ на рѣзвость и злобу, о состязаніяхъ въ стрѣльбѣ.—Отчеты о дѣятельности охотничихъ обществъ, кружковъ и отдѣльныхъ охотниковъ.—Статьи съ описаніемъ обзора жизни и мѣстонахождевія звѣрей, птицъ и рыбъ, способовъ разведенія и сохраненія полезныхъ, истребленія вредныхъ.—Корреспонденціи изъ всѣхъ мѣстностей Европейской и Азіатской Россіи обѣ охотахъ на звѣря и птицу, о количествѣ дичи, о прилетѣ и отлетѣ, о случаяхъ на охотахъ и проч.—Ветеринарный отдѣлъ: о болѣзняхъ собакъ и болѣзняхъ дичи.—Юридический отдѣлъ: рѣшеніе и обсужденіе сложныхъ вопросовъ, встрѣчающихся въ охотничій юридической практикѣ. Судебная хроника.—Правительственные распоряженія, касающіяся охоты, уженья, охотничихъ и рыболовныхъ промысловъ. Новости текущей охотничьей жизни у насъ и за границей. —Библіографическая замѣтка.—Обзоръ иностранной охотничьей литературы.—Вопросы охотниковъ и отвѣты. Объявленія.

ПРЕМІЯ 1896 года—„Альбомъ охоты“.

«Альбомъ охоты» будетъ напечатанъ на веленевой бумагѣ, in 4°. Въ него войдутъ: 1) портреты сотрудниковъ журналовъ «Природа и Охота» и «Охотничья Газета», группы членовъ охотничіихъ обществъ, военныхъ обществъ охоты, выдающихся охотниковъ и собакозаводчиковъ, портреты выдающихся заграничныхъ писателей, спортсменовъ и собакозаводчиковъ, охотниковъ-промышлениковъ Европейской и Азіатской Россіи. 2) Фотографические снимки съ современныхъ, выдающихся по красотѣ и полевыми качествамъ охотничихъ

подружейныхъ собакъ, борзыхъ и гончихъ, комнатныхъ и сторожевыхъ собакъ. 3) Виды охотъ въ Европейской и Азіатской Россіи, а также иностранныхъ охотъ. «Альбомъ охоты» представить въ иллюстраціяхъ полную картину охоты въ ея современномъ состояніи и галлерею современныхъ дѣятелей.

«Альбомъ охоты» печатается въ ограниченномъ количествѣ, лишь для подписчиковъ, отъ которыхъ подписная деньги поступать въ Редакцію до 1-го февраля 1896 г. Въ видахъ возможно большей полноты и содержательности «Альбома охоты», Редакція приглашаетъ всѣ охотничіе общества и всѣхъ охотникоў принять участіе въ изданіи присылкою портретовъ (если возможно снятыхъ въ характерной для мѣстности охотничьей обстановкѣ, съ добычкою, проводниками, исковицами и пр.) и фотографическихъ снимковъ съ собакъ въ стаяхъ, смычкахъ, сворахъ, одиночно, снимковъ съ охотничихъ павильоновъ, садочныхъ стрѣльбищъ, охотничихъ приваловъ, охотничихъ сценъ и пр. Заявленія о желаніи помѣстить въ «Альбомъ охоты» фотографіи должны быть присланы не позднѣе 1-го февраля 1896 г., самыя же фотографіи не позднѣе 1-го марта.

Подписная цѣна: на годъ съ перес. и достав. безъ преміи 15 р., на полгода 7 р. 50 к. За границу 20 р. На пересылку премія высылается добавочный рубль.

Адресъ: Москва, Большая Дмитровка, домъ Денисовой, въ редакцію журналовъ «Природа и Охота» и «Охотничья Газета».

Издатели-редакторы: { Л. П. Сабантьевъ.
Н. В. Туркинъ.

3—1

Новости Печати

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

2-й Г. Подъ редакціей В. А. Гатцука. **2-й Г.**

Въ 1896 году журналъ будетъ выходить обязательно 15-го числа каждого месяца книжами большого журнального формата, объемомъ каждая не менѣе пятнадцати листовъ, съ многочисленными рисунками.

Назначеніе журнала: 1) Знакомить читателей со всѣмъ, особо интереснымъ, что появляется въ русской и иностранной периодической печати. Для этой цѣли „Новости Печати“ будутъ заключать въ себѣ ежемѣсячный „Обзоръ журналовъ и газетъ“, въ которомъ не только будутъ даваться характеристики рассматриваемыхъ изданій съ точки зрењія добросовѣстности исполненія дан-

ныхъ подписчикамъ обѣщаній, направлений и пр., по также—критические разборы отдельныхъ журнальныхъ или газетныхъ статей, беллетристическихъ произведеній, стихотвореній и пр. съ большими или меньшими выписками изъ рассматриваемаго произведенія и образцами рисунковъ, въ данномъ изданіи помѣщенныхъ.

2) Указывать всѣ, по возможности, вышедшия за послѣдній мѣсяцъ русскія и иностранныя книги, брошюры и пр., съ обозначеніемъ ихъ достоинствъ и недостатковъ, а также, по мѣрѣ надобности, съ болѣе подробнымъ критическимъ разборомъ ихъ содержанія и образцами рисунковъ, въ видахъ помѣщенныхъ.

3) Облегчить читателямъ возможность выбора книгъ путемъ подробныхъ и беспристрастныхъ отвѣтовъ въ „Почтовомъ Ящику“ на запросы подписчиковъ, а также путемъ рекомендаций лучшихъ книгъ и высылки ихъ изъ „Книжнаго склада Новостей Печати“.

Для борбы съ недобросовѣстной афферой въ издательскомъ дѣлѣ—журналъ будетъ заключать въ себѣ особый отдѣлъ „Плевелы Печати“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ дост. и перес. на годъ 5 руб., на $\frac{1}{2}$ года 3 р., на $\frac{1}{4}$ года 1 р. 50 к.
(Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., 1-го Марта—2 р. и 1-го Июня—1 р.)
Безъ доставки въ Москву: на годъ 4 руб. на $\frac{1}{2}$ года 2 р. и $\frac{1}{4}$ года 1 р.

Адресъ конторы журнала и книжнаго склада „Новостей Печати“ Москва, Пречистенка, Дуриновъ пер. домъ Паренаго.
Подпись принимается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ тюриовляхъ столицъ и главныхъ провинциальныхъ городовъ. Съ разсрочкой—только въ редакціи.

3—1

МОСКОВСКІЙ БИБЛIOГРАФИЧЕСКІЙ КРУЖОКЪ.

Ш-й годъ изданія.

„КНИГОВѢДЕНIE“,

журналъ книгопечатанія въ обширномъ смыслѣ,
съ рисунками и отдельными приложеніями.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Лѣтопись. 1) Полные списки всѣхъ вновь выходящихъ книгъ на русскомъ языке въ систематическомъ порядкѣ, а также нотъ, географическихъ

карть, плановъ, гравюръ и т. п.; 2) полные каталоги книгъ по разнымъ отраслямъ знанія, съ начала книгопечатанія до настоящаго времени; 3) материалы по бібліографії вообще.

II. Хроника. 1) Правительственные распоряженія по дѣламъ печати 2) разныя статьи по бібліографії; 3) бібліотеко-вѣдѣніе; 4) издательское и книжно-торговое дѣло; 5) периодическая печать; 6) техника печати; 7) лѣтопись Московскаго Бібліографическаго Кружка,

III. Объявленія на всѣхъ языкахъ.

IV. Приложенія.

Подписная цѣна журнала имѣющаго выходить 15 числа каждого мѣсяца, книжками отъ 3 до 6 печатныхъ листовъ формата 8⁰ (19×26⁰), для членовъ Кружка, уплатившихъ сполна годовой взносъ — бесплатно; для постороннихъ лицъ за годъ съ пересылкою и доставкою 6 рублей; на веленевой бумагѣ: для членовъ 3 рубля, для постороннихъ 10 рублей въ годъ.

Плата за объявленія:

За 1 страницу для членовъ Кружка	4 р.
„ 1 „ „ подпісчиковъ на журналъ	6 „
„ 1 „ „ всѣхъ остальныхъ	10 „
„ 1 „ „ въ годъ для членовъ и подпісчиковъ . . .	35 „
„ 1 „ „ „ „ всѣхъ остальныхъ	50 „

Для авторовъ и издателей, присылающихъ свои книги въ Редакцію, отдельное объявление, въ размѣрѣ $\frac{1}{4}$ страницы, стоить 1 рубль.

Подпись принимается только на цѣлый годъ, въ Москвѣ, въ помѣщеніи Московскаго Бібліографическаго Кружка (Тверская, уголъ Козицкаго пер., д. Лянной), въ магазинахъ: Н. И. Мамонтова, Н. П. Карбасникова и М. О. Вольфа; въ С.-Петербургѣ у Н. П. Карбасникова и Н. Г. Мартынова.

Отвѣтственный Редакторъ *А. Д. Топоревъ*.

3—1

У всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ продаются слѣдующія изданія

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО КОМИТЕТА ГРАМОТНОСТИ.

СЪ КАРТИНКАМИ.

Крупнымъ шрифтомъ напечатаны вновь вышедшія изданія.

№ 3. Приключенія Робинзона Крузе. Составлено А. Н. Яконтовымъ.	
5-е изд.	12 к.
№ 6. Батрачка. Повѣсть Т. Г. Шевченко. 2-е изданіе.	3 „
№ 8. Злодѣй и Цетыка. Повѣсть А. Ф. Погосскаго. 4-е изд.	8 „
№ 27. Два старика. Разсказъ Л. Н. Толстого	6 „

№ 28. Полтава. Поэма А. С. Пушкина.	10 к.
№ 29. Сказъ объ Ильѣ Муромцѣ, Подъ ред. проф. Ор. Ф. Миллера и И. А. Шляпкина. 2-е изд.	6 "
№ 31. Соловки. Очерки В. И. Немировича-Данченко. 2-е изд.	6 "
№ 32. Невольный убийца. Разсказъ В. Г. Короленко. 2-е изд.	7 "
№ 37. Голодовка и зимовка на Новой Землѣ. Разсказъ С. В. Максимова. 2-е изд..	3 "
№ 39. Разсказы о цѣлагѣ въ царствѣ животныхъ. Н. А. Рубакина	30 "
№ 40. Зимовье на студеной. Разсказъ Д. Н. Мамина-Сибиряка. 2-е изд..	3 "
№ 41. Въ ночь подъ Свѣтлый праздникъ и Старый звонарь. Разсказы В. Г. Короленко.	3 "
№ 42. Между матросами. Разсказъ К. М. Станюковича	5 "
№ 43. Двѣ елки. Разсказъ К. М. Станюковича.	3 "
№ 44. Безброчный. Повѣсть Ф. Д. Нефедова (безъ картинокъ).	8 "
№ 45. Шестеро. Разсказъ И. Н. Потапенко (безъ картинокъ)	5 "
№ 46. Трусь. Разсказъ В. М. Гаршина.	3 "
№ 47. Аясларское дѣло. В. М. Гаршина	3 "
№ 49. То, чего не было и Лягушка путешественница. Сказки В. М. Гаршина.	3 "
№ 50. Гордая пальма и Сказаніе о гордомъ Аггѣ. Сказки В. М. Гаршина	3 "
№ 51. Басни И. А. Крылова (съ біографіей) I.	10 "
№ 52. Басни И. А. Крылова II.	8 "
№ 53. Басни И. А. Крылова III.	8 "
№ 54. Басни И. А. Крылова IV.	8 "
№ 55. Саша. Разсказъ Марка-Вовчка (безъ картинокъ)	3 "
№ 56. Козачка. Одарка. Горлина. Разсказы Марка-Вовчка (безъ карт.)	4 "
№ 57. Сестра. Ледащая. Разсказы Марка-Вовчка (безъ картинокъ) . .	4 "
№ 58. Скряга Скруджъ. Святочный разсказъ. Ч. Диккенса	9 "
№ 59. Хозяинъ и работникъ. Разсказъ Л. Толстого (безъ картинокъ).	4 "
№ 60. Чортово болото. Повѣсть Жоржъ-Зандъ (безъ картинокъ)	7 "
№ 61. Іонычъ. Разсказъ Ф. Д. Нефедова (безъ картинокъ)	14 "
№ 62. Свеноръ. Разсказъ Ф. Д. Нефедова (безъ картинокъ)	3 "
№ 63. На-міру. Повѣсть А. А. Потѣхина (безъ картинокъ)	18 "
№ 64. Хай-дѣвка. Повѣсть А. А. Потѣхина (безъ картинокъ)	10 "
№ 65. Отрѣзанный ломоть. Комедія А. А. Потѣхина (безъ карт.). .	10 "
№ 66. Чужое добро въ пронѣ не идеть. Драма А. А. Потѣхина (безъ картинокъ)	10 "

№ 67. Павло Чорнокриль. Розказъ Марка-Вовчка (безъ карт.) . . .	3 "
№ 69. Смерть Ивана Ильича. Повѣсть Л. Н. Толстого (безъ карт.).	5 "
№ 70. Гдѣ любовь, тамъ и Богъ и Кавказскій плѣнникъ. Розказы Л. Н. Толстого	3 "
№ 71. Судный день. Сказка В. Г. Короленко	8 "
№ 72. На морскомъ песнѣ. Розказъ (безъ картинокъ)	3 "
№ 73. Маруся. Повѣсть Марка-Вовчка	12 "
№ 74. Дочь миссіонера. Розказъ А. Котса	8 "
№ 75. Учительница. Повѣсть Э. де-Амічіса	8 "
№ 76. Великанъ Іеусъ. Сказка Жоржъ-Зандъ	5 "
№ 77. Послѣдній день приговореннаго къ смерти. Розказъ В. Гюго.	9 "

Кромѣ того продаются:

1) Указанія къ устройству читаленъ (Узаконенія о бесплатныхъ народныхъ читальняхъ. Примѣрные ихъ уставы, составленные Комитетомъ Грамотности. Примѣрный списокъ книгъ для бесплатныхъ народныхъ читаленъ, допущенныхъ въ нихъ правилами 15 Мая 1890 года). З-е дополненное изданіе
Цѣна 10 коп.

2) Бібліографіческий указатель книгъ и статей по народному образованію за 1894 годъ	" 1 руб.
3) Инвентарная книга для читаленъ	" 50 коп.
4) Систематический каталогъ для читаленъ.	" 50 "
5) Книга для записи книгъ и журналовъ, выдаваемыхъ для чтенія въ помѣщеніи читальни	" 75 "
6) Книга для записи книгъ и журналовъ, выдаваемыхъ для чтенія на дому.	" 75 "

Собственный складъ Комитета Грамотности помѣщ. у М. Ф. Волкенштейна

(С.-Петербургъ, Спасская № 26).

1-1

Принимается подписка въ 1896 году на „Ізвѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“.

Въ 1896 г. „Ізвѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“ будуть выходить шесть разъ въ годъ (1 выпускъ въ

концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, июля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ «Извѣстій» составляютъ:

- 1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологии, исторіи и этнографіи;
- 2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Приволжья, Средней Азіи и Сибири);
- 3) Материалы археологические, исторические и этнографические относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригиналныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словарі иностранныхъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченіе изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;
- 4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;
- 5) Программы по спеціальнымъ вопросамъ археологии, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;
- 6) Бібліографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологии исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимаютъ участіе: Н. Ф. Акаевовъ, проф. А. И. Александровъ, И. В. Аничковъ (Ауліз-Ата), Г. Ахматовъ, Ш. Г. И. Ахмедовъ, проф. В. А. Богородицкій, проф. Е. Ф. Будде, К. В. Виклюндъ (Упсала), В. Н. Витевскій, Г. Вихманъ (Гельсингфорсъ), К. Б. Газенвицель, А. О. Гейкель (Гельсингфорсъ), М. Е. Евсевьевъ, И. А. Износковъ, Ф. И. Кардасевичъ (Будапештъ), Г. Е. Катаанаевъ (Омскъ), Н. Ф. Катановъ, С. И. Кедровъ (Саратовъ), А. К. Кулгина, акад. В. В. Латышевъ, Н. М. Мартыновъ (Минусинскъ), В. А. Мошковъ (Варшава), еписк. Никаноръ (Арханг.), П. М. Овчинниковъ (Иркутскъ), П. А. Понамаревъ Г. Н. Потанинъ (С.-Петербургъ), проф. И. Н. Смирновъ, А. А. Спицынъ, Ф. А. Теплоуловъ (Пермь), В. М. Терехинъ (Пенза), П. В. Траубенбергъ, проф. А. А. Шту肯бергъ, проф. Н. А. Фирсовъ, пр.-доц. Н. Н. Фирсовъ и др.

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдельно по 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. 1 июля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе бесплатно.

Подписные суммы адресуются: Казань, Университетъ, секретарю Общества Археологии, Исторіи и Этнографіи.

«Ізвѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдельные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Члены редакціоннаго комитета: профессора Казанскаго Университета И. Н.

Смирновъ, Ф. Г. Мищенко, Н. Ф. Катановъ.

Секретарь Общества *Н. Катановъ*.

3—1

Новое изданіе О. Н. ПОПОВОЙ.

Вышла 1-я часть 1-го тома Ч. Дарвина, содержащая автобіографію Ч. Дарвина, пер. проф. Тимирязева.—Путешествія на кораблѣ «Бигль», пер. Е. Бекетовой.

2-я часть 1-го тома выйдетъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

Продолжается подписка.

на

ОБЩЕДОСТУПНОЕ ИЗДАНІЕ

СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ

Чарльза Дарвина.

Въ двухъ томахъ, съ портретомъ Ч. Дарвина.

Полные переводы, привѣренные по послѣднимъ англійскимъ издаваніямъ.

Томъ I. Вступительная статья проф. К. Тимирязева.—Автобіографія Дарвина. Пер. проф. К. Тимирязева.—Путешествіе вокругъ свѣта на кораблѣ «Бигль». Пер. Е. Бекетовой, подъ ред. проф. А. Бекетова.—Происхожденіе видовъ. Новый переводъ проф. К. Тимирязева.

Томъ II. Происхождение человѣка и половой подборъ. Пер. проф. И. Сѣченова.—О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ.

**ЦѢНА ПО ПОДПИСКѢ НА ВСЕ ИЗДАНІЕ
ТРИ РУБЛЯ.**

Допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ вносится 1 руб., при полу-
ченіи I и II тома по рублю.

По выходѣ въ свѣтъ второго тома цѣна будетъ повышена.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ изданій (Невскій, 54, библіотека Черкесова).
въ библіотекѣ Л. Т. Рубакиной (уголъ Б. Садовой и Б. Подьяческой, № 63—
24), и въ конторѣ журнала «Новое Слово», Спасская ул., № 15. Въ Москвѣ:
въ книж. маг. журнала «Русская Мысль» и въ книж. маг. Конусова, у Стра-
стного монастыря, Муринова, Трехпрудный пер., и у М. Клюкина, Моховая,
противъ университета.

Новыя изданія О. Н. Поповой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

ПЯТОЕ ИЗДАНІЕ

собранія сочиненій

Н. А. ДОБРОЛЮБОВА.

Въ четырехъ томахъ съ біографіей и съ портретомъ автора.

**Изящное изданіе, дополненное письмами Н. А. Добролюбова и
библіографическимъ указателемъ.**

Томъ I. Біографія Н. А. Добролюбова, со включеніемъ писемъ—А. М.
Скабичевскаго.—Статьи о литературѣ Екатерининского времени и статьи пе-
дагогическія.—Критическая статьи 1857—1858 гг.

Томъ II. Критическія статьи 1858—1859 гг.

Томъ III. Критическія статьи 1859—1868 гг.

Томъ IV. По поводу одной обыкновенной истории Роберта Оуэнъ.—Народное дѣло. О. Гавацци.—Кавуръ и др.—Свистокъ.—Стихотворенія.

ЦѣНА ПО ПОДПИСКѢ НА ВСЕ ИЗДАНІЕ

ШЕСТЬ РУБЛЕЙ.

Допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ вносятся два рубля, по выходѣ II и III тома по два рубля.

По выходѣ въ свѣтъ четвертаго тома цѣна будетъ повышенна.

Томъ I выйдетъ въ декабрѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ изданій (Невскій, 54, библіотека Черкесова), въ библіотекѣ Л. Т. Рубакиной (уголъ О. Садовой и Б. Подъяческой, № 63—24), и въ конторѣ журнала «Новое Слово», Спасская ул., № 15. Въ Москвѣ: въ книж. маг. «Трудъ» (Петровская библіотека). въ книж. маг. журнала «Русская Мысль», въ книж. маг. Конусова, у страстного монастыря, Мурикова, Трехпрудный пер., и у М. Клюкова, Моховая, противъ университета.

Издание О. Н. ПОПОВОЙ.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

МОРСКІЕ СИЛУЭТЫ.

К. М. Станюковича.

Цѣна 1 рубль, съ пересылкой 1 руб. 35 коп.

Содержаніе: Нянька—Матроска.—Генералъ-арестантъ.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ДВУХЪ КОРАБЛЕЙ

ИЛИ

РАЗСКАЗЪ О ЦАРСТВѢ ВЪЧНАГО ХОЛОДА.

Составилъ Н. А. Рубакинъ.

Цѣна 20 копѣекъ, съ пересылкой 25 коп.

(съ 34 рисунками въ текстѣ).

ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Н. В. Шелгунова.

Цѣна 2 рубля, съ пересылкой 2 руб. 60 коп.

Содержаніе: I. Крестьяне и земледѣльцы Смоленской губ.—II. Деревня и подать.—III. Провинція и провинциальная печать.—IV. Нравы провинціи.—V. Земство.—VI. VII. Провинциальные города.—VIII. Деревенскіе пожары.—IX. Мѣры противъ пожаровъ.—X. Очерки современной Сибири.—XI. Колонизация Кавказа.—XII. Наша косность и газетный консерватизмъ и либерализмъ.—XIII. По поводу земской школы.—XIV. Кое-какіе итоги (земскіе выборы).—XV. Что намъ даль 1896 годъ.—XVI. Денежное мышленіе и 29 января (смерть Пушкина).—XVII. По поводу статьи Деревенского Жителя «Къ чему способна наша интеллигентія».—XIII. Рѣшаются-ли историческіе вопросы усовершенствованіемъ личности.—XIX. О налогахъ.—XX. Просторъ Самарской земли.—XXI. Въ чёмъ мы можемъ сомнѣваться.—XXII. Наше «я» и нѣмецкое «я».—XXIII. Параллели и картишки.—XXIV. Безсознательный пionerъ прогресса.—XXV. Наша наука и консервативная печать.—XXVI. Что такое «русское» и «международное». Почему такъ развилось у насъ «я».—XXVII. Моралистическая и общественная точка зрѣнія.—XXVIII. Движеніе русской мысли и литературы за 40 лѣтъ.—XXIX. Петербургъ и его новые люди.—XXX. Что нужно для личнаго счастья и для заполненія промежутка между интеллигентіей и народомъ.—XXXI. Можемъ-ли мы колективно мыслить.—XXXII. По поводу теоріи «святыхъ явлений» и «бродящихъ впечатлѣній».—XXXIII. Борьба по-

колївнїй.—XXXIV. Дѣйствительно-ли тенденціозныя причины руководятъ самоубїцами изъ-за общественныхъ мотивовъ.—XXXV. «Свой хлѣбъ».—XXXVI. Какой моментъ жизни мы теперь переживаемъ.—XXXVII. Свѣтлая и темная явленія.—XXXIII. Общественная совѣсть.—XXXIX. Вліяніе времени.—XL. Колонизаціонное движеніе и новые центры. XLI. Собирательная посредственность—XLII. Право на существованіе.—XLIII. Еще о свѣтлыхъ и темныхъ явленіяхъ.—XLIV. По поводу «Критико-біографического словаря русскихъ писателей и ученыхъ» С. А. Венгрова.—XLV. Газетный оппортунизмъ и идеяность.—XLVI. Недавнее прошлое и общественные барометры.—XLVII. Зачатки общественной доброжелательности.—XLVIII. «Средній человѣкъ» и «двоищаяся накинь».—XLIX. По поводу письма одного толстовца.—EI. Кавказскія минеральныя воды.—EII. «Что читать народу»—изданіе харьковскихъ учительницъ.—EIII. Что читать и какъ читать.—EIV. Далеко-ли ушла наша общественная мысль.—EV. Отрадное явленіе.

Минье. Исторія французской революції. Спб. 96. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Іовась-Ли. Ніобея. Романъ. Цѣна 60 к., съ перес. 75 к.

Складъ изданий въ книжныхъ магазинахъ Н. Н. Барбасникова: С.-Петербургъ, Москва, Варшава.

Лица, выписывающія изданий изъ конторы журнала «Новое Слово», Спб. Спасская ул., д. № 15, за пересылку не платить.

Издание О. Н. ПОПОВОЙ.

Рекл. Э. Земля. — Описаніе жизни земного шара. Переводъ бозъ пропусковъ съ послѣдняго французскаго изданія, подъ редакціею и съ примѣч. Н. А. Рубакина и съ приложеніемъ списка научно-популярныхъ книгъ. Спб. 1895 г. Ц. 6 р. 70 к., съ перес. 7 р. 60 коп.

Вып. I. Земля какъ планета. — Горы и равнины. Цѣна 90 к., съ перес. 1 р. 10 к.—Вып. II. Круговоротъ воды на земномъ шарѣ. Цѣна 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 60 к.—Вып. III. Подземные силы. (Вулканы, землетрясенія, поднятія и опусканія почвы). Ц. 1 р. 10 к., съ перес. 1 р. 30 к.—Вып. IV. Океанъ. Ц. 1 р. 10 к., съ перес. 1 р. 30 к.—Вып. V. Атмосфера. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.—Вып. VI. Жизнь на земномъ шарѣ. Ц. 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 60 к. Каждый выпускъ снабженъ многочисленными рисунками и географическими картами.

Михайловский, Н. К. Критические опыты. III. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Спб. 1895 г. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. Складъ въ конторѣ журнала „Русск. Богатство“ (Бассейная, 10).

Карбевъ, Н. И. Историко-философские и соціологические этюды. Спб., 1895 г., 300 стр. Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Карбевъ, Н. Введеніе въ курсъ исторіи древнаго міра (Греція и Римъ). Спб. 1895 г. Ц. 40 к.

Кривенко, С. Н. На распутьи. Культурные колонисты и одиночки. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к. съ перес. 1 р. 45 к.

Рубакинъ, Н. А. Этюды о русской читающей публикѣ. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к. съ перес. 1 р. 75 к.

Станюковичъ, К. Морскіе силуэты. Спб. 96 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 15 к.

Станюковичъ, К. Откровенные. Ром. въ 2 ч. Спб. 1895 г., Ц. р. 50 к. съ перес. 1 р. 75 к.

Леббокъ, Д. Какъ надо жить (The use of life). Переводъ съ англійскаго Д. Коропчевскаго. Спб. 95 г. 80 к., съ перес. 1 р.

Шелгуновъ, Н. В. Собрание сочиненій, 2 т. Второе изд. Ц. 3 р. съ перес. 3 р. 70 к.

Гиббансъ, Г. Промышленная исторія Англіи. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

Корелинъ, М. Паденіе античнаго міросозерцанія. Лекціи, чит. въ Московск. Политехнич. музѣй. Спб. 1895 г. Ц. 75 к.

Викторъ Острогорскій. Изъ исторіи моего учительства. Какъ я сдѣлался учителемъ (1851—1864). Спб. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Три конца. Уральская лѣтопись. Спб. 95 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Летурно, Ш. Соціалогія, основанная на этнографіи Вып. I. Съ 53 рис. Спб. 96 г. Ц. 60 к., съ перес. 75 к.

Дитятинъ, И. Статьи по исторіи русскаго права. Спб. 96 г. Ц. 2 р. 50 к. съ перес., 2 р. 80 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Дюрангъ, Е. Великие люди въ литературѣ.

Берtranъ. Кооперація въ Бельгіи.

- Летурно, Ш. Соціологія, основанная на етнографії. Вып. II.
Мармери, Д. В. Прогрессъ науки.
Жюссеранъ. Исторія англійскаго народа въ его литературѣ.
Гардинеръ Исторія пуританскихъ войнъ.
Буассье, О. Римское общество временъ цезарей.
Рамбо. Исторія современной цивилизаціи во Франція.

Середа. 19. День былъ сперва свѣтлій и хмарній, а потомъ свѣтель, тепель и тихъ, о полднѣ хмари зъ сторонъ надійшли зъ дожчемъ и громомъ, ночь тиха, свѣтла и тепловата. Рано сѣдилемъ въ судъ енер. за человѣкомъ моимъ, шевцомъ Степаномъ сварковскимъ, оттуду на Бѣлополовку до гетманского двора, где и обѣдалъ. Рубля послалъ черезъ Ярему до Манжули, до прежнихъ денегъ, на сѣнокосъ. Черезъ повѣренного Томариного отъ Остапця зъ Астрах. получилъ чисмо.

Четвер. 20. День былъ свѣтлій, тихій и ночь такова жъ. Рано былъ я у генерала, а на службѣ на Бѣлополовцѣ и у гетмана. Обѣдалъ у себя зъ Стефаномъ Миклашевскимъ, а потомъ игралъ у карти зъ братомъ п. Михайломъ, Валкевичемъ и братомъ Маркомъ. Позичилемъ 10 червониахъ Григорашу Шаргородскому до ноевр. 1-числа, а буде не отдасть, то вдвое доправить.

Пятокъ. 21. День былъ сперва зъ туманомъ, потомъ ясень, тепель и отчасти тихъ, ночь свѣтла, тепла и тиха. Кузма Якимовичъ поехалъ въ С. П. Бурхъ, черезъ которого писаль я до сестри, Ханенка, Курбатова и швагра Андрея Полуботка, да до Ханенка послалъ червонца одного на арапе (табакъ?) и картузъ. Принесепъ указъ чили грамота, за рукою Андрея Івановича Остерманна, до гетмана о полякахъ, которое въ Миргородскомъ полку за Днѣпромъ въ нашу границю вступаютъ и обиди малоссіянамъ дѣлаютъ, что ненамѣрени ея величество такихъ обидъ далѣ знать. Мужикъ мой швецъ Сварковскій на поруку мою спущенъ съ подъ караулу. Судіи енералніе окончили свое засѣданіе въ судѣ для наступившихъ дней канѣкулярныхъ. Нажали подъ футоромъ 280 копъ, а еще осталось на 20 копъ. Вина пѣмецкого греку Іотію дали на продажъ, первымъ разомъ, дали: 18 квартъ петерцѣменту по копѣ квarta, а 18 квартъ фронтиняку по 20 а., другимъ разомъ, дали петерцѣменту 60 квартъ, по той же ценѣ, а фронтиняку 70 квартъ, по 20 а., и за тое вино отобralъ я уже отъ грека черезъ Клима за 18 квартъ фронтиняку 18 талярей, да за петерцѣментъ 3 р.

Субота. 22. День былъ свѣтлій, тихій и теплій, и ночь такова жъ. Сего дня отправили маляра Глинского до монастыря Гамал., давъ ему 200 р. Ему же даль я двѣ книжки двойнику, якіе покупилъ зде по рублю. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ ездили я на Бѣлоноловку и оттолъ повернулся, иrostившись зъ Валкевичемъ и Ширамъ, отехавшими домой.

Неделл. 23. День былъ свѣтлій до полдня, а по полуднѣ дожчъ силній, ночь хмарна, а потомъ вяснилась, а къ свѣту туманъ сталъ. Сего дня былъ я на службѣ на Бѣлоноловцѣ и обѣдалъ, а по обѣдѣ ездили до енерала и, тамъ посидѣвши довольно, повернулся назадъ.

Понедел. 24. День былъ сперва свѣтлій и теплій, а около вечора хмарный зъ дощикомъ, ночь вяснилась, а особливо къ свѣту. Былъ я на службѣ на Бѣлоноловцѣ, обѣдалъ у столу гетманскаго, зъ обознимъ енер. и Паскомъ. Крисковцовъ пѣшихъ человѣка 10 прішли сюда косить и начали, а послалъ я туда въ Криски, вслѣдъ еще 5 человѣка вислатъ зъ харчю. Писалъ до п. Петра Апостола, черезъ его служителя, и позиченну книжечку послалъ.

Вовтор. 25. День былъ сперва свѣтлій, а потомъ стала очинъ вѣтрянъ, вѣтромъ холоднимъ и хмаренъ, къ вечеру дожчъ, ночь ясна, тиха и холодновата. Сего дня рано поехалъ я до Уздицѣ и оттолъ до пасѣки, где пообѣдавши, заездилъ до Шрамковской пасѣки, откуду вернувшись, пріѣхалъ у вечеру до футора, а зъ футора ночью въ Сварковъ, где и заночовалъ. Въ Уздицкой пчоли всей зъ отроившоюся стало 530, въ Шрамковской пасѣцѣ всей пчоли 63, въ Тулиголовской пасѣцѣ всей пчоли 46, въ Артоополетской гамал. всей пчоли 110, въ Сухоносовской всей пчоли 172, въ Крискахъ 176, итого 938.

Середа. 26. День зранку самого хмаренъ, потомъ свѣтель и яснъ, только же вѣтеръ холодновать отъ полнощной стороны. Вѣдомость господарская, шоля купленіе: 1, Суглобовское поле въ каждой руцѣ по 70 копъ, люде пашуть и сѣютъ; 2, Ольйниковское Новѣцкого поле, на насъ пашется и сѣется; 3, Третяковское поле, жито наше, на ярину не пахано, на сѣно оставили, а теперь тю-

тюннику на толоку пахать; 4, Горловское поле попахано все, теперь на насъ на ярину залегло, и въ третей руцѣ жито наше; 5, Радка Кролевецкого Литвиненку на толоку отдано, жито не съяли и ярины не съяли, да на толоку жъ тютюннику отдали; 6, Медведевское отъ Шрамка, толока отдано съ копи Синялнику, а ярину Шаповалъ позасѣвалъ съ копи, на жито рука тая пуста била; 7, Шовкуновское, одна рука въ толоцѣ на насъ попахана, а другая рука въ яринѣ на сѣно оставлена, третя рука сѣно; 8, Тумовское, рука зъ житомъ на насъ, другая, где ярина, запустѣла, только одна нивка на насъ засѣяна овсомъ, теперь на толоку людямъ отдали руку третью, тее жъ зовется Орабюковое; 9, Петра Кривоноса Новогребелского, 2 нивки ярины на сѣно. Овса по 4 четверика зъ четвертью по 1 р. и 40 к. четверикъ, зъ половини посѣяли люде. Опанасъ купилъ четверикъ 1, Данило Нагиба полъ четверика, Петро Зайка четвериковъ 3, Василь Гладкій четверикъ 1, Яковъ Карабута полъ-четверика. Сѣна у Погаричахъ Манжула уготовалъ: 900 копиць, скиртъ 8, у Суденищни уготовали сѣна коп. 400, скиртъ 2 и стоговъ 2.

Четвер. 27. День былъ свѣтлій, теплій, отчасти вѣтрянъ, ночь свѣтла и тиха. Рано ездileмъ на Бѣлонополовку, где и обѣдалъ и отклонился гетману и зъ п. Михайломъ простился, а по обѣдѣ заходилъ до генерала, где и всчeraль.

Пятокъ 28. День былъ свѣтлій, теплій, только вѣтряній и по сторонамъ хмари къ вечеру. Ночь свѣтла, тиха, только холодна. Далъ я на писмѣ приказъ господареви въ его должности, а другій Климу, которому показаль и слѣдоватъ за мною въ Спасовку (?). Да ему жъ Климу далъ я 10 червонныхъ, а осталніе 6 р. отъ грека Іотія, за первую дачу вина, велѣлъ отобрать и дать Шрамку 25 р., а 40 р. останемся винни, и купчую у него на купленный грунтъ и пасѣку взять. Поехалъ я зъ Глухова до Тулиголовъ, где засталъ гор. 11 куєй и въ дванадцатой 5 носатокъ. Старостѣ Тулиг. далемъ на расходъ 3 р. и записалъ у его реестрѣ. У Тулиг. уготовалъ староста сѣна 1100 коп., а еще осталось на 200 копиць.

Вѣжевскій имѣлъ у своеи росходѣ 14 червоннихъ, да гривенниковъ 32 р. да алтн. 17 р.

Субота. 29. Сей день быль сперва холоденъ, вѣтрянъ, хмаренъ и дощеватъ, съ полдня свѣтель и тепелъ, хмаренъ же по сторонамъ и съ дощемъ, у вечеру вилянилось. Ночь свѣтла, тиха и холодновата. Сегодня рано поехалъ я съ Тулиголовъ и, пріехавши въ Камень, обѣдалъ, а по обѣдѣ черезъ Сеймъ човнами перевезши, уехалемъ миль 2 и ночовалъ у Кросенъ. Старостѣ Крисковскому Семену Шоху приказъ далемъ на поляхъ мужицкихъ, въ посторонніе руки позаходившихъ, чтобъ оніе отыратъ, и впредъ не допускать того никому изъ подданнихъ чинити. Да ему жъ словесно приказано въ перемѣну прислатъ у Глуховъ 15 человѣкъ. 2) Сторопи постройки греблѣ подлинно увѣдомитись, взявъ мѣрочника. 3) О доправки должнаго жита и овса зъ людей осѣннаго и за денги.

Неделя. 30. День и ночь во всемъ вчорайшимъ подобніе были. Зъ ночлѣгу вставши, уехалъ миль 4 и обѣдалъ у Сухого Ромна, а оттуду уехалъ милю до Смѣлого, ехалъ часъ 1, отъ Смѣлого до Хмѣлова четвер. 3, отъ Хмѣлова до Ромна полъ 3 часа, и засталимъ зде, въ Ромнѣ, родителку, жену, дѣтей, брата Луку, сестру Олесю зъ швакромъ и. Яковомъ и дочерю ихъ новорожденною, где и вечералъ.

Понедел. 31. День быль сперва свѣтлій, а потомъ вскорѣ хмарний, вѣтряній и холодный. Ночь зъ вѣтромъ невеликимъ, свѣтла почести и почести хмарна, къ свѣту тиха и свѣтла. Сегодня тутъ у дворѣ род. обѣдалисмо и подніяхомъ. У лазнѣ мился и вечерали обще и съ нами Федоръ Зaborовскій зъ женою.

М.-ць Августъ. Вовтор. 1. День быль сперва свѣтель и тепелъ, а потомъ хмаренъ зъ силнимъ дощемъ, къ вечеру мало вилянилось, а ночь свѣтла, тиха и тепловата, а къ свѣту хмарно и дощъ ишолъ. Сегодня обѣдалисмо у Ромнѣ, а по обѣдѣ у вечеру при заходѣ слонца, виехалисмо зъ женою и ехали до Бобрика год. 1., а оттолъ Ромадановскаго шляхомъ до Аяндрѣвки год. 3.

Середа. 2. День былъ сперва хмаренъ зъ дощникомъ, знову свѣтель, потомъ хмаренъ зъ дощемъ, да теплъ, почъ свѣтла, тиха и холодновата, къ свѣту хмарна. Сегодня въ день ездилисмо зъ женою и зъ Глинскимъ сотникомъ до футора Гамалѣевскаго нашего и, оттуду повернувшись, у вечеру у Андрѣевку, тамъ и почовалисмо. У футоръ Гамал. Артополотскомъ моемъ ичоли старой было 56, а молодой стало 54, итого всеей ичоли 110. На лице сѣна торочного старого 4, а сеголѣтнаго 12 скиртъ, а въ копицяхъ будетъ на скирту да еще торочнихъ не откосили 5 скиртъ да сеголѣтнихъ столько же. Жита сѣяли четвериковъ 7, а зняли копъ 23. Процко, овчаръ Розбишовскій, показался въ злодѣйствѣ, у которого дворникъ забралъ за воровство.

Четвер. 3. День былъ почести теплій и почести свѣтлій и почести хмарній, тихій и въ вечеру свѣтлій и теплій, ночь свѣтла, тиха, ядрана, къ свѣту хмарна. Алексѣеви далъ я 15 р. на сѣно и приказъ далъ въ 6 пунктахъ о сѣнѣ, чтобы оного уготовать нинѣшними и торочними людми, которіи не откосили за гроши, о чомъ и писмо оставилемъ до старости Андрѣяшовскаго. Да въ приказѣ и о томъ, чтобы дѣнця Шпака мужика Токарувскаго допросить о продажнемъ отъ его степку Остапенкова и увѣдомитись о попу розбишовскому и Красношапкахъ, сторони стечу ихъ продажнега. Пасѣчницѣ футорной, которой мужъ Торошъ билъ у пасѣцѣ и умеръ, далъ 1 р. Поехалисмо по службѣ ранной зъ Андрѣевки и ехали до Токаровъ зъ полтора часа, милю добрую, а въ Токарахъ пообѣдавши, прѣехали у Лохвицю до тіотки п. Павловой, которой не застали въ мѣстѣ, ехали полъ 2 часа, зъ Лохвицѣ ехали до Позниковъ 3 часа, а въ Сухоносовку полчаса, и прїехали завидна, где и почовали.

Пятокъ. 4. День былъ сперва хмаренъ, потомъ свѣтель и теплъ, знову хмаренъ зъ дощемъ, знову свѣтель, хмаренъ зъ дощемъ, малій вѣтеръ западний, только же холодноватъ, ночь свѣтла, тиха, только же холодна. Сегодня тутъ у Сухоносовцѣ службы Божій слухали, а у вечеру верхомъ отехалъ въ монастырецъ Чорнускій Краснорской куда ехалъ зъ села 3 четверти и почовалъ

тамъ, а Даніила Штапулскаго намѣсника не засталъ, которій на праздникъ въ Мгаръ отехалъ.

Субота. 5. День былъ зранку зъ туманомъ, которій, хочай и поднялся въ гору, однако жъ розійшолся на дробніе хмары, а день потомъ сталъ свѣтель, тепель и тихъ, ночь значала хмарна и два рази дождь ишолъ, и до свѣта зъ хмарою. Приобщался я сегодня тутъ въ монастирцѣ Чорнускомъ ст. тайнамъ, а обѣдалъ въ Сухоносовцѣ, куда передъ вечеромъ пріехалъ отецъ Орловскій, а я по прежнему, для наступающаго праздника, пріехалъ на ночь въ тотъ же монастырь и ночовалъ.

Неделя. 6. День былъ сперва хмарній зъ малимъ дощиковъ, а потомъ свѣтель и тепель, ночь свѣтла, тиха и ядрана. Въ монастирѣ служби Божой слухалъ, а обѣдалъ въ Сухоносовцѣ, куда пріехалъ и Григорій Огіевскій, а потомъ посѣщалъ насъ духовний зъ крестоношею Іосафомъ, а послѣ пріехалъ писарь пол. Савѣцкій и позно отехалъ.

Понедел. 7. День былъ свѣтлій и теплій, и тихій, ночь свѣтла, тиха и тепла. Сегодня у Сухоносовцѣ обѣдали, а по обѣдѣ у вечеру отехали и ночовали, не доїжджаючи Орабювъ. Жена заболѣла на матицю. У Сухоносовцѣ нажали жита копъ 100, идоли 172, старой было 86, а молодой 87. У Сухонос. воловъ рабочихъ 6, а молодихъ 7, итого 13, въ числѣ старихъ воловъ 2 перервинскаго подданного, которій робить не похотѣль. Вовни бѣлой старой ручъ 334, чорной 213 рунъ, шкуръ овечихъ чиненихъ 15, нечиненихъ шкуръ 8, телячихъ шкурокъ нечиненихъ 3.

Вовтор. 8. День былъ свѣтлій и теплій, ночь свѣтла, тиха и тепловата. Рано вставши отъ ночлѣга, пріехали передъ полуднемъ въ Лубнѣ и обѣдалисмо обое зъ женою у полковника п. Петра Апостола и до вечора пробавилисмо и ночовали. Полков. казаль Сухонос. опредѣлить, а именно Ивана Левченка, Макара Якименка, Соляниченковъ, Бондарековъ, Загребенковъ, а въ Переяславъ. Юрка Пилипенка, Василя Крутня и Якима Стрелца.

Середа. 9. ѡедку Бѣловодскому далемъ 2 гривнѣ. Сей день пробавилисмо въ Лубняхъ у п. полковника луб. до вечора и игра-

лисмо въ ліомбаръ, безъ проиграшу моего, а у вечеру, простившись, съ ними ездили до Петра Кулаки и до Троцкихъ, и съ ними простились и ночовали у квартеръ п. Івановой Корнѣевичовой. Книги, томовъ 4, францужскіе, авторъ Dictionnaire universel defuselliere, à la Haye.

Четвер. 10. День былъ свѣтлій, теплій и жаркій, ночь свѣтла, тиха и ядрана. Сего дня рано поехалисмо зъ Лубенъ и, уехавши болѣшь 3-хъ миль, на обѣдъ стали у Кринички, у мостка, минувши Лукомле, недоежджаючи Наружжя, а по обѣдѣ поехали, и уехали миль зъ двѣ зъ лишнимъ, и пріехали передъ смеркомъ до футора Криворудскаго, где и ночовалисмо. У Кривой Рудѣ по ищисленію показалось: овесь всѣхъ старихъ 562, а молодихъ овесь всѣхъ 274, итого всѣхъ овесь 836. Коровъ дойнихъ 51, коровъ яловихъ 14, бугаевъ старихъ 2, а молодихъ два, быковъ третяковъ 4, назимковъ бичковъ 12, а назимковъ телицъ 10, телятъ бичковъ 24, а теличокъ 27, итого поголовя 146, воловъ рабочихъ 10; вовни ярачай рунъ бѣлой 193, чорной 79.

Пятокъ. 11. День былъ свѣтлій, теплій велми, только вѣтрянъ, вѣтромъ полуденнымъ. Ночь сперва хмарна зъ маленкимъ дощикомъ, а потомъ свѣтла, тепловата и тиха, отмѣнная теплотою отъ прежнихъ ядраныхъ. Сей день тутъ, у футорѣ, пробавилисмо, ездилемъ и осмотрувалемъ сѣно наше, которого уробленного скиртъ 9, въ томъ числѣ 2 чили 3 великихъ скиртъ, а десятая торочная скирта, отъ полковника дарованная, а на покосахъ скиртъ на 5.

Суббота. 12. День былъ свѣтлій, жаркій, а съ полдня вѣтрянъ велми, теплимъ вѣтромъ западнимъ, почъ сперва хмарна, потомъ свѣтла, тиха и холодна. Сей день также тутъ пробавилисмо. Ярочихъ овесь вовни перечислили тутъ, якой показалось рунъ 277. Старость на косарѣ и на заплату футорнимъ дали 12 р., да още посля 2 р.

Неделя. 13. День былъ сперва тихъ, свѣтель и холодноватъ, потомъ вѣтранъ вѣтромъ западнимъ холоднимъ, ночь сперва хмарна, потомъ свѣтла, тиха и холодна. Зъ футора рано поехалисмо на службу Божью у Горошинъ, а отоль переехавши поромомъ черезъ Сулу, у перевозу обѣдалисмо. По обѣдѣ уѣхали зъ полъ 3 милѣ

до Денисовци, а отоль болше 2-хъ миль до футорца Сухомузского, где и ночовалисмо, а пріехали позно велми.

Понедел. 14. День былъ сперва тихъ, свѣтель, потомъ вѣтрянъ, только жъ тепель, ночь свѣтла, тиха и тепла. Рано зъ ночлѣга вставши, пріехалисмо на обѣдъ у Перервинцѣ, где и ночовали и дновали. Перечисляли стадо, означающи кобили, зъ якими бились дрикгантами и якіе имѣли прошлого року и сего лошата, о чомъ воредь. Застали тутъ дойнихъ овець 100 и одну корову, зъ которыхъ дойва 4 фаски масла и 4 дѣжки сира. А овець всѣхъ по ищисленіи: овець старихъ дойнихъ 109, лловихъ старихъ овець 10, барановъ старихъ 11, волоховъ старихъ 28, итого всѣхъ старихъ овець 158. (Волоховъ торочнихъ 25, ягницъ торочнихъ 30, итого 55), сеголѣтнихъ ягницъ 61, валашковъ 38, баранцовъ 8, итого 107, всѣхъ овець старихъ, торочнихъ и сеголѣтнихъ 320.

Вовтор. 15. День былъ тихъ, свѣтель, жарокъ очинъ, ночь тиха, свѣтла и тепловата. Сего дня службы Божой тутъ у Перервинця вислушавши, обѣдали и дновали. Я передъ вечеромъ ездиль до стѣнки своей Ворони, иона Яблуновскаго, откуду будеть до села около 2-хъ миль, а ехалъ спорно, сивимъ конемъ, часовъ 2. Видѣли тамъ, что футоряне сотника Пѣратинскаго моего степку, до той стѣнки прилеглого, много завладѣли и прежнюю дорогу, на Яблуновскій шляхъ идучую, спортили, а новую проложили и что Борзни, судіи енер., служка, староста Бѣлоусовскій, за дорогу Яблуновскую много заехалъ степу до Бѣлоусовки. А между Бѣлоусовкою и Перервинцами границя, да оная еще за ляховъ, по сказкѣ Василя Крутня, лежала по такимъ прикметамъ: а именно, отъ яру Сухомузского до Острой Могили, а отъ Острой Могили до шляху Яблуновскаго, зъ Перервина до Яблунева идучого.

Середа. 16. День былъ тихъ, свѣтель и жарокъ очинъ, ночь тиха, свѣтла и тепловата. Сей день тутъ пробавилисмо, въ Перервинцахъ, а видучили лошаковъ зъ стада 3, пятакъ, ступакъ вороний, четвертакъ шпаковатій, да четвертакъ сивий.

Четвер. 17. День былъ такій же, якъ прежнє, очинъ жарокъ, ночь тиха, свѣтла и тепловата. Сей день пробавилисмо тутъ же

въ Перервинацахъ. Передъ обѣдомъ перечисляли стадо обстоятельный прежняго ищисленія, о чомъ ниже и товаръ, а по обѣдѣ сздилемъ до стѣнки Ворониной, где яръ нашъ, прозвиваемий Дегтяря, отоль заездилъ до стѣнки своей Курковской и поручъ зъ нею лежачаго яру Мехеевскаго. Стаднина въ Перервинскомъ футорѣ исчислена. Кобиль наилучшихъ зъ лошаками 10, кобиль лутшихъ зъ лошаками 7, а зъ лошицами 5, серединыхъ зъ лошаками 14, а зъ лошицами 11, подлихъ зъ лошаками 5, а зъ лошицами 7, итого кобиль зъ лошаками 36, а зъ лошицами 23, яловихъ 15, третякъ 11, всѣхъ 85, лошать всѣхъ 59, стрижокъ 18, пятачокъ 2, четвертаковъ 9, третяковъ 12, стрижаковъ 19, дригантовъ 10, сумма всей стаднины 214, Коровъ яловихъ 5, дойная 1, воловъ молодыхъ 14, чабанихъ 3, назимка чабаная 1, товару неробочаго — 24, воловъ робочихъ, зъ посланными чтирама по соль, 14. Посѣяли жита четвер. луб. „“, а зняли копъ 70, ярини посѣяли; гречки четвериковъ 5 и полъ, овса чет. 19, проса полтора четвер., сѣяния конопл. полъ четвер., гороху четвер. 2. На сѣно, до порахунку, роздалъ 24 р., а по порахунку 14 зъ полтиною, да вновъ на сѣно дано 20 р. зъ Глухова.

Пятокъ. 18. День быль такій же, якъ и прежніе, жарокъ ночь свѣтла, тиха, тепловата, а къ свѣту полуночній вѣтеръ холдиноватий сталъ вѣять. Ездилисмо до футора Троцкаго, а осмотрѣвали стѣнки Чичканя мужика; до футора будеть верстъ зъ 4 отъ села, а за футоромъ, къ футору Свѣчиному, видѣли косаровъ, которое наше косять сѣно. Знято съ поля перервинскаго хлѣба, именно: жита наажали копъ 70, отъ Бѣгскаго 6, десятини 12, итого всего копъ 88, овса копъ 70, гречки копъ 36, а десятини 6, проса 40, ячменю 25, пшеницѣ 20 копъ, гороху четвериковъ луб. 10, жита на 1733 годъ посѣяли четвериковъ 25, мѣри луб.

Субота. 19. День вѣтранъ, хмаренъ, а посля полудня випогодился, къ вечеру свѣтель и тепловать, ночь тиха отчасти и вѣтрана отчасти, свѣтла и холдиновата. Приказъ старостѣ данъ о недопусканіи грунтовъ мужичихъ козакамъ. О томъ, чтобы станю поширшать, помость здѣлать, такъ же загороду вновъ здѣлать зъ

повѣтю и посерединѣ яслами, жита втрое посѣять, зъ коровъ 10 и зъ овець дойво збирать довше прежнегого. О расправѣ зъ Тараненкомъ, сторони Клима, у яру Мехсевого заоранного вновь имъ, взамѣну дать, Чичканю за стѣнику его денегъ ему 8 р. дается теперь. Дрикгантовъ взять на станю и кормить. Обѣдалисмо у Перервинцахъ, а по обѣдѣ поехали и пріѣхали передъ вечеромъ у Коровай, куда прежде братъ п. Семенъ пріѣхалъ, а потомъ родителка пріѣхала зъ меншими братами и ночовалисмо.

Неделя. 20. День быль сперва свѣтель, тихъ почаси и тепель почаси жъ, а передъ вечеромъ хмаренъ, ночь хмарна зъ дощемъ густенкимъ, и хмарно жъ, ажъ до свѣта. Тутъ у Короваяхъ праздновалисмо всеѣ обще.

Понедел. 21. День быль свѣтлій, тихій, а къ полудню сталъ велми вѣтрянъ, потомъ хмаренъ зъ дощемъ, къ вечеру знову виаснилось, зъ тихостю и теплотою, ночь свѣтла, тиха и холодновата зъ росою. Пріѣхалъ въ Коровай мимоездомъ асауль пол. Прилуцкого Панкевичъ, едучій по указу гетманскому зъ обознимъ Прилуцкимъ до Переяславля, которій, такъ же и Лукиянъ Свѣчка, обѣдали въ Короваяхъ. А по обѣдѣ розехалисмо всеї, родителка и жена и брати поехали въ Кіевъ, а я въ Пѣратинъ, где заездилъ до сотника, а виехавши зъ Пѣратина къ Чорнухамъ верстъ у 8, тамъ и заночовалъ, и со мною попъ Орановскій и Григор. Огіевскій.

Вовтор. 22. День быль свѣтлій, теплій, тихій, ночь свѣтла, тиха и холодновата. Рано поехалъ я зъ ночлѣга и пріѣхалъ въ Сухоносовку на обѣдъ, где и ночовалъ. Увѣдомился я, что ревизори написали въ Сухоносе всѣхъ людей 50. Смотрѣли пчоли всей и усмотрѣли такой, что подрѣзоватъ 60. При кобилахъ машталѣръ оставленъ Пилипъ Липниченко, которій старостою Перервинскимъ умовленъ на годъ служить машталѣрко, во всей нашей одежѣ, то-есть: въ свитѣ, кожухѣ, сорочкахъ и прочемъ, а плату ему дать при окончаніи года зол. 12, а одежду всю, якой не ноноситъ, отъ него отобрать.

Середа. 23. День быль свѣтлій, теплій велми. и вѣтрянъ отчасти, ночь свѣтла, тиха и ядрана. Сего дня оставилъ я приказъ

третій числомъ по прежнихъ 2-хъ, старостѣ Сухоносов. Омеляну: 1) Чтобъ соли возъ оставивши, всю въ Глух. прислатъ; 2) вози всѣ въ цѣлости имѣть, а драбинчатыхъ 2 дать въ Перервинци; 3) туда же вовни чорной 20 рунъ стар., а 20 молод. дать; 4) о хмелю приспособить онаго въ трое болшъ; 5) о куплѣ лѣсу до винницѣ и о стееку; 6) машталѣру дать кожухъ, чоботи и сорочки; 7) ставокъ дворов. зъ яловимъ спустомъ, и гребелку оправить, и Курѣнскій устроить; 8) пасѣчнику бить по прежнему и плата прежня; 9) у Кривой Рудѣ погробъ и загорода для товару зъ повѣтту. Да на заплату лѣса, приторгованного на зрубъ, даль я рубля. 200 дуль оставили въ Сух. до пакети приезду. Обѣдалисмо сами, а по обѣдѣ посѣщалъ настѣ отецъ Штапулскій и приходили козаки 5 человѣка определенніе. Поехалисъ посля полдня у 2 часа и пол., и приѣхали у гай до тютки п. Павловой, при заходѣ слонца, полъ 7-го часа.

Четвер. 24. День быль свѣтлій, теплій жаркій, зъ полдня вѣтрець и къ вечеру хмари и дощикъ проривался. Ночь свѣтла, тиха и тепловата. Рано зъ гаю п. Павловой и зъ п. Павловою виехавши злучился, а потомъ верхомъ заехалъ въ городъ Лохвицю и зъ полковникомъ п. Петромъ увидѣлся, а пріехалъ на обѣдѣ въ Токарѣ, где обѣдалисмо, а по обѣдѣ поехавши, пріехалъ до футора своего Артополотскаго, куда болшъ милѣ будеть, и тутъ у футора почовалъ.

Пятокъ. 25. День быль свѣтлій, тихій, жаркій, а потомъ хмарній. Ночь хмарна и дощъ, потомъ вияснилось. Ездилемъ осматривать сѣна, якого показалось торочного скиртъ 4, дворникомъ здѣлланного скиртъ 12, чили 13, Алексѣемъ грошевихъ 8 скиртъ, да Калиновцями 5 скиртъ, а еще у Алексія осталось 6 р. грошей, даннихъ ему.

Субота. 26. День быль по большой части свѣтлій, жаркій и тихій, а къ вечеру хмарній и вѣтряній, ночь хмарна, вѣтряна и холодна, вѣтеръ полунощній. Осмотревалисмо ичоли, якой показалось 110, изъ которой усмотрѣли убить 12, подрѣзать 30, а всеей на зиму оставить 98. Зъ попомъ Розбишовскимъ торгъ учинилисмо за

степъ, чили грунтъ Назаренковскій, за 60 р. и заплатилъ ему 28 червонныхъ подъ тимъ уговоромъ, чтобы мнѣ до него прислать денгами 60 р., а отъ его отобрать червонніе, и купчую взять, о чёмъ онъ писмо далъ мнѣ при отцу Орановскому. Подарилемъ зъ тутейшаго статку Григорію Огіевскому корову зъ телямъ, овецъ, 5 дойнихъ и ягнятъ 5, да овецъ старихъ яловихъ 5; да Орановскому 5, итого овецъ 20, да вовни по 10 рунъ обомъ, по 5 чорной, а по 5 бѣлой. Посхалъ я зъ футора и пріехалъ, у ночь уже 8-го часа, въ Роменъ, где и ночовалъ. Перечисленъ статокъ и свидѣ у футорѣ Артополотскомъ Вѣжевскимъ; дойнихъ овецъ бѣлихъ 34, а чорнихъ 25, въ томъ числѣ престарѣлихъ овецъ 8, барановъ бѣлихъ старихъ 10, яловихъ овецъ бѣлихъ 31, а чорнихъ 30, въ томъ числѣ престарѣлихъ бѣлихъ 10, а чорнихъ старихъ 2, тогорочнихъ валаховъ бѣлихъ 21, а чорнихъ 9, сеголѣтнихъ ягнницъ бѣлихъ 30, а чорнихъ 13, сеголѣтнихъ валаховъ бѣлихъ 19, а чорн. 8, баранцовъ сеголѣтнихъ бѣлихъ 7, а чорн. 4; козъ дойнихъ 13, цаповъ старихъ 4, цапъ валахъ 1, козъ яловихъ 2, козенятъ 14, итого овецъ 243. Товару: коровъ дойнихъ чабанихъ 6, а половихъ 3, яловая 1, воловъ рабочихъ 11, бугай, назимковъ, бичковъ чабанихъ 2, сѣрихъ 2, телицъ назимокъ чабанихъ 5, итого опрочъ рабочихъ 29, телать бичковъ 4, теличокъ 5.

Неделя. 27. День быль хмарний, вѣтряний и холодний, ночь вѣтрана жъ, хмарна, холодна, а къ свѣту випогодилось и тихо стало. Сей день тутъ пробавилисмо я зъ братомъ Маркомъ и Григор. Огіевскимъ; обѣдалъ съ нами Степанъ Лазаревичъ, ревѣдуючій число людей въ полку Лубенскому.

Понедел. 28. День быль свѣтлій, тихій, зъ рапку холоденъ, потомъ жарокъ, ночь тиха, свѣтла и холодна, къ свѣту морозъ вперво. Черезъ Тимоша писаль я до Полуденского, чтобъ онъ заездилъ въ Лохвици и до... и осмотрѣлъ бы слободки Гамалѣїной продажной и чтобъ клейно взяли зъ собою въ Глуховъ. Да до его жъ писаль я по писму Доренцова, чтобъ слобожане наши, якіи завиноватились шинкареви Берестовскому жиду, сплатились. Посхалемъ зъ Ромна рано и обѣдалемъ у Сухого Ромна, а ночовалъ, пересхавши Терні.

Вовтор. 29. День былъ сперва зъ морозомъ, тихъ, свѣтель, потомъ тепелъ, къ вечеру хмаренъ, послѣ знову свѣтель, ночь тиха, свѣтла и холодна. Рано зъ ночлѣгу поехавши, пріѣхали до Хижокъ, а Сеймъ переехали човнами, конѣ у бродъ, чили у плинъ, упустивши. Пріѣхавши въ Каменъ, тамъ и обѣдалемъ. А по обѣдѣ поехавши, пріѣхалъ у Ворголь и ночовалъ у дворѣ дядѣ Стефана Миклашевскаго.

Середа. 30. День былъ хмарный, сперва холодний, потомъ потеплѣлъ, знову смолднѣ хмаренъ и дощеватъ и холоденъ къ вечеру зъ вѣтромъ. Ночь свѣтла, тиха и холодновата. Рано зъ ночлѣга вставши, приехалъ у пасѣку Уздицкую, где осмотрѣвши пчоли, отехалъ до футора Калюжновскаго, тамъ обѣдалъ, а по обѣдѣ ездилъ въ Сварковъ, где осмотрѣвши двора, пріѣхалъ въ Глуховъ ноччу. Въ пасѣцѣ Уздицкой по исчисленію осталось пчоли старой 247, а молодой 301 а отложено при себѣ убить старой 2, а молодой 1, итого остается 447. У футорѣ жита нажали, на футорномъ полѣ, 193 и пол., а на Сварков. 90 к., десятины зъ людей 27 и пол. (сѣна у футорѣ въ гаи скиртъ 2, въ первой копицѣ 120, въ другой 120, въ третей 120, въ четвертой 150, въ пятой 120, въ шестой 140, въ седьмой 140, за мосткомъ у березѣ 80 копиць). На облозѣ Но-вицкаго 30 к., на Шовкунев. да на Горлов. полѣ, 200 копиць, на Колосовскомъ полѣ 190 коп., итого всего 1370 копиць.

Четвер. 31, День былъ хмарный почести, толко холоденъ, ночь хмарна почести и почести свѣтла, холодна. Рано видѣлся я съ Бѣлополовцѣ зъ п. Михайломъ и гетмана видѣль и кланялся, у него и обѣдалъ, зъ многими, г. генераломъ Иваномъ Васил. Панѣнимъ и прочими и подціяли. Тамъ же я забавилъ до ночи и позно пріѣхалъ домой.

Сентевр. и-ць. Пятое. 1. День былъ хмарній почести и свѣтлій почести, однако жъ холоденъ, ночь свѣтла, холодна и тиха. Праздновали начало лѣта и тезаимепитство енерала Нарѣшкина, обѣдали у него многіе великороссійскіе и мы оба зъ род., изъ гостей Панѣнъ и Гуревъ. Ездилъ я у вечеру въ склепъ и насипаль вина францужскаго зъ бочки 4 бутылки, а 2 зъ антала, где венгерское. Заездилъ до п. Михайла.

Субота. 2. День былъ полузвѣтль, холоденъ велми, ночь свѣтла, тиха, еще холоднѣйшая, а къ свѣту хмарна стала и мокровата. Сегодня виехалемъ рано зъ Глухова по службѣ Божіей, а пріехалъ на обѣдъ въ Тулиг. Въ Тулиг. засталемъ гор. 11 юеъ, а дванадцатую неповну, сѣна всего въ Тулиг. уготоваль стар. 1500 копицъ, возовъ 300. Родитель зъ Глухова пріехалъ на ночь въ Тулиг., где и заночовалисмо.

Неделя. 3. День былъ сначала и до вечора хмаренъ зъ дощкомъ, холодний, тихій, ночь сначала свѣтла, тиха, тепловата, а къ свѣту хмарна. Поехалисмо зъ Тулиг. и пріехали на обѣдъ въ Кролевецъ и стали въ дворѣ род. въ городѣ. Купилемъ вина квартъ 21, волоского по 7 к. въ двѣ барилцѣ. Михайлаторвъ грекъ билъ у мене и принюсъ мнѣ въ презентъ око тютюну и трубку пѣнковую.

Понедел. 4. День былъ почасти свѣтль и почасти хмаренъ, холодновать, ночь свѣтла, холодновата. Сегодня тутъ, въ Кролевцѣ, пробавилисмо, генералъ Нарѣшкінъ пріехалъ на обѣдъ, у которого билъ я, а родитель поехалъ до Добротова, где и ночовалъ. Въ ночь за городомъ згорѣла хата.

Вовтор. 5. День былъ свѣтлій, теплій, у вечеру хмарно и дощъ. Ночь хмарна и дощевата, къ свѣту випогодилось. Сегодня праздновали тезаименитство цесаревни государинѣ Елисавети Петровни и билъ я зъ генераломъ на молебствїи. Обѣдалъ у себе. По обѣдѣ знову ходилъ до енерала и до смерку у него позабавилъ.

Сореда. 6. День былъ свѣтлій, тихій и теплій, подобній отчасти прежнимъ, ночь тиха, свѣтла и почасти ядрания, а найпаче къ свѣту. Генералъ Нарѣшкінъ рано поехалъ отсюду въ Глуховъ, а Мякининъ изъ Киева повернулся и обѣдалъ у насъ. Родитель писалъ до Сави Рагозинскаго о степку Гамалѣвскому и писмо отослано до племянника его графа Гавріила, тутъ, въ Кролевцѣ. Стар. Тулиг. на росходи его дать приказалемъ Климу 5 р. Індукторомъ проданъ Клиномъ воскъ мой, а именно 26 пуд. по 5 р. 61 к. Матеріи купилъ я у Кролевецкому ярмарку, а именно: у Павла грека бѣлокосу квѣтчастого 25 локоть, локоть по 7 гривенъ и 5 копѣекъ, да у Петракея, тако жъ бѣлокосу, квѣтчатого,

только красного, 12 локоть по 7 гривенъ, да перучового бѣлокосу 14 локот. по 19 а, да красного бѣлокосу 28 локот. также по 19 а. Хутерь лисѣхъ шлямовыхъ 2 по 11 р. и 50 к., сѣбирковое чорнее за 10 р., мѣди пудовъ 3 по 8 р. и 30 к., казанъ чугунний, желѣзний до винницѣ на затюръ, ваги въ немъ 8 пуд. и 19 фунт., за полъ 20 а. пудъ, и прочіе покупки, о которыхъ въ реестрѣ, да купилъ же квѣтчастого бѣлокосу бѣлого у Павла грека 26 локоть, локоть по 7 гривенъ зъ полугривнею.

Четвер. 7. День былъ свѣтлій, теплій и тихій, ночь такова жъ, якъ вчорайшій. Обѣдалисмо въ Кролевцѣ, а по обѣдѣ поехали до Подолова, где въ сестри (Чарнышевой) позабавились мало, а оттолѣ поехавши, пріѣхали смеркомъ до Воронѣжа, где отвечеравши и давши конямъ отдохнуть, поехали и пріѣхали до монастыря Гамалѣевскаго часа первого зъ полночи и застали на всенощное.

Пятокъ. 8. День былъ свѣтлій, тепловатъ и отчасти вѣтрянъ, къ вечору тихъ, ночь свѣтла, тиха, холодновата, а наипаче къ свѣту. Сей день въ монастырѣ пробавилисмо, у церковной церемоніи били и у служенія. Игуменъ Петропавловскій Іоиль, строитель Мутинскій Паїсій, Инокентій, законникъ Петропавловскій, которіи съ нами и кушали. А по обѣдѣ я ездилъ до Макова, где видѣлъ свою карету, еще мало недодѣланную и болного маляра, и повернулся у вечору.

Субота. 9. День былъ свѣтлій, только жъ зѣло холодний и вѣтряній отчасти, ночь тиха, свѣтла, холодна. Обѣдалисмо тутъ въ монастырѣ зъ родителемъ, а по обѣдѣ родитель поехалъ въ Глуховъ, а я въ лазнѣ мился и почовалъ. Осмотревали работы малярской, я, отецъ Филиппъ зъ Воронѣжа и маляръ зъ Новгородка, где показалось много положенного двойнику вмѣсто золота и снѣдарская не вся, потому что рожичокъ инде нѣтъ, инде кѣтовъ.

Неделя. 10. День былъ отчасти свѣтлій и отчасти хмарний, только холодній, ночь холодна и свѣтла, а къ свѣту хмарна и мокровата. Сегодня по службѣ Божій у монастыря Гамалѣевскаго обѣдалъ я. Обѣдалъ тако жъ отецъ ігуменъ Петропавловскій и строитель Мутинскій, а по обѣдѣ поехали и пріѣхали въ Воронѣжъ, где и заночовалъ въ дворѣ монастырскомъ.

Понедел. 11. День былъ хмарний зъ дощемъ густенкимъ и зъ вѣтромъ, ажъ до самого вечора. Ночь хмарна, такъ же зъ дощемъ до свѣта, почему стало очинъ грязпо. Ицика, перервинского стрепця, отправилемъ въ Кролевець до Семена Шоха о куплѣ футра пескового зъ 13 р. и 50 к., да черезъ его писаль до Сухонос. старости о присилкѣ соли 5 воз. и коня сивого, о постройки млина Курѣнскаго и сѣлскаго сухонос., о доеннию товару и овѣць черезъ сей мѣсяць, и прибавки сѣна поболиши противъ тоголѣтнаго, а до перервн. стар. писано о козакахъ, непохотѣвшихъ слушать насть, чтобы ихъ употребить и о томъ до сотника пѣрат. писаль же. О станѣ на конѣ, о поставкѣ па станю дригантовъ, о прибавкѣ сѣна поболиши противъ прошлолѣтнаго. Рано зъ Воронѣжа поехавши, пріехалемъ до села Клишокъ, отстоящаго отъ Воронѣжа въ милѣ доброй, а оттолѣ до Чеплѣвки села же, въ полъ милѣ доброй же, где у поца Григорія обѣдали. По обѣдѣ уехавши зъ полъ милѣ доброй, пріехалъ до перевозу Розлетскаго, где черезъ Десну рѣку перевозясь, пріехалъ за версту до Розлеть села, а оттолѣ до села Іванкова миль у двѣ, а отъ Іванкова до Крисюкъ верстъ у 2, где и почовалъ. У імбарѣ засталъ горѣлки 5 куѣ и въ шестой носатокъ 8, въ сажѣ одномъ кабанокъ 10, а въ другомъ 11, и что ли въ стоянкахъ 16, а одинъ улей.

Вовтор. 12. День былъ сперва хмарній, послѣ свѣтлій, теплій и тихій. Ночь свѣтла, тиха и ядрана. Тутъ въ Крискахъ сей день прібавилемъ, ездилемъ осмотрывать млиновъ гетманскаго и Максимоваго, можи которими если можно еще устроить млинъ. Ярошъ зъ синомъ потомъ приходили ко мнѣ, и попѣ подаль писмо отъ архіерея Чернѣговскаго въ своеимъ заводѣ.

Середа. 13. День сперва былъ свѣтлій, потомъ хмарній, ажъ до вечора, только жъ тепель, ночь была почасти свѣтла и почасти хмарна, а больше къ свѣту тепловата и наконецъ зъ вѣтромъ. Сегодня обѣдалемъ въ Крискахъ, былъ у мене попъ Стефанъ пасровскій, которому на погрѣлую сего сентябр. 9 церковъ далъ рубля. Семену Шоху приказъ далъ на писмѣ, а именно: 1) за позиченіе 1731-го году 30 р., жито доправлять, 2) 1730-го голу осенщиши

великой важности нѣту, а оны только симъ самыи показали, что они не согласны на сie рѣшеніе, которое по тому не теряетъ своей силы, и какъ оное не въ пользу батюшки, то онъ будетъ черезъ 6 недѣль въ палату гражданскую апеллявать, и мы съ нашей стороны возьмемъ осторожность, дождавшись пресквернаго опредѣленія по дѣлу нашему, кое самимъ гнуснымъ и беззаконнѣйшимъ образомъ сотворено и мнѣ вчера въ судѣ обявлено. Содержаніе его въ краткихъ словахъ скажу: «что какъ г. Милорадовичъ занесъ жалобу на опредѣленіе Сосницкаго суда, позволяющее выйтить въ замужье dochеръ его Анастасія Милорадовичевна въ Новгородской-Сѣверской верхній земскій судѣ, то и предоставляется обѣимъ сторонамъ доходить тамъ окончанія начатаго дѣла, а сie пріостановить въ уѣздномъ Черниговскомъ судѣ, а какъ ни та, ни другая сторона не обниняется и не можно оного рѣшить безъ окончанія того дѣла, то и отъ пошлии обѣ стороны увольняются, для того и обявить обѣимъ, за подписками, что буде котораи недовольна, то апелявала бъ верхнему земскому суду.» Я съ моей стороны весь обрядъ выполнилъ, подпи-салъ на ономъ опредѣленіи недовольство и взнесъ по обряду на урядъ 25 р., а будеть ли доволенъ симъ опредѣленiemъ почтеннѣйшій братецъ, сего не знаю; онъ еще ничего, ип того, ни другаго не подпидалъ. Не можно такъ скоро рѣшится, что начать дѣлатъ, дабы избавится отъ такого безсовѣстнѣйшаго судового опредѣленія. Но кажется, что необходимо пора уже пожаловаться намѣстнику, поѣхавши въ Киевъ, чтобъ онъ тебя защитилъ отъ нападенія и гибели твоей ищущихъ, родителя и брата, всякими предоставленными и богоопротивными способами. Если и намѣстникъ не вступится за твою невинность, то уже не начто больше надѣятся, а останется отъ всемогущаго Творца на томъ свѣтѣ ожидать награжденія, а тутъ кромѣ безъсознѣтія и волокиты, не обрѣтемъ (ничего?). Думаю, что поѣздка моя съ жалобою въ Киевъ нелегка мнѣ будетъ въ разсужденіи безпутици и переправы черезъ двѣ большие рѣки. При отѣздѣ моемъ въ святій градъ, не оставлю тебя увѣдомить, а теперь, пожелавъ тебѣ, жизнь моя, и Алексашѣ, здравія и благополучія, а я здѣсь остаюсь растроенъ мислею, духомъ и дѣлами. Можетъ быть сie я сказалъ и сълишкомъ много, но тантъ передъ тобою вовѣкъ я себѣ бъ сочель чорокомъ. Храни всегда въ сердцѣ твоемъ имя и память любящаго и обажающаго тебя мужа и преданнѣйшаго до смерти друга, которой мисленно лобизастъ тебя поминутно, Иванъ Лашкевичъ. М. г-нѣ башкѣ, и. г-нѣ Софіи Васильевнѣ прошу обѣимъ мое нижайшее по-

ченіє свидѣтельствовать и поцѣлововать за меня въ руки. Прилагаю у сего къ матушкѣ письмо незапечатанное, которое прошу переслать въ Брахловъ, приписавши и отъ своей стороны, что нибудь о себѣ и Алексашѣ, въ ономъ письмѣ или въ особомъ, какъ воля ваша будетъ. (1790 г., 17 дек. Черниловъ).

51. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой Настенька, душа жизни моей. На третій день я сюда прибылъ, раставшись съ тобою, ангель мой, да сегодня и отъсюда же выезжаю, о чёмъ и что я здоровъ податель сей тебя удостовѣрить. Дядюшка пишеть, просячи обо мнѣ къ Петру Васильевичу (Завадовскому), къ оберъ секретарю его другу, также и къ секретарю, да и другимъ обѣщаю писать, когда нужда укажеть, ибо онъ надѣется, что я самъ нашимъ благодѣтелямъ извѣстенъ, то увида меня обиженного, конечно не откажутся пособить. О семъ я съ нимъ частую переписку буду вестъ. Шоссилю тебѣ, душа, двѣ пари перчатокъ да для бабушки одну пару, которую прошу отъ меня въ ручку поцѣловать, при засвидѣтельствованіи моего нижайшаго почтенія. Пожалуй, душа моя, изготуй два шуда конфектовъ, какъ скоро я потребую, то чтобы они у тебя были въ готовности, а безъ вѣдома не присилай. Кажется лутче, когда цоплешь въ Киевъ надежного человѣка и тамъ купишъ. Такимъ гостинцомъ весьма можно въ Петербургѣ услужить. Любезнѣй дочкѣ моей посылаю карету съ лошадьми двумя, и еще девять разныхъ игрушокъ и желаю, чтобы она въ силахъ была все сіе испортить.— Не тужи, другъ мой, обо мнѣ, будь здорова и любы того, которой тебя поминутно въ мысляхъ имѣи, цѣлуетъ мисленно тебя. Прошай, ангель жизни моей, и помни твоего преданнѣйшаго и вѣрнѣйшаго мужа и друга Иванъ Лашкевичъ. Полотна я не купилъ, самая худшая штука 50, а какъ буду назадъ ехать, тогда куплю. (1791 г.. 1 июня. Могилевъ).

52. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей Настенька! Къ полдню сегодня сюда приехалъ я, не буду я тебѣ описывать подробно, какіе мнѣ въ дорогѣ случались трудности и досады, а скажу коротко, что всего лутче, когда Господь мнѣ даровалъ все перепесть. Квартери я искалъ долго и ъѣзди въ кабеткѣ по городу, до того искучилъ, что принужденъ навремя остановится въ трактирѣ, гдѣ и договорилъ за всякой день 2 р. 50 к., за три покоя; сія квартера мнѣ дорога, такъ что я и не намѣренъ въ ней болѣе четырехъ дней пробытъ, а буду старатся о способнѣйшемъ жилищѣ и дешевшемъ. Ставъ тутъ на ногахъ, принимаюсь за бумагу сію, ангель

мой, душечка Настенька, щитаю первѣйшимъ моимъ долгомъ увѣдомить тебя, что я слава Богу здоровъ доѣхалъ. Синъ я увѣренъ духъ твой можетъ быть нокоенъ. Плати, жизніоночокъ мой, взаимно и мнѣ, сказивая о твоемъ мнѣ дражайшемъ здоровья, сіе одно кажется, любезнай другъ мой, слабое утѣшеніе, коимъ мы въ разлукѣ питаемся. Можетъ нашъ благодѣтель Г. Петровичъ не захотитъ ли и оного прервать, па то я возьму моя мѣри съ послѣдующими за симъ письмами, а теперь поставивши на сѣмъ нумерь (№ 1-й) для пробы, равно и ты, маминъ, когда будешъ ко мнѣ писать, то на своихъ письмахъ надписуй нумери. Когда будешьъ, ангелъ, ко мнѣ писать, то доставляй тѣ письма къ дѣдушкѣ Григорію Григоріевичу, въ Черниговъ, а онъ уже знаетъ, какъ ко мнѣ надписывать; а какъ скоро я совершенно найду себѣ квартеру, то тотъчасъ тебя увѣдомлю, тогда можно уже тебѣ, свѣтъ мой, прямо ко мнѣ надписывать; когда же получишъ и изъ Брахлова, то также съ своимъ ко мнѣ письмомъ къ дѣдушкѣ отправляйте; я оные буду вѣрно получать; теперь же спѣшу съ отправкою сего на почту. Заключивъ сіи мои строки, погружаюсь мисленно въ наипріятнѣйшею твою душу, мою уже, и цѣлую тебя помпнутно, ангела моего, жижи въ тебя сердцемъ и душою, владѣя полно твоимъ. Прощай пребывающаго къ тебѣ до конца жизни моей преданѣйшимъ другомъ и вѣрнѣйшимъ мужемъ Иванъ Лашкевичъ. Любезную дочку нашу Сашечку поцѣлуй за меня. Sitot que vous entendrѣs le petit soter dans votre ventre, vous me donerez savoir le quelle dat... vous vous faire votre conoissance premier? Приложенное у сего письмо къ матушкѣ пожалуй, сердечко, доставь поскорѣй; ты сама, малюточка, знаешь сколько она онымъ обрадуется. Извини, душенька, меня предъ бабушкою, что не въ особомъ конвертѣ, но вѣмѣстѣ съ твоимъ письмомъ цосилаю, все сіе дѣлается что я много уноваю на ее къ намъ милости. Увѣдоми меня все ли ты получила отъ меня изъ Могилева, черезъ Марку. Adieu, mon ange. (1791 г., 8 іюня. Петербургъ).

53. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой Настенька, душа жизни моей! Четыре дня назадъ тому, каъкъ я къ тебѣ, ангелъ мой, писалъ черезъ почту черниговскую. Увѣдоми меня получила ли ты оное. Теперь сіе отпускаю, черезъ сосѣда моего и друга Степана Михайловича Ширяя, въ надѣяніи, что дойдетъ къ тебѣ скоро черезъ Брахлова. Но жалко, что не имѣю ничего сообщить тебѣ пріятнаго, кромѣ того: подалъ въ сенатъ апеляцію 10-го іюня и прямо въ руки генераль-рекетмейстеру Аркадію Ивановичу Терскому. Что будетъ

далѣе не знаю, но въ департаментъ она еще не вошла; о томъ и какъ дѣло разбудить, я теперь стараюсь: ищу поминутно дорога и какъ скоро на ону вспаду, то буду всѣми силами стараться тянуть. (Повѣренный Г. И.—Аксюкъ здѣсь и ожидаетъ поминутно какихъ то бумагъ отъ Г. П. на подачу въ сенатъ; какого они быть должны содержанія я не понимаю, но увижу того чуда). Былъ я у Петра Васильевича, онъ на время въ городъ пріѣхалъ, а живеть всегда лѣтомъ на дачѣ. Онъ весьма меня ласково принялъ и велѣлъ, чтобы я въ ему на дачу пріѣхалъ, но по сю пору я однакожъ еще не имѣю свободнаго времени и можетъ черезъ день или два пойду на дачу къ ему и къ графу Безбородку; увижу, какъ сей баринъ на меня взглянетъ. Онъ же знаетъ о моемъ сюда пріездѣ и о дѣлѣ, то посему мнѣ необходимо къ ему толкнутся и примѣчу, что съ сего выйдетъ. Петръ Васильевичъ, между прочимъ, сказалъ, что отецъ тебя никакимъ образомъ не можетъ удалить отъ имѣнія твоего. Полагатся на сіе не слишкомъ должно, можетъ быть это политика, Богъ знаетъ. Два раза я былъ у графа Воронцова; однажды сказанно, что графъ проситъ въ другое время къ ему притить, а въ другой разъ сказанно, что графъ сегодня не принимаетъ никого, занять дѣлами. Здѣсь я колеблюсь съ мыслями, не упрощенъ ли онъ (отъ?) графа Безбородка меня къ себѣ не допускать. Но не взирая на сіе, я буду добиваться увидѣтъ неотмѣнно и обо всемъ объяснится съ графомъ Воронцовымъ. Наконецъ, былъ я у г. оберъ прокурора и оберъ секретари и обѣими вмѣ, особо каждому, пояснивъ обстоятельства дѣла. Ими я принять весьма ласково и обнадежили меня защитою сираведливости. Потомъ я объяснился и изъ секретаремъ и, видное дѣло, сего надобно наиболѣе придерживаться, что я и исполню; онъ тотъ, которой, сказываютъ, можетъ дать скорое теченіе дѣлу; о томъ я ему и кучить буду всякий день, его пользу показавши. У Суденкова 4 раза былъ, не удостоился его видѣть; когда еще разъ не удастся его узрѣть, то брошу и ходить. Карета и пара лошадей каждый день здѣсь составляютъ 3 р. 50 к., что дѣластъ на мѣсяцъ 105 р. Я ону, попользовавшись 3 дня и заплативши 10 р. 50 к., отустилъ а рѣшился псаистольски шѣшкомъ ходить. Стыдно мнѣ таскаться по улицамъ въ башмакахъ и иногда въ сликотѣ, но нѣчимъ перемѣнить; все генерально тутъ дорого и доведется можетъ быть здѣсь годъ и съ лишкомъ прожить, то и рубашки на плечахъ не останется. Слѣдовало бъ мнѣ написать къ м. г-рю дѣдушкѣ о моихъ здѣсь дѣйствіяхъ, но какъ сю же самую матерію опять долженъ

повторять, а времени не имѣю, да къ тому же и г. Ширай сиѣшить съ отъѣздомъ, а пустить сего случая я не хочу, а черезъ почту я не могъ бы всего вышеписанного писать, то въ такомъ случаѣ, пожалуй, жизнь моя, сіе самое письмо попроси бабушку нарочнымъ отослать въ Черниговъ, къ дѣдушкѣ для прочету и дабы оно обратно къ тебѣ доставленно было. Да я и тебѣ, душа моя, примѣчаю: не давай никакого виду и ничего не сказывай при священникахъ Боровицкихъ, что а къ тебѣ пишу: одинъ часто єздить въ Черниговъ, то иногда, что онъ слышавши въ Боровичахъ, тамъ Г. П. нечаянно не проговорился. Два дня уже назадъ какъ я на другую квартиру перешелъ; тутъ кажется мнѣ сходно будетъ. Полагаю у сего записку, какъ ко мнѣ письма надписывать, съ которой конію снявши, отошли для вѣдома къ дѣдушки, а сію у себе оставь. En suite, à vous dire la verité, je n'ai eté si inquiet qu'aprésent; je m'enui ici exprememt et si Dieu ne me donerat point etre sitot de retour, il me pars, que la nesiceté m'obligerai de vous prier venir vivre avec moi pour suportez sette lours fardot eten ensemble tout nos malheurs serons suportable. Adieux, mon tres cher coeur, je vous baise mille mille fois, ne m'onbliez j+ mais votre fidelle epoux et ami J. Laschkewitch¹⁾. М. г-но бабушку-матушку прошу за меня въ ручки разцѣловать. Алексашу въ лобыкъ поцѣлуй. (1791 г., 12 июня. Петербургъ).

54. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей Настенька! Не можетъ быть ничего для меня пріятнѣе, какъ вотъ уже другой случай, которимъ я пользуюсь къ тебѣ, взвѣщаю о себѣ, думаю, что ты, ангелъ мой, по первому черезъ Ширай, изъ Брахлова, уже получила подъ № 2, а сіе отшущаю черезъ управителя Петра Васильевича, кое уповаю скоро до тебя дойдетъ, да и за симъ еще открываются оказіи, которыхъ я не пропущу; съ сей стороны я доволенъ, что ты, сердце мое, покойна и се третье письмо отъ меня къ твоимъ рукамъ идетъ: одно изъ Могилева, а три изъ Петербурга, но я лишенъ сего утѣшенія, еще ни одного письма не получаю, жизні-оночекъ мой. Здѣлай милость, дражайшій ангелъ мой, увидоми, Бога ради, меня о твоемъ и Сашечкиномъ здоровыи *et de cette que vous avez avec vous.* Сколько я притерпываю, не видя тебя, то и пояснять лишнѣе будетъ; Богъ свидѣтель, ни съ чѣмъ не можно сравнить сей горестнѣйшей муки, да то бѣда, что и самъ не вижу, когда удастся

¹⁾ Французскій текстъ писемъ печатается безъ измѣненій.

мнѣ кончить тутъ дѣла и лѣтѣть къ тебѣ, въ обятії, вѣрнѣйшему моему другу, при всѣхъ лестнихъ надеждахъ, коими я льщуясь о благополучномъ окончаніи нашего дѣла, (что да буде между нами сказанно.) Теперь тебѣ остается, душа моя, исполнить важную комісію и пособыть скорѣйшему успѣху нашего дѣла и постараися неотмѣнно прислать ко мнѣ сюда, къ десятому августа, тысячу рублей денегъ. Попроси бабушку и дѣдушку пособыть тебѣ, гдѣ бы вызычить; безъ оныхъ никакъ не можно обойтись, когда хочешь выиграть дѣло; въ тому времени съ хозяйства можетъ быть что получишъ, изъ Жукотекъ, изъ Брахлова и изъ Савинокъ, а инако мои здѣсь тщетные будутъ рвенія и труда, ибо при сильныхъ нашихъ благодѣтеляхъ, безъ денегъ трудно и неудобно. Бога ради, вызволи меня, да и то рассуди, когда теперь сего вѣдругъ не схватить дѣла, то вѣтъ ожидаючи по очереди рѣшенія (да каково оно еще и будетъ) болѣе здѣсь издержу на свое тутъ содержаніе, нежели вѣдругъ пожертвовать и Богъ дастъ выиграть. Деньги не опасайся по почтѣ ко мнѣ доставить, квартира моя извѣстна, а по оказіи не отваживай, могутъ прощать. Дѣвочокъ своихъ дочерей двухъ въ монастырь отдалъ Ожеговиачъ (?) и скоро можетъ быть отправится отъсюда; онъ успѣль въ своихъ дѣлахъ, деньги изъ банку получилъ и что мнѣ чудно, что онъ старается получить място дѣдушки Григорія Григорьевича, которое ему, я стороною узналъ, и обѣщанно, не знаю съ воли ли это дѣушки дѣлается или нѣть. (1791 г., 20 июня. Петербургъ).

Прибавленіе къ предыдущему письму.

15-го сего мясяца вѣдилъ я на дачу къ Петру Васильевичу (Завадовскому); много со мною кое чего постороннаго говорилъ; когда же я началъ о дѣлѣ его просить, то онъ мнѣ сказалъ, что надобно было прежде миролюбиво поступить, но и де вамъ буду помогать, что въ самомъ дѣлѣ и исполнилъ въ самой точности и скорости. Туда приехалъ къ обѣду также Суденокъ (Осипъ Степановичъ), къ которому я уже и бросилъ ходить; какъ же онъ меня удивилъ, что началъ со мною вѣжливо обходится и спрашивалъ о нашемъ дѣлѣ и отдалъ ли имѣніе Григорій II. половину частъ?—Я ему сказалъ, что ничего. И другіе тому подобніе вопросы онъ дѣлалъ. За симъ Петръ В. съ Суденкомъ весьма долго говорилъ, въ особенности въ продолженіе стола Петръ Васильевичъ и Суденокъ довольно со мною ласково и много о постороннихъ матеріяхъ говорили. 17-го. Бывши предъ самъ у графа Воронцова 2 раза и не удалось его видѣть, отъ чего я пришелъ въ великое недоумѣніе и не зналъ было что на-

чать, но того самого дни былъ я сенатъ, въ обыкновенной прихожей комнатѣ, какъ въдругъ всѣ двери зашумѣли и входить сенаторъ графъ Воронцовъ, и лишь только со мною поравнялся, остановился и говорить мнѣ: «я знаю, вы у меня были, мнѣ нѣкогда было съ вами говорить, пропу завтра у меня побывать». (Столь мнѣ причинила такая нечаянная встрѣча удовольствія, что и описать не могу. Потомъ я узналъ, что благодѣтель мой Петръ Васильевичъ, бывши въ Царскому Селѣ 16-го, пояснялъ мое дѣло графамъ Безбородкѣ и Воронцову). И тогоже дня, вошедшіи въ сенатъ, велѣлъ, чтобы апеляція моя доложена была, секретаръ тотъ часъ доложилъ оную, а за тѣмъ благотворитель нашъ графъ Воронцовъ приказалъ секретарю по нашему дѣлу готовить немедлительно экстрактъ, чemu и секретарь ве мало удивлялся. Но какъ отъ меня секретарь и повѣтчикъ были уже довольны и предупреждены, то шовелѣніе оное сенаторское начало свое вскорѣ воспиряло, и уже экстрактъ по дѣлу нашему повѣтчикъ началъ писать 18-го. Итакъ, имѣя повѣлѣніе, поѣхалъ я къ графу Воронцову и когда по докладу я къ его сіятельству представлъ, то не далъ мнѣ ни слова выговорить, началъ сими словами: «каково пожи-ваешь, давно ли прїехалъ? Я знаю твое дѣло, я велѣлъ по оному экстрактъ писать и ты узнаешь, какъ я обѣ немъ судилъ». Послѣ того началъ я графу изяснять происхожденіе странное дѣла нашего; онъ удивлялся, почему не вошелъ въ дѣло ни губернаторъ, ни прокуроръ Новгородскіе—сѣверскіе, сказалъ потомъ онъ: это Селецкій такъ здѣжалъ. Я ему отвѣталъ: такъ точно, онъ; за тѣмъ всѣмъ, про-силъ я въ несчастіи нашелъ сильного его покровительства, а при отходѣ моемъ сказаъ мнѣ: что какъ скоро по дѣлу нашему экстрактъ готовъ будетъ, то приходите ко мнѣ!—Тѣмъ днемъ довольно меня привелъ къ утѣшенію, видя такую надежду хорошую. Я нечаянно въ французской лавкѣ увидѣлся съ графомъ Безбородкомъ, но тамъ не ловко было мнѣ къ ему адресоватся, а искалъ безъпрестанно случая. 19. Потому и рѣшилъ прямо къ ему въ домъ поѣхать, гдѣ долго его ожидали съ прочими человѣтчиками, чтобы только ему показатся и поклонится, какъ прїежему. Наконецъ сего и удалось, когда онъ проходилъ къ каретѣ, то я ему съ прочими поклонилъся. Потомъ за-шелъ я къ Трошинскому, первому графскому секретарю, бригадир-скаго чина, съ которымъ я познакомился, и когда ему все дѣло по-яснилъ (нарочито зная, что сей все отъ слова перескажетъ графу) и мнѣ кажется сказалъ я ему, когда можно прекратить такіе въ фа-миліи вражды недѣлающіе чести, то я съ моей стороны считалъ бы

сіє за счастіє и удовольствіє. Онъ мнѣ сказалъ, что Г. П. доброй человѣкъ важется и что видно отецъ сіє дѣлаєтъ; и отвѣчалъ, почти не отецъ, а Г. П., потому отецъ даль ему вѣрующее мирится, но Г. П. отъ того удалнется, ища всемѣрно сестру обидить. Теперь остается преобѣдить себя терпѣніемъ, пока экстрактъ кончится и мнѣ кажется дѣло пошло хорошо, когда что и не распортилъ строй, а особливо и боюсь, что ожидаютъ сюда Г. П. съ Александрою П.¹⁾ Однакъ надежду полагаю на Господа твердую, онъ насть не оставитъ. (1791 г., 30 іюня. Петербургъ).

Приложенное у сего прибавленіе. (Къ письму № 54), Прочитавши потихоньку съ бабушкою, пошли, жизнь моя, заразъ, въмѣсть къ моимъ письмомъ, въ Чернѣговъ, къ дѣдушкѣ, запечатавши въ другой конвертъ, и проси, чтобъ оное къ тебѣ обратно было доставлено. Когдаже Антонъ Андреевичъ (Войцеховичъ) приедетъ въ Боровичи, то ты ему вручи сіи прибавленія прочесть, только заразъ потомъ, пожалуй, оные спрячь, чтобъ всѣ такіе бумаги у тебя были сохранени. Засимъ, цѣлую тебя мысленно тысяча тысяч разъ, прощай, душа жизни моей, ангелъ мой дражайшій. Я вѣчно съ тобою мислами и душею и вснѣ повседневно вижу, и благодарю Бога, что симъ духъ мой живится, да ниспоплетъ и па тебя сію отраду души, цѣлую тебя, жизнionочекъ, и Сашу, и ожидаетъ отъ тебя сего же чуства, твой вѣрнѣйшій мужъ и иреданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ. На сихъ дняхъ я видѣлъ Катенькиного отца и мачиху, которое до земли кланяются и благодарятъ за содержаніе ихъ дочери, отецъ ея директоръ банку, тысячу рублей жалованья беретъ. Отцу протопопу скажи, что сынъ его Гаврило Г. здѣсь и скоро имѣть будетъ мѣсто при генералу Васильеву.

Вслѣдствіе письма И. С. Лашкевича о займѣ денегъ для веденія процесса, Настасья Петровна писала къ Гр. Гр. Фридрикевчу:

55. Милостивой государь дѣдушка! Изъ сего писма изволите увидѣть крайнюю мою необходимость въ денгахъ, пожалуйте пособите дайте наставление, въ кого и какъ взять, если можно достать въ черниговскихъ или въ Степановича, то пожалуйте прикажите обликъ написать и во свидѣтельство, если милость ваша будетъ, на опому

¹⁾ Т. е. Александрою Павловною, своею женой, рожденной Кочубей и роженою племянницей графа (послѣ князя) Безбородка.

подписатся, покорнѣйше прошу. Ваша покорнѣйшая служница Настасия Лашевичева. (Собственноручно).

56. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа моей Настенька! Ни одного случая не хочу упустить не извѣстя тебѣ, дражайшаго ангела моего, о себѣ, и признаться тебѣ, что я начинаю мучится найгорестнѣйшою мукою. Посуди сама, душа моя, сколько сіе быть должно тѣгостно: разставшись съ тобою, съ того самого времени, я никакого о васъ не имѣю; увѣдомленія; мнѣ это причиняетъ величайшую тоску. Утѣши меня, жизнь, пиши покрайнѣй мѣри два раза въ мѣсяцъ, а иначе, ты меня своимъ молчаніемъ замучишъ. Отправлю сіе письмо черезъ Верницкаго, откупщика раскольничихъ слободъ нашей губерніи, и съ пимъ ящикъ апельсинъ, въ коемъ всѣхъ 60, изъ которыхъ я матушкѣ писалъ для себя взять 30, а другіе 30 туть часть яарочными отправить въ Боровичи для бабушки, для тебя, жизнionочки моего, и Сашечки, кои желаю во здравіе кушать. Не оставь также меня увѣдомить всѣ ли мои письма къ тебѣ дошли, ты сіе можешь вдругъ увидѣть, считая нумера. Нужнымъ тебѣ поставляю сказать: сего мѣсяца 21-го былъ я на дачѣ у Петра Васильевича, нашего первого благодѣтеля, и послѣ обѣда пошелъ къ ему въ кабинетъ, чтобы узнать объ отвѣтѣ и мысляхъ по нашему дѣлу графа Безбородки, на что онъ изволилъ мнѣ сказать, между прочимъ, что графъ въ сіе дѣло не войдетъ. Я тогда ему началъ объяснять наше дѣло и, для лутчего еще по оному понятія, вручилъ краткую записку изо всего дѣла, которую онъ прочитавши, сказалъ своими словами: «Будьте увѣрены, ничего не опасайтесь и ничего, что принадлежитъ женѣ вашей по матерѣ, не уступайте!» На Бога положась, будемъ ждать конца. Съ Сахновскимъ я познакомился, которой мнѣ сказалъ, что Григорій П. давно долженъ сюда бы быть, но видно стыдитсяѣхать, ибо де и послѣдній разъ отсюда выѣзжалъ, сказалъ «что конечно съ сестрою кончу дѣло миромъ», но показалъ публикѣ совсѣмъ тому противное. Я однакожъ такимъ баснямъ не вѣрю, а пишу тебѣ за извѣстіе. Экстрактъ по нашему дѣлу на слѣдующей недѣлѣ кончатся, такъ я завѣренъ, а тамъ, какъ Богъ дастъ, буду управляться и готовлю каждому сенатору записку обстоятельную изо всего дѣла. Тебѣ же, душа моя, остается съ помощью лѣдушки и бабушки достать 1000 р. денегъ и прислать сюда неотмѣнно къ 10-му августи (какъ я уже прежде о семъ къ тебѣ писалъ), а иначе будешъ на себя жалѣть, когда въ чёмъ моя прозьба не успѣеть ибо наше дѣло таково, что скорѣе, то лутче, а Боже сохрани продлится,

то можно тутъ на прахъ прожитса: подумай, день обходитса 2 р. и 3 р., а иногда когда карета нужна, что пѣши обѣгать не могу вездѣ, тогда расходится на день 5 и 6 р., таковъ непомѣрный расходъ. И такъ, со всего сего рассуждай, что выгодише: разъ понестъ и потеряться и дастъ Богъ выиграть, или медленными шагами ити и ожидать неизвѣстнаго. За скорою отправкою по сей оказіи, не успѣлъ писать къ м. г-нѣ бабушкѣ-матушкѣ и прошу тебя поцѣлуй въ ручки за меня, равно иѣрно и дочку мою Алексашу. Посилаю у сего ящиочекъ апельсинъ къ лѣдущкѣ, что не умѣдля попроси бабушки отправить въ Черниговъ, я же къ ему теперъ потому начого не пишу, что о семъ вчераюсь по почтѣ къ ему уже писалъ, что посылаю сей гостинецъ черезъ Боровичи. За симъ, цѣлую тебя, дражайшаго моего ангела, теперъ и поминутно, поруча тебя Божіему призрѣнію, прощай и имѣй въ мысляхъ твоего вѣрнѣйшаго мужа и преданнѣйшаго друга Иванъ Лашкевичъ. Данилевскій, которыйѣ здѣшилъ съ Г. П. въ чужие края, удивлялся; прежде, говорилъ онъ мнѣ о новыхъ, открывавшихся дарованіяхъ у его воспитанника, а наконецъ и самъ де дозналъ въ немъ во многихъ случаяхъ неисполненіе его обѣщанія и жалуется на него, что онъ здѣжалъ чувствительный убытокъ ему въ двухъ вещахъ, о чёмъ пояснить тебѣ жалѣю моихъ трудовъ у бумаги, да и некогда. Г. П. повѣренный Аксюѣ пріехалъ сюда, тяжело начинять, онъ имѣлъ повную повозку водокъ, которые разданы кое кому изъ сенатскихъ, между которыми полинную похвалиютъ отмѣнно. (1791 г., 30 июня. Петербургъ).

57. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей Настенька! При самой почти отлучкѣ отъ сего мѣста г. Ханенка, я поспѣшаю черезъ его крикнуть словъ иѣсколько и сердечно тебѣ, дражайшему ангелу, благодарю за твое письмо подъ № 1-мъ; я получилъ вчераюсь весьма уже поздно, однако, жизнъ моя, ты въ ономъ умолкла, что уже моихъ получила тогда еще два черезъ Ширая и управителя Петра Васильевича, гдѣ я между прочимъ писалъ о деньгахъ; оные мнѣ такъ нужны, что и представить тебѣ не могу, и не-присылкою оныхъ къ 1-му сентябрю почувствуемъ великую потерю и можно дѣло проиграть, а другое и то, что могу я изъ голоду про-пасть; я же съ моей стороны готовъ подать щотъ, куда я здѣсь деньги теряю: кафана себѣ не здѣжалъ и хожу такъ, какъ Богъ далъ, можетъ быть и дѣлають изъ меня критику, но мнѣ до того нужды нѣту. Я то знаю: платья человѣку цѣны не прибавлять, каковъ я уже есть, таковъ и буду.—М. г-ню бабушку-матушку прошу отъ меня въ ручки

иопѣловать. Денегъ я думаю въ Брахловѣ, въ Савинкахъ сколько нибудь, и въ І҃укоткахъ, уже собрали, а къ тѣмъ сколько надоно будетъ до тысячи занять. Попроси матушку, чтобы попросила у Корсака въ Семеновкѣ, и переслать оныя деньги ко мнѣ чрезъ Новгородъ-Сѣверской. Ожеговичъ другой день отъ сюда уже выѣхалъ. Прощай, душа жизни моей, до смерти пребудеть непремѣненъ къ тебѣ твой вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ. Больше писать не могу, г. Ханенко спѣшить отсюда выѣздомъ. Сашечку прошу иопѣловать за меня. (1796 г., 18 июля. Петербургъ).

58. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ, мой душа жизни моей Настенька! Пущенное отъ тебя изъ Брахлова подъ № 3-мъ, я получилъ въ мѣстѣ съ матушкинымъ исправно сего мѣсяца 7-го числа и затѣмъ вскорѣ и другое твое письмо черезъ Войцеховича подъ № 5-мъ, также, дражайшій мой ангелъ, дошло къ моимъ рукамъ исправно. Много я обрадованъ тѣмъ, что имѣю вѣрное извѣстіе о твоемъ благосостояніи, но не знаю чему приписать, что послѣ 3-го, 5-й получилъ номеръ и гдѣ дѣвался № 4-й не знаю, на почти ли онъ прошелъ или ты, душа моя, ошиблась. Бога ради увѣдоми меня, ибо если ты не ведешь записки, котораго числа подъ которымъ № отшушиашъ и получаешь отъ меня письма, то легко можешь ошибиться; но я держу мое мнѣніе, что на почтѣ письмо пропало, потому въ послѣднемъ моемъ письмѣ пишешь, что бабушка ко мнѣ недавно черезъ Новгородокъ писала; думать я долженъ, что и ты, душа моя, такъ же писала, но я отъ бабушки ни одного письма не получалъ здѣсь. Ты ко мнѣ, сердце, пишешь, что цѣна на горѣлку возвышается и требуешь моего совѣта продать ли ону или нѣтъ; я не знаю урожаю и каковъ умолотъ хлѣба, а потому и цѣнѣ оному; тебѣ сіе все тамъ извѣстїе для того, за совѣтомъ бабушки, остави на шинки довольноное число, лишнаго для чего не продать, лишь бы хоть съ маленькимъ барышомъ, но разсчетъ вѣрный здѣлать. Вѣдь ты, душа моя, знаешь, сколько мы хлѣба купили, и какими цѣнами, то не хочется убытку понести. Нитокъ брабанскихъ и шелку чернаго суконнаго, по твоему приказу, купилъ равно и фарфоровыхъ черепокъ и блюдечокъ и табакерку бабушкѣ, и можетъ все оное доставлю, когда буду присыплась Сашѣ нянѣкѣ, о которой теперь стараюсь сыскать; одна было попалась что имѣть сына, и женщина благородная, не-богата, а сына того хочетъ хорошо воспитать и все сіе было бы на нашъ счетъ, то я ея не видя, отказалъ, избѣгаю великихъ вздерженій и беспокойствъ, а то у нея было бы болѣ бѣ заботы о своемъ сыне,

нежели о нашей дочкѣ. Ты себѣ представить не можешъ, сколько я теперь озабоченъ: требуютъ отъ меня мира на престранныхъ кондиціяхъ, о чёмъ я обстоятельно пишу къ дѣдушкѣ и тое письмо прошу его сообщить бабушкѣ и тебѣ для прочету. Тебѣ, маминька моя, остается настоять, чтобы скорѣе дѣдушка далъ мнѣ наставлѣніе мирится ли на тѣхъ кондиціяхъ, кои отъ меня предложены или нѣтъ, на самыхъ умѣренныхъ положеніяхъ, въ единовременное избѣженіе могущихъ произойти великихъ беспокойствъ, и безконечныхъ тѣжбъ. Теперь ты ясно видишь мое беспокойство, что ни одной души нѣту, кто бъ могъ мнѣ что здѣсь посовѣтовать и съ кѣмъ поговорить искренно, а по всему сему и не вижу я конца, какъ скоро могу я отъ сюда выѣхать. Но братикъ любезной нашъ также не можетъ тутъ долго зажитса, а будетъ спѣшить къ октябрю мѣсяцу первыхъ числь... Но я не понимаю, какъ мы раздѣляемся; оба мы имѣемъ хорошихъ и славныхъ тутъ защитниковъ, но Богъ знаетъ на чию сторону дѣло будетъ. Неувѣдомила ты, жизнь моя, бросила, ли ты себѣ кровь lorsque vous avez entendu l'enfant, sur lequel ma bnediction et le quel je voudrai qu'il soit nai (n ) dans la maison de ma cher grand m re par aport que vous avrai la tout pret le maidesin a Garodna, que j'aistime beaucoup et non pas celui qui et  autre fois. Vous entend  que celui de Starodoub je ne peu pas soufrir, je ne veux pas qu'il soi dans votre acouchement et sans mois encore. Dieu vous preserve et tout ca soit entre vous dit, si quelqu'un songa, vous perdrais m'amitier pour jamais. Все сие я говорю, люби тебя. Прощай, жизнь души моей, цѣлую тебя поминутно, мысленно и никакіе мои печали здѣсь не могутъ ни на часъ изъ моихъ мыслей тебя вывести, и сія то самая мысль есть отрада въ моей горести, коей тогда лишусь, когда душа моя изъ тѣломъ разстанется. Не забывай вѣрнѣшаго тебѣ мужа и преданнѣшаго друга Иванъ Лашкевичъ. Жаль мнѣ, что нѣту времени писать къ матушкѣ, а когда тебѣ случится писать, пожалуй, напиши, чтобы не беспокоилась. Пашпортъ брату я уже получилъ, еще съ срокомъ на годъ съ 31 іюля до будущаго году 31-го іюля, съ превеликими трудами, а когда случится оказія вѣрная, то оной пришлю или же можетъ быть дастъ Богъ то и самъ привезу. М. г.—ю бабушку матушку прошу за меня въ ручки поцѣловать, при засвидѣтельствованіи моего низайшаго поклона. Сестрицѣ Варварѣ Степановнѣ кланиюсь и благодарю, что она тебѣ дѣлаетъ компанію въ путешесствіяхъ. Алексашѣ запечаталъ письмо нарочно великою печатью, знаю, что ей печать пріятнѣе будетъ, чѣмъ

то что въ срединѣ написано. Не худо тебѣ, ангелъ мой, притвердить, чтобы дачовъ жукотской вель въ дворѣ записку, а иначе затрудненіе будетъ; вить А. не гораздо грамотенъ, онъ проворенъ и расторопенъ. Да приважи, чтобы шинкарамъ не вѣрилъ горѣлки на вѣту, а больше всего старатся засѣять земли порядочно; тамъ еще по моему разсчету, должно быть старого хлѣба на лицо около 30 четвертей, а больше всего, чтобы подушного збору не запускали; это страшная вещь. Когда буду присыпать бабу для Алексаши, то пришлю съ ней Кирюшку; онъ уже два мѣсяца учится на поварихъ у Петра Васильевича и мастеръ его весьма хвалитъ, и уже почти ему нечего больше учиться; и еще кое что, когда сишу съ собою ненужное, лады мнѣ вѣдѣсь, какъ на легкой ногѣ тутъ остатся, въ ожиданіи благополучного вѣтру, чтобы Богъ меня отсюда вынесъ. (1791 г., 11 августа. Петербургъ).

59. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ души жизни моей Настенька! Письмо отъпущенное тобою изъ Боровичъ подъ № 4-мъ, о которомъ я думалъ, что оное пропало, вчерашняго дня дошло до моихъ рукъ исправно. Хотя часто къ тебѣ, дражайшій ангель, пишу, во мнѣ кажется, что все рука моя того не выполняетъ, какъ чувства мои ей повелѣваютъ и сколько кратно ни дѣлаю открытия моего сердца черезъ бумагу, но едваль удобно потому пояснить тебѣ всю боль сердца моего и той грусти, коей я отъ разлуки терзаюсь; да и средства нѣту въ облегченію сей злой участіи кромѣ беспокойнаго терпѣнія и ожиданія безиредѣльного, не видя конца въ дали. Воображеніемъ мучусь! Обнадежень, что скоро дѣло рѣшится, но какой оборотъ возметъ, не могу предвидѣть, а примѣщаю, что графъ Б(езбородко) вступается за нашего родича, который включаетъ, жалуясь на тебя, вездѣ, вмѣная между прочимъ и то въ преступленіе, что вышла за мужъ за такого человѣка, у которого болѣе шести душъ во владѣніи нѣту. Теперь же остается тебѣ судить, если сего не стыдилса сказать, что можетъ удержать присоюкупить все прочее, что только удобно обмарать нашу невинность. Нѣть другого средства, какъ только все перенося, вручить себя Всемогущему, пусть онъ ему судитъ. Наконецъ, цѣлую тебя мысленно поминутно, предаюся вѣчному твоему незабвенію и непоколебимой любви, остаюсь до послѣдней минуты жизни моей, вѣрнѣйшій мужъ и преданийшій другъ Иванъ Лашкевичъ. Въ сепатѣ мы всякий день съ любезнымъ брати-комъ видимся, но онъ всемѣрно уклоняется, чтобы долго со мною не

заговорится, однако сенатъ обовязалъ насъ подписаною, чтобы мы всякий день являлись, покуда дѣло выслушано будетъ.

Душенька Настенька, поцѣлуй за меня Сашечку. Сестрица Варвара Степановна, когда съ тобою, прошу кланяться. (1791 г., 14 августа. Петербург).

60. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ, душа жизни моей Настенька. Постигаютъ иногда всякаго человѣка нечаянная встрѣча, то теперь и со мною дѣлается. Благодѣтель нашъ Петръ Васильевичъ по не однократнымъ переговорамъ съ графомъ Б., положили, чтобы конечно дѣла наши конецъ (sic) миромъ прекратить, и разуждено, что здѣсь не можно сего исполнить тутъ, потому что батюшка, отъ которого намъ прощеніе получить, такъ равно какъ бабушка, отъ которой прощеніе получить Григ. Пет. и часть имѣнія, а потому условясь на какихъ кондиціяхъ мирится въ присудствіи Петра Вас., а потомъ въ другой разъ, отъ стороны графа Б., передъ Суденкомъ. 1) Чтобъ Григ. Пет. далъ тебѣ равную противъ себѣ часть Любецкой волости, также и въ движимомъ имѣніи; 2) а когда бабушка его проститъ, то выдѣлить ему часть половинную изъ того имѣнія, что бабушка тебѣ пожаловала; 3) не касаясь отнюдь части Ник. Мих.; 4) всѣ дѣла вездѣ уничтожить и ѻхать съ нами къ батюшкѣ съ письмомъ графа Александра Андреев., который будетъ писать, чтобъ онъ насъ простиль, 5) я ему уступаю всѣ протори и убытки; наконецъ 6) чтобъ раздѣлку и миръ необходимо кончить въ полтора мѣсяца неотмѣнно. Я же буду имѣть письмо отъ Петра Васильевича къ дѣдушкѣ Григ. Григ. и къ Андрею С. (Милорадовичу), чтобъ насъ мирить и онъ будетъ имѣть о семъ письма къ бабушкѣ (и) къ дѣдушкѣ отъ графа. Долженъ тебѣ сказать, что причины къ согласію меня на сіе понудившіе, суть весьма важные, о которыхъ теперь ни слова не пишу, а вѣсколько усмотрѣть можешъ о томъ изъ письма моего къ дѣдушкѣ, а лутче узнаешъ за моимъ приездомъ, обстоятельнѣе перескажу. Въ заключеніе сего величайшімъ восторгомъ сердца моего скажу тебѣ, дражайшій ангелъ мой, что я скоро буду имѣть сіе несравненное ни съ чѣмъ мнѣ на свѣтѣ счастіе, что видѣть тебя, душечку мою, въ моихъ объятіяхъ. Я съ Григ. Пет. отсюда вѣмѣстѣ, какъ друзья, выѣжаемъ 1-го или 2-го сентября, и можетъ быть, съ помощью Божіею, съ тобою увижуся около 15 сентября. Мы съ нимъ будемъ вѣмѣстѣ и къ бабушкѣ, (которую теперь, при засвидѣтельствованіи моего нижайшаго поченія, прошу въ ручки подѣловать). Я рвусь, что скрѣте намъ отсуда никакъ не можна выѣхать, потому что братецъ нашъ лю-

безный такъ видно тихонъко сюда скакаль, что карету сломалъ, которая теперь лѣчится, да и я съмъ временемъ разсудилъ, сколько нибудь себя обшить, нашедши мой гардеробъ весьма въ худомъ положеніи. Въ ожиданіи сего наипріятѣйшаго времени, цѣлую тебя мыслено. Жди, ангель мой, жди твоего вѣрнѣйшаго мужа и преданнѣйшаго друга Иванъ Лашкевичъ. Сашъ по сie время не могъ я найти няньки, а когда попадется сими днами, то при себѣ еще отправлю, а иначе взялся за сюю комисію Данилевскій, что какъ скоро сищеть, то и пришлетъ, здѣлавши съ ею контрактъ. Дочку мою прошу поцѣловать за меня. (1791 г., 21 августа. Петербургъ).

61. Любезнѣйшій вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей Настенька! Прилагаю у сего написанной вѣрующій листъ на имя мое отъ бабушки мнѣ, которой доложи бабушкѣ, чтобы изволила подпишать, такъ точно, какъ написанно въ запискѣ, которую здѣсь сообщаю, а потомъ, чтобы сискала двухъ свидѣтелей, Каневского напримѣръ одного, а другаго Ющенка, и попросила бѣ оныхъ во свидѣтельство подписатьса на семъ вѣрующемъ листѣ и оной ко мнѣ обратно присылай, душа моя, неотмѣнно въ субботу на ночь, или же въ недѣлю къ обѣду, ибо въ понедѣльникъ надобно мнѣ съ Григор. Петрович. подать въ судъ о мирѣ. Дѣдушка о семъ ничего не пишеть, потому, что недавно писалъ, а мнѣ приказалъ сюю комисію исполнить, что все сдѣлавши точно такъ какъ пишу, доставте мнѣ въ скорости. Отъ Андрея Степановича сейчасъ курьеръ посланъ въ Гамалѣевку для подписи извѣстныхъ тебѣ бумагъ, но я думаю, что онъ не возвратится прежде Покрова, а потому ни я и никто изъ насы не будетъ къ вамъ ближе 4-го октября, посему болѣе, что много работы здѣсь около бумагъ надобныхъ для миротворенія и я изъ сей стороны много озабоченъ.

Прилагаю здѣсь письмо къ матушкѣ, пожалуй, ту же минуту отправъ въ Брахловъ, тамъ нужнѣйшее письмо къ Саввѣ Павловичу, который когда пріедетъ съ Боровичъ, то попроси его, чтобы ехалъ въ Коропъ по дѣлу савинскому и что тамъ дѣлать, то я о томъ пишу, а твое дѣло ему на дорогу дать 15 руб. Жаль мнѣ, что я отдалъ повѣстку Каламенку, который когда еще тамъ, то ты, жизнь моя, возьми у его оную повѣстку и поручи ея Гзовскому, когда онъ пріедетъ въ Боровичи; когда же Каламенко сюда явится, съ повѣсткою, то я отсюда повѣстку ту нарочнимъ къ тебѣ доставлю. Весьма мнѣ прискорбно, что я на тебя не успѣлъ еще и наглядѣться. Прощай, маминъка, ангель мой, цѣлуй въ мысляхъ лобызающаго тебя вѣрнѣй-

шаго мужа и преданийшаго друга Иванъ Лашкевичъ. М. г—ю бабушку-матушку поцѣлуй за меня въ ручки, Сашечку въ головку. (1791 г., 26 сентября. Черниловъ).

62. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей Настенька! При самомъ началѣ моего сюда пріезду встрѣтилась миѣ дорога неожидаемая, отъ того: не заставши я тутъ Григорія II., а узналъ, что поѣхалъ въ Нѣжинъ по требованію Осипа Степановича Суденкова, и тотъ же день, взявши подорожную, туда поскакалъ и дождался тамъ пріезду Суденкова, который меня ласково принялъ и показалъ свое удовольствіе о нашемъ мирѣ, а потомъ мы и расстались. Я симъ слукаемъ доволенъ, что съ нимъ расквитался и не нужно миѣ уже будетъ ѻхать въ Новгородокъ. Я для тебя, дражайшій мой ангель, купилъ мѣхъ куній на шубейку, которой у сего посылаю и желаю, чтобы сія присылка могла тебѣ понравится, и совѣтую заразъ пошить, а покрить атласомъ тѣмъ, что на шубѣ былъ. Меня здѣсь братецъ такъ отаковалъ, что и инако не могу, какъ долженъ сегодня съ вами ѻхать въ Жукотки и въ Любечъ, къ обозрѣнію и описанію имѣнія. Таковъ оборотъ миѣ не ожидаемой весьма не нравится, но нѣчимъ перемѣнить; чѣмъ скорѣе объѣхать, тѣмъ лучше, а потому болѣе, что еще теперь снѣгомъ земля не покрыта. Но какъ такова нечаянная миѣ дорога послѣдовала въ то время, что я не былъ въ ней готовъ, то здѣлай милость по приложенной у сего запискѣ все пришли ко мнѣ въ Жукотки или въ Любечъ. Посылаемое жъ здѣсь къ матушкѣ письмо, пожалуй, отправь заразъ; я жъ теперь въ такой растройкѣ, что не могу о себѣ ничего сказать: гдѣ, когда я буду и скоро ли тебя увижу, что мнѣ больше всего неспосино, и ты меня, душечка, не послушала и не поѣхала со мною, а теперь мы вмѣстѣ были бѣ. М. г—ю бабушку прошу отъ меня въ ручку поцѣловать. Прощай, жизнionочекъ мой, любящаго тебя вѣрнѣйше и цѣляющаго тебя въ мысляхъ поминуто, преданийшаго мужа и искреннаго друга Иванъ Лашкевичъ.

Сашечку мою поцѣлуй за меня. Пожалуй, ангель мой Настенька, пиши же сколько нибудь къ матушкѣ, хоть нѣсколько строкъ. (1791 г., 18 октября. Черниловъ).

63. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей Настенька! Поздравляю тебя на вѣкъ при Жукоткахъ и со всѣми приписаными къ Жуковкамъ селами, деревнями и всѣми и всякими угодіями, такъ точно, какъ ты уже и ~~записала~~ дѣльчій реестъ написанной мною въ Боровицахъ, которой вчерась я въ лицѣ твоемъ,

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ”.

А.

А. А. Андріевский. Комиссія 1749 года для разбора взаимныхъ претензій та гарь и запорожцевъ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—23. Цѣна 20 к.

А. Андріевский. Изъ жизни Киева въ XVIII вѣкѣ (архивные замѣтки). Киевъ 1894 г., стр. 1—120. Цѣна 75 к.

А. Андріевский. Войтовство Ивана Сычевского въ Киевѣ. 1754—1766 года. Киевъ 1891 г., стр. 1—102. Цѣна 50 к.

А. Андріевский. Русские конфиденты въ Турпі и въ Крыму въ 1765—1768 г.г. Киевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 50 к.

А. Андріевский. Реляції Кіевскаго генераль-губернатора за 1768 и 1769 г.г. Киевъ 1892 г., стр. 1—139. Цѣна 50 к.

А. Андріевский. Матеріали по исторії Запорожья и пограничныхъ оношеній. (1743—1767). Одесса 1893 г., стр. 1—20. Цѣна 1 р.

В. Антоновичъ. Грановщина (эпизодъ изъ исторіи Брацлавской Украины) (Брошюра-оттискъ), стр. 1—19. Цѣна 15 к.

Вл. Антоновичъ и М. Драгомановъ. Историческая пѣсни малорусского народа. Томъ первый. Киевъ 1874 г. I—XXIV; 1—336 стр. Ц. 1 р. 50 к. Томъ второй. Вып. I. Киевъ 1875 г., стр. I—XI+1—166. Цѣна 80 к.

Артъ. Григорій Федоровичъ Квитка (Основяненко). Біографический очеркъ. Изд. 2-ое. Киевъ 1885 г., стр. 1—32. Цѣна 15 к.

Б.

Д. И. Багалѣй. Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры. Киевъ 1889 г., стр. 1—115. Цѣна 75 к.

Ганна Борвінонъ Молотники (Бытовой рассказъ), Киевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 20 к.

С. А. Бершадскій. Аврамъ Езофовичъ Ребиковичъ, подскарбій земський, членъ Рады Вел. Кн. Литовскаго. Кість 1888 г., стр. 1—157. Цѣна 75 к.

Бібліографіческий указатель „Кіевской Старинѣ“ за первое десятилѣтіе (1882—1891 г.г.). Кіевъ 1892 г., стр. 1—108. Цѣна 75 к.

Александъ Билоусенко. Ватъківъ грихъ. Оповідання. Кіевъ 1895 г., стр. 1—14. Цѣна 8 к.

Левко Боровицкій. Байки и прибаютки. Кіевъ 1852 г., стр. I—XII+13—118. Цѣна 75 к.

В.

А. Веселовскій. Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

М. Владімірскій-Будановъ. Передвиженіе южно-русскаго населенія въ эпоху Богдана Хмельницкаго. Кіевъ 1883 г., стр. 1—38. Цѣна 30 к.

В. М. Свадебныя пѣсни въ Лубенскомъ уѣздѣ. Кіевъ 1890 г., стр. 1—64. Цѣна 40 к.

Марко Вовчонъ. Викунь. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—18. Цѣна 5 к.

Марко Вовчонъ. Лedaщиця. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—26. Цѣна 5 к.

Марко Вовчонъ. Сестра. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—30 Цѣна 5 к.

А. Востоковъ. Полтавскій полковникъ Иванъ Чернякъ (Брошюра-оттискъ), стр. 1—17. Цѣна 15 к.

А. Востоковъ. Нѣжинская Рада 1663 года (Брошюра-оттискъ), стр. 1—15. Цѣна 15 к.

В. Ю. Рѣчъ кн. Н. Г. Рѣпину и дѣло объ ея напечатаніи. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—8. Цѣна 10 к.

Г.

Ол. Гаврышъ. Цариниа-русалка. Каз-
ка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Н. Гамалія. Земля и люде въ Россіи:
I. Півничный. Ледовитый Океанъ. Кіевъ
1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

Н. Гамалія. Земля и люде въ Россіи:
II. Мезенська тундра. Кіевъ 1883 г.,
стр. 1—8. Цѣна 5 к.

Н. Гамалія. Земля и люде въ Россіи:
III. Лисова полоса Россіи. Кіевъ 1883 г.,
стр. 1—16. Цѣна 10 к.

Н. Гамалія. Земля и люде въ Россіи:
IV. Сторона великихъ озеръ. Петербургъ.
Кіевъ 1883 г., стр. 1—23. Цѣна 15 к.

Н. Гамалія. Земля и люде въ Россіи:
V. Білоруссія и Літва. Кіевъ 1883 г.,
стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Н. Гамалія. Земля и люде въ Россіи:
VI. Кавказъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—39.
Цѣна 10 к.

Л. И. Глибовъ. До мирowego! Жартъ
въ 1 дн. С.-Петербургъ 1891 г., стр. 1—
39. Цѣна 15 к.

П. Голубовский. Болгары и Хозары,
восточные союзни Руши при Владимириѣ
Св. Кіевъ 1888 г., стр. 1—43. Цѣна 30 к.

Граматка. С.-Петербургъ 1857 г.,
стр. 1—149. Цѣна 50 к.

П. П. Гулакъ - Артемовскій. Сочиненія.
Кіевъ 1888 г., стр. 1—26. Цѣна 25 к.

Д.

Дневникъ генерального подскарбія
Якова Марковича. Изданіе подъ редак-
ціей А. Лазаревскаго. Часть I-ая (1718—
1725 годы). Кіевъ 1893 г., стр. I—XVI+
1—329. Цѣна 2 р.

То же. Часть 2-ая (1726—1729 го-
ды.) Кіевъ 1895 г., стр. I—II+1—342.
Цѣна 2 р.

Е.

А. Ефименко. Очерки исторіи Право-
бережной Україны. Кіевъ 1895 г., стр.
1—174. Цѣна 1 р. 25 к.

А. Ефименко. Двадцать пунктовъ
Вельминона. (Брошюра-оттискъ), стр.
1—21. Цѣна 20 к.

А. Ефименко. Вѣдствія Евреевъ въ
Южной Руси въ XVII вѣкѣ (Брошюра-
оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

П. Ефименко. Экономическая замѣтки
о старинѣ и матеріалах. (Брошюра-от-
тискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

З.

Петро Забоцень. Гордината шара.
Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр.
1—15. Цѣна 3 к.

И.

А. Иванов. Розмова про землі сили.
Переклац на українську мову М. Комар-
ова. Книжка друга (з малюнками) Кі-
евъ 1885 г., стр. 1—91. Цѣна 15 к.

К.

Панько Казюка. Січові гости. Чури-
на и Чортогуль. Оповідання. С.-Петер-
бургъ 1862 г., стр. 1—27. Цѣна 5 к.

И. Каманинъ. Послѣдніе годы само-
управленія Кієва по Магдебургскому
праву. Кіевъ 1888 г., стр. 1—91. Цѣна
50 к.

И. Каманинъ. Кіевляне и Богданъ
Хмельницкій въ ихъ взаимныхъ отноше-
ніяхъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—10. Цѣ-
на 10 к.

Каталогъ предметовъ малорусской
старины и рѣдкостей коллекціи В. В.
Тарновского. Вып. 1-ый. Шевченко. Кіевъ
1893 г., стр. 1—14. Цѣна 25 к.

М. Кононенко. Зъ Богомъ не змагайтесь.
Казка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—39. Цѣ-
на 7 к.

Петро Кузьменко. Не такъ ждалось,
да такъ складалось. Оповідання. С.-Петер-
бургъ 1862 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

П. Кумішъ. Григорій Квятка (Основъ-
яненко) и его повисти. Слово на новый
входъ Квятчинихъ повистей. С.-Петер-
бургъ 1858 г., стр. I—XXXVI. Цѣна
25 к.

П. Кулишъ. Записки о Южной Руси.
Томъ второй. С.-Петербургъ 1857 г.,
стр. 1—354. Цѣна 2 р. 50 к.

Л.

А. Лазаревскій. Описаніе старой Ма-
лороссіи. Матеріали для исторіи заселені-
нія, землевладѣнія и управлениія. Томъ
1-ый: Полкъ Стародубскій. Кіевъ 1889 г.,
стр. I—XVI+1—407+1—XXX. Цѣна
3 р.

То же. Томъ II-ый: Полкъ Івѣн-
скій. Кіевъ 1893 г., стр. 1—IY+1—
52+1—XXV. Цѣна 3 р. 50 к.

Александръ Степановичъ Лашкевичъ
(некролоі). Кіевъ 1889 г., стр. 1—12+
портретъ. Цѣна 15 к.

О. И. Левицкій. Ганина Монговть.
Историко-бытовой очеркъ изъ жизни во-
лынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ. Кіевъ
1888 г., стр. 1—69. Цѣна 40 к.

Архимандріт Леонидъ. Нѣсколько по-
вѣхъ замѣтій къ нашей статьѣ: „Ог-
куда родомъ была Св. Великая Княгиня
Ольга.“ По поводу статьи И. И. Малыш-
евскаго: „О происхожденіи Великой

Княгини русской Ольги Св." Кіевъ 1889 г., стр. 1—8. Цѣна 10 к.

Листи съ хутора. Листъ V. Хто та-
кий хуторянинъ. С.-Петербургъ 1862 г.,
стр. 1—13. Цѣна 3 к.

И. Лучицкій. По поводу Дрогичин-
скихъ древностей. Замѣтка къ исторіи
горговъ сношений Гализы съ сѣверо-за-
падной и южной Русью. (Брошюра-от-
тискъ), стр. 1—32. Цѣна 50 к.

И. Лучицкій. Вопросъ о крестьянской
помельчайной собственности во Франціи
до революціи и продажѣ національныхъ
имуществъ. (Отчетъ о командировкѣ за
границу). Кіевъ 1894 г., стр. 1—42.
Цѣна 50 к.

И. Лучицкій. Рабство и русские рабы
во Флоренціи въ XIV и XV в. в. Кіевъ
1886 г., стр. 1—56. Цѣна 50 к.

И. Лучицкій. Земледѣліе и земледѣль-
ческие классы въ современной Италии
(Брошюра-оттискъ), стр. 1—32. Цѣна 50 к.

И. Лучицкій. Очерки по экономической
исторіи Западной Европы. I. Вопросъ о
населенности германскихъ городовъ въ
XIV—XV в. в. Кіевъ 1893 г., стр. 1—64.
Цѣна 50 к.

То же: II. Рабочее населеніе и эко-
номическая политика германскихъ горо-
довъ въ XV и XVI в. в. Кіевъ 1894 г.,
стр. 1—47. Цѣна 50 к.

И. Лучицкій. Сборникъ материаловъ
для исторіи общины и общественныхъ
земель въ лѣнобережной Украинѣ XVIII
в. Кіевъ 1894 г., стр. 1—271. Цѣна 2 р.

М.

Малоруссіе домашніе лѣчебники
XVIII в. Съ предисловіемъ А. А. Потеби-
нѣвъ 1890 г., стр. I—IV+1—59. Цѣна
на 40 к.

Панасъ Мирный. Збираниця зъ рид-
ного поля. Приповѣсти, оповідання и
драматичніе творы. Кіевъ 1886 г., стр.
1—124. Цѣна 50 к.

Панасъ Мирный. Церемоніївъ. Комедія
въ п'ять справахъ. Кіевъ 1886 г.,
стр. 1—214. Цѣна 75 к.

К. Михальчукъ. Къ южно-русской діа-
лектологіи (А. И. Соболевскій. „Очеркъ
руссѣй діаlectologіи. III. Малоруссіе
нартчиє.“) (Брошюра-оттискъ), Кіевъ
1893 г., стр. 1—35. Цѣна 20 к.

Ф. Мищенко. Г. П. Гагаринъ (пекро-
логъ). Кіевъ 1883 г., стр. 1—22. Цѣна
20 к.

Данило Мордовцовъ. Салатка. Опо-
відання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—
26. Цѣна 5 к.

Н.

Наказы малороссійскимъ депутатамъ
1767 года и акты о выборахъ депута-
товъ въ комміssію сочиненія Уложенія.
Кіевъ 1889 г., стр. 1—292+I—XX.
Цѣна 1 р.

В. Науменко. Александръ Федоровичъ
Кистяковскій (Біографіческій очеркъ съ
отрывкомъ изъ рукописной автобіографіи
его) Кіевъ 1895 г., стр. 1—43+портретъ.
Цѣна 30 к.

В. Науменко. Отечественный языкъ,
какъ предметъ гімназіческаго курса.
(Рѣчъ, читанная на торжественномъ актѣ
Кіевской 2-ой Гімназіи). Кіевъ 1881 г.,
стр. 1—26. Цѣна 20 к.

В. Науменко. Примѣрная программа
преподаванія русскаго языка въ низшихъ
классахъ гімназіи. Кіевъ 1894 г., стр.
1—31. Цѣна 20 к.

В. Науменко. Александръ Алексѣ-
вичъ Корсунъ (Пекрологъ). Брошюра-
оттискъ, стр. 450—461. Цѣна 10 к.

В. Науменко. Къ литературѣ рожде-
ственскихъ и маскальныхъ вариѣтѣй. Бро-
шюра-оттискъ, стр. 1—12. Цѣна 10 к.

В. Науменко. О задачахъ преподава-
нія отечественной словесности. Рѣчъ на
торжественномъ актѣ Кіевской 2-ой Гімназіи.
Кіевъ 1888 г., стр. 1—16. Цѣна 15 к.

В. Науменко. Обзоръ фонетическихъ
особенностей малорусской рѣчи. Кіевъ
1889 г., стр. 1—90. Цѣна 60 к.

В. Науменко. Къ пятидесятятїю со
дня смерти Ивана Петровича Котлярев-
скаго. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна
20 к.

В. Науменко. Къ пятидесятятїю со
дня кончины Григорія Федоровича Квит-
ки-Основьяненка: 1) Біографіческій
очеркъ. 2) Кнітка, какъ малоруссійский
писатель, передъ судомъ критики. Съ
портретомъ. Кіевъ 1893 г., стр. 1—59
Цѣна 50 к.

Ф. Николайчинъ. Новый источникъ о
козацкомъ восстаніи 1625 г. и мѣсто
заключенія Крюковскаго договора. (Бро-
шюра-оттискъ), стр. 1—18. Цѣна 15 к.

Ф. Николайчинъ. Отголосокъ лиричес-
каго языка. (Брошюра-оттискъ), стр.
1—10. Цѣна 10 к.

М. Номис. Українські приказки, при-
слів'я и таке інше. Збірники О. В. Мар-
ковича и другихъ. С.-Петербургъ 1865 г.,
стр. I—VII+1—304+I—XVII. Цѣна
2 р.

Н. О. Бунтъ Сквицкаго магістрата.
Кіевъ 1888 г., стр. 1—50. Цѣна 35 к.

II.

Н. Петровъ. Къ исторії колонизації Слободской Украины. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

П. Л. Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены Св. Равноапостольный князь Владимиръ и Св. княгиня Ольга, и имѣемъ ли мы ихъ подлинныхъ изображений? Кіевъ 1888 г., стр. 1—6. Цѣна 10 к.

Про карти, до якихъ присужують мирові суддї. Кіевъ 1856 г., стр. 1—35. Цѣна 12 к.

Про холеру. Кіевъ 1875 г., стр. 1—48. Цѣна 7 к.

Р.

Рада. Українській Альманахъ на 1883 рокъ. Частина перша. Видання М. Старицкого. Кіевъ 1883 г., стр. 1—470. Цѣна 2 р.

Р. Л. Н. Порча українскихъ народныхъ пѣсень. Кіевъ 1893 г., стр. 1—15. Цѣна 15 к.

Одарка Романова. 1) Черствый пирожокъ. Казка. 2) Сватання Мороза. Зимня казочка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—26. Цѣна 10 к.

Одарка Романова. Ивашко. Кіевъ 1895 г., стр. 1—38. Цѣна 10 к.

Одарка Романова. Якъ мене Мати Божа отъ гриха одвела. Правдыне оповідання. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 10 к.

А. Романовичъ-Славатинскій. Воспомінанія объ архівѣ Государственного Союза. Кіевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 15 к.

Я. Я. Рудченко. Чумацкая народная пѣсни. Кіевъ 1874 г., стр. I—XIII+1—257+3 таблицы нотъ. Цѣна 1 р. 30 к.

А. Русовъ. Матеріалиы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные Черниговскимъ статистическимъ отдѣломъ при губернскій земской управѣ. Т. XV. Кропивницкой уѣзда. Рецензія (Брошюра-оттискъ), стр. 1—13. Цѣна 10 к.

С.

Володимиръ Самійленко. Зъ его поэзій. Частина перша. Кіевъ 1890 г., стр. 1—47. Цѣна 20 к.

Степъ. Херсонський беллетристичний сбірникъ. Херсонъ 1883 г., С.-Петербургъ 1886 г., стр. 1—591. Цѣна 1 р. 25 к.

В. Н. Стороженко. Къ исторії русского просвѣщенія XVII вѣка. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

Н. И. Стороженко. Перные четыре голасишки Шевченка. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

А. В. Стороженко. Леонардъ Совинский. (Опытъ посмертной характеристики.) Кіевъ 1888 г., стр. 1—29. Цѣна 25 к.

Олекса Стороженко. Закоханий чортъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—34. Цѣна 7 к.

Олекса Стороженко. Вчи лішивого не молотомъ, а голодомъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—8. Цѣна 2 к.

Олекса Стороженко. Се така баба, що їй чортъ на махомихъ вилажъ чоботы отдававъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—10. Цѣна 3 к.

Олекса Стороженко. Якъ Богъ дастъ, то и въ вікно подастъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

Н. Ф. Сумцовъ. Історический очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ Южную и Западную Россію Григоріанскій календарь. Кіевъ 1888 г., стр. 1—38. Цѣна 25 к.

Н. Ф. Сумцовъ. Станиславъ Орхонский. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

Т.

Іванъ Тарасенко. На Вкраїні. Вирши, писні и пересніви. Кіевъ 1889 г., стр. 1—79. Цѣна 40 к.

Ів. Теличенко. Протестъ слободской старшини и козаковъ противъ реформы 1765 г. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—27. Цѣна 20 к.

Ф.

Осип Федъковичъ. Повісті. З переднім словомъ про галицко-руське письменство. Мих. Драгоманова. Кіевъ 1876 г., стр. I—I.VI+1—95. Цѣна 1 р.

Ч.

Грыцко Чулай. Оповідання: 1) Якъ я шершнькъ зъ груші викорювавъ 2) Якъ я роя вигонявъ. 3) Божій попустъ. Кіевъ 1891 г., стр. 1—36. Цѣна 10 к.

В. Чайченко. Робинзонъ. Кіевъ 1891 г., стр. 1—63. Цѣна 15 к.

III.

Т. Г. Шевченко. Тополя. Кіевъ 1891 г., стр. 1—14. Цѣна 3 к.

Тарасъ Шевченко. Переображенія. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—6. Цѣна 2 к.

Я.

Яструбецъ. Про звірівъ (по Брему) Мисоїди або хижі звірі. І. Ведмѣдь. Кіевъ 1876 г., стр. 1—36. Цѣна 10 к.

Хр. Ящуржинский. Херсонесъ во время крещенія въ немъ Св. Владимира и дальняя судьба города. Кіевъ 1983 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Каталогъ музыкальныхъ произведений Н. В. Лысенка,

Для пѣнія.

Риздняна нічъ. Комико-лирична опера зъ четырехъ діяхъ. Тема по Гоголю. Текстъ Старицкаго. Цѣна 10 р.

Молодѣщи. Збирнику танкій та весняноокъ. Гри, співи весняни, дитячи, дивочи, жоночки и машани. Ц. 1 р. 20 к.

До Хортици. Співъ про тенора. Виршъ Ілліголева. Ц. 50 к.

ПІСНЬНИ И СПІВЫ до тексту Г. Пересянія Л. У. и М. С.

1) **Колы наставъ чудовий май.** Слова Г. Пересянія Л. У. Ц. 30 к.

2) **Чого тань побідлы троянди.** Слова Г. Пересянія Л. У. Ц. 40 к.

3) **Зъ моего таихо суму.** Слова Г. Пересянія М. С. Ц. 20 к.

4) **Вси людѣ, кохана, дурни.** Слова Г. Пересянія М. С. Ц. 20 к.

5) **На личеъну у тебе.** Слова Г. Пересянія М. С. Ц. 20 к.

6 а) **У мене бувъ коханый, ридный край.** Слова Г. (про тенора). Ц. 20 к.

6 б) **У мене бувъ коханый, ридный край.** Слова Г. (про баритона) Ц. 20 к.

7) **Тебе, моя люблю єдина.** Слова Г. Пересянія Л. У. Ц. 3 к.

8) **Колы розлучаются двое.** Дуэтъ. Слова Г. Пересянія М. С. (Сопрано и альтъ, те же теноръ и басъ) Ц. 30 к.

Для фортепіано въ 2 руки.

Ор. 6. Valse brillante. Ц. 1 р.

Ор. 7. 2-ме Polonaise de concert en Sol-majeur. Ц. 1 р.
Ор. 5. 1-ре Polonaise de concert en Lab majeur. Ц. 1 р.
Ор. 8. 1-ре Rhapsodie sur des thèmes de l'Ukraine

Grand morceau de concert. Ц. 1 р.
Ор. 10. Deux chants sans paroles:

a) En Mi mineur Ц. 50 к.
b) Sb min. mineur Ц. 50 к.

Ор. 11. Scherzino En Sol majeur. Ц. 10 к.

Ор. 12. Le rêve „На солодкъ меду“. Ц. 60 к.

Ор. 13. Rêverie „Образы въ колышевого“.

Ор. 15. Barcarole Mi mineur. Ц. 50 к.

Ор. 17. a) Valse mélancolique, h-moll Ц. 50 к.

Ор. 18. 2-ме Rhapsodie de l'Ukraine Ц. 90 к.

Ор. 19. Nocturne cis-moll. Ц. 60 к.

Ор. 22. „Ходить гарбузъ по городу“, chant populaire en forme d'une gavotte. Ц. 40 к.

Ор. 27. Romance pour le piano As-dur.

Ор. 30. Gavotte F dur. Ц. 50 к.

Ор. 31 Торжественный маршъ ко дню празднованія 50 - лѣтніаго юбилея Кіевск. Института благ. дѣвицъ. Для 2-хъ фортепіано въ 8 рукъ. Ц. 1 р. 50 к.

Для фортепіано въ 4 руки.

Ор. 4. Український козакъ. Шумка. Danse nationale de l'Ukraine. Scherzo pour le grand orchestre. Arrangé pour le piano à 4 mains par l'auteur. 4-хъ ручное переложеніе авторомъ. Ц. 1 р. 50 к.

Увертюра къ оперѣ „Риздняна нічъ“ (La nuit de Noël). Ц. 1 р. 50 к.

Въ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія изданія:

I.

1. Чайченко (Гринченко). Батько та дочка. Оповид. Ціна 5 коп.
2. Чайченко (Гринченко). Підкаль—Нашко. Два оповидання. Ціна 3. коп.
3. Чайченко (Гринченко). Робізонъ. Ціна 10 коп.
4. Жыви Струни. Збирка пісень. Ціна 12 коп.
5. Коцюбінський. П'ятызлотыкъ. Оповид. Ціна 3 коп.
6. Коцюбінський. Харчта.—Ялынка.—Манецький гришникъ.—Три оповидання Ціна 8 коп.
7. Вирна пара та інше. Оповидання та вирти Г. Барвінокъ, Е. Грекинки, М. Вовчка, М. Костомарова, І. Кузьменка, Л. Боровиковскаго. Ціна 8 коп.
8. Гордіенко. Кумъ—ханъ.—Пригода у повидь.—Петро Мирошинченко.—Три оповидання. Ціна 3 коп.
9. А. Т. . . Добра душа. Оповидання. Ціна 5 коп.
10. Шевченко. Катерина. Ціна 3 коп.
11. Черноморци у неволі.—Якъ чоловикъ конемъ бувъ.—Уласъ Павленко.—Три оповидання Ціна 5 коп.
12. Гринченко (Чайченко). Байки. Ц. 15 к.
13. Гринченко (Чайченко). Неймовирний. Драма на 5 дій. Ц. 10 к., а на лучшей бумагѣ 15 коп.

Выписывающіе отъ издателя Бориса Дмитріевича Гринченко изъ Чернигова не менѣе 50 экземпляровъ этихъ книгъ пользуются уступкой въ 50% (пересылка на счетъ покупателя).

II.

1. Б. Д. Гринченко (В. Чайченко). Писни та думы.—Книжка перша въ друга. У Чернигови, 1895. Ціна 50 коп.
2. Гринченко. Б. Д. Этнографические материалы, собранные въ черниговской и соседнихъ губернияхъ. Вып. 1-й. Сказки и рассказы. Черниговъ 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Выписывающіе отъ автора изъ Чернигова не менѣе 10 экземпляровъ—25% уступки, а для выписывающихъ не менѣе 10 экземпляровъ—25% уступки.

Н. В. ЛИСЕНКО

имѣя намѣреніе издать сборникъ обрядовыхъ малорусскихъ пѣсень (веснянки, петривоши, купальски, заживинъ, обжиточны, колядки, щедривки и друг.), убѣдительнѣйше просить уважаемыхъ любителей и любительницъ музыкального народного творчества, имѣющихъ уже въ своемъ распоряженіи пѣсенный матеріалъ упомянутаго рода, тексты мотивы, сообщать ему таковой по адресу: Кіевъ, Маріїнско-Благовѣщенская ул., д. № 89.

Матеріалъ этотъ, драгоценный по глубокой древности своей, на глазахъ нашихъ исчезаетъ изъ народного пѣсенного обихода, и на обязанности родинолюбцевъ лежитъ сохранить хотя бы остатки этого оригинального матеріяла въ интересахъ всесторонняго изученія родины.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

ФЕВРАЛЬ

1896 г.

— КІЕВЪ. —

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго. Михайлівськ. ул., собств. друкарь.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЪ I-Й.

I. КЪ БІОГРАФІЇ Т. Г. ШЕВЧЕНКА. Н. Васильєва.	стр. 129—151
II. ПІСЬМА ПРОТОІЕРЕЯ АРСЕНІЯ ЛЕБЕДИНЦЕВА, б. БЛАГОЧИННОГО ЦЕРКВЕЙ ЮЖНОГО БЕРЕГА КРЫМА, КЪ ПРЕОСВЯЩЕННОМУ ИЗНОКЕНТІЮ, АРХІЕПІСКОПУ ХЕРСОНСКОМУ И ТАВРИЧЕСКОМУ, СЪ ДОНЕСЕНІЯМИ О ХОДѢ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ И СОСТОЯНІИ ЦЕРКВЕЙ И ДУХОВЕНСТВА ВО ВРЕМЯ 11-ТИМѢСЯЧНОЙ ОСАДЫ СЕВАСТОПОЛЯ. (<i>Продолженіе слѣдуетъ</i>).	152—176
III. ИЗЪ БЫТА СТУДЕНТОВЪ СТАРОЙ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. Д. Вишневскаго. (<i>Окончаніе слѣдуетъ</i>).	177—208
IV. ЛУБЕНЩИНА И КНЯЗЬ ВІШНЕВЕЦКІЕ. (Матвію Терентьевичу Симонову). Ал. Лазаревскаго. (<i>Продолженіе слѣдуетъ</i>).	209—229
V. ЭПІЗ ДЪ НА МОГИЛѢ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА. (Записка художника Честаховскаго).	230—241
VI. ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ НЕБЫЛИЦА. О. Левицкаго.	242—250
VII. ВОСПОМИНАНІЯ О ФІРМѣ БРАТЬЕВЪ ЯХНЕНКО И СИМИРЕНКО. (<i>Продолженіе слѣдуетъ</i>).	251—262

ОТДѢЛЪ II-Й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ. а) Шевченко въ народныхъ разсказахъ А. Крымскаго. б) Поминки по Шевченкѣ въ Лондонѣ въ 1861 году. в) Жалованье запорожцамъ и количество полковъ пись до 1648 г. Сообщилъ М. Довнаръ-Запольскій г) Къ исторіи Люблинской унії. Сообщилъ М. Довнаръ Запольскій д) Къ характеристикѣ козаковъ первой половины XVII в. Н. Б. е) Нѣсколько данныхъ объ альманахѣ „Gwiazda“ (1846—49 г. г) В. Науменна. ж) Дѣло о сочиненіи Мацѣевскаго „Pamiętniki o dziejach, piśmenictwie i prawodawstwie słowian. Сообщилъ В. Науменко.	51—65
II. БІБЛІОГРАФІЯ. а) П. В. Голубовскій Исторія Смоленской земли до начала XV столѣтія. В. А. б) П. А. Ивановъ. Историческая судьбы Волынской земли съ древнейшихъ временій до конца ХІV вѣка. В. А. в) Одесса 1794—1894 г. Издание Городского общественного управления. 1895 г. А. С—ча г) Записки наукового товариства імені Шевченка. Видавництво присвячене науці і письменниству українсько-руського народу. Випускав Мих. Грушевскій т. VIII (1895, кн. 4). Н. М. д) Київська Академія во второй половинѣ XVII в. проф. Н. И. Петрова. К. 1895 г. О. Гитова.	66—78 79
КЪ РИСУНКУ.	1—6
КАТАЛОГЪ КНИЖНОГО СКЛАДА «КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ» (<i>въ концѣ книги</i>).	1—40
ОБЪЯВЛЕНИЯ. 1) о журналахъ 1896 2) о конкурсѣ, назначаемомъ редакціей «Кіевской Старинѣ» 3) Программа Очерковъ исторіи Малороссіи. (<i>въ началѣ книги</i>)	
Ш. ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Дневникъ генерального подскарбія Якова Марковича. Часть третья. (225—240). 2) «КАТЕРЫНА». (Рис. Т. Г. Шевченка).	

Объявление о конкурсе, назначаемомъ редакціей „Кіевской Старинѣ“.

Ввиду отсутствія у наць систематически разработаннаго курса исторіи Южной Руси, который удовлетворялъ-бы потребностямъ и интересамъ науки и жизни, редакція журнала „Кіевская Старина“ рѣшаеть объявить конкурсъ для представленія ей въ теченіе двухъ лѣтъ (по 1-е января 1898 года) обработаннаго курса **Исторіи Малороссіи**, объемомъ приблизително около 25 листовъ печати. Условія конкурса слѣдующія:

- 1) Отъ авторовъ не требуется обязательнаго пользованія сырыми материалами, т. к. предполагаемый трудъ долженъ представить сводъ напечатанныхъ до сихъ поръ изслѣдований и дать только „Очерки Исторіи Малороссіи“.
 - 2) Не требуется также дѣлать въ текстѣ ссылки на источники, но желательно, чтобы былъ приложенъ полный списокъ всѣхъ ихъ.
 - 3) Рукописи должны быть доставлены въ редакцію къ 1 января 1898 года общепринятымъ порядкомъ, т. е. безъ имени авторовъ.
 - 4) За лучшее изъ представленныхъ и одобренныхъ сочиненій на указанную тему редакція журнала выдастъ въ видѣ преміи одну тысячу рублей сер., съ тѣмъ, что право на первое изданіе будетъ принадлежать ей и что это первое изданіе будетъ разослано подписчикамъ журнала, какъ бесплатное приложеніе.
-

«Катерина» (рис. І. Г. Шевченко).

ПРОГРАММА ОЧЕРКОВЪ ИСТОРИИ МАЛОРОССИИ.

Объявивъ уже въ двухъ номерахъ (декабрь 1895 и январь 1896 г.) конкурсъ для составленія научнаго руководства по Исторії Малороссіи, редакція „Кievской Старины“ обѣщала указать программу желательнаго для нея труда. Печатая теперь эту программу, редакція считаетъ себя обязанной оговориться, что она не думаетъ стѣснять авторовъ и предоставляетъ имъ полное право въ деталяхъ допускать измѣненія и уклоненія отъ программы, согласно съ тѣми научными материалами, которыми авторы будутъ пользоваться. Непремѣннымъ только условіемъ редакція ставитъ, чтобы предполагаемые Очерки Исторіи Малороссіи, при сравнительно небольшомъ объемѣ ихъ (отъ 25 до 30 листовъ печати), не удѣляли много мѣста первымъ *тремъ главамъ*, ограничившись краткимъ общимъ очеркомъ; центръ-же тяжести всего труда долженъ быть перенесенъ на остальные главы, характеризуя въ равной мѣрѣ исторію какъ правобережной, такъ и лѣвобережной Украины.

О т д ъ л ь I.

Краткий очеркъ доисторического периода Южной Руси до X вѣка.

Слѣды человѣка въ палеолитическомъ періодѣ; археологические памятники: стоянки, фабрики каменныхъ орудій, могилы каменного вѣка, пещеры. Скифи; краткія извѣстія о нихъ; скифскія могилы. Славяне и время ихъ поселенія на Украинѣ. Гот-

ское царство надъ Днѣпромъ и Роксоланы. Гунское царство. Хазарское царство и зависимость отъ него южныхъ славянъ. Слѣды передвиженія Аваръ и Маджаръ (Угровъ). Этнографія южныхъ славянъ въ IX и X вѣкахъ. Начало государственного устройства у Волынья, Древлянъ, Тиверцевъ, Поморянъ и Полянъ. Хорваты и отношенія къ нимъ Римлянъ.—Кievская полянская легенда и ея значеніе. Первые известные князья и ихъ дружины: Диръ, Олегъ, Ольга, Игорь, Святославъ—Извѣстія о славянской миѳологіи у южнорусскихъ славянъ. Славянскія могилы и городища.

О т дѣлъ II.

Великое княжество кievское.

Территорія, вошедшая въ составъ этого княжества. Князья-организаторы—Владиміръ и Ярославъ; организація княжеской власти; права и обязанности князей; войско, судъ, законодательство, финансы и торговля; замѣна бояръ дружинниковъ особами княжескаго рода. Новая вѣра. Борьба съ Печенѣгами; заселеніе и укрѣпленіе границъ. Отношенія политическія къ сосѣдямъ: Византія, Польша, Литва. Червоная Русь и борьба за нее между кievскимъ княжествомъ и Польшею. Тмутаракань и борьба за нее съ кавказскими народами. Первый раздѣлъ княжества между сыновьями Владиміра Святого. Святополкъ, Ярославъ и Мстиславъ Тмутараканскій. Ярославъ снова соединяетъ княжество. Отношеніе князей къ церкви и духовенству.

О т дѣлъ III.

Южная Русь въ удѣлахъ.

Старшіе князья и борьба ихъ съ изгоями. Любечскій съездъ и его послѣдствія. Княжества на югѣ Руси: кievское, волынское, черниговское, туровское и галицкое. Географическій очеркъ каждого княжества. Безкняжія земли. Общій характеръ

III

удѣльного періода. Установившіяся въ разныхъ княжествахъ династіи.

Быть южной Руси во время удѣловъ; значеніе и власть князя въ разныхъ княжествахъ. Развитіе общества: вѣча, ихъ совѣщанія съ князьями. Города и пригороды; ихъ взаимныя отношенія въ разныхъ земляхъ. Причины силы галицкаго боярства; его политическое значеніе; торговля южной Руси—греческая, западная, восточная и сѣверная. Пути и мѣста склада товаровъ. Монетная система. Состояніе науки, литературы, искусства и ремеслъ. Военное дѣло; составъ войска, вооруженіе. Догадки о томъ, кому принадлежала земская собственность. Главныя характеристическія черты политической исторіи каждого княжества. Колонизаціонная дѣятельность каждого княжества. Борьба Южной Руси съ степными ордами: Половцы, Торки, Монголы и ихъ нашествіе. Политическія отношенія разныхъ княжествъ къ Монгольскому владычеству.

Отдѣлъ IV.

Южная Русь въ составѣ Вел. Княж. Литовскаго.

Краткій очеркъ развитія Литовскаго княжества. Завоеваніе Ольгердомъ княжествъ—туровскаго, черниговскаго, кіевскаго и подольской земли. Борьба Ольгерда съ Польшею за обладаніе волынской землей. Ольгердъ вводить систему управлениія княжеско-феодальную. Витовтъ, его борьба съ татарами; присоединеніе къ Литовскому княжеству южныхъ степей до Чернаго моря; вассальное положеніе Крыма. Витовтъ устанавливаетъ династію Гиреевъ. Витовтъ замѣняетъ княжеско-феодальный строй земянскимъ строемъ. Основа государственныхъ правъ лежить въ раздачѣ земель за военную службу. Витовтъ раздаетъ земли непосредственно земянамъ, минуя князей—отсюда начало шляхетскаго сословія. Специальная привилегія Витовта для кіевской земли. Неудачные планы Витовта разорвать династическую связь Литвы съ Польшей. Конгрессъ въ Луцкѣ и его послѣдствія. Противникъ Витовта Свидригайло, защитникъ княжеско-феодальной

партії; его неудачная борьба съ братомъ Витовта Сигизмундомъ. Русские князья убиваютъ Сигизмунда, но земская партія возводить на княжескій престолъ Казимира Ягайловича. Князь этотъ, опиравшись на землянъ, уничтожаетъ сохранившіяся еще полусамостоятельный княжества и начинаетъ устанавливать унію съ Польшей; тоже самое дѣлаютъ наследники его Сигизмундъ I и Сигизмундъ II Августъ. Реакція русского княжескаго элемента: Олельковичъ, Гольшанскій и Бѣльскій; сформированіе рады Литовской; Михаилъ Глинскій. Пограничные съверскіе князья отпадаютъ, переходя въ Московское государство. Унія подготавливается путемъ правовыми: судебникъ Казимира, судебнікъ Сигизмунда I и его же привилегіи иѣкоторымъ землямъ. Литовскій статутъ. Грамоты Сигизмунда-Августа—передача земянамъ права на земельную собственность; уравненіе въ правахъ земянъ съ польской шляхтой. Люблинскій сеймъ 1569 года и политическая унія Литвы съ Польшей. Политическія отношенія Вел. кн. Литовскаго къ Москвѣ (ссоры за пограничныя земли), къ Крымскому ханству (переходъ Гиреевъ въ вассальную зависимость отъ Турции). Менгли-Гирей и его нападенія на южную Русь; позднѣйшія татарскія нападенія. Краткій очеркъ топографіи и государственного строя Крымскаго ханства. Южно-русскіе невольники и торговля ими. Характерныя черты устройства въ Литовскомъ княжествѣ.—Вел. князь и его власть законодательная, судебная, военная, финансовая. Администрація: министерства (военное—гетьманъ, полиція—маршалокъ, иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ—канцлеръ, финансовъ—подскарабій). Управление провинціями: повѣты, староства и воеводства. Сословія: князья, паны, земяне; мѣщане и города—магдебургское право; бояре; селяне, ихъ категоріи, право перехода, право владѣнія землей; копные суды. Церковныя отношенія въ Литовской Руси. Установленіе самостоятельной митрополіи. Торговля на Украинѣ въ этотъ періодъ: торговля съ Москвой, Крымомъ, Молдавіею съ Ганзой (торговые конторы) и Польшей. Главные пункты торговли и складъ товаровъ; монетная система.—Положеніе просвѣщенія и литературы. Устройство церковное.—Га-

личина (отъ 1349 г.) и Подоліе (отъ 1430 г.) подъ властью Польши. Раздача земельной собственности шляхтичамъ. Польская администрація. Религіозная притѣсненія. Положеніе городовъ. Едлинская привилегія. Ягайлло и установлениe въ Червоной Руси польского права. Реакція селянъ съ помощью татаръ до самого конца XV вѣка.

Отдѣлъ V.

Польское господство въ Украинѣ и козачество до 1648 года.

Стремленіе поляковъ ассимилировать Украину въ дѣлѣ религіи, быта и національности. Послѣдствія Люблинской уніи—крѣпостное право и передача всей земельной собственности шляхтѣ. Политическія права тоже присвоены только шляхтѣ. Культурное вліяніе Польши. Вліяніе реформаціи. Протестантизмъ и социніанство. Возникновеніе братствъ. Церковная унія и ея характеръ. Причины возникновенія ея и способы проведения. Брестский Соборъ 1596 года; уничтоженіе православной іерархіи. Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій. Школы, типографіи; полемическая литература. Мелетій Смотрицкій. Возобновленіе іерархіи Сагайдачнымъ въ 1620 году; Петръ Могила.

Первый козацкія реакціи. Начало козачества при литовскихъ старостахъ и причины его возстанія. Остапъ Дашкевичъ, Предславъ Лавцкоронскій, кн. Дмитрій Вишневецкій, кн. К. И. Острожскій и др. Увеличеніе количества козаковъ послѣ Люблинской уніи благодаря иммиграціи сельского населенія. Баторій желаетъ завести офиціальное козачество и отдать его отъ селянъ—козаки реестровые и нереестровые. Гетманы офиціальные и неофиціальные. Козацкія возстанія: Косинскій, Наливайко и Лобода. Петръ Конашевичъ Сагайдачный и его политика. Запорожье, его начало и устройство; его значеніе во время козацкихъ возстаній. Время послѣ Сагайдачного: Жмайло, Михайло Дорошенко, Тарасъ Трясило, Сулима, Павлюкъ, ха-

рактеръ всѣхъ этихъ возстаній—частичность ихъ, отсутствіе общаго дѣла. Первое общее возстаніе Остраница, Гуни и Филененка; причина его неудачи. Начало колонизаціи Слободской Украины. 10 лѣтъ упадокъ козачества; назначеніе шляхты начальниками реестровыхъ козаковъ; блокада Запорожья; Кодакская крѣпость.

О т дѣлъ VI.

Козачество послѣ 1648 года.

Богданъ Хмельницкій; его возванія къ народу—разгромъ поляковъ. Отношенія его къ Турціи, Крыму, Москвѣ, Молдавіи, Венграмъ и Шведамъ. Семь лѣтъ самостоятельного положенія. Трудность внутренней организаціи. Переяславскій договоръ и переходъ подъ власть Московскаго государства. Двѣ партіи послѣ Богдана Хмельницкаго—шляхетско-польская и народная. Борьба этихъ партій при помощи то Польши, то Москвы, то Крымскаго ханства, то Турціи; Выговскій и Юрій Хмельницкій. Андрусовскій договоръ. Край распадается на двѣ враждебныя половины подъ протекторатомъ Москвы и Польши. Сомко и Юрій Хмельницкій. Брюховецкій и Тетера. Дорошенко и его неудачная проба опереться на протекторатъ Турціи. Многогрѣшный, Самойловичъ, Ханенко. Полный упадокъ правобережной Украины благодаря борьбѣ козаковъ, Польши, Турціи и Москвы—Руина. Бахчисарайскій и Московскій трактаты и ихъ обязательство поддерживать руину. На лѣвомъ берегу развивается власть старшины козацкой. Характеръ этой старшины; захватъ земель и крѣпостничество. Самойловичъ. Мазепа, его біографія, его идеалы; борьба съ народнымъ направленіемъ (Палій, Петрикъ), желаніе самостоятельности. Шведская война—Батуринъ, Полтава, Бендеры.

Внутренній бытъ Малороссіи 1648—1710 гг. Управленіе: гетманъ, старшина; организація рады; организація суда. Земельный переворотъ. Сословія: козаки (городовые и охочекомонные), мѣщане, посполитые, подсусѣдки. Финансовыя отношенія. Про-

мыслы. Земельные отношения. Экономический бытъ. Церковь; іерархія; монастыри; школы; шпитали. Просвещение; литература народная и книжная. Запорожье. Колонизация въ системѣ Дона.

О т д ё л ь VII.

Украина въ XVIII вѣкѣ.

Скоропадский. Постройка линіи; канальская работа. Дѣло Полуботка. Малороссийская Коллегія—Даниилъ Апостолъ, Разумовскій; Екатерина II и уничтоженіе автономныхъ правъ въ Малороссии; упраздненіе гетманства. Наказы. Деятельность Румянцева; опись полковъ. Составъ дворянства. Указъ о малороссийскомъ дворянствѣ; крѣпостное право; губерніи и намѣстничества. Установленіе обще-русскихъ порядковъ въ администраціи, въ законахъ и въ судахъ. Уничтоженіе Запорожья и разореніе Сѣчи. Характеръ строя въ лѣвобережной Украинѣ—въ гетманщинѣ въ XVIII в. Гетманъ, генеральная старшина—финансовые порядки. Полки, полковники и полковая старшина; сотни, сотники и сотенная старшина; значковые, войсковые и бунчуковые товарищи; войсковая канцелярія. Судъ и законодательство: литовскій статутъ малороссийской редакціи и *speculum saxonicum*; обычное право; города, мѣщане и магдебурское право.

Сельское населеніе: козаки, посполитые и подусъѣдки. Земельные отношения сословій. Владѣнія старшины. Скупля земель. Положеніе экономическое козаковъ. Разные виды посполитыхъ; ихъ экономическое положеніе. Панщина и право перехода. Постепенное закрѣпощеніе. Задолженность козаковъ. Состояніе промышленности: заводы, торговля. Просвещеніе: школы, киевская академія, черниговскій коллегіумъ; литература. Церковь и церковная іерархія.—Запорожье; его территорія; его управлениe: курени, куренное хозяйство. Колонизація. Сербскія колоніи. Обычное право.—Правый берегъ Даїпра подъ властью Польши въ XVIII в. Надворные панские козаки. Народная реакція—гайдамачество; начало его, способы дѣйствій и цѣль. Дважды гайдамачество не-

VIII

реходить въ народное возстаніе: 1732 и 1768 годъ. Аналогичные съ гайдамачествомъ явленія въ Галичинѣ: опрышки и смоляки. Насильное введеніе религіозной унії; угнетеніе православія. Бунтъ 1789 года.

О т д ѣл ь VIII.

Украина Россійская и Австрійская.

Остатки козачества: Слободская Украина, малоруссіе козаки. Остатки Запорожья: козаки чёрноморскіе, впослѣдствіи кубанскіе. Козаки задунайскіе до 1828 года. Гладкій и козаки Азовскіе. Малороссійское генераль-губернаторство—кн. Репнинъ и козацкіе полки Терского войска.—Політическія усиливія польской шляхты на правомъ берегу Днѣпра: 1812 годъ; инсурреція 1831 года; возстаніе 1863 года. Реформы Александра II-го.—Просвѣщеніе и литература: основаніе Харьковскаго университета; національное пробужденіе.—Котляревскій, Основяненко и харьковская школа. Уничтоженіе на правомъ берегу польскихъ школъ—Кременецкій лицей. Основаніе киевскаго университета. Шевченко и Костомаровъ. Возрожденіе украинской литературы въ 1858 г. Журналъ „Основа“.

Галичина подъ властью Австріи. Литературныя реформы Іосифа II; реакція при Францѣ I и стремленія къ германизації. Возрожденіе національное. Шашкевичъ и Днѣстровая Русалка. Движеніе 1848 года. Двѣ партіи въ Галичинѣ: твердые русины и народовцы; ихъ цѣли и стремленія; борьба между ними.

КЪ БІОГРАФІИ Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

Въ статьяхъ Е. М. Гаршина „Шевченко въ ссылкѣ“¹⁾ и А. И. Родзевича „Шевченко въ закаспійскомъ краѣ“²⁾ были сообщены относящіяся къ пребыванію Т. Г. Шевченка въ ссылкѣ свѣдѣнія, извлеченные изъ нѣсколькихъ дѣлъ о Шевченкѣ, производившихся въ мѣстахъ его ссылки, причемъ въ статьѣ г. Гаршина, обнимающей первый periodъ ссылки Шевченка, было приведено и нѣсколько отрывковъ изъ вопросныхъ и отвѣтныхъ пунктовъ по одному возбужденному противъ Шевченка обвиненію. Имѣя въ своихъ рукахъ точныя копіи документовъ, приведенныхыхъ въ статьѣ г. Гаршина въ извлеченіи, и находя, что заключающіяся въ нихъ свѣдѣнія, какъ основанныя на документальныхъ данныхъ, имѣютъ весьма существенное значеніе для біографовъ Шевченка, мы нашли нужнымъ сдѣлать нѣсколько дополненій къ статьѣ Гаршина. А для того, чтобы изложеніе наше не было отрывочно и чтобы приводимые нами документы были понятны читателямъ, приходится повторить нѣкоторая свѣдѣнія, уже сообщенные Гаршинымъ, дополняя ихъ по имѣющимся у насъ копіямъ.

30 мая 1847 года Шевченко былъ отправленъ изъ Петербурга въ Оренбургъ при бумагѣ управляющаго военнымъ министерствомъ Адлерберга командиру отдѣльнаго оренбургскаго корпуса Обручеву, отъ означенного числа за № 303, слѣдующаго содержанія: „Государь Императоръ высочайше повелѣть

¹⁾ „Історический Вѣстникъ“ 1886 г. № 1.

²⁾ „Русская Старина“ 1891 г. № 5.

соизволили: бывшаго художника С.-Петербургской академіи художествъ Тараса Шевченка, за сочиненіе возмутительныхъ стиховъ, опредѣлить въ отдельный оренбургскій корпусъ рядовымъ, съ правомъ выслуги, подъ строжайшій надзоръ, *съ запрещенiemъ писать и рисовать*, и чтобы отъ него ни подъ какимъ видомъ не могло выходить возмутительныхъ и пасквильныхъ сочиненій. О таковой монаршѣ волѣ сообщая вашему высокопревосходительству для надлежащаго исполненія и препровождая при семъ рядового Шевченка подъ присмотромъ фельдзегеря Виддера, имѣю честь покорнѣйше просить увѣдомленіемъ, въ который изъ оренбургскихъ линейныхъ баталіоновъ онъ будетъ заключенъ". При этой бумагѣ Шевченко прибылъ съ Виддеромъ въ Оренбургъ 9 іюня 1847 г., а на другой день, 10 іюня, препроводивъ Шевченка къ начальнику 23 пѣхотной дивизіи, командиръ оренбургскаго корпуса предписалъ ему зачислить Шевченка въ оренбургскій линейный № 5 баталіонъ, который былъ расположенъ въ г. Орскѣ, куда Шевченко прибылъ 23 того-же іюня и гдѣ, будучи зачисленъ въ 3-ю роту, находился до 11 мая 1848 г. Въ этомъ мѣсяцѣ Шевченко, въ числѣ прочихъ низшихъ чиновъ, былъ командированъ (съ переводомъ въ баталіонъ № 4) для прикрытия транспорта, слѣдовавшаго изъ Орской крѣпости въ Раимское укрѣпленіе; по этому поводу бригадный командиръ генералъ-маіоръ Федяевъ 5 мая 1848 г. за № 1357 писалъ командующему 5 баталіономъ маіору Мѣшкову: „По волѣ корпуснаго командира прошу ваше высокоблагородіе рядового командуемаго вами баталіона Тараса Шевченку, включивъ въ число двухсотъ человѣкъ, слѣдующихъ съ ротою командуемаго вами баталіона, отправить въ линейный оренбургскій баталіонъ № 4 въ Раимское укрѣпленіе, куда онъ переведенъ мною на службу, а потому изъ списковъ 5 баталіона его исключить". Въ упомянутый степной походъ Шевченко выступилъ 11 мая 1848 г. въ составѣ той самой роты № 3, въ которой находился на службѣ въ Орской крѣпости, и въ вѣнѣніи своего-же ротнаго командира штабсъ-капитана Степанова.

По прибытии въ Раимское укрѣпленіе, Шевченко поступилъ подъ команду начальника „Описной экспедиціи Араль-

скаго моря“¹⁾ капитанъ-лейтенанта Бутакова, при которомъ находился въ продолженіе двухъ навигацій по Аральскому морю на шкунахъ „Николай“ и „Константинъ“. Передъ окончаніемъ этихъ навигацій, Бутаковъ въ рапортѣ начальнику 23 пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанту Толмачеву отъ 22 апрѣля 1849 г. за № 173 писалъ слѣдующее: „Въ командѣ ввѣреныхъ мнѣ судовъ находятся 4-го линейнаго баталіона унтеръ-офицеръ Єома Вернеръ и рядовой Тарасъ Шевченко. Первый былъ мною взятъ въ прошлогоднее плаваніе по предложенію полковника Матвѣева для изслѣдованія каменнаго угля, кото-раго признаки были найдены на сѣверо-западномъ берегу Аральскаго моря, и для геологическихъ и ботаническихъ наблюденій, а послѣдній былъ назначенъ его высокопревосходи-тельствомъ корпуснымъ командиромъ для сниманія видовъ въ степи и на берегахъ Аральскаго моря. Оба они будутъ мнѣ необходимы по возвращенію въ Оренбургъ: Вернеръ для окон-чательного составленія геологического описанія береговъ и классифицированія существующихъ быть отправленными въ С.-Петербургъ образцовъ горныхъ породъ и ботаническихъ эк-земпляровъ, а Шевченко—для окончательной отдѣлки живопис-ныхъ видовъ, чего въ морѣ сдѣлать невозможно, и для пере-несенія гидрографическихъ видовъ на карту послѣ того, какъ она будетъ составлена въ Оренбургѣ. О чемъ вашему прево-сходительству почтительнейше имѣю честь донести, прося все-покорнѣйше соблаговолить сдѣлать заблаговременное распоряженіе объ отправленіи поименованныхъ нижнихъ чиновъ вмѣстѣ со мною на линію изъ Раима по окончаніи предстоящей навигації“. Вслѣдствіе этого рапорта, Шевченко подъ командою Бутакова былъ отправленъ изъ Раимскаго укрѣпленія 10 октября 1849 г. и прибылъ въ Оренбургъ 1 ноября того-же года. По прибытіи въ Оренбургъ, Бутаковъ въ рапортѣ штабу оренбургскаго от-дѣльнаго корпуса отъ 5 ноября 1849 г. за № 285, прося при-

¹⁾ Въ книгѣ М. К. Чалаго „Жизнь и произведения Тараса Шевченка“ (Киевъ 1882 г.), во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ обѣ этой экспедиціи упоминается, она, вместо „описной“ (отъ слова „опись“) ошибочно названа „опасною“, что можетъ вести къ предположеніямъ объ опасностяхъ, съ которыми была сопряжена экспедиція.

командировать къ нему Вернера и Шевченка, для окончательныхъ работъ по описи Аральского моря, вмѣстѣ съ тѣмъ прибавлялъ: „Такъ какъ рядовой Шевченко, находившійся въ экспедиціи для сниманія видовъ береговъ Аральского моря, не можетъ по краткости времени кончить всѣ рисунки, которые должны быть представлены г. военному министру, то, узнавъ, что во 2-мъ баталіонѣ есть умѣющій рисовать рядовой Брониславъ Залѣскій, имѣю честь просить прикомандировать его на время ко мнѣ, въ помощь рядовому Шевченко, для отдѣлки гидрографическихъ видовъ береговъ Аральского моря“. По этому рапорту командиръ оренбургскаго отдѣльного корпуса 9 ноября 1849 г., разрѣшивъ отправить къ Бутакову унтеръ-офицера Вернера и рядовыхъ Шевченка и Залѣскаго, первого для составленія геологическаго описанія береговъ Аральского моря, а послѣднихъ—для окончательной описи и отдѣлки гидрографическихъ видовъ, предписалъ Бутакову представить подробный о занятіяхъ каждого изъ нихъ отчетъ, равно какъ и самыя работы ихъ.

Вышеприведенные документы свидѣтельствуютъ, что не смотря на упомянутое въ бумагѣ управляющаго военнымъ министерствомъ отъ 30 мая 1847 г. за № 303 запрещеніе Шевченку писать и рисовать, начальство, подъ команду котораго поступилъ на службу Шевченко, нашло нужнымъ поручить ему снимать живописные виды и составлять гидрографическую карту береговъ Аральского моря, изъ чего видно, что повелѣніе, выраженное въ словахъ: „съ запрещеніемъ писать и рисовать и чтобы отъ него (Шевченка) ни подъ какимъ видомъ не не могло выходить возмутительныхъ и пасквильныхъ сочиненій“—было понято мѣстнымъ начальствомъ не въ смыслѣ абсолютнаго воспрещенія что бы то ни было писать и рисовать, почему и было признано возможнымъ воспользоваться способностями Шевченка въ тѣхъ видахъ, въ которыхъ была снаряжена „описная экспедиція“. Для того же вопроса имѣеть значение бумага начальника III отдѣленія графа Орлова отъ 15 іюля 1847 г. за № 1194, въ которой онъ, сообщая командиру оренбургскаго отдѣльного корпуса о томъ, что Шевченко, передъ отправле-

ніемъ его изъ Петербурга, просилъ о возвращеніи ему ящика съ красками и рисунковъ, оставшихся въ Кіевѣ, вслѣдъ затѣмъ писалъ: „По таковой просьбѣ я входилъ въ сношеніе съ кѣмъ слѣдуетъ, и нынѣ кіевскій военный губернаторъ доставилъ ко мнѣ упомянутые ящикъ и рисунки; но какъ предметы сіи оказались совершенно незначительными и незаслуживающими пересылки, то я приказалъ оставить оные при дѣлахъ З отдѣленія“—о чёмъ и просилъ объявить Шевченку. Такимъ образомъ, и начальникъ III отдѣленія отказывалъ въ ходатайствѣ Шевченка о возвращеніи ему красокъ не потому, чтобы Шевченко не имѣлъ права пользованія красками (т. е. рисовать), а потому, что принадлежавшія Шевченку и вытребованныя по его просьбѣ изъ Кіева краски, по обозрѣніи ихъ въ III отдѣленіи, оказались съ точки зрења графа Орлова слишкомъ незначительною вещью для того, чтобы ее стоило пересылать въ мѣсто службія Шевченка.

Послѣ того былъ возбужденъ вопросъ о болѣе широкомъ разрѣшеніи Шевченку рисовать. Именно 30 января 1848 г. за № 163 Орловъ писалъ Обручеву: „Имѣю честь покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство увѣдомить меня, какъ о томъ, въ какомъ полку рядовой Шевченко состоитъ на службѣ, такъ равно обѣ усердіи, поведеніи и образѣ мыслей его, съ вашимъ заключеніемъ, заслуживаетъ ли онъ ходатайства о дозволеніи ему заниматься рисованіемъ“. Отвѣчая на этотъ запросъ, за отсутствіемъ командаира оренбургскаго отдѣльного корпуса, начальникъ 23 пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ Толмачовъ 30 марта 1848 г. за № 6 писалъ Орлову, что Шевченко „ведеть себя хорошо, службою занимается усердно, въ образѣ его мыслей ничего предосудительного не замѣчено и по засвидѣтельствованію ближайшаго его начальства онъ заслуживаетъ ходатайства о дозволеніи ему заниматься рисованіемъ“. Такъ какъ болѣе года отъ Орлова по этому предмету никакихъ бумагъ болѣе не получалось, то 20 ноября 1849 г., за № 55 Обручевъ, упомянувъ обѣ означенномъ запросѣ и обѣ отвѣты Толмачова, писалъ Орлову: „Не имѣя на это (т. е. на дозволеніе Шевченку заниматься рисованіемъ) разрѣшенія вашего сі-

ятельства, я имъю честь покорнѣйше просить почтить меня увѣдомленіемъ, можно-ли дозволить рядовому Шевченко заниматься рисованіемъ подъ наблюденіемъ близайшаго начальства". Въ отвѣтъ на это, Орловъ 12 декабря 1849 г. за № 2955 писалъ Обручеву: „Всльдствіе отношенія вашего высокопревосходительства отъ 20 ноября я входилъ со всеподданѣйшимъ до-кладомъ къ Государю Императору о дозвolenіи рядовому Шевченко заниматься рисованіемъ, но высочайшаго соизволенія на таковое мое представление не послѣдовало".

Въ слѣдующемъ году, т. е. въ 1850 Обручевъ распоря-дился о новой командировкѣ Шевченка: предположивъ отправить въ Ново-Петровское укрѣпленіе¹⁾ опытнаго штейгера для из-слѣдовавія пріисковъ каменнаго угля, открытаго при горахъ Кара-Тау, въ 120 верстахъ отъ названнаго укрѣпленія, Обру-чевъ нашелъ нужнымъ придать въ помощь къ этому штейгеру участвовавшихъ въ морскихъ экспедиціяхъ по Аральскому морю Вернера и Шевченка, почему 22 января 1850 г. за № 292 по-ручалъ начальнiku 23 пѣхотной дивизіи препроводить Вернера и Шевченка въ Гурьевъ-Городокъ ко времени открытия по Кас-пійскому морю навигадіи, для отправленія ихъ потомъ въ Ново-Петровское укрѣпленіе. Но всльдъ затѣмъ 27 апрѣля, это рас-поряженіе было отмѣнено, и вмѣсто того Обручевъ распорядился о производствѣ у Шевченка обыска и арестованіи его, а затѣмъ въ рапортѣ отъ 23 мая 1850 г. за № 373 писалъ военному министру: „Нынѣ мнѣ сдѣлалось известнымъ, что будто бы рядовой Шевченко ходитъ иногда въ партикулярной гражданской одѣждѣ, занимается рисованіемъ и составленіемъ стиховъ, почему и приказано было тотчасъ-же обыскать Шевченка и самого его впредь содержать подъ арестомъ. По произведеному осмотру у рядового Шевченка найдено одинъ только старый поношенный широкій партикулярный сертукъ, отъ разныхъ лицъ письма и преимущественно на малороссійскомъ языкѣ, два альбома съ стихами и пѣснями на томъ же языкѣ, съ разными въ нихъ фигурами, нарисованными карандашемъ. Въ особенности замѣ-

¹⁾ Нынѣ фортъ Александровскій.

чательно изъ отобранныхъ бумагъ письмо на малороссійскомъ языکъ изъ С.-Петербурга отъ 6 марта настоящаго года отъ служащаго въ оренбургской пограничной комиссіи и нынѣ находящагося въ отпуску въ С.-Петербургѣ коллежскаго секретаря Левицкаго, переводъ съ этого письма у сего прилагается¹⁾; также замѣчательны между бумагами письмо двухъ братьевъ Лазаревскихъ, изъ которыхъ одинъ служить чиновникомъ особыхъ порученій при С.-Петербургскомъ гражданскомъ губернаторѣ²⁾, а другой занимаетъ подобную должность при предсѣдателѣ здѣшней пограничной комиссіи генералъ-майорѣ Ладыженскомъ³⁾. Изъ переписки видно, что нѣкоторыя письма къ Шевченку пересыпались къ упомянутымъ Лазаревскимъ и чиновнику той-же комиссіи Александрийскому⁴⁾. Пріемлю честь почтительнѣйше представить на благоусмотрѣніе вашей свѣтлости при описи отобранныя отъ рядового Шевченка бумаги съ раздѣленіемъ писемъ, заслуживающихъ особаго вниманія, и какія по моему мнѣнію не заслуживаютъ таковаго, присовокупляя, что я подтвердила кому слѣдуетъ имѣть самый бдительный и строжайший надзоръ за упомянутымъ рядовымъ и что съ виновными въ неисполненіи сего будетъ поступлено по всей строгости законовъ⁵⁾.

Такъ какъ для біографовъ Т. Г. Шевченка имѣютъ значеніе свѣдѣнія о томъ, съ кѣмъ именно въ то время онъ находился въ перепискѣ, то приводимъ здѣсь полную опись бумагъ, найденныхъ у Шевченка при обыскеѣ и представленныхъ Обручевымъ военному министру⁶⁾:

¹⁾ Въ упомянутой выше статьѣ г. Гаршина приведены изъ этого письма отрывки, въ которыхъ заключается все существенное содержаніе этого письма.

²⁾ Михаилъ Матвѣевичъ, умершій въ 1867 году.

³⁾ Федоръ Матвѣевичъ, впослѣдствіи служившій управляющимъ удѣльными конторами: сначала — орловской, потомъ — ставропольской.

⁴⁾ Уроженецъ черниговской губерніи, по имени Михаиль.

⁵⁾ Въ статьѣ Гаршина ошибочно указано, что эти бумаги были представлены Обручевымъ Орлову: въ дѣйствительности овѣ были представлены военному министру при рапортѣ, содержаніе котораго мы привели выше.

Письма съ обозначеніемъ годовъ.

1841.

1. Русское, отъ княжны Варвары Репниной, особеннаго ничего нѣтъ.

1847.

2. Отъ 21 октября, малороссійское, отъ Андрея Лизогуба, увѣдомляетъ о высылкѣ красокъ.

3. Отъ 2 декабря, русское, отъ Чернышева, изъ Оренбурга въ Орскъ.

4. Отъ 31 декабря, малороссійское, отъ Лизогуба.

1848.

5. Отъ 7 января, малороссійское, отъ Лизогуба, пишеть о высылкѣ книгъ и красокъ, а также о томъ, что прежнее письмо было адресовано на имя Лазаревскаго.

6. Отъ 13 января, русское, отъ княжны Репниной и Гла-фиры¹⁾, нужно прочесть.

7. Отъ 7 февраля, малороссійское, отъ Лизогуба, посыла-еть книги, краски и бумагу.

8. Отъ 23 февраля, малороссійское, отъ него же, особеннаго ничего нѣтъ; спрашивается, получены ли книги, краски и бумага.

9. Отъ 7 апрѣля, малороссійское, отъ него же, поздравляеть съ праздникомъ Пасхи и, отвѣчая на письмо Шевченка, совѣтуетъ не унывать, отправляясь въ степь; при этомъ при-слано 18 листовъ бристольской бумаги и разрисованное письмо.

10. Отъ 15 іюля, малороссійское, отъ Лизогуба, писано въ отвѣтъ на отправленное Шевченкомъ изъ Раима, особеннаго ничего нѣтъ.

11. Отъ 18 февраля, малороссійское, отъ неизвѣстнаго.

1850.

12. Отъ 6 марта, малороссійское, отъ Сергѣя²⁾.

13. Отъ 29 марта, русское, отъ Чернышева.

¹⁾ Глафира Ивановна Дунинъ-Борковская, урожденная Псіоль.

²⁾ Вышеупомянутый Левицкій.

Письма безъ обозначенія іода.

14. Малороссійское, отъ Лазаревскаго.
 15 и 16. Русскія, отъ неизвѣстнаго, ничего нѣтъ осо-
 беннаго.
 17. Русское, отъ Александры ¹⁾).
 18. Русское, отъ Лазаревскаго, препровождаетъ письмо
 княжны.
 19. Малороссійское, отъ Лазаревскаго, особеннаго ни-
 чего нѣтъ.
 20. Русское, отъ неизвѣстнаго, особеннаго ничего нѣтъ.
 21. Русское, отъ Лазаревскаго, препровождаетъ письмо
 отъ княжны.
 22. Русское съ малороссійскимъ, отъ Лазаревскаго, особен-
 наго ничего нѣтъ.

Другія бумаги.

Малороссійськіе стихи, подъ названіемъ „Святая вода“ ²⁾,—
 непозволительного ничего нѣтъ.

Два альбома съ малороссійскими стихами и пѣснями и ри-
 сунками карандашемъ.

Для полноты свѣдѣній, приводимъ также описъ книгъ и
 другихъ вещей, которые были отобраны отъ Шевченка, но не
 отсылались въ Петербургъ, а были возвращены ему 14 мая
 1850 г. Въ описи указано слѣдующее:

Ветхій завѣтъ. Біблія	1
О подражаніи Христу	1
Двѣ книги Шекспира.	2
Двѣ книги полнаго собранія сочиненій рус- скихъ авторовъ	2
Сочиненія Лермонтова	2
Евгей Онѣгінъ Пушкина.	1
Два портфеля для бумагъ	2

¹⁾ Александра Ивановна Псіоль.

²⁾ Это стихотвореніе, принадлежащее А—рѣ Ив. Псіоль, напечатано въ Кіевской Старинѣ 1894 г. № 2.

Ящикъ деревянный съ кистями, красками,
бумагою и ключикомъ. . . . 1

Вышеупомянутое распоряжение корпуснаго командира Обручева объ арестованіи Шевченка и о производствѣ у него обыска съ донесеніемъ о результатахъ послѣдняго военному министру, послѣдовавшее послѣ того, какъ само начальство Шевченка возлагало на его обязанность снимать живописные виды Аральскаго моря и, свидѣтельствуя объ его хорошемъ поведеніи, ходатайствовало о разрѣшениі Шевченку заниматься рисованіемъ,— было бы совершенно непонятно, еслибы не разяснялось приведеннымъ въ статьѣ Н. И. Стороженка „Первые четыре года ссылки Шевченка“) разсказомъ свидѣтеля всего происшедшаго Ф. М. Лазаревскаго. Дѣло въ томъ, что Шевченко вмѣшался въ любовныя похожденія нѣкоего прапорщика И—а съ одной оренбургской дамой, найдя нужнымъ разоблачать эти похожденія предъ ничего невѣдавшимъ супругомъ этой дамы, хорошимъ знакомымъ Шевченка, оказавшимъ ему много услугъ, послѣдствіемъ чего былъ доносъ со стороны И—а Обручову о томъ, что Шевченко занимается рисованіемъ, пишетъ стихи и ходить въ партикулярномъ платьѣ. Опасаясь, что раздраженный И—ъ на этомъ не остановится и сдѣлаетъ (если не сдѣлалъ уже) доносъ Орлову, съ которымъ Обручевъ находился тогда въ натянутыхъ отношеніяхъ, онъ, чтобы спасти свою невинность, счѣлъ нужнымъ поступить круто и поставить Шевченку и другимъ подначальнымъ лицамъ въ вину то, что самъ онъ, Обручевъ, разрѣшалъ и поручалъ дѣлать ²⁾.

Въ Петербургѣ, конечно, не могли подозрѣвать, что вся эта исторія возникла изъ-за любовныхъ похожденій г-на И—а, которымъ не кстати помѣшалъ Шевченко, и отнеслись къ дѣлу очень серьезно. По докладу вышеупомянутаго рапорта Обручева, написаннаго военному министру, состоялось слѣдующее повелѣніе: „рядового Шевченка, не исполнившаго воспрещенія

¹⁾ Кіевская Старина 1888 г. № 10.

²⁾ Изъ того-же разсказа Ф. М. Лазаревскаго видно, что передъ этимъ Шевченко, по порученію Обручева, рисовалъ портретъ его жены.

писать и рисовать, подвергнуть немедленно строжайшему аресту и содержать подъ онымъ до изслѣдованія о виновныхъ, допустившихъ его вести переписку и заниматься рисованіемъ; при изслѣдованіи имѣть въ виду, что командиръ 5 оренбургскаго линейнаго баталіона и всѣ ближайшиe начальники подлежать должны законному взысканію за допущеніе предосудительныхъ послабленій относительно этого преступника, коего предшествовавшая вина была имъ извѣстна.“

Во исполненіе этого повелѣнія, Обручевъ, независимо отъ распоряженія о содержаніи Шевченка подъ строжайшимъ арестомъ на гауптвахтѣ въ крѣпости Орской, 25 іюня 1850 г. за № 82, предписалъ командиру оренбургскаго линейнаго № 2 баталіона подполковнику Чигирю неотлагательно приступить къ производству упомянутаго изслѣдованія. Исполняя это порученіе, подполковникъ Чигирь 28 іюня началъ, а 5 іюля 1850 г. окончилъ и представилъ Обручеву „следственное дѣло, произведенное надъ рядовымъ оренбургскаго линейнаго баталіона № 5 Тарасомъ Шевченкою, о полученіи имъ отъ разныхъ лицъ писемъ, посыпкѣ отъ себя таковыхъ и о причинахъ неисполненія имъ воспрещенія писать и рисовать.“ Слѣдствіе состояло изъ допроса Шевченка и еще двухъ лицъ (смотрителя Орской почтовой станціи Фейзулина и командира оренбургскаго линейнаго № 5 баталіона маіора Мѣшкова) и изъ собранія разныхъ справокъ и копій.

Допросъ Шевченка былъ произведенъ 1 іюля 1850 г. въ присутствіи священника Орской крѣпости Петра Тимашева, причемъ Шевченко долженъ былъ собственноручно писать ¹⁾ отвѣты на поставленные ему вопросные пункты. Приводимъ это показаніе (съ сохраненіемъ особенностей правописанія Шевченка), какъ документъ, представляющій собою пѣкоторымъ образомъ его автобіографію за тотъ періодъ времени, о которомъ въ немъ идетъ рѣчь:

Вопросъ: Какъ тебя зовутъ, чей ты сынъ, какъ твоя фамилія, сколько имѣешь отъ рода лѣтъ, изъ какого званія про-

¹⁾ Такимъ образомъ еще разъ оказалось невозможнымъ выполнить абсолютное „запрещеніе писать.“

исходиши, какой вѣры и исповѣданія, на исповѣди и у святаго причастія бываешь ли ежегодно, присягалъ ли на вѣрность службы Его Императорскаго Величества, извѣстны ли тебѣ военно-уголовные законы, на службѣ или до оной не былъ ли ты подъ судомъ, слѣдствиемъ и за что именно?—*Отвѣтъ:* Зовутъ меня Тарасъ Григорьевъ Шевченко, бывшій крепостной крестьянинъ, а потомъ Императорской академіи художествъ художникъ. Отроду мнѣ 40 лѣтъ¹⁾), исповѣданія православнаго, на исповѣди и у святого причастія бывалъ ежегодно. на вѣрность службы Его Императорскаго величества не присягалъ²⁾. военно-уголовные законы мнѣ извѣстны. въ службѣ съ 1847 года іюня мѣсяца числа не помню. Подъ слѣдствиемъ и подъ судомъ не былъ. а до службы бывшъ художникомъ, за сочиненіе возмутительныхъ стиховъ, по разсмотрѣніи дѣла, въ собственной Его Императорскаго Величества канцелярии въ 3-мъ отдѣленіи, былъ комірмованъ рядовымъ на службу съ правомъ выслуги.

1. *B:* Котораго мѣсяца и числа 1847 года прибылъ ты въ линейный оренбургскій баталіонъ № 5, до котораго мѣсяца и числа 1848 года состоялъ въ баталіонѣ на лицо?—*O:* 1847 года іюня 9-го прибылъ въ г. Оренбургъ, но назначенъ въ баталіонъ № 5. Котораго числа прибылъ въ К. Орскъ не помню, гдѣ находился до 22 маія 1848 года.

2. *B:* Какія изъ писемъ 1847, 1848 годовъ и безъ обозначенія чиселъ, мѣсяцевъ и годовъ получены тобою въ Орскъ

¹⁾ Шевченко ошибся относительно своихъ лѣтъ: онъ былъ тогда значительно моложе (род. 25 февраля 1814 г.); должно быть, время для него тогда слишкомъ долго тянулось.

²⁾ Относительно этого обстоятельства командиръ Оренбургскаго линейнаго № 5 баталіона Мѣшковъ, на вопросы Чигири, объяснилъ, что ему не было извѣстно о томъ, что Шевченко не присягалъ на вѣрность службы; и такъ какъ вообще никакіе чины, по отдачѣ въ военную службу, немедленно приводятся къ присягѣ, а Шевченко былъ присланъ въ баталіонъ уже рядовымъ, то онъ, Мѣшковъ, никакъ не могъ полагать, чтобы Шевченко не былъ приведенъ къ присягѣ тамъ, где онъ отданъ въ военную службу; чытъ-же онъ приказалъ немедленно привести Шевченка къ присягѣ на вѣрность службы.

до командированія на Раимъ?—*O:* Сколько могу припомнить, письма получаемые мною въ к. орской были отъ княжны Варвары Репниной, живущей въ настоящее время въ городѣ Одесѣ, отъ Андрея Лизогубова, помѣщика Черниговской Губерніи и уѣзда. Письмо же отъ 18 февраля 1848 года отъ неизвѣстнаго судя по времени должно быть получено въ к. орскѣ, но вѣрно я не помню, какъ это письмо, такъ и второе отъ неизвѣстнаго полученное мною на походѣ въ Раимъ полученное (т. е. получены) мною отъ Г. Бутакова. Я полагаю письма эти принадлежать Федору Лазаревскому, служащему въ Оренбургской пограничной комиссіи. Предположеніе мое я основываю на томъ что писемъ я безъ подписи ни откого (т. е. ни отъ кого другого) не получалъ. письмо отъ 9-го Декабря 1847 года отъ Чернышева, служащаго въ Оренбургскомъ козачьемъ войскѣ урядникомъ, получено мною въ К. Орскѣ, но вѣрно не припомню. и еще письмо отъ Александры, которой фамилія Псель. живущей въ Полтавской Губерніи Переяславского уѣзда села не помню.

3. *B:* Чрезъ кого получалъ письма, если чрезъ почту, то чрезъ какую почтовую контору, а ежели чрезъ частныхъ лицъ, то объясни ихъ имена, фамиліи, званіе, мѣсто жительства или службы.—*O:* письма были адресованы на мое имя, и получалъ я чрезъ орскую почтовую станцію. чему можетъ быть свидѣтель подъ присягою Орской почтовой станціи смотритель.

4. *B:* На письма, полученные въ Орскѣ, когда на какое отвѣчалъ и кому, также объясни ихъ имена, какъ сказано о тѣхъ, отъ кого получалъ письма,—*O:* отвѣчалъ же я дѣйствительно двумъ лицамъ. Княжнѣ Варварѣ Репниной, и Андрею Лизогубову, прочие же письма оставлялъ безъ отвѣта.

5. *B:* Чрезъ кого отсыпалъ отвѣты, чрезъ почту или частныхъ лицъ, объясни подробно, какъ выше сказано.—*O:* Отвѣты посыпалъ я чрезъ почтовую станцію отъ своего имени.

6. *B:* Извѣстно ли было начальникамъ, у которыхъ ты состоялъ въ командѣ въ 5 баталіонѣ, и кому именно, какъ о получаемыхъ тобою письмахъ, такъ и объ отвѣтахъ, тобою пи-

санныхъ. Ежели начальники объ этомъ знали, то требовали ли письма и отвѣты на разсмотрѣніе, не получалъ ли ты отъ кого позволенія писать отвѣты и не былъ ли кто при семъ свидѣтелемъ.—О: о перепискѣ моей начальству я не объявлялъ, полагая что писать и получать письма обыкновенные мнѣ не запрещено, что мнѣ и объявилъ словесно начальникъ штаба корпуса жандармовъ при объявлѣніи комформатії. Особеннаго же позволенія писать отвѣты не получалъ, и свидѣтелей при писаніи отвѣтовъ не было.

1. В: Въ 1848 году втораго числа и мѣсяца ты командированъ на Раимъ для прикрытия транспорта, въ чьемъ вѣдѣніи во время похода находился и подъ чью команду поступилъ по прибытии на Раимъ, а изъ онаго когда командированъ былъ на Аральское море и по окончаніи навигаціи когда возвратился на Раимъ; въ чьемъ вѣдѣніи состоялъ во время нахожденія въ походахъ и командировкахъ.—О: 1848 года маія командированъ я для прикрытия транспорта, слѣдующаго въ Раимское укрѣпленіе съ переводомъ въ Баталіонъ № 4 подъ командою штабсъ капитана Степанова. по прибытии въ Раимское укрѣпленіе, поступилъ я подъ команду Капитанъ лейтенанта Бутакова, при которомъ находился въ продолженіе двухъ навигацій на оральскомъ морѣ при описной экспедиціи, и подъ командою его же капитанъ лейтенанта Бутакова возвратился въ городъ Оренбургъ.

2. В: Какія изъ писемъ 1848 года и безъ обозначенія чи-
сель и годовъ получены тобою во время похода на Раимъ, въ
Раимъ, на Аральскомъ морѣ и по возвращеніи съ онаго въ
Раимъ, чрезъ кого получены, когда, съ кѣмъ и кому отосланы
отвѣты, и знаетъ ли кто о письмахъ и отвѣтахъ изъ бывшихъ
твоихъ начальниковъ, имѣешь объяснить съ такою-же подробнѣстю, какъ требуется о письмахъ въ II пунктѣ.—О: Со времени выступленія моего изъ к. орска въ продолженіе 1848 года я получилъ на зимовкѣ на Кось-Аралѣ одно письмо отъ андрея Лизогуба, чрезъ адъютанта № 4 баталіона Александра Лисюкова и при письмѣ записку отъ чиновника оренбургской погра-

ничної комісії Михайла Александрійськаго а на письмо и записку я не отвѣчалъ.

1. *B:* Котораго года, мѣсяца и числа отправился съ Раима и прибылъ въ Оренбургъ въ вѣдѣніи капитанъ-лейтенанта Бутакова?—*O:* 1849 года 10 го октября подъ командою капитанъ лейтенанта Бутакова отправился я изъ Раимскаго укрѣпленія, и прибылъ въ г. Оренбургъ того же года 1-го ноября.

2. *B:* Когда получалъ письма 1850 года и не получалъ ли въ Оренбургѣ писемъ безъ обозначенія чисель и годовъ, чрезъ кого получалъ и отсыпалъ отвѣты, объясни согласно требованію во II пунктѣ.—*O:* въ г. Оренбургѣ получилъ я одно письмо 1849 въ декабрѣ числа не помню. отъ Андреи Лизогуба, на которое отвѣчалъ. 1850 года получилъ я два письма съ оренбургской почты отъ художника Чернышева, находящагося при Императорской академіи художествъ, и отъ Сергѣя, на которое не отвѣчалъ. письмо подписанное Сергѣемъ принадлежить чиновнику Левицкому находящемуся при Оренбургской пограничной Комисіи. на которое я не отвѣчалъ по нелѣпому его содержанію. но я остаюсь увѣреннымъ что Г. Левицкій по чистой правдѣ при спросахъ долженъ показать, что на безсмысленные его фразы и общій смыслъ письма я никогда ничемъ не подавалъ ему ни причины ни права. полученные же письма мною не объясненные гдѣ и когда получиль по долго прошедшему времени я не могу припомнить.

3. *B:* Не былъ ли кто изъ начальства въ Оренбургѣ извѣстенъ о введенной тобою перепискѣ.—Этотъ вопросъ (вѣроятно, по недосмотру) оставленъ безъ отвѣта.

B: Относительно отобранныхъ у тебя стиховъ, пѣсенъ и рисунковъ обязываешься показать: 1-е, стихи, показанные (въ описи) подъ № 23, твоего ли сочиненія, въ какомъ году и мѣсяцѣ и гдѣ они тобою писались, при комъ ты ихъ писалъ или объявлялъ, что стихи твоего сочиненія;—2-е, о сочиненныхъ

тобою на малороссійскомъ языке стиховъ и пѣсень (sic);—3-е. о времени и мѣстѣ, когда и гдѣ и при комъ рисованы тобою карандашемъ рисунки въ двухъ книжкахъ.—*O:* 1-е, Стихи подъ названіемъ *Святая Вода* сочиненіе дѣвицы Александры Псѣль. полученные мною при письмѣ, въ к. орской 1847 года на которое я не отвѣчалъ. 2-е, стихи и пѣсни на малороссійскомъ нарѣчіи не моего сочиненія. а записанные мною во время бытности моей въ Киевской, Каменецъ-Подольской и Волынской Губерніяхъ, какъ пѣсни народные, 1846 года. и по разсмотрѣніи возвращены мнѣ изъ 3-го отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи. 3-е, рисунки находящіеся въ этихъ книжкахъ рисованы болышею частью въ Малороссіи въ 1846 году и нѣсколько въ 1849 году на Аральскомъ морѣ, по приказанію Капитанъ лейтенанта Бутакова, какъ гидрографические виды, копіи съ которыхъ поступили къ описанію береговъ Аральского моря.

B: Послѣ отѣзда изъ Оренбурга капитанъ лейтенанта Бутакова, во время состоянія твоего въ вѣдѣніи прaporщика корпуса штурмановъ Постпѣлова, имѣлъ ли ты какія либо къ исполненію по службѣ порученія до отправленія твоего изъ Оренбурга въ крѣпость Орскъ?—*O:* Находясь въ вѣдѣніи прaporщика морскихъ штурмановъ Постпѣлова, я не могъ исполнять никакихъ порученій по службѣ, по причинѣ болѣзни глазами, что известно доктору Майделю меня пользовавшему.

Показавъ все по истинной справедливости, осмѣливаюсь покорнѣйше просить начальство, принять въ милостивое разсмотреніе, что Высочайшая воля воспрещающая мнѣ писать и рисовать мною не нарушена, какъ въ отвѣтахъ я показалъ, нѣсколько гидрографическихъ рисунковъ мною нарисованы по приказанію Капитанъ Лейтенанта Бутакова, для картъ составленныхъ при описаніи береговъ Аральского моря. въ отношеніи же писать я разумѣлъ, что это запрещеніе относится къ сочиненіямъ или разсужденіямъ недозволенныхъ (sic) законами; на этомъ основаніи въ 1847 году писалъ я изъ к. орской къ Начальнику штаба корпуса жандармовъ, осмѣливаюсь покорнѣйше

просить Его Превосходительство оказать мнѣ милость ходатайствомъ о дозволеніи мнѣ рисовать портреты и пейзажи, письмо это служить доказательствомъ незнанія моего о запрещеніи писать въ роднымъ и знакомымъ обыкновенные письма. во всѣхъ письмахъ мною писанныхъ съ 1847 года по настоящее время, которые могутъ быть вытребованы на разсмотреніе, начальство изволить усмотрѣть что не содержится въ нихъ ни одного выраженія подающаго сомненія къ нарушенію известной мнѣ Высочайшей воли, которая со дна объявленія мнѣ комфирмациіи и по сей день призываю въ свидѣтели Бога видящаго чистоту моихъ помышленій свято была мною сохраниема.

Къ симъ отвѣтнымъ пунктамъ рядовой линейнаго оренбургскаго баталіона № 5 Тарасъ Шевченко руку приложилъ. Увѣщевалъ Орской крѣпости священникъ Петръ Тимашевъ. Допрашивалъ Слѣдователь подполковникъ Чигирь“.

По окончаніи Чигиремъ слѣдствія, оно поступило на разсмотрѣніе командира Оренбургскаго отдѣльнаго корпуса Обручева при рапортѣ Чигири отъ 5 іюля 1850 г. за № 11. Но еще прежде, чѣмъ Чигирь окончилъ производство слѣдствія, разсмотрѣніе въ Петербургѣ отосланныхъ туда вышеупомянутыхъ бумагъ, найденныхъ при обыскѣ у Шевченка, привело къ слѣдующему. Графъ Орловъ, какъ было изложено въ рапортѣ дежурнаго генерала главнаго штаба Игнатьева Обручеву отъ 30 іюня 1850 г. за № 580, увѣдомилъ, что онъ „исправивъ Высочайшаго разрѣшенія сообщить военному министру, что по произведенному здѣсь (т. е. въ Шетербургѣ) изслѣдованію на счетъ бумагъ, найденныхъ у Шевченка, оказалось: рядовой сей виновенъ въ томъ, что, не смотря на Высочайшее воспрещеніе, дозволилъ себѣ писать и рисовать и ходилъ иногда въ партикулярномъ платьѣ. Стихи и рисунки, помѣщенные въ отобранныхъ у него двухъ альбомахъ, не заключаютъ въ себѣ ничего преступнаго, кроме того только, что на нѣкоторыхъ рисункахъ изображены неблагопристойныя сцены. Равнымъ образомъ найденные у него письма отъ разныхъ лицъ, исключая письма коллежскаго секретаря Левицкаго, содержатъ въ себѣ одно изъяв-

леніе дружескихъ чувствъ и желаніе ходатайствовать объ облегченіи его участі. Вообще бумаги эти не обнаруживаются, чтобы Шевченко продолжалъ прежній образъ мыслей, или писалъ и рисовалъ на кого либо пасквили. Если по изслѣдованію, произведенному военнымъ начальствомъ, болѣе ничего не будетъ обнаружено, то достаточно рядовому Шевченко вмѣнить въ наказаніе содержаніе подъ арестомъ, строго внушивъ ему, чтобы онъ ни подъ какимъ видомъ не осмѣливался нарушать Высочайшаго повелѣнія, коимъ воспрещено ему писать и рисовать, а ближайшему начальству поставить въ обязанность имѣть за исполненіемъ этого и вообще за Шевченкою самое бдительное наблюденіе.“ Утвердивъ это мнѣніе графа Орлова, Государь Императоръ соизволилъ положить на докладѣ, противъ словъ „и ходилъ иногда въ партикулярномъ платьѣ“, собственноручную резолюцію: „Въ этомъ болѣе виновно его начальство, что допустило до сего, о чёмъ сообщить для должнаго взысканія съ виновныхъ“.

Междудѣйствіе Обручевъ, по разсмотрѣніи произведенаго Чигиремъ слѣдствія, въ рапортѣ военному министру отъ 21 июля 1850 г. за № 104, изложивъ свѣдѣнія, собранныя Чигиремъ, писалъ: „Изъ настоящихъ обстоятельствъ обнаруживается, что несобображеніе маюромъ Мѣшковымъ о послѣдовавшей надъ рядовымъ Шевченкою Высочайшой конфirmaції въ 4-й баталіонъ, расположенный въ степныхъ укрѣпленіяхъ, куда была отправлена въ 1848 году 3-я рота 5 баталіона, было причиною продолженія полученія рядовымъ Шевченкою нѣсколькоихъ писемъ и отправленія на нихъ отвѣтовъ въ бытность въ Раимскомъ укрѣпленіи и Оренбургѣ и составленія на Аральскомъ морѣ нѣсколькихъ гидрографическихъ видовъ¹⁾), что впрочемъ сдѣлано

¹⁾ О тѣмъ, что самъ онъ, Обручевъ, разрешилъ взять Шевченка въ описаную экспедицію для сниманія видовъ и затѣмъ, по ходатайству Бугакова, какъ было упомянуто выше, прикомандировалъ Шевченка къ Бутакову въ Оренбургѣ для окончательной отдачки гидрографическихъ видовъ, вслѣдствіе чего Шевченко и находился тогда въ Оренбургѣ, Обручевъ не упоминалъ; виновникомъ допущенія Шевченка къ работамъ по описанію береговъ Аральскаго моря оказался только майоръ Мѣшковъ.

имъ для служебной надобности капитанъ-лейтенанта Бутакова, на которого было возложено описание береговъ Аральского моря.“ Далъе, упомянувъ о получениі вышеприведенного рапорта Игнатьева за № 580, Обручевъ прибавлялъ: „вышеизложенія обстоятельства имъ честь представить на благоусмотрѣніе вашей свѣтлости, считаю долгомъ донести, что отъ меня вновь сдѣлано распоряженіе о строжайшемъ за рядовымъ Шевченкою надзорѣ и за точнымъ исполненіемъ высочайшаго повелѣнія о запрещеніи писать и рисовать и что рядовой Шевченко, впредь до полученія разрѣшенія вашей свѣтлости, содержится подъ арестомъ; что же касается до допущенія его, Шевченко, ходить иногда въ партикулярномъ платьѣ, то по сему предмету собираются мною свѣдѣнія, по полученіи коихъ я не оставлю сдѣлать съ кого слѣдуетъ должное взысканіе и особо донести вашей свѣтлости.“

Въ отвѣтъ на это, дежурный генералъ главнаго штаба 9 августа 1850 г. за № 747 писалъ Обручеву: „Г. военный министръ, усматривая изъ отзыва вашего выс—пр—ва за № 104, что по произведеному слѣдствію ничего новаго не обнаружено къ обвиненію рядового Тараса Шевченки, поручилъ мнѣ просить васъ, въ исполненіе высочайшей воли, извѣстной вамъ изъ рапорта моего за № 580: 1, вмѣнить Шевченкѣ въ наказаніе содержаніе его на гауптвахтѣ и, освободивъ его изъ подъ ареста, строго впушить ему, чтобы ни подъ какимъ видомъ не осмѣливался нарушать высочайшаго повелѣнія, коимъ воспрещено ему писать и рисовать;—2, перевезть его изъ 5-го въ другой отдаленный оренбургскій линейный батальонъ, предписавъ ближайшему начальству имѣть за нимъ и за исполненіемъ упомянутаго высочайшаго воспрещенія самое бдительное наблюденіе,—и 3, а начальствующихъ, допустившихъ Шевченка ходить иногда въ партикулярномъ платьѣ и не передавшихъ кому слѣдовало надлежащихъ о немъ свѣдѣній, при отправленіи его въ командировку, сдѣлать взысканіе по вашему усмотрѣнію.“

Вслѣдствіе этого Обручевъ 5 сентября 1850 г. за № 120 предписалъ начальнику 23 пѣхотной дивизіи: 1, рядового Тараса Шевченко, по освобожденіи изъ подъ ареста, перевести на службу, подъ строжайшій надзоръ ротнаго командира, въ одну изъ ротъ оренбургскаго линейнаго № 1 баталіона, расположенныхъ въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи, отправивъ его туда подъ присмотромъ благонадежнаго унтеръ-офицера, съ такимъ по времени разсчетомъ, чтобы онъ могъ прибыть въ Гурьевъ Городокъ непремѣнно до окончанія навигаціи настоящаго года;—2, отобранныя отъ Шевченко вещи (партикулярное платье, которое, по донесенію Орскаго коменданта, хранится въ баталіонномъ цейхгаузѣ), какъ вещи для него вовсе не нужны, предоставить Шевченкѣ отдать кому либо, или же, продавъ оныя въ присутствіи его, вырученныя деньги отдать ему;—3, уведомить меня, какъ о времени отправленія Шевченко въ Ново-Петровское укрѣпленіе, такъ и о томъ, въ которую изъ ротъ онъ будетъ зачисленъ и кто ротный командиръ этой роты, которому строго предписать къ непремѣнному исполненію все изложенное мною касательно надзора за Шевченкою въ отношеніяхъ за №№ 25, 53 и 388 и въ особенности чтобы, независимо наблюденія за поведеніемъ этого рядового со стороны самаго ротнаго командира, ближайшій за нимъ надзоръ былъ порученъ благонадежному унтеръ-офицеру и ефрейтору, которые должны строжайше наблюдать за всѣми его дѣйствіями и, если замѣтятъ что либо предосудительное или неповиновеніе, то доводили бы объ этомъ въ тотъ же часъ до свѣдѣнія ротнаго командира, который обязанъ немедленно доносить мнѣ, причемъ подтвердить ротному командиру, что малѣйшее послабленіе въ отношеніи надзора за Шевченкою подвергнетъ его строгой отвѣтственности,—и 4, командующему баталіономъ № 5 маюру Мѣшкову, за несоображеніе имъ въ баталіонъ № 4 послѣдовавшей надъ Шевченкою высочайшей конфirmaціи при командированіи его въ 1848 году въ Раимское укрѣпленіе, сдѣлать строгій выговоръ; относительно же положенія взысканія съ лицъ, дозволившихъ Шевченкѣ ходить иногда въ партикулярномъ платьѣ, со-

бираются нужные свѣдѣнія, по полученіи которыхъ будетъ сдѣлано распоряженіе особо.“

По послѣднему предмету Обручевъ 21 іюля 1850 г. поручалъ коменданту Орской крѣпости спросить Шевченка, когда именно онъ въ парткулярномъ платьѣ ходилъ и у кого и въ какое время въ ономъ былъ въ квартирахъ. Въ исполненіе этого, комендантъ Недобровъ 23 того же іюля за № 1638 писалъ Обручеву: „отобрали отъ Шевченко свѣдѣніе, имѣю честь донести, что по квартирингу его въ домѣ штабсъ-капитана генерального штаба Герна дѣйствительно онъ имѣлъ парткулярное платье и носилъ оное только въ квартирѣ, въ которомъ ни въ какое время, никогда и никуда не ходилъ; по прибытіи же въ Орскъ таковое у него отобрано и нынѣ хранится въ баталіонномъ цейхгаузѣ, которое, по удостовѣренію моему, заключается въ двухъ пальтахъ: одно ластиковое темновишневаго цвета, другое драпированое горохового цвета старое и одни брюки таковые-же.“—Хотя затѣмъ ни отъ кого не было получено никакихъ указаний на то, чтобы Шевченко ходилъ въ парткулярномъ платьѣ гдѣ нибудь, кроме своей собственной квартиры въ домѣ Герна, но отъ подпоручика корпуса флотскихъ штурмановъ Попспѣлова, которому Бутаковъ передъ отъездомъ въ Петербургъ въ началѣ 1850 года сдалъ свою команду, было потребовано объясненіе о томъ, почему онъ допустилъ Шевченко ходить въ парткулярномъ платьѣ въ отступленіе отъ положенной для нижнихъ чиновъ формы. На это Попспѣловъ въ рапортахъ за №№ 104 и 146 объяснилъ, что въ вѣдѣніе его Шевченко Бутаковымъ передаваемъ не былъ и при немъ не находился, таѣ какъ никакой надобности въ Шевченкѣ онъ не имѣлъ, и потому не только не позволялъ ему ходить въ парткулярной одеждѣ, но никогда въ оной и не встрѣчалъ его.

Въ объясненіе противорѣчивыхъ указаний относительно того, въ чьемъ именно завѣдываніи находился Шевченко передъ производствомъ у него обыска, надо заключить, что при отъездѣ Бутакова въ Петербургъ не было сдѣлано надлежащаго

распоряженія объ откомандированіи Шевченка отъ Бутакова вуда либо за окончаніемъ тѣхъ работъ, для которыхъ онъ былъ командированъ къ Бутакову и за отъездомъ самого Бутакова; причемъ Бутаковъ, сдавъ всю свою команду въ завѣданіе Поспѣлова, полагалъ, что вмѣстѣ съ нею сдалъ и Шевченка; а Поспѣловъ, которому не было выгодно отвѣтить за то, что случилось, и который, можетъ быть, дѣйствительно, не имѣлъ надобности въ Шевченкѣ, вслѣдствіе этого сталъ утверждать, что Бутаковъ не сдавалъ ему Шевченка.

По разсмотрѣніи всѣхъ свѣдѣній, собранныхъ относительно пошенія Шевченкомъ партикулярнаго платья, Обручевъ въ бумагѣ своей дежурному генералу главнаго штаба отъ 6 ноября 1850 г. за № 156, указавъ на противорѣчія въ донесеніяхъ Бутакова и Поспѣлова (изъ которыхъ первый, находясь въ то время въ 9-мъ флотскомъ экипажѣ, уже не состоялъ въ вѣдѣніи Обручева), писалъ: „если Бутаковъ не имѣетъ положительныхъ доказательствъ объ оставленіи рядового Шевченко при подпоручикѣ Поспѣловѣ, то вся вина должна быть отнесена на Бутакова, который не представилъ Шевченка въ корпусный штабъ или во 2-й линейный баталіонъ“. Требовались ли отъ Бутакова упомянутыя доказательства и подвергся ли онъ какому-нибудь взысканію—намъ не известно.

Послѣднимъ финаломъ этого дѣла было разрѣшеніе вопроса о томъ, на кого должны быть возложены издержки въ количествѣ 23 руб. 67 коп., употребленныя на поѣздку Чигира въ Орскую крѣпость для производства слѣдствія: 10 ноября 1851 г. было опредѣлено взыскать ихъ съ маиора Мѣшкова.

Между тѣмъ, вызвавшій это производство Шевченко, въ исполненіе вышеизложенныхъ распоряженій 13 октября 1850 г. былъ отправленъ изъ Гурьева Городка въ Ново-Петровское укрепленіе на почтовой лодкѣ, прибывшей въ Гурьевъ Городокъ съ хорунжимъ Ерыклиницевымъ и увезшій Шевченка подъ пріемствомъ унтер-офицера Булатова. Это было послѣднее путешество, совершенное лодкой въ томъ году, что видно изъ того, что Булатовъ, сдавши Шевченка въ Новгородскомъ укрѣпленіи

17 октября, вслѣдствіе закрытія навигаціи, уже не могъ возвратиться къ мѣсту своей службы до начала навигаціи слѣдующаго года.

Этимъ окончился первый періодъ ссылки Шевченка и начался второй, которому посвящена статья А. И. Родзевича въ „Русской Старинѣ“.

Н. Васильевъ.

Письма протоієрея Арсенія Лебединцева, б. благочинного церквей южнаго-берега Крыма, къ преосвященному Иннокентію, архієпископу Херсонскому и Тавріческому, съ донесеніями о ходѣ военныхъ дѣйствій и состояніи церквей и духовенства во время 11-ти мѣсячной осады Севастополя¹⁾.

1854 годъ.

П і с ь м о 1-е.

Предъ Севастополемъ непріятелей еще нѣтъ. Они со всѣмъ флотомъ тамъ—у Евпаторійскихъ береговъ. Вѣроятно ожидаютъ успѣховъ отъ своего дессанта и потомъ уже бросаются на Севастополь. Силы непріятеля полагаютъ въ 70 тысячъ при 60-ти орудіяхъ. Вчера, говорятъ, было авангардное дѣло. Князь намѣренъ ускорить нападеніемъ, ибо непріятели окапываются. Въ первый же день козаки захватили 11 плѣнныхъ. Защищался только офицеръ и убитъ, а другіе бросили оружіе и стали просить хлѣба. Два алжирца, и прочіе—французы. Крайне жалуются на худое продовольствіе. О Евпаторіи слышно, что занята непріятелями и оставлена жителями, несмотря на прокламацію, обѣщавшую спокойствіе и безопасность. О духовенствѣ нашемъ ничего не знаю, ибо не пишутъ. Отъ священника Манжелея я получилъ репортъ отъ 30 августа, которымъ доносить, что троихъ дѣтей его постигла жестокая болѣзнь, и потому онъ не можетъ еще выѣхать въ Бахчисарай. Впрочемъ я надѣюсь, что о. протоієрей Шкурапатскій во всякомъ случаѣ поступитъ, какъ требуетъ санъ священный.

¹⁾ См. „Кievsk. Star“ 1896 г., № 1.

Главная квартира наша на Алмѣ въ Бурлюкѣ. Хомутовъ, атаманъ козачій, поспѣлъ уже въ помощь. У другихъ береговъ крымскихъ непріятелей нѣтъ. Итакъ восточному вопросу суждено решиться на Евпаторійскихъ поляхъ.

Сиземскаго¹⁾ нѣтъ еще изъ Херсона. Если пріѣдетъ, куда ему дѣваться? ибо неизвѣстно еще, когда будетъ свободна Евпаторія, и чѣмъ выйдетъ она изъ рукъ непріятельскихъ. 2-го сентября жена его разрѣшилась отъ бремени: опять препятствіе къ переходу.

1-е Сентября 1854 г. г. Севастополь.

Письмо 2-е.

И паки Вы обращаетесь къ намъ съ словами утѣшенія. Сіе третіе утѣшеніе получено мною 10 октября, уже въ 6-й день бомбардированія Севастополя. Вполнѣ понимаю, что вѣсти отъ насъ дороги теперь для Васъ; но страшный огонь перваго дня (5-е окт.) привелъ все и всѣхъ въ такое смятеніе и беспорядокъ, что я не былъ увѣренъ въ приемѣ въ тотъ день почты, которая обрѣлась въ самомъ опасномъ мѣстѣ. Потому просилъ написать Вамъ обѣ этомъ днѣ о. игумена Николая²⁾, который, бывъ близъ Севастополя, пожелалъ быть свидѣтелемъ безпримѣрнаго ужаса. Не знаю, успѣлъ ли онъ благополучно переправиться на сѣверную; ибо потомъ я слышалъ, что бомбами съ моря потопило два катера. Въ другой почтовый день человѣкъ не нашелъ почты, которая очутилась въ николаевской батареѣ. До 5 числа непріятели продолжали подъ нашими выстрѣлами рѣть противъ нашихъ батарей валы (они не выше обыкновенныхъ рвовъ), которые казались не важными, а если гдѣ значительно возвышались, ихъ старались разбивать. Въ этихъ то рвахъ устанавливали они свои орудія и окружили ими всю суходутную линію Севастополя. Октября 5-го, въ 6 часовъ утра,

¹⁾ Діаконъ Севастоп. Петроиавловской церкви, котораго преосвященный пра-
слалъ сюда въ 1848 г. изъ Харькова, куда онъ прибылъ съ владыкою изъ Вологды, гдѣ былъ псаломщикомъ. Спѣ былъ прекрасный чтецъ и пѣвецъ, за что пользовался особою расположенностю архипастыря.

²⁾ Настоятеля Вахчисарайскаго Успенскаго Свита, потомъ архимандрита.

открыть огонь, который въ полчаса превратился въ превышающій всякое описание ужасъ: громъ выстрѣловъ, трескъ лопающихся бомбъ, свистъ ядеръ, блистаніе какъ бы множества молній, залповъ, неумолкаемый раскатъ, страшно вторившій среди горъ и бухтъ нашихъ, наконецъ, при безвѣтріи дымъ, не позволявшій намъ видѣть далѣе той линіи, откуда раздавались громы оглушительные, все это невольно заставляло людей говорить: „страшный судъ! страшный судъ!“ Слыша самъ эти слова отъ многихъ собравшихся у церкви, я не находилъ въ нихъ преувеличенія, но только смущился душею при мысли, что, можетъ быть, онъ внезапу постигъ насъ безъ покаянія. Часа чрезъ полтора отъ усталости артилеристовъ или другой причины удары стали рѣже и какъ бы слабѣ; вмѣстѣ съ симъ и душамъ нашимъ была нѣкая ослаба. Литургію служилъ о. Александръ Демьяновичъ¹⁾ (его была седмица); затѣмъ служили молебенъ о дарованіи побѣды на супостаты, что и ежедневно совершаємъ со времени осады Севастополя. Церковь оставалась, какъ и теперь, ежедневно открытой до вечера. Въ 12 часу бой страшно усилился съ видимымъ ожесточеніемъ. Ужасъ съ каждой минутой возвышался. Люди, не отходившіе отъ церкви (большую частію женщины), таяли отъ страха и плакали. Я нашелъ лучшимъ вторично пригласить ихъ на молитву въ церковь, гдѣ и засталъ меня о. Николай²⁾; проводивъ его, я пошелъ къ библіотекѣ, (морской), чтобы посмотреть за движениемъ непріятельского флота, который доселѣ только готовился къ бомбардированию. Но за дымомъ, валившимся съ 5 и 6 бастіоновъ, и здѣсь ничего нельзя было видѣть; даже нужно было поскорѣе удалиться, ибо корабли открыли огонь, который, смѣшившись съ громомъ нашихъ морскихъ батарей, покрылъ все, что доселѣ мы съ утра слышали. Одна сѣверная сторона оставалась свободна отъ бомбардированія и потому была свободна отъ дыма. Это обстоятельство позволило намъ видѣть, какое множество непріятельскихъ бомбъ, бросаемыхъ съ кораблей, вмѣсто города, падало въ бухту

¹⁾ Младшій священникъ севастопольской Петронавловской церкви, стоящей на горѣ надъ южной бухтой.

²⁾ Упомянутый выше настоятель Бахчисарайскаго скита.

и на съверную сторону. Наши морскія батареи остались цѣлы и въ людахъ съ ничтожною потерей. За дымомъ, простиравшимся до облаковъ и покрывавшимъ до удушья весь городъ, нельзя было замѣтить и потери флота непріятельскаго. По бывшему взрыву полагаютъ, что одинъ пароходъ взорвали на воздухъ, и по крику людей, что послали кого-то и ко дну. Пришло къ берегу одну ворму и довольно внутреннихъ принадлежностей корабля. А лучшимъ доказательствомъ неудачи флота служитъ то обстоятельство, что онъ съ той поры ничего противъ насъ не предпринимаетъ. Въ 1-й день потеря наша на всѣхъ бастіонахъ и батареяхъ убитыми и ранеными простиралась до 400 человѣкъ. Но самая тяжкая въ этотъ день потеря—это смерть Влад. Ал. Корнилова. На Малаховомъ курганѣ ему, когда объѣзжалъ батареи, оторвало ногу по бедро; отъ таковой тяжкой раны онъ вскорѣ и скончался. Сами недоброжелатели его (а онъ имѣлъ ихъ много) сожалѣютъ объ этомъ незамѣнимъ въ настоящее время начальникѣ. Настоящимъ образомъ принялись за укрѣпленіе Севастополя послѣ Бурлюкскаго сраженія. Все, что было сдѣлано прошлою осенью, брошено прочь. Все дѣлано вновь и по новому плану. Чрезъ недѣлю самъ князь ¹⁾), который былъ на позиціи у Бахчисарая, подивился работѣ Корнилова (ему помогалъ инженеръ-полковникъ Тотлебенъ) и совершенно успокоился за судьбу Севастополя. Уже нечего говорить о томъ, что его всякий боялся болѣе, чѣмъ непріятельской бомбы, и стоялъ на своемъ мѣстѣ. И вдругъ въ такое время лишиться такого начальника.—Вслѣдствіе полученного отъ князя (онъ при арміи на бахчисарайской дорогѣ) распоряженія—похоронить, какъ позволяютъ обстоятельства, тѣло покойника, 6 числа, въ 11 часовъ дня, внесено въ Михайловскую церковь, а въ 6 часовъ вечера отпѣли погребеніе ²⁾). Изъ начальниковъ при погребеніи были, кто могъ, и просто въ строевыхъ шинеляхъ. Впрочемъ была музыка и по баталіону отъ морскихъ и армейскихъ солдатъ. Хотя въ 6 ч. пальба прекратилась, но

¹⁾ Меньшиковъ, гдѣнокомандующій войсками въ Севастополѣ.

²⁾ Авторъ писемъ былъ духовникомъ В. А. Корнилова и его семейства.

по временамъ непріятельскія бомбы летали въ городъ и носились надъ головами печальной процессіи. Могилой для Корнилова послужилъ склепъ его же начальника, адмирала Лазарева, съ которымъ онъ и положенъ рядомъ. Замѣчательно, что въ склепѣ оказалось много воды, такъ что необходимо было отливать ее, чтобы внести туда новый гробъ, который также поставленъ въ водѣ. Служили на водѣ, пришлось и почивать въ водѣ. Такъ прошелъ и второй день, какъ первый: въ непрерывномъ огнѣ съ 6 ч. утра до 6 ч. вечера; такъ третій и далѣе до настоящаго 7-го. Такимъ образомъ можемъ сказать, что мы были въ пещи, седмерицею разжженной; и если огнь оный касается не всѣхъ насъ, то сіе именно должно приписать милости Божіей и росы ангельской. Правда, въ слѣдующіе 6 дней убыль въ войсکѣ незначительна, но смерть летаетъ по всему городу. Моя квартира казалась совершенно удаленою отъ выстрѣловъ, но и меня достигаютъ они. Бомбы разрывались по одну и другую сторону церкви, на улицѣ. Ядра свистѣтъ у оконъ нашего церковнаго дома; однимъ вышибло карнизъ надъ самою дверью, другимъ вырвало нѣсколько столбовъ въ каменной оградѣ церковной. Извѣстная трещина на моей церкви значительно увеличилась, особенно съ западной стороны, гдѣ она почти была незамѣтна. Много уже пострадала артилерійская часть города, что къ Херсонесу, и корабельная¹⁾ съ госпиталемъ. Не уважили на госпиталяхъ и флаговъ, кои были поставлены по желанію, кажется, самихъ непріятелей. Напротивъ, эти мѣста и были ихъ цѣлію. Ибо когда было загорѣлся одинъ флигель въ госпиталѣ, то въ самое пламя пожара продолжали бросать бомбы. Больныхъ и раненыхъ, хватая, можно сказать, изъ огня, отправили на сѣверную въ бараки, другихъ въ Симферополь. Великое спасибо покойному Сентъ-Арно²⁾, что онъ не оставался на Бельбекѣ, и оставилъ намъ единственный путь ко спасенію,—не выѣзжающимъ только, а преимущественно и остающимся въ Севастополѣ. Ибо мы въ такомъ положеніи остались бы въ нѣ-

¹⁾ На противоположной городу сторонѣ, на покатости отъ Малахова кургана.

²⁾ Сентъ-Арно—главнокомандующій французовъ.

сколько дней безъ куска хлѣба и безъ всякой помощи. Нельзя приписать этого счастливаго обстоятельства маневру князя, ставшаго въ тылу: ибо онъ былъ крайне слабъ. Нѣтъ, это было чудо милости Божией. О южныхъ высотахъ нашихъ, о которыхъ такъ прекрасно разсуждаютъ непріятели, и которыми теперь завладѣли, у насъ, вѣрно, забыли, не предполагая нападенія съ сухого пути. А сie все бысть, что бы мы не приписали успѣха себѣ самимъ, а Богу. Вотъ и осмый день разжигается наша пещь. Враги наши преступаютъ таинственное число, но Господь не оставляетъ своею помощію, и, вѣрно, не оставитъ. Князь доселѣ ничего не предпринимаетъ, кроме что завелъ отрядъ на Комарскія высоты. Все ожидаетъ войскъ, между тѣмъ всѣ недовольны его молчаніемъ. Даже изъ города не дѣлаютъ вылазокъ, кромѣ небольшихъ изъ охотниковъ, которые въ одну ночь заклепали было у непріятеля 18 орудій, въ другую 7-ми. Можетъ быть въ немъ и ошибаются, какъ нѣкогда недовольные кн. Кутузовымъ. М. б. онъ разсчиталъ на непріятелей ударъ вѣрный, но хранитъ въ тайнѣ. У насъ ожидаютъ Великихъ Князей, о чемъ объявлено даже войскамъ.

Городъ опустѣлъ; въ послѣднее воскресеніе мало было въ церкви, по буднимъ днямъ и того меныше. Все спасается на сѣверную; оттуда далѣе и далѣе куда глаза, или скитаются въ лѣсахъ и горахъ. Въ городѣ довольно было поразительныхъ примѣровъ несчастія, но все это я соберу во едино, и потомъ сообщу Вамъ.

Преосвященный Агаѳангель въ Бакчисараѣ, какъ я слышалъ отъ о. Николая игумена. Что дѣлается въ Георгіевскомъ монастырѣ и что съ о. Геронтиемъ¹⁾, ни откуда не могу добиться свѣдѣнія. Слышалъ отъ прот. Балаклавскаго²⁾ будто бы французы забрали въ монастырѣ весь скотъ, а обѣщали дать деньги и не дали, что умеръ экономъ, отъ чего—неизвѣстно. Еще слышалъ, будто на сѣверной сторонѣ разсказывали какія-

¹⁾ Настоятель Балаклавскаго Георгіевскаго монастыря, кандидатъ Киевск. дух. Академіи X курса, впослѣдствіи настоятель Новгородскаго Юрьева монастыря, въ которомъ скончался.

²⁾ Антонія Архирида.

то женщины, захваченные на хуторахъ непріятелями и занимавшіяся въ монастырѣ стиркой бѣлъя для непріятелей, что богослуженіе бываетъ и въ церкви бываютъ непріятели. Женщинъ этихъ кормилъ монастырь, но когда истощилось продовольствіе, то по просьбѣ о. архимандрита ихъ отпустили. Только Сиземскаго ¹⁾ семейство, для безопасности, 11 числа отправилось въ Симферополь, также и семейство Топузовыхъ ²⁾; пособіе я далъ изъ церковной суммы. Комарскаго священника я командировалъ къ Бакчисарайскому собору, пока священникъ Манжелей ³⁾ получить свободу.

Сейчасъ слышалъ непріятную вѣсть, будто князь объявилъ приказомъ держаться до 18 числа, пока соединятся съ нимъ всѣ войска, идущія въ Крымъ. О Господи! пошли намъ терпѣніе, вмѣни страхъ въ покаяніе.

Паки и паки благословляйте насъ и помогайте молитвами.

Впрочемъ большаго унынія или отчаянія у насъ нѣтъ. Только страхъ одинъ. Гарнизонъ рвется за стѣны, но непускаютъ.

Арестантамъ дана свобода, и они употребляютъ ее прекрасно. Многіе уже получили Георгіевскіе кресты.

12 окт. 1854 г. 11 часовъ утра, г. Севастополь.

Письмо 3-е.

14 октября. Вотъ и 10 дней провели мы среди огня и смерти. Пишу съ вечера, не зная, что породить утро. Впрочемъ, если *день отрыгаетъ глаголъ и ночь ноюща возвѣщаетъ разумъ*, то, судя по послѣднему дню и наступившей ночи, можно ожидать и надѣяться дней лучшихъ. Теперь совершенно тихо. Бомбардированіе было сегодня гораздо слабѣе обыкновенного, а бомбы и ракеты летали рѣже. Непріятели видимо отодвигаются уже назадъ; ибо князь уже началъ наступать. 13 окт. близъ Кадыковки ⁴⁾ у англичанъ взято 11 орудій и 4 редута, въ которыхъ теперь генералъ Липранди; штыками кололи его дивизію,

¹⁾ Вышеупомянутаго діакона.

²⁾ Петропавловской церкви причетниковъ, родныхъ братьевъ.

³⁾ Священникъ г. Евпаторіи.

⁴⁾ Деревня близъ г. Балаклавы.

около 500 англійскихъ кавалеристовъ легло на мѣстѣ, ускакало человѣкъ 10, взято въ плѣнъ 60. Это дѣло уланъ нашихъ. Наша теперь надъ Кадыковкой. Также перешли Черную рѣчку, гдѣ англичане принуждены были уступить свою позицію и два орудія бросили въ воду. Сегодня самъ былъ очевидцемъ одного дѣла, бывшаго за Малаховымъ курганомъ, на дорогѣ въ Инкерманъ. (Отъ церкви моей въ трубу можно видѣть большую половину всей осадной линіи непріятельской). Съ крикомъ ура наши дѣвѣ колонны поднялись отъ пороховыхъ погребовъ на высоты, имѣя направленіе къ позиціи непріятельской. При нихъ было нѣсколько орудій конной артилериі. Уже первая колонна спускалась съ высоты разсыпнымъ строемъ, уже и артилерия была въ дѣйствіи. Но наши наткнулись на непріятельскую скрытую батарею, которая ударила нашимъ въ флангъ. Посему вдругъ же начали отступать въ разсыпномъ же строѣ съ перестрѣлкою. По всему было видно, что эта попытка наша была неудачна. Вечеромъ я слышалъ, будто потеря состоится изъ 250 человѣкъ. Очень больно. Общее же движеніе нашихъ войскъ противъ непріятеля все-таки откладываютъ на 18-е число. Между тѣмъ въ нашемъ гарнизонѣ, говорятъ, слышенъ большой ропотъ на ужасъ продолжительной осады. Много у насъ убитыхъ и раненыхъ, впрочемъ за достовѣрное не знаю. Можно полагать 2000. Защита Севастополя пала на однихъ моряковъ. На всей оборонительной линіи у орудій стоять одни матросы и лихомѣстившіе, какъ настоящіе артилеристы. Армейскіе полки состоятъ только привѣты батарей и употребляются ночью на исправленіе батарей и на уборку убитыхъ и раненыхъ. Вотъ слова Государя Императора къ нашимъ морякамъ, объявленныя приказомъ князя Меншикова: „Благодарю всѣхъ за усердіе. Скажи нашимъ молодцамъ морякамъ, что я на нихъ надѣюсь на сушѣ, какъ на морѣ; никому не унывать, надѣяться на милосердіе Божіе; помнить, что мы русскіе защищаемъ родимый край и вѣру нашу и предаться волѣ Божіей. Да хранить васъ всѣхъ Господь, и наше правое дѣло; душа моя и всѣ мысли съ вами“.

12 числа, въ 4 часа, когда уже звонили къ вечернѣ, пала бомба близъ самой церкви нашей, взрывомъ вышибла на южной сторонѣ стекла, два окна даже съ рамами, и повредила немного крышу. Обошлось безъ несчастія, хотя въ церкви были люди и я самъ тамъ находился. Убрали изъ церкви соръ и стекла и затворивъ въ побитыхъ окнахъ ставни, я отслужилъ вечерню; 13-го обѣдню и утреню также служилъ благополучно. Уже по окончаніи обѣдни осколкомъ разорвавшейся надъ церковью въ воздухѣ бомбы вырвало кусокъ желѣза и каменного карниза. Въ продолженіи дня еще разорвалось 3 бомбы надъ церковью, но двѣ также въ воздухѣ; осколки падали по саду и на улицѣ, не вредя ни церкви, ни дому, одна же пала, вѣрно, въ яму, вырытую бомбой, которая 12-гошибла стекла и пала также въ 4 часа, когда едва я благословилъ вечерню. 14-го весь день было благополучно на церковномъ дворѣ. Хотя бомбы летали въ томъ же направленіи, но разрывались далѣе настѣ. Сегодня, т. е. 15-го, бомбардированіе началось въ 7 часовъ. Доселѣ благополучно. Службу будемъ продолжать, пока будетъ гдѣ служить. Къ литургіи присоединяемъ ежедневно и молебенъ о дарованіи побѣды на супостаты, находящія на нынѣ. Впрочемъ, кромѣ двухъ-трехъ и немногихъ, кажется безпріютныхъ, въ послѣдніе дни въ церкви никто не бываетъ. Мужской полъ у насъ на службѣ, а женскій, страха ради смертнаго, или выѣхалъ, или скрывается въ потаенныхъ мѣстахъ. Молимъ и просимъ дней лучшихъ. Молитвы ваши и милость Господня утѣшаютъ насъ.

Непріятели наши—образованные народы, изъ человѣколюбія пустили въ городъ фонтанную воду, но отравленную. 5 челов. умерло, поставили караулъ, а воду велѣно разложить на составные части.

15 октябр. 1854 г. г. Севастополь.

П і сь м о 4-е.

Возмогаемъ о Господѣ молитвами вашими и словомъ пастырскаго утѣшенія вашего, коимъ, аки росою, охлаждаете пламень пещи настъ постигшій. И дѣйствительно, 16 и 17 чиселъ

насъ почти не касался пламень ея; пальба между батареями непріятельскими и нашими происходила, но не жаркая, какъ бы устала, неохотная, безъ энергіи, какъ бы для формы только осады, особенно со стороны непріятелей. Не вѣтеръ ли съ дождемъ и чувствительный холодъ охладилъ жаръ непріятелей? Съ ночи противъ 16 числа дуетъ сильный то съверо-восточный, то съверо-западный вѣтеръ, и много тревожить непріятельскій флотъ. Быть можетъ, непріятели начинаютъ чувствовать приближеніе нашихъ силъ и невольно отвлекаются вниманіемъ отъ Севастополя, на которомъ одномъ доселѣ было оно сосредоточено. По крайней мѣрѣ 16, 17 и сегодня (по настоящую минуту) мы не слышимъ полета бомбъ и ракетъ надъ головами нашими. Въ городѣ стало покойнѣе, или, если нарушаются покой, то какъ бы случайно. 15-го же числа, отъ кого-то я писалъ вамъ, множество стрѣлъ смертныхъ было брошено въ городъ. Одна бомба пала у самой церкви, вышибла большой камень въ ступеняхъ, повредила немнога колонну, и болѣе ничего. Другія бомбы падали правѣе и лѣвѣе церкви, но вѣтъ церковнаго двора. Я предложилъ одному офицеру вопросъ: не цѣлятъ ли непріятели въ церкви нарочно? Онъ отвѣчалъ мнѣ, что слышалъ отъ одного офицера, будто кто-то передалъ непріятелямъ, что въ церквяхъ нашихъ сложены порохъ и снаряды, а потому будто бы выстрѣлы непріятельскіе имѣютъ такое направленіе. Правда сему или нѣтъ, но истинно, что Господь видимо хранить храмъ святой. Служеніе продолжается. Настоящую седмицу служить о. Николай Сиземскій. Въ заупокойной эктениѣ всегда поминаемъ и воиновъ, павшихъ на браніи. Причетники бываютъ въ церкви неопустительно.

Съверная сторона служитъ теперь убѣжищемъ для здоровыхъ и больныхъ (тамъ госпиталь), для живыхъ и умершихъ (тамъ теперь для всѣхъ кладбище). Въ настоящее время и умереть—новая бѣда: ни доски (лѣсныя пожгли), ни мастера для гроба, ни людей понести тѣло нѣтъ, не говоря уже объ отсутствіи друзей и знакомыхъ. А погребеніе совершается какъ бы тайкомъ, или по заходѣ солнца, или на разсвѣтѣ, до начала бомбардировки.

13 окт. хотѣли подвести къ непріятельскому флоту брандеръ. За это взялись и сами вызвались греки-охотники. Воспользовались темною ночью и свѣжимъ западнымъ вѣтромъ (флотъ у Бельбека). Къ сожалѣнію, брандеръ прижало на мель у Константиновской батареи, изъ которой, по неимѣнію отъ начальства о таковомъ брандерѣ никакого свѣдѣнія, открыли было огонь. (Нѣтъ Корнилова). Уже не знаю, какимъ чудомъ брандеръ уцѣлѣлъ, или какъ умолилъ батарею прекратить огонь. Только ночью же онъ возвращенъ въ портъ. Догадались ли непріятели, коихъ два парохода противъ фарватера стояли въ караулѣ? Мудрено впрочемъ и догадаться: зачѣмъ стрѣлять по своему судну, вышедшему изъ порта? Если брандеръ: для чего опять стрѣлять изъ своей батареи?

Срокъ нашему терпѣнію былъ назначенъ по 18-е окт. Теперь отлагаются на 20-е окт. Потерпимъ и до конца, только бы увидѣть спасеніе.

Князь при арміи. Въ городѣ старшій по чину—генераль Моллеръ. Надъ морскими баталіонами и командами на батареяхъ—адмираль Нахимовъ. По смерти Корнилова, говорятъ, состоялся какой-то гофкригсгератъ изъ Моллера, Станюковича¹), коменданта—генерала Кизмера и еще двухъ.

О положеніи Георгіевского монастыря и о. архимандрита Геронтія, сколько ни стараюсь узнать, не могу: нѣтъ никакого сообщенія.

Боясь отсутствія отъ церкви, ни съ кѣмъ почти не вижусь и мало имѣю потому свѣдѣній.

Журналъ я веду съ 1 сентября, и въ слѣдствіе совѣта вашего приложу къ тому болѣе вниманія²).

19 октаб. 1854 г. г. Севастополь.

Письмо 5-е.

Уже бригада 10-й дивизіи въ городѣ. Сегодня присоединяется къ князю Меншикову и послѣдній полвъ 11-й дивизіи.

¹) Командарь Севаст. порта или губернаторъ.

²) Къ сожалѣнію, этотъ журналъ или дневникъ осады Севастополя случайно погибъ въ недавнее время въ Одесѣ.

Главная квартира его уже нѣсколько дней въ д. Чоргунѣ. Вчера былъ у всенощной адмиралъ Станюковичъ, который сообщилъ мнѣ, что сегодня, т. е. 21 окт., князь дѣлаетъ сильную рекогносцировку, что если не завтра, то во всякомъ случаѣ не далѣе воскресенья, онъ пойдетъ всѣми силами на непріятеля. При выходѣ изъ церкви, пріѣхавшій офицеръ доложилъ Станюковичу, что адмиралъ Новосильскій (завѣдывающій линіею 4 бастіона), проситъ о назначеніи ему офицеровъ, которыхъ выбыло у него сегодня 7 (1 убитъ и 6 ранены), что нижнихъ чиновъ у него одного убитыхъ и раненыхъ 161, и подбито 7 орудій.

Такихъ дней, кромѣ 5 числа, не бывало. Вѣроятно враги наши предчувствуютъ свое паденіе, и съ духомъ злобы, ими обладающимъ, употребляютъ послѣднія усилія. Постоянно ожидаютъ ихъ штурма, но едва ли это будетъ. Они очень хорошо знаютъ, что въ городѣ штыковъ много. А вотъ сю минуту раздалась сильная канонада: не штурмъ ли? 5 ч. утра. Иду къ утрени; что узнаю, допишу. Мати Божія! въ день Твоего праздника, памятного для Россіи твоимъ заступленіемъ отъ враговъ, спаси и насъ отъ враговъ нашихъ.

Пишу послѣ утрени. Чрезъ полчаса канонада затихла. Въ 5 ч. луна скрылась за горизонтъ. Стало темно. Не хотѣли ли непріятели извлечь пользу изъ темноты этой, а наши батареи загремѣли; такъ думаю, но настоящей причины еще не знаю. Но вотъ въ 7 ч. опять громы. Начало напоминаетъ 5 окт. Войска по улицамъ куда-то передвигаются. Говорятъ, что сегодня будетъ генеральное сраженіе. Но вчера адм. Станюковичъ этого не зналъ; развѣ вечеромъ не получено ли отъ князя такое распоряженіе. Не сдѣляется ли это извѣстнымъ послѣ обѣданіи, до отхода по крайней мѣрѣ почты?

А пока прибавлю и сіе, что дѣйствительно, по показанію и плѣнныхъ, 5 окт. два непріятельскихъ большихъ парохода взлетѣло на воздухъ; что вода фонтанная, какъ оказалось по разложеніи оной, отравлена непріятелями, о чёмъ объявлено, для предостереженія, и приказами; что и въ Севастополѣ есть опыты холеры.

Государь Императоръ жалуетъ матросамъ по 2 р., а офицерамъ годовое жалованье. Но много пострадалъ и еще страдаетъ флотъ: ибо одни моряки приняли на грудь свою защиту города, и вотъ уже 18-й день мужественно отражаютъ непріятелей. Эта защита будетъ стоить многихъ морскихъ сраженій, которыхъ, кромѣ Синопскаго, не пришлось имѣть Черноморскому флоту.

Обѣдню отслужили благополучно; въ 10 ч. пальба стала умѣренѣе. Ничего особенного и сегодня, кромѣ бомбардировки. Въ доброе время въ этотъ день 22 окт. церковь была полна народа, а теперь десятка полтора простыхъ женщинъ и нѣсколько нищихъ. Адмиралъ Станюковичъ былъ и въ обѣдни: покупалъ свѣчи, слушалъ всю обѣдню и еще остался слушать и молебенъ съ акаестомъ. Я отвѣчалъ ему желаніемъ быть живымъ и здоровымъ для защиты нашей.

Кладбищная церковь пока мало пострадала. Немного сорвали желѣза; да два окна вылетѣли съ рамами.

Мнѣ передадъ о. Іовъ¹⁾, что слышалъ отъ содержателя въ Георгіевскомъ монастырѣ трактира, который отпущенъ оттуда 5 окт. Службѣ не препятствуютъ, и она совершается своимъ порядкомъ. Никакихъ особыхъ обидъ братіи также не причиняютъ. Но хлѣбъ и всякую другую экономію забрали. По 5-е окт. у братіи оставалось еще 4-е четверти муки.—Слышалъ я, что одного шпиона французы поймали въ монашескомъ платьѣ. Точно ли такъ, не знаю.

День свѣтлый и тихій. Пошли, Господи, тишину и отраду душамъ нашимъ.

22-е окт. 1854 г. г. Севастополь.

Письмо 6-е.

22-е окт. прошло для насъ въ лютой канонадѣ, но и въ утѣшительной надеждѣ, что м. б. завтра уже соединившіяся войска наши двинутся со всѣхъ сторонъ на непріятелей. Между тѣмъ и 23 окт. не было этого движенія: м. б. тому причиною былъ дождь, который въ продолженіи всего этого дня умѣрялъ жаръ осаждаю-

¹⁾ Еромонахъ.

щихъ и давалъ нѣкоторый отдыхъ осаждаемымъ. 22 окт. главныя улицы наши и прилегающіе къ нимъ проулки покрылись баррикадами. Въ окнахъ домовъ и въ стѣнахъ улицы устроены ружейныя амбразуры, отъ чего городъ принялъ видъ, который самъ наглядно убѣждаетъ въ угрожающей намъ опасности. Впрочемъ войска и сами лучше желають штурма непріятельскаго, нежели нападенія на непріятельскія позиціи. Ибо въ послѣднемъ случаѣ нужно идти подъ огонь батарей, а въ первомъ одна рабоча штыку, которымъ Русскіе умѣютъ владѣть. Не то что плѣнныя такъ не жалуются, какъ на ура наше, которое сопровождается страшнымъ дѣйствиемъ штыковъ и прикладовъ.

Ночью на 24-е число прибыли великие князья и остановились на Сѣверной. Вмѣстѣ съ этою радостною вѣстю утромъ мы услышали и о наступательномъ движениіи войскъ нашихъ, или лучше услышали самое движение ихъ. Это было во время утрени, по окончаніи которой, сквозь туманъ и дымъ, мы видѣли только сверкавшіе огни на высотахъ, лежащихъ къ Инкерману. Кто не желалъ успѣха? Кто въ тайнѣ сердца не молился о дарованіи побѣды? Когда вѣтромъ немногого очищало атмосферу, мы радовались, видя движеніе нашихъ впередъ и впередъ. Но съ полдня уже замѣтна была и ретирада, хотя на полѣ битвы происходила ружейная и пушечная пальба почти до вечера. Изъ города въ тоже время было послано 7 баталіоновъ противъ французовъ, занимающихъ Херсонескую землю. И здѣсь, какъ и тамъ, блестательное дѣло было, но плодовъ не умѣли пожать ни у англичанъ, ни у французовъ. И тамъ, и здѣсь не послано во время подкрѣпленія. Такъ по крайней мѣрѣ я слышалъ отъ многихъ офицеровъ, для коихъ это не могло быть тайною. У французовъ заклепали орудія, и много положили ихъ несчастныхъ въ балкѣ предъ кладбищной церковью, когда они вздумали броситься на 6-й нашъ баталіонъ, что надъ карантинной бухтой. Англичанамъ двѣ отнятыхъ на высотахъ позиціи должны были уступить съ большимъ урономъ. Потерю нашу въ этотъ день полагаютъ до 3000 убитыхъ и раненыхъ. Особенно эта потеря чувствительна въ офицерахъ, а еще больше въ начальникахъ—полковыхъ и баталіонныхъ. Ге-

нераль Соймоновъ раненъ и уже скончался. Но потеря непріятелей гораздо значительнѣе. Много вчера я видѣлъ французовъ на перевязочномъ пункѣ, и многихъ умершихъ ночью отправили при мнѣ на баркахъ на сѣверную сторону Севастополя. Больно смотрѣть и на врага обезображенаго и поверженнаго, какъ трупъ непотребный.

Болье князь Меньшиковъ ничего не предпринималъ до прибытія еще 2-хъ дивизій 3 корпуса, которая въ Переяскѣ. Непріятели также ничего болѣе не предпринимали, кромѣ продолжавшагося бомбардированія, которое 25 числа и сегодня невыразимо люто. 25 числа весь день непріятели трудились надъ очищеніемъ своихъ позицій и поля битвы отъ мертвыхъ труповъ.

Надежда наша была и есть паче на Бога, нежели на силы человѣческія. Много и во всемъ винять князя. Оно правдоподобно; но Богъ вѣсть, можетъ быть и ошибаются. Всѣ въ восторгѣ отъ генерала Липранди, отъ котораго много ожидаютъ. Храбрый—онъ удивляется храбрости матросовъ: „видаль я храбрыхъ, но такихъ солдатъ не видѣлъ.“ На 18 день вздумали было, для облегченія, смынить людей на 4 баталіонѣ, который наибольше терпитъ. Матросы отказались. Развѣ мы худо дѣствовали 17 дней? отвѣчали они и остались при орудіяхъ.— Одному боцману, когда онъ наводилъ орудіе, оторвало ногу; онъ упалъ, но просилъ приподнять, чтобы навести и выпалить. Когда его просьбы не могли исполнить, то онъ, уже съ насилиемъ, кричитъ матросу: смотри же, Кузька (Кузьма), правѣе немножко, правѣе. А то смотри, я тебя откатю.“ И не мало подобныхъ примѣровъ! Другой на непріятельской батареѣ, когда кругомъ кипитъ бой, чинитъ линькомъ¹⁾ матросу расправу за то, что не достало заклепокъ. Такую дисциплину можно найти только во флотѣ. Вѣрно, сильные на морѣ враги наши не подозрѣваютъ, что они имѣютъ дѣло съ тѣмъ же самымъ флотомъ, который, по ихъ словамъ, постыдно скрывается въ гаваняхъ; а корабли: Егуділь и Гавріиль даже дѣйствительно

¹⁾ Линокъ—кусокъ довольно толстой веревки. Матросовъ наказывали линками, а не палками, какъ солдатъ.

участвуютъ въ отраженіи осады,—одинъ въ южной бухтѣ, а другой противъ Ушаковой балки. У непріятелей часто бываетъ остановка, по показанію плѣнныхъ, за недостаткомъ зарядовъ. Теперь въ виду Севастополя только 17 линейныхъ кораблей, большая часть, вѣроятно, пошла за разными запасами.

Великіе князья были на мѣстѣ сраженія, но въ дѣлѣ будто бы не принимали участія.

Объ о. Геронтіѣ и монастырѣ не имѣлъ болѣе никакихъ свѣдѣній. И то, что писалъ, знаю по слуху. Можетъ быть, что-нибудь и не такъ. Вода въ могилѣ Лазарева, полагаютъ, оказалась отъ дождя: ибо мѣсто это, вырытое для фундамента церкви, было года три открыто. А также отъ поливки цвѣтника, который былъ устроенъ на самой могилѣ. Между тѣмъ самая то могила, съ помощью пороха выбита въ плитномъ камнѣ, который и задерживаетъ воду.

Сейчасъ съ Сѣверной пришли съ вѣстю, что число потери нашей 24 окт. простирается до 5600 человѣкъ, и что раненымъ нѣтъ, наконецъ, въ нашемъ госпиталѣ и мѣста.

Воля Божія будеть съ нами.

Все, что могу съ этою почтою написать. Остается испросить Вашего благословенія и молитвъ—единыхъ молитвъ во утѣшеніе.

26 окт. 1854 г., г. Севастополь.

П і с ь м о 7-е.

Уже послалъ я на почту бумаги, какъ вслѣдъ затѣмъ узналь, что великіе князья 24 числа дѣйствительно участвовали въ дѣлѣ, потому съ сіею же почтою спѣшу исправить невѣрную вѣсть о ихъ высочествахъ, будто бы они не были въ дѣлѣ. Подъ однимъ изъ нихъ даже ранена лошадь. Потомъ они были на Малаховомъ курганѣ, и едва только успѣли передать зрительную трубу кондуктору и нѣсколько отступить, какъ ядро лишило этого кондуктора ноги. Изъ сихъ же послѣднихъ усть слышалъ, какъ всѣ въ войскѣ—отъ мала до велика—недовольны распоряженіями князя Меншикова. Гласъ народа—гласъ Божій. И нельзя въ семъ гласѣ не признать истины; Липранди же

въ своей опасной позиції, кажется, предоставленъ самому себѣ. Много разныхъ толковъ, но ни одного въ пользу нашего главно-командующаго. Пока стоятъ у орудій безстрашные матросы, наша защита благонадежна. Но еще недѣли двѣ, и ихъ всѣхъ можно извести. Или Господу угодно явить силу свою уже въ нашей немощи?! Приходятъ всякия мысли и погрѣшительныя помышленія, когда прислушаешься къ толкамъ человѣческимъ.

Еще вспомнилъ доброе слово о нашихъ морякахъ плѣнаго капитана англійскаго: „если бы у насъ были такие артилеристы, мы бы давно срыли ваши укрѣпленія“.

О. Николай Сиземскій священникъ уже отправился сегодня въ Симферополь навѣстить свое семейство. Въ домѣ, гдѣ оно тамъ остановилось, былъ холерный случай, что его и обезпокоило. Нѣтъ ли гдѣ для него мѣста? Ибо едвали въ Евпаторіи скоро будетъ для духовенства кусокъ хлѣба, хотя бы и выгнали оттуда турокъ. Естественнѣе ожидать теперь въ Крыму всякой нужды.

Сейчасъ приѣхалъ изъ скита о. Василій іеромонахъ, и пакетъ отъ него посылаю по своей книгѣ. Церковь его пока стоитъ (въ Херсонесѣ).

26 октября 1854 г. г. Севастополь.

Письмо 8-е.

Отъ 26 октября, отъ котораго я имѣль честь писать вамъ, по настоящій день положеніе наше не измѣнилось ни къ лучшему, ни (и за сie Богу благодареніе) къ худшему. Бомбардированіе продолжается съ прежнимъ вредомъ для города, потерю людей и непрестающимъ ужасомъ. Князь Меншиковъ ничего не предпринимаетъ и свои мысли скрываетъ даже отъ своей фуражки, которую сжегъ бы, еслибы она узнала ихъ. Эта непонятная таинственность и бывшия опыты неудачи тѣгостное производятъ вліяніе на всѣхъ, а главное на армію, которая крайче не расположена къ своему главнокомандующему. Одно присутствіе великихъ князей ободряетъ и утѣшаетъ войско: они, какъ ангелы для больныхъ и раненыхъ, о коихъ прилагаютъ всевозможное попеченіе.

27 октября вечеромъ прислано намъ утѣшеніе и отъ царицы матери. Съ флигель-адъютантомъ княземъ Голицынымъ она прислала икону Христа Спасителя, чтобы поставить оную въ Николаевской батареѣ. Будучи приглашены губернаторомъ, я принялъ оную и передалъ въ Михайловскую церковь, оттуда, 28 октября въ 7 часовъ утра, съ церковною процессіею и военнымъ парадомъ отнесена высочайше пожалованная икона въ Николаевскую батарею, на площади которой былъ соборнѣй отслуженъ молебенъ о дарованіи побѣды на супостаты. Всѣ по томъ прикладывались къ иконѣ при окропленіи св. водою. Икона поставлена на вѣнчной сторонѣ батареи лицомъ въ городу. По окончаніи молебствія флигель-адъютантъ передалъ мнѣ, что великимъ кнізьямъ угодно, чтобы вечеромъ въ 6 часовъ, когда смолкнетъ бомбардировка, икона сія была однимъ изъ священниковъ обнесена по всѣмъ бастионамъ, что губернаторомъ возложено на одного изъ священниковъ военного собора и дежурнаго штабъ-офицера. Послѣдняя молитва наша была видимо единодушною и теплою молитвою: довольно было взглянуть на положеніе и лица всѣхъ присутствовавшихъ на обширной площади. Я счелъ долгомъ представить вамъ сказанную мною при этомъ случай рѣчь не потому, чтобы я находилъ въ ней что-либо достойное вашего вниманія (я даже со страхомъ посылаю), а единственно потому, чтобы дать понятіе о богообязненномъ и истинно христіанскомъ настроеніи душъ въ темномъ Севастополь¹⁾). Эта рѣчь, которую я рѣшился говорить только по требованію настоящаго времени, исторгла слезы у многихъ, начиная съ губернатора и коменданта. Сердце, умягченное страшнымъ млатомъ Божіимъ, дѣлается чувствительнымъ къ самому слабому прикосновенію. Чрезъ часъ, не знаю, для какой надобности, губернаторъ запиской просилъ у меня этой рѣчи, и я отдалъ.—27 числа ударомъ бомбы выбило въ моей церкви колонну съ западной стороны противъ входа въ церковь, но церковь еще стѣла, и служеніе продолжается, безъ измѣненія даже часовъ богослуженія.

¹⁾ Рѣчь преосвященнымъ Иннокентіемъ отдана въ печать и напечатана въ „Одесскомъ Вѣстнику“.

Вечеромъ 28 октября прибылъ въ Севастополь преосвященный *Поликарпъ*. Онъ у меня ночевалъ и сегодня намѣренъ отиравитъ обратно въ Бакчисарай, откуда самъ будетъ имѣть вашему высокопреосвященству. У насъ дожди и, вѣроятно, они мѣшаютъ новымъ наступательнымъ дѣйствіямъ главнокомандующаго.

29-е октября 1854 г., г. Севастополь.

П і с ъ м о 9-е.

Благодареніе Богу, Севастополь стоитъ. Уже исполнилось 28 дней безпримѣрного бомбардированія. Мужественнымъ защитникамъ, оставшимся въ живыхъ, уже безъ представлений, по ясному статуту слѣдуютъ Георгіевскіе кресты. Но не о наградахъ теперь думаютъ сами достойные наградъ. У всѣхъ одно чувство, что насъ защищаетъ Господь, и одно желаніе—продолженіе сей великой милости. Удивительное въ этомъ отношеніи теперь единомысліе. Благодареніе Богу, оно ведетъ всѣхъ къ усердной молитвѣ и твердой надеждѣ, что Богъ насъ не оставитъ.

Князь Меншиковъ (не знаю какимъ образомъ) узналъ, что у непріятелей былъ уже совѣтъ, не оставить ли Севастополь и убираться во свояси, что весь флотъ того мнѣнія, что пора убираться домой; но что сухопутные въ этомъ мнѣніи раздѣлились. Въ случаѣ отступленія непріятелей, наши войска не упустятъ нанести имъ большое пораженіе, а всѣ редуты, ими устроенные, останутся въ нашихъ рукахъ и будутъ готовыми лучшими укрѣпленіями (непріятели такъ укрѣпились и такъ расположили свои редуты, что ихъ столь же трудно оттуда выбить, какъ и взять имъ Севастополь) противъ будущихъ ихъ вторженій, если это возможно будетъ. Впрочемъ, поелику нельзя имъ возвратиться въ свояси, не попытавшись по крайней мѣрѣ на штурмъ (иначе будутъ безответны), то мы еще ожидаемъ штурма. И вотъ 31 окт., въ 5 ч. вечера, едва только смерклось, мы уже было подумали, что на насъ идутъ штурмомъ. Вдругъ съ нашихъ батарей отъ южной бухты до послѣдняго бастіона, что противъ Херсонеса, открылась сильная канонада. При темнотѣ

наступившій ночі сверкаючі огні съ громомъ вистрѣловъ представляли ужасну картину і страшно увеличували дѣйствительный страхъ, огненными шарами і зміями понеслись по городу непріятельськія бомбы і ракеты. Наши ракеты і барабанний бой, повсюду раздававшійся, возвѣстилъ тревогу. Движеніе войскъ по улицамъ і звонъ оружія болѣе еще удостовѣрили въ угрожающей опасности. Между тѣмъ съ стрѣльбой пушечной слилась ружейная—штуцерная, свидѣтельствовавшая уже о большей близости непріятелей. Къ утѣшенню, внезапно постигшій насъ ужасъ постепенно началъ стихать и продолжался не болѣе часу. Утромъ узнали, что мы были только въ опасности штурма, еслибы непріятели,бросившіеся на 4-й и 6-й бастіоны, не были во время замѣчены. Нѣсколько ихъ человѣкъ, проникшихъ въ батареи, схвачены, и одинъ капитанъ контуженъ. 1-го ноября захваченные плѣнныe и нѣсколько человѣкъ передавшихъ показали, что у непріятелей большая смертность и недостатокъ въ довольствії какъ для людей, такъ особенно для лошадей, которыхъ спали съ тѣла и почти неспособны къ службѣ. Англійскій офицеръ показываетъ, что у нихъ, т. е. англичанъ, каждый человѣкъ потерялъ уже 28 фунтовъ въсю.

У насъ постоянно то дождь, то сильный вѣтеръ. Но сегодня, послѣ тихой ночи, съ ранняго утра такая поднялась не-погода, въ которой нельзя уже не видѣть гнѣва Божія на не-честіе враговъ нашихъ. Вѣтеръ западный—самый опасный для непріятельского флота въ настоящей его стоянкѣ. Уже дано знать, что нѣсколько купеческихъ судовъ на мели. Съ кораблями, страшно посмотретьъ, что съ ними дѣлается. Морскіе офицеры полагаютъ, что этотъ вѣтеръ долженъ перейти въ сѣверо-восточный, что еще гибельнѣе. Между тѣмъ и намъ са-мимъ много вреда приносить этотъ вѣтеръ. На казармахъ и магазинахъ мало гдѣ осталось желѣза. Тоже и на частныхъ до-махъ, стоящихъ на возвышенности. Черепица съ домовъ такъ летить, что опасно по улицѣ проходить. Съ церкви нашей со-рвало крестъ съ пьедесталомъ и половину желѣза кровельного. Я не знаю, что мнѣ теперь дѣлать съ крышею. А потолокъ не-надеженъ—лѣпной; пойдетъ дождь, и онъ обвалится. Денегъ въ

кошелькѣ вѣтъ. Да и съ деньгами теперь трудно предпринять что либо. Уповаємъ, что если Господь не пошлетъ на насъ искушеній большихъ, то, можетъ быть, горю нашему съ наступлениемъ зимы будетъ и облегченіе.

Греческій календарь въ послѣдней четверти сего мѣсяца полагаетъ удаленіе флота, побѣду надъ западомъ и смерть одного Государя, которая будетъ радостною вѣстю.

Въ воскресеніе Великіе Князья съ княземъ Меншиковымъ были въ городѣ для слушанія литургіи въ Михайловской церкви, безъ всякаго о томъ предваренія, даже приказано было сказать, что одинъ генераль-адъютантъ желаетъ быть въ обѣдни въ 9 часовъ. Пронесся слухъ, что въ намъ ѳдетъ Государь Императоръ и что будто уже въ Кіевѣ.

2 ноября 1854 г., г. Севастополь.

Письмо 10-е.

Я писалъ вамъ отъ 2 ноября, извѣщаю, что въ этотъ день была у насъ сильная буря. Она почти не стихала и ночью, а море взволнованное едва утихло чрезъ два дня. На другой день утромъ узнали, что 10 непріятельскихъ судовъ выброшено къ Бельбеку и 4 къ Херсонесу. Все это суда транспортныя, но есть и большіе два фрегата. На одномъ былъ дессантъ гусаръ. Плѣнныя показываютъ, что они вновь привезенные, а м. б. и возвращавшіеся восвояси. Ибо вновь приходящихъ судовъ не было замѣчено. Но какіе бы они ни были, уже не существуютъ. Съ берега былъ поданъ имъ канатъ, по которому можно было спасаться. Вольные матросы (суда купеческіе) спасались, а гусары предпочли броситься на катера, спущенные съ ихъ кораблей. Катера разбились объ фрегатъ и гусары погибли. Другой разъ завести канатъ не было никакой возможности. Спасшихся матросовъ до 60 человѣкъ: всѣ они въ сѣверномъ нашемъ укрѣплѣніи. На Бельбекѣ много выброшено всякаго грузу. Наши войска, тамъ находящіеся, грѣются непріятельскимъ ромомъ. Въ Евпаторіи, говорятъ, выброшено 28 судовъ. Хотя это весьма вѣроятно (ибо тамъ ни откуда не могло быть защиты), но еще не совсѣмъ достовѣрно.

Сегодня въ 7 ч. утра въ Михайловской¹⁾ церкви, въ присутствіи войска (по 1 человѣку отъ взвода), по желанію великихъ князей и распоряженію начальства, было отслужено благодарственное молебствіе по случаю благуспѣшнаго отраженія мѣсячной осады. Объ этомъ распоряженіи я узналъ случайно, когда уже молебствіе было отслужено, при которомъ впрочемъ великие князя и князь Меньшиковъ не были. Послѣ обѣдни и мы отслужили по этому случаю благодарственный молебенъ.

Плѣнны, кои каждый почти день сами прибѣгаютъ, показываютъ, что непріятели наши намѣрены идти на штурмъ Севастополя. Это очень вѣроятно: ибо ничего болѣе не остается кромѣ попытки на штурмъ и постыднаго возвращенія восьсяси. Генералу Липранди посланы орудія и мортиры для бомбардированія Балаклавы, чтобы, если возможно, зажечь непріятельскій флотъ, тамъ стоящій.—Сегодня нѣтъ ли у непріятелей совѣта: ибо море затихло, и адмиралы могутъ сѣѣхать для совѣщанія съ сухопутными.

Съ нашей стороны, кромѣ готовности къ отраженію штурма, ничего не будутъ предпринимать. Ибо непріятель сильно укрѣпился и на тѣхъ двухъ пунктахъ, которые были болѣе удобны къ нашему нападенію и которые мы открыли сами безуспѣшнымъ покушеніемъ. Обвиняютъ князя (да въ чемъ его не обвиняютъ?), что онъ не двинулся на непріятеля одновременно съ генераломъ Липранди, отнявшимъ 4 редута. Для усиленія гарнизона, сегодня съ сѣверной стороны переходять въ городъ еще два полка. Штурма ожидаютъ на 4-й бастіонѣ, что противъ монастырской дороги.

О монастырѣ и объ о. Геронтиѣ ничего новаго не знаю.

3 ноября при усиленной бомбардировкѣ, направленной въ городъ, одна бомба попала и въ самую церковь мою. Это случилось въ 2 часа. Я стоялъ подъ колонадой²⁾ и самъ былъ свидѣтелемъ удара и взрыва. Къ счастію, пробивъ крышу, она ударилась не въ потолокъ, который легко могъ весь обрушиться,

¹⁾ Адмиралтейской.

²⁾ Петро-Павловская церковь, имѣющая видъ греческаго храма Тезея, обставлена со всѣхъ 4 сторонъ колоннами.

а въ стѣну, по ребру ея; разбрѣшилась минуты чрезъ двѣ слабо таѣ, что отъ взрыва еще меньше поврежденія. Въ двухъ мѣстахъ отскочила щекатурка и лѣнця украшенія потолка, осколки же бомбы остались на чердакѣ. Въ ту же минуту я послалъ людей съ водою (ибо поднялся большой дымъ), но тушить было нечего, дымъ былъ только отъ пороху. Осколки бомбы, равно какъ и всѣ залетающіе на церковный дворъ гостинцы, я берегу на память.

Рѣчь, которою вы напутствовали шедшія къ намъ войска, я передалъ (въ присланныхъ вами экземплярахъ) лицамъ, чрезъ которыхъ она можетъ послужить и для другихъ такимъ же одушевленіемъ на св. брань.

5 ноября 1854 г. г. Севастополь,

Письмо 11-е.

Ваше отеческое посланіе отъ 2 ноября я получилъ только 8 нояб. вечеромъ и симъ теперь обыкновеннымъ замедленіемъ почти я объясняю мое мнимое молчаніе. Ибо я пишу вамъ каждую почту, напр. отъ 19, 22, 26, 29 окт., 2 и 5 ноября, и пишу всегда въ казенномъ пакетѣ.

О 24 числѣ, дѣйствительно страшномъ, я уже писалъ вамъ; и доселѣ tolki обѣ этомъ весьма безупрѣшномъ дѣлѣ идутъ. Всѣ винятъ единогласно князя Меншикова, который не объявляетъ своего плана и тогда, когда ведетъ войска въ дѣло. Князь недоволенъ будто бы генераломъ Даненбергомъ, всѣ генералы—штабомъ главнокомандующаго. Наконецъ, противъ воли князя, дали ему въ начальники штаба генерала Семякина¹⁾, вместо полковника Вунша, не имѣющаго никакихъ срѣдствъ для такой важной должности. Наприм. генералъ Баумгартенъ получилъ только 25-го утромъ бумагу о назначеніи его въ подкрепленіе баталіонамъ, дѣлавшимъ 24-го ч. вылазку на Херсонескую землю. Вообще дѣйствія главнокомандующаго подлежать справедливымъ нареканіямъ отъ генерала до солдатъ, даже отъ непріятелей, ко-

¹⁾ Послѣ войны К. Р. Семякинъ состоялъ помощникомъ командующаго кіев. военного округа, скончался въ званіи командующаго базанскимъ воен. округомъ.

торые удивляются, въ русскомъ войскѣ видятъ новую тактику—бѣглое отступленіе. Даненбергъ стоитъ на Бальбекѣ, генералъ Жабокрицкій надъ Инкерманомъ, а Липранди въ Комарахъ¹⁾. Движеній впередъ никакихъ. Ожидаютъ, что покажетъ время; и дѣйствительно послѣднее время или справедливѣе самъ Господь въ послѣднее время даровалъ намъ болѣе успѣха надъ непріятелями, чѣмъ мы могли нанести имъ и при всемъ усилии. Это буря 2 нояб., о которой я уже писалъ вамъ. Въ Евпаторіи выброшено, кромѣ купеческихъ судовъ, 2 корабля, на которыхъ былъ большой запасъ пороху и денегъ. Стараются тѣмъ и другимъ воспользоваться. Замѣчено крушеніе въ самой балаклавской бухтѣ, происшедшее отъ самой тѣсноты бухты. Въ Феодосіи одинъ шкиперъ подъ присягой показалъ, что у Босфора выброшено разныхъ судовъ съ непріятельскимъ грузомъ и десантомъ до 60. Видимо, Господь намъ спорбуетъ.

6 уже дней, какъ мы свободны отъ бомбардировки. Бываетъ нерѣдко пальба, но больше съ нашей стороны, и чаще штуцерская. Ожидаемъ, какъ опять показываютъ новые плѣнныя, штурма, еще чрезъ 8 дней, т. е. 14-го или 15 ноября.

Непріятели перевозятъ большія орудія въ Балаклаву и ставятъ меньшія, иные зарываютъ въ землю. Это замѣчено за агличанами; что дѣлаютъ французы, неудобно видѣть.

Въ числѣ передававшихся есть одинъ патерь, также побужденный къ побѣгу скудостю довольствія.

Великіе князя имѣютъ пребываніе на сѣверной, въ одной хатѣ при укрѣплѣніи № 4. Въ городѣ бываютъ только въ воскресные дни къ литургіи въ Михайлов. церкви, болѣе или совершенно безопасной отъ выстрѣловъ. На бастіоны князь Меншиковъ ихъ непускаетъ. За посыщеніе Малахова Кургана ими много обезпокоился.

Смиреннѣйше благодарю отъ себя и отъ другихъ священниковъ за милостивое ваше вниманіе къ нашимъ въ настоящее время

¹⁾ Греч. деревнѣ, не далеко отъ г. Балаклавы.

трудамъ. Наипаче просимъ вашихъ св. молитвъ, да возможемъ добръ скончати прискорбное наше поприще.

Церковь я усійлъ покрыть снова.

9 ноября 1854 г., г. Севастополь.

(Продолжение будетъ).

ИЗЪ ВЫТА СТУДЕНТОВЪ СТАРОЙ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ¹⁾.

IV.

Въ первой да отчасти и во второй половинѣ XVIII столѣтія бурсаки кіевской академіи не получали отъ своей *alma mater* почти никакихъ средствъ на свое содержаніе, а потому въ материальномъ отношеніи являлись въ полномъ смыслѣ слова „нищетною братіею“²⁾.

Эта „нищетная братія“, часто терпѣвшая холодъ и мучительный голодъ, по необходимости прибѣгала ко всѣмъ возможнымъ способамъ для удовлетворенія своихъ насущныхъ потребностей...

Обыкновенно бурсаки питались „прошеннимъ хлѣбомъ“³⁾. Наступала голодная минута—и они, компаниою или въ одиночку, отправлялись по кіевскимъ улицамъ собирать доброхотныя данія городскихъ обывателей. Желая ли, хоть нѣсколько, уснить свою юношескую стыдливость (можно себѣ представить, сколько моральныхъ терзаній переживали крохоборцы—бурсаки, сами горько чувствовавшіе, какъ „не любо“ и чрезвычайно „досадно“ быть „общими просителями“ и „слити прошаками“⁴⁾), или желая возбуждать въ благодетеляхъ большее сочувствіе къ себѣ, бурсаки во время такихъ хожденій „спѣвали,“ для

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1896 г. № 1.

²⁾ Такъ называли себя даже сами бурсаки и при томъ въ офиціальныхъ слухахъ. См., напр., прошеніе бурсацкаго сеніора Николая Загайкевича къ интр. Тимоѳею Щербацкому 28 февр. 1749 г. (Арх. Кіев. Дух. Конс. д. 1739 г. № 61).

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Рукоп. библ. Кіево-Соф. соб. № 487, л. 85—86: *Fraxis 1, qua academic Kijovienses sua egestate pressi ex consueto more... petunt sibi eleemosinam.*

услажденія слуха своихъ кормителей, духовные канты, а подъ часъ и свѣтскія пѣсни. (Отсюда „спѣвать“ и „просить“¹⁾, на языкѣ тогдашней бурсы были синонимами). Разумѣется, видъ голодныхъ бурсаковъ поющими былъ полонъ самаго грустнаго комизма. И у однихъ онъ вызывалъ глубокое состраданіе къ „спѣвателямъ“, а у другихъ ядовитыя насмѣшки и даже жестокія издѣвательства надъ ними, такъ что порою „спѣватели“ награждались не хлѣбомъ, а щедрыми побоями.

Вотъ и примѣръ такого рода.

Перваго іюля 1754 года бурсакъ Константинъ Ильнѣцкій, „по нуждѣ общей бурсадкой“, въ девятомъ часу вечера, отправился, „какъ водится обикновенно, для препитанія своего спѣвать“ въ свято-Васильевской приходъ. Только онъ остановился предъ воротами одного дома, къ нему подошелъ настоятель Васильевской церкви свящ. о. Павелъ Лобко и „заманилъ“ его къ себѣ, въ свой домъ.

„Что ты? Откуда? Зачимъ по улицамъ бродишь?“ началъ торопливо разспрашивать тутъ о. Павелъ у Ильнѣцкаго...

— „Я изъ бурси... и спѣвать по нуждѣ зашелъ“, скромно отвѣчалъ голодный бурсакъ...

Не вступая въ дальнѣйшій разговоръ, о. Павелъ вывелъ Ильнѣцкаго изъ дома на дворъ, созвалъ сюда людей и велѣлъ кузнечу сейчасъ же „къ колодѣ въ хлѣвѣ вокругъ оковать“ ни въ чемъ невиннаго студента... Пока кузнецъ собирался приступить къ любопытной работѣ, о. Лобко выходилъ изъ себя и принялъ попавшагося крохоборца угождать „плѣттю“ своими руками. „Безъ милости, сколько звѣрояростной натурѣ довольно стать могло“, хлесталъ онъ свою жертву!...

„Я имѣю опредѣленіе отъ Ея Императорскаго Величества такихъ волочащихся допрашивать, а допросивъ въ Москву отсылать!..“ вопилъ при этомъ разъяренный о. Лобко, давая понять, что расправляется такъ жестоко съ Ильнѣцкимъ потому, что считаетъ его бродягой.

¹⁾ Иначе: „мирковать“.

Наконецъ, разбранивъ всѣхъ („какъ болшихъ и меншихъ академіковъ“) студентовъ и утомившись сѣченіемъ Ильнѣцкаго, о. Павель вручилъ его двумъ человѣкамъ „чрезъ ночь берегти“ въ хлѣвѣ...

Ильнѣцкій уже забылъ про свой голодъ и помышлялъ лишь о томъ, какъ бы ему „большой обиди и поврежденя здравія“ не учинили.

Кузнецъ приковалъ его „ланцугомъ“ къ какой-то колодѣ въ хлѣву и, иронически пожелавъ ему покойной ночи, ушелъ. Два тѣлохранителя, явившіеся въ хлѣвѣ помочь Ильнѣцкому скоротать ночь, посмѣялись надъ „спѣвателемъ“, издававшимъ лишь стоны и вздохи, и улеглись спать... Скоро, въ двѣнадцати часамъ, отъ нихъ послышался уже сильный храпъ... и Ильнѣцкій рѣшилъ бѣжать.

Быстро оторвалъ онъ отъ колоды плотно охватывавшій его „ланцугъ“ и съ нимъ, какъ „наложнимъ свидѣтельствомъ по-врежденія здравія“ своего, умчался въ бурсу.

На другой день онъ пожаловался префекту Давиду Нащинскому; префектъ отъ себя препроводилъ его жалобу въ Духовную Консисторію; Консисторія 4-го іюля произвела, въ присутствіи студентовъ Андрея Ветлѣнскаго—філософа и Георгія Васильевича—піты, „обдукуцію, при чёмъ оказалось, что у Ильнѣцкаго „отъ ланцужного кованія вкругъ поясница чирвонатая, и по нѣкіимъ мѣстамъ три смуги отъ биття канчукомъ произшедшіи“, и... этимъ, кажется, дѣло было покончено.

Вотъ что иногда доставалось бѣднымъ бурсакамъ „спѣвателямъ!“ И если съ ними поступали такъ священники¹⁾, ко-

¹⁾ Очень можетъ быть, что о. Лобко въ данномъ отношеніи былъ исключеніемъ, какъ человѣкъ вообще враждебно настроенный противъ академической корпораціи... Отъ него доставалось не только студентамъ, но и профессорамъ. Напр., въ 1767 г. учитель инфініи монахъ Леонтій не перевелъ инфініста Федора Стефановича, состоявшаго служителемъ у о. Павла, въ грамматической классъ... О. Павель послалъ къ о. Леонтію своего сына узнать о причинахъ такой „непромоції“ Стефановича. О. Леонтій объяснилъ, что Стефановичъ—ученикъ „гнусный, лѣживъ, ничего не знаетъ и не своимъ раченіемъ слагалъ ексерцизіи“, а потому и не переведенъ въ следующую „школу“. Для о. Павла этого и довольно было: онъ написалъ сейчасъ же строгому педагогу такое письмо:

торые съ большимъ, чѣмъ кто-либо другой, сочувствиемъ должны были относиться къ голодающимъ искателямъ свѣта науки, то почему же другіе не могли продѣлывать со студентами подобныхъ безцеремонныхъ сценъ?!...

„Я признаю обиду и насмѣяніе надъ домомъ моимъ въ непромоції въ дому моемъ находящагося Федора Стефановича въ грамматику отъ Вашего Высокопреподобія. Чтожъ вы изволите по посыпкѣ сына моего обзвѣять, что онъ якобы гнусній, лѣживъ и ничего не знаетъ и якобы не своимъ раченіемъ слагалъ ексерцизіи, что якобы нами и приусмотривано, однакъ сіе извиненіе не ко оправданію вашему слѣдуетъ но къ большей удачѣ, потому что вамъ дана власть наблюдать того, и если онъ таковъ былъ, похвалы ему подписывать не слѣдовало вичего, и если такъ, то отъ васъ ему подалась причина быть спорчену въ учениіи, кромѣ же того и експланованія окупациіи и версію лукуюдію ко оправданію же его будетъ, да и если съ винъ не здѣшается респекту въ грамматику, принужденъ буду просить у вышшей команди снимъ аprobациіи, однакъ зазрительно будетъ. Чего какъ съ моей стороны такъ и съ вашей не желаючи въ беспокой, слагающіи на ватѣ ко миѣ благоволеніе, что онъ по сему не будетъ въ промоції оставленъ, а я за благоучинность вашу при всегдашнемъ почитавши останусь таковыми“ (подпись).

Професоръ, къ удивленію, перевѣзъ Стефановича послѣ такого письма въ грамматику!

Въ новомъ классѣ Стефановичу, всегда занятому работами для о. Лобко, приходило бывать рѣдко.. Учитель, не видя его на лекціяхъ очень давно, и желая знать, почему онъ не является, послалъ за нимъ. О. Павелъ не позволилъ Стефановичу пойти къ учителю, но съ бранью и угрозами прогналъ посланного за нимъ и написалъ еще такое дерзкое письмо самому учителю:

„Дому моего служителю свободенъ учиться и не учиться, якожъ онъ не поповской ниже причетнической синѣ, а на дому мой василать нахаль есть противоправно, ибо и я въ случаѣ чимъ либо не погрѣшилъ, а кромѣ того онъ мой служитель ученіе свое по препорції его ума въ дому моемъ проходить, а не какъ у васъ сискуется (взыскивается) певѣ чрезъвичайно, тако окупациіи и ексерцизіи безъизиснително. Въ семъ прошу на мене не гнѣваться и мене въ пріязни своей содержать и къ случаю какому-либо не привѣстъ, ибо я вашей пречестности одолѣжалъ неясогда неотмѣнны пребить тако“ (подпись).

Но профессоръ грамматики былъ не тотъ, что инфімы. Онъ попытался о. Павла „привѣстъ къ случаю“, отдавъ его письмо, какъ пасквиль, префекту, и рассказалъ о поводѣ къ такому письму... Теперь поднялся духомъ и учитель инфімы, и онъ рассказалъ префекту о своемъ столкновеніи съ о. Павломъ. Префектъ, взявъ оба письма о. Павла, пропроводилъ копіи съ нихъ Кіево-Подольскому протопопу, прося успокоить о. Лобка въ его дѣйствіяхъ „въ обиду академіи“.

V.

Рысая въ голодные минуты по городскимъ улицамъ съ протянутыми руками и унылымъ „спѣваньемъ“ и иногда ничего почти не получая, кромѣ обидныхъ насмѣшекъ и грубой браны (ежедневное павязчивое попрошайничество голодныхъ бурсацкихъ ватагъ едва-ли было по душѣ малодостаточнымъ изъ кіевскихъ обывателей), бурсаки, чтобы какъ-нибудь утолить свой голодъ, *волей-неволей* прибѣгали къ *воровству*. Огъ никъ въ этомъ случаѣ временами не отставали и сотоварищи, ютившіеся по церковно-приходскимъ школамъ, у которыхъ (хотя материальный бытъ ихъ въ общемъ и былъ сравнительно лучше бурсацкаго) порой тоже не становило хлѣба съ водой. Академическое начальство смотрѣло на такие подвиги студентовъ, кажется, довольно снисходительно, вѣроятно, въ той успокоительной мысли, что безъ этого, дѣйствительно, нечѣмъ иной разъ прокормиться голодающему труженику науки¹⁾. (Впрочемъ, если студентъ воровалъ у студента же или вобще неосмотрительно, нѣ умѣя „скрыть концы въ воду“, то „по обикновенію академѣйскому“ онъ бывалъ „нешадно“ наказываемъ „подъ оглашеніемъ звонка школьнаго“ и „выекслюдовываемъ“ изъ святилища науки). И воровское ремесло у студентовъ чуть ли не возведено было въ систему, поставлявшую особенно пріятнымъ обыкновеніемъ „ночную добу“, связанную съ разнообразными похожденіями и... разбойническими приключеніями. Не даромъ одинъ московскій ста-рецъ, проѣзжавшій въ 1701 году чрезъ Кіевъ въ Іерусалимъ, только и сказалъ о студентахъ: „Въ Кіевѣ пікольниковъ очень много, да и воруютъ очень много,—попущено имъ отъ митрополита (!?). Когда имъ кто понадокучить, тогда, пришедши ночью да укошаютъ хозяина, а съ двора корову или овцу

¹⁾ Заключаемъ такъ по тому спокойному тону, съ какимъ ректоръ академіи архим. Давидъ Нащинскій (въ своемъ доношеніи митроп. Тимоѳею Щербацкому въ 1757 г.) замѣчалъ о гибельности бурсацкихъ „запазухъ“ для „живности“ Братскаго монастыря. См. Акты Кіево-Брат. училищ. мон. и академіи, собран. В. Аскоченскимъ, т. II, д. № 21.

своловутъ; нѣтъ на нихъ суда! Скаредно сильно очень пощущено воровать, пуще московскихъ солдатъ "...¹⁾.

Правда, 8-го декабря 1769 года Киевская духовная консисторія особымъ указомъ запретила, „чтобъ какъ киевской академіи студенты, такъ и приходскихъ церквей живущіе по школамъ школники въ ночное время не шатались и дракъ и другихъ беспорядковъ не чинили“²⁾.

VI.

Постоянный гнетъ материальной нужды, отсюда ежедневная необходимость всячески (честнымъ и безчестнымъ путемъ) промышлять о кускѣ насущнаго хлѣба, не особенно манили бѣдныхъ студентовъ селиться въ бурсѣ и приходскихъ школахъ. Многіе предпочитали для спокойнаго препитанія въ дни своего академического образованія служить у кого-нибудь... И нужно замѣтить, въ выборѣ себѣ службы студенты не разбирали, будучи готовыми исполнить самыя черныя работы. Такъ, въ 1733 году риторъ Романъ Антоновичъ у священника Якова Жураковскаго „гной возилъ, коны пасъ, дрова рубиль, коляску погоняль“³⁾.

¹⁾ См. Описаніе Киева Ник. Закревскаго. Москва. 1868. стр. 78; срав. Лизевъ Опис. рукописей, принадл. библ., Чернигов. Дух. Семин. № 266, стр. 179—180.

²⁾ Этотъ указъ былъ вызванъ просьбою киевского генераль губернатора Федора Войкова къ митр. Арсению Могилянскому сдѣлать распоряженіе, чтобы студенты не шатались по ночамъ (30 ноября 1769 г.), потому что онъ—генераль губернаторъ (по доносу генераль-поручика фонъ-Сиверса, что на Подолѣ 21 и 23 ноября „воинскихъ чиновъ два тѣла убитыхъ и безчеловѣчно ободраныхъ найдено, а къ тому же и въ бои почти до смерти“ одного солдата подольскимъ изѣцами съ школьниками Царе-Константиновской церкви) „къ крайнему огорченію .. не безсумнительства состоятъ“ на студентовъ киевской академіи, „что по ночамъ шатаютца“.

³⁾ Такую низкую службу и вѣсколько лѣтъ вѣс Антоновичъ у Жураковскаго, своего шурина, получившаго за его сестрою Притисскую парожію, и (предъ женитьбою) „до школъ“ и „до совершенного возраста всякие потребности до наукъ надлежащіе давать ему“!. И стъ своею участью, какъ „наймита“, Антоновичъ, быть можетъ, еще и изиралъ бы, если бы Жураковскій давалъ ему „на панѣрѣ“ и на одежду приличную ритору, а главное, если бы не ругалъ всегда и вѣ выгонялъ, накопецъ, совсѣмъ изъ двора... Тутъ уже терпініе Антоновича лопнуло: онъ затѣялъ съ Жураковскимъ судебный процессъ. Хотя на слѣдствіи Жураковскій давалъ показанія не въ пользу Антоновича. (Жива прѣ иѣ, говорилъ Жураковскій, Антоновичъ уходилъ

Конечно, независимо отъ рода работъ, служба часто несла студентамъ много разныхъ невзгодъ. Однѣ изъ нихъ создавались тѣми столкновеніями, въ какія поставляла служба, другія же навлекались и ими самими. Напримѣръ.

Въ 1750 году риторъ Антоній Гонтковскій жилъ у ключника Братскаго монастыря іеродіакона Кирилла, „послуговуя ему, дабы за то имѣть при ученіи... препитаніе“. 18-го октября въ обѣдній часъ архимандритъ Братскаго монастыря (онъ же и ректоръ академіи) Сильвестръ Ляскоронскій послалъ къ ключнику своего служителя Дороша за пивомъ и медомъ для стола... Ключника въ это время не было дома, почему Гонтковскій отправился въ ледникъ съ Дорошемъ и „наточилъ въ двѣ коновки пива и меду“... Дорошъ началь просить у Гонтковскаго и себѣ выпить меду. Гонтковскій, уже не разъ получавшій приказаніе „не упоявать Дороша“, не далъ ему, говоря: „я тебѣ не силенъ дать“. Дорошъ „самъ вхвата вѣдерко мѣдное зъ медомъ“, сталь пить... Гонтковскій у него отнимать..., а Дорошъ „тѣмъ мѣднымъ вѣдромъ“ такъ хватилъ его по головѣ, что онъ и „въ недоумѣніи сталъ (sic!): изъ головы хлынула кровь!..

Гонтковскій, весь въ крови, примчался къ префекту академіи Георгію Конисскому, прося его ходатайства предъ рек-

куда хотѣлъ, часто дома не ночевалъ, къ обѣду иной разъ являлся вечеромъ; когда а начинай его за это наказывать, онъ грубо отвѣчалъ: „вольно ииѣ куда ходить, тобѣ дѣла нема!; „люжу“ таіну въ моемъ домѣ „на прикрость“ ииѣ и домашнимъ, и т. и.. Изъ своего дома я не выгонялъ, но онъ самъ ушелъ въ (Притисскую) школу, и здѣсь „самоволно великие роспусти и своеюль дѣлаеть, по ночахъ зъ школьнами ходачи и упиваючися... для которыхъ своеюль въ школѣ (академіи) оставилъ, отъ самой средоностиней недѣлѣ до школѣ не ходить (а показаніе Жураковскій даваль 1-го мая)... „не хочетъ учитися“, а между тѣмъ „не контентовался такими сукнами, якіе я по возможности свой спрапляю ему“), однако Конисторія въ виду обязательства Жураковскаго предъ женитьбою его на сестрѣ Антоновича, предписала, чтобы онъ съ риторомъ Антоновичеѧ обходился лучше и чтобы, „понеже Антоновичъ приходитъ въ совершеній возрастъ и уже въ научѣ реторики... старался о немъ сукнами добрыми, чтобы его Антоновича люде стали узнаватъ“. Послѣднее довольно характерно!

Этотъ риторъ Антоновичъ, кажется, былъ позже священникомъ при Притисской церкви и въ 1741 г. заявилъ себя сильнымъ авторагнізмомъ съ тѣмъ же Жураковскій по поводу поселенія студентовъ въ Притиской школѣ.

торомъ „за обиду и увѣчче“. Конисский сейчасъ же съ нимъ вмѣстѣ отправился къ архимандриту Ляскоронскому. Чѣо говорилъ Ляскоронскій Конисскому, не знаемъ; только Конисский, вышедши изъ его келіи, посѣтовалъ остававшему въ прихожей Гонтковскому „отходить въ бурсу“, потому что ректоръ „его—изувѣченного винитъ“¹⁾.

VII.

Въ 1753 году синтаксистъ Петръ Тросцянецкій состоялъ „въ службѣ“ у священника Кіево-Подольской Воскресенской церкви Стефана Шпанскаго. Шпанскій былъ человѣкъ достаточный и имѣлъ даже собственный хуторъ. 14-го августа по какой-то надобности онъ отправилъ въ этотъ хуторъ Тросцянецкаго („на возку едною лошадью“), при чемъ для веселаго пути „напоилъ его горѣлкою и „для всякой потребы“ снабдилъ ножемъ.

„Пяній“ Тросцянецкій, проѣзжая „чрезъ Плоское“, встрѣтился съ подданными Кирилловскаго монастыря и завязаль съ ними живой разговоръ... Бесѣда мало-по-малу перешла въ ссору, и монастырскіе подданные принялись бить Тросцянецкаго „коллемъ“... Синтаксистъ, не ожидавшій такого сюрприза, быстро спрыгнулъ съ телѣги и ножемъ нанесъ три раны въ плечи Герасиму Лялченко!.. Товарищи Лялченко, разумѣется, не могли этого простить и, поймавъ Тросцянецкаго, потащили его вмѣстѣ съ лошадью къ игумену Кирилловскаго монастыря. Игуменъ посадилъ Тросцянецкаго „въ тюрму“, увѣдомилъ о случившемся Шпанскаго, приглашая его явиться въ монастырь „для вирученія“ всего арестованнаго...

Шпанскій прїхаль. Игуменъ требуетъ у него „надлежащаго, по силѣ правъ, за учиненіе Тросцянецкимъ ножемъ раны подданному, платежа“...

Шпанскій отказывается платить за побои, нанесенные Тросцянецкимъ „въ запальчивости“.

¹⁾ 27-го октября Гонтковскій подавалъ обо всемъ этомъ доношеніе митр. Тимоѳею Щербакову и, вероятно, остался не при чёмъ

Перспектива тюрмы приводить въ отчаяніе ничего не имѣющаго синтаксиста, и онъ самъ умоляетъ Шпанскаго уплатить игумену, сколько слѣдуетъ, обѣщаю все возвратить.

Послѣ долгаго раздумья Шпанскій далъ, наконецъ, игумену три рубля.

Находя такую сумму малою, игуменъ наказалъ Тросцяненцкаго, „по убожеству“ его, „плѣтю до пятидесяти ударовъ“ и затѣмъ отпустилъ его съ Шпанскимъ, отдавъ и лошадь и коляску.

Пріѣхавши домой, Шпанскій, чтобы гарантировать свои три рубля, забралъ у Тросцяненцкаго „скриньку (сундукъ) со всѣмъ бѣднимъ имуществомъ“ его себѣ въ залогъ и держалъ, пока тотъ не отдастъ ему долга. (Одинъ рубль, впрочемъ Шпанскій „отпустилъ“ Тросцяненцкому, а взялъ лишь два)...

Чрезъ долгое время Шпанскій осмотрѣлся, что въ домѣ нѣть того ножа, который онъ когда-то давалъ Тросцяненцкому,— ножъ этотъ былъ забытъ въ Кирилловскомъ монастырѣ,— и забралъ у него „кунтишъ новій сукна семигривенного“.

Тросцяненцкій нѣсколько разъ ходилъ къ игумену Кирилловскаго монастыря, но ножа не нашлось.

Прошелъ почти цѣлый годъ. Кунтуша Шпанскій не возвращалъ, и Тросцяненцкій подаль на него (18 іюня 1754 г.) прошеніе въ Консисторію, чтобы она заставила его отдать ему— Тросцяненцкому, какъ человѣку нищему, заграбленній кунтишъ>.

Просьба осталась, вѣроятно, безъ всякаго результата, потому что синтаксической учитель іером. Феофиль на прошеніи Тросцяненцкаго сдѣлалъ такое „свидѣтельство“: „ученикъ синтаксисы Петръ Тросцяненцкій въ учениіи средственъ, въ постоянствѣ малоисправенъ“¹⁾.

Приведенныхъ нами эпизодовъ, пожалуй, и достаточно, чтобы имѣть приблизительно вѣрное представление о той горемычной жизни, какую приходилось вести въ борьбѣ съ нуждою

¹⁾ Дѣлать аттестаціи на прошеніяхъ студентовъ было обыкновеніемъ академіи.

нѣкоторымъ бѣднѣйшимъ студентамъ старой кіевской академіи, той жизни, гнетъ которой *самъ по себѣ*, независимо отъ другихъ условій, иногда *невольно* толкалъ многихъ изъ нихъ на путь порока и преступленія. О тяжести этой жизни съ паѳосомъ говорять и историки кіевской академіи—іером. Макарій и В. Аскоченскій, стараясь и сами изумиться и другихъ заставить благоговѣйно преклониться предъ величиемъ духа прежнихъ студентовъ, терпѣвшихъ нужду и голодъ во имя науки и знаній¹⁾). Но они (изъ чувства ли признательности къ имени своей *alma mater*, или изъ почтенія къ памяти своихъ старшихъ собратій—дѣтей одной и той же воспитательницы) ни словомъ не оговариваются о томъ, какъ печально отражался неприглядный матеріальный бытъ такихъ бѣдняковъ на ихъ моральномъ состояніі...

Значительное число бѣднѣйшихъ студентовъ академіи составляли либо круглые сироты, иногда съ самой колыбели не имѣвшіе необходимаго воспитательного надзора за собою, либо дѣти людей низшаго сословія, чуждаго и представлія о правильномъ нравственномъ воспитаніи ребенка. (Бѣднякъ студентъ непремѣнно былъ или „сынъ мужичій“, или „сынъ козачій“, или „сынъ шляхетскій“). Поступая въ академію съ сомнительными нравственными задатками, они нуждались въ самомъ внимательномъ воспитаніи.

Но могла-ли дать его академія?

Ректоръ, всегда неспій обязанности настоятеля Братскаго монастыря, и префектъ, при томъ числѣ студентовъ, какое тогда бывало въ академіи (до 1000 и болѣе человѣкъ), конечно, не могли принимать близкаго и непосредственнаго участія въ дѣлѣ воспитанія... Учителя, изъ которыхъ каждый считался ближайшимъ воспитателемъ своей школы (класса), такъ же мало могли

¹⁾ Намъ кажется, что *не исключительно* во имя науки, свѣточъ которой, былъ не особенно силенъ тогда въ академіи, студенты носили разныя лишенія... Вѣдь и виѣ академіи многими изъ нихъ пришлось бы влечь не болѣе лучшую жизнь, чѣмъ крохоборцамъ,—особенно круглымъ сиротамъ и дѣтямъ „мужичимъ“...

успѣвать: они были болѣе заняты прямыми обязанностями—составленіемъ лекцій, пересмотромъ ученическихъ тетрадей и т. п. Разныя должностныя лица изъ студенческой среды, помогавшія учителямъ, конечно, были не воспитателями, а лишь наблюдателями...

Съ другой стороны, самая морально - воспитательная система академіи XVIII в. была-ли, въ самомъ дѣлѣ, воспитательною?

Вся эта система держалась на розгѣ, которою воспитатели пороли своихъ питомцевъ, иногда забывая и мѣру и пощаду... Экзекуція практиковалась не только какъ кара за проступокъ, но и какъ средство добиться признанія отъ заподозрѣнаго, и какъ средство предостереженія отъ зла невинныхъ („чтобъ и другимъ не повадно было“)... Сѣкли виновныхъ и „келейно“ (въ келіяхъ педагоговъ), и „публѣчно“ (среди бурсы и академического двора)... Мѣры же внушенія, воздействиа на умъ и чувство питомцевъ, „доброправніи увѣщанія“ были слабы...

Разумѣется, такой суровый воспитательный режимъ (замѣтимъ кстати, что иногда въ академіи такъ сѣкли студентовъ, что они подплывали собственою кровью) если и удалялъ въ студентахъ одно зло, то поселялъ другое, воспитывая въ нихъ страхъ, желчное озлобленіе, жестокость. Особенно это нужно сказать о публичномъ наказаніи, дѣлавшемъ студента предметомъ язвительныхъ насмѣшекъ и болѣзеннаго позора какъ между своими товарищами, такъ и между лицами, не принадлежавшими къ академической корпораціи, въ присутствіи которыхъ иногда производилась экзекуція... Озлобляя наказываемыхъ, розга озлобляла и наказывавшихъ, роль которыхъ исполняли студенты же...

Такая система, понятно, легко рождала „дѣтей неподбѣдимой злобы“.

Лишенному вліятельного воздействиа со стороны начальниковъ и наставниковъ, съ ихъ мало удовлетворительной воспитательной системой, студенту оставалось подчиняться примѣру своихъ товарищъ и той среды, вращаться въ которой ему приходилось.

Примѣръ товарищества, за малымъ исключеніемъ, не могъ быть благимъ.

Сравнительно благовоспитанными студентами въ то время были дѣти людей „посполитыхъ“, сановитыхъ и именитыхъ. Но они держали себя въ сторонѣ отъ своихъ бѣднѣйшихъ и низшихъ по сословному происхожденію сотоварищей, смотрѣли на нихъ съ пренебреженіемъ, какъ „паничи“ на „хлопцевъ“. Иногда они брали къ себѣ товарища изъ этихъ хлопцевъ за служителя, кормили его, поили, одѣвали, но сближенія съ нимъ, какъ равнымъ себѣ, не допускали. (Это явленіе, вполняющее свойственное вѣку крѣпостного права, поддерживалось и академическимъ начальствомъ. Сами профессора выдѣляли „паничей“, какъ особый привилегированный классъ, изъ ряда прочихъ студентовъ даже офиціально, въ дѣловыхъ бумагахъ. Вѣроятно, тутъ вліяла „знатная консолація“, съ которой „паничи“ являлись къ пимъ изъ домовъ, да „водка и прочій напой“, которую они „обсылались“ отъ отцовъ „паничей“...). Значитъ, бѣдняку студенту оставались въ примѣръ лишь подобные ему, отъ которыхъ онъ постепенно научался „мирковать“, воровать и т. п.

Среда, въ которую, какъ болѣе достаточную, иногда попадалъ студентъ, была низка (мѣщане, крестьяне, солдаты, дьяки), грубая; заимствовать отъ нея что-либо добroe не приходилось, а дурнаго сколько угодно.

Расскажемъ случай—другой, чтобы видѣть, съ кѣмъ и какія иногда столкновенія бывали у студентовъ (имѣемъ въ виду бѣднѣйшихъ ихъ нихъ) внѣ академіи, и судить, какъ могли вліять на нихъ эти столкновенія.

VIII.

Въ срединѣ января 1749 года студентъ Феодоръ Ольшанскій направился въ село Карпиловку, въ гости къ тамошнему „мужику“ Григорію Морозу, съ сыномъ которого онъ когда-то былъ сотоварищемъ, „трактовалъ въ академіи подъ Сломянскимъ школу философію¹⁾.

¹⁾ Гедеонъ Сломинскій состоялъ профессоромъ философіи въ 1745—7 гг.

На дорогѣ Ольшанскій сошелся съ діакономъ Андреемъ Осовскимъ, путешествовавшимъ („при писаніі катедральному“) на заточеніе въ Моровскій скитъ.

Осовскій, жалобно повѣствовавшій о злоключеніяхъ своей судьбы, такъ понравился Ольшанскому, что Ольшанскій предложилъ ему раздѣлить съ нимъ компанію въ посѣщеніи Мороза.

Діаконъ согласился.

Морозъ, мужикъ хлѣbosольный, довольный высокимъ посѣщеніемъ, не зналъ, какъ и принять такихъ гостей.. Что только было у него, все тащилъ на столъ и, разумѣется, больше всего заботился о томъ, какъ бы ублаготворить ихъ крѣпкою „чаркою“...

Подкрѣпившись, діаконъ отблагодарилъ любезнаго хозяина и простился съ нимъ, желая, по пути въ скитъ, завернуть на минуточку къ своему знакомому—„городничему“ (нѣчто въ родѣ управляющаго или эконома) села Карпиловки. (Карпиловка принадлежала Братскому монастырю).

Ольшанскій вызвался проводить его.

Довольно спрятный домикъ—„дворецъ“ городничаго—монаха Іоакинеа Храновскаго стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ села.

Студентъ, разогрѣтый виномъ, захотѣлъ зайти вмѣстѣ съ діакономъ познакомиться съ городничимъ, который, судя по словамъ діакона, и самъ любилъ выпить и другихъ умѣлъ угостить...

Оба—діаконъ и студентъ—уже „панії“, входятъ „въ ганки“ дворца.

„Въ дому ль городничій?“ спрашиваетъ Ольшанскій у встрѣтившаго ихъ хлопца—камердинера о. городничаго.

— „Нѣтъ!“ отвѣчаетъ хлопецъ.

— „А можетъ, въ дому?“

Хлопецъ снова даетъ отрицательный отвѣтъ.

Видя, что Ольшанскій все-таки не удаляется, хлопецъ,—тоже бывшій на-веселѣ,—пускается въ догадки, чтобы ему—Ольшанскому нужно отъ городничаго: подаяніе или кутежъ...

На это Ольшанскій ему замѣчаетъ: „я пришолъ до городничаго не требовать, ни упиватись!.. Да когда хочетъ городничій, то въ мене нехай позичить сто рублей денегъ!“

Хлопецъ засмѣялся и погрозилъ Ольшанскому, что городничій задалъ бы ему за такія слова, еслибы услышалъ.

,,Я, отвѣчалъ Ольшанскій, городничому кожу отпору батожемъ, и совсѣма вижену вонъ, а самъ житиму въ дворцѣ, ибо се маєтность Карпиловка не есть Братскаго монастыра, но студенская!“

Хлопецъ еще больше разсмѣялся и началъ уже бранить не въ мѣру расхрабрившагося студента.

Ольшанскій обидѣлся и сказалъ хлопцу замолчать, „не произносить болше въ безчестіе неучтивые слова“, угрожая въ противномъ случаѣ „вдарить“ его.

Послѣ этого хлопецъ выгналъ вонъ посѣтителей...

Вечеромъ, послѣ солнечнаго заката, воротился домой и о. городничій. Первымъ долгомъ онъ освѣдомился у хлопца, не было ли, въ его отсутствіе, какихъ-либо посѣтителей.

„Приходиль якійсь попъ или дяконъ зъ якимъ студентомъ... оба пянії,“ отвѣчалъ хлопецъ, подробно передавая, какъ курьезъ, всѣ рѣчи студента.

О. городничій, человѣкъ не далекій, но монахъ надменный, рѣчи студента, брошенныя имъ въ присутствіи слуги, счелъ задерзкую обиду для своего высокаго достоинства...

На другой день, развѣдавъ, что студентъ еще у Мороза, о. Храновскій послалъ за нимъ своего слугу.

Это было еще очень рано, и Ольшанскій еще спалъ.

Слуга ожидалъ его пробужденія и не возвращался къ городничему. Городничій, теряя терпѣніе, послалъ еще троихъ слугъ.

Ольшанскій, послѣ хорошаго угощенія Мороза, спалъ глубокимъ сномъ...!

Наконецъ, набралась уже полная изба народу, присланного за Ольшанскимъ.

Пробудился и Ольшанскій.

„Приказалъ тебе отецъ городничій прійти къ нему въ дворъ!“ объявили посланные студенту.

Ольшанскій въ недоумѣніи, какъ быть.

Двое изъ присланныхъ за нимъ, не давая ему раздумывать долго, взяли его за руки и „насильно“ потащили изъ избы. „Въ

съняхъ“ одинъ изъ нихъ хватилъ его „кулакомъ въ потилицю,“ а другой—„въ бокъ“ и, съ плѣтми въ рукахъ, потащили его ко дворцу городничаго, тормоша за руки, чтобы живѣе двигался.

На встрѣчу вышелъ самъ о. городничій, уже хорошо выпившій¹⁾. „Ти, сякій и овакій сину, закричалъ онъ на Ольшанскаго, дѣлалъ на мене похвалки!“ И съ этими словами трижды такъ ударилъ его „по головѣ палицею, ажъ палица переломалась,“ затѣмъ, взялъ его „за волоса и, пригнѣставъ до землѣ..., приказалъ сподніе стягнуть, а по едной кошулѣ бить двома плетма...; и дано вдаровъ болше пятдесяти“...

Послѣ такого пріема, Ольшанскій былъ введенъ въ комнаты. Городничій сталъ его угощать: „едною рукою за волосы таскать, а другою по щокахъ бить“.

Потомъ, отобравъ у Ольшанскаго денегъ „сѣмъ золотыхъ,“ вожикъ складаній, пушечку мосенежную, платокъ полотняній бѣлій зъ заполочными засновками и ручникъ полотняній зъ засновками заполочными“, снявъ съ него „лѣберію суконную блакитную притертую, каeanъ китаевій зеленій притертій, юпку вибойчаную, поясъ шерстяній пестрій, убранне сукенное зеленое, кошулю полотняную, чоботи козловіе, шапку бараначу чорную,“ городничій приказалъ одѣть его въ „чорную свиту“ и „въ двѣ колодки обѣ ноги забить ему...“

Ольшанскій обливался слезами и молилъ городничаго о пощадѣ...

„Не я то говориль, оправдывался онъ во вчерашнихъ рѣчахъ, но хмѣль мой!..“

„Хочъ у смерть убю, не болѣе какъ сто рубліовъ заплачу!..,“ отвѣчалъ ничѣмъ, очевидно, не смущаемый отецъ городничій и, давъ Ольшанскому нѣсколько ударовъ „барбарами,“ потащилъ его на дворъ, при чемъ по пути, въ съняхъ, колотилъ еще „палицею въ спину“ и „въ здовжъ (вдоль) по спинѣ,“ пока не сломаль палицу...

¹⁾ Ольшанскій „отъ людей чулъ многихъ: когда бъ не билъ городничій палицей, тобъ не дѣлалъ таковыхъ продерзостей,“ какихъ онъ натворилъ надъ нимъ.

Подъ такими ударами онъ довелъ Ольшанского до ледника и здѣсь вручилъ ему „сокѣру,“ приказывая „набивать лодъ въ ліодовню.“

Четыре часа полуодѣтый, съ босыми ногами, Ольшанскій работалъ въ леднике!

Городничій тѣмъ временемъ уже отобѣдалъ и отдохнулъ. Вспомнивъ о работавшемъ студентѣ, онъ послалъ за нимъ двухъ человѣкъ немедленно привести его въ келію.

Посланные сжалились надъ измученнымъ, избитымъ и озябшимъ юношемъ и совѣтовали ему по пути изъ ледника: „прійдешь,—цѣлуй городничого въ ноги: онъ тебе помилуетъ и надаритъ!..“

Войдя въ келію, Ольшанскій, дѣйствительно, бросился въ ноги городничему, прося „помиловання“.

Но городничій гремѣлъ: „я тебе не такъ помилую еще!“ И что же?

Снявъ съ Ольшанского „чорную свиту“ и облекши его „въ свиту бѣлую короткую, сорочку полотняную долгую новую, чоботи яловичіе пришиби, и баранью бѣлую шапку,“ онъ велѣлъ Ольшанскому „на землю положитись,“ а слугамъ—сѣчь его „плѣтю“.

Еще двадцать ударовъ получилъ несчастный студентъ! Вся спина его была такъ изранена, что сорочка, покрывавшая ее, оказалась „окривавлена частими знаками отъ ковмѣра (воротника) до рубца на полѣ защитного, не доходя пядей на двѣ!“

Но это еще не конецъ.

Городничій, оставилъ у себя все имущество Ольшанского, его самого приказалъ тремъ человѣкамъ „вести зъ двора за браму,“ при чемъ, „на улицу вибѣгши прогонную кричаль: бйтите добре!“

Провожатые, повинуясь такому велѣнію, таща Ольшанского „чрезъ все село,“ „били его въ шию во всенародное поруганіе и крайнее увѣтче на здоровью!“ И только, выведши его за село съ жестокимъ церемоніаломъ, отпустили „зъ притверженiemъ, чтобъ болшъ не корочался въ село Карпиловку...“

Такъ познакомился Ольшанскій съ о. Храновскимъ!

Правда, и о. Храновскому такое знакомство не прошло даромъ: оно ему стало въ 38 рублей.

Дѣло въ томъ, что Ольшанскій завелъ судебный процессъ съ Храновскимъ. Сначала, 20 января, онъ обратился съ жалобою на о. городничаго къ архим. Братскаго монастыря Сильвестру Ляскоронскому. Ляскоронскій, ректоръ безучастный къ своимъ студентамъ, передалъ его жалобу собору монастырской братии. Соборъ, 25 февраля, пригласивъ обѣ стороны, предложилъ имъ примириться, при чемъ намѣстникъ братск. мон. Феодосій Козельскій, стоявшій, безъ сомнѣнія, за своего городничаго, даже,, принуждалъ“ Ольшанскаго „взять здертую у него городничимъ одежду и страшаль боемъ, дабы принялъ, обѣщалъ Ольшанскому, въ случаѣ примиренія, дать рубль (!) денегъ“ и т. п... Ольшанскій, видя, что судъ такой совершается „въ явную понаровку“ городничему, котораго и намѣстникъ отпустилъ въ Карпиловку съ успокоенiemъ: „ми зъ монастыра за тебе отвѣтствовать будемъ“, обратился къ митрополиту. Митрополитъ сдѣлалъ запрѣсъ Ляскоронскому. Ляскоронскій обвинилъ Ольшанскаго! Храновскій, писалъ онъ митрополиту, поступилъ съ Ольшанскимъ жестоко потому, что у послѣдняго не было паспорта... Соборъ братіи не дѣлалъ Ольшанскому „наругательства и похвалокъ“, и показаніе Ольшан., что ему предлагали рубль „за безчестіе,“—„неправедное,“ и потому онъ „безпорядочно да и напрасно“ утруждаетъ митрополита... Ольшанскій представилъ митрополиту опроверженіе такого показанія Ляскоронскаго. Ляскоронскій замолчалъ, что доказало митрополиту, что Ольшанскій правъ; и митрополитъ, желая его удовлетворить (а онъ „въ крайное убожество пришелъ, ибо... не токмо зъ чоботъ, но и з одѣжди всю позичалъ въ людей,“ такъ какъ городничій все у него отнялъ), поручилъ произвести дознаніе лицамъ, незaintересованнымъ въ дѣлѣ,—строителю Моровскаго скита іером. Іосифу Брылѣнскому и тамошнему городничему—іером. Мелетію Василевскому.

19-го мая они произвели обстоятельное дознаніе и склонили Ольшанского къ миру съ Храновскимъ. Послѣдній уплатилъ Ольшанскому 38 руб. и возвратилъ всѣ отнятыя вещи.

IX.

Третьяго октября 1751 года два студента академіи—філософъ Андрей Случанскій и Максимъ Бѣлоцерковецъ собрались навѣстить свящ. села „Троечину“ чтобы взять у него кое-какія обѣщанныя имъ книги.

Путь имъ въ это село предстояль по Днѣпру, и они направились „на Притику до караулу при лазаретѣ состоящему“ нанять тамъ кого-либо изъ караульныхъ солдатъ свезти ихъ „дубомъ“ (лодкою) въ село.

Караульные отказались, а вызвались стоявшіе немнога дальше караула солдаты, „на байдаки“ пріѣхавши „съ Печерска на Притику“ за сѣномъ.

Солдатъ этихъ было много, и всѣ они были „подпиліе.“ Студенты, не знаяше ихъ, не рѣшались съ ними отправиться, но, сообразивъ немного, предложили: „буди два или три человѣка въ васъ повезти настъ схочете, то можно поѣхать зъ вами, а со всѣми вами єхать не хочемъ!“ И изъ толпы выдѣлилось только три человѣка, которые условились доставить студентовъ въ село за двѣнадцать копѣекъ и „кварту горѣлки.“

Сейчасъ же купили студенты въ Притискомъ „шинку“ кварту горѣлки, взяли ее съ собою „въ дуба“ и тронулись въ путь. Но солдаты, отчаливъ отъ берега, воротились назадъ „къ байдаку“ и кликнули къ себѣ двухъ товарищѣй „въ дуба.“

Студенты, видя нарушеніе своего договора, вступили въ пререканіе съ солдатами—своими извозчиками, и, вѣроятно, стали даже дерзко бранить ихъ.

Солдаты только пересмѣхались между собою да перешептывались...

Быстро перегнавъ лодку чрезъ Днѣпръ, солдаты вышли на островъ и закричали студентамъ немедленно выходить изъ „дуба.“

Случанскій поднялся первымъ и лишь поставилъ ногу на берегъ, одинъ изъ солдатъ ухватилъ его за волосы и началъ „разбойнически“ колотить его и ногами и веслами! Другой уцѣпился за Бѣлоцерковца, ударили его „друкомъ въ голову“ и потащилъ по землѣ!

Долго издѣвались солдаты, впятеромъ, надъ двумя студентами! Ободрали ихъ почти до нитки. Такъ, у Случанскаго „содрали лѣберію суконную синюю подъ черными смушами, юпку китаевую, штани суконніе, чоботи, панчохи, шапку, рубашку, поясъ,“ отняли денегъ „тринадцать рублей сѣлниихъ и дробныхъ до тридцати копѣекъ“; у Бѣлоцерковца сняли „коужухъ, черкеску зеленую суконную, каeanъ бѣлій полотняній“ и заграбили послѣдній рубль!..

Къ счастью, ни у кого не оказалось ножа.

Солдаты и тутъ нашлись: связали обоихъ студентовъ, положили ихъ въ лодку и повезли на другой островъ.

„Повеземъ на другой островъ, тамъ будемъ батожжемъ быть, а послѣ потопимъ!.. Нехай раки ловлять!“ разсуждали они, приготовляя студентовъ въ гости къ вѣчности.

Съ замирающимъ сердцемъ слушали избитые студенты свой смертный приговоръ...

Бѣлоцерковецъ кое-какъ освободилъ отъ веревки свои руки и сдвинулъ ее съ ногъ вмѣстѣ „съ чоботами,“ рѣшивъ бѣжать, лишь пристанетъ лодка къ берегу.

Въ глубокой темнотѣ осенней ночи солдаты ничего этого не замѣтили.

Берегъ!

Бѣлоцерковецъ, забывъ всю боль побоевъ, какъ заяцъ, выскочилъ изъ лодки и помчался въ кусты густой лозы, покрывавшей островъ.

Солдаты за нимъ, но напрасно!.. Онъ сидѣлъ гдѣ-то, заставивъ дыханіе...

Остался въ лодкѣ Случанскій... Солдаты повезли его еще дальше, на „инній“ островъ... Здѣсь, выволокши его изъ лодки, ударили ему „въ потилицу“ такъ, что онъ упалъ на землю, и, приказавши ему не кричать, угрожая въ противномъ случаѣ умертвить, уѣхали...

Уже была пора „какбы до утренѣ время звонить...“

Случанскій кое какъ очнулся и началъ издавать тяжелый, болѣзненный стоны...

Подулъ холодный вѣтеръ—вѣстникъ близкаго разсвѣта. По Днѣпру вдоль острововъ засновали въ разныхъ направленіяхъ легкіе рыбачьи членоки. Это притискіе рыбаки выѣхали на раннюю ловлю.

Рыбакъ Стефанъ Пиховецъ съ другомъ своимъ различаются какіе-то глухіе звуки..., прислушиваются... Звуки—человѣческие, страдальческие... Подѣвзываются къ острову, откуда неслись они, и начинаютъ искать страдальца... Находятъ нагого философа, умоляющаго спасти, въ Киевъ отвезти...

Выслушавъ всю исторію его страданій, они усадили его въ свой членокъ и повезли къ себѣ домой.

Два другихъ рыболова такимъ же образомъ нашли и привезли Бѣлоцерковца.

Рыбаки немедленно дали знать о найденныхъ студентахъ въ академію. Префектъ Георгій Конисскій сейчасъ же отправилъ богослова Павла Артовскаго и философа Кирилла Фліоринскаго разспросить обо всемъ у найденныхъ и записать показаніе. Потерпѣвшіе все рассказали самымъ подробнымъ образомъ, при чемъ Случанскій не опустилъ указать и на то, что солдаты „съ Притицкаго караулу“ говорили, что поколотившіе ихъ солдаты прѣѣзжали за сѣномъ оберъ-коменданта полковника Костюрина и отѣхали домой уже на разсвѣтъ 4-го числа. Записавъ показаніе, Артовскій и Фліоринскій попросили изъ магистрата имѣнемъ префекта Конисскаго трехъ лицъ и въ ихъ присутствіи произвели „осмотръ“ потерпѣвшихъ. Оказалось, что отъ побоевъ у Случанскаго „голова спухлая, и волоса на головѣ зорваніи, правое око подбитое до кривѣ, рука правая криваво спухлая, на правомъ плечи знакъ болшій еденъ спухлой, на лѣвомъ боку знакъ спухлой еденъ, на плечи лѣвомъ еденъ знакъ болшой красной, на локтѣ лѣвой руки знакъ красно спухлій, на стегнѣ правой ноги знакъ спухлой“;— у Бѣлоцерковца „зъ лѣвого боку голова розбита, отчего рана болшая и вся голова спухлая, ухо розбито до кривѣ, щока спухлая, на лѣвомъ плечи три знаки болшіе красно спухліе, на лѣвой руки знакъ болшій

едень, на шіи знаки три до кривѣ зодратії, съ правой стороны на лопатки два знаки спухліе, отъ плеча правого до локтя рука вся спухлая“.—Показаніе и „обдуцію“ Конисскій представилъ митрополиту; митрополитъ препроводилъ копіи съ нихъ оберъ-команданту; но чѣмъ все окончилось, не знаемъ...

X.

Хотя тає місце звѣрски-кровавыя происшествія, какъ разскажанныя нами, можно считать исключительными (ихъ, однаждѣ, и не мало бывало въ XVIII в.¹), но они даютъ понять, какова вообще была среда, съ которой чаще могъ сталкиваться бѣдный материально и низкій сословно студентъ академіи. Среда эта была грубая, дерзкая, и на студента, соприкасавшагося съ ней, не могла вѣять добрымъ духомъ. Студентъ же (спѣшимъ еще разъ оговориться, что имѣемъ въ виду главнымъ и почти исключительнымъ образомъ студентовъ изъ бѣднаго и низшаго сословія, при чемъ, разумѣется, не устраниемъ возможности счастливыхъ исключеній—хорошихъ явленій и между ними), чуждый благовоспитанности домашней, раздражаемый тяжелымъ гнетомъ постоянной материальной нужды, озлобляемый суровымъ академическимъ режимомъ, легко усвоилъ встрѣчаемое имъ зло и готовъ былъ платить имъ всякому, при малѣйшемъ поводѣ.

• Напримѣръ.

22-го декабря 1764 года магистратскій слуга, кіево-попольскій мѣщанинъ Сидоръ Климовъ пригласилъ къ себѣ студента Кондратія Подгорскаго „для чтенія по умершемъ... младенцѣ псалтирѣ“ (Чтеніе псалтири надъ покойниками было одной изъ доходныхъ статей студентовъ, въ особенности—бурсаковъ), и за что-то,—хорошо не знаемъ²),—въ первый же вечеръ чтенія „побилъ и ограбилъ“ его.

¹⁾ Одно подобное см. въ № 38 „Кіевлянина“ за 1876 г.

²⁾ Самого дѣла объ этой исторіи намъ не удалось отыскать, и о ней мы знаемъ, въ краткихъ чертахъ, изъ постановленія Кіевской Духовной Консисторіи 27 мая 1765 г. о принятіи въ академію філософа Василія Козачинскаго, одного изъ участниковъ бурсацкой расправы съ Климовымъ.

Подгорскій прибѣжалъ въ бурсу и повѣдалъ ея обитателямъ про свою бѣду. Бурса всколыхалась и немедленно, ночью, двинулась въ походѣ на Климова, желая „отмстить“ ему (но „не убить до смерти,“ какъ она объяснила потомъ, при слѣдствії) за Подгорскаго... Притащила Климова къ себѣ и тамъ отпорола его „розгами и плетми,“ что „брюхо и спина его, изсѣчена, вся спухла“. Вышедши послѣ этого изъ бурсы, Климовъ немного протянулся..., упалъ... и на другой день былъ найденъ на улицѣ уже мертвымъ!

Что именно было причиной его смерти: побои-ли бурсы, его-ли хмѣль (а онъ былъ пьянъ), или морозъ зимы, осталось невыясненнымъ; должно быть, все вмѣстѣ...

ХІ.

Тяжелыя условія быта (нужда и голодъ, обстановка, дисциплина) дурно отзывались на чувствахъ студента старой академіи. Они притупляли, дѣлали въ немъ грубыми эти чувства, и подъ ихъ вліяніемъ онъ становился какимъ-то полудикимъ, неуживчивымъ даже въ своей товарищеской средѣ. Деликат-

Этотъ Василій Козачинскій „за взятіе въ бурсу и за бой съ прочими студентами“ Климова содержался „подъ карауломъ“ въ губернскій канцеляріи, какъ назначенный ею въ ссылку „въ Сибирскую губернію для опредѣленія въ какую тамо службу годенъ явится.“

Его двоюродный братъ, Гимназій, іеромонахъ Кіево-Печерской лавры, сталъ ходатайствовать за него и 4-го мая 1765 г. подалъ „челобитную“ въ губернскую канцелярію, прося освободить его отъ ссылки, чтобы онъ имѣлъ возможность осуществить свое желаніе „посвятиться въ духовенство“, по окончаніи академического курса. Канцелярія адресовала къ ректору академіи—архим. Самуилу съ запросомъ: имѣеться ли Козачинскій склонность и надежденъ ли „ко обученію вишихъ наукъ,“ есть-ли у него намѣреніе „по совершенномъ науки обученіи принять духовенство, и—можно ли его снова зачислить студентомъ академіи... Ректоръ далъ утвердительный отвѣтъ... Дѣло губернскій канцелярія передала консисторіи, которая и опредѣлила принять Василія Козачинскаго въ академію, въ виду того, что его нельзя винить „въ точномъ смертномъ убийствѣ“ Климова (умершаго не отъ однихъ побоевъ, но и отъ пьянства и стужи“), а только въ участіи съ прочими студентами въ приводѣ въ бурсу Климова и въ наказаніи его здѣсь.

Случай подобной самоуправной раздѣлки студентовъ съ своимъ непріятелемъ (въ 1746 г.) напечатанъ въ № 28 „Кіевлянина“ за 1876 г.

ности, вѣжливости, взаимнаго уваженія между товарищами не было; были только ссоры, а порой и драки.

Вотъ какъ иногда студенты поколачивали другъ друга. Вечеромъ 17-го марта 1751 года, риторъ Иванъ Ярмолѣнскій, долго простоявъ на берегу Днѣпра любуясь начинавшимся ледоходомъ, въ грустномъ раздумъи направился „улицею отъ Днѣпра“. На встрѣчу ему попадаются „протопопенокъ“ (старшій сынъ кіево-подольского протопопа о. Романа) Иванъ Лубенскій и Василій, служитель маркитанта Ермолы Савеліева, и говорятъ: „поди зъ нами: будеть ловушка!“

Ярмолѣнскій готовъ.

Минувши желѣзную лавку и спросивши тутъ „на жартѣ свѣчокъ продажныхъ“, они втроемъ подошли къ дому мѣщанина Михаила Переїччая, гдѣ „на фортки“ стояла „дѣвка“—слуга Переїччая, и усердно начали „занимать“ дѣвицу...

Вдругъ со двора Переїччая выходятъ два ритора—Павель Навроцкій и Потапъ Мазолевскій. (Риторъ Павель Навроцкій, обучавшійся своего „риторического искусства“,—какъ атtestовалъ его учитель риторики юромонахъ Георгій Щербацкій 19 апрѣля 1751 г.,—„не нерадиво и безъподозрительно“, часто встрѣчался съ Переїччаемъ и такъ ему понравился, что послѣдній не разъ просилъ его бывать у себя. Какъ разъ въ этотъ вечеръ, 17 марта, онъ собрался навѣстить Переїччая и пригласилъ съ собою своего друга-товарища Мазолевскаго. Переїччая они не застали дома и возвращались во свояси)... Кавалеры смущились... Чтобы замять какъ нибудь свой подозрительный разговоръ съ „служебкой“, слуга маркитанта обратился къ Навроцкому съ вопросомъ: „спѣвать-ли подъ этимъ дворомъ намъ—маркитанту: протопопенку и Ярмолѣнскому?“

Навроцкій и Мазолевскій сообразили, что не спѣватъ имъ хочется... и, угадывая тайну ихъ разговора съ „дѣвкой“, расхотались, и отпустили нѣсколько колкостей по адресу такихъ хитрыхъ спѣвателей...

Рыцари „ловушки“ обидѣлись и набросились на своихъ правоучителей...

Навроцкій и Мазолевскій пустились убѣгать обратно въ домъ Перепѣчая. За ними устремились и романические спѣватели.

Двери дома спасавшіеся успѣли захлопнуть и запереть, и преслѣдователи стали бросать „друччемъ“ въ окна, спрашивая, „кто тамъ есть?“

Слуги и дѣти Перепѣчая подняли страшный крикъ, заставившій „гвалтовниковъ“ бѣжать...

Слуга заперла „форту“.

Прошло нѣсколько минутъ.

Преслѣдователи, пустившіе было убѣгать, опомнились, перелѣзли чрезъ заборъ и снова принялись бросать „друччемъ“ въ окна, говоря: „отвори хозяинъ и видай намъ сыхъ студентовъ: понеже мы нарочно присланы за ними отъ префекта!“¹⁾ Затѣмъ, вооружившись „польнами“, ворвались въ избу, поймавъ Навроцкаго (Мазолевскій успѣлъ ускользнуть совсѣмъ) и стали его „бить по щекамъ“. Протопопенокъ сорвалъ съ него „лѣберію“ и пляпну...

Наскоро расправившись такимъ образомъ, „гвалтовники“ стали уходить.

„Отдайте лѣберію!“ завопилъ, догоняя ихъ, Навроцкій.

— „Хто ты?“ дико спросилъ у него, какъ бы и въ самомъ дѣлѣ не знаяшій его, служитель маркитанта.

— „Я студентъ!“

— „Ступай до префекта!“ проговорилъ служитель маркитанскій и схватилъ Навроцкаго „за чуприну“, таща его за „форту“... Тутъ „протопопенокъ“ и Ярмолѣнскій, оба *товарищи*²⁾ Навроцкаго, устремились на своего *коллегу* и такъ „нешадно кулачемъ и польнами рубанцами“ искоили его „по бокамъ и по разнымъ мѣстамъ, а виначе по головѣ“, что у него на головѣ оказалось три раны, глаза были подбиты, лѣвая рука и большой палецъ на правой совсѣмъ перебиты!

¹⁾ Этотъ предлогъ Ярмолѣнскій мотивировалъ при слѣдствії тѣмъ, что они предполагали, что Навроцкій и Мазолевскій, „для безвиннаго якого въ тотъ домъ зайшахъ“.

²⁾ Протопопенокъ лишилъ третій мѣсѧцъ, какъ пересталъ „ходить до риторики“, слѣд., до этого былъ одноклассникомъ Навроцкаго.

Такая картина испугала и ихъ самихъ, и они пустились безъ оглядки удирать...

Навроцкій, однако, не обращая вниманія на нестерпимую боль и струившуюся кровь, „увязался“ за Ярмолѣнскимъ „по мостовой“ съ крикомъ „ратовать!“.

Какой-то солдатъ поймалъ Ярмолѣнского и повелъ его, но Ярмолѣнскій возлѣ школы при Добро-Никольской церкви, какъ будто обижаемый, закричалъ „карауль!“

Изъ школы выскочили студенты... разобрали, въ чёмъ дѣло, и взяли Ярмолѣнского „подъ арестъ“.

19-го числа, по жалобѣ Навроцкаго, префектъ Георгій Конисскій снялъ допросъ съ Ярмолѣнского, 20-го поручилъ двумъ философамъ—Матею Островецкому и Арсенію Бѣлоцерковцу освидѣтельствовать потерпѣвшаго Навроцкаго, и послѣ всего этого передалъ дѣло суду учителей.

„Обще учителями приговорено (было) Ярмолѣнскому за разбой нещадное розгами публично под оглашеніемъ звонка школьнаго учинить наказаніе (яко иной сатисфакціі съ него въ пользу Навроцкаго неможно произвести) и исключовать съ академії“²⁾...

¹⁾ Навроцкій, истратившій на свое лѣченіе 10 рублей, конечно, этимъ не вполнѣ былъ удовлетворенъ: ему желательно было иной „сатисфакціі.“ Но протопопенокъ Иванъ Лубенскій, какъ не ходившій до школьнаго отъ начала 1751 г.,— „внѣ команди академійской“ былъ; равнымъ образомъ вѣтъ академической власти былъ и служитель маркитанта. Поэтому поискивать съ нихъ пришлось долго.

Протопопенокъ уѣждалъ за Десну въ Николаевскій скіятъ и лишь „въ остатнѣхъ числахъ“ Марта, по распоряженію Георгія Конисскаго, былъ приведенъ оттуда „нарочно посыпанними студентами.“ Протопопъ, при нарочно съ академіи посыпанныхъ“ къ нему съ Навроцкимъ, отказался удовлетворить посыпданаго деньгами за побои своего сына, „сказу въ резонъ: мой сынъ еще не отблеваный,“ а предложилъ только „сина своего побить въ домѣ своемъ и для того... были бъ присланы вѣкоторіе студенты съ академіи для свидѣтельства.“ Навроцкій жаловался на него консисторіи два раза. Въ концѣ концовъ, 7 июня, консисторія поставила: такъ какъ Навроцкій издержалъ на свое лѣченіе 10 руб. (въ чёмъ представилъ и свидѣтельство отъ „цилиурка“), то „долженъ ему протопопъ Романъ изъ тихъ денегъ третью часть уплатить, а другой части искать Навроцкаго маркитанту, третью же часть наказаніемъ студента Ярмолѣнскаго удоволіствовано.“

Получилъ ли по этому приговору Навроцкій,—не знаемъ.

ХII.

Слабость нравственнаго воспитанія студентовъ старой академіи сказывалась иногда въ очень грустныхъ явленіяхъ. Въ 1750 году, напр., имѣль мѣсто случай ложной присяги одного студента.

Дѣло было такъ.

Перваго февраля 1750 года богословъ Георгій Зарушкевичъ письменно заявилъ академическому начальству, что онъ, отлучаясь „по нуждѣ своей за Днѣпръ“, занялъ у риторовъ Родзкевичей („господскихъ дѣтей польской области, уизду могилевскаго“) „восьмь червонныхъ“, оставивъ имъ въ залогъ этого свой сундукъ. Возвратившись въ Кіевъ, „скринку“ свою онъ нашелъ „потрушенную“: изъ нея пропало „сукна саетового локотъ пять по два рублѣ локотъ, поясъ персидскій болшой руки, платковъ два, рубашекъ двѣ тонкихъ и простирадло“; почему и просилъ начальство приказать, „кому доведется (по слѣдствію) таковую въ покражѣ обиду пополнить“...

Префектъ іером. Георгій Конисскій принялъ разслѣдывать воровство.

Первымъ долгомъ были допрошены имъ Родзкевичи.

Скринка, оставленная намъ Зарушкевичемъ въ залогъ,— показывали Родзкевичи,—дѣйствительно, потрущена. Но что изъ нея пропало, мы не знаемъ, такъ какъ самъ Зарушкевичъ, оставляя ее, не сказалъ вамъ, что въ ней есть, и мы его объ этомъ не спросили. Не знаемъ и того, кто учинилъ воровство, но подозрѣваемъ въ немъ бывшаго тогда у васъ служителемъ ритора Ярмолѣнскаго, потому что онъ—Ярмолѣнскій „зъ бурси весьма прилежно чрезъ людей просился къ намъ за служителя, обѣщаю и школу остановить“, а потомъ, когда произошла пропажа, въ скоромъ времени ушелъ отъ насъ безъ всякой причины, поставилъ на свое мѣсто своего младшаго брата. Будучи у насъ на службѣ, Ярмолѣнскій показалъ и свое умѣнье отпирать сундукъ Зарушкевича гвоздикомъ. Это было такъ. Старшій изъ насъ—Родзкевичей, тревожась, чтобы не пропали деньги, данные нами въ займы Зарушкевичу (такъ какъ день,

назначенный Зарушкевичемъ для возвращенія, прошелъ), захотѣлъ однажды заглянуть въ его скринку, чтобы увидѣть, есть ли въ ней чѣмъ вознаградить себя, въ случаѣ бы Зарушкевичъ не явился, и сталъ „при домашнихъ“ молоточкомъ бить по замку, которымъ она была заперта. Ярмолѣнскій, замѣтивъ это, предупредилъ, что такъ можно испортить замокъ, и предложилъ свои услуги отпереть его безъ молотка. И дѣйствительно, взялъ гвоздь и сразу отомкнулъ имъ замокъ. (Мы—Родзкевичи посмотрѣли въ сундукъ только сверху и, ничего не перебирая, заперли его снова)... Главное же—у Ярмолѣнскаго, когда онъ со службы отъ насъ перебрался въ бурсу, нѣкоторые бурсаки видѣли „гравенникъ и ножикъ“, пропавшіе у насъ въ числѣ прочихъ вещей, слѣдовательно, онъ склоненъ къ порочному ремеслу.

Былъ призванъ Ярмолѣнскій. Онъ не отрицалъ своего умѣнья гвоздемъ отпирать замки, но о ножикѣ и гравеннике „выводу надлежащаго не далъ“. Поэтому о пропажѣ вещей Зарушкевича „былъ роспрошенъ розгами“. Такъ-же былъ допрошеннъ и его братъ. Но ни тотъ, ни другой не считали себя виновными.

Григорій Конисскій потребовалъ Родзкевичей назвать ему всѣхъ тѣхъ студентовъ, „которіи къ нимъ часто уходили“, чтобы допросить и ихъ. Родзкевичи указали, кроме своего инспектора Матвѣя Морозевича, на богослова Войнаховскаго, ритора Таршевскаго и синтаксиста Филѣповича, присовокупляя при этомъ, что послѣдняго они ни въ коемъ случаѣ не могутъ подозрѣвать въ воровствѣ.

„Въ собраніи учителей“, которые почему-то имѣли хорошее мнѣніе о Морозевичѣ и Войнаховскомъ, было приготовлено, чтобы инспекторъ Морозевичъ, яко домовій Родзкевичей, и Войнаховскій какъ часто бывавшій и даже ночевавшій у нихъ, „присягою отъ пропажи отвелись“, Ярмолѣнскаго же, какъ не свободного отъ подозрѣнія, и Таршевскаго, какъ „явился подозрительнымъ съ поэтикою“, снова допросить „подъ пристрастиемъ“, равнымъ образомъ допросить и „боемъ пострафить“ и Филѣповича, хотя онъ и вѣ

всякаго подозрѣнія. Если уже послѣ этого виновникъ воровства не обнаружится, и Зарушкевичъ подтвердитъ присягою, что поискиваемыя имъ вещи, дѣйствительно, пропали, то обязать Родзкевичей уплатить Зарушкевичу за пропажу (согласно положенію „права малороссійскаго, статута роздѣла 7 въ артикулѣ 30“).

Морозевичъ и Таршевскій „отприсяглись“, Ярмолінскій и Филѣповичъ „не повинились“...

И такъ, воръ не нашелся.

Родзкевичи уплатили Морозевичу, присягою подтвердившему справедливость своего иска, двѣнадцать рублей.

Около этого времени въ Киевѣ по дѣламъ своего заграничного (Витебскаго) Маркова монастыря былъ игуменъ Пчелка (Шшелко). Онъ узналъ про бѣду Родзкевичей (они были съ нимъ знакомы), посовѣтовалъ имъ отратиться къ проживавшему на Подолѣ пятидесятилѣтнему старцу Василію Каллиниченко, сльввшему за знахаря и волшебника, такъ какъ „онъ можетъ тое сдѣлать, что поворованіе вещи воръ самъ собою возвратить“.

Родзкевичи, образованные въ духѣ тогданией академической схоластики, которая едва-ли могла освободить своихъ adeptovъ отъ сказочной настроенности, повѣрили словамъ почтенаго игумена и рѣшили обратиться къ рекомендованному имъ чудотворцу.

„На самые запусты мясничніе предъ великимъ постомъ“ Каллиниченко, отслушавъ вечерню въ Братскомъ монастырѣ, шелъ домой. На пути къ нему подошли Родзкевичи съ просьбою пожаловать къ нимъ „на господу (квартиру) на учту (угощеніе)“. Каллиниченко, разумѣется, согласился.

Въ бесѣдѣ за столомъ Родзкевичи рассказали о своей потерь 12-ти рублей за чье-то воровство.

Каллиниченко сообразилъ, что тутъ его дѣло показать себѣ только всемогущимъ—и паничи сейчасъ будутъ эксплоатированы.

„Я, съ важно-спокойнымъ видомъ проговорилъ онъ, могу заворотъ головы сдѣлать вору!“

Паничи довольны... Обѣщаютъ чародѣю „въ вознагражденіе рубля дать“, если онъ это „учинить“.

Увѣривъ въ несомнѣнности своихъ словъ паничей, хорошенько закусивъ и отблагодаривъ, волшебникъ ушелъ домой къ себѣ.

На „учтѣ“ у Родзевичей былъ и ихъ инспекторъ—богословъ Морозевичъ, который „присягою отвелся“ отъ воровства.

Въ присутствіи Каллиниченко онъ, замѣтно, не особенно хорошо себя чувствовалъ. И всю ночь ему не спалось.

Лишь только начало свѣтать, Морозевичъ всталъ и куда-то пошелъ.

Онъ направился къ Каллиниченко.

— „Пожалуй, Василь!—съ волненіемъ обратился онъ къ чародѣю, явившись въ его домъ, — „въ особенную избу!“ и здѣсь продолжалъ:

„Какъ если человѣкъ добрій, імѣю тебѣ секреты нѣкоторые объявить... только прошу въ секретѣ содержать!...

Каллиниченко просіялъ, еще не зная, въ чемъ дѣло.

— „Не опасайся! ободрялъ онъ Морозевича, говори, сжели что імѣешь говорить!.. Хотя что секретное, не объявлю никому!..

„Я въ паничовъ своихъ побралъ вещи... Толко прошу не объявлять никому... и мнѣ пакостей никакихъ не дѣлать... не мучить мене... мнѣ столько нудно чтобы на себѣ тѣло рвалъ... понеже я опасень, что если вчерась паничамъ говорилъ... обѣщаль тому, что поворовалъ вещи, учинить заворотъ голови... Тія вещи уже дани чрезъ крамара за границю въ Богославе (Богуславѣ) для продажи... За тое, чтобы мнѣ ничего ты не чинилъ и никому о воровствѣ не объявлялъ, половину денегъ дамъ тебѣ продавши краденнія вещи“...

Каллиниченко доволенъ... Получить нѣсколько рублей ни за что ни прочно... еще бы! Онъ успокоилъ Морозевича, и день ото дня поджидалъ отъ него обѣщанной половины....

Морозевичъ, утащивши вещи, отдалъ ихъ „крамаркѣ кіевской именемъ Любцѣ“ въ уплату слѣдовавшихъ ей отъ него пятнадцати рублей, сказавъ, „что онія вещи дани ему въ награж-

деніе отъ паничей за инспекторство". Денегъ у него не было и дать что-либо Каллиниченко онъ не могъ. Да и раскаянье уже стало братъ его, зачѣмъ онъ открылся волшебнику: авось бы онъ ничего не подѣлалъ съ нимъ.

Каллиниченко жаждалъ получки... Встрѣтить Морозевича и первымъ долгомъ спросить, скоро-ли онъ исполнитъ свое обѣщаніе, и погрозить, „что уже тое, сирѣчь волшебство на заворотъ головы, дѣлается“... Морозевичъ все извиняется, говоритъ, что вещи еще не проданы, увѣряетъ, что свое слово сдержитъ и т. п.

Такъ прошло болѣе четырехъ мѣсяцевъ.

Каллиниченко понялъ, что Морозевичъ хитритъ надъ нимъ... Въ досадѣ, онъ рассказалъ „секретъ“ своего клиента сначала студенту Таршевскому, а потомъ, 16-го іюня, и префекту академіи іером. Георгію Конисскому.

(Конисскому Каллиниченко говорилъ, что онъ до сей поры не выдавалъ Морозевича потому, что Морозевичъ, по его совѣту, обѣщалъ подкинуть утащеныя вещи, соглашаясь въ противномъ случаѣ на то, чтобы о воровствѣ его было объявлено, „гдѣ надлежить“. Но такъ какъ Морозевичъ этого не исполнилъ, а духовникъ лаврскій на исповѣди увѣщевалъ меня открыть извѣстное мнѣ воровство, то я и счѣлъ долгомъ заявить).

Такимъ образомъ волшебникъ открылъ вора—и притомъ клятвопреступнаго!

Съ болью въ сердцѣ, Георгій Конисскій приступилъ въ новому допросу Морозевича.

„Много плутовалъ сперва“ Морозевичъ, не желая сознаться въ своихъ, одно другого сильнѣе, преступленіяхъ, но, наконецъ, „повинился“, рассказалъ, что, будучи инспекторомъ у Родзкевичей, онъ гвоздикомъ отомкнулъ сундукъ Зарушкевича и взялъ оттуда „сукно, поясъ и два платки“ („кошуль же пари (ы) и простирала не бралъ“), что и отдалъ, крамаркѣ Любцѣ*. Конисскій снарядилъ къ этой „Любцѣ“ нарочныхъ потребовать всѣ вещи, принятныя ею отъ Морозевича. Она сначала „затаиласъ“, но потомъ, когда съ нарочными „во изобличенія“ ея былъ отправленъ самъ Морозевичъ, отдала поясъ и два платка, а про сукно

сказала, что оно уже продано, кіянцѣ (вѣроятно, кіевлянину) нѣкоторому, котораго на сей часъ и въ Киевѣ нѣть".

Обнаруживъ двойную и вѣсма тяжелую виновность Морозевича, какъ вора и клятвопреступника, Георгій Конисскій 25 іюня донесъ обо всемъ подробнѣ митр. Тимоѳею Щербацкому, прося его резолюціи, "понеже воровское Морозевича дѣло, яко съ кривоприсяженствомъ совокупившоеся до того жъ волшебство дѣло къ себѣ привязавшое, не можетъ въ Академіи рѣшиться".

Митрополитъ передалъ дѣло консисторіи, которая постановила: "Морозевичу за воровство учинить наказаніе по регулагамъ и обикновенію академіческому, а за кривоприсяженство наложить эпитимію по усмотрѣнію архипастыря нашего імущаго власть вмаляти и прибавляти эпитимії" (тутъ имѣлось въ виду 64-е правило св. Василія вел.)¹⁾ Митрополитъ опредѣлилъ: "Морозевичъ лѣто едино да плачется, лѣто да послушаетъ божественныхъ писаний, лѣто да припадаетъ, лѣто да стоитъ съ вѣрными, и потомъ божественного общенія да причастится, въ церковь всегда входить и ежечасно да исповѣдуется"²⁾, и препроводилъ консисторское постановленіе въ академію для исполненія.

¹⁾ О волшебствѣ Калиниченко консисторію поднято было особое дѣло.

²⁾ 11-го сентября Морозевичъ просилъ митрополита о смягченіи такой эпитиміи. Вотъ его любопытное прошеніе по этому поводу:

"По паденіи моемъ, не безъ извѣстія Вашей Архиастирской святинѣ, въ грѣхъ, достодолжное принавъ наказаніе полномочнѣмъ іераршескимъ Вашего Ясне въ Богу Преосвященства неблагословеніемъ отлученъ я паче всѣхъ окаянѣйшій отъ святѣйшихъ божественныхъ таинъ принятія на чири года, что совѣсть моя которую, аще Богъ мій поможеть, по смерть слезнымъ покаяніемъ исправлять мотущуся безпрестанно сидѣть, и никогда духа моего всего міра слезъ достойнаго успокоить не можетъ, но всегда различнми помыслы смущаетъ, и въ бѣдственное состояніе приводить. Но о Владыко святѣ! се съ плачемъ яко блудній сынъ все-смиренѣйши припадаю къ стопамъ святителскихъ ногъ вашихъ, печальнымъ духомъ іераршескую руку любизну и молю глубочайшимъ упокореніемъ благосердишую владическую утробу, пріими мя Владыко заблуждшую овцу, се бо беззаконіе мое предъ тобою архиастиремъ съ плачемъ исповѣдую, каітсѧ и сожалѣти объ немъ отъ всего усердія обѣщаюсь. Да будетъ убо Владыко святѣ іераршеское на мій вскорѣ ваше разрѣшеніе да не болѣе смущаемій помыслами буду; осемъ Владыко святѣ слезно и паки молю.

"Вашего Ясне въ Богу Преосвященства недостойній рабъ и поднонє Матеї Морозевичъ слышатель богословію".

28 іюля Георгій Кониський уже „репортовалъ“ въ канцелярію митрополита: „понеже испрежде обикновеніе въ академії, тѣхъ, котої въ воровствѣ являются, публично подъ оглашениемъ школного звонка боемъ наказовать и съ академії ексклюдововать, того ради и Морозевичу по тому обикновенію.... сего іюля 26 публично средь бурсы бивъ розгами съ академії ексклюдовано; да сверхъ за уворованное сукно, якоимъ Морозевичъ не привращеное, сняти съ его Морозевича черкеска и сундуку старій подъ баранками, дабы тѣмъ означенное сукно хотя не совсѣмъ (ибо онія обѣ одежини по одѣнки ихъ означенного сукна не стоятся) обижденной сторонѣ наградить“.

Д. К. Вишневскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЛУБЕНЩИНА И КНЯЗЬЯ ВИШНЕВЕЦКИЕ.

(Матвѣю Терентьевичу Симонову)¹⁾.

Засимъ обращаемся къ дальнѣйшей исторіи Лубенщины, послѣ того какъ она была передана во владѣніе вдовы Михайла В—аго. Опекунъ и дядя малыхъ дѣтей послѣдняго, Юрій В—ій, скоро послѣ этого умеръ и былъ замѣненъ Константиномъ Константиновичемъ В—имъ, отца котораго Бартошевичъ называетъ роднымъ братомъ знаменитаго Дмитрія Байды²⁾. Константинъ завѣдывалъ Лубенщикою вмѣстѣ съ Раинкою до совершеннолѣтія Іереміи. Какъ видно изъ юридическихъ актовъ Лубенщины, Константинъ В—ій былъ опекуномъ уже въ 1621 г.; въ этомъ году онъ далъ позволеніе на устройство Слѣпородскаго монастыря. Повидимому, онъ усилилъ опекунскую власть надъ имѣніями малолѣтнихъ В—ихъ: до него вдова самостоительно выдавала акты—на устройство Мгарскаго монастыря, на маєтности монастырямъ Густынскому и Подгорскому (Ладинскому)³⁾, но Константинъ В. эти акты нашелъ нужнымъ подтвердить, съ своей стороны, „опекунскимъ правомъ“ (prawem opiekunkim), причемъ измѣнялъ прежде выданные по своему усмотрѣнію⁴⁾. Константинъ В. управлялъ „заднѣпровскими“

¹⁾ См. „Кievsk. Стар“ 1896 г., № 1.

²⁾ Бонецкій, 369.

³⁾ См. Лѣтопись м—ра Густынского, изд. Боданского.

⁴⁾ Приводимъ здѣсь актъ, выданный Конст. В—имъ въ 1622 г., „на будование монастыря надъ рѣкою Сулою“, послѣ того, какъ такое поволеніе было уже

маетностями своего племянника еще и въ 1630 г., когда имъ былъ выданъ актъ Мгарскому и—рю съ подтверждениемъ Ольшанскихъ грунтовъ¹). Въ этомъ же году возобновленъ былъ споръ дочерью Станислава Жолкѣвскаго Софьей, женой Яна Даниловича, воеводы русскаго, противъ „княжати Еремія Корибутовича В—ого, старосты Овруцкого, и опекуна его мл. княжати Константина Корибутовича В—ого, старости Черкасскаго и иныхъ опекуновъ (?) его милости“, за Горошинъ и Слѣпопородъ. Мы уже видѣли, что по постановленію Варшавскаго сейма, въ 1590 г., эти два уроцища были отданы анонимнымъ „тремъ особамъ“, въ числѣ которыхъ оказался и Жолкѣвскій (см. язв., стр. 117); однакожъ эти „три особы“ своего права на пустынныя уроцища, какъ видно, не осуществили, пользуясь чѣмъ В—іе присоединили ихъ къ своимъ владѣніямъ. Дочь Жолкѣвскаго жаловалась „о посаженѣе и осягненѣе добръ, грунтовъ и урочискъ, т. е. пустынь Горошина и Слѣпопородъ зо всеми тихъ обойга уроцищъ належностями и о посаженѣе на тихъ грунтахъ и уроцищахъ разныхъ мѣстъ, мѣстечокъ, сель, футоровъ...“, при чѣмъ

дано въ 1619 г. Раннѣо. „Constanti Korybutu x̄e Wiszniowiecki, starosta Czerkaski. Wiadomo czynie tym pisaniem niniejszym i napotym będącym, komu wiedziec będzie potrzeba, yż ia maiac w opiece swoiej pozostałe potomki sławnej pamięci xieża jego mci nieboszyska Michała, brata mego, y maietnosci ych, a życząc, aby nie tylko w sprawach ych komu nie byla y obliżenia, y owszem przymnożenia zostawali, które aby tym pochopniew y przedziej rozszyrzaly się od Boga y taky ige początek zaczac mi się zdało przeto tedy jako opiekun przyrodzony, za przyzyną y prozbą miejczan moich Lubieńskich, pozwoliem y tem listem moim pozwalam zbudować y ufundować monasterku ko rozmnożeniu chwały Bożej, religij greckiey, nad rzeką Sułą, między Mharem rzeczką a Olszanką, drugą rzeczką, za Lubniami pułmile, oycu Jsaiu, episkopu y archimandrytu monasterow w maietnosciach zadnieprskich będących, do którego grunt między temi rzeczkami będący przydałem z wolnym używaniem y ze wszystkimi pożytkami według potrzeby do żywności monasterzowi należący, wzdułż od Olszanki rzecky do Mharu drugey rzeczkzy, wszyr od ląki nazwaney Loreczyney do Suły, wolno iemu swoiem kosztem y młynek gdzie w tymże gruncie mieysce upatrzywschy, zbudować ku pożytku swemu, czego według tego nadania mego ma zażywać spokoynie, nienarusznie, według upodobania swego przerzeczony oycieć Jsaia bez żadney przeskody tak odemnie, iako y po mnie będą — cych. A dla pewniejszej wagi listu tego, ręką swą podpisałem się y pięczęc przeciśniac rozkasałem. Dzialosią w Alexandrowie, anno 1622, 15 septem.“ Акты Мгарск. и—ри, лл. 59 об. и 61 об.

¹) Акты Мгарск. и—ри, л. 64.

пояснялось, что завладѣлъ этими грунтами умершій Михаилъ В—ій, „не маюій жадного права на тие грунта Горошинскіе, надъ рѣкою Сулою лежачіе, и Слѣпгородъ—за Днѣпромъ“ („позовъ“ писался въ Киевѣ), на шляху татарскомъ, при самой границѣ татарской и при рубежу московскомъ“; при этомъ въ „позовѣ“ указывалось также, что эти грунта были отданы отцу „пани воеводиное русское правомъ вѣчнымъ отъ короля, въ року 1597¹⁾), послѣ чего на сихъ грунтахъ сѣло немало „мѣстъ, мѣстечекъ, сель и футоровъ“²⁾... „Позовъ“ „русской воеводиной“ кончился, повидимому, ничѣмъ, такъ какъ Горошинъ звался въ спискахъ имѣній В—ихъ и послѣ 1640 г. Изъ приведенного „позова“ видно, что въ 1630 г. Іеремія В—ій называется уже старостою Овруцкимъ; такъ ли это было на самомъ дѣлѣ, или „позовъ“ давалъ этотъ титулъ молодому Іеремію гадательно—не знаемъ. Не знаемъ также, когда именно Іеремія В—ій вступилъ въ самостоятельное распоряженіе отцовскими маетностями, а въ томъ числѣ и Лубенщикою; вообще мало имѣется свѣдѣній о ранней молодости наследника Михаила В—аго. Въ компилятивныхъ біографіяхъ Іеремія разсказывается, что онъ учился въ львовскихъ іезуитскихъ школахъ и тутъ же отступилъ отъ православія;—что, затѣмъ, онъ путешествовалъ по Европѣ для изученія военного искусства, при чемъ особенно долго занимался послѣднимъ въ Нидерландахъ³⁾. На родину вернулся Іеремія ок. 1632 г., т. е. въ возрастѣ ок. двадцати лѣтъ. Повидимому, тогда же пришлось ему познакомиться и съ „заднѣпровскими“ своими маетностями, куда звала его начавшаяся въ это время война Польши съ Москвою. Вѣроятно, что при этомъ первомъ посыщеніи Іереміей Лубенщины было написано къ нему и известное посланіе Исаіи Коцинскаго, укорявшее молодаго отступника за неисполненіе предсмертнаго завѣта его матери.

¹⁾ Раньше (стр. 116, явв.) указано, что Горошинъ и Слѣпгородъ отданы были Жозефѣвскому въ 1590 г. Разница въ годахъ происходитъ вѣроятно отъ описокъ.

²⁾ Киевск. центр. арх., Книга гродск. Жетомирск., № 14. л. 836 об.

³⁾ Свѣнцкаго, Histor. Pamiątki, II, 296.

— „Великій жаль наполняетъ наши сердца, пишеть Копинскій, видя вашу княжую милость, „пожаданную утѣху“ нашу, уклонившимся отъ древнегреческой вѣры своихъ предковъ и родителей... Не вѣдаю, кто отвратилъ вашу кн. милость отъ нашей вѣры... Всѣ мы знаемъ, какими ужасными клятвами обязывала васъ родительница ваша, оставляя сей свѣтъ! На чью душу падеть сей грѣхъ—Господь то знаетъ, а мы знаемъ, что „отцовская клятва выслушаетъ, а материнская выкореняетъ“... Затѣмъ Копинскій вспоминаетъ предковъ Іереміи—прадѣда Ольгерда, сына его Ягелла и другого сына Ольгерда—Дмитрія Корибута, князя сѣверскаго... „Всѣ они были славными рыцарями, всѣ они принадлежали къ вѣрѣ греческой и послѣдняя ни въ чёмъ ихъ не повреждала, а лишь славѣйшими ихъ дѣлала!.. Прошу вашу кн. милость именемъ всей церкви—не позволяй себя увлекать „политическими раціями“! Вспомни, ваша кн. милость, своихъ родителей,—какой вѣры они держались!.. Почему же, ваша княжая милость, не хочешь слѣдовать ихъ примѣру, почему отрекаешься вѣры, въ которой родился?—Легко случается, что людскія рѣчи совращаютъ молодость, случается, что и насилиуютъ ее, но все это сразу можетъ уничтожиться. Имѣешь, в. кн. мѣть, въ своихъ маєтностяхъ и церкви, и монастыри, есть въ нихъ и достаточное количество духовныхъ особъ; искать ничего не приходится: чего пожелаешь, то и получишь! И мы, надѣясь, что не навсегда же отрекся, в. кн. мѣть, отъ церкви божьей, со слезами просимъ, именемъ всего духовенства, всего христіанства, не оставляй той вѣры, въ которой водою и духомъ родился, возвратись въ лоно ея, матери своей природной, и утѣши насъ всѣхъ! И когда, в. кн. мѣть, учинишь по нашему моленію, то освѣнить тебя благословеніе божie и родительское, и утѣшишь ты всю церковь и все христіанство, исповѣдующее древнюю вѣру! И счастливо окончишь ты земную свою жизнь и наслѣдуешь затѣмъ, по милости Бога, животъ вѣчный!“¹⁾.

Думается, что эта мольба лучшаго представителя тогдашней южнорусской земли, такъ сильно напомнившая молодому отступ-

¹⁾ Лѣтоп. Густынск. и—ря, стр. 39—42.

нику данных имъ умиравшей матери клятвы, не могла имѣть желаемыхъ результатовъ: молодость самонадѣянна и упрямъ... Исаія Копинскій своимъ посланiemъ могъ скорѣе возбудить у Іеремія лишь большую ревность къ его новой вѣрѣ¹⁾... Эта ревность неофита и обнаружилась въ начавшейся тогда войнѣ Польши съ Москвою. Война эта началась въ 1632 г. и первое время сосредоточивалась въ Сѣверской землѣ. По свѣдѣніямъ „Розрядныхъ книгъ“, въ концѣ 1632 г. отряды боярина Шеина воевали „литовскіе города“ Батурина, Роменъ, Ивангородище, Борзну, Мену, Миргородокъ, которые были покорены, повидимому, въ нач. 1633 г.²⁾. А когда Шеинъ отправился покорять Смоленскъ, то въ Сѣверщинѣ остался воевода Алябьевъ, осадившій въ томъ же году Черниговъ. Польского войска въ это время здѣсь было очень мало, и все оно, повидимому, заключалось въ частныхъ отрядахъ мѣстныхъ державцевъ; такъ, польскіе источники свидѣтельствуютъ, что къ осажденному Чернигову приспѣлъ изъ Нѣжина отрядъ п. Казановскаго, состоявшій всего изъ ста „выпищиковъ“. Далѣе, въ тѣхъ же источникахъ разсказывается, что когда русскій отрядъ Бутурлина разорилъ Миргородъ, то для прегражденія ему пути въ Лубенщину, изъ Лубенъ вышелъ только небольшой отрядъ подъ начальствомъ „слуги“ Іеремія Длотовскаго, почему отрядъ этотъ и былъ разбитъ Бутурлинымъ при первой съ нимъ встрѣчѣ. Другой польскій отрядъ, находившійся въ Лубенщинѣ же подъ начальствомъ Киселя, былъ такъ малъ, что не рискнулъ идти даже и на помощь Длотовскому. Увеличить свои военные силы поляки не могли при неизначительности населенія въ тогдашней Лубенщинѣ (*których szczupla liczba była na tym pograniczu*), которое при томъ въ виду начавшихся военныхъ дѣйствій разошлось, какъ разошелся

¹⁾ Г. Кулишъ, въ своей книгѣ „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“, обвиняетъ Петра Могилу, что онъ, будучи близкимъ родичемъ Іереміи, „ничего не предпринялъ, чтобы удержать его въ православіи“.. (П., 198). Но врядъ ли въ это время была сила, которая могла бы остановить повальное вѣроотступничество тогдашнихъ южнорусскихъ магнатовъ, такъ какъ только католичество давало этимъ магнатамъ возможность оставаться и называться въ магнаты...

²⁾ Розрядн. книги, II, 615. Акты Моск. госуд., изд. Акад. Н., I, 444, 599 и друг. Ср. Соловьевъ, IX, изд. 3, стр. 201.

,,по своимъ домамъ“, и „запорожскій полкъ Лавринка“, повидимому, исполнявшій обязанности гарнизона въ Лубнахъ¹⁾.

Вотъ въ это время Іеремія В. и обнаружилъ свою энергию неофита... Польськіе его біографы рассказываютъ, что В., собравъ отрядъ *своего* войска (на правомъ берегу Днѣпра?), простиравшійся до пяти тысячъ, пошелъ подъ Путівль и поразивъ тамъ русскихъ, выжегъ окрестныя села; что затѣмъ, въ другой разъ, соединившись съ Лукою Жолкѣвскимъ, В. пошелъ уже за Путівль и воевалъ Курскъ, Рыльскъ, Сѣвскъ, которые вмѣстѣ съ окрестными селами обратилъ де въ пепель... И стали Іеремію В., продолжаютъ тѣ же біографы, звать отъ того времени *пальемъ*²⁾). Этотъ разсказъ, повторенный вкратцѣ и Костомаровыми³⁾, никакими первоисточниками не подкрѣплялся. Только въ послѣднее время обнародованы акты изъ архива м—ва юстиціи, которые, подтверждая свѣдѣнія о походѣ Іереміи въ предѣлы Московскаго государства, сообщаютъ и подробности этого похода. Указанные акты говорять, что въ к. февраля 1634 г. поляки приходили подъ Путівль въ числѣ 5000 человѣкъ, но были отбиты, а въ марта Іеремія съ Жолкѣвскимъ ходили подъ Сѣвскъ, хотѣли его взять осадою, но также были отбиты, хотя, какъ видно изъ сообщаемыхъ актами подробностей, Сѣвскъ при этомъ достаточно пострадалъ отъ пожара и разоренія; въ походѣ на Сѣвскъ участвовали до 30000 человѣкъ, „польскихъ и литовскихъ людей, и нѣмецъ и черкасъ“. При осадѣ Сѣвска, между прочимъ, участвовалъ и извѣстный Яковъ Остряница, котораго акты титулуютъ въ это время „полковникомъ“. Изъ подъ Сѣвска В. съ товарищами пошелъ было на Рыльскъ, но на дорогѣ получено было имъ извѣстіе о приближеніи татаръ къ „литовской землѣ“, почему В. счелъ нужнымъ вернуться домой⁴⁾), а отрядъ „запорожскихъ козаковъ“, въ числѣ 12000 человѣкъ, съ полковниками Ильяшемъ и Остряницею, былъ направленъ В—мъ къ Смоленску, на помощь королю; но у козаковъ съ поляками вы-

¹⁾, Szkice Шуласскаго, стр. 221. Ср. Акты Моск. Госуд., I, 411.

²⁾ Свѣнцкаго, Histor. Pamiętki, II, 296.

³⁾ Богд. Хмельницкій, изд. 1884, I, 328.

⁴⁾ Акты Моск. Госуд., I, 599, 607, 611, 612 и 616.

шла при этомъ какая то „рознь“, и походъ свой козаки ограничили лишь осадою Курска; осада была неудачна, и „черкасы“ вернулись домой, но здѣсь Іеремія „за то ихъ непослушаніе велѣлъ ихъ грабить и въ города не велѣлъ ихъ пускать“ ¹⁾).

Вернувшись въ Лубенщину, В. противъ татаръ не ходилъ, такъ какъ противъ нихъ пошли другіе военачальники, а В. сталъ готовиться къ новому походу въ Московское государство, предполагая снова начать этотъ походъ осадою Путивля ²⁾). Походъ этотъ однакожъ не состоялся, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ война съ поляками кончилась заключеніемъ поляновскаго мира.

Изъ приведенныхъ свѣдѣній видно, что особыхъ удачъ въ своихъ походахъ противъ Московскаго государства Іеремія В—ій не имѣлъ, и польскія извѣстія о его успѣхахъ въ этихъ походахъ, повидимому, преувеличены ³⁾.

Засимъ мы не имѣемъ свѣдѣній, гдѣ жилъ и что дѣлалъ Іеремія В—ій въ продолженіе 1633—35 гг. Есть извѣстіе, что послѣ заключенія Поляновскаго мира, когда Киселю поручено было провести границу между Московскимъ и Польскимъ государствами, В—ій очень боялся, чтобы часть его Лубенщины не была отмежевана къ путивльскимъ землямъ и по этому поводу, въ 1634 г., просилъ будущаго своего тестя Замойскаго представительствовать за него предъ Киселемъ ⁴⁾). Эта просьба указываетъ, что В—ій, не смотря на свою молодость, уже ревниво оберегалъ свои материальные интересы... Въ 1636 г. В—ій навѣдывался въ свою Лубенщину, такъ какъ мы имѣемъ два акта, выданные имъ, оба въ Лубнахъ, въ маѣ и октябрѣ 1636 г., одинъ Мгарскому м—рю, а другой какому то Федору Шрокуренку на „островокъ для насѣки“ ⁵⁾). Въ это время уже вся Лубенщина была и юридически закрѣплена за Іереміемъ В—мъ,

¹⁾ Т. же, 216.

²⁾ Т. же, 622.

³⁾ Тѣмъ болѣе, что и самъ король Владиславъ признавалъ, что главную роль въ этихъ походахъ игралъ не В—ій, а Кисель. Pułaski, Skize, 227.

⁴⁾ „Xze imc. Hcr. W—cki, majaс contignitatem granic z panstwem moskiewskiem, chciał by tego ostrarzecz sobie, aby przez comissią naznaczoną z Moskwą, ni rownież jakowego uszczerbkę“... Т. ж., 231.

⁵⁾ Акты Мгарскаго м—ри, л. л. 5 и 59.

такъ какъ по условіямъ Поляновскаго договора Московское правительство спорную часть Лубенщины (Снятинъ, Сенчу, Многой, Журавку, Куренку...) „уступило въ королевскую сторону безъ спору“ ¹)...

Затѣмъ изъ событій, происходившихъ въ Лубенщинѣ, слѣдуетъ отмѣтить, что, по свидѣтельству позднѣйшихъ малорусскихъ историковъ, одинъ изъ сторонниковъ возставшаго Павлюка—Скиданъ универсаль свой, взыавшій къ населенію степной Украины, выпустилъ изъ Лубенъ, въ октябрѣ 1637 г., изъ чего слѣдуетъ заключить, что и населеніе этого города присоединилось къ возставшимъ козакамъ. А затѣмъ, послѣ Кумейскаго пораженія, когда отдѣльные козацкіе отряды пробовали еще сопротивляться полякамъ, одинъ изъ такихъ отрядовъ, предводимый Кизимомъ-сыномъ, по свидѣтельству тѣхъ же историковъ, занялъ Лубны и, разоряя польское населеніе этого города, сжегъ де тутъ и Бернардинскій монастырь ²). Послѣдовавшее въ 1638 г. восстание Остряницы и Гуни скоро было усмирено поляками, въ предѣлахъ Лубенщины, причемъ въ этомъ усмиреніи участвовалъ и Іеремія В., какъ подробнѣ обѣ этомъ разсказываетъ Окольскій. Усмиренныхъ козаковъ поляки жестоко наказывали, а послѣдствіемъ этихъ наказаній явились на лѣвомъ берегу Днѣпра разные толки о намѣреніяхъ поляковъ начать и здѣсь насажденіе унії ³). Слухи эти всполошили особенно лѣвобережныхъ монаховъ, думавшихъ, что они первые должны будуть пострадать при этомъ. Особенно ис-

¹) Дворцов. Разгрыдь, II, 883.

²) Такъ разсказываютъ г. Кулинъ (Библ. дл. Чт. 1863 г., октябрь (?), стр. 12) и Костомаровъ (Бод. Жмельн., изд. 4-е, 154), но источниковъ не указываютъ. Слѣдуетъ впрочемъ думать, что это свѣдѣніе взято изъ рукописей Публ. б.—ки, такъ какъ г. К. въ своей статьѣ оговаривается, что приводимыя имъ новыя подробности взяты изъ указанного источника. Костомаровъ сообщаетъ это свѣдѣніе, повидимому, чо Кулину. Въ книгѣ—„Отпаденіе Малороссія отъ Польша“ свѣдѣніе о разграбленіи Лубенъ Кизимомъ—повторено (I, 262) тоже безъ указанія источника; впрочемъ въ этой книгѣ источники вообще не указываются.

³) Объ этомъ извѣщаѣтъ Исаія Копинскій Мгарскаго и Густынскаго игуменовъ, что „де одноконечно король польскій и паны радные и ляцкіе архибискупы приговорили на соймѣ, что въ ихъ Польской и въ Литовской землѣ православной христіанскої вѣрѣ не быть и христіанская церкви превратить въ костелы ляцкіе и книги русскія и монастыри вывестъ“... Акты Ю. З. Россіи, III, 5.

шугались густынские монахи, когда, на обращенную к Еремію В—му просьбу ихъ игумена—о подтверждениі правъ на монастырскія маєтности, князь отвѣчалъ: „а мнъ що о васъ—жите до ласки моей!“ Сообщая объ этомъ отвѣтѣ Ереміи мгарскому игумену, густынскій игуменъ добавлялъ: „а ласка кождого пана на волоску висить, а кгда ся урветъ,—пречь отъ всего изъ маєтности—до дьябла!“ Бѣгство Остряницы въ предѣлы Московскаго государства указывало и монахамъ возможность спасенія тамъ же. Не надѣясь на защиту В—аго, густынскій игуменъ согласилъ и другихъ двухъ игуменовъ (мгарского и ладинскаго) бѣжать съ братіей въ Путівль, чтобы оттуда просить милости и покровительства у московскаго царя.—Но когда густынские и ладинские монахи достигли Путівля, ожидая здѣсь уже встрѣтить и мгарского игумена, который долженъ былъ прибыть туда другою дорогою, то нашли тутъ только часть мгарской братіи, а самъ игуменъ не только не пошелъ изъ Мгари, но еще посыпался, въ письмѣ къ густынскому игумену, надѣстрами послѣднаго передъ уніей, спрашивая—почему такъ страшна ему эта унія: „чи зъ рогами она, чи зъ голынятymi ногами, чи зъ усомъ, чи зъ бородою великою, чи пѣша, чи ъздитъ?“ ¹⁾... Слѣдуетъ догадываться, что мгарский игуменъ былъ обласканъ Ереміей и пересталъ бояться уніи... Не одни, впрочемъ, монахи нашли нужнымъ уходить подъ защиту московскаго правительства. Лубенскій „староста“ Якубъ Коледа тогда же (лѣтомъ 1638 г.) писалъ путівльскому воеводѣ Плещееву, что „подданные кн. Еремію В—аго, поднявши въ нынѣшнюю свою козацкую войну отъ мѣста Гадяцкого, иль сколько тысечъ, ушли въ Путівль“.. Такимъ образомъ мы видимъ, что послѣдствиемъ усмиренія козачьяго возстанія 1638 года былъ общій переполохъ между населеніемъ Лубенщины, которое боясь за свою участіе, стало покидать послѣднюю, двигаясь далѣе на востокъ. Происходившая такимъ образомъ убыль въ населеніи Лубенщины нарушила материальные интересы Ереміи и требовала принятія съ его стороны предупредительныхъ мѣръ.

¹⁾ Акты Ю. З. Россіи, III, 10.

Повидимому, съ цѣлію упорядочить свои „заднѣпрскія маєтности“ подъ личнымъ надзоромъ, В—ій рѣшилъ самъ переселиться въ Лубенщину. Очень можетъ быть, что онъ имѣлъ въ виду при этомъ—личнымъ пребываніемъ въ послѣдней предупредить на будущее время и тѣ козачи возстанія, которыхъ такъ невыгодно отражались на экономическомъ благосостояніи „заднѣпрскихъ“ его маєтностей. Рѣшивъ вопросъ о своемъ переселеніи на лѣвый берегъ Днѣпра, В—ій, какъ кажется, одновременно рѣшилъ и другой вопросъ—о своей женитьбѣ. Женился онъ, какъ известно, на дочери короннаго канцлера Фомы Замойскаго—Гризельдѣ. Недавно, въ одной газетной статьѣ, явилось подробное описание этой женитьбы¹⁾, сдѣланное, повидимому, на основаніи современныхъ событію свѣдѣній. Въ этомъ описаніи читаемъ, что В—ій, вернувшись, послѣ усмиренія козаковъ, въ правобережная свои имѣнія, направился затѣмъ въ Варшаву, гдѣ и встрѣтилъ только что прибывшую изъ заграницы въ свите королевы Цециліи Ренаты—Гризельду Замойскую, „особу молодую, разсудительную, болѣе привлекательную добротою и качествами сердца, чѣмъ красотою; безобразной она, правда, не была, но не обладала и совершенной красотой...“ Когда Іеремія В—ій посватался, причемъ сватомъ былъ самъ король (Владиславъ IV), то „старикъ Замойскій, смотрѣвшій на родъ и славу Вишневецкихъ, какъ на первый клейнотъ короны, съ искреннею радостью выслушалъ просьбу В—аго и сейчасъ же послѣ коронаціи королевы, въ присутствіи Владислава IV и его супруги, иностранныхъ пословъ, сановниковъ (рапоў) коронныхъ и литовскихъ, бывшихъ въ Варшавѣ, обручилъ свою дочь за Вишневецкаго. Во время этого торжества, по описанію современника, устроеннаго по старосвѣтскимъ обычаямъ, стрѣляли изъ пушекъ, состязались въ рыцарскихъ упражненіяхъ... Эти торжества продолжались шесть дней...“ Затѣмъ В—ій пригласилъ гостей на свадьбу во Львовъ, *къ 1 декабря 1637 г.—Просилъ В—ій при этомъ и короля съ королевой, „но король, будучи дурно къ*

¹⁾ Gazeta narodowa 1890 г., № 23.—«*Slub księcia Jeremiego Wisniowieckiego z Gryzeldą Zamoyską, odprawiony we Lwowie (dnia 1 grudnia 1637)*». Статья подписана — R. Lew.

нему расположень, отказалъ В--ому въ этомъ, а назначилъ только своими замѣстителями на эту церемонію пословъ. Съ сильнымъ раздраженіемъ противъ придворныхъ льстецовъ покинулъ кн. Іеремія столицу и во главѣ своего десятитысячного войска отправился во Львовъ, куда прибылъ въ концу ноября и занялъ роскошное помѣщеніе на городскомъ рынке, въ угловомъ домѣ, недалеко отъ кафедрального собора... Отсюда 29-го ноября Іеремія В--ій, въ сопровожденіи родственниковъ, князей и многочисленной шляхты, выѣхалъ на встрѣчу Гризельдѣ до Грудка, откуда послѣ пышнаго пріема, всѣ отправились во Львовъ... При громѣ пушекъ и звукахъ музыкиѣ хала великолѣпная золотая карета, въ которой сидѣла Гризельда съ матерью и сестрой Іоанной-Варварой, впослѣдствіи женою Александра Конецпольскаго. Рядомъ съ невѣстойѣ халъ В--ій на великолѣпномъ турецкомъ конѣ, убранномъ жемчугомъ и дорогими каменями. Во второй каретѣѣ халъ Замойскій съ женами Чарторыйскихъ, въ третьей—Чарторыйскіе, въ четвертой—Збражскіе, Воронецкіе и Корецкіе... На другой день, 1 декабря, въ 10 часовъ утра, при пушечныхъ выстрѣлахъ, въ золотой каретѣ, запряженной шестью бѣлыми какъ снѣгъ лошадьми, прїѣхалъ кн. Іеремія, въ сопровожденіи шести родственниковъ-князей, съ женами и дѣтьми—за невѣстой... Гетманъ Конецпольскій сидѣлъ рядомъ съ Іереміей, въ качествѣ старосты; дружками были Николай Потоцкій, Юрій Оссолинскій и друг... У порога храма молодые, по старому обычаю, приняли родительское благословеніе, вошли, при звукахъ музыки, внутрь храма, къ главному олтарю, гдѣ, ставъ на приготовленныя подушкі, молились всю обѣдню, которую совершалъ архіепископъ львовскій Гроховскій; послѣ обѣдни, молодые заняли княжескія кресла и слушали поученіе о супружеской жизни отъ епископа враковскаго. Пріобщившись, поклялись у подножія алтаря въ любви, вѣрѣ и страхѣ божіемъ и цѣловали крестъ изъ рукъ архіепископа, вмѣстѣ съ отцомъ и гостями. Знатнѣйшими гостями при обрядѣѣ были: кн. Острожская, дочь воеводы Волынскаго, ея братъ кн. Острожскій, Чарторыйскіе, Збражскіе, Корецкіе, Воронецкіе съ женами и дѣтьми, Станиславъ Конецпольскій, Николай Потоцкій, Криш-

тофъ Радзивіль, Лука Жолеўскій, Мартынъ Калиновскій, Александръ Конецпольскій, Юрій Оссолінскій, послы Владислава IV,—Григорій Кнапскій и ксензъ-канонікъ Матвій Любінскій, послы Юрія Ракочія и много пановъ изъ Литвы и Руси.—По совершенні обряда костель огласилъ пѣніемъ *veni Creator; p[ro]p[ter]a*, съ акомпаніментомъ органа, органістъ, получившій за это отъ В—аго прекрасное село. Молодые пѣшкомъ пошли, при пушечныхъ выстрѣлахъ, въ костелы о. о. домінікановъ, бернардиновъ и кармелітовъ, и до вечера молились, дѣлая богатые вклады. Въ фамильныхъ актахъ (?) В—ихъ есть упоминаніе, что кн. Іеремія В—ій издержалъ на свадьбу 250000 злотыхъ. Во Львовѣ она продолжалась 15 дней... Утромъ 16 декабря молодые оставили Львовъ и, послѣ короткаго пребыванія въ Замости, уѣхали въ Вишневецъ.“ Въ этомъ любопытномъ описаніи положительно указывается, что В—ій вѣнчался 1 декабря 1637 г., но этотъ годъ возбуждаетъ сомнѣніе уже и потому, что Іеремія усмирялъ козаковъ въ 1638 г., а женился онъ, по словамъ самого автора приведенаго описанія, уже послѣ усмиренія. Кроме того, въ недавно напечатанной въ польскомъ историческомъ журналѣ замѣткѣ—*o godz[.i] rodu urodzenia korоля Mikołaja Wiśniowieckiego*¹⁾, указывается печатная „рѣчъ“ (*kazanie*), сказанная іезуитомъ Чарноцкимъ—„w dzieñ ślubu... chiażęcia j. m. Jeremiego... Wiśniowieckiego z j. ur. panną j. m. r. Gryzeldą Zamoyską, miane w Zamosciu, w kościele farskim, w niedzielę przed mięsopustem 1639.“ Такимъ образомъ здѣсь указывается, что день свадьбы В—аго былъ де 6 марта 1639 г.—Повидимому, г. Левъ въ своемъ описаніи ошибся въ годѣ, указавъ 1637-й годъ вместо 1638-го, когда усмирены были козаки, но въ мѣсяцѣ женитьбы—здѣсь ошибки, повидимому, не должно быть, такъ какъ уже очень точно показаны ноябрскіе и декабрскія числа. Сказанная же 6 марта 1639 г. рѣчъ іезуита Чарноцкаго, повидимому, говорена была не въ день вѣнчанья, а по поводу недавнило спѣчанья, въ то время, когда послѣ свадьбы молодые гостили у Замойскихъ...

Какъ бы то ни было, но въ нач. 1639 г. В—ій былъ уже женатъ, при чёмъ въ жены себѣ выбралъ панну, хотя и некра-

¹⁾ *Kwartalnik Historyczny* 1895 г. № 3, стр. 486.

сивую, но невѣсту завидную, руки которой искаль и другой знатный князь. Въ напечатанномъ Войницкимъ сборникѣ—*Biblioteka starożytna pisarzy polskich*¹⁾,—помѣщено между прочимъ и нѣсколько разговоровъ умершихъ поляковъ; это была очень любимая въ XVIII в. форма историческихъ повѣствованій, въ которыхъ нерѣдко приводятся интересныя свѣдѣнія, къ сожалѣнію безъ указанія лишь ихъ источниковъ. Здѣсь напечатанъ, между прочимъ, и разговоръ короля Собѣскаго съ Іеремієй Вишневецкимъ. На вопросъ короля о томъ, какъ Іеремія женился, послѣдній сообщаетъ интересныя подробности—какъ о наружности своей жены, такъ и о томъ, какъ она изъ двухъ одинаково знатныхъ жениховъ, выбрала его, Іеремію²⁾. Нужно полагать, что основою рассказа были историческія свѣдѣнія, опровергающія такимъ образомъ новѣйшее повѣствованіе объ „извѣстной красотѣ“ Гризельды. Вотъ съ этого то Гризельдою, обладавшею сердцемъ и умомъ мужчины, Іеремія и переселился на лѣвый берегъ Днѣпра,—для дальнѣйшаго экономического устроенія тамошнихъ своихъ маєтностей.

¹⁾ Warszawa, 1843—1844, шесть книжекъ.

²⁾ Іеремія о своей женитьбѣ сообщилъ Собѣскому слѣдующее: „Miał za sobą Gryzeldę Zamoyskącale nie urodząc, ale serca i rozumu męskiego, przy wysokieycnociie w tym ożenieniu niszey particularitatem nie znayduje, tylko że ta panna z piętnej Ostrogskiej, woiewody wołyńskiego Alexandra córki zrodzona, a zплодzona z Tomasza Zamoyskiego, kanclera w. koronnego, nie tak urodzą iak wysokością koli-gacjy i posagiem powabna, miała nie tylko mnie, ale i Dominika x-cia Ostrogskiego z Zastawskiej linii konkurenten; małośmy się nie pobili kilka razy, tak o punkt honoru za urodę Heleny Trojanskiej, podczas stania x-że Ostrogski był piękny, młody, bieły, ale delikatny, osp.ły zgoła, nie udanry, ia zaś byłem dużo czarniawy, nie wielki ale rześki i w stanie ładny, kibitny i aż nazbyt skłonny. Przekupowałam x-że Ostrogski baby i panny, że mnie ganiąc, mego rywala vychwalali przed panną. Raz gdy baba pannie (która na mnie lepiej iak na tamtego patrzala) mowi: dla Boga coś to upatrzyła w księciu Wiśniewieckim, on czarny,—panna odpowiedziała: nie frasuy się, nie poczerni on mnie. I ta decyzya była dekretem, bo rodzice na nią zdali obranie kawalera, niechcąc sobie nas księżeć obu możnych, zacnych i bogatych sami urazic“. Т. VI, str. 87. Г. Кулишъ говоритьъ, что Іеремія В—ій женился „на извѣстной своей красотѣ“ Гризельдѣ Замойской.“ („Отпадение“, II, 199 и 207). Сколько намъ известно, нигдѣ въ польскихъ источникахъ о красотѣ Гризельды не говорится. Единственное упоминаніе о ея наружности, приведенное здѣсь, говоритьъ противное. Видно, что свѣдѣніе г. Кулиша основано на одной его спроятности...

Что же представляли собою „заднієпрскія“ маєтности В—аго въ это времѧ?—Хота свѣдѣнія наши о состояніи населенныхъ мѣсть Лубенщины въ тридцатыхъ годахъ XVII в. очень скучны и отрывочны, однакожъ не до такой степени, чтобы нельзя было получить понятія объ успѣхахъ, достигнутыхъ колонизаціей въ Лубенщинѣ за первые сорокъ лѣтъ (1590—1630). Перечислимъ всѣ извѣстныя въ это времѧ населенные въ Лубенщинѣ мѣста¹⁾.

Лубни. Раина Могилянка, жалуясь въ 1618 г. на мужни-
наго брата Юрія В—аго за отнятіе имѣній умершаго Михайла
В—аго, называетъ между прочимъ—*Stare i Nowe Lubnie, Ale-
xandrow zwane*. Имѣя свѣдѣніе, что лубенское населеніе въ это
времѧ размѣщалось (см. ниже) въ центрѣ городка и на его
предмѣстяхъ, слѣдуетъ заключить, что подъ именемъ *Старыхъ
Лубенъ* разумѣлся замокъ и мѣсто, расположенные на мѣстѣ
старао лубенского городища, а *Новые Лубны* сосгояли изъ
предмѣстій, вовникшихъ вокругъ этого городища. Возобновленіе
поселенія на мѣстѣ стараго лубенского городища послѣдовало,
какъ мы уже видѣли, ок. 1590 г., а въ 1591 г. возобновлен-
ному подъ именемъ *Александрова* городку дано было, по сви-
дѣтельству польскихъ источниковъ, уже и магдебургское право²⁾.
Объ укрѣплениіи лубенского замка можно судить уже и потому,
что Михаилъ В—ій переправилъ сюда изъ Овруча 43 пищали
(hakownic)³⁾. Первое наше свѣдѣніе о лубенской администраціи
относится къ 1623 г., когда Лубнами правиль Мартынъ Нагурскій,
„староста лубенскій.“ Населеніе города въ это времѧ дѣлилось:
на „громаду“ и „товариство“. Представителями „громады“
были: „войтъ лубенскій“ Федоръ Бышовецъ и бурмистры:
Іосифъ Свитайло, Сидоръ Адамовичъ, Олекса Товкачъ, Миско
Марченко, Иванъ Витязь, Иванъ Бей, Федоръ Печеникъ. Всѣ
эти лица, составляя громадскую администрацію, подписывая

¹⁾ Для этого мы пользуемся книгой г. Яблоновскаго—*Zródła Dziejowe*, томы XX и XXI, и тѣма выписками изъ книгъ Кіевск. Центр. Архива, которыя были помѣщены умершимъ И. П. Новицкимъ въ Кіевск. Губ. Вѣд. 1869 и 1870 г. г.

²⁾ *Słownik Glogr.*, XIV, 228. (Обширная статья г. Яблоновскаго—*Zadnieprze*).

³⁾ Архивъ Ю. З. Россіи, ч. 7 т. II, стр. 413. Линде говорить, что таковницы (rodzaj strzelby długiey) dawniej po fortecach w moszny byly uzywaniu.“

юридические акты, заносимые въ „книги мѣскія ратуша лубен-скаго“, добавляли—„зо всею громадою“, указывая на то населеніе мястѣа Лубень, которое поэому и называлось мящанами и которому противополагалось „товариство.“ Послѣднее въ 1623 году представлялось въ такомъ видѣ: „Стефанъ Жукъ, атаманъ войска запорожского лубенскій, Федоръ Пирскій, Янъ Гендрикъ, Стась Яблоновскій зо всѣмъ товариствомъ.“ Судя по именамъ, Гендрикъ и Яблоновскій были поляки, хотя по акту, изъ котораго мы беремъ свѣдѣнія о нихъ, лица эти вмѣстѣ съ другими членами „громады“ и „товариства“, отдали—„духъ, которій сполечне зъ собою мѣли, кождій свою часть, на рѣчцѣ Олшанцѣ, за прозбою отца владики о. Ісаї (Копинскаго), до монастыря Мгарскаго лубенскаго, на хвалу божію.“ Изъ этого же акта, между прочимъ, видно еще, что въ этотъ моментъ Лубны назывались одновременно и Лубнами, и Александровомъ; Нагурскій подписался старостою *александровскимъ*, а Бышовецъ—войтомъ *лубенскимъ*¹⁾. Упоминаемый здѣсь Ісаія Копинскій, управляя въ это время Мгарскимъ монастыремъ, былъ въ то же время, такъ сказать, охранителемъ „всходнаго православія“ въ Лубенцинѣ. По его начинанію, въ 1622 г., было учреждено „въ градѣ Александровѣ братство церковное, при храмѣ церкви соборной братской пресв. Троицы²⁾“. По сохранившимся въ *тарифахъ* свѣдѣніямъ населеніе Лубенъ въ 1628 г. представляется въ такомъ видѣ: „дымовъ рыночныхъ—18, уличныхъ—8, предмѣстныхъ—40, убогихъ хижинъ—80, попъ—1, мельникъ—1, портныхъ—2, рѣзниковъ—4, сапожниковъ—4, кузнецовыхъ—2, „ладарей“—2, рыбаковъ—4“³⁾. Изъ этого описанія видно, что собственно городъ, вмѣщавшій замокъ и място (рынокъ), заключалъ въ себѣ 26 домовъ, изъ которыхъ 18 домовъ окружали рыночную площадь, а 8—расположены были въ ули-

¹⁾ Акты Мгарск. м.—ра, л. 322 об. По акту 1628 г. войтомъ *александровскимъ* (лубенскимъ) значится Федоръ Лушевичъ или Лунъ, а бурмистрами: Начи-поръ Кудренко, Федоръ Неченикъ и Лапко Зубковичъ.

²⁾ Постановление объ учрежденіи троицкаго братства въ Лубвахъ помѣщаемъ въ *приложенияхъ*.

³⁾ Тутъ же показано, что водяныхъ мельницъ („колеѣ“) въ Лубвахъ было пять и при нихъ—сукновалевъ двѣ.

цахъ, примыкавшихъ къ этой площади. Остальное населеніе размѣщалось въ 120-ти домахъ, составлявшихъ, повидимому, *Новые Лубны*, поселеніе отдаленное отъ замка, при чмъ 40 домовъ этого поселенія принадлежали людямъ болѣе менѣе имущественнымъ, а 80—бѣднымъ. Всѣхъ домохозяевъ было въ замкѣ и его предмѣстяхъ—около полутораста.

Мгарскій хуторъ, возникшій около монастыря, по акту Лубенского старосты (?) Андрея Калиновского, въ 1624 г. былъ отданъ въ „поссесію“ Исаи Кошинскому: „по приказу князя его милости (онекуна кн. Константина?), хутортъ Мгарскій, съ подданными на томъ грунтѣ сидящими, пускаемъ въ поссесію его мил. о. Исаи, епископу, архимандриту; при этомъ—по отношенію къ подданнымъ мгарскимъ, живущимъ на томъ грунтѣ, около „млинка“ монастырскаго, уступаю (устѣрциє) злотыхъ 30, которые по ласкѣ князя его мил. имѣеть аренда лубенская“. Упоминаемый здѣсь хутортъ безъ сомнѣнія есть теперешнее село Мгарь.

Александровка. По акту 1617 г. показаны—*Lubni albo Alexandrow*, и отдалено—*m. Alexandrowka*, которая слѣдовательно обозначаетъ теперешнее село Александровку, расположеннную при р. Слѣпородѣ и основанную, судя по названію, при Александрѣ Вишневецкомъ.

Лукомль. По акту 1604 г. владѣлецъ Жеребятина (переясл. у.). жалуется на Михайла В—аго за приемъ въ Лукомль его бѣжавшихъ крестьянъ. Въ 1628 г. Лукомль былъ вторымъ послѣ Лубенъ, по населенію, городомъ. На составъ населенія этого городка можетъ указывать слѣдующее свидѣтельство мгарского монаха, относящееся къ 1625 г. и записанное въ 1671 г.— „Року 1625, за панства лядскаго, скоро монастырь (Мгарскій) ставъ будоватися, человѣкъ лукомскій на имя Кириллъ, пріѣхавши до монастыря, порадивъ чернцомъ (монахамъ)—барзо, мовитъ, добре на Красныхъ (урочище на Сулѣ, около Лукомля) рыбу ловити, я васъ, мовитъ, самъ тамъ заведу и спосѣбъ покажу, которога рады (совѣта) послухавши, заразъ чернцовъ зъ нимъ послали и онъ ихъ тамъ завѣвъ; которій то Кириллъ потомъ и самъ засталъ чернцемъ у Мгарѣ и дали

ему имя Кипріапъ, и вчинили (его) старшимъ рибалкою, и послали его на Красніе, и зоставалъ старшимъ рибалкою, начальникомъ, ажъ до смерти, бо тамъ на плавняхъ и умеръ. *A панове у Лукомль были тихъ часовъ tie:* п. Мокрскій, п. Дашківскій, п. Война, п. Замойскій, а жадной криви и перешкоды чернцамъ у ловленню рыбъ на Красныхъ тіі панове не чинили; ащо-бы где якое мужицкое жерело было, того не было. Правда, що волно и мужикамъ ставити вятеръ было. *Рыбалки панские* всюди тамъ (около Лукомля, на Сулѣ) ловлювали рыбу, щобъ що тижня на потребу панскую рыба была; першій и старшій рыбалка былъ Махно, албо Матвій, другій Васко Губаръ, третій Германъ, а четвертий Цвей прозвыскомъ, которій то Цвей чернцюмъ на своей части позволиль жерело прокопати¹⁾... Упомянутые въ этомъ показаніи „паны“—Мокрскій и др.—при надлежали, нужно думать, къ составу администрації, такъ какъ другихъ собственниковъ-пановъ въ Лубенщинѣ, помимо Вишневецкаго, не было. Лукомскіе „мужики“, какъ видимъ, никакихъ правъ собственности, напр., въ рыбныхъ ловляхъ по Сулѣ, не имѣли, изъ чего можно заключить, что не имѣли они правъ собственности и въ какомъ либо другомъ недвижимомъ имуществѣ. Въ Лукомль въ это время было: „дымовъ рыночныхъ—10, уличныхъ—25, предмѣстныхъ—24, убогихъ хижинъ—45“, причемъ показаны еще: священникъ—1, мельникъ—1²⁾, портной—1, рѣзчикъ—1, кузнецъ—1, „дудка“—1, рыбакъ—2. Какъ видимъ и въ Лукомль—въ замкѣ и въ мѣстѣ было 35 домовъ, а на предмѣстяхъ—69, т. е. всего болѣе ста дворовъ.

Хоролъ по актамъ 1618 г. упоминается въ числѣ имѣній Михайла В-аго, причемъ носилъ название и Ярослава³⁾.

¹⁾ Акты Мгарск м-ря, л. 319 об.

²⁾ Мельничныхъ „колесъ“—2 и скуновални—1.

³⁾ Такъ какъ въ числѣ Вишневецкихъ, имѣвшихъ отношеніе къ Лубенщинѣ, мы не знаемъ ни одного, который бы носилъ имя Ярослава, то можно предполагать, что новое возваніе старому Хорольскому городищу усвоено было первыми его насельниками, пришедшими сюда изъ галицкаго Ярослава. Такое переселеніе ярославскихъ жителей могло имѣть мѣсто, напр., въ 1600 г., когда весь Ярославъ выгорѣлъ и его населенію приходилось „на nowym kozieniu budowaæ.“ *Wiadomość o m. Jarosławiu, Siarczyńskiemu, (Lwów, 1826),* стр. 77. Такой же пожаръ случился

Горошинъ по актамъ 1618 г. называется *новою осадою*, причемъ видно, что первое населеніе сюда пришло изъ Лишни и Сосновки¹⁾.

Буромка. По акту 1609 г. упоминаются *буромскіе подданные* Михайла В—аго, а по акту 1618 г.—называется *слободою*²⁾.

Жолнинъ. По актамъ 1604—1607 г.г., владѣльцы праваго берега Днѣпра жалуются на Мих. В—аго за пріемъ въ Жолнинъ бѣжавшихъ ихъ подданныхъ, причемъ видно, что въ числѣ бѣглецовъ было восемь человѣкъ изъ *Мозырской* повѣта. Въ 1618 г. кіевскіе базиліане, владѣвшіе тогда имѣніями Михайловскаго м-ря, жаловались на Юрія В—аго за то, что онъ поселилъ Жолнинъ на ихъ землѣ, называемой Климатино. Ов. 1630 г. Жолнинъ платилъ В-имъ 180 злотыхъ повинностей.

Сльпородъ въ 1628 г. имѣлъ дымовъ—2 и огородниковъ—6. Слѣдуетъ думать, что это поселеніе возникло около Сльпородскаго м-ря, на возобновленіе котораго опекунъ Константина В—ій далъ разрѣшеніе, въ 1621 г., какому то священнику Зоилу³⁾.

Снятинъ по акту 1628 г. показанъ *новоосѣлымъ* (хотя упоминается уже въ и въ актѣ 1617 г.), при чмъ въ немъ значится: дымовъ осѣдлыхъ—5 и огородниковъ—10, а затѣмъ въ томъ же году въ Снятинѣ же показано: дымовъ рыночныхъ—7, уличныхъ—10, на предмѣстїи—5 и убогихъ—8. При этомъ показанъ и одинъ священникъ. Эта разница въ населеніи, за одинъ и тотъ же годъ, произошла вѣроятно вслѣдствіе ошибки въ датѣ первого акта, писаннаго должно быть въ 1608 г., а не въ 1628 г.

Сенча. Въ 1613 г. владѣлецъ Ржищева жалуется на Мих. В—аго за пріемъ бѣглыхъ его крестьянъ въ Сенчу. Жаловались тогда же и другіе правобережные владѣльцы за то же на В—аго, напр., въ 1618 г.—за крестьянъ, бѣжавшихъ въ Сенчу же

въ Ярославѣ и въ 1625 г., выданный послѣ котораго Ярославскимъ жителямъ „привилей“ указываетъ, что и безъ пожара иль жилое не легко. Т. ж., 83. Впрочемъ, кромѣ Ярослава галицкаго, есть и въ Подолії (летичевск. у.) с. Ярославка.

¹⁾ Лишня и Сосновка—обѣ деревни теперь въ Кіевск. уѣздѣ.

²⁾ Боремля (мѣстечко) есть въ дубенск. у., волынск. губ.

³⁾ Архіви. отрывки для исторіи Полтавск. епарх. (Полтава, 1887), стр 39.

изъ Рожева и Ходоркова. Ок. 1630 г. Сенча платила В-имъ 180 золотыхъ денежной повинности.

Лохвица. По акту 1628 г. значится здѣсь дымовъ осѣдлыхъ—6 и огородниковъ¹⁾, но это поселеніе упоминается уже и въ актѣ 1618 г.

Роменъ. По акту 1618 г. значится *Stare i Nowe Rumieńskie*. Указаніе здѣсь на два Ромна, старый и новый, можетъ быть объяснено такъ, какъ это сдѣланно и относительно Лубенъ (стр. 222), т. е., что *старымъ* Ромнамъ называлось поселеніе сѣвшее на старомъ городищѣ, а *новый* Роменъ—былъ его предмѣстьемъ.

Краснобережье упомянуто въ актѣ 1818 (К. Стар., янв., 122), при чёмъ названо новоосажденнымъ мѣстечкомъ. Мы выскажали уже догадку, что м. б. это былъ тенерешній Красноколядинъ (конот. у.), нахожденіе котораго на высокомъ берегу р. Ромна, съ живописными видами, могло усвоить ему название *Краснобережья*, впослѣдствіи измѣненное добавленіемъ прозвища того урядника, который селилъ это мѣстечко.

Прилука. По акту 1617 г. упоминаются *Новая и Старая Прилуки*. И здѣсь можно думать, что *старою* Пр. названо поселеніе сѣвшее на древнемъ городищѣ, гдѣ былъ устроенъ замокъ и *мѣсто* (рынокъ), а *новою* Прилуково—названо поселеніе, возникшее на предмѣстьѣ (фольваркахъ). По акту 1628 г.—значится здѣсь всѣхъ дымовъ—40 и одинъ священникъ.

Переволочна (иначе—*Miedzyrzecz*), по акту 1628 г. здѣсь дымовъ—2 и огородниковъ—4.

Варва по акту 1628 г. хотя и значится *новоосѣдлою*, но въ ней въ это время уже находилось: дымовъ—10 и огородниковъ—20.

Журавка упоминается въ 1612 г., а въ 1618 г. сюда бѣгутъ крестьяне изъ Козловки²⁾). По акту 1628 г. платить В-имъ денежной повинности 60 золотыхъ³⁾.

¹⁾ Ср. *Źródła Dziejowe*, XX, 70.

²⁾ Козловка, или Мал. Чернятинъ,—теперь село Бердичевск. у.

³⁾ Вѣриѣ, кажется, 160 злот., какъ у Новицкаго.

*Многа*¹⁾ известна уже по акту 1618 г., а по акту 1628 г. въ ней значится: дымовъ—8 и огородниковъ—8.

Пирятинъ. Изъ акта 1604 г. видно, что владѣлецъ Жеребятина (теперь Переясл. у.), Ложка жаловался на Мих. и Юр. В—ихъ за приемъ его бѣглыхъ крестьянъ въ Пирятинъ, который въ актѣ 1613 г. называется: *Piratyn Nowy, nazw. Mischajlów*; послѣднее название указываетъ, что Пиратинъ возобновленъ на „городищѣ“ Михайломъ В—имъ. По акту 1618 г. Пиратинъ платилъ В—имъ 225 злот. денежной повинности.

Куринка значится по акту 1618 г., а по акту 1628 г. здѣсь показано: дымовъ—5 и огородниковъ—10.

Перечисленныя поселенія представляли собою почти исключительно *городки*, отновленные на старыхъ *городищахъ*, причемъ такой городокъ, одновременно съ его возобновленіемъ, укрѣплялся *замкомъ*, снабженнымъ „арматами“ и „гаковницами“²⁾, подъ защитою котораго тутъ же возникалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и торговый центръ—*мѣсто* (рынокъ). Можно догадываться, что въ приведенномъ перечнѣ поселеній указаны не всѣ поселенія, уже существовавшія въ это время въ Лубенщинѣ. Такъ напр., здѣсь не упомянутъ Константиновъ (за Ромнѣмъ), который въ люстрації 1622 г. названъ „*слободою*“, съ добавленіемъ: „*w tym roku zaczęła się osadzać, mają slobody do lat 20*³⁾“. Были конечно и другія такія *слободы*, которыхъ только что начинали въ это время садиться и на бумагу еще тогда не попали...

Въ приведенныхъ свѣдѣніяхъ о существовавшихъ въ Лубенщинѣ въ перв. четверти XVII в. городкахъ,—обращаетъ на себя вниманіе малочисленность ихъ населенія, за немногими исключеніями. Очень можетъ быть, что населеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ городковъ умалилось во время кратковременного захвата ихъ кн. Юриемъ В—имъ (см. К. Ст. янв., 122), такъ какъ при возвращеніи захваченной послѣднимъ Лубенщины, по „де-

¹⁾ Теперь, *Городище—мѣстечко лохвицк.* у., піи впаденію р. Многой въ Удай

²⁾ Когда въ 1618 г. переводились эти „замки“ Раниѣ В—ой, то „слуги“ послѣдней заботились, чтобы „арматы, куле, порохи были пѣлы въ каждомъ месте въ замку“. Ки. градск. Житомирск. 1618 г., № 13, л. 1035. Кіевск. Цвтр. Арх.

³⁾ *Źródła Dziejowe*, V, 135.

крету" люблинского трибунала, возный Запольский, приводивший этот декрет въ исполненіе, говоритьъ, что „при томъ отбираню (маетностей) слышалъ онъ великие нареканя съ плачемъ тамъ тыхъ людей, ижъ ихъ—княжа его мил. панъ киевскій (каштелянъ, т. е. Юрій В—ій) зубожилъ велми, выбираючи неслыханные податки пѣнежные, быдлячие (скотомъ), медовъ, накидане горилки и селитры... А на остатокъ, же внивецъ (въ ничто) зубожено и знищено, для чего тежъ *трохи не половица ихъ се розышила*¹⁾... Такимъ образомъ отсюда мы видимъ, что уже и въ первую четверть XVII в., только что осѣвшее въ Лубенщинѣ населеніе, спова снималось съ облюбленныхъ мѣстъ и шло далѣе, конечно, на востокъ. Значить то движеніе „подданныхъ“ Ваго къ Путивлю, о которомъ писалъ Коледа Плещеву въ 1638 г. (стр. 217) имѣло мѣсто уже и раньше. Тѣмъ болѣе основаній, слѣдовательно, было у Іеремія В—аго для переселенія въ Лубенщину съ цѣллю,—познакомившись на мѣстѣ съ положеніемъ тамошнихъ его маетностей, лично заняться дальнѣйшимъ ихъ устройствомъ и развитиемъ.

Ал. Лазаревскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

¹⁾ Книга гродск. Житомирск. 1618 г., № 13 лл. 1034 и 1035. Киевск. Центр. Арх.

ЭПИЗОДЪ НА МОГИЛѢ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА.

(ЗАПИСКА ХУДОЖНИКА ЧЕСТАХОВСКАГО).

Въ „Кіевской Старинѣ“ 1886 г., № 2, была напечатана статья И. Биляка „Тревога надъ свѣжей могилой Т. Г. Шевченка“, гдѣ авторъ на основаніи документовъ рассказалъ о томъ дутомъ дѣлѣ, которое поднято было польскими панами о существующемъ яко-бы заговорѣ противъ помѣщиковъ, при чмъ центральный пунктъ заговора—свѣжая могила Т. Г. Шевченка. Героемъ и главой заговора выставленъ былъ „крестьянинъ-музыкантъ Грыць“, который затѣвалъ будто-бы какіе-то коварные планы относительно повторенія „Тарасовой ночи“, т. е. истребленія жидовъ и поляковъ. Разслѣдованіе этого дѣла тогда же, какъ мѣстными каневскими властями, такъ и губернскими—кіевскими, привело къ тому, что никакого заговора, конечно, нѣть, а что этотъ „Грыць“—не кто иной, какъ служацій въ капитулѣ орденовъ губернскій секретарь Григорій Николаевичъ Честаховскій, сопровождавшій изъ Петербурга въ Каневъ тѣло Т. Г. Шевченка и оставшійся послѣ похоронъ приводить въ порядокъ могилу его. Напоминая теперь читателямъ нашимъ эту любопытную статью И. Биляка, мы считаемъ умѣстнымъ въ настоящемъ февральскомъ номерѣ, ежегодно удѣляющимъ нѣсколько страницъ памяти Т. Г. Шевченка, напечатать сохранившуюся въ бумагахъ недавно умершаго Г. Н. Честаховскаго „записку“, передающую этотъ-же самый эпизодъ съ нимъ на свѣжей могилѣ Шевченка. По рукописи видно, что

этотъ разсказъ былъ составленъ Г. Н. Честаховскимъ въ видѣ докладной записки своему начальству, какъ объясненіе всего происходившаго съ нимъ. За предоставление въ наше распоряженіе печатаемой записки приносимъ глубочайшую благодарность В. В. Тарновскому.

Прибытие въ г. Каневъ и могила Шевченка. Общество украинцевъ въ Петербургѣ избрало меня для препровожденія изъ Петербурга въ каневскій уѣздъ тѣла умершаго малороссійскаго поэта Шевченка и для погребенія его на мѣстѣ, избранномъ имъ самимъ при жизни¹⁾). По сему случаю я получилъ отъ начальства дозволеніе на 28-мидневный отпускъ въ киевскую губернію и по прибытии моемъ въ городъ Киевъ передалъ тѣло поэта въ полное распоряженіе его братьямъ и сестрѣ, которые поставили гробъ поэта въ церкви Рождества на Подолѣ 6 мая вечеромъ, а 7-го, отслуживши панихиду, перенесли на ночь на пароходъ „Кременчугъ“. 8-го мая въ 7-мъ часовъ утра пароходъ снялся съ пристани и направилъ путь по Днѣпру въ Каневъ. Я сопутствовалъ за гробомъ съ тѣмъ, чтобы наблюдать, гдѣ похоронятъ поэта и дѣйствительно ли на томъ мѣстѣ, которое онъ самъ избралъ для себя еще при жизни. Привезши тѣло въ Каневъ, занялись похоронами. Могила была выкопана студентами Киевскаго университета, братьями и родственниками покойнаго и нѣкоторыми селянами, знаяшими при жизни покойнаго и чтившими память его.

По преданіи тѣла землѣ, отдавши послѣдній долгъ покойному поэту, всѣ сопутствовавшіе изъ Киева и другихъ мѣстъ начали разѣзжаться, и когда 12-го числа я одинъ, постыдивши могилу, думая послѣдній разъ передъ отѣзломъ поклониться батькови и другу, выйдя на высокую гору; увидѣлъ осиротѣлую могилу, то невыразимая грусть сдавила мнѣ сердце: не хотѣ-

¹⁾ Это „избраніе“ было сдѣлано поэтомъ лишь въ извѣстномъ его стихотворномъ завѣщаніи („якъ умру, то поховайте...“); никакихъ другихъ распоряженій насчетъ своей смерти поэтъ не дѣлалъ. См. Киевск. Стар. 1893 г., № 2, стр. 316.
Прим. А. Л.

лось разставаться съ мѣстомъ, гдѣ улегло тѣло нашего любого и дорогого кобзаря, а желалось самому закопаться въ той славной землѣ. Думаю: а кто жъ насыпль надъ нимъ высокую могилу по его завѣщанію? не попробовать ли мнѣ?

Едва блеснула въ моей головѣ эта *світла щира дума*, какъ изъ-за нея выросъ въ воображеніи мрачный демонъ-чудовище—мысль о провинціальномъ чиновничествѣ, способномъ изъ муhi вывести слона, хотя я зналъ о немъ только по наслышкѣ; это сильно пугало меня, но надежда: авось, можетъ быть, вывернусь, вольными широкими крылами разсѣяла по воздуху темное бѣсовское навожденіе и утвердила во мнѣ доброе намѣреніе сдѣлать послѣднюю услугу незабвенному батькови и другу Тарасу.

Объявивъ о моемъ намѣреніи—остаться на нѣкоторое время въ родной Украинѣ, между своего народа подышать ея воздухомъ послѣ 18-ти-лѣтняго моего отсутствія,—одному изъ почитателей покойнаго поэта, знакомому съ нѣкоторыми властями города Канева, и о моихъ опасеніяхъ на счетъ чиновничества, я просилъ его представить меня нѣкоторымъ лицамъ, что и было сдѣлано имъ.

Когда явились мы къ нѣкоей особѣ, облеченнай значительною властью по тамошнему положенію, то особа эта сейчасъ же направила разговоръ на новое положеніе о крестьянскомъ бытѣ и свела на ту дорогу, что у нихъ нѣсколько мудрецовъ (такъ выражалась значительная особа) уже посажено въ тюрьму за чтеніе нового положенія объ улучшениі быта помѣщичьихъ крестьянъ, говоря: „мы ихъ голубчиковъ выведемъ“.

Такимъ образомъ участъ моя заранѣе решена; стало быть—другими словами: если хочешь остаться здѣсь, гдѣ царитъ порядокъ и спокойствіе, такъ полѣзай въ тюрьму, а не хочешь въ тюрьму, такъ убирайся отсюда.

Я съ своей стороны сдѣлалъ намекъ, что я художникъ и остаюсь только съ тѣмъ, чтобы насыпать могилу своему любимому земляку и народному поэту, и не только, молъ, тебѣ, но и никому изъ васъ не помѣшай порядковать во всѣ четыре заставки.

Обращеніе съ народомъ. Между тѣмъ по разнесшимся слухамъ о привозѣ и погребеніи тѣла Шевченка въ Каневѣ, безпрестанно прибывалъ разнаго званія народъ, чтобы посмотретьъ могилу и поклониться праху покойнаго. Послѣ погребенія Шевченка, народъ съ самаго начала прибывалъ, частію съ барокъ и плотовъ съ лѣсомъ, плывущихъ по Днѣпру и проходящихъ какъ разъ у самой подошвы Чернечей горы, на которой погребенъ поэтъ (народъ этотъ большею частію литвины; малороссіяне наши называютъ ихъ *кракодзеями*), а частію съ пароходовъ, пристающихъ въ полуверстѣ отъ могилы Шевченка. Посѣтители съ пароходовъ большею частію благородное сословіе: офицеры, гражданскіе чиновники, студенты, дамы и разнаго званія люди. Потомъ уже, по мѣрѣ распространявшихся слуховъ, начали посѣщать могилу поэта духовенство и сельскій народъ изъ окрестностей, въ особенности въ воскресные и праздничные дни.

Оставшись одинъ исполнить свое намѣреніе насыпать могилу надъ прахомъ любаго батька Тараса, 12 мая я перешелъ изъ Канева и поселился въ маленькомъ сельцѣ, на разстоянії полторы версты отъ центра города и въ двухъ съ половиною отъ могилы, юбо могила поэта находится верстахъ въ четырехъ за Каневомъ внизъ по теченію Днѣпра. Во время производства работъ и во все время жительства моего въ Каневѣ, я постоянно находился между крестьянами и обходился съ ними, какъ слѣдуетъ честному человѣку и христіанину, ласково и привѣтливо, однимъ словомъ—по братски и какъ родной ихъ селянинъ¹⁾). На разные вопросы ихъ о какомъ-либо недоразумѣніи объяснялъ имъ, какъ слѣдуетъ и какъ я понимаю, но вопросы эти и объясненія мои касались исключительно семейныхъ дѣлъ, ссоры крестьянъ между собою и другихъ разныхъ обыкновенныхъ предметовъ, не заключающихъ въ себѣ ничего политического и важнаго. Когда-же крестьяне обращались съ вопросами относительно ихъ свободы изъ крестьянского состоянія или

¹⁾ Н. Г. Ч—ій по происхожденію былъ самъ крестьянинъ, родомъ изъ Новороссіи А. Л.

съ жалобами на притѣсеніе пановъ (помѣщиковъ), тогда я объяснялъ имъ, что я самъ положенія о свободѣ крестьянъ не читалъ и не знаю правилъ въ немъ изложенныхъ, почему и не могу имъ объ этомъ предметѣ ничего объяснить, кромѣ только совѣтовать, чтобы безпрекословно они повиновались своимъ панамъ и исполняли-бы всѣ обязанности, какъ и прежде, что въ противномъ случаѣ, чего Боже сохрани, они подвергнутъ себя большой бѣдѣ и отвѣтственности, чему были уже многіе прімыры. Однажды крестьяне говорили мнѣ, что будто-бы въ положеніи нѣтъ двухъ нужныхъ листовъ, которые будто-бы вырваны, и они не знаютъ, что въ тѣхъ листахъ написано. Тогда я увѣрилъ ихъ, что всѣ листы цѣлы, и они болѣе не сомнѣвались. А о притѣсеніяхъ и побояхъ, дѣлаемыхъ имъ панами, совѣтовалъ обращаться съ просьбами своими къ ближайшему начальству; въ случаѣ же неудовлетворенія—къ высшему начальству и даже къ самому губернатору. Когда-же мѣщане г. Канева обращались ко мнѣ съ просьбою прочитать и растолковать имъ ихъ древне-народныя права, а крестьяне просили прочитать новое положеніе о ихъ свободѣ, я рѣшительно отъ всего этого отказался, объясняя имъ откровенно, что не могу исполнить ихъ просьбы, ибо и безъ того здѣшніе паны и чиновники подозрѣваютъ меня въ какомъ-то съ народомъ сближеніи и заговорѣ, что, пожалуй, сочтутъ меня народнымъ бунтовщикомъ, и потому просилъ ихъ отнюдь не обращаться болѣе ко мнѣ съ подобными просьбами. Затѣмъ, въ свободное или праздничное время отъ нечего дѣлать я занимался рисованіемъ съ натуры окрестностей и по просьбѣ крестьянъ съ удовольствиемъ читалъ и объяснялъ имъ, на понятномъ для нихъ малороссійскомъ языкѣ, разные стихи и повѣсти извѣстныхъ сочиненій Шевченка, Основьяненка и другихъ малороссійскихъ поэтовъ. Стихи и повѣсти эти, какъ народные и отпечатанные въ особыхъ брошюрахъ были высланы изъ Петербурга по почтѣ для распродажи, и крестьяне покупали ихъ отъ меня съ большою охотою.

Негодованіе польскихъ пановъ и чиновнаго люда. Подобныя мои простыя, дружескія и ласковыя обращенія съ крестьянами

и простые добрые имъ совѣты возбуждали въ нихъ общую ко мнѣ любовь и довѣренность, и они между собою называли меня всегда Грыцемъ. На противъ того, паны ихъ, или помѣщики и прочій чиновный людъ, возымѣли ко мнѣ за то какую-то ненависть и подозрѣніе и, какъ мнѣ известно, что они еще болѣе имѣли на меня негодованіе за то, что я былъ усерднымъ участникомъ въ погребеніи на ихъ землѣ Шевченка, какъ человѣка, бывшаго для нихъ всегда ненавистнымъ, но любимаго простымъ народомъ, и за то, что я съ этими панами во все время моего жительства въ Каневѣ не имѣлъ никакого знакомства, не сходился съ ними и не обращалъ никакого вниманія на ихъ негодованіе и на взводимыя ими на меня разныя нелѣпныя исторіи, которыя доходили до слуховъ моихъ отъ крестьянъ и которыя, какъ сказки, я не нахожу нужнымъ здѣсь объяснять. Вообще съ чиновниками я не сближался и не знакомился изъ опасенія, что они по своимъ взглядамъ на міръ и людей и по закоренѣлымъ судейскимъ убѣжденіямъ будутъ взвѣшивать каждое мое слово на свой канцелярско-судейскій ладъ; изъ этого непремѣнно выведутъ какую-нибудь исторію, облекутъ ее въ дѣло и поведутъ его законнымъ порядкомъ,—тогда, какъ хочешь такъ и, вожайся съ нимъ. Признаюсь, эта мысль пугала меня болѣе огня—и не даромъ. Наша народная поговорка гласитъ: „тоді одъ ныхъ сковаешся, якъ у землю вкопаешся“. И потому, при встрѣчѣ съ чиновнымъ классомъ я или сворачивалъ съ дороги въ сторону, или потуплялъ взоръ, чтобы не встрѣчаться даже взглядомъ съ нимъ. Даже съ хозяиномъ, у которого остановились мы на квартирѣ по прибытии въ Каневъ, я избѣгалъ всякихъ встрѣчъ и объясненій, хотя за это онъ и посматривалъ на меня искоса.

Задержаніе въ городѣ Каневѣ и прибытіе съѣзженої комиссіи. По совершенномъ окончаніи всѣхъ работъ и распоряженій моихъ по погребенію тѣла Шевченко, я имѣлъ намѣреніеѣхать обратно въ Петербургъ и 18 июня вечеромъ, явясь къ начальнику полиціи, надворному совѣтнику Котлярову, просилъ о выдачѣ мнѣ вида на отъездъ. Котляровъ и обѣщалъ это исполнить на другой день утромъ, т. е. 19 іюля.

Когда же я возвращался на свою квартиру и стала укладывать свои вещи, приготовляясь къ отъезду, то явился ко мнѣ квартальный надзиратель (это была уже полночь) и объявилъ, что начальникъ полиції требуетъ меня немедленно къ себѣ. Удивляясь такому требованію въ полночное время и интересуясь знать причину, я тотчасъ отправился вмѣстѣ съ квартальнымъ надзирателемъ и, когда прибылъ къ начальнику полиції, то онъ потребовалъ отъ меня подписку подъ строгою предъ закономъ отвѣтственностью о невыѣздѣ моемъ изъ города Канева впредь до разрѣшенія начальства, объявивъ, притомъ, что о причинѣ этого задержанія я узнаю въ свое время. Исполнивъ бевпрекословно требованіе начальника полиції, я отправился обратно на квартиру свою, и съ того времени постоянно слѣдилъ за мною повсюду полицейскій солдатъ. Выждавъ довольно долгое время и не получивъ свѣдѣнія о причинѣ задержанія меня, я донесъ объ этомъ моему начальству.

Между тѣмъ стороныю я узналъ, что отъ мѣстныхъ властей города Канева послано три эстафеты въ Кіевъ къ генеральному губернатору о томъ, будто бы я пріѣхалъ въ Каневъ съ предложеніемъ поднять гайдамащину и возмущаю народъ взяться за оружіе и рѣзать польскихъ пановъ. Вслѣдствіе сего 20 іюля пріѣхали въ Каневъ: начальникъ губерніи генералъ-лейтенантъ Гессе, полковникъ корпуза жандармовъ Грибовскій и чиновникъ особыхъ порученій генераль-губернатора...

Не дождавшись требованія меня, я тотчасъ явился къ г. губернатору и, объяснивъ ему причину нахожденія моего въ Каневѣ, обращеніе мое съ крестьянами и нѣсколько случаевъ, доказывающихъ мою невинность, просилъ изслѣдовать клевету и сдѣланный на меня ложный доносъ. При семъ его превосходительство, порядочно ругнувъ покойнаго Шевченка, упрекалъ насъ малороссіянъ за то, что мы вздумали поднять такъ wysoko Шевченка не по заслугамъ его, что будто бы Шевченко хотѣлъ поднять упадшую малороссійскую народность, а самъ былъ не что иное, какъ пьяница, и проч.—Въ заключеніе же этой горькой эпитафіи покойному Шевченка сказалъ мнѣ: „обождите нѣ-

сколько дней, мы спросимъ, кого надо, и если вы окажетесь не виноватыми, то отпустимъ васъ, въ противномъ же случаѣ, чтобы я извинилъ его и не пенялъ бы на него. Послѣ сего г. губернаторъ, пробывъ въ Каневѣ 6 дней и не открывъ никакого возмущенія, напротивъ, найдя совершенное спокойствіе и тишину и удостовѣрившись въ ложной тревогѣ, причиною которой былъ главнымъ виновникомъ какой-то полицейскій чиновникъ изъ властей города Канева—Монастырскій,—изъявилъ на него свое неудовольствіе и 25 іюля уѣхалъ обратно въ Киевъ, оставивъ для дальнѣйшаго разслѣдованія полковника Грибовскаго и чиновника... По моимъ же объясненіямъ, какъ мнѣ известно, никакого распоряженія сдѣлано не было,—которая вѣроятно были приняты только къ свѣдѣнію,—и я оставался по прежнему подъ надзоромъ полиції и съ запрещеніемъ посѣщать могилу Шевченка.

Отображеніе вопросныхъ пунктовъ. 1-го августа я былъ потребованъ къ полковнику корпуса жандармовъ Грибовскому, которымъ было предложено мнѣ 15 вопросныхъ пунктовъ такого содержанія, какъ бы оные предлагались государственному преступнику, народному бунтовщику и врагу всякаго порядка и общественнаго спокойствія. По отображеніи же отъ меня на всѣ эти пункты объясненій, г. Грибовскій обязалъ меня подпискою ѻхать немедленно въ Киевъ и явиться къ генералъ-губернатору князю Васильчикову такъ, чтобы полиція не знала и не успѣла бы прежде меня дать знать ему о моемъ пріѣздѣ, что въ точности мною и было исполнено.

Объясненіе съ генералъ-губернаторомъ княземъ Васильчиковымъ въ Киевѣ. По пріѣздѣ моемъ въ Киевъ я узналъ, что генералъ-губернаторъ находится на дачѣ, въ 7-ми верстахъ отъ города; тотъ же часъ нанялъ извоница, отправился туда и, найдя его въ саду гуляющимъ съ дамами, явился предъ нимъ и желалъ объясниться, но онъ приказалъ мнѣ явиться къ нему для объясненія въ Киевъ на другой день, гдѣ онъ будетъ въ 12 часовъ. Когда же явился я къ нему въ Каневѣ, то послѣ сдѣланныхъ мнѣ нѣсколькихъ вопросовъ, а мною отвѣтовъ, онъ спросилъ, въ чемъ заключалось мое главное занятіе въ Каневѣ?

Я отвѣтилъ, что въ приготовленіи могилы для погребенія тѣла покойнаго Шевченка и насыпи на ней, вмѣсто памятника, въ видѣ кургана, потомъ въ рисованіи съ натуры окрестностей. Затѣмъ князь опять спросилъ: „а для чего эти рисунки, для изданія что-ли какого?“ Я отвѣчалъ: „можетъ быть въ послѣдствіи, но теперь едва-ли это можно будетъ исполнить, ибо я скромный и бѣдный художникъ“. Послѣ сего князь сказалъ: „вотъ то-то! дѣлая могилу для Шевченка, вы своими чтеніями и рассказами народу на украинскомъ языкѣ взволновали цѣлый край и привели помѣщиковъ въ ужаснѣйшій страхъ и трепетъ;—здѣсь владѣльцы все поляки, я получалъ отъ нихъ изъ разныхъ мѣстъ по нѣсколько эстафетовъ въ день и до такой степени былъ напуганъ этимъ, что хотѣлъ самъѣхать въ Каневъ, но такъ какъ былъ чрезвычайно занятъ, то на мѣсто себя послалъ начальника губерніи. Затѣмъ спросилъ, что я говорилъ съ крестьянами. Я отвѣчалъ, что говорилъ съ ними болѣею частью про ихъ семейныя дѣла и другіе разные, обыкновенные предметы, не заключающіе въ себѣ ничего политическаго и ничего важнаго. При семъ объяснилъ: какъ крестьяне просили меня прочитать имъ новое положеніе, какъ они сомнѣвались относительно выданныхъ въ немъ листовъ, какъ мѣщане просили меня прочитать хранящіеся у нихъ документы о древнихъ ихъ правахъ и какъ два крестьянина, одинъ съ матерью, избитой помѣщикомъ, а другой съ избитой женой-старухой, приходили ко мнѣ за советами, что имъ дѣлать и какъ поступить. Потомъ князь обратился вновь ко мнѣ со слѣдующимъ вопросомъ: „отъ чего-же въ такое короткое время народъ возьмѣль къ вамъ необыкновенное довѣріе? вотъ это-то и доказываетъ, что вы наговаривали народу! Извольте-ка объяснить мнѣ это?“ Я объяснилъ, что причина такому довѣрію самая простая и обыкновенная: родомъ-де я малороссіянинъ,—будучи хорошо знакомъ съ образомъ жизни и духомъ украинскаго народа, говорилъ съ ними на родномъ языкѣ просто, для нихъ понятно, обходился съ ними всегда дружески, ласково, по братски, какъ слѣдуетъ честному человѣку и христіанину, что вообще составляетъ въ томъ краѣ большую рѣдкость, такъ какъ

классъ, вышедшій изъ народа и ставшій выше его, пренебрегаетъ имъ, его языкомъ и оскорбляетъ его человѣческое достоинство высокомѣріемъ. Всякій изъ нихъ имѣлъ ко мнѣ смѣлый доступъ, во всякое время, какъ къ родному своему. При томъ-же привозъ покойника Шевченка въ Украину народъ считалъ для себя особеною царскою милостью, а меня считалъ не иначе, какъ пріѣхавшимъ прямо отъ царя и имѣющимъ право доносить царю обѣ обидѣ народа и обо всемъ, хотя я говорилъ имъ, что покойный Шевченко привезенъ въ Украину, какъ на свою родину, по его желанію при жизни, а не по волѣ царя, и что я также не отъ царя присланъ, а просто пріѣхалъ изъ собственного моего усердія, чтобы похоронить тѣло Шевченка здѣсь и чтобы самому пожить и подышать свѣжимъ воздухомъ. Но за всѣмъ тѣмъ народъ былъ убѣжденъ въ своемъ мнѣніи, ибо и послѣ нерѣдко были слышны слѣдующія слова въ народѣ: „спасыби цареви, дай ему Боже, чого винъ бажає, и пошли ему многи лита, шо теперъ и наша земля не пуста, шо теперъ и на нашей земли лежить дуже розумный чоловикъ, а то все паны, та паны, котори живцемъ грызуть насъ, якъ ти собаки!“

Когда-же я объявилъ князю, что относительно помѣщиковъ я всегда убѣждалъ крестьянъ повиноваться имъ и безпрекословно исполнять всѣ свои обязанности, тогда князь возразилъ: „неправда! вы этого не говорили!“ и присемъ взялъ со стола какую-то бумагу, началъ читать мнѣ, что однажды я шелъ на Мотовилово поле,—гдѣ покойный Шевченко при жизни желалъ купить для себя землю,—и говорилъ шедшему со мною крестьянину, что Шевченко умеръ въ тюрьмѣ, въ кандалахъ, защищая крестьянскую волю, что онъ-же составлялъ и самое положеніе обѣ освобожденіи крестьянъ отъ помѣщичьяго ига. Потомъ князь обратился ко мнѣ со словами: „здѣсь есть люди, готовые подъ присягой уличить васъ въ этомъ и во многомъ другомъ, подобномъ этому, за что Вы должны быть преданы суду.“

Когда-же я сталъ объявлять, что это ложь и клевета и я прошу изслѣдоватъ, что я готовъ на судъ, если буду виновенъ,—тогда князь сказалъ, что ему никогда заниматься этимъ дѣ-

ломъ и чтобы я не думалъ о слѣдствіи, присовокупивъ: „нѣтъ! мнѣ некогда заниматься такими пустяками, а я придумалъ лучше: извольте сейчасъ-же отправляться къ мѣсту вашего служенія, а мнѣ дайте подпиську, что Вы никогда не будете вѣзжать въ кіевскую губернію безъ разрѣшенія начальства губерніи и своего начальства, пока все это успокоится, измѣнится.—Извольте отправитъся къ начальному губерніи, тамъ дадите подпиську,—я уже говорилъ съ нимъ объ этомъ. Затѣмъ призвалъ своего адютанта, приказалъ ему отвести меня къ начальному губерніи и сказать ему, что я тотъ самый человѣкъ, о которомъ онъ говорилъ съ губернаторомъ. При семъ я просилъ позволенія пробыть въ Кіевѣ два дня, чтобы посмотреть храмы Божіи и Кіево-печерскую Лавру, на что получивъ дозволеніе, я имѣлъ честь откланяться его сіятельству.

Объясненіе съ начальникомъ губерніи. Явясь къ начальному губерніи, давъ требуемую подпиську, я обратился къ нему съ вопросомъ: не будетъ-ли этотъ странный случай имѣть дурного вліянія на мою службу? Онъ отвѣчалъ: „за что-же! мы ничего такого не писали о Васъ, за что-бы Вы могли отвѣчать, а только донесли министру внутреннихъ дѣлъ, что такой-то чиновникъ дѣйствительно находится въ какихъ-то близкихъ отношеніяхъ съ народомъ и что по доносу—будто-бы чрезъ то въ разныхъ скрытыхъ мѣстахъ собираются шайки подозрительныхъ людей, поютъ разныя гайдамацкія пѣсни проч.,—ничего не открыто и все тихо и спокойно;—такъ что-же можетъ быть Вамъ за это, не понимаю!“ Затѣмъ я объяснилъ начальному губерніи, что главный виновникъ этой ложной тревоги, какъ мнѣ известно, полицеіскій чиновникъ города Канева, Монастырскій, что до приѣзда въ Каневъ его, губернатора, не было никакихъ тревожныхъ слуховъ, все было тихо и спокойно, какъ и всегда, но когда поляки и евреи узнали о внезапномъ приѣздѣ его въ Каневъ, то тогда только стали какъ будто чего-то опасаться и распространять повсюду тревожные слухи такого рода, какъ будто что нибудь да есть важнаго, политическаго, скрытаго, го-

воля, что иначе бы такое лицо, какъ губернаторъ, не пріѣхалъ сюда напрасно.

Напротивъ того, малороссіяне спокойно смѣялись надъ ними, говоря, что ляхи сами себѣ надѣлали тревогъ и что всѣ выдуманные ими пустяки падутъ на ихъ-же пустыя головы, и больше ничего не будетъ. Выслушавъ меня, губернаторъ спросилъ, сказаль-ли я генералъ-губернатору о чиновнике Монастырскомъ? Я отвѣтилъ, что сказаль, и онъ, какъ будто довольный этимъ, присовокупилъ: „и очень хорошо сдѣлали, что сказали, но все таки я долженъ вамъ замѣтить, что никогда не надо сближаться съ простымъ здѣшнимъ народомъ и говорить имъ о старинѣ, о козачествѣ, о запорожцахъ, о гайдамакахъ и вообще о томъ, что было прежде, дабы не пробуждать въ народѣ ничего такого, что можетъ его взволновать.“ Другое дѣло за Днѣпромъ, въ полтавской и другихъ губерніяхъ: тамъ много козаковъ и самые помѣщики малороссіяне, а здѣсь этого нельзя, потому что здѣсь помѣщики все поляки и, хотя, положимъ, изъ подобныхъ разсказовъ ничего не можетъ быть или произойти возмутительного, да они боятся, чтобы на нихъ не напали крестьяне. Я отвѣчалъ на это, что такъ думаютъ и говорятъ люди, незнакомые близко съ украинскимъ народомъ, который безъ напоминанія очень хорошо и живо помнитъ свое прошедшее, о козачествѣ-же въ особенности, и знаетъ все то, что было въ старину, лучше настѣ, ибо известно, что всякое преданіе переходитъ изъ рода въ родъ, отъ отца къ сыну, отъ матери къ дочери, и такъ далѣе, и, чтобы убѣдиться въ этомъ, стоить только прислушаться къ ихъ бесѣдамъ. За симъ мы раскланялись, и я, пробывъ послѣ того въ Кіевѣ два дня, уѣхалъ въ Петербургъ.

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ НЕБЫЛИЦА.

Документальные подлоги никогда не были рѣдкостью въ исторіи. Въ эпохи, ознаменованныя борьбой религіозныхъ, политическихъ или даже научныхъ мнѣній, всегда находились лица, настолько увлекаемыя страстнымъ желаніемъ придать осправляемымъ положеніямъ авторитетъ непререкаемости, что не задумывались съ этой цѣлью сочинять подложные акты, письма, сказанія и че́рѣдко даже цѣлые сочиненія.. Большею частью такія поддѣлки предпринимались безъ всякихъ дурныхъ намѣреній, а съ чистою совѣстью, „мнаще тѣмъ служити службу Богу“, или же въ фанатическомъ убѣжденіи, что известный исторический фактъ существовалъ въ дѣйствительности, но только случайно затеряны подтверждающія его документальная данься. За такое дѣло обыкновенно брались люди знающіе, и въ этомъ заключается причина, почему некоторые фальсификаціи въ теченіе очень долгаго времени принимались всѣми за чистую монету. Минуя многочисленные случаи подобнаго рода поддѣлокъ въ западной Европѣ, мы изъ южно-русской исторіи укажемъ для примѣра на обнародованную въ 1606 г. известнымъ поборникомъ уніи Ипатиемъ Потѣмъ грамоту кіевскаго митрополита Мисаила, якобы посланную имъ къ папѣ Сиксту IV въ 1476 г., а на самомъ дѣлѣ, какъ полагаютъ, сфабрикованную самимъ Потѣмъ въ интересахъ любезной его сердцу уніи. Болѣе многочисленны поддѣлки другого рода, предпринимавшіяся лицами или же корпораціями въ видахъ юридического обоснованія известного права или вообще съ утилитарными цѣлями. Для примѣра можно указать на жалованную грамоту князя Андрея Бо-

голюбскаго, будто бы данную имъ въ 1159 г. Киево-печерскому, монастырю на г. Василевъ (теперешній Васильковъ) вмѣстъ съ прилегающею къ нему огромною территоріею по рр. Стугнѣ, Ольшаницѣ, Руткѣ, Бобрицѣ, Ирпени и проч. Грамота эта впервые была предъявлена, какъ безспорный документъ, еще въ концѣ XVI в., пещерскимъ архимандритомъ Мелетіемъ Хребтовичемъ-Богуристкимъ, вмѣстъ съ другою, тоже подложною ставропигіальною грамотою константиноп. патріарха Максима, съ датою 1481 г.¹⁾ Еще ступеню ниже—и мы имѣемъ дѣло съ подлогами въ прямомъ значеніи этого слова, за которые уже Литовскій статутъ грозилъ жестокой карой—сожженiemъ на кострѣ; сюда относятся: подложныя завѣщанія, дарственныя и долговыя записи и другіе документы. Въ актовыхъ книгахъ южнорусскихъ воеводствъ подобная фальсификація въ XVI в. были вовсе неизвѣстны, въ XVII онѣ лишь изрѣдка встрѣчаются а въ книгахъ XVIII ст. ихъ можно отыскать въ значительномъ количествѣ. Между ними нужно различать: а) подлоги въ грубою смыслѣ, тайно вписываемые въ актовыя книги съ какими-нибудь опредѣленными преступными цѣлями, и б) подложные документы, открыто предъявлявшіеся гродскими или земскими урядамъ для внесенія въ актовыя книги и простосердечно принимавшіеся урядниками за истинные. Обманъ особенно тогда легко удавался, когда предъявляемый документъ относился къ такимъ отдаленнымъ временамъ, что члены урада, по отсутствію историческихъ знаній, не имѣли возможности критически отнестись къ нему.

Такой именно документъ, подъ датою якобы 1076 года, нашли мы въ актовыхъ книгахъ первой половины прошлаго столѣтія. Кто занимался архивными разысканіями, тотъ легко пойметъ, съ какой сладостной тревогой забывается сердце въ груди присяжнаго архивиста, когда онъ, среди тоскливатого однообразія малоцѣнныхъ и малосодержательныхъ актовъ, вдругъ нападаетъ случайно на документъ съ такой внушительной да-

¹⁾ Грамота кн. А. Боголюбскаго издаваема была много разъ; между прочимъ она помѣщена въ „Описаніи Києво-печ. лавры“ иатроп. Евгенія. Грамота патр. Максима напечатана въ I т. 1-й части „Архива Юго-зап. Россіи“.

той! Глаза жадно пожираютъ драгоцѣнную находку—и на третьей же строкѣ очарованіе разлетается, какъ дымъ: подлогъ, и еще какой грубый, наивный, нелѣпый!..

Въ концѣ декабря 1739 года явился въ гродскій Летичевскій урядъ шляхтичъ Даниилъ Васютинскій и предъявилъ для внесенія въ актовыя книги ни болѣе, ни менѣе, какъ подлинную жалованную грамоту „найяснѣйшаго царя его милости Михаила Феодоровича Черниговскаго“, выданную якобы имъ своему боярину и доблестному рыцарю Владиславу Веніаминовичу Богушу на огромную территорію, лежащую „въ воеводствѣ Литовскомъ, въ княженіи и повѣтѣ Киевскомъ, въ чистомъ полѣ, въ дикомъ степѣ“, на р. Роси и ея притокахъ, подъ датою 1076 года. Летичевскій урядъ предварительно (какъ то требовалось закономъ) осмотрѣлъ представленный ему рѣдкій документъ и нашелъ, что онъ написанъ „рускимъ письмомъ“ на пергаментѣ, имѣть собственноручную подпись „eiusdem serenissimi imperatoris Michaylo Theodorowicz“ и знаки, что на немъ была царская печать привѣсистая, впослѣдствіи утерянная. Убѣдившись такимъ образомъ въ подлинности документа, Летичевскій урядъ, согласно просьбѣ предъявителя, внесъ его „отъ слова до слова“ въ гродскія книги, а подлинникъ возвратилъ пану Васютинскому, сдѣлавъ лишь на немъ помѣтку, когда и подъ какимъ числомъ онъ былъ „облятованъ“ въ Летичевскомъ гродѣ, что уже отчасти придавало документу характеръ юридической непререкаемости. Но Васютинскому мало было этого: черезъ два съ лишнимъ года, 10 марта 1742 года, онъ прибылъ въ Житомиръ ко времени открытія здѣсь сессіи гродскаго суда и вторично предъявилъ членамъ суда, для внесенія въ книги, ту же самую грамоту. И здѣсь урядники произвели надъ ней легкую археологическую экспертизу, увидѣли „собственноручную царскую“ подпись, слѣды бывшей нѣкогда привѣсистой печати, помѣту Летичевскаго града—и, не долго думая, признали документъ подлиннымъ и внесли его въ книги. Такимъ образомъ мы имѣемъ эту пресловутую грамоту записанную въ двухъ актовыхъ книгахъ Центрального архива: въ Летичевской книгѣ, № 5284, на листѣ 1191, и въ Житомирской, № 53, на л. 65.

И тамъ, и здѣсь она выписана буквально, но, по обычаю XVIII в., польскимъ, а не русскимъ алфавитомъ. Вотъ ея текстъ.

„Михайло Феодоровичъ одѣ колина Гудова Седмыдукя, зъ ласки Божои восточный царь и великий князь Черниговскій, Билевскій (sic), Киевскій, Билгородскій, Пиковскій, Новгородскій, Смоленскій, и второго нового Рыма Константиноополя, царствующаго города, Греческаго царства дидычъ и наследникъ, и на Калузи по отчетству царствующаго града Москвы основатель, и всея малыя, Великія и Білые Россы самодержецъ, сымъ изъявляю: Быть намъ чоломъ великий бояринъ новгородскій и великого Новгорода и Великихъ Лукъ, почтенный Владиславъ Веніаминовичъ Богушъ, року Божія тысяча семдесятъ шостого года; одваровалъ себи, рыцерскимъ способомъ и мужественною храбростію урочища значные въ воеводствѣ Лытовскимъ, въ княженіи и повити Киевскимъ, въ чистомъ поли, въ дыкомъ степѣ, а междо речками, пры головной реци Роси, зъ южной стороны на малой речци Котлуй и у фундаменти устья речки Свынки, Духни, Кирдны¹⁾, на усти Котлуга, пры реци Роси, Населыця, звышъ сего на реце Гонтлуга и Волкуновъ, Мохровня, при реци Боярской на вершинахъ Стрельница и Быкововщука²⁾ изъ ыншими обиходы своими. На тые урочища даемо се Владиславови Веніаминовичу почтенному Богушу вичного держания ему и жени его и сыномъ его одѣ рода въ родъ, за его значную услугу, како часъ не малый въ княженіи Киевскомъ бувши, рыцерство одправуючи и пролытия крови своеи не жалуючи, противъ крипкихъ выезжающы герцогныковъ и ихъ звятязства подъ мечъ свой нахыляль, великие обозы турецкіе и полки розбывши, и самого Курдюкъ, великого везира, прозваниемъ Барана, правителя Половцомъ, зъ его крипкими батракы, уродою Болгары, самъпята къ намъ въ Черниговъ привелъ. Мы же, его выдачы человека збранны, рыцира храбра, признавши кавалира, даемо сюю грамоту царственну на назвиска урочищъ выжей знаменыхъ, яко ся ныни рече, ген-

¹⁾ Въ Летич. книгѣ два послѣдовія имени переданы такъ: „Duck na Kurady“.

²⁾ Въ Летич. книгѣ: „у bysach Kowscucha“.

ту Кошова, къ нымъ же обтекуща 9-й дуктъ Диломиря¹⁾ земли земляномъ вкратцы полагаемъ. Токмо по разсмотрѣнью вѣлкого князя Лытовскаго Изяслава Веныславовича Радзивила, а эъ другой стороны на раздиленю почтенного воеводы виленскаго²⁾ Андрея Тышкевича, забираютъ себи тые жъ урочища должны и шырыну одъ Плоской Скалы зъ восточной стороны головнои реки Роси, на южной—Гопову луку, Богову гору, Кіевъ, Побой, простуючи на Половцовы шанцы у вѣлкого длинного окопу, яже близко реки Теснохи, уступывши реци Тесноси плоской косогоръ, до верху тояже самой реки Теснохи на Печениговъ одкопаный шляхъ, Печениговъ старый шляхъ, черезъ реку Крывшу, Крывша река обаполь до толстого турецкого длинного окопу въ себи завираеть, черезъ реку Котлуй и Дубовецъ, зъ устя до вершины Котлуя, на переносыну Мокрого озера, опрочьоловъ и луговъ, въ чемъ ся Котлуя не употребляемъ, токмо реку Боярку зъ вершиною симъ прывлашаємъ. Одсели назначывши, Татарскій вѣлкій шляхъ черезъ рѣчку Березянку сухимъ клиномъ, черезъ Волнявку на Чорногній Тыкичъ рику и Радзивилова моста, внизъ моста рика Тыкичъ еденъ берегъ зъ озерами до устя Березянки и Велкого залому, Дуныннымъ складомъ до вѣлкаго Козарскаго кургана, простуючи черезъ речку Боярску на Предывную долыну и Батыева кладезя, яже назвася Стратъ-Баранъ-поле, зъ Предывнои долыни въ ричку Озерянку, Червоною долыною до Крутой горы и Тисного перекопу возвратыся ко Вшуней на Кровавый Замисъ, вверхъ речки Сынчики, забираеть себи и Медыновъ вѣлкій шляхъ на Жолтую, курганъ Толстый на луде Плоской, Медыновъ, Пробытый шляхъ до головнои реки Роси, Плоского червоного каменя, головнои реки Роси одъ Червоного и Острого каменя, горы, и имуша вступныи затоны и проходные озера, луки и луги обаполь, клонится своими пожытками назвиску Неселыци генту Кошова и Духна Кирдомъ³⁾; какое

¹⁾ Въ Летич. книгѣ это мѣсто стольже мало понятно: Knum je obtek rubeza u ty dukt ditomirja!..

²⁾ Въ Летич. кни— „Wiłpskoł“.

³⁾ Въ Летич. книгѣ здесь снова, какъ и выше: „u duck na Kietlen“.

се дахомъ и дуктъ рубежа положихомъ, да впредъ сего кролеве польские, коронные посаженци, ни едныя черты сея грамоты не прекротять и оскудины, но все благополучно всяко изобиліе преподадутъ, симъ отверждаю, пры завышеныю печаты, рукою мою подпysуюся. Данъ въ Чернигови, тысяча семдесятъ шестого года, мисяца десамбра осмого дня.

Михайло Феодоровичъ Седмыйдука, восточный царь (manu propria).

Конечно, мы можемъ только удивляться крайнему историческому невѣжеству летичевскихъ и житомирскихъ гродскихъ урядниковъ, не усомнившихся признать подлиннымъ документъ, переполненный такими воплющими нелѣпостями и анахронизмами. Уже одинъ титулъ миѳического „царя“ и князя Михаила Феодоровича чего стоитъ! А этотъ храбрый „рыцарь“ Богушъ, одновременно громившій „обозы и полки турецкіе“ и бравшій въ плѣнъ „правителей половецкихъ“! или же члены межевой комиссіи, отводящей ему, по порученію черниговскаго князя, земли „въ воеводствѣ литовскомъ, въ княженіи и повѣтѣ кіевскомъ“: великий литовский князь Изяславъ Радивиль и воевода виленский Андрей Тышкевичъ!.. А земли-то отвели они щедрою рукою: судя по тѣмъ географическимъ даннымъ, какія могутъ быть точно определены, рѣчь идетъ о громадной территории, включающей въ себѣ два нынѣши. уѣзда кіевской губ.—сквирскій и таращанскій¹⁾). И какой это былъ прозорливый „царь“ или князь „Михаилъ Феодоровичъ: уже въ XI ст. онъ предвидѣлъ, что преемниками его верховныхъ правъ будутъ нѣкогда „кролеве польскіе“, и онъ даетъ имъ строгій наказъ отнюдь не уменьшать, а напротивъ увеличить пожалованнаго имъ храброму рыцарю владѣнія.

Но спрашивается: кому и для какихъ цѣлей понадобилось сочинить всю эту сплошную „безлѣпицу“? Определительно от-

¹⁾ Здѣсь упоминаютъ рѣки: Рось и ея притоки—Котуй, Дубовецъ, Березинка; Гнилый-Тыкачъ и его притоки—Бойка и Вовнянка; поселенія: Кирдынь—вѣроятно, с. Кирдавы, таращ. у.; Волкуновъ—дер. Базкунъ, того же у.; Населыця—с. Новоселица, сквирск. у.; Кошовъ, с. таращ. у.; Побойна, с. уманск. на границѣ съ таращ.; Баранье-поле. с. каневск. у.

в'йтти на этотъ вопросъ, конечно, нѣтъ возможности, но нѣкоторыя данныя для его рѣшенія им'ются.

Дѣло въ томъ, что тотъ же самый панъ Даниилъ Васютинскій, который въ декабрѣ 1739 г. первоначально предъявилъ эту грамоту въ летичевскомъ градѣ, въ то же самое время внесъ въ летич. гродскія книги „тестаментъ“ olim nobilis Якоби Богуша, датированный 1706 г., „въ с. Харковцяхъ, въизду Пирятинского (sic)“, и написанный довольно чистымъ малороссійскимъ языкомъ. Документъ этотъ былъ предъявленъ не въ подлиннику, а въ видѣ выписи или „екстракта“, „вынятого изъ книгъ мійскихъ гродскихъ (?)“—какого именно „міста“ или града, не сказано; судя по датѣ, можно бы думать, что рѣчь идетъ о г. Пирятинѣ, но тамъ никакого „града“ не было, да и „въиздъ (уѣздъ) Пирятинскій“ въ 1076 г. звучить какимъ-то страннымъ анахронизмомъ. Судя по всему, этотъ „nobilis“ Якобъ Богушъ болѣе похожъ былъ на „хлопа“, чѣмъ на „урожоного пана“: и „тестаментъ“ его написанъ простонародной рѣчью, и состояніе его было очень убогое: онъ завѣщаетъ своимъ дѣтямъ: „товару рогатаго шестеро“, денегъ всего лишь 16 талеровъ, плахты, запаски и проч. рухлядь крестьянскую; упоминаются, впрочемъ, и „грунты земные Кирданы“, но не опредѣляется, гдѣ именно они находятся¹⁾) Но этотъ убогій шляхтичъ имѣлъ нѣкогда весьма именитыхъ предковъ и свято берегъ память о ихъ рыцарскихъ дѣлахъ и заслугахъ. Еще въ молодыхъ годахъ, въ 1663 году, этотъ самый „урожоный его милость панъ“ Якубъ Богушъ лично предъявилъ въ Луцкомъ градѣ и внесъ въ актовыя книги жалованную грамоту 1438 г., данную одному изъ его предковъ Тимоѳею Богушу великимъ княземъ Литовскимъ Свидригайломъ о причислениіи его къ словію рыцарей великокняжескаго двора. Въ этой грамотѣ сообщается, что панъ Тимоха Оверкичъ Богушъ первоначально жилъ въ Новгородкѣ, въ „землѣ Сиверской“, и принадлежалъ къ роду „задному, великому“. Будучи лично „чоловѣкомъ рыцарскимъ а хотѣчи тымъ болѣй рыцерства своего доказовати“, онъ

¹⁾ Летич. гродская книга № 5284 и 1190.

оставилъ родную Сѣверщину, „выѣхалъ значе и оказале до великого княжества Литовскаго“ и предложилъ свои рыцарскія услуги князю Свидригайлу, которому его рекомендовалъ „и родъ зацнй дому его оповѣдалъ“ членъ велиокняжеской „рады“ князь Сангушко. И князь Свидригайло, проживавшій тогда въ своей любимой резиденціи—въ Луцкѣ, охотно принялъ „до двору своего“ знатнаго выходца, „яко человѣка зацнаго, родовитого и рыцерского“, предоставивъ ему пользованіе всѣми правами и „вольностями“, какія „иншы князи, паны и шляхта хоруговные заживають“ въ княжествѣ Литовскомъ, и обѣщая ему, „дастъ Богъ, и опатреніе вшелякое якое значное дати“, т. е. пожаловать имѣніе. „И волно ему въ здѣшнемъ панѣствѣ нашомъ жону пойти и титулу вшелякого и волности шляхецкѣ, яко властному шляхтичowi, тубылцови, заживати; а онъ намъ маєтъ, посполу з ыншою шляхтою, князи, паны и земяны нашими, службу военную отправляти“¹⁾). Сомнѣваться въ достовѣрности этой грамоты нѣтъ никакихъ основаній, такъ какъ подлинникъ ея, на пергаментѣ, со слѣдами существовавшей нѣкогда привѣсистой печати (и съ помѣткой на оборотѣ документа, что онъ былъ явленъ Якубомъ Богушемъ 28 авг. 1663 г. въ Луцкомъ гродѣ) и теперь хранится въ архивѣ петерб. Археографической комиссіи, куда онъ поступилъ въ 1835 г. изъ архива кіевской Гражданской Палаты. Слѣдовательно, существовалъ нѣкогда въ Сѣверской землѣ, а потомъ и на Волыни, древній и знатный русскій родъ Богушей, происхожденіе котораго, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ относится къ велиокняжеской эпохѣ. Польскіе геральдисты ничего не знаютъ объ этомъ древне-русскомъ родѣ; Нѣсекій лишь смутно помнитъ, что предки бѣлорусскихъ дворянъ Богушей нѣкогда перешли сюда изъ Кіевской земли²⁾; можетъ быть, и сѣверскіе Богуши вышли оттуда же. Впослѣдствіи въ лѣвобережной Малороссіи оказалось не мало Бугушей, потомковъ старой шляхты, оставшейся здѣсь еще со временемъ Хмельницкаго; но такъ какъ они

¹⁾) Грамота эта напечатана въ I т. Актовъ Зап. Россіи № 37.

²⁾) Herbarz Polski, т. II, стр. 208.

не примкнули своевременно къ войсковому уряду, то такъ и остались (къ концу XVIII ст.) въ непривилегированномъ положеніи, не смотря на свои докуметы¹⁾). Въ такомъ же положеніи оказались и сородичи или софамильцы ихъ въ правобережной Украинѣ въ первой половинѣ XVIII ст. Къ ихъ попыткѣ вернуть себѣ шляхетство и относится, по всей вѣроятности, составленіе и опубликованіе подложной грамоты якобы XI в., какую мы нашли въ летичевскихъ и житомирскихъ актовыхъ книгахъ.

О. Левицкій.

¹⁾ Записки Червиг. Стат. Комитета 1866 г., ч. 2, стр. 52.

Воспоминанія о фирмѣ братьевъ Яхненко и Симиренко¹⁾.

Братья Яхненко и Симиренко, обладая уже приличнымъ капиталомъ и состоя 1 гильдіи купцами г. Одессы, стали изыскивать средства къ болѣе широкой дѣятельности.

Въ концѣ 1830-хъ годовъ графъ Бобринскій устроилъ въ м. Смѣлѣ свой сахарный заводъ, и братья Яхненко и Симиренко изъ рафинадного завода графа Бобринскаго купили 10 тысячъ пудовъ сахара-рафинада по 28 руб. ассигнаціями за пудъ. Сахаръ продали въ городахъ Одессѣ, Севастополѣ, Николаевѣ въ своихъ мучныхъ лавкахъ по 38 и 40 руб. ассигнаціями и заработали около 100 тысячъ руб.

Заработокъ этотъ былъ довольно значительный и давалъ поводъ думать предпріимчивымъ людямъ о выгодности заниматься свекло-сахарною промышленностью. Впрочемъ, сами братья Яхненко и Симиренко не рискнули взяться за дѣло, но на выручку имъ явился племянникъ ихъ, Платонъ Федоровичъ Симиренко. Молодой человѣкъ, окончивъ курсъ образования въ лучшемъ тогда пансіонѣ Золотова въ г. Одессѣ, началъ заниматься торговыми дѣлами, которая развивалась быстро и прибыльно. Кромѣ крупчатыхъ мельницъ, братья Яхненко и Симиренко закупили въ значительномъ количествѣ пшеницу, отправляли ее въ Одессу, гдѣ въ шести своихъ лавкахъ, вели оптовую и въ раздробь торговлю мукою и полотнами. Платонъ Федоровичъ Симиренко, занявшись въ первое время торговыми дѣлами, сталъ

¹⁾ См. „Кіївск. Стар“ 1896 г., № 1.

послѣ подумывать о полученіи высшаго образованія въ университѣтѣ и съ разрѣшеніемъ родителей стать уже готовиться къ экзамену для поступленія въ московскій университетъ. Но случайно черезъ Смѣлу проѣзжалъ какой-то господинъ изъ Москвы, остановился въ домѣ Федора Симиренка, который между прочимъ сказалъ о желаніи сына поступить въ университетъ. Проѣзжій господинъ отозвался обѣ образованіи въ университетѣ не вполнѣ одобрительно и посовѣтовалъ старику не давать разрѣшенія, объясняя, что сынъ вашъ для васъ и для вашего занятія будетъ потерянъ, такъ какъ послѣ окончанія университета изберетъ другую дѣятельность. Слова проѣзжаго господина такъ напугали Федора Симиренка, что онъ наотрѣзъ отказалъ сыну въ средствахъ на поѣздку въ г. Москву и поступленіе въ университетъ. Платонъ Федоровичъ Симиренко, будучи огорченъ отказомъ отда въ полученіи образованія, рѣшился сначала самъ отправиться въ Москву, но вѣроятно недостатокъ средствъ не далъ возможности достигнуть своего желанія, и онъ сталъ заниматься веденіемъ счетовъ по конторамъ и сближеніемъ и знакомствомъ съ образованными нѣмцами и разными специалистами.

Въ началѣ 1840-хъ годовъ, какъ я уже сказалъ, свекло-сахарная промышленность въ Россіи была въ самомъ младенческомъ состояніи. Заводъ графа Бобринского въ м. Смѣль только нѣсколько выдавался изъ другихъ заводовъ; число же ихъ было незначительно, всѣ были огневые, парового ни одного; нѣкоторые изъ заводовъ имѣли видъ сараевъ, сдѣланныхъ изъ хвороста и глины, производство на нихъ было ничтожно, самые лучшіе заводы перерабатывали около 20 тысячъ берковцевъ. Извѣстно, что огневые заводы были въ то время страшными истребителями лѣсовъ и строились одни, какъ барская затѣя, другіе, чтобы эксплоатировать даровую рабочую силу крѣпостного люда, оставшуюся въ зимнее время безъ занятій, трети, чтобы истреблять малодоходные въ то время вѣковые прадѣловскіе лѣса. Рафинадныхъ свекло-сахарныхъ заводовъ было еще меньше: кажется, всего два—графа Бобринского въ Смѣль и графа Потоцкаго въ с. Орловцѣ. Сахарнымъ производствомъ на заводахъ, если не на всѣхъ, то на большинствѣ ихъ, завѣдывали ино-

странцы, преимущественно нѣмцы, и, нечего грѣха таить, неопытныхъ владѣльцевъ сильно надували. Высоко держали они знамя искусства, ревниво сохраняли его въ секретѣ, придавая ему, особенно въ рафинадномъ производствѣ, таинственность. Изъ нихъ двое пользовались въ краѣ наибольшою извѣстностью: это были два великихъ мага—нѣмцы: Покартъ и Неандръ. Господа эти жили пышно, держали себя гордо, заносчиво, разъѣзжали не иначе, какъ четвернею на подставныхъ лошадяхъ, хотя бы поѣздка была не далѣе 40 верстъ. Ихъ дѣятельность и выходки, характеризующія ихъ самихъ и былое еще не очень давнее время, могутъ показаться теперь анекдотичными. Напр., одинъ изъ нихъ, Неандръ, занимая барскій домъ, устроилъ на крыше его высокую башню, на которой, когда онъ былъ въ домѣ, поднимался великолѣпный громадной величины флагъ, а во время отсутствія, опускался, и всѣ по флагу знали, дома ли директоръ, или нѣтъ. Другой, Покартъ, любилъ разъѣзжать не иначе, какъ съ колокольчикомъ, что по Высочайшему повелѣнію не дозволялось тогда никому, кромѣ земской полиціи и почты. Черкасскій исправникъ старался изловить дерзкаго нѣмца, но Покартъ зналъ это и приготовился. Случай представился. 15 августа храмовой праздникъ въ смѣлянскомъ костелѣ и годовая ярмарка въ Смѣлѣ; съѣздъ помѣщиковъ громадный. Во время богослуженія въ костелѣ присутствовала земская полиція съ исправникомъ. Покартъ на четверкѣ съ звонкомъ смѣло подкатилъ къ воротамъ церковной костельной ограды, исправникъ встрѣтилъ его вопросомъ: „по какому праву вы, милостивый государь, разъѣзжаете съ колокольчиками?“ Покартъ отвѣтилъ: „я имѣю правоѣздить такъ по этому царскому билету“ и подалъ исправнику двадцатипяти-рублевую кредитку. Исправникъ принялъ и не возражалъ противъ праваѣзды. Результаты же дѣятельности этихъ великихъ людей были таковы: Неандръ управлялъ, кромѣ сахарного завода, и имѣніемъ отсутствующихъ помѣщиковъ, разорялъ богатое имѣніе для завода истребленіемъ лѣсовъ на дрова и употребленіемъ рабочихъ силъ въ заводѣ. Заводъ же давалъ такія ничтожныя выгоды, что, если бы продать лѣсъ, сожженный на немъ, то, несмотря на малоѣздность, получилось бы

вдвое больше барыша. Покартъ арендовалъ несочко-рафинадный заводъ графа Северина Потоцкаго на условіяхъ, поразительныхъ для настоящаго времени; свекловица, дрова, рабочая сила и все до мельчайшей подробности—владѣльческое, и за все это Покартъ обязался давать владѣльцу по 9 фунтовъ рафинада съ берковца свекловицы, да еще какого берковца? Вѣроятно, по тогдашней патріархальной простотѣ, пудовъ 18—20, затѣмъ оставальное количество рафинада, добытое изъ берковца свекловицы поступало въ пользу Покарта¹⁾). Въ такое именно прекрасное время для наживы рѣшилась фирма брат. Яхненко и Симиренко заняться свеклосахарною промышленностью, и толчокъ этому дѣлу далъ Платонъ Федоровичъ Симиренко.

Платонъ Федоровичъ Симиренко, живя въ м. Смѣлой и занимаясь веденіемъ своихъ дѣлъ, успѣлъ познакомиться съ служащими на Смѣлянскомъ сахарномъ заводѣ графа Бобринскаго и близко сойтись съ практикантомъ, а впослѣдствіи известнымъ сахарозаводчикомъ Н. Я. Сетгоферомъ. Оба были молодые люди, увлекающіеся, способные, и Сетгоферъ откровенно, по дружески и товарищески, объяснилъ Платону Федоровичу, какія громадныя выгоды даетъ свекло-сахарная промышленность и какъ скоро можно нажить на этомъ производствѣ громадное состояніе. Самъ Платонъ Федоровичъ видѣлъ, какъ многіе изъ сахарозаводчиковъ, занимаясь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ этимъ дѣломъ, составляли громадныя состоянія и жили какъ владѣтельные князья.

Сетгоферъ и Платонъ Федоровичъ Симиренко юздили вмѣстѣ заграницу, увидѣли тамъ лучшіе заводы, способы выдѣлки и усовершенствованія по производству сахара, видѣли воочію преимущества парового производства предъ огневымъ, и у Платона Федоровича явилась мысль подговорить отца и дядей устроить свой сахарный заводъ. Задавшись такою мыслью Платонъ Федоровичъ не отступалъ отъ нея и началъ постепенно убѣж-

¹⁾ Многіе изъ директоровъ-нѣицеvъ, при выработкѣ сахара, чтобы пустить пыль въ глаза нашему люду, подходили къ котламъ, бросали какой-то порошокъ и этимъ указывали, что безъ порошка не будетъ сладокъ сахаръ, вообще старались поддерживать убѣжденіе, что знаютъ особый секретъ для выработки сахара.

дать отца и дядей заняться устройствомъ завода. Доводы Платона Федоровича имѣли успѣхъ, и братья Яхненко и Симиренко, обладая капиталомъ около 600 тысячъ рублей ассигнаціями, по нынѣшнему счету около 170 тысячъ руб. сер., арендовали у помѣщиковъ м. Ташлыка братьевъ Березовскихъ на 12 лѣтъ, по словесному договору, землю и рѣшили приступить къ постройкѣ своего завода.

Платонъ Федоровичъ Симиренко, получивъ согласіе отца и дядей на устройство сахарного завода въ Ташлыкѣ, отправился заграницу, осмотрѣлъ еще внимательнѣе во Франціи всѣ лучшіе заводы, составилъ тамъ планъ устройства своего завода, купилъ машины и задумалъ пересадить изъ Франціи сахарное производство въ томъ видѣ, какъ оно въ то время тамъ развивалось и цвѣло. Строительный материалъ былъ тогда дешевъ, бережливость и разсчетливость была въ полномъ ходу, кредитъ самый широкий, и заводъ скоро былъ готовъ.

Въ Россіи въ то время еще паровыхъ заводовъ, какъ я уже сказалъ, не было,—значитъ, не было и контингента служащихъ, а потому пришлось пригласить изъ Франціи специалистовъ по сахароваренію, техниковъ, и въ Ташлыкскій заводъ прибыло около 30 человѣкъ французовъ, причемъ некоторые были съ семействами.

Въ 1843 году фирма братьевъ Яхненко и Симиренко, устроивъ первый въ Россіи паровой песочно-рафинадный заводъ въ Ташлыкѣ, приступила къ выдѣлкѣ сахара. Первымъ директоромъ Ташлыкскаго завода былъ французъ Сальзарь. Производство сахара-рафинада началось по французскому образцу: сахаръ-рафинадъ вышелъ желтый и мяг cant, а потому для нашего края неудачный. Наша публика не привыкла къ такому сахару, и первое производство было мало цѣнное, вообще первый выходъ сахара не удовлетворилъ потребителей. Необходимость заставила Семена Степановича Яхненка отправиться въ С.-Петербургъ, откуда и былъ приглашенъ рафинеръ Майерь, который зналъ русскіе вкусы, умѣлъ приготовлять крѣпкій рафинадъ. Майеру, какъ директору завода, было назначено 12 тысячъ руб. ассигнаціями жалованья, и дѣла завода сразу по-

шли прекрасно: рафинадъ получался крѣпкій и бѣлый и сразу пошелъ въ продажу. По отзыву лицъ, знаяшихъ первого директора, известно, что это былъ простой извѣснъ, зналъ прекрасно способъ сахароваренія, держалъ кабановъ, умѣлъ дѣлать прекрасныя колбасы, но наукою не занимался, не слѣдилъ за усовершенствованіями въ приемахъ и выработкѣ большаго количества сахара изъ свекловицы, но въ виду его первыхъ заслугъ состоялъ при фирмѣ на службѣ около 20 лѣтъ до 1864 года. Фирма не имѣла возможности отстранить его отъ должности; вообще фирма какъ-то привыкла всѣхъ служащихъ держать до смерти, разъ онъ не былъ замѣченъ въ какихъ либо безусловно худыхъ поступкахъ. Такой приемъ, хотя имѣетъ и свои достоинства, но не всегда, т. к. при фирмѣ собиралось много людей изъ служащихъ, которые никуда уже не годились, служба ихъ выражалась только въ хожденіи изъ угла въ уголъ.

Такой способъ отношенія къ служащимъ въ предпріятіяхъ,двигающихъся правильно, сообразно съ требованіями науки и практики, былъ конечно неудобенъ: требовались люди, которые могли бы слѣдить за наукою и усовершенствованіями въ приемахъ сахароваренія и выработкѣ изъ меньшаго количества свекловицы большаго количества сахара, иными словами— требовалось частое подновленіе служащихъ-директоровъ, знакомыхъ съ улучшеніями по сахароваренію, но на это члены фирмы не обращали должнаго вниманія, а между тѣмъ это имѣло громадное значеніе, и послѣ на это обстоятельство указывали, какъ на одну изъ ошибокъ фирмы, которая постепенно, но неизѣтно могла подтачивать ея дѣла.

Подобныя требованія трудно было предъявлять къ людямъ, едва умѣвшимъ подписать свое имя и фамилію, не получившимъ специального образованія, и дѣйствовавшимъ въ промышленныхъ дѣлахъ какъ-бы по инстинкту и влеченью духа времени.

По истеченіи двухъ лѣтъ со времени постройки завода, братья Яхненко и Симиренко задумали уже заключить и письменный договоръ съ помѣщиками; по этому договору заводъ по истеченіи 12-ти лѣтнаго срока поступалъ безвозмездно въ собственность помѣщиковъ по описи, составленной тогда-же. Въ слу-

чай-же произведенныхъ послѣ описи затратъ въ теченіе всего арендаго срока, помѣщики обязаны были вознаградить заводчиковъ тѣми суммами, которыя израсходованы на улучшеніе. По истеченіи 12 лѣтъ арендаго срока на улучшеніе завода сверхъ описи было истрачено по документальнымъ данныемъ около 120 тысячъ рублей ассигнаціями. Помѣщику Березовскому, основываясь на договорѣ, слѣдовало бы взять въ полную собственность заводъ и возвратить братьямъ Яхненко и Симиренко 120 тысячъ рублей ассигнаціями или по нынѣшнему 35 тысячъ; но онъ, не желая платить 35 тысячъ, отказался отъ принятія завода, предоставивъ фирмѣ владѣть заводомъ за плату безсрочно, и на основаніи этого пункта впослѣдствіи Платонъ Федоровичъ Симиренко и администрація по дѣламъ фирмы пользовались еще заводомъ много лѣтъ.

Интересно знать, какъ-же шли дѣла братьевъ Яхненко и Симиренко по свекло-сахарному производству? Первый годъ, хотя и былъ не совсѣмъ удачный, но и убытковъ не было: на берковецъ свеклы получалось до 30 фунтовъ песку. Пудъ пробѣленнаго сахарнаго песку былъ тогда въ продажѣ отъ 21 до 22 рублей ассигнаціями, а средняя дѣна пуда рафинада была 33—34 рубля. Въ результатѣ за первые два года производства при директорѣ Майерѣ на затраченный капиталъ въ 600 тысячъ рублей ассигнаціями, получено было чистой прибыли 800 тысячъ рублей ассигнаціями. Нужно замѣтить, что братья Яхненко и Симиренко не скучились предложеніемъ прекраснаго по тому времени жалованья служащимъ, но за то и барыши были громадные, п. ч. сахаръ рафинадъ ни въ чемъ не уступалъ лучшимъ тогда заграничнымъ и своимъ фирмамъ.

Такой результатъ торгового предпріятія, съ вольно-наемнымъ трудомъ, не могъ не быть поразительнымъ для помѣщиkovъ, владѣльцевъ плодоноснѣйшихъ для свекловицы полей, роскошныхъ лѣсовъ и дарового крестьянскаго труда и не могъ не открывать имъ глазъ, не показать наглядно, какіе громадные барыши даетъ свекло-сахарная промышленность и какую богатую обѣщаетъ она жатву въ будущемъ.

Многіе сосѣдніе помѣщики посѣщали Ташлыкскій заводъ и интересовались видѣть производство и дѣйствіе первого въ Россіи парового завода. Въ числѣ другихъ посѣтилъ заводъ графъ Ал. Бобринскій; сопровождалъ его самъ Кондратъ Михайловичъ. По осмотрѣ завода, графъ Бобринскій сказалъ ему откровенно: „а что будешь дѣлать Кондратъ Михайловичъ, когда ты обанкротишься? сильно ужъ ты повелъ свое дѣло, много уже у тебя роскоши, много ты тратишь денегъ на свое производство“. Кондратъ Михайловичъ отвѣтилъ: „Буду чоботы шить, якъ шывъ перше, та шкуры мнятъ; у мене ще на горыщи лежыть мишокъ съ кошками, и можно ще и теперъ чоботы шить. А що вы будете робыть, Ваше Сіятельство, якъ не дай Боже обанкрутитесь? Вамъ може буты горе, а я съ голоду пры биди не умру“. Графъ Бобринскій засмѣялся и ничего не возражалъ.

Выручая хороши барышни на Ташлыкскомъ сахарномъ заводѣ, братья Яхненко и Симиренко взяли въ аренду на 3 года у графа Потоцкаго небольшой песочно-рафинадный заводъ въ Орловцѣ съ незначительнымъ производствомъ, всего до 30 тысячъ берковцевъ, предложивъ ему вместо получаемыхъ отъ прежняго арендатора 9 фун. рафинада, 11 фунтовъ съ берковца. По этой арендѣ, не затрачивая ни на что капитала, исключая жалованья сахаровару и тремъ прикащикамъ - надзирателямъ, всего на сумму трехъ тысячъ руб. ассигн., арендаторы получали на свою долю болѣе 15 фунтовъ съ берковца, и на этой небольшой операциіи получалось чистой за расходами пользы болѣе 400 тысячъ руб. ассигн. По истеченіи 3 лѣтняго срока этой аренды, арендаторы предлагали графу Потоцкому уже по шестнадцати фунтовъ рафинада съ берковца, но графъ не согласился на новую сдѣлку. Братья Яхненко и Симиренко, будучи людьми честными, нравственными, религіозными не утаивали ни отъ кого получаемыхъ ими громадныхъ доходовъ и этимъ успѣли уже раскрыть глаза помѣщикамъ и доказать, какъ ловко иностранцы умѣли изъ свекло-сахарного производства извлекать весь барышъ, а имъ давать только остатки, да и то съ упрекомъ, что-молъ всѣ барышни отдаемъ вамъ.

Сахарный песокъ въ то время изъ огневыхъ заводовъ почти поступалъ въ единственное мѣсто для сбыта, въ Смѣлянскій рафинадный заводъ графа Бобринскаго. Новоустроенный Ташлыкскій заводъ сталъ уже конкурентомъ смѣлянского завода по покупкѣ песка и тѣмъ сталъ возвышать цѣнность его. Конкурренція рафинадныхъ заводовъ по покупкѣ песка была весьма выгодна для песочныхъ заводовъ и число ихъ стало сильно умножаться. Родовитые помѣщики, какъ графы Сангушко, Браницкій, замѣтили, что братья Яхненко бойко работаютъ на своихъ заводахъ и увеличиваютъ благосостояніе свое и мѣстности, начали перестраивать свои огневые заводы на паровые а новые заводы начали строиться не иначе, какъ съ дѣйствіями пара.

Работая успѣшно на Ташлыкскомъ заводѣ, братья Яхненко и Симиренко задумали въ 1846 году поднять благосостояніе нашего города Киева; о ходатайствахъ и хлопотахъ ихъ, предпринимавшихся по этому предмету, какъ интересныхъ для кievлянъ, я выпишу слово изъ замѣтокъ почтеннѣйшаго Алексѣя Ивановича Храпала, будучи глубоко убѣжденъ, что всѣ его слова безусловно вѣрны и вполнѣ характеризуетъ Киевское Городское Управление 1846 года и кievлянъ съ частности. Вотъ что пишетъ Алексѣй Ивановичъ Храпаль:

„Поощляемые успѣхомъ своего Ташлыкскаго завода, и безъ того предпримчивые братья Яхненко и Симиренко не теряли времени, не скучая на затраты, предполагали еще до постройки Городищенскаго завода, построить рафинадный заводъ въ Киевѣ, мѣстность котораго, по своимъ счастливымъ условіямъ, была самая подходящая для такого завода. Были уже пріобрѣтены усадьбы у жителей Куреневки по рѣкѣ Сирцу для мѣста подъ заводъ, построенъ былъ въ Вышгородѣ кирпичный заводъ, а для строительныхъ лѣсныхъ матеріаловъ и для дровъ будущаго завода, купленъ у помѣщика Понговскаго, на рѣкѣ Тетеревѣ, лѣсъ въ количествѣ 2,400 десятинъ. Невольно припоминается здѣсь невѣроятная теперь дешевизна тогдашнихъ лѣсовъ. Почти нетронутый строевой лѣсъ съ вѣковыми соснами, по границѣ котораго, съ одной стороны, протекала сплошная рѣка, всего въ 80-ти верстахъ разстоянія отъ Киева, купленъ былъ въ вѣчность по 1 рублю за десятину. „Такая дешевизна можетъ показаться теперь невѣроятною, однако же это фактъ. Другою иного свойства невѣроятностью покажутся теперь, пожалуй, и такие факты.

Въ январѣ 1846 года братя Яхненко и Симиренко подали г. кіевскому губернатору Фундуклею прошеніе о разрѣшенніи построить сахарный рафинадный заводъ на Куреневкѣ. Не разрѣшая самъ, губернаторъ обѣщалъ сдѣлать представленіе о разрѣшенніи г. министру внутреннихъ дѣлъ; но въ теченіе почти цѣлаго года не собрался сдѣлать такого представленія. Другое прошеніе подано было въ Кіевскую думу объ уступкѣ продажею городской земли въ количествѣ менѣе двухъ десятинъ на пустырѣ, отдѣлявшемъ тогда городъ отъ Куреневки. Но тогдашня дума на такую продажу не рѣшилась, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что на томъ мѣстѣ когда то существовали прудъ и мельница, называемые „чernечими“ (монашескими), приносившіе во время своего существованія городу 120 р. ассигнаціями дохода, и что вызываются желающіе возобновить тамъ глубоко за-песенный иломъ прудъ и построить мельницу для возстановленія городского дохода. И хотя на вызовѣ въ теченіи 20 лѣтъ желающихъ не явилось, тѣмъ не менѣе тогдашня дума, считая, вѣроятно, обстоятельство это великой важностью, неприкосновенной святыней, продолжала настоятельно свой вызовъ. Братьямъ же Яхненко и Симиренко этотъ клочекъ пустыря, бывшаго „чernечаго пруда“, былъ необходимъ до невозможности; онъ находился въ центрѣ скупленныхъ подъ заводъ усадьбъ и, такъ какъ въ него изливался ручей Сырецъ, то предполагалось устроить въ немъ бассейнъ для скопленія запаса воды въ количествѣ, потребномъ для рафинаднаго завода, такъ какъ протекавшій ручей высыхалъ въ лѣтнее время. И такъ, братя Яхненко и Симиренко цѣлый почти годъ не добились уступки упомянутаго клочка земли городской, ни даже разрѣшеннія на постройку завода. Такова тогда была близорукость взглядовъ и ограниченность понятій высшей администраціи и представителей гражданъ города Кіева на промышленность вообще. Изъ приведенного выше факта невольно вытекаетъ, что отношеніе тогдашніхъ кіевскихъ властей къ возникавшій свеклосахарной промышленности было не только не сочувственнымъ, по едва ли не враждебнымъ. А между тѣмъ она была, если не главною, то одною изъ главнѣйшихъ причинъ настоящаго величія Кіева. Тѣ громадные капиталы, которыми ворочаетъ нынѣ торговля и промышленность Кіева, созданы, что бы тамъ ни говорили, исключительно свеклосахарной промышленностью. Еслибы возможно

было нынѣшній Кіевъ поставить рядомъ съ Кіевомъ до 40-хъ годовъ, т. е. до развитія свеклосахарной промышленности, то послѣдній представился бы не лучше Таращи или другого подобнаго града, и только спасли-бы его отъ подобнаго сравненія безпримѣрная красота мѣстности и великолѣпіе храмовъ. Стоитъ только вспомнить, что мѣсто, на которомъ стоитъ теперь памятникъ св. Ирины, сложенный изъ кирпичей фундамента древней церкви, открытой въ началѣ 40-хъ годовъ, было уже въ города на выгонѣ, гдѣ паслись животныя. Университетъ же св. Владимира возвышался одиноко на необозримомъ кругомъ его пустырѣ. Нынѣшняго же блестящаго Крестатика и признаковъ не было. Въ коммерческомъ отношеніи Кіевъ былъ городомъ безжизненнымъ, одержимымъ спячкою. Его почтенные граждане проявляли только энергию въ усердномъ посѣщеніи храмовъ Божихъ для слушанія акафистовъ: во вторникъ у Варвары Великомученицы; въ среду въ Лаврѣ; въ четвергъ у св. Николая Чудотворца на Нечерскѣ, а въ субботу у чудотворной иконы Скорбящей Божьей Матери; и затѣмъ послѣ трудовъ праведныхъ предавались невозмутимому покою и безмятежному сну. Богатоемагнатство юго-западнаго края покидало Кіевъ ради Одессы-portoфранко, куда съ ихъ имѣній отправлялась для продажи пшеница, и сами они отѣзжали семичнонаслаждаться безпошлиною заморскою роскошью. Тамъ жили они большую часть года, проживали состоянія, созидая нынѣшнюю Одессу. Оживлялся Кіевъ въ лѣтнее время массами приходившихъ богомольцевъ, но разъ—большая часть изъ нихъ была простой сѣрый людъ, то ими оживлялась только мелочная торговля. Болѣе значительную коммерческую дѣятельность проявлялъ Кіевъ во время контрактовъ. Да и то правду сказать, было много пансаго шума, а дѣль громкихъ было весьма немногого. О значительныхъ капиталахъ не было и слуху. Единственнымъ банкиромъ на весь Юго-западный край былъ Гальперинъ въ Бердичевѣ. Коммерческие обороты тогдашихъ контрактовъ едва ли достигали тысячной доли оборотовъ во время контрактовъ настоящихъ. Неизначительна, едва замѣтна была и береговая дѣятельность въ лѣтнюю навигацію: доставлялись съ верховьевъ дрова, лѣсные материалы, а снизу соль да еще развѣ кашинские арбузы изъ Кременчука. Вотъ вамъ вся береговая коммерція Кіева. Да и самый нашъ славный Днѣпръ, если сравнить нынѣшнее грандиозное

движение по нему съ тогдашнимъ, покажется уныло пустыннымъ: кое-когда проплыветъ неуклюжая барка; кое-когда про мелькнетъ щегольской парусъ нѣмецкой берлины...

Правда, существовало въ Кіевѣ съ начала 30-хъ годовъ два безобразныхъ деревянныхъ судна, называвшихся пароходами дальше Ржищева, кажется, не ходившихъ и перевозившихъ оттуда въ Кіевъ камень. Эти странные пароходы принадлежали какой-то еще болѣе бесплодной по своей дѣятельности компаніи, которая однажды, дарованною ей привилегію, затормозила развитіе пароходства на Днѣпрѣ болѣе, чѣмъ на 20 лѣтъ. Но какъ только кончилась эта злосчастная привилегія, чутъ ли не на другой день братья Яхненко и Симиренко пустили на Днѣпръ выстроенный въ ихъ мастерской желѣзный пароходъ, и на Днѣпрѣ первый желѣзный пароходъ былъ ихъ „Украинецъ“. Этотъ первенецъ существуетъ и въ настоящее время¹⁾. Онъ оказался добрымъ работникомъ, проработавъ неустанно вотъ уже 35 лѣтъ. И въ развитіи пароходства на Днѣпрѣ братья Яхненко и Симиренко были иніаторами, и той, нынѣ достигшей громадныхъ размѣровъ, дѣятельности на Днѣпрѣ и его притокахъ найсильнѣйшій толчекъ дала свеклосахарная промышленность.

Въ то время, какъ кіевскія власти обидно по безпричинности затормозили предпринятую на Куреневкѣ постройку рафинаднаго завода, князь Воронцовъ предложилъ братьямъ Яхненко и Симиренко построить сахарный заводъ въ его Мощно-Городищенскомъ имѣніи²⁾.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Писало въ началѣ 80-хъ годовъ.

²⁾ Къ сожалѣнію на предложеніи князя Воронцова братьямъ Яхненко и Симиренко построить заводъ и прекратились замѣтки А. И. Храпала, и дальнѣйшія свѣдѣнія о фирмѣ братьевъ Яхненко и Симиренко сообщаются на основаніи рассказовъ семьи К. М. Яхненка и Василія Федоровича Симиренка.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ.

Шевченко въ народныхъ рассказахъ. По сообщенію моей сестры, Анны Крымской, въ г. Звенигородкѣ, киевской губерніи, началъ года три или два тому назадъ циркулировать слухъ о пріѣздѣ Шевченка на свою родину. По общему мнѣнію, которое распространено не только среди народа, но и среди здѣшней чиновничьей интеллигентіи, Шевченко живъ. Въ 60-хъ годахъ былъ привезенъ изъ-за границы закупоренный мѣдный гробъ, въ которомъ якобы находилось тѣло поэта, и былъ похороненъ. Но на самомъ дѣлѣ гробъ былъ пустъ, а Шевченко остался живъ: онъ уѣхалъ въ полтавскую губернію и поселился тамъ съ паспортомъ и бумагами своего пріятеля Кричмана. Года четыре тому назадъ этотъ Кричманъ посѣтилъ Керелевку, Тарасивку и г. Звенигородку. Онъ все очень внимательно осматривалъ: очевидно вспоминалъ свою родину, въ которой давно не былъ. Въ Звенигородкѣ онъ нѣсколько разъ заходилъ по дѣлу къ слѣдователю К—скому (теперь его здѣсь нѣть). К—скій призналъ въ немъ Шевченка и повторялъ знакомымъ, что это вовсе не Кричманъ. Посѣтилъ Шевченко и свою сестру въ Керелевкѣ; сестра получаетъ пенсию отъ государыни. Старые крестьяне узнавали пріѣзжаго и окликали: «Тарасъ! Мовчеть!» Между прочимъ онъ сообщилъ, что послѣ его смерти найдется много новыхъ, еще непечатанныхъ его произведеній.

Разсказъ этотъ пользуется довѣріемъ, между прочимъ, потому, что опирается на авторитетъ К—скаго, выѣхавшаго изъ Звенигородки и не могущаго, значитъ, опровергнуть никакихъ слуховъ, которые соединяются съ его именемъ.

Не трудно отыскать источникъ сообщенного преданія (или если угодно — сплетни). Кричманъ — конечно г. Кречмеръ, который, быть можетъ, вѣйствительно прїѣжалъ въ Звенигородку и бывалъ у слѣдователя К—скаго; но, кажется, онъ не былъ принять за Шевченка. Года четыре тому назадъ посѣтилъ Керелавку и Моринцы (но че Звенигородку) г. Конискій и описалъ свое путешествіе въ Львовской «Зорі» («Порож у рідині села Шевченка»); его дѣйствительно — по словамъ самого г. Конисскаго — приняли крестьяне за Тараса Григорьевича и на его заявленія, что ему «служе цикаво подивитись тутъ», хитренко замѣчали: «Эге! хочъ кому цикаво подивитись на те мисце, де зрись». Въ настоящее время, какъ видимъ, прїѣздъ Конисскаго и прїѣздъ Кречмера слились въ одно тождественное происшествіе, да къ нему добавлено кое-что изъ прежняго репертуара преданій о Шевченкѣ (металлический гробъ).

А. Крымскій.

Поминки по Шевченкѣ въ Лондонѣ въ 1861 году. При первомъ извѣстіи въ Лондонѣ о смерти Шевченка, добрымъ словомъ помянулъ его Герценъ въ «Колоколѣ». Вотъ этотъ некрологъ Шевченка. Колоколъ 61. стр. 798.

26 февраля (10 марта) угасъ въ Петербургѣ малороссійскій пѣвецъ г. Шевченко. Жаль, что бѣдный страдалецъ закрылъ глаза такъ близко къ обѣтованному освобожденію. Кому было больше по праву почесть этотъ день, какъ не ему? Но хорошо и то, что утренняя заря этого дна занялась при его жизни и освѣтила послѣдніе дни его.

Въ томъ же номерѣ «Колокола» помѣщена замѣтка о Шевченкѣ извѣстнаго Агапія на малорос. языкѣ. Это единственная замѣтка, помѣщенная Герценомъ въ Колоколѣ на малорос. языкѣ отъ іеродіакона Агапія (Андрея Гончаренка).

И безъ того тяжко, важко намъ блукати па далекій чужини,— но все була потиха, все таки була падія. Бувъ въ пасъ дома Кобзарь, винъ виспивувавъ дила батьківъ нашихъ, росказувавъ про ко-
зацьку славу, кто мы, чіи дити,— коли сами не хочемъ знаты.. А теперъ его нема, смерть скосила его. И на луши ще тяжче стало.— На кого теперъ надія? Хто буде потишати нашъ людъ въ неволі?.. Е вирни дити України, треба правду казаты;— но е далеби дити не розумни, а ще бильше перевертнинъ и недоляшківъ...

Жалованье запорожцамъ и количество полковъ ихъ до 1648 г. Помѣщаемый ниже документъ извлечено изъ отдѣла IX (Новыя Дѣла) Метрики Литовской Моск. Арх. Министр. Юст., кн. 116, л. 206. Онъ представляетъ изъ себя приложеніе на отдѣльномъ листкѣ къ акту, носящему аглавіе: «*Wydanie summy na potrzeby Rp. w skarbie koronnum po seimie anno 1601.*» (л. 204). Оба документа подлинные: запись о расплатѣ съ запорожцами писана иной рукой, чѣмъ весь отчетъ «*Wydanie summy*», безъ подписи.

Zold Zaporoszczom na gnacony na czwiercz:

Hetmanowi ich na czwercz fl. 120.

Pulkownikom № 4 po fl. 30—fl. 120.

Hosaulom № 8 po fl. 26—fl. 200.

Setnikom № 20 po fl. 15—fl. 300.

Obozniemu na czwercz—fl. 30.

Dziesiatnikom № 152 po fl. 9—fl. 1368.

Propornikom, surmaczom, bembeniczom, trembaczom № 16 po fl. 8—fl. 128.

Pusskarzom № 12 po fl. 12—fl. 144.

Wozniczom № 20 po fl. 3—fl. 60.

Piszarczowi fl. 10.

Czernym pacholkom № 1799 po fl. 7—fl. 12593.

Suma ossob № 2032, zoldu ich na czwercz fl. 15149.

Z osobnoi na prochi, olowy, saletry pozvolonich fl. 500.

Y iednak nie mianue sie, czy na czwercz yedne, czy na dalssy cziess sluzby ich.

Сообщилъ М. Довнаръ-Запольскій.

Сколько было козацкихъ полковъ до Богдана Хмельницкаго, мы до сихъ поръ не знаемъ съ точностью. «Въ бытіи полковъ», говоритъ М. А. Максимовичъ¹⁾, «выдаются двѣ эпохи: одна—возвышение полковъ при гетманѣ Богданѣ 1576 г.; другая—умаленіе полковъ послѣ гетмановъ Павлюка и Остраницы.» Въ первую эпоху М. А. Максимовичъ принимаетъ 20 полковъ; во вторую—6. Выборъ этого основанъ изслѣдователемъ на весьма сомнительномъ источнике, на известной «Исторіи Руссовъ», прописываемой Георгію Конискому. Предлагаемый документъ, относясь къ весьма раннему времени, имен-

¹⁾ Собрание сочинений М. А. Максимовича, т. I, стр. 657 и слѣд.

но къ 1601 г., и будучи официального происхождения, представляется истинное положение дѣль. Изъ него мы видимъ, что козаки въ указанномъ году дѣлились на четыре полка; въ каждомъ полку было по пяти сотенъ; сотни дѣлились на десятки, которыхъ было 152; во главѣ возацкаго отряда стоялъ гетманъ, обозный и писарь; во главѣ полка — полковникъ; подъ его начальствомъ находилось два есаула, четыре сотника и 50 десятниковъ; сверхъ того — три пушкари, по одному прaporщику, сурмачу, трубачу и бубенщику и четыре возничихъ; весь отрядъ состоялъ изъ 2032 человѣкъ. Само собою разумѣется, что эта цифра опредѣляетъ одно лишь регестровое возачество. Въ нашемъ документѣ жалованье опредѣлено только на четверть года; отсюда мы высчитываемъ, что въ годъ получали: гетманъ — 480 пол. золотыхъ, обозный — 120, писарь — 40, полковникъ — 120, есаулъ — 100, сотникъ — 60, десятникъ — 30, прaporщикъ, сурмачъ, бубенщикъ, трубачъ — 32 злот. каждый, пушкарь — 48, возничій — 12 и простой козакъ — 7 золотыхъ. На боевые припасы было назначено — 2000 золотыхъ въ годъ. Общая сумма платежа на $\frac{1}{4}$ года исчислена въ 15649 пол. золотыхъ.

Можно думать однако, что это не было постоянное жалованье, такъ какъ въ концѣ рассматриваемаго нами документа высказывается недоумѣніе: «не упомянуто, на одну ли четверть (года такой окладъ назначенъ), или же и за дальнѣйшую службу ихъ». И недоумѣніе это вполнѣ основательно, потому что коронному скарбу приходилось бы тогда платить ежегодно почти по 63000 пол. злот. Расходъ весьма значительный. Мы знаемъ, что въ другіе годы жалованье козакамъ было значительно меньше. Такъ напр.: Въ 1617 г., по договору польскихъ комиссаровъ съ козаками 28 октября на уроч. Старой Ольшаницѣ надъ Росью жалованье опредѣлено въ 10000 пол. злот. и 700 поставовъ каразѣи, которые оцѣниваются въ слѣдующемъ договорѣ также въ 10000 пол. злот.¹⁾). По договору тѣхъ же комиссаровъ 8 октября 1619 г. надъ р. Раставицей, ниже Паволочи, жалованье опредѣлено въ 40000 пол. злот., изъ коихъ 10000 пол. злот. уплачиваются въ видѣ 700 поставовъ каразѣи а остальные 30,000 наличными деньгами²⁾.

¹⁾ Архивъ Ю. З. Россіи, ч. III, т. I, стр. 206.

²⁾ Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи Южной и Западной Россіи. Кіевъ. 1888, стр. 216 — 249.

Въ инструкціі посламъ нашимъ 1632 г. козаки просятъ объ увеличеніі имъ жалованья вообще по прибавкѣ еще на 2000 козаковъ¹⁾. Можно думать, что эта просьба козаковъ едва ли была удовлетворена сеймомъ, потому что въ томъ же году, по донесеніямъ Путивльскихъ воеводъ, собраннымъ ими у козаковъ, жалованья гетману полагалось только 300 пол. злот.; пяти полковникамъ, двумъ есауламъ и двумъ судьямъ по 150 злотовыхъ каждому и 25 пушкарямъ по 7 злотовыхъ²⁾. Въ 1638 г., несмотря на неудачи козаковъ въ войнѣ съ поляками, по договору, состоявшемуся между ними 4 декабря на Масловомъ Ставу, и число козацкихъ чиновъ и жалованье имъ значительно увеличено; полковниковъ было уже 6; но ни имъ, ни гетману, какъ назначавшимся изъ шляхты, жалованье не опредѣлено; остальные должностные лица въ козацествѣ получали жалованье въ такомъ размѣрѣ: два войсковыхъ есаула по 600 злот. каждый; 6 полковыхъ есауловъ—по 250; 60 сотниковъ—по 200; 60 атамановъ (поручиковъ)—по 60 злотовыхъ³⁾.—Такая разница въ опредѣленіі размѣра жалованья запорожскому войску могла зависѣть отъ двухъ причинъ: или для мирнаго и военнаго времени существовали особые размѣры, или эти послѣдніе опредѣлялись договоромъ на каждый тотъ или иной случай. Щедрое назначеніе жалованья козакамъ въ 1601 г. объясняется просто: «были у Швеціи козаки запорожские люду 4000 (по нашему документу 2032); надъ ними былъ гетманомъ Самуэль Кошка; тамъ же того Самуила убито и поховано у Киевѣ⁴⁾;» точно также исключениемъ является и 1621 г., когда козаки въ количествѣ 50000 получили отъ короля въ награду за Хотинскую победу 400,000 битыхъ талеровъ⁵⁾. Остальные годы, въ которые опредѣлялось жалованье козакамъ принадлежать къ болѣе спокойнымъ, и главнымъ условіемъ со стороны поляковъ было поставлено козакамъ то, чтобы они не ходили войной въ турецкія владѣнія. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду случай, имѣвшій мѣсто въ 1610 г., когда козацкій гетманъ (старшій полковникъ) Андрей Стороженко, во время войны Польши съ Москвой, отказался двигаться со своимъ отрядомъ въ глубь москов-

¹⁾ Архивъ Юго-Запад. Россіи, ч. III, т. I, стр. 338.

²⁾ Акты Москов. госуд.—ва, т. I, стр. 410. Любопытно, что пол. злот переводятся на рус. рубли; 7 злотовыхъ равны $8\frac{1}{4}$ рублямъ по тогдашнему счету; отсюда одинъ злотъ— $1\frac{1}{4}$ рубля,

³⁾ Лѣтопись Сам. Величка, т. IV, 280—285.

⁴⁾ „Бурголабовская хроника.“ См. П. Кулишъ: „Матеріали для исторіи воз. соединенія Руси,“ т. I, стр. 77.

⁵⁾ Лѣт. С. Величка, т. I, стр. 41 и 44.

сихъ владѣній на томъ основаніи, что въ его «приповѣдномъ» листѣ не опредѣлено, будетъ ли даваться годовое жалованье; не сказано, по скольку назначается одному человѣку на четверть года и вообще на какое количество козаковъ; наконецъ, не означенено, у кого и въ какомъ мѣстѣ «это убогое кровавое жалованье», по окончаніи войны, кто останется живъ, можно будетъ требовать¹⁾.

Изъ приведенныхъ фактовъ, мы въ правѣ, намъ кажется, вывести заключеніе, что 1, опредѣленного жалованья для козаковъ не было; 2, размѣръ его подвергается быстрымъ колебаніямъ; 3, во всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ случаяхъ вопросъ о жалованыи опредѣляется договоромъ, хотя въ нихъ и говорится, что жалованье будетъ платиться ежегодно; 4, козачество является, такимъ образомъ, вполнѣ наемнымъ войскомъ; 5, на размѣрѣ платы козачеству какъ будто отражается экономической законъ спроса и предложения; 6, число полковъ, чѣмъ ближе ко времени Богдана Хмельницкаго, не только не уменьшается, но, наоборотъ, усиливается, хотя медленно, но неизмѣнно (въ 1601 г.—4 полка²⁾; въ 1632 г.—5 и въ 1638—6); поэтому выводъ, сдѣланный М. А. Максимовичемъ на основаніи «Исторіи Руссовъ», оказывается ошибочнымъ; весьма вѣроятно, что извѣстіе лѣтописи объ уменьшеніи количества полковъ до 1648 г. было не больше, какъ отголосокъ борьбы польского правительства противъ очень быстрого и опаснаго для него роста козачества, которому надо было платить все большую сумму жалованья; тѣмъ не менѣе правительство времія отъ времія вынуждено было признавать постепенное увеличеніе числа козаковъ.

Къ исторіи Люблинской унії. Въ маѣ 1569 г. въ г. Люблинѣ состоялось постановленіе о присоединеніи юго-западныхъ воеводствъ, Волынскаго, Кіевскаго, Брацлавскаго, къ Польшѣ въ отдѣленіи ихъ отъ Литвы. Бывшіе на сеймѣ представители этихъ воеводствъ принесли присягу королю и Коронѣ Польской; однако король Сигизмундъ-Августъ нашелъ это недостаточнымъ и призналъ «рѣчью потребною и повинною», чтобы такую же присягу выполнили и остальные обыватели края; тѣмъ не менѣе, считая неудобнымъ вы-

¹⁾ „Чтениа въ Историч. Общ. Нестор. Лѣт., кн. VII, отд. III, стр. 69—72.

²⁾ Эти четыре полка служатъ подтверждениемъ показанія бискупа Павла Піасецкаго о „тетрархії“ въ козачествѣ въ главѣ XVII в.

зывать всѣхъ ихъ для этого въ Люблинѣ, король приказалъ отправить универсалъ о состоявшемся присоединеніи юго-западнаго края, вмѣстѣ съ формой присяги, во всѣ повѣты означеннѣхъ воеводствъ и потребовать присяги и подписки на мѣстѣ; при этомъ король предупреждалъ, что у «непослушныхъ» имѣнія будутъ конфискованы. Конечно, послѣ такого предупрежденія, шляхта всѣхъ повѣтовъ исполнѣшила исполнить покорно приказаніе короля, т. е. дать присягу и подписку въ вѣрноподданствѣ. Какъ универсалъ, такъ и подписки обывателей внесены были въ копіяхъ въ замковыя книги каждого повѣта, а подлинники отправлены королю и записаны въ книги Литовской метрики. Присяга и подписка обывателей Луцкаго и Владимірскаго повѣтовъ оказались въ мѣстныхъ замковыхъ книгахъ¹⁾, откуда были извлечены покойнымъ Н. Д. Иванишевымъ и напечатаны имъ частью въ «Архивѣ Юго-Западной Россіи» (ч. II, т. I, стр. 1—17), частью въ изданіи: «Жизнь князя Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни» (часть 1-я, стр. 19—27); но такихъ же документовъ по третьему повѣту Волынскаго воеводства—Кременецкому, а также по повѣтамъ воеводствъ кіевскаго и брацлавскаго мы не имѣмъ, потому что брацлавскія и кіевскія книги за этотъ годъ не сохранились; кременецкія до того истѣли, что отъ приосновенія разрываются; найти въ нихъ что-либо и прочесть чрезвычайно трудно; отсюда понятенъ уже интересъ и важность печатаемаго ниже документа, дополняющаго исторію такого важнаго для нашего края факта, какъ Люблинская унія. И хотя этотъ документъ представляетъ собою не перечень лицъ, принесшихъ присягу и давшихъ подписку на подданство королю въ кременецкомъ замкѣ, но лишь тѣхъ, которые почему либо не исполнили королевскаго приказанія, тѣмъ не менѣе онъ важенъ, какъ доказательство того, въ какой степени строго отнеслось польское правительство къ укрѣпленію за собой юго-западнаго края, подчиненіе себѣ которого оно считало лишь возсоединеніемъ «части со своимъ цѣльмъ, члена со своимъ тѣломъ и головой».

Року Панскаго 1569, ища червца дня шестого-надцет. юни.

За листомъ и росказанемъ его кролевское милости, обыватели землеи Волынскихъ повѣту Кременецкого присязе, подлугъ универсалу королеви, его милости, полскому и Короне Полской досьти ве вчинили, меновите въ той минуте описанные:

¹⁾ Книги эти хранятся теперь въ централ. архивѣ Университета св. Владимира.

Уряд земский Кремянецкий:

Андрей Куневский, судья.
Сава Еловицкий, подсудок.
Григорей Болбасъ, писар.
Михайло Илович Малинский, маршалок.
Іван Шутъ, войский.

Их милости княжата повѣту Кремянецкаго:

Костянтина Острожский, воевода виденский.
Янушъ и Михайло Жеславскии.
Штефанъ Збараజский, воевода Троцкий.
Миколай Збараజский, староста Кремянецкий.
Юрей Збараજский.
Владиславъ Збараజский.
Андрей Вишневецкий, каштелян Луцкий.
Михайло Вишневецкий, староста Черкасский.
Миколай Ярославовичъ.
Базиллусь Древинский, писар его кр. мл.
Олбрахт Ласкай, воевода Сирадзский.
 Воеводичи висланские з Радивилова.
Лабунские Михайло и Крыштофъ.
Яловицкие Антонъ и Дмитръ.
Киабриел Козирадский з братею.
Романъ Гойский.
 Бояданъ Патрикей Рядоюскій; братъ того Миколай учинилъ присягу, бо еще нерозделны.

Оповеданія от небылых ку присязе:

Оповеданіе пан *Федоръ Сенюта* от матки своее пане Григоревое Сенютиное Ляховецкое, пане малженки Патракеевны иж она только до часу на именах по животе малженка своего мешкает; только самъ з осалости той присязе досыть вчинилъ.

Пани *Михайловая Богоявленская пани Ганна* з сыномъ своим *Михайломъ* лет недорослым ку присязе становилася; а иж она не дедичка, прото тая присяга до ласки его королевское милости, а до лет сына ее отложона.

Пани *Ивановая, Жабокрицкая Катерина Прозвековна* оповедала, иж сынове ее *Василий а Янъ* лет не доросли; я иж сут на науце, прото их на тот час ку тый присязе поставить не могла.

Оповедала *Ивановая Волковская*, иж сынъ ее, лет недорослый, даи ву наупе; ведже с тый оселости зять ее *Петръ Борковский* присягу вделалъ.

Пан *Ерофей Гойский* через врядника своего Федора оповедал, иж, будучи в поселстве от всее земли Волынское, тамже в Любляне присягу вчинилъ.

Оповедал врядникъ з Садков Михита, иж пани *Климентовая Войничовая пани Катерина*, маючи большую осадлость в повете Луцкомъ, нижни в Кременецкомъ, там же, поведил, присязе досыть вчинила.

Мы, урядъ кгородский, тых, которыи, ведле универсалу его королевское милости, (королю его милости) и Короне Польской присязе досыть не вчинили, до акти кгородских висавши, и минуту каморнику и комисару его королевское милости под печатьми нашими.

Дан с Кременца. Двѣ печати мастичныя. Андрѣй Жирицкий, писарь.

(Книга Переписей Коронныхъ Моск. Арк. Минист. Юст., № 27 лл. 147—148).

Сообщилъ М. Довнаръ-Запольскій.

Къ характеристику козаковъ первой половины XVII в. Въ недавно вышедшемъ изданіи Библиотеки Красинскихъ¹⁾ по-мѣщенъ очень интересный «Дневникъ московской войны 1633 г.»²⁾. Это собственно не дневникъ, а рядъ писемъ Яна Москоржовскаго (Moskorzowskiego), офицера и вмѣстѣ съ тѣмъ секретаря гетмана литовскаго Крыстофа Радзивилла къ брату Андрею; ихъ дополняютъ нѣсколько писемъ другихъ лицъ и официальные документы. Письма писаны съ мѣста военныхъ дѣйствій, подъ живымъ впечатлѣніемъ всего пережитаго, съ полнымъ знаніемъ военного дѣла, а потому, для уясненія подробностей этой, такъ печально кончившейся для московскихъ войскъ, войны, онѣ имѣютъ большое значеніе. Значительную часть польского войска составляли казаки, прибывшіе на помощь полякамъ подъ Смоленскъ въ количествѣ 15-ти

¹⁾ Biblioteka Ordynacyji Krasinskich. Muzeum Konstantego Swidzinskiego. T. XIII, подъ редакціей и съ предисловіемъ А. Рембовскаго. Варш. 1895 г.

²⁾ „Dyaryusz wojny moskiewskiej z г. 1633“.

тысячъ¹⁾. О военныхъ подвигахъ козаковъ извѣстія въ дневникѣ довольно часты, останавливаться на нихъ мы не будемъ, приведемъ лишь часть письма ксендза Колудзкаго (Kołudzkiego) отъ 27-го сентября 1633 г., заключающую въ себѣ небольшую, но яркую характеристику запорожцевъ. Ученый ксендзъ, пересыпая свое письмо латинскими фразами, относится слегка иронически къ этимъ «сатирамъ», но вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ скрыть своего удивленія объ обнаруженной ими энергіи и отвагѣ. Вотъ переводъ этой части письма²⁾.

«Уже третій день стоимъ подъ открытымъ небомъ, не располагаясь лагеремъ, оставивши возы въ первомъ обозѣ,—это только и прибавлю. О козакахъ могу написать: я видѣлъ большую толпу, которой никто не могъ сосчитать; цѣлый день, когда приходили въ обозъ, тянулись по нѣсколько хоругвей вмѣстѣ, безъ надлежащаго порядка, а не какъ дружина (turba), заслуживающая вниманія на войнѣ, въ томъ только и порядокъ, что хоругви (шли) вмѣстѣ, одна возлѣ другой, они скорѣй походятъ на сатировъ, чѣмъ на цивилизованныхъ людей, хлопы похожи другъ на друга,—въ сѣрой одеждѣ, рѣдко кто въ синемъ или красномъ (w modrzy albo w czerwieni), кожа на ихъ тѣлѣ, какъ кожа на деревѣ, презрѣніе къ жизни полное, больше заботы: о «горилкѣ», чѣмъ о жизни (contemptus vitae maximus, maior cura cremati, quam vitaе), однимъ словомъ, здѣсь есть что посмотреть. Привезли съ собой 10 небольшихъ пушекъ, сейчасъ-же подступили къ непріятелю и добили трехъ переднихъ офицеровъ, привели ихъ подъ руки къ королю, рѣчи не было, а только: «королю, ось маешъ нимцовъ» (а то были французы); дано имъ двѣ кадки (cebry) меду и 20 твердыхъ талеровъ, остались довольны. Затѣмъ, когда король хотѣлъ двинуться подъ самыя стѣны, ихъ раздѣлили на три части: одни остались въ старомъ обозѣ, другие съ гетманомъ литовскимъ пошли подъ острогъ Прозоровскаго, а трети съ королемъ; на всѣхъ трехъ мѣстахъ оправдали ожиданія. При мн. Радзивиллѣ они слѣдующимъ образомъ высказали свою смѣлость: нѣсколько десятковъ ихъ, раздѣвши до-гола, переплыли съ обнаженными саблями на другую сторону Даїпра къ непріятельскимъ шанцамъ, и носѣли много москвы. Одинъ изъ казаковъ, когда нужно было на другой сторонѣ достать языка, пустился вплавь черезъ рѣку, и

¹⁾ По словамъ козацкихъ пословъ, явившихся по приходѣ къ королю—стр. 30.

²⁾ Стр. 31—32.

лежалъ въ водѣ у берега и, когда пришелъ къ водѣ одинъ москвитинъ,—схватали его за волосы, втащилъ въ воду и тащъ съ нимъ переплылъ назадъ; очень смѣшио этотъ козакъ разсказывалъ королю обѣ этой трагедіи—какъ его подстерегалъ и какъ съ нимъ плылъ; далъ (король) ему за работу нѣсколько ортovъ¹⁾). Дѣйствительно, не каждому хочется купаться въ такую пору, какъ этимъ добрымъ людямъ. Король имъ очень радъ. Не очень наступаютъ на фронтъ, такъ какъ голый людъ, но изъ рововъ, изъ-за хвороста часто вредятъ москвѣ; имѣютъ свой шанецъ противъ москвы, съ которой ведутъ очень сильную перестрѣлку. Какъ только устроится обозъ, не будутъ безъ дѣла, пойдутъ въ непріятельскую землю, черезъ нихъ мы надѣемся доставать провіантъ, такъ какъ и теперь рѣдкій часъ, что бы чего не притащили въ обозъ. Есть также и политики между нами—ублаготворяютъ важныхъ плановъ добычей, особенно скотомъ. Пріятно было бы еще писать, такъ какъ въ нихъ мы нашли больше, чѣмъ ожидалъ»...

Н. В.

Нѣсколько данныхъ обѣ альманахѣ „Gwiazda“ (1846—49 г. г.) Въ отчетѣ Императорской Публичной Библіотеки за 1892 годъ (СПБ. 1895 г.) на стр. 143, въ перечнѣ материаловъ, поступившихъ въ библіотеку изъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и хранившихся до того времени при департаментѣ народнаго просвѣщенія, указаны «засвидѣтельствованные копіи съ цензорскихъ отзывовъ, въ которыхъ приводятся, въ переводе, замѣченные вреднаго направления мѣста въ четырехъ книжкахъ сборника «Gwiazda», издававшагося въ 1846 г. въ Петербургѣ Фишемъ, а въ 1847—49 г. г. въ Киевѣ Доленко. Такъ-какъ альманахъ этотъ, послѣдовательно 4 года издававшійся и вышедший четырьмя книжками, принадлежитъ тремя долами Киеву (1847—1849 г. г.), то я запинтересовался этими цензорскими отзывами и, благодаря любезному разрѣшенію Директора Императорской Публичной Библіотеки, могъ разсмотрѣть эти материалы, представляющіеся любопытными для характеристики давно позабытаго альманаха «Gwiazda». Изъ дѣла видно, что нѣкоторые статьи въ альманахѣ возбудили толки въ цензурномъ вѣдомствѣ о томъ, какъ и кѣмъ разрѣшено печатаніе этого изданія; при чемъ, конечно, при-

¹⁾ Серебряная монета.

лось указывать и тѣ мѣста, которыхъ наиболѣе признавались неудобными. Замѣчанія цензуры больше всего направлены противъ размыщленій «Gwiazd'ы» о религіозныхъ вопросахъ, то есть мѣста и иного, болѣе общаго, характера. Напримеръ, по поводу № 1 дѣлается выписка изъ альманаха обѣ *останкахъ народовъ*: указывая, что безжалостная философія самымъ основательнымъ образомъ признаетъ невозвратность паденія народовъ, какъ результатъ «истощенія всѣхъ условій жизни», авторъ статьи прибавляетъ: «это останется непонятнымъ для души чувствительной въ исполненной поэзіи; она не пойметъ никогда того, чтобы то, что было великимъ и благороднымъ, могло быть предназначеннымъ на кормъ насѣкомымъ, чтобы духъ народный умиралъ вмѣстѣ съ прѣходящими формами, въ которыхъ онъ выражался». Въ цензорскихъ замѣткахъ пѣтъ никакихъ комментаріевъ къ этому мѣсту, но и безъ того видна основная точка зрянія. Или, напримѣръ, по поводу статьи о Кременецкомъ лицѣ и основателѣ его Чашкомъ, помѣщенной въ № 2 (O szkole Krzemienieckiej i o jej fundatorze Tadeuszu Czackim, tak o o innych dotknietych listem Petroniusta Tetery umieszconym w № 76 Tygodnika Peterburskiego r. 1845) и расхваливающей это учрежденіе, закрытое правительствомъ за предосудительное направление въ немъ образованія,—цензоръ говоритъ, что едва-ли въ виду этого прилично было пропустить эту статью къ печати. Тутъ-же въ № 2 помѣщена статья «Do pana Alexandra Parczewskiego» самого издателя Benedykt'a Doleg'u, въ которой главнымъ образомъ идетъ полемика съ *Tygodnikiemъ Petersb.*, и между прочимъ по адресу г. Пржецлавскаго (Дѣйств. Ст. Совѣтн. и Директора Кодификац. Комис. Царства Польск.) имѣется такая фраза: «*kto, wziawszy na uwagę ten jeden czyn p. Przeclawskiego niezgodzi się z nami, że on jest wrogiem talentów, kannibalem ksztalcaczej sie młodzieży?*» Конечно, фраза эта тоже заставила цензора въ Петербургѣ обратить на себя вниманіе. Или вотъ еще замѣтка. По поводу статьи, помѣщенной въ № 4, гдѣ идутъ размыщленія о новомъ періодѣ польской литературы и гдѣ авторъ ставить въ главу угла Мицкевича, потому-что онъ, будучи прорицателемъ духа прогресса, обнурожилъ мысль и значеніе истинной поэзіи,—цензорская замѣтка дѣлаетъ только одну справку: «*весь сочиненія Мицкевича запрещены*». Однимъ словомъ, изъ этихъ отрывочныхъ цензорскихъ матеріаловъ видно, что въ петербургской цензурѣ кѣмъ-то поднять былъ вопросъ обѣ альманахѣ «Gwiazda», какъ неосторожно пропущенномъ къ печати. Видно между прочимъ, что Министръ Народн. Просвѣщ. въ

1849 г. обращался письменно за справками къ Киевск. Военному Генералъ-Губернатору, писалъ также и къ какому-то Николаю Николаевичу (титулуя «Его Превосходитељ»); объяснялъ ему, что книги эти изданы были въ Киевѣ не какъ периодич. изданіе, а по общему порядку, на основаніи § 34 Устава о цензурѣ, при чемъ поминается и имя цензора кievскаго, Ореста Марковича Новицкаго, которому, вѣроятно, вся эта переписка причинила не мало непріятныхъ часовъ.

Заинтересовавшись этимъ альманахомъ, я пересмотрѣлъ его весь и, конечно, для себя, а надѣюсь и для читателей нашего журнала, нашелъ кое-что любопытное, совершенно только съ другой стороны. Отмѣчу, напримѣръ, письма сатирическія Зенона Фиша о кievскихъ контрактахъ (№ 1 и № 4); воспоминанія изъ исторіи Каменца-Подольскаго Леона Романовскаго (№ 2), а также воспоминанія о Кременцѣ Кароля Качковскаго (№ 3); упомянутую раньше статью о школѣ Кременецкой и основателѣ ея Тадеушѣ Чакскомъ (№ 2).

В. Науменко.

Дѣло о сочиненіи Мацѣевскаго „Pamiętniki o dziejach, piśmennictwie i prawodawstwie słowian. (Хранится въ Импер. Цубл. Библіот.)

Подлинная запись генералъ-фельдмаршала князя И. Ф. Шаскевича, поданная Министру Народн. Просв. С. С. Уварову.

5 апр. 1838 г. Спб. Памятная записка о сочиненіи профессора Мацѣевскаго.

Извѣстный по изданію на польскомъ языкѣ сочиненія о славянскихъ древностяхъ, бывшій профессоръ закрытаго Варшавскаго университета, Мацѣевскій, послѣ усиленныхъ трудовъ собралъ листовѣрныи историческія свѣдѣнія о томъ, что свѣтъ христіанской вѣры проникъ въ древности во всѣ славянскія области, и въ томъ числѣ въ Польшу, съ Востока, и что уже позже по политическимъ обстоятельствамъ, поставлявшимъ постепенно Польшу въ ближайшія съ Западомъ сношенія,—проникло въ оную западное исповѣданіе и постепенно вытѣснило обрядъ восточной церкви.

Въ нынѣшихъ обстоятельствахъ подобное сочиненіе можетъ имѣть весьма полезныя послѣдствія, но для лучшаго успеха нужно избѣгать всякаго особенно гласнаго усиленія Правительства въ изданіи этой книги.

Еслибъ оно было подвергнуто просмотру Варшавской цензуры, то, вѣроятно, встрѣтились-бы противодѣйствія, которыя могли-бы поставить въ необходимости обнаружить участіе и тѣмъ уронить самое сочиненіе, давъ поводъ противодѣйствующимъ утверждать, что оно составлено подъ особыннымъ вліяніемъ правительства. По этимъ уваженіямъ нельзѧ-ли здѣшней цензурѣ заняться просмотромъ сего сочиненія съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ одобренія могло оно быть напечатано въ Варшавѣ, что необходимо по двумъ причинамъ: во 1-хъ, потому, что отъ изданія этого сочиненія въ Варшавѣ зависитъ преимущественно благопріятное его вліяніе, и во 2-хъ, что Мацѣевскій, не имѣя здѣсь знакомыхъ и по важности приводимыхъ имъ историческихъ фактовъ, хочетъ самъ держать корректуру, дабы противники его не воспользовались какою-либо опечаткою, чтобы тѣмъ поколебать достовѣрность самыхъ фактовъ.

Сочиненіе Мацѣевскаго по указанію моему представлено частнымъ образомъ въ Департаментъ Минист. Просвѣщенія, и мнѣ остается покорнѣйше просить В. Виревосход. о приказаніи заняться просмотромъ онаго, и потомъ, послѣдуетъ ли одобреніе или нѣть, чтобы во всякомъ случаѣ поступлено было безъ огласки, такъ, какъ будто сочиненіе это представлено самимъ Мацѣевскимъ безъ участія мѣстнаго начальства.

Генералъ-фельмаршалъ князь Варшавскій Гр. Паскевичъ-Эриванскій.

На этой памятной замѣткѣ значится надпись рукою кн. П. А. Ширинскаго-Шихматова «Г. Министръ приказалъ подвергнуть цензурованію С. С. Гаевскаго 6 апр. 1838».

Тутъ-же находимъ и слѣдующее черновое донесеніе С. С. Гаевскаго Предсѣдателю Сиб. Цензурнаго Комитета.

«По порученію Его Виревосх. Г. Мин. Нар. Просв., прочитано мною сочиненіе профессора бывшаго Варшавскаго унив.: *«Pamiętniki o dziejach, pismennictwie i prawodawstwie Słowian*, въ двухъ частяхъ (вход. журн. №№ 147—148). Въ сочиненіи семъ находятся нѣкоторыя статьи, которыя я полагалъ нужнымъ, по смыслу Устава о цензурѣ, подвергнуть предварительному разсмотрѣнію духовной цензуры; но Его Виревосх., которому я имѣлъ честь докладывать о семъ, не находи удобнымъ посыпать въ духовную цензуру книги на польскомъ языкѣ, и по уваженію, что въ ней нѣть догматическихъ толкованій, а только заключаются исторические факты, разрѣшилъ меня одобрить сочиненіе Мацѣевскаго, что мною и исполнено.

О семъ В. Сі—ву имѣю честь донести.

3 мая 1838.

Наконецъ здѣсь-же находимъ черновой экземпляръ записки, приложенной при отсылкѣ сочиненія Мацѣевскаго въ Варшаву.

1) Если угодно сочинителю, одобрение цензуры можно выставить на польскомъ языкѣ переведя оное съ русскаго.

2) При печатаніи перемѣнъ дѣлать не дозволяется, исключая поправки слога.

3) Исключенные цензоромъ мѣста не должны быть печатаемы.

4) Страницы, на которыхъ мѣста сіи находятся, обозначены на заглавномъ листѣ каждого тома.

5) По напечатаніи надобно выслать въ Петерб. Комит. пять экз., со свидѣтельствомъ типографіи, что книга напечатана согласно съ одобренною цензурою рукописью.

До полученія изъ Петербурга дозволительного билета на выпускъ въ свѣтъ, книга не должна обращаться въ публикѣ.

Сообщилъ В. Науменко.

БИБЛІОГРАФІЯ.

П. В. Голубовскій. Исторія Смоленской земли до начала XV столѣтія.

Сочиненіе это представляетъ очень цѣнныи вкладъ въ науку русской исторіи: авторъ дополнилъ пробѣлъ, существовавшій въ наукѣ, представивъ вполнѣ серьезный и научный очеркъ одной изъ русскихъ земель, которой донынѣ не было посвящено ни одной, сколько-нибудь удовлетворительной монографіи. Работу свою г. Голубовскій выполнилъ съ соблюдениемъ вполнѣ научныхъ пріемовъ; онъ собралъ данныи первоисточниковъ, изучилъ всю литературу предмета, собранныи данныи подвергъ научной строгой критикѣ и обставилъ свои выводы вполнѣ научнымъ аппаратомъ. Онъ строго держался принциповъ, высказанныхъ имъ въ предисловіи: обращать вниманіе по преимуществу на источники первой руки, на основаніи критической ихъ переработки дѣлать выводы и избѣгать полемики по частнымъ вопросамъ, оставляя въ сторонѣ исторію разработки вопроса и ограничиваясь изложениемъ самаго предмета его изслѣдованія.

Г. Голубовскій раздѣлилъ свой трудъ на пять главъ. Изъ нихъ главы: 2-я, 4-я и 5-я, по моему мнѣнію, безупречны въ научномъ отношеніи; конечно, можно высказывать иные взгляды на некоторые частныи положенія, можно колебаться во взглядахъ на ту или иную подробность, но должно признать во всякомъ случаѣ, что авторъ всѣ выводы основывалъ на точномъ изученіи и критическомъ разборѣ источниковъ по каждому данному вопросу.

Вторая глава озаглавлена авторомъ «Промышленность и Торговля». Она представляетъ живой очеркъ промышленной дѣятельности Смоленской земли: факты весьма кропотливо собраны въ первоисточникахъ, сгруппированы очень умѣло и рельефно иллю-

стрированы свѣдѣніями о флорѣ и фаунѣ данной области и обѣ археологическихъ находкахъ на ея территоїи. Въ очеркѣ торговли авторъ, на основаніи показаній источниковъ, изученія топографіи края и нумизматическихъ находокъ, устанавливаетъ главные пути Смоленской торговли, начиная съ VIII—IX столѣтія. Глава эта содержитъ прекрасный критический разборъ «Смоленской торговой правды», т. е. торгового договора, заключеннаго Смоленскимъ княземъ Мстиславомъ Давидовичемъ въ 1229 году съ Рыгою и городами «Готскаго берега» и подтвержденного нѣсколько разъ его преемниками.

Четвертая глава: «Общественный и политический обзоръ Смоленской земли» представляетъ прекрасный очеркъ внутреннихъ отношеній, сложившихся въ Смоленской землѣ, и ея управлениія. Здѣсь разсмотрѣны права общины и районъ дѣятельности вѣча въ отношеніяхъ: политическомъ, законодательномъ, судебномъ и финансовомъ; да-лѣ разсмотрѣны права и обязанности князя, его отношенія къ общинѣ; указаны точно его доходы, главнымъ образомъ на основаніи грамоты князя Ростислава Мстиславича (1150 г.) и перечислены административныя должности, служившія органами княжескаго управлениія; затѣмъ разсмотрѣнъ составъ дружины, указано положеніе бояръ, ихъ права и обязанности, равно какъ и занимаемыя ими должностія. Въ заключеніе помѣщенъ очеркъ исторіи Смоленской церкви; указано положеніе духовенства, доходы, которыми пользовалась церковная іерархія, опредѣлены предметы вѣдомства церковнаго суда, рассказана исторія основанія важнѣйшихъ церквей и монастырей, и, наконецъ, представленъ весьма живой очеркъ просвѣтительной и литературной дѣятельности въ Смоленскомъ княжествѣ, развившейся по почину духовенства и князей. Въ пятой главѣ находимъ «Очеркъ политической исторіи Смоленской земли». Въ очеркѣ этомъ авторъ свелъ въстройную послѣдовательную картину разрозненныхъ и затерянныхъ среди другихъ взвѣстій свѣдѣнія лѣтописныхъ о судьбахъ Смоленской земли. Весьма наглядно представлены политическія стремленія Смоленскихъ князей, повороты въ ихъ политицѣ, ихъ отношенія къ книжествамъ: Киевскому, Сузdalскому, Погоцкому, Черниговскому и къ Великому Новгороду, а впослѣдствіи къ В. К. Московскому и Литовскому. При этомъ авторъ весьма удачно указываетъ на вліяніе этнографическихъ особенностей разныхъ областей Смоленской земли, на ходъ политическихъ событий. Характеристики нѣкоторыхъ событий (напр. Липецкой битвы) и многихъ князей, какъ: Ростислача Мстиславича, сыно-

вей его Романа и Давида, Мстислава Давидовича, Святослава Ивановича составлены въ высокой степени талантливо и рельефно.

Третья глава озаглавлена: «Родъ князей Смоленскихъ»; въ видѣ дополненія къ ней приложены: а) списокъ Смоленскихъ князей по колѣнамъ, в) списокъ великихъ князей Смоленскихъ и с) родословная таблица. Несомнѣнно, эта глава стоила автору болѣе всего труда, крайне тяжелаго и крохотливаго. Среди разрозненныхъ, отрывочныхъ и часто противорѣчивыхъ показаній источниковъ, авторъ старается извлечь свѣдѣнія о каждомъ лицѣ княжескаго рода Ростиславичей, дополнить по возможности пробѣлы источниковъ, разяснить ихъ противорѣчія, исправить анахронизмы и т. п. Въ большинствѣ случаевъ авторъ достигаетъ весьма удачно предположенной цѣли, хотя иногда, вслѣдствіе скучности свѣдѣній, онъ встрѣчаетъ непреодолимыи трудности и принужденъ ограничиться гипотезами. Такъ напримѣръ: філіація вѣтви предполагаемаго потомства кн. Константина Давидовича (такъ называемые князья Фоминскіе) остается недоказанною и сомнительною, хотя и правдоподобной гипотезой. Неудобство этой главы заключается въ методѣ распределенія самаго материала; авторъ размѣстилъ біографію князей въ алфавитномъ порядке ихъ именъ, не придерживаясь порядка ни хронологическаго, ни генеалогическаго. Такимъ образомъ теряется всякая связь между отдѣльными статьями, вошедшими въ составъ этой главы, и она превращается въ рядъ отдѣльныхъ экскурсовъ или примѣчаній и представляетъ какъ бы біографический словарь вместо связного исторического рассказа.

Менѣе другихъ, по моему мнѣнію, удачно составлена первая глава. Она заключаетъ географію и топографію Смоленской области и соображенія о первоначальной колонизаціи страны. Вторая половина главы, въ которой авторъ пользовался данными первоисточниковъ, составлена такъ-же научно, какъ и все сочиненіе. Такъ, положеніе о распределеніи Кривицкаго племени, установление поселеній, существовавшихъ въ XII ст. сообразно съ перечнемъ грамоты кн. Ростислава—представляютъ изслѣдованія, обставленныя вполнѣ научно. Нѣсколько иной характеръ носить первая половина главы; это, впрочемъ, неудивительно, если принять во вниманіе совершенное отсутствіе указаній первоисточниковъ, которыми столь умѣло пользуется авторъ, по отношенію къ рассматриваемымъ въ этой части труда вопросамъ. Для того, чтобы представить картину заселенія Смоленской области въ доисторическую эпоху, авторъ, конечно, не могъ пользоваться сколько-нибудь точными показаніями; въ его распоряженіи

были только или общія гипотетическія положенія, или косвенные данные, заимствованныя изъ соображеній филологическихъ или археологическихъ изысканій. Пользуясь этимъ материаломъ, авторъ иногда увлекается въ область нѣсколько смѣлыхъ гипотезъ, иногда слишкомъ утвердительнымъ тономъ высказываетъ положенія не вполнѣ обоснованныя и иногда одностороннимъ или второстепеннымъ даннымъ придаетъ значеніе слишкомъ вѣскихъ аргументовъ: такъ напримѣръ, высказывая предположенія о далекомъ распространеніи на западѣ Финновъ въ доисторическое время, онъ приводить, какъ главныя основанія: употребленіе нѣкоторыхъ суффиксовъ въ составѣ именъ географическихъ и особое устройство кургановъ, обложенныхъ снаружи камнями; но оба эти признака не существенны: присутствіе указанныхъ авторомъ суффиксовъ не составляетъ исключительной принадлежности финскихъ географическихъ именъ—они встрѣчаются и въ названіяхъ несомнѣнно славянскихъ и во многихъ названіяхъ западной Европы; курганы, обставленные камнями, встрѣчаются на территорії самыхъ разнообразныхъ странъ, иногда весьма отдаленныхъ (Алжиръ, Великобританія, Скандинавія и т. п.) и не могутъ быть приняты, какъ характеристика исключительно финского походного типа.

Впрочемъ, первая половина начальной главы составляетъ какъ бы введеніе, выходящее за предѣлы предмета изслѣдованія, которому посвящено сочиненіе г. Голубовскаго; оно никакъ не умаляетъ достоинствъ его исторического изслѣдованія, которое во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворяетъ научнымъ требованиямъ.

В. А.

П. А. Ивановъ. Историческія судьбы Волынской земли съ древнейшихъ временъ до конца XIV вѣка. Одесса 1895 г.

Книга г. Иванова раздѣлена на 7 главъ, заключающихъ слѣдующее содержаніе:

Въ первой главѣ помещенъ краткій географическій очеркъ Волыни; во второй сведены всѣ понынѣ извѣстныя данные о первобытныхъ поселенцахъ Волыни въ каменномъ вѣкѣ. Третья глава посвящена исторіи славянскаго населенія Волыни до X ст., т. е. до присоединенія этой области къ В. К. Киевскому при Владиміре Св. Авторъ воспользовался всѣми, понынѣ извѣстными, историческими источниками, привѣривъ мнѣнія, высказанныя его предшествен-

никами о распределении славянскихъ племенъ на Волыни (Волынне, Дулебы, Бужане) и предлагаетъ свое мнѣніе для примиренія существующаго въ этомъ отношеніи разногласія. Для обрисовки быта Волынскихъ славянъ въ до-христіанскую эпоху авторъ воспользовался единственнымъ имѣющимъся, хотя и представляющимъ лишь косвенные указанія, источникомъ, т. е. этнографическими сборниками; онъ выбралъ изъ нихъ сказанія исключительно волынскія и постарался изъ нихъ выдѣлить отголоски языческой старины, не увлекаясь впрочемъ слишкомъ смѣлыми сближеніями и гипотезами.

Четвертая глава посвящена установлению границъ Волынской земли въ историческое время по лѣтописнымъ указаніямъ: указаны колебанія этихъ границъ и особенно тщательно разсмотрѣнъ вопросъ о промежуточной территории, т. наз. «Погоринѣ».

Въ пятой главѣ представленъ краткій очеркъ политической истории Волыни до половины XII вѣка (1157 г.), когда область эта окончательно обособилась подъ властью Изяслава Мстиславича и его потомковъ.

Шестая глава, самая объемистая, посвящена исторіи Волыни съ половины XII ст. до конца XV вѣка, т. е. до прекращенія самобытности Волынского княжества. Только въ началѣ этой главы (до 1292 г.) авторъ имѣлъ возможность пользоваться связнымъ лѣтописнымъ разсказомъ, но съ того времени, вслѣдствіе прекращенія текста Ипатской лѣтописи, онъ былъ поставленъ въ необходимость пользоваться весьма скучнымъ и разрозненнымъ матеріаломъ. Г. Ивановъ положилъ много труда для того, чтобы изъ матеріала этого возстановить, хотя въ общихъ чертахъ, связный разсказъ; на каждомъ шагу ему пришлось встрѣчать спорные и недостаточно обставленные показаніями источниковъ вопросы: о времени и ~~быть~~ книженія князей: Юрия I, Андрея, Льва, Юрия II; объ отношеніи или тождествѣ Юрия II и Болеслава Тройденовича; о генеалогической связи какъ Болеслава, такъ и Любарта съ родомъ Даніила Романовича, о времени книженія Федора Любартовича и т. п. Съ большимъ трудолюбiemъ и терпѣniемъ авторъ изучилъ и показалъ источниковъ о данныхъ вопросахъ и провѣрилъ мнѣнія писателей, рассматривавшихъ ихъ: Лонгинова, Ржежабека, Любавскаго и другихъ. Онъ рассматриваетъ эти мнѣнія, относясь къ нимъ строго-критически, хотя менѣе удачно по временамъ выдвигаетъ собственные гипотезы, подлежащія также строгой критической проверкѣ.

Седьмая глава представляет очеркъ внутреннаго быта Волынскай земли и выполнена весьма удовлетворительно и настолько полно, на сколько позволяли это сдѣлать свѣдѣнія источниковъ; здесь мы находимъ разсказъ о составѣ общества: князь, вѣче, дружина, людіе (сельчане и горожане), далѣе свѣдѣнія о доходахъ князя, о составѣ войска, о духовенствѣ и церквахъ, о занятіяхъ, промыслѣ, торговлѣ, образованности и т. п. Особенно тщательно собраны свѣдѣнія о дѣлахъ церковныхъ: составленъ каталогъ извѣстныхъ Волынскихъ епископовъ, списокъ церквей, извѣстія о существованіи которыхъ сохранились; далѣе указаны усилия галицко-волынскихъ князей относительно учрежденія отдѣльной митрополіи и старанія папъ и польскихъ королей о расширстванії на Волыни католичества.

Вообще трудъ г. Иванова отличается большою добросовѣстностью въ изученіи источниковъ и литературы предмета, съ которой онъ ознакомился во всей ее полнотѣ, и вполнѣ научными пріемами исторической критики. Нѣкоторый недостатокъ, можетъ быть, составляютъ нѣсколько рискованныя гипотезы, которая впрочемъ встречаются довольно рѣдко, и можетъ быть излишне развитый polemический элементъ, преобладающій въ шестой главѣ сочиненія; послѣдній впрочемъ объясняется скучностью существующаго историческаго матеріала, вслѣдствіе чего всякому изслѣдователю приходится провѣрять съ излишнею мелочностью немногочисленные тексты источниковъ, что ведеть неминуемо къ необходимости полемики.

Несмотря однако на эти недостатки, книгу г. Иванова, какъ по добросовѣстности изученія источниковъ, такъ и по качеству научныхъ пріемовъ ихъ разработки, должно признать вполнѣ серьезнымъ историческимъ изслѣдованіемъ.

В. А.

Одесса 1794—1894 г. Издание Городского общественного управлениія. 1895 г. ц. 6 р.

Передъ нами огромная книга въ девятысотъ слишкомъ страницъ большого формата со множествомъ портретовъ, рисунковъ, плановъ и пр.—Издание вообще чрезвычайно любопытное, въ особенности ежели принять во вниманіе, что починъ въ исполненіи его принадлежитъ одному изъ такихъ учрежденій, которая вообще не очень то очочи до разныхъ литературныхъ предпріятій..

Книга состоять изъ вводнаго исторического очерка Одессы, составленного подъ ред. О. И. Успенского, и нѣсколькихъ главъ, имѣющихъ задачею представить всестороннее описаніе столѣтнаго города (территорія, климатъ и населеніе одесского градоначальства, исторія Одесского городскаго общественнаго управлениія; торговля и промышленность; благоустройство, пути сообщенія; архитектура; народное здравіе; духовная жизнь и народноо образованіе; благотворительность; примѣчаніа). Всѣ статьи составлены при участіі выдающихся мѣстныхъ знатоковъ (вприм., глава о климатѣ—при участіі А. В. Клосовскаго, о народномъ образовані—при участіі А. И. Кирничникова и Н. И. Ленца и т. д., благодаря чему книга болѣе или менѣе обеспечена отъ какихъ-нибудь крупныхъ промаховъ, а нацримѣръ результаты еще нигдѣ не опубликованныхъ изученій лиманной грязи, сдѣланныхъ известнымъ ученымъ А. А. Вериго (сообщены въ статьѣ о лиманахъ), имѣютъ даже нарочитую для дѣла важность... Рисунковъ и фототипій болѣе 160, и исполненіе ихъ вообще почти не оставляеть желать ничего лучшаго. (Говоримъ: почти, потому что есть дѣйствительно неудачные рисунки, напр., хотя бы на стр. 613 — «Прежнее зданіе музея: изображеніе очень неотчетливое—на стр. 612 домъ городскихъ народныхъ чтеній—и пѣк. др.)

Главу о народномъ образованіи и духовной жизни города мы разсмотрѣли довольно внимательно и въ общемъ остались довольны ею. Предъ умственнымъ взоромъ читателя возникаетъ довольно живая картина постепенного превращенія хаотической и многоязычной факторіи въ правильный европейскій городъ, все болѣе и болѣе пріобращающейся къ общерусской жизни и пріобрѣтающей болѣе или менѣе значительную національно-русскую окраску, чemu особенно много содѣйствовалъ довольно быстрый ростъ различныхъ русскихъ учебныхъ заведеній. Въ городѣ теперь сильно чувствуется только недостатокъ медицинскаго факультета, но кажется вопросъ объ учрежденіи его, уже окончательно насрѣвшиій, скоро получитъ столь давно желанное осуществленіе, чemu можно будетъ отъ души порадоваться. При изображеніи роста умственной жизни города составитель статьи остановился и на выясненіи того культурно-нacіональнаго воздействиія, которое было произведено на городъ пребываніемъ въ немъ величайшаго изъ русскихъ поэтовъ А. С. Пушкина. Намъ сдается только, что этому важному обстоятельству можно было посвятить болѣе страницъ, чѣмъ это сдѣлано составителемъ, которому не слѣдовало бы

избѣгать тѣхъ любопытныхъ подробностей, которыми, какъ извѣстно, характеризуется одесская жизнь великаго опального поэта.

Во всякомъ случаѣ, привѣтствуя капитальное изданіе Одесского городскаго управлениія, не можемъ не пожелать, чтобы примѣръ его послужилъ къ подражанію и со стороны другихъ нашихъ городскихъ управлений...

А. С—чъ

Записки наукового товариства імені Шевченка. Видавництво присвячене науці і письменству українсько-руського народу. Впорядкував Мих. Грушевський т. VIII (1895, кн. 4). У Львови, 1895.
(Стр. 192).

«Въ ноябрьской и декабрьской книжкахъ «Кievskой Стар.» за прошлый годъ указано содержаніе первыхъ семи томовъ «Записокъ». Вышедшій недавно томъ восьмой свидѣтельствуетъ, что научное общество имени Шевченка съ неослабѣвающей энергіей продолжаетъ работать въ избранномъ направлѣніи, знакома галицкую публику съ текущими явленіями научной литературы и внося свой посильный вкладъ въ дѣло изученія мѣстной исторіи и литературы.

Мы уже имѣли случай отмѣтить рѣзьше, что отдѣлъ критики въ бібліографії редакція «Записокъ» видимо стремится обставить возможно шире, полнѣе и разнообразнѣе. Настоящій томъ вновь подтверждаетъ это. Въ научной хроникѣ находимъ окончаніе ранѣе начатаго обзора повременныхъ изданій за 1894 г.—русскихъ, польскихъ и нѣмецкихъ. Въ отдѣлѣ бібліографії данъ отчетъ о 32 книгахъ и брошюрахъ, посвященныхъ вопросамъ южно-русской исторіи и быта, главнымъ образомъ изданныхъ на русскомъ языке. Такимъ трудомъ трудолюбивая редакція удачно разрѣшаетъ задачу, о правильной постановкѣ которой столь часто толкуется безъ всякой осознательной пользы для самаго дѣла. Уже одна эта работа давала бы «Запискамъ» право на почетное мѣсто въ ряду другихъ галицкихъ изданій, за рѣдкими исключеніями поставленныхъ въ этомъ случаѣ въ неблагопріятныя условія. Различие языковъ нисколько не мѣшаетъ взаимному ознакомленію и усвоенію результатовъ чужаго опыта и изученій, на какомъ-бы языке послѣднія ни предлагались. Теоретическая пререканія низводятся «Записками» на практическую почву къ общей пользѣ и безъ нарушенія чьихъ-либо интересовъ.

Въ отдѣлѣ miscellanea г. Грушевскимъ предложены нѣкоторыя не лишенныя интереса, хотя не всегда новыя, догадки къ тексту древнійшой русской лѣтоиси; кроме того, даны два акта 1577 и 1827 г., имѣющіе значеніе для исторіи колонизаціи на Подольи и для характеристики церковно-общественныхъ отношеній въ Галичинѣ въ началѣ текущаго вѣка.

Въ отдѣлѣ статей слѣдуетъ прежде всего отмѣтить цѣнныи «опытъ упорядоченія хронологіи произведеній Тараса Шевченка, принадлежащій перу А. Я. Конисскаго. Изслѣдованіе обнимаетъ 1838—47 г., т. е. періодъ, которому г. Конисскими посвящены уже въ «Запискахъ» особые біографические этюды. Конечно, не всѣ вопросы хронологіи, возникающіе вслѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ жизни малорусскаго поэта, могутъ считаться окончательно исчерпанными въ настоящее время; такъ напр., отношеніе по времени малорусскихъ и и русскихъ произведеній поэта, по нашему мнѣнію, потребуетъ еще дальнѣйшихъ критическихъ изученій. Тѣмъ не менѣе, то, что сдѣлано уже г. Конисскимъ въ этомъ вопросѣ, должно быть отмѣчено какъ трудъ въ высшей степени полезный. Не останавливаясь на подробнѣйшихъ доказательствахъ и не касаясь метода послѣднихъ, приведемъ здѣсь лишь конечный результатъ детальныxъ изслѣдованій автора. Предложенная имъ хронологическая схема такова: 1838 г.—въ Петербургѣ: Причинца; Катерина; Перебендя; Іванъ Підкова; Витре буйний; На вічну память Котляревскому. 1839 г.—въ Петербургѣ Тополя; Тарасова ніч; На що мені чорни брові; Думи мої; думи мої До Основиця. 1840 г.—въ Петербургѣ: Гайдамаки. 1841 г.: Хустына; Черниця Марьянна; Слѣпая красавица; Гайдай. 1842 г.: Утоплена; Слѣпая; Данило Рева; Тяжко важко в світі жити; Н. Марковичу. 1843: Гамалія; Назаръ Стодоля (по русски) и Безталаный (въ Яготинѣ). 1844 г.: Чигирин (въ Москвѣ, 19 февраля); Сон (въ Петербургѣ, 8 іюня); Наймичка; Назар Стодоля (по малорусски); Псалми Давыдові. 1855 г.: Великій Льох (въ Маргородѣ); Розрита могила, Невольник (въ Марьинскомъ); Іван Гус; Посланіе до мертвих, живих і ненароджених земляків; Кавказ; Холодный яр и Заповіт. 1846: За думою дума роем вилітае; Не женися на богаїй; Чого мині тяжко; Вітер в гаї; Не хочу я женитися; Не завидуй богатому; У Вильни городи; Пустка. 1847 г.: Книжна; Відьма; Русалка; Лілея; Калина; Три шляхи; Пустка (Рано вранці); Хустына (Чи на то вже Божа воля); Вечір; За байраками байракъ; Од стрічечки до стрічеч-

ка; Ой одна я одна; Не кидай матери; Костомарову; По надъ по-
лемъ иде.

Дръ Кир. Студинській издалъ въ настоящемъ томѣ панегирикъ Петру Могилѣ 1633 «'Еофоніа весёло броячая» по рукописи Спб. пуб-
личной библіотеки. Не имѣя исторического значенія, панегирикъ
этотъ не лишенъ интереса въ отношеніи языка и направлениіа ідей,
свидѣтельствующаго о западныхъ вліяніяхъ чрезъ посредство совре-
менной школы. Панегирикъ составленъ отъ имени киевскихъ типо-
графовъ, надѣявшихся на оживленіе своего «друкарскаго» дѣла съ
прибытиемъ Могилы. Языкъ панегирика—малорусскій съ примѣсью
церковно-славянского и съ значительнымъ польскимъ вліяніемъ.

Редакторъ «Записокъ», проф. М. С. Грушевскій, въ статьѣ: «Похвала в. кн. Витовту», предложилъ нѣсколько своихъ соображеній о составѣ древнѣйшей русско-литовской лѣтописи. Авторъ сопоставляетъ лѣтописный текстъ «Похвалы» съ изданною недавно (IX т. Чтеній Общ. Нестора Лѣтописца) г. Соболевскимъ записью въ ру-
кописномъ сборнике поученій Исаака Сирина и, коснувшись выска-
занныхъ въ литературѣ мнѣній (г.г. Смольки, Нрохаски, Тихомирова) о
составѣ и происхожденіи различныхъ частей лѣтописи и, въ частно-
сти, «Похвалы», склоняется къ мнѣнію г. Смольки, относящаго воз-
никновеніе лѣтописи къ г. Смоленску. По этому поводу можно за-
мѣтить, что до критического изданія самой лѣтописи, столь давно
ожидаемаго, въ настоящемъ и другихъ вопросахъ возможны лишь
болѣе или менѣе правдоподобныя догадки, цѣнность которыхъ въ на-
учномъ смыслѣ, кажется, должна быть признана очень слабою. Если
не ошибаемся, общество имени Шевченка имѣеть въ виду пополнить
указанный проблѣмъ въ исторической литературѣ. Въ настоящемъ то-
мѣ начата печатаніемъ монографія д-ра И. Франка: «Варлаамъ и Іоа-
сафъ, старохристіацкій духовный романъ и его литературная исто-
рия». Пока данъ лишь краткій обзоръ мнѣній о возникновеніи ро-
мана вообще, и о значеніи восточныхъ вліяній и начато изложеніе
самой истории о Варлаамѣ и Іоасафѣ, съ нѣкоторыми пояснительны-
ми замѣчаніями. Въ концѣ книги приложены рисунки и выдержки
изъ текста романа по креховской рукописи XVI в. (стр. I—XVI), съ
краткимъ описаніемъ послѣдней. Къ статьѣ г. Франка мы будемъ
имѣть счастій возвратиться при обозрѣніи дальнѣйшихъ томовъ по-
ченного львовскаго изданія.

Н. М.

Кіевская Академія во второй половинѣ XVII в. проф. Н. И. Петрова. К. 1895 г. стр. 171.

Історія Кіевской духовной академіи, доживающей третєе столітіе своего существованія, имѣеть уже сравнительно обширную литературу. Существуетъ уже вѣсколько трудовъ, посвященныхъ специальному изслѣдованию историческихъ судебъ этого древнѣйшаго русскаго учебнаго заведенія. Но труды эти, за исключеніемъ извѣстнаго сочиненія С. Т. Голубева, полно и критически изслѣдовавшаго вопросъ о началѣ Кіевской академіи, въ настоящее время уже значительно устарѣли и не вполнѣ соотвѣтствуютъ вновь открытому матеріалу по исторіи Кіевской академіи и вообще современнымъ требованіямъ исторической науки. Вышедшімъ въ самомъ концѣ прошедшаго года своимъ трудомъ проф. Петровъ положилъ прекрасное начало составленію въ полномъ смыслѣ слова научной, строго критической исторіи Кіевской духовной академіи. Предметомъ своего труда, заглавие котораго мы выше привели, почтенный нашъ ученый избралъ одинъ изъ самыхъ смутныхъ и тяжелыхъ періодовъ въ исторіи Кіевской академіи, обнимающій вторую половину XVII в. до преобразованія древней Кіево-могилянскай коллегіи въ академію. Благодаря опустошеніямъ и разореніямъ враговъ, а также и пожарамъ, какимъ академія неоднократно подвергалась, въ ея стѣнахъ не сохранилось почти никакихъ матеріаловъ, необходимыхъ для возстановленія полной и точной ея исторіи за этотъ періодъ. Самъ Н. И. Петровъ предпринялъ трудъ составленія исторіи Кіевской академіи во второй половинѣ XVII в. на основаніи главнымъ образомъ виѣшнихъ источниковъ, открытыхъ большею частью имъ самимъ въ различныхъ кіевскихъ книгохранилищахъ во время составленія имъ описаній рукописныхъ собраній этихъ послѣдніхъ. Кроме того, для уясненія внутренняго строя Кіевской академіи во второй половинѣ XVII в. онъ пользовался обширными своими свѣдѣніями о школьнѣхъ порядкахъ, съ одной стороны, тѣхъ польско-католическихъ и западно-европейскихъ учебныхъ заведеній, которые послужили образцомъ для кіево-братской коллегіи, а съ другой—русскихъ коллегіи и академій, происшедшихъ отъ Кіевской академіи и устроенныхъ по ея образцу. Въ результатѣ получился отчетливый и обстоятельный очеркъ виѣшней и внутренней исторіи Кіевской академіи за вторую половину XVII в.

Виѣшная исторія академіи излагается въ первой главѣ сочиненія (стр. 6—57). Здѣсь сообщаются краткія, но за то вполнѣ точ-

нья, истинныя, основанныя на подлинныхъ документахъ, свѣдѣнія о ректорахъ, профессорахъ, учителяхъ и выдающихся ученикахъ Киевской академіи, равно какъ и о наиболѣе замѣчательныхъ событияхъ, имѣвшихъ мѣсто въ ея исторіи за вторую половину XVII в. Начало первой главы сочиненія, въ видахъ наибольшей полноты и обстоятельности изслѣдованія, посвящено авторомъ краткому очерку собственно могилянского периода (до 1646 г.) исторіи Киевской академіи.

Вторая глава сочиненія (стр. 58—125) посвящается характеристицѣ внутреннего строя кіево-могилянской коллегіи со времени ея учрежденія, до конца XVII в. Здѣсь авторъ сначала устанавливаетъ тотъ фактъ, что образцами для внутренняго устройства кіево-братской коллегіи послужили іезуитскія и піарскія коллегіи и только въ 80-хъ годахъ XVII в. кіево-братская коллегія, послѣ введенія въ кругъ ея наукъ богословія, пріобрѣла себѣ права академіи, измѣнивъ въ это время и свое внутреннее устройство по упрощенному іезуитами типу латино-польскихъ академій. Такимъ образомъ, проф. Н. И. Петровъ во внутреннемъ бытѣ кіево-братской коллегіи за XVII-е столѣтіе различаетъ двѣ эпохи: а) до 1680-хъ годовъ б) съ 1680-хъ годовъ до начала XVIII в. Соответственно этому онъ сначала характеризуетъ внутренній строй кіево-могилянской коллегіи за первую изъ указанныхъ сейчасъ эпохъ ея исторіи посредствомъ тщательного сравненія параллельныхъ явлений въ іезуитскихъ и піарскихъ коллегіяхъ, съ одной стороны, и въ кіево-братской коллегіи—съ другой (стр. 67—101), отмѣчая здѣсь же (стр. 111—113) и значительные различія между школьнми порядками іезуитско-піарскихъ коллегій и кіево-братской коллегіи. Затѣмъ авторъ говоритъ о томъ, какъ кіево-братская коллегія, по переходѣ своемъ подъ властъ московскаго государства, постепенно улучшалась и подготовлялась къ преобразованію въ академію, т. е. высшее учебное заведеніе, при чёмъ образцомъ для нея служили латино-польскія академіи, упрощенные въ ихъ устройствѣ іезуитами. Характеризуя внутренній бытъ академіи, почтенный авторъ говоритъ объ управленіи ея, составѣ учебнаго курса ея и методахъ преподаванія, средствахъ содержанія воспитанниковъ, школьныхъ порядкахъ и надзорѣ за поведеніемъ воспитанниковъ, объ особенныхъ средствахъ религіозно-нравственного воспитанія учащихся и о школьнной дисциплинѣ. Трудъ проф. Н. И. Петрова снабженъ 6 приложеніями: 1) привилей Владислава IV православнымъ отъ 18 марта 1635 г.; 2) списокъ игуменовъ кіево-братского монастыря, ректоровъ, префектовъ и учителей Киевской академіи за XVII столѣтіе;

3) черновой списокъ иѣкоторыхъ начальствующихъ и учащихся лицъ Кіевской академіи, составленный въ 1820-хъ годахъ; 4) описание извѣстныхъ доселъ учебниковъ по разнымъ наукамъ, преподававшимся въ кіево-братьской коллегіи въ XVII в.! 5) извлеченіе изъ дѣла Кіевской духовной Консисторіи 1741 г. № 148: «о позволеніи жить студентамъ въ школѣ притиско-никольской и о прочемъ» и 6) «вопросы и отвѣты зъ разныхъ писмъ служащіе вѣре православной».

Таково содержаніе нового труда Н. И. Петрова, неутомимо работающаго на поприщѣ изслѣдованія кіевскихъ древностей. Сочиненіе написано во всеоружіи ученой эрудиціи и строгой критики. Каждое положеніе въ сочиненіи прочно обосновано и подтверждается ссылками на подлинные документы. Не смотря на то, что почтенному на шему ученому приходилось составлять свой трудъ на основаніи самыхъ отрывочныхъ и крайне скучныхъ свѣдѣній, сочиненіе его въ общемъ даетъ полный и ясный образъ виѣшней исторіи и внутренняго состоянія Кіевской академіи за одинъ изъ самыхъ темныхъ періодовъ ея существованія. Поэтому рекомендуемъ настоящее сочиненіе любителямъ кіевской старини и вообще серьезнаго чтенія, въ полной увѣренности, что они получатъ истинное наслажденіе, прочитавъ-solidный трудъ Н. И. Петрова. Отъ души желаемъ, чтобы задуманное имъ намѣреніе—дать русскимъ читателямъ полную, точную, ученую исторію Кіевской духовной академіи—было осуществлено имъ съ полнымъ усиліемъ.

Кіевъ, 1896 года 26 января.

Ф. Титовъ

КЪ РИСУНКУ.

Въ печати извѣстно очень небольшое число картинъ, писанныхъ Т. Г. Шевченкомъ масляными красками; притомъ онъ извѣстны по указаніямъ, заключающимся въ пѣкоторыхъ статьяхъ о Шевченкѣ, снимковъ же съ нихъ почти не появлялось. Въ этомъ отношеніи больше посчастливилось рисункамъ Шевченко, снимки съ которыхъ проявлялись въ разныхъ изданіяхъ, а въ томъ числѣ и въ нашемъ журналѣ. Чтобъ познакомить читателей съ этой мало извѣстной стороной художественной дѣятельности Шевченка, редакція прилагаетъ къ настоящей книгѣ снимокъ съ картины Шевченка, писанной масляными красками на сюжетъ изъ его поэмы „Катерина“. Она изображаетъ Катерину, покинутую милымъ ей „москалемъ“ и видимо носящую подъ сердцемъ залогъ своей несчастной любви. Повидимому, картина была написана вслѣдъ затѣмъ, какъ создавалась поэма; во всякомъ случаѣ она относится къ раннему періоду художественной дѣятельности Шевченка, предшествовавшему его ссылкѣ. Въ настоящее время эта картина находится въ собраніи В. В. Тарновскаго въ Кіевѣ.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

„КІЕВСКОЕ СЛОВО“ ЕЖЕДНЕВНАЯ

ЛІТЕРАТУРНО-ПОЛІТИЧСКАЯ И ЭКОНОМІЧСКАЯ ГАЗЕТА

будеть выходить въ 1896 году на прежнихъ основаніяхъ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

- 1) Передовыя статьи по вопросамъ политическимъ, хозяйственнымъ, педагогическимъ, законодательнымъ, судебнымъ, земскимъ и т. п.
- 2) Телеграммы внутреннія и заграничныя.
- 3) Корреспонденція внутреннія и заграничныя.
- 4) Извѣстія изъ славянскихъ земель.
- 5) Повѣсти и разсказы.
- 6) Бесѣды по разнымъ вопросамъ дня (фельетонъ).
- 7) Обозрѣніе русскихъ журналовъ и газетъ.
- 8) Критика литературная, художественная и театральная.
- 9) Внутренняя хроника: законодательство и распоряженія Правительства. Мѣстная хроника г. Киева. Краткія извѣстія изъ разныхъ мѣстъ отечества, преимущественно изъ юго-западнаго края.
- 10) Справочный отдѣлъ: курсы, фонды, ипотечныя и другія промышленные бумаги и акціи. Товарный рынокъ. Желѣзныя дороги, пароходы, лѣчебницы, театры и т. п. Судебная извѣстія.

Подписанія цѣна на «Кіевское Слово» съ доставкой и пересыпкой на годъ 10 р., на 6 м.—6 р., на 3 м.—4 р., на 1 м.—1 р. 50.; безъ доставки и пересылки—на годъ 8 р., на 6 м.—5 р., на 3 м.—3 р., на м.—1 р. Для годовыхъ подписаній допускается разсрочка подписаній

КИЕВСКАЯ СТАРИНА.

платы на слѣдующихъ условіяхъ: съ дост. и перес. при подпискѣ 5 р. и черезъ 5 мѣсяцевъ вторые 5 р.; безъ доставки въ тѣ-же сроки по 4 р. Заграничные подписчики прилагаютъ къ цѣнѣ безъ доставки по 60 к. за каждый мѣсяцъ. За персынку иногороднаго адреса—20 к.

Подписка и объявленія принимаются въ Киевѣ: 1) Въ главной конторѣ на Большой Владимірской д. Антоновича, № 35. 2) На Крещатикѣ, въ магазинахъ: С. В. Кульженко и Л. Идзиковскаго. Въ Москвѣ и Петербургѣ у Метцль и Ко.

Гг. иногороднихъ подписчиковъ просятъ обращаться непосредственно въ главную контору „Киевскаго Слова“, Большая Владимірская, домъ № 35.

Редакторъ *В. М. Бодановъ*.
Издатель *С. В. Кульженко*.

3—3

1896 г. „НУВЕЛЛИСТЪ“ 57 г. изд.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО

и

МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА.

Съ 1-го января 1896 года, «Нувеллистъ» вступаетъ въ пятьдесятъ седьмой годъ своего существованія и будетъ выходить какъ и прежде, аккуратно первого числа каждого мѣсяца, тетрадами большаго плотнаго формата.

Въ «Нувеллисте» въ теченіе года будутъ помѣщены:

- 1) Салонныя пьесы русскихъ и иностраннныхъ композиторовъ, въ двѣ и четыре руки.
- 2) Новые любимые танцы.
(вальсы, польки, мазурки, кадрили),
- 3) Русскіе романсы.
- 4) Легкія пьески для дѣтей для фортепіано.
- 5) Легкія пьесы для скрипки съ фортепіано.
- 6) Дѣтскія пѣсенки.

Годовой экземпляръ «Нувеллиста» составить обширный томъ въ 400 страницъ—до 100 музыкальныхъ номеровъ.

Музыкально-театральная газета будет выходить въ продолженіи музыкального сезона и дастъ полный обзоръ всего приимѣчательнаго въ области музыки и театра.

Редакторъ-Издатель *Н. Бернардъ.*

ПРЕМИЯ

Каждый подписчикъ на «Нувеллисъ» получитъ бесплатно премію Полную оперу въ двѣ руки или другое музыкальное сечченіе по выбору изъ 80-ти нумеровъ и два портрета выдающихся музыкальныхъ дѣятелей.

Подписная цѣна на годъ 5 руб.

Съ пересылкой или доставкой 6 руб.

За границу съ пересылкой 8 руб.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ «Нувеллиста» при Музыкальномъ Магазинѣ М. Бернарда, Большая Морская, № 26.

Въ Москвѣ у П. И. Юргенсона, Неглинный, № 10.

3-3

1896. — ОТКРЫТА ПОДПИСКА. — 1896.

ИА ВОЛШОЙ СЕМЕЙНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Годъ издания 61-й. **ОБОЗРѢНІЕ** Годъ издания 61-й.

Въ наступающемъ 1896 году въ журналѣ «Живописное Обозрѣніе» и его ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеніяхъ, несмотря на громадные расходы, вводятся важная и существенная улучшенія, дающія возможность вашимъ подписчикамъ имѣть

ДВА САМОСТОЯТЕЛЬНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗДАНІЯ

НЕ ВОЗВЫШАЯ ПРЕЖНЕЙ ПОДПИСНОЙ ЦѢНЫ:

52 иллюстрированныхъ нумера, гдѣ помѣщаются только новыя литературныя произведения извѣстныхъ русскихъ и иностраннѣыхъ писателей. Каждый номеръ состоять, въ общемъ, изъ 2 $\frac{1}{4}$ —3-хъ листовъ большого формата, отпечатанныхъ на роскошной бумагѣ, **52** съ большими гравюрами лучшихъ художниковъ.

Въ виду предстоящаго въ 1896 году СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, а также открытія въ Нижнемъ-

Новгородъ «Всероссійской художественно-промышленной выставки», журналъ «Живописное Обозрѣніе» дасть цѣлый рядъ оригинальныхъ рисунковъ, относящихся къ этимъ событіямъ.

При нумерахъ журнала, между прочимъ, въ теченіе года будеть выдано:

1) 52 вумера—«Хроника событий за недѣлю»—2) 12) нумеровъ «Парижскихъ новѣйшихъ модъ» съ рисунками.—3) 12 раскрашенныхъ модныхъ картинъ (новость).—4) 12 выкроекъ въ ватуральную величину.—5) рисунки для вышивки бѣлья, платьевъ, костюмовъ, шерстю, спурками, шелкомъ, золотомъ и проч.—Рисунки для вышиванія (оригинальные) разныхъ изящныхъ предметовъ, полезныхъ въ хозяйствѣ.—7) 12 Новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ (романсы, танцы и проч.)—8) стенной календарь, отпечатанный цветными красками и золотомъ.

Вместо бесплатныхъ премій въ 1896 году будеть выдано:

ДВѢНАДЦАТЬ БОЛЬШИХЪ ТОМОВЪ

12 Въ составъ которыхъ входять новые исторические, этнографические и современные романы, повѣсти, рассказы и стихотворенія русскихъ и иностранныхъ писателей, а также научныя, сельско-хозяйственныя статьи, смѣсь и проч. **12**

Томы эти будуть выходить ежемѣсячно (между 1 и 10 числами), изящно отпечатаными, въ форматѣ большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, въ размѣрѣ отъ 20 до 25 листовъ. Каждый томъ будеть состоять изъ новыхъ произведеній русскихъ и иностранныхъ писателей. Въ каждомъ томѣ, между прочимъ, обязательно будеть помѣщены одинъ вполнѣ законченный романъ или повѣсть, изъ коихъ некоторые будуть иллюстрированы известными художниками и дополнены портретами писателей и выдающихся личностей

Не смотря на новыя весьма цѣнныя улучшениа въ нашемъ изданіи, ставшія его, по богатству и разнообразію литературного и художественного материала, виѣ всякихъ сравненій съ существующими однородными изданіями.

Подписанная годовая цѣна остается прежняго:

На годъ съ доставкою въ Спб. и по Имперіи: 8 р.—Безъ доставки въ Спб. 7 р.—Въ Москвѣ 7 р. 75 к.

На полгода (съ доставкою)—4 р. 50 к.—На три мѣсяца — 2 р. 50 к.—
За границу на годъ—16 р.

Разсрочка взносовъ на другіе сроки допускается по соглашению съ главной конторой.

Съ подпиской и требованіями просятъ обращаться въ Главную Контору журнала:

С.-Петербургъ, Невскій просп., у Аничкина моста, д. № 68—40.
Подробно иллюстрированное объявление высылается изъ конторы, по требованію, бесплатно.

3—3

годъ издания 84-й. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА.** годъ издания 84-й.

1812. Большая ежедневная политическая и литературная газета **1896.**
(безъ предварительной цензуры)

СЫНЬ ОТЕЧЕСТВА

Печатается ежедневно (въ 2-хъ издан.) въ количествѣ 48,500 экземпляровъ.

Первое изданіе выходитъ ежедневно листами большого формата

съ еженедѣльными иллюстрированными приложеніями

Въ ежедневныхъ нумерахъ газеты, кроме статей по современнымъ вопросамъ, сообщается о всѣхъ выдающихся событияхъ въ придворной, духовной и военной сферахъ, а также всѣ важные новости дня столичной,

внутренней и иностранной жизни, по свѣдѣніямъ специальныхъ корреспондентовъ газеты и телеграммъ, одновременно съ другими дорогими изданіями, а потому газета «Сынъ Отечества» въ первомъ (большомъ) изданіи

ВПОЛНЪ ЗАМѢНЯЕТЬ ДОРОГОЕ ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНІЕ.

Кромѣ ежедневныхъ номеровъ газеты, годовые подписчики получатъ:

- 1) 52 номера воскресныхъ приложений, печатаемыхъ на веленевої глазированный бумагѣ, въ видѣ еженедѣльного иллюстрированного журнала, где помѣщаются: романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и болѣе 300 художественныхъ рисунковъ.

Въ виду предстоящаго въ 1896 г. СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, въ газетѣ «Сынъ Отечества» будетъ помѣщенъ рядъ оригинальныхъ рисунковъ и описаній, относящихся къ этому событию.

ВСЕРОССІЙСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ВЫСТАВКА

также займетъ видное мѣсто въ газетѣ, какъ въ рисункахъ, такъ и описаніяхъ.

- 2) Двѣнадцать нумеровъ «Моды и рукодѣлія», замѣняютъ «Модный журналъ»,
3) Стѣнной календарь (съ картой Россіи), разсылается при первомъ нумерѣ.

НОВОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ.

Всѣ годовые подписчики газеты «Сынъ Отечества», въ 1896 году, получать бесплатно и безъ всякой приплаты за пересылку.

Избранныя литературныя произведенія любимаго русскаго писателя

А. МИХАЙЛОВА.

гдѣ, между прочимъ, будуть помѣщены: портретъ, біографія автора и два большихъ романа, произведшихъ при своемъ появлѣніи громадную сенсацію въ литературномъ мірѣ, а именно:

I) „Жизнь Шупова“. — II) „Лѣсь рубятъ — щепки летятъ“.

Въ отдельной продажѣ стоимость этихъ изданій — пять рублей.

Подписная цѣна на первое изданіе (съ доставкою):

На годъ 8 р. — На полгода 4 р. 50 к. — На три мѣсяца 2 р. 50 к.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ ГАЗЕТЫ „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“.

Второе изданіе газеты «Сынъ Отечества» выходитъ ежедневно листами малаго формата. Въ нумерахъ газеты помѣщаются всѣ выдающіяся новости, а также придворныя, административныя, военные и научныя извѣстія и телеграммы одновременно со всѣми другими дорогими изданіями.

На годъ
На годъ съ доставкою.
На годъ съ доставкою.

Кромѣ того на страницахъ второго изданія помѣщаются художественно выполненные портреты Высочайшихъ особъ, современныхъ русскихъ и иностраннѣхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей сосредоточивающихся на себѣ, въ извѣстный моментъ, особое вниманіе общества.

Подписная цѣна на второе изданіе (съ доставкою и пересылкою по Россіи):

На годъ 4 руб. На полгода 2 руб. На три мѣсяца 1 руб.

Съ подпискою просятъ обращаться исключительно въ главную контору:

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, у Аничкина моста, д. № 68 — 40.

Подробности объявленіе высылается изъ конторы по требованію бесплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ НА

ежемѣсячный литературно-научный и политический журналъ

„СѢВЕРНЫЙ ВѢСТИКЪ“.

(Годъ изданія XI).

Въ 1895 г. въ «Сѣв. Вѣстн.» было, между проч., напечатано: Хозяинъ и работникъ. Пов. гр. Л. Н. Толстого.—Избирательная реформа въ Бельгіи. В. Спасовича.—Съ убійцей. Пов. П. Боборыкина.—«Переписка Моиассана съ Башкирцевой».—Отверженный. Ром. Д. Мережковскаго.—«Николай Николаевич Ге», биограф. очеркъ. В. Стасова.—Женская жизнь. Пов. М. Крестовской.—О значеніи войны для современного общества. Проф. Л. Комаровскаго.—Холера. Разск. Кота-Мурлыки.—О синдикатахъ. Проф. А. Исаева.—Законные жены. Пов. О. Шапиръ.—Нѣть бѣдности въ Россіи. П. Кузнецова.—Не по правдѣ Пов. В. Дмитріевой.—Судь присяжныхъ; объединеніе суда и судебный языкъ. М. Стиваля.—Тургеневъ и Толстой. Проф. Д. Овсаннико-Куликовскаго.—Старый и новый ламаркизмъ. Проф. Н. Холодковскаго.—Исповѣдь. Анни Безантъ.—Обыватель. Рубль и блаженство. П. Кузнецова.—На родинѣ Христа. Б. Корженевскаго.—Разлука. Разск. Л. Гуревичъ.—Судьба и слава. Проф. А. Трачевскаго.—Рѣпинъ и Ге. А. Волынскаго.—Миссъ Май. Разск. З. Гиппіусъ.—По поводу выставки обѣ искусствъ. М. Антокольского.—Сельско-хозяйственный советъ. М. Стиваля.—Гергардъ Гауптманъ. Проф. Л. Шепелевича.—Замѣтки перваго человѣка. Л. Полонскаго.—Наши земельныя дѣла. П. Кузнецова.—Эволюціонная идея въ ея естественно-историческомъ развитіи. Проф. В. Шимкевича.—Переселенческое дѣло съ 80-хъ годовъ. Проф. А. Исаева.—Тажелые сны. Ром. Ф. Сологуба.—Земскія дѣла. М. Петрова.—Наяда. разск. А. Чернаго.—Положеніе женщинъ въ соединенныхъ штатахъ.—Памяти Ядринцева. Проф. А. Исаева.—За границей. Воспоминанія А. Верещагина.—По поводу модныхъ разговоровъ. П. Кузнецова.—Основныя начала судебныхъ уставовъ. В. Устинова.—Quo vadis. Истор. ром. Генриха Сенкевича.—Англійское влияніе въ Россіи. П. Боборыкина.—Рабочіе на сибирской желѣзной дорогѣ. Н. Арефьевъ.—Расколъ въ радикальной журналистикѣ шести десятыхъ годовъ и Д. И. Писаревъ. А. Волынскаго.—Религіозно-политические идеалы польского общества. М. Урсинна.—Пересмотръ городового положенія. П. Кузнецова.—Вопросъ объ эльсасѣ и лотарингіи Проф. Л. Комаровскаго.—Кистяковскій какъ криминалистъ. Проф. И. Фойницкаго.—Прозрѣла. Пов. П. Боборыкина.—Романистъ-моралистъ. Проф. Л. Шепелевича.—Зачиски А. О. Смирновой. (Смерть

Пушкина.—Лермонтовъ.—Листъ.—Глинка.—Живописецъ Ивановъ и пр.).—
Стихи: Н. Минского, К. Фофанова, Д. Мережковского, О. Чюминой и др.

Ежемѣсячные отдѣлы въ журналѣ:

- 1) Областной и земской отдѣлъ (статьи и замѣтки разныхъ лицъ по вопросамъ областной, земской и городской жизни). 2) Провинціальная печать. Л. Прозорова. 3) Внутреннее обозрѣніе. 4) Корреспонденція изъ заграницы. 5) Театръ. 6) Изъ жизни и литературы. 7) Критика и бібліографія. 8) На западѣ. *** 9) Литературные замѣтки. А. Волынскаго.

Въ виду того, что романъ Г. Сенкевича «Quo vadis» продолжается печатаниемъ въ 1896 году, новые годовые подписчики на 1896 годъ получать первый томъ романа «Quo vadis», печатавшійся въ нашемъ журналь въ 1895 году съ мая по декабрь, въ видѣ бесплатного приложения.

Цѣна:	Годъ:	Полгода.	Четверть:
Безъ доставки .	12 р. — к.	6 р. — к.	3 р. — к.
Съ доставкою .	12 » 50 >	6 » 50 >	3 » 50 >
Съ пересылкою .	13 » 50 >	7 » — >	3 » 50 >
За границей. .	15 » — »	8 » — »	4 » — »

Въ главн. конторѣ допускается разсрочка безъ повышенія годовой цѣны.

Для учащихъ и учащихся льготныя условія.

Подписка принимается въ главн. конторѣ. Сиб., Троицкая, 9; въ Московскомъ отдѣленіи при книжн. маг. К. Тихомирова, Кузнецкій Мостъ; въ Сиб. въ кн. маг. Фену, въ Москвѣ, въ конт. Н. Печковской, во всѣхъ кн. маг. Карбасникова, «Нового Времени» и др.

Издатель *Л. Я. Гуревичъ.* За редактора *Л. Я. Гуревичъ.*

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на новый ежемѣсячный научно-популярный и педагогический журналъ

„ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ И ГЕОГРАФІЯ“,

имѣющій выходить съ первого января 1896 года.

Журналъ ставить себѣ задачей посильнѣ удовлетворять научному интересу читателей въ области естествознанія и географіи, а также способствовать правильной постановкѣ и разработкѣ вопросовъ по преподаванію естествознанія и географіи. Въ журналѣ будутъ помѣщаемы: научно-популярные статьи по всѣмъ отраслямъ естествознанія и географіи, статьи по вопросамъ преподаванія естествознанія, теоретического и прикладного (садоводство, животноводство и т. под.), и географіи, обзоръ русской и иностран-

ной литературы по естествознанию и географии, хроника, съмѣсь, вопросы и отвѣты по предметамъ программы журнала, приложеиія, состоящія изъ научныхъ и педагогическихъ сочиненій, относящихся къ программѣ журнала. Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно, за исключеніемъ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, книжками въ 5—6 печатныхъ листовъ.

Въ журналѣ изъявили согласіе участвовать: проф. Д. Н. Анучинъ, И. Я. Акінфіевъ, П. А. Аникіевъ, А. П. Артари, В. Л. Беренштамъ, В. А. Богдановъ, Н. В. Богоявленскій, П. Вольногорскій, В. В. Григорьевъ, М. И. Голенкинъ, М. И. Демковъ, Е. В. Жадовскій, В. П. Зыковъ, А. А. Ивановскій, проф. И. А. Каблуковъ, проф. Н. А. Кулагинъ, Г. А. Ко-жевниковъ, А. Н. Корчагинъ, С. П. Мечъ, В. М. Михайлловскій, проф. А. М. Никольскій, Ф. М. Окновъ, проф. А. П. Павловъ, Н. В. Подвысоцкій, Н. И. Раевскій, А. Н. Рождественскій, Н. А. Рубакинъ, проф. В. В. Сапожниковъ, К. К. Сентъ-Илеръ, Н. В. Слюнинъ, В. Д. Соколовъ, проф. К. А. Тамиразевъ, проф. А. А. Тихомировъ, П. Р. Фрейбергъ, проф. Н. А. Холодковскій, проф. В. М. Шимкевичъ, П. Ю. Шмидтъ и др.

Подписанная цѣна на годъ безъ доставки 4 руб., съ доставкою и пересылкою 4 руб. 50 коп.; на полгода съ пересылкою и доставкою 2 руб. 50 коп. Подписка принимается для иногороднихъ подписчиковъ исключительно въ Главной конторѣ журнала (Москва, Большая Полянка, д. Учительского Института, кв. № 2); для городскихъ подписчиковъ—въ конторѣ Печковской (Петровская линія).

Редакторъ-Издатель *Михаилъ Петровичъ Варавва*.

3—3

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА
ЖУРНАЛЪ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

НОВОЕ СЛОВО

Выходитъ ежемѣсячно отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ.

Журналъ «Новое Слово», перейдя въ новые руки, будетъ выходить подъ новой редакціею и при новомъ составѣ сотрудниковъ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Я. В. Абрамовъ, В. В., П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, Н. А. Каблуковъ, С. Н. Кривенко, Д. Н. Манинъ-Сибирякъ, Г. А. Мачтеть, Николай—онъ, Л. Е. Оболенскій, Н. А. Рубакинъ, А. М. Скабичевскій, К. М. Станюковичъ, В. А. Тамиразевъ, А. П. Чеховъ, Щепотьевы (Е. С. и С. А.) и др.

Примѣняясь къ теченію нашей общественной жизни, новый годовой пе-
ріодъ которой начинается съ осени, мы считаемъ цѣлесообразнымъ, по
примѣру многихъ западно еврейскихъ журналовъ, начинать также съ этого
времени и журнальный годъ. Вслѣдствіе этого годовая подписка на «Но-
вое Слово» принимается съ 1-го октября 1895 г. по 1-е октября 1896 г.

Подписная цѣна съ пересылкой на годъ	10 р. — к.
> > безъ пересылки на годъ	9 > — >
> > > > на полгода . . .	5 > — >
> > > > на три мѣсяца . .	2 > 50 >

Годовые подписчики «Нового Слова» за 1895 г., получивъ въ счетъ
подписки три первыя книжки журнала (октябрь, ноябрь и декабрь), вно-
сатъ за 1896 г., въ 1-му января 7 р. 50 к.

Адресъ конторы редакціи: Спб. Спасская ул., (уг. Надеждинской),
д. 15, кв. 1.

Отдѣленіе конторы: Спб. Невскій пр., д. 54, „Библіотека
Черкасова“.

Городская подписка принимается, кроме конторы редакціи и ея
отдѣленія, въ книжныхъ магазинахъ «Нового Времени», Н. П. Карбасни-
кова, К. Риккера, Цицерлинга (Мелье) и въ библіотекѣ Л. Т. Рубаки-
ной (Бол. Подьяческая, д. 24),

Получая неоднократно заявленія отъ провинціальныхъ читателей о
затрудненіи въ выборѣ и выпискѣ книгъ, контора редакціи беретъ на
себя составленіе списковъ, высылку каталоговъ и книгъ и съ удовольст-
віемъ будетъ отвѣтывать на всѣ запросы провинціального читателя.

Лица, выписывающія изданія О. Н. Поповой черезъ контору ре-
дакціи или ея отдѣленіе за пересылку не платятъ.

За редактора *A. H. Попова.*

Издательница *O. N. Попова.*

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„РУССКІЙ ВѢСТИНИКЪ“.

на 1896 годъ.

На будущій 1896 годъ издатели, Товарищество «Общество Польза»,
по прежнему будутъ ставить себѣ задачей принимать постоянно всѣ мѣры
къ улучшенію журнала. Веденіе и направление журнала остается прежнее,
такъ какъ всѣ сотрудники наши, участвовавшіе въ минувшіе годы, будутъ
принимать дѣятельное участіе и впредь.

Изъ постоянныхъ сотрудниковъ С. С. Татищевъ обѣщаетъ намъ свой новый трудъ «Императоръ Павелъ и Первый Консулъ Бонопартъ» и др., которыми онъ въ настоящее время занятъ, и его «Политич. обозрѣніе» будетъ появляться по-прежнему ежемѣс. Д. В. Григоровичемъ обѣщано его новое произвед., П. П. Гайдичемъ—новая повѣсть; будетъ законченъ романъ Вс. С. Соловьевъ «Цвѣты бездны», пріостановившійся за болѣзни автора, причемъ новымъ подпisch. будутъ высланы оттиски первыхъ главъ романа Вс. С. Соловьевъ также представилъ намъ записки своего покойнаго отца, извѣстнаго истор. С. М. Соловьева. Кроме того, появляются: новый ром. Дм. И. Стакѣева «Духа не угашайтъ»; разск. Н. И. Мердеръ «Изъ деревенск. впечатлѣній»; ром. К. Ф. Орловскаго «Медовый мѣсяцъ»; ром. Д. И. Пронскаго «Свѣтъ жизни»; повѣсть И. И. Данилова (автора повѣсти «Въ тихой пристани») «По новому шути»; рассказы (изъ таежн. воспомин.) Н. В. Латкина; «Письма деревенск. хозяина» А. П. Мещерскаго; «Деревенск. очерки» Д. И. Тихѣева; разск. И. И. Чеха; «Въ сѣверо-запад. краѣ», очерки Н. И. Березина.

Въ 1896 г. будутъ также продолжаться «Письма о литературѣ» П. А. Ачкасова.

Съ сентябр. книги 1895 г. возстановл. наим. отдѣль «Современная лѣтопись», получившій такую извѣстн. при М. Н. Катковѣ, гдѣ будутъ помѣщаться постоянно письма, статьи и замѣтки по поводу текущ. событий; причемъ мы обращаемся съ просьбою къ нашимъ читател. сообщать намъ свои замѣч. и краткія письма объ обстоятельств. современ. или объ важн. историческ. документахъ, если у кого они сохранились.

Отъ С. П. Катковой мы получили переп. покойн. М. Н. Каткова. Будутъ помѣщ. письма къ нему Ф. М. Достоевскаго, И. А. Gonчарова, П. И. Мельникова, И. С. Тургенева и друг. Будутъ приняты всѣ мѣры къ своевременному выходу книгъ журнала.

Въ «Русск. Вѣстн.» по-прежнему принимаютъ участіе всѣ бывшіе сотрудники.

Редакція и конт. жур. «Русскій Вѣстникъ» помѣщ. въ Товарищ. «Обществ. Польза» (СПБ., Подъяч., 39), куда и просить обращаться г.г. автор., имѣющ. надобн. до редактора, который примим. по вторник. отъ 12 до 2 час. и суббот. отъ 3 до 5 час. пополудни.

Годовое изданіе «Русскаго Вѣстника», состоящее изъ ежемѣсяч. кнїж. отъ 25 до 30 л. и выход. кажд. 1 числа, стоить въ Петерб. и Москвѣ безъ доставки и перес. 15 р. 50 к., съ доставк. 16 р., съ перес. во всѣ города Россіи 17 р. Допускается расср. взносовъ только чрезъ Главн. Контору журн. «Русскій Вѣстникъ», Б. Подъяч., д. 39, а именно: 1) При подпискѣ вносятъ девять р., а остальная сумма къ 1-му іюня. 2) Для служащ. за поручит. казнач. со взнос. по 1 р. 50 к. въ мѣс., впредь до уплаты всей подписн. суммы. 3) Для учащихся допуск. уступка

и разсрочка платежа: при подп. вносятъ 2 р., а затѣмъ при полученіи кажд. книги уплачив. по 1 р., т. е. всего 14 р. безъ доставки и перес. За границу приним. подписка въ государства, входящія въ составъ Всеобщ. Почтов. союза—18 р. Въ прочія мѣста загран. подп. приним. съ пересыл. но существ. тарифу.

Подписка на «Русскій Вѣстникъ» приним. въ Петерб. для городск.—въ Конторѣ журн. «Русскій Вѣстникъ» въ товарищ. «Обществ. Польза» (Б. Подьяч., 39); въ книжн. магаз. «Нов. Врем.» (Кузнецк. м., д. Третьякова) и у Н. Н. Печковской (Петровск. линіи). И городск. и иногородн. просить покорн. адресоваться прямо въ конт. «Русскаго Вѣстника», Спб. Товарищ. «Обществ. Польза» Больш. Подьяч., д. 39. Статьи, присланн. въ редакц. безъ условій, предоставл. въ полное распороженіе ея относительно сокращ., помѣщ. и оплаты. Стихотв. и мелкія статьи, къ печати неудобныя, не возвращаются. За свое врем. и аккуратную доставку журнала редакція приним. на себя полную отвѣтств. только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана непосредств. чрезъ Шетербургскую контору «Русскаго Вѣстника».

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХ. АКАДЕМІИ“
на 1896 годъ
(тридцать седьмой)

Журналъ «Труды Кіевской дух. Академіи» выходить по прежде утвержденной программѣ—ежемѣсячно книгами отъ 10 до 12 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе 7 р., за границу—8 р. съ перес.

Въ журналѣ «Труды» помѣщаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ духовн. Академіи, по предметамъ общезанимательнымъ и по изложению доступныхъ большинству читателей, а также переводы твореній блаж. Иеронима и блаж. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ, будуть служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ «Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ».

Указомъ св. Синода отъ 3/20 февр. 1884 г., подписка какъ на «Труды», такъ и на «Библіотеку твореній св. отцевъ и учителей ц. западныхъ», рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, каѳедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

Труды Академіи за прежніе годы продаются по уменьшенному цѣнамъ, именно: за 1860—1878 по 5 р., за 1879—1883 г.г. по 6 р.; за

1885—1895 г.г. по прежней цѣнѣ, т. е. по 7 р. съ перес. За 1884 г. всѣ экземпляры Трудовъ распроданы.

Въ редакціи Трудовъ продаются еще слѣдующія изданія и книги:

„Воскресное Чтеніе“ за слѣдующіе годы существованія его при Академіи: за 18⁵⁷/₅₈ г. (т. I), 18⁶¹/₆₂ (V), 18⁶⁷/₆₈ (XI), 18⁶⁸/₆₉ (XII), 18⁶¹/₆₂ (XV), 18⁶³/₆₄ (XVII), 18⁶⁴/₆₅ (XVIII), 18⁶⁵/₆₆ (XIX), 18⁶⁶/₆₇ (XX), 18⁶⁷/₆₈ (XXI), 18⁶⁸/₆₉ (XXIV), 18⁶⁹/₇₀ (XXV), 18⁶⁹/₇₀ (XXVI), 18⁶⁴/₆₅ (XXVII), 18⁶⁵/₆₆ (XXVIII), 18⁶⁶/₆₇ (XXIX), 18⁶⁷/₆₈ (XXX), 18⁶⁷/₆₈ (XXXI), 18⁶⁸/₆₉ (XXXII), 18⁶⁹/₇₀ (XXXIII), 18⁷⁰/₇₁ (XXXIV), за 1879, 1880, 1881, 1882 и 1883 г.г. Цѣна за каждый годъ по 4 руб. съ перес.

Книга для народныхъ школъ. Сборникъ статей изъ «Воскреснаго Чтенія». (Одобрена Учебнымъ Комитетомъ). 30 к. съ перес.

«Владимірскій Сборникъ въ память девятисотлѣтія крещенія Россіи» (Сказанія о посѣщеніи Русской страны св. апостоломъ Андреемъ И. И. Малышевскаго. Владиміръ, св., какъ политическій дѣятель. В. З. Завитневича. Древнія изображенія св. Владимира. Н. И. Петрова. Чествованіе памяти св. Владимира на югѣ Россіи и въ частности въ Кіевѣ. Его-же. Слово, сказанное 10 іюля 1888 г. В. Ф. Пѣвницкаго). Ц. 2 р. съ перес.

Празднованіе 900-лѣтія крещенія русскаго народа въ Кіевѣ (съ рисунками, относящимися къ празднству). Ц. 2 р. 50 к., на лучшей бумагѣ—3 р. 50 к. съ перес.

Изъясненіе божественной литургіи. Арсенія, м. кіев. (450 стр.). 2 р.

Толкованіе на первые 26 псалмовъ. Его-же. (634, 8-о). 2 р.

Библіотека твореній св. отцевъ и учителей Церкви западныхъ: а) ср. Кирилана карѳаонгенскаго, ч. 1—2, б) бл. Іеронима стридонскаго, ч. 1—12 и в) бл. Августина иппонійскаго, ч. 1—7.—Цѣна части 2 р. съ перес., кроме 9-й части твор. бл. Іеронима, которая стоитъ 1 р. 50 к. съ перес.

«Книга для назидательного чтенія «Сборникъ статей изъ Воскреснаго Чтенія» за 1837—1868 г.г.» Изд. 4-е. Книга эта одобрена Особ. Отд. Ученаго Комитета Минист. Нар. Просв. для ученическихъ народныхъ библіотекъ и Училищ. Совѣтомъ при Св. Синодѣ—къ употребленію въ п.-приход. школахъ въ качествѣ книги для виѣкласнаго чтенія. Ц. 1 р. съ перес. При требованіи 100 и болѣе экз. допускается уступка для Епарх. училищ. Совѣтовъ 40%, а для книжныхъ магазиновъ—30%.

Опытъ православ. догматического богословія (съ историческимъ изложениемъ догматовъ) Еп. Сильвестра. Т. 1-й, изд. 3-е, ц. 1. 70 к.; т. 2-й, изд. 3-е, ц. 3 р. 30; т. 3-й изд. 2-е, ц. 3 р.; т. 4-й, ц. 3 р. и т. 5-й, ц. 3 р. съ перес.

Празднованіе воскреснаго дня (его исторія и значеніе). Смирнова Д. 1893 г. Ц. 2 р. съ перес.

Буддизмъ и христіанство. Сравненіе легендарной исторіи и ученія Будды съ евангельской исторіей и ученіемъ нашего Господа И. Христа.

С. Келлога. Переводъ съ англ. доцента Академіи Ф. С. Орнатскаго. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. 1794 г. Ц, 1 р. 75 к. съ перес.

Священникъ. Приготовленіе къ священству и жизнь священника В. Ф. Пѣвницкаго. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

Съ требованіями какъ относительно журнала «Труды», такъ и другихъ изданий и книгъ редакція просить обращаться непосредственно къ ней — въ Редакцію журнала «Труды Кіевской дух. Академіи», въ Кіевѣ.

Редакторъ проф. В. Пѣвницкій.

3—3

БОЛЬШАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ БЕЗЦЕНЗУРНАЯ ГАЗЕТА

4 за годъ
Р.

1 три місяці
Р.

Второе изданіе „Биржевыхъ Вѣдомостей”

Безусловно независимый органъ печати со строго выдержанымъ направлениемъ. Свободная отъ всякихъ мѣстныхъ влияній, эта газета является наиболѣе полнымъ выразителемъ нуждъ провинцій.

Главные отдѣлы газеты, а въ особенности: передовой, политической, столичной и провинциальной общественной жизни, фельетона, телеграммъ, корреспонденціи и пр., — по своей полнотѣ и свѣжести совершенно отвѣчаютъ подобнымъ-же отдѣламъ другихъ большихъ столичныхъ газетъ. Въ ней принимаетъ участіе цѣлый рядъ

Извѣстныхъ русскихъ писателей,
произведенія коихъ составляютъ главную притягательную силу ежемѣсячныхъ (толстыхъ) журналовъ.

Е Ж Е Д Н Е В Н О:

Руководящія статьи, посвященные политическому положенію днія, общественнымъ и экономическимъ вопросамъ. Знамя газеты — стоять крѣпко за правду, законъ и достоинство Россіи, дѣйствуя примирительно во всѣхъ вопросахъ, касающихся какъ отдѣльныхъ классовъ населенія, такъ и чародностей, входящихъ въ составъ Русской Имперіи. Всѣ телеграммы, новости и отголоски Общественной жизни. Дневникъ. Столичная хроника, изъ залы суда, театръ, музыка и изящныя искусства. О чёмъ говорять и пишутъ. Отклики. Пріобрѣвшія заслуженную извѣстность ежедневная бесѣды нашего даровитаго сотрудника г. Далина о вопросахъ и нуждахъ провинціи, о дѣятельности нашего земскаго и городскаго самоуправлѣнія.

и о нуждахъ нашей помѣщичьей и крестьянской деревни. Масса собственныхъ корреспонденцій. Хроника провинціи. Сообщенія собственныхъ корреспондентовъ изъ главныхъ центровъ политической жизни: Парижа, Берлина, Вѣны, Лондона, Рима, Константинополя и изъ славянскихъ земель. Политическая хроника. Заграничная жизнь. Фельетоны беллетристические; музыкальные и театральные наброски, литературные очерки, сельско-хозяйственные и научные бесѣды.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА.

на второе изданіе

„БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“

со всѣми приложеніями и
съ пересылкой въ Россіи:

на годъ . . . 4 руб.		на 3 мѣсяца 1 руб.
	>	декабрь или
полгода . . . 2 ,		январь . . . 35 коп.

Главная контора: С.-Петербургъ, Невскій, 28.

УКРАШЕНІЕ ВОСКРЕСНЫХЪ НОМЕРОВЪ

нашей газеты, состоящихъ каждый изъ 12 страницъ (изъ коихъ восемь печатаются по формѣ сженедѣльныхъ журналовъ и на бѣлой глазированной бумагѣ), составить въ наступающемъ году специально написанныя для «Биржевыхъ Вѣдомостей» новѣйшія беллетристическія произведенія слѣдующихъ современныхъ лучшихъ русскихъ художниковъ слова:

Вас. Ив. Немировичъ-Данченко

большой романъ въ 4 частяхъ «Вѣчные миражи» (изъ жизни русскихъ за границею).

Графа Е. Л. Саліаса

большой романъ въ 2 частяхъ «Изломанные люди» (изъ жизни московской родовой и денежной аристократіи).

Сергѣя Атавы

послѣднее предсмертное произведеніе «Козель»

12 ПОВѢСТЕЙ и РОМАНОВЪ

слѣдующихъ хорошо известныхъ читающей публикѣ русскихъ писателей: И. И. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго), большой романъ «Въ одинъ не-настній день». И. Н. Потапенко, большой романъ «Старое и юное» и повѣсть «Простая случайность». К. С. Бэрранцевича, повѣсть «Дама изъ мезонина». А. А. Лугового, повѣсть «Шавла Львовича перевели». Д. А. Линева, повѣсть «Расчетъ». А. В. Круглова, повѣсть «Лонъ-Кихотъ»,

Н. И. Аксакова, историч. повѣсть «Макаръ-Богатырь», Е. О. Дубровиной, большой романъ «Свое и ваносное» и повѣсть «Русалка». Слово Глаголь, «Искатели правды». Н. А. Соловьевъ, пов. «Душа проснулась» и рядъ др. произведеній беллетристического, литературнаго и научнаго содержанія, вошедшихъ въ воскресные номера 1895 года, высылаются желающимъ, какъ особая

ПРЕМІЯ

за 1 рубль (включительно расходовъ по пересылкѣ всѣхъ воскресныхъ номеровъ 1895 г.) новымъ годовымъ и полугодовымъ подписчикамъ, выславшимъ подлинныя деньги не позже 20-го декабря.

3 - 3

ЕЖЕДНЕВНАЯ

БОЛЬШАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И КОММЕРЧЕСКАЯ

ГАЗЕТА

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ“

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1896 годъ.

Нашъ девизъ: служеніе интересамъ всей Россіи, безъ различія національностей и вѣроисповѣданій.

Въ теченіе двадцати-трехъ лѣтъ своего существованія подъ личнымъ и непосредственнымъ руководствомъ собственника газеты, «Одесскій Листокъ» успѣлъ пріобрѣсти широкій кругъ читателей на всемъ обширномъ югѣ Россіи:

Направленіе газеты хорошо известно постояннымъ читателямъ ея.

Редакція «Одесского Листка» зорко слѣдить за всѣмъ, что можетъ интересовать читателя въ политической и общественной жизни какъ Россіи вообще и ея Юга въ особенности, такъ и далеко за ея предѣлами. Въ этомъ отношеніи по полнотѣ своего содержанія и по качеству сообщаемаго материала наша газета ни въ чемъ не уступаетъ выдающимся столичнымъ изданіямъ.

Лучшемъ доказательствомъ этого служитъ слѣдующій обширный списокъ лицъ, принимающихъ постоянное, фактическое (а не фиктивное) участіе въ ней; П. В. Безобразовъ (быв. профессоръ Императорскаго Московскаго университета), Н. И. Борисовъ, И. Е. Булгаковъ, М. И. Бри-

танъ, А. Я. Безчинскій, А. К. Германіусъ (Финнъ), С. Т. Герцо-Виноградскій (Баронъ Иксъ), П. Т. Гердо-Виноградовъ, М. П. Гольденбергъ, Надежда Гликсбергъ, П. Д. Гроссуль-Толстой, В. М. Дорошевичъ, Е. А. Дешкинъ, И. Захаровъ, П. Кузьменко, С. Б. Лазаровичъ, В. Я. Лучинскій, Ольга Лурье, Ф. Мельниковъ, А. И. Никольскій, Л. Е. Оболенскій, А. С. Попандопуло, Д. П. Пиленко, Е. Л. Рекало, М. Ф. Ставриаки, А. А. Сантагано-Горчакова, Н. И. Тезяновъ, Д. В. Федоровъ, В. В. Чуйко, Я. Л. Чертокъ, А. А. Цѣновскій, И. Б. Шкловскій (Діонео), А. А. Ярошко и др.

«Одесскій Листокъ», кромѣ самой полной хроники общественной, городской, административной, военной, судебной, думской, земской, дает ежедневно массу телеграммъ отъ собственныхъ корреспондентовъ (въ течение цѣлаго года, а не только предъ подпиской) и отъ Россійского Телеграфнаго Агентства.

Ежедневно и обязательно въ каждомъ номерѣ газеты печатается одинъ изъ фельетоновъ общественной жизни, литературно-критическихъ, сельско-хозяйственныхъ, по вопросамъ философіи, научныхъ, музыкальныхъ, беллетристическихъ и др., а также фельетонные наброски «злобъ двя» Кишинева, Николаева, Херсона, Елисаветграда и прочихъ городовъ Юга и Крыма. Сообщая всѣ выдающіеся факты общественной и политической жизни Россіи, Европы, всего міра, мы ставимъ себѣ задачей—придавать имъ яркое, всегда беспристрастное и всегда правдивое освѣщеніе.

Во время предстоящихъ въ наступающемъ году торжествъ СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, въ «Одесскомъ Листкѣ» будутъ ежедневно помѣщаемы телеграммы и сообщенія изъ Москвы, относящіяся къ этому знаменательному событию.

Въ будущемъ-же году въ Нижнѣмъ-Новгородѣ открывается всероссійская выставка, подробнѣйшая свѣдѣнія о которой въ телеграммахъ и сообщеніяхъ будутъ ежедневно воспроизведимы въ нашей газетѣ.

На 1896 годъ въ портфелѣ редакціи уже имѣются слѣдующіе рассказы извѣстнаго журналиста, пишущаго подъ псевдонимомъ «Дяди Власа»: 1) «Старая гвардія», 2) «Умирающая газета», 3) «Легенда о происхождении одесситки», 4) «Кумиръ», 5) «Знаменитости», 6) «Передовая статья», 7) «Мужъ царицы (изъ закулисныхъ типовъ)», 8) «Мужья», 9) «Проданный выстрѣль», 10) «Гладіаторъ», а также рассказы и повѣсти многихъ др. авторовъ.

Кромѣ литературнаго и публицистического материала, въ газетѣ ежедневно печатаются коммерческія свѣдѣнія—какъ-то: цѣны на хлѣбъ, колоніальные товары, на скотъ, курсы на денежныя бумаги и на монету на русскихъ и заграничныхъ рынкахъ, и все прочее, что можетъ интересовать коммерсанта. Во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Юга редакція имѣеть постоянныхъ корреспондентовъ.

Такимъ образомъ, газета выполняетъ свое назначение—служить самому широкому кругу читателей, и наши постоянные читатели знаютъ, что мы никогда не останавливаемся передъ дальнѣйшими улучшеніями газеты какъ по ея содержанию, такъ и по виѣшнему ея виду.

Такъ, съ наступающаго 1896-го года обращено будетъ особенное вниманіе на улучшеніе виѣшняго вида газеты, съ каковою цѣлью, несмотря на крупную затрату, доходящую до двадцати тысячъ рублей, выписана новая Ротационная машина Маривони изъ Парижа (печатающая до 10 тысячъ экземп. въ часъ), нынѣшніе шрифты замѣнены будуть болѣе крупными и четкими, безъ ущерба для количества печатаемаго материала, и приняты вообще всѣ мѣры къ тому, что-бы изданіе наше даже и въ мѣсяцахъ шло на встрѣчу желаніямъ публики.

Подписанная цѣна газеты съ правомъ бесплатнаго чтенія всѣхъ русскихъ и иностраннѣхъ газетъ, получаемыхъ въ кабинетѣ для чтенія. Въ городѣ съ доставкою на домъ: 10 руб. на годъ, 6 руб. полгода, 3 руб. 50 коп. три мѣсяца, 1 руб. 20 коп. въ мѣсяцъ.

На города съ ежедневною высылкою по почтѣ: 12 руб. въ годъ, 7 руб. полгода, 3 руб. 80 коп. три мѣсяца, 1 руб. 30 коп. въ мѣсяцъ.

Контора редакції «Одесскаго Листка»
въ Одессѣ, въ домѣ редактора-издателя «Одесскаго Листка» В. В. Навроцкаго, рядомъ съ Городскимъ театромъ.

Редакторъ-Издатель *В. В. Навроцкий.*

3-3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

на еженедѣльный Литературный и Научно-Популярный Иллюстрированный Журналъ

„НОВОЕ МОРЮ И СУШЬ“

издаваемый въ Одессѣ по слѣдующей программѣ:

- 1) Хроника Столичной, мѣстной и провинціальной жизни; 2) Популярно-научныя статьи и замѣтки по всѣмъ отраслямъ знанія; 3) Романы, повѣсти, рассказы, путешествія и стихотворенія; 4) Обозрѣніе новостей литературы и искусства; 5) Письма, вѣсти и слухи отовсюду; 6) Статьи и извѣстія по морскому и желѣзодорожному дѣлу; 7) Фельетонъ; 8) Справочный отдѣлъ; 9) Отвѣты редакціи и 10) Объявленія.

Въ 1896 году помѣщены между прочимъ:

«О Гоголѣ» проф. А. И. Маркевича; «Пушкинъ на югѣ Россіи» В. Н. Ястребова; «Шевченко—другъ семьи» А. Каневскаго; «Костомаровъ» А. С—каго; «О Шафарикѣ» Е. В.; «Вольта»; По поводу юбилеевъ проф. А. И. Маркевича и проф. В. А. Антоновича, А. С—скаго; «О Грибоѣдовѣ», «О Грановскомъ» К. А. Шрама; «Воспоминанія Пастера», «О Пастерѣ» Г. С—ва; «О Котляревскомъ» «О Гулакѣ-Артемовскомъ» М. Комарова; «Малорусскія стихотвор. Кольцова» его-же и проч. Очерки Кореи, Абисиніи, Придунайской Бесарабіи, «О Бѣлградѣ и его окрестностяхъ» А. П. Углича; «Какъ сдѣлать Россію проѣзжей»; «О предсказаніи погоды» И. И. Злотина; поѣздка на могилу Т. Г. Шевченко, С. Е. Письма: изъ Бессарабіи Радова; изъ ананьев. уѣзда Чикаленко; съ береговъ Темзы Бичъ-Богуславскаго, изъ Черноморіи Стиверскаго, изъ Елисаветграда Ас—на, «Съ Далекаго Запада» Л. Богатаго; «О Сельско-хозяйственномъ кризисѣ въ Англіи» Бичъ-Богуславскаго; «Выжилъ», повѣсть П. Остаповскаго; «Изъ жизни сельскихъ школьниковъ» его-же; «Русскій Фра-Дьяволо» Николаева а «Дезертиръ» его-же, «Сирота Захарко» А. Крымскаго; «Танцевальный вечеръ» Олены Пчилки; «Золотая писанка» ея-же; Въ Одесскомъ Подземельѣ И. Вл—ко; «Кошка Помѣшала» Д. Романовой; «Изъ исторіи нашихъ степей» В. Я.

Текстъ иллюстрируется портретами и др. рисунками.—При журнальныхъ даны будуть 4 книжки приложенийъ.

Въ будущемъ 1896 г. читатели журнала «По Морю и Сушѣ» получать 52 №№ журнала, въ объемѣ не меньшемъ, чѣмъ въ нынѣшнемъ году, и 4 книжки приложенийъ, выпускаемыхъ каждые 3 мѣсяца по одному.

Подписная цѣна на журналъ „По Морю и Сушѣ“ съ приложеніями (съ пересылкой и доставкой)

На годъ 4 руб.; на полгода 2 руб.; на 3 мѣсяца 1 руб.; на 1 мѣсяцъ 35 коп. почтовыми марками.

Для учителей народныхъ училищъ на годъ 3 руб., на полгода 1 руб. 50 коп. Приложения разсылаются всѣмъ подписчикамъ, исключая подписавшихся на 1 мѣсяцъ. Подписавшіеся на журналъ до Нового года получать бесплатно всѣ №№, имѣющіе выйти до конца 1895 г.

Отдельные №№ продаются по 10 коп.

Подписка принимается въ Одессѣ, въ редакціи журнала «По Морю и Сушѣ» (Софіевская, д. № 18, кв. № 25) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Россіи, а въ г. Елисаветградѣ—въ отдѣленіи конторы журнала при «Молочной и Кофейной Гольдфельда и Ко» (Дворцовая ул., д. Гольденберга).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

на

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ И НАУЧНО - ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

V-Й ГОДЪ
издания.

,ОБРАЗОВАНІЕ“

V-Й ГОДЪ
издания.

Задачи журнала: 1) содѣйствовать распространенію въ Россія образованія (особенно народнаго), внимательно слѣдя за ходомъ народнаго просвѣщенія, освѣщающа общественное значеніе явлений въ этой области, указывая на нужды и недостатки нашей школы и намѣчая средства къ ея развитию; 2) утверждать въ обществѣ, и въ частности въ средѣ учителей правильные взгляды на воспитаніе и обученіе, знакомя съ наиболѣе интересными сторонами теоріи (психологіи и исторіи педагогики) и практики нашего школьнаго и домашнаго воспитанія, отмѣчая его темныя стороны, устарѣлые методы и неправильности постановки различныхъ учебныхъ предметовъ, выясняя ихъ образовательное значеніе и мѣсто въ системѣ общаго образованія; 3) помогать самообразованію и расширенію знаній путемъ ознакомленія въ общедоступно-изложенныхъ статьяхъ и цѣлыхъ сочиненіяхъ (преимущественно по общественнымъ, нравственнымъ и естественнымъ наукамъ) съ основными вопросами знанія въ различныхъ его областяхъ, съ новѣйшими теченіями въ литературѣ и наукѣ и 4) сообщая о всѣхъ достойныхъ вниманія фактахъ русской и заграничной жизни и литературы, выяснять общественное значеніе вопросовъ образованія и ихъ связь съ жизнью.

Въ журналъ входятъ слѣдующіе отдѣлы: 1) Правительственный распоряженія. 2) Общепедагогическая статьи. 3) Народное образованіе въ Россія и заграницей. 4) Новая педагогическая движенія на Западѣ. 5) Критика и библиографія (популярно-научныя и общеобразовательные сочиненія, учебники, книги для дѣтей, народныя книги). 6) Научно-популярная статьи. 7) Хроника (Изъ жизни и литературы). 8) Разныя извѣстія и сообщенія. 9) Статистика образованія (въ Россіи и заграницей). 10) Изъ области знаній. 11) Указатель новыхъ книгъ. 12) Приложения (научно-популярные и педагогическія сочиненія).

Въ редакціи принимаютъ дѣятельное участіе извѣстные педагоги: П. Ф. Каптеревъ, В. Н. Острогорскій, Д. Д. Семеновъ и А. Н. Страннолюбскій.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (1-го числа) книжками около 10 печатныхъ листовъ.

Въ 1896 году въ приложеніи къ журналу будутъ даны два научно-популярныхъ сочиненія.

Цѣна за годъ съ приложеніями 5 руб. съ пересылкой.

Земства, выписывающія не менѣе десяти экземпляровъ, пользуются уступкой 10 проц. Народные учителя могутъ подписываться съ разсрочкой (въ два срока: при подпискѣ 3 руб., 1-го мая 2 рубля).

Въ редакціи имѣется небольшое число экземпляровъ «Образованія» за предыдущіе годы. Цѣна 5 руб., съ пересылкой; для подписчиковъ на 1895 и 1896 г.—4 рубля.

Подпись принимается въ главной конторѣ журнала (Сиб., Басковъ пер., домъ 22).

За редактора-издателя *В. Сиповскій.*

3—3

О БЪ И З Д А Н И И.

УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТИЙ

въ 1896 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этой цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
4. Обозрѣнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты, и библіографические указатели для учащихся.
6. Библіографические указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую библіотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученої, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертаций, представляемыхъ для получения учевыхъ степеней, соисканія наградъ, *pro venia legendi* и т. п., а также и самыя диссертации.
12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.

13. Вступительные, пробные, публичные лекции и полные курсы преподавателей.

14. Ученые труды преподавателей и учащихся.

15. Материалы и переводы научных сочинений.

Указанные статьи распределяются на две части—1)—официальную и протоколы, отчеты и т. п. 2)—неофициальную (статьи научного содержания), съ отдѣлами—*критико-библиографическимъ*, посвященнымъ критическому обозрѣнію выдающихся явлений ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники* заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются материалы, указатели библиотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюдений и т. п.

Университетскія Извѣстія въ 1896 году будутъ выходить въ концѣ каждого мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна 12 книжекъ *Извѣстій* безъ пересылки шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ, а съ пересылкой семь рублей. Въ случаѣ выхода приложенийъ (большіхъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики *Извѣстій*, при выпискѣ приложенийъ, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владимира платятъ за годовое издание *Университетскихъ Извѣстій* 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб., продажа отдельныхъ книжекъ не допускается.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ комиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крешчатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владимира.

Редакторъ *В. Иконниковъ*.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1896 годъ.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный исторический журналъ «Русская Старина», вступая въ 1896 году въ двадцать седьмой годъ своего существования, остается въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ—разрабатывать русские исторические материалы и знакомить читателей съ историческими

дѣятелями Русской земли, оставившими свои слѣды на поприщахъ службы го-
сударственной, духовной и гражданской. Но независимо отъ строгой разработки
чисто исторического материала на страницахъ «Русской Старины» читатели
всегда найдутъ, какъ находили и прежде, личныя записки и мемуары частныхъ
лицъ, освѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ, эпоху, среди которой
дѣйствовали эти лица, и нравы современного имъ общества. Такого рода лич-
ныя воспоминанія и мемуары лучше всего даютъ полную картину извѣстной
эпохи и представляютъ огромный интерес для человѣка, интересующагося оте-
чественною исторіею. Для того же, чтобы читатели «Русской Старины» имѣли
возможность слѣдить за историческими статьями, разбросанными въ другиѣ
историческихъ изданіяхъ, съ 1894 г. введенъ отдѣлъ, въ которомъ помѣщается
краткое содержаніе такого рода статей.

Въ 1896 году журналъ будетъ издаваться при благосклонномъ участіи
тѣхъ же сотрудниковъ, которые и прежде своими почетными трудами содѣ-
ствовали успѣху нашего изданія и въ числѣ которыхъ мы назовемъ: А. Ф. Быч-
кова, В. А. Бильбасова, Н. Богдановскаго, Воробьеву, Н. Ф. Дубровина, Жма-
кина, Л. Н. Майкова, В. Назарьева, М. Л. Песковскаго, В. В. Стасова, Н.
К. Шильцера, Н. Л. Ширяева, В. И. Шенрока, Н. Л. Юдина и др.

Программа изданія остается прежняя.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты
выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждого мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Лица, не бывшія подписчиками въ 1894 и 1895 гг., если пожелають
получить двѣ части Записокъ В. А. Инсарскаго, которые были напечатаны въ
1894 и 1895 гг., приплачиваются 1 р.

Войсковыя части могутъ выписывать «Русскую Старину» чрезъ редакцію
«Досугъ и Дѣло».

РЕДАКЦІЕЙ ОТПЕЧАТАНЫ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

ЗАПИСКИ С. Н. ГЛИНКИ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА

Въ отдѣльной продажѣ цѣна 3 руб.

Для подписчиковъ «Русской Старины» на 1896 г., подписавшихся до
1 февраля, уступаются за 1 р. 50 к.

Иногородные подписчики адресуютъ свои требованія и высылаютъ деньги
непосредственно въ главную контору, въ Петербургъ, Фонтанка, 145. Кромѣ

того, подписка принимается въ Москвѣ, Кіевѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Одессѣ и другихъ провинціальныхъ городахъ при главныхъ книжныхъ магазинахъ.

За своевременную и аккуратную доставку журнала редакція принимаетъ на себя полную отвѣтственность только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана непосредственно чрезъ Петербургскую контору «Русской Старины».

3—2

**О Т К Р Ы Т А П О Д П И С К А
на 1896 годъ
на самую большую и самую распространенную на Югѣ Россіи
ЕЖЕДНЕВНУЮ
(не менѣе 330 №№ въ годъ)
политическую, литературную, научную, общественную и коммерческую газету**

„Одесскія Новости“

Со дня перехода въ наши руки «Одесскихъ Новостей», мы стремились постоянно къ улучшению ихъ въ литературномъ и техническомъ отношеніяхъ, не смущаясь никакими встрѣчавшимися на нашемъ пути препятствіями и не останавливалась ни предъ какими материальными затратами. Возраставшее съ каждымъ годомъ сочувство къ намъ читающей публики, выразившееся въ широкомъ и быстромъ распространеніи «Одесскихъ Новостей» и оказываемой ю намъ постоянно нравственной поддержкѣ, наглядно доказало, что труды наши не пропали даромъ.

Въ настоящее время мы имѣемъ возможность дѣлать новые затраты для улучшения нашего изданія и постараемся сохранить за «Одесскими Новостями» репутацію газеты, отзывающей на всѣ назрѣвающія потребности жизни и безукоризненной по своему направленію. Виѣсть съ тѣмъ, мы будемъ стремиться и къ усовершенствованію газеты въ техническомъ отношенії.

Откликаясь на всѣ злобы дня, помѣщая на столбцахъ «Одесскихъ Новостей» обильный материалъ изъ текущей жизни—русской и иностранной—мы не ограничиваемся однимъ сухимъ перечислениемъ голыхъ фактovъ, а стараемся, по возможности, давать имъ надлежащую оценку и освѣщеніе.

Въ «Одесскихъ Новостяхъ» помѣщаются обзоры современной жизни какъ внутренней, такъ и заграничной, въ области политики, литературы, искусства, науки и техники, а также фельетоны изъ общественной жизни, отечественной, мѣстной и заграничной, очерки, разсказы и т. п. На праз-

дникъ Рождества Христова выдается подписчикамъ иллюстрированный «Дѣтскій Нумеръ», содержащій разсказы, стихотворенія, анекдоты и популярно-научный очеркъ, предназначенный для дѣтского чтенія. Особенное вниманіе будетъ обращено нами на беллетристический отдѣль, для участія въ которомъ нами приглашены нѣкоторые извѣстные беллетристы, изъ коихъ мы назовемъ пока К. С. Баранцевича, В. С. Лихачева, Д. Л. Мордовцова, Вас. И. Немировича-Данченко и др. Нами обращено будетъ также вниманіе на отдѣль городского хозяйства и на областной отдѣль, который имѣть въ своемъ распоряженіи 68 отдѣлений въ различныхъ городахъ Юга и корреспондентовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣтъ отдѣлевій. Создавая важное значеніе распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній, мы рѣшили отводить больше мѣста сельско-хозяйственному отдѣлу, въ которомъ намъ обѣщали свое сотрудничество специалисты по сельскому хозяйству Л. А. Золсторевъ и В. Н. Маракуевъ, которые будуть помѣщать отъ времени до времени въ нашей газетѣ сельско-хозяйственные письма и знакомить съ сельско-хозяйственную литературую. Вмѣстѣ съ тѣмъ, заведены нами болѣе прочныя сношенія съ заграницей, и въ главнѣйшихъ европейскихъ центратахъ имѣются корреспонденты. Но недовольствуясь печатными словомъ, мы посредствомъ рисунковъ даемъ читателямъ возможность видѣть наглядно происшествія, события, выдающихся людей, замѣчательныя зданія и т. д. заграницей и у насъ, ставя впереди Одессу и помѣщая не только рисунки всего выдающагося, но и портреты мѣстныхъ дѣятелей въ области администраціи, суда, земства, городского управлѣнія, педагогіи, наукъ и т. п.

Составъ сотрудниковъ «Одесскихъ Новостей» неизмѣнно пополняется новыми силами; въ настоящее время въ нашей газетѣ принимаютъ постоянное участіе и обѣщали свое участіе и впредь слѣдующія лица:

Профессоръ Г. Е. Афанасьевъ, Аккордъ (псевдонимъ), К. С. Баранцевичъ, А. А. Борзенко, С. С. Гусевъ (Слово-Глаголь), Г.-Б.-Г., Ф. Л. Денисенко, Л. В. Добрянскій, П. И. Зеѣздичъ, Л. А. Золотаревъ, профес. С. И. Иловайскій, Имя рекъ (псевд.).. А. Е. Кауфманъ, профессоръ А. И. Киричниковъ, художникъ С. Я. Кишиневскій, М. И. Кулишеръ, Л. А. Куперникъ, В. С. Лапидусъ (Lapis), П. С. Лефи, В. С. Лихачевъ, В. Н. Маракуевъ, профессоръ А. И. Маркевичъ, М. Г. Моргулисъ, Д. Л. Мордовцевъ, художн. В. В. Наке, Вас. И. Немировичъ-Данченко, художн. П. А. Ниlusъ, К. Н. Новосельскій, В. И. Ребиковъ, Д. Н. Ратгаузъ, проф. А. С. Трачевскій, М. Г. Тульчинскій, Улей (псевдон.), профессоръ Ф. И. Успенскій, профессоръ П. Ф. Федоровъ, профессоръ Н. Е. Чижовъ, профессоръ В. З. Яковлевъ, и др.

«Одесскимъ Новостямъ» разрѣшенно съ прошлаго года печатаніе рефератовъ о дѣлахъ, разбирающихся въ военно-окружныхъ судахъ.

Въ «Одесскихъ Новостяхъ» помѣщаются также свѣдѣнія о грузахъ съ наложенными платежами, прибывающихъ на одесскія желѣзодорожныя станціи.

Подписная цѣна на «Одесскія Новости»

Въ Одессѣ:

Безъ доставки. Съ доставкой.

На 1 мѣсяцъ —	р. 90 к.	1 р. — к.
---------------	----------	-----------

> 3 >	2 > 50 >	2 > 75 >
-------	----------	----------

> 6 >	4 > 50 >	5 > — >
-------	----------	---------

На годъ	8 > — >	9 > — >
---------	---------	---------

Съ пересылкой въ другіе города:

На 1 мѣсяцъ	1 р. 10 к.
-----------------------	------------

> 3 >	3 > — >
-----------------	---------

> 6 >	5 » 50 >
-----------------	----------

На годъ	10 > — >
-------------------	----------

Заграницу доплачивается къ подписной цѣнѣ 60 коп. въ мѣсяцъ. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка во взносѣ подписной платы для иногороднихъ: при подпискѣ 5 руб. и до начала второго полугодія 5 руб.; для городскихъ—при подпискѣ 5 руб. и до начала второго полугодія 4 руб.

Подпись принимается: въ Одессѣ въ главной Конторѣ на углу Ришельевской и Греческой, въ домѣ № 10/24.

Редакторъ-Издатель *A. П. Старковъ.*

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ.

IX-й
годъ изданія. „СЪВЕРЬ“.

IX-й
годъ изданія.

Еженедѣльный иллюстрированный литературно-художественный журналъ.

Съ 1896 года журналъ «Съверь» будетъ выходить въ увеличенномъ форматѣ на высокаго достоинства бумагѣ и въ изящной обложкѣ.

Въ художественномъ отношеніи цѣль редакціи—это приблизиться по выполненію къ такимъ первокласснымъ европейскимъ журналамъ, какъ «The Graphie», «Figaro Illustré» и «Moderne Kunst».

Имѣя послѣднее въ виду, редакція въ 1896 г. намѣрена сдѣлать изъ «Съвера»

ПЕРВЫЙ ВЪ РОССИИ ЖУРНАЛЪ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КРАСКАМИ.

Приступая къ такому дорого му и роскошному изданію и въ тоже время желая сдѣлать его общедоступнымъ, редакція, въ видѣ опыта, оставляет и на 1896 годъ ту-же подписьную цѣну, а именно:

на годъ (безъ отдельной преміи):

со всѣми приложеніями безъ доставки въ С.-Петербургѣ 6 р.; безъ доставки въ Москвѣ — въ конторѣ Н. Н. Печковской 6 р. 50 к.; съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи 7 р. Съ пересылкою за-границу 11 р.

на годъ (съ отдельной преміей):

со всѣми приложеніями безъ доставки въ С.-Петербургѣ 7 р.; безъ доставки въ Москвѣ въ конторѣ Н. Н. Печковской 7 р. 50 к.; съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи 8 р.; съ пересылкою за-границу 12 р.

Разсрочка подписьной платы допускается.

Въ 1896 г. журналъ „СѢВЕРЪ“ дастъ:

на страницахъ журнала слѣдующія, уже имѣющіяся въ портфель редакціи произведенія: «Умирающій Левъ», историческій романъ изъ временъ Кавказской войны, Вас. Ив. Немировича-Данченко; «Похожденія Слезкина въ Парижѣ», романъ И. Я. Павловскаго (Яковлева); «За мольбертомъ и кистью», романъ изъ жизни художниковъ, Н. А. Александрова; «Старые часы», повѣсть К. К. Случевскаго; «Влюбленный въ жену», повѣсть А. В. Круглова; «Литераторъ Полѣсовщиковъ», психологический этюдъ А. В. Амфитеатрова (Old Gentleman); «Шотерянный день», повѣсть И. И. Ясинскаго; повѣсть гр. Е. А. Салиаса. Кроме того въ журналѣ принимаютъ участіе: А. Н. Майковъ, А. П. Чеховъ, И. Н. Шотапенко, П. И. Гиѣдичъ, Н. Ко-четовъ, А. Кориафскій, О. Чумина, Л. Львова, М. Славинскій, профессоръ Н. Ф. Соловьевъ, К. Фофановъ и другіе извѣстные литераторы.

12 ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ,

то-есть 12 томовъ, объемомъ около 200 печатныхъ листовъ въ годъ.

Для приложеній къ журналу «Сѣверъ» въ редакціи уже находятся: «Лазурный Край» — Вас. Ив. Немировича-Данченко, иллюстрированный художниками;

«Иерусалимъ» Шьера Лоти, съ иллюстраціями.

«Галилея» — того же автора

«За кулисами у художниковъ» очеркіи Н. А. Александрова, съ иллюстраціями художниковъ: К. Айвазовскаго, А. Бочарова, М. Зачи, И. Кел-

лера-Вілланди, Л. Лагоріо, Лавередваго, В. Маковскаго, А. Мещерскаго, П. Сверчкова, М. Шишкова, И. Шредера и др.

„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ, хоziйство и домоводство“
ежемѣсячный иллюстрированный журналъ съ приложеніемъ: 12 отдѣльныхъ выкроекъ, изъ которыхъ 6 вырѣзныхъ въ натуральную величину и 6 на отдѣльныхъ листахъ

12 БЕЗПЛАТНЫХЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРЕМІЙ,
то-есть, по одной преміи въ мѣсяцъ.

Преміи эти будуть воспроизведены красками новѣйшими усовершенствованными способами.

Кромѣ всего вышеозначенаго, въ 1896 г. подписчики журнала «Сѣверъ» получать:

отдѣльную художественную премію—портретъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы

АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ,

исполненный влегоографическимъ способомъ, того же размѣра и художествен-
наго достоинства, какъ и портретъ Е. И. В. Государя Императора НИ-
КОЛАЯ II (премія 1896 года).

За редактора *Н. А. Александровъ.* Издатель *Н. Ф. Мертцъ.*

Главная Контора и Редакція журнала „Сѣверъ“.—СПБ., Екатерининская ул., № 4.

3-2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1896 годъ

24-й годъ изданія. на ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ журналы 24-й годъ изданія.

„Природа и Охота“ и „Охотничья Газета“.

(24-й годъ изданія).

Подписчики получать 12 книгъ «Природы и Охоты» (выходитъ ежемѣсячно) и 50 №№ «Охотничьей Газеты» (еженедѣльно). Оба журнала иллюстрируются рисунками русскихъ и иностранныхъ художниковъ, портретами охотниковъ, фотографіями собакъ, сценами изъ охотничьей жизни съ натуры, объяснительными-
чертежами, виньетками и проч.

Въ журналахъ печатаются: Разсказы, повѣсти, очерки изъ охотничьей жизни.—Путешествія зоологовъ и охотниковъ.—Руководящія статьи, съ описа-

ніемъ способовъ охоты псовой и ружейной, рыболовства и уженья, системъ и выбора ружей и ружейныхъ принадлежностей, сортовъ пороха, дроби и проч., породъ собакъ борзыхъ, гончихъ, легавыхъ, воспитанія ихъ, дресировки и настаски, лѣченія.—Отчеты о садкахъ на рѣзвость и злобу, о состязаніяхъ въ стрѣльбѣ.—Отчеты о дѣятельности охотничихъ обществъ, кружковъ и отдѣльныхъ охотниковъ.—Статьи съ описаніемъ обзора жизни и мѣстонахожденія звѣрей, птицъ и рыбъ, способовъ разведенія и сохраненія полезныхъ, истребленія вредныхъ.—Корреспонденціи изъ всѣхъ мѣстностей Европейской и Азіатской Россіи объ охотахъ на звѣря и птицу, о количествѣ дичи, о прилетѣ и отлетѣ, о случаяхъ на охотахъ и проч.—Ветеринарный отдѣлъ: о болѣзняхъ собакъ и болѣзняхъ дичи.—Юридический отдѣлъ: рѣшеніе и обсужденіе сложныхъ вопросовъ, встрѣчающихся въ охотничьей юридической практикѣ. Судебная хроника.—Правительственные распоряженія, касающіяся охоты, уженья, охотничихъ и рыболовныхъ промысловъ. Новости текущей охотничьей жизни у насъ и за границей.—Библіографическая замѣтка.—Обзоръ иностраннай охотничьей литературы.—Вопросы охотниковъ и отвѣты. Объявленія.

ПРЕМІЯ 1896 года—„Альбомъ охоты“.

«Альбомъ охоты» будетъ напечатанъ на веленевой бумагѣ, in 4°. Въ него войдутъ: 1) портреты сотрудниковъ журналовъ «Природа и Охота» и «Охотничья Газета», группы членовъ охотничихъ обществъ, военныхъ обществъ охоты, выдающихся охотниковъ и собакозаводчиковъ, портреты выдающихся заграничныхъ писателей, спортсменовъ и собакозаводчиковъ, охотниковъ-промышлениковъ Европейской и Азіатской Россіи. 2) Фотографическіе снимки съ современныхъ, выдающихся по красотѣ и полевымъ качествамъ охотничихъ подружейныхъ собакъ, борзыхъ и гончихъ, комнатныхъ и сторожевыхъ собакъ. 3) Виды охотъ въ Европейской и Азіатской Россіи, а также иностраннай охотъ. «Альбомъ охоты» представить въ иллюстраціяхъ полную картину охоты въ ея современномъ состояніи и галлерею современныхъ дѣятелей.

«Альбомъ охоты» печатается въ ограниченномъ количествѣ, лишь для подписчиковъ, отъ которыхъ подписныя деньги поступятъ въ Редакцію до 1-го февраля 1896 г. Въ видахъ возможно большей полноты и содержательности «Альбома охоты», Редакція приглашаетъ всѣ охотничьи общества и всѣхъ охотниковъ принять участіе въ изданіи присыпкою портретовъ (если возможно снятыхъ въ характерной для мѣстности охотничьей обстановкѣ, съ добычею, проводниками, исковичами и пр.) и фотографическихъ снимковъ съ собакъ въ стаяхъ, смычкахъ, сворахъ, одиночно, снимковъ съ охотничихъ павильоновъ, садочныхъ стрѣльбищъ, охотничихъ приваловъ, охотничихъ сценъ и пр. Заявленія о желаніи помѣстить въ «Альбомъ охоты» фотографіи должны быть при-

сланы не позднѣе 1-го февраля 1896 г., самая же фотографія не позднѣе 1-го марта.

Подписная цѣна: на годъ съ перес. и достав. безъ преміи 15 р., на полгода 7 р. 50 к. За границу 20 р. На пересылку преміи высылается добавочный рубль.

Адресъ: Москва, Большая Дмитровка, домъ Денисовой, въ редакцію журналовъ «Природа и Охота» и «Охотничья Газета».

3-2

Новости печати

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

2-й Г. *Подъ редакціей В. А. Гатцукa.* **2-й Г.**

Въ 1896 году журналъ будетъ выходить обязательно 15-го числа каждого мѣсяца книжами большого журнального формата, объемомъ каждая не менѣе пятнадцати листовъ, съ многочисленными рисунками.

Назначеніе журнала: 1) Знакомить читателей со всѣмъ, особо интерес-
нымъ, что появляется въ русской и иностранной периодической печати. Для
этой цѣли „Новости Печати“ будуть заключать въ себѣ ежемѣсячный „Обзоръ
журналовъ и газетъ“, въ которомъ не только будутъ даваться характеристики
рассматриваемыхъ изданий съ точки зрењія добросовѣтности исполненія дан-
ныхъ подпісчикамъ обѣщаній, направленія и пр., но также—критические раз-
боры отдельныхъ журнальныхъ или газетныхъ статей, беллетристическихъ про-
изведеній, стихотвореній и пр. съ большими или меньшими выписками изъ раз-
сматриваемаго произведенія и образцами рисунковъ, въ данномъ изданіи помѣ-
щенныхъ.

2) Указывать всѣ, по возможности, вышедшия за послѣдній мѣсяцъ русскія и иностранныя книги, брошюры и пр., съ обозначеніемъ ихъ достоинствъ и недостатковъ, а также, по мѣрѣ надобности, съ болѣе подробнѣмъ критическими разборомъ ихъ содержанія и образцами рисунковъ, въ нихъ помѣщенныхъ.

3) Облегчить читателямъ возможность выбора книгъ путемъ подробныхъ и беспристрастныхъ отвѣтовъ въ „Почтовомъ Ящикѣ“ на запросы подписчиковъ, а также путемъ рекомендаций лучшихъ книгъ и высылки ихъ изъ „Книжного склада Новостей Печати“.

Для борбы съ недобросовѣстной афферой въ издательскомъ дѣлѣ — журналь будеть заключать въ себѣ особый отдѣлъ „Плевелы Печати“.

ПОДПИСНАЯ ЦВНА:

Съ дост. и перес. на годъ 5 руб., на $\frac{1}{2}$ года 3 р., на $\frac{1}{4}$ года 1 р. 50 к. (Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., 1-го Марта — 2 р. и 1-го Июня — 1 р.) Безъ доставки въ Москвѣ: на годъ 4 руб. за $\frac{1}{2}$ года 2 р. и $\frac{1}{4}$ года 1 р.

Адресъ конторы журнала и книжного склада „Новостей Печати“ Москва, Пречистенка, Дурновъ пер. домъ Паренаго.

Подписка принимается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ торговляхъ столицъ и главныхъ провинциальныхъ городовъ. Съ разсрочкой — только въ редакции.

3—2

МОСКОВСКІЙ БИБЛIOГРАФИЧЕСКІЙ КРУЖОКЪ.

Ш-й годъ изданія.

„КНИГОВѢДНІЕ“,

журналъ книгопечатанія въ обширномъ смыслѣ,
съ рисунками и отдельными приложеніями.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Лѣтопись. 1) Полные списки всѣхъ вновь выходящихъ книгъ на русскомъ языке въ систематическомъ порядке, а также нѣть, географическихъ картъ, плановъ, гравюръ и т. п.; 2) полные каталоги книгъ по разнымъ отраслямъ знанія, съ начала книгопечатанія до настоящаго времени; 3) материалы по библиографіи вообще.

II. Хроника. 1) Правительственные распоряженія по дѣламъ печати 2) разныя статьи по библиографіи; 3) библиотеко-вѣдѣніе; 4) издательское и книжно-торговое дѣло; 5) periodическая печать; 6) техника печати; 7) лѣтопись Московскаго Библиографическаго Кружка,

III. Объявленія на всѣхъ языкахъ.

IV. Приложенія.

Подписная цвна журнала имѣющаго выходить 15 числа каждого мѣсяца, книжками отъ 3 до 6 печатныхъ листовъ формата 8⁰ (19×26⁰), для членовъ Кружка, уплатившихъ сполна годовой взносъ — бесплатно; для постороннихъ

лицъ за годъ съ пересылкою и доставкою 6 рублей; на веленевой бумагѣ для членовъ 3 рубля, для постороннихъ 10 рублей въ годъ.

Плата за объявленія:

За 1 страницу для членовъ Кружка	4 р.
" 1 " " подписчиковъ на журналъ	6 "
" 1 " " всѣхъ остальныхъ	10 "
" 1 " " въ годъ для членовъ и подписчиковъ . . .	35 "
" 1 " " " " всѣхъ остальныхъ	50 "

Для авторовъ и издателей, присылающихъ свои книги въ Редакцію, отдельное объявление, въ размѣрѣ $1/4$ страницы, стоитъ 1 рубль.

Подписка принимается только на цѣлый годъ, въ Москвѣ, въ помѣщеніи Московскаго Библіографическаго Кружка (Тверская, уголъ Козицкаго пер., д. Ланиной), въ магазинахъ: Н. И. Мамонтова, Н. П. Карбасникова и М. О. Вольфа; въ С.-Петербургѣ у Н. П. Карбасникова и Н. Г. Мартынова.

Отвѣтственный Редакторъ *А. Д. Топоревъ*.

3—2

Принимается подписка въ 1896 году на „*Ізвѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ*“.

Въ 1896 г. „*Ізвѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ*“ будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1 выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, юля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ *in 8°*.

Содержаніе книжекъ «*Ізвѣстій*» составляютъ:

- 1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологии, исторіи и этнографіи;
- 2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Приволжья, Средней Азіи и Сибири);
- 3) Матеріалы археологические, исторические и этнографические относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригиналъя сообщенія, акты, про-

изведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченіе изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;

4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;

5) Программы по специальнымъ вопросамъ археологии, истории и этнографии Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологии истории и этнографии Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимаютъ участіе: Н. Ф. Акаевовъ, проф. А. И. Александровъ, И. В. Аничковъ (Ауліә-Ата), Г. Ахматовъ, Ш. Г. И. Ахмедовъ, проф. В. А. Богородицкій, проф. Е. Ф. Будде, К. В. Виклюндъ (Упсалы), В. Н. Витевскій, Г. Вихманъ (Гельсингфорсъ), К. Б. Газенвинкель, А. О. Гейкель (Гельсингфорсъ), М. Е. Евсеевъ, И. А. Износковъ, Ф. И. Кардасевичъ (Будапештъ), Г. Е. Катаанаевъ (Омскъ), Н. Ф. Катановъ, С. И. Кедровъ (Саратовъ), А. К. Кулгинъ, акад. В. В. Латышевъ, Н. М. Мартыновъ (Минусинскъ), В. А. Мошковъ (Варшава), еписк. Никаноръ (Арханг.), П. М. Овчинниковъ (Иркутскъ), П. А. Понамаревъ, Г. Н. Потанинъ (С.-Петербургъ), проф. И. Н. Смирновъ, А. А. Спицынъ, Ф. А. Теплоуковъ (Пермь), В. М. Терехинъ (Пенза), П. В. Траубенбергъ, проф. А. А. Штуkenбергъ, проф. Н. А. Фирсовъ, пр.-доц. Н. Н. Фирсовъ и др.

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. 1 июля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписные суммы адресуются: Казань, Университетъ, секретарю Общества Археологии, Истории и Этнографии.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающие отдельные выпуски от Общества за пересылку не платят.

Члены редакционного комитета: профессора Казанского Университета И. Н. Смирновъ, Ф. Г. Мищенко, Н. Ф. Катановъ.

Секретарь Общества *H. Катановъ.*

3-2

Годъ въ 1896 году второй

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІІ“

будет выходить ежемесячно, за исключением Июля и Августа, книгами не менее 15 листовъ. Подписьной годъ начинается съ Января 1896 г.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкою и пересыпкою.
Отдѣльныя книги продаются: безъ приложеній по 1 рублю, съ приложеніями—по 2 рубля.

Должностные лица при подписи через казначеевъ пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждого года.

Всѣ прочіе подпісчики, при подпісцѣ исклюcительно въ Главкoй Конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ каждого года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, а также студенты Императорскихъ Университетовъ, Училища Правовѣдѣвія и Александровскаго Лицея и слушатели Воено-Юридической Академіи платить по 5 рублей въ годъ.

Книжные магазины пользуются за приемъ подписки уступкою 10%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, СПбургъ,
Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Объявления для напечатавія въ „Журналѣ“ принимаюся въ Главной Конторѣ съ платою по расчету 30 копѣекъ за строчку и 8 рублей за страницу.

Редакція Журнала Міністерства Юстиції находится въ С.-Петербур-
бургѣ, по Екатеринской улицѣ, въ зданіи Міністерства Юстиції.
Рукописи должны быть направляемы въ редакцію. Причитающія говорарь
можетъ быть высыпаемъ иногороднимъ сотрудникамъ по почтѣ.

Редакторъ В. Ф. Дерюжинскій.

3-1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ЧТЕНИЯ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Годовое изданіе Чтений состоить изъ четырехъ (каждая отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ) книжекъ, выходящихъ въ неопределенные сроки. Въ Чтенияхъ помѣщаются какъ изслѣдованія, такъ и материалы по различнымъ вопросамъ Русской исторіи и печатаются памятники древнерусской письменности. Подписанная цѣна за годъ 7 р. въ Москвѣ безъ доставки и 8 р. 50 к. съ доставкой въ Москвѣ и съ пересылкой въ другіе города Россіи.

Желающіе подпісаться благоволять обращаться или въ Общество, или къ казначею Общества Сергею Ал. Бѣлокурову (Садовники, д. Церкви Георгія, или Воздвиженка, Архивъ Министерства Иностр. Дѣлъ), или въ книжные магазины Ф. А. Богданова (Никольская) и Н. Карбасникова (Моховая, противъ Университета, д. Кохъ).

Въ Обществѣ или чрезъ тѣхъ же лицъ можно пріобрѣсти изданія Общества за прошлые годы, значащіяся каталогѣ, бесплатно доставляемомъ желающимъ.

2—1

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

на духовно-академіческие журналы

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТИНИКЪ“

и

„ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ“.

1) «ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТИНИКЪ» — еженедѣльный журналъ, служацій органомъ богословской мысли и церковно-общественной жизни въ Россіи и за границей.

2) «ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ» — двухмѣсячный журналъ, органъ богословскій въ церковно-исторической науки въ общедоступномъ изложеніи.

Въ качествѣ приложенія къ журналамъ редакція издастъ:

Полное Собраніе Твореній св. Іоанна Златоуста

въ русскомъ переводѣ на вѣсма льготныхъ для своихъ подпісчиковъ условіяхъ. Именно, подпісчики на оба журнала получаютъ ежегодно большой томъ этихъ твореній въ двухъ книгахъ (болѣе 900 страницъ убористаго, но четкаго шрифта) вмѣсто nominalной цѣны въ три рубля за ОДИНЪ РУБЛЬ, и подпісчики на одинъ изъ нихъ—за 1 р. 50., считая въ томъ и пересылку.

Въ 1896 г. будетъ изданъ ВТОРОЙ ТОМЪ въ двухъ книгахъ, съ приложеніемъ художественно исполненнаго красками снимка съ древнѣшаго изображенія лика св. Іоана Златоуста.

Новые подпісчики, желающіе получить и ПЕРВЫЙ ТОМЪ, благоволять прилагать къ подпісной цѣнѣ два рубля, въ изящномъ англійскомъ переплѣтѣ—2 р. 50 коп.

УСЛОВІЯ ПОДПІСКИ.

Годовая цѣна въ Россіи:

a) За оба журнала 7 (семь) руб., съ приложеніемъ «ТВОРЕНИЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА»—8 р. (б) отдельно за Церковный Вѣстникъ 5 (пять) р.; съ приложеніемъ «ТВОР. СВ. ІОАНА ЗЛАТОУСТА»—6 р. 50 к. за «Христіанское Чтеніе» 5 (пять) руб., съ приложеніемъ «ТВОРЕНИЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА»—6 р. 50 к.

За границей, для всѣхъ мѣсть:

За оба журнала 9 (девять) руб.; съ приложеніемъ «ТВОРЕНИЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА»—9 рублей.

За изящный англійскій переплѣтъ прилагать 50 коп.

Иногородные подпісчики надписываютъ свои требованія такъ: «Въ редакцію «Церковного Вѣстника» и «Христіанского Чтенія» въ С.-Петербургѣ».

ПОДЪ НОВОЙ РЕДАКЦІЕЮ

вышла четвертая, январьская, книжка научно-литературного и политического журнала

„НОВОЕ СЛОВО“.

СОДЕРЖАНИЕ: ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ. 1. Волчья съть. Романь-хроника въ трехъ частяхъ. Часть первая. (Главы VII—XI). В. Немировича-Данченко 2. Односторонняя теорія экономического развитія. В. Яроцкаго. 3. Филатка (Картинки минувшаго). В. Савихина. 4. Александръ Ивановичъ Герценъ и Наталья Александровна Захарьина. (Изъ переписка). 5. Наденіе Бирона. (По поводу данныхъ изъ разныхъ архивовъ). А. Бриакера. 6. Обманутыя надежды. (Повѣсть). Н. Р. 7. Идеализмъ и материализмъ въ исторіи. С. Ан—скаго. 8. Изъ сельской школы (М. Конопницкой), стихотв. А. Колтоновскаго. 9. Римъ. Романъ Эмиля Золя. 10. Современная жеянщина. (Глава XIII—XVII). Продолженіе. Романъ Эллы Хепвортъ Диксонъ. Цер. съ англ. В. Мосоловой. 11. Праздники и жертвоприношенія у вогиокъ-язычниковъ. (Изъ записной книжки земскаго врача). Н. Тезякова. 12. Буковскій интеллигентный поселокъ. Очеркъ изъ исторіи культурныхъ колоній). (Окончавіе) Н. Энгельгардта. 13. Бегины и Бегарты. (The end of the middle ages. Essays and questions in history, by A. M. Robinson). Евг. Тарле. 14. Павелъ Владиміровичъ Засодимскій. Собрание сочиненій П. Засодимскаго (Вологдина) съ портретомъ и предисловіемъ автора, въ двухъ томахъ. Слб. 1895 г. А. Скабичевскаго. 15. Новые книги. 16. Обзоръ заграничной жизни. I. Старый и новый годъ въ политическомъ мірѣ. II. Интересы дня. III. Между журналами и газетами. 17. Обозрѣніе внутренней жизни. Земство и города. Я. Абрамова. Нѣкоторые результаты пшеничной монополіи. Бирюковича. Исполненіе росписи въ 1894 году. А. Котельникова. Письма изъ провинціи. Съ сѣвернаго Кавказа. Я. Абрамова—Изъ Грайворона. Курской губ. А. П.—ва.—Изъ Вологодской губ. (Страница изъ земской жизни). Ш.—Изъ Царицина. По поводу внутреннихъ вопросовъ. С. К. 18. Государств. роспись на 1896 г. А. К. 19. Обо всемъ Баранчука. 20. Приложеніе: исторія англійскаго народа въ гго литературѣ. Соч. Ж. Жюссера. 21. Объявленія.

Въ журналѣ принимають участіе: Я. В. Абрамовъ, В. В., Н. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, Н. А. Каблуковъ, С. Н. Кривенко, Д. Н. Мань-Сибирякъ, Г. А. Мачтеть, Николай —онъ, Л. Е. Оболенскій, Н. А. Рубакинъ, А. М. Скабичевскій, К. М. Станюковичъ, В. А. Тимирязевъ, А. А. Чеховъ, Щепотьевъ (Е. С. и С. А.) В. Г. Яроцкій, А. И. Эртель и др.

Годовая подписка по ежемесячный научно-литературный и политический журнал (отъ 25—30 печ. лист.) «НОВОЕ СЛОВО» принимается съ 1-го октября 1895 г. по 1-е октября 1896 г. Подписная цѣна съ пересылкой на годъ 10 р., безъ пересылки на годъ 9 р., на полгода 5 р. 50 к., заграницу на годъ 12 р.

Вторая ноябрьская и третья декабрьская книжка журнала «НОВОЕ СЛОВО» печатаются вторымъ изданіемъ и будуть разосланы подпісчикамъ сейчасъ по ихъ отпечатаніи.

Адресъ конторы редакціи: Спб. Спасская ул. (уг. Надеждинской), д. 15, кв. 1.

Отдѣленіе конторы: Спб. Невскій пр., д. 54, «Библіотека Черкесова».

Городская подписка принимается, кромѣ конторы редакціи и ея отдѣленія, въ книжныхъ магазинахъ «Нового Времени», Н. П. Карбасникова К. Ректара, Цинзерлинга (Мелье) и въ библіотекѣ Л. Т. Рубакиной (Бол. подъяческая, д. 24.).

Лица, выписывающія изданія О. Н. Поповой черезъ контору редакціи или ея отдѣленіе, за пересылку не платить, исключая изданій, выходящихъ по подпискѣ, Н. А. Добролюбова и Ч. Дарвина.

За редактора А. Н. Поповъ.

Изательница О. Н. Попова.

1—1

Вышелъ и разосланъ подпісчикамъ I т. соч. А. Н. Добролюбова, съ портретомъ автора.

СОДЕРЖАНИЕ I т. Біографія Н. А. Добролюбова, со включеніемъ писемъ — А. М. Скабичевскаго.—Статья о литературѣ Екатерининского времени и статьи педагогической—Критическая статьи 1857—1858 гг.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА.

на

ПЯТОЕ ИЗДАНИЕ

СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ

Н. А. ДОБРОЛЮБОВА.

Въ четырехъ томахъ съ біографіей и съ портретомъ автора.

Изящное изданіе, дополненное письмами Н. А. Добролюбова и бібліографическимъ указателемъ.

Томъ I. Біографія Н. А. Добролюбова, со включеніемъ писемъ—А. М. Скабичевскаго.—Статьи о литературѣ Екатерининского времени и статьи педагогическія—Критическія статьи 1857—1858 гг.

Томъ II. Критическія статьи 1858—1859 гг.

Томъ III. Критическія статьи 1859—1861 гг.

Томъ IV. По поводу одной обыкновенной исторіи Роберта Оуэнъ—Народное дѣло. С. Гавацци.—Кавуръ и др.—Свистокъ.—Стихотворенія.

ЦѢНА ПО ПОДПИСКѢ НА ВСЕ ИЗДАНІЕ

ШЕСТЬ РУБЛЕЙ,

Допускается разсрочка: при подпискѣ вносятся два рубля, по выходѣ II и III тома по два рубля.

По выходѣ въ свѣтъ четвертаго тома цѣна будетъ повышенна.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ: въ конторѣ изданій (Невскій, 54, библіотека Черкесова), въ библіотекѣ Л. Т. Рубакиной (уголъ Б. Садовой и Б. Подьячевской, № 63—24), и въ конторѣ журнала «Новое Слово», Спасская ул., № 15. Въ Москвѣ: въ книж. маг. «Трудъ» (Петровская библіотека), въ книж. маг. журнала «Русская Мысль», въ книж. маг. Конусова, у Страстнаго монастыря, Мурикова, Трехпрудный пер., и у М. Клюкина, Моховая, противъ Университета.

Пересылку изд. Н. А. Добролюбова и Ч. Дарвина, въ виду ихъ дешевизны, издательница за свой счетъ не принимаетъ.

1—1

НАСТОЛЬНЫЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ,

изд. Т-ва А. ГРАНАТЪ и Ко,

ОКОНЧЕНЪ ПЕЧАТАНИЕМЪ.

Все изданіе составляетъ 8 томовъ.

Цѣна тому въ переплетѣ на обыкновенной бумагѣ 5 руб., на лучшей 6 рублей.

съ 1 марта 1896 г. цѣна будеть повышена.

Проспекты съ отзывами печати и выдержками изъ текста высылаются
бесплатно.

Главная Контора: Москва, Большая Никитская, д. Рихтеръ, рядомъ съ
Университетомъ.

1-1

5 р. 65 к. доправить; 3) 1731-го году, осеннии 51 р. 49 к., доправить же; 4) сего году, за позиченіе 20 р., жито доправлять; 5) сеголѣтную хлѣбную и денежную десятину доправлять; 6) 4 р. дани старостѣ, за якіе купить дранѣ 1000, да фасокъ 20, да куховъ 30 подрадить; 7) винницю на 9 казановъ подовшать; 8) горѣлки 6 куоу присилать и еще поспѣшать; 9) на шинкарахъ доправлять; 10) зъ Іосафа Ревенка 2 р. должнихъ доправить; 11) уговорить улей 400; 12) для млина приспособлять все впередъ; 13) проискать левади тютюнной; 14) проданіе грунта отискивать и заставніе; 15) усмотревать мѣста ниже млина Максимо-вого на греблѣ; 16) исправить вѣдомость збору провяントового. Войтъ крисковскій Товкачъ отставленъ отъ войтовства, а поставленъ Алексенко. Поехали зъ Крисіонъ и пріехали на ночь до Розлеть, где у дворцѣ стали, а ночовали на загородномъ дворцѣ, при по-вѣтяхъ.

Четвер. 14. День былъ сперва тихъ, а заразъ послѣ—вѣтрянъ, зъ дощемъ, потомъ дощъ пересталъ о полднѣ, а вѣтеръ жестокій триваль до ночи. Ночь хмарна зъ силнимъ вѣтромъ, а къ свѣту вѣтеръ утихъ, да дощъ ишолъ густенкій до свѣта. Рано зъ Розлеть поехавши, по службѣ рано жъ отправленной, переехалъ Десну и заездилъ зъ старостою крисков. осмотрувать плита своего тонкого и узкого, а приказавши старостѣ первіе два дѣла, а именно: горѣлку и фаски въ Глуховъ присилать да собирать подводи для перевезенія купленного въ Розлетахъ будинку, самъ пріехалъ до Обтова на обѣдъ, где и обѣдалъ. Зъ Розлеть до перевозу верстъ зъ двѣ, отъ перевозу до села Погорѣловки верста, отъ Погорѣловки до Обтова верстъ зъ 4, отъ Обтова до Ревутинецъ верстъ зъ 3, зъ Ревутинецъ до Андрѣевки верстъ зъ 3, зъ Андрѣевки до Кролевца верстъ зъ 2, итого зъ Обтова до Кролевца верстъ 8. По обѣдѣ поехавши зъ Обтова, ехаль черезъ Ревутинцѣ и Андрѣевку, а пріехалъ до Кролевца, где и ночовалъ. Приказъ данъ Тарасу давать горѣлку на большую носатку, по 2р. носатка.

Пятокъ. 15. День былъ хмарній, тихій, изъ ранку до полу-дня зъ дожчемъ, тихій, а къ вечеру випогодился, тихъ и ясенъ

отчасти и холоднѣйшій, ночь свѣтла, тиха, холодна, а къ свѣту туманъ великий. Рано поехалъ зъ Кролевца до Бистрика, а зъ Бистрика боромъ. До Тулиголовъ едучи, долго блудили покаместъ доехали, где и ночовали. У Тулиг. винницѣ засталемъ 12 куоъ гор., а въ тринадцатой 6 носат. По исчислению людей въ Сварк. можнихъ 14, сред. 17, убогихъ 12, огород. 12. чиншовихъ 5, итого 60., въ Криск. можнихъ 9, средныхъ 30, огородниковъ 21, мѣзѣрнихъ 28, итого 88, Въ Сухонос. можнихъ 10, среднѣхъ 22, мѣзѣрнихъ 32, итого 64; въ Перерв. можнихъ 13, сред. 6, убогихъ 8, итого 27; въ Артополотской слободцѣ всѣхъ 7; въ Тулиг. мѣзѣрнихъ 11. въ Ясманѣ 5; всѣхъ 266.

Субота. 16. День былъ свѣтлый, тихій и теплій, ночь свѣтла, тиха и холодновата. Приказалъ я словесно старостѣ о перепищикахъ, о переставленію винницѣ, о присилкѣ гор. сюда въ Глуховъ, чтобы тертичники 100 деревъ урѣзали и задолжившіяся за жито, половини дерево въ Сварковъ возили бѣ, а половини тамъ отробили. У лазнѣ мился.

Неделя. 17. День былъ свѣтлій, тепловатій, тихій, ночь свѣтла, тиха и холодновата. Рано былъ я на Бѣлоноловцѣ, где гетмана болѣзнуочаго слышалъ, а не видѣлъ. Служби Божій тамъ слухалъ, а обѣдалъ въ дому зъ родителемъ. По обѣдѣ пигде не бывалъ,

Понедел. 18. День былъ почести хмарний и почести свѣтлій, холодноватъ, вѣтренъ къ вечору дождъ, ночь хмарна, тиха, тепловата. Рано былъ я у генерала, где канцеляристъ Холодовичъ отъ гетмана подаль листъ и суплѣку Сварковцевъ на солдатъ гварнѣзоннихъ въ кражѣ. Обѣдалисмо сами зъ род.. а по обѣдѣ былъ у мене горбатий Милорадовичъ. Слишно, что гетманъ горше прежнегого заболѣлъ на проносъ зъ жаромъ.

Вовтор. 19. День былъ почести хмаренъ и вѣтренъ, потомъ хмаренъ и дождъ. Ночь тиха, хмарна, почести и мокровата, а потомъ випогодилась и вияснилась, а къ свѣту зновъ хмарна. Сегодня былъ я на Бѣлоноловцѣ и видѣлъ гетмана обмогаюочагося, где и кушалъ, а гетманъ сегодня поехалъ зъ Бѣлоноловки въ городъ.

Середа. 20. День былъ хмаренъ, холодноватъ и почести вѣтренъ. Ночь хмарна жъ вѣтрена и зъ полночи жестокій вѣтеръ и

дождь силний, ажъ до свѣта. Сегодня рано черезъ куріера иностранной колегіи, приседившего до гетмана зъ указомъ ехать ему до Сорочинецъ позволяючимъ, писалемъ до Каратаева о куплѣ двохъ стеколь, чистихъ, да табаку картузного фунтовъ двохъ, а арапе фунта, и присланніе отъ его два стекла воспять отослалемъ. Черезъ того же куріера писали род. и я до Курбатова о дѣлѣ моемъ. Обѣдалисмо въ дому зъ родителемъ, а по обѣдѣ поехалъ я въ футоръ, а зъ футора въ Сварковъ на ночь, где и ночовалъ.

Четвер. 21. День былъ хмарній зъ дощемъ силнимъ, холодный, ночь хмарна жъ зъ болшымъ вѣтромъ и зъ дощемъ, къ свѣту дощъ унялся, а вѣтеръ непереставаль холодний. Сей день пробавилъ я у Сваркова, для дощу. Войтъ зъ Василемъ Шмуйломъ и зъ Дуплоногомъ ездили въ городъ до полковника Кишкина по дѣлу сторони кражи, починившоїся отъ солдатъ.

Пятокъ. 22. День былъ почасти хмаренъ, толко вѣтрянь и холодний, у вечеру дощъ. Поехалъ я зъ Сваркова до футора и повернувшись въ Глуховъ, заехалъ до п. Михайла, у которого посидѣвши, повернулся домой. Жена зъ дѣтьми пріѣхала въ Глуховъ зъ гостини кіевской. Сказывалъ дворникъ Калюжновскій, что ярини у футорѣ собрано именно: овса за мосткомъ, къ городу, собрали копъ 200, къ Сваркову 150, що зъ половини съяли, копъ 40, зъ пустовскихъ зняли десятини копъ 4, итого овса всего копъ 394. Гречки за мосткомъ, къ городу, копъ 80, къ Сваркову копъ 220, що зъ половини копъ 3 и пол. Жита посѣяли на 1733 годъ: на Шовкуневскомъ лаву четверичковъ 126, на Горловскимъ 56, на футорномъ 152, на Ясманскомъ четверичковъ 100, на Ковалевщинѣ дворникъ—36 и пол., а войтъ Забара—четверичковъ 28, итого, опрочь Ясманского, посѣяно четверичковъ на футорномъ и сварковскомъ полю—398 и пол.

Субота. 23. День былъ хмарній зъ дощемъ, вѣтряний и холодний, ночь хмарна жъ, тиха и мокровата. Не ездилемъ никуда, а обѣдалисмо вѣтъ въ дому, а по обѣдѣ у вечеру ездиль до Кишкаина и до Радищева. Господаръ зъ Ясманъ повернувшись, сказывалъ, что тамъ зято жита копъ 18, овса—28 копъ, гречки—3

копъ. Въ Крискахъ Думитрашко, бунчуковий, переписиваль людей и пописаль: грунтовихъ 30, малогрунтовихъ 29, нищетнихъ и весьма убогихъ 39, итого всѣхъ 98.

Неделя. 24. День быль хмарній зъ дощемъ, вѣтряний и холдний, ночь хмарна, тиха, только усю ночь дощъ ишоль, къ свѣту пересталъ ити. Рано быль я у гетмана, обѣдалъ у себе зъ род. и дядею п. Федоромъ и Иваномъ Себастіяновичемъ; у вечеру до п. Михайла ездилъ. Зъ Крисіокъ привезли подводчики 6 куеъ гор. Зъ Тулиг. привезли 2 куеи гор. зимней, а кухву лѣтной, на расходъ.

Понедел. 25. День быль хмарній, холодноватий, мокроватий, у вечеру и черезъ ночь дожчъ. Рано быль я у генерала и обѣдалъ зъ род., а по обѣдѣ заездилъ до протопопи, оттолъ до п. Михайла и посидѣвши съ нимъ, повернулся домой.

Вовтор. 26. День быль хмарній зъ вѣтромъ и зъ дощемъ до вечора, такова жъ и ночь. Никуда не ездилемъ, а по обѣдали у насъ дядя п. Федоръ, Милорадовичъ и Себастіяновичъ, по обѣдѣ прїездила тютка п. Кондзеровская. Отправленъ крисковскій человѣкъ и съ нимъ черезъ 5 подводъ крисковскихъ полдесяти четверти жита къ винницѣ, черезъ которого писалъ до стар., ганячи за недосмотръ подчасъ ревизїи Думитрашкомъ чинившоися и оную ревизїю къ нему послалъ, да приказуючи о куплѣ Ярошевой изслѣдователь, въ якомъ году оная была, да посланъ господара гетман. листъ до старости жуклянского (д. Жукля въ соснице. у.) о выдачѣ дранѣ нашей. У Клима принялемъ 6 р., якіе онъ отъ грека Іотія принялъ за вино, итого Іотію за все вино первимъ разомъ взятое, то есть за 18 вина петерцѣменту, да за 18 фронтиніаку, оплатился, а остается на немъ вино другимъ и третимъ разомъ взятое, то есть за 18 вина петерцѣменту. да за 18 фронтиніаку, оплатился, а остается на немъ вино другимъ и третимъ разомъ взятое то есть 60 квартъ петерцѣменту по 50 к., да 70 квартъ фронтиніаку по 60 к.

Середа. 27. День быль хмарній, тмхій, мокровать, только жъ безъ дощу, ночь хмарна зъ туманомъ чили дощемъ, подобнимъ ту-

манови, потомъ мало къ свѣту випогодилось. Сегодня рано ездили я въ городъ до п. Михайла и обѣдалъ у столу гетманскому, а по обѣдѣ подалъ гетманови суплѣку на Кодинця и позно домой прѣехалъ. Лопата Петро, которому гетманскій данъ унїверсалъ о неправежѣ на немъ денегъ должникъ черезъ 3 года, далъ мнѣ облѣкъ въ отдачѣ долгу въ приидучомъ 1733-мъ годѣ о Вознесеніи Господнемъ. Максимъ Долгінскій, бунчуковий, переписалъ Сварковъ и показалъ, что въ ономъ можнихъ мужиковъ 3, средніхъ грунтовихъ 2, мало грунтовихъ 14, безгрунтовихъ 11, подусѣдковъ 3, итого 33.

Четвер. 28. День хмарний и отчасти погодний, тихій, холодный, ночь хмарна жъ, тиха и холодновата, а къ свѣту дощикъ густенкій и тихенкій. Рано ездилемъ въ городъ, а въ дому зъ родителемъ и изъ дядею п. Федоромъ обѣдалъ. У вечору то жъ былъ въ городѣ и поигравши зъ п. Михайломъ въ пѣкеть, повернулся домой. Жестянку ліодового сахару наложили и записали, поколь то привозъ будетъ.

Пятокъ. 29. День былъ хмарній зъ рѣденкимъ дощикомъ и снѣжкомъ впервоє, холодній, ночь тиха, хмарна и холодна. Сегодня я никуда не ездили, въ дому былъ. Казанъ мѣдній винничній, ваги въ немъ 30 фунт. и 3 труби, ваги въ нихъ 12 фунт., отъ Демяна принять за долгъ зазѣрскаго козака въ 20 р. задолжившагося. Деманъ посланъ за Клевенъ доправлять жито зъ должникъ, зъ Юрченкомъ и Гладкимъ, которому на произдѣ дано 1 р.

Суббота. 30. День былъ почести хмарний и почести свѣтлій, воздухъ сухій, ночь такова жъ, только по большой части хмарна, а къ свѣту свѣтлѣйша. Рано былъ я у гетмана и п. Михайла канцеляріи и въ енер., где принялъ писмо до п. пол. луб. о суплѣцѣ моей на Кодинця о росправѣ. Обѣдалъ у себе зъ род., у банѣ билъ и кровъ пускаль банками я. Пріехалъ сюда у Глуховъ генералъ маіоръ Панѣнь, повернувшись зъ Кіева. Въ канцеляріи зъ ревизїй виписалъ, что въ Сухоносовцѣ показалось по ревизїи посполитихъ таґлоубогихъ 17, нищетнихъ и весыма убогихъ 30, итого 48; протек-

цвяантъ Федоръ Петренко. Въ Перевинцахъ: посполитихъ тяглоубо-
гихъ 8, нищетнихъ и весьма убогихъ 6, итого 14.

М-ць октовор. Неделя. 1. День быль свѣтлій. почасти тихій
и тепловатъ, ночь холодна, свѣтла и вѣтрена полунощнимъ вѣтромъ.
Рано быль я у генерала, оттолъ ездилъ зъ род. и п. Мих. до Панѣна
зъ Киева повернувшагося, обѣдалъ у гетманскаго столу зъ старши-
ною енер., а жена обѣдала дома зъ Гапкою и домашними.

Понедел. 2. День быль хмаренъ, потомъ отъ полдня вѣтеръ
сильній зъ снѣгомъ, якій снѣгъ до полночи ишоль зъ великомъ
холодомъ, отъ полночи дѣ свѣта вѣтеръ же холодній, а снѣгъ
покриль землю. Рано быль я у генерала и обѣдалъ зъ род. и по
обѣдѣ до смерку засидѣлся у шахмати играющи, выиграющи и про-
играющись. Жена поехала въ Сварковъ передъ обѣдомъ и тамъ
заночовала. Овса купили за полъчетверика, чили мало меньшъ, за 17
шаг., Вѣжовск. платиль. Паробка сина Матвѣевого уговорили на
годъ за 5 р., его вся одежа.

Вовтор. 3. День быль холodenъ, зимній, съ полдня сталъ ростовать
снѣгъ до ночи. Ночь была хмарна, тепла мокра, почему и уесь
ищезъ снѣгъ. Вѣжевскому далемъ въ росходъ 6 р. Сего дня обѣда-
лисмо въ дому, а у вечеру ездили до п. Михайла и посидѣвшіи
мало, повернулемся домой въ позномъ времени, смеркомъ. Били у насъ
сотники Новомлинскій и Бакланскій, которіи объявляли намъ роспи-
ску отъ п. Павловой (Огіевской) кролевецкой данную по дѣлу
еъ зъ чelobitчиками, что на чомъ они приговорять, на томъ она
перестанеть. Паробокъ Алексѣй футорний сталъ за 5 р. на годъ
въ своей одежи, и взялъ уже 2 р.

Середа. 3. День быль хмарній зъ дощемъ и холодноватий,
ночь такова жъ. Сего дня обѣдалемъ въ дому, а по дневпомъ снѣ
заболѣло лѣвое око. Вѣдомость, что Сухонос. нажали жита копъ
106, овса копъ 50, гречки копъ 60, конопель копъ 4; на 1733
годъ посьяли жита на полѣ четвор. 19..., а въ левадѣ четвер. 6.

Четвер. 5. День быль зранку хмаренъ и дожеватъ, потомъ
передъ полднемъ випогодилось и къ вечеру, ночь тиха, свѣтла и
отчасти холодновата, воздухъ сухій. Сего дня я быль у судѣ енер.

и подаль повторную челобитную на Якубовича о сиску онаго въ судъ по прежнему моему на него челобитию въ неотдачи должныхъ мнѣ денегъ 456 р.; а обѣдалъ у гетманскомъ дворѣ и получилъ писмо до п. пол. луб. гетманское сторони Кодинца. Дорошъ поехалъ въ Роменъ, черезъ которого писалъ я до брата п. Марка и 20 а., послалъ черезъ него на кожухъ Рудому.

Пятокъ. 6. День былъ свѣтлій, погодній, ночь такова жъ по большой части, а по меньшей хмарна. Сегодня рано ездилъ я въ гетманскій дворъ, а отоль въ склепъ, где насыпалъ вина зъ бочокъ, доброго по 6 квартъ, фран. и гиш. по..., а всего пудро насыпалъ по 2 фляши разного, да бутилокъ доброго по 5, да француж. 2 бутилки, да зъ антала, изъ барила и зъ барилца по бутилцѣ.

Субота. 7. День былъ теплій, свѣтлій, тихій; ночь тепла жъ зъ начала и погодна, а потомъ дождь ишолъ до свѣта, то есть до утра неделнаго. Рано ездилемъ въ городъ до гетманского двору, где гетмановую, пріехавшую зъ гостини, засталъ, и тамъ обѣдалъ, а по обѣдѣ повернувшись въ домъ свой, засталъ Якубовича зъ женою его и тіотку п. Кондзеровскую. Данило Карпѣка пріездилъ ко мнѣ, зъ тимъ, что млинъ продаетъ, которому я зъ полемъ и дворомъ глуховскимъ давалъ 400 р. а онъ просилъ 500 р.

Неделя. 8. Отъ утра неделнаго черезъ увесь день, ажъ до вечора, дожчъ ишелъ зъ вѣтромъ, а въ ночь вѣтеръ умножился и дожчъ до полночи, посля полночи снѣгъ и холодъ, а къ свѣту снѣгъ пересталъ, а вѣтеръ до свѣта триваль и холодъ. Сегодня за ока лѣвого моего болемъ никуда не ездилемъ опрочь церкви Веригинской. Жена преехала зъ Тулиголовъ на обѣдъ и обѣдала съ нами. Да пріехалъ Грицко Дядя въ Тулиг. зъ соллю, возовъ 5, по 4 воли, а на шестомъ возѣ куеа вишніовки. Рахованъ онъ и показалось въ росходѣ его денегъ 36 р. и 73 коп., а въ пріемѣ было 45 р., досталнихъ 8 р. 27 к., а соли привезъ всей 450 пуд., 80 пуд. у Сухоносовцѣ остановилъ, а 370 сюда привезль. Пасѣчника Солоху вихторовскаго уговорили на годъ до пасѣки Шрамковской за 10 зол., жита четвертей 4, гречки 2, пшона и крупъ, свита и кожухъ, и дано ему отъ Вѣжевскаго напередъ 3 р. Якимъ Глѣнскій, маляръ, что дѣлалъ иконостасъ до церкви вел. Гамал., отъ диссентеріи умре.

Понедел. 9. День свѣтлій тихій, холодноватий, а потомъ и тепловатъ до самого вечора, а потомъ холодновать сухимъ воздухомъ, ночь свѣтла, тиха и ядрана зъ морозомъ такимъ, что и вода текучая зъ стрѣхъ попримерзала. Сегодня рано билъ я на службѣ у церкви Веригин. Обѣдалъ въ дому и съ нами, для моего тезоименитства, обѣдали сестра п. Чарнишева, тютка Кондзеровская, п. Павлова кролевецкая, Гапка, Якубовичъ зъ женою, и подпіяхомъ. Приказъ ланъ Тарасу давать на шинкъ гор. носатку старую по пол. 9 зол.

Вовтор. 10. День былъ почести свѣтлій и почести хмарній, тихій, воздуха сухого. Ночь такова жъ, яковъ и день. Сегодня никуда не ездилемъ. Обѣдалисмо въ дому зъ родителемъ, а жена на пастовнику. Вѣдомость отъ стар. перервинского имѣется о пашнѣ, что жита нажато конъ 70, изъ павского конъ 8, десятини конъ 12, всего 88. Овса нажали 70 конъ, гречки 36, а десятини конъ 6, проса конъ 40, ячменю конъ 25, пшеницъ конъ 20, гороху четвериковъ луб. 10, а на 1733 годъ посѣяли жита: луб. четвер. 25, сѣна копового скиртъ 38, а за гроши наймомъ, 13.

Середа. 11. День былъ почести хмаренъ и почести свѣтель, воздуха сухого, ночь свѣтла, тиха, холодна, воздуха сухого. До стар. крис. послана виписка о завладѣвшихъ грунтами кристковскими, чтобы онъ госпиталь, якого году и мѣсяца кто и чимъ завладѣлъ. Да къ нему жъ писано о куплѣ дранѣ и присилцѣ 500 въ Тулиг., а остатку въ Глуховъ.

Четвер. 12. День былъ свѣтлій, почести тихъ и тепловатъ, воздуха сухого. Ночь свѣтла тиха и ядрана, воздухъ сухъ. Ездилемъ рано до енерала, оттолъ до гетмана, где и обѣдалемъ, а по обѣдѣ посидѣвшіи у п. Михаила, повернулемся домой.

Пятокъ. 13. День былъ и ночь подобніе вчорайшимъ, зѣло хорошіе и погодніе. Дядѣ сухонос. далъ габу и 20 к. и 5 человѣкамъ по 20 к., которое въ Кримъ ездили по соль; черезъ нихъ же послалемъ въ Сухонос. церковь кельхъ позлачущаний, а въ перервинскую тріодь цвѣтную. Да черезъ ихъ же отправили 4 куои гор.; а внихъ носат. теперешнихъ „, зъ которыхъ велено отдать Алексѣеви 3 куои, а одну перервинскому стар.; да писано о томъ

до Алексе́йца, стар. сухон. и перер. Заплатилемъ Данилу Карпѣцѣ за млынъ свар. и поле зъ окопомъ сѣнокосимъ и дворомъ Булавинскимъ 250 р. червонними по 11 зол. червонний, а 200 р. остался виноватъ, а онъ мнѣ купчую даль. Вѣжевского пріемъ соли, а сколько оной прилагается вѣдомость, именно: куховъ 6, а въ нихъ пудовъ 288, да бочокъ 13, а въ нихъ пудовъ 242, фун. 22. Да черезъ Дядю отправилъ онъ гор. куфъ 3, до Алексея, а въ одной нос. 4, квартъ 38, въ другой носат. 5, квартъ 4, въ третей нос. 4, квартъ 98. а въ Сухоновку куеу, въ которой носат. 5, квартъ 85.

Субота. 14. День и ночь подобніе прежнимъ, свѣтліе, тихіе, воздухъ сухъ. Рано поехалъ я въ Сварковъ, где и обѣдалъ, а по обѣдѣ повернулся въ домъ, заехавши до п. Михайла. У Сварковъ велѣль войту греблю загатить и захворостить старатись.

Неделя. 15. День и ночь были подобніе прежнимъ, только зъ прибавкою стужи. Сегодня зъ род. обѣдалисмо у енерала, а по обѣдѣ заходилъ до нась Пасекъ, а потомъ родителка зъ двома братами пріехали.

Понедел. 16. День подобній бувъ прежнимъ, тихъ, ясенъ, и около полдня тепловатъ. Ночь подобна жъ прежнимъ, свѣтлая, тихая и студеная, къ свѣту туманъ холодній. Облѣкъ даль я Семена Крупенка Вѣжевскому, да другую вѣдомость отъ Клима, кто за конѣ виноватъ дати войту. Обѣдалисмо сами въ дому зъ род.. а матка и жена у гетманского двору. По обѣдѣ ездилъ до доктора Бока и до п. Михайла.

Вовтор. 17. День зъ ранку туманий и до вечора холодний, воздухъ, однако не весма мокрій. Ночь такъже зъ туманомъ, а зъ полночи вияснилось и къ свѣту зъ морозомъ знатнимъ. Господарь, повернувшись зъ пасѣки, обявилъ, что въ Уздицкой пасѣцѣ въ имшаники установлено пчоли лутшой 393., а подлѣйшой 50, итого всї пчоли Уздицкой 443, въ Шрамковской пасѣцѣ лутшой пчоли 51, подлѣйшой 10, итого 61. Обѣдали у нась род. обоє, сестра Чарнишова, Конзерская, Гапка, отецъ Никифоръ и отецъ Мойсей, и подпіахомъ именинъ ради родителевихъ сегодневнихъ. Григорія Гиля сынъ зъ Царицина повернулся, и привезъ писмо отъ отца своего,

въ якомъ пишеть, что онъ 5-го сентевр. зъ Царицина до крѣпости ст. Креста отправляется и что будто Архипъ умре. Онъ же привелъ коня, которій даванъ Григорію въ Царицинъ, да привезль бѣлорибици пудъ, да везики 5 фунт.

Середа. 18. День быль свѣтлій, подобній прежнимъ, тихій зъ ранку и къ вечору зъ морозомъ, ночь свѣтла, тиха, холодна зъ болшимъ морозомъ. Сего дня обѣдалисмо родитель и я у генерала, у вечера ездиль до п. Михайла, где посидѣвши, у ночь повернулся домой.

Четвер. 19. День быль свѣтлій, погодній, теплѣйшій вчорайшого, къ вечору морозъ. Ночь свѣтла, тиха, холодна, подобна прежнимъ. Сего дня рано ездилемъ до Паска, где явившиесь Якубовичъ зъ Стефаномъ Мицлашевскимъ просилъ о долгѣ своемъ, и зъ должной суми упустиль я ему 10 р., а 350 р. отдать бы ему. Обѣдалъ у столу гетманскаго, а по обѣдѣ быль у генерала, где видѣлся зъ Володимиромъ Федоровичемъ Шереметевимъ, унукомъ Володимира Петровича, зъ котормъ хочай и договоривался о мужику бегломъ его, однако жъ не договорился. Отъ крисковскаго стар. привезено дранѣ 600 за 4 р. данніе, купленныхъ дѣжокъ 20, кадовбовъ 5.

Пятокъ. 20. День и ночь были сходніе, безъ жадной перемѣни прежнимъ. Матка и жена поехали до манастира Петропавловскаго поминаніе чинить по умершомъ дѣду моемъ Іларіону Маковскому, тамъ опочивающемъ, а я никуда не ездиль и не ходилъ. Гребля въ Сварковѣ загачена и впервоѣ стало молоть.

Субота. 21. День быль свѣтлій, погодній, холодний, тихій, около полдня хмаренъ, якъ бы съ перемѣною, а потомъ знову вишогодился, прежнею погодою до вечора, ночь такъже свѣтла, тиха и студена, такого жъ воздуха сухого. Рано поехалъ въ Сварковъ и обѣдалъ, и ходиль на греблю, которую вчора еще загатили отчасти, а зъ Сваркова поехавши, пріехалъ у футоръ Калюжновскій, где велѣль дворнику гречку и третью меншую скиртку овса змолотить, да зъ скирть житнихъ верхи позбирать и помолотить а онѣ верхи по залски собравши, накрыть соломою обѣдвѣ такъ, якъ третая накрита. Зъ футора пріехалъ въ Глуховъ на ночь.

Неделя. 22. День былъ свѣтлій, погодній, холодній, тихій и ночь такова жъ. Сегодня рано были мы у генерала, а обѣдали у Мякинина—гетманъ, генералъ и мы зъ п. Михайломъ. Присланъ указъ къ генералу о висилцѣ Лвова въ Москву, а къ гетману грамота обявительная о томъ же. По обѣдѣ были мы тамъ же, у Мякинина, и играли въ ломбаръ зъ выиграншомъ моимъ и генералскимъ и проиграншомъ п. Михайла, а потомъ зайдшли до п. Михайла, где Валкевича зъ розезду повернувшагося, видѣлъ, зъ тамъ тогобочной стороны, куда онъ былъ посыпанъ.

Понедел. 23. День былъ погодній, свѣтлій, холодній, къ вечеру туманъ сталъ. Ночь хмарна, а къ свѣту туманъ прибавился. Сегодня обѣдалисмо въ дому зъ родителемъ, а по обѣдѣ ездилемъ въ дворъ гетманскій до п. Михайла, где играли въ карти зъ Валкевичемъ, Холодовичемъ и имъ зъ проиграншемъ моимъ.

Вовтор. 24. День былъ зъ отмѣннимъ воздухомъ и отлигою, вѣлодотній, туманный, и ночь такова жъ. Яковъ Якубовичъ раздѣлялся со мною и далъ мнѣ облѣкъ отдачѣ 350 р. прійдучого 1733-го году, іюля 1-го дня. Обѣдалисмо въ дому сами, а по обѣдѣ ездилемъ въ городъ до п. Михайла, где въ карти играли зъ моимъ и Валкевича проиграншомъ.

Середа. 25. День подобный вчорайшому во всемъ. Ночь такъ же подобна вчорайшой. Климу Пѣщанскому, отсылаючому въ Лубнѣ для присутствія имѣючому чинитись розиску о футорѣ моемъ Криворудскомъ, данъ приказъ, а въ немъ написано: 1) зъ футора Артополот. прислать возомъ воловимъ зъ Салогуб. албо Калинов. пшона, да съ нимъ пѣшого и валаховъ 25, да коровъ дойнихъ албо тѣлнихъ 3; 2) въ Сухонос. опредѣлить покупать жито до винницѣ за 16 р. и нѣ на що не употреблять онихъ и жита; 3) ехать передомъ на Кривую Руду, справится объ обидахъ отъ Кодинца и тихъ що повворувались и тихъ що футорами иосѣдали на томъ боку; 4) у Лубняхъ бить и при розиску и инквѣзицію переписавъ прислать сюда, 5) и требовать тогда приверниння слободки, 6) за поворотомъ, просить сатисфакціи, 7) описоватись ко мнѣ часто черезъ курѣнчиковъ; 8) по семъ доброго дворника въ

Кривой Рудѣ устроить; 9) повернувшись въ Сухонос., скупить жито до винницѣ, въ винницѣ бить безъ переривки роботѣ, горѣлку на шинкъ отдавать кухву одну у Перервинц. а другую на шинкъ Яблоновскій, и денги за то къ себѣ. У дворѣ сухонос. гребелку справить и скриню яловую здѣлать, окончить млинъ курѣнскій и спорадить млиновъ сѣлскій, соли у футоръ Артоп. отослать чернускихъ четверичковъ 2, а въ Перер. 3, виправу сюда вислатъ. 10) У Кривой Рудѣ сѣна осмотрѣть, да здѣлать погребъ и загороду зъ повѣттию, а дойво все зъ футора и зъ Перервинецъ спровадить. 11) Зъ виправою сюда прислать хмѣль, вовину зъ Перер. всю, а зъ простой часть оставить тамъ, для роздачи на село, пономъ теплихъ 20. Масло все и сиръ увесъ зъ футора Артопол. 12) Зъ Сухонос. масло и биръ послать въ Кіевъ своими подводами, у филиповъ постъ. 13) Облѣкъ Григор. Шаргор. данъ на 10 червонихъ. 14) Осмотреть и списать въ Кривой Рудѣ и въ Сухонос. сѣна, хлѣба, сколько зято и сколько поеѣяно. 15) Котляра въ Лохвицѣ сискать и при виправѣ вислатъ. 16) Увѣдомить о тютюнѣ, якова продажа. Да съ нимъ же послала жена п. полковниковой вина доброго бутилокъ 6. Онъ же зъ собою взялъ коней двое, тарана купленного, да гнѣдого сухого, да ему жъ далъ я 5 червонихъ, да 16 р., а на дорогу 2 ефимки.

Четвер. 26. День былъ подобний прежнимъ, хмарній, тихій, а къ вечери мокроватъ, въ началѣ ночи вѣтеръ малій и снѣгъ зъ дожчемъ, а потомъ морозъ къ свѣту.³ Сегодня обѣдалъ я у столу гетманскому, а по обѣдѣ заѣздилъ до Стефана Миклашевскаго, отоль до млина Радюновскаго, а поворотясь заехалъ до Паска и посидѣвши доволно, повернулся домой. У млинѣ видѣлъ розмѣру жита четвертей зъ 2, пшеницѣ бочокъ 4, гречки бочокъ 3. Клими поехалъ за порученнымъ ему вчора дѣломъ. Королю теслѣ далемъ 20 к., а отъ Вѣжевскаго бралъ денги.

Пятокъ, 27. День былъ почасти свѣтлій, только жъ холоднѣйшей отъ прежнихъ. Ночь свѣтла, тиха, а къ свѣту вѣтряна зъ морозомъ, сухій воздухъ. Сего дня, по службѣ, поехалъ я у футоръ, а зъ фут-

тора у Сварковъ, где и заночовалъ. У Вѣжевскаго шинковыхъ гро-
шей принялъ я 6 р. и 52 к. и расписку далъ.

Субота. 28. День былъ хмарній, холодный, вѣтряний, ночь
такова жъ, а къ свѣту снѣжокъ вицалъ и растаялъ, однако жъ
воздухъ сухій. Тутъ, въ Сварковъ, обѣдалемъ, а по обѣдѣ поехавши
у футоръ Калюжновскій, а зъ футора въ городъ, позно пріехалъ,
а мимоездомъ билъ на Красной Горцѣ. На Красной Горцѣ по
ищисленію теперь показалось тину 124.

Неделя. 29. День былъ хмарній, холодній и ночь такова жъ,
сходне прежнимъ. Празновали день ражденія ея височества госуда-
ринѣ царевни Екатерины Ioановни. Банкетъ билъ у гетмана и
подпіахомъ.

Понедел. 30. День былъ хмарній, холодній. Ночь хмарна, а
потомъ зъ отлигою, якоби мокрою. Явиле тутъ крисковскій бобиль
Тимошъ Степанченко и сказалъ, что за кражу тютюну взяль ста-
роста у него съяно воз. 8., жита четвериковъ въ 2, косу и серповъ
2, да у Мишука рубля, да у Панаса ганчара 206, и писалъ я
до него, чтобъ Тимошу вернулъ съяна и жита половину и прочее.
Отправлени крисковци въ Криски и черезъ нихъ писано до старо-
сти: 1) чтобъ писмо и пункта на попа отвезъ до епископа Чер-
нѣг.; 2) чтобъ денги за проданный мой тютюнъ отъ швакра п.
Якова отобразъ 86 р. 3) чтобъ на расколщикахъ, зверхъ данніе денги
доправилъ; 4) чтобъ изслѣдовалъ о завладѣніи грунтовъ попомъ,
якихъ годѣхъ; 5) чтобъ прислали сюда Товкача Николая и еще
двоихъ къ пятницѣ; 6) чтобъ съ ними прислали ревизію людей
крис. Думитрашкову, 7) чтобъ винницѣ на 9 казановъ неподов-
шувалъ впередъ, а буде подовшавъ, чтобъ увѣдомилъ; 8) о горѣлцѣ
еколко куєль увѣдомить и пробу прислатъ и чтобъ пїниая била—смот-
рѣть; 9) дранѣ зъ 500 въ Тулиг. прислатъ и людей сюда до
греблѣ 10 подводъ. Обѣдалисмо зъ родителкою въ дому, а по
обѣдѣ ездилемъ до п. Михайла и съ нимъ и Валкевичемъ у карти,
у шинцъ-шинапъ-шнуръ базилеръ играли и у столу гетманскаго
вечерали. Федоръ Зaborовскій писалъ ко мнѣ писмо, до которого
отписалъ и Theologim Buddei послалъ на прочитанне

Нѣсколко день, якъ захоровалъ на очи, первей быль ячмѣнецъ, а послѣ стали играть очи.

Вовтор. 31. День хмарний, мокроватий, тихій, зъ вечора дожъ и въ ночѣ, а около полночи пересталь ити и випогодилось, и вияснилось зъ сухимъ воздухомъ и морозомъ. Сего дня обѣдалисмо многіе зъ вишихъ и знатнихъ у Радищева и подпіахомъ; а генералъ за привлючившою болезнію генералішъ не бильт, до котрого по обѣдѣ гетманова поехала посѣщать.

М-ць ноєврій. Середа. 1. День быль почаси хмарній, вѣтряний, почаси жъ, а особливо къ вечеру; ночь хмарна зъ болшимъ вѣтромъ и между тимъ ясна, къ свѣту хмарна безъ морозу, зъ мокримъ раствореніемъ. Ездилемъ рано до млина Родіоновскаго, где засталъ по прежнему жъ пшеницѣ 4, гречки 2 полубочки, а жита въ скринѣ зъ четверть да въ кадѣ зъ четверть. Оттуду поехавши засталъ въ дворѣ гетманскомъ на обѣдѣ и обѣдалъ, а по обѣдѣ поехалъ въ Сварковъ и тамъ ночовалъ.

Четвер. 2. День быль хмарній и передъ обѣдомъ градъ зъ дощикомъ двома рази находилъ, почаси вѣтрянъ быль, мокроватого растворенія воздухъ; ночь такова жъ, а къ свѣту морозъ и сухій воздухъ. Обѣдалъ я у Сварковъ, а по обѣдѣ поехалъ до футора и съ футора пріехалъ домой на ночь. У Сварковъ розмѣру на лицѣ было: кухва жита, полубочекъ гречки я полполубочки овса, и тутъ теслѣ начали замощувать у млинѣ и скриню на розмѣръ направлять. Люде сварковци, посильніє на линѣю, повернулись зъ линѣи въ доми свои и даванного имъ коня, возъ и козанокъ отдали.

Пятое, 3. День быль вѣтрянъ почаси, велими холоденъ, сухого воздуха, хмаренъ; ночь хмарна, а зъ полночи свѣтла, холоднѣйша зъ такимъ морозомъ, что ставъ здешній глуховскій въ первое стявъся. Нигде небывалъ, а п. Михайло отъ генерала заездилъ ко мнѣ. Писмо отъ Ханенка получилъ, что арапе и картузу (табаку?) привезетъ.

Субота. 4. День были свѣтлій, тихій, холодній, ночь такова жъ. Сего дня обѣдалисмо въ дому зъ родителми, а у вечеру ходилъ у бани и кровъ банками пускалъ, да пявками, зашкурную. Зъ

Конономъ, шинкаремъ сестри полковници Толстой, сторжился за грунтъ его Сварковскій, дворъ зъ огородомъ и другимъ плацомъ и зъ полемъ во всѣхъ трохъ рукахъ, за 15 р. и денегъ дали ему 10 р., а 5 р. дадѣмъ, когда урадовая купчая виданна будетъ.

Неделя. 5. День былъ похмурий отъ великого иною и очинъ холодний стужею до рождественскихъ морозовъ равняючайся, къ вечеру мало отпустило, а ночь подобна дневи была въ стужѣ. На службѣ былъ у енералской церкви и тамъ обѣдалъ и дновалъ. Подполковникъ Никифоръ Ивановъ сынъ Лвовъ по указу поехалъ зъ Глухова въ Москву. Родитель зъ маткою и жена мои обѣдали у п. Кондзеровскаго на пастовнику, для того, что онъ своего кравца на дѣвцѣ жениль.

Понедел. 6. День былъ и ночь подобніе во всемъ вchorайшимъ и ставъ скрѣпился. Въ дому билъ и некуда не ездилъ за грудою.

Вовтор. 7. День и ночь были подобніе прежнимъ, а по ставу и я людомъ ходилъ. Обѣдали генераль и проч., п. Михайлъ и я, у подполковника Жураховскаго, для завтрайшихъ его именинъ. Зъ футоря Гамал. привезли сюда 2 мѣри проса и овецъ 24, а Климъ пишетъ, что хлѣба зъ поля зято жита копъ 23, проса 75, гречки 45, гороху 29, конопель копъ 5, сѣна уробили скиртъ 34 и полъ, а такъ—рочного 4 скирти, пшеницѣ копъ 10 и пол., ячменю копъ 39, овса копъ 35, а на пришлий 1733 годъ висѣяли жита четвер. ромен. 15. На Веригинѣ пожаръ билъ рано и овина згорѣла.

Середа. 8. День былъ и ночь подобніе во всемъ прежнимъ. Сего дня билъ въ городѣ пѣши и обѣдалъ у столу гетманскаго, а по обѣдѣ играли въ карти у п. Михайла, зъ вигрошомъ моимъ, и отъ него пѣши зъ сотникомъ воронежскимъ Холодовичемъ прійшли людомъ. Копачамъ, что ями пашеніе въ футорѣ Колюжновскому копаютъ, заплатилъ черезъ дворника Семена первымъ разомъ 20 к., а теперъ 60.

Четвер. 9. День рано былъ мало зъ отлигою и зъ маленкимъ снѣжкомъ, однако же холоденъ, ночь такъ же хмарна, однако же холодна, но зъ нѣкоторою отлигою. Сего дня рано ходиль пѣши черезъ ставъ, до гетманскаго двору, где и обѣдалъ, а по обѣдѣ игралисмо

въ карти зъ проиграшемъ моимъ. Посланъ въ Ериски шинкаръ бѣлоцоловскій, чтобы висилаль Товкаченка, Товкача и чтобы бересту на оббитте ямъ купить.

Пятокъ. 10. День былъ и ночь подобніе вчорайшимъ, безъ саѣгу. Сего дня опредѣленіе въ судѣ енер. закрѣплено: шевца моего перепросить сварковскаго въ присутствіи бѣглого крестьянина Шереметева. Пріѣхали Товкачъ да Миколай зъ Ерисюкъ и привезли писмо отъ старости, въ якомъ обявляеть, что гор. теперь тамъ ю кує. Ивану Фурсѣ теслѣ, на отработокъ теселскою работою, на чверть дано 2 р.

Субота, 11. День былъ и ночь хмарніе, холодніе, маловѣтряніе, въ день снѣжокъ проривался, а потомъ вскорѣ пересталъ. Сего дня былъ на службѣ у церкви Веригинской и обѣдалъ въ дому, и кровъ банками пускалъ зъ потилицѣ. Староста пишетъ, что прислали 6 курчатъ, да что на Товкачу показуются денги подчасъ збору провіантowego на себе удержаніе, также подъ часъ роздачи на жито моихъ денегъ, утаенніе. Братъ Марко писалъ зъ Ромна, что полковникъ Нарвскаго полку баронъ Креніертъ наехавши въ Ромнѣ на домъ родителскій, позанималъ изби въ свою квартеру, а где братовая Семенова, тамъ вмѣсто караулнѣ драгунъ поставилъ, которіи оную перестрашили, въ чёмъ родитель человѣтствовалъ до гетмана и гетманъ писалъ о сѣмъ до генерала Вейзбаха, и писмо то послано въ Ромнѣ. (*За симъ слѣдуетъ рецептъ.*)

Неделя. 12. День былъ и ночь во всемъ зъ вчорайшими еходніе, воздуха сухого, хмарніе, холодніе. Сего дня у Паска банкетъ былъ, гдѣ гетманъ, (опрочь генерала Нарвскага захороненаго) Радищевъ, Кишкинъ, старшина енер. и п. Михаило и я били, и подшіякомъ зѣло.

Понедел. 13. День былъ и ночь подобніе вчорайшимъ и прежнимъ. Сторжился я зъ ковалемъ здешнимъ глуховскимъ дѣлать ему веретено, рихви и чопи до нового млина сварковскаго за 30 а., и взялъ на тое батоговъ 21. Банкетъ былъ у нась, обѣдали гетманъ, Радищевъ, Пасекъ, Борзна, Кишкинъ, Турковскій

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА „КИЕВСКОЙ СТАРИНЫ”¹⁾.

А.

А. А. Андріевский. Комиссія 1749 года для разбора взаимныхъ претензій татаръ и запорожцевъ. (Брошюра·отискъ), стр. 1—23. Цѣна 20 к.

А. Андріевский. Изъ жизни Киева въ XVIII вѣкѣ (архивный замѣткі). Киевъ 1894 г., стр. 1—120. Цѣна 75 к.

А. Андріевский. Войтовство Ивана Сычевскаго въ Киевѣ. 1754—1766 года. Киевъ 1891 г., стр. 1—102. Цѣна 50 к.

А. Андріевский. Русские конфиденты въ Турции и въ Крыму въ 1765—1768 г.г. Киевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 50 к.

А. Андріевский. Реляціи Киевскаго генераль-губернатора за 1768 и 1769 г.г. Киевъ 1892 г., стр. 1—139. Цѣна 50 к.

А. Андріевский. Материалы по истории Запорожья и пограничныхъ отношеній. (1743—1767). Одесса 1893 г., стр. 1—220. Цѣна 1 р.

* **А. Андріевский.** Василій Андреевичъ Жуковскій. Издание Киевской комиссіи народныхъ членій. Киевъ 1892 г., стр. 1—20. Цѣна 8 к.

* **А. Андріевский.** Первый русскій книгопечатникъ. Издание Киевской комиссіи народныхъ членій. Киевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

* **А. Андріевский.** Крымъ и Крымскіе татары. Издание Киевской комиссіи народныхъ членій. Киевъ 1892 г., стр. 1—34. Цѣна 10 к.

В. Антоновичъ. Грановщина (эпизодъ изъ истории Брацлавской Украины) (Брошюра·отискъ), стр. 1—19. Цѣна 15 к.

Вл. Антоновичъ и М. Драгомановъ. Историческая пѣсня малорусского народа. Томъ первый. Киевъ 1874 г. I—XXIV; 1—336 стр. Ц. 1 р. 50 к. Томъ второй. Вып. I. Киевъ 1875 г., стр. I—XI+1—166. Цѣна 80 к.

* **В. Б. Антоновичъ.** Археологическая карта киевской губерніи. (Приложение

къ XV т. „Древности“). Издание Московскаго Императорскаго Археологического Общества. Москва 1895 г., стр. 1—139 + Указатель имѣнь географическихъ и предметныхъ (стр. 1—20)+ карта. Цѣна 3 р.

* **В. Б. Антоновичъ.** Монографія по исторіи Западной и Юго-западной Россіи. Томъ I. Киевъ 1885 г., стр. 1—450. Цѣна 2 р.

* **В. Б. Антоновичъ.** По вопросу объ уничтоженіи Ярославова вала. Киевъ 1895 г., стр. 1—21. Цѣна 20 к.

А-ръ. Григорій Федоровичъ Квітка (Основ'яненко). Біографіческий очеркъ. Ізд. 2-ое. Київъ 1885 г., стр. 1—32. Цѣна 15 к.

* **А. Т. Добра душа.** Оповідання. У Чернігові 1895 г., стр. 1—34. Цѣна 5 к.

Б.

Д. И. Багалтъ. Колонизация Новороссійского края и первые шаги его по пути культуры. Київъ 1889 г., стр. 1—115. Цѣна 75 к.

Ганна Барвінонъ Молотники. (Бытъ въ разсказѣ), Київъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 20 к.

С. А. Бершадский. Аврамъ Езофовичъ Ребиковичъ, подскарбій земскій, членъ Рады Вел. Кн. Литовскаго. Київъ 1888 г., стр. 1—157. Цѣна 75 к.

Бібліографіческий указатель „Киевской Старинѣ“ за первое десятилѣтіе (1882—1891 г.г.). Київъ 1892 г., стр. 1—108. Цѣна 75 к.

Александъ Билоусенко. Батькивъ грихъ. Оповідання. Київъ 1895 г., стр. 1—44. Цѣна 8 к.

Левко Боровицький. Байки и прибаютки. Київъ 1852 г., стр 1—XII+13—118. Цѣна 75 к.

¹⁾ Вновь поступившія въ Складъ книги обозначены звездочкой (*).

* **Николай Бѣляшевский.** Монетные клады кіевской губерніи. Кіевъ 1889 г., стр. 1—143. Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкой 1 р. 50 к.

В.

А. Веселовский. Воспоминанія об А. А. Котляревскомъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

* **Вирна пара та інше.** У Чернигови 1895 г., 1—55. Цѣна 8 к.

М. Владими́рский-Буда́новъ. Передвижение южно-русского населения въ эпоху Богдана Хмельницкаго. Кіевъ 1883 г., стр. 1—38. Цѣна 30 к.

В. М. Свадебныя пѣсни въ Лубенскомъ уѣздѣ. Кіевъ 1890 г., стр. 1—64. Цѣна 40 к.

Марко Вовчонъ. Викунь. Оповідання С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—18. Цѣна 5 к.

Марко Вовчонъ. Ледащиця. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—26. Цѣна 5 к.

* **Марко Вовчонъ.** Сестра. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—30. Цѣна 5 к.

А. Востоковъ. Полтавскій полковникъ Иванъ Чернякъ (Брошюра-оттискъ), стр. 1—17. Цѣна 15 к.

А. Востоковъ Нѣжинская Рада 1663 года (Брошюра-оттискъ), стр. 1—15. Цѣна 15 к.

В. Ю. Рѣчь кн. Н. Г. Рѣпнина и дѣло объ ея напечатаніи. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—8. Цѣна 10 к.

Г.

Ол. Гаврышъ. Царина-русланка. Казака. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Н. Гамалія. Земля и люде въ Россії: I. Цивінчий Ледовий Океанъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

Н. Гамалія. Земля и люде въ Россії: II. Мезенська тундра. Кіевъ 1883 г., стр. 1—8. Цѣна 5 к.

Н. Гамалія. Земля и люде въ Россії: III. Лисова полоса Россії. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

Н. Гамалія. Земля и люде въ Россії: IV. Сторона великихъ озеръ. Петербуржъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—23. Цѣна 15 к.

Н. Гамалія. Земля и люде въ Россії: V. Билоруссия и Литва. Кіевъ 1883 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Н. Гамалія. Земля и люде въ Россії: VI. Кавказъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—39. Цѣна 10 к.

Л. Я. Глобовъ. До мирового! Жартъ въ 1 дн. С.-Петербургъ 1891 г., стр. 1—39. Цѣна 15 к.

П. Голубовскій. Болгары и Хозары, восточные союзники Руси при Владиміре Св. Кіевъ 1888 г., стр. 1—43. Цѣна 30 к.

* **Данило Гордіенко.** 1) Кумъ-ханъ. 2) Пригода у повидль. 3) Петро Мирошниченко. Оповідання. У Чернигови 1885 г., стр. 1—25. Цѣна 3 к.

Граматка. С.-Петербургъ 1857 г., стр. 1—149. Цѣна 50 к.

* **Б. Грінченко.** Книга казокъ виршомъ. Одесса 1893 г., стр. 1—107. Цѣна 15 к.

* **Борись Грінченко.** (В. Чайченко). Байки. У Чернигови 1895 г., стр. 1—80. Цѣна 15 к.

* **Б. Д. Грінченко.** Писни та думы. Книжка перша и друга. У Чернигови 1895 г., стр. 1—66. Цѣна 50 к.

* **Б. Д. Грінченко.** Этнографические материалы, собранные въ Черниговской и съсѣднихъ станицъ губерніяхъ. Выпускъ 1. Рассказы, сказки, преданія, пословицы, загадки и пр. Черниговъ 1895 г., стр. 1—300. Цѣна 1 р. 50 к.

П. П. Гуланъ-Артековскій. Сочиненія. Кіевъ 1888 г., стр. 1—26. Цѣна 25 к.

Д.

Дневникъ генерального подскарбія Якова Марковича. Издание подъ редакціей А. Лазаревскаго. Часть 1-ая (1718—1725 годы). Кіевъ 1893 г., стр. I—XVI+1—329. Цѣна 2 р.

То же. Часть 2-ая (1726—1729 годы). Кіевъ 1895 г., стр. I—II+1—342. Цѣна 2 р.

Е.

А. Ефименко. Очерки истории Правобережной Украины. Кіевъ 1895 г., стр. 1—174. Цѣна 1 р. 25 к.

А. Ефименко. Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—21. Цѣна 20 к.

А. Ефименко. Вѣдствія Евреевъ въ Южной Руси въ XVII вѣкѣ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

П. Ефименко. Экономическая замѣтки о старинѣ и материалахъ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Ж.

* **Жизнь струны.** Збирникъ писень. У Чернигови 1895 г., стр. 1—109. Цѣна 12 к.

З.

Петро Забоцень. Гордовита пара. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—15. Цѣна 3 к.

И.

А. Иванов. Розмова про земні сиди. Переявлена на українську мову М. Комаров. Книжка друга (з малюнками) Київъ 1885 г., стр. 1—91. Цѣна 15 к.

К.

Панько Казюка. Січові гості. Чуприна и Чортогуст. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—27. Цѣна 5 к.

И. Наманинъ. Послѣдніе годы самоуправления Киева по Магдебургскому праву. Київъ 1888 г., стр. 1—91. Цѣна 50 к.

И. Наманинъ. Киевляне и Богданъ Хмельницкій въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Київъ 1888 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Каталогъ предметовъ малорусской старины и рѣдкостей коллекціи В. В. Тарновскаго. Вып. 1-ый. Шевченко. Київъ 1893 г., стр. 1—14.

М. Кононенко. Зъ Богомъ не змагайтесь. Казка. Київъ 1895 г., стр. 1—39. Цѣна 7 к.

* **Михайло Коцюбинський.** Шатизлотинъ. Оповідання. У Чернігові. 1895 г., стр. 1—18. Цѣна 3 к.

* **М. Коцюбинський.** 1) Харыта 2) Ялінка 3) Маненкій гришникъ. Оповідання. У Чернігові 1895 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

Петро Кузьменко. Не такъ ждалося, да такъ склалося. Оновідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

П. Кулешъ. Григорій Квитка (Основиленко) и его повисти. Слово на новый виходъ Квитчанихъ повистей. С.-Петербургъ 1858 г., стр. I—XXXVI. Цѣна 25 к.

П. Кулишъ. Записки о Южной Руси. Томъ второй. С.-Петербургъ 1857 г. стр. 1—354. Цѣна 2 р. 50 к.

Л.

А. Лазаревский. Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управления. Томъ 1-ый: Полкъ Стародубскій. Київъ 1889 г., стр. I—XVI+I—407+I—XXX. Цѣна 3 р.

То же. Томъ II-й: Полкъ Нѣжинскій. Київъ 1893 г., стр. I—IV+I—521+I—XXV. Цѣна 3 р. 50 к.

Александръ Степановичъ Лашкевичъ (некрологъ). Київъ 1889 г., стр. 1—12—портретъ. Цѣна 15 к.

О. И. Левицкій. Ганна Монтговтъ. Историко-бытовой очеркъ изъ жизни во-

лышского дворянства въ XVI вѣкѣ, Київъ 1868 г., стр. 1—69. Цѣна 40 к.

Архимандрітъ Леонідъ Нѣсколько новихъ замѣткій къ нашей статьѣ: "Откуда родомъ была Св. Великая Княгиня Ольга." По поводу статьи И. И. Малышевскаго. "О происхождении Великой Княгини русской Ольги Св." Київъ 1889 г., стр. 1—8. Цѣна 10 к.

М. Лисенко. Молодоші. Збірникъ танківъ та веснянокъ. Київъ 1875 г., стр. 1—10. Цѣна 1 р. 20 к.

Листи съ хутора. Листъ V. Хто такой хуторянинъ. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

И. Луцицкій. По поводу Дрогичинскихъ древностей. Замѣтка къ исторіи торговыхъ сношеній Гализы съ сѣверо-западной и южной Русью. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—32. Цѣна 50 к.

И. Луцицкій. Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи до революціи и продажѣ національныхъ имуществъ. (Отчетъ о командировкѣ за границу). Київъ 1894 г., стр. 1—42. Цѣна 50 к.

И. Луцицкій. Рабство и русские рабы во Флоренціи въ XIV и XV в. в. Київъ 1886 г., стр. 1—56. Цѣна 50 к.

И. Луцицкій. Земледѣліе и земледѣльческие классы въ современной Италии (Брошюра-оттискъ), стр. 1—32. Цѣна 50 к.

И. Луцицкій. Очерки по экономической исторіи Западной Европы. I. Вопросъ о населености германскихъ городовъ въ XIV—XV в. в. Київъ 1893 г., стр. 1—64. Цѣна 50 к.

То же: II. Рабочее населеніе и экономическая политика германскихъ городовъ въ XV и XVI в. в. Київъ 1894 г., стр. 1—47. Цѣна 50 к.

И. Луцицкій. Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ XVII в. Київъ 1894 г., стр. 1—271. Цѣна 2 р.

М.

Малоруссіе домашніе лѣчебники XVIII в. Съ предисловіемъ А. А. Потебни. Київъ 1890 г., стр. I—IV+1—59. Цѣна 40 к.

* **И. Мельникъ.** Каталогъ коллекціи древностій А. Н. Поль въ Екатеринославѣ. Выпускъ I. Київъ 1893 г., стр. 1—219+Географический указатель (стр. 1—217)+14 таблицъ рисунковъ. Цѣна 3 р. 50 к.

Панасъ Мирный. Збираница зъ ридного поля. Приповистки, оповідання и драматичніи творы. Київъ 1886 г., стр. 1—124. Цѣна 50 к.

Панасъ Мирный. Черемудрый. Комедія въ п'ятьти справахъ. Кіевъ 1886 г., стр. 1—214. Цѣна 75 к.

Н. Михальчукъ. Къ южно-русской діалектологіи (А. И. Соболевский. „Очеркъ русской діалектологіи. III. Малорусское нарѣчіе.“) (Брошюра-оттискъ), Кіевъ 1893 г., стр. 1—35. Цѣна 20 к.

О. Мищенко. Г. П. Галаганъ (некрологъ). Кіевъ 1888 г., стр. 1—22. Цѣна 20 к.

Данило Мордовцовъ. Салдатка. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—26. Цѣна 5 к.

Н.

Наизы малороссийскимъ депутатамъ 1767 года и акты о выборахъ депутатовъ въ коміссію сочиненія Уложенія. Кіевъ 1889 г., стр. 1—292+I—ХХ. Цѣна 1 р.

В. Науменко. Александръ Федоровичъ Кистяковскій (Біографіческий очеркъ съ отрывкомъ изъ рукописной автобіографіи его) Кіевъ 1895 г., стр. 1—43+портретъ. Цѣна 30 к.

В. Науменко. Отечественный языкъ, какъ предметъ гімназического курса. (Рѣчъ, читанная на торжественномъ актѣ Кіевской 2-ой Гімназіи). Кіевъ 1881 г., стр. 1—26. Цѣна 20 к.

В. Науменко. Примѣрная программа преподаванія русскаго языка въ низшихъ классахъ гімназіи. Кіевъ 1894 г., стр. 1—31. Цѣна 20 к.

В. Науменко. Александръ Алексѣевичъ Корсунъ (Некрологъ). Брошюра-оттискъ, стр. 450—461. Цѣна 10 к.

В. Науменко. Къ литературѣ рожденіи-стенскихъ и пасхальныхъ вицъ. Брошюра-оттискъ, стр. 1—12. Цѣна 10 к.

В. Науменко. О задачахъ преподавания отечественной словесности. Рѣчъ на торжественномъ актѣ Кіевской 2-ой Гімназіи. Кіевъ 1888 г., стр. 1—16. Цѣна 15 к.

В. Науменко. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. Кіевъ 1889 г., стр. 1—90. Цѣна 60 к.

В. Науменко. Къ пятидесятилѣтію со дня смерти Ивана Петровича Котляревскаго. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

В. Науменко. Къ пятидесятилѣтію со дня кончины Григорія Федоровича Квитки-Основьяненка: 1) Біографический очеркъ. 2) Квитка, какъ малорусский писатель, передъ судомъ критики. Съ портретомъ. Кіевъ 1893 г., стр. 1—59. Цѣна 50 к.

Ф. Николайчинъ. Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1625 г. и мѣсто заключенія Крюковскаго договора. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—18. Цѣна 15 к.

Ф. Николайчинъ. Отголосокъ лирическаго языка. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—10. Цѣна 10 к.

М. Нонос. Українські приказки, присвята и таке інше. Збірники О. В. Марковича и другихъ. С.-Петербургъ 1865 г., стр. I—VII+1—304+I—XVII. Цѣна 2 р.

Н. О. Бунтъ Сквицкаго магістрата. Кіевъ 1888 г., стр. 1—50. Цѣна 35 к.

II.

Н. Петровъ. Къ исторіи колонізаціи Слободской Украины. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

П. Л. Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены Св. Равноапостольный князь Владимиръ и Св. княгиня Ольга, и имѣемъ ли мы ихъ подлинныя изображенія? Кіевъ 1888 г., стр. 1—6. Цѣна 10 к.

Про карти, до якихъ присуждаютъ мирові судді. Кіевъ 1856 г., стр. 1—35. Цѣна 12 к.

Про холеру. Кіевъ 1875 г., стр. 1—48. Цѣна 7 к.

Р.

П. З. Р—а. 1) Чорноморци у неволи. 2) Якъ чоловікъ конемъ бувъ. 3) Уласъ Шавленко. Три оповідання. У Черниговъ 1895 г., стр. 1—30. Цѣна 5 к.

Рада. Український Альманахъ на 1883 рокъ. Частина перша. Видання М. Старницкого. Кіевъ 1883 г., стр. 1—470. Цѣна 2 р.

Р. Л. Н. Порча українскихъ народныхъ пісень. Кіевъ 1893 г., стр. 1—15. Цѣна 15 к.

Одарика Романова. 1) Черствый пирожокъ. Казка. 2) Сватання Мороза. Зимня казочка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—26. Цѣна 10 к.

Одарика Романова. Ивашико. Кіевъ 1895 г., стр. 1—38. Цѣна 10 к.

Одарика Романова. Якъ мене Мати Божа оіть гриха одвела. Правдыве оповідання. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 10 к.

А. Романовичъ-Славатинскій. Воспомінанія объ архівѣ Государственного Собійства. Кіевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 15 к.

И. Я. Рудченко. Чумадція народныхъ пісень. Кіевъ 1874 г., стр. I—XIII+1—257+3 таблицы нотъ. Цѣна 1 р. 30 к.

А. Русовъ. Матеріали для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные Чернигов-

скимъ статистическимъ отдѣломъ при губернской земской управѣ. Т. XV. Кропивницкій уѣздъ. Рецензія (Брошюра—оттискъ), стр. 1—13. Цѣна 10 к.

С.

Владимиръ Самойленко Зъ его поэзії. Частина перша. Кіевъ 1890 г., стр. 1—47. Цѣна 20 к.

Степъ. Херсонський беллетристичный сбірникъ. Херсонъ 1883 г., С.-Петербургъ 1886 г., стр. 1—591. Цѣна 1 р. 25 к.

В Н Сторонеевъ. Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII вѣка. (Брошюра—оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

Н. И. Стороженко. Первые четыре года ссылки Шевченка. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

А. В. Стороженко. Леонардъ Совинский. (Опытъ посмертной характеристики.) Кіевъ 1888 г., стр. 1—29. Цѣна 25 к.

Олекса Стороженко Закоханый чортъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—34. Цѣна 7 к.

Олекса Стороженко. Вчи лінівого не молотомъ, а голодомъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—8. Цѣна 2 к.

Олекса Стороженко. Се така баба, що ій чортъ на маховихъ вилахъ чоботы огдававъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—10. Цѣна 3 к.

Олекса Стороженко. Якъ Богъ дастъ, то и въ вікно подастъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

Н. Ф. Сумцовъ. Исторический очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ Южную и Западную Россію Григоріанскій календарь. Кіевъ 1888 г., стр. 1—38. Цѣна 25 к.

Н. Ф. Сумцовъ. Станиславъ Орѣховскій. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

* **С.Ф. Кр.** Особенности статистического изслѣдованія курской губерніи. (Брошюра—оттискъ), стр. 1—31. Цѣна 20 к.

* **И. Слѣпушкинъ.** О томъ, какъ Богданъ Хмельницкій освободилъ Україну отъ польской неволи. Изданіе четвертвого коммісії пародныхъ чтений. Кіевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 15 к.

* **Сборникъ** въ пользу педагогическихъ студентовъ Университета. Св. Владимира. С.-Петербургъ 1895 г., стр. 1—30. Цѣна 2 р.

Т.

Іванъ Тарасенко. На Вкраїні. Вирши, писни и пересниви. Кіевъ 1889 г., стр. 1—79. Цѣна 40 к.

Ів. Теличенко. Протестъ слободской старшини и козаковъ противъ реформы 1765 г. (Брошюра—оттискъ), стр. 1—27. Цѣна 20 к.

Ф.

Осип. Федькович. Повісті. З переднімъ словомъ про галицко-руське письменство. Мих. Драгоманова. Кіевъ 1876 г., стр. I—LVI+1—96. Цѣна 1 р.

Ч.

Грыцько Чулай Оповідання: 1) Якъ я шершнівъ зъ груши викурювавъ. 2) Якъ я роя вагонувавъ. 3) Божій попустъ. Кіевъ 1891 г., стр. 1—36. Цѣна 10 к.

В. Чайченко. Робінзонъ. Кіевъ 1891 г., стр. 1—63. Цѣна 15 к.

* **В. Чайченко.** 1) Піццаль. 2) Панько. Два оповідання. У Чернігови. 1894 г., стр. 1—28. Цѣна 3 к.

* **В. Чайченко.** Батько та дочка. Оповідання про те, якъ чоловикови підъ землею въ шахти працювали. У Чернігови 1894 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

* **В. Чайченко.** Робінзонъ. Оповідання. Вдруге видано зъ додатками та зъ вправами. У Чернігови 1894 г., стр. 1—87. Цѣна 10 к.

III.

Т. Г. Шевченко. Тополя. Кіевъ 1891 г., стр. 1—14. Цѣна 3 к.

Тарасъ Шевченко. Переображенія. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—6. Цѣна 2 к.

III.

* **В. Щербина.** Новые матеріали для исторіи Руси Литовской и Московской въ концѣ XVI столѣтія. (Рецензія) (Брошюра оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

* **В. Щербина.** Три Шелеста. (Ізъ исторіи Колевщины). (Брошюра—оттискъ). 1—8. Цѣна 10 к.

* **В. Щербина.** Готлибъ — Самуиль Трейеръ и его сочиненія по исторіи Московского государства. (Брошюра—оттискъ). Кіевъ 1895 г., стр. 1—19. Цѣна 15 к.

* **В. Щербина.** Ізъ семійного архива. 1) Записки Андрея Петровича Рудниковскаго (1796—1874). 2) Стихотворенія Евстафія Петровича Рудниковскаго (1784—1851). Кіевъ 1892 г., стр. 1—117. Цѣна 75 к.

ІI.

Мструбець. Про звірів (по Брему)
Мясоїди або хижі звірі. І. Ведмедь.
Київъ 1876 г., стр. 1—36. Цѣна 10 к.

Хр. Ящуриницій. Херсонесъ во время
крещенія въ иемъ Св. Владимира и даль-
нейшая судьба города. Київъ 1963 г.,
стр. 1—10. Цѣна 10 к.

О Т Ъ Р ЕДАКЦИИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельные изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристиекъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народного быта или служить проявленіемъ народного творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Бібліографическая свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаются критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусского народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежать, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

МАРТЬ

1896 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайлівск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

СТР.

I. ПИСЬМА ПРОТОИЕРЕЯ АРСЕНИЯ ЛЕБЕДИНЦЕВА, БЛАГОЧИННОГО ЦЕРКВЕЙ ЮЖНОГО БЕРЕГА КРЫМА, КЪ ПРЕОСВЯЩЕННОМУ ИННОКЕНТИЮ, АРХИЕПИСКОПУ ХЕРСОНСКОМУ И ТАВРИЧЕСКОМУ, СЪ ДОНЕСЕНИЯМИ О ХОДѢ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ И СОСТОЯНИИ ЦЕРКВЕЙ И ДУХОВЕНСТВА ВО ВРЕМЯ 11-ТИМѢСЯЧНОЙ ОСАДЫ СЕВАСТОПОЛА. (<i>Продолжение следуетъ</i>)	263 — 288
II. СВАДЬБА ВЪ ДЕРЕВНѢ И. Стриневскаго	289 — 308
III. ИЗЪ БЫТА СТУДЕНТОВЪ СТАРОЙ КИЕВСКОЙ АКАДЕМИИ. Д. Вишневскаго. (<i>Окончаніе</i>)	309 — 333
IV. ЛУБЕНІЦІА И КНЯЗЬЯ ВІШНЕВЕЦЬКІЕ. Ал. Лазаревскаго.	334 — 357
V. ВОСПОМИНАНІЯ О ФІРМѣ БРАТЬЕВЪ ЯХІЕНКО И СИМІРЕНКО. П. Клебановскаго	358 — 377
VI. АФЛАНСІЙ ЗАРУЦКІЙ, МАЛОРОССІЙ ПАНЕГІРИСТЪ КОНЦА XVII И НАЧАЛА XVIII СТ. Ор. Левицкаго.	378 — 398

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ. а) Лирики Ва- силій Морозъ. Сообщ. Е. Чикаленко. б) Записка о состоя- нії Подолія въ 1843 году. Мирона. в) Г. Ф. Квитка, какъ сотрудникъ Современника. А. Л. г) Списокъ докторовъ мед- ицины изъ малороссій, практиковавшихъ въ Россіи въ XVIII столѣтії. Гл. Л. д) По поводу постановки памятника на зъ- могилѣ И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ. е) Объявленія о подискѣ на памятникъ И. П. Котляревскому.	79 — 106
II. БІБЛІОГРАФІЯ. а) В. А. Мякотинъ Крестьянское землевла- дѣніе въ полтавскомъ уѣздѣ въ 1767 году. (Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ университета св. Владимира, подъ редакціей профессоровъ П. В. Лучицкаго и Н. И. Ка- р'єва. Ник. Басиленко. б) Харьковскій Колледжумъ до пре- образованія его въ 1817 году. Священика Н. Стelleцкаго. Ѳ. Титова. в) В. Антоновича «Археологическая карта кіев- ской губерніи» (приложеніе въ XV т. «Древности»), изд. Имп. Московск. Археологич. Общ. Н. Б. г) В. Б. Антоно- вичъ. Археологическая карта кіевской губерніи. (Приложеніе къ XV т. «Древности»). Изданіе Императорскаго Московск. Археологического Общества. П. Г.	107 — 134
КАТАЛОГЪ КНИЖНОГО СКЛАДА «КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ» (въ концѣ книги).	1 — 6
III. ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Дневникъ генерального подскарбія Якова Марковича. Часть третья. (241 — 256,	

Дозволено цензурою Кіевъ 5 марта 1896 года.

Письма протоиерея Арсения Лебединцева, б. благочинного церквей южного берега Крыма, къ преосвященному Иннокентию, архиепископу Херсонскому и Таврическому, съ донесеніями о ходѣ военныхъ дѣйствій и состояніи церквей и духовенства во время 11-ти мѣсячной осады Севастополя¹⁾.

Письмо 12-е.

У насъ дождь и слякоть—днемъ и почью, при южномъ вѣтрѣ. Мож. быть, и поэтому противъ непріятелей ничего не предпринимаютъ. Противъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ идутъ у непріятелей работы, батареи дѣйствуютъ, не тратя впрочемъ снарядовъ напрасно. Непріятельская батареи больше молчатъ. Сегодня утромъ очень удачно открыть былъ огонь съ 4 бастіона по фрапп. траншѣ. Стоны и крикъ раненыхъ даже слышны были на бастіонѣ нашемъ. Въ этомъ пунктѣ франц. траншея только въ 60 саж. отъ нашего бастіона. Все заставляетъ ожидать штурма. Толки обѣ этомъ у насъ разные. Думаютъ, что этотъ штурмъ долженъ быть сдѣланъ только для примѣра, чтобы сказать потомъ, что ими все сдѣлано, что только нужно было предпринять для взятія Севастополя; въ самомъ же дѣлѣ мысли непріятелей на обратномъ пути во-своили. Впрочемъ, для этого мало пароходовъ, которыхъ большая часть въ разбродѣ. Кораблей же 9 уведено въ Константинополь послѣ 5 окт., и 8 уведено туда же послѣ 2 нояб. Вообще же, судя по времени года, обратное плаваніе непріятельской крымской экспедиціи считаютъ столько же для ней опаснымъ и погибельнымъ, какъ и отчаянный штурмъ, на который бы они рѣшились. Еще полагаютъ,

¹⁾ См. „Кievsk. Star“ 1896 г., № 2.

что неіріатели ожидаютъ только разрѣшительныхъ дешевъ отъ своего правительства, чтобы поскорѣй пуститься во-своиси.— Морозовъ еще нѣтъ, но отъ самой сырости очень холодно. Неіріатели потребили на топливо всю растительность, и наконецъ нечѣмъ согрѣться. Теперь рѣдко еще замѣтенъ огонекъ въ лагерѣ, тогда какъ въ первые дни бывало сильное освѣщеніе.

Къ намъ еще идетъ 16 запасныхъ баталіоновъ, которые будутъ къ 20 нояб., и 24-ре grenадерскихъ баталіона.

Въ продовольствіи большой скудости не чувствуемъ. А малыя нужды не чувствительны при одномъ представлениі великаго времени, въ которое Господь поставилъ насъ.

Объ о. Геронтиѣ и монастырѣ нѣтъ и нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Не знаемъ, что и думать о ихъ положеніи.

Вчера возвратился домой преосв. митрополитъ Агаѳангель. Онъ здоровъ. На вопросъ мой: почему не ѿхали, напр., въ Корсунѣ? онъ отвѣчалъ, что старъ, могу заболѣть; а гдѣ тамъ взять медика? Притомъ глухъ, не буду слышать, что дѣлается.

5 нояб. козаки принесли изъ Херсонеса крестъ запрестольный и южную дверь, которая лежала на полатахъ. Въ церкви не нашли даже половъ, все разорено нечестивыми на топливо. Будь тамъ кто либо изъ братіи, мож. бытъ этого и не случилось. О. Сергій¹⁾ хотѣлъ остаться, но о. Василій²⁾ не позволилъ.

Кладбищная церковь, благодареніе Богу, еще въ совершенной цѣлости.

Болѣе ничего особеннаго нѣтъ. Выжидаютъ, наблюдаютъ, предполагаютъ—только въ настоящемъ послѣдніе дни видимъ и слышимъ. Усиливаютъ батареи и берутъ другія мѣры противъ ожидаемаго штурма.

Паче мысли всѣхъ сосредоточены въ надеждѣ на Бога.— Смиренійше благодарю; но мои труды, чувствуя, далеко менѣше Вашей милости и ходатайствуемой награды. Развѣ по слову: *идеже пріумножися ірпихъ, тамъ преизбыточествова благодати?*

¹⁾ Іеромонахъ.

²⁾ Тоже Іеромонахъ Херсовес. скита, его устроитель.

Говорятъ, что на нашей почтѣ письменная корреспонденція—приходящая и отходящая просматривается.

12 нояб. 1854 г. г. Севастополь.

Письмо 13-е.

13 ноября весь день былъ мокрый; съ полдня густой дождь. Слѣдствіемъ сего въ продолженіи всего дня ни однимъ выстрѣломъ не былъ нарушенъ рѣдкій нашъ покой. 14-е ноября весь день свѣтлый: непріятели наши, кажется, старались вознаградить опущеніе прошедшаго дня. Но больше теперь заняты работами, чѣмъ бомбардированіемъ, которое можно назвать не болѣе, какъ обороною отъ нашихъ батарей. 15-е и 16-е ноября дни пасмурные и мокрые, и опять непріятели ведутъ себя тише. Раненыхъ въ продолженіе дня бываетъ весьма мало: иногда всего два. Сегодня день пасмурный, вѣтеръ сѣверный, но еще не сильный; снѣга, а съ нимъ и зими, у насъ съ нетерпѣніемъ ожидаются. Въ приходѣ непріятельскихъ судовъ, кромѣ парохода и транспорта, не замѣчено. Отходятъ, или, м. б., передвигаются чаще. Сегодня съ Бельбекской стоянки спялось два большихъ корабля, такъ что теперь всего тамъ видно 7-мъ судовъ. Не собираются ли въ обратный путь?

Можно думать, что не предпримутъ ли чего противъ Севастополя завтра, или послѣ завтра. 18-го ноября день Синопской побѣды; о важности для насъ этого для непріятелямъ также извѣстно.

На сѣверной сторонѣ нашей устроены батареи, обращенные на городъ, въ случаѣ онъ могъ бы быть взятъ непріятелемъ. Хотя одна мысль о такой возможности страшна, но все же эта мѣра необходимая. Въ Инкерманѣ, выше киновіи, и у сѣверныхъ маяковъ тоже устроены батареи. Говорятъ, что о. Иннокентій¹⁾ выбрался изъ скалы въ домъ генеральши. Сообщеніе трудно; не могу знать этого навѣрно.

¹⁾ Еромонахъ Инкерманскаго скита.

14-го ноября, въ воскресенье, великие князья были въ обѣдни въ Михайловской церкви уже съ Георгіевскими крестами, полученными за 24-е октября. О другихъ наградахъ еще не слышно.

О. Николай Сиземскій опять отправляется чрезъ Бакчисарай въ Симферополь къ семейству. Онъ намѣренъ просить въ Бакчисараѣ преосвященнаго Поликарпа командировать его къ Симферопольскому собору, гдѣ есть праздное мѣсто. У насъ кружка почти пуста; служимъ ежедневно, но развѣ проходящіе солдаты или офицеры забѣгутъ въ церковь на время; нашъ же собственный приходъ выѣхалъ. Потому, хотя большой дорожній визны и нѣтъ, но мы вынуждены, съ разрѣшенія Вашего, пріѣхать къ вспоможенію церковному. Впрочемъ, все заставляетъ думать, что нашему горю скоро послѣдуетъ конецъ, и конецъ добрый.

Мы и сегодня (среда) не получили почты, которая обыкновенно приходитъ въ субботу.

Войска на прежнихъ позиціяхъ. Князь Меньшиковъ на пароходѣ „Громоносецъ“. Вчера послалъ какую-то бумагу Лорду Раглану. Великие князья квартиру имѣютъ по-прежнему на съверной сторонѣ.

Болѣе ничего особенного не знаю для сей почты.

Предаемъ себя въ волю Божію. Много могутъ о насъ Ваши святые молитвы, коихъ просимъ и на кои надѣемся.

Объ о. Геронтіѣ и доселѣ ничего не знаю.

17-е ноября 1854 г. г. Севастополь

Письмо 14-е

18 ноября прошло для насъ тихо и мирно, какъ нельзя лучше. О Синопской битвѣ ограничились только воспоминаніемъ, и кто могъ, обмѣнялся дружественными привѣтствіями; но веселія или празднества никакого, потому конечно, что непріятель подъ стѣнами.

Не весело и непріятелямъ отъ столь долгаго безуспѣшія и наступившихъ нелогодъ. Уже перебѣгаютъ къ намъ и англичане отъ крайней нужды, ими терпимой. Они, забывъ стыдъ, м. б.

рады и бросить своихъ друзей. Но двѣ франц. дивизіи, говорятъ, отодвинулись къ Балаклавѣ, именно для того, чтобы наблюдать за дѣйствіями искреннихъ союзниковъ. Французы отодвинули свои иностранные легіоны также потому, что изъ нихъ стали часто перебѣгать къ намъ. Въ непріятельскомъ лагерѣ, по показанію плѣнныхъ, очень много больныхъ и умираютъ отъ холеры и цынги. На вопросъ: отчего они теперь мало палаютъ? отвѣчали: „едва успѣемъ открыть огонь, какъ орудіе бываетъ подбито“. Начальство обѣщаетъ повести ихъ на штурмъ 10 дек. (по нашему 26 ноябр.); но мы, говорятъ, не вѣrimъ, ибо уже много разъ обѣщали. Вообще ропотъ въ войсکѣ и несогласіе между начальствомъ.

Спаслись изъ плѣна два солдата Бутырского полка. По ихъ словамъ, непріятели сильно окапываются потому, что ежеминутно ожидаютъ нашего нападенія.—Но со стороны нашей этого не будетъ. Кажется, ожидаютъ, что речеть о врагахъ Господь, и тогда ударятъ на нихъ. Довольно уже они убиты дождями и грязью, въ которой валяются, особенно въ траншеяхъ, гдѣ ихъ бываютъ весьма удачно. Что же будетъ, когда подуютъ сѣверные вѣтры, хотя на нѣсколько дней. Вчера и сегодня дождь; ночью тоже. Въ продолженіе всей ночи на 19 число была сильная пальба съ 4 и 5 бастіоновъ. Работы непріятельскія никакъ не могутъ идти впередъ.

Вообще надѣемся, что помошь наша отъ Господа скоро приидетъ.

Замѣчательны въ военное время игры мальчишекъ. Идемъ, кричатъ, на батарею. На улицѣ строятъ изъ камушковъ брустверъ, и затѣмъ начинаютъ бросать другъ въ друга грязью, случается, и камушкомъ. Мнимо убить или раненъ кто, кричатъ: „носилки“.

Оригинальнѣе было представлѣніе Синопскаго сраженія, вскорѣ послѣ того, какъ флотъ возвратился изъ Синопа. Собрались мальчишки 50, избрали място за корабельной слободой, раздѣлились на русскихъ и турокъ, избрали начальниковъ—Нахимова и Османа-Пашу, и вступили въ бой. Турки были разбиты, и ихъ вогнали въ городъ. Они скрылись въ ближайшій

дворъ, гдѣ не случилось никого въ домѣ. Нахимовцы хотѣли вполнѣ представить Синопскую картину и уже готовили пожаръ. Только перебили стекла и сожгли на 70 р. книгъ, принадлежавшихъ квартировавшему тамъ медику. Болѣе не успѣли; остановила полиція, въ которой обѣ этомъ происходили судъ и расправа. Нахимку, который разбилъ Османкѣ голову, и его храбрѣйшихъ сподвижниковъ больно высѣкли.

Еще инымъ образомъ жизнь военного времени проявляется: о. Лазарь¹⁾ 5 сего ноября узнаетъ, что въ приходѣ его явилась икона, что тамъ толпы народа и іеромонахъ служить молебны. Приходитъ и застаетъ тамъ даже часоваго съ ружьемъ. На вопросъ: откуда взялась эта икона? матроска отвѣчала: не знаю; я встала утромъ, а икона тутъ стоитъ. О. Лазарь взялъ икону и денегъ при ней 36 р. с. Еще не успѣль онъ оттуда уйти, какъ приходитъ старикъ—рабочаго экипажа офицеръ посмотреть икону, о которой уже слышалъ, какъ явленной, и представьте, узнаетъ въ ней свою икону, которую оставилъ въ своемъ полуразрушенномъ отъ бомбардировки домѣ.—Понятно, что ее украли и выдали за явленную.

19 ноября 1854 г. Севастополь.

Письмо 15-е.

Положеніе наше не измѣнилось. 20-е нояб. ознаменовано по крайней мѣрѣ небольшимъ успѣшнымъ дѣломъ: 80 челов. охотниковъ на разсвѣтѣ напали на англ. траншею, въ которой было 200 англичанъ; закололи изъ нихъ 30 и принесли 12 штуцеровъ. Потеряли одного только убитаго, котораго тѣло принесли домой. На другое утро охотники положили еще 20 челов. на англійской батареѣ и принесли 2 штуцера. На франц. траншею нападеніе было неуспѣшно, но безъ всякой потери.

Въ плѣнѣ продолжаютъ перебѣгать какъ англичане, такъ и французы. Они говорятъ и нелѣпости, напр., что ожидаютъ подкѣпленія въ 500.000. Другіе показываютъ, что намѣрены зимовать, а иные, что только сожгутъ нашъ флотъ и уйдутъ.

¹⁾ Священникъ Владимірской церкви.

21 нояб. прибылъ къ намъ генералъ Дм. Ерофеичъ Сакенъ, что всѣхъ обрадовало. Говорятъ, что онъ присланъ на мѣсто Даненберга, которого обвиняютъ за 24-е октября. Не совсѣмъ довольны княземъ Горчаковымъ, командиромъ 6 корпуса.

Вчера и сегодня не было дождя. Не установится ли погода и не предпримутъ ли чего противъ непріятелей? Траншеи ихъ уже вездѣ близко. Городъ перестали беспокоить. Жители по-немногу возвращаются въ свои жилища. Даже краснорядцы открываютъ свои лавки. Все показываетъ время лучшее, хотя, кажется, не миновать намъ штурма, которому, безъ сомнѣнія, будетъ предшествовать бомбардировка тѣмъ гибельнѣе, чѣмъ ближе теперь подвинуты траншеи. Господь великий избавить насть и отъ сей напасти, какъ избавилъ отъ первой. Ихъ Высочества продолжаютъ въ праздники посѣщать ту же адмиралтейскую Михайлов. церковь, въ которой впрочемъ большая неурядица. 20 числа говорилъ проповѣдь свящ. Эланскій, находящійся въ запрещеніи богослуженія. Никто этого не одобряетъ. В. князья впрочемъ пожаловали уже послѣ проповѣди этой. 21 числа служили безъ діакона. Два раза въ присутствіи в. князей служиль тамъ—кто-же? діаконъ Недужковскій. Какъ скоро я узналъ о семъ, воспретилъ.—И это не по нуждѣ въ діаконѣ, а потому, что діаконъ служилъ съ настоятелемъ въ соборѣ, помѣщающемся въ томъ домѣ, который вы изволили посѣщать. Если бы онъ попросилъ моего діакона Василія Подольского, я всегда послалъ бы. Но мѣшаться туда не могу и боюсь. Мы всегда служили, прежде и теперь, въ табельные дни молебны въ своей церкви. Преосвящ. митрополитъ здоровъ и въ Михайлов. церкви видѣлся съ вел. князьями, которые между прочимъ спрашивали, не знаетъ ли чего о положеніи Георгіевскаго монастыря, ибо и они ничего обѣ немъ не знаютъ.

Въ Бакчисарайскомъ соборѣ преосв. Поликарпъ замѣтилъ большой беспорядокъ, о чёмъ писалъ и мнѣ. Пока самъ не могу туда поѣхать, ничего не могу сдѣлать. Ибо на о. Спиранде нельзя дѣйствовать письмомъ. Онъ удивительно прехитро отписывается. Онъ ничего не знаетъ, ничего не видитъ; его всѣ обманываютъ, не слушаютъ, онъ ни за что не отвѣчаетъ, онъ старъ.

23 нояб. 1854 г. Севастополь.

Письмо 16-е.

24-е нояб. Въ ночь на сie число охотники, выгнавъ англичанъ, завладѣли ихъ траншеей, въ которой съ намѣреніемъ держались и днемъ, чтобы болѣе обезкуражить ихъ.

Въ 2 ч. по полудни пароходы „Владимиръ“ и „Крымъ“ неожиданно для непріятелей вышли за фарватеръ и открыли огонь по непріятельской брандвахтѣ и также по пароходамъ, стоявшимъ въ Стрѣлецкой бухтѣ. Стрѣляли и въ лагерь и произвели въ немъ большую тревогу, которую воспользовался одинъ французъ и перебѣжалъ къ намъ. Наши пароходы не прежде пошли на рейдъ свой, какъ когда противъ нихъ вышло пять непріятельскихъ. Полагаютъ, что пароходу, стоящему на брандвахтѣ, нанесли большой вредъ. Не безъ поврежденій и другому пароходу. У насъ на одномъ „Владимирѣ“ сбита стеньга.

25-е ноября. Ночью вырѣзали изъ англ. цѣпи 6 дюжихъ великобританцевъ и привели невредимыхъ въ городъ.

Днемъ приходилъ непріятельскій пароходъ подъ переговорнымъ флагомъ. На немъ доставленъ напѣ артилерійскій капитанъ въ обмѣнъ на англ. офицера знатной фамиліи, и какія-то бумаги. При этомъ случаѣ адмиралъ Лейносъ прислалъ коробку сигаръ адмиралу Истомину, своему старому и добромъ знакомому. Не потому ли съ сею мамоною прибѣгаютъ къ старымъ друзьямъ, что предчувствуютъ свое оскудѣніе и помышляютъ о кровѣ?

25-го же получилъ я изъ Симферополя пакетъ отъ преосв. Поликарпа, съ требованіемъ увѣдомленія о преосв. Агаѳангелѣ, о которомъ пронесся тамъ слухъ, будто бы онъ умеръ. Отвѣтъ, какъ требовалъ преосвященный, посланъ по эстафетѣ, что митрополитъ живъ, здоровъ и не хворалъ. Удивительно, какъ неосновательные иногда разносятся слухи. Между тѣмъ этотъ слухъ задержалъ преосвящ. Поликарпа, который, въ случаѣ правды, считалъ нужнымъ прибыть для погребенія.

25-го же числа я получилъ отъ васъ бумаги о Крестовоздвиженской общинѣ и назначеніи меня къ оной духовникомъ. Могу объѣщать усердіе, а не способности, которыя вамъ известны

и которыми никогда не похвалюсь. Докторъ Пироговъ¹⁾, какъ слышу, на съверной сторонѣ. Я буду у него не медля. Отецъ Иннокентій, какъ сегодня узналъ я, уже въ Бакчисараѣ. Повидавшись съ Пироговымъ, тогда уже буду требовать его.

О іеромонахахъ Іоанникиї и Пахомії я не писалъ вамъ 1-е потому, что не хотѣлъ въ тоже время оскорбить васъ вѣстю о нихъ; 2-е видѣвши самъ какъ того, такъ и другаго въ самомъ томъ неприличномъ дѣйствіи ихъ, о которомъ дошелъ слухъ до васть, я усмотрѣлъ, что это неприличіе болѣе произошло отъ ихъ невѣжества, чѣмъ отъ нетрезвости, которую можно было только примѣтить, не соблазняясь ею. Іоанникий 14 окт., въ епітрахили и съ крестомъ въ рукѣ ходилъ по батареямъ приглашать охотниковъ на вылазку, съ вѣдома и согласія на то, по его словамъ, адмирала Истомина. Я видѣлъ его уже возвращающимся къ своему посту, и когда замѣтилъ ему, что по городу ходить такъ не должно, онъ тотчасъ же снялъ епітрахиль, въ которую положилъ и крестъ. Потомъ слышалъ обѣ немъ, что онъ очень любимъ командой, съ которой всегда даже у орудій, и ходилъ недавно на вылазку, рекомендуется адмираломъ Истоминомъ и представленъ къ наградѣ, кажется, къ ордену. Это Іоанникий старый. Послѣ сего, думаю, неудобно высылать его въ Одессу. Обѣ Іоанникиї младшемъ (что изъ скита) слышалъ, что онъ вздумалъ поднести на батареѣ просфору вел. князьямъ. Опять неумѣстный поступокъ отъ невѣжества, и всего подобнаго нельзѧ предусмотрѣть.

Пахомія привелъ ко мнѣ о. Іовъ. Онъ былъ въ ризѣ, епітрахили и поручахъ; въ одной рукѣ крестъ, въ другой кропило. Откуда? Съ бастіона, на который былъ приглашенъ для молебствія. О. Іовъ свидѣтельствовалъ, что онъ ходилъ по домамъ, а тотъ объяснялся, что его пригласили съ дороги. Почему вы не разоблачились на бастіонѣ? Потому, что я облачился на фрегатѣ, съ котораго такъ шелъ и на бастіонъ. Почему же такъ дѣлаете? Я полагаю, что по настоящему времени такъ приличне. Разоблачайтесь здѣсь же, и впредъ такъ не дѣлайте! Слу-

¹⁾ Н. И. Пироговъ—знаменитый хирургъ и педагогъ, бывшій потомъ профессоромъ сначала Одесскаго, а потомъ Кіевск. учеб. округа.

шаю,—и сейчас разоблачился.—Это Пахомій, который былъ прежде въ скиту. Отъ офицеровъ слышалъ я, что это идіотъ какой-то. А я въ его прописанномъ поступкѣ вижу одно невѣжество. Можетъ быть, онъ былъ въ это время и нетрезвъ, какъ свидѣтельствовалъ Іовъ; но крайней мѣрѣ видомъ своимъ онъ не могъ никого обмануть. Его можно выслать, и я объявлю ему приказаніе Ваше. Благочинному ихъ іеромонаху Михаилу (онъ на кораблѣ „12-ти Апостоловъ“) напишу, чтобы онъ имѣніемъ Вашимъ подтвердилъ всѣмъ вести себя вездѣ благопристойно.

26-е нояб. Сегодня день Вашего ангела, что было для насъ сугубымъ побужденіемъ къ усердной молитвѣ о Вашемъ здоровьѣ.

Сегодня и кавалерственный день св. Георгія. Всѣ кавалеры этого ордена отъ генерала до нижнаго чина были на литургії и молебнѣ въ Михайлов. церкви. Были вел. князья. Пріѣзжалъ Сакенъ и даже Липранди. За два дня предъ симъ роздано штабъ и оберъ-офицерамъ, защитникамъ Севастополя, 22 знака этого ордена. Всѣхъ орденовъ по флоту и арміи князь подписалъ 70, но больше, говорятъ, приходится на флотъ.

Вчера и сегодня день тихій и ясный. Больше не тревожить насъ выстрѣлы, только ближайшіе, и то изрѣдка. Отъ бомбъ мы покойны.

По расположению 4-го бастіона, у меня имѣютъ дневной пріютъ офицеры, изъ нихъ одинъ близкій родственникъ Станюковичу, а другой генералу Философову. Чрезъ ихъ посредство и частое свиданіе съ этими старшинами я стараюсь узнавать, что гдѣ нынѣ дѣлается, а между тѣмъ свѣдѣнія весьма малы и письма мои по неволѣ пустоваты. Часто проходитъ нѣсколько дней безъ всякихъ особыхъ фактовъ: что вчера, то и сегодня.

26 ноября 1854 г., Севастополь.

Письмо 17-е.

27-е нояб. День пасмурный. Въ бомбардированіи ничего особенного. Слышны по временамъ одни наши выстрѣлы, ночью весьма часто.

Былъ на съверной сторонѣ съ намѣреніемъ повидаться съ докторомъ Пироговымъ, но не нашелъ его тамъ. Сказали, что дней 5, какъ онъ уѣхалъ въ Симферополь, гдѣ, вѣроятно, будетъ ожидать пріѣзда сестеръ. Слѣдовательно, онъ прежде выѣхалъ, чѣмъ я получилъ отъ Васъ бумагу обѣ этомъ.

Не могу не сказать о приключеніи со мною при перевѣзѣ на Съверную сторону. Уже я вышелъ изъ шлюбки и шелъ по этому узкому деревянному мосту, какъ волъ, бывшій въ телѣгѣ, вдругъ поворачивается и столкнулъ меня въ воду. Къ счастію было не глубоко, только въ поясъ. Благодареніе Богу, не уронилъ и Св. Даровъ, ибо вмѣстѣ я приглашенъ былъ на батарею № 4 для пріобщенія больного офицера и для служенія въ этой небольшой офицерской больницѣ молебна. Дѣло я исполнилъ, но пока въ мокромъ бѣльѣ я возвратился домой, чувствительно простудился.

28-го нояб. Воскресенье. День пасмурный, но теплый. Въ бомбардированіи ничего особеннаго. Взятый въ плѣнъ англичанинъ объяснилъ, что на новой траншеѣ намѣрены поставить 50 орудій для дѣйствія по рейду, чтобы сжечь флотъ, чѣмъ ограничиваются всѣ ихъ усилия.

Вел. князья обѣднюю слушали въ Михайловской церкви. Потомъ сходили на зданіе библіотеки для разсмотрѣнія окрестностей и лагеря непріятельскаго, потомъ посѣщали могилу адмирала Корнилова, вмѣстѣ и Лазарева.

Генералу Сакену ввѣreno начальство надъ войсками, въ городѣ находящимися, слѣдовательно и защита города. Всѣ чрезвычайно рады этому.

29-е нояб. День теплый, настоящій лѣтній. О близости непріятелей даютъ знать только наши выстрѣлы пушечные. Непріятели ограничиваются штуцернымъ огнемъ.

Сегодня изъ уста переходила радостная вѣсть о дѣлѣ, бывшемъ на Тихомъ океанѣ у Петро-Павловскаго форта, въ которомъ участвовали два нашихъ фрегата „Діана“ и „Аврора“. Эта вѣсть прислана отъ Нессельроде къ князю Меншикову въ подлинномъ донесеніи. Непріятельскихъ судовъ было

въ дѣлѣ 6, и всѣ сильно пострадали. Прежде дѣла ими захвачено наше одно судно, которое шло противу шести.

На Сѣверной сторонѣ Севастополя нѣтъ болѣе ни одного непріятельского корабля, всѣ перешли къ Херсонесу или на южную сторону.

29-е нояб. Былъ у меня благочинный флотскихъ монаховъ, игуменъ Георгій. Я видѣлъ его въ первый разъ. Это почтеннѣйшій старецъ, который однимъ видомъ своимъ внушаетъ уваженіе. Онъ передалъ мнѣ, что добрая ихъ братія крайне опечалена дошедшими до Васъ слухомъ о двухъ непорядочныхъ. Объ Іоанникіи онъ того же мнѣнія, что высылать его теперь неудобно, какъ я уже писалъ. Пахомія обѣщалъ прислать для отсылки, но онъ еще не являлся. Много онъ жаловался на бѣдное положеніе многихъ изъ братіи. Я далъ ему совѣтъ: писать Вамъ каждую недѣлю какъ о нуждахъ своихъ, такъ и о поведеніи и дѣйствіяхъ братіи, такъ какъ онъ, за отсутствіемъ настоятеля, есть представитель своей братіи.

30-е нояб. Сегодня день также теплый. Ночью, въ 12 ч., сдѣлана удачная вылазка изъ 4-го бастіона. Охотниковъ было около 300 челов. козаковъ, матросовъ и армейскихъ. Напали на франц. траншею, изъ которой взяли 3 мортиры, 11 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 2 офицеровъ, перекололи до 100, своихъ потеряли 4, и до 30 ранено. Это есть уже начало распоряженій Сакена.

Вы получите отъ генерала Станюковича представлениe обо мнѣ и Демяновичѣ. Онъ присыпалъ ко мнѣ довѣренного штабъ-офицера узнать форму отношеній къ высшей духовной особѣ, и приказалъ объявить мнѣ, что имѣеть писать. Форму я сказалъ и просилъ благодарить адмирала за вниманіе.

Пронесся слухъ о монастырѣ (Георгіевскомъ) и его братіи: служеніе пріостановлено за нуждою, всѣхъ свели въ одну комнату и кормятъ одними галетами, угрожая въ случаѣ неудовольствія отправить на Аeonъ. Это будто разказывалъ какой-то мужикъ, оттуда бѣжавшій.

30 ноября 1854 г., Севастополь.

Письмо 18-е.

1 Декабря. Непріятели, вѣроятно, раздраженные нашею удачною вылазкою 13 ноября, бросали бомбы въ городъ днемъ и ночью. Видна была месть, ибо въ продолженіе уже почти мѣсяца мы бомбардированія значительного не испытывали, хотя и этотъ феноменъ въ нашей жизни нельзя назвать важнымъ. День былъ сухой и теплый.

2-е Декабря. Отъ вчерашиаго дня раненыхъ и убитыхъ было больше обыкновеннаго. Непріятели опять замолкли. День съ утра пасмурный; послѣ обѣда дождь и ночью тоже. По секрету говорятъ о предположеніи на 5-е декабря, по плану генерала Сакена, большомъ нападеніи на непріятелей. Генералъ Липранди оставилъ редуты имъ отнятые, но непріятели боятся и подходить къ нимъ, вѣроятно, изъ опасенія взлетѣть на воздухъ. Онъ перешель съ бригадою Черную рѣчку,—вѣроятно, для усиленія войскъ, на сѣверъ Севастополя расположенныхъ.

Сегодня прибылъ о. архимандритъ Митрофанъ и пока расположился у меня. Главные госпитали на Сѣверной горѣ, и ему придется тамъ водворяться. Былъ онъ у адмирала Станюковича, который просилъ обождать прїзда самихъ сестеръ и Пирогова, тогда уже можетъ послѣдовать надлежащее распоряженіе. Сестры—первый ихъ поѣздъ,—какъ слышно, въ Симферополь уже. Если о. архимандритъ будетъ на сѣверной, то мнѣ лучше оставаться и служить при больныхъ въ городѣ, если мое назначеніе не отмѣняется назначеніемъ о. архимандрита, о которомъ Вы не изволили ничего написать мнѣ, равно и ему обо мнѣ. Обстоятельство это становится для меня вопросомъ, потому что въ бумагѣ г. Оберъ-Прокурора, которой копію Вы изволили прислать, просятъ о назначеніи только одного лица къ Общинѣ.

3-е Декабря. Дождливо, со стороны непріятелей довольно спокойно. Великіе князья уже изволили отслушать о путешествіи иолебенъ и сегодня отправляются въ Петербургъ, обѣщаю къ новому году возвратиться. Говорятъ, что ихъ пожелала видѣть Государыня Императрица, якобы нездоровая. Были для прощанья въ госпиталяхъ и на бастіонахъ.

За честерь и сигары послали англійскому адмиралу дикую козу съ присовокупленіемъ, что вчера были на охотѣ и вотъ вамъ гостинецъ.

В. князья оставили своихъ адъютантовъ и багажъ, слѣд. возвратятся. Императрица будто бы очень больна, почему и пожелала видѣть дѣтей.

Третьяго дня, при встрѣчѣ со мною, адмиралъ Станюковичъ нѣкоторымъ образомъ извинялся, что онъ не приглашаетъ в. князей въ Петропавловскую церковь, потому именно, что она подвержена непріятельскимъ выстрѣламъ.

Михайловскую церковь 29 ноября обворовали. Воровство денегъ случилось въ 6-мъ часовъ вечера. Двери и окна цѣлы, кромѣ одного стекла, куда не можетъ пролѣзть человѣкъ. Воръ долженъ быть свой.

Еще продолжаетъ идти дождь, 3 часа по полудни.

О. архимандритъ представлялся графу Сакену, который при этомъ просилъ его о назначеніі іеромонахомъ на перевязочные пункты, гдѣ они доселѣ хотя и были, но непостоянно.

3-е Декабря 1854 г. г. Севастополь.

П і съ м о 19-е.

4-е Декабря. Всю ночь шелъ дождь. При съверномъ вѣтрѣ утромъ дождь обратился въ снѣжную крупу. Къ полдню прояснилось, потомъ опять дождь. Выстрѣлы слышны было только изрѣдка, кромѣ ночи, когда обыкновенно они чаще какъ изъ пушекъ, такъ и штуцеровъ.

Генералъ Сакенъ призывалъ къ себѣ всѣхъ полковыхъ священниковъ и просилъ ихъ объ усердномъ исполненії лежащихъ на нихъ обязанностей.

5-е Декабря. На 4-мъ бастіонѣ убить лейтенантъ штурмовой пулей въ лобъ.—Съ телеграфа замѣтили, что съ песчаной бухты прошло въ французскому лагерю 500 выночныхъ лошадей и человѣкъ 300 кавалеристовъ. Винтовой корабль привезъ на буксирѣ трехъ-мачтовое судно, вѣроятно, съ частію дѣссанта.

День весь пасмурный. Въ почь на 6-е декабря не умолкала усиленная пальба.

6-е Декабря. Большой вылазки, о которой за нѣсколько дней были слухи, не было. День былъ тихій и отъ непріятелей довольно спокойный. Начальство слушало литургію и молебенъ въ Михайловской церкви. Въ своей Петропавловской мы служили соборно съ о. архимандритомъ. Утромъ всѣ священники и іеромонахи были заняты служеніемъ молебновъ на бастіонахъ, батареяхъ и казармахъ, въ госпиталяхъ и вездѣ призывали въ помощь великаго угодника Божія Николая. Я служилъ молебенъ на 10-й батареѣ, что надъ карантинной бухтой противъ Херсонеса, и видѣлъ церковь Херсонесскую, которой зданіе еще кажется цѣлымъ. Непріятельскихъ 4-ре парохода стояли въ пушечного выстрѣла. Командиру сей батареи, капитанъ-лейтенанту Андрееву, который уже былъ награжденъ Георгіевскимъ крестомъ отъ главнокомандующаго, в. кн. Константина Николаевича прислалъ этотъ орденъ съ своей груди, при собственноручномъ письмѣ.

Удивила всѣхъ награда, Высочайше пожалованная вице-адмиралу Новосильскому, начальнику дистанціи между 3 и 5-мъ бастіономъ. Онъ былъ представленъ въ Владиміру 2-й степени, между тѣмъ какъ онъ не имѣлъ еще ни одного ордена 1-й степени. Не знаютъ, какъ и понимать эту небывалую награду. Контръ-адмиралы Панфиловъ и Истоминъ получили Георгія 3-й степени. Нахимову, какъ думаютъ, будетъ адмиральский чинъ.

7-е Декабря. Послѣ дождя ночью, день свѣтлый и теплый. Удивительно, что доселѣ къ намъ не приходитъ зима весьма нужная. Со стороны непріятелей ничего особенного. Съ полей Евпаторійскихъ тоже ничего особенного не слышно. Всѣ проѣзжающіе жалуются на теперешнюю Крымскую дорогу, отъ чего почты удивительно запаздываютъ. На одной станціи есть лошади, но нѣть ямщиковъ, на другой ямщики безъ лошадей. Но особенно трудна дорога отъ Симферополя до Севастополя. Павшими лошадьми и брошенными экипажами весь путь заваленъ.

Въ терпѣніи не оскудѣваемъ и продолжаемъ молиться ежедневно. Пусть мы и недостойные молитвенники. Не отмстить

ли Господь насть отъ соперниковъ нашихъ покрайней мѣрѣ за неотступность нашу?—Обращаемся къ Вашимъ св. молитвамъ, которыми Вы не оставите насть.

(Число неозначено.)

Письмо 20-е.

8-е Декабря. Со стороны непріятеля ничего особенного. Радовались мы пришедшей вѣсти, что Австрія и Пруссія объявили, наконецъ, формальный свой нейтралитетъ въ настоящей войнѣ, и что вслѣдствіе сего цѣлый корпусъ отъ князя Горчакова назначается въ Крымъ, чтобы скорѣе рѣшить вопросъ здѣсь, а потомъ съ весной идти чрезъ Дунай, что армія кн. Горчакова пополняется войсками, стоявшими на западной нашей границѣ, теперь безопасной.

9-е Дек. Въ два часа ночи на сie число сдѣлана была изъ бастіона удачная вылазка на англичанъ. Охотники наши, коихъ было около 300 челов., выбивъ непріятелей изъ первой траншеи, гнали ихъ до третьей и возвратились съ успѣхомъ. Плѣнныхъ привели 26 нижникъ чиновъ и 4 офицера, принесли 26 штутцеровъ, каждый почти охотникъ возвратился съ англійскою обновкой. Убитыхъ непріятелей не считали. Нашихъ потеря убитыми и ранеными незначительна—23 челов., но убить одинъ морской офицеръ. Стоя у церкви, мы съ о. Митрофаномъ¹⁾ были свидѣтелями огня, сугубо сильного отъ темноты ночи. Одновременно была сдѣлана вылазка и съ 5 бастіона, о которой узнали уже утромъ. Оттуда привели въ плѣнь 31 француза. Тамъ вылазкою, по показанію плѣнныхъ, навели ужасъ и они, дрожа, идутъ на ночь въ траншею. Послѣ каждой вылазки, бывающей обыкновенно въ полночь, всѣ войска непріятельскія до разсвѣта находятся подъ ружьемъ. Въ ночь—на 6 декабря, полагая, что мы захотимъ чѣмъ-нибудь ознаменовать этотъ день, вся армія въ продолженіе всей ночи была подъ ружьемъ. Значитъ, вылазки полезны.

¹⁾ Архимандритомъ—настоятелемъ Корсунского монастыря.

До половины дня опять свѣтло и стало уже очень сухо. Но съ полдня и всю ночь не переставалъ дождь. Вѣтеръ не большой—то южный, то западный.

Мстя за вылазку, сегодня достаточно бросили бомбъ въ городъ.

10-е дек. Весь день дождь, къ вечеру вѣтеръ свѣжій—западный. Батареи стрѣляли весьма рѣдко, а ночью, можно сказать, молчали. Попавшійся въ плѣнъ турокъ жалуется на англичанъ, у которыхъ они давно работники только, а не войско. По его же словамъ довольно и татаръ есть въ непріятельскомъ лагерѣ. Они также употребляются на черную работу.

Монахи ропщутъ на меня, будто бы за доносы на нихъ. Іоанникій (что изъ скита) даже жаловался контр-адмиралу Истомину, представляя меня ябедникомъ. Богъ съ ними! Но больно, когда чернятъ напрасно. Не избавитъ ли меня отъ клеветы присутствіе отца Митрофана?

11-е дек. Широгова и сестеръ нѣтъ въ Севастополѣ доселѣ. О. архимандритъ пока труждается, какъ начальникъ флотскихъ іеромонаховъ, посѣща госпитали и наблюдая за дѣйствіями іеромонаховъ, тамъ состоящихъ.

У насъ принималась почта въ пятницу и въ субботу утромъ. Желая имѣть больше что написать, я отложилъ это письмо до утра субботы. Между тѣмъ на этотъ разъ почта уже была отправлена и такъ обр. мною безъ намѣренія про-пущена.

12-е дек. Воскресенье. Весь почти день шелъ дождь. Предъ вечеромъ падаль и снѣгъ, но вдругъ и таялъ. Выстрѣловъ почти не слышали, какъ всегда бываетъ при такихъ погодахъ.

По показанію плѣнныхъ англичанъ, въ ихъ лагеряхъ было уже два бунта. Солдаты требуютъ, чтобы вели ихъ на штурмъ, или домой. Имъ обѣщаютъ штурмъ, когда французы доставятъ обѣщанное подкрайленіе. Но 1-е—никто не вѣритъ этому обѣщанію; 2-е—еще менѣе вѣрятъ въ успѣхъ штурма. Показываютъ, что англичанъ теперь не свыше 10,000. Отношенія союзниковъ весьма весьма непріязненны.

I отд.

Слышно, что франц. генералъ Форе хотѣлъ разстрѣлять полковника 42 полка, коего солдаты не умѣли отразить нашей вылазки 9 дек. и позволили даже взять мортиры.

13-е дек. Праздникъ Рожд. Христова у непріятелей. Когда плѣнному франц. офицеру напомнили, что у нихъ сегодня праздникъ, онъ, улыбнувшись, отвѣчалъ, что у нихъ это никого не забавляетъ.

Ночью первый морозъ. День ясный. Пальбы нѣтъ. Къ намъ идетъ 56 баталіоновъ и будутъ къ новому году. Что и когда будетъ вновь предпринято противъ непріятеля, не слышно. Генералъ Липранди съ двумя полками пошелъ на Качу. Высоты Комарскія и путь къ Байдарамъ, говорятъ, свободны для непріятелей. Не понимаютъ такой диверсіи, но послѣ похвалъ въ иностранныхъ газетахъ князю Меншикову, никто уже не прикасаетъ главнокомандующаго. Остается допустить здѣсь какую-нибудь высшую хитрость.

14-е дек. Сегодня только я получилъ Ваше письмо отъ 3 дек. Старецъ митрополитъ живъ и здоровъ по старчески. Не было у насъ и поводу къ слуху о его смерти.

Благодареніе Богу, еще не гибнемъ гладомъ; мож. б. придется потерпѣть отъ холода. Всего труднѣе достать дровъ. Денегъ церковныхъ у меня достаточно для предотвращенія нуждъ духовенства, которому и пособляю мѣрою, всячески бережливою. Смиреннѣйше благодарю за Ваше отеческое участіе къ нашему положенію.

Версты¹⁾ оставались у каменщика и должны быть цѣлы. Справлюсь, не взяты ли на устроеніе баррикадъ, въ которыхъ клали все, даже обдѣланный мраморъ. Впрочемъ скаль Инкерманскихъ не понесутъ непріятели. Версты рано или поздно будутъ въ Одессу.

О парламентерѣ я съ о. Митрофаномъ думалъ уже и совѣтовался кой съ кѣмъ, но намъ совѣтовали прямо обратиться къ кн. Меншикову, что не легко; его трудно застать у себя.

¹⁾ Разумѣются каменные версты, видѣнныя на почтовыхъ дорогахъ въ Крыму. Эти каменные версты преосвященный Иппонекентій хотѣлъ имѣть для архіерейской дачи въ Одессѣ.

Завтра побываю у Комовского, секретаря его. Ибо посылка парламентеровъ зависитъ непосредственно отъ князя одного.

Отвѣчаю на предложенные Вами вопросы. Одинъ изъ вопросовъ состоялъ въ томъ, почему и отчего непріятели переходятъ съ сѣверной стороны Севастополя на южную и, находясь въ то время между Севастополемъ и княз. Меньшиковымъ, стоящимъ на Бельбекѣ не болѣе какъ съ 15000, не сдѣлали двухъ вещей, кои такъ легко было сдѣлать: повернувшись направо, взять почти беззащитный тогда съ юга Севастополь, повернувшись налево и спустившись съ лѣваго берега—разбить князя, вовсе потерявшаго тогда духъ! Отвѣчаю: Эти дни съ 11 по 18 сент. были для насъ самые отчаянны, и Господь видимо и невидимо спасъ насъ, о чёмъ никто почти вѣдь Севастополя доселѣ не знаетъ; я былъ въ это время въ Бакчисараѣ и вполнѣ видѣлъ и зналъ опасность; о движениіи непріятелей къ Балаклавѣ могу пока отвѣтить слѣдующее. (Что больше узнаю, напишу).

Прежде всего одурачила непріятелей захваченная ими съ мнимымъ секретаремъ депеша князя Меншикова, въ которой главнокомандующій доноситъ Государю, что онъ имѣлъ на Алмѣ авангардное дѣло, что 80000-я армія наша бодра духомъ, что онъ отступаетъ къ сѣверной сторонѣ, но боится за южную, весьма слабую, что потому радѣ, что непріятели высадились не тамъ, а близъ Евпаторіи. Тамъ же упомянуто и о совершенной безопасности Перекопа. Секретарь былъ простой писарь, одѣтый во фракъ. Для сообщенія большей важности этой особѣ, ему дано и денегъ 10000 руб., и велико съ означенной депешейѣ хатъ въ Петербургъ. Чуть указанъ именно такой, чтобы дилижансъ не могъ миновать непріятельскихъ рукъ. Это была просто татарская утка, приготовленная на вкусъ непріятелей. Вслѣдствіе сего они и моремъ и берегомъ поспѣшили на южную сторону Севастополя, о безоружности которой могли знать и отъ татаръ. Послѣ Алминскаго сраженія наши войска занимали высоты лѣваго берега Бельбека. Главная квартира князя была на Микензіевой дачѣ, не много выше Инкерманской киновіи.

Послѣ Альминского сраженія наши войска двинулись тѣмъ же лѣвымъ берегомъ Бельбека къ Бакчисараю, стезями весьма трудными и опасными; а непріятели, лѣвѣ почтовой дороги и выше Инкерманской киновіи, у д. Чоргуда перешли рѣчку, со-жегши казенные казармы на Миккензіевої дачѣ. Нашъ мостъ въ Инкерманѣ былъ предварительно сломанъ, и здѣсь стояли наши пароходы, которые могли сдѣлать переправу невозможнаю. По сему то киновія оставалась безопасною, пока непріятели не стали на противоположной сторонѣ. Послѣ такого авангарднаго дѣла, какъ Альминское, непріятели не могли броситься на 80000 армію, и м. б. были рады отстушенію. Сѣвер. сторона тѣмъ болѣе для нихъ была трудна, что армія наша находилась въ тылу. Перейти на восточную сторону они могли только съ южной. Между тѣмъ въ Балаклавѣ слышать, хотя м. б. и не вѣрять, что въ Севастополѣ большой гарнизонъ, что городъ укрѣпленъ кругомъ. Между тѣмъ предсмертные часы въ Балаклавѣ или, какъ мнѣ говорилъ Балаклавскій протоіерей Аргириди, и самая смерть Сентъ-Арно, котораго предпріимчивости и отваги не раздѣлялъ старшій по немъ Канроберъ. Все это, а м. б. и многое, намъ неизвѣстное, и обрекло непріятелей на нѣкое бездѣйствіе въ самые опасные для насъ дни. Кромѣ морскихъ командинъ, изъ которыхъ только формировались баталіоны и которые отъ утра до вечера были заняты саперными работами, у насъ только было два-три резервныхъ баталіона. О мѣстѣ пребыванія кн. Меншикова нѣсколько дней не зналъ самъ Корниловъ. Князь далъ о себѣ знать чрезъ татарина, переодѣтаго въ турка (который получилъ въ Севастополѣ обѣщанную сумму, и когда и здѣсь получилъ бумагу къ князю, то отправился съ нею прямо въ непріятельскій лагерь, но былъ нашими захваченъ). Дѣйствительно, мы были въ видимой опасности, но къ счастью мы этого не чувствовали, кромѣ старшихъ начальниковъ. Утверждали, что непріятели не посмѣютъ броситься на Севастополь, не огради прежде себя отъ нападенія кн. Меншикова. Но если бы только осмѣлились, то 14 и 15 сент. могли войти въ городъ, можно сказать, церемоніальнымъ маршемъ. Теперь всѣ этого мнѣнія. Видите, Господь защитилъ насъ.

О сестрахъ слышно, будто онѣ всѣ будутъ въ Симферополѣ, за неимѣніемъ у насъ помѣщеній. Но Пироговъ еще не пріѣзжалъ изъ Симферополя.

14 декаб. 1854 г. г. Севастополь.

Письмо 21-е.

15, 16 и 17 декабря. Все это время, особенно ночью, со стороны непріятельской (именно отъ французовъ) на 4 и 5 бастіонъ былъ производимъ усиленный огонь. Очень много бомбъ бросали и въ городъ. Имъ отвѣчали тѣмъ же, и съ видимымъ успѣхомъ. Ибо непріятели по часу молчали. Вѣроятно непріятели получили подкѣплѣніе и снарядами: иначе они не были бы такъ расточительны. Корабли приходили и прежде означенныхъ чиселъ. Полученный непріятелями секурсъ показываютъ въ 11 тысячъ. Войска наши, какъ говорятъ, подоспѣютъ къ 22 числу. Если бы Господь помогъ озnamеновать 25 декабря,—день, въ который воспоминается изгнаніе враговъ изъ Россіи въ 1812 г., новымъ, подобнымъ изгнаніемъ ихъ. Но не слышно ни о какихъ планахъ и намѣреніяхъ. Дѣятельными распоряженіями Дмитрія Ероf. Остенъ-Сакена всѣ довольны, и вездѣ говорятъ о немъ съ глубокимъ уваженіемъ. Онъ живетъ въ вашей квартирѣ, въ домѣ Ал. Мак. Красильникова.

Французы съ турками въ большомъ числѣ напали на нашу штуцерную траншею, гдѣ было только 30 человѣкъ, которые отступили, потерявъ одного раненаго. Непріятелей сейчасъ же выбили залпами изъ мортиръ.

Опять непріятный слухъ о политикѣ Австріи, которая будто бы требуетъ уменьшенія Черноморскаго флота до 6-ти кораблей.

Сейчасъ только возвратился я съ Сѣверной и доставилъ секретарю кн. Меньшикова, дѣйст. ст. сов. Комовскому, письмѣцо на имя о. Геронтія. Вотъ слово въ слово, что я написалъ: „Христіански совоздыхаемъ вамъ, свободы чающе вамъ, братіи и св. обители. Отвѣчайте по крайней мѣрѣ: 1) всѣ ли вы живы и здоровы? 2) не имѣете ли какихъ крайнихъ нуждъ, коимъ, если будетъ это возможно, я имѣю отъ преосвященнаго порученіе

помочь? и 3) совершается ли у васъ Богослуженіе? — Утѣшай насъ съ вами Богъ!“ Секретарь сказалъ мнѣ, что, по докладѣ его свѣтлости, письмо непремѣнно будетъ отослано по принадлежности, равно и отвѣтъ, когда будетъ полученъ, будетъ мнѣ доставленъ. Онъ прибавилъ еще, что это всегда можно было сдѣлать. Постѣ этого я пожалѣлъ, что не дѣлалъ сего прежде Вашего повелѣнія. Ибо можно было узнать что-либо о положеніи страдальцевъ.

О церквяхъ: Херсонская видится зданіемъ цѣла. Но я уже писалъ, что въ ней не только все расхищено, но даже полы и двери выломаны. Кладбищная, можно сказать, доселѣ цѣла: ибо только однимъ ядромъ повреждена желѣзная кровля, и выбиты два окна ядромъ, пронесшимся въ пролетъ. Домъ новый совершенно невредимъ. Въ старомъ домикѣ кое-что выломали, кажется, наши же солдаты на топливо. У кладбищной стѣны, что со стороны города, стоять наши штуцерные стрѣлки. Стѣна служила имъ вместо бруствера, изъ-за которого они стрѣляютъ по непріятелямъ, если они показываются по ту сторону кладбища. И вотъ почему кладбищная церковь доселѣ недоступна непріятелю! Моя Петро-Павловская имѣеть слѣдующія поврежденія: у входа въ церковь выбита колонна; осталась только нижняя ея половина, а верхняя съ капителью лежитъ въ кускахъ на земли. Отъ сотрясенія разошлись камни и во фронтѣ; удивительно, какъ не повалились два большихъ, громадныхъ камня, лежавшіе своими концами на выбитой колоннѣ; тогда бы могъ повалиться и весь фронтонъ. Я сдѣлалъ подставку изъ толстой корабельной стельги. Съ южной стороны поврежденъ цоколь (выбить одинъ большой камень, что не важно), повреждены двѣ колонны, но еще могутъ служить. Въ 8-ми окнахъ побиты стекла (каждое въ 12 бенскихъ стеколь); въ трехъ окнахъ изломаны рамы: въ западной—у входа въ церковь также разбиты стекла въ обоихъ окнахъ и въ одномъ изломана рама. Въ потолкѣ въ двухъ мѣстахъ отбиты лѣпнія украшенія и щекатурка. Главное же въ томъ, что поврежденіе въ колоннадѣ, уже прежде замѣченное и бывшее предметомъ беспокойства и разслѣдованія,

теперь такъ значительно, что можетъ быть потребуетъ капиталь-
наго исправленія церкви.

Докторъ Пироговъ теперь въ Севастополѣ. О. архимандритъ видѣлся съ нимъ, но не могъ отъ него ничего узнать до пріѣзда сестеръ, которыхъ ожидаютъ къ 20 числу. Вѣроятно оберъ-
прокуроръ св. Синода не увѣдомилъ еще его о сдѣланномъ Вами
распоряженіи, и начальница сестеръ также объ этомъ ничего не
знаетъ, иначе сія послѣдняя не сдѣлала бы о. Михаилу Родіонову¹⁾ грубаго отвѣта, что „мы не имѣемъ въ васъ нужды, у
насъ есть свой іеромонахъ.“

Съ медикомъ, пріѣхавшимъ изъ Кіева, митрополитъ кіев-
скій Филаретъ прислалъ сосудъ св. масла отъ гроба Господня
на пользу больнымъ. Оно передано о. архимандриту, который
имѣеть раздать оное іеромонахамъ, состоящимъ при госпиталяхъ.

И сегодня день ясный и теплый, какъ лѣтомъ. Преосв.
митрополитъ здравствуетъ, но въ эту ночь было съ нимъ очень
дурно.

Въ домѣ причта Петропавловской церкви поврежденіе не
важно; ударомъ ядра обезображенъ только карнизъ, отбитъ ор-
наментъ его. Въ каменной оградѣ близъ дома выбило бомбами
ограду на 3 сажени.

17 декабря 1854 г. Севастополь.

Письмо 22-е.

25 декабря. Великій праздникъ христіанскій мы — паче
чаянія—встрѣтили и провели совершенно мирно, не будучи обез-
покоены ни однимъ выстрѣломъ непріятельскимъ, и сіе—тако
Господу благоволившему: уже съ полдня наканунѣ праздника
былъ чувствительный морозъ при сѣверн. вѣтрѣ, который ночью
дуль весьма сильно и холодъ развелъ настоящій рождественскій.
Не до насъ было непріятелямъ, коченѣвшимъ отъ холода. Въ
первый же день перебѣжало 9 англо-французовъ, собственно
побужденныхъ къ тому холодомъ. По показанію англійскаго
блѣглеца, его собратій въ Инкерманской долинѣ замерзло до 400.
Впрочемъ, кажется, много сказаль. Сказываютъ, также, что

¹⁾ Настоятелю Симферопольского собора.

адмиралъ англійскій. Рагланъ ушелъ въ Константинополь для важныхъ совѣщаній.

26 и 27 дек. была оттепель, но ночью крѣпкій морозъ, обратившій путь мокрый въ скользкій. Сегодня (28 дек.), при южномъ вѣтрѣ, уже очень начало таять. Теплые дни могутъ еще болѣе затруднить наше сообщеніе. Сегодня только мы получили Одесскую газету отъ 9 дек.

Прибывшій изъ Симферополя о. Василій, іеромонахъ херсонескій, разсказываетъ, что станціи между Севастополемъ опустѣли, и ъѣзда возможна только далекими проселочными путями, большая же дорога обратилась въ бездну, въ которой безвыходно увязаютъ многіе неопытные путешественники. Сегодня же о. Василій отправился въ обратный путь, имѣя путешествовать на Донъ, согласно вашему на то благословенію.

Въ настоящій праздникъ мы не славили Христа въ домахъ, которые или разорены или упразднились отъ мятелей. Даже главы семействъ, которые остались пока на стражѣ своихъ домовъ или лавокъ, и тѣ отправились къ своимъ семействамъ въ Симферополь. Храмъ былъ полонъ молащихся, но исключительно солдатъ всѣхъ родовъ службы.

Для меня собственно праздникъ настоящій былъ какъ-то неудаченъ отъ неосторожности моей. Согрѣвшись у жѣлезной печи и на минуту только выбѣжавъ на порогъ, я такъ сильно простудился наканунѣ праздника, что въ первый день едва могъ служить отъ головной боли; въ тотъ же день отъ непримѣтной занозы, не знаю, когда и гдѣ полученной мною, мнѣ оборвало ногу, такъ что на другой день служилъ съ большимъ трудомъ, хромая. На третій день не служилъ, и сталъ лечить ногу, которую по комнатѣ хожу теперь твердо. Услышавши, что я недоровъ, губернаторъ Станюковичъ вчера посыпалъ меня.

Ни пароходовъ, ни веселій праздничныхъ не было. Главно-командующій, по причинѣ сильной погоды, не прїѣзжалъ съ Сѣверной въ городъ даже въ первый день. Сакена же не было оба дня въ церкви, говорятъ, по болѣзни. Впрочемъ, на улицахъ веселье русское слышно, даже видны были нѣкоторые, яко же древія ходящі.

Сейчасъ рассказывали о новомъ манифестѣ Государя Императора къ Россіи и непремѣнной волѣ его, что бы къ февралю мѣсяцу не было въ Крыму ни одного непріятеля.

Отвѣта нѣтъ отъ о. Геронтія.

28 дек. 1854 г. Севастополь.

Письмо 23-е.

29, 30 и 31 декаб. Первые дни оттепель, даже съ дождемъ, послѣдній день крѣпкій морозъ съ сѣверн. вѣтромъ и небольшимъ снѣгомъ. Со стороны непріятелей и напшой ничего пріятельского не было. Бѣглцы изъ непріятельского лагеря продолжаютъ являться и жаловаться на все. Иные и теперь въ башмакахъ, между прочимъ и въ полуушубкахъ, отъ которыхъ холодъ заставилъ отрѣзать рукава и натянуть на ноги. Зима добрая, если бы постояла съ недѣлю, много принесла бы намъ пользы. Такъ думаютъ и надѣются, что въ генварѣ мѣсяцѣ будутъ съ нашей стороны употреблены всѣ мѣры къ рѣшенію Крымскаго вопроса. Но положительно о распоряженіяхъ по этому предмету дознать трудно и невозможно.

Рассказываютъ плѣнны, что Рагланъ опять не согласенъ на предложеніе Карабера идти на штурмъ. Своимъ же будто бы объявилъ, что есть надежда на миръ; но если по 14 генваря (стар. ст. 2) не будетъ извѣстій о мирѣ, то онъ согласенъ на штурмъ.

Представленіе отъ г. Станюковича послано и вѣроятно уже получено вами. Какой награды удостоите меня недостойнаго, та и будетъ для меня лучше, та будетъ полезнѣе и для потомковъ моихъ. Не знаю даже, къ чему представлялъ губернаторъ. Хотя онъ и говорилъ мнѣ о крестѣ на Георгіевской лентѣ, но мнѣ совѣстно было самому написать это. Ибо исповѣдую предъ вами невольную вину свою. Послѣ того, какъ Станюковичъ присыпалъ ко мнѣ пітабъ-офицера узнать форму отношенія къ духовному начальству (о чёмъ уже писалъ я), встрѣчается мнѣ самъ онъ и просить убѣдительно, что бы я потрудился написать всю эту бумагу или представленіе. Сколько я ни отказывался отъ такого щекотливаго предложенія, долженъ

быть исполнить просьбу, зная опытно, какъ они (особенно старые моряки) мало знакомы съ нашою частю. Я былъ доволенъ тѣмъ, что онъ позволилъ мнѣ писать и о товарищѣ моемъ о. Александрѣ: представляя двухъ, я какъ бы не примѣтилъ, что пишу представление о самомъ себѣ. Въ этомъ черновомъ, вмѣсто самой награды, я употребилъ слѣдующую фразу: „въ полной увѣренности, что вы не оставите ихъ представлениемъ къ наградамъ, коихъ вполнѣ заслуживаютъ.“ Писалъ же только то, что было нами исполнено, безъ всякаго прибавленія; кой-о чёмъ не могъ написать именно потому, что мнѣ выпало на долю самому писать представление. Простите, если въ чёмъ виноватъ.

Вчера вечеромъ прибылъ доброволецъ, архим. Герасимъ¹⁾, иззябъ, измучился, истратился: живой жаль! Много жалѣть онъ, что снялся съ мѣста, а еще болѣе, что поѣхалъ изъ Одессы. Дѣйствительно, при настоящихъ обстоятельствахъ морской службы, которая выброшена на берегъ и страдаетъ какъ рыба на сушѣ, служба для старика хилаго—и притомъ архимандрита, есть вещь невозможная, я всячески ему совсѣмъ удалиться отъ настѣнъ; онъ охотно соглашается, но не можетъ успокоиться отъ напрасныхъ издержеекъ. Сегодня онъ отдыхаетъ, а завтра пойдетъ, что бы явиться и проститься, потому извоница не отпускаетъ.

Съ новымъ лѣтомъ имѣю счастіе привѣтствовать Вясъ, вашими св. молитвами да подастъ намъ Господь новое лѣто пріятное и сохранить отъ золъ мимошедшаго лѣта.

Нѣтъ отвѣта отъ о. Геронтія. А у Сакена не могъ еще быть, ибо не могу надѣть сапоги.

Митрополитъ здравствуетъ. О. Герасимъ вечеромъ идетъ къ нему.

Въ Бакчисараѣ умеръ староста мой Теллаховъ.

31 декаб. 1854 г. г. Севастополь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Ветхій архимандритъ, служившій прежде во флотѣ и участвовавшій въ Новороссійскомъ сраженіи. Изъ Севастополя онъ уѣхалъ въ кіево-печер. Лавру и здѣсь скончался. Прежде былъ настоятелемъ какого-то монастыря въ одной изъ великорос. епархій.

СВАДЬБА ВЪ ДЕРЕВНѢ¹⁾.

Браки среди деревенскихъ жителей и среди городскихъ мѣщанъ губерній, населенныхъ малороссами, заключаются обыкновенно во время мясопаса, непосредственно слѣдующаго за праздниками Рождества Христова: это для рабочаго люда самая лучшая пора и для того, чтобы повеселиться, и чтобы, какъ говорять они, „одружытыся“. И дѣйствительно, обѣ эту пору крестьяне ничѣмъ серіознымъ не заняты: есть у нихъ дрова—слѣдовательно, въ избѣ тепло; есть хлѣбъ и другіе запасы—слѣдовательно, онъ и его семья обеспечены отъ нужды, и сельскій, и городской обыватели вполнѣ отдыхаютъ въ это время, собираясь съ силами къ наступающей весенней и лѣтней страдѣ, которая потребуетъ тогда отъ нихъ и усиленного труда, и усиленного количества рукъ, и чрезвычайного физического напряженія. Только этимъ практическимъ путемъ и объясняется обычай заключать, среди рабочаго люда, браки въ послѣ-рождественскій мясопасъ. Въ прочую пору года если и бываютъ между ними браки, то они встречаются рѣже, въ рабочую же пору браки среди мѣщанъ и селянъ заключаются только въ экстренныхъ случаяхъ.

Браки эти обставляются особой торжественностью и особыми церемоніями, которыя носятъ на себѣ печать глубокой старины, хотя, впрочемъ, они не лишены уже новшествъ, внесенныхъ теченіемъ жизни, также измѣняющейся и въ сельскомъ быту временемъ и обстоятельствами.

¹⁾ Деревня Свидовоокъ, черкасского уѣзда, кіевской губерніи.

Прежде всего, еще за долго до формального сватовства, молодые люди, т. е. парень и девушка, полюбовно сходятся между собой, обоюдно соглашаются на вступление в брак между собою, къ тому же подготавляютъ и родителей своихъ, а сами же заключаютъ между собою словесный, искони заведенный обычаемъ, договоръ: *не обижать другъ друга*. Все то, что парень, во время ухаживанія своего, подарить девушкѣ „до браня рушники“¹, какъ то: мониста, перстни, ленты и проч., на случай, если-бы одна изъ сторонъ отказалась по какой-либо причинѣ отъ брака, не считается потерей и не подлежитъ ни возврату, ни взысканію; въ то же время, когда парень посыаетъ своего отца и двухъ съ нимъ человѣкъ „старостивъ“ къ отцу невѣсты „брать рушники“, и когда предложеніе родителями невѣсты принято, потери и безчестія несетъ та сторона, которая отказывается отъ условій. Если девушка нарушаетъ согласіе, то пропадаютъ ея „рушники“ и, сверхъ того, примѣрно, рубля три, израсходованные на угощеніе лицъ, окружавшихъ жениха, и наоборотъ. Обыкновенно плотить отецъ стороны, нарушившей договоръ. Если сторона, нарушившая условіе—сирота, то взысканіе производится и съ сироты. Убытки принимаетъ отецъ обиженнейной стороны: „батькова втата—батькови й заплата“. Если женихъ изъ другого села и невѣста мало его знаетъ или же совсѣмъ не знаетъ, а отецъ и мать изъявили свое согласіе, „рушники“ уже даны, а невѣста, собравши о нареченномъ неудовлетворительныя свѣдѣнія, принуждена бываетъ отказывать жениху, то въ семъ послѣднемъ случаѣ не ищутъ ни на комъ убытка: „рушники“ молодой пропадаютъ. Собственно говоря, по обычаямъ деревни, материальные претензіи къ лицамъ, нарушающимъ предбрачныя условія, начинаются съ того часа, когда молодая перевѣжетъ старость „рушниками“, такъ какъ съ дачей „рушниковъ“ и начинается „пропой молодои“. Бываютъ и такие случаи. Парень, напр., сосваталъ девушку; дали „рушники“ и обмѣнялись хлѣбомъ; но на бѣду предъявилъ на невѣstu свои права другой, болѣе любый ей парень, и свадьба разстраивается. Въ такихъ случаяхъ отца нарушившей условія стороны привлекаютъ уже къ

серъезной отвѣтственности, т. е., ведутъ его въ судъ¹⁾). На этотъ судъ, на основаніи крестьянскаго кодекса, никогда не является *дѣвушка-невѣста*, потому что, какъ говорятъ въ данномъ случаѣ селяне: „не она ихъ сватала“. Только въ крайнихъ случаяхъ и при обстоятельствахъ чрезвычайныхъ, именно: когда у невѣсты отъ отказавшагося жениха родился ребенокъ, сама невѣста появляется на судъ и предъявляетъ сему суду свое дитя, какъ вещественное доказательство ихъ обоюдной связи и обманутыхъ надеждъ, и т. д. Судъ подобнаго рода совершаются иногда и въ присутствіи священника; а иногда дѣло доводить и до разбирательства мѣстной полицейской власти и даже до мирового; чаще же всего *судъ о безчестії* вершится стариками-односельчанами и лицами, пользующимися наибольшимъ уважениемъ въ деревнѣ.

Эти подробности юридическихъ сельскихъ воззрѣній южно-русовъ на взаимныя отношенія брачущихся я предполагаю для того, чтобы уяснить читателю, что браки среди сельскихъ обычавтелей и бѣднѣйшихъ мѣщанъ въ городахъ заключаются между молодежью совершенно свободно и полюбовно и въ большинствѣ случаевъ безъ всякаго принужденія, хотя и не безъ вліянія со стороны старшихъ, и что отношенія эти, несмотря на свою простоту—чисты и нравственны, не лишены при этомъ поэзіи и увлекательности, и, какъ таковыя, заслуживають со стороны мыслящихъ людей болѣе тонкой и обстоятельной обработки, нежели простое описание обрядовой стороны деревенской свадьбы, излагаемой мною въ настоящей статьѣ.

1. Обрядъ: „браня рушныкивъ“.

Отецъ жениха беретъ съ собою двухъ односельчанъ, обыкновенно, ближайшихъ родственниковъ — „старости“²⁾, кото-

¹⁾ Въ д. Свидовѣ, черкасскаго уѣзда, быль, напримѣръ, такой случай: дѣвушка-невѣста отказалась своему жениху вечеромъ въ субботу пакануть свадьбы т. е. въ „дивитвичирѣ“. Коровы продали на базарѣ, а парни, отбившаго словоременную невѣсту, судъ принудили заплатить обиженнѣй сторонѣ за безчестіе и убытки 150 рублей.

рымъ вручается хлѣбъ; парень несетъ съ собой: сало, колбасу, кварту или, смотря по достатку, четверть ведра водки, и всѣ вмѣстѣ чинно отправляются къ отцу невѣсты для переговоровъ. Входя въ избу и поздоровавшись съ хозяевами, которые уже приготовились къ пріему дорогихъ гостей, старосты говорятъ: „чи не наймаєте наймичку на вики?“ или же: „чи не продаете соломы?“. Если согласны родители и если дѣвушкѣ любъ парень, то отецъ невѣсты принимаетъ отъ „старостивъ“ хлѣбъ, замѣняетъ его другимъ и отвѣчаетъ утвердительно на предлагаемые вопросы, невѣста же, зардѣвшись вся, перевязываетъ черезъ плечо старость „рушниками“, а собранный къ этому семейному торжеству подруги молодой—„дружки“—поютъ ей:

«Та заручена... (Лукія, Марія и т. д.),
Дала свою билу руку на заруку.
Ой, ручко-жъ моя билесенъка у батенька,
Чи будешъ така у свекорка?»

Молодая при этомъ горько плачетъ, а подружки продолжаютъ пѣть:

«Теперь, ненько моя, будешь тыко спати,
Уже не будуть подруженьки докучати,
Уже не будутъ кватырочки одсувати,
Уже не будутъ на улыцю выкликати».

Перевязанныхъ „рушниками“ старость, отца жениха и самого жениха усаживаютъ за столъ. Старосты ставятъ на столъ водку, а молодая—принесенную женихомъ закуску. Старосты, подчуя виномъ отца жениха и ея мать, приговариваются при этомъ: „Дай, Боже, тимъ счастя, за кого могорычъ пьемо, щобъ дитей малы, щобъ женить диждати и замиждати давать“. Тутъ же между угощенiemъ и пріятными разговорами старосты условливаются съ отцомъ невѣсты о количествѣ приданаго, а равно и о томъ, сколько въ понедѣльникъ, послѣ вѣнчанья, молодая должна дать платковъ, сколько заготовить для приглашенія на свадебное торжество и на самую свадьбу шишекъ и т. д., а дружки между тѣмъ поютъ „Ой хороше, хороше (далнѣйшія слова не записаны)“...

Договорившись обо всемъ обстоятельно съ отцомъ невѣсты по всѣмъ пунктамъ будущаго домашняго хозяйства жениха, которое онъ пріобрѣтетъ за женой, а также о времени, въ которое имѣеть состояться свадьба, и угостившись, сколько кому и какъ Богъ на душу положить, отецъ молодого и старости, получивъ въ замѣнъ хлѣбъ, возвращаются домой, а женихъ и дружки, согласно деревенскому этикету, остаются пока у невѣсты. Наконецъ и дружки расходятся, а женихъ остается ночевать въ домѣ молодой.

Собственно говоря, свадебное торжество, какъ таковое, продолжается четыре дня: четвергъ, пятницу, субботу и воскресенье, а въ понедѣльникъ, слѣдующій за воскреснымъ свадебнымъ днемъ, невѣсту, уже перевозятъ въ домъ жениха на волахъ въ телѣгѣ, на которой укладываются сундуки и весь скарбъ молодой жены, сверху же всего, на сундуки, устраиваютъ молодую.

2. Четвергъ и пятница.

Въ эти дни „бгаютъ“, такъ называемый, „коровгай“ въ домѣ невѣсты и пекутся шишки и прочая снѣдь, приготовляемая изъ муки. Родня жениха собирается у него въ домѣ, трактуетъ обыкновенно о животрепещущемъ вопросѣ и веселится, родня же невѣсты и дружки собираются въ домѣ молодой, гдѣ кипитъ спѣшная работа, по приготовленію къ воскресному дню. Во время приготовленія коровая и той суматохи, которая совершается въ избѣ, дружки поютъ:

1.

«Яѣ мы коровгай мисылы,
Зѣ Дунаю воду носылы;
Носылы воду зъ крныци;
Злиылы коровай сестрыци...
Наберемо водыци на току,
Зобгаемо коровгай братыку».

2.

«Хорошіи коровгайныци
Хорошенько коровгай бгаютъ,

Сыромъ прысыпаютъ, шашлыкомъ прылываютъ,
Ще й около квity, щобъ любылъся диты».

Вечеромъ въ пятницу поютъ не дружки, а молодыя бабы—
„молодычи“.

«Ягоды полуныци
Уже мынулъся, уже мынулъся
(имя невѣсты) вечорныци.
Да идутъ сестрыци на вечорныци,
А (NN) до воритъ клычутъ...
Да идти, сестрыци, мене не ждите,
Жалю мени не робите:
Уже (имя жениха) сыдѣть,
Та за рученьку держыть
— Винъ мене не пускае,
Ты, (NN), моя, недиленъка твоя,
Не идемъ ни ты ни я.
Та сыдимо дома, просимо Бога,
Щобъ счастыла намъ доля».

Подъ звуки этихъ пѣсенъ, сажаютъ въ печь: „коровай, шишки, лежни, шишку-княженецъку“, которую украшаютъ калиной, ржаными колосьями, маленькими изъ тѣста лѣпленными птичками, изображающими голубковъ. Послѣдняя шишка предназначается специально въ подарокъ жениху.

С у б б о т а .

Весь субботній день молодая съ дружками посвящаетъ на приглашеніе родичей своихъ и родичей жениха на свадьбу, а въ домъ идутъ усиленныя приготовленія встрѣтить такъ называемый „дивитвечиръ“.

Вставши рано и одѣвшись нарядно, какъ того требуетъ деревенскій этикетъ: на ногахъ „сапьянци“, въ богато расшитой рубашкѣ, съ такимъ же полотенцемъ въ рукахъ, съ бусами и монистами на шеѣ и богатыми яркими цвѣтами лентами на головѣ и въ косѣ, молодая идетъ къ отцу жениха взять благословеніе и дозволеніе на то, чтобы собрать дружекъ.

Входя въ избу и поклонившись будущему свекору три раза въ поясъ, говоритъ: *благословить, тату, мени по дружки ити* „, Свекръ каждый разъ отвѣтаетъ: „*Богъ благословыть*“. Тѣ же поклоны и тѣ же слова она повторяетъ матери молодого и, послѣдовательно, ему самому, отъ которыхъ, въ свою очередь, получаетъ разрѣшеніе, выраженное словами: „*Богъ благословыть*“. Послѣ этого невѣstu и дружекъ усаживаютъ за столъ, предлагають имъ завтракъ и подчують водкой. Подкрѣпивши свои силы пищей, невѣста, поблагодаривши за угоженіе, отправляется вмѣстѣ съ дружками, обыкновенно впереди ихъ, къ священнику. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ идутъ къ священнику женихъ и невѣста вмѣстѣ. Отъ священника уже молодая направляется къ родичамъ, а потомъ къ почетнымъ жителямъ села. Входя въ домъ, молодая, по обычаяу, кланяется „въ поясъ“ и говорить тихо: „*просылы батько и маты и я прошу на хлибъ, на силь, на весилля*“ и, при этомъ, дарить шишку. Каждое движение невѣсты на улицѣ сопровождается пѣніемъ дружекъ, пріуроченнымъ къ этому торжеству.

1.

«Снигомъ, (NN), снигомъ, мы за тобою слизомъ;
Мы за тобою, молодою, зъ хорошио ордою;
За тобою, дружыною, зъ хорошою челедыною».

2.

«Нызомъ, дружечки, нызомъ, закидайте дориженъку хлибомъ:
У (NN) кинь вороненъкій перескочить гай зелененъкій».

3.

«По той бочокъ ставу клыкавъ павычъ паву,
Иды, иды, моя павочка, дамъ я тоби вынне яблучко,
А за тее вынне яблучко—потеряла дивуванничко,
А за тее виннишее—потерила вирнишее».

4.

Йшли дружечки рядочкомъ цо лідъ вышневымъ садочкомъ,
Вырвалы квитку зелененъку, закинчали (NN) молоденъку».

5.

«Тисни улыченъки, тисни! ой, чогожъ воны тисні?
Бо йдутъ дружечки пышні»,

Несуть коровгу здорову. На тій корвзи лыстонъки,
Це тоби NN звистонъка,
А на тій коровзи малювання,
Це тоби, NN дивовання».

6.

Ой, поче, поче, Гордію!
Не дзвоны рано въ недилю,
Задзвоны въ субботу
Потерай дружечкамъ роботу.
Дивки въ субботу не прядуть:
Дивци, NN, винки вьють».

7.

«Нема пола дома, поихавъ до Киева ключики куповать,
Церковцю одмыкаты,
Церковцю одмыкаты,
NN винчаты.
Винчалась NN, винчалась,
Въ червони чобитки прыбрадась
Червони чобитки на нози,
Покупавъ ихъ NN въ дорози.
Поносы, NN, новыи
Шокупыть NN другыи».

8.

«Скочу я у городець, вырву я барвиночку,
Постелю постилочку
Постиль пуховая,—челядь молодая;
Постиль пуховенька—челядь молоденька».

9.

«Схилылась верба зверха до кориня,
Винчалась NN зъ ранку до полудня.
Стояла NN пидъ винцемъ,
Чесала висонъки гребинцемъ.
Упавъ гребинець пидъ стилемъ
Подай NN гребинець!
Я тоби NN не вдивець,
Щобъ я подававъ гребинець,

Я тоби NN, не вдивчикъ,
Щобъ подававъ гребанчыкъ».

10.

«Ой, просо, просо, волотти!
Ой, косо моя кохана!
Не викъ я тебе кохала,
Що субботоньки чесала,
Що недиленьки зражала,
(А) за одынъ вечиръ стерала!
Ой, косо моя кохана!»

11.

«Яворе-яворочку, на жовтимъ писочку,
— Тамъ щука-рыба грае...
Сама соби дывувалась,
Що зъ хорошимъ нагулялась
И зъ кращимъ звинчалась».

12.

Хміль долыною—жовтє стеблечко,
Що мовить NN мылый, мое сердечко?»

13.

Скокы, бокы, сорокы, низки поклоны вороны,
Довги носочки зъ чаечокъ, далеко чуты дружечокъ».

14.

«Ой, гаю, мій гаю, и тебе кохаю!
Травыцю повыкошую,
Та на берегъ повыношую,
Щобъ було зелененько,
Родови веселенько...
А щобъ було зеленише
— Родови веселише».

15.

«Одчиняйте двери, застылайте столы,
Справляйте кубочки:
Не далеко дружечки!»

16.

«Не сама я пенько иду,
Симсотъ дружечокъ веду,

Сімсотъ ще й чотыри,
Та вси чорнобриви...
Сімсотъ ще и пятнадцять,
Та вси у сап'янцяхъ».

17.

«Та спасыбы тоби, мои ненько,
Що ты мене будыла раненъко.
А я слухала, вставала;
Та соби рушныкивъ напряла;
По гори ходыла—билила
—Я своихъ старостивъ дарыла».

18.

«Горою витеръ віе,
Долыною сонце гріє...
На яръ повпвае,
Снигъ землю покрывае».

Обойдя всѣхъ, кого предполагалось просить на свадьбу, и повеселившись вдоволь на улицахъ села, молодая съ дружками отправляется къ молодому, подходя къ хатѣ котораго, дружки поютъ:

«Ой, гай, маты, гай, гай,
Кисоньку свою май, май!
Пусты мене, маты
Въ сей гай погуляты,
Въ сей гай погуляты,
Косою помаиты,
Косою русою—дивоцькою красою».

Взойдя въ хату, всѣ въ рядъ говорятъ: „добрывечиръ щему всему дому, старому, малому и Богови святому!“ Послѣ привѣтствія, молодую и дружекъ усаживаютъ за столъ и угощаютъ, чѣмъ Богъ послалъ, а дружки на радостяхъ поютъ:

1.

«Зряженъ вечиръ, дивитвечиръ, та рано, рано;
Зряженъ вечиръ, дивитвечиръ, та рано-ранесенько;
На три стини-камянії, та рано, рано;

А на четвертую золотую, та рано, рано;
 Та на четвертую золотую, та рано—ранесенько;
 На тій стини макивочка, та рано, рано;
 На тій стини макивочка, та рано-ранесенько;
 А на макивочки ластивочка, та рано, рано;
 Та звала гнездечко зъ черного шовку, та рано-ранесенько;
 Та вывела диты-однолитки, та рано, рано;
 То перше дытятко—молодый..., та рано-ранесенько;
 А друге дытятко—молодая..., та рано, рано...»

2.

«Та лытять галочки
 Въ трь рядочки,
 А зозуля попереду.
 Та уси галочки по лугахъ силы,
 А зозуля на калыни.
 Та уси галочки защебеталы,
 А зозуля закувала.
 Та идуть дружечки
 У трь рядочки,
 А NN попереду;
 Та уси дружечки
 На лавца силы,
 А NN на поводи;
 Та уси дружечки та заснивали,
 А NN заплакала.»

Подкрѣпившись пищею, невѣста и дружки отправляются въ домъ молодой, а женихъ садится за столъ и ожидаетъ боаръ и музыкантовъ. Въ домъ невѣсты мать ея встрѣчаетъ молодую и дружекъ, опять ихъ угождаетъ всѣхъ, иногда приглашаетъ садиться, а иногда и нѣтъ и вновь отражаетъ всѣхъ ихъ къ жениху, у котораго, къ тому времени, уже въ сборѣ и бояре, и музыка, подъ звуки которой бояре съ дружками и отправляются въ лѣсъ рубить „ильце,“ т. е., небольшое сосновое деревцо, нужное для обстановки свадебнаго торжества. Когда отправляются рубить „гильце,“ то поютъ то же самое, что пѣли молодой, которая ходила по селу и приглашала гостей на

свадьбу, или же и совсѣмъ ничего не поютъ во всю дорогу къ лѣсу, или же, наконецъ, поютъ слѣдующее:

1.

«До бору, дружечки, до бору,
Зрубайте сосну здорову,
Та понесемо додому,
Та поставымо на столи,
На биленъкій скатерти.»

2.

«А въ нашего гыльца.
Золотіп крыльца,
Якъ сонечко сяе
Одъ витру въяне.»

Пока ищутъ подходящее деревцо, то поютъ:

«Ой, де тая сосна,
Що у бору взросла,
Що у бору родилася,
NN судылася,
Въ бору кохалася,
NN досталася.»

Нашедши подходящую сосенку и срубивъ ее, поютъ туже пѣсню, но съ измѣненiemъ словъ, „ой, де тая сосна“ на: „оце тая сосна“ и т. д. Пришедши къ жениху съ сосенкой, дружки застаютъ невѣсту у него, которая сидитъ за столомъ на почетномъ мѣстѣ, сами разсаживаются вокругъ нея и поютъ:

1.

«Встань, маты, у субботоньку,
Измый мени та головоньку.
Ой, матинко мој ридная,
Головонько, мој бидная!
Встань, маты, та ранесенько,
Змый мене та билесенько!
Бильшъ ты мене та не мытымешъ,
Билыхъ ручокъ не томытымешъ...
Бильшъ ты мебе не чесатымешъ,
Своихъ ручокъ не ламатымешъ.»

2.

«Зъ субботоньки та на недилю
 Вышла NN у шавлію:
 Ой, кто мене у шавлія найде,
 То тому я достануся.
 Пишовъ батенько—не найдовъ,
 Вырвавъ квиточку—та ѹ пишовъ.
 Квиточко моя, дзиндзюравая,
 Доненъко моя, чорнобровая,
 Та кому ты та досталася?

Та же участь постигаетъ ея мать, брата и сестру, но пошель женихъ:

. . . . тай найдовъ,
 Взявъ за рученьку, тай пишовъ.
 Квиточко моя, дзиндзюравая,
 NN моя, чорнобровая,
 Та мени ты досталася.»

3.

«А у субботоньку, рано, сыне море грае
 Сыне море грае, NN потошае,
 NN потопае—батенька выклыкае:
 Батеньку, твоя воля,
 Выратуй мене зъ моря!
 Не моя, доненъко, воля
 Рятуваты тебе зъ моря

Отказываются по порядку спасать невѣсту изъ морской пучины и мать ея, и сестра, и братъ. Тогда она обращается къ жениху, называя по имени:

« , твоя воля,
 Выратуй мене зъ моря.
 Моя, . NN . , воля
 Рятувать тебе зъ моря.»

За симъ, всѣ встаютъ изъ-за стола, крестятся на иконы и говорятъ на распѣвъ: „благодарю всему, старому и малому и Богови святыму, потомъ беруть съ собой „гильце,“ выходятъ изъ хаты и направляются въ домъ молодой. Дорогой, при этомъ, поютъ:

1.

«Якъ булы мы въ пана—свата,
 Була намъ добра шана,
 Пылы мы горилку
 За NN давку;
 Пылы мы, гулялы,
 Гиллечко зрубалы.»

2.

«Ой, матинъко, утко!
 Ворочайся хутко:
 Сонечко нызенько,
 Дружечки блызенько,
 Сонечко ще нызче
 Дружечки ще й блызче.»

Повторяютъ также пѣсни: г.) „одчиняйте двери“ (№ 15) и „не сама я йду“ (№ 16). Когда уже подойдутъ къ дому невѣсты, пѣсня прекращается, дружки останавливаются у дверей, а въ хату входитъ только молодая, въ знаѣ привѣтствія кланяется отцу и матери, на что они обое отвѣчаютъ приказаниемъ: „иды поклонысь дружкамъ, нехай идуть въ хату!“ Невѣста возвращается къ дружкамъ, кланяется и приглашаетъ въ домъ, потомъ размѣщаетъ ихъ по старшинству за столомъ, а сама, стоя впереди стола, угощаетъ ихъ, причемъ дружки поютъ 1) „вряженъ вечиръ;“ 2) „ягоды полуныци;“ 3) „та летять галочки;“ 4) „та теперь, маты, будешъ тыко спаты.“ Поджидая жениха, который съ своей свитой долженъ скоро прибыть, дружки опять поютъ:

«А въ бору сосонка зросла,
 Спустыла гылля до долу:
 Часъ намъ, дружечки, до дому!»

За симъ, дружки и всѣ прочие, кроме отца и матери невѣсты, идутъ во дворъ на встрѣчу жениху; жениха, украшенного хусткою, сопровождаютъ: бояре, старосты, „свитылыки“ и музыка. У дверей хаты всѣ останавливаются и только входятъ въ нее, по обычаю, двое старостъ. На дворѣ музыка играетъ, а дружки съ боярами устраиваютъ танцы. Спустя некоторое время,

старшій бояринъ береть съ собою „гильце,“ оставляетъ его пока у порога и также входить въ избу. Остановившись у двери, онъ громогласно произноситъ, какъ говорять въ деревняхъ, „туже:“

«Старосто, пани старосто!
— Ради... слухаю—
«Благословить у сей домъ покрасу внести!»

Это старшій бояринъ повторяетъ три раза, на что и получаетъ каждый разъ въ отвѣтъ: „Богъ благословыть!“ Послѣ этого бояринъ вноситъ въ хату „гильце,“ вырѣзываетъ въ хлѣбѣ ножомъ дыру, вставляетъ въ него срубленное деревцо и ставить на столъ. Пока старшій бояринъ занятъ снаряженіемъ „гильца,“ одинъ изъ старостъ незамѣтно выходитъ во дворъ, беретъ жениха за руку и вводитъ въ хату. Въ слѣдъ за женихомъ входятъ: свашки, „свитылки“ и бояре. Всѣхъ ихъ усаживаютъ за столъ, угожаютъ водкой и ставятъ на столъ вечерю, обыкновенно, вареную капусту. Невѣста на время выходитъ также во дворъ, собираетъ вокругъ себя подружекъ и съ ними возвращается въ хату. Положивъ на тарелку два платочки, она подходитъ съ ними къ столу, за которымъ сидѣтъ на почетномъ мѣстѣ женихъ, кланяется три раза и передаетъ эти платочки — одинъ молодому, а другой старшему боярину. За любезность и за полученные подарки женихъ и бояринъ, въ свою очередь, одаряютъ молодую и бросаютъ въ тарелку деньги, ето сколько можетъ: кто гривенникъ, кто больше, кто и меньше, а дружечки заливаются:

«Ой, вылетивъ пивень тай на воритечка,
Крыльцамъ бѣе,
А . . . NN
Хустку дае.
Ой, вылетивъ пивень та на воритечка: «кукурику!»
Ой, NN до ваку,

Молодой съ старостами и боярами ужинаютъ и угожаются, угожаются съ ними свашки и „свитылки“, запѣвая при этомъ: „Зряженъ вечиръ“. Невѣста въ это время, если есть другая

изба, а если идти, то идетъ вмѣстѣ съ дружками къ кому-либо изъ сосѣдей плести вѣнки. Для этой цѣли берутъ старое кольцо, обматываютъ его разноцвѣтнымъ гарусомъ—краснымъ и синимъ: это и будетъ вѣнецъ. Оставшіеся въ хатѣ пирующіе приглашаютъ со двора музыку, угощаютъ ее закуской и водкой, т. е. даютъ на смычокъ. Музыка за это играетъ, а свашки и „сви-тылки“ танцуютъ. Повеселившись вдоволь, свашки и „сви-тылки“, обращаясь къ сидящимъ за столомъ, говорятъ: „прощавайтѣ, та звѣнилайтѣ! То мы до васъ зайды, бо мы збылись зз дороги... та спасыби, що насъ нагодувалы, може мы и васъ колы не забудемъ. Теперь не карайте. Можетъ другой разъ попадемось, то будете вязаты,“ и за симъ уходятъ. Идутъ они къ жениху, гдѣ ихъ опять угощаютъ. Нѣкоторыя изъ нихъ тутъ же, т. е. въ хатѣ жениха, остаются и ночевать, а прочія расходятся по домамъ. По уходѣ свашекъ, свитылокъ, дружекъ, бояръ, старость и жениха, у невѣсты остаются только близкіе родные ея, какъ то: дядья и тетки, которымъ опять подаютъ ужинъ. Наконецъ, уже въ позднюю пору всѣ расходятся по домамъ.

Воскресенье.

Въ воскресенье, до благовѣста въ церковь, женихъ и невѣста одѣваются каждый у себя къ вѣнцу. Къ одѣванью жениха допускается только старшій бояринъ; невѣста же съ субботы не въ правѣ сдѣлать ни шагу безъ старшей дружки: она причесываетъ молодую, накладываетъ ей вѣнокъ на голову, убираетъ волосы лентами и вмѣстѣ съ нею же собираетъ и дружекъ. Пока еще не звонятъ во всѣ колокола, старшая дружка беретъ съ собой платокъ, свѣчи, полотенце подъ ноги, и за симъ идутъ въ церковь. Женихъ такъ же собираетъ свою свиту и въ одно почти время съ невѣстой является въ храмъ. Въ строгой и религіозной паствѣ женихъ и невѣста, обыкновенно, въ этотъ день пріобщаются Святыхъ Таинъ. По окончаніи литургіи—слѣдуетъ обрядъ вѣнчанія. Послѣ вѣнца, невѣstu окружаютъ дружки, а жениха—бояре, и всѣ вмѣстѣ направляются въ домъ жениха. Теперь уже женихъ идетъ домой подъ руку съ невѣстой.

По дорогѣ встрѣчаетъ ихъ музыка; бояре и дружки танцуютъ на ходу и при этомъ поютъ: 1) „Винчалась, NN, винчалась“, 2) „Схилылася верба“, и

3.

Леты соколонъко нопередъ насъ,
Звисты матинку нпередъ насъ,
Нехай вона выйде зъ калачемъ,
Звичалы іи дытятко зъ панычомъ...
Хоть не зъ панычемъ—зъ мужикомъ,
Звязалы руки рушникомъ>.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ губернії кіевской, а также на Волыни и Подолії свадебное шествіе изъ церкви встрѣчаютъ дѣти (дитвора), которая переливаютъ дорогу водой, т. е. устраиваютъ яко-бы заставу. Для того, чтобы шествіе не останавливалось, невѣста и женихъ даютъ дѣтворѣ выкупъ: деньги, сладости или что-либо изъ свѣтнаго свадебнаго. Пришедши къ молодому, усаживаютъ молодыхъ за столъ, вокругъ ихъ разсаживаютъ дружекъ и бояръ и остальное общество, и начинается пиръ, послѣ которого гости начинаютъ расходиться по домамъ, и только ближайшіе родные остаются и обѣдаютъ вмѣстѣ съ новобрачной четой. Новобрачные просятъ уходящихъ не засиживаться по домамъ, а возвращаться „заразъ“. Послѣ обѣда невѣста съ собравшимися дружками и боярами танцууетъ во дворѣ. Музыка играетъ козака, гопака, трепака. Въ общемъ веселіи и танцахъ признаетъ участіе всякий: веселятся и старый, и малый, и приглашенный, и случайно или изъ любопытства очутившійся на свадьбѣ, словомъ, народъ веселится, т. е. „справляє весилля“. Жениху на это время даютъ покой, что бы онъ отдохнулъ, дабы, наконецъ, приступить и къ послѣдней свадебной церемоніи, такъ называемому обряду: „скланяня“, т. е., изъявленія повиновенія и покорности родителямъ, не смотря на вступленіе его черезъ бракъ въ самостоятельную жизнь.

Обрядъ „скланяня“.

Къ обряду скланяня собирается много народу, а также возвращаются и старосты, и свитылки, и свашки, и бояре. Стა-

росты усаживаютъ новобрачнаго въ хатѣ за столъ, а отца съ матерью устраиваютъ въ сѣнахъ рядомъ на ступѣ или ослонѣ. Когда усаживаютъ новобрачнаго за столъ, то свашки и свитылки поютъ:

«Иде NN на посадъ
Встрича его Господь самъ:
Хто жъ тоби та цей посадъ давъ
Долею счастльвою и доброю годыно?
Цей посадъ пысарь пысавъ,
Отъ Господа Бога пысалы его пысарца
Темной ночи пры свичи
Ясного сонца, коло виконца».

Послѣ того, какъ пропоютъ эту пѣсню, младшій изъ старостъ беретъ новобрачнаго за руку, выводитъ его въ сѣни и, подведши къ отцу и матери, накладываетъ хлѣбъ на его голову и нагибаєтъ ее, т. е. склоняетъ. Новобрачный, въ такомъ положеніи, три раза кланяется въ землю отцу и матери и пѣлуетъ ихъ, а свашки съ свѣтелками поютъ:

«Похиле дерево—та ялина,
Покирне дыяттяво Марына,
Поклоныся отцу, ненъци
— Та вызенько».

Если отецъ новобрачнаго не родной, а вотчимъ, или же онъ круглый сирота, а мѣсто отца и матери заспупаютъ постороннія лица, въ такомъ случаѣ пѣсня видоизмѣняется такъ:

«Ой, кому ты, братику, тай кланяишься?
Що у тебе отца-ненъки тай немае».

Вслѣдъ за симъ, младшій староста подводитъ новобрачнаго къ порогу и говоритъ: „Старосто, старший!“

— „Ради, слухаю“, отвѣчаетъ староста старшій.

— „Благословить въ оцей домъ молодого ввести“. Это повторяетъ младшій староста и разъ, и два, и три, на что и получаетъ въ отвѣтъ: „Богъ благословить уси три разы“. Послѣ этого, жениха вводитъ младшій староста въ избу, усаживаютъ его за столъ, за столъ садятся и старости, избу наполняютъ бояре, свашки и свитылки, которые и поютъ:

,зряженъ вечиръ—дивитвечиръ“. Мать новобрачнаго подаетъ на тарелкѣ: кисти калины, овесъ и колосья ржи. Изъ калины и ржи свашки и свѣтелки приготавлиаютъ два букета: одинъ вставляютъ въ бутылку, княженецкую, т. е. въ бутылку съ красной водкой, а другой привязываютъ къ гильцу, при этомъ свашки и свѣтелки, кидая оставшуюся калину на гильце, поютъ:

«Не вдить молодыци до насъ гильца выты,
«Зовемо мы сами зъ скрыпкамы, зъ цембаламы, зъ
хорошымы боярамы».

А обращаясь къ жениху, прибавляютъ, для выполненія церемоніи:

«Теперь годына не тая,
Щей дориженка слзыкая,
Треба NN чобитокъ,
Ще й золотыхъ пидкивокъ».

Въ одинъ мигъ и старосты, и свашки, и свѣтелки, и бояре бросаются въ тарелку, стоявшую на столѣ съ овсомъ, депыги, яко-бы на подковы жениху, и, какъ овесъ, такъ и деньги, старшій староста высыпаетъ новобрачному за воротъ рубахи. За симъ идетъ угощеніе, а послѣ угощенія свашка—одна изъ болѣе почетныхъ—пристегиваетъ къ шапкамъ старостъ съ правой стороны букетики изъ калины. Старосты надѣваютъ свои шапки и вооружаются „ципками“, т. е. палками, въ знакъ особаго почетнаго ихъ положенія, какъ провожатыхъ жениха въ далекую дорогу. Невѣста быстро скрывается и отправляется съ дружками домой. Женихъ одинъ изъ старостъ выводить за руку во дворъ, на которомъ, вблизи хаты, другой староста уже поставилъ „дизжу“ къ верху дномъ, покрылъ ее скатертью и положилъ хлѣбъ съ дрибкомъ соли. Старшій староста обводить новобрачнаго вокругъ „дизи, а мать посыпаетъ его овсомъ, горохомъ, а если люди зажиточные—и конфектами, деньгами... Въ это время свашки поютъ:

«Овесцемъ, матинко, овесцемъ,
Щобъ нашъ овесецъ рясенъ бувъ,
Щобъ нашъ NN красенъ бувъ».

За симъ, мать, взявши съ „дижи“ хлѣбъ, а сына черезъ полу платья за руку, выводить его за ворота и передаетъ старшему старостѣ и молодого, и хлѣбъ. Старосты со свитой провожаютъ его къ церкви, передъ которой молятся и бываютъ поклоны, а бояре, сверхъ того, сквозь щель бросаютъ въ церковь деньги. Послѣ этого всѣ направляются въ домъ новобрачной. Въ то время, когда въ домѣ жениха совершаются послѣднія свадебныя церемоніи, освященные обычаемъ и оставленные народу глубокой стариной, въ домѣ молодой надъ новобрачной повторяется тотъ же обрядъ „скланяння“ и съ тѣми же формальностями, только здѣсь старостѣ замѣняетъ ближайшая родня невѣсты, и новобрачной не выводятъ на улицу.

И. Стриженевскій.

ИЗЪ ВЫТА СТУДЕНТОВЪ СТАРОЙ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ¹⁾.

(ОКОНЧАНІЕ).

XIII.

Філософы-демонстраторы.

Стара кіевская академія, какъ мы уже замѣчали, страдала отсутствіемъ здравой педагогії. У нея лучшимъ воспитательнымъ средствомъ, которому усвоилась чуть ли не всемогущая нравственно-цѣлительная сила, была розга. „Пляги“ послѣдней щедро, порой даже съ забвенiemъ мѣры и пощады, отпускались академическими педагогами не только провинившимся студентамъ (какъ „сatisfacciа“ имъ и предупрежденіе отъ зла другимъ— „чтобъ другимъ не повадно было“), но иной разъ и невиновнымъ, лишь подозрѣваемымъ („бой подъ пристрастиемъ“, „пострашиваніе боемъ“).

Такая воспитательная система, понятно, сильно угнетала и страшно ожесточала студентовъ... Часто случалось, что провинившійся студентъ изъ-за одного того, чтобы избавиться отъ „жестокихъ и нещадныхъ плягъ“, навсегда прощался съ самой академіей! Особенно раздражали студентовъ наказанія безъ вины, по одному подозрѣнію, или педагогическому недоумѣнію...

Конечно, инфімистъ или синтаксистъ, получивши, хотя и незаслуженно, внушительное число плягъ, только почесывалъ,

¹⁾ См. „Кіевск. Стар“ 1896 г., № 2.

какъ выражается Н. В. Гоголь, свои шаровары, не осмѣливалась (чтобы не получить двойной порці) прямо, въ глаза, заявить своему экзекутору, что его десница „неправедно“ царапаетъ. Но философъ, еще въ риторикѣ самовольно и гордо помышлявшій о томъ, „чтобы его люде стали узнавать“, и, тѣмъ болѣе, богословъ, увѣренный уже, что онъ всегда можетъ „изобрѣсти себѣ пристоинства чинъ“, такъ какъ и „респектомъ митрополита ученія богослововъ не бывають оставляемы“, не могли равнодушно переносить плягъ *сверхъ* своихъ *долженыхъ заслугъ*, особенно по единоличному суду префекта (онъ былъ главнымъ педагогомъ въ академіи), безъ соизволенія на то ректора, что практиковалось въ академіи, вопреки постановленію Духовнаго Регламента¹⁾. Они (главнымъ образомъ философы, которымъ очень часто приходилось испытывать горькую тяжесть префектовской десницы²⁾ въ подобныхъ случаяхъ, т. е. когда префектъ являлся ихъ неправосудно-жестокимъ палачемъ, подымали въ академіи настоящія „возмущенія“³⁾.

Первое такое „философическое возмущеніе“ въ кievской академіи было въ 1733 году противъ префекта Стефана Калиновскаго⁴⁾.

¹⁾ ... Префектъ имѣетъ власть наказывать себѣ подчиненныхъ за преступление, но малыхъ разгово, а среднихъ и большихъ словомъ угровительнымъ, а по томъ на исправляющихся досовѣти ректору“ (Духов. Регл., отд. „домы училищные и въ нихъ учителя и ученики“... № 1, л. 6-й).

„Ректоръ, верховная власть, всѣхъ всиленъ, по разсужденію, наказаниемъ наказывать можетъ“ (Ibid., п. 8-й. Полн. собр. постан. и распор. по вѣд. православ. Рос. имперіи, т. 1-й, стр. 26).

²⁾ Это потому, что они, по переходѣ риторического моря, становились „большими академиками“ и пользовались большею свободою, сравнительно съ своими меньшими сотоварыщиами. Свобода же, какъ новинка, вела ихъ къ безудержу, къ разными „продерзостямъ“, за которыхъ префектъ и париль ихъ лозами, не задумываясь очень, дѣйствительно ли виновенъ тотъ или другой философъ, и не довода объ этомъ до свѣдѣнія ректора... Богословы, смыкши со свободою, уже были сдержаннѣе.

³⁾ Возмущенія никогда не облегчали ихъ участіи и даже окончивались неожидательными и печальными для нихъ результатами.

⁴⁾ Трудно сказать определенно, что именно послужило къ этому возмущенію: дѣла о немъ, которое (по замѣткѣ докуменга о демонстраціи въ академіи въ 1763 г.) должно бы быть въ архивѣ Киевской духовн. консисторіи, мы, при всѣхъ старані-

Калиновский, бывший, въроятно, строгимъ и взыскательнымъ, но въ разборѣ студенческихъ дѣлъ мало внимательнымъ, а по-тому не особенно справедливымъ начальникомъ, не по достоинству оцѣнилъ и свыше заслугъ наградилъ поведеніе философа Пантелеймона Чарнѣцкаго.

Чарнѣцкій, не сознававшій за собою отличія, достойнаго обидной для него префектовской награды, вознегодовалъ и, въ пылу досады и гнѣва, учинилъ три противности префекту за его беззаконіе. Калиновский, надо полагать, въ долгу не остался и отплатилъ Чарнѣцкому, еще какъ „предерзателю“.. Товарищи Чарнѣцкаго, смотрѣвшіе на его противности префекту, какъ на *необходимое* разъясненіе послѣднему его ошибки и несправедливости, возмущились, когда префектъ не только не принялъ во вниманіе этого разъясненія, но еще снова наказалъ ихъ коллегу... Они рѣшили, что довольно академіи нести тяжелое иго тирана Калиновского, отъ котораго жестоко достается и правому, не только виновному!.. На слѣдующій день они не пошли на префектовскую лекцію, составили въ квартирѣ философа Ивана Яворскаго петицію митрополиту на префекта—и уже готовы были торжествовать свою победу... Но не тутъ то было!

Калиновский, какъ начальникъ, оправдался предъ митрополитомъ, виновными же остались „бунтовщики“. Они оказались дерзновенно возставшими на попраніе академической власти, чтобы безнаказанно творить, что угодно! Они подали жалобу и притомъ ложную! Разумѣется, за это ихъ нельзя оставить безъ наказанія!.. И вотъ митр. Рафаилъ Зaborовскій 15-го марта 1733 г. положилъ дѣлу такую резолюцію:

„Пантелеймона Чарнѣцкаго инспектора Афендикового за противность префекту троекратно учиненнную, какъ непотребного философа, Противника и продерзателя не умѣющаго наставляти дисципула своего Афендика¹⁾, яко всему фи-

ахъ, не наши тамъ, а потому ограничиваемся лишь догадкою на основаніи резолюціи митр. Рафаила Зaborовскаго, сдѣланной имъ 15 марта 1733 г. на представление о философскомъ возмущеніи. Резолюція эта буквально приведена ниже.

¹⁾ Можно думать, что Чарнѣцкій былъ наказанъ Калиновскимъ за его дурное вліяніе на Афендика.

лософіческому возмущенію primum causatorem въ брамѣ вънутрь цвінтара зазвонивши въ звонокъ школный плетьми выбыть, при собраніи протчыхъ студентовъ, дать ему шестьдесятъ плягъ, и изъ школы выекслюдоватъ. Протчыхъ філософовъ, а именно: Ивана Яворскаго, яко перваго къ противности учителю своему возмутителя и въ домъ свой для составленія челобита на префекта зазывателя, Илію Команѣцкаго, Демьяна Аскоронскаго, Николая Зеленецкаго, Федора Яновича, Лашевскаго, Тодорскаго, Марковича и Александровича бить плетьми. Остальныхъ же двадцати человѣкъ за презрѣніе лекцій префектовской наказать плетьми въ келіи архімандрічей, то есть бывшихъ на кондїції, а жившимъ въ бурсѣ въ недѣлю цвѣтоносную держа въ рукахъ свѣчи предъ иконою Богоматери чрезъ всю літургію на колѣнахъ стоять“.

Такъ неожиданно поплатились студенты за свою демонстрацію! Но этого мало. Ихъ „філософическое возмущеніе“, къ ихъ прискорбію,увѣнчалось еще появленіемъ въ академіи инструкції—*Leges academicae docentibus ac studentibus observanda*,—утвержденной 7-го октября 1734 года, митр. Р. Зaborовскимъ съ такими пунктами: 1) „Ученики, какой бы школы ни были, бунтовъ учинять ни противъ кого, а особливо противъ учителей, не должныствуютъ; учинителей бунтовъ жестоко наказывать или паче искоренять надобно“ ¹⁾. и 2). Никто изъ студентовъ, безъ вѣдома и позволенія префекта и профессора, не долженъ безпокоить великихъ и знатныхъ особъ просьбами“ ²⁾...

Такимъ образомъ, студентамъ былъ положенъ запретъ не только „учинять мятежи“, но и члобитствовать на свое начальство, безъ вѣдома и благословенія послѣдняго, какъ бы ни невыносимъ порой бывалъ его режимъ.

Однако время мало-по-малу какъ бы унесло съ собою силу указанного запрета. (Да это и вполнѣ естественно: между начальствовавшими въ академіи бывали вѣдь всякие люди: и индифферентные и даже безсовѣстные въ отношеніи къ студентамъ.

¹⁾ См. Инструкцію у В. Аскоченскаго „Кievъ съ его древнѣйшимъ училищемъ Академіей, ч. 2, стр. 102—108, пунктъ XI.

²⁾ Ibid, пунктъ XX.

Не воліять противъ нихъ студенты не могли, когда исчезало всякое терпѣніе; и ожидать на это ихъ позволенія и благословенія, разумѣется, было бы, по меньшей мѣрѣ, дикимъ)... По крайней мѣрѣ, уже въ 1749 г. мы видимъ студента Ольшанскаго члобитствующимъ митрополиту, безъ предварительной академически-административной цензуры, на самого тогдашняго ректора, архим. Сильвестра Ляскоронскаго; то же самое сдѣлалъ въ 1750 г. и риторъ Антоній Гонтковскій¹⁾... А въ 1763 году мы встрѣчаемся и съ новымъ „философическимъ возмущеніемъ“ въ академіи.

Исторія этого возмущенія, какъ яркая картинка студенческихъ нравовъ того времени, заслуживаетъ, чтобы на ней нѣсколько остановиться.

XIV.

Былъ понедѣльникъ 17-го февраля 1763 года.

Въ „семомъ часу“ по полудни въ философской аудиторії окончились утомительно - сухая „поздняя“ (вечерняя) лекція, и философы съ шумомъ и гамомъ побредли на свои квартиры, расположенные тутъ же, не вдалекъ отъ академіи, на Подолѣ. Лишь нѣсколько человѣкъ ихъ дольше другихъ оставались на академическомъ дворѣ, оживленно разсуждая между собою о томъ, какимъ бы образомъ весело провести сегодняшній вечерокъ. Но вотъ и они уже потянулись за ворота Братскаго монастыря...

Они условились немножко позже, когда Гамалѣя устроить свои дѣла, по его зову сойтись въ квартирѣ Романа Кривецкаго и хорошенько пображничать. (Бражничество было страстью студентовъ старой академіи).

¹⁾ Ольшанскій очень успѣшно обличилъ Ляскоронскаго въ его безсовѣстномъ отношеніи къ нему въ тяжбѣ его съ Карпиловскимъ городничимъ—Іоакіномъ Храновскимъ, а Гонтковскій указалъ митрополиту на странно-равнодушное отношеніе Ляскоронскаго къ студентамъ: студента, безъ всякаго повода, колотить ректорскій служитель, и виновныи, по ректорскому суду, оказывается не онъ, а студентъ!.. Подробности того и другого случая вами изложены раньш...

Філософъ Семенъ Гамалѣя состоялъ репетиторомъ сына невѣстки Далматовскаго преосвященнаго и спѣшилъ домой, чтобы повидаться тамъ съ матерью своего клиента и отпустить его къ ней (она жила „на старомъ городѣ“) на ночь, а затѣмъ, по дорогѣ къ Кривецкому, обѣщалъ созвать всѣхъ участниковъ пред назначенной компаніи. Быстро сбѣгалъ онъ въ свою квартиру, переговорилъ съ матерью своего ученика, и, проводивъ ее и сына со двора, понесся въ Братскій монастырь. Тутъ онъ пригласилъ Іосифа Поглузскаго, жившаго у екклезіарха Паисія Калиновскаго, и съ нимъ направился за прочими членами своего кружка.

Первымъ долгомъ они зашли къ Алексѣю Билецкому. Но его не оказалось дома: онъ былъ въ „великой“ бурсѣ у своего старшаго брата—ритора Кондратія; поэтому они написали ему, каждый отъ себя, „картку“, чтобы онъ, возвратившись домой, немедленно приходилъ къ Кривецкому, у котораго сойдутся и они, „чтобы тамъ вмѣстѣ о назначенныхъ хотя и не имъ диспутахъ дискурсъ чинить“, и двинулись дальше. Только они вышли за ворота квартиры Билецкаго, встрѣчаютъ Кирилла Карпова, бѣжавшаго тоже за Билецкимъ... Объяснивъ Карпову, что Билецкаго нѣть дома, и что ему оставлено приглашеніе, Гамалѣя и Подлузскій потащили его съ собою къ Кривецкому. По пути имъ еще нужно было позвать Романовскаго.

Заходять къ Романовскому.

Тутъ сидитъ и самъ Кривецкій (побывавшій послѣ лекціі въ своей квартирѣ только съ тѣмъ, чтобы „положить философію“). На столѣ водка и медъ.

Романовскій, довольный появлениемъ нежданныхъ гостей, усадилъ ихъ за столъ и принялъ угощать...

Вино быстро оживило философовъ. Бесѣда у нихъ не умолкала...

Подоспѣль и Билецкій. Онъ уже побывалъ и дома, и въ квартирѣ Кривецкаго и, узнавъ здѣсь отъ сожителя Кривецкаго—ритора Кисловича, что Кривецкій у Романовскаго, явился сюда какъ разъ въ пору. Компанія увеличилась, и вино шло къ концу.

Разговоръ о „разностяхъ вещей“, затянутый философами, видимо, требовалъ еще возбуждающего питья.

Билецкій, какъ опоздавшій, чувствовалъ это больше другихъ, и пригласилъ всю компанію къ себѣ.

Всѣ (за исключениемъ Романовскаго) сейчасъ же и двинулись къ нему, отложивъ посѣщеніе Кривецкаго до другого раза.

Уже смеркало.

Кривецкій заскочилъ къ себѣ домой сказать своему сожителю не поджидать его къ ужину, забѣжалъ за Максимовичемъ—философомъ—позвать и его коротать ночь, но его въ квартирѣ не было...

У Билецкаго сидѣлъ бурсакъ — риторъ Савва Збавецкій, игрокъ „на гусляхъ“. Философы обрадовались музыканту и прошли его играть... Явился и гарнецъ меду. „Дружка съ дружкою диспутуючись“, товарищи, подъ звуки пріятныхъ мелодій, живо осушили его... и рѣшили пойти къ Карпову, оставивъ музыканта въ домѣ Билецкаго...

Карповъ у себя сейчасъ же поставилъ на столъ гарнечъ меду и водки.

Философы ликовали. Веселый смѣхъ между ними не смолкалъ, не смотря на то, что у нихъ шелъ серьезный разговоръ „о вещахъ, до ученья касающихся“... Ихъ „дискурсъ о философскихъ вещахъ“, ихъ „дружка дружкѣ“ (взаимныя) обѣкціи о философическихъ“ предметахъ, казалось, дышали всею полнотою жизни.

Время летѣло.

Семенъ Гамалѣя, хватившій не мало медовыхъ „стаканцовъ“ да нѣсколько чарокъ водки, былъ чрезвычайно весель и то и дѣло торопилъ компанію оканчивать угощеніе, чтобы всѣмъ идти къ нему.

Достаточно подпившая философская братія готова была. Только Карповъ не хотѣлъ раздѣлить съ ними предстоявшаго веселья, ссылаясь на то, что уже поздно и что ему сильно хочется спать. Но его уговарили не отставать отъ коллегъ, давъ слово, что отъ Гамалѣя всѣ разойдутся по домамъ, хотя еще и очень рано (тогда какъ на самомъ дѣлѣ былъ уже второй часъ съ полуночи).

По пути въ свою квартиру, Гамалѣя опомнился, что у него неѣть хлопца и что, значитъ, некому сбѣгать за напитками...

Кстати, не подалеку жилъ філософъ Єома Явоновскій. Компанія и заворотила къ нему, чтобы, пользуясь услугами его хлопца, попировать тутъ на счетъ Гамалѣи, и попировать подъ звуки музыки, такъ какъ Явоновскій „имѣлъ искусство гратъ на флейт-труберсъ и скрипичу“.

Калитка двора Явоновскаго была заперта. Чтобы стукомъ не обезпокоить хозяйку, Гамалѣя перелѣзъ черезъ заборъ, отперъ ворота и впустилъ во дворъ всю компанію.

Самъ Явоновскій уже пробудился и помышлялъ подняться съ постели, „для исправленія школьнаго дѣла“, когда къ нему ввалилась веселая толпа товарищѣй, сразу ставшая просить его сыграть что-нибудь.

Ничего не подѣлаешь! подумалъ Явоновскій, всталъ съ постели и принялъся за игру.

Но выпить у него ничего не нашлось, не было и хлопца... Компанія это было не по сердцу, и она, забравши флейту Явоновскаго (чтобы этимъ заставить его идти съ нею, такъ какъ онъ отказывался) направилась къ сосѣду Явоновскаго—філософу Брайковскому, съ надеждою найти у него хлопца „для розыску напитковъ.“

Брайковскаго не было дома: онъ, сказали въ его квартирѣ, еще съ вечера ушелъ къ Якову Костенскому.

Тѣмъ лучше! сообразили філософы, пойдемъ къ Костенскому: онъ вѣдь малый добрый и богатый, такъ что если угостить насъ, то... на славу!...

Уже былъ четвертый часъ утра.

Костенскій, утомленный долгимъ (до полуночи) чтеніемъ съ Брайковскимъ філософскихъ лекцій (Брайковскому былъ назначенъ диспутъ на вторникъ), спалъ глубокимъ сномъ. Ворота его двора были заперты.

Гамалѣя перелѣзъ черезъ заборъ и широко распахнулъ ихъ... Компанія подбѣжала подъ окно Костенскаго и принялась стучать.

Костенский проснулся... Прислушавшись къ голосамъ, онъ узналъ своихъ товарищей, велѣль хлопцу зажечь свѣчу и впустить стучащихъ.

Весело рассказывала компания своему коллегѣ о томъ, какъ она проводитъ сегодняшнюю ночь. Костенскому, завсегдатаю товарищескихъ пирушекъ, даже завидно стало, и онъ захотѣлъ сейчасъ же вознаградить себя: приказалъ хозяйкѣ „напечь оладокъ,“ а хлопца отправилъ за гарнцемъ меду...

Гамалѣя „сыскаль“ другой гарнецъ.

Пошелъ пиръ. Явоновскій (котораго насильно втащили къ Костенскому) игралъ на „флейтоверсѣ“ (онъ исполнилъ „три виновети“), а прочие философы, опрокидывая стаканецъ за стаканцемъ, „забавлялись картами.“

Хозяйка Костенского хотѣла полюбоваться разгуломъ молодежи, заглянула чрезъ дверь, но ее кто-то изъ философовъ крѣпко ругнулъ за такое любопытство¹⁾.

Вино брало свою силу... Подлузскій уже уснулъ... Но остальные всѣ были еще крѣпки и, истребивъ оладки и медъ, пошли къ Карпову, чтобы у него еще хватить (Явоновскій остался подлѣ Подлузского).

Охмелѣвшая философія двигалась по улицѣ съ такимъ крикливымъ говоромъ, что многихъ разбудила. По крайней мѣрѣ, философъ Иванъ Сѣчкаровъ (положимъ, онъ рано и спать улегся, такъ какъ вечеромъ только подтвердилъ „школьное поученіе“ и немножко почиталъ книгу...), квартира котораго окнами выходила на улицу, былъ пробужденъ ею, и въ тревогѣ выскочилъ на улицу.

Онъ сразу узналъ своихъ собратій по школѣ и спросилъ у нихъ:

„Гдѣ вы были.“

„У Костенского!“ дружно заревѣла шумная толпа.

„А куда намѣрены итти.“

„Ми и до васъ пойдемъ, когда попросите!“ находчиво отвѣтили веселые философы.

¹⁾ Она указывала префекту на Билецкаго, а магистрату на Бруныковскаго.

Послѣ такого отвѣта Сѣчкарову оставалось только пригласить ихъ къ себѣ...

Выпивъ у Сѣчкарова чарки по двѣ водки, философы отправились къ Карпову „снѣдатъ.“ (По пути на минутку они заходили въ квартиру Гамалѣи, такъ какъ ему необходимо было сказать слугѣ, что покупать на базарѣ къ обѣду). Тутъ они пропустили еще по нѣсколько чарокъ водки, закусили икрой и только разговорились о томъ, что уже, кажется, не рано, какъ вдругъ услышали, что „пробило на шесть часовъ три четверти“...

Это какъ будто перепугало компанію. Рѣшено было всѣмъ разойтись по домамъ и „готовиться на французы“ (къ французскому уроку)...

Такъ весело провели философы ночь съ 17-го на 18-е февраля 1763 года¹⁾!

Утромъ 18-го февраля они, какъ ни въ чемъ не бывало, повидимому, были „во французской школѣ и въ философіи“...

Но пирушка безъ слѣда не прошла...

20-го февраля въ префекту академіи іеромонаху Мелхиседеку Орловскому явилась Киево-подольская жительница Евдокія Федорова, вдова коллежского регистратора (переводчика коллегіи иностранныхъ дѣлъ) Стефана Стефанова, и словесно заявила ему, что къ ея квартиранту-философу Якову Костенскому 17-го числа ночью приходили его товарищи—Кривецкій, Гамалѣя, Билецкій, Брайковскій, Янововскій, Сѣчкаровъ и Карповъ, что они шумѣли, играли на разныхъ инструментахъ, ъли олады „предъ заутренею противъ самой среды²⁾; что Алексѣй Билецкій выругалъ ее въ ту ночь, а Семенъ Гамалѣя открылъ ворота ея двора, почему у нея пропало много дровъ.

Префектъ немедленно началъ допрашивать всѣхъ указанныхъ философовъ, каждого „порознь.“

¹⁾ Подобны пиршества у философовъ бывали не рѣдко. По крайней мѣрѣ, въ квартирѣ Костеаскаго, по словамъ его хозяйки въ жалобѣ магистрату, они „неоднократно прихаживали въ гости“; на второй недѣлѣ поста являлись „весьма пьяные съ музыками, играли на скрипцахъ и кричали.. какъ сумасброды“.

²⁾ Это поставлять въ вину философамъ и префектъ, не сообразившій вѣроятно, что 17-е приходилось на понедѣльникъ, и что, значитъ, философы пировали не „противъ среды“, а наканунѣ вторника.

Философи, не зная, откуда и что имѣлъ противъ нихъ префектъ, „потаились“ во всемъ, на что жаловалась вдова Федорова. Но своими объясненіями все-таки обнаружили префекту, что всю ночь съ 17-го на 18-е февраля они „въ компаніяхъ провели,“ „дружка дружку отъ дружки до дружки посѣщая“...

Находя, что это дурно, такъ какъ въ такихъ компаніяхъ своихъ дѣтей (инспекторами и сеніорами которыхъ были) философи ничему не учили, кроме однимъ соблазномъ“, префектъ сталъ увѣщевать провинившихся „пристойными словами.“ Но они на всѣ рѣчи префекта отвѣчали презрительной улыбкой. Префектъ выходилъ изъ себя и уже начиналъ покрикивать на философовъ, угрожая наказать ихъ за упрямство и запирательство въ винѣ, и тѣмъ болѣе за непочтительность къ нему, за то, что на его „учителскія“ наставленія они только „усмѣхаются.“

Одни смирились... Страхъ префектовскихъ лозъ смутилъ ихъ. Другіе же, какъ Билецкій и Гамалѣя, стали опровергать обвиненія префекта и даже слишкомъ дерзкимъ тономъ... Особенно грубо объяснялись Кривецкій и Костенскій.

Это ужъ совсѣмъ взорвало префекта... Билецкому и Гамалѣю онъ сейчасъ же объявилъ лишеніе „кондиціальныхъ мѣстъ“, Кривецкому и Костенскому велѣлъ остаться у себя, чтобы „для страху впредъ прочимъ“ наказать ихъ лозами.

„Филаксъ“ (сторожъ) былъ посланъ въ бурсу за экзекуторами—синтаксистами Леонтиемъ Дроздовскимъ, Андреемъ Пушкаревичемъ, Кузьмо Харутовскимъ и Стефаномъ Наумовичемъ.

Досадно стало Кривецкому и Костенскому, что имъ двоимъ приходилось расплатиться за всю компанію. Какъ ни пытались они доказывать префекту, что ихъ вина не особенно велика, префектъ не измѣнялъ своего рѣшенія...

Въ „сѣняхъ“ послышались голоса бурсаковъ... Неминуемыя „пляги“ покоробили душу Кривецкаго, и онъ въ безпамятной злобѣ прозвучалъ префекту: „Може и Ваше Высокопреподобіе своихъ временъ по ночамъ броживали!“..

Префектъ пораженъ... „Ежели вы такіи учителю слова говорите, закричалъ онъ, сердито распахнувъ дверь въ сѣни, то

колми паче кому иному!“.. и приказалъ бурсакамъ „разложить“ и сѣчь философовъ-грубіановъ.

Отпарили Кривецкаго... „Напрасно били!.. того чинить не подлежало!..“ ворчаль онъ сквозь слезы, подбирая свои шаровары... „Не оставимъ искать, гдѣ надлежитъ!..“ зарыдалъ и ушелъ...

Костенскій же и ложиться не хотѣлъ, долго „восищаю“ себѣ братъ“ и говоря префекту, „что ему бить его не надлежитъ.“ Но четыре синтаксиста овладѣли имъ! Они уложили его на полъ, стянули съ него „сподніе;“ одинъ (Харутовскій) придержалъ его за голову, другой (Дроздовскій) за ноги, а Пушкиревичъ и Наумовичъ отсыпали ему „у двѣ розги ударовъ съ обоихъ сторонъ тридцать“...

Взбѣшенымъ поднялся Костенскій... Онъ весь дрожаль отъ злобы, глаза у него сверкали какъ-то дико и страшно.

„Постой, к....!“ закричаль онъ, обратившись къ префекту, постой, с.... сынъ!...¹⁾.

Бурсаки улыбнулись.

Префектъ скрылся въ келю, плотно захлопнувъ за собою ея дверь.

Вотъ оно!.. Ученики!.. „На пристойнія слова и учительскія увѣщанія усмѣхаются... не даютъ консеквенці!.. Станешь ихъ наказывать... сами же себе по упрямству довели до того..., своими поступками, вовся противными регулямъ академическимъ..., а они произносятъ гнусніи, неналежніи и поносніи рѣчи!“ И это—философы... мои ученики! Развѣ это не „крайняя обида“? Какъ же теперь „наблюдать справедливость академическихъ установленій?“ Чего мнѣ—„командиру бѣдному“ ожидать теперь „отъ другихъ академистовъ“, если я стану ихъ „за приключощіе отъ нихъ ежечастіе ексцессіи штрафовать?“ Конечно, „не иного чего, какъ только крайняго отъ всѣхъ студентовъ непослушанія и противностей, а въ случаи и потерянія (чего Богъ сохрани) жизни ожидать неотмѣнно слѣдуетъ!“

¹⁾ Опускаемъ нецензурную брань.

Въ такомъ тяжеломъ, мрачномъ раздумыи долго бродилъ о. Мелхиседекъ по своей келии. Наконецъ, рѣшился написать о своей обидѣ митрополиту Арсенію Могилянскому... Указавъ по-водѣ къ наказанію философовъ, съ оговоркою: „да простятъ сіе освященіе уши“ привель буквально („сії точні слова“) ту площадную брань, какою послѣ наказанія они его осыпали, и просилъ Владыку разсмотрѣть такую (подрывающую авторитетъ префекта) обиду со стороны студентовъ, чтобы какъ ему, такъ и будущимъ префектамъ и учителямъ академіи „, попрежнему должное отдавано было почитаніе, а подчиненніи страхъ бы имѣли.“

Воображеніе префекта такъ было напугано дерзостью философовъ, что онъ не осмѣлился лично пойти къ митрополиту, и „дonoшenіe“ свое утромъ на другой день послалъ каѳедральному писарю, прося его подать митрополиту прилагаемое при письмѣ доношеніе „о крайней нуждѣ академійской“, и замѣчая, что самому ему „по послѣдовавшимъ нѣкоторымъ нынѣ обсто-ятельствамъ крайне быть невозможно.“

А тутъ еще бѣда: нужно идти къ философамъ на лекцію! Префектъ терялся... Что-то недобroe предчувствовала его душа... Думалъ онъ, думалъ; наконецъ, взялъ „Философію“ и побрелъ съ смутною тревогою въ философскую аудиторію.

Входитъ...

Всѣ философы сидятъ по своимъ мѣстамъ, „какъ надобно“. Прочитали молитву.

О. Мелхиседекъ „сѣлъ въ катедрѣ“ и началъ обычную экспликацію философіи.

Вдругъ въ глубинѣ аудиторіи раздалось „щисканье (тсс)“ и мелькнуло нѣсколько махавшихся рукъ...

Сердце лектора дрогнуло... Въ глазахъ помутилось... Мысли путались... Однако онъ овладѣль собой и продолжалъ экспликовать философію.

Только онъ дочиталъ параграфъ, изъ-за парты на средину аудиторіи выскочилъ Кривецкій.

Онъ еще съ самаго прихода префекта въ аудиторію „съ мѣста на мѣсто поступалъ“, желая объясниться съ нимъ по

повору вчерашняго наказанія, но товарищи останавливали его „дискальемъ“ и маханьемъ рукъ... Дѣло въ томъ, что задолго до лекції собравшись на академическомъ дворѣ въ ожиданіи первого звонка, съ которымъ открывался входъ въ аудиторію, философы узнали про вчерашнюю расправу префекта съ ихъ товарищами. Имъ со слезами рассказывали объ этомъ сами потерпѣвшіе—Кривецкій и Билецкій... И не только настѣ, говорили они оба своимъ товарищамъ, „напрасно и безрезонно“ вчера наказалъ префектъ, но и Костенскаго. Его „жестокимъ розочнимъ боемъ онъ столь опарилъ“, что тотъ слегъ въ постель и уже... при смерти... Философамъ не вѣрилось, чтобы въ самомъ дѣлѣ такъ сильно могъ наказать префектъ, и нѣкоторые изъ нихъ сбѣгали на квартиру Костенскаго, чтобы убѣдиться въ справедливости разсказа о его положеніи... Дѣйствительно, состояніе Костенскаго было серьезно-опасно: онъ лежалъ почти безъ сознанія и даже безъ движенія. Это сильно тронуло философовъ, и они стали роптать на префекта. Чего добраго, разсуждали они, и каждому изъ насъ можетъ задать префектъ такъ же, какъ задалъ Костенскому! Ему необходимо дать понять, что въ наказаніяхъ должно соблюдать мѣру и не забывать справедливости... Но какъ же ему сказать объ этомъ?.. Долго каждый молодецъ судилъ на свой образецъ, но наконецъ всѣ¹⁾ пришли къ одному: „чтобы префектъ въ случаѣ и другимъ философамъ впредь такова побою напрасно чинить не отважился“, при выходѣ изъ аудиторіи спросить у него „обще полетично съ должнимъ почтеніемъ и кротостью“; за что онъ такъ жестоко поступилъ вчера съ ихъ товарищами? за то-ли, какъ они говорятъ?.. Но Кривецкій не могъ дождаться условленнаго времени. Лишь только префектъ показался въ аудиторію, онъ уже начивалъ объясненіе, но сильное душевное волненіе дѣлало его какъ бы нѣмымъ и онъ только „поступалъ съ мѣста на мѣсто“; товарищи, не желая нарушать аудиторскаго порядка, „дискали“ и махали на него руками, чтобы онъ не возвышалъ

¹⁾ Правда одинъ изъ философовъ Моисей Стасенскій, при допросѣ показывалъ, что все согласились на то, чтобы Кривецкій началъ объясненіе съ префектомъ тотчасъ по входѣ послѣдняго въ аудиторію, какъ это и случилось.

своего голоса и ожидалъ конца лекціи. Но эти жесты Кривецкій принялъ за сигналъ къ началу своей рѣчи къ префекту...

— „Господа соученики! высокопочтенніи философы! обратился дрожащимъ голосомъ къ аудиторіи Кривецкій,—вчера什няго дня мене господинъ учитель немилостиво наказалъ, отъ котораго я причиненного мнѣ бою здоровью моему чувствую уронъ, а другой на смертельной постели лежить!.. Прошу спросить на то резона!“..

О. Мелхиседекъ поднялъ глаза на нежданнаго оратора и, стараясь хотя съ виду сохранить равнодушіе, спокойнымъ тономъ проговорилъ:

— „Domine Кривецкій! Я не безъ команда... есть у мене команда... Изволь на меня искать по командѣ!.. Если ты обажденъ, ищи на мене суда въ вышней власти..., а въ школѣ препятствія не дѣтай!“... и продолжаль читать лекцію...

— „Господа философы, снова заговорилъ Кривецкій со слезами на глазахъ, прошу покорно васъ его высокопреподобіе господина отца префекта испросить причины, для чего онъ вчера什няго дня розгами наказувалъ насъ, и такъ жестоко, что отъ наказанія я почти своего половинного здоровья лишился и во всей академіи нынѣ нахожусь обезславленъ, а другой соученикъ мой Костенскій послѣ того наказанія на смертельной постели лежитъ... такъ же Семенъ Гамалъя и Алексѣй Бѣлецкій мѣсть лишены... Для чего мы такой штрафъ и безчестіе понесли? Пусть предъ вами явно будетъ!..

Лекторскій голосъ префекта замолкъ. Молчала и аудиторія, пораженная неожиданностью...

Кривецкій разрыдался и съ упрекомъ снова обратился къ товарищамъ:

— „Вы, господа соученики, прежде всѣ обще были согласились на то, чтобы спросить резона у господина отца учителя о нашемъувѣчии и безчестіи, а теперь... молчите!

Послышался слабый голосъ Билецкаго: „за что и мене лишили мѣста? что я виновень?“

Волей-не-волей префектъ долженъ былъ начать непріятное объясненіе съ своими „подкомандными“.

— „Domine Кривецкій, обратился онъ къ плачущему философи, чего ви требуете?“

На это Иванъ Никифоровичъ, сидѣвшій вблизи каѳедры, (онъ и Иванъ Сѣчкаровъ, какъ лучшіе ученики—„за пристойность мѣста“—были уполномочены товарищами переговорить съ префектомъ), отвѣчалъ:

— „Ваше высокопреподобіе! мы всѣ и оны за то жалѣютъ, что такъ увѣчени“...

— „Я небезрезонно наказалъ ихъ: доносъ былъ одной женщины—хозяйки Костенскаго, что они дрова поворовали...

— „Оны, вмѣшался Сѣчкаровъ, паничи, господскіе дѣти, и имъ дрова не нужны: по квартирамъ стоять и потому кажется не по приличию имъ дрова воровать!

— Да Костенскій, подхватилъ Григорій Чижевскій, въ тоей женщины и на фатерѣ стоитъ, въ которой дрова поворовано...

— „Но все же на ихъ слѣду пропажа случилась, прокурорски разсуждалъ о префектѣ... и я имъ объявлялъ съ сихъ двохъ легшое себѣ сбратъ либо удоволствовать оную бабу зложившися по 10 копѣекъ, либо наказаніе принять... Это бредня (пустякъ) зложившися по 10 копѣекъ заплатить.

— „Какъ намъ платить, вить (вѣдь) она на насъ никакого поличія въ покражѣ дровъ не показала? возражалъ уже нѣсколько успокоившійся Кривецкій.

— „Ежелибъ они невинни будучи заплатили оной бабѣ деньги, вставилъ Малчевскій, то сами бѣ они на себе порокъ воровъ навели.

Мысль Малчевскаго показалась префекту неотразимою, и онъ сконфузился... Но все-таки отвѣтилъ:

— „Слушай, domine Малчевскій, ты при судѣ не былъ и ты не консисториста; не можешь ты выводить консеквенцій!“

Кривецкій же опровергалъ префекта. „Ваше высокопреподобіе, говорилъ онъ, таковыхъ рѣчей, чтобъ вамъ оную бабу удоволствовать, вы не говорили; ибо когда бы вы приказали удоволствовать ее, то бѣ ми не только по 10 копѣекъ, но и побольше заплатили бѣ... Лучше бѣ сколько нибудь заплатить неожели болѣе ста ударовъ понести!..

Префектъ обидѣлся...

— „Безсвѣтно, domine Кривецкій! Тебѣ еще лѣтъ нѣтъ двадцати, а я іеромонахъ уже... могу и совѣстю потвердить, что столько не далъ!..

Чувствуя въ душѣ, что нужно же хоть чѣмъ нибудь доказать справедливость наказанія философовъ, префектъ, обратясь ко всей аудиторіи, сказалъ:

— „Оны сверхъ того ночью бродили!.. Инспекторъ... и дома не ночевали!

— „Мы, горячился въ забытьи Бѣлецкій, не бродили!..

— „Нѣтъ, бродили! Вы и самы сознали, что въ одного одинъ часъ, а въ другого другой, и такъ бродя цѣлую ночь провели!.. При томъ и дѣти твои въ допросѣ показали, что ты въ дому не ночовалъ!“ справедливо останавливалъ его о. Мелхиседекъ.

— „Ваше высокопреподобie!—отозвался Сѣчкаровъ,—Костенскій же, который смертно увѣченъ, ночью нѣгде (нигдѣ) не бродилъ!..

— „Костенского, оправдался взволнованный префектъ, я наказалъ за то, что такую въ неуказанное время компанію принималъ!..

— „А почему, цѣплялся Кривецкій, нѣкоторые бывшie съ нами въ компаніи безъ казни остались?

— „Да! да! подхватили Никифоровичъ и Сѣчкаревъ, зачимъ же ихъ наказали, а Подлузскаго нѣтъ?

— „Вы при наказаніи нашемъ поясниль Кривецкій въ келіи ему Подлузскому то говорили: ты недавно зъ Москвы пріѣхалъ, для того тебе прощается!

— „Значить, ядовито вставилъ Бѣлецкій, сыскивал rationem sufficientem, что недавно съ Москви пріѣхалъ?

— „Не тотъ резонъ, отговаривался сбиваляемый со всѣхъ позицій префектъ, но что смирился! Я всѣхъ васъ хотѣль (тутъ о. Мелхиседекъ даже поклялся) отечески наказать и дать по десяти ударовъ, но вы мои консеквенціи стали негодовать (отрицать) и досадно противясь виговаривить... за тѣмъ я васъ

побоїще наказалъ, а ево за смиреніе простиль!.. А вы и сами знаете, что покорное телятко двѣ матки ссеть (сосетъ)...

— „Было нась отчески защищать! звучалъ Бѣлецкій.

— „Я защищалъ тебе... далъ тебѣ място и великое бѣзчестіе отъ господъ богослововъ чрезъ васъ претерпѣлъ¹⁾!“.

— „Не по отческу!.. безсовѣстно нась наказали! заключилъ Кривецкій. Въ аудиторіи поднялся шумъ...

Съ разныхъ сторонъ раздалось: „безразсудно!.. безрезонно!.. несправедливо, не отчески!.. тиранско такъ наказывать философовъ!“...

Префектъ оторопѣлъ... Попытался читать лекцію, но шумъ заглушалъ его звуки...

— „Чего, господа, молчите? расходился опьяненный злобою Кривецкій... Развѣ у васъ языковъ нѣть?!“...

— „Такъ что жъ вы будете дѣлать? растерянно обратился о. Мелхиседекъ къ Кривецкому.

— „Къ Его Преосвященству станемъ ускаржаться! отрѣзалъ онъ.

— „Боже, благослови!“ прозвучалъ префектъ, благословляя аудиторію...

Лицо его было неузнаваемо; глаза блуждали, руки дрожали; голосъ обрывался...

— „Всѣ ли вы, съ усиліемъ спросилъ онъ, подымаясь съ каѳедры и складывая книгу, на мене станете суда искать“.

— „Всѣ! всѣ!“ хоромъ прогремѣло въ аудиторіи...

Бѣдный командиръ попросилъ прочитать молитву...

Прочитали „Достойно есть“...

Префектъ робко откланялся на обѣ стороны—„отблагодарилъ за школу“,—и, шагая къ двери,—чуть-чуть переводя духъ, пробурчалъ:

„Буди кто въ школу будетъ ходить, и я буду“!...

Съ болью въ сердцѣ шель префектъ въ свою келію... Что мнѣ дѣлать?.. Какъ мнѣ быть?.. Неужели всѣ, всѣ-до одного...

¹⁾ Префекти академії обычно подишивали старшимъ студентамъ кондитцію. Преимущество, конечно, было за богословами и, если философъ былъ предпочтительнее, богословъ обижался.

философы такъ возненавидѣли меня?.. Нѣть! этого не можетъ быть! Вотъ, хотя бы Залѣсскій (философъ Федоръ Залѣсскій состоялъ у него „писаремъ“)... да онъ всей душой преданъ мнѣ... Позову-ка я его, быстро мелькнуло въ головѣ о. Мелхиседека, да попрошу узнать, кто изъ философовъ не идетъ противъ меня... Если такихъ будетъ больше, чѣмъ крикуновъ... конечно, больше! Бодрился префектъ..., тогда я съумѣю расправиться съ мятещиками!..

Явился Залѣсскій, выслушалъ просьбу обиженного префекта и сейчасъ же направился по квартирамъ философовъ отбирать подписи сочувствующихъ своему профессору¹⁾...

Лице префекта прояснилось, когда онъ глазами пробѣгалъ немалое число фамилій философовъ, стоявшихъ за него „по едной синовской къ учителю своему должности“... Онъ ликоваль въ душѣ, что его судьба еще не такъ печальная, какъ ему казалась въ аудиторіи... Въ такомъ случаѣ побѣда моя!—рѣшилъ онъ подсчитавъ всѣ подписи, и усѣлся писать новое доношеніе митрополиту.

„Сегодня утромъ, излагалъ онъ, во время моей лекціи философъ Романъ Кривецкій выскочилъ изъ-за скамьи и крикомъ: „господа философы! меня и другихъ нашъ учитель несправедливо вчера обезчестилъ!“... прервалъ моя занятія... Я сталъ приводить ему резоны въ оправданіе своего наказанія, но онъ всѣ ихъ „публично за ложніе призналъ“, почему товарищи его (изъ нихъ префектъ переименовалъ 21, оговариваясь: и прочие, коихъ они сами показать могутъ“) тотчасъ подняли противъ меня страшный крикъ и шумъ, называя меня „неправосудцемъ“... „Своими неутолимыми воплями они такъ мене крѣпко спугали, что одна думка была въ катедрѣ школной, а другая на порогѣ“

¹⁾ Такъ показывалъ на дознаніи въ консисторіи Иванъ Сѣчкаровъ; самъ же Залѣсскій говорилъ, что оставшіеся на сторонѣ префекта пришли къ нему „самовольно, ни по чьему привужденію и объявили, что они не имѣютъ никакой причины суда на его искать“; въ ихъ числѣ былъ и онъ; Навроцкій показалъ, что стоявшіе за префекта, „согласившись самоизвольно, не съ привужденіемъ вписали имена свои и учителю подали“, другие показывали, что они „тайно“ приходили въ келію префекта и тутъ „на одной карточкѣ“ подписывались.. Такое разнорѣчіе позволяетъ

смертномъ!“ Кривецкій поминутно „поскакувалъ“ среди аудиторії, помахивало рукою, то моргая глазами, чтобы побудить своихъ единомышленниковъ, кажется, „къ весма худому и опасному мнѣ слушаю“; часто обращался къ нимъ съ воскликаніемъ: „ну! что же будемъ дѣлать, господа философы?“... Чувствуя „крайнюю опасность“, я попытался успокоить философовъ, убѣдить ихъ, что во всей своей дѣятельности я стремлюсь лишь къ одному—къ ихъ пользѣ, указывалъ имъ на свои „старателства“ о бурсацкихъ и школьныхъ постройкахъ, на свои классные труды, на „мѣста и кондиції“, пріискаваемыя имъ мною (а сколько тутъ приходилось испытать „печали!“...), но... все было напрасно!.. Шумъ въ аудиторії подымался еще большій... „Я струсилъ весма“ и подумалъ: „не хотятъ ли они мене средѣ школи висѣть, или камнями забросать въ катедрѣ школьной или паче чаянія изъ гори (со втораго этажа) на низъ бросить“. Ожидать, „при такихъ мятежахъ“ откуда-либо помощи нельзя было, и я, покорно поблагодаривъ за школу, вышелъ изъ аудиторії и, слава Богу, цѣлымъ и невредимымъ... Понятно, послѣ такихъ продерзостей со стороны философовъ („чего еще въ академіи никогда не бывало“), я не рѣшусь явиться въ аудиторію, пока „не получу покровительства“ Вашего, и прошу Ваше Преосвященство „учинить опредѣленіе“... Лично явиться къ Вамъ я не могу, потому что страшно опасаюсь, чтобъ мои ученики на дорогѣ не напали на меня“...

Сложивъ такое доношеніе, о. Мелхиседекъ отправилъ его черезъ служителя къ митрополиту, рѣшивъ до резолюціи и на глаза не попадаться философамъ.

Не дремали и философы... Какъ ни казалось имъ справедливымъ все продѣланное по отношенію къ префекту, тѣмъ не менѣе сознаніе того, что онъ—ихъ начальникъ, внушало имъ какое-то опасеніе... Они чувствовали, что перевѣсъ останется за префектомъ, но не за ними. Мало того! Если префектъ представить всю исторію митрополиту въ своемъ освѣщеніи, то имъ придется поплатиться и--очень жестоко... Значитъ, нужно спасаться, нужно самимъ объяснить митрополиту, въ чемъ дѣло;

нужно показать, что они обижены префектомъ, и что виноватъ, слѣдовательно, онъ, а не они..

И вотъ, подъ вліяніемъ такихъ соображеній Кривецкій, Бѣлецкій, Гамалъя и Костенскій пишутъ въ тотъ же день митрополиту отъ себя доношеніе на префекта.

,,Префектъ Мелхиседекъ Орловскій, читаемъ у нихъ, сего 20 февраля по одной, ни на чемъ не основанной, жалобѣ польской вдовы, не принимая отъ насъ никакихъ оправданій наказалъ насъ „съ немилосерднимъ тиранствомъ“ (Гамалъя и Бѣлецкаго „лишилъ мѣстъ“, Кривецкаго же и Костенскаго выѣхѣ розгами и Костенскаго — такъ сильно, что тотъ заболѣлъ), чѣмъ „намъ навелъ немалое безчестіе въ академії“... Всѣ мы живемъ въ наемныхъ квартирахъ и наши хозяева снабжаютъ насъ отопленіемъ („обогрѣваніемъ“); слѣдовательно, префекту, „яко учителю философіи можно здравимъ умомъ разсудить“, что дрова намъ не нужны, и потому не принять отъ женщины бездоказательного обвиненія насъ въ ихъ воровствѣ, тѣмъ болѣе, что и „по всѣмъ правамъ указано: ежели истецъ ничимъ не доводить, то обвиненный безъ всякого выводу волнимъ остается“... Мало того, Префекту слѣдовало отстаивать нашу честь, какъ своихъ учениковъ, ни въ чемъ прежде не заподозрѣнныхъ... А онъ, опираясь „на еднихъ пустыхъ женскихъ рѣчахъ, дерзнулъ насъ безчестить и бить, въ отмѣну Регламента Духовнаго части 1, листа 57, пункта 6-го и 8-го“... Въ заключеніе они просили митрополита „за таковое невинное безчестіе и побой учинить съ префекта удоволство... и впредъ ему таковыхъ несправедливыхъ дерзостей чинить запрѣтъ“...

Дни проходили. Префектъ въ аудиторію не показывался, въ ожиданіи митрополичья „опредѣленія“. Философы-матежники недоумѣвали и смущались за исходъ своего возстанія противъ о. Мелхиседека. Они обдумывали теперь, какъ бы имъ обвинить его и оправдать себя...

25 февраля больной Костенскій высказалъ товарищамъ желаніе, чтобы надъ нимъ было совершено таинство елеосвященія. Товарищи дважды обращались къ префекту и разъ къ ректору съ просьбою отпустить для совершения елеосвященія священ-

никовъ изъ Братскаго монастыря, но тотъ и другой отвѣчали имъ: „на подольѣ много священниковъ!“.. Такой обидѣ философы какъ бы обрадовались, видя въ ней сильное обвиненіе противъ своего академическаго начальства, вызывающаго справедливыя возмущенія, и сейчасъ же обратились съ словесною жалобою къ митрополиту. Митрополитъ немедленно велѣлъ записать ихъ жалобу и снарядилъ судового писаря іером. Бенедикта съ канцеляристомъ Иваномъ Юзефовичемъ освидѣтельствовать Костенскаго. Костенскій, по ихъ мнѣнію, оказался серьезно больнымъ, не могшімъ даже подняться съ постели. Чѣмъ онъ страдалъ, они не опредѣляли, но съ его словъ записали, что послѣ префектовскихъ побоевъ онъ ощущаетъ „внутрѣ немалую порчу“, что на другой день послѣ экзекуціи у него было кровохарканье; нашли, что онъ не владѣетъ правою рукою и безъ сторонней помощи не въ состояніи переворотиться на кровати, узнали, что шестой день онъ ничего неѣсть и поддерживается себя лишь питьемъ теплой воды разъ въ сутки; замѣтили, наконецъ, у него на тѣлѣ, „въ томъ мѣстѣ, где бито, отъ хлости давной у отца префекта, кровавые позашкорупліе смуги“...

Чрезъ нѣсколько дней до философовъ долетѣла не отрадная вѣсть, что митрополитъ находитъ ихъ виновными и что имъ предстоитъ большая непріятность. Откуда узнали они это,—не рѣшаемъ; вѣроятно, отъ митрополичьихъ канцеляристовъ... Значитъ, напрасно ректоръ, препровождая катедральному писарю два доношенія префекта (для передачи митрополиту), просилъ его, чтобы онъ самъ „по онymъ писалъ подлежащее“, не отдавая канцеляристамъ, которые „сейчасъ вынесутъ изъ консисторіи резолюцію, и такъ по онymъ ничего здѣлать не можно будетъ“¹⁾). Философы смутились, и, въ виду того, что префектъ все еще не посыпалъ аудиторіи, рѣшились на послѣдній шагъ—просить митрополита уволить ихъ изъ академіи (вѣроятно, въ той надеждѣ, что подобная просьба склонитъ митрополита въ ихъ пользу).

¹⁾ Это бросаетъ глубокую тѣнь на ректора... Очевидно, онъ сознавалъ, что философы были правы, по крайней мѣрѣ могли оправдаться.

Вотъ что они писали митрополиту 7-го марта:

,,21 февраля сего года послѣ „протестації“ нашихъ соучениковъ—Кривецкаго и Бѣлецкаго на то, что префектъ „безъ правильной причини противъ характера школы философіи велѣлъ ихъ сѣчь немилосердо розгами“ (такъ что Костенскій „въ сомнителствѣ съ архіяторскаго примѣчанія есть долговременнаго житія“ и надъ нимъ уже „христіянскіе порядки отправленніи“), мы „кругко и съ должнимъ почтеніемъ“ просили префекта указать причины такого ихъ „штрафа“, „ибо и намъ всѣмъ предвидѣлось не что иное, какъ таковая жъ срокая и напрасная награда.“ Префектъ отвѣтилъ намъ на это: „ищите-де суда на мене!“ и „по завзятости своей“ ушелъ изъ аудиторіи... За нимъ ушли и мы... И вотъ съ 21-го февраля онъ не является на лекціи, „удерживаетъ намъ время ученія,“ а предъ Вами—что очень обидно—„проименовалъ насъ бунтовщиками (*какъ послухъ есті*),“ чѣмъ и „привель васъ на гнѣвъ,“ такъ что вы позвоили поступить съ нами, какъ съ бунтовщиками... Но мы—не бунтовщики, но вѣрноподданные сыны Россійской имперіи, ибо „бунтовщикъ тотъ, которій на здравіе чie возмущаетъ и подговариваетъ,“ у насъ же въ душѣ ничего подобнаго не было... и мы сдѣлали только то, о чёмъ выше говоримъ. Если же Вы „изволите себѣувѣритъ не на насъ вообще, а на единомъ толькото отцу префекту, и съ нами (*какъслишно*) децѣзі оставить не соблагоизволите, то мы, за происходившее въ академіи намъ учение съ ползою, понуждены будемъ поднести Вамъ благодареніе и изъ академіи къ докончанію совершенѣшаго нашего ученія разойтисьъ и на иной мѣста, да притомъ и то еще причина, что намъ окончивать учение философіи подъ дирекцією отца префекта опасно, даби онъ намъреннаго своего авантажа не наградилъ подъ какимъ нибудь образомъ.“

Это прошеніе было подписано 22 философами—врагами префекта.

Дѣло, какъ видимъ, гремѣло..., и требовало тщательнаго слѣдствія.

Митрополитъ 10 марта указомъ изъ консисторіи велѣлъ префекту возобновить занятія философіей, „безъ всякаго сумни-

телства ходить въ школу и ученіе надлежащимъ порядкомъ продолжать, точію въ школу не принять таковыхъ учениковъ, на коихъ онъ префектъ имѣеть засрѣніе¹⁾); а Консисторіи поручилъ произвести обстоятельное слѣдствіе о философическомъ возмущеніи...

Долго тянулось дѣло въ Консисторіи. Она отобрала собственноручныя показанія у всѣхъ философовъ и даже у экзекуторовъ, съкіихъ Кривецкаго и Костенскаго... И каковъ былъ конецъ всему, не знаемъ²⁾). Однако, судя по тому, что 19 мая въ Консисторіи была сдѣлана краткая выписка изъ Высочайшихъ граматъ, данныхъ кіевской академіи (Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами въ 1694 г., Петромъ Великимъ въ 1701 г., Елизаветой Петровной въ 1742 г.), изъ Духовнаго Регламента, изъ рѣгуль кіевской и иностранныхъ академій³⁾—о студентахъ, „не порядочно поступающихъ,“ для законнаго приговора надъ бунтовщиками, можно сказать, что имъ не посчастливилось... Да и префекту Мелхиседеку Орловскому, уже въ слѣдующемъ учебномъ году выбывшему изъ академіи, вѣроятно, была не особенно пріятна развязка этой исторіи.

XV.

Къ утѣшенню академической администраціи, послѣ изложеній нами демонстраціи, въ 1763 г.⁴⁾ ей пришлось составлять новую инструкцію студентамъ, и она въ 15-мъ пункѣ

¹⁾ Этотъ указъ учителями—синтаксическимъ іером. Никодимомъ и аналогичнымъ—іерод. Іеремію былъ объявленъ всѣмъ філософамъ 13 марта.

Кто былъ не принять префектомъ, не знаемъ... Вѣроятно; не одинъ Бѣлецкий, просившій митрополита 15 апрѣля объ обратномъ пріемѣ его въ академію..

²⁾ Дѣло это сохранилось не въ полномъ видѣ.

³⁾ Тутъ были выписки изъ регуль академій Виттенбергской и Магдебургской, на которыхъ (выписки) обращаемъ вниманіе будущаго историка кіевской академіи за вторую половину XVIII в. См., „Акты относящіеся къ исторіи кіевской академіи за XVIII столѣtie, собранные Д. Вишневскимъ въ 1895 г.“ № 21. (въ бібліотекѣ Кіев. Дух. Академіи).

⁴⁾ Инструкція была представлена митрополиту 18 ноября 1763 г. и утверждена имъ 39 декабря. (*Ibid.*, д. № 22).

постаралась оградить себя отъ непріятныхъ студенческихъ жалобъ и доношеній на нее митрополиту... Въ этой инструкціі прямо, подъ угрозою „жестокаго на тѣлѣ наказанія“, запрещалось, безъ вѣдома ректора, писать такія доношенія; и еслибы кто-нибудь изъ студентовъ явился къ митрополиту съ подобнымъ доношеніемъ, таковаго предписывалось „отсылать при нарочномъ въ академію для наказанія предъ прочими учениками въ школѣ“...

Силу этого постановленія академическое начальство охраняло самыи усердныи образомъ. Мало того; въ 1764 г. оно, воспользовавшись случаемъ¹⁾), успѣло еще выговорить себѣ (ректору) право, увольнять студентовъ, „за противности“ начальству, даже не представляя обѣ этомъ митрополиту, „во отвращеніе имѣющихъ послѣдовать Его Ясне въ Богу Преосвященству излишнихъ затрудненій, академической командѣ несносныхъ хлопотъ, въ ученіи помѣшательствъ, отъ всѣхъ состоящихъ въ Киевѣ разныхъ командѣ нареканій і непогребныхъ переписокъ“...

Это, кажется, прекратило возмущенія молодежи въ академіи...

Д. Вишневскій.

¹⁾ Случаемъ этимъ были „ругательнія, извительпія и единственно къ уличтожанію власти префектской и всѣхъ обще учителей касающіяся рѣчи“ богослова Петра Яновскаго, произнесенные имъ „ст крайнимъ вепочтеніемъ, презрѣніемъ и другими непристойными поступками“ всему собравшему академической корпорації, судившей его за то, что онъ 12 апрѣля 1746 г. „въ пинстѣ“ высѣкъ въ бурсѣ „лозами“, пішу Андрея Пушкаревича, безъ всякаго повода. (Яновскому за это было приговорено, послѣ извиненія дать, 60 плягъ, въ присутствіи префекта и учителей... Впрочемъ 19 ударовъ ему простили).

ЛУБЕНЩИНА И КНЯЗЬЯ ВИШНЕВЕЦКИЕ.

(Матвѣю Терентьевичу Симонову)¹⁾.

Свѣдѣнія о пребываніи Іереміи В. въ лѣвобережной Українѣ отрывочны и сбивчивы. Сбивчивы эти свѣдѣнія особенно отъ значительного прибавленія къ фактамъ историческимъ—разныхъ личныхъ догадокъ позднѣйшихъ историковъ, причемъ догадки приводятся, какъ исторические факты. Возьмемъ, напр., послѣднюю книгу Кулиша—„Отпаденіе Малороссій отъ Польши“, напечатанную Московскимъ историческимъ обществомъ,—и что же мы въ ней находимъ относительно пребыванія В—аго въ Лубенщинѣ?—Съ увѣреннымъ тономъ сообщается объ этомъ такое свѣдѣніе: „Основавъ съ 1634 г. свою резиденцію въ Лубнахъ, В—ій въ религіозномъ отношеніи—не трогалъ монастырей, основанныхъ при покровительствѣ его матери. Онъ граничился только тѣмъ, что въ виду обскруантовъ и пьяницъ, водворялъ въ своихъ имѣніяхъ представителей священства и монашества католического, отличавшихся бытомъ просвѣщеннымъ и трезвымъ. Съ цѣлію уничтожить православные храмы и привлечь симпатіи лучшихъ людей (?) къ религії облагороженной, В—ій построилъ доминиканскій, т. е. проповѣдническій, м—рь въ Прилукахъ и костелы—въ Лубнахъ, Ромнѣ, Лохвицѣ... (II, 198). Всѣ эти факты сообщаетъ новѣйший историкъ Малороссіи, не указывая источника, но такъ авторитетно, что какъ будто и сомнѣваться въ нихъ нельзя. Мы можемъ указать источникъ лишь свѣдѣній о доминиканскомъ монастырѣ и костелахъ; взяты они или у Нѣ-

¹⁾ См. „Кiev. Стар.“ 1896 г. № 2.

съцкаго¹⁾ непосредственно или—у Свѣнцкаго²⁾, который свою компиляцію о Іеремії В—омъ составлялъ преимущественно по такой же компиляції Нѣсѣцкаго. Интересно, что въ той же свой книгѣ Кулишъ разсказываетъ раньше о томъ же съ иными подробностями... Говоря объ отношеніяхъ В—аго къ лѣвобережнымъ монахамъ, Кулишъ говоритъ, что Іеремія терпѣлъ православныхъ монаховъ въ своей Лубенщинѣ только ради своего родственника Петра Могилы и что когда когда игумены лѣвобережныхъ монастырей обращались къ нему съ просьбами и жалобами³⁾, онъ отвѣчалъ имъ съ принебреженіемъ и давалъ чувствовать близость насильственного перехода подъ главенство римскаго папы. За то въ Лубнахъ, Ромнѣ, Хоролѣ и другихъ городахъ своихъ строилъ онъ костелы и при нихъ помѣщали католическихъ монаховъ разныхъ орденовъ, какъ помѣщаются въ замкахъ гарнизоны... „(I, 212).—Приводя эти факты, основанные на однихъ догадкахъ, г. Кулишъ желаетъ сообщеніемъ ихъ показать, что цѣлью переселенія Іеремія на лѣвый берегъ Днѣпра былъ „насильственный переходъ населенія Лубенщины подъ главенство папы“, т. е., что В—ий желалъ и въ „заднѣпровскихъ“ своихъ маєтностяхъ ввести ту же унію, которая въ это время уже царила на правомъ берегу Днѣпра... Ближайшее изученіе источниковъ, повидимому, указываетъ, что Іеремія пе-

¹⁾ Herbarz Polski, изд. Бобровича, IX, 356, гдѣ читаемъ: „fundował w Przyluce o. o. dominikanów (Okolski, Russ. Flor., 57) kościół w Lubnie, Rumińie, Łochowicach, w Wiśniewcu zaś wspaniały stawać począł bazylikę“...

²⁾ Historyczne Pamiętki, II, 298. Тѣ же источники, т. е. Нѣсѣцкій или Свѣнцкій, повидимому, послужили источникомъ и для Костомарова въ его разсказѣ о пребываніи Іереміи В—аго въ лѣвобережной Украинѣ, гдѣ читаемъ, что В—ий „владѣя огромными имѣніями въ Червоной Руси, на Волыни и въ Украинѣ, особенно въ нынѣшней Полтавской губерніи, принялъ съ жаромъ вводить католичество, построилъ въ Прилукахъ доминиканский монастырь, костелы въ Лубнахъ, Ромнѣ, Локвицѣ, поощрялъ единоземцевъ (?) , переходившихъ въ католичество и гнать схизматиковъ, какъ называли поляки православныхъ... „(Богд. Хмельн., изд. 4, I, 327).—Трудно понять, изъ приведенного мѣста—гдѣ собственно В—ий принялъ „вводить католичество“?—Вообще ли въ своихъ пам'яткахъ или же только въ его пам'яткахъ теперешней Полтавской губерніи??...

³⁾ Здѣсь г. К.—шъ разумѣеть конечно обращеніе къ В—му Густынскаго игумену въ 1638 г. (см. февр., 217), такъ какъ другихъ такихъ обращеній—по аetasъ не известно.

реселялся въ Лубенщину съ цѣлями экономическими, а не религиозными... Кажется, нельзя сомнѣваться, что В—ій переселился въ Лубенщину на жительство уже послѣ женитьбы,¹⁾ т. е. не раньше 1639 г., а слѣдовательно только черезъ годъ послѣ усмиренія козаковъ, когда изъ лѣвобережныхъ его имѣній бѣжало „нѣсколько тысячъ подданныхъ“ въ Московское государство, когда туда же бѣжали лѣвобережные монахи, когда, однимъ словомъ, въ Лубенщинѣ царилъ общій переполохъ, такъ какъ тогдашнее ея населеніе ожидало новыхъ насилий, послѣ испытанныхъ уже при усмиреніи Остряницы и Гуни... Отсюда мы имѣемъ достаточное основаніе заключать, что В—ій переселился въ Лубенщину не для того, чтобы снова устрашать и разгонять ея жителей, а для того, чтобы привлекать туда новыхъ,— для пополненія произшедшей въ населеніи убыли... И конечно не постройкою костеловъ въ Прилукѣ, Ромнѣ, Лохвицѣ, Хоролѣ, и „другихъ городахъ“ и не размѣщеніемъ въ этихъ городахъ „католическихъ монаховъ въ качествѣ духовныхъ гарнизоновъ“— могъ В—ій привлекать въ Лубенщину „новыхъ слобожанъ“. При всемъ этомъ, свѣдѣнія объ этихъ костелахъ болѣе чѣмъ сомнительны. Достовѣрное имѣется свѣдѣніе объ одномъ только Лубенскомъ кляшторѣ. Мы уже видѣли, что Кулишъ въ одной своей работѣ 1863 г. указываетъ на разореніе въ Лубнахъ бернардинского монастыря (февр., 216), случившееся будто бы вслѣдъ за Кумейскимъ пораженіемъ козаковъ. Повторяя это свѣдѣніе черезъ 25 лѣтъ, Кулишъ не говоритъ уже о монастырѣ, а лишь объ одномъ костелѣ („Отпад.“ I, 238). Но въ Лубнахъ былъ дѣйствительно устроенъ католический монастырь („конвентъ“) и при томъ бернардинскій²⁾. О постройкѣ же костеловъ въ Ромнѣ,

¹⁾ Для усмиренія козацкаго восстанія въ продѣлахъ Лубенщины въ 1638 г. Іеремія пришелъ „под Lubnie“ съ войскомъ, (Dyaguyusz Окольского, изд. Туровскаго 1858 г., стр. 129), повидимому, съ праваго берега Днѣпра; слѣд., въ это время онъ тутъ еще не жилъ..

²⁾ По акту 1647 г. Іеремія В. отдалъ Александру Замойскому г. Лубны, со всѣми его угодьями и хуторами, въ аренданое пользованіе, на три года, за 21 т. польск. злот., считая въ годъ по 7 т. злот., при чемъ сумму эту Замойскій обязалъ бывъ уплачивать оусот *Xubieńskiego konwentu bernadynów...* „Арх. Ю. З. Россіи, т. VІ, № 1 отъ 1659. Оротекій говорилъ о „коунвентахъ“ въ „руссской провинції“, построен-

Лохвицѣ, Хоролъ никакихъ свѣдѣній въ извѣстныхъ намъ печатныхъ и письменныхъ источникахъ—нѣтъ. Да, повидимому, не для кого ихъ было и строить, такъ какъ католиковъ въ Лубенщинѣ много было тогда не могло: кромѣ „дворянъ“ Ваго и разныхъ его „старостъ“ и прочихъ „слугъ“, другимъ католикамъ не откуда тамъ было взяться; для такого же незначительного числа католиковъ достаточно было и одного монастырскаго костела въ Лубнахъ. Поэтому, можно думать, что упоминаемыхъ Кулишемъ костеловъ вовсе не существовало. Можетъ быть сомнѣніе лишь относительно доминиканскаго конвента въ Прилукѣ.

Упомянута обѣ этомъ конвентѣ, Нѣсѣцкій дѣлаетъ ссылку на книжку Окольскаго—Russia Florida. Дѣйствительно въ этой книжкѣ говорится, что избранный въ 1644 г. провинціаломъ „русскої провинції“ доминикинецъ Іеронимъ Грохольскій заботился обѣ устройствѣ новыхъ конвентовъ въ своей провинції (*„curavit aliquod loca pro conventibus erigendis“*), причемъ вслѣдь за этою фразою слѣдуетъ, какъ будто въ видѣ ея поясненія: *„in Lipowiec, haereditate ducis in Zaslaw et Ostrog per gen. d. Wilga, sunm consanguineum, in Przyluka per illustrissimum ducem in Wisniowiec Jeremiam, palat. Russiae...“* стр. 57). Что хотѣлъ сказать этими словами Окольскій—понять трудно... Былъ ли устроенъ въ Прилукѣ „кляшторъ“ или только дано было обѣщаніе на его устройство? ¹⁾ При этомъ Окольскій указывалъ орденомъ бернардиновъ, тоже указывающими Лубны (Lubniam), Russia Florida (Leopoli, 1646), стр. 25. Послѣ изгнанія поляковъ, бернардинскія имѣнія отданы были Хмельницкимъ Мгарскому монастырю. Въ одной купчей записи 1667 г. читаемъ, что братья Науменки, „вазовецкіе мешканцы, продали Мгарскому и—рю два „иза“ за „шесть золотыхъ“, при чемъ добавляются: „щосмо купилисмо были въ группахъ бернардинскихъ, на вроцищи, прозываемомъ Тернахъ, изовъ два узвъ озерахъ, бернардинскихъ, которыхъ то изовъ уживалисмо по забуреню кляштора лубенскаго... яко и. гетманъ в. Зап. Богданъ Хмельницкій тие всѣ грута кляшториє на вроци-щахъ, прозив. Тернахъ, що предъ симъ уживали бернардини кляштора Лубенскаго... тое все надаль велебнамъ отцамъ законникамъ и—ра Мгарского Лубенскаго на писиѣ своеи...“ Акты Мгарск. и—ра, л. 256 об.

¹⁾ При решеніи вопроса о кляшторѣ въ Прилукѣ—следуетъ кромѣ того имѣть въ виду, что есть еще Прилуха и—на правомъ берегу Днѣпра (теперь—въ Бердич. у.), которая въ перв. пол. XVII в. уже была центромъ цѣлаго ключа (Zrdla Dziejowa XX, 123, 136 и друг.) Могло случиться, что Окольскій лишь по ошибкѣ называлъ Прилуху Іеремію Ваго, вместо правобережной, находившейся въ

зывается здѣсь 1644-й годъ, а книжка, въ которой онъ говоритъ объ этомъ, появилась въ печати въ 1646 г., почему можно думать, что здѣсь сообщается свѣдѣніе лишь объ одномъ только памѣреніи провинціала Грохольскаго, на дѣлѣ потомъ не осуществленномъ. Во всякомъ случаѣ никакихъ мѣстныхъ свѣдѣній о существованіи католическаго кляштора въ Прилукѣ до сихъ поръ мы не встрѣтили¹).

Въ виду приведенныхъ соображеній о томъ—могли ли въ дѣйствительности быть въ Лубенщинѣ называемы г. Кулишемъ кляштори и костелы, слѣдуетъ, кажется, рѣшить этотъ вопросъ такъ, что кромѣ Лубенскаго кляштора, другихъ кляшторовъ или костеловъ—не было²).

Затѣмъ, въ той же книгѣ Кулиша читаемъ, что поселившись въ Лубнахъ, В—ій „отнюдь не позволялъ Московскимъ пограничникамъ переходить за черту его владѣній у Недригай-

той же Украинѣ, где былъ и Липовецъ, въ которомъ Грохольскій тогда же хотѣлъ устроить или и устроилъ—доминиканскій конвентъ. Правобережная Прилуга одно время принадлежала (помимо, ок. 1630 г.) Константина Вишневецкому, бывшему и палатиномъ (т. е. воеводою) русскимъ. (Slown. geogr., IX, 219).

¹⁾ При этомъ разумѣмъ хотя бы такія свѣдѣнія, какія сохранились относительно Лубенскаго бернардинскаго м—ра. Думается, что если бы въ Прлукѣ дѣйствительно устроенъ былъ кляшторъ, то В—ій долженъ былъ надѣлить его землею, а если бы была такая земля, то Густынскіе монахи не упустили бы случая запросить ее (хотя бы по примѣру Мгарскаго м—ра) у Хмельницкаго... Но ни въ упомянутыхъ этого гетмана, ни въ другихъ документахъ Густынскаго м—ра о Ирилукскихъ доминиканахъ никакихъ упоминаній нѣть, при чемъ добавляемъ, что все поземельные документы Густынск. м—ра нынѣ находятся въ Кіевѣ. Центр. арх., буда поступили въ 1895 г. изъ Черниг. казен. палаты.

²⁾ Используясь книжкой Окольского—Russia Florida—можемъ сообщать, что кромѣ Лубенскаго, въ лѣвобережной Украинѣ, до полов. XVII в., были еще только слѣдующіе кляшторы: въ Черниговѣ, Новгородсѣверскѣ и Нѣжинѣ, причемъ о времени основанія ихъ Окольскій сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія (стр. 119—123). О количествѣ „братій“ въ этихъ кляшторахъ говорится лишь относительно Нѣжинскаго—„tamen ibi 4 fratres“. Наряду съ Нѣжинскими, Черкасскими и Н.-сѣверскими кляшторами называется также и Снятинскій, но здѣсь разумѣется Снятинъ правобережный (стр. 93), а не Лубенскій. Къ этому правобережному Снятину должны быть отнесены и цифры о его населеніи, которыхъ мы указали выше (Февр. 226), какъ относящіеся къ Лубенскому Снятину: въ послѣднемъ въ 1628 г. было 15 дымовъ, а 30 дымовъ было въ Снятинѣ правобережномъ (тогорь В. Снятинъ—Васильк. у.).

лова, подъ Путивлемъ, а Крымская орда, вторгавшаяся въ западную Украину, черезъ древнее Поросье,—не смѣла съ востока перейти Бориско и Пселъ, чтобы ясырничать на Песулі...” (I, 199). И здѣсь видимъ тѣ же личные догадки, которыхъ приводятся, какъ факты... Но дѣло въ томъ, что „Московскимъ пограничникамъ“ житѣе около Недригайлова было, повидимому, привольнѣе, чѣмъ въ Лубенщинѣ¹⁾), которая ихъ поэтому вовсе и манить не могла. А относительно татарскихъ набѣговъ— случилось, что въ первый-же годъ переселенія В—аго въ Лубенщину, этому, будто бы недоступному, Песулі—пришлось испытать жестокое „ясырничанье“ татаръ. Въ февралѣ 1640 года²⁾ татары разоряли оба берега Днѣпра, при чемъ на лѣвомъ берегу доходили до Прилуки. „И воевавъ де онъ, татарове, вышли изъ Литовской земли вонъ назадъ, и тѣхъ де татаръ погромилъ подъ г. Горошиномъ гетманъ Конецпольскій да Замойскій, за Лашъ, и отшибли де у тѣхъ татаръ Московскаго полону *тысячи съ три...*“ Такъ доносилъ въ Москву Путивльскій воевода Пушкинъ, а еще подробнѣе рассказалъ объ этомъ набѣгѣ одинъ Киевскій монахъ, прѣбывавшій въ Москву съ грамотою отъ митрополита Могилы. „Приходили подъ Киевъ за 15 верстъ изгономъ крымскіе татарови, а изъ подъ Киева тѣжъ татарови были за Днѣпромъ, подъ Прилуками, въ Вишневецкаго имѣніяхъ, и въ Переяславскихъ мѣстахъ, куды татаровя николи не захаживали³⁾), и многія села и деревни пожгли, и людей многихъ побили, и въ полонъ поимали... А потому въ Литовской

¹⁾ Иначе они не уходили бы въ Московскіе предѣлы, на что жаловался старостѣ В—аго, говоря о бѣгствѣ туда нѣсколькоихъ тысячъ.

²⁾ Извѣстно, что татары предпочитали дѣлать свои набѣги зимою, вѣроятно, для избѣжанія затрудненій при переправахъ. Бартошевичъ думаетъ однакожъ, что зимніе набѣги обусловливались тѣмъ, что—„wtedy w stodolachъ было рѣло“ и что тогда „Ruś świeciła bogatstwem swojej ziemi.“ (*Pogląd na stosunki Polski z Turcynami i Tatarami*. Warsz., 1860, стр. 77). Но впервыхъ, татаръ вовсе не интересовалъ грабежъ того имущества, которое сохранялось въ „стодолахъ“, а во вторыхъ, для уничтоженія его (что и дѣлали татары) ранняя осень была удобна, по отсутствію хотя бы снѣговъ и морозовъ, да и „стодолы“ осенью были пусты, чѣмъ зимою...

³⁾ Пока мѣстность эта была мало населена—татары незачѣмъ было и хо-

землѣ всякихъ людей поимали до 100.000 человѣкъ¹⁾ , опрічъ тѣхъ, сколько побито... И воевавъ татаровъ Литовскую землю, пошли всѣ назадъ и полонъ, и лошади погнали въ свою землю. А за татары пошелъ ихъ шляхомъ гетманъ Конецпольскій, а пошло съ нимъ съ 40000 людей, а итги хотѣль до ихъ ихъ земли, и нынѣ де тотъ слухъ есть, что ихъ дошелъ и громилъ. Да гетманъ же де Конецпольскій въ Литовской земли, подъ г. Горошиномъ, отшибъ у татаръ Литовскаго полону всякихъ людей съ 3000 человѣкъ²⁾ ... Здѣсь нѣть упоминанія о самомъ В—омъ, м. б. потому, что онъ не ходилъ въ догонку за татарами и о немъ небыло повода говорить,—но о разореніи Посулія ясно говорится...

Засимъ, обращаясь къ знакомству съ дѣятельностью Іереміи въ Лубенщинѣ, по переселеніи его туда, находимъ, что та-ковая заключалась въ устройствѣ и разширеніи маєтностей.

Повидимому, одною изъ главныхъ заботъ В—го на лѣвомъ берегу—было возвращеніе отнятаго у него тамъ Ромна съ его окрестными землями. Городъ этотъ, возстановленный В—ими на старомъ городищѣ, вошелъ въ составъ ихъ владѣній вмѣстѣ съ остальными Посуліемъ (февр., 227); тѣмъ не менѣе, во время малолѣтства Іереміи, онъ былъ захваченъ сначала Калиновскимъ, а послѣ заключенія Поляновскаго договора—отданъ былъ королемъ Владиславомъ, въ видѣ „кролевщины“, любимцу его Адаму Казановскому. Не надѣясь добиться мирнаго возвращенія незаконно отобранной маєтности, В—ій употребилъ насилие. Воспользовавшись тѣмъ, что въ Лубенщинѣ прошелъ слухъ о смерти Казановскаго, В—ій поручилъ одному изъ своихъ „слугъ“ (въ маѣ 1644 г.) съ помощью силы занять Роменъ, чтобы тотъ и исполнилъ. Казановскій жаловался королю и обратился въ судъ; послѣдній рѣшилъ дѣло въ пользу истца и такъ какъ В—ій на судъ не явился то, выдалъ Казановскому заочный приговоръ (*kontomacyjnuy simplicis banitionis dekret*), которымъ,

¹⁾ Такъ какъ татары въ это время разорили и Волинъ, и Галичину, то конечно свѣдѣніе о полонѣ въ 100000 чл. относится главнымъ образомъ къ право-бережной Украинѣ.

присудивъ Роменъ послѣднему, кромѣ того, приговорилъ В—аго въ баниції, т. е. въ изгнанію... Разсерженый этимъ рѣшеніемъ, В—ій пожаловался на Луцкомъ сеймикѣ волынскімъ „посламъ“, которые должны были въ январѣ 1645 годаѣхать на Варшавскій сеймъ, причемъ изложилъ имъ, какъ свои права на Роменъ, такъ и подробности отдачи его королемъ Казановскому; при этомъ В—ій показалъ посламъ всѣ тѣ акты, которые несомнѣнно доказывали безспорность юридическихъ правъ В—ихъ на пограничное съ Московскими землями—Посулье¹⁾). Послы совѣтывали В—му—не подчиняться судебному рѣшенію²⁾). В—ій такъ и поступилъ, вслѣдствіе чего въ это дѣло долженъ былъ вмѣшаться самъ король, который разсмотрѣвъ документы В—аго, рѣшилъ споръ въ пользу послѣдняго, а Казановскій успокоился, получивъ 100 тыс. злотыхъ³⁾).

Возвративъ себѣ Роменъ, а вмѣстѣ съ нимъ и пограничное съ Московскими землями Посулье, В—ій посадилъ тамъ старосту Яна Бесѣдовскаго, который вмѣстѣ съ другимъ „слугою“ В—аго, Криштофомъ Сѣножацкимъ, хоружимъ Черниговскимъ, и началъ тогда же садить на этомъ пограничныи по рѣчкѣ Хусѣ, слободы. При этомъ и были ими поселены: *Бесѣдовка*—Бесѣдовскимъ и *Хоружевка*—хоружимъ Сѣножацкимъ⁴⁾.

Добившись такъ успѣшно возстановленія своихъ правъ на Роменщину, В—ій попробовѣлъ было присоединить къ своимъ маестностямъ и сосѣдній съ Ромномъ—Гадячъ. Послѣдній изстари принадлежалъ Станиславу Конецпольскому, а послѣ его смерти перешелъ къ сыну—Александру. В—ій, находя почему-то права Конецпольскихъ на Гадячъ сомнительными⁵⁾, занялъ этотъ городъ тоже силою („*mocą te dobra zajeźdza*“). Молодой Конецполь-

¹⁾ Pamiętniki Albr. St. x. Radziwiłła, I, 155, w Arch. Ю. З. Rossii, ч. II, т. I, стр. 289 и слѣд.

²⁾ „Otrzymały (отъ пословъ) artykuł, aby raczej rwał się sejm, niżeli żeby miał być ruszony przez jaki dekret z possessyi dóbr Rumno od Kazanowskiego odębęgany...“ Radziw., I, 156.

³⁾ Тамъ же, I, 164. „Umie Wiśniowiecki i nieprzyjaciół ojczyzny i swoich zwyciężać“ добавляетъ при этомъ Радзинский.

⁴⁾ О поселеніи Хоружевки см. Акты Ю. З. Rossii, III, 101 и 152.

⁵⁾ Гадячъ достался Станисла Конецпольскому послѣ женитьбы его на дочери.

скій, жалуясь сейму (1647 г.) на насилие Б—аго, добавлялъ, что онъ также безправно захватилъ и Хороль, который хотя когда то и принадлежалъ В—имъ, но затѣмъ обращенъ былъ въ кролевщизну. По разсмотрѣніи вопроса о захватѣ Гадяча на сеймѣ, въ маѣ 1647 г., было рѣшено—возвратить его Конецпольскому, причемъ сеймъ призналъ право послѣдняго и на Хороль, но за этотъ городъ Конецпольскій долженъ былъ уплатить В—му 100 тыс. злотыхъ¹⁾.

Изъ приведенныхъ фактovъ видимъ, какъ ревностно стремился В—ій къ разширенію своихъ лѣвобережныхъ маетностей, причемъ не затруднялся дѣйствовать и силою, тамъ где права его были сомнительны. Не ограничиваясь окружениемъ своихъ маетностей въ предѣлахъ Лубенщины, В—ій принималъ мѣры къ возвращенію даже тѣхъ изъ своихъ „подданныхъ“, которые ушли передъ тѣмъ въ предѣлы Московского государства, причемъ просилъ Путівльскаго воеводу кн. Долгорукова—позволить его „слугамъ“ Бесѣдовскому и Сѣножацкому розыскивать бѣжавшихъ въ Путівльскіе предѣлы подданныхъ его, В—аго, и возвращать послѣднихъ съ „животами и съ маетками“. Московское правительство, повидимому, оберегая миръ сосѣдскихъ отношений,—„вѣдо князя Еремія В—аго подданныхъ съ государевой земли, изъ Недричайловскаго уѣзда, ссылать безпрестанно тихостію“...²⁾.

Затѣмъ мы не имѣемъ свѣдѣній о подробностяхъ заселенія Ереміей В—мъ Лубенщины новыми слободами и объ увеличеніи населенія въ городахъ, возникшихъ до переселенія его въ Лу-

¹⁾ Pamiętniki Radziwiłła, II, 247, 264 и 273. См. также Dyaryusz Bog. Maszkiewicza, (Zbiór pam. histor. o dawn. Polszcze, t. V) стр. 59.—Въ книгѣ Кулиша—„Отладеніе“ (II, 199) есть такая фраза: „Конецпольскій (Станиславъ) тягался съ В—мъ до самой смерти за сорокъ старыхъ осадъ въ Українѣ“ и т. д. О какихъ осадахъ здѣсь говорится—понять нельзя... Есть у насъ свѣдѣніе Бопланы, что онъ поселилъ Конецпольскому въ Українѣ болѣе 50-ти обширныхъ слободъ (Опис. Укр. стр. XVIII), но и только. Есть и другое указаніе, что Стан. Конецпольскій „rozdami wielkich miast Ukrainę ozdobił a tem w Ukrainę tatarom drogę zawaři...“ (Pamiętniki o Koniecpolskich, стр. 179). Но о спорахъ его съ В—мъ за эти „слободы и посады“, которыхъ здѣсь определенно не указываются, мы сѣдѣній не имеемъ.

бенщину. Затѣмъ, мы не имѣемъ свѣдѣній о подробностяхъ заселенія Іереміей Лубенщины новыми слободами и о привлечении нового населенія въ „городки“, возникшіе до переселенія В—аго въ Лубенщину; но за то сохранился документъ, представляющій собою, какъ бы итогъ колонизаціонной дѣятельности послѣдняго. Мы говоримъ о напечатанномъ Пшездѣцкимъ—въ 1841 г.—спискѣ „поданныхъ кн. Іереміи В—аго въ заднѣпровской Украинѣ“¹); въ этомъ спискѣ перечислены всѣ отдѣльные поселенія съ показаніемъ числа „hospodarów samych osiadłych“ и „kolęs“ водяныхъ мельницъ. При скучности нашихъ свѣдѣній о численности населенія въ южной Малороссіи (да въ сѣверной тоже) за первую половину XVII в., списокъ Пшездѣцкаго представлялъ бы собою очень цѣнныій историческій документъ, если бы, къ сожалѣнію, не возбуждалъ сомнѣній въ достовѣрности заключающихся въ немъ свѣдѣній. Прежде всего, списокъ этотъ не имѣетъ даты, причемъ о послѣдней можно лишь догадываться: такъ какъ списокъ указываетъ маєтности *Іереміи В—аго* и притомъ въ блестящемъ, относительно численности населенія, видѣ, то время составленія его слѣдуетъ отнести къ послѣднимъ годамъ пребыванія Іереміи въ „Заднѣпріи“, т. е., м. б. къ 1646, 1647 и даже 1648 г.г.... Затѣмъ, въ этомъ перечинѣ 56-ти поселеній—указаны и такія имѣнія, которыхъ никогда В—аго не принадлежали, какъ напр., Золотонопша, Пѣщана (Золот. у.), Домонтовъ, Полтава, Комышная, Ручинцы (Ручки?) Хомутецъ.... Указанъ въ немъ и Хороль, исключенный, какъ мы видѣли, изъ числа имѣній В—аго въ 1647 г.²). Въ тоже время, мы не видимъ въ этомъ спискѣ мѣстечка Галицы, которое въ это время не только существовало, но имѣло уже и „фольваркъ“³). Не указано село Пу-

¹⁾ Podole, Wolyń, Україна, (Wilno, 1841), I. 41—44.

²⁾ Это обстоятельство можетъ указывать, что списокъ составленъ не позже этого года....

³⁾ Галица, какъ мѣстечко, имѣвшее уже и „фольваркъ“, упоминается въ завѣщаніи Мгарского монаха Самсона Кутовскаго, написанномъ при Іереміи В—аго (годъ обозначенъ 1634 г., но недостаточно ясно). Акты Мгарск. м.—ра. л. 266. Въ спискѣ Пшездѣцкаго указано поселеніе Нака (всльдъ за Монастырищемъ, около которого находится и Галица), но ошибочно написанная Нака можетъ скорѣе указывать на Галицу, а Галку—село Роменск. у.

линцы, около Лубенъ, которое было заложено Іеремієй В—имъ вдовѣ казненнаго Запорожскаго гетмана Сулимы¹⁾). Не указаны и такія роменскія мѣстечка, какъ Константиновъ, Хмѣловъ, Смѣлое, населеніе которыхъ можетъ быть, впрочемъ, подсчитано вмѣстѣ съ Роменскимъ, такъ какъ по этому списку—въ Ромнѣ значится 6000 „господарей“, количество слишкомъ великое для одного города Ромна, если въ Лубнахъ, по этому же списку, значится только 2646 „госп.“ Вообще цыфры населенія по списку Пшездзѣцкаго очень велики: въ Лохвицѣ значится 3325 „госп.“, въ Варвѣ—2037, въ Цирятивѣ—1749, въ Хоролѣ—1297, въ Красномъ (Колядинѣ?)—995... Сравнивая эти цыфры съ тѣми, которыя раньше приведены относительно 1628—30 г.г., мы видимъ, что въ какія нибудь двадцать лѣтъ, Лубенщина болѣе чѣмъ удесятерилась въ своемъ населеніи... При этомъ, въ спискѣ Пшездзѣцкаго видимъ поселенія, о которыхъ тарифы 1630 г. вовсе не упоминаютъ и въ которыхъ, тѣмъ не менѣе, по этому списку, значится до 1000 двор., напр. въ Монастырищѣ (Нѣж. у.) показано 939 „госп“, въ Ичнѣ—1494, въ Глинскѣ (Hrynsk)—1264, рѣ Срѣбномъ—1830, въ Чернухахъ—944, въ Корибутовѣ (Конот. у.)—600... Если эти поселенія существовали уже и раньше и въ тирифахъ 1630 г. опущены по какимъ либо причинамъ, то вовсе же численность ихъ населенія сравнительно съ другими поселеніями, въ тарифахъ упомянутыми, является очень значительною. Вообще, если приводимыя спискомъ цыфры населенія вѣрны, то успѣхъ колонизаціонной дѣятельности Іереміи въ Лубенщинѣ былъ очень великъ по массѣ того населенія, которое передвинулось сюда изъ югозападной Руси, во вторую четверть XVII в... Къ сожалѣнію, въ спискѣ Пшездзѣцкаго нельзѧ видѣть несомнительного документа; помѣщеніе въ немъ, подъ именемъ имѣній Іереміи В—аго, поселеній послѣднему не принадлежавшихъ, возбуждаетъ сомнѣніе—нѣть ли въ немъ и другихъ невѣрностей... Во всякомъ случаѣ, пока этотъ документъ не описанъ научно (если только онъ еще существуетъ) къ нему слѣдуетъ относиться съ осторожностью. Но мы

¹⁾ Сулимовск. архивъ, 21.

имѣемъ другой документъ, уже несомнѣнно свидѣтельствующій объ успѣхахъ колонизации В—аго въ принадлежавшемъ ему „Заднѣпрі“; мы разумѣемъ *Реестра войска Запорожскаго*⁴), составленные въ октябрѣ 1649 г., т. е. съ небольшимъ черезъ годъ послѣ ухода Іереміи изъ лѣвобережной Украины. Въ этихъ реестрахъ показаны слѣдующія сотни, входившія въ составъ Лубенщины: двѣ сотни Лубенскія, изъ которыхъ одна названа сельскою, почему слѣдуетъ думать, что другая была городскою, Ширяинскими двѣ, Чернушинская, Городищенская, Журавская, Курѣнская, Роменская, Константиновская, Лохвицкая, Сенчанская, Глинская, Лукомская, и—наконецъ, почти цѣлый Прилуцкій полкъ, большая часть территории котораго входила въ составъ имѣній В—аго (сотни—кромѣ Прилуцкихъ,—Варинская, Срѣбрянская, Переволочанская, Галицкая и друг.). Количества внесенныхъ въ эти сотенные списки казаковъ несомнѣнно уже указываетъ, что къ концу первой половины XVII в. побережья Сулы и ея притоковъ, перестали быть тою *пустыней*, которою они называются въ к. XVI в.

Достигнувъ такихъ блестящихъ результатовъ въ заселеніи своей Лубенщины и ставъ такимъ образомъ владѣльцемъ обширныхъ тамъ маєтностей, В—ій, быть можетъ, уже и не думалъ о возвращеніи на родину, предпочитая ей просторъ своихъ колоній, едва ли не превосходившихъ Волынское его наслѣдство⁵).

⁴) Изданы Бодавскимъ въ 1876 г., въ „Чтеніяхъ Моск. Общ. Истор. и Др.“.

⁵) У насъ нѣть опредѣленныхъ указаний на размѣръ принадлежавшихъ здѣсь Іереміи В—му имѣній, такъ какъ списохъ этихъ имѣній В—ихъ, напечатанный Шлездѣцкимъ (Podole и проч. I, 57—61), не даетъ свѣдѣній—какія изъ перечисленныхъ въ немъ маєтностей принадлежали королевской ливії В—хъ, т. е. какія изъ ихъ числа были, передъ тѣмъ, во владѣніи Іереміи.—Интересно, что несмотря на огромныя, во всякомъ случаѣ, маєтности, Іеремія В—ій, повидимому, не рѣдко нуждался въ деньгахъ и долженъ былъ обращаться къ кредиту.—Такъ оѣтъ быть долженъ 4000 золотыхъ вдовѣ разорителя Кодака Ивана Сулимы, при чемъ долгъ этотъ быть обеспеченъ селомъ Пулинцами. Затѣмъ, одинъ изъ „слугъ“ Іереміи, Юрій Русѣновичъ, въ завѣщаніи своемъ, писанномъ въ 1668 г., завѣщаетъ Мгарскому м—рю и дѣгамъ своимъ—2400 злот., которые онъ заслужилъ у Іереміи В—аго и жены его, „личной службою“ и на которые имѣеть „квитъ“, подписанный руково Гризельды В—ой, но которыхъ до 1668 г. не получилъ... (Акты Мгарск. м—ри, л. 246). Но акту 1 ноября 1647 г. Іеремія отдалъ брату жены Александру Замойскому въ аренду т. Лубны съ угодьями, на три года, по 7000 злот. въ годъ, при чемъ деньги эти

Къ сожалѣнію, мало сохранилось свѣдѣній о частной жизни Іеремія въ его колоніяхъ. Есть только извѣстія за послѣднее время его тамъ жительства, записанныя въ дневникѣ одного изъ „дворянъ“ Іеремія. Мы говоримъ о діаріушѣ Машкевича ¹⁾), въ которомъ рассказаны события изъ лѣвобережной жизни В—аго, начиная съ 1647 г.—Обстоятельная ихъ запись начинается впрочемъ только съ осени этого года, когда Іеремія отправился съ своимъ войскомъ на Запорожье, повидимому, безъ особой какой либо надобности, а какъ бы съ цѣлью сдѣлать военную прогулку для упражненія своихъ солдатъ въ походной жизни. Осеню 1647 г., разсказываетъ Машкевичъ, Іеремія В—ій, собравши въ „заднѣпрскихъ“ маєтностяхъ 6000 войска, вышелъ съ нимъ въ ноябрѣ (въ день св. Михаила, которому посвященъ былъ Лубенскій костелъ) на Запорожье и тамъ пробывши вѣсколько дней въ Кодакѣ и осмотрѣвши Днѣпровскіе пороги, вернулся домой, въ Лохвицу ²⁾, въ день св. Мартына (11-го ноября). Ходилъ В—ій къ Запорожью, какъ будто и съ надеждою—не встрѣтятся ли, по дорогѣ, гдѣ татары, такъ какъ Машкевичъ добавляетъ, что В—ій вернулся, не видѣвшіи и одного татарина („i żadnego tartarzyna nie widziawszy“). Засимъ, насталъ роковой 1648-й годъ. Какъ начался этотъ годъ у В—аго, разсказываетъ Машкевичъ: въ началѣ января (7-го) Іеремія, вмѣстѣ съ женою, ъѣздила изъ Лохвицы въ Сенчу, на крестины къ тамошнему управителю Суфчинскому; тамъ В—іе и ночевали. Черезъ восемь дней послѣ этого (15-го), Іеремія ъѣздила (тоже изъ Лохвицы) въ Лубны, на

Замойскій долженъ былъ уплачивать бернардинамъ Лубенскаго конвента въ счетъ той суммы, которую В—ій „ординовалъ“ на этотъ конвентъ. (Кіевск. центр. арх., книга гродск. Житомирск. № 20, л. 161). Такимъ образомъ, этотъ актъ показываетъ, что и на такіе, впередъ опредѣленные, расходы у В—аго наличныхъ денегъ тоже не случалось и онъ долженъ былъ прибѣгать къ кредиту, да еще такому невыгодному... О тѣхъ займахъ, которые Іеремія В—ій принужденъ былъ давать въ козацкую войну, си. въ книгѣ Чемака „Z czasów Iana Kazimierza“ (Lwów, 1893), статью—*Księże Teremi dłużnikiem.*

¹⁾ Напечатанъ, какъ уже сказано, въ сборникѣ Нѣцкевича—*Zbiór pamiątek histor. o dawniej Polsce*, V, 57—85.

²⁾ Повидимому, Іеремія не постоянно жилъ въ Лубнахъ. Живаль онъ и въ Прилукахъ, живаль и въ Лохвицѣ; и тамъ, и тамъ, повидимому, были у него „замки“.

похороны одного изъ своихъ „слугъ“ Закревскаго. Прошелъ мѣсяцъ въ такой же тихой жизни. Іеремія продолжалъ заниматься обширнымъ своимъ хозяйствомъ. Такъ, въ концѣ января, онъ писалъ къ Путивльскому воеводѣ о возвращеніи своихъ подданныхъ, бѣжавшихъ въ предѣлы Московскаго государства (см. выше, стр. 342). Но вслѣдъ за тѣмъ В—ій получилъ (15-го февраля) тревожное извѣстіе, что „какой то“ Хмельницкій, собравъ небольшой отрядъ Запорожскаго „гультайства“, разбилъ (*spѣdził*) Корсунскій полкъ, оберегавшій границу отъ татаръ, послѣ чего этотъ Хмельницкій сталъ сывать къ себѣ народъ и устраивать изъ него войско. Извѣстіе было на столько важно, что на другой же день Іеремія послалъ Машкевича къ Krakовскому воеводѣ (Потоцкому), находившемуся въ это время въ Богуславѣ, извѣщаю его объ этомъ „какомъ то“ Хмельницкомъ. Машкевичъ возвратился, привезя отъ Потоцкаго письмо, повидимому, не заключавшее въ себѣ тревожныхъ вѣстей, потому что и послѣ этого Іеремія продолжалъ переписку съ Путивльскимъ воеводою относительно пограничныхъ дѣлъ¹⁾). Затѣмъ, въ началѣ апрѣля Іеремія, съ семьей, перѣѣхалъ изъ Прилуки въ Лубны, чтобы тамъ праздновать пасху. Въ Лубнахъ онъ оставался до конца апрѣля, когда получилъ новое извѣстіе, что гдѣ-то за Днѣпромъ Хмельницкій, соединившись съ татарами и собравъ многое множество вооруженнаго „гультайства“, угрожаетъ польскому войску. В—ій снова послалъ Машкевича къ Днѣпру, въ Еремѣвку, чтобы онъ тамъ точно узналъ о положеніи дѣлъ; а когда Машкевичъ приспалъ извѣстіе о пораженіи поляковъ при Желтыхъ Водахъ, то В—ій послалъ Машкевичу прямо въ польскій лагерь, чтобы спросить тамъ у военачальниковъ—куда ему, В—ому, направляться съ своимъ отрядомъ войска, простиравшемся и теперь до 6000 душъ. Вмѣстѣ съ этимъ, В—ій написалъ и Путивльскому воеводѣ о полученномъ извѣстіи, что у Княжихъ-Байраковъ²⁾ стоитъ татарская орда, числомъ до сорока тысячъ, которая куда направится,—на Польшу или на Московскую землю,—еще неизвѣстно, но что

¹⁾ Акты Ю. З. Россіи, III, 153.

²⁾ Балка Княжіє-Байраки, по указанію г. Эварницкаго, находится рядомъ съ Желтыми Водами. Истор. Запор. Козак., II, 240.

польськое войско стоитъ въ готовности и онъ самъ, Іеремія, „при здѣшнихъ его маєтностяхъ съ людьми своими готовъ есть“.—„И для того сею мою грамотою, продолжаетъ Іеремія, даю тебѣ знати, чтобы вы были на готовъ... А еслі по слышите, откуда вѣсти, что они въ нашу страну пойдутъ,—помочь чините намъ съ людьми своими¹⁾). О Хмельницкомъ и козакахъ Іеремія ничего не говоритъ, быть можетъ, потому что извѣстіе о соединеніи татаръ съ Запорожскими козаками произвело бы въ Москвѣ нежелательное для поляковъ впечатлѣніе... Письмо это В—ій писалъ изъ Прилуки, куда снова возвратился въ маѣ. А вслѣдъ за этими распоряженіями, В—ій, подозрѣвая серьезность положенія дѣль, нашелъ нужнымъ жену (конечно, вмѣстѣ съ сыномъ) отправить въ Минское полѣссе, въ тамошнее его имѣніе Брагинъ. Самъ же, не ожидая извѣстія отъ Машкевича, отправился съ войскомъ къ Переяславу. Первый ночлегъ на походѣ В—ій имѣлъ около с. Туровки,—это было наканунѣ пораженія поляковъ подъ Корсунемъ,—а слѣдующій ночлегъ В—аго былъ—у Яготина; тутъ явился къ нему изъ подъ Корсуня какой-то старый его соратникъ Поляковскій и извѣстилъ Іеремію о пораженіи и плѣненіи гетмановъ... Вѣсть была страшная и В—ій спѣшно двинулся къ Переяславу, желая скорѣе перевѣститься черезъ Днѣпръ и явиться на помощь къ остаткамъ польского войска. Отсюда же В—ій разослалъ всадниковъ изъ своей „драконії“—по сосѣднимъ переправамъ (въ Черкасы, Домонтовъ, Стайки, Трахтемировъ, Ржищевъ), чтобы изъ всѣхъ ближайшихъ пристаней собрать паромы къ Переяславской пристани. Но паромовъ не оказалось. По распоряженію предустмотрительныхъ козацкихъ военачальниковъ, сейчасъ же послѣ Корсунскаго сраженія, всѣ эти паромы были потоплены, съ цѣлью преградить путь именно В—ому, если бы онъ вздумалъ тутъ переправляться черезъ Днѣпръ. Пречаятствіе явилось неустранимое и В—ій, посовѣтовавшись съ своими „полковниками и поручиками“, рѣшилъ идти за Днѣпръ другимъ путемъ и идти безотложно, пока не взбунтовались „хлопы“ въ Лубенщинѣ. Сво-

¹⁾ Акты Ю. З. Россіи, III, 191.

бодною оставалась одна дорога — на Черниговъ, а оттуда — на Любечъ, въ Брагинъ, гдѣ находилась въ это время его Гризельда съ сыномъ. По этой дорогѣ В—ій и направился. Такъ записалъ въ своемъ дневнику Машкевичъ, отмѣтивъ, что 16-го мая В—ій по дорогѣ на Черниговъ ночевалъ подъ Басанью¹⁾. Отсюда В—ій послалъ небольшой отрядъ, подъ начальствомъ „козацкаго ротмистра“ Понятовскаго, къ Каневу, на развѣдки, и Понятовскій въ ту же ночь поймалъ пять человѣкъ языка, подтвердившихъ В—ому извѣстіе о Корсунскомъ пораженіи. „На утро тѣ козаки казнены“ говоритъ Машкевичъ. Казненные козаки, повидимому, были посланы Хмельницкимъ къ В—ому съ объясненiemъ причинъ, заставившихъ его поднять на поляковъ оружіе. Такъ можно думать по разсказу Величка (I, 78), у котораго читаемъ, что Хмельницкій „угасивъ огонь полскій“ Корсунскимъ пораженіемъ, помнилъ, что „еще великая головня въ Лубнахъ зосталася,— кн. В—ій, державца тамошній“... Вотъ ему то и нашелъ Хмельницкій нужнымъ написать письмо съ разъясненiemъ причины начавшейся войны, причемъ „предлагалъ жебы онъ, кн. В—ій, о тое, что ся уже съ гетманами стало, не уражался и гнѣва своего къ нему Хмельницкому простирати не изволилъ“... Величко говоритъ, что посланцы Хмельницкаго догнали В—аго „близко Березани“ и отдали ему письмо, послѣ прочтепія котораго В—ій „розярившись“ (конечно, за дерзость писавшаго письмо), на другой день, 25 мая, въ четвергъ на зеленой недѣлѣ, недалеко отъ Березани, велѣлъ посланцовъ этихъ казнить („постинатъ“), а самъ спѣшно пошелъ къ Лубнамъ... Машкевичъ не говоритъ, чтобы В—ій возвращался изъ подъ Переяслава въ Лубны, но изъ его дневника видно, что взятые Понятовскимъ козаки были казнены 17-го утромъ; если это были посланцы Хмельницкаго, что вѣроятно, при чёмъ разница въ числахъ можетъ происходить отъ описокъ и отъ разности календарей, то слѣдя разсказу Машкевича, В—ій отъ 17-го мая, когда онъ былъ въ Басанѣ (не въ Березанѣ ли?) до 25-го, когда онъ подошелъ къ Чернигову, долженъ былъ гдѣ нибудь въ пути имѣть остановку. Слѣ-

¹⁾ с. Басань, конечно „Стараа“, — въ козацецъ. у., черниг. губ.

дуется думать, что въ эти дни В—ій и возвращался въ Лубны, чтобы забрать оттуда уже все, что можно было взять¹⁾, при чемъ это возвращеніе, вѣроятно, находилось въ тѣсной связи съ тѣмъ внезапнымъ умаленіемъ находившагося при В—омъ отряда, о которомъ говорить Кисель²⁾). Безбоязненно уходившіе изъ отряда В—аго воины, принадлежавшіе къ числу его „подданныхъ“, тѣмъ самимъ ясно указывали своему властителю—о приближающемся моментѣ того общаго возстанія „хлоповъ“, которое должно было послѣдовать и на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ виду двукратнаго пораженія поляковъ. В—ій не могъ не видѣть, что нужно уходить съ лѣваго берега... Величко говоритъ, что послѣ казни посланцовъ Хмельницкаго, В—ій возвращался въ Лубны и что получивъ тутъ горестныя вѣсти изъ Польши, а также слыша совсѣхъ сторонъ о „бурливыхъ вѣтрахъ козацкой войны и бунтовъ послполитыхъ“, поспѣшилъ оттуда уѣхать „30 всѣмъ домомъ своихъ въ легцѣ, только въ 3000 войска, и удавшился на городокъ Быковъ, тамъ о полуднѣ, противъ недѣлѣ святой (т. е. противъ воскресенія), рѣчу Свидовецъ переправилъ и... вдался ко Любечу“³⁾). Къ этому извѣстію Машкевичъ добавляетъ, что когда В—ій проходилъ мимо Чернигова, по дорогѣ къ Любечу, то тутъ за нимъ было погнались козаки и—В—ій былъ де въ большой опасности, но счастливый случай его спасъ... Тридцатаго мая В—ій переправился черезъ Днѣпръ и тогда же достигъ Брагина, гдѣ находилась его семья. Такъ тихо, безъ шума В—ій покинулъ свою Лубенщину, уѣдившись, что ему въ ней не удержаться⁴⁾...

¹⁾ Въ одномъ изъ панегириковъ Іеремія В—аго говорится, что возвращался онъ въ Лубны (*wracac się nazad ku Lubniom*), чтобы z kraju ognistego, wywieść w całosci lud do jednego. „Pochodnia woienney sławy j. osw. x. j. mosci Jeremii Michała Korybuta na Wisn. u Lubniach Wisniowickiego“ (Iana Białobockiego). Kraków. 1649. Панегирикъ этотъ имѣлъ два изданія, въ одномъ и томъ же году. Второе изданіе, посвященное Яну Замойскому, есть въ б—кѣ универс. св. Владимира,

²⁾ Памятники Кіевск. Ком., I, отд. 3, стр. 30.

³⁾ С. Быковъ въ козел. у., черниг. губ. Приводя здѣсь свидѣтельство Величка мы не сомнѣваемся, что оно заимствовано имъ у одного изъ польскихъ хронистовъ и называемъ Величка, лишь не зная его источника. Быть можетъ это была „Wojna Domowa“...

⁴⁾ Не такъ обѣ этомъ уходѣ рассказываютъ малорусскіе историки. У Костомарова, напр., въ его книгѣ „Богд. Хмельн.“,—читаемъ: и услыхавъ о матежѣ

Что же произошло въ Лубенщинѣ послѣ ухода Геремії?

Свѣдѣній объ этомъ обнародовано пока немного. Намъ известны лишь слѣдующіе факты. Въ письмѣ, писанномъ 31 мая къ Гнѣзденскому архіепископу, Кисель говоритьъ, что Хмельницкій послалъ за Днѣпръ (т. е. на лѣвый его берегъ) десять тысячъ войска подъ начальствомъ Кривоноса для уни-

(Хмельницкаго), хлоны (жившіе въ Лубенщинѣ) составляли загоны и бѣжали къ Хмельницкому. В—ій собралъ до 8-ми тыс. шляхтичей (?), жившихъ въ его владѣніяхъ, изъ которыхъ впрочемъ не все были надежны; онъ разсѣвалъ загоны (въ Лубенщинѣ) и всѣхъ попадавшихся въ руки, казнилъ жестоко; въ каждомъ городѣ и селѣ ставили на рынкахъ вѣсилицы, виновныхъ вѣшали, сажали на колъ, рубили головы. Разгонная такимъ образомъ шайка, В—ій дошелъ почти до Переяславля" и т. д. (Изд. 4-е, стр. 329). Источникомъ этихъ свѣдѣній указаны—стр. 26 и 157, отд. 3-го, т. I-го „Памятниковъ“ Кіевск. Ком., но обратившись къ указанному мѣсту этой книги, мы видимъ, что все эти вѣсилицы и казни взяты изъ письма Кривоноса, писанного 25 июля 1648 г. (къ воеводѣ Сеномирскому), въ которомъ Кривоносъ рассказывая о жестокостяхъ В—аго, имѣеть въ виду *правый* берегъ Днѣпра; здѣсь совершаю В—ій свои жестокости уже послѣ того, какъ онъ пришелъ сюда изъ Лубенщины, въ которой никакихъ подобныхъ ужасовъ ни въ 1648 г., ни раньше, онъ не производилъ; по крайней мѣрѣ объ этомъ нигдѣ и намека нѣтъ. (Есть впрочемъ у Нѣсѣцкаго слѣдующія фразы: „Jak si鑒 za  chłopska rebellia na t  ojczu ne targn a  z by w po ar nie wybuchn a  pod  olinem, Mnogo, Slepogodem, Horzyc  (?) pierwsze iskierki jej tlumil, tak e pod Kumejkami, Lubna, Konstantinowem Pryluk , Niemirowem, herst w jej poznosiwszy, inszych wielu od swawolney ligi odstraszyl...“ (IX, 345). Изъ этихъ фразъ видно, что Нѣсѣцкій смѣшиваетъ события 1638 г. съ событиями 1648 г. и не различаетъ лѣвобережной Украины отъ правобережной... Изъ этого мѣста хорошо виденъ и компидативный характеръ книги Нѣсѣцкаго).—У г. Кулиша, въ его книгѣ „Отпаденіе“, описание ухода В—аго изъ Лубенщины въ 1648 г., изложено сходно съ разсказомъ Костомарова, при чемъ краткій разсказъ послѣдняго г. Кулишъ дополняется подробностями того „баснесловія“, въ которомъ онъ обвиняетъ „козацкихъ панегиристовъ“ и ихъ „вожака“ Костомарова (П, 191). Казавъ, что Хмельни. отравилъ Кривоноса на лѣвый берегъ—бунтовать Вишневщину, К—шъ продолжаетъ, что В—ій „окружилъ себя только служилою шляхтою (?) и разгоняя гайдамаціе загоны Перебѣйносса на пространствѣ отъ Ворсклы до Трубежа, а пойманыхъ на горячемъ учинкѣ Перебѣйносцевъ казнилъ тутъ же... Разгонная гайдамація шайки и карая своихъ избѣнниковъ... В—ій дошелъ до Переяслава... Въ немъ сидѣлъ Кривоносъ и готовился выйти на встрѣчу В—ому... Не желая пастъ въ беславномъ бою (съ Кривоносомъ), В—ій отступилъ къ своимъ Лубнамъ и сталъ готовиться къ бѣгству—на Горынь. Надобно было сперва обезпечить отъ козацкой свирѣпости обожаемую любовницу и жену, красавицу Гризельду (которая въ это время была уже въ Брашинѣ) и тогда уже ринуться на бой съ чудовищемъ неслыханного бунта, очерти голову. Въ Лубнахъ принесли ему письмо Хмельницкаго. Онъ (т. е. Хи—ій) хотѣлъ убаявать В—аго; но тотъ не показывалъ

чоженія кн. Вишневецькаго, причемъ приказалъ Кривоносу прібавить за Днѣпромъ къ его отряду—еще столько¹⁾... Очень можетъ быть, что Хмельницкимъ и сдѣлано было это распоряженіе, съ желаніемъ отомстить В—му за казнь ни въ чёмъ неповинныхъ его посланцевъ, но только въ это время В—го уже не было на лѣвомъ берегу, о чёмъ добавляетъ и Кисель въ томъ же письмѣ. Кажется, что Кривоносовъ вовсе и не переходилъ Днѣпра, потому, вѣроятно, что не противъ кого было уже и идти... А съ главной резиденціей Іереміи народъ и самъ расправился. Одинъ монахъ Петроній Ласко, котораго Кисель посыпалъ, въ концѣ іюня, къ Хмельницкому въ Чигиринъ, разсказываетъ, что при немъ приведено было къ гетману изъ за Днѣпра нѣсколько „своевольниковъ“, которые собравшись тамъ (т. е. на лѣвомъ берегу) цѣлымъ отрядомъ тысячу въ пятнадцать, Лубны штурмомъ взяли и разорили, отцовъ бернардиновъ поумерщвали, а вмѣстѣ съ ними и много плахты, мужчинъ и женщинъ... Изъ числа приведенныхъ „своевольниковъ“ Хмельницкій приказалъ двухъ казнить, а двухъ или трехъ—послалъ къ В—ому для его освѣдомленія, что не казаки разоряютъ его маетности, а его же подданные²⁾... О народномъ возстаніи въ

вида, что потерялъ надежду устоять противъ Кривоноса, маскировалъ свое бѣгство военными приготовленіями и взавши съ собою лишь нѣсколько походныхъ возовъ да 15 рукодайныхъ слугъ (?), оставилъ свое заднѣпровскное княжество... обѣхъ обнатое бунтомъ Заднѣпровіе московскими саками (такъ неизвѣстно почему г. К—шъ называетъ битый путь, а не сакамъ, т. е. давнія дороги) изъ Переяславщины на Черниговъ, а оттуда на Любечъ... и отправилъ свою Гризельду съ сыномъ въ Вишневецъ... Откуда заимствовалъ всѣ эти сведения г. К—шъ—въ его книгѣ не указывается; есть только въ текстѣ такое упоминаніе: „описывая бѣгство В—аго Наталя Ганноверъ даетъ понять“... Если при этомъ г. К—шъ ссылается на „Лѣтопись Наталя Ганноверъ“—(переводъ Мандельберга, Одесса, 1878 г.), то въ ней нѣть ничего объ уходѣ В—аго въ 1648 г. на правый берегъ Днѣпра... Вѣроятнѣе, что источникомъ этихъ небывалыхъ подробностей послужили для г. К—ша „климатери“ Коховскаго, у котораго (но изд. въ польск. переводѣ Рачинскаго, 1859 г., I, 4—5), приводится путанный наборъ фактовъ о небывалыхъ стычкахъ В—аго съ Кривоносомъ на лѣвомъ берегу Днѣпра... Разсказъ г. К—ша объ уходѣ В—аго изъ Любенщины несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что его авторъ, обвиняя „богацкихъ панегиристовъ“, что они „нечестивы въ потемкахъ баснословія“, самъ бы прежде долженъ покаяться въ этомъ грѣхѣ...

¹⁾ Памятники, I, отд. 3, стр. 30.

²⁾ „Релатія“ Ласка приведена подлинникомъ у Шайнохи, Dzieła, X, 194.

львовережной Малороссии и разореніи польскихъ въ ней имѣній разсказывалъ, въ томъ же іюнѣ, и другой свидѣтель, проѣзжавшій въ это время чрезъ Малороссию, отъ Сѣвска до Киева: „а войско свое Хмельницкій распустилъ за Днѣпръ (т. е. на лѣвый его берегъ) къ Путівльскому рубежу, на маєтности Потоцкаго, Вишневецкаго и Киселя, и тѣхъ де ихъ маєтностей города всѣ побрали, а которые де ихъ были крестьяне Потоцкаго, Вишневецкаго и Киселя и тѣ де съ ними (козаками Хмельницкаго) стали въ козаки жъ¹⁾“...

Засимъ весь общественный строй лѣвобережной Малороссии измѣнился, а съ нею измѣнился и прежній строй Лубенщины...

Указавъ здѣсь главныя черты дѣятельности Іереміи В—аго въ „Заднѣпрскихъ“ его имѣніяхъ, находимъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о его личности, какъ общественного дѣятеля.

Польские историки, старые и новые, прославляютъ Іеремію, какъ великаго своего патріота, у котораго всякая приключавшаяся отчизнѣ невзгода вызывала душевную боль. (*Calamitas patriae lamentatio Jeremiae*). Патріотизмъ Іереміи особенно ярко выразился въ той страстной энергіи, которую онъ проявилъ въ войнѣ съ возставшимъ противъ Польши русскимъ народомъ. Но въ жилахъ Іереміи текла та самая кровь, которую онъ съ такою ужасною жестокостью проливалъ въ этой войнѣ.. И намъ кажется, что весь этотъ патріотизмъ, вся эта военная энергія Іереміи была только результатомъ той страстной вражды противъ своихъ, которую мы такъ часто встрѣчаемъ у измѣнниковъ своего народа...

Не могъ, конечно, забыть Іеремія той предсмертной мольбы своей матери, съ которой послѣдняя обращалась къ сыну, заклиная его не измѣнять вѣрѣ отцовъ... Укорительно напоминаль Іереміи объ этомъ материнскомъ завѣтѣ Ісаїя Копинскій въ своемъ въ нему посланіи.—И вотъ воспоминаніе объ этомъ неисполненному завѣтѣ матери должно было постоянно возму-

¹⁾ Акты Ю. З. Россіи, III, 216.

щать духъ Іеремія и онъ, желая вырвать изъ своей памяти, изъ своего сознанія — мольбу умирающей матери, кричалъ, чтобы поляки мучили козаковъ такъ, чтобы тѣ чувствовали мученія... Заслуживъ у польскихъ историковъ славу великаго патріота, Іеремія тѣмъ не менѣе остается измѣнникомъ своему народу¹⁾.

Ал. Лазаревскій.

Приложение.

Изъ помѣщаемыхъ здѣсь двухъ документовъ первый—есть актъ обѣ установлениі въ г. Лубнахъ церковною братствомъ, въ 1622 г. списанъ онъ нами съ рукописи XVIII в., заключающей въ себѣ отрывочная лѣтописная свѣдѣнія о Мгарскомъ монастырѣ²⁾ и принадлежащей священнику с. Исачекъ, Лубенск. у., о. Василію Романову, который получилъ эту рукопись, по его словамъ, отъ кого то изъ сѣверо-западнаго края. Приводимый здѣсь документъ былъ уже напечатанъ, въ передѣлкѣ на современный языкъ, въ Полтавск. губ. вѣд. 1895 г., № 89, но здѣсь онъ печатается дословно по рукописи, въ которую переписанъ, повидимому, недовольно исправно.

Обѣ историческомъ значеніи этого акта скажемъ въ другомъ мѣстѣ, замѣтивъ здѣсь только, что въ достовѣрности сего акта сомнѣнію, повидимому, нѣтъ мѣста.

Второй изъ приводимыхъ документовъ—есть запись 1623 г. Лубенцевъ Мгарскому монастырю на рыболовный «духъ». Обѣ этомъ актѣ сказано у насъ раньше. (Февр., 222).

I. Копія на братство троєцкое Лубенское церкви, отъ отца Исаии Копинского зображеное. (1622 г., 1 октября). Во имя святыхъ живоначальныхъ, единосущныхъ и нераздѣльныхъ Троицы, Отца и Сына и Святого Духа, единаго, истинного Бога нашего, ему честь и поклоненіе, слава и хвала отъ всея чувственныхъ и невещественныхъ твари, нынѣ и въ безконечныя вѣки. Аминь.

¹⁾ Оканчивая настоящій свой очеркъ, считаемъ долгомъ поблагодарить В. Б. Антоновича за его указанія на тѣ приводимые нами здѣсь документы изъ архивъ книгъ Кіевскаго Центральнаго Архива, которые еще не напечатаны.

²⁾ Быть можетъ, одного происхожденія съ напечатанными въ Кіевск. Стар. 1889 г., №№ 4—6.

Господь нашъ Іисусъ Христосъ вся яже ко спасенію многаго ради человѣколюбивого милосердія своего на земли соверша и волнѣй человѣкоспасителной страсти грядый, ученикомъ своимъ глаголаше: си заповѣдаю вамъ, да любите другъ друга, посему бо рече и знаютъ васъ, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою, еже и божественный верховный апостолъ Петръ востекъ на верхъ добродѣтелей, любовь во божественныхъ посланныхъ препоручаетъ, подадите, рече, вѣрѣ вашей добродѣтель, во добродѣтели же разумъ, въ разумѣ все воздержание, во воздержаніи терпѣніе, во терпѣніи же братолюбіе, во братолюбіи же любовь. И паки братство возлюбите, Бога бойтесь, паяя чтѣте, иже и по спасителномъ на небеса Христа Бога вознесеніи, друголюбное божественный апостолъ іевангелистъ Лука прославляя, и провозвѣщаща Ѹеофилу, глагола: вѣрующиихъ рече бяше душа едина и сердце едино, и не бяше въ нихъ никто же нищъ, требованію нищихъ послужиша силнейшихъ руцъ. Сему же убо божественному и спасителному и человѣколюбному полученію и мы грѣшные послѣдующе, благолатію благаго Бога Господа нашего Іисуса Христа, хотяща всѣмъ человѣкомъ спастися и въ разумѣ истинный пріити, начиная сіе лутеспасительное друголюбнее соединеніе—братство церковное во богоспасаемомъ градѣ Александровѣ, благословеніемъ и повеленіемъ преосвященнаго господина отца Ісаии Коинскаго, архіепископа и єкзархи патріаршего, на утѣшеніе и утвержденіе во благочестіи нашему россійскому роду, сыномъ всходнаго православія, такъ духовного, яко и свѣцкого стану, всѣмъ христоименитимъ людемъ, на виконане христианскихъ милосерднихъ учинковъ, такъ духовныхъ, яко и свѣцкихъ въ размноженю и вкорененю христианскихъ добродѣтелей, яко тежъ и въ подаваню науки учтывихъ и цвѣченю дѣтей народу христианскаго, откуда хвала всемогущаго Бога на земли множить, потѣха родичомъ и зъ сыновъ наказанныхъ ростеть, речи чюсполиты, оборона людская и оздоба церковная фундуется, яко тежъ и во оматреню телесныхъ вдовъ, сиротъ и въ поратованію всякихъ людей упадлихъ, якося въ собѣ самый грунтъ, предся взите, того святого милосердного братства волею Вседержителя Бога закладается, и братское нерозорваное любве, по присяжный связокъ и зединочене, ведлугъ порядку правъ братствамъ отъ светѣйшихъ патриарховъ и преосвященнаго митрополита и елико по православныхъ короны полськое моцъ церквамъ наданныхъ, благословленыхъ и утвержденыхъ, на што мы всѣ менованные персоны обоихъ духовного и свѣцкого стану людей единымъ сердцемъ, еди-

ными усты позволивши, крестнымъ цѣлованиемъ единъ за всѣхъ и всѣ за единого, при благочестіи стояще духомъ любве горяче сва- завшеся, нижей описанное християнское братское (иे?) повинности и по- рядки чинити, въ той реестрѣ братскій вписуемося, при храмѣ церкви соборной братской пресвятыхъ и живоначальныхъ и нераадѣлимыхъ Твойци. Аминь. Въ року 1622, октовор. 1 днѧ. Ісаия Кошинскій, милостію божію митрополитъ Заднѣпorskій, еказархъ Константинополь- скій, на вся сія душеполезная благочестивыхъ христіянъ совѣтова- нія изволивше благословеніе, своего власною рукою подписуюся.

II. Выпись съ книгъ мѣскихъ ратуша Лубенскою на духъ, зоста- ючий на рѣцѣ Вулшанцѣ. (1623 г., 7 января). Я Марцанъ Нагурскій староста Лубенскій. Мы, Федоръ Бышовецъ, войтъ Лубенскій, при маѣ бурмыстровъ будучихъ: Іосифа Свитайла, Сидора Адамовича, Олекси Тов- кача, Миска Мирченка, Івана Вѣтяза, Івана Бея, Федора Печеника зо всею громадою. Мы Стефанъ Жукъ, атаманъ войска Запорожского Лубенскій, Федоръ Пирскій, Янъ Гендрикъ, Стасъ Яблонскій зо всѣмъ товариствомъ войсковымъ. Ознаймуемъ такъ листомъ нашимъ нынѣшнимъ и потимъ будучимъ, кому бы о томъ вѣдати належало, яко мы всѣ сполне съ собою згодавшися, взялисмо предъ себѣ дѣло богоугодное для збавення души своей, такъ тежъ зачиною и просбою господина отца владыки господина отца Ісаии, частира на- шего, отдалисмы духъ, которій есмо сполечне зъ собою мѣли, каждый своею частю, на рѣцѣ Олшанцѣ, до монастыря Мгарскаго Лубен- ского, на хвалу Божію, aby за насъ всѣхъ и по часъ будучихъ завше на томъ святомъ мѣстцу молба до Господа Бога отправовала, кото- рого то духу маеть заживати монастыръ безъ вшелякой перешкоды отъ насъ всѣхъ сполечне вышереченыхъ, такъ отъ насъ, яко и по насъ будучихъ завше на томъ святомъ мѣстцу молба до Господа Бога отправовала, которого то духу маеть заживати монастыръ безъ вшелякой перешкоды отъ насъ всѣхъ сполечне вышереченыхъ такъ отъ насъ, яко и по насъ будучихъ, такъ старость, яко и мѣщанъ, такъ какъ и всѣхъ войсковыхъ, гдіжъ то единою до мѣстца святого даемъ и вѣчными часы даруемъ. А если бы тежъ кто напотимъ мѣль въ томъ чинити монастырю якую перешкоду и ущербокъ и одымо- вати отъ мѣстца святого даныну нашу, которую мы теперь всѣ спо- лечне згодившися, до мѣста святого дали и вѣчными часы даруемъ, теди таковый нехай не маеть милости Христовой и участничества со святыми, нехай будетъ на немъ клятва святихъ отецъ. А для лѣнишой вѣры и ваги листу того, печати притиснуты и руки свои

подписати зеволилимо. Писанъ въ Лубнахъ, року 1623, мѣсаца ян-
нуаря 7 днѧ.

Marcin Nagòrskj, na ten czas starosta Alexandrowskij będący
ręką swą.

Федоръ Бышовецъ, войтъ Лубенскій зъ бурмистрами. Стефанъ
Жукъ, атаманъ съ товариствомъ рукою власною.

*Акты Миарскаю ж-ря, л. л. 322 об. и 323. (Рукопись б-ки
университета Св. Владимира, изъ собранія М. О. Судченка).*

Воспоминанія о фирмѣ братьевъ Яхненко и Симиренко¹⁾.

Извѣстно, что свѣтлѣйшій князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ покровительствовалъ всякой промышленности, любилъ Россію и желалъ искренно развитія природнымъ ея богатствамъ. Поэтому, узнавъ о предпріимчивости братьевъ Яхненко, при встрѣчѣ съ Кондратомъ Михайловичемъ Яхненкомъ полюбиль его искренно, предложилъ ему избрать, гдѣ угодно, лучшее мѣсто для постройки сахарного завода, обѣщая покровительствовать всѣмъ его планамъ, давать дрова и производить въ своихъ имѣніяхъ посадку свекловицы для его завода и вообще помогать чѣмъ возможно. Всльдѣствіе такихъ сердечныхъ отношеній князя Воронцова, братья Яхненко и Симиренко въ 1846 году заключили письменный договоръ на 36 лѣтъ объ арендованіи 260 десятинъ земли подъ устройство сахарного завода возлѣ с. Мліева. Устройству этого завода князь Воронцовъ придавалъ большое значеніе не только въ смыслѣ выгодности для своего имѣнія и личнаго своего интереса, но и вообще для развитія промышленности въ краѣ, понявъ хорошо предпріимчивость и трудолюбіе членовъ фирмы, и своею задачею поставилъ обеспечить на дальнѣйшее время развитіе и безостановочную дѣятельность этого благаго дѣла и капиталы фирмы. Обезпеченіе князь Воронцовъ желалъ выразить въ томъ, что въ договоръ внесъ много разныхъ пунктовъ, обеспечивающихъ правильную постановку свекловичнаго производства и между прочимъ одинъ пунктъ, коимъ давалъ арендаторамъ право послѣ 36-лѣтняго

¹⁾ См. „Кiev. Стар.“ 1896 г. № 2.

арендуванія, если пожелають, то продолжить срокъ договора на сльдущіе годы, сколько будетъ желательно.

Князь Воронцовъ понималъ, что могутъ встрѣтиться всякия препятствія и непредвидѣнныя обстоятельства, по истечениі 36 лѣтъ, а потому не только самъ подпись договоръ, но, для большей обезпеченности дѣлъ фирмы въ будущемъ, послалъ его въ Крымъ подписать сыну Семену Михайловичу, предложилъ подписать именитымъ помѣщикамъ, графамъ Браницкому, Потоцкому и др. Обезпечивъ, сколько возможно, довѣріе и права фирмы братьевъ Яхненко и Симиренко, князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, вручая этотъ договоръ Кондрату Михайловичу, ставшему уже во главѣ фирмы за смертью старшаго брата Степана, сказалъ: „Богъ да поможетъ повести вамъ дѣло счастливо, на благо себѣ и дорогого нашего отечества. Надѣюсь, что отъ меня и наслѣдниковъ моихъ вы будете имѣть, кроме сердечнаго вниманія, полную защиту и покровительство въ вашемъ великомъ предпріятіи: наслѣдники мои обязаны правственно также относиться къ вашему дѣлу, какъ я, но если бы наслѣдники мои не уважили этого контракта, то Государь Императоръ его уважитъ, и вы должны будете въ крайности обращаться къ Его Императорскому Величеству“. Въ такихъ именно выраженіяхъ Кондратъ Михайловичъ передалъ своему семейству и членамъ фирмы многозначительный фактъ врученія контракта ему и благія пожеланія свѣтлѣйшаго князя Михаила Семеновича Воронцова.

Подъ впечатлѣніемъ такихъ благопожеланій князя, братья Яхненко и Симиренко, не медля ни минуты, сейчасъ и начали постройку завода и всего того городка, который составлялъ въ свое время славу фирмы и въ частности главнаго дѣятеля этой фирмы Кондрата Михайловича. Всѣ члены фирмы одинаково трудились надъ устройствомъ городка, устроили свой кирпичный заводъ, на коемъ выдѣлывался кирпичъ такого качества, что, по ликвидациіи дѣлъ фирмы и распродажѣ нѣкоторыхъ зданій въ 1880 годахъ, сосѣдніе помѣщики и евреи покупали тотъ кирпичъ и построили себѣ дома въ мѣстечкахъ и селахъ. Лично приходилось видѣть въ 1880-хъ годахъ, какъ цѣлыя вереницы во-

зовъ съ кирпичами ѻхали изъ городка по направлению къ м. Ольшаной и въ разныя стороны. Строительный материалъ былъ тогда не дорогъ; за постройкой слѣдили зорко и умѣло; городокъ выросъ, какъ на дрожжахъ; на пустырѣ образовалась жизнь, и жизнь самая кипучая и дѣятельная: тысячи народа нашли тамъ средства къ жизни и работали на пользу фирмы и собственнаго существованія.

Заводъ устроенъ былъ сразу для переработки 200 тысячъ берковцевъ свекловицы и для выдѣлки 400 тысячъ пудовъ рафинада, и по своему вицѣшнему виду представлялъ изъ себя громадину для того времени. Онъ состоялъ изъ семи этажей, а потому по своей сложности и размѣрамъ требовалъ соотвѣтственныхъ машинъ. Братья Яхненко и Симиренко не жалѣли средствъ и своихъ трудовъ на такое великое предпріятіе. Всѣ машины были куплены за границей. Въ первомъ году свекловичнаго производства, по истеченіи только нѣсколькихъ дней работы, лопнуло огромное маховое колесо прессовой машины: заводъ долженъ былъ остановиться, и привезенные 60 тысячъ берковцевъ свекловицы пропали, потому что слѣдить новый маховикъ и исправить поврежденныя части машины можно было только за границей. Остановка нового завода, потеряла 60 тысячъ берковцевъ свекловицы и невозможность скоро исправить у насъ въ Россіи, по неимѣнію техниковъ и своего завода, заставили призадуматься братьевъ Яхненко и Симиренко и показали очевидную необходимость застраховать сахарное производство съ его механической стороны отъ разнаго рода случайностей, могущихъ ставить на карту все предпріятіе.

По общему совѣту членовъ фирмы, Платонъ Федоровичъ Симиренко отправился за границу, посѣтилъ въ Парижъ и Брюссель лучшіе въ то время машино-строительные заводы и разсудилъ,—отчего же въ Россіи не могутъ быть устроены такіе-же заводы. Посовѣтовавшись съ отцомъ и дядями, онъ привезъ въ Россію французовъ-техниковъ, назначивъ имъ громадное жалованье, и фирма братьевъ Яхненко и Симиренко приступила къ постройкѣ первого въ юго-западномъ краѣ, даже можно сказать и въ Россіи, машино-строительного завода съ усо-

вершенствованіями послѣдняго слова науки и практики. Изъ Франціи и Бельгіи выписали были изъ лучшихъ фирмъ токарные и строгательные станки; по преимущественно Платопъ Федоровичъ выписалъ лучшіе станки изъ Англіи отъ известной въ Европѣ фирмѣ Витвортъ. Фирма братьевъ Яхненко и Симиренко понимала прекрасно, что машино-строительный заводъ будетъ требовать громадныхъ затратъ, а польза отъ него могла быть только въ будущемъ, когда усиится фабричное производство, разовьются пароходныя сообщенія и не пожалѣютъ землевладѣльцы своихъ сбереженій, а употребятъ на покупку машинъ, молотилокъ и проч. Нужно помнить, что фирма братьевъ Яхненко и Симиренко расцвѣла во время крѣпостного права, когда обработка полей, вымолотъ хлѣба были патріархальные, когда крестьяне даромъ работали на помѣщика, когда никто изъ зажиточныхъ людей не считалъ нужнымъ заводиться въ хозяйствѣ машинами и всѣ смотрѣли на машины, какъ на ненужную роскошь, когда о желѣзныхъ дорогахъ въ южной Россіи не было и рѣчи, когда машины ровно никому не нужны были, когда деньги употреблялись на содержаніе излишней прислуги, каретъ, лошадей. Рѣдкій изъ землевладѣльцевъ думалъ тогда объ улучшеніи своего хозяйства; не было надобности обѣ этомъ заботиться, такъ какъ все даромъ пыло въ руки помѣщиковъ.

Но такое положеніе промышленности и сельскаго хозяйства у насъ въ кievской губерніи не остановило предпріимчивости фирмѣ,—она взялась за дѣло усердно, и заводъ былъ устроенъ. Задача машино-строительного завода была производить машины для фабрикъ, заводовъ, паровики, пароходы: техническая сторона была въ немъ поставлена на той же самой высотѣ, какъ стояла во Франціи. Машины выходили настолько доброкачественные, что по отзыву главноуправляющаго Илинецкимъ имѣніемъ княгини Демидовой Санъ-Донато, Александра Осиповича Добровольского, лучшій въ Илинецкомъ сахарномъ заводѣ паровикъ и теперь изъ завода фирмѣ братьевъ Яхненко и Симиренко. Вообще фирма никакой вещи изъ своихъ заводовъ и фабрикъ не выпускала безъ строгой проверки.

Послѣ усовершенствованія городка, сталъ выдвигаться старшій въ родѣ Кондратъ Михайловичъ, выучившійся уже кое-какъ подписывать свое имя и фамилію. Кондратъ Михайловичъ и Платонъ Федоровичъ стали постоянно жить въ городкѣ и заниматься на мѣстѣ производствомъ операций, а братъ Терентій, въ виду громаднаго развитія торговой дѣятельности, жилъ въ г. Одессѣ, гдѣ фірма имѣла большия склады разныхъ произведеній; необходимость же заставляла нѣкоторыхъ изъ членовъ фірмы бывать въ разныхъ городахъ: Ростовѣ, Харьковѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Кіевѣ и др. и давать жизнь и дѣятельность развивавшемуся важному промышленному ихъ дѣлу.

Устройство машино-строительного завода, казавшееся сначала необходимымъ для устраненія всякихъ случайностей въ главномъ дѣлѣ сахарнаго производства, явилось великимъ предпріятіемъ въ дѣлѣ техническомъ у насъ на югѣ и стало удовлетворять нуждамъ огромнаго района сахарной промышленности въ теченіе многихъ лѣтъ, тѣмъ болѣе, что о механическомъ дѣлѣ у насъ на югѣ и помину не было.

На покупку за границей машинъ въ двойномъ количествѣ для безостановочнаго дѣйствія завода, на покупку лишняго материала для машинъ и доставку его требовалось много запаснаго капитала. А съ устройствомъ такого завода въ центрѣ сахарнаго производства послѣдовало у многихъ помѣщиковъ сбереженіе капитала и употребленіе его на усовершенствованія по производству сахара. Небогатые капиталомъ помѣщики, но съ энергией, взялись за устройство у себя сахарныхъ заводовъ, и никто не боялся остановокъ заводовъ и потери десятковъ тысячъ берковцевъ свекловицы, какъ это случилось на первыхъ порахъ съ фирмой. Машино-строительный заводъ безспорно принесъ несомнѣнную услугу и великую пользу мѣстности и избавилъ многихъ сахарозаводчиковъ отъ излишнихъ хлопотъ и затратъ. Всѣ издѣлія завода отличались всегда большою точностью и добросовѣстностью въ исполненіи, а это никогда не обходится дешево, даже при мѣстныхъ мастеровыхъ, которые съ теченіемъ времени замѣнили иностранцевъ. Въ обществѣ было распространено мнѣніе, что производство машино-строительного

завода фирмы братьевъ Яхненко и Симиренко не окупало тѣхъ затратъ, которые были вложены въ дѣло, что прибывшимъ иностраннымъ-французамъ нужно было платить громадное жалованье, въ четыре раза болѣе, чѣмъ они получали на мѣстѣ, во Франціи, иначе они не хотѣлиѣ ходить, а потому фабричныя издѣлія завода обходились очень дорого, и продавать ихъ дешево, соображаясь съ цѣнами во Франціи, не было никакой возможности, а что будто бы покупка и привозъ тѣхъ же предметовъ изъ Франціи, обходились дешевле противъ фирмъ братьевъ Яхненко и Симиренко. Но такое мнѣніе ошибочно. По отзыву Потапа Васильевича Лося, завѣдывавшаго счетоводствомъ машино-строительного завода, заводъ сразу началъ давать доходъ, въ среднемъ 25 тысячъ, а были годы, когда давалъ и 50 тысячъ. Правда, что тогда не было поощрительныхъ пошлинъ для фабричной промышленности, не было желѣзныхъ дорогъ и только что начала развиваться пароходная дѣятельность, но и при этихъ условіяхъ заводъ, какъ самостоятельное предпріятіе, разорительныхъ убытковъ не приносилъ. Потому еще было выгодно имѣть его, что онъ вполнѣ гарантировалъ правильность хода сахарнаго дѣла и даваль возможность къ различнаго рода усовершенствованіямъ, не говоря уже о томъ, что онъ приносилъ известный доходъ, такъ что заводъ, какъ предпріятіе, былъ полезенъ не только для мѣстности, но и для фирмы и выработалъ массу техниковъ, которые и теперь съ пользою работаютъ на другихъ заводахъ. Вообще, это была школа для техническаго, практическаго образования. Прибывшіе изъ Франціи иностранцы техники поступили на службу по разнымъ фабрикамъ и заводамъ, и многіе принимали участіе въ открытии новыхъ заводовъ и способствовали развитію этой важной отрасли промышленности. Справедливо, что французамъ пришлось платить въ два-три раза дороже, но громадная плата была не всѣмъ, а двумъ-тремъ главнымъ, да и некоторое время и простымъ мастеровымъ; но вскорѣ послѣдніе были замѣнены русскими. Нашимъ машино-строительнымъ заводамъ оказалась впослѣдствіи опаснымъ конкурентомъ Германія, которая, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, начала надѣлять нашу свеклоса-

харную промышленность дешевыми машинами и приборами, но больше пизкими по достоинству сравнительно съ французскими. А между тѣмъ Мліевскія издѣлія взяли образецъ съ нихъ и вполнѣ подходили къ нимъ по своему устройству, выработкѣ, прочности и высокимъ качествамъ.

Платонъ Федоровичъ Симиренко и вообще всѣ члены фирмы не знали важного въ промышленномъ дѣлѣ откладыванія части барышей въ запасный капиталъ. Платонъ Федоровичъ, какъ и всякий человѣкъ, сталъ уже слишкомъ увлекаться и весь капиталъ обращать въ постройки. Правда, Кондратъ Михайловичъ и Терентій Михайловичъ возставали противъ лишней затѣи, но кредитъ и счастливыя обстоятельства шли на выручку всякимъ сомнѣніямъ.

Какъ я уже сказалъ, въ первомъ году производства, вслѣдствіе поврежденія махового колеса, сахарный заводъ стоялъ долгое время безъ работы до исправленія маховика, но зато къ концу года собралось въ складѣ 200 тысячъ или болѣе пудовъ песка, много рафинада: цѣпы были низкія—и продавать казалось неудобнымъ. Совершенно случайное обстоятельство выручило фирму изъ затрудненій: Шлезвигъ-Голштинское движеніе нѣмецкаго населенія въ 1848 году противъ Дани и порученіе Германскаго союза Пруссіи поддержать нѣмцевъ, заставило Данію блокировать всѣ порты Пруссіи, закрыть входы въ проливъ, вслѣдствіе чего сообщеніе Сѣвернаго моря съ Балтійскимъ прекратилось, доставка и привозъ сахара въ С.-Петербургъ также прекратилась, и цѣна на сахаръ страшно возросла. Имѣвшійся въ складахъ фирмы братьевъ Яхненко и Симиренко сахаръ въ сотняхъ тысячъ пудовъ былъ проданъ по высокимъ цѣнамъ, и барыши получились громадные. Это обстоятельство подняло дѣла фирмы высоко: кредитъ возросталъ, обороты увеличивались, прогрессивно чему увеличивались затраты на постройки.

Постоянное пользованіе все большимъ и большимъ кредитомъ и устраненіе мысли о запасномъ капиталѣ вошло уже въ плоть и кровь фирмы, которая и не помышляла никогда о томъ,

что бы дѣла ея могли когда либо пошатнуться. И дѣйствительно, счастье видимо сопутствовало предпріятіямъ фирмы.

Въ теченіе десятковъ лѣтъ фирма привыкла легко получать деньги, и потому не являлось у членовъ фирмы вопроса: „а что можетъ быть, если не дадутъ денегъ и не станетъ кредита?“ Послѣ устройства городка возлѣ Млєва и машино-строительного, рафинаднаго и песочнаго сахарныхъ заводовъ, фирма стояла на недосагаемой высотѣ благоденствія: все какъ бы преклонилось предъ величиемъ дѣятелей. Именитые сосѣди, какъ напримѣръ—графъ Бобринскій, относились къ фирмѣ очень хорошо. При посѣщеніи городка, графа Бобринскаго сопровождалъ Василій Федоровичъ Симиренко; графъ внимательно осматривалъ заводы, не говорилъ уже о банкротствѣ, а выскажалъ желаніе долгаго благоденствія фирмѣ, остался доволенъ издѣліями механическаго завода и обѣщалъ всѣ машины для своихъ заводовъ приобрѣтать у фирмы и давать ей заказы.

Вообще графъ Бобринскій при посѣщеніи Городка вынесъ прекрасное мнѣніе о дѣятеляхъ фирмы, видѣлъ, что члены фирмы люди дѣла, не жалѣютъ трудовъ и капитала и заботятся серьезно о благосостояніи мѣстности.

Слава о миллионной производительности фирмы сдѣлалась известною даже мѣстному Генералъ-Губернатору г. Бибикову, который изъявилъ желаніе познакомиться съ представителями фирмы, и однажды Кондрать Михайловичъ Яхненко и Платонъ Федоровичъ Симиренко представились ему. Бибиковъ принялъ ихъ любезно и разспрашивалъ о дѣлахъ.

Въ одно изъ посѣщеній г. Киева Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, Генералъ-Губернаторъ Бибиковъ представлялъ Кондрата Михайловича Государю Императору.

Простой народъ—крестьяне и мѣщане—знали, что фирма братьевъ Яхненко и Симиренко вышла изъ плоти его, также благоговѣли предъ членами ея. Свѣжи еще были въ то время воспоминанія, когда на ярмаркахъ видѣли братьевъ Яхненко и Симиренко продававшими тулуны, покупавшими пшеницу у помѣщиковъ, а тутъ сразу видѣть устройство городка, дѣйствую-

щіе паромъ заводы, привезенныхъ французовъ, массы подводъ, которыхъ день и ночь одни предметы привозятъ въ городокъ, другія увозятъ; всѣмъ крестьянамъ сосѣднихъ сель были постоянные заработки, въ городкѣ кипѣла жизнь торговая, коммерческая, цѣликомъ пересаженная изъ Франціи. Простой народъ, понимая по своему источники богатства, не могъ не прійти къ убѣжденію, что Кондратъ Михайловичъ Яхненко нашелъ кладъ.

Мѣщане г. Звенигородки, бывавшіе на ярмаркахъ въ Городищѣ и по разнымъ дѣламъ въ городкѣ Яхненка, лично мнѣ разсказывали, что Кондратъ Михайловичъ Яхненко гдѣ-то встрѣтился съ однимъ глубокимъ старикомъ; оба они сразу другъ друга полюбили, и старикъ открылъ Яхненку, что въ одномъ изъ Городищенскихъ прудовъ на днѣ имѣется лодка, наполненная золотомъ и брошенная туда гайдамаками, и что Яхненко взялъ тотъ прудъ въ аренду, спустить году съ пруда, нашелъ лодку съ золотомъ и началъ черпать.

Въ юго-западномъ краѣ, особенно въ южной части кіевской губерніи, не бывало примѣровъ, чтобы простой человѣкъ могъ на глазахъ богатыхъ помѣщиковъ, приобрѣтшихъ богатство отъ дѣдовъ и прадѣловъ, какъ графы Потоцкій, Браницкій, выдаться такъ рельефно и устроить на чужой землѣ что-либо похожее на первый въ Россіи паровой сахарный заводъ въ Ташлыкѣ, первый машино-строительный заводъ на югѣ Россіи. Богатые помѣщики бывали за границею и видѣли тамъ производство время было крѣпостное, работники были даровые, — кажется; отчего бы не заняться пересадкою лучшихъ заграпичныхъ заводовъ къ себѣ въ свои собственные имѣнія. Между тѣмъ всѣ устраивали изъ подражанія огневые заводы, и только когда фирма Яхненко и Симиренко устроила первый паровой заводъ, всѣ именитые, богатые помѣщики стали подражать простымъ труженикамъ, не получившимъ образованія, а только собственнымъ природнымъ умомъ добившимся до пониманія того, что слѣдуетъ дѣлать для блага мѣстности.

Неудивительно послѣ этого, что слава о дѣятельности фирмы братьевъ Яхненко и Симиренко росла съ каждымъ днемъ, члены фирмыѣздили ежегодно на Нижегородскую ярмарку и имѣли

тамъ свои склады. Въ видѣ анекдота рассказываютъ, что входить однажды въ магазинъ баба и спрашиваетъ: „здѣсь ли продается сахаръ двухъ „хохловъ““. Такъ величали простые великороссы фирму братьевъ Яхненко и Симиренко. Очевидно, извѣстна фирма была не только великороссамъ коммерческимъ людямъ, но и простому люду, простымъ бабамъ.

Конецъ 40-хъ и начало 50-хъ годовъ былъ моментъ полнаго расцвѣта фирмы; слава и извѣстность ея были повсемѣстны въ Россіи; стояла она на пьедесталѣ величія.

Постоянные барышни вскружили голову членамъ фирмы, и они стали вѣрить въ невакантность своей звѣзды, хотя никакъ не измѣняли своихъ обычныхъ нравовъ, простоты, ни у кого изъ нихъ не высказывалось и не проявлялось мысли и намѣренія быть гордымъ, важничать, стремиться къ роскоши.

Во время самаго расцвѣта дѣятельности фирмы, члены ея держали себя просто, какъ во дворцахъ магнатовъ, такъ въ скромныхъ домахъ средняго сословія и въ хижинахъ бѣдняковъ-крестьянъ. Вездѣ они казались простыми, добрыми и неспособными гордиться своимъ богатствомъ.

Съ каждымъ годомъ росло благосостояніе фирмы, со всѣхъ концовъ, какъ въ какое-то особое казнохранилище, несли богатые и бѣдные въ кассу фирмы деньги, и справедливость требуетъ сказать, что представитель фирмы, Кондратъ Михайловичъ, былъ по своимъ убѣжденіямъ безусловно честнѣйший человѣкъ: не было у него мысли обидѣть кого-либо, онъ старался съ каждымъ окончить дѣло у себя мирнымъ путемъ, и потому къ нему было полное довѣріе всѣхъ сословій. Въ то время банковыхъ операций къ Кіеву еще не знали, не знали биржевыхъ дѣлъ, мало лицъ занималось спекуляціей, а Кондратъ Михайловичъ безыскусственностью, честностью, выполнениемъ обязательствъ плѣнялъ всѣхъ. Обладая прекраснымъ здоровьемъ отъ природы, онъ имѣлъ громаднѣйшую память: помнилъ всѣ дни уплатъ, займовъ и дѣла свои вексельные и торговые такъ вель мастерски, что приводилъ всегда въ изумленіе всѣхъ. Какъ природный малороссъ, онъ всегда говорилъ ио-малорусски и, вслѣдствіе посто-

янныхъ занятій, привыкъ отвѣтчать лаконично: запятія сдѣлали его подвижнымъ, дорожащимъ временемъ, казалось ему, что безъ него не такъ будетъ идти заводъ, и потому старался онъ быть вездѣ исклѣдить за всѣмъ.

Вообщѣ Кондратъ Михайловичъ жизнь свою посвятилъ только долгу и семейству. Семейную жизнь онъ любилъ и былъ женатъ три раза. Первая его жена была крестьянка Екатерина; съ нею онъ прижилъ двоихъ дѣтей, которые умерли малолѣтними; вторая жена его была вдова священника, отъ которой онъ не имѣлъ дѣтей; третья жена его была вдова маіора Марія Васильева Труханова, урожденная Пасхалова, отъ которой онъ имѣлъ двоихъ дѣтей: Ивана и Василія.

Какъ въ семейной жизни, такъ и въ обращеніи со всѣми служащими, у него существовала патріархальность: всѣ служащіе составляли какъ бы одну семью. Религіозныя требованія въ этой семье стояли на первомъ планѣ. Каждое воскресенье, каждый праздникъ всѣ служащіе, во главѣ со своимъ представителемъ Кондратомъ Михайловичемъ и семьею его, шли въ церковь. Самъ Кондратъ Михайловичъ молился усердно, отъ чистой души и своимъ примѣромъ заставлялъ всѣхъ молиться. Въ этомъ городкѣ всякое нарушеніе нравственныхъ началъ считалось страшнымъ преступленіемъ, особенно соблазнъ дѣвушкі; не знали, какъ карать соблазнителя. Самъ Кондратъ Михайловичъ, при массѣ занятій, по такимъ преступленіямъ принималъ на себя роль суды и всегда старался карать мужчинъ самымъ сильнымъ способомъ, не жалѣлъ онъ уже средствъ соблазнителя, а заставлялъ или жениться, или удовлетворить соблазненную деньгами по ея желанію. Часто по такимъ дѣламъ происходили курьезы. Однажды одинъ изъ служащихъ К. сопелся съ одной дѣвушкой, и она родила ребенка. Этотъ фактъ возмутилъ всѣхъ служащихъ, всѣ дамы — родственницы Кондрата Михайловича стали требовать, чтобы онъ наказалъ К. примѣрно и въ назиданіе всѣмъ. Кондратъ Михайловичъ, принявъ видъ грознаго судьи, послѣ литургіи въ воскресный день потребовалъ къ себѣ К. За чаемъ сидѣла вся его семья, всѣ дамы-родственницы и вообще всѣ близкія лица его дома. По вызову явился К. и

сталъ въ роли обвиняемаго, принялъ смиренный видъ. Кондратъ Михайловичъ, принявъ видъ суроваго судьи и обратившись къ К., спросилъ громко и протяжно: „Що це ты, козаче, зробывъ?“ К. самымъ наивнымъ образомъ поклонившись отвѣтилъ: „хлопчика, Кондратъ Михайловичъ“. Отвѣтъ такъ поразилъ дамъ, сидѣвшихъ за столомъ, что всѣ онѣ ушли, а Кондратъ Михайловичъ при общей суматохѣ не зналъ, какъ продолжать судъ и, махнувъ рукою, приказалъ уходить. Очевидно, быть грознымъ судьею такому простому и доброй души человѣку, какимъ былъ Кондратъ Михайловичъ, никакъ не шло. Не смотря на это, всѣ служащіе относились къ нему съ почтеніемъ и благоговѣли предъ его личностью.

Самъ Кондратъ Михайловичъ для порядка въ городѣ установилъ дежурства, ночные обходы съ сотскими и десятскими изъ служащихъ. Всѣ подошедши подъ очередь должны были идти безпрекословно къ мѣсту, назначенному для надзора; требовалъ онъ, чтобы въ этихъ случаяхъ исполненіе обязанностей было самое точное. Не любилъ онъ въ этомъ случаѣ видѣть нарушение точно установленной имъ дисциплины, самъ провѣрялъ такие обходы и, если заставалъ спящими, то безъ всякой церемоніи тутъ же наказывалъ ихъ палкою, а въ крайности грозилъ удалениемъ отъ службы, что впрочемъ примѣнялъ рѣдко.

Кондратъ Михайловичъ по своей натурѣ былъ замѣчательный юмористъ. Однажды въ Киевѣ прибыло одно высокопоставленное лицо. Киевское купечество давало ему обѣдъ; по своимъ дѣламъ Кондратъ Михайловичъ былъ тогда въ Киевѣ и приглашенъ былъ на обѣдь. Передъ обѣдомъ бывшій кievскій гофъ-маклеръ Паталѣевъ, тогда еще молодой человѣкъ, заявилъ, что будетъ держать рѣчь во время обѣда; въ извѣстный моментъ встаетъ II—въ и начинаетъ говорить. Первые слова рѣчи были: „господа, простите мнѣ, я еще молодой человѣкъ“, но тутъ же смѣшался и не могъ продолжать, а опять повторилъ: „Господа, простите мнѣ, я еще молодой человѣкъ“. Такъ начиналъ онъ три раза свою рѣчь. Понятно, это всѣхъ смущило, и никто не нашелся, чѣмъ поправить дѣло; одинъ Кондратъ Михайловичъ, чтобы установить оживленіе, сказалъ: „Богъ тоби простыть, ты, правда, ще

молодый чоловикъ, сидай лучше на свое мисце да будемъ до-
бидувать. И—въ сѣль, и тѣмъ кончилась его рѣчь; обѣдъ про-
должался, и оживленіе за столомъ пошло своимъ порядкомъ.

Вообще Кондратъ Михайловичъ былъ доброй души чело-
вѣкъ, веселаго врава, любилъ самъ повеселиться и развлечь
другихъ; бѣда только, что былъ постоянно занятъ.

Работал по своей специальности, Кондратъ Михайловичъ не отставалъ и отъ дѣлъ благотворительности: при пожертвова-
ніяхъ во время крымской кампаніи, фирма братьевъ Яхненко
и Симиренко доставила 10000 руб., не говоря о постоянныхъ
жертвахъ на разныя богоугодныя дѣла: Кондратъ Михайловичъ
давалъ всѣмъ бѣднымъ, кто только ни обращался къ нему.

Въ концѣ 1850 года Кондратъ Михайловичъ и братья его
стали уже старѣть и слабѣть; пошелъ уже Кондрату Михайло-
вичу 8-й десятокъ лѣтъ, стала онъ уже чувствовать себя слा-
бымъ. Наслѣдникъ у него былъ совсѣмъ малолѣтній, а между
тѣмъ дѣятельность на фабрикахъ расширялась, вездѣ надо было на-
блюдать, а въ дѣйствительности уже не было кому. Правда, Кон-
драта Михайловича вездѣ замѣняла очень образованная, дѣятельная
личность, Платонъ Федоровичъ Симиренко; по отзывамъ, этотъ
его племянникъ былъ очень умный чоловѣкъ, но къ сожалѣнію
больной и потому не могъ быть подиорою Кондрата Михайло-
вича при развивающейся грандиозной дѣятельности. А тутъ,
какъ нарочно, начали уже высказываться результаты ошибокъ
фирмы и на первомъ планѣ результаты увлеченія.

Кондратъ Михайловичъ часто возражалъ противъ затѣяв-
шихся Платономъ Федоровичемъ излишнихъ построекъ и роскоши.
Здравый умъ стариakovъ подсказывалъ имъ, что много уже
имѣется лишняго и что это лишнее поглощаетъ массу чистаго
капитала, что чуть-ли не весь капиталъ теперь въ постройкахъ,
а такого рода активъ трудно было реализовать. Приходила уже
старикамъ мысль о возможности сокращать лишнюю трату де-
негъ. Въ этой когда-то единой семье братьевъ Яхненко и Сими-
ренко, дышавшей единымъ духомъ и составлявшей какъ бы
одно тѣло, образовались двѣ партіи, два теченія. Былъ такой
моментъ, когда партійное движеніе на столько обострилось, что

Семенъ Степановичъ Яхненко замѣнилъ мѣсто въ управлениі дѣлами фірмы Платона Федоровича Симиренка. Хотя эта замѣна продолжалась не долго, но явно было всѣмъ, что молодые люди не могли уже сходиться въ такихъ началахъ и вести дѣла, какъ вели старики. Слабость здоровыя старииковъ не могла уже держать въ ежевыхъ рукахъ бразды правленія въ дѣла фірмы. Въ 1858 году Кондратъ Михайловичъ по совѣту докторовъ со всею своею семьею отправился заграницу лѣчиться и возвратившись видимо почувствовалъ себя хорошо, но 21 сентября 1858 г. съ нимъ случился первый ударъ, затѣмъ по-слѣдовательно черезъ извѣстные промежутки было еще 6 ударовъ, и онъ былъ разбитъ параличемъ. Разбитый параличемъ, не могъ онъ слѣдить за дѣлами, постоянно наблюдать за дѣятельностью на заводахъ; болѣзнь его требовала безусловнаго покоя и удаленія отъ всякихъ занятій по дѣламъ. При такихъ условіяхъ, для веденія дѣлъ потребовались новыя, свѣжія силы, но ихъ не прибывало. Время измѣнило и нравы семьи Яхненко и Симиренко не къ лучшему, а къ худшему.

Послѣ смерти Степана Михайловича Яхненка, наслѣдники его все настоятельнѣе требовали раздѣла и выдѣла своей части; долго откладывался этотъ выдѣль и наконецъ совершился: они получили около полумилліона наслѣднаго капитала. Платонъ Федоровичъ Симиренко, будучи больнымъ, сталъ также выдѣляться изъ фірмы и взялъ лично для себя Ташлыкскій сахарный заводъ, который не давалъ дохода, а съ каждымъ годомъ производительность на немъ падала, и получались убытки, а вслѣдствіе этого — задолженность Платономъ Федоровичемъ денегъ фірмѣ.

Сахарная промышленность въ краѣ развивалась все сильнѣе и сильнѣе, строились новые заводы и каждый изъ нихъ являлся сильнымъ конкурентомъ для фірмы. Графы Шуваловъ, Браницкій, товарищество Епии, устраивая новые заводы, старались вести на нихъ дѣла и производить выработку сахара на новыхъ началахъ, вырабатываемыхъ наукой и жизнью; нужно было не отставать отъ нихъ, а стараться — или идти въ уровень съ ними, или усиливать производительность. Необходимость

заставляла примѣниться къ новымъ условіямъ жизни и дѣятельности; трудно реализуемый активъ въ видѣ громадныхъ построекъ не имѣлъ особой цѣны, не могъ подвергаться постоянной продажѣ и давать оборотъ капиталу. Вообще въ дѣлахъ фирмы требовалось коренное преобразованіе, нельзя уже было держать сундукъ съ золотомъ и серебромъ открытымъ, чтобы всякий имѣлъ возможность брать безъ счета. Въ такой именно моментъ въ 1850 годы, вмѣсто преобразованія, улучшенія въ дѣлахъ фирмы, является товарищескій договоръ, формально совершенный между членами фирмы. Капиталъ фирмы раздѣленъ былъ на четыре части, наслѣдники Степана Михайловича были выдѣлены, остались участниками: Кондрать Михайловичъ, Терентій Михайловичъ Яхненки и Федоръ Степановичъ Симиренко. По этому договору Платонъ Федоровичъ уполномачивался вести дѣло; за труды его было положено большое вознагражденіе. Для веденія такого громаднаго дѣла, кроме опыта и ума, требовалось и здоровье, а здоровья у Платона Федоровича, какъ я уже сказаълъ, совсѣмъ не было; онъ ежегодно падалъ здоровьемъ и слабѣлъ: ясно было всѣмъ, что онъ не жилецъ міра сего.

Вѣсть о раздѣлѣ между членами фирмы и о выдѣлѣ одной части наслѣдникамъ Степана Михайловича скоро разнеслась по всему коммерческому люду, и обаяніе фирмы начало понемногу падать. Буржуазное направленіе между членами фирмы стало проходить красною нитью; разсчетливость исчезла мало по малу, каждый изъ членовъ фирмы не стѣснялся заборомъ денегъ изъ конторы на свой личный счетъ, каждому хотѣлось самостоятельно вести дѣла. Въ молодомъ поколѣніи не выработалось ни одной энергической силы, которая взялась бы настоятельно за преобразованіе дѣль фирмы. Василій Федоровичъ Симиренко сталъ уже совершенолѣтнимъ, но былъ еще молодъ для радикального переворота веденія дѣль фирмы, а возросшій въ полной покорности предъ старшими, но могъ выступить рѣшительнымъ преобразователемъ всего строя дѣль фирмы, боялся вызвать общее неудовольствіе. На первое время необходимо было поссориться со всѣми, возстать противъ всѣхъ порядковъ,

но на это не всякий способенъ, хотя бы имъ руководили честнѣйшія намѣренія и взгляды. Зять Терентія Михайловича, г. Великановъ, открыто говорилъ, что такъ вести дѣла фирмы нельзя; но его не слушали. Казалось всѣмъ, что временная недостача капитала со временемъ пополнится. Дѣйствительно, кредитъ неосоbенно ослабѣвалъ, хотя уже и не былъ въ такомъ размѣрѣ, какъ прежде. Всѣ люди, знаяшие честность стариковъ, были убѣждены, что старики при всякомъ положеніи дѣла, отдадутъ рубль за рубль, и потому несли свои сбереженія въ кассу конторы. Старики, хотя слабые духомъ и тѣломъ, понимали расположеннность къ себѣ богатыхъ и бѣдныхъ, дорожили этой расположеннностью и старались всѣми мѣрами поправить дѣла фирмы, но молодежь, подъ вліяніемъ духа времени, по своему смотрѣла на промышленность и коммерцію. Также старики не могли сойтись съ молодежью относительно служащихъ. Молодежь настаивала на перемѣнѣ директоровъ, которые неслѣдовали за наукой, не вводили усовершенствованій въ производство; старики-же помнили прежнія заслуги и ни за что не рѣшались разставаться съ ними. Всѣ эти причины, собственно говоря, не могли оказать особаго вліянія на дѣла фирмы: опасаться краха—не было основанія. Правда, у фирмы было много враговъ, которые старались распространять нелѣпые слухи о ея дѣлахъ; многимъ коммерсантамъ хотѣлось чѣмъ нибудь повредить фирмѣ, чтобы отвлечь кредитъ въ свою сторону. Къ несчастію для фирмы и къ счастію для враговъ ея, случай такой скоро представился.

Въ 1861 году представители фирмы были въ Киевѣ на контрактовой ярмаркѣ, производили тамъ расчеты, уплаты, замѣны тратъ. По окончаніи контрактовъ, завѣдывавшій счетоводствомъ и кредитными operaціями, їдучи обратно, дорогою потерялъ багажъ съ книгами, траттами и даже бланками за подписью членовъ фирмы. Вѣсть о потерѣ такого цѣннаго клада скоро разнеслась по окрестности; книги послѣ находки ихъ переходили изъ рукъ въ руки, попадали въ руки дѣловыхъ людей, которые воочію увидѣли, что дѣла фирмы неосоbенно блестящи, что много имѣется долговъ. Понятно, при такихъ

условіяхъ можно было говорить что угодно, и враги фирмъ воспользовались этимъ, стали распространять въ публікѣ слухи, что фирма на порогѣ къ банкротству. Результатомъ этого было то, что послѣдовала требованія о возвратѣ внесенныхъ суммъ.

Свѣтлѣйшаго князя Михаила Воронцова не было уже въ живыхъ, а сынъ его, князь Семенъ Михайловичъ, не такъ пріятельски, какъ отецъ, относился къ дѣламъ фирмъ, иначе смотрѣлъ на это, думалъ уже объ устройствѣ своего завода въ м. Городищѣ, и потому сосѣдство фирмъ ему не нравилось. Старики Федоръ Степановичъ Симиренко, Кондрать Михайловичъ Яхненко и Терентій Михайловичъ Яхненко были уже совсѣмъ слабы духомъ и тѣломъ, на послѣдніхъ дніяхъ жизни; Платонъ-же Федоровичъ Симиренко былъ безнадежно боленъ. Въ виду всего этого въ 1862 году, съ согласія членовъ фирмъ, учреждена была первая администрація для возстановленія упадшихъ дѣлъ. По балансу, окончательно выведенному кредиторами или администрацией по всѣмъ счетамъ, долга оказалось на 3,500,000 руб. а имущество и вообще состоянія было на 5,200,000 руб., слѣдовательно излишекъ оказывался въ 1,700,000 руб., т. ч. не было собственно говоря надобности учреждать администрацію. Законъ также не давалъ права учреждать администрацію, когда должники на 1 руб. получали не 50 коп., а 1 р. 50 к. Старики, что бы не запятнать своего имени, представили полностью свое имущество въ распоряженіе кредиторовъ, заявляя имъ: „зaberите, что вамъ принадлежитъ, и отдайте намъ наше“. Предсѣдалемъ первой администраціи былъ Каспаръ Козаковскій. На первомъ общемъ собраніи рѣшено было платить кредиторамъ по 4%, годовыхъ на капиталъ. Справедливость требуетъ сказать, что администрація вела дѣла не какъ добрый хозяинъ, а стала разширять предпріятія, вышедшія и безъ этого за надлежащіе предѣлы.

Такимъ образомъ, дѣла фирмъ при администрації не украйнялись, а еще болѣе расшатывались; члены фирмъ видѣли уже, что дѣла падаютъ. Первая администрація взяла въ аренду на 12 лѣтъ Александровскій сахарный заводъ Грабовскихъ въ чигиринскомъ уѣздѣ, взяла голыя стѣны и на устройство затра-

тила около 300 тысячъ рублей. Для казавшагося улучшения дѣлъ та же администрація взяла въ аренду 5000 десятинъ земли при селахъ Бурты и Завадовкѣ, около 2500 при с. Христофоровкѣ. Члены фирмы, замѣтивши явныя ухудшенія дѣлъ, желая поправить и устранить администрацію, обратились съ ходатайствомъ къ правительству о выдачѣ займа изъ государственного банка, но послѣдовалъ отказъ. Управленіе князя Воронцова, въ лицѣ главноуправляющаго г. Критскаго, стало уже враждебно относиться къ дѣламъ фирмы.

Въ публикѣ былъ уже слухъ, вышедшій изъ главнаго управлениія, что срокъ арендованія 260 десятинъ земли въ городкѣ оканчивается, что продолжить договоръ главное управлениѣ не желаетъ и что контрактъ князя Михаила Воронцова необязательенъ для его наследниковъ.

Такія обстоятельства подрывали въ корнѣ дѣла фирмы.

Василій Федоровичъ Симиренко, завѣдывая вѣкоторое время администрацией по дѣламъ фирмы, задумалъ учредить акціонерную компанію для улучшения дѣлъ, и обязательно нужно было пригласить въ акціонеры владѣльца земли. Главноуправляющій Критскій наотрѣзъ отказалъ въ согласіи на учрежденіе акціонернаго товарищества песочно-сахарного завода и при особыхъ уже ходатайствахъ изъявилъ согласіе только возобновить въ 1872 г. договоръ на 36 лѣтъ обѣ арендованіи 260 десятинъ, находящихся подъ городкомъ. Возобновленіе договора не внесло ничего новаго въ дѣятельность фирмы. Старикъ Терентій Михайловичъ Яхненко умеръ въ 1866 г., Федоръ Симиренко въ 1867 г., Кондратъ Михайловичъ Яхненко—въ ночь на 14 февраля 1868 г., Платонъ Федоровичъ—въ 1863 г.

Въ 1880-хъ годахъ были ликвидированы совсѣмъ дѣла фирмы братьевъ Яхненко и Симиренко, продано все имущество—зданія машинъ, и миллионное дѣло погибло навсегда. Важно уже и то, что фирма Яхненко и Симиренко при окончательной ликвидации дѣлъ уплатила казнѣ долгъ въ полной суммѣ, а кредиторамъ, кроме ежегодныхъ 4%, по 75 коп. на 1 руб. и тѣмъ закончила свое существованіе.

Такимъ образомъ очевидно, что дѣла фирмы обладали еще жизненностью до послѣднихъ дней, и явись капиталъ и энергический дѣятель, можно было бы приступить къ поднятію упавшихъ дѣлъ.

Послѣ ликвидациіи дѣлъ фирмы, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ опустѣлъ и знаменитый городокъ, и навсегда безвозвратно прекратила свое существованіе фирма. Теперь городокъ Яхненко находится въ распоряженіи мѣстного землевладѣльца Балашова; зданія завода обращены въ казармы для войскъ, и тамъ проживаетъ два полка, а въ домахъ живутъ разныя лица, купившія ихъ въ собственность. Передъ продажею машино-строительного завода, главноуправляющей имѣніемъ княгини Демидовой Санть-Донато въ Илинцахъ, г. Добропольскій, хотѣлъ составить товарищество для покупки завода и открыть его дѣйствіе, былъ приглашенъ владѣлецъ имѣнія купецъ Израиль Бродскій, но встрѣтились разныя препятствія, и этому доброму дѣлу не суждено было осуществиться. Брянскій заводъ закупилъ на торгахъ машины и увезъ ихъ въ Екатеринославъ для устройства тамъ механическаго завода.

Если разсмотрѣть со вниманіемъ и безпристрастно дѣятельность фирмы братьевъ Яхненко и Симиренко, то можно видѣть, что, если бы въ моментъ кризиса былъ выданъ правительствомъ заемъ и если бы управление всѣми заводами и дѣлами попало въ руки способнаго и дѣльнаго распорядителя, то скоро бы всѣ денежныя дѣла были приведены въ надлежащей порядокъ и не было бы краха. Шечальный конецъ съ предпріятіями Кондрата Михайловича воочію убѣждаетъ, что каждое грандіозное дѣло, воздвигнутое однимъ человѣкомъ, цвѣтетъ только, когда строитель самъ руководитъ дѣломъ; разъ его не стало, или не успѣлъ онъ оставить послѣ себя лицъ, вполнѣ замѣняющихъ его—и дѣло, какъ бы оно ни стояло высоко по своимъ операциямъ, въ большинствѣ случаевъ погибаетъ. Крахъ съ Кондратомъ Михайло-

вичемъ доказалъ ясно, что образованіе товариществъ на паяхъ далеко практичнѣе и обладаетъ большей жизненностью, чѣмъ сосредоточеніе грандіознаго дѣла въ рукахъ одного человѣка.

П. Клебановскій.

Аѳанасій Заруцкій, малорусскій панегиристъ конца XVII и начала XVIII ст.

При самомъ бѣгломъ знакомствѣ съ произведеніями южно-русской литературы XVI—XVIII ст., какъ печатными, такъ и рукописными, изслѣдователь невольно поражается чрезвычайнымъ обилиемъ въ ней панегириковъ самыхъ разнообразныхъ формъ и видовъ, въ стихахъ и въ прозѣ. Не говоря о спеціальныхъ твореніяхъ въ этомъ родѣ, почти невозможно встрѣтить печатной книги,—будь то богословскій трактатъ, церковно-полемическое сочиненіе, сборникъ проповѣдей, житія святыхъ,—которая была бы совершенно свободна отъ панегирической примѣси—если не въ самомъ текстѣ, то въ предисловіи, посвященіи или „конклузії“. Даже собственно церковныя и богослужебныя книги западнорусской и малорусской печати тѣхъ вѣковъ по большей части снабжены льстивыми „дедикаціями“ какому-нибудь знатному „патрону“ съ неумѣреннымъ прославлениемъ его военныхъ и гражданскихъ заслугъ или „зацности и шляхетной старожитности“ его „дома“ и съ традиціонными „виршами“ къ его гербу. Иные авторы прибѣгали даже къ такимъ пріемамъ, что извѣстную часть экземпляровъ своей книги печатали съ „дедикаціями“, адресованными одному лицу, а остальную часть снабжали посвященіями другому или третьему лицу. Этотъ странный и не совсѣмъ приличный обычай не считался, однако, таковымъ въ тѣ времена, ибо и самые достойные писатели пользовались имъ съ спокойною совѣстью; надо помнить, что панегиризмъ господствовалъ тогда въ цѣлой Европѣ, въ особенности въ Польшѣ, откуда онъ перешелъ

и въ западную Русь, въ послѣдней же, сверхъ того, онъ до извѣстной степени могъ быть оправданъ неблагопріятными политическими и соціальными условіями, именно тѣмъ приниженнымъ положеніемъ, въ какомъ находилась русская вѣра и народность въ предѣлахъ Рѣчи-посполитой. Лишенные государственной защиты своей церкви, православные писатели, выступая на литературную борьбу за ея попираемыя права, поневолѣ должны были искать для себя и для своего дѣла покровителей или „патроновъ“ въ томъ сословіи, которое одно пользовалось политическимъ полноправiemъ въ польской республикѣ и могло, если хотѣло, оказать такую могущественную поддержку и защиту, что противъ нея часто оказывалась безсильной и воля королевская; а чѣмъ инымъ можно было пріобрѣсти или, по крайней мѣрѣ, продлить эту поддержку и расположение, какъ не публичнымъ выраженіемъ признательности и иѣкоторою угодливостью панскому тѣснству! И если обстоятельства слагались такъ, что въ извѣстномъ дѣлѣ нельзя было обойтись безъ поддержки со стороны хотя бы иновѣрного магната, то православные не стѣснялись посвящать и такимъ лицамъ свои литературные труды; такъ, одно изъ капитальнѣйшихъ произведеній западнорусской полемической литературы—„Апокризисъ“, изданное на средства князя Конст. Острожскаго, было посвящено канцлеру Яну Замойскому—католику. Церковныя братства, школы, типографіи—всѣ эти просвѣтительныя учрежденія только тогда и процвѣтали, когда имѣли могущественныхъ патроновъ; а сколько полезнѣйшихъ изданій появилось на свѣтѣ исключительно на ихъ средства, и можно ли было упрекать авторовъ или издателей за тѣ льстивыя „дедикаціи“, которыми они желали отблагодарить усердныхъ патроновъ и щедрыхъ благотворителей и расположить ихъ къ продолженію такихъ же милостей.

Но тѣ литературные приемы и обычай, которые имѣли иѣкоторое оправданіе въ эпоху польского господства, въ значительной степени теряли его въ освобожденной Малороссіи; а между тѣмъ нигдѣ человѣкоугодливость и сервилизмъ не распустились такимъ пышнымъ пустощвѣтомъ, какъ именно въ литературѣ этой вольнолюбивой и демократической страны. Справа-

шивается, чему приписать это странное явленіе? На нашъ взглядъ, его слѣдуетъ всецѣло приписать вліянію тогдашней схоластической науки и школы, созданной по польскому образцу и на долго сдѣлавшейся проводникомъ уродливыхъ ультра-шляхетскихъ понятій и вкусовъ. Тамъ, въ старопольскомъ быту, съ его гордымъ магнатствомъ и угодливою политикою воспитателей юношества—іезуитовъ, взглядъ на книгу, какъ на орудіе хвалы, и на писателей, какъ на панегиристовъ *quand même*, еще имѣлъ хоть какой-либо смыслъ, но перенесенный въ безгербовную Малороссію, онъ являлся чистой безсмыслицей. А между тѣмъ взглядъ этотъ несомнѣнно проводился въ малорусскихъ школахъ если не въ теорії, то въ практикѣ, въ приемахъ школьнаго обученія. Учащимся, по большей части „павнерамъ“, жившимъ на доброхотныя подаянія, естественно внушались чувства признательности и благодарности по отношенію къ благотворителямъ; а чѣмъ же бѣднякъ школьнікъ могъ выразить эти чувства, какъ не плодами своего книжнаго искусства: складной рѣчью, витіеватымъ привѣтомъ, виршами. Самое преподаваніе поэтики и риторики въ малорусскихъ школахъ было направлено главнымъ образомъ къ тому, чтобы питомцы умѣли составить витіеватую „оракцію“, поздравительныя вирши, замысловатые акrostихи¹⁾). Практическимъ примѣненіемъ этихъ упражненій и вмѣстѣ образцомъ грядущимъ поколѣніямъ служили тѣ, уже въ собственномъ смыслѣ, *панегирики*, которые въ такомъ невѣроятномъ количествѣ изготавлялись въ малорусскихъ школахъ; много ихъ было напечатано въ свое время, но несравненно больше осталось въ рукописяхъ. Первенцемъ этого рода литературы надобно, кажется, считать „*Просфорониму*“, т. е. привѣтъ митроп. Михаилу Рагозѣ, сочиненный учениками львовской братской школы, стихами и прозою, на славянскомъ и греческомъ языкахъ, и напечатанный во Львовѣ въ 1591 г. Киево-Могилянская коллегія съ первыхъ же годовъ своего существ-

¹⁾ Въ Люблинскомъ іезуитскомъ коллегіумѣ въ 1696 г. составлена была для руководства учащимся особая книга, заключавшая въ себѣ толкованіе польскихъ дворянскихъ гербовъ, для панегиристовъ. Списки этого руководства встрѣчаются между учебниками старинныхъ малороссійскихъ школъ.

вованія не мало потратила дарованія своїхъ синовъ на составленіе панегириковъ разнымъ сановнымъ людамъ, свѣтскимъ и духовнымъ. Всѣ эти „Вѣзерунки цнотъ“, „Имнології“, „Евхаристіоны альбо вдячности“, „Евфоніи веселобрмѧчіи“, „Мнемозины“ et tutti quanti—представляютъ неподражаемые образцы словесной виртуозности, направленной къ одной цѣли—къ вящшему прославленію избраннаго „мецената“: тутъ и оды, и диєирамбы, и вирши всевозможныхъ формъ и размѣровъ, и остроумные акrostихи съ замысловатыми эмблемами. И вся эта безпредѣльная лесть, весь этотъ холодный, риторический, стекляный блескъ ума и слова страдаетъ лишь однимъ существеннымъ недостаткомъ—отсутствиемъ живого, искренняго одушевленія, а слѣдовательно и истинной поэзіи. До 30-хъ годовъ XVII в. эти диковинныя произведенія школьнай „поетицкой музы“, по крайней мѣрѣ, по языку не были чужды народности; но начиная съ „Мнемозины“, сочиненной въ 1633 г. въ честь митроп. Петру Mogилѣ студентами основанной имъ коллегіи, почти исключительнымъ языкомъ панегириковъ становится языкъ польскій и отчасти латинскій. Даже такое потрясающее для своего времени событие, какъ Чигиринская война 1677 года, вдохновило „панегиристу козарскому“ Александра Бучинскаго, и еще другого, неизвѣстнаго по имени „шіту“, воспѣть доблести Самойловича и Ромодановскаго польскими „ріемами“. Черниговскій архіепископъ Лазарь Барановичъ издастъ въ 1670 г. книгу *Zywoty Świętych* и снабжаетъ ее посвятительными виршами въ честь царевича Феодора Алексѣевича—на польскомъ же языкѣ. Панегиристы гетмановъ—Самойловича (названный Бучинскій, кіево-могилянские коллегіаты) и Мазепы (Ст. Яворскій, Іоаннъ Орновскій, Петръ Армашенко, Филиппъ Орликъ) славятъ своихъ „меценатовъ“ латинскими и польскими виршами. Наиболѣе громкою извѣстностью между малороссійскими панегиристами пользовался Стефанъ Яворскій, прославившійся такимъ искусствомъ слагать латинскіе и польскіе стихи, что Кіево-Могилянская коллегія удостоила его (въ 1689 г.) почетнаго званія „лавроноснаго піиты“ (*poëta laureatus*). И какое же употребленіе сдѣлалъ этотъ безспорно талантливый ученый изъ своего дарованія? Пи-

саль льстивые диєирамбы Варлааму Ясинскому, гетману Мазепѣ, родственнику послѣдняго Обидовскому и др. Искусство автора обнаруживается въ гладкости стиха, въ остроумной игрѣ латинскими словами, но настоящей поэзіи нѣть и въ его твореніяхъ.

Въ связи съ развитіемъ специально-панегирической литературы, въ остальной малорусской печати конца XVII в. царитъ то же всеобщее стремленіе кого-то прославить, воскурить кому-то „мглистый єиміамъ“. Почти каждая печатная книга посвящается кому-либо. При типографіяхъ заводятся особые словесныхъ дѣлъ мастера, снабжающіе изданія (даже церковныхъ книгъ) искусствами „дедикаціями“, „конклузіями“ и „афікціями“. При черниговской типографії, основанной Лаз. Барановичемъ, такимъ мастеромъ состоялъ долгое время Лаврентій Крщоновичъ, дослужившійся этимъ до игуменства въ тамошнемъ Ильинскомъ монастырѣ. Когда 1696 г. предстояли выборы черниговского архіерея на мѣсто умершаго Іоодосія Углицкаго, Крщоновичъ помогался поставить свою кандидатуру и въ письмѣ къ гетману Мазепѣ, въ числѣ главныхъ своихъ „прислугъ церкви Христовой“, указывалъ на труды по изобрѣтенію „конклузій и афікцій, тутъ предъ тимъ въ Малой Россіи нѣгда не бывалихъ, а теперь многимъ особамъ, почавши отъ самаго монархи, зъ за- вистію римляновъ (т. е. котоликовъ) дедикованнихъ“¹⁾.

Нужно ли говорить о томъ, какія вредныя послѣдствія для развитія литературы влекло за собою это повальное панегирическое повѣтря! Оно служило едвали не главной причиной ея вѣкового безплодія. Въ то время, какъ конецъ XVI и начало XVII ст. ознаменованы появлениемъ въ южнорусской литературѣ дѣлаго ряда талантливыхъ произведеній, исполненныхъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ разгарѣ жестокой борьбы съ уніей, латинствомъ и протестантствомъ,—вторая половина XVII в., а затѣмъ и весь XVIII вѣкъ, за весьма немногими исключеніями, знаменуются, наоборотъ, поразительнымъ убожествомъ и скудостью научной мысли, вдохновленнаго сло-

¹⁾ Лѣтопись Величка, Ш, 418.

ва, поэтическаго чувства. Страна переживаетъ величайшиe кризисы; въ ней совершаются безпримѣрныя событія, всколыхнувшія общественную жизнь до самыхъ основаній и вызвавшія изъ глубины народной мысли и чувства обильный родникъ поэтическаго творчества,—а малорусскіе книжники и „піты“ не откликаются на это ни однимъ живымъ словомъ и лишь латино-польскими виршами величаютъ военные походы Самойловича и Мазепы. Въ странѣ, гдѣ было столько школъ и столько ученыхъ людей, учившихся въ заграничныхъ академіяхъ и университетахъ, въ теченіе вѣковъ упорно царитъ взглядъ на литературное искусство, какъ на пустую забаву, занятную потѣху, годную лишь на то, чтобы потѣшить людское тщеславіе или—въ лучшемъ случаѣ—служить украшеніемъ къ официальной жизни,—и такой взглядъ поддерживаютъ сами патентованные *magistri artium liberalium*. Нужно ли говорить, какъ глубоко деморализовалъ подобный взглядъ и общество, и еще болѣе писателей! Если кориоеніи учености и лавроносные поэты не стыдились тѣшить панское и старшинское тщеславіе, воспѣвая свѣже-сочиненные „гербы“ козацкой старшины и „шляхетную зацность“ ихъ „рожаю“, то какою угодливостью и пресмыкательствомъ должны были прокладывать себѣ путь въ жизни менѣе даровитые писатели, научившіеся искусству слагать вирши и ораціи, дедикаціи и конвлюзіи, и, слѣдя духу времени, желавшіе пустить въ оборотъ этотъ убогій капиталъ! А такихъ литераторовъ развелось въ тѣ времена въ Малороссіи превеликое множество. Біографію одного изъ нихъ, рѣ видѣ иллюстраціи къ сказанному, мы и приводимъ здѣсь.

Въ первый годъ своего гетманства, 3 іюня 1688 г. Мазепа писалъ своему благодѣтелю и покровителю, ближнему боярину князю Василію Васильевичу Голицыну слѣдующее ходатайственное посланіе: „Аєнасій Зарудкій, житель Глуховский, тщаніемъ своимъ, якъ змогъ подлугъ разума своего, составивши книжицу на похвалу превысокого імени пресвѣтлѣйшихъ и державнѣйшихъ великихъ государей и великой государыни bla-

говърной царевны, ихъ царского пресвѣтлого величества, и на розширеніе славы всего ихъ монаршаго Россійскаго царствія, показалъ мнѣ оную и просилъ велце, абы была тутъ, въ Малой Россіи, напечатана и свѣту оказана. Прето (однако) я, якъ жадныхъ рѣчей тутъ безъ волѣ и позволенія монаршаго ихъ царскихъ пресвѣтлыхъ величествъ не починаю, такъ и зъ тымъ составленнымъ дѣломъ его, Зарудкого, въ царствующий градъ Москву до вашои княжой велможности посылаю, где изволъ ваша княжая велможность росказать розумнымъ и въ такихъ дѣлехъ искусствымъ людемъ пересмотрѣти и изслѣдовати тои написанои книжици, и если оная будетъ угодна премилостивой волѣ монаршой ихъ царского пресвѣтлого величества и вашої княжой велможности высокой увазѣ, то можетъ по томъ изслѣдованіи и напечатана быти, о що онъ своего приложитъ страня. Тоє до ознайменя и высокой уваги вашои княжои велможности подавши, полецаюся при томъ зъ уважонимъ моимъ поклономъ звыклой благодѣтелской вашої княжои велможности ласце.

„Вашої княжої велможности всего добра зычливий приятель и низкий слуга Иванъ Мазепа, гетманъ войска ихъ царского пресвѣтлого величества Запорозкого“.

Къ письму была приложена на отдельныхъ листкахъ приписка: „Извѣстно вашої княжої велможности чиню, ижъ (что) оную его книжку читалъ и исправлялъ мужъ мудрости полний, преосвящений архіепископъ Лазарь Барановичъ и велце залезцаль и хвалилъ и до мене о томъ писалъ, и инні мудрие люде похвалили. Еднакъ же просилъ онъ мене, Аѳанасій Зарудкій, абы прежде вашої княжої велможности подаль пункта, о чомъ тая книжка буде написана, котрие я до вашої княжої велможности одсылаю; а онъ тамъ имѣе воскорѣ лѣтописцовъ писанихъ изслѣдовати, жеби въ чомъ у своей книжцѣ не погрешилъ. Прошу теды вашої княжої велможности, благоволи оному краткий часъ исслѣдовати лѣтописцѣ, а онъ тую свою книжицу якъ найскорѣй вашої княжої велможности подастъ, исправивши.

„Видячи я не малую працу Аєанасія Заруцкого въ начертаню книжици ко прославлению маестату ихъ царского пресвѣтлого величества и вашои княжои велможности, теди, в награду тихъ его праць, а до другихъ добрыхъ дѣлъ повабляючи, найменовамъ ему дати село Чорторию¹⁾; еднакъ же просиль онъ мене, абимъ до вашои княжои велможности причинилъся за нимъ, аби ему ко лучшей крѣпости грамота дана была государская на тое село, по милости государской и по ласцѣ вашей княжой велможности, б(ъ)ю теди чоломъ вашои княжои велможности, покажи милосердие свое надъ нимъ, бо кгдышъ любъ (хотя) онъ есть молодъ лѣтами, еднакъ же залѣцаю я оного вашои княжои велможности, ижъ барзо цнотливе и богоугодно живе и въ науцѣ книжной есть досконалий; щобъ ему было з чого службу имъ великимъ государемъ служить. Умилосердися надъ нимъ!“²⁾

Кто же былъ этотъ многообѣщавшій ученый и авторъ, о которомъ такъ усердно ходатайствовалъ гетманъ предъ всесильнымъ тогда временщикомъ?

Родиной Аєанасія Заруцкаго былъ г. Глуховъ; здѣсь въ 1675 г. мы находимъ его отца, Алексея, въ то время еще не принадлежавшаго къ духовному сословію³⁾. Впослѣдствіи этотъ Алексей Заруцкій сдѣлался протопопомъ новгородсїверскимъ и неизвѣстно, за какія заслуги, получилъ отъ царя Алексея Михайловича жалованную грамоту на с. Бѣлокопытово, въ глуховскомъ повѣтѣ⁴⁾. Сыну своему Аєанасію онъ далъ хорошее образование, законченное, по всей вѣроятности, въ Кіево-могилянскомъ коллегіумѣ, а можетъ быть и въ заграничныхъ (польскихъ) школахъ, что въ то время составляло обычное явленіе въ Малороссіи. Образованному и даровитому человѣку не трудно было тогда сдѣлать карьеру: такими людьми дорожили и имъ давали ходъ въ войсковой канцеляріи, при дворѣ гетмана и въ

¹⁾ Нынѣ с. Чорториги, Глуховск. уѣзда.

²⁾ Списано съ подлинника, хранящагося въ Московскомъ Архивѣ Минист. Иностр. дѣлъ.

³⁾ Акты Южн. и Зап. Россіи, т. ХII, стр. 203.

⁴⁾ Обозрѣніе Румиавц. Описи Малороссіи, стр. 840.

духовномъ вѣдомствѣ. Аѳанасій Заруцкій, прежде чѣмъ избрать себѣ опредѣленный родъ общественной дѣятельности, задумалъ пріобрѣсти славу на литературномъ поприщѣ: онъ сочинилъ какую то „книжицу“ и представилъ ее на одобреніе мѣстному архіепископу Лазарю Барановичу. Разсчетъ Заруцкаго оказался вѣрнымъ: нельзя было пожелать болѣе снисходительнаго цѣнителя и поощрителя въ такомъ дѣлѣ, чѣмъ этотъ ревностный служитель музъ и горячій поклонникъ *artium liberalium*. Глубокій богословъ, даровитый проповѣдникъ, природный поэтъ и искуснѣйшій стихослагатель, Барановичъ самъ въ теченіе своей долгой жизни никогда не покидалъ пера, находилъ высшее наслажденіе въ литературномъ трудаѣ и съ великимъ сочувствіемъ и поощреніемъ относился ко вся кому, кто желалъ трудиться на томъ же поприщѣ. Одобравъ первый опытъ начинающаго писателя, Барановичъ, безъ сомнѣнія, разгласилъ о немъ ученымъ друзьямъ своимъ, съ которыми вѣль постоянную переписку, и такимъ-то путемъ о книжкѣ Заруцкаго увѣдали „инніи мудрые люди“ и тоже ее „похвалили“. Наконецъ, благодушный архи-пастырь-литераторъ оказалъ еще большую услугу молодому автору: онъ написалъ о немъ хвалебное рекомендательное письмо къ гетману и посовѣтовалъ Заруцкому лично представить свой трудъ его ясновельможности,—очевидно, подъ тѣмъ благовидныхъ предлогомъ, что такъ какъ книга была составлена „на похвалу превысокаго царскаго имени и на розширеніе славы Россійскаго царствія“, то право цензуры такого важнаго сочиненія приличествовало не кому другому, какъ самому гетману. И здѣсь нашего автора ожидалъ необычайный успѣхъ: гетману такъ понравилось его сочиненіе, что онъ вызвался (а можетъ быть, только согласился по просьбѣ автора) обратить на него благосклонное вниманіе всесильного вельможи, послать ему программу книги, а затѣмъ отправить въ Москву и самого автора—опять таки подъ благовиднымъ предлогомъ, что онъ нуждается въ справкахъ съ „лѣтописцами“, какіе только можно найти въ столицѣ, и что гетманъ, хотя вполнѣ одобряетъ книгу и заранѣе ходатайствуетъ о награжденіи автора „селомъ“, но не решается своею властью разрѣшить ея печатаніе, такъ какъ-де

привыкъ ничего важнаго „безъ воли и позволенія монаршаго не починати“.

Что же это было за талантливое произведеніе, такъ обворожившее гетмана? Конечно, Мазепа, какъ человѣкъ весьма образованный, въ состояніи былъ оцѣнить достоинства книги Заруцкаго, если и въ самомъ дѣлѣ она ими обладала; но это не былъ такой безкорыстный аматоръ литературы и поощритель талантовъ, какъ Лазарь Барановичъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ книгѣ Заруцкаго прославлялось не одно „монаршее имя“, но также и имя его ясновельможности, и если Мазепа о томъ умалчиваетъ въ своемъ посланіи къ князю Голицыну, то единственно изъ скромности. Можетъ быть, это была громогласная поэма въ родѣ „Роксоланской Музы“, которую во славу гетмана издалъ въ томъ же году черниговскій піита Орновскій, или громозвучнаго „Эха“, составленнаго ему же въ честь въ слѣдующемъ году магистромъ философіи Симеономъ Яворскимъ, будущимъ мѣстоблюстителемъ патріаршаго всероссійскаго престола. Во всякомъ случаѣ, если даже это была историко-лѣтописная компиляція (что всего вѣроятнѣе) или богословскій трактатъ,—все равно, тогдашніе малороссійскіе литераторы во всякой книгѣ, хотя бы и богослужебной, въ посвященіи, въ предисловіи и послѣсловіи умѣли воспѣть, кому хотѣли, такой панегирикъ, что онъ стоилъ торжественной оды или героической поэмы. Такъ какъ новоизбранный гетманъ не успѣлъ еще совершить никакихъ достославныхъ подвиговъ, такъ какъ малороссіяне его не любили, а изъ Москвы находили нужнымъ секретно провѣдывать о его вѣрности и о степени расположенія и довѣрія къ нему со стороны его подчиненныхъ¹⁾), то въ виду этого и литературный диоптирамбъ, хотя составленный молодымъ ученымъ, но одобренный такимъ авторитетнымъ лицомъ, какъ Лазарь Барановичъ, и другими „мудрыми людьми“, пріобрѣталъ для Мазепы не маловажную цѣну: изъ него въ Москву должны были увидѣть, какъ смотрѣть на гетмана высшее духовенство и самые мудрые и ученые люди въ Малороссіи. А такъ какъ хит-

¹⁾ Въ октябрѣ 1688 г. съ этой именно цѣлью былъ присланъ въ Малороссію Шакловитый.

роумный авторъ догадался за одно уже „прославить“ въ своей книгѣ и любимца царевны Софыи, князя В. В. Голицына, то вопросъ о поѣздаѣ къ нему на поклонъ Заруцкаго рѣшался утвердительно столько же въ интересахъ послѣдняго, сколько и въ интересахъ гетмана: Мазепа надѣялся этимъ сдѣлать пріятное своему „благодѣтелей“, уже достаточно пріученному къ лъстивымъ панегирикамъ со стороны малороссийскихъ писателей, а Заруцкій могъ быть увѣреннымъ, что при его посредствѣ онъ всего скорѣе получитъ царскую грамоту на жалуемое ему гетманомъ село.

Не знаемъ навѣрное, ѿздилъ ли тогда же, въ 1688 г., Заруцкій въ Москву, но то несомнѣнно, что, когда въ августѣ слѣдующаго года, по окончаніи второго Крымскаго похода, гетманъ Мазепа съ многочисленной свитой прибылъ въ столицу, то разомъ съ нимъ прибылъ туда же и Аѳ. Заруцкій съ своей книгой ¹⁾). Онъ подавалъ князю Голицыну членитную, въ которой изъявлялъ желаніе потрудиться и впредь „въ начертаніи книжномъ въ прославленію престола ихъ царскихъ величествъ“ и его, князя Голицына, „чтобы испытно чиномъ весь лѣтописецъ о родствѣ ихъ царскихъ величествъ написанъ былъ, дабы и въ настоящее время мудрымъ людямъ было что прочитать“. Заявлялъ онъ и о томъ, что до сихъ поръ писаль онъ кратко, но теперь хотѣлъ бы написать подробнѣе, и просилъ снабдить его „лѣтописцами“, потому что въ малороссийскомъ краѣ таковыхъ нельзя было найти ²⁾).

Едва ли этой просьбѣ и заявленіямъ малороссийскаго ученаго придано было какое-нибудь значеніе. Дѣло въ томъ, что князю Голицыну въ то время было не до панегириковъ: его собственная судьба висѣла на волоскѣ. То были тревожные дни, когда между царемъ Петромъ и его сестрой—правительницей пошла рѣшительная борьба. Еще малороссіяне не уѣхали изъ

¹⁾ Въ числѣ гетманской свиты находилось нѣсколько духовныхъ лицъ, и между ними мы встрѣчаемъ іеромонаха (неизвѣстно, какаго монастыря) Иоанна Заруцкаго. Былъ ли это родственникъ нашего автора—не знаемъ.—Костомаровъ, „Мазепа“, стр. 34.

²⁾ Ibidem, стр. 41.

Москвы, какъ царевна Софья была отстранена отъ соучастія въ правлениі государственномъ и заключена въ монастырь, а ея любимецъ и могущественный временщикъ былъ лишенъ чести боярства, вотчинъ и сосланъ въ Каргополь; ему поставлено было въ вину то, что онъ „сестру великихъ государей писаль съ великими государями обще и въ книгахъ и на деньгахъ обще жъ съ великими государями ее печатать велѣль“. Лишившись такъ неожиданно покровителя, самъ Мазепа едва не потерялъ булавы, купленной имъ у Голицына, и чтобы заслужить царское благоволеніе, подалъ извѣтъ на своего бывшаго „благодѣтеля“. Разумѣется, послѣ всего этого Заруцкому нельзя было и помышлять о наградѣ за книгу, прославляющую павшую правительницу и ея фаворита; ему оставалось спрятать подальше эту опасную книгу и молить Бога о благополучномъ возвращеніи на родину. И впослѣдствіи онъ могъ опасаться издавать свое литературное дѣтище, въ особенности послѣ того, какъ въ Москвѣ известный Сильвестръ Медвѣдевъ подвергся жестокому наказанію, между прочимъ за то, что подъ портретомъ царевны Софии подписывалъ титулъ „вседержавнѣйшей самодержицы“ и составилъ въ ея честь похвальный „вирши“. Вотъ почему книга Заруцкаго, приготовленная къ печати, какъ мы видѣли, еще въ 1688 году, осталась не изданной, а тревожное съ нею приключение надолго отбило въ немъ охоту къ литературнымъ упражненіямъ.

Потерпѣвъ неудачу въ литературномъ искательствѣ, Аѳ. Заруцкій избралъ болѣе скромный путь къ материальному обеспеченію: онъ выбралъ себѣ въ жены дочь богатаго новгородско-сѣверскаго мѣщанина Константина Пригары, взялъ за нею въ приданое богатыя угодья въ нынѣшнемъ новгородско-сѣверскомъ уѣздѣ¹⁾), гдѣ въ лѣсахъ тестъ его занимался чрезвычайно прибыльнымъ въ то время поташнымъ промысломъ,—заселилъ ихъ и скоро сдѣлался весьма состоятельнымъ человѣкомъ. Около

¹⁾ „Грунты Зиобовскіе, между рѣчками Свигою, Зиобовкою и Лютую лежачіе“ Здѣсь, на мѣстѣ одной изъ „будъ“, Заруцкій поселилъ слободу, названную впослѣдствіи, по его сану, Протопоповою. А. М. Лазаревскій, „Описаціе Старой Малороссіи“, I, 230.

этого времени умеръ его отецъ, протопопъ новгородсѣверскій, и нашъ неудачникъ-литераторъ заступилъ его мѣсто. Въ январѣ 1694 г. Аѳанасій Заруцкій, въ санѣ уже „протопопы новгородскаго“, покупаетъ въ Новгородсѣверскѣ усадебное мѣсто, принадлежавшее раныше каѳедрѣ черниговской¹⁾), а въ ноябрѣ 1696 г. участвуетъ въ избраніи черниговскаго архіепископа Іоанна Максимовича²⁾). Всецѣло погруженный въ хозяйственныя и служебныя заботы, Заруцкій, повидимому, заглушилъ въ себѣ писательскіе порывы и только въ проповѣдничествѣ примѣнялъ свой талантъ и ученость. Ни о какой личной близости его къ гетману, когда-то обѣщавшему наградить его маestностью и не исполнившему этого обѣщанія, нѣтъ и помину; Мазепа какъ-будто разочаровался въ дарованіяхъ своего первого панегириста и не нуждался болѣе въ его услугахъ, имѣя цѣлую плеяду піотовъ (Стефана Яворскаго, Іоанна Орновскаго, Петра Армашенка, Филиппа Орлика и др.), на всѣ лады славившихъ его доблести и величавшихъ его „Алкидомъ Россійскимъ“. Что могъ значить въ этомъ хорѣ слабый и недостаточно обработанный голосъ новгородсѣверскаго протопопа!

Но этотъ голосъ не умолкъ навсегда: онъ зазвучалъ съ неожиданной силой и экспрессіей, когда понадобилось вдругъ не славить, а злословить и проклинать имя Мазепы. Измѣна гетмана, или, точнѣе, послѣдовавшее за нею его анаематствованіе поставило многихъ изъ его прежнихъ панегиристовъ въ нелегкую обязанность—позорить того, кто еще вчера былъ предметомъ славословій; но едва ли кому-нибудь изъ нихъ эта внезапная метаморфоза стоила душевной борьбы, тревогъ совѣсти, и всѣхъ менѣе—Заруцкому. 12-го ноября 1708 г. въ Глуховѣ, въ соборной церкви, въ присутствіи царя, вельможъ и новоизбраннаго гетмана Скоропадскаго, кіевскій митрополитъ Іоасафъ Кропковскій, въ сослуженіи съ другими архіереями, совершалъ обѣднью, молебенъ, а послѣ молебна торжественно провозглашена была анаема и вѣчное проклятие вору и измѣнику Мазепѣ. Новго-

¹⁾ Обозрѣніе Руманц. Описп Малороссіи, 821—822.

²⁾ Лѣтопись Величка, III, 422.

родсъверскій протопопъ Аєанасій Заруцкій говорилъ при этомъ проповѣдь, въ которой пространно вспоминалъ прежде бывшихъ измѣнниковъ, краснорѣчivo изобразилъ измѣнническія дѣла Мазепы и оправдывалъ наложенное на него церковное проклятие ¹⁾). Проповѣдь, какъ видно, очень понравилась царю, потому что на другой же день выдана была проповѣднику слѣдующая грамота: „Пожаловали мы великий государь протопопа Аєанасія Заруцкаго—повелѣли ему владѣть въ глуховскомъ уѣздѣ сел-цомъ Бѣлокопитовымъ, которое по указу отца нашего... дано отцу его, протопопу Алексѣю; да въ глуховскомъ же уѣздѣ грунтомъ и съ мельницею, на рѣкѣ Клевенѣ обрѣтающеюся, съ которой вместо перевозу отъ проѣзжихъ торговыхъ людей збирать ему, протопопу, съ воза по двѣ денги; да въ новгород-скомъ уѣздѣ слободкою Протопоповкою и Комаровкою съ прудами на рѣкѣ Смячѣ въ Мамѣкинѣ, въ Лютомъ, на Дубровкѣ, около Знобовки, Борщихою, Ожинками, Поножнимъ“ ²⁾). Соб-ственно говоря, это было лишь царское подтвержденіе правъ Заруцкаго на такія земли, села и угодья, которыми онъ вла-дѣлъ уже фактически, но вслѣдъ за тѣмъ кое-что было ему и вновь пожаловано: „Респектиручи (писалъ гетманъ Скоропадскій въ универсалѣ отъ 8 мая 1709 г.) на его, отца Заруцкого, протопопы новгородского, казнодѣйскія въ проповѣди слова Бож-гого праці (труды), измѣнническую Быстрицкого слободу Ков-пинку надалисъ“ ³⁾.

Такъ исполнились наконецъ давнія желанія и мечты Заруцкаго: своими дарованіями онъ заслужилъ высокое вниманіе монарха и удостоился царской милости. Случись это двадцать лѣтъ назадъ, когда онъ прїѣзжалъ въ столицу, окрыляемый пыл-кимъ желаніемъ потрудиться „въ начертаніи книжномъ“, изъ него вышелъ бы плодовитый писатель; а теперь его молодость давно миновала, талантъ—если и былъ таковой—заглохъ безъ упражненія, писательская манера его сдѣлалась старомодной.

¹⁾ Чт. Моск. Общ. Исторія и Древн., 1859 г., I, 181.

²⁾ Обозрѣвіе Румянц. Описи Малороссія, 840.

³⁾ Историко-Статистич. Описаніе Черниг. епархіи, архиеп. Филарета, книга 6-я, стр. 13—15.

Однако, по старой привычкѣ онъ и теперь задумалъ продолжить и поддержать царское къ себѣ благоволеніе именно литературнымъ трудомъ—и засѣль за работу. Цѣлыхъ восемь лѣтъ онъ корпѣлъ надъ ней, и въ 1717 г. представилъ на царское воззрѣніе свою книгу съ витеватымъ заглавіемъ: „Хлѣбъ ангельскій, на крестномъ жертовницѣ испеченный“. Это единственное дошедшее до нась произведеніе пера Заруцкаго не было напечатано, но сохранилась подлинная рукопись, старательно исполненная, какъ кажется, рукою самаго автора и украшенная множествомъ рисунковъ и каллиграфическихъ орнаментовъ; она хранится въ С.-Петерб. духовной академіи. Объ этой книжѣ упоминалось многими изъ нашихъ библиографовъ¹⁾, но только не давно появилось въ труда А. Родосского подробное ея описание, которымъ и мы пользуемся²⁾.

„Хлѣбъ ангельскій“ есть не что иное, какъ богословское эзекетическое сочиненіе, заключающее въ себѣ толкованіе на евангеліе Іоанна; оно расположено по зачаламъ евангельскимъ: въ началѣ толкователь полагаетъ текстъ всего зачала, далѣе представляетъ главное содержаніе его (синопсисъ), за тѣмъ уже объясняетъ каждый стихъ. Объясненія его по преимуществу догматического характера, на основаніи толкованія отцевъ церкви; языкъ—тяжелый. Но цѣнность книги, по замыслу автора, заключалась не столько въ толкованіяхъ евангельского текста, сколько въ „дедикаціяхъ“, рисункахъ и виршахъ, какими онъ въ обилии снабдилъ и украсилъ свой трудъ. Книга представляетъ рукопись въ листъ, на 775 листахъ, писанныхъ одною рукою полу-уставнымъ почеркомъ; переплетъ—крѣпкій кожаный, съ застежками; на исподней крышкѣ 4 мѣдныхъ жука. Заглавный листъ украшенъ изображеніями вверху Распятія, а по бокамъ—св. Іоанна Богослова и св. Аѳанасія Александрійскаго (очевидно, патрона автора); въ серединѣ помѣщено заглавіе (киноварь) въ 35 строкъ

¹⁾ Въ „Словарѣ“ митроп. Евгенія, I, 52; въ „Обзорѣ русск. дух. лит.“ просвящ. Филарета, изд. 3-е, стр. 213; въ „Ізвѣстіяхъ“ Акад. Наукъ по отд. русск. яз., т. VI, вып. Ш, столб. 244; въ „Словарѣ“ Венгерова.

²⁾ Описание 432-хъ рукописей С.-Петерб. дух. академіи, сост. А. Родосский, 1893 г., № 57.

съ обозначеніемъ лицъ царской фамиліи, мѣстоблюстителя патріаршаго престола Стеф. Яворскаго, кіевскаго митрополита (Іоасафа Кроковскаго), кіевскаго губернатора (князя Дм. Мих. Голицына), архіепископа черниговскаго и гетмана Скоропадскаго; внизу въ особой рамкѣ прописано: „Его царскому священнѣйшему величеству отъ церкви въ благочестії сіяющей, трудолюбіемъ Аѳанасія Заруцкого, протопопы Новгородка Сѣверскаго, въ даръ принесенный, 1717“¹⁾. На оборотѣ заглавнаго листа изображенъ Петръ I въ царской порfirѣ и съ андреевскимъ крестомъ; въ правой рукѣ у него мечъ, обвитый вѣтвью, а въ лѣвой держава; внизу слѣдующія вирши:

„Се образъ Царя Петра, Монархи Россійска
Славна, въ мирѣ прехвална, спразднителя Свійска¹⁾“.

Иже турскихъ, татарскихъ странъ есть устрашитель,
Святой въ Христа вѣры истинный блюститель.

Православію свято подъ симъ царемъ быти,
Царя Петра во вѣки достойно бложити.

Духъ Святый царя Петра главу осѣнле,
Онъ бо хулящихъ крестину силу испраздняе“.

Лицевая сторона 2-го листа представляетъ изображеніе младшаго сына Петра 1-го, съ слѣдующимъ четверостишиемъ:

„Петръ Петровичъ царевичъ з царскихъ нѣдръ рождае,
Духъ святъ споспѣшствує, да преуспѣвае

Во крѣпости и силѣ въ царствѣ процвѣтати,
Въ родѣ и родѣ скіпетръ царскій славно содержати“.

На оборотѣ того же листа помѣщено изображеніе мало-лѣтняго внука Петра 1-го, также съ четверостишиемъ внизу:

„Петръ Алексіевичъ, внукъ царскій процвѣтае,
З прадѣда, з дѣда з ложеснѣ родство царске мае;

По родствѣ царскому мужество имать прославляти,
Небо свыше скіпетръ царскій обѣщае дати“.

Съ 3-го по 18-й листы идутъ два предисловія или посвященія: одно царю Петру, другое митрополиту Стефану Яворскому. Въ первомъ изъ нихъ сочинитель, обращаясь къ лицу

¹⁾ Т. е. Шведовъ.

государя, говорить между прочимъ: „яко и ко мнѣ, рабу своему послѣднему, усты ко устомъ Ваше царское Священійшее Величество провѣщевали милостиво монаршее свое слово“¹⁾). Вѣроятно, Заруцкій удостоился личной бесѣды съ царемъ въ Глуховѣ, послѣ своей знаменитой проповѣди.

Среди текста посвященій въ рукописи опять продолжаются рисунки и вирши. На оборотѣ 11-го листа изображена царская фамилія: вверху—Петръ и Екатерина сидятъ на тронѣ; по бокамъ—царевичи: Алексѣй Петровичъ съ сыномъ и Петръ Петровичъ; между ними изображеніе Іоанна Богослова съ евангеліемъ въ рукахъ и церковью на головѣ; внизу слѣдующее восьмистишіе:

„Бозскій изволъ Царицу близъ Цара сажае,
Оба въ плоть едину Духъ Святый утверждае.
Лѣторасль царска окрестъ Царя предсѣдаютъ,
Царю, Царицѣ славы во вѣкъ умложаютъ.
Церковь Малороссійска Хлѣбъ ангельскъ дарствуе
Царскому Величеству, та же привѣтствуе:
Виватъ Царю зъ Царицею на многіе лѣта!
Виватъ зъ царскими сынми донѣлиже свѣта!“

На оборотѣ 13-го листа помѣщено изображеніе Стефана Яворскаго въ мантіи и съ посохомъ въ руکѣ; внизу четверостишіе:

„Фрону патріаршеска стражъ, блюститель россій,
Митрополитъ рязанскій, сый Стефанъ Яворскій,
Даромъ Духа Святаго въ мудрость преображеній,
Зъ богословії точитъ церкви потокъ златый“.

Съ 17-го листа начинается текстъ евангельскихъ толкованій, но рисунки все еще продолжаются, занимая лишь верхнія части страницъ; такъ, на 17 л. изображены пять вселенскихъ патріарховъ, а на 25 л. находится очень оригинальный рисунокъ, изображающій Бога Отца и Бога Сына (въ поясѣ), а подъ

¹⁾ Замѣствуемъ эту цитату изъ „Обзора русск. дух. лит.“ преосвящ. Фила-рета (изд. 1884 г., стр. 213); къ сожалѣнію, г. Родоссій въ своемъ „Описанії“ не приводить выдержекъ изъ посвященій Заруцкаго, даже не передаетъ ихъ содержания, между тѣмъ можно полагать, что въ нихъ встрѣчаются любопытныя свѣдѣнія о личности автора.

ними двухъ царевичей съ надписью на полѣ: „Образъ Бога Отца и Бога Сына въ видѣ и образѣ царевѣ“. Послѣ 45-го листа рисунки прекращаются, но для нихъ оставлены мѣста въ текстѣ. Листы въ рукописи — въ гранкахъ, съ особою граffою сбоку, въ которой помѣщены разныя примѣчанія и цитаты; заглавіе и заглавныя буквы писаны киноварью.

Не знаемъ, была ли эта интересная рукопись поднесена царю лично авторомъ, или передана гетманомъ Скоропадскимъ,ѣздившимъ въ началѣ слѣдующаго года въ столицу, но отдѣривать за нее сочинителя пришлось тому же гетману. Въ универсалѣ отъ 18 февраля 1718 года, выданномъ въ Москвѣ, Скоропадскій пишетъ: „Респектуючи на то, же (что) протопопъ Аѳанасій Заруцкій не тилько за достоинство царское у престола Божія при безкровныхъ оффѣрахъ (жертвахъ) непрестанѣ приносить моленія, лечь (но) и на прославленіе превысочайшему его царскаго величества имени приписаніемъ конклузіи многіе показалъ труды и знатное понесъ иждивеніе, надалемъ ему село Знобу з угодьями въ спокойное владѣніе¹⁾. Село это, принадлежавшее до того времени, кажется, новгородсьверскому магистрату, какъ разъ прилегало къ владѣніямъ Заруцкаго, доставшимся ему за женой, и очевидно, было ему нужно для окруженія границъ своихъ, теперь уже весьма значительныхъ маestностей. Въ гетманскомъ универсалѣ не приведено подлинное название книги Заруцкаго, а говорится лишь о какой-то „конклузії“ съ прославленіемъ царскаго имени; но нѣтъ сомнѣнія, что подъ этимъ именемъ разумѣется здѣсь посвятительная, собственно панегирическая часть сочиненія Заруцкаго, за которую только и было прилично наградить автора²⁾.

Въ томъ же 1718 г. (21 марта) Аѳ. Заруцкій получилъ и царскую жалованную грамоту, по которой укрѣплялись за нимъ „вѣчное владѣніе“ всѣ прежде пожалованныя ему и лично

¹⁾ Историко-Статист. Описаніе черниг. епархіи, преосвящ. Филарета, кн. 6-я, стр. 13—15.

²⁾ Можетъ быть, что въ самой книжѣ посвященіе называло конклузіей, хотя въ „Описаніи“ г. Родосского объ этомъ не упоминается.

имъ пріобрѣтеныя села, земли и мельницы; въ числѣ ихъ упоминается и село Зноба, которое „гетманъ Иванъ Ильичъ Скоропадской, будучи въ Москвѣ, далъ ему, протопопу Аѳанасию, за труды ево въ составленіи печатной конклюзіи на прославленіе имени нашего царскаго величества¹⁾). Здѣсь, какъ видимъ, „конклюзія“ Заруцкаго названа *печатной*; между тѣмъ ни въ одномъ изъ каталоговъ старопечатныхъ книгъ неѣтъ указанія на книгу „Хлѣбъ ангельскій“, и всѣ библіографы, упоминающіе объ этомъ (единственномъ) сочиненіи Заруцкаго, ссылаются лишь на рукопись, хранящуюся въ библіотекѣ Петербургской духовной академіи, но никто не говоритъ о початномъ ея изданіи. Для объясненія этого противорѣчія остается предположить, что подъ именемъ *конклюзіи* нужно въ данномъ случаѣ разумѣть что-нибудь въ родѣ позднѣйшихъ *тезисовъ*, представлявшихъ краткое ревюме извѣстнаго сочиненія, написанное или напечатанное на отдельномъ листѣ. Такая „конклюзія“ (печатная) была, вѣроятно, приложена и къ книгѣ Заруцкаго.

Кончину Заруцкаго относятъ къ 1720 году²⁾. Онъ похороненъ въ Новгородсѣверскѣ, въ соборной успенской церкви, при которой священствовалъ; о мѣстѣ погребенія узнаемъ изъ завѣщанія его жены, умершей въ 1734 г. и завѣщающей похоронить ее въ той же церкви, „при гробѣ отца и мужа“³⁾.

Есть извѣстіе, что въ с. Протопоповѣ (новгородсѣв. у.), основанномъ, какъ мы упоминали, самимъ Аѳ. Заруцкимъ, хранится и понынѣ въ церковномъ притворѣ писанный масляными красками, сильно потемнѣвшій отъ времени, портретъ его на этомъ портретѣ Заруцкій изображенъ во весь ростъ, въ расѣ съ епитрахилю и съ крестомъ въ рукѣ. Тамъ же, среди ста-ринной церковной утвари, сохраняется большая серебряная кружка, по преданію, подаренная ему царемъ Петромъ⁴⁾.

¹⁾ Обозрѣніе Руманц. Описи Малороссіи, 840.

²⁾ Преосвящ. Филаретъ въ „Историко-Статист. Описаціи Черниг. Епархіи“.

³⁾ Записки Черниг. Статист. Комитета, 1863 г., статья А. Лазаревскаго о родѣ Валькевичей.

⁴⁾ Историч. Вѣстникъ, 1895 г., декабрь, ст. С. Браиловскаго. Что касается пересказанного въ этой статьѣ преданія о какихъ-то важныхъ политическихъ услугахъ, оказанныхъ Заруцкимъ Петру I-му въ качествѣ „царева шпига“, то мы

Изъ дѣтей Заруцкаго извѣстны: сынъ Андрей, бывшій священникомъ, и дочь Евфимія, въ замужествѣ Величковская, прославившаяся на всю Украину „пьянистеннымъ и развратнымъ житіемъ“, за что не разъ была судима въ консисторіи и наконецъ брошена мужемъ, женившимся на другой, за что пришлось ему претерпѣть великія злоключенія.

Вотъ и вся несложная біографія писателя, не оставившаго въ литературѣ никакого слѣда, а между тѣмъ добившагося именно путемъ сочинительства личной извѣстности гетманамъ, вельможамъ, даже государю, и составившаго тѣмъ же путемъ весьма значительное состояніе. Надо было обладать необыкновеннымъ талантомъ, чтобы написать такъ мало и получить за свой трудъ такъ много. Мы лишены возможности непосредственнаго знакомства съ произведеніями Заруцкаго въполномъ ихъ объемѣ, но и по приведеннымъ выдержкамъ можно заключить, что его жалкое „риѳмичество“ служитъ свидѣтельствомъ отсутствія въ немъ литературнаго дарованія. Своимъ ученымъ трудамъ онъ самъ не придавалъ серьезнаго значенія, ибо не позаботился обѣ ихъ изданіи, имѣя къ тому полную возможность: въ его время печать вовсе не была рѣдкостью въ Малороссіи, и не далѣе какъ въ Черниговѣ давно уже существовала типографія. Но дѣло въ томъ, что, при тогдашней дороговизнѣ печати и при отсутствіи широкаго рыночнаго сбыта ея издѣлій, къ услугамъ типографскаго станка прибѣгали или люди, смотрѣвшіе на литературный трудъ, какъ на серьезное служеніе церкви или обществу и потому не щадившіе средствъ на издательские расходы, или же, въ крайнемъ случаѣ, тщеславные писатели, искашіе отъ сочинительства славы, извѣстности—но не прибытокъ. Аeanасій Заруцкій не принадлежалъ ни къ той, ни

считаемъ его мало правдоподобнымъ. Видимо, среди потомковъ Заруцкаго сохранилась смутная память о томъ, что ихъ предокъ за что-то получилъ маестности по жалованью цара Петра; чтобы осмыслить это предавіе, и была придумана легенда, полна ахронизмовъ и историческихъ несообразностей.

къ другой категоріи: онъ смотрѣлъ на писательство лишь какъ на легчайшій для него путь добиться личной известности и расположенія сильныхъ міра и извлечь изъ этого материальная выгода, и разъ ему удавалось достигать своей цѣли, онъ не былъ настолько тщеславенъ, чтобы тратиться на издание своего сочиненія, уже сослужившаго ему службу. Этому взгляду на литературный трудъ Заруцкій оставался вѣренъ до конца. Въ его лицѣ мы имѣемъ типичнаго представителя цѣлаго сонма тогдашнихъ писателей-карьеристовъ, литературныхъ искателей, своего рода „пресмыкающихся“. Въ этомъ отношеніи личность Аѳанасія Заруцкаго только и заслуживаетъ вниманія историка.

Ор. Левицкій

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВЕСТИЯ И ЗАМѢТКИ.

Лирникъ Василій Морозъ родился въ д. Боковой, ананьевск. у. херсонской губ., приблизительно на 20 лѣтъ раньше освобожденія крестьянъ. Отецъ его былъ крѣпостнымъ г. Бокова и имѣлъ большую семью, хорошее хозяйство. Лѣтъ 8-ми Василій заболѣлъ оспою, послѣ которой лишился зрѣнія; во сляпому нашлась въ помѣщичьемъ дворѣ работа: на немъ лежала обязанность «пихать просо», т. е. дѣлать на ножной ступѣ пшено. Какой-то гость помѣщика посовѣтовалъ отдать Василія на обученіе какому-нибудь лирнику. И теперь еще Василій, при упоминаніи объ этомъ обстоятельствѣ, крестится и благодаритъ гостя помѣщика за то, что онъ далъ ему возможность честнымъ трудомъ добывать себѣ «шматокъ хлиба». Отвезли Василія учиться въ с. Коссы, подольской губ. балтского у. (?), къ лирнику Меѳодію Колесниченко. У Меѳодія въ то время было до 30 учениковъ разнаго возраста; во дворѣ была устроена большая изба-казарма, въ которой помѣщались ученики съ учителями, а содѣржатель школы Меѳодій жилъ съ семьею здѣсь-же, но въ отдѣльной хаткѣ. Старшіе, уже обученные Меѳодіемъ ученики, были учителями вновь поступающихъ; на двухъ учителей полагалось по пяти учениковъ, при чемъ учителя учили по очереди — недѣлю учитель занимается съ учениками, а недѣлю ходить по сосѣднимъ селамъ и мѣстечкамъ ча заработки.

Затѣмъ уже сынъ Меѳодія отвозитъ домой пожертвованія, (главнымъ образомъ хлѣбъ), складываемый лирниками у довѣренныхъ людей.

Учениковъ обыкновенно отдавали Меѳодію на 6 лѣтъ, но «болванувати», т. е. неспособные, учились дольше, а «хытрењки» выучивались скорѣе и оставались до окончанія срока учителями и работниками у Меѳодія.

Впрочемъ, эти послѣдніе могли сдѣлаться самостоятельными лирниками, войдя въ соглашеніе съ хозяиномъ школы. Со смертію Меѳодія, еще до освобожденія крестьянъ, школа перестала существовать, и теперь Василій не знаетъ о существованіи гдѣ-нибудь подобной школы; теперь лирники имѣютъ обыкновенно только по одному, по два ученика. Теперь Морозъ живетъ въ м. Гуцоловой, апаньевск. у., съ семьею, которая занимается хлѣбопашествомъ.

Репертуаръ у него не большой, но поетъ онъ очень хорошо, а играетъ на самодѣльной лирѣ прекрасно, особенно «до танцу» козачки, «валецы», польку.

Такъ какъ вся пѣснопѣнія его ничѣмъ не отличаются отъ псалмовъ Евдокима Мокровоза, помѣщенныхъ въ «Кіевск. Стар.» за 1894 г. № 9, то я привожу здѣсь только тѣ, которые разнятся, а также и отсутствующія у Мокровоза.

«Про Почаївську Божу Матирь» Морозъ поетъ точно такъ, какъ этотъ «псалмъ» помѣщенъ въ сборнике Н. В. Лысенко (I-й выпускъ).

«Про панчишну» мнѣ не удалось записать всѣхъ «пунктивъ», т. е. куплетовъ, несмотря на всѣ мои старанія.

Морозъ упорно отказывался ихъ пѣть, особенно тогда, когда узнавъ, что я записываю.

1.

Охъ и горе, горе
На симъ свити житы,
Не дай Богъ болѣзни,
Буде Богъ судыты.
Якъ чоловикъ здоровъ,
То всякъ его любыть,
Пры лыхій годыни,
Родына отступыть.
Кого Господь любыть,
Того навиждае,
За отца за матиръ
Сынъ Божій карае.
Есть мати болезна
Диты годувала¹⁾,
Якъ потодувала,
То шаны не мала.

¹⁾ Или: (Зъ жалю умивае)
(Надъ своимъ дитымъ)
(Та кровъ пролывае).

Бо якъ тяжко, важко
 Каминя лупаты,
 А ще гирше тяжко
 Даты годувати.
 Якъ каминя лупаты,
 Можно видпочити,
 Даты годувати
 Горе въ свити жити!
 Якъ дити малы
 Отца матиръ знауть,
 Якъ повыростають,
 Ни за що не мають.

2.

Теперь же правды,
 Въ свити не зиськати,
 Тилько въ свити правды,
 Що отець та мати.
 Теперь уже правда,
 У свити умерла,
 А тая неправда
 Увесь свитъ захерла
 Теперьныки правда,
 Сыдѣть у темнинци,
 А тая неправда,
 Що дни у свитыци.
 Бо вже кинець свита
 Ой вже прыбылъся
 Хоть ридного брата
 Теперь стережися.
 Теперь братъ на брата
 Здаровля чатуе,
 А сестра на сестру
 Все чары готуе.
 Сосидъ изъ сосидомъ
 Не по правди жиye,
 Бо сосидъ сосиди
 Непримазы готуе.
 Колыбъ мигъ его
 Хоть четь заметыти,
 Въ нещаста въ неславу,
 Его провадыти.
 Передъ временъ вижу
 Такое повстане,
 Що жадней души
 На свити не стане.

Бо зарвутца витри
 Та барзо буйни
 Позрывають горы
 Хоць які крутые.
 Вдарять посухи
 Барзо сухи
 Тай высокнутъ рики
 Хоць які быстры.
 Ты, гришныку лютый,
 Вдайся до покуги,
 Перестань гришты,
 Можешъ въ царстві жыти.

3.

Зашумили луги,
 Забредали рики,
 Помре отець мати 2
 Сироты на вики. 2.
 Котрія велики
 Ти пидуть службы,
 Котрія маленьки 2
 Ти будуть бидыти. 2.
 Нещасна година
 На свити настала
 Не одна дытнина 2.
 Безъ мамы зистала. 2.
 Охъ пишла сырятва
 По свити блукаты
 А своеи мамы 2
 Ридноя шукаты. 2
 Зостривъ іи Господь,
 Тай почавъ пытати,
 Куды йдешъ, сырите, 2
 Йду мамы шукати. 2.
 Вернись, сыротино,
 Ты далеко зайдешъ,
 Вжежъ ты свои мамы 2
 Та повикъ не найдешъ. 2.
 Охъ бо твоя мати
 На высокій гори
 А вже іи тило 2
 Спочивае въ гроби 2.
 Ой прыйшла сырятка,
 Тай плаче на гроби:
 Серце-жъ мое мало 2
 Прыймить мене къ себи 2.

Раца-бъ я, сыртко,
 До себе привлти,
 Насыпалы земли, 2
 Не можу поднятъ 2.
 Насыпалы земли,
 Що вже я не встану
 Заслонилы очи 2
 Вже на свитъ не гляну 2.
 Нишлабъ ты, сыртко,
 Мачуся вклонилася,
 Чы не змылуется
 Хочь головку змыты.
 Чы не обдумается
 Хочь рубашку смыты.
 Ище злая мачуха
 Головки не змыла,
 Непрасны сыртку 2
 На смерть спорадила. 2.
 Взяли сыртку
 Миждо виси святны,
 За провыну мачуху 2
 Миждо провлатни 2.
 Сказала мачуха
 Якъ бы я була знала,
 То я бъ ти сыроты 2
 По свити збырала 2.
 Рече Господъ
 На що тоби, мачухо,
 Сыроты збыраты,
 Вручывъ Господъ, 2
 Було бъ шануваты 2.
 Було бъ научаты,
 Бо тиже называлася 2
 Такъ якъ ридна изти 2.
 Ой прийде той часъ
 И тая годына,
 Що ве поратуе 2
 Въ нещаси родына 2.
 Охъ якъ прийде той часъ
 Страшный судъ наступить
 А хто добре вчыне, 2
 Царствія доступить 2.

4.

Ой летила зазуленъка
 Черезъ горы—села

Чогось наша громадонъка 2
 Смутна нөвесела 2.
 Ой летила зазуленъка
 Тай стала куваты
 Ой сходьтесь, громадочко, 2
 Щось буду казаты 2.
 Щось буду казаты,
 Буду говорыты,
 Не будете, добри люде, 2
 Панщны робыты 2.
 Ой настане, громадочко
 Въ свити прекохана,
 Сами соби зробить 2
 Изъ Ивана пава 2.
 Тай будуть казаты
 И приповидаты,
 Що передъ панами 2
 Шапокъ не здійматы 2.
 Ой на яру посмитюха
 Та стала тай кпнця,
 Идуть паны комисары 2
 Тай стали дывытца 2.
 Ходимо мы, пане брате,
 Тую птицю быты,
 Нехай вона перестане 2
 Изъ настъ панивъ кпнця 2.
 Я кпнылася, кпнылася
 И кпнылся буду,
 Маждо вами 2
 Хтось робыть облуду! 2
 Ой летила дыка качка,
 Впала въ очерети,
 Утикала панщнонъка 2
 Ведъ панивъ въ верети 2.
 Не сама вона втикала,
 Громадочко гнала,
 Соломянный капелюшокъ
 На головку вбрала,
 А сиреневую свитину
 На спину вдагала.

* *

Выйшла, выйшла стара пачи
 На затыльни двери
 Ой вернися панщнонъко 2
 Хоть вами до вечери! 2

Не вернуся, не вернуся
Немае до кого,
Я служыла, заробляла 2
Нагаивъ по много.

**

Ой не буде осаула
Пидъ викна гукаты
Бо не буде мужыківъ 2
Ране избужаты. 2
Мужыцькіи хлопци
Телерь вже не быти,
Вони ходята по пидъ коршиы 2
Якъ-бы де напыты. 2
Мужыцькая девка,
Якъ та (рожева) била квітка,
Вона ходыть поглядае, 2
Якъ ясная зирка 2
Ой надаве теперъ панъ
Будую манишку,
Тай нею гордве,
Иде мужыкъ на базарь
Тай соби купуе.
Ой теперъ паньська нагаечка
Высыта на гыляци
Выбажайте, дебри люде, 2
Бо панцина въ с...! 2

5.

Про Хайку.

Ой у поли, поли
У чистій діброви
 Ой вей, виръ бомъ, бомъ
 Виръ бомъ, виръ бомъ
 Виръ бомъ, бомъ.
Новая корчомка
Муромъ мурозвана
 Ой вей...
 и т. д.
Муромъ мурозвана
Билемъ билевана.
 Ой вей...
 и т. д.

А въ тий корчомци
 Жыдивочка Хайка
 Ой вей...
 Жыдивочка Хайка
 Выношъ торгувала
 Ой вей...
 Выношъ торгувала
 Набиръ раздавала.
 Ой вей...
 А въ тий корчомци
 Пылы три молодцы.
 Ой вей...
 Пылы воны, имы,
 Грошай не платыны.
 Ой вей...
 Грошай не платыны,
 Все Хаю мааны.
 Ой вей...
 Мандруй-же, ты Хаю,
 Мандруй-же ты зъ памы
 Ой вей...
 Буде тоби лучше
 Нижъ въ рядном мами.
 Ой вей...
 Приижайте, хлопци,
 У суботу вранци,
 Будутъ жыды въ школи,
 Хайка на выбори.
 Ой вей...
 Приихалы хлопци
 Трома повозкамы
 Ой вей...
 На одну повозку
 Пырыны зъ пухамы
 На другу повозку
 Сувдуки зъ грошима
 Ой вей...
 На третю повозку
 Сама Хая сила.
 Ой вей...
 Поижайте, хлопци,
 Бытыны шляхамы,
 Бытыны шляхамы
 На быту дорижку
 Ой вей...

На быту доражку
 Не дожене Илько,
 Не дожене Мошко
 Ой вей...
 Ой прывезлы Хаю
 Къ быстрому Дунаю
 Ой вей...
 Ой взяли Хаю
 За руки за ноги
 Укынулы Хаю
 У Дунай глыбокий
 Ой вей...
 Нехай твои руки
 Та зъидить гадюки,
 Нехай твои ноги
 Та зъидить стоноги
 Ой вей...
 Нехай твои цыци
 Та зъидить блощици
 Ой вей...

Сообщилъ Е. Чикаленко.

Записка о состоянії Подолії въ 1843 году. Слѣдующій документъ отысканъ мною среди кучи старого рукописнаго хлама у одного изъ евреевъ-антикваріевъ во Львовѣ. Это небольшая тетрадь въ листъ сърой писчей бумаги, состоящая изъ 16-ти страницъ, исписанныхъ красивымъ почеркомъ. Первая страница раздѣлена вдоль на два пальца, но на правой половинѣ имѣется только заглавіе документа; прочія страницы написаны спѣшно, безъ оставленія полей.

Рукопись эта—по всей вѣроятности черновая или современная копія записи, поданной въ 1843 году Императору Николаю Павловичу подольскимъ гражданскимъ губернаторомъ о состояніи ввѣреннаго ему края и заключаетъ любопытныя свѣдѣнія о бытѣ крестьянъ, городовъ, евреевъ и дворянъ этого края, о плацахъ правительства на счетъ просвѣщенія и управлениія страной, поднесенія ея благо-состоянія, торговли и промышленности. Особенно интересны соображенія автора записи о «западномъ» вліяніи, обнаруживающіе въ немъ поклонника русской или культурной «самобытности». Не менѣе интересно извѣстіе о стремлениі шляхтичей--однодворцевъ къ

переселенію въ екатеринославскую губ. Донесеніе о чрезвычайно частыхъ самоубійствахъ, особенно среди помѣщичьихъ крестьянъ, освѣжаетъ въ нашей памяти ужасы крѣпостничества, среди которыхъ выросталъ не задолго до того времени Т. Г. Шевченко. Какъ видимъ, записка, хотя и составлена въ довольно общихъ выраженіяхъ, не приводить никакихъ частныхъ случаевъ, фамилій, но все же богата содержаніемъ и заслуживаетъ нѣкотораго вниманія при изученіи данной эпохи.

Въ запискѣ не выставлено ни года, ни фамиліи губернатора; только изъ ея содержанія мы убѣждаемся, что она составлена въ 1843 году. Списокъ нашъ при всей тщательности переписки не свободенъ отъ погрѣшностей, кромѣ нѣсколько устарѣлого правописанія; нѣкоторые погрѣшности въ самой рукописи исправлены другимъ почеркомъ и другими чернилами.

Миронъ.

Записка исправляющаю должностъ военнаго губернатора города Каменца и Подольскаго Гражданскаго Губернатора о состояніи Губерніи.

Страна, управлениe кою, по Высочайшему Вашего Императорскаго Величества соизволенію, ввѣreno мнѣ, представляетъ въ себѣ важнѣйшій и любопытнѣйшій предметъ для наблюденія.

Страну эту населяютъ полтора миллиона жителей обоего пола. Природа щедро надѣлила ее многоразличными своими богатствами. Особенно земледѣліе, составляющее¹⁾ главную вѣтвь внутренней дѣятельности народа, съ избыткомъ здѣсь оплодотворяется. При всемъ томъ она не въ цвѣтущемъ состояніи.

Предместники (sic!) мои не разъ уже выражали мысли свои по этому предмету во всеподданнѣйшихъ отчетахъ. Они ирпинявили такое состояніе губерніи недостатку собственныхъ потребностей, неименію (sic!) удобныхъ пунктовъ и путей сообщенія для сбыта произведеній и отсутствію мѣстной промышленности. Я вполнѣ раздѣляю эти мысли, но вникнувъ со всею тщательностью въ столь важный предметъ, болѣе и болѣе убѣждаюсь, что означенныя причины второстепенныя и что главною причиной непроцвѣтанія губерніи служатъ несчастныя обстоятельства этого края, которыя предшествовали возвращенію его подъ благодѣтельную державу монарховъ россійскихъ.

¹⁾ Въ пис. ошибочно „составляющу.“

Съ XIV вѣка край этотъ былъ поприщемъ безпрерывныхъ смутъ: вторженія Литвы, анархія поляковъ, хищничество татаръ и турокъ, гоненіе на православную вѣру, восстанія, никогда почти не давали покоя жителямъ, постоянно препятствовали развитію внутренняго благосостоянія, и тогда какъ другія области нашего отечества быстрѣе достигали цѣли нынѣшняго ихъ значенія, Подолье закоснѣло въ злополучіяхъ и переродилось подъ вліяніемъ чуждаго духа. Правда, что въ этомъ перерожденіи не открылось новой самобытности, но между тѣмъ вліяніе протекшаго времени на долго и на всемъ составило (sic!) свой отпечатокъ. Вотъ уже полъ вѣка, какъ здѣшній край возсоединенъ къ намъ; однакожъ до сего времени нѣть въ немъ единства; еще броженіе разныхъ элементовъ сильно—отъ того при всѣхъ естественныхъ богатствахъ края главные двигатели, ведущіе къ полному благосостоянію,—местная промышленность, местное потребленіе еще слабы. Удобнѣйшия пункты и пути сообщенія для сбыта произведеній¹⁾, безъ сомненія (sic!) сами собою открылись бы, если бы только промышленность возвысилась. Въ такомъ положеніи края желательно одно—благопріятѣйшая будущность. Мудрыя предначертанія Вашего Императорскаго Величества въ отношеніи здѣшняго края, обезпечивая жителямъ его вѣрнѣйшее спокойствіе, восстановляя здѣсь русскую народность, могутъ быть порукою, что эта будущность недалека.

Предмѣстники мои столько разъ столь подробно описывали нравственность жителей Подолья въ представленныхъ Вашему Императорскому Величеству отчетахъ, что мнѣ остается упомянуть единственно объ измѣненіяхъ, произшедшихъ отъ мѣръ правительства. Въ этомъ отношеніи, какъ и всегда, первое мѣсто занимаютъ дворяне. На нихъ болѣе всѣхъ сословій отражается вліяніе послѣдняго владычества. Въ нихъ только проявляется духъ Польши. Нельзя сказать, чтобы образъ ихъ мыслей былъ исключительно въ нашу пользу, по крайней мѣрѣ на дѣль они живутъ тихо. Но преимущество ихъ предъ прочими сословіями состоитъ въ томъ, что они владѣютъ недвижимыми населенными имѣніями. Но и это преимущество теперь бессильно, потому что крестьяне ихъ исповѣдуютъ православную вѣру, говорятъ русскимъ языкомъ и преданы теперь, болѣе чѣмъ когда нибудь, русскому правительству. Къ тому же духовенство наше взяло важный перевесъ (sic!) надъ духовенствомъ римско-католическимъ,

¹⁾ Въ ошибочно „сообщенія“ и „произведенія.“

которое, хотя недовольно отображеніемъ бывшихъ въ его пользованіи недвижимыхъ имѣній, однако видя свое безсиліе, покоряется этой необходимости. Оно требуетъ еще ближайшаго надзора, и я не упускаю никакого къ тому случая. Впрочемъ, политическое состояніе края, кажется, не представляетъ въ настоящее время, никакихъ опасеній. Духовенство наше подъ наблюденіемъ дѣятельного своего начальства преуспѣваетъ въ распространеніи господствующаго исповѣданія. Болѣе двухъ лѣтъ ежетретныя (sic!) вѣдомости указываютъ, что сотни иновѣрныхъ принимаютъ православіе по одному внутреннему убѣжденію о преимуществѣ вашей вѣры, и внушенія этого убѣжденія слѣдуетъ приписать одному духовенству.

Купцы по прежнему, почти всѣ евреи, занимаются незначительными только подрядами и перекупами. Вся мѣстная торговля въ ихъ рукахъ, и потому они препятствуютъ русскимъ развить ее на правильныхъ основаніяхъ. Другой уже годъ проходитъ со времени обнародованія Высочайшаго Указа Вашего Императорскаго Величества отъ 24-го декабря 1841 года о представлениіи русскимъ льготъ при переселеніи въ здѣшній край, но еще не пожелалъ никто воспользоваться этимъ преимуществомъ. Совмѣстничество съ евреями, которыхъ число здѣсь весьма велико, а козни еще больше, отнимаетъ у русскихъ охоту рисковать своими капиталами въ новомъ для нихъ краѣ.

Мещане (sic!) по прежнему не отличаются ни въ ремеслахъ, ни въ торговой промышленности, но христіане по крайней мѣрѣ начинаютъ отыкатъ отъ общей страсти къ нетрезвой жизни, чemu немало содѣйствуетъ возвышеніе цѣнъ на горячіе напитки на основаніи правилъ, Высочайше утвержденныхъ 4 іюня 1842 г. Что касается мѣщанъ евреевъ, то все (sic!) мѣры мѣстнаго начальства объ исправлениіи нравственнаго состоянія этого племени безъуспѣшны; отклонить ихъ отъ всевозможныхъ пороковъ, заставить исполнять точно государственные повинности столь же трудно, какъ и вовсе искоренить ихъ.

Состояніе однодворцевъ вскорѣ должно улучшиться новою переписью: отъ праведенія въ извѣстность дѣятельнаго ихъ числа облегчится бремя, тяготящее теперь на тѣхъ изъ нихъ, которые находятся на лицо и должны платить подымный сборъ и отдавать людей въ военную службу не только за себя, но и за отсутствующихъ или неправильно внесенныхъ въ первую перепись, но оказавшихъ послѣ принадлежащими къ другимъ сословіямъ. Впрочемъ, многіе изъ

однодворцевъ охотно переселяются въ екатеринославскую губернію. Они большею частію принадлежать къ польскому населенію, и это можетъ служить новымъ фактамъ, какъ съ одной стороны довѣріе къ русскому правительству усиливается и какъ съ другой стороны вліяніе польскихъ дворянъ, опиравшихся на мелкой шляхтѣ, нынѣшнихъ однодворцахъ, слабѣетъ.

Крестьяне болѣе и болѣе достигаютъ благосостоянія, что должно отнести къ попечительности нового управлениа. Крестьяне помѣщички не вышли еще изъ грубаго состоанія; но по крайней мѣрѣ при постоянной бдительности мѣстного начальства не пытаются уже отъ своихъ владѣльцевъ тѣхъ притесненій, которыхъ прежде, при отсутствіи иныхъ понятій о религіи и нравственности, не дозволили имъ возвыситься до того состоянія, въ коемъ Вашему Императорскому Величеству желательно видѣть своихъ подданныхъ, даже находящихся на послѣдней степени въ ряду сословій государства.

Народная нравственность вообще опредѣляется числомъ и качествомъ преступленій. Въ этомъ отношеніи наблюденія мои открыли слѣдующіе результаты. Преступленія, нарушающія общественное свойство и безопасность, здѣсь рѣдки. Но зато преобладаютъ слишкомъ сильно пороки, нарушающіе права собственности, и пороки, вредящіе самимъ совершиламъ ихъ. Къ числу первыхъ принадлежатъ частныя воровства, къ числу послѣднихъ — пьянство и порождаемыя имъ покушенія на собственную жизнь. Тѣ и другія, какъ обыкновенно, проявляются въ низшемъ классѣ народонаселенія. Въ особенности обращаютъ на себя вниманіе самоубійства. Изъ двухнедѣльныхъ вѣдомостей о происшествіяхъ Ваше Императорское Величество изволите усмотрѣть, что нѣтъ почти дни, въ которомъ бы не было въ губерніи самоубійства, особенно между помѣщичными крестьянами. При постоянныхъ мѣрахъ правительства, отирающихъ, что зло это происходитъ не рѣдко отъ притесненій (sic!) помѣщиковъ и наиболѣе отъ недостатка попечительности ихъ о своихъ крестьянахъ, можно надѣяться, что оно уменьшиться (sic!).

Утѣшительную надежду какъ въ семъ отношеніи, такъ и вообще представляетъ образованіе юношества въ духѣ русскомъ. Заимствованные родителями отъ запада начала часто ложнаго ученія уступаютъ прочному воспитанію дѣтей въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Настало уже время, въ которомъ сыновья дворянъ не соглашаются въ образѣ мыслей съ своими отцами, и отцы убѣждаются въ истинѣ; послѣдствія этой перемены (sic!) будутъ благодѣтельны

Желательно для ускоренія ихъ сколь можно поощрять и возвышать растущее поколеніе (*sic!*), которое образованіемъ своимъ связываетъ крѣпче недавно возвращенный край. Въ особенности было бы это полезно въ отношеніи молодыхъ людей, оканчивающихъ воспитаніе въ университетахъ. Между тѣмъ и въ другихъ сословіяхъ народное просвѣщеніе довольно быстро распространяется. Но ощущительенъ недостатокъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ тѣмъ болѣе, что средства средняго класса жителей дѣлаютъ недоступными высшія заведенія. Еслибы можно было учредить болѣе уѣздныкъ и приходскихъ училищъ въ разныхъ пунктахъ губерній, то это принесло бы величайшую пользу, ускоряя обрусѣніе края и проливая сѣѧ на низшіе слои общества. Я уже коснулся отчасти этого предмета во все-подданнѣйшемъ рапортѣ, вмѣстѣ съ симъ подносимомъ, здѣсь присовокупляю, что означенными пунктами могли бы быть для уѣздныхъ училищъ города: Винница, изъ коего переводится гимназія въ другое мѣсто, Летичевъ, Балта и Могилевъ, для приходскихъ училищъ всѣ прочіе уѣздные города, кромѣ Проскурова и Брацлава, въ уѣздахъ коихъ есть уже подобная заведенія.

При общемъ взглѣдѣ на разныя части ввѣренного управлению моему края разительную черту представляютъ города. Внутреннѣе (*sic!*) и виѣшище (*sic!*) состояніе ихъ такъ жалко, что не можетъ не обращать на себя вниманія, не вести къ соображеніямъ объ улучшеніи ихъ. Общія причины такого состоянія городовъ упомянуты уже выше. Но въ частности, кажется, можно безошибочно сказать, что тамъ, где наиболѣе сосредоточивается внутренняя дѣятельность, другія обстоятельства должны имѣть мѣсто. Ближайшее удостовѣреніе убѣждаетъ, что онѣ заключаются въ шаткомъ управлениіи городскими сословіями и доходами городовъ. И въ самомъ дѣлѣ. Думы, магистраты и ратуши здѣшней губерніи составлены изъ самыхъ необразованныхъ, даже неграмотныхъ людей. При ревизії и имѣль весьма многіе случаи удостовѣриться, что люди эти решительно не понимаютъ своихъ обязанностей. Все основаніе въ означенныхъ присутственныхъ мѣстахъ лежитъ на секретаряхъ, но и тѣ или неопытны, или ненадежны, а главное, не имѣютъ своего голоса. Городскія земли отдаются въ содержаніе лицъ по произволу тѣхъ, кто умѣетъ извлекать свою пользу изъ невѣжества членовъ. Другія статьи доходовъ остаются безъ надлежащаго надзора. Объ увеличеніи ихъ нечего и говорить. Тоже бросается въ глаза по устройству городскихъ зданій вообще по внешнему (*sic!*) виду городовъ. Торговая полпція, реме-

сленныя управлениі, общественные сборы, исполненіе городскими сословіями разныхъ повинностей не представляютъ никакого порядка, часто обнаруживаютъ злоупотребленія. Между тѣмъ близкое сосѣдство съ союзною державою, по слухамъ, даетъ пріѣзжающимъ сюда иностранцамъ болѣе или менѣе справедливый поводъ выводить невыгодныя заключенія о общемъ благоустройствѣ края потому только, что города, представители провинціи, не возрастаютъ. И все это, какъ я осмѣялся уже сказать, происходитъ отъ несоответственнаго мѣстнымъ потребностямъ состава думъ, магистратовъ и ратушъ. Чтобы прекратить это, по моему мнѣнію, нѣтъ иного средства, какъ только усилить составъ сихъ мѣстъ коровными чиновниками, возложивъ на ихъ обязанность и отвѣтственность преимущественно завѣдываніе городскимъ хозяйствомъ. Назначеніе по одному такому чиновнику съ правами чина, съ небольшимъ жалованьемъ несомнѣнно (sic!) принесетъ большую пользу и много будетъ содѣйствовать возвышенію благоустройства городовъ. Я уже представилъ подробнѣйшія соображенія по сему предмету генералъ губернатору.

Въ числѣ городовъ заштатные города Старая Ушица и Сальница не обѣщаютъ никакой надежды, чтобы когда-нибудь достигли надлежащаго устройства. Они теперь не что иное, какъ деревни и то въ самыхъ глухихъ мѣстахъ. Нѣтъ въ нихъ, особенно въ Сальнице, никакой торговли или другаго рода промышленности. Между тѣмъ они имѣютъ довольно много земли, а въ Ушицѣ и друггя обратныхъ статьи. На счетъ завѣдыванія этими статьями преимущественно должно сказать то, что уже замѣчено мною выше въ описаніи думъ и ратушъ. Здѣсь мѣста эти рѣшительно бесполезны. Я осмѣливаюсь полагать, что въ такомъ положеніи и существование ихъ не нужно. Если бы ратуши въ городахъ Сальнице и Старой Ушице были упразднены, мѣщане оныхъ были подчинены общему завѣдыванію подобныхъ мѣстъ въ уѣздныхъ городахъ, а статьи городскихъ доходовъ были подъ надзоромъ Государственныхъ Имуществъ, отдавались въ содержаніе съ публичныхъ торговъ и поступали въ кассу доходовъ уѣздныхъ городовъ, то это много могло бы содѣйствовать улучшенію состоянія послѣднихъ, безъ всякой обиды для первыхъ, потому что тѣ никогда не могутъ возвыситься. Объ этомъ внесено отъ меня представление генералъ губернатору.

Не могу пройти молчаниемъ еще одной частности, которая затрудняетъ губернское начальство: это недоимки. Въ отношеніи мѣ-

щанъ, казенныхъ крестьянъ, гражданъ и однодворцевъ установлены законами мѣри, основанныи на правилахъ взаимного обезпечения пока хоть съ трудомъ достигаютъ цѣли. Но въ помѣщичьихъ имѣніяхъ этотъ предметъ требуетъ нового соображенія. Изъ частныхъ примѣровъ оказывается, что въ сихъ имѣніяхъ, при отдачѣ ихъ въ опеку за недоимки, недоимки не только не пополняются, но еще болѣе косятся. Причиною тому—неудобства въ назначеніи къ нимъ опекуновъ: многіе дворяне не соглашаются быть опекунами, а на принужденіе ихъ неѣтъ положительныхъ правилъ; другіе, соглашаясь, безпечно завѣдываютъ такими имѣніями, иные позволяютъ себѣ подъ своимъ именемъ закрывать казенныхъ должниковъ, представляя въ полное ихъ распоряженіе имѣнія, поступившія въ опеку. Переписка обѣ избраніи опекуновъ, повѣрка ихъ дѣйствій, разсмотрѣніе отчетовъ поглащаются напрасно время. Между тѣмъ недоимки не очищаются. Для отвращенія этого представляется полезнымъ подобная имѣнія вмѣсто опеки отдавать въ арендное содержаніе съ цубличныхъ торговъ, смотря по количеству недоимковъ на три года и болѣе. По сему предмету и также сдѣлалъ представленіе генераль губернатору.

Повергая все это на Высочайшее Вашего Императорскаго Величества благоусмотреніе, долгомъ считаю присовокупить, что всѣ силы мои устремлены къ тому, чтобы вверенное (sic!) мнѣ Вашимъ Величествомъ управление болѣе и болѣе улучшалось. Исполненіе ожиданій Вашего Величества составляетъ единственную всегдашнюю цѣль моихъ дѣйствій, моего рвения. Если цѣль эта еще не такъ близка, да будетъ мнѣ оправданіемъ въ великолѣпномъ снисхожденіи Вашего Величества недавнее управление столь многозаботливымъ краемъ.

Г. Ф. Квитка, какъ сотрудникъ Современника. Въ первомъ томѣ недавно изданной «Переписка П. А. Плетнева съ Я. К. Гротомъ» (Спб. 1896. 8⁰), между множествомъ интересныхъ свѣдѣній о русской литературѣ начала сороковыхъ годовъ, находится немало извѣстій и о Квиткѣ-Основяненкѣ, какъ сотрудникѣ Современника, влакившаго въ это время, подъ редакціей Плетнева, бѣдное свое существованіе. Эти извѣстія, какъ дополненіе къ литературий біографіи Квитки, приводимъ здѣсь.

1840 г. 24 сент. Возвратясь домой, нашелъ у себя письмо отъ Квитки. На будущій годъ онъ отказывается отъ поставки повѣстей

въ Современникъ, потому что дворянство, при выборахъ, намѣreno возложить на него какую-то хлопотливую должность. Я не знаю, что мнѣ бусть и дѣлать безъ него. Откуда взять повѣстей?... Но вотъ что досаднѣе: Квитка у меня просить позволенія напечатать въ Маякѣ отрывки изъ своего новаго романа: «Маякъ де исправно платить, а деньги вещь хорошая!» Какъ это вамъ покажется?

— 4 окт. Государыня любить читать Квитку, только сожалѣть, что много мудреныхъ словъ.

— 8 окт. Квиткѣ я написалъ, что онъ можетъ дать въ Маякъ все, что хочетъ, но я отказываюсь быть посредникомъ и отослалъ его въ типографію Фишера, гдѣ лежать оригиналы Халавскаго и Столбикова (новый романъ его). Отъ Современника не откажусь (т. е. не перестану его издавать) и безъ Квитки.

— 8 ноября. Я получилъ письмо отъ Квитки съ III-ю частью «Столбикова» (романъ его). Кажется, мои отзывы на счетъ журнальной братіи подействовали на него. Онъ навсегда и рѣшительно отказался отъ всякаго сношенія съ этими господами, желая видѣть себя или въ отдельномъ изданіи, или въ Современникѣ. Впрочемъ, избранный въ предсѣдатели уголовной палаты, онъ не можетъ писать много.

— 13 ноября. У великой княжны Ольги Николаевны читаль прелестную «Ярмарку» Квитки¹⁾.

— 19 ноября. Чтеніе «Ярмарки» у в. кн. Ольги Николаевны. Тутъ присутствовала и Государыня. Я ее смѣшилъ, рассказывая про Квитку, какъ онъ окривѣлъ (ему нянѣка вздумала выдавить ячмень на глазу); какъ заставили его отказаться отъ 1.000 душъ крестьянъ въ пользу старшаго брата, который продулъ обѣ тысячи; какъ съ горя кривой пошелъ въ монахи и, какъ послушникъ, принужденъ былъ привезти монастырскія бочки на рынокъ для продажи; какъ его всѣ узнали и заукали, (sic) а онъ со стыда бросилъ бочки и монастырь; какъ онъ основалъ Харьковскій дѣвичій институтъ и женился на классной его дамѣ и проч. Чтеніе шло очень весело.

— 19 ноября. Эта день началъ я чтеніемъ съ великой княжной Ольгой Николаевной не въ ея комнатѣ, а въ императриціи, которая желала слушать ярмарку.

— 10 декабря. Вторникъ. Кончилъ чтеніе «Ярмарки». Государыня была очень довольна. Я спросилъ читала ли она «Марусю». И когда

¹⁾ Плетневъ преподавалъ въ это время великой княжай русскую словесность.

узналь, что нѣтъ, то предложилъ со слѣдующаго раза ею заняться. Мнѣ хочется разнѣжить ея вкусы чтеніемъ русскихъ книгъ и сдѣлать для нея выборъ изъ всего, что у пасъ есть лучшаго.

— 17 декабря. Гоголь не печатаетъ совсѣмъ не потому, что не увѣренъ въ сбыть или не догадается ва это пуститься, а потому, что онъ упрашь, какъ малороссійскій быкъ и самолюбивъ, яко сатана. Ему померещилось, что для довершения славы его не нужно при жизни его печатать ни строчки: вотъ онъ и умираетъ съ голоду, а черезъ законъ свой не переступаетъ подобно Матренѣ Семеновнѣ въ «Ярмаркѣ». — У великой княжны Ольги Николаевны, гдѣ присутствовала императрица, началъ чтеніе «Маруси».

— 25 декабря. Выписка изъ письма великой княгини Маріи Николаевны, изъ Мюнхена: «Читала я съ истиннымъ наслажденіемъ повѣсть «Ланна Сотниковна». Какъ это мило, просто, трогательно рассказало. Ну ужъ — ура Основьяненко. — Другая повѣсть Основьяненки — «Ложный Понятія» едва ли не лучше первой. Я смылась во все горло».

1841 г., 18 февраля. Мнѣ очень странно, но вы нашли толкъ въ критикѣ Сенковскаго на Квитку. Я еще прощаю Сенковскому, что онъ не смыслитъ различить въ авторѣ слогъ отъ языка. Но какъ же увѣрять, что черты смѣшного потому не смѣшны, что ихъ авторъ подмѣтилъ не въ столицѣ, а въ провинції? Что касается до вашего замѣчанія, будто Квитка позволяетъ себѣ многое въ письмѣ, чего и въ разговорѣ не всегда удается слышать, то вы говорите, о Квиткѣ, какъ обѣ авторѣ журнальной статьи. А онъ написалъ огромныхъ двѣнадцать томовъ и въ нихъ не отъ себя говорить, а заставляетъ дѣйствовать другія лица. Какъ же вамъ не стыдно подмѣчать въ немъ то, о чёмъ и не говорится при оцѣнкѣ столь оригинальнаго и неистощимаго писателя? Если онъ создалъ столько сценъ, если онъ раскрылъ передъ нами столько разнообразныхъ, незаимствованныхъ, самыхъ неподѣльныхъ красотъ въ жизни человѣка и въ его душѣ, — тамъ можно ли критиковатъ, зачѣмъ онъ въ одной повѣсти началъ фразу словомъ *тыфу!* Вѣдь вы знаете причину, по которой Сенковскій напалъ съ такимъ осторвененіемъ на Квитку. Во 1-хъ, что Квитка со мной друженъ. А этого для Сенковскаго достаточно, чтобы ругать автора. Такъ онъ ругалъ «Исторію» Ал. Ос. (Ишимовой); во 2-хъ, Квитка никому не посылаетъ повѣстей, кромѣ редактора Современника; въ 3-хъ, Сенковскій ду-

маетъ, что въ «Званныхъ Гостяхъ» Квитка вывелъ его такъ вѣрно и до зарѣзу остро.

— 21 февраля. Дома нашелъ я твое письмо и еще отъ Квитки. Онъ такъ малодушенъ, что, пораженный злобнымъ отзывомъ Сенковскаго, велѣлъ прекратить совершенно отдельное изданіе своихъ сочиненій и уничтожить все, что до сихъ поръ напечатали изъ «Столбикова». Вотъ, что значитъ великий талантъ, но безъ полнаго сознанія своей дестинаціи. Онъ привыкъ думать, что за сочиненія надобно ждать только или похвалъ, или денегъ. А о высокой цѣли творчества и не помыслилъ. Онъ прислалъ для Современника еще повѣсть: „Герой Очаковскихъ временъ“. Это родъ Донъ Кихота Малороссіи. Вечеромъ съ Александрой Осиповной мы начали чтеніе его. Это смѣшно до уморы.

— 14 марта. Читали письмо Квитки, который, наконецъ, одумался. Онъ, какъ я тебѣ сказалъ, не хотѣлъ было совсѣмъ писать для публики, развѣ только изрѣдка въ Современникѣ. Я въ трехъ въ нему письмахъ былъ истиннымъ его бичемъ... Онъ не сознается, что мои убѣжденія подействовали. Онъ говоритъ, что былъ боленъ — и всѣ его мрачныя мысли произошли отъ болѣзни. Даже прибавляеть онъ, что если бы мои письма застали его въ этомъ страдательномъ положеніи, они бы уморили его. Но это онъ вылѣчился и теперь ясно видѣть справедливость моихъ настоящій. Опять согласился онъ на продолженіе своихъ сочиненій, ихъ издавае и участіе въ Современникѣ.

1842 г., 7 марта. Мой главный сотрудникъ Квитка, повидимому, оставляетъ меня. Я не въ состояніи былъ исполнить всѣхъ его комиссій — и это его окладило. Пускай попробуетъ имѣть дѣло съ другими журналистами. Можетъ быть, и возвратиться ко мнѣ. Кажется, онъ не убѣженъ, что я жертвой алъ ему до нельзя по одному капризу продолжать Современникъ.

Приведенные мѣста изъ писемъ Плетнева дополняютъ литературную біографію Квитки, указывая, какъ цѣнились его русскія поэмы на тогдашнемъ литературномъ рынке. Въ заключеніе приводимъ отзывъ Плетнева, въ тѣхъ же письмахъ, о Сковородѣ. — «Сковорода былъ въ XVIII ст. у малороссіянъ родъ юродиваго или философа, какъ называетъ простой народъ такихъ людей. Онъ подражалъ ученикамъ Пифагора: не ъль мяса, говорилъ таинственными загадками, катался на поляхъ голый по росѣ, бродяжническую вель жизнь по помѣщиковъ и распустилъ по Малороссіи нѣсколько писаныхъ

имъ філософскихъ диссертаций. Подобныхъ оригиналовъ тамъ было не рѣдко». (стр. 515).

О русской литературѣ и наукѣ въ письмахъ Плетнева—множество интересныхъ замѣтокъ. На пр., и Сегодня у насъ въ университетѣ (Плетневъ былъ ректоромъ его) былъ министръ (Уваровъ). Мы про-сидѣли цѣлую лекцію у Устрялова за Дмитриемъ Самозванцемъ... Устрялова преподаваніе совершенно мужицкое. Ни слогу, ни одушевленія¹⁾... (Стр. 494).

А. Л.

Списокъ докторовъ медицины изъ малороссовъ, практиковавшихъ въ Россіи въ XVIII столѣтіи. Въ извѣстной книжкѣ профессора Як. Чистовича—«Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи», (Спб. 1883 г.),—напечатанъ между прочимъ «алфавитный списокъ докторовъ медицины, практиковавшихъ въ Россіи въ XVIII столѣтіи», (стр. LXVI—CCCLXVI), въ которомъ названо 523 медика, причемъ 42 изъ нихъ были малороссы. Вотъ ихъ списокъ. *Базилевичъ* Григорій Ивановичъ, сынъ священника бѣлгородской губ., учился сперва въ кіевской духовной академіи, а потомъ учился медицинѣ въ училищѣ при спб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ и за границей, въ Страсбургѣ, где получилъ докторскій дипломъ; въ Россіи повторилъ докторскій экзаменъ и былъ назначенъ профессоромъ патологіи спб. медико-хирургической академіи, а потомъ—и ученымъ секретаремъ медицинской коллегіи. *Барсукъ-Мойсеевъ* Фома Ивановичъ. Точное происхожденіе его и званіе не обозначено. Учился сперва въ кіевской духовной академіи, потомъ окончилъ московский университетъ по медицинскому факультету и сдалъ экзаменъ на доктора медицины. Былъ профессоромъ физіологии въ московскомъ университѣтѣ. *Гильдичъ* Петръ Петровичъ, уроженецъ г. Полтавы, обучался заграницей, въ Вѣнѣ, Берлинѣ и Лейпцигѣ, въ которомъ и получилъ докторскій дипломъ. *Гороховскій* Маркъ Ивановичъ, родомъ изъ Кіева, учился сначала въ кіевской

¹⁾ Устряловъ продолжалъ читать лекціи въ Спб. университетѣ до конца пятидесятыхъ годовъ. Заглядывая иногда въ это время въ двери аудиторіи Устрялова, мы больше двухъ слушателей у него не видали, а курсъ филологовъ, которому въ это время онъ, читалъ состоялъ изъ 12-ти человѣкъ. Нѣкоторые изъ нихъ и разу не были на лекціяхъ Устрялова, но онъ благодушно всѣмъ ставилъ полные балы. А. Л.

духовной академії, а потомъ въ московскомъ университѣтѣ. Выдержавъ докторскій экзаменъ, былъ опредѣленъ главнымъ докторомъ балтійскихъ флотовъ, затѣмъ былъ переведенъ инспекторомъ слободско-украинской врачебной управы. *Заюорский* Петръ Андреевичъ, сынъ священника новгородсъверскаго уѣзда, сперва воспитывался въ черниговскомъ коллегіумѣ, а затѣмъ въ спб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ. Сдавъ докторскій экзаменъ, былъ назначенъ проекторомъ анатоміи при с.-петербургскомъ медико-хирургическомъ училищѣ, затѣмъ былъ назначенъ, тамъ же, адъюнктомъ анатоміи, экстраординарнымъ профессоромъ и наконецъ, ординарнымъ. *Звѣрака* Евстафій Федоровичъ, сынъ священника полтавскаго полка, учился въ спб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ, потомъ заграницей, преимущественно, въ шотландскомъ университетѣ св. Андрея, гдѣ получилъ и докторскій дипломъ. Былъ докторомъ при николаевскомъ госпиталѣ. *Каменецкий* Осипъ Кирилловичъ, сынъ мѣщанина стародубскаго полка, сперва воспитывался въ черниговскомъ коллегіумѣ, потомъ учился въ спб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ. Былъ инспекторомъ спб. физиката и первый изъ русскихъ достигъ званія лейбъ-медика императора Александра I-го. *Карпинскій* Никонъ Карповичъ, сынъ козака лубенскаго полка, сперва воспитывался въ харьковскомъ коллегіумѣ, потомъ учился въ спб. генеральномъ сухопутномъ госпиталѣ. Для довершенія образованія уволенъ былъ заграницу, причемъ въ Страсбургѣ получилъ дипломъ. Въ Россіи былъ назначенъ профессоромъ анатоміи и физіологии. *Келатковскій* Несторъ Григорьевичъ, уроженецъ кіевской губерніи, учился 4 года въ Кенигсбергѣ, гдѣ и получилъ докторскій дипломъ. *Крутень* Матвій Самсоновичъ, сынъ черниговскаго магистратскаго бурмистра, первоначально учился въ кіевской академіи, а потомъ въ спб. генеральномъ госпиталѣ. Для пополненія образованія 5 лѣтъ занимался въ Лейденѣ, гдѣ получилъ дипломъ. Затѣмъ былъ дивизіоннымъ докторомъ. *Леонтовичъ* Савва Алексѣевичъ, сынъ мѣщанина миргородскаго полка, учился въ кіевской духовной академіи, потомъ въ спб. адмиралтейскомъ госпиталѣ. Былъ командированъ заграницу; въ Страсбургѣ получилъ дипломъ и былъ назначенъ дивизіоннымъ докторомъ. *Лошковъ* Петръ Романовичъ, сынъ священника екатеринославскаго намѣстничества, учился сперва въ екатеринославской семинаріи, а потомъ въ спб. медицинской школѣ; выдержавъ докторскій экзаменъ, былъ назначенъ адъюнктомъ - профессоромъ хирургіи. *Максимовичъ-Амбодикъ* Несторъ Максимовичъ, сынъ священника га-

дяцькаго полка, сперва учился въ кіевской академії, потомъ въ спб. генеральномъ госпиталѣ; затѣмъ продолжалъ образованіе въ университетѣ въ Страсбургѣ, гдѣ и получилъ дипломъ. Отъ медицинскай коллегіи получилъ званіе профессора повивального искусства; былъ профессоромъ акушерства при повивальномъ институтѣ. *Максимовичъ* Иванъ Петровичъ, сынъ козака миргородскаго полка, учился сперва въ кіевской академії, потомъ въ спб. адмиралтейскомъ госпиталѣ; окончилъ медицинское образованіе въ Кенигсбергѣ, гдѣ получилъ докторскій дипломъ. *Мироновичъ* Василій Емельяновичъ, сынъ мѣщанина изъ г. Полтавы, учился въ екатеринославской семинаріи, затѣмъ въ спб. госпитальной школѣ. Вылержалъ докторскій экзамень, былъ утвержденъ адъюнктомъ хирургіи и «матеріи медики». *Митрофановъ* Сила Митрофановичъ, сперва учился въ кіевской академії, потомъ въ московскомъ генеральномъ госпиталѣ; командированъ на казенный счетъ заграницу и въ Лейденѣ получилъ дипломъ. *Олієскій* Дмитрій Максимовичъ, сынъ сотника нѣжинскаго полка, учился въ кіевской духовной академії, затѣмъ въ спб. госпиталѣ, отправленъ былъ заграницу, учился въ Страсбургѣ и въ Геттингенѣ, гдѣ получилъ докторскій дипломъ. *Оршава-Чижевскій* Семенъ Ивановичъ, сынъ отставнаго маіора стародубскаго уѣзда, сперва учился въ московскомъ университетѣ, потомъ былъ отправленъ заграницу въ Лейденѣ, гдѣ получилъ докторскій дипломъ. *Потоцкій* Петръ Ивановичъ, сынъ священника кіевской губерніи, учился въ кіевской академії; затѣмъ поступилъ ученикомъ въ спб. адмиралтейскай госпиталь; оканчивалъ образованіе въ Лейденѣ. *Полетика* Иванъ Андреевичъ, надворный совѣтникъ, родился въ г. Ромнахъ, учился въ кіевской академії, былъ два раза заграницей; въ Лейденѣ получилъ дипломъ, послѣ чего кильская медицинская академія избрала его въ профессоры, гдѣ онъ занималъ кафедру два года, а потомъ служилъ въ Россіи¹⁾. *Политковскій* Федоръ Герасимовичъ, сынъ протоіерея черниговскаго полка, учился сперва въ черниговскомъ коллегіумѣ, потомъ въ московскомъ университетѣ; на счетъ университета былъ отправленъ заграницу, въ Лейденѣ получилъ дипломъ, а затѣмъ былъ профессоромъ практической медицины въ московскомъ университетѣ. *Понирка* Денисъ Васильевичъ, сынъ

¹⁾ Былъ и другой медикъ *Полетика*, Тимофей Ивановичъ, тоже родомъ изъ Ромна, учишися въ троицко-сергіевской семинаріи, а потомъ въ с.-петербургскомъ госпиталѣ.

козака глуховского повѣта, сперва учился въ кіевской академіи, потомъ въ московскомъ госпиталѣ и въ Страсбургѣ. *Поповъ Гаврійль Петровичъ*, сынъ священника полтавской губерніи, учился въ екатеринославской семинаріи, потомъ въ медицинской московской школѣ, гдѣ былъ адьюнктомъ профессоромъ акушерства и «сулной науки». *Рожалинъ Козьма Федоровичъ*, сынъ козака лубенского полка, окончивъ кіевскую, академію, учился въ спб. госпиталѣ; въ Лейденѣ получилъ дипломъ и затѣмъ былъ докторомъ украинской дивизіи. *Руцкій Илья Васильевичъ*, уроженецъ кіевского намѣстничества, учился въ кіевской академіи, потомъ въ спб. генеральномъ госпиталѣ; въ Страсбургѣ получилъ дипломъ и былъ профессоромъ московской акушерской школы. *Саполовичъ Яковъ Осиповичъ*, сына посполитаго прилуцкаго полка, учился въ кіевской академіи, потомъ въ кронштадскомъ адмиралтейскомъ госпиталѣ. Выдержавъ докторскій экзаменъ, былъ назначенъ профессоромъ хирургіи и завѣдущимъ спб. хирургическимъ инструментальнымъ заводомъ. *Сидоровичъ Алексѣй*, сынъ мѣщанина изъ гор. Конотопа, учился сначала въ кіевской академіи, потомъ въ спб. генеральномъ госпиталѣ, а для дальнѣйшаго образованія отправленъ былъ заграницу. *Смѣловскій Тимофей Андреевичъ*, родомъ изъ Малороссіи, сперва учился въ харьковской семинаріи, потомъ въ спб. медико-хирургической школѣ и былъ профессоромъ ботаники. *Смѣловскій Иванъ Андреевичъ*, учился въ спб. адмиралтейскомъ госпиталѣ; назначенъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ патологіи и терапіи. *Соболевскій Григорій Федоровичъ*, сынъ глуховского значковаго товарища, первоначально былъ придворнымъ пѣвчимъ, потомъ учился въ тройце-сергіевской семинаріи и въ спб. генеральномъ госпиталѣ. Въ Лейденѣ получилъ докторскій дипломъ, а потомъ, отъ медицинской коллегіи, званіе профессора ботаники. Былъ назначенъ докторомъ гвардейскихъ полковъ. *Сандуль-Стурдзя Яковъ Тимофеевичъ*, сынъ священника Переяславскаго уѣзда, учился въ черниговскомъ коллегіумѣ, потомъ въ московскомъ генеральномъ госпиталѣ; былъ назначенъ инспекторомъ слободско-украинской врачебной управы. *Тереховскій Мартынъ Матвѣевичъ*, сынъ священника гадяцкаго полка, учился въ кіевской академіи, потомъ въ спб. генеральномъ госпиталѣ; былъ профессоромъ химіи въ московскомъ госпиталѣ и почетнымъ членомъ медицинской коллегіи. *Тимковскій Осипъ Тимофеевичъ*, сынъ козака миргородскаго полка, учился въ кіевской академіи, потомъ въ спб. адмиралтейскомъ госпиталѣ; въ Страсбургѣ получилъ дипломъ; былъ вра-

чемъ смоленской дивизіи и штадтъ-физикомъ въ Москвѣ. *Тимковскій* Иванъ Осиповичъ, сынъ доктора, учился въ московскомъ университѣтѣ и служилъ при физикатѣ въ медицинской коллегіи докторомъ. *Тимченко* Григорій Павловичъ, обучался сперва въ кіевской академіи, потомъ въ спб. адмиралтейскомъ госпиталѣ; въ Кильѣ получилъ докторскій дипломъ и былъ профессоромъ повивального искусства въ Москвѣ. *Тихорскій* Фома Трофимовичъ, сынъ козака Переяславскаго полка, учился въ кіевской академіи и въ спб. адмиралтейскомъ госпиталѣ, докторскій дипломъ получилъ въ Страсбургѣ. *Федоровскій* Андрей Ивановичъ, сынъ священника бѣлогородской губерніи, первоначально учился въ харьковскомъ коллегіумѣ, потомъ въ єронштадскомъ госпиталѣ; сдавъ докторскій экзаменъ, былъ адьюнктомъ-профессоромъ анатоміи. *Фіалковскій* Степанъ, учился въ спб. госпиталѣ, потомъ заграницей, въ Страсбургѣ получилъ дипломъ. *Шафонскій* Афанасій Филимоновичъ, сынъ сотника черниговскаго полка, учился медицинѣ въ Галле, въ Страсбургѣ получилъ дипломъ, былъ штадтъ-физикомъ и управляющимъ медицинской конторой въ Москвѣ¹⁾). *Шумлянскій* Александръ Михайловичъ, сынъ значковаго товарища полтавскаго полка, учился въ кіевской академіи и въ спб. адмиралтейскомъ хирургическомъ институтѣ и почетнымъ членомъ медицинской коллегіи. *Шумлянскій* Павель Михайловичъ, сперва учился въ кіевской академіи, потомъ въ спб. генеральному госпиталѣ, получилъ въ Страсбургѣ дипломъ, былъ ординарнымъ профессоромъ хирургіи и почетнымъ членомъ медицинской коллегіи. *Люльскій* Касьянъ Осиповичъ, первоначально учился въ кіевской академіи, потомъ въ спб. госпиталѣ, получилъ докторскій дипломъ въ Лейденѣ.

Къ этому списку можно добавить, что изъ остальныхъ 481-го медика, 431—были по происхожденію иностранцы, а остальные—уроженцы Россіи, причемъ изъ нихъ 19 человѣкъ имѣютъ русскія фамиліи, а остальные (изъ 50-ти) носили фамиліи иностранные. Такимъ образомъ, громадное большинство докторовъ (82%) приходилось на долю иностранцевъ, съ иностранными фамиліями—6% и великороссовъ—4%; малороссовъ значить было 8%. Если принять во вниманіе, что изъ этихъ малороссовъ большинство происходило изъ духовного и податнаго сословія, то можно сдѣлать заключеніе, что и въ концѣ XVIII в. стремленіе къ просвѣщенію въ Малороссіи было

¹⁾ Авторъ „Описанія Черниговскаго намѣстничества“.

очень значительно, причемъ шли учиться не только дѣти дворянъ, но также сыновья священниковъ, мѣщанъ и козаковъ; учились медицинѣ сначала въ Россіи, затѣмъѣхали заграницу и получали докторскіе тамъ дипломы. По сословіямъ доктора изъ малороссовъ были: изъ духовнаго званія—11, козаковъ—9, мѣщанъ—4, крестьянъ—2, старшинскихъ дѣтей—2, дворянъ—3, 1 сынъ бурмистра и неизвѣстнаго происхожденія—10. Большинство изъ нихъ (23) образованіемъ своимъ обязаны кіевской духовной академіи, 5 училось въ семинаріяхъ, 5 въ московскомъ университетѣ, 6 въ коллегіумахъ и 3 — заграницей. Многіе изъ нихъ достигали извѣстности, таковы, напр., знаменитости своего времени—Загорскій, Максимовичъ-Амбодикъ, Полетика Иванъ (первый русскій профессоръ въ заграницномъ университѣтѣ), Шафонскій, Каменецкій...

Гл. Л.

По поводу постановки памятника надъ могилой И. П. Котляревского въ Полтавѣ.—Въ номерѣ отъ 10 февраля 1896 года «Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» напечатана слѣдующая редакціонная статья, сообщающая намъ о ходѣ дѣла съ постановкой памятника надъ могилой И. П. Котляревского и еще разъ призывающая общество откликнуться своими пожертвованіями на то, чтобы достойнымъ образомъ украсить могилу пачинателя малорусской литературы.

«Въ прошломъ году, на страницахъ «Полт. Губ. Вѣдомостей», мы сообщали, говорить редакція о предстоящемъ чествованіи памяти пачинателя нового периода украинской литературы, Ивана Петровича Котляревскаго, отмѣчая, между прочимъ, проявленіе мѣстной ініціативы по устройству надгробнаго памятника на могилѣ поэта, въ чертѣ старого городскаго кладбища, а также по изысканію средствъ для сооруженія памятника поэту на Петровской площади противъ зданія губернскаго земства.

Теперь своевременно сообщить нашимъ читателямъ о дальнѣйшемъ движениі дѣла по устройству памятниковъ И. П. Котляревскому. Сооружаемый на средства Полтавскаго губернскаго земства надмогильный памятникъ въ настоящее время изготавливается въ Табурищенской мастерской г. Певнаго (въ александр. у. херс. губ.) изъ гранита по модели художниковъ—полтавцевъ гг. Позена и Волкова. Памятникъ этотъ въ неизвестномъ времени будетъ изготовленъ

и весною настоящаго года, по всей вѣроятности, будетъ праздноваться постановка его на могилѣ поэта.

Что касается сооруженія памятника на Петровской площади, то это дѣло проходитъ пока первыя стадіи: въ сентябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года начать сборъ пожертвованій на сооруженіе этого памятника, послѣ того какъ ходатайство Полтавскаго городскаго управлениія о разрѣшеніи всеобщей подписки на это дѣло по полтавской и черниговской губерніяхъ въ чертѣ «Старой Малороссіи», — удовлетворено правительствомъ въ смыслѣ разрѣшенія подписки въ предѣлахъ лишь полтавской губерніи. Къ половинѣ декабря истекшаго года пожертвованія на это дѣло выразились пока скромной суммой, около тысячи рублей, не считая 400 съ лишнимъ рублей, пожертвованныхъ на памятникъ Котляревскаго въ прежнее время.

Сравнительно слабое до настоящаго времени поступленіе пожертвованій приходится объяснить обычною малоподвижностью въ нашей общественности, тѣмъ болѣе, что сооруженіе памятника мѣстному дѣятелю осуществляется впервые въ «сегобочпой» Українѣ. Но слѣдуетъ замѣтить, что въ поступленіи пожертвованій на памятникъ Котляревскому останавливаетъ вниманіе одно отрадное обстоятельство — мы говоримъ о широкомъ кругѣ пожертвователей изъ селянъ хлѣборобовъ, густо покрывшихъ своими подписями разосланнѣе Полтавской городской управой подписные листы, съ обозначеніемъ посильныхъ пожертвованій, начаще въ 2, 3 и 5 копѣекъ. Сотни, а можетъ быть и тысячи именъ козаковъ и крестьянъ полтавской губерніи, откликнувшихся изъ разныхъ мѣстъ на краевое по своему существу дѣло, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что память И. П. Котляревскаго, вѣразрѣвно связанныя съ его литературной дѣятельностью, глубоко почитается украинскимъ народомъ.

Слѣдуетъ отиѣтить также, что видное мѣсто въ ряду пожертвованій занимаютъ доброхотныя пожертвованія, присланнѣя по газетнымъ замѣткамъ о предстоящемъ сооруженіи памятника, изъ городовъ виѣ предѣловъ полтавской губерніи, (преимущественно, изъ Петербурга и Одессы) съ изъявленіемъ признательности представителямъ городскаго управлениія, выдвинувшимъ вопросъ о сооруженіи памятника И. П. Котляревскому.

Небезынтересно прослѣдить, какъ назрѣвала мысль въ мѣстномъ обществѣ о выраженіи почитанія памяти поэта устройствомъ памятника, соотвѣтствующаго его национальному значенію. Первоначально отчетливо выражалось пожеланіе возобновить надмогильный

памятникъ поэта. Еще въ январѣ 1881 года гласный А. И. Алексенокъ въ думскомъ засѣданіи возбудилъ вопросъ о поновленіи надмогильного памятника; въ непродолжительномъ времени послѣ того гласный Тарапунченко изъявилъ готовность принять на свой счетъ штукатурку и побѣлку прежняго памятника, а дума ассигновала 100 рублей на потребные для поновленія памятника материалы и устройство ограды; въ августѣ того же 1881 года артистъ С. Н. Новиковъ «для возобновленія» памятника предложилъ устроить два спектакля и гулянье въ городскомъ саду, каковое предложеніе и осуществлено было, давъ чистаго сбора около 190 рублей. Результатомъ этихъ первыхъ начинаній было поновленіе памятника гл. Тарапунченко и постановка деревянной ограды съ расходомъ въ 53 рубля. Послѣ того мысль о возобновленіи надгробнаго памятника, соотвѣтствующаго достоинству поэта, затемнилась, а памятникъ, поновленный слишкомъ экономно, въ непродолжительномъ времени пришелъ въ прежнее состояніе. Въ ноябрѣ 1891 г. М. И. Климоновичъ изъ Одессы, узнавъ изъ газетной замѣтки о жалкомъ состояніи памятника, прислалъ 80 рублей, прося пріобщить ихъ къ имѣющимся въ кассѣ городской управы 350 рубл. на возобновленіе памятника; въ 1892 году прислано пожертвованіе на это дѣло отъ кружка любителей драматического искусства подъ управлениемъ Далматова. Могила Котляревскаго оставалась, однако, въ прежнемъ видѣ. Губернскому собранию 1893 года Полтавская губернская земская управа докладывала, что памятникъ на могилѣ И. И. Котляревскаго пришелъ въ негодность, штукатурка обвалилась, кирпичъ подъ влияніемъ сырости началъ осыпаться, и мѣдная доска съ надписью, указывавшую, кто похороненъ въ этой могилѣ, исчезла.

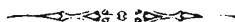
Всѣ эти подробности, свидѣтельствующія о неотзычивости и неподвижности нашего общества въ кровномъ своемъ дѣлѣ, приведены здѣсь въ видѣ посылки для заключенія, что на нашемъ обществѣ тяготѣть упрекъ въ бездѣятельномъ отношеніи къ памяти писателя, первое произведеніе котораго (Энеїда) въ 1898 году будетъ ознаменовано столѣтнимъ юбилеемъ. Теперь пришло время снять съ себя нашему обществу заслуженный упрекъ не только предъ современниками, но еще въ большей мѣрѣ предъ будущими поколѣніями, которые не могутъ не оцѣнить заслугъ народнаго писателя, положившаго первое основаніе украинской литературы на народномъ языке. Вслѣдъ затѣмъ, какъ могила поэта пришла въ крайнее разочарованіе, произошелъ поворотъ въ отношеніи мѣстнаго общества къ

его памяти. Губернское собаніе 1893 г. ассигновало достаточную сумму на возобновлениe памятника на могилѣ, а въ 1894 г. Полтавская городская дума, по докладу городской управы, постановила возбудить отмѣченное выше ходатайство о разрѣшениe всеобщей подписки на сооруженіе памятника Котляревскому на Петровской площади.

Подписка разрѣшена, и пожертвованія на сооруженіе памятника собираются. Умѣстно припомнить здѣсь высказанное нами раньше мнѣніе, что имѣющій быть сооруженнымъ памятникъ Котляревскому въ одномъ изъ областныхъ культурныхъ центровъ, какимъ является съ давнигo времени городъ Полтава, имѣть значеніе выразительного показателя одного изъ моментовъ въ исторіи развитія нашего края и народа, такъ какъ каждый народъ, по мѣрѣ своего культурного развитія, чтить своихъ выдающихся дѣятелей на различныхъ поприщахъ, а почитаніе дѣятелей интеллектуального прогресса имѣть особенно важное значеніе въ исторической жизни народа, являясь залогомъ его жизнеспособности активно выступать и въ дальнѣйшемъ теченіи событий. Для интеллигентной части населенія Полтавской губерніи, въ предѣлахъ которой собираются средства для сооруженія памятника Котляревскому, этотъ моментъ представляется весьма важнымъ, потому что открыто можетъ смотрѣть въ будущее только тотъ народъ и то общество, которые въ своемъ прошломъ зпаютъ прочные опорные пувкты. Сооруженіе памятника народному поэту — несомнѣнно актъ общественного самосознанія, и мы надѣемся, что дѣло это осуществится при широкомъ сочувствіи и дѣятельномъ отношеніи къ нему мѣстнаго общества».

Объявленіе о подпискѣ на памятникъ И. П. Котляревскому.

Помѣстивъ выше перепечатку статьи о памятнике И. П. Котляревскому, редакція Кіевской Старины объявляетъ своимъ читателямъ, что она открываетъ у себя сборъ добровольныхъ пожертвованій на сооруженіе этого памятника, при чёмъ жертвуемыя деньги будутъ направлять въ Полтаву.

БИБЛІОГРАФІЯ.

В. А. Мякотинъ. Крестьянское землевладѣніе въ Полтавскомъ уѣздѣ въ 1767 году. (Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ университета св. Владимира, подъ редакціей профессоровъ И. В. Луцицкаго и Н. И. Карп'єва, Спб. 1895 г.).

Матеріаломъ для труда В. А. Мякотина послужила часть Румянцевской Описи, хранящаяся въ Харьковскомъ Историческомъ Архивѣ и обнимающая четыре сотни бывшаго Полтавского полка—двѣ полковыхъ, Рѣшетиловскую и Великобудисскую. Авторъ пользовался, впрочемъ, «не самою описью или точнѣе говоря, не самыми черновыми и бѣловыми «вѣдомостями», составлявшимися мѣстной администрацией, владѣльцами и «ревизорами», а сдѣланной послѣдними по вѣдомостямъ сводкой статистического матеріала или въ видѣ таблицъ, или, какъ она названа, «подворной табелью», которая довольно точно передаетъ содержаніе вѣдомостей¹⁾). Въ табели есть свѣдѣнія о возрастномъ составѣ населенія, о земельномъ его владѣніи, скотѣ, повинностяхъ и т. п., хотя изъ данныхъ этихъ не всегда возможно сдѣлать определенный выводъ, благодаря неполнотѣ и неточности практиковавшихся тогда статистическихъ пріемовъ. Нѣкоторые такие недостатки авторъ и указываетъ въ характеристикахъ, которую онъ посвящаетъ «табели»: площадь лѣса, напримѣръ, подчасъ оказывается, совсѣмъ невозможно вычислить, потому что она измѣрялась не квадратными единицами, а пространство указывалось по окружности. Есть и другія неточности: при дворѣ иногда, напримѣръ, не показывается пахатная земля, но не потому что ея не было, а потому что она состояла въ общемъ, нераздѣльномъ вла-

¹⁾ Сборникъ, стр. 153—154.

дѣнії вѣсколькихъ дворовъ и показана при одномъ изъ нихъ и т. п.¹⁾). Для пользованія такимъ не всегда точнымъ материаломъ требуется особенная осторожность, а она то и составляетъ одну изъ существеннѣйшихъ особенностей изслѣдованія В. А. Мякотина. Дѣлая известный выводъ, авторъ дѣлаетъ, можетъ быть, ужъ и через-чуръ часто, соответствующія предостереженія читателю, чтобы онъ не принималъ вывода, безъ известныхъ оговорокъ.

Румянцевская Опись является драгоценнымъ, по богатству и разнообразію своихъ давнихъ, источникомъ для изученія хозяйственной жизни лѣвобережной Малороссіи въ прошломъ столѣтіи. Не смотря на это, она почти до сихъ поръ не затронута изслѣдователями. Правда, ею пользовался А. М. Лазаревскій, но, по направленію своихъ работъ, онъ обращалъ главное свое вниманіе не на хозяйственную жизнь страны, а на тѣ юридическія и бытовыя отношенія, которыхъ возникали въ Малороссіи XVIII вѣка, а потому пользуясь Описью, онъ оставилъ безъ вниманія ея статистическую часть и ограничился документами. Тоже можно сказать и про И. В. Лучинскаго, если не считать изданныхъ имъ таблицъ по казачьему землевладѣнію золотоношского уѣзда²⁾). И его работы о сибрахъ, общинномъ землевладѣніи³⁾ основаны исключительно на документахъ Румянцевской Описи, равно какъ и работа проф. Д. И. Багалѣя «Займанщина въ лѣвобережной Украинѣ въ XVII и XVIII вѣкахъ»⁴⁾.

Черниговские статистики Е. С. Филимоновъ, П. П. Червинскій и А. Н. Шликевичъ обращались тоже къ Румянцевской Описи. Въ Вяткѣ въ 1888 году г. Филимоновъ издалъ таблицы, составленныя имъ въ бытность въ Черниговѣ и основанныя на Румянцевской Описи: «Румянцевская генеральная Опись сурожскаго уѣзда 1767 года». Подобную же опись приложилъ и П. П. Червинскій къ «Матеріаламъ для оцѣнки угодій по кролевецкому уѣзду черниговской губерніи», причемъ сдѣлалъ и попытку сравнительно-исторического изученія, сопоставляя данныя по описи 1767

¹⁾ Сборникъ стр. 155.

²⁾ Издание Полтавскаго Губернскаго Земства.

³⁾ О сибрахъ и сибринномъ землевладѣніи въ Малороссіи въ Сѣв. Вѣстнѣкѣ 1889 г. № 1 и 2; Слѣды общиннаго землевладѣнія въ лѣвобережной Украинѣ въ XVIII в. От. Зам. 1882 г. кн. 11.

⁴⁾ „Кіевск. Стар.“ 1883 г. декабрь.

и 1883 годовъ. Выводы касались всѣхъ сторонъ экономической жизни мѣстности и получились довольно неожиданные. П. П. Червинскій старался доказать, что въ прошломъ столѣтіи, несмотря на земельный просторъ, на одного жителя приходилось почти столько же земли, сколько и теперь, а скота даже менѣше; что количество безземельныхъ въ наше время даже уменьшилось сравнительно съ прошлымъ вѣкомъ и въ землевладѣніи замѣчается даже большая равномѣрность, такъ какъ количество крупныхъ владѣній сравнительно уменьшилось, а количество среднихъ (1—15 дес.) возрасло; что вообще въ прошломъ столѣтіи не только крестьянству, но даже козачеству жилось хуже, чѣмъ теперь.

Эти заключенія, сдѣланныя притомъ безъ всякихъ оговорокъ, могли имѣть силу, пожалуй, для данной только мѣстности, но уже самъ г. Червинскій, а за нимъ и русская печать, отнесшаяся вообще съ большимъ интересомъ къ труду г. Червинскаго, обобщили его выводы на всю Малороссию. Въ особенности широко проведено это обобщеніе въ статьѣ А. П. Шликеvича: «Лучше ли жилось въ Малороссіи за сто лѣтъ назадъ?», помѣщенной въ № 11—12 «Земского Сборника Черниговской губерніи» за 1890 годъ.

Пользуясь таблицами, изданными Е. С. Филимоновымъ и «Матеріалами для оцѣнки земельныхъ угодій по сурожскому уѣзду» проф. И. В. Лучицкій взялся провѣрить обобщенія, сдѣланныя отъ кролевецкаго уѣзда ко всей Малороссії¹). Результаты получились другіе. Выводы П. П. Червинскаго не только не подтвердились, но, напротивъ, оказалось, что въ сурожскомъ уѣздѣ замѣтно понижение уровня земельной обеспеченности крестьянства и козачества въ настоящее время сравнительно съ прошлымъ вѣкомъ; въ настоящее время не только не замѣтно большей равномѣрности въ дѣлѣ распределенія земли, а скорѣй можно наблюдать явленіе какъ разъ обратное—зарождающее стремленіе къ скопленію земли въ большемъ и большемъ количествѣ въ рукахъ одного хозяйства. Относительно количества скота можно сказать тоже самое. Эти данные показали, что заключеніе относительно всей Малороссіи на основаніи данныхъ только по кролевецкому уѣзду какъ П. П. Червинскимъ, такъ и его критиками сдѣланы слишкомъ поспѣшно. Проф. И. В. Лучицкій совершенно вѣрно замѣчаетъ, что ихъ можно было бы допустить только

¹, Крестьянское землевладѣніе въ сурожскомъ уѣздѣ черниговской губерніи въ 1667 и 1882 годахъ. Юридический Вѣстникъ 1889 г. кн. 12.

при одномъ условіи, «а именно, когда намъ точно извѣстны тѣ факторы экономические и общественные, подъ вліяниемъ которыхъ проходило установление поземельныхъ порядковъ въ данный исторический моментъ, когда извѣстно и то, что они тождественны и для каждой отдельной мѣстности, и для цѣлой страны»... Разъ этого нѣтъ, «разъ условія дѣйствія и самое дѣйствіе общественныхъ и экономическихъ вліяній намъ неизвѣстны—остается одинъ путь изслѣдованія: изученіе сравнительно—историческое каждой мѣстности отдельно. Только тогда, когда изучены будутъ всѣ или большинство мѣстностей, можно будетъ сдѣлать общий выводъ для всей мѣстности, для всей лѣвобережной Украины»¹⁾.

Необходимость подобного рода детальныхъ изслѣдований, прежде чѣмъ получится возможность дѣлать общіе выводы—высказываетъ и В. А. Мякотинъ²⁾, и его изслѣдованіе является первой попыткой въ этомъ родѣ. Авторъ не задается, впрочемъ, такой задачей, какъ П. Ш. Червинскій: онъ не хочетъ сравнивать данными прошлого вѣка съ данными конца настоящаго, хотя и признаетъ весь интересъ подобныхъ сравненій. Матеріалъ только, которымъ онъ располагалъ, слишкомъ недостаточенъ быть для того, чтобы взяться за подобную работу. «То обстоятельство, говоритъ онъ, что сравненіе 18 вѣка съ 19-мъ не могло быть не только исчерпывающимъ, но даже полнымъ, тогда какъ при подчиненіи матеріала интересамъ этого сравненія неизбѣжно должны были исчезнуть нѣкоторые характерные особенности старой жизни, воспроизведеній нашимъ источникомъ, побудило меня решиться выбрать изъ двухъ представлявшихся задачъ на этотъ разъ одну—изображенія положенія крестьянства въ 1767 г. безотносительно къ современнымъ порядкамъ»³⁾. Авторъ ограничивается, такимъ образомъ, только воспроизведеніемъ картины *крестьянскаю* (опуская другія состоянія) землевладѣнія, какой она представлялась въ 1767 году, указаніемъ количества скота которымъ располагало хозяйство, а также отчасти указаниемъ платежей и повинностей, которые несли и платили крестьяне въ пользу своихъ владѣльцевъ. Онъ хочетъ воспроизвести только «конечный итогъ процесса, предшествовавшаго (1767 году), длившагося около вѣка»⁴⁾.

¹⁾ Юридический Вѣстникъ 1889 г. кн. 12, стр. 601—602.

²⁾ Сборникъ, стр. 185.

³⁾ Сборникъ, стр. 153.

⁴⁾ Сборникъ, стр. 153.

Мы уже говорили, что В. А. Мякотинъ далекъ отъ какихъ бы то ни было широкихъ обобщеній. Его выводы, какъ онъ самъ это иѣсколько разъ подчеркиваетъ, касаются только небольшаго уголка Полтавщины, всего 13-ти волостей изъ 20, составляющіхъ теперешній полтавскій уѣздъ. На этомъ пространствѣ во всѣхъ селахъ, деревняхъ и хуторахъ насчитывалось 4,585 посполитскихъ дворовъ и бездворныхъ хатъ, въ которыхъ жило 34,403 души обоего пола. Изъ нихъ немнога больше половины (16,936 д.) приходилось на долю взрослыхъ мужчинъ и женщинъ (отъ 15—60 лѣтъ); немнога меньше половины (15,528 душъ)—на долю дѣтей и подростковъ (до 15 лѣтъ), а около $\frac{1}{17}$ (1,946 чел.) составлялиувѣчные, больные, старые и вообще люди, къ работѣ неспособные. Во владѣніи ихъ находилось 24,453 десятины 910 кв. саж. пахатной, сѣнокосной и впustѣ лежащей земли, изъ которой 12,307 дес. 1,629 кв. саж. было пахатной, 8667 дес. 680 кв. саж. сѣнокосной и 3,478 дес. 1001 кв. саж.—лежащей впustѣ земли. Сюда вошла, впрочемъ, только земля, находившаяся въ подворномъ пользованіи; общиная же земля, которая, судя по актамъ, существовала въ Полтавщинѣ, въ расчетъ взята не была. Земля распредѣлялась между населеніемъ такимъ образомъ, что землю имѣло 2400 дворовъ, или 52,32%, безземельныхъ же было 2185, или 47,68%, при чёмъ

имѣющихъ пахатную, сѣнокосную и лѣсную землю было	12,04%
пахатную и сѣнокосную	11,45%
пахатную и лѣсную	11,12%
сѣнокосную и лѣсную	0,67%
только пахатную	13,45%
сѣнокосную	1,39%
лѣсную.	2,20%

На одинъ дворъ среднимъ числомъ приходилось 5,31 дес. земли всѣхъ разрядовъ, причемъ было 2,68 дес. пахоти и 1,88 дес. сѣнокосу. Что касается скота, то, по вычисленію В. А. Мякотина, на каждое хозяйство, въ среднемъ, приходилось 2,15 тогдашняго рабочаго скота и 3 нерабочаго.

Цифры эти не даютъ точнаго представленія о положеніи крестьянства въ 1767 году. На пространствѣ тѣхъ волостей Полтавскаго уѣзда, которыя подверглись изслѣдованію В. А. Мякотина, жило четыре разряда крестьянъ: ранговая, магистратская, монастырская и частновладѣльческая, и всѣ они не представляли вполнѣ однороднаго цѣлага. Авторъ, поэтому, изслѣдуетъ положеніе каждого раз-

ряда отдельно. Мы не можемъ, конечно, слѣдить за всѣми прѣемами, къ какимъ прибѣгаетъ онъ для того, чтобы опредѣлить экономическое положеніе различныхъ крестьянъ. Это значило бы перепечатывать все изслѣдованіе В. А. Мякотина. Мы ограничимся сообщеніемъ выводовъ, къ которымъ пришелъ авторъ. Напередъ только познакомимся съ общимъ планомъ, по которому произведено его изслѣдованіе.

Авторъ начинаетъ его съ крестьянъ ранговыхъ, переходить затѣмъ къ магистратскимъ, монастырскимъ и, наконецъ, частновладѣльческимъ. Сначала онъ указываетъ общее количество дворовъ и живущихъ въ нихъ крестьянъ одного разряда; затѣмъ — количество десятинъ земли, находившейся въ ихъ владѣніи вообще, и количество отдѣльныхъ угодій — пахати, сѣнокоса и земли, лежащей впустѣ; далѣе слѣдуетъ вычисление средняго числа десятинъ земли, приходящейся на одинъ дворъ, съ подраздѣленіями затѣмъ по угодіямъ. Желая точнѣе опредѣлить земельную состоятельность отдѣльныхъ группъ, авторъ не ограничивается средними цифрами, которыхъ, по его словамъ, «способны выражать только самое грубое представление объ явленіи»¹⁾. Онъ составляетъ особыя таблицы, въ которыхъ въ процентныхъ отношеніяхъ указываетъ количество дворовъ, имѣющихъ пахать, сѣнокосъ и лѣсь; пахать и сѣнокосъ; пахать и лѣсь; лѣсь и сѣнокосъ; только пахать; только сѣнокосъ и только лѣсь. Затѣмъ въ процентныхъ отношеніяхъ опредѣляется количество всѣхъ дворовъ, имѣющихъ землю и безземельныхъ. Таблицы авторъ сопровождаетъ своими поясненіями.

Желая дать возможность произвести сравненіе прошлаго съ настоящимъ — работу, за которую не могъ взяться В. А. Мякотинъ, онъ комбинируетъ цифры, касающіяся крестьянскаго землевладѣнія, въ таблицы, принятые въ полтавской земельной статистикѣ, т. е. старается опредѣлить количество разнаго вида угодій на дворъ имѣющій меныше десятины земли, затѣмъ имѣющій земли до 1 дес., отъ 1—2, отъ 2—3, отъ 3—6, отъ 6—9, отъ 9 до 16, отъ 16 до 20; отъ 20 до 60 и отъ 60 и болѣе.

Количество скота у каждого разряда крестьянъ вычисляется по такой программѣ. Опредѣляется сначала общее количество рабочаго скота и отдѣльныхъ его видовъ; затѣмъ такимъ же образомъ — скота нерабочаго, причемъ указывается, сколько среднимъ числомъ

¹⁾ Сборникъ, стр. 160.

приходится на одинъ дворъ какъ общаго количества скота, такъ и отдельныхъ его видовъ. Всѣ даннныя относительно рабочаго скота скомбинированы затѣмъ въ двѣ таблицы, одна изъ которыхъ «представляетъ отношеніе между собой хозяйствъ по числу дѣйствительнаго рабочаго скота въ эпоху Румянцевской Описи, т. е. воловъ и лошадей; вторая составлена по образцу современныхъ таблицъ, гдѣ въ рабочій скотъ зачислены и коровы, которыя въ 18 вѣкѣ не принадлежали къ таковому»¹⁾. Первая таблица, такимъ образомъ, указываетъ количество дворовъ въ %, че имѣющихъ совсѣмъ рабочаго скота; имѣющихъ 1 штуку, 2, 3, 4—5, 6—11, 11 и болѣе штукъ. Вторая подраздѣляется на три части. Сначала указанъ % безъ всякаго скота; только съ овцами, козами и свиньями; съ рабочимъ скотомъ. Затѣмъ—съ 1 лошадью, воломъ и коровой. Наконецъ съ 2, 3, 4—8, 6—10, 11 и болѣе штукъ.

Въ заключеніе обзора цифры, касающіяся отдельнаго разряда крестьянъ, даются свѣдѣнія и объ ихъ повинностяхъ, по сколько они содержатся въ «табели». Свѣдѣнія эти, впрочемъ, далеко не полны, такъ какъ о повинностяхъ, напримѣръ, частновладѣльческихъ крестьянъ въ «табели» никакихъ данныхъ не содержится²⁾.

Изслѣдуя цифры, относящіяся къ различнымъ разрядамъ крестьянъ, В. А. Мякотинъ приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Количество безземельныхъ и имѣющихъ землю у разныхъ разрядовъ крестьянъ было далеко не одинаково и постоянно колебалось. У ранговыхъ безземельныхъ было 31,85%; и имѣющихъ землю 68,15% у магистратскихъ—43,85 и 56,15 у монастырскихъ 62,86 и 37,14; наконецъ у частновладѣльческихъ³⁾ въ крупныхъ имѣніяхъ—38,96 и 61,04 и въ мелкихъ 85,57 и 14,63. Что касается количества скота, то у ранговыхъ крестьянъ $\frac{1}{7}$ лишена всѣхъ орудий самостоятельного хозяйства, земли и скота: почти $\frac{1}{3}$ че имѣеть рабочаго скота и $\frac{1}{5}$ обходится безъ крупнаго скота, хотя изъ всѣхъ группъ выдѣляется все таки средне-состоятельная, владѣющая отъ 2—5 штукъ скота; на долю ея выпадаетъ около 48%⁴⁾. У магистратскихъ крестьянъ отношенія складываются уже менѣе благопрі-

¹⁾ Сборникъ, стр. 162.

²⁾ Сборникъ, стр. 179.

³⁾ Частновладѣльческихъ крестьянъ В. А. Мякотинъ рассматриваетъ отдельно въ крупныхъ и мелкихъ владѣніяхъ, потому что положеніе ихъ далеко не было одинаковымъ.

⁴⁾ Сборникъ, стр. 163.

ятно, и хотя средняя группа продолжает сохранять свой перевесъ по онъ уже не великъ; группа многоскотныхъ едва меньше группы вовсе не имѣющихъ скота¹⁾). Къ положенію магистратскихъ въ отношеніи скота близки и крестьяне монастырскіе. И у нихъ хотя группа съ среднимъ количествомъ скота преобладаетъ (49%), но зато «мы наблюдаемъ увеличеніе группы хозяйствъ безъ рабочаго скота и уменьшеніе многоскотной группы, не перевѣшиваемое уменьшеніемъ числа хозяйствъ съ малымъ количествомъ скота»²⁾). У частновладѣльческихъ крестьянъ, жившихъ въ крупныхъ имѣніяхъ, группа средне-состоятельныхъ немного болѣе 51%, около 1/6 дворовъ не имѣть вовсе скота, равно какъ и земли, слѣдовательно, не могутъ вести самостоятельнаго хозяйства; немного болѣе 1/4 дворовъ не имѣть рабочаго скота³⁾). Что касается крестьянъ въ мелкихъ владѣніяхъ, то 1/4 общаго числа не имѣла никакого скота, болѣе половины не имѣла ни земли, ни рабочаго скота. Положеніе ихъ, такимъ образомъ, стояло на самой шаткой ступени благосостоянія, такъ какъ почти 3/4 крестьянъ не имѣло скота, слѣдовательно, не могло вести и самостоятельного хозяйства⁴⁾.

Сравнивая данные, относящіяся ко всѣмъ четыремъ группамъ крестьянства, жившаго на изслѣдуемой территории, В. А. Мицкевичъ приходитъ къ тому заключенію, что «положеніе полтавскаго крестьянства, судя по «табели», далеко не было во второй половинѣ прошлаго вѣка, вполнѣ обезпеченнымъ, скорѣе напротивъ»⁵⁾. «Мы будемъ весьма не далеки отъ истины, говоритъ онъ далѣе, если выражимъ послѣдній итогъ въ такой грубо отчетливой формѣ: третью крестьянскаго населенія не располагала средствами самостоятельного хозяйства, половина его въ смыслѣ размѣра этихъ средствъ составляла среднюю группу, а остальная часть распределѣлась между бѣдными и богатыми хозяйствами съ рѣшительными преобладаніями первыхъ; въ самой средней группѣ наиболѣе видную часть ея представляли, наконецъ, хозяйства съ наименѣшими средствами».

Эта общая картина значительно, вирочемъ, разнообразится, смотря по тому, съ какого рода владѣніями имѣемъ дѣло. Въ по-

¹⁾ Ibid., 166.

²⁾ Ibid., 170.

³⁾ Сборникъ стр. 178.

⁴⁾ Ibidem, стр. 183.

⁵⁾ Ibid., стр. 183 Выводъ, такимъ образомъ, говорящій противъ обобщенія П. П. Червинскаго и его критиковъ и подтверждающій миѣшіе проф. И. В. Лучицкаго.

рядкъ постепенаго уменьшения хозяйственныхъ средствъ крестьянъ владѣнія эти могутъ быть расположены слѣдующимъ образомъ: первое мѣсто займутъ ранговыя имѣнія, гдѣ хозяйство посполитыхъ стояло на наиболѣе высокой ступени обезпеченности, затѣмъ частно-владѣльческія крупныя имѣнія, потомъ магистратскія, за ними монастырскія и, наконецъ, мелкія частновладѣльческія, въ которыхъ положеніе посполитыхъ представлялось въ наиболѣе мрачномъ свѣтѣ»¹⁾.

Таковы общіе выводы. Обращаемся къ ихъ оцѣнкѣ. Самъ В. А. Мякотинъ придаетъ имъ только весьма узкое значеніе. «Не только наше изслѣдованіе, говоритъ онъ, носило чисто описательный характеръ, но и описание это захватывало въ свои предѣлы лишь нѣкоторыя стороны хозяйственной группы населенія: въ него не вошелъ цѣлый рядъ другихъ сторонъ, въ видѣ различного рода промысловъ, ремесль и т. д., обслѣдованіе которыхъ было бы, однако, необходимо для полученія полнаго вывода». Выводы касались затѣмъ только $\frac{1}{40}$ части гетманской Малороссіи, а потому обобщать ихъ на всю Малороссію «является совершенно невозможнымъ». Тѣмъ не менѣе «значеніе собранныхъ фактовъ врядъ ли ограничивается простымъ констатированіемъ ряда явлений. Эти факты все же бросаютъ нѣкоторый, хотя слабый, и далеко еще недостаточный, ретроспективный свѣтъ на предшествовавшую исторію, они хоть немного разясняютъ смыслъ нѣкоторыхъ общественныхъ процессовъ въ исторіи малорусского землевладѣнія за 18 вѣкъ, въ родѣ перехода ранговыхъ сель въ частное владѣнія или скупки владѣльцами казацкихъ и посполитскихъ земель, выражая отчасти тѣ реальные измѣненія народной жизни, какія связаны были съ этими процессами»²⁾.

Вполнѣ соглашаясь съ В. А. Мякотинымъ относительно значенія произведенаго имъ описанія и находя даже, что онъ нѣсколько съузилъ это значеніе, мы въ тоже время не можемъ обойти молчаніемъ важнаго вопроса о качествѣ цифровыхъ данныхъ, которыми располагалъ авторъ. Вѣроятно, условія появленія его статьи въ «Сборникѣ», назначенному для распространенія въ большомъ, а не специальному кругу, было причиной тому, что авторъ не затронулъ этого вопроса, а между тѣмъ выслушать его мнѣніе по этому поводу было бы въ высшей степени интересно: В. А. Мякотиль въ

¹⁾ Сборникъ, стр. 185.

²⁾ Сборникъ стр. 185

настоящее время является, несомнѣнно, лучшимъ знатокомъ Румянцевской Описи, ея достоинствъ и недостатковъ; онъ лучше, чѣмъ кто другой, можетъ и оцѣнить этотъ источникъ для изученія прошлой жизни малорусского народа. Если мы, поэтому, возбуждаемъ вопросъ о качествѣ цифровыхъ данныхъ, то только потому, чтобы вызвать автора дать отвѣтъ на интересующій насъ вопросъ, въ виду, во первыхъ, правильной оцѣнки читателями фактическаго материала, легшаго въ основу статьи «Крестьянское землевладѣніе въ Полтавскомъ уѣздѣ въ 1767 г.» и выводовъ изъ этого материала; во вторыхъ, въ виду вообще болѣе правильнаго, критического и осторожнаго отношенія къ данными Румянцевской Описи при дальнѣйшей ея разработкѣ лицами, менѣе подготовленными къ этому дѣлу, не изучившими, какъ В. А. Мякотинъ, всей Описи съ ея характерными особенностями. Нельзя, вѣдь, глубоко не сочувствовать призыву В. А. Мякотина, обращенному къ кievской университетской молодежи, взяться за разработку громаднаго и разнообразнаго материала, относящагося къ прошлымъ судьбамъ Малороссіи а среди этого материала Румянцевская Опись занимаетъ одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ.

Большая или меньшая точность цифръ зависитъ прежде всего отъ тѣхъ условій, при которыхъ происходитъ описание. Румянцевская Опись была составлена по слѣдующему поводу. Съ увольненіемъ въ ноябрѣ 1764 года Разумовскаго, управление Малороссіею поручено И. А. Румянцеву. Весною 1765 года новый администраторъ прибылъ въ Малороссію и прежде всего лѣтомъ того же года занялся личнымъ осмотромъ края, чтобы выяснить его положеніе¹). Результатомъ этого осмотра явилось распоряженіе о производствѣ ревизіи, съ цѣлью привести въ извѣстность экономическое состояніе края. 7 сентября малороссійская коллегія получила предложеніе, какъ писать въ своихъ запискахъ Як. Марковичъ: «описать всѣ земли и перемѣрить ихъ во всей Малой Россіи квадратными саженями; также магистраты и составить списокъ вписавшихся въ оныхъ (съ имѣніемъ, имъ на рангъ принадлежавшихъ) въ козаки и чиновники, и сверхъ того составить списки козаковъ и всѣхъ вообще мужска и женска пола, и первыхъ, т. е. козаковъ, съ показаніемъ возраста, лѣтъ и болѣзней²). Графъ Румянцевъ, пишетъ тотъ же Як. Марковичъ

¹) Записки Як. Марковича (1-е изданіе) т. II, стр. 397.

²) Записки Якова Марковича т. II, стр. 398.

подъ 7 октября, предложилъ коллегії послать по штабъ-офицеру и одного изъ старшины полковой, или бунчукового товарища, во всякой полкъ, переписать всѣхъ мужеска и женска пола, а козаковъ съ лѣтами и примѣтами, равно и для перемѣра всѣхъ земель. Другое же предложеніе: описать всѣ дворы и бездворныя хаты и со всякой хаты брать по рублю для консистентовъ, а фуражемъ и провантономъ уже не брать»¹⁾). 7-же октября была издана и инструкція для ревизоровъ, въ которой излагалось, что и какъ переписывать²⁾.

Перепись эта, говорить «Історія Руссовъ» «какъ въ своеі родѣ, такъ и способѣ ея произведенія, была новость необыкновенная. Коммісіонерами къ тому наряжены въ каждый повѣтъ штабъ, оберъ и унтеръ-офицеры со многими писарями и рядовыми изъ великороссійскихъ консистующихъ полковъ и гарнизоновъ, кои, знавъ только строить и ранжировать солдатъ и ихъ школить, поступали по тѣмъ правиламъ и съ поселянами. Въ каждомъ селеніи выгоняли народъ изъ жилищъ его на улицы, необходя никого, и даже самыхъ ссущихъ младенцевъ, строили ихъ ширенгами и держали такъ на всякихъ погодахъ, въ ожиданіи прохода по улицамъ главныхъ коммісіонеровъ, кои, дѣлая имъ перекличку, замѣчали каждого на грудяхъ крейдою и угольями, чтобы съ другими не замѣшался. Скотъ обывательскій, держанный вмѣстѣ при своихъ хозяевахъ, также пересмотрѣнъ и переписанъ, яко значущій имъніе хозяевъ. Ревъ скотскій и плачъ младенцевъ издали возвѣщали о приближеніи къ нимъ коммісіонеровъ со многочисленною ассистенцією. Послѣ людей и скотовъ принимались и за помѣщиковъ и владѣльцевъ. Отъ нихъ требованы были крѣпости и доказательства на владѣнія помѣстьями и землями»³⁾). Такимъ образомъ происходила Румянцевская перепись, если только авторъ, вообще относящейся неблагосклонно къ новымъ румянцевскимъ порядкамъ, не слишкомъ склонилъ краски.

Вопросъ теперь въ томъ, на сколько принимаемыя при переписи мѣры гарантировали правильность собираемыхъ свѣдѣній? Отвѣтъ на это должно, конечно, дать ближайшее критическое изученіе Румянцевской описи, какъ исторического источника. Здѣсь мы

¹⁾ Ibidem стр. 399.

²⁾ А. М. Лазаревский Обозрѣніе Румянцевской Описи вып. 1-й стр., 4—12 ею же Малороссійские пословитые крестьяне стр. 123—129.

³⁾ Исторія Руссовъ М. 1846 г., стр. 256—257.

отмѣтимъ одинъ фактъ, заставляющій насъ съ большою осторожностью относиться къ точности цифръ Описи.

Русскій, а затѣмъ и малорусскій народъ всегда съ большой подозрительностью относился къ ревизіямъ. Причины этому вполнѣ понятны. Ревизія въ Россіи предпринимались съ фискальными цѣлями, и разъ начиналась ревизія, народъ напередъ ждалъ уже и новаго обложенія, новыхъ налоговъ и, поэтому, боялся ревизіи. Отголосокъ такой болезни въ Малороссіи при Румянцевской описи мы видимъ уже въ инструкціи ревизорамъ, въ одномъ изъ пунктовъ которой требуется, чтобы всѣ «все то объявляли, что ведать при семъ отъ нихъ требуется, *безъ всякою и еспѣхъ лжесивыхъ воображеній какова либо отягощенія*¹⁾. Того же числа, когда была издана инструкція ревизорамъ, былъ данъ и «ордеръ нижегородскаго карабинернаго полку господину примерь—маиору Голенищеву—Кутузову,» командированному въ нѣжинскій полкъ для производства переписи. Въ ордѣрѣ этомъ Румянцевъ писалъ, между прочимъ: «изволите сами всемъ и всякому, а особо простова народу людямъ, толковать что сие все дѣлается единственno, дабы освободить ихъ отъ неуимѣренныхъ, по вернымъ, дошедшimъ и сказавшимся справедливымъ жалобамъ, отъ старшинъ отягощеній²⁾. Если требовались эти разъясненія, если употреблялись затѣмъ угрозы—значитъ, были и причины къ этому, лежавшія въ недовѣріи народа къ ревизіямъ вообще. Трудно думать, чтобы ревизорамъ удалось пробѣдить это недовѣріе, а если имъ удавалось, то, конечно, не вездѣ. Народъ могъ скрывать точныя свѣдѣнія, а потому цифровыя данные могутъ быть, думается намъ, приняты только съ извѣстнымъ приближеніемъ къ истиннымъ данными, различающимъ, конечно, по мѣстностямъ. Такъ думаемъ мы, по крайней мѣрѣ, a priori. Если наши соображенія вѣрны, то можно пожалѣть, что В. А. Мякотинъ не высказалъ, какъ онъ склоненъ смотрѣть на достовѣрность цифръ, легшихъ въ основу его изслѣдованія?

Затѣмъ возникаетъ вопросъ относительно количества земли, указанного въ «табели,» которой пользовался авторъ. Земля указана тамъ въ десятинахъ и квадратныхъ сажняхъ. Какимъ образомъ добыты эти свѣдѣнія? Трудно думать, чтобы земля перемѣри-

¹⁾) *Ак. Лазаревскій* Малороссійськіе посполитые крестьяне стр. 128 *ето же* Обозрѣніе Румянцевской Описи, вып. 1-й стр. 10.

²⁾ *Ак. Лазаревскій* Малоросс. посполит. крестьяне стр. 129—120.

валась¹⁾, хотя Румянцевъ, повидимому, и хотѣлъ этого²⁾. Вѣроятно, площадь вычислялась или приблизительно, или по количеству посѣва. Насколько можно довѣрять этимъ вычисленіямъ? На сколько затѣмъ можно вѣрить свѣдѣніямъ Описи вообще и «табели» въ частности относительно скота, повинностей? Относительно послѣднихъ В. А. Мякотинъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: имѣюще, впрочемъ, болѣе широкое значеніе: «частные владѣльцы въ дѣлѣ доставленія свѣдѣній о своихъ имѣніяхъ не были такъ упрымы, какъ монастыри, которые въ первое время составленія описи навлекали было на себя даже кары за упорные отказы сообщить требуемыхъ свѣдѣній, но всѣстѣ съ тѣмъ они оказались и болѣе стойкими, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ одному пункту программы, почти ничего не передавъ ревизорамъ насчетъ новинностей, отбывавшихся крестьянами въ пользу помѣщиковъ³⁾. Если дѣло обстояло такимъ образомъ, то этимъ только лишній разъ подтверждается необходимость указать степень достовѣрности какъ цифръ «табели», такъ и выводовъ изъ нихъ.

Надѣемся, В. А. Мякотинъ не постыгаетъ на насъ за наши замѣчанія, которыхъ ничуть не уменьшаетъ достоинства его замѣчательного труда. Изслѣдованіе г. Мякотина является первой попыткой серьезного изслѣдованія статистической части Румянцевской Описи, притомъ попыткой, сопровождающейся всѣми строго-научными приемами, а потому могущей служить образцемъ, какъ нужно производить подобного рода изслѣдованія. Отъ всей души желаемъ автору дальнѣйшаго продолженія его работъ.

Въ заключеніе два слова относительно одного важнаго вопроса, затронутаго В. А. Мякотинымъ какъ бы мимоходомъ, вопроса о скupлѣ козачьихъ и посполитскихъ земель малороссійской старшиной. Говоря о способахъ образованія крупныхъ владѣній, авторъ указываетъ, между прочимъ, и на скуплю, отводя ей видное мѣсто въ этомъ процессѣ. «Всѣ мѣры, принимавшіяся центральнымъ правительствомъ для остановки этого процесса, не приносили съ собой никакого прочнаго результата.» Авторъ не склоненъ видѣть «единственную причину безплодности этихъ мѣроопріятій правительства

¹⁾ Сборн. Рус. Ист. Общ. т. 68 стр. 140 § 8.

²⁾ Ад. Лазаревскій. Обозрѣніе Румянц. Описи вып. 1-й стр. 7 § 7 *ко-же* Малор. посполитые крестьяне стр. 125 и 130.

³⁾ Сборникъ стр. 179.

въ томъ обстоятельствѣ, что заботиться объ ихъ исполненіи должны были люди, заинтересованные какъ разъ въ противоположномъ (мнѣніе А. М. Лазаревскаго)¹). Факты подсказываютъ другую причину—экономическую; они «довольно недвусмысленно намекаютъ на отсутствіе соотвѣтствія между средствами крестьянскихъ хозяйствъ и лежавшими на ней платежами». Если бы получилась возможность установить такое несоотвѣтствіе, сущность процесса была бы уяснена; было бы и понятно, почему старшина, какъ классъ капиталистовъ, сыгралъ такую крупную роль въ малорусской исторіи.

Мы вполнѣ согласны съ мнѣніемъ, высказаннымъ В. А. Мякотиннымъ, и могли бы, съ своей стороны, привести массу указаній въ актахъ, гдѣ земля продавалась или находившаяся въ залогѣ, «въ заставѣ», или «по причинѣ крайняго нынѣ въ хлѣбѣ недороду» или «за крайнимъ убожествомъ». Намъ кажется, что вопросъ о скуплѣ тѣсно связанъ съ двумя другими центральными, если такъ можно выразиться, вопросами малорусской исторіи—вопросомъ о причинахъ обѣднѣнія малорусского народа вообще и затѣмъ образованія группы капиталистовъ въ Малороссіи XVII и XVIII вѣковъ. Борьбою этихъ группъ на почвѣ экономической и политической, борьбою часто не кровавою, а «мирною», можетъ быть, въ значительной мѣрѣ, былъ бы объясненъ характеръ и ходъ малорусской исторіи послѣ Богдана Хмельницкаго. Правда, вопросъ этотъ очень сложенъ, какъ и всѣ, впрочемъ, центральные важные вопросы и требуетъ еще много предварительныхъ изысканій; но въ виду-то его важности и желательно, чтобы онъ привлекъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей. Наблюдателю надъ малорусской исторіей XVII и XVIII в. бросаются въ глаза нѣкоторыя причины, которые должны были неизбѣжно вліять на обѣднѣніе, напр., малорусского народа. На одинъ изъ нихъ—постоянныя войны, опустошившія Малороссію и не дававшія возможности установиться извѣстному нормальному порядку въ ней,—и затѣмъ на переселенія съ праваго берега Днѣпра бездомнаго, неспособнаго вести самостоятельное хозяйство люда—указалъ В. А. Мякотинъ въ другомъ мѣстѣ²). Желательно было бы точнѣе выяснить вліяніе этихъ причинъ на увеличеніе числа лицъ слабыхъ экономически; равно какъ влія-

¹⁾ Сборникъ стр. 173.

²⁾ В. А. Мякотинъ. Прікрайсленіе крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVII столѣтіи Рус. Богат. 1895 г. февраль, стр. 37.

ніє и неравномѣрности распределенія платежей и повинностей осо-
бенно въ концѣ XVII и въ XVIII столѣтіи, повинностей, на которыхъ
сыпалось столько жалобъ, и тяжесть которыхъ юсвено констати-
ровало и русское правительство. Стихійни условия—памятные
голодные годы, на которые указываютъ документы, также по-
видимому, не оставались безъ соответствующаго вліянія на
уменьшеніе экономической обезпеченности малорусскаго народа. На
этой почвѣ материальной необеспеченности, думается намъ, и могло
только развиться явленіе «скупли» и вмѣстѣ съ тѣмъ злоупотреб-
леній старшины. Если бы подтвердились наши соображенія, тогда
злоупотребленія эти въ экономической и политической жизни мало-
русскаго народа явились, можетъ быть, явленіемъ производнымъ, но
ужъ никакъ не кореннымъ. Пока, конечно, нельзя дѣлать въ этомъ
отношениі никакихъ выводовъ; можно только желать, чтобы мало-
русская исторія привлекала къ себѣ больше изслѣдователей и чтобы
многие вопросы детальнаго свойства, касающіеся экономической, юри-
дической и бытовой жизни малорусскаго народа, обратили на себя вни-
маніе большаго лицъ, желающихъ посвятить себя научной дѣятельно-
сти. Мы, поэтому, еще разъ искренно присоединяемъ къ призыву В. А.
Макотина, обращенному къ студентамъ того университета, въ пользу
недостаточныхъ питомцевъ котораго изданъ «Сборникъ»—посвятить
свои научныя силы разработкѣ исторической жизни малорусскаго
народа, гдѣ «еще цѣлая область представляется намъ въ неясныхъ
и случайныхъ очертаніяхъ» (Сборникъ стр. 185).

Ник. Василенко.

**Харьковскій коллегіумъ до преобразованія его въ 1817 году.
Священника Н. Стelleцкаго. Харьковъ 1895 года. Ц. 1 руб.
съ пер.**

Харьковскій коллегіумъ былъ однімъ изъ самыхъ лучшихъ и
во многихъ отношеніяхъ замѣчательныхъ учебныхъ заведеній Россіи
въ течепіи большей половины прошлаго столѣтія, когда онъ по-истинѣ
служилъ высшимъ просвѣтительнымъ центромъ для всей обширной
Слободской Україны. Основанный въ 1726 году бѣлгородскимъ епи-
скопомъ Епифаніемъ Тихорскимъ (1722—1731 г.), при содѣйствії
известнаго мецената, правителя бѣлгородской провинціи, князя М. М.
Голицына, Харьковскій коллегіумъ, пользовясь общими симпатіями

слободского дворянства, весьма быстро пошелъ по пути развитія и совершенствованій. Устроенные по образцу кіевской академіи, харьковскія славяно-греко-латинскія школы, какъ назывался въ началѣ своего существованія Харьковскій коллегіумъ, не больше, какъ черезъ пять лѣтъ послѣ своего основанія, сдѣлались извѣстными далеко за предѣлами Слободской Украины и удостоились получить одобрение за свою просвѣтительную дѣятельность на пользу не только мѣстнаго края, но и всего вообще русскаго государства съ высоты императорскаго престола. Грамотою отъ 16 марта 1731 года императрица Анна Ioанновна утвердила харьковскія славяно-греко-латинскія школы, какъ училище *всесословное, русское и православное*. «Учить», говорилось въ этой граммотѣ, «*всякаго народа и званія дѣтей православныхъ, не только пітишки, риторики, но и философіи, и богословія славяно-греческимъ и латинскимъ языки, также стараться, чтобы такія науки вводить на собственномъ россійскомъ языке и преподавать учение съ усердіемъ и тщаніемъ, ревностю и радѣніемъ, отнюдь не отлучаясь ни въ чёмъ святыхъ восточныхъ церкви исповѣданіемъ*». Такимъ образомъ, правительство возлагало на харьковскія славяно-греко-литовскія школы высокую и отвѣтственную задачу— быть разсадникомъ просвѣщенія для людей всѣхъ званій и сословій, на русскомъ языке и въ духѣ православной церкви. Соответственно такому своему назначенію, харьковскія славяно-греко-латинскія школы, какъ общеобразовательное и общесословное учебное заведеніе, усвоили себѣ скоро имя коллегіума и внесли нѣкоторыя перемѣны въ самую учебную программу свою. При архіеп. Петрѣ Смѣличѣ (1736—1742 г.) въ Харьковскомъ коллегіумѣ было введено преподаваніе математики и исторіи, а также французскаго и нѣмецкаго языка, для чего нарочито были вызваны изъ-за границы особые учителя и были выписаны необходимые французскіе инструменты и книги. Введеніе преподаванія сейчасъ означенныхъ наукъ въ Харьковскомъ коллегіумѣ придавало реальный характеръ коллегіумскому образованію, что сдѣлало коллегіумъ еще болѣе спіптичнымъ въ глазахъ начальства и слободского дворянства. Теперь Харьковскій коллегіумъ получилъ характеръ, дѣйствительно, общеобразовательного учебнаго заведеній, а не специально духовной семинаріи, и потому мѣстные дворяне съ великою охотою отдавали сюда своихъ дѣтей для обученія. Какъ высоко стоялъ тогда Харьковскій коллегіумъ въ глазахъ высшаго начальства, можно видѣть пзъ слѣдующаго факта. Когда въ 1739 году архіеп. Петръ перевелъ, еслѣдствіе свирѣпство-

вавшій тогоди въ Харківѣ холерної епідемії, колегіумъ въ свою архієрейську слободу Грайворонъ и выражалъ намѣреніе оставить его на-всегда, то св. Синодъ безусловно запретилъ ему это, причемъ въ синодальному указѣ на имя преосв. Петра говорилось: «тако-вымъ знатнымъ училищамъ въ селяхъ быть весьма неприлично, а нашаче *єнішинихъ странъ* имѣеть быть не безъ заурядія». Изъ по-слѣдніхъ словъ сподального указа видно, что Харківскій колегіумъ уже въ то время былъ хорошо извѣстенъ за границей. Вскорѣ послѣ того высшее начальство, вѣроятно, для того, чтобы еще болѣе воз-высить значеніе Харківскаго коллегіума и усилить его просвѣти-тельное вліяніе на окружное населеніе, подчинило ему всѣ осталъ-ныя духовно-учебныя заведенія бѣлгородско-обоянскій епархіи и строжайше предписало (19 ноября 1742 г.) епархіальному начальству внимательно слѣдить за тѣмъ, чтобы воспитанники этихъ заведеній непремѣнно поступали въ Харківскій колегіумъ для довершенія своего образованія. Теперь Харківскій колегіумъ сдѣлался высшимъ центральнымъ учебнымъ заведеніемъ бѣлгородско-обоянской епархіи, своимъ объемомъ значительно превосходившей Слободскую Україну,— своего рода академіею обширной епархіи. И, дѣйствительно, Харківскому коллегіуму въ это время было усвоено название академіи, которое едва-ли было простымъ почетнымъ титуломъ, а, должно думать, соотвѣтствовало дѣйствительному положенію коллегіума въ ряду другихъ учебныхъ заведеній и означало пѣкоторыя перемѣны въ самомъ устройствѣ его. Харківская, или, какъ она иногда назы-валась, Тихорѣціанская академія вполнѣ оправдывала то вниманіе и тѣ надежды, какія возлагались на нее высшимъ правительствомъ. Въ глазахъ этого послѣдняго Харківскій колегіумъ былъ однимъ изъ самыхъ лучшихъ учебныхъ заведеній во всей Россіи. Даже такая просвѣщенная государыня, какъ императрица Екатерина II, весьма высоко цѣнила заслуги Харківскаго колегіума на пользу русскаго просвѣщепія. Она сдѣлала распоряженіе еще болѣе расширить кругъ коллегіумскаго образованія введеніемъ въ учебный курсъ коллегіума, геометріи, рисованія, инженерства, артиллеріи и геодезіи на что въ 1765 г было ассигновано єю 3000 руб. А черезъ три года послѣ того, по ея же приказанію, были открыты при коллегіумѣ особые «прібавочные классы» для специального преподаванія сейчасъ озна-ченныхъ и иѣкоторыхъ другихъ (наир., італіянскаго языка) свѣт-скихъ предметовъ. Въ это же время при Харківскомъ коллегіумѣ была открыта особая кафедра «російской элоквенціи и поэзіи» и

выработана определенная программа для преподавания всехъ вообще предметовъ. Это была пора высшаго процвѣтанія Харьковскаго коллегіума. Вскорѣ послѣ того онъ начинаетъ постепенно падать и терять свое прежнее значеніе общеобразовательнаго высшаго учебнаго заведенія. Къ концу прошедшаго столѣтія Харьковскій коллегіумъ совершенно лишился своего прежняго высшаго положенія и сдѣлался обыкновенною епархіальною семинарію. Поэтому, архієп. Феоктистъ распорядился (25 мая 1790 года) замѣнить прежнее название Харьковскаго коллегіума скромнымъ именемъ Харьковской семинаріи. И хотя вскорѣ затѣмъ Харьковская семинарія снова присвоила себѣ прежнее почетное название коллегіума, но это послѣднєе название ничего не выражало: Харьковскій коллегіумъ окончательно и на-всегда сдѣлался обыкновенною среднею школою духовно-учебнаго вѣдомства. Главною причиной упадка Харьковскаго коллегіума было сокращеніе материальныx средствъ его. Съ самаго начала своего существованія Харьковскій коллегіумъ владѣлъ весьма значительными материальными средствами—такими, какихъ не имѣла ни одна изъ существовавшихъ тогда русскихъ школъ. Кроме обыкновенныхъ сборовъ съ доходовъ церквей и монастырей, Харьковскій коллегіумъ владѣлъ весьма значительными вотчинами, какія отчасти были приписаны къ нему фундаторомъ его, епископомъ Епифаніемъ Тихорскимъ, а отчасти были пожертвованы кн. М. М. Голицынымъ и другими дворянами Слободской Украины. Но въ 70-хъ годахъ и особенно въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія эти значительныя средства Харьковскаго коллегіума сократились. Наконецъ, въ 1787 г. всѣ вотчины Харьковскаго коллегіума, не исключая и пожертвованныхъ кн. Голицынымъ, были отобраны въ вѣдѣніе Государственнаго Казначейства, при чёмъ на всѣ духовныя школы бѣлградско-обоянскай епархіи была ассигнована штатная сумма въ количествѣ 2000 руб., изъ коихъ только половина должна была употребляться на содержаніе Харьковскаго коллегіума. Это и было причиною упадка Харьковскаго коллегіума.

Такова исторія Харьковскаго коллегіума и таково значеніе его въ исторіи русскаго просвѣщенія вообще и, въ частности, въ исторіи просвѣщенія Слободской Украины. Такому-то важному предмету посвящено сочиненіе священника Н. Стеллецкаго, заглавіе которого мы выписали выше и которое вышло въ самомъ концѣ прошедшаго года. Сочиненіе это не первый трудъ, посвященный исторіи Харьковскаго коллегіума. Исторія этого послѣднаго имѣеть уже сравнительно широкую литературу. Кроме многихъ журнальныхъ статей,

им'ються уже спеціальні монографії по історії Харківського колегіума, якими: 1) Очеркъ історії Харківського колегіума прот. Н. А. Солицева. (Хар. 1881 г.) и 2) Харківський колегіумъ, какъ просвѣтительный центръ Слободской Україны до учрежденія въ Харьковѣ университета, проф. А. С. Лебедева (М. 1886 г.). Правду сказать, намъ показался очень сдержанымъ отзывъ священника Н. Стelleцкаго объ этихъ трудахъ. Произведенія проф. Лебедева и прот. Солицева им'ють высшую цѣну. Особеннѣнъ цѣнность ихъ заключается въ томъ, что они составлены исключительно на основаніи архивнаго матеріала, собраны по мелкимъ крупицамъ. Послѣ указанія литературы предмета, священникъ Н. Стelleцкій говоритъ: «авторъ предлагаемаго труда одушевленъ желаніемъ восполнить указанный пробѣлъ въ нашей исторической литературѣ о харьковскомъ коллегіумѣ (стр. 3)». Весьма жаль, что авторъ не объясняетъ, какъ онъ понимаетъ то «восполненіе пробѣла въ исторической литературѣ о Харьковскомъ коллегіумѣ», какое онъ поставляетъ цѣллю своего труда. Судя по тому, что раньше (стр. 2) онъ скорбить отъ отсутствія у насъ «полнаго и обстоятельнаго изученія исторії Харьковского коллегіума, онъ свое восполненіе понимаетъ не въ смыслѣ простого систематическаго свода всего того, что известно въ нашей печатной литературѣ о Харьковскомъ коллегіумѣ, а въ смыслѣ именно «полнаго и обстоятельнаго изученія его исторіи». Но тогда рѣшительно необходимо было объяснить, какими новыми матеріалами пользовался авторъ «полнаго и обстоятельнаго» изученія, равно какъ справедливость требовала объяснить, въ чёмъ именно авторъ нового труда дополнилъ прежнія сочиненія по тому же предмету, признаны имъ им'ющими «крупные недочеты» (стр. 2). Изъ самаго сочиненія правда, видно, что священникъ Н. Стelleцкій въ видахъ составленія «полнаго и обстоятельнаго» очерка исторії Харьковского коллегіума занимался въ архивахъ св. Синода, Харьковской духовной Консисторії, Курской духовной Консисторії, Харьковскаго Покровскаго монастыря и Курскаго Знаменскаго монастыря и Харьковскаго коллегіума на дѣла и документы которыхъ онъ весьма часто ссылается въ своемъ сочиненіи. Кстати скажемъ здѣсь о нѣкоторыхъ, весьма оригинальныхъ особенностяхъ цитатъ, употребляемой авторомъ. У него встрѣчаются напр., подобныя цитаты: Архивъ духовной консисторії (см. соч. стр. 103 прим. 1; стр. 111 прим. 2; стр. 128 прим. 1; стр. 150 прим. 1; стр. 157 прим. 3; стр. 192 прим. 2 и мн. др.); архивъ Курской духовной консисторії (см. соч. стр. 135 прим. 1;

стр. 142 прим. 1; стр. 147 прим. 1), архивъ Курскаго Знаменскаго монастыря (стр. 166 прим. 1 и др.). Спрашивается: что можетъ означать общая ссылка на архивъ Харьковской или Курской духовной консисторіи, гдѣ находится нѣсколько сотъ тысячъ дѣлъ и гдѣ имѣется даже по нѣскольку описей этихъ дѣлъ? Сознаемся, что мы рѣшительно не понимаемъ ни цѣли, ни значенія подобныхъ цитатъ. Мы признаемъ даже совершенно безцѣльными, излишними и неточными цитаты автора въ родѣ, напр., слѣдующихъ: архивъ Харьковской духовной консисторіи 1806 г. (соч. стр. 27 прим. 1 ср. стр. 81 прим. 1; стр. 109 прим. 2 и весьма мн. др.), архивъ Харьковскаго Покровскаго монастыря 1807 г. (см. соч. стр. 65 прим. 1 и др.). Въ сочиненіи есть даже ссылки на несуществующіе архивы. Напр., въ нѣсколькихъ случаяхъ авторъ въ подтвержденіе своихъ положеній ссылается на архивъ Харьковскаго коллегіума (см. соч. стр. 95 прим. 1, стр. 85 прим. 1, гдѣ упоминается даже архивъ Харьковскаго духовнаго коллегіума). Было бы въ высшей степени любопытно слышать отъ автора, гдѣ помѣщается нынѣ архивъ харьковскаго коллегіума. Въ архивѣ харьковскаго семинарскаго правленія въ настоящее время видѣтся только самая маленькая связка бумажекъ, относящихся къ исторіи Харьковскаго коллегіума.

Кромѣ краткаго введенія, посвященнаго указанію литературы предмета, сочиненіе автора состоитъ изъ шести главъ, изъ коихъ въ первой (стр. 4—23) говорится объ основаніи и помѣщеніи Харьковскаго коллегіума, во второй (стр. 23—52) объ управлѣніи Харьковскаго коллегіума, начальникахъ, наставникахъ и питомцахъ его, въ третьей (стр. 52—84)—о средствахъ содержанія Харьковскаго коллегіума, въ четвертой (стр. 84—119)—о средствахъ содержанія учителей и учениковъ коллегіума, въ пятой (стр. 119—164)—о всесословномъ характерѣ Харьковскаго коллегіума и обязательности образованія въ немъ для дѣтей духовенства и въ шестой (стр. 164—219) объ учебно-воспитательной части въ харьковскомъ коллегіумѣ. Не споримъ, что распределеніе материала по главахъ зависитъ отъ усмотрѣнія самого автора и само по себѣ это распределеніе есть дѣло не важное. Однако же не скроемъ вѣкоторыхъ недоразумѣній нашихъ по поводу этого распределенія. Намъ напр., не понятно, почему авторъ отнесъ рѣчь о помѣщеніяхъ коллегіума къ первой главѣ, гдѣ говорить онъ объ основаніи коллегіума. Еще бы ничего, если бы авторъ говорилъ здѣсь о томъ именно помѣщеніи, какое было приобрѣтено для коллегіума при самомъ основаніи его. Но совершенно неумѣстно,

по нашему мнѣнію, здѣсь излагать исторію помѣщеній коллегіума до 1817 года, тѣмъ болѣе, что о ремонтѣ и содержаніи помѣщеній коллегіума авторъ говорить въ четвертой главѣ своего сочиненія (см. стр. 103—105). Затѣмъ намъ осталось совершенно непонятнымъ, почему авторъ отдалъ четвертую главу отъ третьей. Съ нашей точки зренія, эти главы должны составить одинъ трактатъ, такъ какъ въ обѣихъ говорится объ одномъ и томъ же предметѣ. Кроме того, заглавіе четвертой главы («средства содержанія учителей и учениковъ Харьковскаго коллегіума») намъ кажется и непонятнымъ, и не соответствующимъ содержанію главы, въ которой говорится собственно о бытѣ учителей и учениковъ коллегіума (стр. 83—102), ремонтѣ зданій, прислугѣ, о церкви и больницахъ коллегіума (стр. 102—105) о бытѣ квартирныхъ учениковъ коллегіума, о надзорѣ за ихъ поведеніемъ, зачисленіи за иными мѣстами по епархиальной службѣ, решети-торства и отпускѣ коллегіумистовъ на кондиціи (стр. 105—119), между тѣмъ какъ вопросъ о средствахъ (собственно объ источникахъ) содержанія учащихъ и учащихся былъ обстоятельно разсмотрѣнъ авторомъ въ предыдущей главѣ.

Въ сочиненіи священника Н. Стеллецкаго есть еще иѣкоторыя частности, могущія въ читателѣ, знакомомъ съ предметомъ излѣдо-ванія, вызывать сомнѣніи, или, по крайней мѣрѣ, недоразумѣнія и неудовлетворенность. Напр., авторъ признаетъ категорически, что постройкѣ для Харьковскаго коллегіума въ видѣ каменного двухъ-этажнаго дома было куплено преосвящ. Епифаніемъ Тихорскимъ и кн. М. М. Голицынымъ у полковника Шидловскаго. Въ свое время мы сами склонились въ пользу такого рѣшенія настоящаго вопроса (см. Духовныя Школы Курско-Бѣлоградской епархіи, вып. I и П. К. 1895 г. стр. 4), но въ дѣйствительности едва ли это рѣшеніе вопроса можетъ быть признано категорически вѣрнымъ. Данилевскій въ извѣстной своей статьѣ «Харьковскія народныя школы» приводить, между прочимъ, отрывокъ изъ рукописной замѣтки г. Кеппена, находящейся въ дѣлахъ Харьковскаго университета подъ заглавиемъ «училища въ Харьковѣ», гдѣ прямо утверждается, что «Шидловскій подарили училищу каменный домъ» (см. Українська Старина Г. П. Данилевскаго X. 1866 г. стр. 302). Да и подлинное дѣло объ основаніи Харьковскаго коллегіума, хранящееся въ архивѣ Харьковской духовной консисторіи, также не располагаетъ къ принятію мнѣнія г. Кеппена. Затѣмъ авторъ сочиненія признаетъ случайнымъ явле-

ніемъ то, что Харьковскій коллегіумъ нѣкоторое время назывался въ *офиціальныхъ* бумагахъ академію. Намъ же думается, что это не было случайностію, которая была обусловлена, по мнѣнію автора (см. стр. 1—2), знатностію училища. Вышнее начальство не могло случайно раздавать титулы подчиненныхъ учебнымъ заведеніямъ. Можно думать, что название коллегіума академію было обусловлено другими, болѣе важными и существенными причинами, напр., перемѣною въ самомъ устройствѣ коллегіума, или особыми положеніемъ его въ отношеніи къ низшимъ духовно-учебнымъ заведеніямъ епархіи, который также въ это имѣнио времени мѣлляетъ свои названія: бѣлгородская семинарія называется теперь въ офиціальныхъ актахъ гимназіею, а курскія историческія славяно-латинскія школы—семинаріями. Напримѣръ, авторъ оставляетъ совершенно неразъясненнымъ весьма интересный вопросъ о т. н. «прибавочныхъ классахъ», учрежденыхъ при Харьковскомъ коллегіумѣ въ 1768 г., вѣроятно, потому, что остался неразъясненнымъ и у прежнихъ изслѣдователей истории Харьковскаго коллегіума. Авторъ ограничивается самыми краткими замѣчаніями по этому важному вопросу (стр. 123—124). При этомъ мы позволяемъ себѣ не согласиться съ принимаемымъ имъ объясненіемъ причины учрежденія прибавочныхъ классовъ при Харьковскомъ коллегіумѣ. Не привилъ дѣтей свѣтскаго званія въ коллегіумъ послужилъ этойю причиною, а, вѣроятнѣе всего, положительное желаніе правительства расширить сферу просвѣтительного вліянія такого заведенія, какъ Харьковскій коллегіумъ.

Такія мысли и такія соображенія вызвало въ насъ чтеніе сочиненія священника Н. Стelleцкаго. Да не постыдиться же нась почтенный авторъ за нихъ. Предметъ, какимъ онъ занимался, дорогъ и близокъ и намъ, дорогъ онъ, думаемъ, и для многихъ другихъ. Многие, надѣемся, съ интересомъ прочтутъ трудъ автора. Въ предѣлахъ поставленныхъ авторомъ себѣ задачъ—свести въ одно цѣлое все то, что доселѣ сдѣгалось достоинствъ печатной литературы католично Харьковскаго коллегіума—трудъ автора обладаетъ солидными достоинствами. Онъ составленъ на основаніи тщательного знакомства съ печатной литературою предмета и съ видимою любовью къ предмету изслѣдованія. Рѣчь автора—живая, ясная и ровная. Есть въ сочиненіи и нѣчто новое сравнительно съ тѣмъ, что известно уже въ печати. Таковы, напр. цѣнныя указанія автора на вѣкорые рукописные сборники учебниковъ и лекцій, продававших-

ся въ Харьковскомъ коллегіумѣ (см. стр. 172 прим. 1, стр. 176 прим. 1 и 2, стр. 181 прим. 2) и на рукописные же сборники ученическихъ упражненій (см. стр. 186 прим. 1 и стр. 205 прим. 1).

*
Ф. Титовъ.

Киевъ, 1896 года 27 января.

В. Антоновичъ, „Археологическая карта Кіевской губернії“ (приложение къ XV т. „Древности“), изд. Имп. Московск. Археологич. Общ. М. 1895 г. Карта+139+20 стр. in 4°.

Давно ожидаемая археологическая карта кіевской губ. наконецъ появилась въ свѣтѣ. Мы говоримъ «давно ожидаемая» на томъ основаніи, что слухи о составленіи такой карты существовали уже лѣтъ пять тому назадъ, если не больше; на это указываетъ напр. и то обстоятельство, что газеты, изъ которыхъ брались, между прочимъ, свѣдѣнія для карты, просмотрѣны только по 1889 годъ. Конечно жаль, что изданіе карты такъ затянулось, но сожалѣнія теперь неумѣстны—фактъ совершился, обратимся къ нему. Большой недостатокъ русской археологии, чувствующейся въ настоящее время все больше и больше,—отсутствіе объединяющихъ работъ, гдѣ бы вакопившійся уже въ достаточной мѣрѣ сырой матеріалъ получилъ должную обработку, гдѣ бы были сведены воедино результаты отдельныхъ исследованій; безъ такихъ работъ русская археология будетъ оставаться въ томъ хаотическомъ положеніи, въ какомъ она находится теперь, когда, при отсутствіи общаго плана, изслѣдованія зачастую производятся, если можно такъ выразиться, по вдохновенію. Недостатокъ этотъ могутъ отчасти пополнить археологическія карты, которыя, соединяя, хотя бы даже чисто механически, разъединенные данные, даютъ возможность наглядно представить себѣ распространеніе того или другого вида памятниковъ на извѣстной территоріи, тѣ пути, по которымъ шло это распространеніе, количество памятниковъ, ихъ взаимную связь. Всему этому отвѣчаетъ настоящая карта кіевской губ.; она даетъ даже больше, чѣмъ мы могли бы ожидать отъ такого рода работъ. Составлена она ученымъ, которому многимъ обязана русская археология юга, въ изслѣдованіяхъ кото-раго мы и раньше встрѣчали обобщенія сырого матеріала, какъ напр.

въ вопросахъ о классификаціи кургановъ, о бронзовомъ вѣкѣ и т. п. Начнемъ съ текста, предшествующаго картѣ. Прежде всего мы находимъ объясненіе графическихъ знаковъ; особыми знаками нанесены на карту курганы—неизслѣдованные, съ погребеніемъ, съ сожженіемъ; курганы въ городищахъ; могилы—съ погребеніемъ и сожженіемъ; городища—майданы; валы; искусственные пещеры,—изслѣдованныя и неизслѣдованныя; каменные бабы; монеты; особымъ цвѣтомъ обозначается принадлежность предметовъ къ каменному, бронзовому или желѣзному вѣку; кроме того, есть особые знаки для обозначенія единичныхъ находокъ или находокъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ предметовъ, затѣмъ, мастерскихъ и стоянокъ—селищъ, при монетахъ буквами обозначается принадлежность монетъ тому или другому государству; наконецъ, цифры показываютъ количества обнаруженныхъ памятниковъ. Какъ видимъ, свѣдѣнія по своей полнотѣ не требуютъ никакихъ дополненій. За объясненіемъ знаковъ идетъ перечисленіе источниковъ, послужившихъ для составленія карты, здѣсь, кроме печатныхъ,ходимъ и рукописные, напр.—замѣтки самого автора, отличающіяся особенной цѣнностью, вымѣтки Д. Айналова изъ дѣлъ Импер. Археолог. Комиссіи, замѣтки гр. Уварова, Гошкевича, донесенія волостей и исправниковъ; пользовался авторъ также и коллекціями, какъ общественными, такъ и частными: музеями кіевского университета и церковно-археолог. общества при Кіевской академіи, собраніями—автора, Волошинскаго, Бѣляшевскаго, Зноско-Боровскаго, Поля, Хойновскаго, гр. Уварова, Krakovskой академіи. Что касается системы, которой придерживался авторъ, при распределеніи матеріала, то ее нужно признать наиболѣе удачной и вполнѣ научной. Въ основу ея положены тѣ естественные пути, по которымъ въ древности главнымъ образомъ распространялась та или другая культура; пути эти—рѣки; авторъ и распредѣляетъ матеріалы по системамъ рѣкъ и водораздѣламъ между ними; начинаетъ описание съ сѣвера, съ радомыслскаго у., и постепенно проходить уѣзды кіевскій, васильковскій, сквирскій, бердичевскій, липовецкій, таращанскій, каневскій, черкасскій, звенигородскій и уманскій. Отдельно описаны валы кіевской губ. Послѣднія 20 страницъ занимаютъ указатели именъ географическихъ и предметный. Въ виду того, что при перечисленіи находокъ каждой мѣстности обозначаются всѣ вообще найденные предметы, относящіеся зачастую къ разнымъ эпохамъ, предметный указатель является необходимымъ;

составленіе его представляетъ большія трудности, поэтому нужно быть благодарнымъ автору, подѣлившемуся такимъ путемъ тѣми наблюденіями, которыя явились результатомъ знанія и долгаго опыта.* Предметы распределены такимъ образомъ: каменный вѣкъ—стоянки палеолитической эпохи, столинки неолитической эпохи, каменные отбивныи орудія, камен. полированныя орудія. пещеры, рисунки на камняхъ, костяные орудія; бронзовый вѣкъ: орудія и оружіе; желѣзный вѣкъ: оружіе, украшенія и орудія, глиняные сосуды, амфоры, греческія издѣлія, судна и якоря, каменные бабы; курганы (свѣдѣнія о 13200 к., изъ нихъ 842 вскрытыхъ): свѣдѣнія вообще, типы—каменнаго вѣка, каменные кисты съ жженными костями и каменными орудіями, кург. съ костями, окрашенными охрой, кург. скифскаго типа, к. желѣзного вѣка съ неопределеннымъ погребальнымъ типомъ, древлянскаго типа, съ сожженными костями и содержащіе погребеніе людей съ оружіемъ и конемъ; городища (435 ; городища—майданы; древности исторической эпохи: селища, развалины построекъ, золотые эмалированные предметы княжескаго периода, печати, церковныя принадлежности, колокола, кресты, панагіи, христіанскія гробницы, огнестрѣльное оружіе; монетные клады.

Карта составлена въ масштабѣ 10 верстъ въ англ. дюймѣ; кромѣ того, есть отдельный планъ г. Киева въ гораздо большемъ масштабѣ. Исполненіе карты вполнѣ удовлетворительно, хотя вызываетъ вѣдомыя замѣчанія; такъ напр., на картѣ очень слабо представленъ рельефъ мѣстности, для изученія же распределенія древностей, особенно доисторическихъ, это обстоятельство имѣеть громадное значеніе. Затѣмъ, намъ представляется излишнимъ напесеніе на карту тѣхъ мѣстностей, при которыхъ не было найдено никакихъ древностей; еще больше пестритъ карту и затрудняетъ пользованіе ею обозначеніе дорогъ, особенно проселочныхъ,—никакого значенія ни исторического, ни тѣмъ болѣе археологического онѣ не имѣютъ; можно было бы ограничиться обозначеніемъ, насколько это возможно, старыхъ сухопутныхъ дорогъ.

Археологическая карта кіевской губ. заключаетъ собою рядъ предшествовавшихъ работъ о древностяхъ этой губерніи, работъ такихъ было не мало, и въ этомъ отношеніи кіевская губ. находится въ сравнительно счастливомъ положеніи. Въ иномъ положеніи находятся другія губерніи хотя-бы того-же юго-западнаго края обработка и группировка археологического материала здѣсь почти со-

всѣмъ не тронута; будемъ надѣяться, что почтенный авторъ, которому такъ хорошо извѣстны прошлые судьбы края, пополнить со временемъ и этотъ пробѣль...

Н. В.

**В. Б. Антоновичъ. Археологическая карта Кіевской губерніи.
(Приложение къ XV т. „Древностей“.) Издание Императорскаго
Московскаго Археологическаго Общества. Москва. 1895 г.¹⁾.**

Императорское Московское Археологическое Общество оказалось уже не мало услугъ развитію у насъ археологическихъ знаній и интереса къ занятіямъ археологіей среди русского общества. Достаточно вспоминать только, что столь прочно установленвшіеся въ настоящее время археологические съѣззы обизаны своимъ возникновеніемъ тому-же Обществу. Въ послѣднее время оно задалось весьма важной цѣлью— собрать свѣдѣнія о всѣхъ имѣющихся въ Россіи археологическихъ памятникахъ, какъ курганы, городища, еще не обслѣдованные, такъ и обслѣдованные съ указаніями на всѣ открытые въ нихъ предметы, древности, о случайныхъ находкахъ такихъ предметовъ съ приблизительнымъ хотя-бы указаніемъ мѣстности ихъ открытія. Предположено для достижения намѣченной цѣли составить археологическія карты отдѣльныхъ губерній, что и поручено выполнить членамъ Общества. Желательно, конечно, при этомъ, чтобы взявшійся составлять такую карту былъ въ одно и то-же время и выѣстѣ съ тѣмъ давній мѣстный житель, хорошо знакомый съ географіей и топографіей своей губерніи. Оба эти условія вполнѣ удовлетворяетъ В. Б. Антоновичъ. Вотъ почему всякой интересующейся археологіей почти увѣренно можетъ положиться на археологическую карту Кіевской губерніи, зная, что показанія такихъ, все таки болѣе или менѣе сомнительныхъ источниковъ, какъ «донасенія волостей о сохранившихся памятникахъ древности, собранные центральнымъ статистическимъ комитетомъ въ 1873 году», какъ «Материалъ, сообщенный Московскому Археологическому Обществу г. кіевскимъ губернаторомъ изъ донесеній исправ-

¹⁾) Въ виду особенной научной цѣнности этого труда В. Б. Антоновича, считаюмъ умѣстнымъ помѣстить и вторую рецензію, являющуюся дополненіемъ къ первой.—Ред.

никовъ въ 1888 году», какъ даже «Обозрѣніе могиль, валовъ и городищъ кievской губерніи», Фундуклѣя, который тоже собиралъ свои свѣдѣнія, по всей вѣroятности, отъ волостей и исправниковъ, зная, что показанія этихъ источниковъ въ большей части пропѣрено личнымъ наблюденіемъ составители карты, пѣвѣздившаго и даже исходившаго кievскую губернію вдоль и поперекъ и производившаго на ея территоріи многочисленныя раскопки. Этотъ новый трудъ Б. Б. Антоновича распадается собственно на двѣ части: 1) источники, послужившіе для составленія карты и 2) самая карта, Первая часть заключаетъ въ себѣ перечень источниковъ, которыми пользовался составитель, и затѣмъ обозначеніе всѣхъ археологическихъ памятниковъ, существующихъ, существовавшихъ и когда-либо открытыхъ на территоріи Кіевской губерніи. Система прината такая. Весь матеріаль разбитъ на уѣзды; въ каждомъ уѣздѣ составлены группы населенныхъ мѣстностей, занимающія какую-нибудь естественно ограниченную территорію; населенные мѣстности каждой группы размѣщены въ алфавитномъ порядке и при каждой указаны открытые около нихъ предметы древности или существующіе археологические памятники. Такъ радомысьльскій уѣздъ разбитъ на такія части: 1) группа поселеній между р. р. Припятью и Ушью, 2) между р. р. Ушью и Тетеревомъ, 3) между рѣкою Тетеревомъ и границей кievского уѣзда, 4) между рѣкою Тетеревомъ и границею сквирского уѣзда. Для обозначенія на картѣ археологическихъ памятниковъ принято 23 условныхъ знака. Намъ кажется, что является необходимымъ еще одинъ условный знакъ. Для обозначеній городищъ принято два знака: городище—четыреугольникъ и городище—майданъ—два соединенныхъ конуса. Но самыи городища бываютъ двухъ главныхъ типовъ: круглыхъ и угольныхъ четырехъ и многоугольныхъ). На сколько намъ известно, круглыхъ городища археологи признаютъ за древнѣйшия. Слѣдовательно, не лишнее было бы отмѣтить на картѣ эти два типа и обозначать круглыхъ городища какимъ-нибудь особымъ знакомъ. Если признать, что городища суть слѣды древнѣйшихъ поселеній, то особый знакъ для круглыхъ городищъ даваль-бы намъ возможность сразу видѣть на картѣ районъ древнѣйшихъ поселеній и укрѣпленныхъ линій земель и княжествъ. Самая карта выполнена превосходно, какъ по выѣщенному изяществу, такъ и по точности иногда сложныхъ обозначеній.

Въ концѣ карта снабжена указателемъ именъ географическихъ и указателемъ предметныхъ. Послѣдній разбитъ на слѣдующія части:

1) каменный вѣкъ, 2) бронзовый вѣкъ, 3) желѣзный вѣкъ, 4) кургани, 5) городища, 6) древности исторической эпохи, 7) монетные клады. Городища и въ указателѣ разбиты только на двѣ группы. Нужно еще сказать, что части указателя—древности исторической эпохи и монетные клады,—частнѣе заключаютъ въ себѣ указанія въ алфавитномъ порядке отдельныхъ открытыхъ предметовъ и памятниковъ, и монетъ. Несомнѣнно, археологическая карта, составленная В. Б. Антоновичемъ, представляетъ крупное явленіе въ русской наукѣ и окажетъ важную услугу и археологу и историку.

П. Г.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1896 годъ.

Основанный въ 1870 году, ежемѣсячный исторический журналъ «Русская Старина», вступая въ 1896 году въ двадцать седьмой годъ своего существования, остается въ будущемъ вѣренъ своей первоначальной программѣ — разрабатывать русскіе исторические материалы и знакомить читателей съ историческими дѣятелями Русской земли, оставившими свои слѣды на поприщахъ службы государственной, духовной и гражданской. Но независимо отъ строгой разработки чисто исторического материала на страницахъ «Русской Старины» читатели всегда найдутъ, какъ находили и прежде, личныя записки и мемуары частныхъ лицъ, освѣщающіе дѣятельность лицъ историческихъ, эпохи, среди которой дѣйствовали эти лица, и нравы современного имъ общества. Такого рода личныя воспоминанія и мемуары лучше всего даютъ полную картину извѣстной эпохи и представляютъ огромный интересъ для человѣка, интересующагося отечественною исторіею. Для того же, чтобы читатели «Русской Старины» имѣли возможность слѣдить за историческими статьями, разбросанными въ другихъ историческихъ изданіяхъ, съ 1894 г. введенъ отдѣлъ, въ которомъ помѣщается краткое содержаніе такого рода статей.

Въ 1896 году журналъ будетъ издаваться при благосклонномъ участіи тѣхъ же сотрудниковъ, которые и прежде своими почтеными трудами содѣствовали успѣху нашего изданія и въ числѣ которыхъ мы назовемъ: А. О. Бычкова, В. А. Бильбасова, Н. Богдановскаго, Воробьеву, Н. Ф. Дубровина, Жмакина, Л. Н. Майкова, В. Назарьева, М. Л. Песковскаго, В. В. Стасова, Н. К. Шильдера, Н. Л. Ширяева, В. И. Шенрока, Н. Л. Юдива и др.

Программа изданія остается прежняя.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будуть помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками.

Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждого мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Лица, не бывшія подписчиками въ 1894 и 1895 гг., если пожелають получить двѣ части Записокъ В. А. Инсарскаго, которые были напечатаны въ 1894 и 1895 гг., приплачиваются 1 р.

Войсковыя части могутъ выписывать «Русскую Старину» чрезъ редакцію «Досугъ и Дѣло».

РЕДАКЦІЕЙ ОТПЕЧАТАНЫ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

ЗАПИСКИ С. Н. ГЛИНКИ

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА

Въ отдѣльной продажѣ цѣна 3 руб.

Для подписчиковъ «Русской Старины» на 1896 г., подписавшихся до 1 февраля, уступаются за 1 р. 50 к.

Иногородные подписчики адресуютъ свои требованія и высылаютъ деньги непосредственно въ главную контору, въ Петербургъ, Фонтанка, 145. Кроме того, подписка принимается въ Москвѣ, Кіевѣ, Варшавѣ, Харьковѣ, Одессѣ и другихъ провинціальныхъ городахъ при главныхъ книжныхъ магазинахъ.

За своевременную и аккуратную доставку журнала редакція принимаетъ на себя полную отвѣтственность только въ томъ случаѣ, если подписка сдѣлана непосредственно чрезъ Петербургскую контору «Русской Старины».

3—3

**О Т К Р Ы Т А П О Д П И С К А
на 1896 годъ**

на самую большую и самую распространенную на Югѣ Россіи

ЕЖЕДНЕВНУЮ

(не менѣе 330 №№ въ годъ)

политическую, литературную, научную, общественную и коммерческую газету

„Одесскія Новости“

Со дня перехода въ наши руки «Одесскихъ Новостей», мы стремились постоянно къ улучшенію ихъ въ литературномъ и техническомъ отно-

шенияхъ, не смыкаясь никакими встрѣчавшимися на нашемъ пути препятствіями и не останавливаясь ни предъ какими материальными затратами. Возраставшее съ каждымъ годомъ сочувство къ намъ читающей публики, выразившееся въ широкомъ и быстромъ распространеніи «Одесскихъ Новостей» и оказываемой ею намъ постоянно нравственной поддержкѣ, навѣдно доказало, что труды наши не пропали даромъ.

Въ настоящее время мы имѣемъ возможность дѣлать новые затраты для улучшенія нашего изданія и постараемся сохранить за «Одесскими Новостями» репутацію газеты, отзывчивой на всѣ назрѣвающія потребности жизни и безукоризненной по своему направленію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы будемъ стремиться и къ усовершенствованію газеты въ техническомъ отношеніи.

Откликаясь на всѣ злобы дня, помѣщая на столбцахъ «Одесскихъ Новостей» обильный матеріаъ изъ текущей жизни—русской и иностранной—мы не ограничиваемся однимъ сухимъ перечнемъ голыхъ фактovъ, а стараемся, по возможности, давать имъ надлежащую оцѣнку и освѣщеніе

Въ «Одесскихъ Новостяхъ» помѣщаются обзоры современной жизни какъ внутренней, такъ и заграничной, въ области политики литературы искусства, науки и техники, а также фельетоны изъ общественной жизни, отечественной, мѣстной и заграничной, очерки, рассказы и т. п. На праздникъ Рождества Христова выдается подписчикамъ иллюстрированный «Дѣтскій Нумеръ», содержащий разсказы, стихотворенія, анекдоты и популярно-научный очеркъ, предназначенный для дѣтскаго чтенія. Особенное вниманіе будетъ обращено нами на беллетристический отдѣлъ, для участія въ которомъ нами приглашены нѣкоторые извѣстные беллетристы, изъ коихъ мы назовемъ пока К. С. Баранцевича, В. С. Лихачева, Д. Л. Мордовцова, Вас. И. Немировича-Данченко и др. Нами обращено будетъ также вниманіе на отдѣлъ городского хозяйства и на областной отдѣлъ, который имѣть въ своемъ распоряженіи 68 отдѣленій въ различныхъ городахъ Юга и корреспондентовъ въ тѣхъ мѣстахъ, где нѣть отдѣленій. Сознавая важное значеніе распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній, мы рѣшили отводить больше мѣста сельско-хозяйственному отдѣлу, въ которомъ намъ обѣщали свое сотрудничество специалисты по сельскому хозяйству Л. А. Золсторевъ и В. Н. Маракуевъ, которые будутъ помѣщать отъ времени до времени въ нашей газетѣ сельско-хозяйственные письма и знакомить съ сельско-хозяйственной литературою. Вмѣстѣ съ тѣмъ, заведены нами болѣе прочныя сношенія съ заграницей, и въ главнѣйшихъ европейскихъ центрахъ имѣются корреспонденты. Но недовольствуясь печатнымъ словомъ, мы посредствомъ рисунковъ даемъ читателямъ возможность видѣть наглядно происшествія, события, выдающихся людей, замѣчательные зданія и т. д. заграницей и у насъ, ставя впереди Одессу и помѣщая не только рисунки всего выдающагося, но и портреты мѣст-

ныхъ дѣятелей въ области администраціи, суда, земства, городскаго управлениія, педагогіи, науки и т. п.

Составъ сотрудниковъ «Одесскихъ Новостей» неизмѣнно пополняется новыми силами; въ настоящее время въ нашей газетѣ принимаютъ постоянное участіе и обѣщали свое участіе и впредь слѣдующія лица:

Професоръ Г. Е. Афанасьевъ, Аккордъ (псевдонимъ), К. С. Баранцевичъ, А. А. Борзенко, С. С. Гусевъ (Слово-Глаголь), Г.-Б.-Г., Ф. Л. Денисенко, Л. В. Добрянскій, П. И. Звѣздичъ, Л. А. Золотаревъ, профес. С. И. Иловайскій, Имя рекъ (псевд.).. А. Е. Кауфманъ, професоръ А. И. Киричниковъ, художникъ С. Я. Кишиневскій, М. И. Кулишеръ, Л. А. Куперникъ, В. С. Лапидусъ (*Lapis*), П. С. Лефи, В. С. Лихачевъ, В. Н. Маракуевъ, професоръ А. И. Маркевичъ, М. Г. Моргульсь, Д. Л. Мордовцевъ, художн. В. В. Нааке, Вас. И. Немировичъ-Данченко, художн. П. А. Нилюсь, К. Н. Новосельскій, В. И. Ребиковъ, Д. Н. Ратгаузъ, проф. А. С. Трачевскій, М. Г. Тульчинскій, Улей (псевдон.), професоръ Ф. И. Успенскій, професоръ П. Ф. Федоровъ, професоръ Н. Е. Чижовъ, професоръ В. З. Яковлевъ, и др.

«Одесскимъ Новостямъ» разрѣшено съ прошлаго года печатаніе рефератовъ о дѣлахъ, разбирающихся въ военно-окружныхъ судахъ.

Въ «Одесскихъ Новостяхъ» помѣщаются также свѣдѣнія о грузахъ съ наложенными платежами, прибывающихъ на одесскія желѣзнодорожныя станціи.

Подписная цѣна на «Одесскія Новости»

Въ Одессѣ:

Безъ доставки. Съ доставкой.

На 1 мѣсяцъ —	р. 90 к.	1 р. — к.
> 3 >	2 > 50 >	2 > 75 >
> 6 >	4 > 50 >	5 > — >
На годъ	8 > — >	9 > — >

Съ пересылкой въ другіе города:

На 1 мѣсяцъ	1 р. 10 к.
> 3 >	3 > — >
> 6 >	5 > 50 >
На годъ	10 > — >

Заграницу доплачивается къ подписной цѣнѣ 60 коп. въ мѣсяцъ. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка во взносъ подписной платы для иногороднихъ: при подпискѣ 5 руб. и до начала второго полугодія

5 руб.; для городскихъ—при подпискѣ 5 руб. и до начала второго полугодія 4 руб.

Подписька принимается: въ Одессѣ въ главной Конторѣ на углу Ришельевской и Греческой, въ домѣ № 10/24.

Редакторъ-Издатель *А. П. Старковъ.*

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ.

IX-й ,**СЪВЕРЪ“.** **IX-й**
годъ изданія. годъ изданія.

Еженедѣльный иллюстрированный литературно-художественный журналъ.

Съ 1896 года журналъ «Съверъ» будетъ выходить въ увеличенномъ форматѣ на высокаго достоинства бумагѣ и въ изящной обложкѣ.

Въ художественномъ отношеніи цѣль редакціи—это приблизиться по выполненію къ такимъ первокласснымъ европейскимъ журналамъ, какъ «The Graphic», «Figaro Illustré» и «Moderne Kunst».

Имѣя послѣднее въ виду, редакція въ 1896 г. намѣрена сдѣлать изъ «Съвера»

ПЕРВЫЙ ВЪ РОССІИ ЖУРНАЛЪ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КРАСКАМИ.

Приступая къ такому дорогому и роскошному изданію и въ тоже время желая сдѣлать его общедоступнымъ, редакція, въ видѣ опыта, оставляетъ и на 1896 годъ ту-же подписьную цѣну, а именно:

на годъ (безъ отдельной преміи):

со всѣми приложеніями безъ доставки въ С.-Петербургѣ 6 р.; безъ доставки въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Н. Печковской 6 р. 50 к.; съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи 7 р. Съ пересылкою за-границу 11 р.

на годъ (съ отдельной преміей):

со всѣми приложеніями безъ доставки въ С.-Петербургѣ 7 р.; безъ доставки въ Москвѣ въ конторѣ Н. Н. Печковской 7 р. 50 к.; съ доставкою и пересылкою во всѣ города Россійской Имперіи 8 р.; съ пересылкою за-границу 12 р.

Разсрочка подписьной платы допускается.

Въ 1896 г. журналъ „СЪВЕРЪ“ дастъ:

на страницахъ журнала слѣдующія, уже имѣющіяся въ портфелѣ редакціи произведенія: «Умпрающій Левъ», исторический романъ изъ временъ Кав-

казской войны, Вас. Ив. Немирович-Данченко; «Похождения Слезкина въ Парижѣ», романъ И. Я. Павловскаго (Яковлева); «За мольбертомъ и кистью», романъ изъ жизни художниковъ, Н. А. Александрова; «Старые часы», повѣсть К. К. Случевскаго; «Влюбленный въ жену», повѣсть А. В. Круглова; «Литераторъ Полѣсовщиковъ», психологический этюдъ А. В. Амфитеатрова (Old Gentleman); «Шотеранній день», повѣсть И. И. Ясинскаго; повѣсть гр. Е. А. Салиаса. Кроме того въ журналѣ принимаютъ участіе: А. Н. Майковъ, А. П. Чеховъ, И. Н. Шотапеако, П. П. Гнѣдичъ, Н. Ко-четовъ, А. Кориафскій, О Чумина, Л. Львова, М. Славинскій, профессоръ Н. Ф. Соловьевъ, К. Фофановъ и другіе извѣстные литераторы.

12 ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНИЙ,

то есть 12 томовъ, объемомъ около 2 печатныхъ листовъ въ годъ.

Для приложенийъ къ журналу «Сѣверъ» въ редакціи уже находятся: «Лазурный Край» — Вас. Ив. Немировича-Данченко, иллюстрированный художниками:

«Иерусалимъ» Пьера Лоти, съ иллюстраціями.

«Галисія» — того же автора.

«За кулисами у художниковъ» очерки Н. А. Александрова, съ иллюстраціями художниковъ: К. Айвазовскаго, А. Бочарова, М. Зичи, И. Келлера-Виланди, Л. Лагоріо, Лаверецкаго, В. Маковскаго, А. Мешерскаго, П. Сверчкова, М. Шишкова, И. Шредера и др.

„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ, хозяйство и домоводство“

ежемѣсячный иллюстрированный журналъ съ приложеніемъ: 12 отдѣльныхъ выкроекъ, изъ которыхъ 6 вырѣзныхъ въ натуральную величину и 6 на отдѣльныхъ листахъ

12 БЕЗПЛАТНЫХЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРЕМІЙ,

то-есть, по одной преміи въ мѣсяцъ.

Преміи эти будуть воспроизведены красками новѣйшими и совершенствованными способами.

Кромѣ всего вышеозначенаго, въ 1896 г. подписчики журнала «Сѣверъ» получать: отдѣльную художественную премію — портретъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы

АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ,

исполненный олeографическимъ способомъ, того же размѣра и художествен-
наго достоинства, какъ и портретъ Е. И. В. Государя Императора НИ-
КОЛАЯ II (премія 1896 года).

За редактора Н. А. Александрова. Издатель Н. Ф. Мертцъ.

Главная Контора и Редакція журнала „Сѣверъ“ — СПБ., Екатерининская ул., № 4.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1896 годъ

24-й годъ издания. на ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ журналы 24-й годъ издания.

,,Природа и Охота“ и „Охотничья Газета“.

(24-й годъ издания).

Подписчики получатъ 12 книгъ «Природы и Охоты» (выходитъ ежемѣсячно) и 50 №№ «Охотничьей Газеты» (еженедѣльно). Оба журнала иллюстрируются рисунками русскихъ и иностранныхъ художниковъ, портретами охотниковъ, фотографіями собакъ, сценами изъ охотничьей жизни съ натуры, объяснительными чертежами, виньетками и проч.

Въ журналахъ печатаются: Разсказы, повѣсти, очерки изъ охотничьей жизни.—Путешествія зоологовъ и охотниковъ.—Руководящія статьи, съ описаніемъ способовъ охоты псовой и ружейной, рыболовства и уженія, системъ и выбора ружей и ружейныхъ принадлежностей, сортовъ пороха, дроби и проч., породъ собакъ борзыхъ, гончихъ, легавыхъ, воспитанія ихъ, дресировкѣ и наставки, лѣчевія.—Отчеты о садкахъ на рѣзвость и злобу, о состязаніяхъ въ стрѣльбѣ.—Отчеты о дѣятельности охотничихъ обществъ, кружковъ и отдѣльныхъ охотниковъ.—Статьи съ описаніемъ обзора жизни и мѣстонахожденія звѣрей, птицъ и рыбъ, способовъ разведенія и сохраненія полезныхъ, истребленія вредныхъ.—Корреспонденціи изъ всѣхъ мѣстностей Европейской и Азіатской Россіи объ охотахъ на звѣря и птицу, о количествѣ дичи, о прилетѣ и отлетѣ, о случаяхъ на охотахъ и проч.—Ветеринарный отдѣль: о болѣзняхъ собакъ и болѣзняхъ дичи.—Юридический отдѣль: рѣшеніе и обсужденіе сложныхъ вопросовъ, встрѣчающихся въ охотничьей юридической практикѣ. Судебная хроника.—Правительственные распоряженія, касающіяся охоты, уженія, охотничихъ и рыболовныхъ промысловъ. Новости текущей охотничьей жизни у насъ и за границей.—Библіографическая замѣтка.—Обзоръ иностранной охотничьей литературы.—Вопросы охотниковъ и отвѣты. Объявленія.

ПРЕМІЯ 1896 года—„Альбомъ охоты“.

«Альбомъ охоты» будетъ напечатанъ на веленевой бумагѣ, in 4⁰. Въ него войдутъ: 1) портреты сотрудниковъ журналовъ «Природа и Охота» и «Охотничья Газета», группы членовъ охотничихъ обществъ, военныхъ обществъ охоты, выдающихся охотниковъ и собакозаводчиковъ, портреты выдающихся заграничныхъ писателей, спортсменовъ и собакозаводчиковъ, охотниковъ-промышлениковъ Европейской и Азіатской Россіи. 2) Фотографические снимки съ современныхъ, выдающихся по красотѣ и полевымъ качествамъ охотничихъ

подружейныхъ собакъ, борзыхъ и гончихъ, комнатныхъ и сторожевыхъ собакъ. 3) Виды охотъ въ Европейской и Азиатской Россіи, а также иностранныхъ охотъ. «Альбомъ охоты» представить въ иллюстраціяхъ полную картину охоты въ ея современномъ состояніи и галлерею современныхъ дѣятелей.

«Альбомъ охоты» печатается въ ограниченномъ количествѣ, лишь для подписчиковъ, отъ которыхъ подписныя деньги поступятъ въ Редакцію до 1-го февраля 1896 г. Въ видахъ возможно большей полноты и содержательности «Альбома охоты», Редакція приглашаетъ всѣхъ охотничьи общества и всѣхъ охотниковъ принять участіе въ изданіи присылкою портретовъ (если возможно снятыхъ въ характерной для мѣстности охотничьей обстановкѣ, съ добычью, проводниками, исковичами и пр.). и фотографическихъ снимковъ съ собакъ въ стаяхъ, смычкахъ, сворахъ, одиночно, снимковъ съ охотничихъ павильоновъ, садочныхъ стрѣльбищъ, охотничихъ приваловъ, охотничихъ сценъ и пр. Заявленія о желаніи помѣстить въ «Альбомъ охоты» фотографіи должны быть присланы не позднѣе 1-го февраля 1896 г., самыя же фотографіи не позднѣе 1-го марта.

Подписная цѣна: на годъ съ перес. и достав. безъ преміи 15 р., на полгода 7 р. 50 к. За границу 20 р. На пересылку премія высылается добавочный рубль.

Адресъ: Москва, Большая Дмитровка, домъ Денисовой, въ редакцію журналовъ «Природа и Охота» и «Охотничья Газета».

3-3

НОВОСТИ ПЕЧАТИ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

2-й Г *Подъ редакцієй В. А. Гатицукa.* **2-й Г.**

Въ 1896 году журналъ будетъ выходить обязательно 15-го числа каждого мѣсяца книжами большого журнального формата, объемомъ каждая не менѣе пятнадцати листовъ, съ многочисленными рисунками.

Назначеніе журнала: 1) Знакомить читателей со всѣмъ, особо интереснымъ, что появляется въ русской и иностранной периодической печати. Для этой цѣли „Новости Печати“ будутъ заключать въ себѣ ежемѣсячный „Обзоръ журналовъ и газетъ“, въ которомъ не только будутъ даваться характеристики

разсматриваемыхъ изданий съ точки зрењия добросовѣтности исполненія данныхъ подписчикамъ обѣщаній, направлениј и пр., но также—критические разборы отдельныхъ журнальныхъ или газетныхъ статей, беллетристическихъ произведеній, стихотвореній и пр. съ большими или меньшими выписками изъ рассматриваемаго произведенія и образцами рисунковъ, въ данномъ изданиѣ помѣщенныхъ.

2) Указывать всѣ, по возможности, вышедшия за послѣдній мѣсяцъ русскія и иностранныя книги, брошюры и пр., съ обозначеніемъ ихъ достоинствъ и недостатковъ, а также, по мѣрѣ надобности, съ болѣе подробнѣмъ критическимъ разборомъ ихъ содержанія и образцами рисунковъ, въ нихъ помѣщенныхъ.

3) Облегчить читателямъ возможность выбора книгъ путемъ подробнѣыхъ и беспристрастныхъ отвѣтовъ въ „Почтовомъ Ящику“ на запросы подписчиковъ, а также путемъ рекомендаций лучшихъ книгъ и высылки ихъ изъ „Книжнаго склада Новостей Печати“.

Для борбы съ недобросовѣтной афферой въ издательскомъ дѣлѣ—журналъ будетъ заключать въ себѣ особый отдѣлъ „Плевелы Печати“.

ПОДПИСНАЯ ЦВИНА:

Съ дост. и перес. на годъ 5 руб., на $\frac{1}{2}$ года 3 р., на $\frac{1}{4}$ года 1 р. 50 к. (Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., 1-го Марта—2 р. и 1-го Июня—1 р.) Безъ доставки въ Москвѣ: на годъ 4 руб. на $\frac{1}{2}$ года 2 р. и $\frac{1}{4}$ года 1 р.

Адресъ конторы журнала и книжнаго склада „Новостей Печати“ Москва, Пречистенка, Дурновъ пер. домъ Паренаго. Подписка принимается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ торгиовляхъ столицъ и главныхъ провинциальныхъ городовъ. Съ разсрочкой—только въ редакции.

3-3

МОСКОВСКІЙ ВИБЛIOГРАФИЧЕСКІЙ КРУЖОКЪ.

Ш-й годъ изданія.

„КНИГОВѢДЕНІЕ“,

журналъ книгопечатанія въ обширномъ смыслѣ,
съ рисунками и отдельными приложеніями.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Лѣтопись. 1) Полные списки всѣхъ вновь выходящихъ книгъ на русскомъ языке въ систематическомъ порядкѣ, а также нотъ, географическихъ

картъ, плановъ, гравюръ и т. п.; 2) полные каталоги книгъ по разнымъ отраслямъ знанія, съ начала книгопечатанія до настоящаго времени; 3) материалы по бібліографії вообще.

II. Хроника. 1) Правительственные распоряженія по дѣламъ печати 2) разныя статьи по бібліографії; 3) бібліотеко-вѣдѣніе; 4) издательское и книжно-торговое дѣло; 5) періодическая печать; 6) техника печати; 7) лѣтопись Московскаго Бібліографического Кружка,

III. Объявленія на всѣхъ языкахъ.

IV. Приложенія.

Подписанная цѣна журнала имѣющаго выходить 15 числа каждого мѣсяца, книжками отъ 3 до 6 печатныхъ листовъ формата 8⁰ (19×26⁰), для членовъ Кружка, уплатившихъ сполна годовой взносъ—бесплатно; для постороннихъ лицъ за годъ съ пересылкою и доставкою 6 рублей; на веленевой бумагѣ: для членовъ 3 рубля, для постороннихъ 10 рублей въ годъ.

Плата за объявленія:

За 1 страницу для членовъ Кружка	4 р.
" 1 " " подпісчиковъ на журналъ	6 "
" 1 " " всѣхъ остальныхъ	10 "
" 1 " " въ годъ для членовъ и подпісчиковъ . . .	35 "
" 1 " " " " всѣхъ остальныхъ	50 "

Для авторовъ и издателей, присылающихъ свои книги въ Редакцію, отдельное объявление, въ размѣрѣ 1/4 страницы, стоять 1 рубль.

Подпись принимается только на цѣлый годъ, въ Москвѣ, въ помѣщении Московскаго Бібліографического Кружка (Тверская, уголъ Козицкаго пер., д. Ланиной), въ магазинахъ: Н. И. Мамонтова, Н. П. Карбасникова и М. О Вольфа; въ С.-Петербургѣ у Н. П. Карбасникова и Н. Г. Мартынова.

Отвѣтственный Редакторъ А. Д. Топоревъ

3—3

Принимается подписка въ 1896 году на „Ізвѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“.

Въ 1896 г. „Ізвѣстія Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“ будуть выходить шесть разъ въ годъ (1 выпускъ въ концу января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта,

мая, июля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ «Извѣстій» составляютъ:

- 1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологии, исторіи и этнографіи;
- 2) Спеціальная изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Приволжья, Средней Азіи и Сибири);
- 3) Матеріалы археологические, исторические и этнографические относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригиналныя сообщенія, акты, произведенія народного творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченіе изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;
- 4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;
- 5) Программы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;
- 6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностраннныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ «Извѣстіяхъ» принимаютъ участіе: Н. Ф. Акаевъ, проф. А. И. Александровъ, И. В. Аничковъ (Ауліє-Ата), Г. Ахматовъ, Ш. Г. И. Ахмедовъ, проф. В. А. Богородицкій, проф. Е. Ф. Будде, К. В. Виклюндъ (Улсала), В. Н. Витевскій, Г. Вихманъ (Гельсингфорсъ), К. Б. Газенвинкель, А. О. Гейкель (Гельсингфорсъ), М. Е. Евсеевъ, И. А. Износовъ, Ф. И. Кардасевичъ (Будапешть), Г. Е. Катанаевъ (Омскъ), Н. Ф. Катаевъ, С. И. Кедровъ (Саратовъ), А. К. Кулагинъ, акад. В. В. Латышевъ, Н. М. Мартыновъ (Минусинскъ), В. А. Мошковъ (Варшава), еписк. Никаноръ (Арханг.), П. М. Овчинниковъ (Иркутскъ), П. А. Понаамаревъ, Г. Н. Потанинъ (С.-Петербургъ), проф. И. Н. Смирновъ, А. А. Спицынъ, Ф. А. Теплоуковъ (Пермь), В. М. Терехинъ (Пенза), П. В. Траубенбергъ, проф. А. А. Штуженбергъ, проф. Н. А. Фирсовъ, пр.-доц. Н. Н. Фирсовъ и др..

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подписаніи и 2 р. 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписные суммы адресуются: Казань, Университетъ, секретарю Общества Археологии, Истории и Этнографии.

«Извѣстія» выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціонного комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Члены редакціонного комитета: профессора Казанского Университета И. Н.

Смирновъ, Ф. Г. Мищенко, Н. Ф. Катановъ.

Секретарь Общества *Н. Катановъ.*

3—3

Годъ

въ 1896 году

второй

„ЖУРНАЛЪ МІНІСТЕРСТВА ЮСТИЦІЇ“

будеть выходить ежемѣсячно, за исключеніемъ Іюля и Августа, книгами не менѣе 15 листовъ. Подписной годъ начинается съ Января 1896 г.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкою и пересылкою. Отдѣльная книга продаются: безъ приложеній по 1 рублю, съ приложеніями—по 2 рубля.

Должностныя лица при подпискѣ черезъ казначеевъ пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждого года.

Всѣ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главной Конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ каждого года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, а также студенты Императорскихъ Университетовъ, Училища Правовѣдѣнія и Александровского Лицея и слушатели Воено-Юридической Академіи платять по 5 рублей въ годъ.

Книжныя магазины пользуются за приемъ подписки уступкою 10%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, СПбургъ, Васильевский островъ, 5 линія, д. 28.

Объявленія для напечатанія въ „Журналѣ“ принимаются въ Главной Конторѣ съ платою по разсчету 30 копѣекъ за строчку и 8 рублей за страницу.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ С.-Петербургѣ, по Екатеринской улцѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Рукописи должны быть направляемы въ редакцію. Причитающія гонорарь можетъ быть высыпаемъ и ногороднымъ сотрудникамъ по почтѣ.

Редакторъ В. Ф. Дерюжинскій.

3—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ЧТЕНИЯ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Годовое изданіе Чтеній состоить изъ четырехъ (каждая отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ) книжекъ, выходящихъ въ неопределенные сроки. Въ Чтеніяхъ помѣщаются какъ изслѣдованія, такъ и материалы по различнымъ вопросамъ Россійской исторіи и печатаются памятники древнерусской письменности. Подписная цѣна за годъ 7 р. въ Москвѣ безъ доставки и 8 р. 50 к. съ доставкой въ Москвѣ и съ пересылкой въ другіе города Россіи.

Желающіе подписаться благоволять обращаться или въ Общество, или къ казначею Общества Сергею Ал. Бѣлокурову (Садовники, д. Церкви Георгія, или Воздвиженка, Архивъ Министерства Иностр. Дѣлъ), или въ книжные магазины О. А. Богданова (Никольская) и Н. Карбасникова (Моховая, противъ Университета, д. Кохъ).

Въ Обществѣ или чрезъ тѣхъ же лицъ можно пріобрѣсти изданія Общества за прошлые годы, значащіяся каталогѣ, бесплатно доставляемомъ желающимъ.

2—2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

на духовно-академические журналы

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТИНИКъ“

и

„ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ“.

1) «ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТИНИКъ» — еженедѣльный журналъ, служащій органомъ богословской мысли и церковно-общественной жизни въ Россіи и за границей.

2) «ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ» — двухмѣсячный журналъ, органъ богословской и церковно-исторической науки въ общедоступномъ изложеніи.

Въ качествѣ приложенія къ журналамъ редакція издаєтъ:

Полное Собраніе Твореній св. Иоанна Златоуста

въ русскомъ переводе на весьма льготныхъ для своихъ подписчиковъ условіяхъ. Именно, подписчики на оба журнала получаютъ ежегодно большой томъ этихъ твореній въ двухъ книгахъ (болѣе 900 страницъ убористаго, но четкаго шрифта) вмѣсто nominalной цѣны въ три рубля за ОДИНЪ РУБЛЬ, и подписчики на одинъ изъ нихъ—за 1 р. 50., считая въ томъ и пересылку.

Въ 1896 г. будетъ изданъ ВТОРОЙ ТОМЪ въ двухъ книгахъ, съ приложеніемъ художественно исполненнаго красками снимка съ древнѣшаго изображенія лика св. Иоана Златоуста.

Новые подписчики, желающіе получить въ ПЕРВЫЙ ТОМЪ, благоволять прилагать къ подписной цѣнѣ два рубля, въ изящномъ англійскомъ переплѣтѣ—2 р. 50 коп.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Годовая цѣна въ Россіи:

а) За оба журнала 7 (семь) руб., съ приложеніемъ «ТВОРЕНИЙ СВ. ИОАННА ЗЛАТОУСТА»—8 р. (6) отдельно за Церковный Вѣстникъ 5 (пять) р.; съ приложеніемъ «ТВОР. СВ. ИОАННА ЗЛАТОУСТА»—6 р. 50 к. за «Христіанское Чтеніе» 5 (пять) руб., съ приложеніемъ «ТВОРЕНИЙ СВ. ИОАННА ЗЛАТОУСТА»—6 р. 50 к.

За границей, для всѣхъ мѣсть:

За оба журнала 9 (девять) руб.; съ приложеніемъ «ТВОРЕНИЙ СВ. ИОАННА ЗЛАТОУСТА»—9 рублей.

За изящный англійскій переплѣтъ прилагать 50 коп.

Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: «Въ редакцію «Церковного Вѣстника» и «Христіанского Чтенія» въ С.-Петербургѣ».

СОДЕРЖАНИЕ.

Томъ LII, 1896 г. Январь, Февраль и Мартъ.

СТР.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. ПИСЬМА ПРОТОИЕРЕЯ АРСЕНІЯ ЛЕБЕДИНЦЕВА, Б. БЛАГОЧИННАГО ЦЕРКВЕЙ ЮЖНОГО БЕРЕГА КРЫМА, КЪ ПРЕОСВЯЩЕННОМУ ИННОКЕНТИЮ, АРХІЕПІСКОПУ ХЕРСОНСКОМУ И ТАВРИЧЕСКОМУ, СЪ ДОНЕСЕНІЯМИ О ХОДѢ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ И СОСТОЯНІИ ЦЕРКВЕЙ И ДУХОВЕНСТВА ВО ВРЕМЯ 11-ТИМѢСЯЧНОЙ ОСАДЫ СЕВАСТОПОЛЯ 1—9, 152—176	263—288
II. ИЗЪ ЛЬВОВА ВЪ КОЛОМЬЮ. (Изъ путевыхъ записокъ фр. Рѣгора).	10—31
III. ИЗЪ БЫТА СТУДЕНТОВЪ СТАРОЙ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ. Д. Вишневскаго. 32—57, 177—208	309—334
IV. АВТОБІОГРАФІЯ СВЯЩЕННИКА АПОЛЛОНІЯ СЕНДУЛЬСКАГО. Льва Мацѣевича.	58—77
V. СТРАНСТВУЮЩІЙ АРХІЕРЕЙ (1777—1778 гг.). Протоіерей П. Орловскаго.	78—100
VI. ВОСПОМИНАНІЯ О ФІРМѢ БРАТЬЕВЪ ЯХНЕНКО И СИМИРЕНКО. 101—114, 251—262	358—377
VII. ЛУБЕНЩИНА И КНЯЗЬ ВИШНЕВЕЦКІЕ. Ал. Лазаревскаго. 115—127, 209—229	334—357
VIII. КЪ БІОГРАФІЇ Т. Г. ШЕВЧЕНКА. Н. Васильєва.	129—151

IX. ЭПИЗОДЪ НА МОГИЛЪ ТАРАСА ШЕВЧЕНКА. (Записка художника Честаховского).	230—241
X. ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ НЕБЫЛИЦА. О. Левицкаго.	242—250
XI. СВАДЬБА ВЪ ДЕРЕВНѢ. И. Стрижевскаго.	289—308
XII. АФАНАСІЙ ЗАРУЦКІЙ, МАЛОРОССІЙ ПАНЕРИСТЪ КОНЦА XVII И НАЧАЛА XVIII СТ. Ор. Левицкаго.	378—398

О Т ДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ. а) Повѣрья, обычаи, обряды, суевѣрья и примѣты, пріуроченные къ «Риздвы-намъ Святамъ». Ив. Бѣньковскаго. б) Рождественская вирша. Сообщ. В. Науменко. в) Къ исторіи Литовскаго Статута, какъ дѣйствующаго законодательства въ Малороссіи. Сообщ. графъ Г. А. Милорадовичъ. г) Черты изъ быта духовенства XVIII в. И. Каманина. д) Стихотвореніе П. П. Гулака-Артемовскаго. е) Мелкія извѣстія. ж) Шевченко въ народныхъ разсказахъ А. Крымскаго. з) Поминки по Шевченкѣ въ Лондонѣ въ 1861 году. и) Жалованье запорожцамъ и количество полковъ ихъ до 1648 г. Сообщилъ М. Довнаръ-Запольскій і) Къ исторіи Люблинской унії. Сообщилъ М. Довнаръ-Запольскій к) Къ характеристикѣ козаковъ первой половины XVII в. Н. Б. л) Нѣсколько данныхъ объ альманахѣ „Gwiazda“ (1846—49 г. г.) В. Науменко. м) Дѣло о сочиненіи Мацѣевскаго „Pamiętniki o dziejach, piśmenictwie i prawodawstwie słowian. Сообщилъ В. Науменко. я) Лирныкъ Василій Моротъ. Сообщилъ Е. Чикаленко. о) Записка о состояніи Подолія въ 1843 году. Мирона. п) Г. Ф. Квитка, какъ сотрудникъ Современника. А. Л. р) Списокъ докторовъ медицины изъ малороссовъ, практиковавшихъ въ Россіи въ XVIII столѣтіи. Гл. Л. с) По поводу постановки памятника надъ могилой И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ. т) Объявление о подпискѣ на памятникъ И. П. Котляревскому. 1—29, 51—65	79—106
II. БІБЛІОГРАФІЯ: а) Бѣлорусское Полѣсье. Сборникъ этнографическихъ материаловъ, собранныхъ М. Довнаромъ-Запольскимъ.	

III

978

ОБЪЯВЛЕНИЯ. 1) о журналахъ 1896 2) о конкурсѣ, назначаемомъ редакціей «Кievskoy Stariны» 3) программа «Очерковъ истории Малороссіи». (*въ началѣ книги*) 1—54, 1—40 .

1—14

III. ПРИЛОЖЕНИЕ: 1) Дневникъ генерального подскарбія Якова Марковича. Часть третья. (209—224
225—240 241—256).

2) Любецкій Архивъ. (129—144).

3) «КАТЕРЫНА». (Рис. Т. Г. Шевченка).

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ“¹⁾.

А.

Андріевский А. А. Комиссія 1749 года для разбора взаимныхъ претензій татаръ и запорожцевъ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—23. Цѣна 20 к.

Андріевский А. Изъ жизни Киева въ XVIII вѣкѣ (архивныя замѣтки). Киевъ 1894 г., стр. 1—120. Цѣна 75 к.

Андріевский А. Войтовство Ивана Сычевского въ Киевѣ. 1754—1766 года. Киевъ 1891 г., стр. 1—102. Цѣна 50 к.

Андріевский А. Русские конфиденты въ Турции и въ Крыму въ 1765—1768 г.г. Киевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 50 к.

Андріевский А. Реляпіи Кіевскаго генераль-губернатора за 1768 и 1769 г.г. Киевъ 1892 г., стр. 1—139. Цѣна 50 к.

Андріевский А. Матеріали по исторії Запорожья и пограничныхъ отношеній. (1743—1767). Одесса 1893 г., стр. 1—220. Цѣна 1 р.

Андріевский А. Василій Андреевич Жуковский. Издание Кіевской комиссіи народныхъ членій. Киевъ 1892 г., стр. 1—20. Цѣна 8 к.

Андріевский А. Первый русскій книгопечатникъ. Издание Кіевской комиссіи народныхъ членій. Киевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Андріевский А. Крымъ и Крымскіе татары. Издание Кіевской комиссіи народныхъ членій. Киевъ 1892 г., стр. 1—34. Цѣна 10 к.

Антоновичъ В. Грановщина (эпизодъ изъ истории Брацлавской Украины) (Брошюра-оттискъ), стр. 1—19. Цѣна 15 к.

Антоновичъ Вл. и Драгомановъ М. Историческая пѣсни малорусского народа. Томъ первый. Киевъ 1874 г. I—XXIV; 1—336 стр. Ц. 1 р. 50 к. Томъ второй. Вип. I. Киевъ 1875 г., стр. I—XI+1—166. Цѣна 80 к.

Антоновичъ В. Б. Археологическая карта кіевской губерніи. (Приложение

къ XV т. „Древности“). Издание Московскаго Императорскаго Археологическаго Общества. Москва 1895 г., стр. 1—139 + Указатель именъ географическихъ и предметныхъ (стр. 1—20)+ карта. Цѣна 3 р.

Антоновичъ В. Б. Монографія по исторії Западной и Юго-западной Россіи. Томъ I. Киевъ 1885 г., стр. 1—450. Цѣна 2 р.

Антоновичъ В. По вопросу объ уничтоженіи Ярославова вала. Киевъ 1895 г., стр. 1—21. Цѣна 20 к.

Арь Григорій Федоровичъ Квітка (Основианенко). Біографіческий очеркъ. Ізд. 2-ое. Киевъ 1885 г., сгр. 1—32. Цѣна 15 к.

А. Т. Добра душа. Оповидання. У Чернігови 1895 г., стр. 1—34. Цѣна 5 к.

Б.

Багалій Д. И. Колонизация Новороссійского края и первые шаги его по пути культуры. Киевъ 1889 г., стр. 1—115. Цѣна 75 к.

Барвинокъ Ганна Молотники (Бытовой рассказъ), Киевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 20 к.

Бершадский С. А. Аврамъ Езофовичъ Ребликовичъ, подскарбій земський, членъ Рады Вел. Кн. Литовскаго. Киевъ 1888 г стр. 1—157. Цѣна 75 к.

Бібліографіческий указатель „Кіевской Старинѣ“ за первое десятилітіе (1882—1891 г.). Киевъ 1892 г., стр. 1—108. Цѣна 75 к.

Білоусенко Александръ. Батькивъ гріхъ. Оповидання. Киевъ 1895 г., стр. 1—44. Цѣна 8 к.

Боровиковский Левко. Байки и прібаютки. Киевъ 1852 г., стр 1—XII+13—118. Цѣна 75 к.

¹⁾ Вновь поступившія въ Складъ книги обозначены звездочкой (*).

Біляшевський Николай. Монетные клады кіевской губерніи. Кіевъ 1889 г., стр. 1—143. Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкой 1 р. 50 к.

В.

Веселовский А. Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Вицна пара та інше. У Чернигові 1895 г., 1—55. Цѣна 8 к.

Владимірський-Будановъ М. Передвижение южно-русского населенія въ эпоху Богдана Хмельницкаго. Кіевъ 1883 г., стр. 1—38. Цѣна 30 к.

В. М. Свадебныя пѣсни въ Лубенской мѣстечкѣ. Кіевъ 1890 г., стр. 1—64. Цѣна 40 к.

Вовчокъ Марко. Викунъ. Опогідання С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—18. Цѣна 5 к.

Вовчокъ Марко. Ледищица. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—26. Цѣна 5 к.

Вовчокъ Марко. Сестра. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—30. Цѣна 5 к.

Востоконъ А. Полтавскій полковникъ Иванъ Чернякъ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—17. Цѣна 15 к.

Востоконъ А. Нѣжинская Рада 1663 года (Брошюра-оттискъ), стр. 1—15. Цѣна 15 к.

В. Ю. Рѣчь кн. Н. Г. Рѣпнину и дѣло объ ея напечатаніи. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—8. Цѣна 10 к.

Г.

Гаврышъ Ол. Царинна-русланка. Казака. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Гамалія Н. Земля и люде въ Россії: I. Шивничный Ледовый Океантъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

Гамалія Н. Земля и люде въ Россії: II. Мезенская тундра. Кіевъ 1883 г., стр. 1—8. Цѣна 5 к.

Гамалія Н. Земля и люде въ Россії: III. Лисова полоса Россії. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

Гамалія Н. Земля и люде въ Россії: IV. Сторона великихъ озеръ. Петербуржъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—23. Цѣна 15 к.

Гамалія Н. Земля и люде въ Россії: V. Білоруссія и Литва. Кіевъ 1883 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Гамалія Н. Земля и люде въ Россії: VI. Кавказъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—39. Цѣна 10 к.

Глибовъ Л. Я. До мырового! Жартъ въ 1 дії. С.-Петербургъ 1891 г., стр. 1—39. Цѣна 15 к.

Голубовский П. Болгары и Хозары, восточные соседи Руси при Владимире Св. Кіевъ 1888 г., стр. 1—43. Цѣна 30 к.

Гордіенко Данило. 1) Кумъ-ханъ. 2) Примода у поэзіи. 3) Петро Мирошниченко. Оповідання. У Чернигові 1885 г., стр. 1—25. Цѣна 3 к.

Граматика. С.-Петербургъ 1857 г., стр. 1—149. Цѣна 50 к.

Гринченко Б. Книга казокъ виршомъ. Одесса 1896 г., стр. 1—107. Цѣна 15 к.

Гринченко Борисъ. (В. Чайченко). Байки. У Чернигові 1895 г., стр. 1—80. Цѣна 15 к.

Гринченко Б. Д. Писни та думы. Книжка перша и друга. У Чернигові 1895 г., стр. 1—66. Цѣна 50 к.

Гринченко Б. Д. Этнографические матеріали, собранные въ Черниговской и съсѣднихъ ст. цею губерніяхъ. Выпускъ I. Разсказы, сказки, предавія, пословицы, загадки и пр. Черниговъ 1895 г., стр. 1—300. Цѣна 1 р. 50 к.

Гулань-Артемовский П. П. Сочиненія. Кіевъ 1888 г., стр. 1—26. Цѣна 25 к.

Д.

Днєвникъ генерального подскарбія Якова Марковича. Издание подъ редакціей А. Лазаревскаго. Часть 1-я (1718—1725 годы). Кіевъ 1893 г., стр. I—XVI+1—329. Цѣна 2 р.

То же. Часть 2-я (1726—1729 годы). Кіевъ 1895 г., стр. I—II+1—342. Цѣна 2 р.

Е.

Ефименко А. Очерки исторіи Правобережной Украины. Кіевъ 1895 г., стр. 1—174. Цѣна 1 р. 25 к.

Ефименко А. Двадцать пунктовъ Вельмишнова. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—21. Цѣна 20 к.

Ефименко А. Вѣдствія Евреевъ въ Южной Руси въ XVII вѣкѣ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Ефименко П. Экономическая замѣтки о старинѣ и материалы. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Ж.

Жизнь струны. Збирникъ лисень. У Чернигові 1895 г., стр. 1—109. Цѣна 12 к.

* **Житецій П.** Очерки литературной исторіи малорусского нарѣчія въ XVII и XVIII вв. Кіевъ 1889 г. 8-й. Ч. 1 р.

* **Житецій П.** Описаніе Переображенійской рукописи XVI в. Кіевъ 4-ой. Съ 4-мя снимками. Цѣна 75 к.

* Жицький П. Теорія сочиненія съ христоматієй. Київъ 1895 г., стр. 1—112+1—132. Цѣна 1 р.

3.

Забочень Петро. Гордозвита шара. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—15. Цѣна 3 к.

И.

Івачов, А. Розмова про земні сили. Переклав на українську мову М. Комаров. Книжка друга (з малюнками) Київъ 1885 г., стр. 1—91. Цѣна 15 к.

К.

Казюка Паньюко. Сичови гости. Чуприна и Чортуюсь. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—27. Цѣна 5 к.

Каманинъ И. Послѣдніе годы самоуправлія Києва по Магдебургскому праву. Київъ 1888 г., стр. 1—91. Цѣна 50 к.

Каманинъ И. Київляне и Богданъ Хмельницкій въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Київъ 1888 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Каталогъ предметовъ малорусской старины и рѣдкостей коллекціи В. В. Тарновскаго. Вып. 1-ый. Шевченко. Київъ 1893 г., стр. 1—14.

* Кистинковский о. Федоръ. Воспоминанія его. Оттискъ изъ журнала „Киевская Старина“. Київъ 1896 г., стр. 1—139. Ц. 1 р.

Кономенко М. Зъ Богомъ не змагайсь. Казка. Київъ 1895 г., стр. 1—39. Цѣна 7 к.

Коцобоинський. Мицайло. Плтызлотувки. Оповідання. У Чернігові. 1895 г., стр. 1—18. Цѣна 3 к.

Коцобоинський М. 1) Харыта 2) Ільника 3) Маненкій гришныкъ. Оповідання. У Чернігові 1895 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

Кузьменко Петро. Не такъ ждалося, да такъ склалося. Оновідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Кулишъ П. Григорій Квітка (Основяненко) и его повісті. Слово на новий вихід Квітчаніхъ повістей. С.-Петербургъ 1858 г., стр. I—XXXVI. Цѣна 25 к.

Кулишъ П. Записки о Южной Руси. Томъ второй. С.-Петербургъ 1857 г. стр. 1—354. Цѣна 2 р. 50 к.

Л.

Лазаревскій А. Описаніе старой Малороссіи. Матеріали для исторіи заселенія,

нія, землевладѣнія и управліенія. Томъ 1-ый: Полкъ Стародубскій. Київъ 1889 г., стр. I—XVI+1—407+I—XXX. Цѣна 3 р.

То же. Томъ II-й: Полкъ Нѣжинскій. Київъ 1893 г., стр. I—IV+1—52+I—XXV. Цѣна 3 р. 50 к.

Лашимовичъ Александръ Степановичъ (некрологъ). Київъ 1889 г., стр. 1—12+портретъ. Цѣна 15 к.

Левицкій О. И. Ганна Монтовъ. Историко бытовой очеркъ изъ жизни волынского дворянства въ XVI вѣкѣ. Київъ 1888 г., стр. 1—69. Цѣна 40 к.

* Левицкій И. Бурлачка. Повість. Київъ 1881 г., стр. 1—223. Цѣна 75 к.

* Левицкій Иванъ. На Кожумляхъ. Мишанска комедія на 5 дій. Друге вправленіе выданія. Київъ 1887 г., стр. 1—108. Цѣна 25 к.

* Левицкій Иванъ. Двѣ московки. Повість. Друге выданія. Київъ 1887 г., стр. 1—84. Цѣна 25 к.

* Левицкій Иванъ. Рибалка Панасть Круть. Повість. Друге выданія. Київъ 1887 г., стр. 1—40. Цѣна 10 к.

* Левицкій Иванъ. Приятели. Повість. Друге выданія. Київъ 1887 г., стр. 1—40. Цѣна 10 к.

* Левицкій Иванъ. Баба Чараска та баба Шалажка. Частка I. Неможна баби Чарасци вдержатись на сели. Четверте выданіе з додатками. Київъ 1887 г., стр. 1—39. Цѣна 10 к.

* Левицкій Иванъ. Чортяча словуса. Оповідання. Друге выданія. Київъ 1887 г., стр. 1—52. Цѣна 12 к.

* Леонтьевъ Иванъ. Маруся Богуславка. Оперета на 4 дії. Друге выданія. Київъ 1887 г., стр. 1—79. Цѣна 20 к.

* Левицкій Иванъ. Кайдашева симя. Повість. Київъ 1887 г., стр. 1—211. Цѣна 50 к.

Леонидъ Архимандріть. Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ: „Откуда родомъ была Св. Великая Княгиня Ольга.“ По поводу статьи И. И. Малышевскаго: „О происхожденіи Великой Княгини русской Ольги Св.“ Київъ 1889 г., стр. 1—8. Цѣна 10 к.

Лисенко М. Молодощи. Збирникъ танківъ та веснянокъ. Київъ 1875 г., стр. 1—10. Цѣна 1 р. 20 к.

Листи съ хутора. Листъ V. Хто такой хуторянинъ. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

Лучинський И. По поводу Дрогичинскихъ древностей. Замѣтка къ исторіи торговъ сношеній Ганзы съ сѣверо-западной и южной Русью. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—32. Цѣна 50 к.

Лучинський И. Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франції

до революції и продажъ національныхъ имуществъ. (Отчетъ о командировкѣ за границу). Кіевъ 1894 г., стр. 1—42. Цѣна 50 к.

Лучицій И. Рабство и russkіе рабы во Флоренціи въ XIV и XV в. в. Кіевъ 1886 г., стр. 1—56. Цѣна 50 к.

И. Лучицій. Земледѣліе и земледѣльческие классы въ современной Италіи (Брошюра-оттискъ), стр. 1—32. Цѣна 50 к.

Лучицій И. Очерки по экономической истории Западной Европы. I. Вопросъ о населенности германскихъ городовъ въ XIV—XV в. в. Кіевъ 1893 г., стр. 1—64. Цѣна 50 к.

То же: II. Рабочее населеніе и экономическая политика германскихъ городовъ въ XV и XVI в. в. Кіевъ 1894 г., стр. 1—47. Цѣна 50 к.

Лучицій И. Сборникъ материаловъ для истории общинъ и общественныхъ земель въ лѣнобережной Украинѣ XVIII в. Кіевъ 1894 г., стр. 1—271. Цѣна 2 р.

M.

Малоруссіє ломашіє лѣчебники XVIII в. Съ предисловіемъ А. А. Потебни. Кіевъ 1890 г., стр. I—IV+1—59. Цѣна 40 к.

Мельникъ И. Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поль въ Екатеринополѣ. Выпускъ I. Кіевъ 1893 г., стр. 1—219+Географический указатель (стр. 1—217)+14 таблицъ рисунковъ. Цѣна 3 р. 50 к.

Мирный Панасъ. Збиралица зъ ридного поля. Приповистки, оновидания и драматични творы. Кіевъ 1886 г., стр. 1—124. Цѣна 50 к.

Мирный Панасъ. Переимудривъ. Комедія въ п'яти справахъ. Кіевъ 1886 г., стр. 1—214. Цѣна 75 к.

Михальчукъ И. Къ южно-русскої діалектології (А. И. Соболевскій. „Очеркъ русской діалектологии. III. Малорусское нарѣчіе.“) (Брошюра-оттискъ), Кіевъ 1893 г., стр. 1—35. Цѣна 20 к.

Мищенко Ф. Г. П. Галаганъ (некрологъ). Кіевъ 1883 г., стр. 1—22. Цѣна 20 к.

Мордовцовъ Данило. Салдатка. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—26. Цѣна 5 к.

H.

Наказы малороссійскимъ деяугатамъ 1767 года и акты о выборахъ депутатовъ въ коміссію сочиненія Уложенія. Кіевъ 1889 г., стр. 1—292+I—XX. Цѣна 1 р.

Науменко В. Александръ Федоровичъ Кистяковскій (Біографіческий очеркъ съ отрывкомъ изъ рукописной автобіографіи его) Кіевъ 1895 г., стр. 1—43+портретъ. Цѣна 30 к.

Науменко В. Отечественный языкъ, какъ предметъ гімназіческаго курса. (Рѣчъ, читанная на торжественномъ актѣ Кіевской 2-ой Гімназіи). Кіевъ 1881 г., стр. 1—26. Цѣна 20 к.

Науменко В. Примѣрная программа преподаванія russкаго языка въ низшихъ классахъ гімназіи. Кіевъ 1894 г., стр. 1—31. Цѣна 20 к.

Науменко В. Александръ Алексѣевичъ Корсунъ (Некрологъ). Брошюра оттискъ, стр. 450—461. Цѣна 10 к.

Науменко В. Къ литературѣ рожденіиескихъ и наслаждальныхъ виршъ. Брошюра-оттискъ, стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Науменко В. О задачахъ преподаванія отечественной словесности. Рѣчъ на торжественномъ актѣ Кіевской 2-ой Гімназіи. Кіевъ 1888 г., стр. 1—16. Цѣна 15 к.

Науменко В. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. Кіевъ 1889 г., стр. 1—90. Цѣна 60 к.

Науменко В. Къ пятидесятилѣтію со дня смерти Ивана Петровича Котляревскаго. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

Науменко В. Къ пятидесятилѣтію со дня кончины Григорія Федоровича Квитки-Основяненка: 1) Біографіческий очеркъ. 2) Квитка, какъ малорусский писатель, передъ судомъ критики. Съ портретомъ. Кіевъ 1893 г., стр. 1—59. Цѣна 50 к.

Николайчикъ Ф. Новый источникъ о козацкому восстанию 1625 г. и мѣсто заключенія Круковскаго договора. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—18. Цѣна 15 к.

Николайчикъ Ф. Отголосокъ лирическаго языка. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Номисъ М. Українські приказки, прислів'я и таке інше. Збірники О. В. Марковича и другихъ. С.-Петербургъ 1865 г., стр. I—VII+1—304+I—XVII. Цѣна 2 р.

Н. О. Бунтъ Сквицкаго магістра. Кіевъ 1888 г., стр. 1—50. Цѣна 35 к.

II.

Петровъ Н. Къ исторіи колонізаціи Слободской Украины. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

П. Л. Въ какомъ видѣ могутъ быть изображенія Св. Равноапостольный князь Владимиръ и Св. княгиня Ольга, и имъ-

емъ ли мы ихъ подлинныя изображенія? Кіевъ 1888 г., стр. 1—6. Цѣна 10 к.

Про карти, до якихъ присуждаютъ мирові судді. Кіевъ 1856 г., стр. 1—35. Цѣна 12 к.

Про холеру. Кіевъ 1875 г., стр. 1—48. Цѣна 7 к.

Р.

Р-а П. З. 1) Чорноморцы у певоли. 2) Якъ чоловикъ конемъ бувъ. 3) Уласъ Шапленко. Три оповідання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—30. Цѣна 5 к.

Рада. Український Альманахъ на 1883 рокъ. Частина перша. Видання М. Старицкого. Кіевъ 1883 г., стр. 1—470. Цѣна 2 р.

Р. Л. Н. Порча українскихъ народныхъ птесни. Кіевъ 1893 г., стр. 1—15. Цѣна 15 к.

Романова Одария. 1) Червый пырокъ. Казка. 2) Сватавня Мороза. Зимня казоочка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—26. Цѣна 10 к.

Романова Одария. Ивашко. Кіевъ 1895 г., стр. 1—38. Цѣна 10 к.

Романова Одарка. Якъ мене Мати Божа отъ гриха одвела. Правдыве ономисдання. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 10 к.

Романовичь-Славатинскій А. Воспоминавія объ архівѣ Государственного Союза. Кіевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 15 к.

Рудченко И. Я. Чумакія народныя птесни. Кіевъ 1874 г., стр. I—XII+1—257+3 таблицы нотъ. Цѣна 1 р 30 к.

Русовъ А. Материалы для сдѣлки земельныхъ угодий, собранные Черниговскимъ статистическимъ отдѣломъ при губернской земской управѣ. Т. XV. Кропивецкій уѣздъ. Рецензія (Брошюра-оттискъ), стр. 1—13. Цѣна 10 к.

С.

Самойленко Володимиръ. Зъ его поэзій. Частина перша. Кіевъ 1890 г., стр. 1—47. Цѣна 20 к.

* **Степановичъ А.** Разсвѣть, сборникъ. Ц. 1 р. Кіевъ 1893 г. 224 стр.

* **Степановичъ А.** Славянская Бесѣда. 2 части Ц. 1 р. 50 к. 248+110 стр.

* **Степановичъ А.** Вопросъ объ общеславянскомъ языке въ решеніи А. С. Будиловича. Кіевъ 1895 г. Ц. 20 к.

* **Степановичъ А.** Къ 100—лѣтію рожденія Я. Коллара. Кіевъ 1894 г. Ц. 20 к.

* **Степановичъ А.** Славянская парфюмія. проф. Геблуэра перевѣзъ и примѣщанія (одобр. М. Н. Проесть, для библіот. средн. уч. завед.) Ц. 50 к.

* **Степановичъ А.** Очеркъ исторіи чешской литературы (съ фотографич. снимкомъ съ Кралеворск. р—си) 336+XIII стр. Кіевъ 1886 г. Ц. 1 р. 50 к. (Удостоено отъ Академіи Наукъ преміи гр. Д. А. Толстаго).

* **Степановичъ А.** Главнѣйшій направлениія въ нов. чешск. словесносніи. Лекція читан. въ у—тѣ для получ. званія прив. доцента. Кіевъ 1892, г. Ц. 15 к.

* **Степановичъ А.** Прив. доцентъ: Борьба и смѣна главъ. направлений въ нов. сербской словесности. Вступит. лекція въ у—тѣ Св. Владимира. Кіевъ 1895 г. Ц. 15 к.

Степъ. Херсонський беллетристичный сбірникъ. Херсонъ 1883 г., С.—Петербургъ 1886 г., стр. 1—591. Цѣна 1 р. 25 к.

Сторожевъ В. Н. Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII вѣка. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

Стороженко Н. И. Первые четыре года ссылки Шевченка. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Стороженко А. В. Леонардъ Совинский. (Опытъ посмертной характеристики.) Кіевъ 1888 г., стр. 1—29. Цѣна 25 к.

Стороженко Олеся Закханый чортъ. Оповідання. С.—Петербургъ 1862 г., стр. 1—34. Цѣна 7 к.

Стороженко Олеся. Вчи лінівого не молотъ, а голодомъ. Оповідання. С.—Петербургъ 1862 г., стр. 1—8. Цѣна 2 к.

Стороженко Олеся. Се така баба, що ій чортъ на маховихъ вилахъ чоботы отдававъ. Оповідання. С.—Петербургъ 1862 г., стр. 1—10. Цѣна 3 к.

Стороженко Олеся. Якъ Богъ дастъ, то и въ вікно подастъ. Оповідання. С.—Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

Сумцовъ Н. Ф. Исторический очерк попытокъ католиковъ ввести въ Южную и Западную Россію Григоріанскій календарь. Кіевъ 1888 г., стр. 1—38. Цѣна 25 к.

Сумцовъ Н. Ф. Станиславъ Орѣховскій. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

С.Ф. Кр. Особенности статистического изслѣдованія курской губерніи. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—31. Цѣна 20 к.

Слѣпушкинъ И. О томъ, какъ Богданъ Хмельницкій освободилъ Україну отъ польской неволи. Издание четвертое комиссіи народныхъ членій. Кіевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 15 к.

Сборникъ въ пользу педагогическихъ студентовъ Університета. Св. Владимира. С.—Петербургъ 1895 г., стр. 1—30. Цѣна 2 р.

Т.

Тарасенко Иванъ. На Вкраини. Вирши, писни и переснивы. Кіевъ 1889 г., стр. 1—79. Цѣна 40 к.

Теличенко Ив. Протестъ слободской старшини и козаковъ противъ реформы 1765 г. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—27. Цѣна 20 к.

Ф.

Фадькович. Осип. Позисги. З переднім словом про галицко-руське письменство. Мих. Драгоманова. Кіевъ 1876 г., стр. I—LVI+1—95. Цѣна 1 р.

Ч.

Чулай Грыцько. Оповидання: 1) Якъ я шершишивъ зъ грушъ викурювавъ. 2) Якъ я роя вигонявъ. 3) Божій попустъ. Кіевъ 1891 г., стр. 1—36. Цѣна 10 к.

Чайченко В. Робинзонъ. Кіевъ 1891 г., стр. 1—63. Цѣна 15 к.

Чайченко В. 1) Піцмаль. 2) Панько. Два оповидання. У Чернігови. 1894 г., стр. 1—28. Цѣна 3 к.

Чайченко В. Батько та дочка. Оповидання про те, якъ чоловікови підъ землею въ шахти пригода трапилася. У Чернігови 1894 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

Чайченко В. Робинзонъ. Оповидання. Вдруге видано зъ додатками та зъ виправками. У Чернігови 1894 г., стр. 1—87. Цѣна 10 к.

III.

Шевченко Т. Г. Тополя. Кіевъ 1891 г., стр. 1—14. Цѣна 3 к.

Шевченко Тарасъ. Переображенія. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—6. Цѣна 2 к.

Щ.

Щербина В. Новые матеріалы для исторіи Руси Литовской и Московской въ концѣ XVI столѣтія. (Рецензія) (Брошюра-оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

Щербина В. Три Шелеста. (Изъ исторіи Коломиинска). (Брошюра - оттискъ). 1—8. Цѣна 10 к.

Щербині В. Готлибъ - Самуиль Трейеръ и его сочиненія по исторіи Московскаго государства. (Брошюра-оттискъ). Кіевъ 1895 г., стр. 1—19. Цѣна 15 к.

Щербіна В. Изъ семейнаго архива. 1) Записки Андрея Петровича Рудыковскаго (1796—1874). 2) Сміхотворенія Евстафія Петровича Рудыковскаго (1784—1851). Кіевъ 1892 г., стр. 1—117. Цѣна 75 к.

Я.

Яструбець. Про звіриз (по Брему) Мансонія або хижі звири. І. Ведмедь. Кіевъ 1876 г., стр. 1—36. Цѣна 10 к.

Ящуриній Хр. Херсонесъ во время крещенія въ немъ Св. Владимира и дальниѣшша судьба города. Кіевъ 1903 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

и Лисенко и зъ дамъ гетманова, Радищева, Паскова, Борзиха и проч. и до вечора просидѣли.

Вовтор. 14. День быль и ночь подобніе, только въ почѣ зверхъ сходства въ воздухѣ, снѣжокъ маленкій припалъ. Сего дня у столу гетманского старшина енер. и я обѣдали, а вечерали и заговляли у насть Кондзеровскій зъ женою.

Серода. 15. День быль и ночь зъ отлигою мокрою, и сегодня показалась перемѣна воздуха сухого на влготній. Сего дня обѣдали у насть асаулъ енер. Мануйловичъ зъ женою, протопопиха и п. Кондзеровская, а по обѣдѣ ходилъ до енерала и позабавивши тамъ, повернулся домой. Николай Товкаченко отпущенъ домой и велено ему и Прокопу Гончаренку готоватись въ дорогу Кролевецкую, а писано черезъ его до стар. 1) о Тимоху Степанченку, чтобы ему житъ въ селѣ и возвратить ему забранное, опрочъ жита и сѣна половини; 2) посланъ къ нему пакетъ до архіеря чернѣг. и цункта на попа обѣ изслѣдованіи, когда грунтами завладѣль; 3) на Товкачу 1 р. 90 к. доправить, якіе онъ удержалъ отъ поборцовъ, взявши и отъ роздачи на жито удержавши.

Четвер. 16. День и ночь были туманніе, зъ нѣкоторимъ ма-
лими дощиковъ, отъ чего начала вся земля мяктѣти и грязко ста-
новитись. На службѣ Божій были у Веригинской церкви, а по
службѣ обѣдали у себѣ зъ родителми и съ нами ігуменія Глухов-
ская и Худолѣй, по обѣдѣ заездиль ко мнѣ п. Михайлло и посидя
отехаль. Господарь, повернувшись зъ Сваркова, обявиль, что зъ
млина нового сварковскаго 2 четверти самого жита взялъ онъ и
далъ Задулу (?).

Пятокъ. 17. День быль хмарній, зъ густимъ дощемъ до ве-
чора, а у вечеру снѣгъ и къ почѣ пересталъ, а въ почѣ морозъ и
къ свѣту силній, что все померзло очинъ. Матка отехала зъ Глу-
хова до Тулиголовъ, куда и жена поехала оправодить оную.

Субота. 18. День хмарний, холодний, воздуха знову сухого, а
потомъ ажъ до вечора свѣтлій, ночь свѣтла, вѣтряна и холодна
воздуха сухого зъ крѣпкою стужею. Жестянку наклали другую мо-
дового сахару; для памяти запис. Составлена вѣдомость новая дачи

годовой отъ Крисковцовъ, зъ которой видно, что пахарей 60 и зъ оныхъ приходитъ 77 р. 50 к., а жита и овса четверть. по 50 понурницкой мѣри, а бобилей 37, зъ которыхъ приходитъ 12 р. и съ тою вѣдомостью отправлены Климу Прокопенко да Ивану Товкачъ къ старостѣ, до котораго писано: 1) о присилкѣ сюда вѣдомости завладѣніи грунтовъ криковскихъ посторонними; 2) о зборѣ по сей вѣдомости, 3) о выключкѣ отъ збору тихъ, которіе службою обовязаны; 4) о присилкѣ сюда невода; 5) о разсмотреніи его надъ тими, что хлѣба на ихъ опредѣлить, зъ которыхъ братъ хлѣбъ не написано увѣдомити; 6) о доправкѣ прежнихъ зборовъ 1730-го году 1 р. 75 к., а за 1731 годъ 39 р. 47 к., итого за обидва 41 р. 22 к. Да жита за розданіе прошлого году, 30 р. и за нинѣшнє зъ 20 р. на 17 четвериковъ и денегъ 13 р. и 20 к. зъ людей.

Неделя. 19. День хмарний, вѣтряний, холодний велики, ночь такъже хмарна и холодна. Сегодня у енерала обѣдалъ и дноваль, ажъ до поздней ночи. Жена, опроводивши матку до Тулиголовъ, повернулась.

Понедел. 20. День былъ также сухій, холодный велики и вѣтряний, ночь еще холоднѣйшая Богоявленскихъ морозовъ. Сегодня дома обѣдалисмо и я нигде не бывалъ, а былъ у мене п. Михайло, а посидѣвши отехалъ. Козакъ зъ письмомъ отъ Клима пріѣхалъ, въ якомъ пишетъ, что по человитной моей Лаврѣнть Кодинецъ, вмѣсто брата своего, былъ въ допросѣ.

Вовтор. 21. День сей былъ подобный во всемъ вчорайшому, а ночь такъже холодна, воздуха сухого, толко жъ до свѣта зъ полночи началь ити снѣжокъ спорній и покриль до свѣта землю. Былъ я рано въ городѣ и по службѣ обѣдалъ у столу гетманскаго, а по обѣдѣ былъзванъ до енерала, у котораго долго въ ночь просидѣлъ, у шахмати играющи. Жена на уплати свои женскіе сильно заболѣла. Янѣшевскій посыланъ въ Есманъ и привезъ вѣдомость, что тамъ въ млинѣ розмѣрного, oprочъ мѣроchnиковихъ мѣрокъ, жита четвертей 13 и 5 мѣрокъ, гречки четвертей 4, ячменю четвертей 2, мѣрокъ 2 (а гуменной гречки четвертей 7, овса

четвертей 7 и зъ того числа въ яму всипанъ овесъ увесь и гречка вся гуменная и розмѣрная). Такъже пшеницѣ у млинѣ мѣрокъ 6.

Середа. 22. День былъ хмаренъ, зъ ранку ажъ до вечора снѣгъ густий ишолъ и сегодня первая стала дорога санная. Рано жъ и до полдня было велми холодно, а зъ полдня до вечора отлигло. Ночъ также хмарна зъ отлигою, а зъ полночѣ вѣтеръ полнощний зъ стужею до свѣта. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ пріездилъ п. Михайло и посидѣвши отехалъ, а гетманъ зъ судіями были у генерала, для нѣкоторого дѣла, и посля позно разехались.

Четвер. 23. День былъ хмаренъ и снѣгъ ишолъ до полдня, а сподня пересталъ и виногодилось въ ночь, морозъ силний до свѣта. Сегодня обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ ездилъ до п. Михайла и до Радищева. Грекъ Дмитрій купилъ мнѣско (?) кагве, якое братъ п. Марко просилъ.

Пятокъ. 24. День былъ холодний велми, свѣтлій почаси и почаси хмаренъ, ночь хмарна, холодніе, воздуха сухого, зъ полночи снѣгъ. Праздновани день тезоименитства государинѣ царевни Екатерини Ioannовни и подпіахомъ у генерала. Писаль я до Клима о дѣлѣ зъ Кодинцемъ и улику зде говоренню послать къ нему. Да писано жъ до его, чтобъ 2400 вовни старой вислать въ Кіевъ для продажи зъ масломъ. До стар. Переор. писаль и копію купчой на яръ и стѣнку Воронину послать, чтобъ она по силѣ оной управлялся и ею владѣль, а тіе писма послани до п. Марка, чтобъ онъ въ Сухопосовку переслать. Зъ футора привезено овса и здано Степану осмухъ 47, четверичковъ 2 и 2 гарци, а четверичками ищисляющи всѣхъ четверичковъ 237 и 2 гарци.

Субота. 25. День былъ хмаренъ, сперва снѣгъ ишолъ, а потомъ отлигло, ночь зъ отлигою исперва, а зъ полночи виногодилось зъ морозомъ. Рано явился мѣрочникъ Ясманскій зъ карбами и по ищисленіи онихъ карбовъ показалось, что за господарство Бузинскаго, отъ начала его, розмѣру принято зъ млина того по сеє число: жита четвертей 133, гречки четвертей 18, ячменю четвертей 11, овса четвертей 3, пшеницѣ четвертей 2 и мѣрокъ 6, всего хлѣба четвертей 167 и мѣрокъ 6. Вѣжевскій пріехалъ зъ Сваркова и

обявилъ, что подданимъ Кутири 50, Богомазу 80, Максиму Забарѣ 30, Ивану Манжулѣ 30, Михаилу Литвиненку 100, Ивану Бѣлаку 10, Лукяну Плетюнцѣ 10, даль гор. по алтину за то, что они въ козацкомъ шинку пили. Да онъ же вимѣрялъ сколько тещеръ розмѣру налице въ Сварковѣ, а именно: мѣрокъ жита 36, гречки 18, овса 14. Да онъ же доправиль на людяхъ за медъ, выпитый дорогою тамъ, 6 р. безъ 5 к., да у Ивана Артеменка 50 к. взялъ. Петру Шамушенку Княжицкому, за Степана Сварков. Двойника, 1 р. дано; Василю Шмуйлу на сей годъ дано 5 р. Вѣжевскимъ.

Неделя. 26. День зъ вѣтромъ холоденъ, сухого воздуха, хмаренъ зъ невеликимъ снѣгомъ, ночь тиха, хмарна зъ болшимъ и сухимъ морозомъ. Рано быль я у церкви ст. Анастасіи, а отоль у дворѣ рейментарскомъ, а обѣдалъ у себѣ зъ женою, братомъ и Гапкою, а отоль ездилъ до п. Михайла, а отъ него повернувшись, быль у енерала и игралъ съ нимъ у пѣкетъ. Брата п. Михайла слуга Гаврило отехалъ въ Москву, черезъ которого писалъ я до Курбатова, а родитель до его и до князя Шаховскаго, да даль я ему 40 червонныхъ на покупку коляски, шоръ цукга и футра шлямового песцоваго, о чомъ писалъ я до сестри и до Каратаева, да даль я ему часы золотіе для перочистки, для придѣлки до онога двохъ стеколъ, да велѣль купить табаку картузъ, календарь, чайниковъ глиняныхъ 2, да даль ему для вимиття и поправки штановъ лосинныхъ 2, рукавицъ 2 пари и фуфайку лосиную, на что особливо даль я ему 3 червонныхъ и на все тое даль ему меморіаль на писмѣ. Кирику, машталѣру, дали за службу его въ первое рубля.

Понедел. 27. Рано снѣгъ великий зъ силою метелицею и вѣтромъ, что и человѣка невидать было, только жъ переходомъ, а по прошествии хмаръ, ясно, холодно велми и вѣтряно, также и въ ночь ясно, холодно и велми вѣтряно. Обѣдалисмо въ дому зъ родителемъ, а по обѣдѣ, у вечеру, ездилъ до п. Михайла, зъ кото-римъ и Покорскимъ посидѣвши, вечераль у гетманского столу, а панъ гетманова отехала въ Кучеровку. Романъ, стар. Тулиг., быль,

зъ которого реестровъ уписали въ господарскую книжку все, что на лице ему здано сего году, по ревизїи, опрочъ горѣлки, и тепе-рь даль я ему 5 р. на расходы.

Вовтор. 28. День быль почаси свѣтлій, а посля хмарній, холодній, отъ якого холоду столпи на небѣ показивались, такъже и ночь свѣтла, холодна. Обѣдалемъ въ дому, а по обѣдѣ ездилъ до Борзни, у которого довольно посидѣвши, повернулся домой позно. Янѣшевскій посыланъ въ Ясманъ для осмотру размѣру и привезъ вѣдомость, что отъ прежнега его тамъ осмотру, которому тижденъ, собралось разміру тамъ: жита 9 четверичковъ, гречки 9, ячменю зъ овсомъ 5, всего 23, а прежнега осталнаго жита четверичковъ 9.

Середа. 29. День быль хмарній зъ силнимъ морозомъ и ночь таковажъ, зъ вѣтромъ. Сегодня обѣдалисмо въ дому, а никуда не ездили.

Четвер. 30. День быль подобній прежнимъ и вчорайшому, холодний, хмарний и вѣтрянъ. Ночь таковажъ, якъ и вчорайша, свѣтла и погодна. Были рано зъ поздравленіемъ у генерала, а отоль у гетьмана, обѣдали у Паска по тому, что онъ іменинникъ и подпіахомъ, а отоль заехали мы зъ п. Михайломъ ко мнѣ и посида, отохалъ онъ во свойси. Грекъ Іотій отдалъ за склепъ 5 червоннихъ по 2 р. и 15 к., а еще остался виноватъ 10 р. 25 к., для того, что нанять оний биль склепъ за 21 р., которому найму конець вчера, а Вѣжевскій отобраль денги. Да онъ же отобраль отъ Максима Забари 2 р., якіе онъ долженъ платить повсегодно; да отъ другихъ должниковъ—шинкарей—2 р. 90 к., итого у его денегъ 4 р. 90 к., опрочъ взятихъ отъ Іотія. До архиерея Кіевскаго отписалемъ, отвѣтующи на его листъ, чтобъ повелѣль кому доводячіеся отъ мене деньги по лєгацїи Гурки (архіерей) 330 р. отобрать и писмо оное огдалемъ пошу Кролевецкому отцу Алексѣю, поехавшому вчора въ Кіевъ.

М—ць Декаврій. Пятокъ. 1. День быль вѣтряній зъ невеликимъ снѣгомъ, холодного воздуха, сухого, ночь также холодна, вѣтрана, а день и ночь хмарніе. Купили меду пудовъ 7 и фунт. 10, цена пуду по 7 зол., зъ деревомъ заплатили 10 р. 2 к.

Купили впервое жита четверикъ и поль третѣ осмини, цена четверику 2 р. и 60 к., заплатилъ 3 р. 40 к. Вѣжевскій платилъ. Въ пріемѣ денегъ у Вѣжевскаго отъ октовр. 3 р., да сегодня были 40 р. 95 к., да зверхъ тихъ отъ шинкарей 2 р. 90 к., да отъ Максима Забари 2 р., якіе онъ погодно долженъ будучи давать, даль, итого всѣхъ денегъ у его по сейчасъ было 45 р. 85 к.

Субота. 2. Рано на службѣ божой у ст. Михайла били родитель и я, оттолѣ заходили до квартери городовой енералской, где видѣли почі новоманѣрно подѣланніе; оттолѣ повернувшись, обѣдали у себѣ. Приказъ далъ господареви о доправкѣ жита на сабичевцяхъ, ясманцяхъ и веригинцяхъ, или чтобъ отробили намъ. Такъ же о доправцѣ жита зъ другихъ зъ Демяномъ, чтобъ онъ въ Пироговку заездилъ, а другій приказъ Демяну далъ, чтобъ онъ сискалъ все жито и овесъ зъ за Клевенъ, чтобъ доправлялъ зъ господаремъ жито жъ зъ прочіихъ, такъ же чтобъ зъ войтомъ доправлялъ зъ Сварковціовъ. А Тарасу приказалъ сторжитись и нанять склепъ греку, да зъ Вѣжевскимъ покупать жито. Да направить и поддѣлать слунь и шворенъ желѣзний у моей свѣтелцѣ. Зъ заклевенскими людми приказалъ ехать Демяну обявить ихъ поступку винѣшнюю войту Лакису, тоестъ, чтобъ винніи отдавали жито и овесъ, а неимущіи далибы на себе писмо, обѣ отдачи оного у придуchoй осени зъ наросткою. И поехалемъ зъ Глухова въ Тулиг., куда пріехалъ позно, затимъ что дорога худа, за великимъ снѣгомъ и метелицею. А день былъ хмарній, холодній, вѣтряній, метелица ишла до вечора, у вечеру отлигло и въ ночь, а къ свѣту морозъ жестокій. У Тулиг. горѣлки 9 куєль, 10 у носатку, неполно толко, а староста говорилъ, что жита еще овинъ зъ 4 неподоченого есть, которого будетъ четвертей на 26 на горѣлку. Женѣ на куплю жита оставилъ червоннихъ 25.

Неделя. 3. День былъ хмарній и снѣжній, холодній, ночь также хмarna зъ жестокимъ морозомъ, а отъ полночи сталъ снѣгъ ити и зъ великимъ вѣтромъ до свѣта. Миколай Товкаченко зъ Михалченкомъ и зъ Прокопенкомъ отправлени въ Кролевець прускій, коториимъ дано на покупки и дорогу 135 червоннихъ, да 3 р.,

коней троє, сало, мука и крупъ гречанихъ; о 3 р. денегъ и о дачѣ имъ носатки гор. искаль до стар. кристовскаго, а имъ що поѣзжать данъ особливий на писмѣ приказъ, которого кошія зде приложена. Вѣжевскому даль я приказъ о покупцѣ жита и доправкѣ на оное денегъ отъ грека Іотія, отъ Сварковціовъ, отъ шинкарѣй и требовать у панеи. За неделю бить въ Ясманъ и перевѣрить розмѣръ и въ Сварковѣ, отколь розмѣръ—въ Глуховъ перевезти. За соль шудъ по 20 к., если неизѣя дорожше сторговавшиесь, тіе денги употреблять на жито, а продать зъ 400 пуд. Горѣлку на праздникъ въ Сварковѣ раздавать Михайлу при немъ. Фурманъ и пристава въ Царицинъ пропитовать и уговорувать. Склепъ нанять и окутать. Тютюнъ отъ тютюнника отобрать и дать ему 1 р. Камень до млина Сварковскаго сискать зъ пастовника. По обѣдѣ зъ Тулиг. поехавши, прїехалъ на ночь въ Мутинъ и сталъ въ дворѣ гетманскомъ.

Понедел. 4. День былъ хмаренъ и сперва зъ отлигою, а потомъ зъ морозомъ и зъ сильною метелицею до ночи, а зъ ночи до самого свѣта, отчего премного снѣгу прибавилось, что конѣ брили въ снѣгу, якъ ехалъ. Рано поехавши зъ Мутина, а переведши конѣ и санѣ черезъ Сеймъ, который за напавшимъ великимъ снѣгомъ по многой части незамерзлъ, прїехалъ о полднѣ въ Конотопъ и сталъ квартерою у дворѣ Іосифа Валюватого (т. с. Костенецкаго), сотника конотопскаго, где обѣдалъ и за сильною метелицею и почовалъ.

Вовтор. 5. День былъ холодний зъ снѣгомъ и метелицею и вѣтромъ, у вечеру пересталъ снѣгъ и вияснилось. Ночь тиха, безъ вѣтру, свѣтла зъ жесточайшимъ, и почитать въ первое толь силнимъ морозомъ. Рано поехали зъ Конотопа и прїехалъ въ Карабутовъ, отстоящій въ 24-хъ верстахъ, где и обѣдалъ, а квартерою стоялъ у попа Іоанна. По обѣдѣ поехали и прїехалъ въ Хмѣловъ въ 21 верстахъ отстоящое село, где и почовалъ.

Середа. 6. День былъ свѣтлій, тихій съ такимъ жестокимъ, якъ и въ ночь морозомъ, а ночь хмарна зъ великимъ вѣтромъ и зъ стужею зѣльною. Рано зъ Хмѣлова ехали до Ромна 2 часа и прїехалъ гораздъ передъ службою и засталъ матку позавчора прїе-

хавшую зъ Шабалинова, зъ которою и обѣдалъ, а подъ часъ обѣда братъ Марко зъ Лубенъ пріехалъ и прокуликали такъ увесь день.

Четвер. 7. День быль хмарній, вѣтряний велми зъ жестокимъ очинъ морозомъ. Ночь тиха, свѣтла зъ такимъ же жестокимъ морозомъ. Рано зъ Ромна поехalemъ и хочай кружно ехалъ до Андрѣевки, для того что противъ Андрѣевки на гору поднялся, однакъ болше 3-хъ часовъ не ехалъ, а зъ Андрѣевки приехалъ у футоръ свой Артополотскій, где и почевалемъ. Осмотрувалъ дойла, которого есть 6 фасокъ масла, а кадовбъ и 3 дѣжки сира, и масла половина гладуша. Приказалъ я Алексѣеви вислать вишраву въ Глуховъ, а именно: пшона 12 четвериковъ, тютюнъ чили табаку всю, которой зъ тысячу и съ оною тютюнника, такъже дойво, вовну и гусаковъ скилко опатривши, а не живцемъ, да велѣлъ ему зъ Тимошемъ бить въ Ромнѣ и привесть коня, тарадайку, а Тимошъ за то, что оставилъ конѣ и пошелъ въ Роменъ, наказанъ. Получилъ я листъ отъ стар. Переервинского, въ якомъ обявляеть, что возъ, носиланий у Волощину, повернулся зъ соллю, а привезль дробовъ 18, пчоли на зиму оставилъ въ футорѣ 87. Тютюну 1000 папушъ. У футорѣ посѣяли жито, на придуочое лѣто, 15 четвер. роменскихъ.

Пятокъ. 8. День быль свѣтлій тихій зъ жестокою стужею, а съ полдня хмарно стало и маленко будто отдало, у вечеру иней великий. Ночь холодна зъ силнимъ вѣтромъ, хмарно, до свѣта вѣтеръ. У футорѣ моемъ Артополотекомъ о вишеписанномъ вчора приказавши, поехalemъ сегодня, рано и пріехалъ у Токарѣ часовъ у два, скоро едучи, а въ Токаряхъ отдохнувиши, пріехалъ въ Лохвицу и заехавши до тіотки п. Павловой, позабавилъ у неи зъ нею, такъ же сотникомъ лохвицкимъ Степановичемъ, который визиту мнѣ отдалъ, и Яковомъ Литвишкомъ, которій теперъ прійшолъ зъ Астраханѣ и сказывалъ о нашихъ людяхъ, что живи у Бацѣ, а потомъ отехалъ и пріехалъ позно въ Сухоносовку, на ноchlѣгъ.

Субота. 9. День быль свѣтлій, тихій, холодний велми, ночь такова жъ. Обѣдалъ я у Сухоносовцѣ, а по обѣдѣ поехавши пріехалъ до Лазурокъ села, за 3 часа, где и почевалъ. Горѣлки

въ імбарѣ было зъ купленного жита 7 ногатокъ. Пчоли, по сказкѣ пасѣчника, у ішаникъ вставлено 945, а меду дѣжокъ 3 болшихъ, а четвертая меншая, якъбы у 8 вѣдерокъ.

Неделя. 10. День былъ свѣтлій сперва и холоденъ и тихъ, а передъ полднемъ хмаренъ и до вечора однако же холоденъ и зъ вѣтромъ, отъ вечора и въ ночь отпустило, иней великий биль и вѣтеръ показался, къ свѣту тише стало а хмарно. Зъ Лазурокъ ехалъ до Овсюковъ годину 1 и мѣн. 20 милю, а въ Овсюкахъ ставши на квартеръ у попа Стефана и служби Божій вислушавши, отехалъ и ехалъ до Перервинаца по узъ 3 брати долини называючіеся, а ехалъ часовъ 2 безъ четверти, миль зо двѣ, и пріехалъ о полъ днѣ въ Перервинацѣ, где и ночовалъ. Засталъ лежачаго старосту отъ побиття Семеномъ Василенкомъ учиненнаго батожемъ, отъ котораго бѣжуучи онъ домой ногу свою отморозилъ. Сѣна на стакъ и стадо и овцы издержали зде 12 скиртъ.

Понедел. 11. День былъ хмаренъ, однако же холоденъ, только зъ великимъ инеемъ, отъ чего снѣгъ пошкорупъль. Ночь такъже хмарна зъ инеемъ же и вѣтряна. Сегодня въ Перервинацахъ вылучили стрижаковъ, стрижокъ и лошать всѣхъ сеголѣтнихъ, якихъ всѣхъ числомъ 90, вилучивши опредѣлили онихъ держать въ повѣтѣ, въ дворѣ и придали до нихъ особливого человѣка, а ему за тое до воскресенія, що будеть смотрѣть, плати рубль 1. Да вилучили теперь зъ стада четвертаковъ, да третяковъ 15 коней, чтобы ихъ отогнать въ футоръ Гамалѣевскій и тамъ ихъ кормить, а прежними двома рази взяли тожъ въ ежджаліе коней 5, итого всѣхъ 20 вилучанихъ отъ стада, а по ищисленію прежнемъ доводится при стадѣ бить ишаковъ 3. Да опредѣлили же взять отсель шестерню воронихъ молодшихъ и каштановатого лисого, а оставить только тутъ дрикантовъ старихъ 7, да молодій, которій недавно визалозовавъ 1, да сивого верхового, всѣхъ 9. Да усмотрѣно старостино нераденіе въ исполненіи данного ему приказу, а именно, что станѣ не поширшаль, коней доселѣ овсомъ не кормилъ, загороди зъ повѣтту для стаднини не здѣжалъ. Дякъ Перервинскій виписалъ зъ реестровъ старостинихъ вѣдомость о сѣнѣ 1732 году до пора-

хунку пѣщанского. Староста роздаль на коповое сѣно панскихъ 20 р., а шинкарскихъ 4 р. А по порахунку Клима Пѣщанского, тотъ же староста роздаль шинкарскихъ 4 р. 50 к., да при порахунку тамъ отобралъ староста у Клима 10 р. и онѣ роздаль, итого всѣхъ денегъ стар. роздаль на сѣно коповое 38 р. и 50 к., а уrobилъ 38 скиртъ. А поденщиками косячи витратилъ денегъ 20 р. 67 к., а уrobилъ 13 скиртъ. Третячку дали цигану за 1 р. до Успенія, а ступака подарилъ молодикамъ, якого они продали за 3 р.

Вовтор. 12. День былъ хмарний, холодний велми и почасти вѣтраний, ночь такъже холодна, къ свѣту ясна и погодна. Висшеписанное въ Перервинацахъ устроивши и цуговихъ коней старихъ 5, да шестого тарана, да лошаковъ неезджалихъ 15, да одного коштаповатого лисого, всѣхъ зъ ежджалими и неежджалими 22, погнали зъ Перервинацъ къ футору Артополотскому, а потомъ самъ я приказавши старостѣ о нижеписанномъ: 1) Чтобъ дрикгантовъ и верхового сивого овсомъ невѣяннимъ, для неимѣнія сѣчки кориить, а досматривать Лисому онихъ; 2) да лошать зъ стрижчатами 90 смотрѣть другому до воскресенія паробкови, за что ему рубль; 3) Взамѣну до часу поколь иная стѣнка сищется, велѣль дать за Чичканеву тую, что отъ попа досталося Чичканю, а тамъ бы гребелку засицать на ставъ и для футора; 4) да что Василь Крутенъ у онаго Чичканя отнялъ стѣночку, велѣль оному Чичканеви искасть; 5) шинкару за.... Глуховскую куфу, еще шинкуючуюся, гроши велѣль собирать и у дворъ давать на расходъ и впредъ не на що не давать, опрочь на косовицу впредъ, 6) да Крутневи приказалъ повседневно бывать у дворѣ и осмотрувать стада и лошать, и буде что усмотрить худо, о томъ старостѣ обявлять и старостѣ дѣлать исправленіе совѣтно съ нимъ. Приказавши о висшеписанномъ, поехалъ я съ Перервинацъ и переехавши Овсюки, обѣдалъ у Лазуркахъ, а зъ Лазурокъ пріехалъ до Сухоносовки, уже по заходѣ слонца, и припозно для того, что у лугъ били заблудили. У Сухоносовцѣ засталъ Клима, повернувшагося зъ Кривой Руды, который обявилъ о своемъ дѣлѣ, что по суду полковомъ велено сотникови Кодинцеви снести загороду, а на лукахъ тихъ, которими я до 1729-го году

владѣль, статку ему своего не держать, о чомъ и декретъ составленный видѣль.

Середа. 13. День былъ вѣтряный зъ метелицею и хмарній, а потомъ ясний, холодпий, ночь почести свѣтла и почести хмарна, только жъ холодна и къ свѣту ясна и зъ морозомъ. Сей день пробавиль я у Сухоносовцѣ, кудѣ пріехалъ ко мнѣ писарь полковой Савѣцкій, зъ которимъ обѣдали и просидѣли, а по отездѣ его и я виехалъ зъ Сухоносовки и пріехалъ у Лохвицю позно уже и ночовалъ у панеи Павловой. У Сухоносовцѣ горѣлки зъ жита Клим. куплѣ 12 носатокъ. Зъ писаремъ постановили такъ, чтобы Климъ ехалъ на Кривую Руду и тамъ декретъ обявивши и листъ сотникови вручивши о исполненіи декрету, устроилъ тамъ дворника доброго и справного, а писарь имѣлъ написать унѣверсалъ отъ пана полковника о послушенствѣ онихъ слобожанъ и тотъ унѣверсалъ послать въ Глуховъ до подпису. Висилать въ Кіевѣ зъ дуйвомъ, якого всего, яко вижу, будеть фасокъ 13 кривор. а перер. 2 и гладушъ, да сира 8 куфъ и 4 дѣжки. Да вовни старой рунѣ зъ 400. Такъ же приказалъ висилать въ Глуховѣ вовну порер. и Криворуд. ярачую, хмѣль, тютюнъ и проч. У Лохвицѣ увидѣль я Григория Тура, который сказывалъ, что Архипъ зъ товарищи живи и прошлой зими у Гилянѣ зпродали гор. 30 куфъ и табаку щось, а обѣ Вознесеніи пріехали моремъ у Баку, где Архипъ единъ остался зъ половиною вина, а зъ другою половину тіє два у Дербенѣ поехали для продажи. У Бацѣ вѣдро полтора рубля, а у Дербенѣ по 2 р., ручка тютюну по 6 а. и по 20 к.

Четвер. 14. День былъ холодний, назбыть ясенъ зъ вѣтромъ жестокимъ. Ночь такъже ясна, вѣтрана, а найпаче къ свѣту и холодна. Сегодня въ Лохвицѣ написалъ я писмо до Клима о виправѣ въ Кіевѣ и приложилъ подорожний листъ, а оное писмо въ ратушѣ переслалъ для отсылки въ Сухоносовку, а самъ поехавши, обѣдалъ у Перекопувцѣ, а ночовалъ у Ромнѣ, где братовъ обоихъ Семена и Марка зъ женою, да особливе рѣдителку засталъ.

Пятокъ. 15. День былъ сперва свѣтель, вѣтрянъ велми, холodenъ, а къ вечеру тихъ и свѣтель. Ночь свѣтла, тиха, холод-

на, жестокимъ морозомъ, а къ свѣту вѣтеръ великий. Писаль я до Клима и въ дополненіе къ прежнему приказу, где 16 пунктовъ имѣется приложиль слѣдующие: 17) тютюнъ въ Глуховъ зъ вправою висилать, а тютюнику отъ тягостей уволнить, да другого тютюнику въ Криски винайти прислать; 18) Осикъ купить и роздать людямъ, а съ нихъ уробить 200 улей; 19) меду середнаго дѣжку зъ 4-хъ сухоносовскихъ прислать у футоръ для пчоли; 20) сироту хлоцца прислать зъ вправою въ Глуховъ; 21) Кабани цобить, сала подѣлатъ и ветшину, а укинуть зъ 15 хочай прикупивши; 22) у футоръ Артопол. зраховать Павла дворника зъ аппробаціею, а особливѣ о шкурахъ. Шинкарка Калиновская была, которой куфу по ея требованію, уступили гор. на вишнѣ за 10 р. Поехалъ я зъ Ромна до Хмѣлова и ехалъ зъ полъ 3 часа верстъ 19, а отъ Хмѣлова до Карабутова верстъ 22, такъже зъ полъ 3 часа, где и почовалъ у попа Іоанна, зъ братомъ его попомъ засулскимъ Евстаѳіемъ.

Субота. 16. День былъ хмарний, холодний велми такъже вѣтряний и около полдня зъ метелицею, а къ вечеру вияснился и вѣтеръ утихъ, такъже и черезъ ночь, tolко жъ зъ жестокимъ морозомъ. Рано зъ Карабутова поехавши, пріехалъ въ Конотопъ до дому сотничого, где квартировалъ и обѣдалъ, ехалъ часовъ 2. А по обѣдѣ поехавши, пріехалъ въ Мутинъ по заходѣ слонца, а ехалъ часовъ 2 и полъ і тамже почовалъ. У Конотопъ явился сынъ сотника Соеницкого Омеляновича, повернувшійся зъ Баки и сказалъ; 1) что Архипъ продалъ зъ куеъ у Гиляни гор. и табаку щось; 2) зъ остаткомъ пріехалъ у Баку, где оставилъ при себѣ куеъ зъ 7 простой, а оковитой зъ 2, осталную всю виправилъ при Трохиму и Андрѣю у Дербенъ, где государевого вина не стало и збулавъ по 2 р. вѣдро, а фунтъ тютюну по 2 гривни и что колдру за 12 р. купилъ.

Неделя. 17. День былъ хмарній зъ силнимъ вѣтромъ и морозомъ, ночь такъже хмарна и холодна презѣлно. Рано передъ свѣтомъ виехалъ зъ Мутина, а ехалъ до Ярославца часовъ 2 зъ четвертью, а зъ Ярославца зъ полтретя часа и пріехалъ въ Глуховъ передъ

службою, а службы Божије слухаљ у црквѣ ст. Николая, по службѣ у ясногородскаго гетмана обѣдали и подпіяхомъ жестоко, для тезоименитства его.

Понедел. 18. День быль такъ же хмарній, холодний безмѣрно и вѣтрянъ, къ вечору виляснилось, ночь свѣтла, тиха, холода безмѣрножъ. У гетмана праздновали день рожденія государинѣ цесаревны Елизаветы Петровны, а у мене гостили Бурковскій. У вечера ездилъ я до и. Петра Апостола, пол. Луб., на Бѣлоноловку, где довольно посидѣвши, повернулся домой. Зъ футора Артополотскаго Гамал. пріїшла виправа и привезено сира кадовбъ и дѣжошъ 3, масла фасокъ 6, вовни старой чорной рунъ 40, бѣлой старой вовни рунъ 63, ярочай бѣлой рунецъ 56, тютюну папушъ 1189, шкона у 5 мѣхахъ нутив. 29, что Вѣжевскій у Сварковѣ и зложилъ, а тутъ оставили вощина мѣхъ, гусей 9 и индикъ 1.

Вовтор. 19. День быль зъ силнимъ и густимъ и несмѣ для безмѣрной и впервоє толь великой стужи. Ночь хмарна почести, а вѣтряна велми вѣтромъ полуденнимъ, только жъ холоднимъ. Писалъ я писмо до и. Ханенка въ С. П. Бурхъ, черезъ Александра Арсенієва, которій сегодня поехалъ, а писалъ, благодаря его за писмо же. На службѣ божије быль у црквѣ ст. Іліи, обѣдалисмо въ дому зъ род., зъ хати той, где родитель и где братъ загорѣлась била за пѣчю стѣна, которую заледво погасили все пороскидавши. Пива зваренніе у Ямполѣ привезеши Василемъ Великимъ зъ 6 четвертей ячменю, да одной четверти жита, да 2-хъ четверичковъ проса, бочокъ не много болше 4-хъ, да цятая квасу.

Середа. 20. День быль хмарній зъ отлигою знатою, тихій и ночь такова жъ. Полковникъ Миргородскій Павелъ Апостоль зъ братовою своею, полковницею Лубенскою, поехали сегодня зъ Глухова въ Смоленскъ для винайденія ему невѣсти. Купилъ я у грека Петрака Нѣжинскаго дуклѣ локот. 11, по 30 к. локоть, плев (?) плотной дуклѣ локоть 8 и пол. 60 к., полуштофу зеленого 13 локоть, по 55 к., оксамиту венецкаго поль локтя за 7 зол., стіонжокъ локоть 30 по 2, за все заплатиль 17 р. 90 к. Да онъ же зъ Юріемъ росквѣтались со мною за сей годъ, а на пріїплій

дали вновь облѣкъ, а срокъ тотъ же декавр. 1-го дня и Юрій отъ себѣ далъ 17 червон. и 5 р. зъ полтиною всѣхъ на рубль 43 р.

Четверг. 21. День былъ хмарній такъ же отлигою и ночь такова жъ, зъ неболішимъ вѣтромъ. Степанъ Костенецкій, которому я въ Сданскѣ давалъ сребра францѣберу самаго полфунта, да 5 червоннихъ, повернувшись былъ у мене и привезлъ чарокъ горѣлчанихъ 12, 6 зъ моего сребра, а 6 зъ дланскаго, въ которыхъ ваги лотовъ 35 и полъ, да млинокъ на кагве, тамъ купленний за 5 зол. тамошней монети. Черезъ подводи калиновскіе посланы 2 куен гор. зъ Тулиголовъ у полъ 9 носатки обѣ, а порозни въ одной нос. полпяти безъ четверти, а въ другой нос. по 5 и третья доля четверти, итого нос. 9 безъ 20 квартъ; о чомъ я и до брата Марка писалъ, чтобъ оную принялъ и держалъ цѣло. Березнячій пріехалъ зъ Крисіокъ зъ 7 подводами, на которіи жита отпустили въ слѣдующій пятокъ. Онъ же привезлъ писмо отъ шваля п. Якова о денгахъ 36 р., за мой тютюнъ доводячихся, что онъ искать будетъ оніє вишукать у Рожовця, стар. бывшаго своего любецкого, а теперъ терця и привезъ въ Глуховъ.

Пятокъ. 22. День былъ хмарній зъ отлигою жъ, подобній прежнімъ и еще мокрѣйшій, для того, что и дощъ, хочай невеликій, только жъ густій ишоль и пересталъ скоро, а вѣтеръ былъ до вечора и черезъ ночь. Вѣжевскому на куплю жита до данихъ 2-го декавр. 25 червоннихъ придалъ теперъ еще 10 червоннихъ, итого 35 червонихъ далъ на жито, якое теперъ онимъ и Таракомъ покупалось. Старостѣ тулиг., которій сюда пріехавъ и привезлъ кабановъ 4, далемъ на расходъ 6 р. и съ нимъ жита отпустили четвертей 4. Зъ Березнячимъ отпустили жита въ Криски разного збору, что въ другомъ імбарѣ, 14 четвертей.

Субота. 23. День былъ хмарній, вѣтряній и дощеватъ зъ густимъ дощемъ, ночь такъ же хмарна и велми вѣтряна, воздуха раствореннаго мокротою. Причащались родитель и я Ст. Тайнамъ у церкви енералской и обѣдали въ дому, никуда неездили.

Неделя. 24. День былъ хмарній, вѣтряній зъ густимъ спѣгомъ пластаватимъ и зъ дощемъ, которій къ вечору пересталъ, а вѣтеръ

сильний зъ полночи показался, а въ ночь утихъ и сталъ къ понеделку силний въ ночь морозъ и ночь свѣтла тиха и ясна. Били у енерала род. и я и кушали и подпіахомъ для пріехавшого къ нему гостя Алексѣя Івановича Панѣна генерала маюра, который къ нему въ гостѣ пріехалъ съ Москви.

Рождество Х—во Понедел. 25. День былъ тихій, свѣтлій, но зъ жестокимъ морозомъ, ночь хмарна, но зъ такимъ же морозомъ, тиха. Били у генерала и у гетмана съ поздравленіемъ и род. обѣдалъ у гетманского столу, а я у себѣ, для болезни женѣ приключившоїся уилавовъ, а у вечера ездилъ до и. Михайла, у которого просидѣлъ и вечераль у столу гетманского. Гаврило слуга брата и. Михайла пріехалъ съ Москви.

Вовтор. 26. День былъ зъ отлигою и зъ снѣгомъ и метелицею, ночь такъже зъ вѣтромъ и зъ отлигою мокрою. Обѣдалисмо обое зъ женою у столу гетманского, а по обѣдѣ ездилемъ зъ и. Петромъ, и. Михайломъ до енерала, где игралисмо у кадрилью зъ моимъ все проиграшомъ.

Середа. 27. День былъ зъ знатнѣйшою отлигою мокрою, что уже гораздъ снѣгъ сталъ таяти и капать зъ стрѣхъ и зъ вѣтромъ влажнимъ. Ночь такова жъ якъ и день. У службѣ билъ въ церквѣ ст. Николая и обѣдалъ у столу гетманского, а по обѣлѣ и. Петро и и. Михайло били у мене и забавляючись просидѣли и розехались. У церквѣ ст. Николая по криласамъ пѣвчіе многіе отъ архиерея Кіевскаго и другихъ присланніе къ гетману по его требованію для двора государинѣ, израдно пѣли.

Четвер. 28. День былъ зъ малымъ морозомъ, хмарній однакъ и почасти тихъ, таковажъ и ночь. Былъ я рано у церквѣ ст. Николая на службѣ, а обѣдали у полковника Радищева, для того что его новорожденная дочь сегодня крещена била, которой восиріемничами были енераль и гетманова и потому банкетъ опъ у себѣ имѣль и подпіахомъ. Племянница жени моей сестрична Журавковна умре.

Пятокъ. 29. День былъ подобній вчорайшому, только зъ большимъ вѣтромъ, такова жъ и ночь. Сегодня никуда неездилъ для приключившося мнѣ катари въ персахъ; обѣдалисмо зъ родите-

лемъ, а жена у столу гетманского. Получилемъ писмо зъ Баки отъ Архипа писанное, въ которомъ обявляетъ, что осталось гор. еще простой 19 куеъ, а двойной 8 куеъ. Гаврило слуга брата п. Михайла за данніе ему 93 червонныхъ привезль зъ Москви карету зъ станками обома купленную за 47 р. зъ полтиною, а ставшую въ 56 р., да шоръ цукъ въ 16 р., за часи направление и за стекла 2 р., за табакъ картузній фунт. 2 1 р. 40 к., за вимитте двохъ штановъ, фуфайки 1 р., а 13 р. и 58 к. отдалъ.

Субота. 30. День билъ подобній прежнимъ хмаренъ, мокрить и вѣтринъ почасти, ночь такова жъ, безъ вѣтра толко. За шевця Леска тому, что оного сискалъ въ доплатку прежнихъ денегъ далемъ отъ себе черезъ Вежевскаго 1 р. Обѣдалисмо въ дому зъ родителемъ, а жена передъ обѣдомъ поехала въ Новгородокъ для погребенія преставлшоїся своей племянницы сестричной Журавковни, а у вечера ездиль я до п. Михайла, оттолъ до п. полковника лубенскаго, у которого довольно посидѣвшіи повернуль я домой. Хощихъ прежде сварковской, а теперь глуховской жителцъ за грунтъ сварковскій у Конона купленный заплатиль 2 р., для того что ей долженъ билъ Кононъ давать зъ грунту того погодно четвертую долю для препитанія ея.

Неделя. 31. День былъ подобній прежнимъ, хмаренъ, вѣтренъ мокрить, ночь такова жъ была, якъ и день. Рано былисмо зъ родителемъ у генерала, которого невидѣли за приключившося генералшъ самой болѣзнею, и оттолъ были на службѣ у ст. Анастасіи, а я обѣдалъ въ дому, род. у гетманского столу. У вечера прѣехала матка зъ братомъ Лукою у Глуховъ.

1733 годъ. Януаръ м-цъ.

Понедел. 1. День былъ подобній прежнимъ, зъ большимъ тепломъ, хмарний, вѣтрений и дощеватъ, около и по полднѣ вияснился, только жъ безъ морозу, ночь вѣтряна вѣтромъ силнимъ, безъ морозу, хмарна. Вѣжевскому на куплю жита далемъ 13 чер. и 9 р. Былъ вѣтъ род. ради генерала зъ поздравленіемъ, а потомъ у гет-

О Т Ъ Р ЕДАКЦИИ.

Въ „Кievской Старинѣ“ печатаются: самостоятельные изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристиекъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтоекъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служить проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Бібліографическая свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаются критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждѣй, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежать, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.